

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07433019 6

(Koshel e
Kolyupan
*Google B

БІОГРАФІЯ
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА.

ТОМЪ I.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА.

КНИГА I.

Родъ Кошелевыхъ.—Очеркъ движенія образованія и преимущественно журналистики съ XVIII столѣтія.—Культурное значеніе Москвы.

Изданіе **О. Ѳ. Кошелевой.**

МОСКВА.

Типо-литографія И. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

1889.

1. Koshelen
2. Kolyupanov, - et al. (?)

БІОГРАФІЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА.

Томъ I.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА.

КНИГА I.

Родъ Кошелевыхъ.—Очеркъ движенія образованія и преимущественно журналистики съ XVIII столѣтія.—Культурное значеніе Москвы.

Изданіе О. Ѳ. Кошелевой.

МОСКВА.

Типо-литографія И. Н. Кушнерова и К^о., Пименовская ул., д. Кушнеровой.
1889.

TO NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
192181A
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1928 L

TO NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1928 L

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Родъ Кошелевнхъ	1— 5
Рожденіе Александра Ивановича Кошелева и его родители	5— 9
Характеристика древне-русскаго общества и вліяніе на него литературы XVIII вѣка	9— 15
Общественно-государственное значеніе Москвы	15— 20
Основаніе Московскаго университета	20— 21
Университетскій благородный пансіонъ	21— 23
Новиковъ	23— 25
Первоначальные журналы: „Вѣдомости“, „Ежемѣсячныя сочиненія“, „Празд- ное Время“, „Трудолюбивая Пчела“, „Московскія Вѣдомости“, „Полез- ное Увеселеніе“, „Собраніе Сочиненій“, „Свободные Часы“, „Невинное Упражненіе“	25— 29
Появленіе сатирическихъ журналовъ	29— 33
Журналъ Новикова „Утренній Свѣтъ“	33— 34
Шварцъ и его значеніе въ университетѣ и литературѣ	34— 41
Просвѣдительная и издательская дѣятельность Новикова и Шварца	41— 51
Журналы при Московскомъ университетѣ:	
„Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій“	51— 58
„Приятное и полезное препровожденіе времени“	58— 69
„Ипнокрена“	69— 73
„Новости русской литературы“	73— 78
„Минерва“	78— 79
„Политическій Журналъ“	79— 81
„Сатирическій Вѣстникъ“	81— 88
Періодическія изданія воспитанниковъ благороднаго пансіона	88— 94
Появленіе Карамзина и его Московскій журналъ	94— 101
Другія изданія Карамзина	101— 102
Значеніе Карамзина въ литературѣ и журналистикѣ	102— 109
„Вечера“	109— 112
„С.-Петербургскій Вѣстникъ“	109— 116
„Современникъ любителей русскаго слова“	116— 119
„Растущій Виноградъ“	119— 120
Журналы Крылова: „Зритель и Меркурій“	120— 126
„Муза“	126— 127
„С.-Петербургскій Журналъ“	127— 132
Характеръ реформъ начала царствованія Александра I	132— 135
Почетительство Муравьева въ Московскомъ университетѣ и вызовъ про- фессоровъ	135— 148
Вольное собраніе любителей русскаго слова	148— 152
Ученое общество при университетѣ	152— 152
Значеніе общества въ умственной жизни	152— 155
Литературныя общества въ Петербургѣ	155— 156
Общество любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ	156— 158
Литературное общество въ Казани	158— 159

Публичные курсы въ Московскомъ университетѣ	159—160
Мистическое направление Новиковскаго кружка	161—167
Лабинъ и его „Сіонскій Вѣстникъ“	167—180
Сперанскій, какъ мистикъ	180—183
Невзоровъ и его „Другъ Юношества“	183—195
„Вѣстникъ Европы“	195—226
Шишковъ и споръ о старомъ и новомъ слоgѣ	226—235
Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ	235—244
Московский Меркурій	244—248
С. Н. Глинка и его „Русскій Вѣстникъ“	248—257
Кн. Шаликовъ и его журналъ	258—264
„Другъ Просвѣщенія“	264—268
„Патріотъ“	268—274
„Журналъ для малыхъ“	274—276
Издавія общества любителей словесности, наукъ и художествъ	276—280
„Сѣверный Вѣстникъ“ и „Лицей“ Мартинова	280—293
„Журналъ российской словесности“	293—297
„Цвѣтникъ“ и „Петербургскій Вѣстникъ“	297—308
Гречъ и его „Смыслъ Отечества“	308—313
Общій выводъ о состояніи журналистики	313—315
Значеніе и исторія возникновенія у насъ театральныхъ зрѣлищъ до 1812 г.	315—377
Культурное значеніе до-пожарной Москвы	377—378
Вліяніе на общество эпохи двѣнадцатаго года	378—384
Позднѣйшее масонство при Александрѣ I	384—386
Возобновленіе мистацизма	386—394
Русское библейское общество	394—398
Ланкастерскія школы	398—402
Стремленіе къ изученію философіи и отношеніе къ тому правительства	402—410
Философія въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ	410—436
Философія въ журналистикѣ и литературѣ	436—440
Распространеніе германской умозрительной философіи въ университетахъ и гимназіяхъ; Велланскій, Галичъ и Давидовъ	440—463
Вліяніе Московскаго университета 1812—1825 г.: Мерзляковъ, Каченовскій и Павловъ	463—480
Очеркъ исторіи театра съ 1812 по 1825 годъ	480—494
Борьба журналистики съ цензурою	494—497
„Духъ Журналовъ“	497—505
„Вѣстникъ Европы“ съ 1812—1830 годъ	505—516
Значеніе Греча и его „Смысла Отечества“	516—528
Общество любителей словесности, наукъ и художествъ и журналъ Е. Ивмайллова „Благонамѣренный“	528—540
Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія и его труды (Соревнователь)	540—543
„Невскій Зритель“	543—543
„Отечественныя Записки“ П. П. Свиньина	548—556
„Сѣверный Архивъ“ и „Литературныя Листы“ Булгарина	557—564
„Журналъ изящныхъ искусствъ“ Вл. Григоровича	564—567
Журнальная дѣятельность Воейкова	567—569
„Дамскій Журналъ“, Кн. Шаликова	569—573
„Русскій Зритель“, Калайдовича	573—575
Общее заключеніе	575—581

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Александръ Ивановичъ Кошелевъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ нашихъ дѣятелей, которые до конца жизни сохранили свою независимость и принимали горячее участіе во всѣхъ вопросахъ и задачахъ, волновавшихъ общество, принося на служеніе ему и личный свой трудъ, и матеріальныя средства. Тотчасъ послѣ его кончины печать всѣхъ направленій и оттѣнковъ отдала ему должную справедливость и указала его значеніе въ исторіи своего времени (См. Приложение I.).

Поэтому біографія Александра Ивановича представляетъ общественный интересъ, наравнѣ съ біографіями всѣхъ замѣчательныхъ людей,—до послѣдняго времени стоявшихъ во главѣ общественнаго движенія и такъ недавно сошедшихъ въ могилу.

Супруга покойнаго, Ольга Федоровна Кошелева, передала мнѣ всѣ бумаги и обширную переписку своего мужа, и я рѣшился, изъ уваженія къ памяти покойнаго, заняться, насколько съумѣю, составленіемъ его біографіи.

Біографія всякаго сколько-нибудь замѣчательнаго человека есть исторія его времени. Насколько онъ являлся произведеніемъ теченій господствовавшихъ въ обществѣ данной эпохи, настолько же самъ онъ служилъ ихъ представителемъ; поэтому поверхностное знакомство съ окружающей средой, гдѣ пришлось дѣйствовать Александру Ивановичу, было бы недостаткомъ для читателя и непростительною ошибкою для автора. Александръ Ивановичъ началъ жить въ одну изъ самыхъ интересныхъ и бурныхъ эпохъ ближайшаго прошлаго; онъ ставивался со всѣми замѣчательными людьми своего времени. Именно поэтому біографія его представляетъ серьезный интересъ. Общественная дѣятельность Александра

Ивановича конечно не была настолько крупною и видною, чтобы избрать именно его центромъ для исторіи своего времени. Но у насъ, гдѣ дѣятельность человѣка далеко зависитъ не отъ него самого и гдѣ часто энергія можетъ проявляться, только намѣренно скрывается въ тѣни, скромная и невидная дѣятельность, въ стѣсненной обстоятельствами сферѣ, имѣетъ болѣе культурное значеніе, нежели блестящія и преждевременныя попытки. Къ числу такихъ людей относился Александръ Ивановичъ, такъ что для правильной его оцѣнки ближайшее знакомство съ средой, гдѣ приходилось ему дѣйствовать, становится существенно необходимымъ.

При этомъ я считаю нужнымъ оговориться о самой формѣ моего изложенія. Приступая къ нему, я былъ очень поверхностно знакомъ съ исторіей русской литературы и въ особенности журналистики, гдѣ Александръ Ивановичъ занимаетъ видное мѣсто. Перечитавши по возможности все, что было написано по этому предмету, я пришелъ къ убѣжденію въ необходимости изучить старую журналистику по источникамъ. Лучшіе труды по исторіи русской литературы и журналистики, несмотря на свои достоинства, страдают нѣкоторою односторонностью. Всѣ они представляютъ рядъ выдающихся именъ и опредѣляютъ ихъ значеніе въ исторіи русской мысли и общественнаго развитія, но за то все остальное они смѣшиваютъ въ какой-то безцвѣтный, не заслуживающій вниманія фонъ, гдѣ отложилось одно невѣжество, равнодушіе и ненависть къ прогрессу. Такимъ образомъ эти выдающіяся имена являются какъ бы случайными, появившимися внѣ условій окружающей жизни, оторванными отъ почвы; несомнѣнный внутренній ростъ имѣвшей вліяніе въ свое время, но теперь забытой литературы и самаго общества, мѣнявшаго свое направленіе и свои задачи, достаточно не выяснены. Между тѣмъ каждый изъ выдающихся нашихъ дѣятелей долго подготовлялся цѣлымъ рядомъ предшественниковъ и только благодаря таланту болѣе рельефно и блестяще выразилъ то, что еще до него медленно и ощупью назрѣло въ общественномъ и литературномъ сознаніи. А. Н. Пыпинъ совершенно справедливо говоритъ: „Мы обыкновенно забываемъ, гдѣ былъ корень нашихъ собственныхъ идеаловъ и стремленій, но вернувшись къ исторіи, мы нерѣдко найдемъ начатки ихъ еще въ давнемъ прошедшемъ, между прочимъ, въ александровской эпохѣ, которая въ свою очередь была подготовлена концемъ прошлаго вѣка“ (В. Евр. 1887 г., XII, 672). Это

преимущество идей и направлений мнѣ хотѣлось подтвердить, по крайней мѣрѣ, въ области журналистики тѣмъ подробнымъ и скучнымъ перечнемъ такихъ забытыхъ именъ, которые читатели встрѣтятъ въ первой книжкѣ моего труда, составляющаго лишь введение къ начатой мною биографіи. Я самъ сознаю, что это совершенно сырой матеріалъ, который легко можно было значительно сократить, представивши его въ сжатой и рельефной картинѣ, но эта дальнѣйшая переработка лежала внѣ прямой моей задачи, для нея я не имѣлъ времени и предоставляю ее автору болѣе талантливому, который захочетъ разобраться въ собранномъ мною матеріалѣ. Самый же матеріалъ я считалъ не настолько ненужнымъ, чтобы совсѣмъ выбросить его изъ печати. Само собою разумѣется, что въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ не придется прибѣгать къ такимъ постороннимъ для предмета отступленіямъ. При этомъ считаю долгомъ просить читателей обратить вниманіе на помѣщенные въ концѣ сочиненія „поправки и дополненія“, гдѣ исправлены многія важныя ошибки, вкраиваясь въ самый текстъ.

Н. Колупановъ.

Молодые годы А. И. Кошелева.

(1805—1830 гг.).

Родъ Кошелевыхъ подраздѣляется на два рода различнаго происхожденія и, кромѣ того, существуютъ еще четыре вѣтви, которыхъ связь съ главными родами не опредѣлена ¹⁾).

Первый родъ составляетъ потомство Аршера Кошелева, который, по преданію, выѣхалъ изъ Литвы въ Россію при великомъ князѣ Васильѣ Іоанновичѣ и получилъ помѣстья въ Рязани, Козельскѣ и Бѣлевѣ. Достоверная генеалогія этого рода начинается съ начала XVII столѣтія, отъ Ивана Семеновича Кошелева, которому пожалована была вотчина дяди его, убитаго въ Козельскѣ. Послѣдній былъ козельскимъ городовымъ дворяниномъ, подписался выборнымъ на соборѣ 3 января 1642 г., служилъ воеводою въ Болховѣ и пожалованъ въ московскіе дворяне (1652 г.). Дѣти и внуки Ивана Семеновича всѣ занимали видныя мѣста въ служиломъ сословіи. Такъ, сынъ его Дмитрій служилъ у стола Государева при приѣмѣ грузинскаго царя (6 іюня 1658 г.), былъ переписчикомъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель Казанскаго уѣзда (1678), ѣздилъ за царицею (1688), былъ межевщикомъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель (1692) г.). Другой его сынъ, Василій, былъ воеводою въ Красной слободѣ (1668), въ Турецкой волости (1667) и Козельскѣ (1676), головою въ Чигиринскомъ походѣ (1678—1679), былъ раненъ, пожалованъ въ стражчіе (1679 г.), былъ въ начальныхъ людяхъ (1686), обозный голова въ Крымскомъ походѣ (1688), стольникъ (1692) и стрѣлецкій полковникъ (1699—1704). Внуки Ивана Семеновича носили званіе стольниковъ; одинъ изъ нихъ былъ стрѣлецкимъ полковникомъ (1684—1692), а другой сражался подъ Азовомъ, Нарвою и Полтавою и, кромѣ другихъ службъ, былъ главнымъ комиссаромъ генеральной пограничной комиссіи

по польской границѣ (1737), наконецъ вышелъ въ отставку изъ должности коменданта въ Перволочахъ, съ чиномъ генераль-маіора (1754). Дальнѣйшее потомство уже не пользуется такимъ виднымъ служебнымъ положеніемъ,—родъ захудалъ; но изъ правнуковъ родоначальника Ивана Семсевича двое были предводителями дворянства, одинъ—въ Боровскѣ (1777), а другой—въ Дмитровѣ (1789). Перейдя въ девятнадцатое столѣтіе уже низшими чинами—прапорщика и подпоручика, немногіе Кошелевы поднимаются выше и только двое были: Иванъ Ивановичъ—оберъ-бригсъ-коммиссаромъ († 1823), а братъ его Александръ Ивановичъ умеръ бездѣтнымъ генераль-маіоромъ († 1823). Къ этому роду Александръ Ивановичъ не принадлежалъ.

Другой родъ происходитъ отъ Василя Кошелева, жившаго въ концѣ XV столѣтія. Изъ его ближайшихъ потомковъ извѣстны: Александръ, прозваніемъ Кошель, и Иванъ, носившій уже фамилію Кошелева. Первымъ извѣстнымъ лицомъ въ этомъ роду сдѣлался Иродіонъ Михайловичъ, генераль-маіоръ (1628), генераль-поручикъ, шталмейстеръ (1733—1738), кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, умершій 1760 г. Онъ былъ женатъ два раза и вторая его жена была Маргарита Ивановна Глюкъ, дочь пастора, у котораго жила Императрица Еватерина I, чему, по всей вѣроятности, онъ и былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. У Иродіона Михайловича было трое сыновей:

1) Старшій, Александръ Иродіоновичъ, женившійся на А. Е. Еремѣевой. У него былъ сынъ Иродіонъ Александровичъ, ротмистръ лейбъ-гвардіи коннаго полка (1787), дѣйствительный камергеръ, предсѣдатель комиссіи прошеній, членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный статскій совѣтникъ и оберъ-гофмейстеръ (1811), умершій въ 1827 г. Жена его была урожденная В. И. Плещеева († 1809); дѣтей у нихъ не было. Иродіонъ Александровичъ приходился роднымъ дядею Александру Ивановичу. Такъ какъ онъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на судьбу послѣдняго въ его молодости, то въ свое время мы къ нему вернемся. Другой сынъ Александра Иродіоновича, Андрей Александровичъ, майоръ, имѣлъ только двухъ дочерей: Дарью Александровну, вышедшую замужъ за дѣйствительнаго тайнаго совѣтника П. Ст. Валуева († 1836 г.), и Маргариту Александровну, замужемъ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Ан. Андр. Волковымъ († 1806).

2) Иванъ Родіоновичъ—тайный совѣтникъ, женатый на Настасѣ Васильевнѣ Арсеньевой. Онъ имѣлъ одного сына, полковн. Петра Ивановича, умершаго бездѣтнымъ, и четырехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Марія, была замужемъ за генер.-маіоромъ Николаемъ Петровичемъ Высоцкимъ, племянникомъ князя Потемкина; другая (Елена) была за кн. Горчаковымъ, третья (Анна) за Ал. Мих. Кавелинымъ.

3) Младшій сынъ, Иродіонъ Иродіоновичъ, статск. совѣтникъ, воронежскій вице-губернаторъ (1759), умеръ 1786 г. и женатъ былъ на Matr. Прок. Пушниковой. У Иродіона Иродіоновича было шесть сыновей: а) старшій—Иванъ Иродіоновичъ (1753—1818), отставной гвардіи подполковникъ (1777), у котораго отъ перваго брака были четыре дочери (2), а отъ втораго одинъ сынъ, Александръ Ивановичъ, котораго біографію мы надѣемся изложить; б) второй Николай Иродіоновичъ, ассессоръ Тульской уголовной палаты (1791), умершій бездѣтнымъ; в) третій—Дмитрій Иродіоновичъ, дѣйствит. статск. совѣтникъ (1799), тобольскій гражданскій губернаторъ (1799—1801), камергеръ и губернаторъ Литовской губерніи (съ 1 ноября 1801—1803), тамбовскій гражданскій губернаторъ (1803), умеръ въ 1828 г., а сынъ его Александръ Дмитріевичъ, гвардіи штабсъ-капитанъ, былъ лебедянскимъ предводителемъ дворянства (1840—1846); г) четвертый—Сергѣй Иродіоновичъ, гвардіи подпоручикъ; е) пятый—Андрей Иродіоновичъ; ф) шестой—Петръ Иродіоновичъ, премьеръ-маіоръ (1806), коллежскій ассессоръ (1815), умеръ въ 1830 году.

4) Кромѣ сыновей, у Иродіона Михайловича были три дочери отъ перваго брака: Евдокія, замужемъ за Василиемъ Андреевичемъ Рямскимъ-Корсаковымъ, а отъ втораго—Маргарита, замужемъ за генер.-маіор. кн. Ал. Ник. Волконскимъ, сыномъ придворнаго шута императрицы Анны, и Марія, бывшая фрейлиною при Елизаветѣ Петровнѣ и умершая въ 1782 году незамужнею (3).

Изъ побочныхъ вѣтвей были лица болѣе другихъ замѣчательныя:

По первой вѣтви—Григорій Гавріиловичъ, помѣщикъ Рязанскаго уѣзда, умершій въ Тамбовѣ въ 1671 г. отъ раны, полученной въ стычкѣ со Стенькою Разиннымъ; изъ потомковъ его Петръ Григорьевичъ былъ стольникомъ (1678—1692); Иванъ Аванасъевичъ, дѣйствит. статск. совѣтникъ, былъ предсѣдателемъ рязан-

ской уголовной палаты (1801—1812); Валерьянъ Ивановичъ, камергеръ, дѣйстви. статск. совѣтникъ (1840), духовщинскій уѣздный предводитель дворянства.

По второй вѣтви: Ивацъ Нивитичъ, письменный голова въ Можайскѣ (1634); Петръ Алексѣевичъ стольникъ (1696); Максимъ Елисѣевичъ, ассессоръ, товарищъ воеводы Шацкой провинціи (1733).

По третьей вѣтви: Иванъ Дмитріевичъ, за московское осадное сидѣнье (1610) получилъ въ отчину помѣстье Московскаго уѣзда (1613); Степанъ Андреевичъ—дворянинъ московскій (1692 г.).

По четвертой вѣтви—Григорій Ивановичъ, помѣщикъ рязанскаго уѣзда, пожалованъ былъ чиномъ Московскаго дворянина въ 1692 году.

Изъ лицъ, не вошедшихъ ни въ одну роспись, извѣстны были: Гавріиль, Михаилъ и Ѳедоръ Никитичи, торопецкіе городовые дворяне, пожалованы помѣстьями 2 октября 1550 г.

Михаиль—голова стрѣлецкій (1598).

Петръ—шутъ лже-Димитрія II-го, бѣжалъ съ нимъ изъ Тушина въ Калугу (29 декабря 1609 г.) и былъ свидѣтелемъ убіенія лже-царя (11 декабря 1610), о чемъ первый извѣстилъ калужанъ.

Никифоръ Михайловичъ, дворянинъ московскій (1629), былъ при посольствѣ въ Даніи (1631—1632), на службѣ въ Москвѣ (1833), воевода въ передовомъ полку въ Михайловѣ (1636), былъ при встрѣчѣ персидскаго посла (5 февраля 1639).

Григорій Яковлевичъ, дворянинъ московскій (1630), объѣзжій голова въ Москвѣ (1631—1633), воевода въ Камскомъ острогѣ (1635).

Кошелевъ, капитанъ-поручикъ, членъ посольства къ мадагаскарскому королю, которое получило полномочную и довѣрительную грамоту (3 декабря 1723 г.) о принятіи этого короля подъ покровительство Россіи.

Кошелевъ—бригадиръ и воевода Вологодской провинціи † 1778 г.

Кошелевъ—генераль-маіоръ, правитель Камчатской области (1803), камчатскій комендантъ (1805) г.).

Дѣдъ Александра Ивановича, Иродіонъ Иродіоновичъ, младшій сынъ случайнаго человѣка Иродіона Михайловича, бывшій воронежскій вице-губернаторъ, былъ богатый человѣкъ и пользовался большимъ почетомъ въ Москвѣ, гдѣ поселился, по выходѣ въ отставку. Здѣсь онъ безпрестанно задавалъ пиры, въ особенности

когда прїѣзжали сильные люди, съ которыми онъ былъ въ родствѣ или доброй прїязни. Вслѣдствіе того имѣніе его разстроилось и шестерымъ его сыновьямъ осталось много долговъ, для уплаты которыхъ они распродали имѣнья, оставивши себѣ только небольшія вотчины въ Рязанской и Ярославской губерніяхъ.

Старшій сынъ Иродіона Иродіоновича, Иванъ Родіоновичъ, былъ отцомъ Александра Ивановича. Оставшись послѣ отца 14-ти лѣтнимъ юношей, Иванъ Родіоновичъ отданъ былъ на руки дядѣ своему, Мусину-Пушкину, бывшему тогда посломъ въ Лондонѣ. Выучившись вскорѣ англійскому языку, Иванъ Родіоновичъ, съ позволенія дяди, поступилъ въ Оксфордскій университетъ и пробылъ тамъ 3 года. Когда ему было 20 лѣтъ, онъ прїѣхалъ курьеромъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ понравился кн. Потемкину, который взялъ его въ генеральскъ-адъютанты и оказывалъ ему особенное расположеніе. Но разъ Императрица, замѣтивъ его умъ и красоту, призвала его къ себѣ; этого было достаточно, чтобы Потемкинъ командировалъ Кошелева во внутреннія губерніи, откуда онъ болѣе въ Петербургъ не возвращался. Въ царствованіе Императора Павла Иванъ Родіоновичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника и поселился въ Москвѣ, женившись на княжнѣ Меньшиковой. Отъ этого брака Иванъ Родіоновичъ имѣлъ четырехъ дочерей и сына, умершаго въ дѣтствѣ. Послѣ смерти первой жены, Иванъ Родіоновичъ женился на Дарьѣ Николаевнѣ Дежарденъ (Desjardins), дочери французскаго эмигранта, родившейся въ Россіи и крещенной по православному обряду. Отъ этого брака родился Александръ Ивановичъ 9 мая 1806 года. Французской крови по матери, Александръ Ивановичъ получилъ отъ природы нѣкоторыя черты французскаго характера. Онъ не обладалъ глубиной того отвлеченнаго, спекулятивнаго мышленія, которое составляетъ отличительное свойство германской расы и легко усваивается чисто-русскими натурами, воспитанными подъ нѣмецкимъ вліяніемъ; но за то онъ получилъ ту живость и ясность пониманія, которая даетъ французамъ такое преимущество въ распространеніи культурныхъ понятій въ средѣ общества,—несмотря на относительную легкость воззрѣнія,—и влечетъ неудержимо къ практической дѣятельности. Поэтому, несмотря на свой умъ и значительную вачитанность, несмотря на то, что онъ, какъ увидимъ ниже, принималъ живое и дѣятельное участіе во всѣхъ теоретическихъ во-

просахъ, волновавшихъ въ свое время кружковъ, въ которому примыкалъ, Александръ Ивановичъ сравнительно мало выступалъ на литературное поприще, пока дѣятельность словянофиловъ не получила практическаго значенія. Онъ былъ по преимуществу практической общественной дѣятель и только впоследствии, когда само дѣло того потребовало, онъ сдѣлался серьезнымъ и убѣжденнымъ публицистомъ.

Изъ воспоминаній дѣтства Александра Ивановича первое живое и опредѣленное, по словамъ его, относится къ эпохѣ 12 года. Послѣ Бородинской битвы Александръ Ивановичъ, шестилѣтнимъ ребенкомъ, совершилъ переѣздъ изъ подмосковной (Бронницкаго уѣзда село Ильинское) чрезъ Коломну въ Тамбовъ, гдѣ проживалъ дядя Александра Ивановича, бывший тамъ губернаторомъ, Дмитрій Иродіоновичъ. Въ декабрѣ 1812 года Кошелевы вернулись въ подмосковную и тамъ поселились, пріѣзжая оттуда на время въ обгорѣлую Москву.

Первоначальное воспитаніе Александръ Ивановичъ получилъ отъ родителей. Воспитанникъ Оксфордскаго университета, отецъ его былъ извѣстенъ въ Москвѣ подъ именемъ „либеральнаго лорда“ и пользовался уваженіемъ; послѣ выхода въ отставку онъ жилъ скромно и занимался науками, особенно исторіей. Мать Александра Ивановича была также женщина умная и образованная; изъ писемъ Александра Ивановича видно, что, живя въ деревнѣ, она получала книги отъ книгопродавца Урбена (Urbain) и часто оставалась недовольною выборомъ. Иногда сынъ переписывался съ матерью насчетъ ея чтенія. Такъ, онъ одобряетъ мать за то, что она принялась за романъ Вальтеръ Скотта и самъ хочетъ познакомиться съ авторомъ въ оригиналѣ, говоря, что онъ ему понравился, по переводу на французскій языкъ его исторіи Наполеона. Напротивъ, онъ не согласенъ съ мнѣніемъ матери о сочиненіяхъ Colnêt, одного изъ редакторовъ *Gazette de la France*. Александръ Ивановичъ находитъ произведенія Кольне крайне плохими; безпрестанныя повторенія, насильственныя остроты, принужденныя каламбуры такъ ему показались противны, что, встрѣчая въ газетѣ статью, подписанную этимъ авторомъ, онъ ее бросаетъ.

Съ самаго начала отецъ хотѣлъ отдать Александра Ивановича въ Пажескій корпусъ: 10 лѣтъ Александръ Ивановичъ (какъ видно

изъ письма къ И. Р. Кошелеву кн. А. Н. Голицына) зачисленъ былъ въ нажи, съ оставленіемъ на воспитаніи въ домѣ родителей. Впослѣдствіи, какъ видно, отецъ передумалъ и Александръ Ивановичъ пошелъ совсѣмъ по другой дорогѣ.

Отецъ училъ Александра Ивановича русскому языку и слегка географіи и исторіи, мать—французскому, а дядька—нѣмецкому. Мальчикъ смолоду полюбилъ чтеніе, такъ что мать отнимала у него книги; 11—12 лѣтъ онъ сдѣлалъ изъ 8 томовъ только что вышедшей исторіи Карамзина, которая произвела на него особенно сильное впечатлѣніе, извлеченіе, заслужившее одобреніе его отца.

7 ноября 1818 года отецъ Александра Ивановича скончался, оставивъ его на тринадцатомъ году на попеченіе матери: ей преимущественно обязанъ онъ своимъ образованіемъ; и во время всей молодости, до самой смерти своей (4) мать имѣла большое вліяніе на образованіе сына. Послѣ Александра Ивановича сохранилось до 269 писемъ (5) къ матери; переписка эта, обнимающая періодъ съ 1826 г. до отъѣзда его за границу, заботливо сохраненная матерью въ подлинникахъ на *французскомъ языкѣ*, свидѣтельствуетъ о тѣхъ искреннихъ и теплыхъ отношеніяхъ, которыя существовали между обоими. Переписка эта, съ дополненіями изъ собственныхъ „записокъ“ Александра Ивановича, составляетъ главный матеріалъ, по которому можно возстановить исторію молодыхъ его годовъ. Въ письмахъ къ матери Александръ Ивановичъ описываетъ каждый свой шагъ, свои служебные труды, выѣзды, впечатлѣнія, книги, которыя онъ читалъ, частныя свои занятія, планы въ будущемъ,—однимъ словомъ, онъ весь въ этихъ письмахъ, разоблачающихъ, безъ всякихъ прикрасъ и утайки, его внутреннюю, интимную жизнь. Вотъ выдержки изъ писемъ, по которымъ можно оцѣнить всю силу привязанности Александра Ивановича къ матери.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Александръ Ивановичъ пишетъ:

„Бываютъ минуты, когда такъ хочется васъ видѣть, что если бы не удерживалъ разсудокъ, такъ и полетѣлъ бы къ вамъ, несмотря на весь вредъ, могущій отъ того произойти. Я не скучаю, потому что некогда; но есть минуты хуже скуки. Чувствуешь страшную пустоту, чувствуешь ко всему отвращеніе,—такъ бы и взялъ у птицы крылья, чтобы летѣть къ той, возлѣ которой обрѣ-

тешь полное спокойствіе. Новость, разнообразіе оглушили меня на первых порахъ, но теперь я поуспокоился и думаю, что привычка возвратитъ мнѣ то, что я утратилъ“ (22 октября 1826).

„Вы душа моей жизни, и лишь утѣшительное сознание, что вы счастливы и здоровы, лишь надежда чрезъ нѣсколько времени васъ увидѣть дають силу переносить съ нѣкоторою храбростью прозу петербургской жизни. Газеты, обѣды внѣ дома, скучное общество,— вотъ элементы этой жизни, которая, правду сказать, начинается надождать“ (7 января 1827).

„Ничто такъ не заставляеть, какъ разлука, цѣнить счастье имѣть возлѣ себя нѣжную мать, друга,—если смѣю употребить это выраженіе,—совершенно лишеннаго эгоизма. Когда не видишь любимаго человѣка, не умѣешь взвѣснить свою любовь, не пользуешься въ полной мѣрѣ счастьемъ быть любимымъ и любить! Но теперь, милая маменька, ежедневно чувствую, насколько растеть моя любовь къ вамъ,— чувствую, что любовь ваша составляетъ сущность моей жизни (19 марта 1827)“.

Въ свою очередь, мать платила сыну самую горячую привязанностью, гордилась имъ и въ письмахъ своихъ старалась руководить каждымъ его шагомъ. Писемъ матери сохранилось въ подлинникѣ очень мало, всего 5—6 писемъ. Въ одномъ изъ нихъ мать Александра Ивановича говоритъ ему: „Не думай, милое мое дитя, что ты такъ далеко отъ увлеченій; повѣрь, найдется гораздо болѣе людей, способныхъ увлечь тебя, болѣе нежели ребенка; чтобы рѣшиться на послѣднее, надо быть чудовищемъ, а чтобы тебя увлечь въ твоемъ возрастѣ, надо быть только негодямъ. Такихъ много, а потому совѣтую тебѣ пуце всего соблюдать осторожность и не быть самоувѣреннымъ. Эта большая самоувѣренность можетъ быть очень опасною. Если я на что именно кладу свою надежду, то это на любовь твою ко мнѣ; знаю, что ты не сдѣлаешь ничего, что могло бы меня огорчить, на это рассчитываю гораздо болѣе, нежели на твои 22 года“. Не разъ вспоминалъ Александръ Ивановичъ, что мать не стѣсняла его нисколько ни въ порядкѣ занятій, ни въ выборѣ друзей; но она умѣла руководить имъ силою своего нравственнаго вліянія, не проявляя его наружу, что именно и привязываетъ къ своимъ родителямъ молодежь, ревниво отстраняющую всякія внѣшнія попытки къ ограниченію своей самостоятельности. Мать Александра Ивановича въ этомъ случаѣ видѣла

прекрасный примѣръ и помощницу въ матери Кирѣевскихъ, А. П. Елагиной, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ ниже: Александръ Ивановичъ въ своихъ запискахъ признаетъ, что обѣ эти женщины имѣли на него благотѣльное вліяніе („Зап.“, стр. 9).

Мать Александра Ивановича по зимамъ жила въ Москвѣ и воспитаніе свое Александръ Ивановичъ получилъ въ этой столицѣ. Поэтому, прежде всего, необходимо дать нѣкоторое понятіе, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ представляла тогдашняя Москва въ культурномъ отношеніи.

Г. Скабичевскій сдѣлалъ слѣдующую мѣткую и вѣрную характеристику русскаго общества до времени Еватерины. „Это была эпоха поголовнаго рабства, во время котораго никто не былъ обезпеченъ ни за свою жизнь, ни за свою спину, ни за свое имущество, начиная отъ крестьянина и до любого временщика, рѣшающаго судьбы милліоновъ. Это было общество грубое до звѣрства, суевѣрное до крайняго фетишизма. Въ этомъ обществѣ не было ни малѣйшаго понятія о чувствѣ человѣческаго достоинства, чести и нравственной независимости, напротивъ того, робкая приниженность, грубая лесть и прихлебательство считались лучшими достоинствами человѣка, признаками ума и практичности, въ то время какъ звѣрская жестокость съ низшими считалась признакомъ характера и внушала глубокое уваженіе“.

Насколько грубость и звѣрство были чертами, присущими русскому обществу, мы приведемъ два факта, замѣчательно характеристичные.

Корбъ рассказываетъ въ своемъ путешествіи, — со словъ Петру В. одного изъ стрѣльцовъ, стойчески выдерживавшаго истязанія пристрастнаго допроса, — что въ Москвѣ было основано общество приученія себя къ пыткамъ. Въ члены этого общества поступали только выдержавшіе пытку и, по мѣрѣ выносливости, переходили на высшія степени. Пытанный стрѣлецъ признавался, что вѣска и огонь ему ни почемъ, потому что онъ выдерживалъ мученія отъ положеннаго въ ухо горячаго угля. Члены, поступившіе въ общество, но не выдержавшіе пытки, были отравляемы, и такихъ общество отправило на тотъ свѣтъ до четырехъ сотъ („Дневникъ“ Корба, стр. 283 и 284).

Когда въ комиссіи уложенія возникъ вопросъ объ освобожденіи дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія, депутатъ отъ тамбовскихъ

однодворцевъ Василій Веденевъ высказалъ опасеніе, что если дворяне освободятся отъ страха тѣлеснаго наказанія, то отъ нихъ житья не будетъ. Въ поданномъ по этому поводу „голосъ“ Веденевъ говорилъ: „теперь дворяне, по закону, не избавлены отъ тѣлеснаго наказанія“, часто „исполненіемъ то видится“ — и, тѣмъ не менѣе, дворяне не могутъ удержаться отъ того, чтобы не причинять насилія другимъ жителямъ. „Если нынѣ, при новосочиненномъ законѣ, установлено не подвергать благородныхъ никакому тѣлесному наказанію, то не почувствуется ли въ обществѣ народному жительству стѣсненіе?“ („Сѣв. Вѣстн.“ 1886, VIII, 177 и 178).

Но у этой темной картины была, все-таки, свѣтлая сторона. Старая Русь охраняла семейное начало въ видѣ патриархальной семьи, гдѣ, на ряду съ ея жестокимъ, формальнымъ принужденіемъ, все-таки, иногда обнаруживалась связь нравственная и свободная. Старая Русь выработала извѣстныя религіозно-нравственныя традиціи, которыя, конечно, не предупреждали пороковъ и недостатковъ, развивающихся вслѣдствіе невѣжества, но до нѣкоторой степени служили охранительною уздой для общества.

А между тѣмъ толчокъ, данный Россіи Петромъ, не могъ остановиться и потребность къ образованію росла въ обществѣ; она поддерживалась самою Императрицей, которой нельзя отказать въ склонности въ просвѣтительной дѣятельности, пока послѣдняя не затрогивала личныхъ ея интересовъ и привилегій. Что сравнительно съ предъидущею эпохой въ эпоху Екатерины образованіе успѣло уже пустить корни, по крайней мѣрѣ, среди дворянскаго сословія, — доказываютъ засѣданія знаменитой коммисіи уложенія, гдѣ депутаты изъ разныхъ губерній явились достаточно для своего времени созрѣвшими въ политическомъ отношеніи, чтобы выставить всѣ неудобства и недостатки существующаго административнаго порядка и не только намѣтить, но и далеко опередить все содержаніе послѣдующихъ реформъ Екатерининскаго царствованія. Меньшинство, въ лицѣ, наприм., Коробьина и Протасьева, поднявшихъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, шло еще далѣе. Только извѣстнымъ распространеніемъ образованія, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ сферахъ, можно объяснить ту широкую, хотя чисто-правительственную и незаконченную преобразовательную дѣятельность, которою проникнуто было начало царствованія Императора Александра I. Конечно, эти зачатки обра-

зованія были слабы и сосредоточивались только вверху; но нельзя сказать, чтобы русская мысль не работала въ Екатерининскую эпоху. Разъ пробужденная любознательность,—говорить Ешевскій,—требовала тогда себѣ удовлетворенія, быть можетъ, съ болѣею настойчивостью, чѣмъ въ наше время, и жадно бросилась на всякую умственную пищу. Безчисленное множество иностранныхъ сочиненій всякаго рода переводилось, печаталось и переписывалось людьми всякаго званія. Все, что было сколько-нибудь замѣчательнаго въ числѣ произведеній французской или нѣмецкой литературы, можно смѣло искать въ русскомъ переводѣ. Болотовъ, переводящій какое-то нѣмецкое сочиненіе въ лагерѣ, наканунѣ битвы и, притомъ, безъ всякой мысли объ изданіи, можетъ служить лучшимъ образчикомъ этихъ любознательныхъ людей прошлаго столѣтія. („Сочин.“ III, 437 и 438). Къ этимъ попыткамъ нельзя относиться строго, съ высоты требованій современности. Напротивъ, надо осторожно и съ уваженіемъ уловить слѣдъ этихъ слабыхъ ростковъ, потому что изъ нихъ,—какъ бы они ни казались намъ мелкими и не заслуживающими вниманія,—развилося все послѣдующее, какъ изъ зародышной клѣточки, проходящей всѣ фазы низшаго развитія, образуется высшій организмъ.

Что же могли русскіе люди найти въ современной имъ иностранной литературѣ? Какое вообще направленіе представляла литература XVIII вѣка?

Восемнадцатый вѣкъ, безспорно, исполнилъ великую задачу освобожденія человѣчества отъ отжившихъ средневѣковыхъ формъ и вывелъ его на новый путь. Но, по непреложному закону историческаго развитія, этотъ прогрессъ сопровождался извѣстными временными патологическими симптомами. Отбрасывая болѣзненные наросты, XVIII вѣкъ расшаталъ и тѣ устои, безъ которыхъ правильное общественное развитіе не можетъ совершаться. Въ материалистической философіи Гольбаха, Ламетри и отчасти Дидерота человѣкъ являлся продуктомъ чисто-фізіологическихъ отпращиваній и все, что лежитъ внѣ этихъ отпращиваній, все, что составляетъ духовную сторону жизни, было безпощадно вычеркнуто. Такой односторонній и грубый материализмъ никогда не удовлетворялъ человѣчество и всегда возбуждалъ реакцію. Первою историческою формою этой реакціи въ XVIII столѣтіи былъ мистицизмъ, масонство. Такимъ образомъ, задача масонства — протестъ про-

тивъ грубаго матеріализма во имя нравственныхъ, этическихъ потребностей человѣка былъ законный и имѣлъ глубокой историческій смыслъ: этимъ и объясняется широкое его распространеніе и принадлежность къ масонству такихъ выдающихся личностей, какъ Лессингъ, Байронъ и др.

Что же произошло, когда въ наше грубое и невѣжественное общество, но еще не распатанное и сдержанное своими религіозно-патріархальными традиціями, воздухъ европейской цивилизаціи занесъ верхи умственного и общественнаго броженія?

Философія энциклопедистовъ гораздо шире и глубже распространилась въ тогдашнемъ обществѣ. Главною причиною ея распространенія у насъ, какъ и вездѣ, было то, что она стояла за правое дѣло, въ ней заключался несомнѣнный залогъ торжества, во имя великихъ началъ, которыя она, безспорно, принесла съ собой человѣчеству, во имя освобожденія отъ тѣхъ предрасудковъ и общественныхъ формъ, которыя лежали тормазомъ на пути общечеловѣческаго развитія. Но быстрота и ширь ея распространенія условливались и отрицательными качествами этой философіи, ея темною стороною, неразлучною спутницею всякаго свѣтлаго явленія жизни. Философія матеріализма тѣмъ скорѣе усваивается обществомъ, чѣмъ ниже его умственное развитіе: простая по своей односторонности и поверхностной ограниченности, она легче переваривается только что возбужденною мыслью; она не требуетъ усилій, не возбуждаетъ борьбы и заманчиво ласкаетъ грубые инстинкты животной природы человѣка. На первыхъ порахъ эти темныя стороны однѣ привились къ нашему обществу и распатали его. Философію энциклопедистовъ наше высшее общество усвоило изъ вторыхъ рукъ. Тогдашнее дворянство воспитывалось иностранными, по преимуществу французскими, гувернерами, среди которыхъ рѣдко попадались люди дѣйствительно просвѣщенные, но большинство принадлежало къ числу проходимцевъ, усвоившихъ себѣ только верхи современнаго скептицизма и растлѣвающее его вліяніе на общество. Скептицизмъ тогдашняго русскаго общества не шелъ далѣе самаго дешеваго и неглубокаго отрицанія всѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ традицій, не ограничиваясь религіознымъ суверіемъ и общественными предрасудками, дѣйствительно подлежащими искорененію. Скептицизмъ этотъ былъ не искренній; онъ не переходилъ въ жизнь и быстро исчезалъ, какъ

скоро требовалъ какихъ-либо личныхъ пожертвованій, или просто надѣдалъ, какъ всякое бессмысленное повтореніе заученныхъ модныхъ фразъ.

Примѣромъ такого увлеченія скептической философіей, въ смыслѣ празднаго вольнодумства, служить сама Еватерина, такъ рѣзко и круто отъ нея отказавшаяся въ концѣ своего царствованія.

Но, тѣмъ не менѣе, общество распаталось и потеряло свои устои. Доказательствомъ этому служатъ общіе отзывы о „порчѣ нравовъ“ и протестъ во имя идеализаціи старины, которыми наполнены записки современниковъ и другіе литературные памятники того времени; еще несомнѣннѣе подтверждаютъ это всѣ факты тогдашней общественной жизни, чѣмъ ближе мы съ нею знакомимся. Случилось то, что происходитъ теперь на нашихъ глазахъ. Великая реформа 19 февраля была, конечно, однимъ изъ самыхъ крупныхъ и благодѣтельныхъ событій въ русской исторіи, крѣпостное право пало, какъ самый значительный, несправедливый и вредный тормозъ нашего развитія; но оно было тоже до извѣстной степени сдерживающею силой, общественною уздой въ средѣ крестьянскаго населенія. И вотъ временно,—пока эта старая узда не замѣнилась новою, болѣе культурною, въ смыслѣ народнаго образованія и воспитанія,—нравственность въ средѣ крестьянства упала и „поврежденіе нравовъ“ есть фактъ, который въ данную минуту слишкомъ осязателенъ, чтобы можно было его оспаривать и спокойно закрывать глаза.

Протестъ того времени во имя идеализаціи стараго былъ и недостаточенъ, и несостоятеленъ, ибо жизнь никогда не поворачиваетъ назадъ. Необходимо было, чтобы лучшіе люди, которымъ претила эта общественная распушенность и которые сознавали необходимость нравственныхъ устоевъ въ обществѣ, собрались вокругъ какого-нибудь знамени, выставили какое-нибудь положительное ученіе, которое бы возстановило потерянные устои въ томъ видѣ, какъ этого требовала современная общественная жизнь. За немнѣніемъ ничего другаго, эти люди у насъ схватились за масонство. И, на самомъ дѣлѣ, ничего другаго подъ руками у нихъ не было. Западная жизнь, откуда шла болѣзнь, сама почти не представляла никакого другаго противовѣса; философская мысль только начинала зарождаться въ отдѣльныхъ единицахъ и кружкахъ и

не успѣла еще оказать свое вліяніе на успокоеніе общества (*). Само русское общество не подготовлено было даже къ воспринятію этой философской мысли въ смыслъ готовой и обработанной системы, а тѣмъ менѣе могло оно создать ее самобытно, ибо для этого необходимъ длинный и непрерывный процессъ умственнаго развитія, котораго у насъ не было. Поэтому у насъ возникло и широко, даже въ провинціяхъ, распространилось масонство; поэтому въ него вступили всѣ лучшіе люди тогдашней эпохи: Новиковъ, Шварцъ, Лопухинъ, Радищевъ, Херасковъ, Тургеневъ, Бибииковъ, гр. Н. И. Панинъ, кн. Репнинъ и мн. др. Разсматривая всѣ до сихъ поръ напечатанные документы по исторіи масонства въ Россіи, мы видимъ безпрестанное сложеніе и разложеніе масонскихъ ложъ, переходъ отъ одной системы къ другой (7), исканіе чего-то лучшаго, протестъ лучшихъ людей противъ высшихъ степеней, т.-е. противъ того именно, что было нелѣпаго и вреднаго въ масонствѣ. Это доказываетъ, что въ нашемъ масонствѣ собрались живыя и здоровыя силы общественнаго организма. Дѣятельность ихъ не слѣдуетъ преувеличивать, она также, въ большинствѣ случаевъ, захватывала не глубоко и не переходила непосредственно въ жизнь даже и людей самыхъ убѣжденныхъ. Братъ И. П. Елагинъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся масоновъ первоначальной эпохи, желая очистить масонское ученіе отъ „обрядовъ странныхъ и объясненій темныхъ и здравому разсудку противныхъ“, жалуется, что масоны „иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и при торжественной вечери за трапезой несогласнымъ воплемъ ревѣть пѣсни и насчетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Бахусу“. Но, несмотря на то, суровый обличитель масонства, „совершенный по-истинѣ его ревнитель, черпавшій изъ праведныхъ кладезей, сохраняющихъ его таинства“, въ качествѣ директора петербургскаго театра, вывихнулъ себѣ ногу, дѣлая пируэтъ передъ фигуранткою, и былъ уволенъ отъ директорства за то, что всячески мѣшалъ браку одной актрисы съ актеромъ, несмотря на взаимную ихъ склонность. Тѣмъ не менѣе, масонство у насъ имѣло болѣе глубокое значеніе, нежели на Западѣ: оно у насъ, за отсутствіемъ философской мысли въ то время, спасло лучшихъ людей отъ крайностей матеріализма и общественной распущенности; оно сплотило ихъ между собою и

придало имъ силу; оно способствовало распространенію нравственныхъ и гуманныхъ принциповъ въ обществѣ; оно первое начало подкапывать сословное неравенство. Елагинъ передаетъ, что въ числѣ преимуществъ, привлекавшихъ въ масоны, было „равенство съ такими людьми, кои въ общежитіи знамениты и чинами, и достоинствами, и знаками отъ меня удалены суть, равенство, честолюбію и гордости человѣка ласкающее, да хотя на самое краткое время буду равнымъ власти, иногда и судьбою нашей управляющей“. Ешевскій приводитъ посвященіе П. А. Татищеву нѣмецкой масонской книги („Frei mauger“—Bibliothek, III Stuck, 1785), гдѣ приведена программа дружескаго общества, разосланная и въ Германіи; здѣсь, между прочимъ, высказана цѣль—„соединить ради общей пользы въ одинъ союзъ людей, обыкновенно раздѣленныхъ возрастами, образомъ жизни, различными занятіями и самыми средствами для жизни“. („Сочин.“ III, 419).

Таково у насъ непосредственно культурное значеніе масонства; далѣе увидимъ, какимъ образомъ, чрезъ посредство Новикова и Шварца, масонство связано съ начатками просвѣщенія въ Россіи.

Съ XVIII столѣтія, съ той самой поры, какъ мы стали мало-помалу *перенимать* европейское просвѣщеніе, Москва сдѣлалась центромъ, откуда оно распространялось въ остальной Россіи. Это и понятно: Москва была городомъ исключительно дворянскимъ. Съ перенесенія столицы въ Петербургъ все неслужащее, сколько-нибудь зажиточное дворянство пріютилось въ Москвѣ; почти всякій достаточный помѣщикъ изъ губерній, окружающихъ Москву, имѣлъ тамъ домъ, куда переселялся на зиму. Тамъ поселялись „опальные“ члены знатныхъ родовъ и богатаго дворянства, покидавшіе службу рѣдко вслѣдствіе наклонности къ покойной жизни, большею частью по разнаго рода неудовольствіямъ и неудавшимся расчетамъ. Среди этого пестраго общества, предававшагося жизни разнузданной и несдержанной никакими выработанными въ цивилизованномъ обществѣ принципами, во многихъ его членахъ замѣтно было стремленіе къ просвѣщенію; при этомъ московское барское общество отличалось нѣкоторою независимостью и проникнуто было духомъ оппортунизма, который, впрочемъ, далеко въ глубь не шель и совершенно вѣрно охарактеризованъ былъ извѣстнымъ выраженіемъ Грибоѣдова: „шумимъ, братецъ, шумимъ“. Тѣмъ не менѣе,

Москва не любила Екатерины и холодно встрѣтила ее при самомъ вступленіи ея на престоль и впослѣдствіи, во время пріѣздовъ ея въ Москву (напримѣръ, въ 1775 году). Съ своей стороны, и Екатерина не особенно была расположена къ Москвѣ, замѣчая въ духѣ тогдашняго высшаго общества не то, что она желала бы видѣть. Взаимная холодность еще болѣе увеличилась, когда на мѣсто гр. Чернышева, просвѣщеннаго и либеральнаго вельможи, начальникомъ Москвы назначенъ былъ графъ Брюсъ, властолюбивый и строгій администраторъ, котораго москвичи скоро не взлюбили за его грубый произволъ и ничѣмъ не вызывавшуюся суровость.

Какъ ученіе энциклопедистовъ, такъ и масонство распространилось въ московскомъ обществѣ. Лонгиновъ сообщаетъ извѣстіе о весьма рѣдкой книгѣ „Переводы изъ энциклопедіи“, 3 ч. Москва, 1767 г. Въ числѣ переводчиковъ этой книги поименованы извѣстный А. И. Бибиковъ, который, во время изданія книги, былъ предсѣдателемъ въ комиссіи уложенія, С. М. Кузьминъ, лицо неизвѣстное, гр. Ан. П. Шуваловъ, племянникъ основателя Московскаго университета, авторъ извѣстнаго „Посланія къ Нинонѣ“ (epitre à Ninon), С. Ф. Стрекаловъ, впослѣдствіи статсъ-секретарь, М. М. Херасковъ, кн. Ф. А. Козловскій, бывшій питомецъ университета, служившій въ комиссіи уложенія, С. и А. В. Нарышвины, А. А. Ржевскій, бывшій впослѣдствіи въ должности директора при академіи наукъ, С. Г. Домашневъ, долго путешествовавшій за границей и съ 1775—1783 гг. бывшій директоромъ и вице-президентомъ академіи, П. Д. Веняминовъ, проф. ботаники при Московскомъ университетѣ, С. Г. Забѣлинъ, проф. медицины, П. И. Погоретскій, докторъ медицины, воспитанникъ Лейденскаго университета, А. А. Барсовъ, профессоръ краснорѣчія, А. П. Мельгуновъ, президентъ камеръ-коллегіи, впослѣдствіи генераль-губернаторъ ярославскій, костромской и архангельскій, Д. В. Волковъ, президентъ мануфактуръ-коллегіи, любимецъ Петра III, написавшій манифестъ 21 февраля 1762 г. объ уничтоженіи тайной канцеляріи, рѣшенномъ по его совѣту, М. Г. Собакинъ, лицо неизвѣстное, гр. Ап. Еп. Мусинъ-Пушкинъ, президентъ бергъ-коллегіи, кн. Н. Н. Трубецкой, впослѣдствіи другъ Новикова и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ дружескаго общества. Послѣ списка переводчиковъ напечатано приглашеніе „къ желающимъ принять участіе въ томъ полезномъ трудѣ“ и при-

сылать свои труды къ издателю сихъ листочковъ, директору Московскаго университета Хераскову. Предпріятіе это остановилось на самомъ началѣ. Изъ этого видно, что образованное меньшинство того времени серьезно заинтересовано было философскимъ движеніемъ, возникшимъ во Франціи, и для его распространенія лица, занимавшія самыя различныя положенія въ обществѣ, соединялись въ тѣсныя кружки и предпринимали организованныя предпріятія; замѣчательно, что повидимому самое изъ нихъ серьезное примыкало къ Московскому университету.

Масонство также проявило самостоятельную жизнь только въ Москвѣ и, притомъ, послѣ переѣзда туда Новикова. Въ концѣ 1780 года среди московскаго масонства проявилось стремленіе къ объединенію, къ приобрѣтенію самостоятельности и къ отысканію истиннаго масонства. Ложи, основанныя прежде и принимавшія различныя системы, продолжали работать самостоятельно, но вліятельные и энергичные въ нихъ люди, вожди этихъ ложъ, соединились въ 1780 г. въ нейтральной ложѣ „Гармонія“, составлявшей внутреннее братство и стремившейся къ правильной организаціи союза всѣхъ московскихъ ложъ и приобрѣтенію самостоятельности. Въ „Гармоніи“ сначала было девять членовъ: кн. Н. Н. Трубецкой, Херасковъ, кн. А. А. Черкасскій, И. П. Тургеневъ, кн. Энгальчевъ, А. М. Кутузовъ, Новиковъ и Шварцъ; вскорѣ къ ней присоединились кн. Ю. Н. Трубецкой и Татищевъ, который избранъ былъ ея предсѣдателемъ, вмѣстѣ съ Новиковымъ. Масонскія ложи въ Россіи подчинены были Швеціи; для приобрѣтенія самостоятельности весною 1781 г. отправленъ былъ за границу Шварцъ, съ цѣлью добиться этой самостоятельности и искать „степеней древняго истиннаго масонства“. Заручившись рекомендательнымъ письмомъ отъ гротмейстера курляндскихъ ложъ, Шварцъ явился въ Германіи къ принцу Фердинанду Брауншвейгскому, который стоялъ во главѣ ложъ системы „строгаго наблюденія“, которую признало значительное большинство ложъ въ Германіи; ей сочувствовали во Франціи, она проникла и въ Швецію, такъ что въ масонской средѣ она представляла единственную по возможности прочную и болѣе постоянную организацію. Система эта въ 1741 г. занесена была въ Германію изъ Франціи и, извѣстная также подъ именемъ Тамплиерской, связывала свое ученіе съ исторіей рыцарей храма и была одною изъ самыхъ искаженныхъ и

уклонившихся от первоначальной задачи масонства. Герцогъ, на домашней своей конференціи, призналъ независимость русскаго масонства отъ шведскаго, съ обязательствомъ учредить въ Москвѣ два орденскіе капитула, по системѣ строгаго наблюденія. Это и было исполнено въ 1782 г., по возвращеніи Шварца, причемъ Шварцъ получилъ званіе орденскаго настоятеля или диктатора всего русскаго масонства, Новиковъ—его делегата, а кн. Трубецкой и Татищевъ избраны были ближайшими начальниками обоихъ капитуловъ. Масонскій конвентъ въ Вильгельмсбадѣ въ 1782 г. окончательно возвелъ Россію въ независимую, осьмую по счету масонскую провинцію. Между тѣмъ, Шварцъ, за границую, въ своемъ исканіи „древняго истиннаго масонства“ остановился на розенкрейцерахъ. Какъ происхожденіе этой системы, окруженное всевозможными баснями и легендами, такъ и ученіе ея, гдѣ самую важную роль играютъ теософія, алхимія и кабала, весьма темнаго свойства. Во время проѣзда Шварца главную роль въ розенкрейцерствѣ игралъ бывший пасторъ, берлинскій мистикъ Вельнеръ, мастеръ берлинской ложи трехъ глобусовъ, куда онъ ввелъ алхимическія работы. Шварцъ сошелся съ Вельнеромъ и получилъ отъ него полномочіе составить изъ избранныхъ братій кругъ розенкрейцеровъ, имѣвшій сношенія уже прямо съ Вельнеромъ. Въ 1782 году въ Москвѣ учредилось русское розенкрейцерство, подъ именемъ „братій злато-розоваго вреста“, гдѣ, подъ начальствомъ Шварца, соединились: Новиковъ, кн. Трубецкіе, Кутузовъ, Гамалея, Лопухинъ, Тургеневъ, Чулковъ, Херасковъ, кн. Энгальчевъ, кн. Черкасскій, Чеботаревъ, Багрянскій, братъ Новикова (А. И.), купецъ Туссень, врачъ Френкель и впоследствии Поздѣевъ и бар. Шредеръ. Основанія, руководившія занятіями этого кружка, совершенно согласны съ принятыми Сентъ-Мартеномъ, книга котораго „О заблужденіяхъ и истинѣ“ была у нихъ въ особенномъ уваженіи и о которой похвальный отзывъ помѣщенъ въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ (ч. IV, стр. 11). Замѣчательно, что та же книга произвела особое впечатлѣніе на Елагина, по словамъ котораго она, „явившись въ отечествѣ нашемъ и ставъ почти общимъ всѣхъ читающихъ упражненіемъ, произвела своимъ неудобовразумительнымъ сокровеннымъ въ ней таинствомъ предложеніемъ разнообразныя о себѣ разсужденія“. Оттого этотъ кружокъ началъ называться у насъ и за границую—мартинистами. До сихъ поръ въ точности не разъясненъ вопросъ, почему Шварцъ

и его друзья остановились именно на системѣ розенкрейцерства и въ чемъ выражалось вполнѣ ихъ ученіе,—были ли они всѣ солидарны между собою, или въ направленіи отдѣльныхъ лицъ происходили болѣе или менѣе существенныя отклоненія. Новиковъ, въ показаніяхъ, данныхъ Шешковскому, говоритъ: „въ магіи и кабалѣ и не могли изъ насъ никто упражняться, какъ то по бумагамъ видно, находясь въ нижнихъ еще только градусахъ, и мнѣ о сихъ наукахъ, кромѣ названія ихъ, неизвѣстно. А въ химіи должны были мы уже упражняться, но не начинали и по неохотѣ, и потому, что ни первыхъ основаній показать намъ было еще некому“ (Лонг. 112). Лопухинъ, въ своихъ запискахъ, цѣлью масонства признаетъ „познаніе творца и творенія“, чрезъ что „открывается человѣку связь его съ нимъ и цѣль его созданія“. Въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ Новикова помѣщено Бильфельдово разсужденіе „о тщетныхъ наукахъ и художествахъ“, гдѣ астрологія называется „наукою мошениковъ“, какой судьбѣ обыкновенно подвергались всѣ химерическія науки, какъ магія, волшебство, алхимія, всеобщее врачеваніе, распускаемое для питья золото, квинтъ-эссенція и всеобщее или универсальное лѣкарство“ (ч. II, 75—96; Незеленый, 377 и 376). Но въ томъ же журналѣ помѣщено письмо съ того свѣта въ Москву отъ муміяга къ сыну малыя земли Муравью, живущему въ муравейникѣ (ч. III, 213—225), гдѣ говорится объ „электрической любви между духами и о химическомъ очищеніи или сублимированіи духа послѣ смерти“ и статья „О наукѣ, называемой кабалѣ“ (ч. IV, 94—106), гдѣ признается священная кабала, изустно ввѣренная Моисеемъ 70 старцамъ. Разсказывая о чудесахъ, произведенныхъ кабалистами, статья выражается: „но есть ли что-либо изъ сего справедливаго, это развѣ одинъ кабалистъ знать можетъ; мы же не могли утверждать, не можемъ навѣрное и отрицать того, что всегда пребудетъ неизвѣстною тайной“. Между тѣмъ, извѣстно, что нѣкоторые изъ розенкрейцеровъ (напр., Трубецкой) занимались дѣланьемъ золота“.

Какъ бы то ни было, 24 апрѣля 1792 г. Новиковъ былъ арестованъ въ селѣ Авдотыинѣ, 1 августа послѣдовалъ указъ о заключеніи Новикова на 15 лѣтъ въ крѣпости и о допросѣ кн. Н. Трубецкого, И. Лопухина и И. Тургенева; указомъ 16 сентября 1796 г. запрещены были всѣ вольныя типографіи. Такимъ образомъ, хотя вся строгость закона направлена была на мартинистовъ, масон-

скія ложи, можетъ быть, за весьма малыми и совершенно тайными исключеніями, перестали дѣйствовать при Екатеринѣ и начали возстановляться только уже въ началѣ царствованія Императора Александра I. Но о ходѣ масонскаго движенія за то время до 1812 г. въ Москвѣ никакихъ свѣдѣній не обнаружено.

Чтобъ удовлетворить запросу на просвѣщеніе со стороны московскаго барства, 12 января 1755 г. основанъ Московскій университетъ.

Въ самомъ указѣ объ учрежденіи университета въ Москвѣ мотивами къ тому приведено было: 1) великое число живущихъ въ Москвѣ дворянъ и разночинцевъ; 2) положеніе столицы въ сердцѣ Русскаго государства; 3) дешевыя средства къ содержанію; 4) обиліе родства и знакомствъ у студентовъ и у учениковъ; 5) великое число домашнихъ учителей, содержимыхъ помѣщиками въ Москвѣ. Съ той поры университетъ сдѣлался средоточіемъ образованія для Москвы и на первое время для цѣлой Россіи. „Святилище наукъ“ временъ Хераскова и позднѣйшихъ „alma mater“ сороковыхъ годовъ, „Московскій университетъ есть единственное высшее учебное заведеніе въ Россіи,— писалъ Бѣлинскій въ 1839 году.—Онъ не знаетъ себѣ соперниковъ; у него есть исторія... Въ Московскомъ университетѣ есть духъ жизни, а его движеніе, его ходъ къ усовершенствованію такъ быстръ, что каждый годъ онъ уходитъ впередъ на видимое разстояніе“ („Сочин.“, т. 3, стр. 152).

Блестящею эпохой Московскаго университета до 1812 г. было управленіе двухъ знаменитыхъ кураторовъ, Хераскова (съ іюля 1775 года по 1803 г.) и Мих. Ниб. Муравьева (1803 г. до іюля 1807 г.).

Херасковъ былъ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени. Онъ ободрялъ первыя попытки Богдановича и Фонъ-Визина, потомъ Державина, впослѣдствіи Карамзина и Дмитріева, поддерживалъ первыя шаги Жуковскаго, Тургенева и ихъ товарищей; онъ былъ свидѣтель и участникъ всего лучшаго въ литературѣ XVIII вѣка. Связанный узами дружбы и родства съ лицами, принадлежавшими къ большому свѣту^(*), Херасковъ сближалъ съ обществомъ покровительствуемую имъ молодежь, и домъ его всегда былъ открытъ для всякаго, кто имѣлъ стремленіе къ просвѣщенію и литературѣ (Лонгиновъ). Однимъ словомъ, назначеніе Хераскова было однимъ изъ самыхъ удачныхъ выборовъ Екатерины,

умѣвшей употреблять людей согласно съ ихъ достоинствами и призваніемъ.

Кураторство Хераскова ознаменовано было въ жизни университета двумя важными событіями: учрежденіемъ при университетѣ вольнаго благороднаго пансіона и приглашеніемъ изъ Петербурга Новикова къ завѣдыванію университетскою типографіей.

Извѣстно, что, для пополненія Московскаго университета студентами, вмѣстѣ съ открытіемъ его (26 апрѣля 1755 г.) учреждены были двѣ гимназіи, одна для дворянъ, а другая для разночинцевъ, изъ которыхъ отличные ученики, по экзамену, поступали прямо въ университетъ. Въ первый разъ университетъ произвелъ студентовъ изъ учениковъ своихъ гимназій на актѣ 27 апрѣля 1759 г.; до тѣхъ же поръ студенты его были изъ питомцевъ духовныхъ академій или семинарій. Въ 1779 году Херасковъ, въ отсутствіи двухъ другихъ кураторовъ — Шувалова и Мелиссино, открылъ особые классы для воспитанниковъ дворянскаго происхожденія; а въ 1783 г. эти классы выведены были изъ университета въ собственное помѣщеніе и составили отдѣльное закрытое заведеніе подъ именемъ „вольнаго благороднаго пансіона“. Это было единственное учебное заведеніе, гдѣ получали вполнѣ или до университета образованіе тѣ молодые люди, которые подготавливались къ военной службѣ и потому не поступали въ корпусъ. Число воспитанниковъ быстро увеличивалось и иногда доходило до 400. Это показываетъ, насколько пансіонъ удовлетворялъ потребностямъ въ образованіи тогдашняго дворянства и сосредоточивалъ въ Москвѣ все „благородное“ юношество, стремившееся получить сколько-нибудь достаточное образованіе, а не спеціальную военную выправку, пріобрѣтавшуюся въ корпусахъ. Замѣчательно, что съ 1791 до 1824 года стоявшій во главѣ этого учрежденія человекъ, чрезъ руки котораго прошло, можно сказать, почти все выдающееся и болѣе образованное дворянское меньшинство двухъ-трехъ поколѣній, А. А. Прокоповичъ-Антонскій, былъ изъ студентовъ Кіевской академіи¹⁰⁾. Ученые и литературные труды Прокоповича-Антонскаго не важны и теперь забыты, хотя онъ первый издавалъ ученый журналъ, но несомнѣнное право на память о немъ даетъ ему педагогическая его дѣятельность. Прокоповичъ былъ педагогъ по призванію. Его благодушно-примирительный характеръ выражался во всѣхъ его личныхъ отношеніяхъ; въ его ректорскомъ кабинетѣ сгла-

живались и умиротворялись мелкія самолюбія, часто разъединявшія профессорское общество; въ обществѣ любителей русской словесности онъ мастерски умѣлъ успокоивать раздражительную авторскую щепетильность и неумѣренныя притязанія однихъ, излишнюю робость и беспомощность другихъ; въ пансіонѣ, по словамъ Жихарева, онъ былъ ласковъ и снисходителенъ, никогда никому не дѣлалъ выговоровъ, а умѣлъ держать себя такъ, что все его уважали и боялись. Кромѣ того, Антонскій обладалъ рѣдкимъ, но необходимымъ для педагога даромъ отгадывать способность въ ученикахъ. Талантъ открывалъ онъ сразу, тотчасъ же давалъ ему ходъ и старался поддержать на первыхъ порахъ. Образование, даваемое въ пансіонѣ, носило элементарно-энциклопедическій характеръ. Кромѣ наукъ гимназическаго курса, въ составъ преподаванія входили: нравственная философія, право естественное (внѣслѣдствіи отмѣненное), право римское, государственное хозяйство, основанія права частнаго, гражданскаго, и уголовныхъ законовъ, практическое руссійское законовѣдѣніе и военныя науки (фортификація и артиллерія). Пользуясь своими связями, Антонскій старался обставить свое заведеніе лучшими преподавателями. Такъ, въ числѣ ихъ были послѣдовательно: Страховъ, Геймъ, Снегиревъ, Давыдовъ, Павловъ, Калайдовичъ, Болдыревъ, Шлецеръ, Тимковскій, Цвѣтаевъ, Сандуновъ, Мерзляковъ, Каченовскій, Двигубскій, Щепвинъ, Кошанскій, Чеботаревъ, Перевощиковъ, Чумаковъ, Мягковъ, Максимовичъ, Плавильщиковъ, Погодинъ, Раичъ. При такой обширной и смѣшанной программѣ весьма важно было то, что каждому изъ воспитанниковъ дозволялось, по собственному выбору, сосредоточиваться на извѣстныхъ предметахъ, которые и признавались для него главными на экзаменахъ, такъ что воспитанникъ по нимъ переводился въ высшій классъ, а не на основаніи общаго передвиженія. Кромѣ того, въ самой шеольной дисциплинѣ старались ввести болѣе облагоустроенные приемы и тѣлесное наказаніе въ то уже время было совершенно изгнано изъ стѣнъ благороднаго пансіона. Въ пансіонѣ, при этихъ условіяхъ, развился между воспитанниками духъ товарищества, который связывалъ на всю жизнь шеольными воспоминаніями людей, получившихъ съ самой ранней юности одинаково хорошее и благородное направленіе. На ряду съ этимъ въ пансіонѣ получилъ преобладаніе вкусъ къ умственнымъ занятіямъ, соединенный съ нѣкоторымъ лоскомъ, необходимымъ для тогдашняго общества. Съ этою цѣлью

устраивались домашніе театры, балы, концерты, чтеніе лучшихъ произведеній на преподаваемыхъ языкахъ, занятіе литературой рѣчи, стихотворенія и разговоры воспитанниковъ на торжественныхъ актахъ.

Само собою разумѣется, что энциклопедическое образованіе, дававшееся въ тогдашнихъ пансіонахъ, было весьма поверхностно и не могло подготовить къ серьезному занятію наукою, но этого тогда еще и не требовалось. Мы видѣли, въ какомъ дикомъ состояніи было общество до Екатерины, въ эту переходную эпоху, когда начала въ него проникать тревожная и неустановившаяся западно-европейская цивилизація; общество не могло вдругъ утратить свой первобытный характеръ и смягченіе нравовъ, обусловленное до нѣкоторой степени уже проникавшимъ образованіемъ, еще не имѣло силы окончательно поборотъ всѣ жесткіе и грубые элементы, завѣщанные старою Русью. Такому обществу были не по плечу наука и высшее образованіе; съ него было довольно, если укрѣпится стремленіе къ образованію, какъ существенной потребности человѣческаго общежитія, чувство нравственнаго достоинства и гуманное отношеніе къ окружающимъ. Энциклопедическое образованіе, которымъ большею частью въ школахъ заканчивали знакомство съ наукою, было даже очень полезно и вполне соответствовало условіямъ времени и заведенія, такъ какъ именно это энциклопедическое образованіе давало людей настолько развитыхъ и гуманныхъ, чтобъ оказывать полезное вліяніе въ дальнѣйшей своей дѣятельности. Не даромъ реакція, со Стурдзою и Магницкимъ въ главѣ, больше всего вооружалась именно противъ такого энциклопедическаго образованія.

Начало такого образованія положилъ въ значительной степени благородный пансіонтъ; въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. онъ подготовилъ поколѣніе, давшее, въ свою очередь, людей сороковыхъ годовъ (11).

Большинство людей, съ которыми Александръ Ивановичъ въ молодые годы вступилъ въ близкія отношенія, наприм., вв. Одоевскій, Титовъ, Шевыревъ, Авр. С. Норовъ, были воспитанниками благороднаго пансіона.

Несравненно важнѣе было другое событіе—приглашеніе Новикова. Назначенный 28 іюня 1778 г., въ день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, кураторомъ университета, Хера-

сковъ, прїѣхавъ въ Петербургъ съ Татищевымъ, уговорилъ Новикова принять на себя завѣдываніе университетскою типографіей и тотъ переселился изъ Петербурга въ Москву въ концѣ апрѣля 1779 года. Неизвѣстно, знакомъ ли былъ лично до тѣхъ поръ Новиковъ съ Херасковымъ; можетъ быть, между ними еще прежде были масонскія связи, тѣмъ болѣе, что Тургеневъ, другъ Хераскова и тоже масонъ, участвовалъ, въ качествѣ сотрудника, въ петербургскихъ изданіяхъ Новикова. Въ „Опытѣ историческаго словаря российскихъ писателей“ (1772 г.) Новиковъ считаетъ Хераскова однимъ изъ лучшихъ писателей; имя послѣдняго стоитъ въ числѣ подписчиковъ на многія изданія Новикова. Но, независимо отъ личнаго знакомства, приглашеніе Хераскова было понятно, потому что Новиковъ въ то время уже былъ *силою* въ обществѣ и направленіе его вполне опредѣлилось. Доказательствомъ тому служить, что, еще до Хераскова, ему предлагалъ участвовать въ учрежденіи типографіи харьковскихъ училищъ губернаторъ Слободской губерніи, ген.-майоръ Щербининъ.

Въ 1758 г. Новиковъ былъ одинъ изъ первыхъ учениковъ университетской гимназіи въ Москвѣ; а въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1760 г. опубликовано имя Новикова, выключеннаго изъ Московскаго университета за лѣность и нехождение въ классы. Можетъ быть, самое преподаваніе не прїохотило Новикова къ ученію; какъ бы то ни было, Новиковъ не обладалъ серьезнымъ образованіемъ. Карамзинъ, близко его знавшій, въ своей запискѣ Императору Александру говоритъ, что Новиковъ, „безъ воспитанія, безъ ученія, писалъ остроумно, пріятно и съ цѣлью нравственною“. Новиковъ самъ признавалъ, что его „первымъ учителемъ былъ Богъ“. Въ 1815 г. онъ писалъ Карамзину: „не забывайте, что съ вами говоритъ идіотъ (невѣжда), не знающій никакихъ языковъ, не читавшій никакихъ философовъ и они никогда не лѣзли въ мою голову; это—странность, однако, истинно было такъ“. Въ тѣхъ же письмахъ онъ отвергалъ новыя открытія въ астрономіи и химіи, называя ихъ бредомъ.

Но это не помѣшало Новикову сослужить дѣлу русскаго образованія ту великую службу, которой оно тщетно ожидало отъ людей болѣе образованныхъ и ближе къ нему поставленныхъ.

Новиковъ записанъ былъ солдатомъ въ Измайловскій полкъ и, будучи унтеръ-офицеромъ, взятъ былъ въ 1767 г. въ комиссію

о сочиненіи проекта новаго уложенія, опредѣленъ въ комиссію „о среднемъ родѣ людей“ содержаниемъ дневной записи и во время диспутовъ прикомандированъ былъ въ общее собраніе къ держанію дневной же записи. Въ этомъ занятіи съ нимъ чередовались Ѡ. Шишковъ, М. Лыковъ и П. Соймоновъ. Уже одно это назначеніе заставляеть предполагать, что выдающіяся способности Новикова были общеизвѣстны; въ наставленіяхъ Екваторины о выборѣ лицъ для веденія дневныхъ записей комиссіи прямо сказано: „къ держанію протоколовъ опредѣлить особливыхъ людей изъ дворянъ со способности“. Г. Незеленый предполагаетъ, что возбужденіе и начало дѣятельности Новикова, быть можетъ, кроется въ комиссіи объ уложеніи, гдѣ Новиковъ имѣлъ полную возможность изъ словъ депутатовъ ознакомиться съ направлениемъ народнаго русскаго ума и съ истинными потребностями русской жизни.

Въ 1768 г. Новиковъ изъ комиссіи уволенъ и отставленъ поручикомъ. Издательская дѣятельность Новикова началась весьма рано. Изъ документовъ, сообщенныхъ Пекарскимъ (Дополн. къ „Истор. масон.“) видно, что Новиковъ началъ печатать переводы и оригинальныя сочиненія („Сонетъ“) еще начиная съ 1766 г., когда ему было 22 года. Полнаго списка всѣхъ изданій, напечатанныхъ Новиковымъ, нѣтъ и потому нельзя судить, издавалъ ли онъ сочиненія и переводы случайно, по мѣрѣ того, какъ они до него доходили, или онъ имѣлъ въ этомъ случаѣ какую-нибудь опредѣленную систему и самъ до извѣстной степени участвовалъ въ выборѣ произведеній. Но, для рѣшенія отчасти этого вопроса, есть возможность прослѣдить журнальную дѣятельность Новикова, тѣмъ болѣе, что ей именно онъ обязанъ, главнымъ образомъ, своимъ значеніемъ. Чтобы точнѣе оцѣнить значеніе Новикова въ исторіи нашей журналистики, мы скажемъ нѣсколько словъ о ея началѣ и развитіи, до выступленія Новикова.

Первое періодическое изданіе, выходившее въ Россіи, были „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ“. Эти первыя русскія „Вѣдомости“ возникли по волѣ Петра Великаго и первый ихъ листъ появился въ Москвѣ 2 января 1703 г. „Вѣдомости“ эти печатались сначала въ Москвѣ, а съ 1711 г. иногда въ Петербургѣ, неопредѣленно, по накопле-

нію матеріала и по мѣрѣ надобности; онѣ продолжались по 1728 г. Въ этомъ году изданіе „Вѣдомостей“ перешло окончательно къ петербургской академіи наукъ и 2 января 1728 г. вышелъ первый номеръ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ подъ редакціей адъютанта Миллера. Тогда же Миллеръ выпустилъ при „Вѣдомостяхъ“ „Мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія“ (1728 г.), гдѣ помѣщались статьи, относящіяся до внѣшней иностранной исторіи, промышленности, медицины и проч. Продолженіе этихъ примѣчаній (1729—1742 гг.) ежемѣсячно по два листа было гораздо обширнѣе; въ немъ приняли участіе академики Эйлеръ, Гмелинъ, юристъ Бекенштейнъ и нѣкоторые постороннія лица. Въ этихъ примѣчаніяхъ помѣщались подробныя объясненія, относящіяся къ извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ „Вѣдомостяхъ“, популярныя историческія статьи, объяснявшія связь современныхъ происшествій съ прежними, естественныя событія, обращающія на себя общее вниманіе, даже легкія статьи и стихотворенія. Успѣхъ этихъ примѣчаній побудилъ Миллера приступить къ изданію болѣе обширнаго журнала. Въ мартѣ 1754 г., въ своемъ предложеніи конференціи академіи наукъ, онъ заявилъ, что „число любознательныхъ читателей и учащихъ мало-по-малу возрастаетъ“, и потому необходимо удовлетворить ихъ любознательности „изданіемъ болѣе полнымъ и всестороннимъ, которое доставляло бы читателямъ пищу для ума и средства къ дальнѣйшему саморазвитію“. Съ этою цѣлью предпринято было академіею изданіе, подъ редакціей Миллера, „Ежемѣсячныхъ сочиненій“ (съ 1755—1765 г. названіе нѣсколько разъ не вполне измѣнялось) ⁽¹³⁾.

Здѣсь главное значеніе имѣли ученые статьи, оригинальныя и переводныя, которымъ надо отдать полную справедливость, такъ что нѣкоторые изъ нихъ (въ особенности самого Миллера и Рычкова) не потеряли свою цѣну и въ настоящее время. Затѣмъ помѣщались стихотворенія извѣстныхъ поэтовъ (преимущественно Сумарокова, Третьяковскаго, Хераскова, Нартова и др.) и переводныя статьи для легкаго чтенія нравственно-сатирическаго содержанія. Въ то время такой характеръ журналовъ преобладалъ въ западной литературѣ. Миллеръ оказалъ важную услугу нашей журналистикѣ, — которая на первое время должна была преимущественно наполняться переводами, — указаніемъ англійскихъ журналовъ, издававшихся Стилемъ и Аддисономъ: „The Tatter“ (Болтувъ,

1710) и „The Spectator“ (Зритель). Журналы эти представляли высоко-талантливый образец, положивший начало новейшей журналистики, и немедленно вызвали подражания во Франціи и въ Германіи. Опытъ Миллера увѣнчался успѣхомъ, и публика, по словамъ митрополита Евгенія, читала журналъ его съ жадностью. Это доказывается тѣмъ, что Миллеръ сейчасъ же вызвалъ подражателей.

Точно также, какъ впоследствии въ Москвѣ интеллигентный кружокъ сосредоточивался около университета, въ Петербургѣ русскій интеллигентный кружокъ пріютился въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ, который, до нѣкоторой степени, на первыхъ порахъ имѣлъ значеніе для петербургской литературы, сходное съ университетомъ для Москвы (13). Здѣсь попытка Миллера впервые вызвала подражаніе и появился первый частный журналъ „Праздное время, въ пользу употребленное“ (1759—1760 гг., 4 части). Изданіе это писалось и печаталось въ корпусѣ; въ числѣ сотрудниковъ его поименованы Нартовъ, Порошинъ, вк. Вас. Бѣлосельскій и Ник. Титовъ. Изданіе это было чисто-литературное и содержало въ себѣ почти исключительно статьи переводныя. Въ 1759 г. явилась „Трудолюбивая Пчела“, подъ редакціей А. П. Сумарокова, прекратившаяся, по истеченіи года, за недостаткомъ средствъ. Здѣсь уже печатались, кромѣ переводовъ, оригинальныя статьи самого издателя; Сумароковъ, въ своемъ журналѣ, первый началъ критику нашихъ общественныхъ нравовъ, хотя и весьма легко, въ разныхъ притчахъ и коротенькихъ замѣткахъ; онъ перенесъ это съ собою и въ послѣдній годъ (1760) предъидущаго журнала, куда онъ перешелъ послѣ прекращенія своего.

Затѣмъ журнальная дѣятельность въ Петербургѣ прекратилась, но за то съ 1760 г. начинается цѣлый непрерывный рядъ періодическихъ изданій, связанныхъ съ университетомъ и „Московскими Вѣдомостями“, вплоть до 1830 г., когда прекратился „Вѣстникъ Европы“.

Тотчасъ послѣ основанія Московскаго университета 26 апрѣля 1756 г. вышелъ первый номеръ доселѣ существующихъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ то время какъ университетскую типографію завѣдывалъ ассессоръ университетской конференціи Херасковъ. Редакціей „Вѣдомостей“ завѣдывали профессора университета Поповскій, Барсовъ и Вельяминовъ.

Вслѣдъ затѣмъ явился первый литературный журналъ въ Москвѣ: „Полезное Увеселеніе“, подѣ редакціей М. М. Хераскова (съ декабря 1760 по іюнь 1762 г.). Журналъ этотъ замѣчательнъ потому, что, кромѣ Хераскова и жены его, главными владчиками были студенты Московскаго университета. Въ числѣ сотрудниковъ журнала поименованы: Д. и П. Фонъ-Визины, Домашневъ, Приклонскій, Поповскій, Нартовъ, Поземнинъ, А. и С. Нарышкины, Хрущовъ, Богдановичъ, здѣсь выступившій на литературное поприще, Санковскій, Ржевскій, Соколовъ, Як. Булгаковъ, Рубанъ, Каринъ, Золотницкій, Аничковъ, Пав. Жуковъ, Орловъ и т. д. Журналъ этотъ состоялъ преимущественно изъ стихотвореній, но были и прозаическія переводныя статьи, большею частью изъ древнихъ авторовъ.

Вторымъ повременнымъ изданіемъ въ Москвѣ было „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и произведенію удовольствія, или смѣшанная бібліотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, также до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ“, подѣ редакцію проф. Рейхеля (1762 г.), гдѣ принимали участіе студенты Ден. и Пав. фонъ-Визины, гр. Арт. Воронцовъ, Корсаковъ, Калиновскій, Агентовъ, Як. Дашковъ, Золотницкій, Марковъ и др. Журналъ этотъ, какъ видно по заглавію, имѣлъ характеръ ученый и практическій и не содержалъ въ себѣ ни стиховъ, ни беллетристики.

Въ 1763 г. Херасковъ предпринялъ другой журналъ— „Свободные Часы“, гдѣ сотрудниками его явились Сумароковъ, Ржевскій, Майковъ, Санковскій, Каринъ, Пермскій и др. Типъ этого журнала былъ тотъ же, какъ и перваго, съ тою разницею, что переводная прозаическая часть была усилена и появлялись статьи болѣе серьезнаго содержанія, напримѣръ: нѣсколько статей подѣ заглавіемъ „Опытъ объ историкахъ“ (Геродотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ, Полибій), „О высокоуміи“, „О истинномъ пути къ прославленію себя и другихъ“.

Сотрудники Хераскова вскорѣ выступили и на самостоятельное журнальное поприще.

И. Ф. Богдановичъ издавалъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ 1763 года, журналъ „Невинное Упражненіе“. Во всемъ изданіи не встрѣчается ни подѣ одною статьею подписи автора и, какъ кажется, всѣ статьи и переводы принадлежатъ самому издателю. Между

прочимъ, въ этомъ журналѣ Богдановичъ помѣстилъ свой переводъ Волтеровой поэмы „На разрушеніе Лиссабона“ и переводъ кн. Дашковой „Объ эпическомъ стихотвореніи“.

Окончившій въ 1763 г. курсъ въ университетѣ Вас. Дем. Санковскій издавалъ въ 1764 г. журналъ „Доброе Намѣреніе“, гдѣ помѣщались статьи и переводы Рубана, В. Петрова, Слатвинскаго, Пермскаго, Костровскаго, Веницеева, Павла Фонъ-Визина, Вершинцаго, Перепечина и Пустовойтова. Здѣсь, кромѣ стиховъ самого издателя и Фонъ-Визина, былъ довольно серьезный выборъ переводныхъ прозаическихъ статей, между прочимъ, изъ „Spectator'a“.

Съ 1764 по 1769 г. собственно литературная журнальная дѣятельность, за исключеніемъ изданій академіи, прекратилась. Въ 1769 году вдругъ появляется сразу нѣсколько журналовъ сатирическаго направленія ⁽¹⁴⁾.

Внѣшнею причиной этого внезапнаго наплыва сатирическихъ изданій принимаютъ обыкновенно толчекъ, данный самою Императрицею Екатериной. Кромѣ несомнѣнно ей присущаго сатирическаго оттѣнка въ самомъ ея характерѣ, внутреннее настроеніе общества, взволнованнаго начавшеюся тогда войной съ Турціею, могло вызвать въ ней желаніе чѣмъ-нибудь занять общество и отвлечь его вниманіе. Но этого недостаточно; причину ранняго у насъ появленія сатиры слѣдуетъ искать глубже. Причину эту весьма вѣрно указалъ Добролюбовъ въ своей статьѣ о „Собесѣдникѣ любителей руссійскаго слова“: „Молодое развивающееся общество русское чувствовало, конечно, само свое несовершенство; видно, что ему многое нужно было у себя исправить и передѣлать. Но не въ его волѣ было вдругъ отрѣшиться отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, имѣвшихъ большею частью историческое происхожденіе, проникнувшихъ весь характеръ народа и нерѣдко связанныхъ съ самымъ его общественнымъ устройствомъ. Для этого нужно было время, приготовленіе; нужно было, чтобы появилось сначала сознаніе недостатковъ; чувство необходимости ихъ исправленія сначала должно было теоретически овладѣть умами, чтобы потомъ практически выразиться въ жизни. Сатира явилась въ этомъ случаѣ дѣятелемъ, какъ и всегда является въ обществѣ. Это общество, столько перенесшее и выстрадавшее, такъ часто останавливаемое враждебными обстоятельствами въ нравственномъ ходѣ своего развитія, или стѣсняемое въ самыхъ чистыхъ и высокихъ своихъ стремленіяхъ, связан-

ное во всемъ по рукамъ и ногамъ, вслѣдствіе совершенно неравномѣрнаго распредѣленія въ немъ умственныхъ и вещественныхъ преимуществъ,—это общество, не имѣя возможности дѣйствовать, искало отрады, по крайней мѣрѣ, въ словѣ, умномъ, смѣломъ, благородномъ, выводящемъ на посмѣяніе все низкое и пошлое и выражавшемъ живое стремленіе къ новому, лучшему, разумному порядку вещей. Во всемъ, что есть лучшаго въ нашей словесности, отъ первыхъ народныхъ пѣсенъ до произведеній Гоголя и (скажемъ отъ себя) сатиры Щедрина, видимъ мы эту иронию, то наивно-открытую, то лукаво-спокойную, то сдержанно-желчную. Она нашла себѣ представителей и въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка“.

Въ литературномъ отношеніи имѣютъ больше всего цѣны сатирическія произведенія Новикова. Многія изъ нихъ, по мѣткости и живости, не только несравненно выше всего современнаго, но даже не устарѣли и для настоящаго времени, чему можетъ служить письма Фалеева и его родственниковъ, перепечатанныя въ „Исторической хрестоматіи“ Галахова. Новиковъ нападалъ не только на щеголей и щеголихъ, на неправильныхъ судей и вообще на обыденные и преобладающіе недостатки того времени; онъ не щадилъ въ своей сатирѣ „на лицо“ людей высокопоставленныхъ и ватрогивалъ вопросы, пугавшіе своею смѣлостью современниковъ. Въ помѣщенныхъ въ „Живописцѣ“ „Отрывкахъ изъ путешествія въ ***“), по всей вѣроятности, принадлежащихъ И. П. Тургеневу, высказывается такой смѣлый протестъ противъ крѣпостнаго права, который не уступаетъ знаменитому путешествію Радищева и даже неправильно ему приписывался. Замѣчательно, что всѣ сатирическіе журналы Новикова къ концу ослабѣваютъ. Причина этому понятна: трудно одному человѣку набрать достаточно матеріала для періодическаго изданія, задавшись такою одностороннею задачей. Едва ли справедливо, что журналы Новикова останавливались отъ независящихъ обстоятельствъ; рѣзкія статьи, конечно, возбуждали толки и неудовольствія, но были защитники, отдававшіе справедливость добрымъ стремленіямъ автора. При этомъ интересны отношенія Новикова къ Императрицѣ, выразившіяся въ полемику между „Трутнемъ“ и „Всякою Всячиной“. Новиковъ защищалъ пользу и необходимость личной сатиры, „Всякая Всячина“, напротивъ, придерживалась умѣренности и находила, что цѣль исправ-

ленія общества достигается не однимъ бичеваніемъ пороковъ, но и указаніемъ примѣровъ добродѣтели. „Всякая Всячина“, говоря объ авторѣ, избравшемъ своею задачей исключительно сатиру, говоритъ: „такое несчастное сложеніе, наполненное злостью и злословіемъ, при свободности языка и съ острыми выраженіями, вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ“. Вообще распространено мнѣніе, что „Трутень“ прекращенъ былъ по желанію Императрицы, за слишкомъ смѣлое затрогиваніе крестьянскаго вопроса и за выходы противъ знатныхъ и чиновныхъ лицъ; но прямыхъ доказательствъ на это нѣтъ. Если бы Екатерина такъ строго относилась къ поднятію вопроса о крестьянахъ и за это косвенно запретила „Трутень“, то Новиковъ, конечно, никогда не рѣшился бы помѣстить въ „Живописецъ“ упомянутые выше „Отрывки изъ путешествія“. Правда, Екатерина совсѣмъ не была обрадована тѣмъ бойкимъ направленіемъ, которое приняла сатира того времени. Екатерина смотрѣла на сатиру, какъ на остроумное занятіе, на веселье, но вовсе не какъ на протестъ противъ недостатковъ общества; а когда сатира начала беспощадно бичевать взяточничество и административныя злоупотребленія, Екатерина вступилась за нихъ и „Всякая Всячина“ вину этого порядка вещей складывала не на лицъ и учрежденія, а на само общество, которое ихъ терпѣло и поощряло. Но отъ этого неудовольствія до какого-либо преслѣдованія тайнаго или явнаго въ эту эпоху царствованія Екатерины было еще далеко. Въ 1772 г. сама Екатерина выступила на сатирическое поприще тремя своими комедіями: „О время“, „Именины г-жи Ворчалкиной“ и „Г-жа Вѣстникова съ семьей“. Новиковъ начинаетъ свой „Живописецъ“ обращеніемъ къ автору „О время“, гдѣ онъ, осыпая автора похвалами, посвящаетъ ему изданіе и говоритъ, что авторъ „открылъ ему дорогу, къ которой онъ всегда стремился“. Екатерина напечатала въ „Живописецъ“ свой отвѣтъ и заявила, что она не прочь отъ участія въ журналѣ. Съ этой поры начинаются благосклонныя отношенія Новикова къ Императрицѣ и изъ его вызова принять на себя представленіе г. - м. Щербинина о заведеніи типографіи въ Харьковѣ нельзя не заключить, что Новиковъ въ то время имѣлъ доступъ къ Екатеринѣ. Послѣ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“, издававшихся Миллеромъ, наибольшимъ успѣхомъ среди читателей пользовались сатирическія изданія Новикова. „Живописецъ“ читался съ жад-

ностью, выдержалъ шесть изданій и обратился въ книгу для *народнаго чтенія*. Самъ Новиковъ, въ предисловіи къ третьему изданію, упоминая о быстромъ расходѣ своего журнала, говоритъ: „Сіе сочиненіе попало на вкусъ *мѣщанъ* нашихъ: ибо у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся. Люди же, разумъ свой знаніемъ французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми головными уборами, привозимыми изъ Франціи, какъ-то: пудрою, помадою, книгами и проч.“ Новиковъ, между прочимъ, указываетъ книги, находившіяся въ то время въ обращеніи у *мѣщанъ*: „Троянская исторія“, „Синописисъ“, „Юности честное зеркало“, „Совершенное воспитаніе дѣтей“, „Азовская исторія“ и нѣкоторые другія (14).

Кромѣ своей литературной дѣятельности, Новиковъ еще въ Петербургѣ приготовился совершенно къ той дѣятельности, которую онъ такъ широко и съ такимъ успѣхомъ развилъ въ Москвѣ. Онъ, на суммы, поступавшія отъ подписчиковъ на „Утренній Свѣтъ“, началъ заводить училища. Въ ноябрѣ 1777 г. имъ было открыто Еватерининское училище при церкви Владимірской Божіей Матери, а въ сентябрѣ 1778 г. Александровское училище при церкви Благовѣщенія. Въ этихъ училищахъ, по отчету за августъ 1779 г., показано въ первомъ 32 человѣкъ приходящихъ, а во второмъ—26 пансіонеровъ, 26 приходящихъ и 9 за плату, т.-е. всего 93 человѣка. Въ „Живописцѣ“, отвѣчая на письмо изъ Ярославля объ обществѣ, старающемся о напечатаніи книгъ, Новиковъ указываетъ, что Императрица учредила „собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ на руссійскій“, и опредѣлила ежегодно на выдачу гонорара переводчикамъ 5,000 р. Разъясняя всю пользу этого общества, Новиковъ настаиваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о необходимости правильной организаціи книжной торговли, преимущественно въ провинціяхъ, по частной инициативѣ.

Между тѣмъ, въ концѣ петербургскаго пребыванія настроеніе духа Новикова подверглось значительной перемѣнѣ. Онъ остановился на томъ распутіи, о которомъ мы уже говорили и которое вызывалось безотраднымъ направленіемъ крайняго матеріализма и распущенностью нравовъ. „Находясь на распутіи,—говорилъ онъ,— между волтеріанствомъ и религіей, я не имѣлъ точки опоры или

квадратнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество масоновъ“. Новиковъ вступилъ въ масоны въ іюнь 1775 года въ ложу „Астрей“ Елагинской системы и, неудовлетворенный дѣятельностью этой ложи, гдѣ члены въ собраніяхъ почти играли масонствомъ, какъ игрушкою, ужинали и веселились, вмѣстѣ съ другими основалъ ложу Германской (Цинцендорфской) системы или по имени учредителя ея въ Петербургѣ Рейзелевской, гдѣ намѣстнымъ мастеромъ сдѣлался И. П. Чаадаевъ, родной дѣдъ извѣстнаго П. Я. Чаадаева.

Это настроеніе совершенно измѣнило характеръ журнальной дѣятельности Новикова, что и отразилось на „Утреннемъ Свѣтѣ“. Прежде всего, уже самое „предувѣдомленіе“ къ журналу ставить одною изъ главныхъ его задачъ опроверженіе ученія энциклопедистовъ, „нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей сочиненій, подобныхъ блеску сусальнаго золота“. Далѣе „предувѣдомленіе“ вносить въ программу „все пространство поля высочаго, средняго и общаго нравоченія“ и „всеобщей сатиры“, направленныхъ противъ тѣхъ людей, „кои сами свое высокое человѣческое достоиніе ногами попирають“. Такимъ образомъ, характеръ сатиры сталъ другой: она не только не направлена „на лицо“, но даже потеряла мѣстный, національный колоритъ; осмѣивая недостатки съ общечеловѣческой точки зрѣнія, она утратила всякій живой смыслъ. „Утренній Свѣтъ“ по преимуществу наполнялся переводами изъ древнихъ писателей и изъ новыхъ (въ особенности Юнгъ, Паскаль); есть переводы изъ Бэкона и педагогическія статьи изъ Федеря и Кампе. Въ одной изъ статей есть перечисленіе писателей, названныхъ *подлыми*; къ нимъ отнесены: Свифтъ, Рошефукольтъ, Руссо, Вольтеръ, Бель, Ламетри и Гельвецій. Весь журналъ проникнутъ идеей отвлеченнаго идеализма, хотя этотъ идеализмъ не получилъ еще никакого опредѣленнаго міросозерцанія и борется съ болѣе нормальнымъ отношеніемъ къ природѣ, наукѣ и жизни. Масонскую окраску журналъ имѣетъ въ весьма слабой степени. Въ главной статьѣ „Къ издателямъ „Утренняго Свѣта“ по поводу масонскаго сочиненія Крама Реноа, впоследствии конфискованнаго у Новикова, — гдѣ прямо говорится о таинствахъ масонства и связи ихъ съ древними мистеріями, — авторъ выражается: „О, сколь бы желательно, если-бы подобныя таинства еще донинѣ находились, хотя я и самъ сомнѣваюсь, находятся ли они; но не во вредъ служили бы

просвѣщеннымъ временамъ“. Такимъ образомъ, передъ отъѣздомъ въ Москву, несмотря на поступленіе Новикова въ масоны, онъ еще находился въ періодѣ „сомнѣнія“ относительно масонства, но за то планы его для распространенія образованія уже совсѣмъ созрѣли.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Новиковъ встрѣтился съ Шварцемъ и съ тѣхъ поръ дѣятельность ихъ сдѣлалась общою и неразрывною. Соединенная дѣятельность Новикова и Шварца представляетъ исходную точку, гдѣ начинается новый толчекъ въ народномъ нашемъ образованіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало культурнаго значенія Москвы и ея университета.

Личность Шварца въ высшей степени замѣчательна; немногіе изъ иностранцевъ, переселявшихся въ Россію, принесли настолько пользы нашему отечеству. Уроженецъ Трансильваніи, Шварцъ смолоду посвятилъ себя ученой части и, познакомившись въ 1776 г. за границею съ вн. И. С. Гагаринымъ, вступилъ воспитателемъ дѣтей въ домъ друга его, А. М. Рахманова, жившаго въ Могилевѣ. Шварцъ былъ убѣжденный и ученый теозофъ и смотрѣлъ на масонство съ гораздо болѣе серьезной точки зрѣнія, нежели Новиковъ, съ которымъ Шварцъ часто расходился по этому поводу. Но за то глубокая и разносторонняя ученость Шварца какъ нельзя болѣе пополняла пробѣлъ въ этомъ случаѣ у Новикова и имѣла большое значеніе для дѣятельности послѣдняго. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Могилевъ Шварцъ пріѣхалъ въ Москву и познакомился съ кп. Н. Н. Трубецкимъ, принявшимъ его въ свою масонскую ложу. По смерти Рахманова, Шварцъ въ 1779 г. переселился въ Москву. Въ августѣ 1779 г., по приглашенію Хераскова, онъ получилъ мѣсто учителя нѣмецкаго языка въ гимназій и катедру профессора въ университетѣ и скоро пріобрѣлъ на Хераскова большое вліяніе. Въ это же время Шварцъ сблизился съ Новиковымъ, котораго издательская дѣятельность была извѣстна Шварцу. Шварцъ оцѣнилъ въ Новиковѣ тѣ качества, которыя дѣйствительно ему были присущи,—„особенную ревность къ просвѣщенію и горячую любовь къ отечеству“, соединенныя съ желѣзною и ни предъ чѣмъ не уступавшею энергіей, на поприщѣ, гдѣ, по словамъ самого Шварца, „слѣдовало рисковать всѣмъ, надѣяться немногаго“. Новиковъ былъ дорогимъ человѣкомъ для Шварца, ибо въ умѣ послѣдняго возникъ обширный планъ распространить просвѣще-

ніе по возможности во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Для этого Шварцъ, понимая недостаточность усилій отдѣльнаго лица, рѣшился устроить общество съ цѣлью: 1) распространить въ публикѣ по возможности правила воспитанія; 2) помогать предпріятію Новикова по изданію и распространенію переводовъ и полезныхъ сочиненій; 3) привлекать изъ-за границы достойныхъ иностранныхъ воспитателей, или, что еще лучше, готовить русскихъ наставниковъ. Интересно, съ какою обдуманностью, постепенностью и настойчивостью Шварцъ приступилъ къ исполненію своего плана. Съ самаго своего появленія на кафедрѣ Шварцъ привлекъ къ себѣ вниманіе и привязанность своихъ слушателей и учениковъ. Еще въ то время, когда отношенія профессора къ студентамъ не отличались близостью и взаимнымъ сочувствіемъ, Шварцъ, не ограничиваясь лекціями, бесѣдовалъ со слушателями, давалъ имъ книги изъ своей бібліотеки и въ сухія отношенія между профессоромъ, ограничивающимся исполненіемъ своихъ обязанностей, и равнодушною къ нему аудиторіей умѣлъ внести связь, не разрывавшуюся до самой смерти уважаемаго наставника. Вліяніе Шварца было таково, что родители молодыхъ людей приходили благодарить его, звали его къ себѣ и онъ скоро сталъ близкимъ человѣкомъ во многихъ домахъ. Шварцъ началъ свое преподаваніе нѣмецкаго языка въ гимназій по методу Плюшо (Pluchot: „La mécanique des langues et l'art de les enseigner“), не ограничиваясь сухимъ изложеніемъ этимологическихъ формъ и указывая внутреннее строеніе языка, но не вдаваясь въ недоступныя для учениковъ метафизическія гипотезы. Въ университетѣ Шварцъ, преподавая нѣмецкій языкъ, читалъ общую теорію словесности, что было не лишнее, такъ какъ на кафедрѣ русской словесности въ то же время занималъ Чеботаревъ, вовсе не преподававшій никакой теоріи и ограничивавшійся разборомъ старыхъ писателей. А тогда и лучшіе критики занимались при этомъ только грамматическою правильностью языка и критикою отдѣльныхъ выраженій. Судя по руководствамъ (Рамлера, Готшеда и Гейнаца), преподаваніе Шварца не выходило изъ рамокъ господствовавшей тогда схоластики, но, во всякомъ случаѣ, Шварцъ,—независимо отъ того, что онъ приохотилъ слушателей преимущественно къ серьезной нѣмецкой литературѣ, вмѣсто господствовавшей въ его время легкой французской, которой Шварцъ не сочувствовалъ,—содѣйствовалъ также образованію правильного

русскаго слога, выработка котораго началась въ эпоху Новиковско-Шварцовой переводной дѣятельности и докончена была Карамзинымъ. Въ своей рѣчи, читанной въ день празднованія 25-ти лѣтняго юбилея, 24 апрѣля 1780 года (*De virtutibus et vitiis stili germanici*, о достоинствахъ и недостаткахъ нѣмецкаго слога), Шварцъ, вооружаясь противъ педантизма и раздражительности, признаетъ главнымъ достоинствомъ слога простоту, непринужденность и живость. По возвращеніи изъ-за границы Шварцъ читалъ въ 1782/3 году курсъ эстетики, гдѣ онъ, кромѣ нѣмецкихъ писателей, разбиралъ классиковъ и авторовъ итальянскихъ, англійскихъ, французскихъ и русскихъ. Приведенныя имъ руководства (Аристотель, Цицеронъ, Квинтиліанъ, Горацій, Баттѣ, Рамлеръ, Юмъ, Буало, Баумгартенъ) доказываютъ, что эти лекціи имѣли компилятивный характеръ и не могли представлять стройной и выработанной системы; но, тѣмъ не менѣе, сравнительное историческое изученіе древней и новой литературы не могло не принести слушателямъ большой пользы.

Дѣятельность Шварца не ограничивалась университетомъ и въ несравненно большей степени проявлялась въ другихъ его учрежденіяхъ.

Въ 1779 г. Прокофій Авѣиновичъ Демидовъ пожертвовалъ въ Московскій университетъ 20,000 руб., съ тѣмъ, чтобъ на проценты содержались шестеро студентовъ, предназначенныхъ въ учителя и профессора. Воспользовавшись этимъ пожертвованіемъ, Шварцъ подалъ куратору Хераскову мысль объ основаніи 13 ноября 1779 г. *педагогической семинаріи*, имѣвшей цѣлью приготовленіе профессоровъ и вообще наставниковъ для юношества. Шварцъ до самой своей смерти былъ душою этого заведенія. Онъ самъ занялъ тамъ мѣсто инспектора; принесъ въ даръ казначейству въ 5,000 р. и нѣкоторыя вещи; онъ же преподавалъ воспитанникамъ методу ученія и обученія, сдѣлавшись, такимъ образомъ, первымъ у насъ профессоромъ педагогикъ. Членами и преподавателями въ семинаріи назначены были профессора и старшіе учителя гимназій: такъ, филологъ Матвей читалъ особо студентамъ семинаріи объясненія греческихъ и латинскихъ классиковъ. Изъ этой семинаріи вышли, сдѣлавшіеся потомъ профессорами, Аршеневскій, Гавриловъ, Сохацкій и др. Къ сожалѣнію, въ печати нѣтъ, кажется ни о дальнѣйшей судьбѣ, ни о результатахъ этой семинаріи; вѣро-

ятво; она переименована была въ *учительскій институтъ*, инспекторомъ котораго въ 1797 г. былъ сдѣланъ профес. Сохацкій; его вскорѣ замѣнилъ Баузе, читавшій тамъ педагогичу и методику, а затѣмъ съ 30 октября 1808 года профессоръ Буле. По всей вѣроятности, педагогическій институтъ при Московскомъ университетѣ не возобновился послѣ погрома 1812 года. Вскорѣ Шварцъ открылъ учрежденіе, которое поставило его въ еще болѣе тѣсныя связи со студентами и расширило его живое участіе въ тогдашней литературной дѣятельности. 13 марта 1781 г. было открыто, по мысли Шварца, собраніе университетскихъ питомцевъ. Собраніе это имѣло двоякую цѣль: 1) упражненіе въ сочиненіяхъ и переводахъ изъ древнихъ и новыхъ писателей и изданіе ежегоднаго журнала въ пользу бѣдныхъ и 2) нравственное усовершенствованіе членовъ, для чего, при началѣ собранія, очередной членъ долженъ былъ сказать рѣчь по какому-либо нравственному предмету. Въ числѣ членовъ этого собранія и сотрудниковъ издаваемого журнала упоминаются, между прочими, Ѳ. Ключаревъ, Багрянскій, Гавриловъ, Тургеневъ, Трипольскій, Сохацкій и Малиновскій. Это было самое любимое учрежденіе Шварца, на которое онъ положилъ свои лучшіе труды, жертвовалъ въ него деньгами и вещами, доставлялъ окончившимъ курсъ членамъ его, посредствомъ своихъ связей, видныя служебныя мѣста и вообще заслужилъ глубокое и искреннее уваженіе. Собраніе это продолжало существовать и послѣ смерти Шварца: такъ, въ 1789 г. оно праздновало день своего учрежденія. Первымъ предсѣдателемъ былъ Прокоповичъ-Антонскій, которому собраніе много обязано, а когда Прокоповичъ занялся исключительно благороднымъ пансіономъ, его мѣсто занимали Сохацкій и Подшиваловъ. Собраніе собиралось еженедѣльно и членами его были магистры и бакалавры словесныхъ наукъ и старшіе студенты, принимавшіеся по выбору. Послѣ рѣчи очереднаго члена читались оригинальныя и переводныя статьи въ прозѣ и стихахъ, а также рецензій; все читанное подробно обсуждалось, происходили толки о новыхъ книгахъ и вообще о вопросахъ, касающихся изученія языка и словесности. Здѣсь студентъ Мерзляковъ читалъ первыя свои стихотворенія; въ своихъ воспоминаніяхъ о Ѳ. Ѳ. Ивановѣ онъ съ восторгомъ говоритъ объ этихъ собраніяхъ. По этому примѣру, уже послѣ смерти Шварца, учредилось въ 1799 году собраніе питомцевъ благороднаго пансіона.

Въ 1780 г., вскорѣ послѣ поступленія Шварца въ университетъ, конференція поручила ему преобразование университетской гимназіи. Шварцъ, найдя въ ней большіе недостатки, съ неизмовѣримымъ трудомъ привелъ ее въ порядокъ и измѣнилъ планъ ученія въ 1781 г. Это поссорило Шварца съ проф. Шаденомъ, по плану котораго устроены были гимназіи при университетѣ и который былъ въ нихъ ректоромъ и главнымъ преподавателемъ до 1772 г. Своими педагогическими приемами онъ расходился съ Шварцемъ, и послѣдній въ своей университетской рѣчи намеками осуждаетъ, конечно, Шадена, за сухость и педантизмъ его преподаванія. Усиленные занятія разстроили здоровье Шварца, и для его возстановленія и для обзорѣнія учебныхъ заведеній за границею Шварцу разрѣшенъ былъ отпускъ въ томъ же 1781 г. Путешествіе Шварца, совершенное имъ съ сыномъ Татищева, имѣло, какъ мы видѣли, не одну эту цѣль: онъ везъ съ собою важныя порученія отъ московскихъ масоновъ, и мы видѣли также, насколько онъ ихъ исполнилъ. Но Шварцъ не упускалъ изъ вида, во время своего путешествія, и своей учено-педагогической цѣли. Онъ сошелся съ знаменитымъ Бернулли и педагогомъ Бюшингомъ въ Берлинѣ, съ Иерузалемомъ, гр. Ангальтомъ и др.

По возвращеніи въ Россію (въ началѣ 1782 г.) Шварцъ тотчасъ же открылъ *филологическую* или *переводческую* семинарію для переложенія лучшихъ авторовъ и нравоучительныхъ сочиненій на русскій языкъ. Семинарія эта возникла благодаря обязательству Татищева содержать на свой счетъ шесть и дружескаго общества—десять воспитанниковъ. Воспитанники эти поступили изъ семинарій. Шварцъ читалъ для воспитанниковъ семинаріи у себя на дому частныя лекціи философской исторіи, которыя вскорѣ привлекли стороннихъ посѣтителей и перенесены были, по тѣснотѣ помѣщенія, въ домъ, занимаемый Новиковымъ. Кромѣ того, съ 3 сентября по 31 декабря Шварцъ читалъ у себя по воскресеньямъ лекціи „о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ“. Въ біографіи Шварца („Слов. проф. Моск. унив.“, ч. II, стр. 594) сказано, что лекціи эти сохранились въ рукописи, но, къ сожалѣнію, онѣ нигдѣ не напечатаны,—лишь извлеченіе помѣщено въ журналѣ Невзорова „Другъ Юношества“ (1813 г., январь, стр. 85—101). Насколько можно судить *вообще* о чтеніяхъ Шварца, видно, что они имѣли характеръ религіозно-идеалистическій, ставившій цѣлью человѣче-

своей жизни — исцелять небеснаго и не цѣнить земное. Шварцъ не отвергалъ наукъ: „онѣ суть также дары, происходящія отъ Бога“; но онъ „отвергалъ совершеннѣйшую на нихъ надежду и забвеніе чрезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждою на свои силы отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію“. Лабзинъ, его ученикъ и почитатель, говоритъ, что Шварцъ разбиралъ на лекціяхъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ламетри и пр. „Какъ будто новый свѣтъ, — прибавляетъ онъ, — просіялъ тогда слушателямъ. Какое направленіе и умамъ, и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ!“ Сильное и благотворное вліяніе Шварца на своихъ слушателей засвидѣтельствовалъ и Л. Максимовичъ. Насколько въ лекціяхъ Шварца проводилось его розенкрейцерство, судить данныхъ нѣтъ. Изъ отзыва одного изъ его учениковъ („Біогр. слов.“, ч. II, стр. 594) можно бы, казалось, заключить, что на своемъ университетскомъ курсѣ объ эстетикѣ Шварцъ, между прочимъ, говорилъ о справедливости физіогноміи и хиромантіи, чудесномъ открытіи магіи и кабалы и проч. Но насколько это вѣрно, или даже въ какомъ смыслѣ объ этомъ упомянуто, остается неизвѣстно, такъ какъ этотъ отзывъ представляетъ такой безтолковый и бессмысленный наборъ словъ, откуда нельзя вывести никакого заключенія. Къ этому мы прибавимъ, что догадка г. Незеленова, будто педагогическія статьи, помѣщенные въ изданіи Новикова: „Прибавленія къ „Моск. Вѣдомостямъ“ 1783 г.“, о которыхъ г. Незеленый говоритъ, что „онѣ принадлежать къ числу лучшихъ произведеній, появившихся у насъ въ XVIII вѣкѣ („О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общепользныхъ знаній и всеобщаго благополучія“, „Фамиліальный разговоръ“, „Письмо о домашнихъ учителяхъ“, „О раннемъ началѣ ученія дѣтей“, „О сократистическомъ способѣ ученія“, „О эстетическомъ воспитаніи“) принадлежать перу самого Новикова, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія („Новиковъ“, стр. 325—349). Всѣ эти статьи тѣсно между собою связаны, представляютъ нѣчто вродѣ цѣлаго курса науки о воспитаніи и образованіи и, безспорно, принадлежать самому Шварцу, имъ самимъ написаны или составлены подъ его ближайшимъ руководствомъ. Вотъ доказательства:

1) Сочиненія эти представляютъ близкое и глубокое знакомство со всею западною педагогическою и философскою литературой, что недоступно для Новикова, не знавшаго иностранныхъ языковъ,

и совершенно приложимо къ Шварцу, ученость и начитанность котораго не подлежатъ сомнѣнію. Русскимъ языкомъ Шварцъ владѣлъ настолько, что увлекалъ слушателей не только содержаніемъ, но и изложеніемъ своихъ лекцій (16).

2) Новиковъ никогда не занимался педагогіей, Шварцъ же былъ педагогъ по преимуществу, и это была главная задача и важнѣйшая заслуга всей его дѣятельности. Шварцъ, какъ мы видѣли, преподавалъ педагогіку въ своей семинаріи и весной 1772 года передалъ конференціи 13 сочиненій о воспитаніи („Біогр. словарь“, ч. II, стр. 591).

3) Печатаніе главнаго сочиненія— „О воспитаніи и наставленіи дѣтей“—прервано было помѣщеніемъ сочиненія, присланнаго изъ Германіи по тому же вопросу; въ предисловіи къ нему сказано, что эта присылка обусловлена поддержкою изданія „благоклонными отзывами почтенныхъ особъ и общаніями вспомошествовать“. Редакція воспользовалась присланнымъ сочиненіемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи: очевидно, что нѣмецкое сочиненіе было общано и до нѣкоторой степени составлено по заранѣе обусловленному плану. Не будетъ натяжки предположить, что Шварцъ, во время своего путешествія за границу, обдумалъ свое сочиненіе съ какимъ-нибудь извѣстнымъ германскимъ педагогомъ и получилъ отъ него, по пріѣздѣ въ Россію, самое изложеніе вопроса, для напечатанія въ одномъ изъ Новиковскихъ изданій.

Тотчасъ по возвращеніи Шварца изъ-за границы у него начались непріятности. Почти одновременно съ пріѣздомъ Шварца вернулся изъ-за границы, въ февралѣ 1772 г., старшій университетскій кураторъ И. И. Мелиссино. Сначала онъ, повидимому, близко сошелся со Шварцемъ, но вскорѣ между ними возникли неудовольствія. Поводомъ къ этому было оскорбленное самолюбіе. Мелиссино, вообще, было не по сердцу, что въ его отсутствіе такъ много и, притомъ, къ лучшему переибылся университетъ, но онъ сознавалъ невозможность возстать явно противъ учреждений, польза которыхъ была очевидна и всѣми признана. Мелиссино сначала былъ даже однимъ изъ ревностныхъ членовъ дружескаго общества. Но, видя, что основанное имъ при университетѣ въ 1771 г. „вольное руссійское собраніе“ совсѣмъ убито, Мелиссино предложилъ Шварцу соединить свое общество съ дружескимъ, надѣясь сохранить при этомъ званіе общаго предсѣдателя. Отказъ Шварца вызвалъ Мелис-

ско во открытїи неприяности, причемъ Мелиссїно воспользовался услугами противниковъ Шварца, профессоровъ Барсова и Шадена. Возникли обвиненїя противъ Шварца въ масонствѣ, и его частныя лекціи на дому были прекращены; начались неприяности и по профессорской должности Шварца. Шварцъ не выдержалъ и заболѣлъ; въ концѣ 1782 года Шварцъ оставилъ университетъ; осенью 1783 г. болѣзнь его значительно усилилась, а 17 февраля 1784 г. онъ скончался въ подмосковной своего друга Н. Н. Трубецкаго, въ селѣ Очаковѣ.

Всѣ труды совершены были Шварцемъ въ самый короткій срокъ (съ августа 1779 по конецъ 1782 г.), и потому нельзя не удивляться дѣятельности и энергіи этого замѣчательнаго подвижника въ исторіи русскаго просвѣщенїя. Широкая издательская дѣятельность и трагическая судьба Новикова отчасти заслонили личность Шварца, но оба друга, въ дѣлѣ, ими предпринятомъ, должны стоять одинаково высоко, тѣмъ болѣе, что внутренняя организація дѣла принадлежитъ Шварцу. Немудрено, что друзья и ученики Шварца съ глубокимъ сожалѣніемъ и признательностью проводили его въ могилу. 26 марта 1784 г. они собрались въ особое засѣданіе, чтобы почтить память умершаго учителя, и издали сборникъ, посвященный его имени. Здѣсь, подъ предсѣдательствомъ М. Прок.-Антонскаго, участвовали: Максимовичъ, Лабзинъ, Подшиваловъ, А. Прок.-Антонскій, Сохацкій, Тимковскій, Псіюль, Росинскій Доброгорскій, Молчановъ. Всѣ эти лица пользовались болѣею или меньшею извѣстностью въ тогдашней литературѣ и четверо изъ нихъ занимали впослѣдствіи профессорскую кафедру въ Московскомъ университетѣ. Чувства, одушевлявшія собравшихся, такъ выражены въ заключительной строфѣ посвященной Шварцу оды:

Онъ еще на насъ взираетъ,
Слышитъ наши голоса;
Вѣрный братъ не умираетъ,
Всходитъ къ Богу въ небеса.
Пастырь нашъ, еще ты съ нами,
Съ нами другъ нашъ и поднесъ;
Хоть не зримъ его очами,
Но въ сердцахъ нашъ пастырь весь.

Чувствуя, что силы отдѣльныхъ лицъ недостаточны для исполненїя задуманнаго ими дѣла, Шварцъ и Новиковъ употребили всѣ

усилія, чтобы создать съ этою цѣлью общество изъ сочувствующихъ лицъ. Общество это составилось, прежде всего, изъ друзей обоихъ основателей. Но такъ какъ они не располагали денежными средствами, то общество встало на ноги только съ привлеченіемъ въ него богатаго и пресыщеннаго удовольствіями П. А. Татищева. Это привлекло въ общество нѣсколько другихъ богатыхъ и знатныхъ лицъ: кн. Черкаскаго, князей Трубецкихъ, бригадира Чулкова, московскаго почтдиректора Ѳ. П. Ключарева и др. Такимъ образомъ составилось извѣстное *дружеское общество*, въ которомъ приняли участіе многіе изъ профессоровъ: Шнейдеръ, Баузе, Чеботаревъ (бывшій секретаремъ общества) и другіе. По инициативѣ общества, Шнейдеръ безвозмездно читалъ публичныя лекціи о духѣ законовъ. Сушковъ въ числу членовъ дружескаго общества причисляетъ Род. Ал. Кошелева. Хотя Р. А. Кошелевъ жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, въ этомъ нѣтъ ничего несообразнаго; Кошелевъ былъ въ большой дружбѣ съ Лѣвницевымъ, а Лѣвницевъ стоялъ во главѣ братій „злато-розоваго креста“ въ Петербургѣ, и, такимъ образомъ, связь Р. А. Кошелева съ мартинистами могла завязаться, несмотря на его отсутствіе изъ Москвы. Если это вѣрно, то слѣдуетъ заключить, что дружеское общество не ограничивалось членами изъ мѣстныхъ москвичей, но имѣло своихъ сторонниковъ въ Петербургѣ и даже, какъ сейчасъ увидимъ, въ губернскихъ городахъ.

Общество, прежде всего, приняло участіе въ содержаніи переводческой и педагогической семинарій,—въ первой 10, а во второй 35 воспитанниковъ, вызванныхъ изъ академій и семинарій. Въ числѣ ихъ упоминаются: Матвѣй Десницкій и Стефанъ Глаголевскій, впоследствии митрополиты Михаилъ и Серафимъ, братья Антоновскіе, Сохацкій, Дмитревскій. Члены дружескаго общества разобрали выписанныхъ студентовъ на свое попеченіе и каждый изъ нихъ назывался воспитанникомъ того или другаго. Такъ, А. А. Прок.-Антонскій былъ воспитанникомъ И. В. Лопухина, братъ его — Новикова, Глаголевскій и Десницкій, кажется, Татищева. Содержавшіеся на счетъ общества студенты помѣщались въ собственномъ домѣ общества, подъ особеннымъ надзоромъ проф. Шварца. Изъ числа окончившихъ курсъ общество послало, для усовершенствованія, за границу извѣстныхъ своею трагическою судьбой питомцевъ переводческой семинаріи Невзорова и Колокольникова (на счетъ Лопухина), Некрасова и Страхова. Кромѣ

того, общество занималось издаваніемъ и раздачею учебниковъ въ такомъ размѣрѣ, что, еще при самомъ его открытіи, роздано было ихъ по семинаріямъ на 3,000 рублей.

Изъ дружескаго общества, послѣ указа 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ, выдѣлилась, въ смыслѣ организованнаго коммерческаго предпріятія, „Типографическая компанія“. Членами этой компаніи были: бригадиръ Чулковъ; полк. Ладыженскій, кн. А. А. Черкасскій, И. Вл. Лопухинъ, П. Вл. Лопухинъ, бригадиръ И. П. Тургеневъ, майоръ А. М. Кутузовъ, кн. Н. Н. Трубецкой, кн. Ю. Н. Трубецкой, Гамелея, кн. П. Энгальчевъ, оба брата Новиковы и ротмистръ прусской службы бар. Фридрихъ-Леопольдъ фонъ-Шрёдеръ. Всѣ они, за исключеніемъ Ладыженскаго и П. Вл. Лопухина, принадлежали къ розенкрейцерамъ. Лица эти, для составленія компаніи, внесли очень значительныя для того времени суммы: два брата Лопухины 20,000 р., князья Трубецкіе 10,000 р., кн. Черкасскій 8,000 р., Тургеневъ, Чулковъ, Ладыженскій по 5,000 р. каждый, бар. Шрёдеръ 3,500 р., Кутузовъ 3,000 р., итого 57,500 р.; братья Новиковы книгъ, по оцѣнкѣ 25 к. за рубль, на 80,000 р. Коммиссія учредила новую обширную типографію, которая должна была поставить точнымъ и правильнымъ образомъ издательскую и типографскую отрасли книжнаго дѣла.

Типографическая компанія мало-по-малу заслонила дружеское общество, которое вскорѣ (въ 1786 году) незамѣтно исчезло. Въ началѣ 1786 г. къ компанейской типографіи присоединились типографіи самого Новикова и Лопухина и такимъ образомъ составилось обширное предпріятіе подъ руководствомъ Новикова, который принялъ на себя всѣ обязанности, прежде выполнявшіяся дружескимъ обществомъ. Такъ, въ концѣ 1786 г. молодой Багрянскій посланъ былъ за границу для усовершенствованія въ медицинѣ уже отъ компаніи, а не отъ общества. Въ домѣ Гендрикова (бывшемъ Шипова, на Лубянской площади), приобрѣтенномъ компаніей, вмѣстѣ съ типографіей помѣщалась и аптека, изъ которой бѣднымъ отпускались лѣкарства даромъ.

Въ 1784 г. мартинисты распространили свою дѣятельность и въ провинціи. Лопухинимъ основана была ложа въ Орлѣ, гдѣ предсѣдателемъ былъ орловскій вице-губернаторъ З. Я. Карнѣевъ, а членами губернаторъ Неплюевъ и Н. Я. Свербеевъ; затѣмъ были ложи въ Вологдѣ и Симбирскѣ, основанная И. П. Тургеневымъ (вице-губерна-

торъ Голубцовъ), Петербургъ (Лѣвинецъ), Могилевъ (Веревицъ). Лѣвинецъ, какъ видно изъ „Записокъ Ю. Н. Бартечева“ („Рус. Арх.“ 1886 г. кн. 5, стр. 79), извѣстенъ былъ въ Петербургъ за челоѵка отличнаго ума и благочестія. Голицынъ говоритъ, что онъ „нашелъ въ Лѣвинецѣ сильное и убѣждающее краснорѣчїе; оно, притомъ соединено было съ какою-то необыкновенною мягкостью и ясностью изложенїя“. Лѣвинецъ былъ близкій другъ Р. А. Копелева и Лабзина и скоро сошелся съ кн. А. Н. Голицынымъ, котораго всѣ эти три лица посвятили въ мистицизмъ. Изъ записокъ же Бартечева, со словъ кн. Голицына, видно, что послѣдній положилъ первая начала мистическому настроенїю Императора Александра. У Е. И. Якушкина есть объявленїе объ изданїи на 1786 г. въ Ярославлѣ „Уединеннаго Попехонца“, заявленное отъ „Ярославскаго типографическаго общества“. Нѣтъ прямыхъ указанїй, что Ярославское изданїе имѣло непосредственную связь съ Мартинистами, но, во всякомъ случаѣ, появленїе въ XVIII вѣкѣ единственнаго провинціального журнала вызвано было началомъ умственнаго пробужденїя въ губернїяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ (14).

Переходимъ теперь къ опредѣленїю значенїя самого Новикова.

Издательская дѣятельность Новикова была весьма обширна: университетская типографїя, поставленная имъ на ряду съ лучшими европейскими, въ три года выпустила больше книгъ, нежели сколько изъ нея вышло за всѣ прежнїе 24 года ея существованїя. Новиковъ щедро платилъ сочинителямъ и переводчикамъ и даже выдавалъ гонораръ за рукописи, почему-либо подлежащїя уничтоженїю. Просматривая приведенные у М. Н. Лонгинова каталоги, можно видѣть, что Новиковъ издавалъ книги всевозможнаго содержанїя: духовныя, нравственныя, ученныя, беллетристическія и пр. Всего показано книгъ, напечатанныхъ и приготовленныхъ въ университетской типографїи, 411 заглавій, въ типографїи Лопухина и компанїи 29, книгъ запрещенныхъ, отобранныхъ, разнаго содержанїя 313, изъ коихъ напечатано у Новикова и въ типографїи членовъ компанїи 197 заглавій. Въ текстѣ у Лонгинова приведено 121 заглавіе книгъ духовнаго содержанїя, въ особенности уважаемыхъ масонами, и 36 собственно мистическихъ, изъ которыхъ подверглись сожженїю:

1) „Апология или защищенїе В. К.“, пер. съ нѣм. И. П. Тургенева;

2) „Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ Свбднн Книжнн“, пер. съ нѣм. Оболдуева;

3) „Карманная книжка для Ц. К.“, пер. съ нѣм. его же;

4) „О заблужденіяхъ и истинѣ“, Сенъ Мартена, пер. Стракова;

5) „Химическая Псалтырь или философическія правила о замѣнѣ мудрыхъ“, соч. Парацельса, пер. съ нѣм. Кутузова, и

6) „Хризомандеръ“, пер. съ нѣм. Петрова, гдѣ содержится наставленіе для добыванія золота и философскаго камня и всѣ темныя правила герметической науки.

Новиковъ развилъ и правильно организовалъ книжную торговлю: открыто было нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ, по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, даже, говорятъ, въ нѣкоторыхъ селахъ; заведена была первая публичная бібліотека въ Москвѣ, печатались первыя росписи выходящихъ книгъ.

Но самое важное значеніе имѣло продолженіе журнальной дѣятельности Новикова.

Журналы, издававшіеся Новиковымъ въ Москвѣ, распределяются на два отдѣла:

Первый отдѣлъ составляютъ журналы, издававшіеся въ видѣ прибавленія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“; сюда относятся:

1) „Экономическій Магазинъ“ (1780—1789 годы). Въ 1778—1779 г. извѣстный сельскій хозяинъ того времени и авторъ замѣчательныхъ записокъ, Ан. Т. Болотовъ, издавалъ еженедѣльное періодическое изданіе, подъ названіемъ „Сельскій Учитель“, очень распространенное въ средѣ сельскихъ хозяевъ. Такъ какъ Болотовъ долженъ былъ прекратить это изданіе, то Новиковъ уговорилъ его выпускать, подъ приведеннымъ заглавіемъ „Экономическіе Листки“, въ видѣ приложенія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

2) „Городская и деревенская бібліотека“ (1782—1786 гг.); Заключеніемъ немногихъ оригинальныхъ сочиненій, „Бібліотека“ наполнялась переводами, преимущественно повѣстей изъ сочиненій Арнода, Дидерота и другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ то время литераторовъ. Главнымъ сотрудникомъ былъ В. А. Давышинъ, а затѣмъ князя А. и С. Голицыны, Пав. Сумароковъ, Григорьевскій, Вас. Протопоповъ, А. Ф. Малиновскій и другія лица, скрывшія свои имена, подъ буквами.

3) „Прибавленіе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (1773—1784 г. полный), гдѣ помѣщались статьи содержанія педагогическаго, эконо-

номического и исторического. Здѣсь помѣщены были статьи, о которыхъ мы уже говорили, большая оригинальная статья о торговлѣ вообще, цѣлый рядъ описаній знатнѣйшихъ городовъ и географическихъ или этнографическихъ статей, статьи по исторіи, естествознанію и проч. Здѣсь же напечатана „Исторія ордена Іезуитовъ“, вызвавшая указъ Императрицы, запретившей эту „ругательную статью“.

4) „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“ (1785—1789 гг.). Статьи о воспитаніи, помѣщенные въ „Прибавленіи въ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, и заинтересовавшія общество, побудили Новикова приспособить „Прибавленія“ преимущественно для воспитателей и юныхъ читателей. Редакцію „Дѣтскаго Чтенія“ принялъ на себя Ал. Андр. Петровъ, которому помогали другъ его Н. М. Карамзинъ. Содержаніе первыхъ восьми частей „Дѣтскаго Чтенія“ весьма разнообразно и занимательно для дѣтскаго чтенія, такъ что эти части долгое время оставались лучшимъ образцомъ дѣтскаго журнала; но послѣдующія части (9—15), состоящія исключительно изъ большихъ переводныхъ повѣстей Карамзина, переходившихъ иногда изъ одной части въ другую, не могли заинтересовать дѣтей и журналъ измѣнилъ своему назначенію (10).

5) „Магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи“, подъ редакціей А. А. Провоповича - Антонскаго, послѣднее приложение, выходившее при Новиковѣ, составленное на основаніи трехъ французскихъ словарей: словаря естественной исторіи Бомара, химическаго словаря Маккера и физическаго словаря Сиго де-ла-Фонъ.

Другой отдѣлъ составляютъ отдѣльные журналы Новикова, въ которыхъ, главнымъ образомъ, выразилось направленіе самого Новикова и Шварца. Къ числу этихъ журналовъ принадлежатъ:

1) „Утренній Свѣтъ“, продолженіе петербургскаго изданія съ апрѣля по сентябрь 1780 г.; 2) „Московское ежемѣсячное изданіе“ 1781 г.; 3) „Вечерняя Заря“ 1782 г., издававшаяся М. И. Антоновскимъ, Л. Максимовичемъ, Давыдовскимъ, Брауншвейгомъ, Могиланскимъ, Фабьяномъ, Тимановичемъ, Лабзинимъ и Пельскимъ; 4) „Покоющійся Трудолюбецъ“ 1784 г.

Мы видѣли, что еще въ Петербургѣ Новиковъ началъ изданіе „Утренняго Свѣта“, гдѣ онъ выступилъ противъ матеріализма, проповѣдая, съ своей стороны, религіозно-нравственный идеализмъ, съ слабымъ оттѣнкомъ масонства. Этотъ характеръ его дѣятель-

ности вполне созрѣлъ въ Москвѣ. Въ другъ своемъ Шварцъ Новиковъ встрѣтилъ единомышленника, обладавшаго серьезною и многостороннею ученостю. Нѣтъ сомнѣнія, что Шварцъ принималъ дѣятельное участіе въ редакціи Новиковскихъ журналовъ: это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что со смертью Шварца въ 1784 г. журнальная дѣятельность Новикова въ Москвѣ прервалась, хотя невзгода постигла его уже гораздо позже, въ 1787 году. Благодаря участію Шварца, Новиковскіе журналы получили болѣе единства и стройности и воспользовались всѣмъ, что иностранная литература того времени представляла подходящаго въ данномъ направленіи. Чтобы найти рабочую силу, Новиковъ обратился къ молодому поколѣнію: сотрудниками его являются ученики и студенты Московскаго университета и питомцы педагогической и переводческой семинаріи. Въ этомъ случаѣ Новиковъ, какъ мы видѣли, имѣлъ почву уже подготовленную: Херасковъ, при изданіи журналовъ, также пользовался, главнымъ образомъ, сотрудничествомъ студентовъ. Но соединенная педагогическо-литературная дѣятельность Новикова и Шварца оставила несравненно болѣе глубокіе слѣды; ученіе ихъ не только привилось къ молодому поколѣнію и возбудило въ немъ дѣятельность, но и создало запасъ литературныхъ силъ для всей ближайшей эпохи. Изъ числа сотрудниковъ Новикова вышло большинство литературныхъ дѣятелей конца XVIII и первой половины XIX столѣтія. Сотрудниками „Вечерней Зари“ и „Повоющаго Трудолюбца“ поименованы, между прочими: А. Ф. Малиновскій, впоследствии начальникъ московскаго архива; А. М. Максимовичъ, впоследствии профессоръ; А. Ф. Лабзинъ, поэтъ, переводчикъ драматическихъ пьесъ, издатель „Сіонскаго Вѣстника“ и нѣсколькихъ латинскихъ сочиненій; А. А. Антонскій; М. Антоновскій, издававшій журн. „Бесѣдующій Гражданинъ“ въ 1789 г.; Сохацкій и Подшиваловъ, бывшіе непосредственными преемниками Новикова въ московской журналистикѣ; Псіоль, переводчикъ комедій „Поединокъ или сила предрасудка“, повѣсти Даббевилля „Ложный похититель Мальтійскаго ордена кавалеръ Даббевиль“ и издатель „Меланхолическихъ вечеровъ“, въ разныхъ французскихъ писателей; Пельскій, другъ Карамзина, перевелъ „Эрмитажный театръ Екатерины II“ (1801) и безнравственный романъ „Кумъ Матвій“ (1803), послѣ смерти его издана книжка стиховъ и прозы („Мое все-что“, 1803 г.); Благодаровъ, переводчикъ духовно-мисти-

ческих и нравоучительныхъ сочиненій и трагедіи „Титъ“, соч. де-Беллуа, авторъ „Полезнаго и увеселительнаго чтенія для юношества“ (1788 г.) и соч. „Егорушка, или человекъ, самъ собою довольный“ (1793 г.); Молчановъ, перев. съ французскаго „Неистоваго Роланда“⁽²⁰⁾. Въ „Московскомъ ежемѣсячномъ изданіи“ принимали участіе: Малиновскій, кн. Ф. Ковловскій, Пав. Воейковъ, Мих. Жуковъ, Дм. Серебряковъ, Вас. Еропкинъ, Лавр. Давидовскій, Дм. Рыкачевъ, Андр. Брянцевъ, впоследствии проф. философіи, Ив. Рокотовъ, П. Палязинъ, И. Мещериновъ, Вас. Даниловъ. Переводчиками для „Московскихъ Вѣдомостей“ при Новиковѣ были питомцы университета: Лихонинъ, Рыкачовъ, Поповъ, Степановъ, Давидовскій, А. Андр. Поповъ и А. Ф. Малиновскій.

Общій характеръ Новиковскаго направленія можно выразить рядомъ слѣдующихъ общезвѣстныхъ положеній: мысль и вѣра не должны становиться въ противорѣчіе другъ другу; вѣра дополняетъ изысканія ума, умъ поддерживаетъ своими доводами вѣру. Умъ нашъ ограниченъ; гдѣ кончается доступная ему область, тамъ начинается область вѣры. Умъ, или разумокъ, и вѣра примиряются и сливаются въ человѣческомъ разумѣ. Точно такъ же тѣсно и неразрывно связаны умъ и совѣсть. Образование ума безъ соответствующаго нравственнаго развитія не имѣетъ цѣны и можетъ вести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Г. Незеленый замѣчаетъ, что въ этихъ положеніяхъ Новикова, кажется, должно видѣть зародыши той философіи, которая такъ цѣлостно развилась въ новѣйшее время въ сочиненіяхъ Кирѣевскаго и Хомякова („Новиковъ“, стр. 307). Это вѣрно, потому что какъ Новиковъ, такъ и славянофилы свели свои системы къ вышеприведеннымъ общимъ положеніямъ; до дѣла въ томъ, какія послыжки составили оба направленія при добываніи своихъ результатовъ и насколько эти послыжки сходны, чтобы установить между ними преемство? Этотъ вопросъ мы постараемся разъяснить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же мы ограничимся замѣчаніемъ, что первый, заговорившій у насъ о Новиковѣ и отдавшій ему должную справедливость, былъ И. В. Кирѣевскій, въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1829 г. (въ альманахѣ „Денница“ 1830). Извѣстно, что Кирѣевскій приготовилъ къ печати, кромѣ того, обширную статью о Новиковѣ, но она была запрещена. Новиковъ въ своихъ журналахъ старался основать свой взглядъ на *психологическихъ данныхъ*, на анализъ связи души съ тѣломъ;

свойствъ ума, воли, чувствъ и вообще внутреннихъ и внѣшнихъ проявленій человѣческой природы. Такимъ образомъ, приемъ его былъ правильный; но насколько онъ былъ вѣрно примѣненъ, въ настоящее время мы объяснять не будемъ и ограничимся слѣдующими замѣчаніями. Религіозно-правственный идеализмъ Новикова давалъ полный просторъ мысли и знанію; онъ не только возставалъ противъ всѣхъ предразсудковъ и невѣжества, но даже въ одной статьѣ („Покоющагося Трудолюбца“, ч. IV, стр. 56—73) есть такое мѣсто относительно XVIII вѣка: „О вѣкъ просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила мнимой набожности! Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что ни имѣютъ они священнѣйшаго; твоимъ неуспыннымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода, похищенная пустою набожностью человѣческаго рода; благодаря тебѣ, явилось человѣколюбіе ко всѣмъ, даже и къ иновѣрнымъ, только бы они были честные граждане; твой плодъ есть нынѣшнее распространеніе наукъ, которымъ величайшею препонаю было пусто-святство“ (Незеленый, стр. 374 и 375). Этой цитаты достаточно, чтобъ указать ту точку зрѣнія, на которой стоялъ Новиковъ въ своей борьбѣ съ матеріализмомъ. Что касается масонскаго оттѣнка въ журналахъ Новикова, то, безъ сомнѣнія, мы его находимъ, но весьма слабый и не выдвигаемый впередъ. Новиковъ все еще относится къ масонству съ сомнѣніемъ: онъ вѣритъ, что масонство скрываетъ какую-то тайну; но какъ скоро эта тайна для него дѣлается явною, онъ самъ же сейчасъ отъ нея отрещивается. При этомъ замѣчательна переменѣна, происшедшая въ убѣжденіяхъ Новикова, именно при концѣ его журнальнаго поприща, въ 1784 году и уже послѣ смерти Шварца. Въ первомъ письмѣ Коловіона (Новикова) изъ числа напечатанныхъ А. Н. Пыпинымъ („В. Евр.“ 1872, № 1, стр. 181—189) Новиковъ говоритъ: „вообще, высокодостойный намѣстникъ, съ известной вамъ болѣзни моей, я ощущаю въ себѣ, по милосердію Спасителя, великую переменѣну. Съ сего времени я почитаю новую эпоху въ жизни моей: въ сіе время и съ сего времени столь живо ощутилъ я милосердную десницу Спасителя, исторгшаго меня изъ челюстей ада и изъ когтей сатаны, такъ что, несмотря на то, что, когда я разсматривалъ должности мои и каковымъ быть я долженъ, то туманюсь и мержу собою; но когда взгляну на то, чѣмъ я былъ прежде, то слезы раскаянія и благодарности изливаются. И теперь уже омываю донесеніе мое слезами. Буди вѣчно

хвалимъ, прославляемъ и превозносимъ милосердый спаситель грѣшниковъ, св. орденъ его и наши мудрые и милосердые отцы и высочайшіе начальники. Вѣрю я и увѣренъ, что ихъ чистыми и непорочными молитвами, въ которыхъ они истинно подражаютъ образу ихъ милосердаго Спасителя, и что они, по божественнымъ словамъ у Св. Павла, яко крѣпкіе носятъ немощи безсильныхъ, ощущаемъ толикія милосердія Божія“. Подъ именемъ этого освобожденія изъ „челюстей ада и когтей сатаны“ Новиковъ разумѣетъ небреженіе къ обученію братій въ духъ настоящаго масонства и вообще свою „умственность“. Г. Незеленый совершенно справедливо сближаетъ эти отреченія Новикова съ извѣстною перепиской Гоголя и указываетъ ту страшную, трагическую судьбу, которая доводитъ до отчаянія многихъ лучшихъ представителей нашей литературы въ моментъ полнаго развитія ихъ силъ (стр. 430).

Помимо статей религіознаго, философскаго и нравственнаго содержанія, Новиковъ въ своихъ журналахъ иногда затрогивалъ и общественные вопросы; здѣсь онъ всегда высказывался съ самой гуманной точки зрѣнія. Въ разгаръ военнаго шовинизма Еватерининской эпохи онъ прославлялъ благодѣянія мира; онъ въ „Повоющемся Трудолюбцѣ“ ясно высказывалъ мысль о несправедливости помѣщичьяго права и ярко рисовалъ картину тяжести крестьянской работы и жизнь („Письмо къ другу“. „Трудолюбецъ“, т. IV, стр. 224—230); стоялъ за равноправность мужчинъ и женщинъ въ дѣлѣ образованія; касался вопросовъ о любви, бракѣ, отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ; печаталъ превосходныя статьи противъ поединковъ. Сатира въ московскихъ журналахъ, потерявъ свой мѣстный колоритъ, потеряла съ тѣмъ вмѣстѣ и живость, и силу; но прежнія ея достоинства воскресли въ нѣкоторыхъ сатирическихъ статьяхъ и послѣдняго періода. Таковы „Наставленія молодому Суетону, вступающему въ свѣтъ“ („Вечерняя Заря“, 70—73), „Новая логика“ („Повоющійся Трудолюбецъ“, т. II, стр. 196—215). Вообще изданія Новикова представляютъ замѣчательную эпоху въ исторіи нашей журналистики. Послѣ Новикова преобладающее мѣсто въ московской журналистикѣ заняли Сохацкій и Подшиваловъ, образовавшіеся въ его школѣ; но это было уже далеко не то: не стало ни многосторонней начитанности Шварца, ни свѣтлаго ума и здраво-гуманныхъ убѣжденій Новикова.

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ 1787 году, когда невзгода

уже разразилась надъ Новиковымъ, онъ вспомнилъ прежнее направление своей издательской дѣятельности, когда съ такимъ рвениемъ приступилъ къ обнародованію документовъ для изученія Россіи. Еще въ 1785 году онъ напечаталъ „Краткое историческое повѣствованіе о началѣ родовъ князей Россійскихъ“ кн. М. М. Щербатова. Въ 1787 году онъ напечаталъ „Исторію Скиѣскую“ Лызлова (3 части, изъ которыхъ первая печатана была 1 изд. 1776 года), первую часть перевода „Исторіи Россійской“ Левека и „Родословную книгу князей и дворянъ Россійскихъ и вѣзжихъ“. Въ 1788 году Новиковъ напечаталъ второе, значительно пополненное изданіе „Древней Россійской Вивліюфики“, „Дѣянія Петра Великаго“ Голикова и началъ печатаніе „Новаго полнаго географическаго словаря Россійскаго государства“, составленнаго Л. Мавсимовичемъ (1788—1789). Это была послѣдняя лебединая пѣснь его издательской дѣятельности.

При Новиковѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, „Московскія Вѣдомости“ постоянно выходили съ приложеніями; публика къ нимъ привыкла и ими дорожила. Понятно, что преемникъ Новикова по содержанію Университетской типографіи и изданію „Вѣдомостей“, колл. асс. Свѣтушкинъ, долженъ былъ такъ или иначе выполнять эту обязанность. Литературнаго матеріала у новой редакціи не было налицо и потому она рѣшилась выпускать, въ видѣ особаго приложенія, въ каждому № „Вѣдомостей“ по печатному листу перевода извѣстнаго тогда и выдержавшаго нѣсколько изданій французскаго историко-біографическаго словаря, подъ заглавіемъ: „Словарь историческій, съ приобщеніемъ къ оному дѣяній и житія великихъ князей и государей всероссійскихъ и прочихъ мужествомъ, подвигами и дарованіями отличившихся ко благоденствію и славѣ монарховъ своихъ и отечества особъ“ (1790—1798 г., 14 частей). Переводъ и дополненіе этого словаря сдѣланы были Вас. Ив. Овороковымъ, помощникомъ архитектора Баженова при строеніи Клементьевскаго дворца и участникомъ въ арендованіи Свѣтушкинымъ Университетской типографіи. Добавленія о русскихъ извѣстныхъ людяхъ не лишены нѣкотораго значенія, такъ какъ приводятся свѣдѣнія о многихъ малоизвѣстныхъ писателяхъ того времени, хотя, говоря вообще, эти свѣдѣнія весьма кратки и неполны.

Вскорѣ Свѣтушкинъ и Овороковъ предприняли изданіе журнала подъ названіемъ: „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій“ (12

книж. въ Универс. тип. у Огорокова 1791 г.). Журналъ этотъ, по намѣренію самихъ издателей, долженъ былъ „непосредственно столько же служить для разума, сколько продолженіемъ „Покоющагося Трудолобца“ (VII, 99).

Журналъ въ продолженіе перваго года своего существованія не имѣлъ особаго редактора, а заправлялъ имъ В. И. Огороковъ, бывшій неофициальнымъ издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и приложений къ нимъ. Со втораго же года журналъ перешелъ подъ редакцію В. С. Подшивалова (подпись В.)⁽²¹⁾. Стихотворная часть въ этомъ журналѣ незначительна и очень слаба. Изъ извѣстныхъ въ свое время стихотворцевъ тамъ помѣщали: вн. Гагаринъ (К. П. Г.), Нелединскій-Мелецкій (Ю. Н. М. одну пѣсню, ч. VIII, стр. 195), Свворцовъ (А. С.), Лабзинъ (А. Л—нъ), вн. Ег. Циціановъ, Ник. Муравьевъ („Лизино убранство“), Подшиваловъ (В.), А. Лопухинъ, Мерзляковъ, помѣстившій двѣ эпиграммы и одну пѣсню („Взвейся выше, понесися“). Кромѣ того, тамъ же помѣщена пѣсня „Несчастной дѣвицы“ (X, 482), замѣчательная по простотѣ и искренности чувства. Мерзляковъ помѣстилъ, кромѣ того, единственную выдающуюся оригинальную статью „О лирическомъ стихотворствѣ“ (I, 278), гдѣ излагаются правила перевода на русскій языкъ классиковъ и характеристики нѣкоторыхъ изъ греческихъ поэтовъ. Нѣтъ прямыхъ указаній, но можно предположить съ нѣкоторою достовѣрностью, судя по слогу и содержанию, что ему же принадлежатъ двѣ другія статьи: „Вліяніе нравовъ на чувствованіе изящности“ (IV, 181) и „Отрывокъ о слогѣ“ (тамъ же, 372). Прозаическая часть почти исключительно состоитъ изъ переводовъ или извлеченій, хотя это не вездѣ указано или нѣтъ ссылки на оригиналь. Изъ лицъ извѣстныхъ переводами или составленіемъ мелкихъ и неважныхъ подражаній, кромѣ самого редактора и его жены, занимались Петровъ, Лопухинъ, Осиповъ, А. Дашковъ, Аверинъ, Савинъ и Вышеславцевъ; но болѣею частью переводами занимались студенты университета подъ руководствомъ редакторовъ.

Вообще московскіе журналы Сохацкаго и Подшивалова имѣютъ характеръ изданій преимущественно переводныхъ; по разнообразію авторовъ и количеству помѣщенныхъ въ нихъ переводныхъ отрывковъ съ ними не можетъ сравниться ни одинъ изъ журналовъ XVIII вѣка. Переводы эти не только не имѣютъ никакого опредѣленнаго направленія, но даже никакой внѣшней системы;

каждый переводчикъ руководился собственнымъ выборомъ и его переводъ или передѣлка, безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній, помѣщались редакціей, лишь бы они изложены были сколько-нибудь сноснымъ языкомъ. Отрывки изъ первоклассныхъ писателей такъ коротки и такъ неудачно выбраны, что не даютъ о нихъ никакого понятія; преимущественно помѣщались второклассные авторы, пользовавшіеся значительнымъ успѣхомъ въ свое время и на ряду съ ними вовсе не замѣчательные и теперь забытые. Въ первыхъ книжкахъ самое видное мѣсто занимаютъ переводныя, такъ называемыя восточныя повѣсти: „Баркасъ“, восточная повѣсть; „Видѣніе дервиша Алмета“; „Царская вдова“; „Можетъ ли быть пріятна божеству жизнь бесполезная человѣческому обществу“, восточная повѣсть; „Галебъ“; „Асенефа“; „Калифъ и дервишъ“; „Геманъ“. Потомъ переводное направление нѣсколько опредѣлилось. Особенно понравился читающей публикѣ Мейснеръ, котораго значеніе въ нашей переводной литературѣ XVIII столѣтія весьма важно, ибо переводы изъ него мы встрѣчаемъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Редакція говоритъ, что Мейснеръ такъ полюбился многимъ, что „мы, побуждаемы будучи искреннимъ желаніемъ угодить публикѣ, почли за пріятную для себя обязанность преимущественно заняться симъ авторомъ. Слѣдующій (десятый) томъ по числу, а можетъ быть и остальные, по большей части будутъ наполнены его сочиненіями“ (IX, 296). Мейснеръ (1753—1807 гг.) былъ въ 1785 г. профессоромъ эстетики и классической литературы въ Прагѣ, писалъ оперетки, комедіи и въ особенности прославился своими историческими рассказами и романами, въ которыхъ требовалась только извѣстная пылкость воображенія и способность къ разнообразію, но не вѣрность характеровъ и условій изображаемой эпохи. Многіе изъ историческихъ рассказовъ и романовъ Мейснера выдержали по нѣскольку переводовъ на французскій языкъ. Изъ Мейснера помѣщены: „Послѣдняя ночь архіепископа Краммера“; „Мелаева Собака“; „Біанка Капелло“; „Художникъ съ сыномъ“; „Твореніе любви“; „Маскарадъ“; „Эмилія и Леонора“; „Густавъ Линдау“; „Діего де Кампенаресъ“; „Путь къ маршальскому достоинству“; нѣсколько отрывковъ изъ Алкивіада; отрывки изъ „Криминальныхъ бумагъ“; нѣсколько прозаическихъ его басенъ (подражаніе Даг. Гольцману). Другой писатель, давшій значительный матеріалъ для перевода, былъ Арно. О немъ редакція

говорить: „Арнодъ не меньше, когда еще не болѣе Мейснера, приобрѣлъ славы и уваженія въ своемъ отечествѣ. Минуты его отдохновенія, минуты чувствительнаго человѣка (*délassements de l'homme sensible*) написаны съ такою же живостью, какъ и чистою моралію“ (XI, 135). Арно (*Fr. Vasculard d'Arnaud*, 1718—1805 г.), одно время жившій при дворѣ Фридриха Великаго, называвшаго его вторымъ Вольтеромъ, былъ въ свое время очень плодовитый, но теперь совершенно забытый писатель, сочиненія котораго носятъ печать меланхолическаго, подчасъ мрачнаго сентиментализма. У насъ Арно пользовался большимъ значеніемъ. Существовало даже особое періодическое издание, посвященное переводамъ изъ Арно, подъ заглавіемъ „Сокращенности достопамятныхъ происшествій“, изъ сочиненія Г. д'Арно, названное имъ „Чтеніе по сердцу человѣка чувствительнаго“ (*délassements d'un coeur sensible*) изданнаго въ 1786 г.; оно выходило ежемѣсячно по книжкѣ, съ значительными перерывами, въ теченіе 1794—1796 гг. Имя переводчика неизвѣстно. Романы и повѣсти Арно почти всѣ переведены въ концѣ XVIII столѣтія на русскій языкъ и изданы отдѣльно. Изъ Арно переведено въ нашемъ журналѣ нѣсколько мелкихъ вещей, вродѣ, на примѣръ: „Прогулка шаха Аббаса“, „Альфредъ Великій“, „Исповѣдь одного свѣтскаго человѣка“, „Важное чтеніе для молодыхъ дѣвицъ“, „Добрый человѣкъ“, „Слѣдствіе опытности или самая лучшая книга“ и проч.

Затѣмъ большое впечатлѣніе произвелъ на публику переводъ „Павла и Виргиніи“ аббата Бернардина де Сентъ-Пьера, сдѣланный женою Подшивалова, такъ что редакція сочла за нужное помѣстить изъ Бомарова „Лексикона натуральной исторіи“ описаніе растений и птицъ, встрѣчающихся въ этомъ сочиненіи. Далѣе помѣщены изъ извѣстнаго нѣмецкаго педагога и писателя для юношества Кампе (1746—1818 г.), Описаніе путешествія англійскаго командора Бирона (1764—1766 г.): „Печальныя приключенія г-жи Годенъ на пути изъ Рио-Бамбы чрезъ Амазонскую землю“, „Примѣръ жестокости индійцевъ“ (изъ его „*Sammlung interessanten Reisebeschreibungen für die Jugend*“ 1785 — 1793); изъ Мармонтеля, о которомъ редакція выражается, какъ „о добромъ старикѣ, еще продолжающемъ украшать литературу“, „Еленинъ треножникъ“ и „Заблужденія добродушнаго отца“; изъ Флоріана (1758—1794 г.): „Испанская вечеринка“; „Геро и Леандръ“, лирическій монологъ;

„Миноня“, греческая повѣсть; изъ Мерсье (1740—1814): „О любви“; отрывокъ изъ путешествія Верна, котораго соотечественники величали французскимъ Стерномъ („Le voyageur sentimental ou ma promenade à Iwerdun, 1781 г., Le voyageur sentimental en France sous Robespierre“); изъ Кардинала Берни: „Разсужденіе о приятностяхъ сельскихъ“ (23).

Для поясненія сообщаемъ нѣсколько свѣдѣній о менѣ извѣстныхъ писателяхъ. Мерсье (L. S. Mercier, 1740—1814 г.), въ своемъ „Essai sur l'art dramatique“, возставалъ противъ классической драмы, называя Расина и Буало „зачумленными въ литературѣ“. Своею извѣстностью онъ обязанъ театральнымъ пьесамъ, изъ которыхъ имѣли болѣе всего успѣхъ „l'habitant de Guadeloupe“, „le Desarteur“, „la brouette du vinaigrier“. Мерсье принималъ дѣятельное участіе въ революціи и написалъ извѣстные „Очерки Париза“ („Tableau de Paris“), съ точки зрѣнія морально-юмористической, имѣвшіе большой успѣхъ не только во Франціи, но и въ Германіи. Кардиналъ де Берни (Pierre de Bernis, 1715—1724 г.) былъ одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ дипломатовъ и писалъ мелкія сочиненія прозою и стихами, въ томъ числѣ поэму „De la religion“. Англійская и нѣмецкая литературы были слабо представлены въ этомъ журналѣ. Изъ нѣмецкой литературы помѣщенъ отрывокъ графини Штольбергъ, сестры извѣстныхъ лириковъ братьевъ гр. Штольбергъ изъ кружка геттенгинскихъ бардовъ (видѣніе) и отрывокъ изъ Гартига (Graf F. A. de Hartig, 1758—1797 г.), который былъ чешскій литераторъ, писавшій болѣею частью по-французски. Переводный отрывокъ заимствованъ изъ самаго извѣстнаго его сочиненія „Essai sur les avantages, que retirent les femmes de la culture des sciences et des lettres“, 1757 г. Далѣе помѣщенъ отрывокъ изъ Шиллеровой „Талии“ („Царица любви и черныя сестры“) безъ окончанія, причемъ редакція замѣтила, что „Шиллеръ, прославившійся своими драматическими сочиненіями, почитается теперь въ числѣ первыхъ нѣмецкихъ писателей“. Изъ англійской литературы встрѣчаются отрывки изъ Томсоновой поэмы „Времена года“, этого высшаго образца въ XVIII столѣтіи описательной поэзіи, гдѣ рисуются напоминающія живопись картины природы и среди нея чело-вѣкъ, для оживленія пейзажа, но не въ смыслѣ дѣйствующаго лица. Кромѣ того, есть переводъ прозою и стихами изъ Маг-

ферсоновой поддѣлки, изданной подъ именемъ Оссіана, надѣлавшей столько шуму во всей Европѣ и оказавшей вліяніе на литературы всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, не исключая и нашей. Наконецъ, помѣщены переводы балетовъ: „Александръ и Кампана, или побѣда Александра надъ самимъ собой“ г. Ноффре, „Сципионъ“, героическій пантомимъ-балетъ, отрывокъ изъ сочиненія Антона Валя (псевдонимъ Гейне?), имени котораго я не могъ найти ни въ одномъ словарѣ; изъ книги „Litteratura Turchesa“ Тодерини, Венеція 1787 г. (Извѣстіе о турецкой литературѣ); изъ натуральной исторіи аббата Ришарда (о выборѣ пищи, о вліяніи климата на жителей). Наконецъ, статьи, заимствованныя изъ различныхъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ изданій: „Spectator“ Стиля и Адисона, „Varietés literaires“ итальянскаго изданія „Кофейный домъ“, ручной Лейденской библиотеки, „Mannigfaltigkeiten“, „Neues Deutsches Museum“, „Дамской библиотеки“ и проч. Изъ оригинальныхъ статей помѣщены: „Опытъ вещественнаго Россійскаго словаря“ (II, 275), довольно остроумный; въ книжкѣ IV есть особое приложеніе, гдѣ подъ именемъ „Нравоучительныхъ писемъ“ сдѣлана была единственная попытка поднять вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ окружающей средѣ. Мы уже видѣли, какъ серьезно Новиковскія изданія смотрѣли на воспитаніе. Въ одномъ изъ писемъ разсказывается случай, какъ одинъ отецъ вылечилъ отъ упрямства своего трехлѣтняго сына тѣмъ, что водилъ его въ лѣсъ, гдѣ охотникъ нарочно при немъ пріучалъ побоями къ повиновенію собаку и на третій день, подъ предлогомъ неисправимаго упрямства, застрѣлил. Правда, приведено возраженіе, что такая система можетъ скорѣе ожесточить, но не исправить ребенка; но возраженіе довольно слабо и, во всякомъ случаѣ, рецептъ,—даже если смотрѣть на него съ отрицательной стороны,—очень оригиналенъ. Насколько журналъ понизился въ серьезныхъ статьяхъ, видно изъ слѣдующаго приступа въ статьѣ „О страстяхъ“: „Я не намѣренъ приводить въ замѣшательство или обременять читателей метафизическимъ объясненіемъ оныхъ, ниже стараться открыть, какъ онѣ въ душѣ изображаются или изъ какихъ онѣ причинъ или связей происходятъ; но размаривать буду нѣкоторыя изъ нихъ, обыкновеннѣйшія или опаснѣйшія, какъ онѣ вообще при человѣческой природѣ встрѣчаются“ (III, 107). Вообще журналъ не только не былъ продолженіемъ Новиковскихъ изданій, но онъ не имѣлъ никакого

направленія и нѣкого примѣненія къ Россіи; онъ почти сплошь наполнялся переводною и, притомъ, самою пустою беллетристикою въ формѣ повѣстей, сказокъ, анекдотовъ и проч.,—съ „пріятной моралью“. Наполнялся, повидимому, журналъ совершенно случайно: такъ, въ III книжкѣ явился переводчикъ съ англійскаго и нѣмецкаго В. К. и занялъ цѣлый отдѣлъ (стр. 242—330), помѣщая мелкія статьи, неизвѣстно откуда заимствованныя и не представляющія никакого интереса. Публика, по признанію самой редакціи, была недовольна такимъ направленіемъ журнала. Въ XI книжкѣ, между прочимъ, говорится: „Нѣкоторые изъ читателей нашихъ говорили, для чего мы помѣщаемъ сказки? Но мы думаемъ, что худыхъ только вносить не надобно, а такія, которыя содержатъ вѣрное изображеніе общечитія, полезны и нужны. Впрочемъ, въ удовольствіе сихъ читателей, въ слѣдъ за нѣкоторыми анекдотами, мы пустимъ нѣсколько важнѣйшихъ матерій“. Оканчивая журналъ, редакція дѣлаетъ такое заявленіе въ послѣдней книжкѣ (XII, 246—249); „Вообще, при выдаваніи чтенія, намъ дѣланы были слѣдующія поправки: 1) для чего данъ такой пышный титулъ, 2) для чего мало мы помѣщали важныхъ матерій, 3) для чего сообщали иногда очень длинныя и, наконецъ, 4) для чего въ изданіи „Для вкуса, разума и чувствованій“ мало находится сочиненій. Вотъ оправданіе. Титулъ былъ данъ первымъ четыремъ частямъ „Чтенія“, въ которыхъ мы хотя и участвовали, однако же вѣдованіе оныхъ не отъ насъ зависѣло. Недостатокъ въ важныхъ матеріалахъ происходилъ отъ того, что мы писали не для однихъ стариковъ и ученыхъ. На многоглавую публику угодить трудно. Одни желали строгой философіи и мозговыхъ наблюденій; другіе — пріятной морали, сказокъ, анекдотовъ, повѣстей. Для чего сообщали мы иногда піэсы очень длинныя? Отвѣтъ: аглинской „Спектаторъ“ одинъ въ своемъ родѣ, да и въ томъ нерѣдко прерывались матеріи. Гдѣ взять на 104 или на 105 листовъ въ годъ небольшихъ сочиненій? Да и гдѣ лучше хорошій писатель, каковыхъ мы *иногда* переводили, можетъ показать свои таланты, свою неутомимость, свой жаръ, какъ не въ обширныхъ сочиненіяхъ? Что касается, наконецъ, до сихъ сочиненій, *то мы ихъ мало получали, а самимъ намъ заниматься ими многія препятствовали причины*. Сочиненія вообще требуютъ много времени, требуютъ зрѣлости въ литературѣ, до которой мы еще не достигли. И такъ, хорошій переводъ до

извѣстнаго времени можетъ быть лучше всякаго сочиненія нашего“ (23).

За вышеприведеннымъ журналомъ слѣдовало непосредственно: „Прятное и полезное препровожденіе времени“ (1794—1798 гг., 20 частей, въ типографіи Ридигера и Клауде); редакторами были Подшиваловъ и Сохацкій, а за послѣдній годъ одинъ Сохацкій. Изъ всего ряда изданій настоящей редакціи это былъ самый блестящій журналъ. Увѣдомляя объ этомъ изданіи въ послѣдней книжкѣ „Чтенія для вкуса“, редакція заявляетъ: „кажется, что сіе названіе довольно просто; и такъ, мы присовокупимъ только увѣренія, что будемъ въ немъ, можетъ быть, помѣщать больше сочиненій, можетъ быть, больше *краткихъ* и важныхъ шѣсъ, наблюдая вообще какъ въ силѣ, такъ и въ выборѣ оныхъ большую разборчивость“. Стихотворный отдѣлъ былъ очень обширенъ и въ немъ принимали участіе извѣстнѣйшіе изъ тогдашнихъ поэтовъ: Державинъ, помѣстившій два стихотворенія (стихи на кончину В. К. Ольги Павловны и „Спящую Нину“), Мерзляковъ, Дмитріевъ, кн. Шаликовъ, В. Л. Пушкинъ, Ерм. Костровъ (стихи на день рожденія Д. И. Х.), Шатровъ (на смерть Кострова), кн. В. М. Долгорукій (на кончину Шувалова), Воейковъ, В. Нарѣжный. За ними слѣдовала цѣлая масса менѣе извѣстныхъ: кн. П. Гагаринъ, Ал. Аргамаровъ, М. Магницкій, Ал. Ханенко, Ал. Лабзинъ, Д. Вельяшевъ-Волынцевъ, кн. Гр. Хованскій, Ив. Кованько, Даурецъ Монохонъ, Пав. Соковнинъ, Панвр. Сумароковъ, А. Княжнинъ, Эвг. Люценко, Ал. Лопухинъ, Д. Кавелинъ, Котельницкій, Яценко, П. Кайсаровъ, М. Кайсаровъ, кн. Ал. Черкасскій, П. Сохацкій (на коронаваніе Импер. Павла I), Андр. Максимовичъ, В. Жуковъ, Я. Дунинъ-Барковскій, кн. Сибирскій, Ягубовичъ, Тимковскій, кн. П. Козловскій, С. Родзянка и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ. Въ числѣ этихъ поэтовъ замѣчательную личность представляетъ Даурецъ Монохонъ. Настоящая фамилія его была Смирновъ; онъ былъ вольноотпущенный кн. Голицына, воспитанъ его сыномъ, зналъ прекрасно французскій языкъ, занимался литературой и посылалъ статьи въ журналъ, подписываясь псевдонимомъ Даурецъ Монохонъ (по-монгольски смиренный). Смирновъ былъ сосланъ въ Тобольскъ при Екатеринѣ за сдѣланный имъ фальшивый вексель въ 20,000 р.; Екатерина писала о немъ губернатору Чичерину: „посылаю тебѣ птицу; держи его въ ежовыхъ рукавицахъ“. За-

мѣчательно, какое участіе принимали въ этомъ журналѣ дамы. Въ качествѣ поэтовъ участвуютъ : Анна Турчанинова, вн. Ал. Шаликова, М. Обрютина, Н. Магницкая, А. Магницкая, Н. С—на, К—на, С. В—а и др.; въ качествѣ переводчицъ: вн. Е. Щербатова, вн. Нат. Оболенская, М. Боске, Матрена Неронова, Кологривова, Е. Баскакова, Е. Масалова, Е. Титова и др. Число оригинальныхъ статей значительно болѣе, но статьи эти не представляютъ ничего серьезнаго; это или неумѣлыя подражанія, или высокопарный наборъ словъ въ сантиментально-возвышенномъ тонѣ. Самымъ щедрымъ поставщикомъ оригинальныхъ статей былъ П. Ю. Львовъ, воспитанникъ московскаго благороднаго пансіона, членъ Россійской академіи и Бесѣды любителей русскаго слова (24). Это былъ самый плодовитый послѣдователь Шишкова, котораго часто осмѣивалъ журналъ Крылова „Зритель“ подъ именемъ „Антиричардсона“. Онъ пробовалъ себя во всѣхъ родахъ: писалъ и славянскія пѣсни въ подражаніе Вейсу, и оригинальныя русскія повѣсти, и идилліи въ подражаніе древнимъ и новымъ поэтамъ, и восточныя сказки, и историческіе разказы, но все это запечатлѣно было глубокою бездарностью и ничѣмъ не оправдываемою претензіей. Львовъ отлично охарактеризованъ въ сатирическомъ стихотвореніи „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ (Лонгиновъ, „Совр.“ 1857, № 5, стр. 66):

«Я сочинялъ для дамъ

Памелу русскую, воздвигнуть Славѣ храмъ,
Надутымъ слогомъ, пухлымъ, дикимъ,
Писалъ похвальныя слова мужамъ великимъ,—
Предлинныя слова въ шесть, семь слоговъ ковалъ
И въ Академію Россійскую попалъ.
За рѣчь послѣднюю я получилъ медаль
Округло-плоскую, златую.

Послѣ него, не много, впрочемъ, отъ него отличаясь, наполняли журналъ своими статьями В. Нарѣжный, Шаликовъ, вн. Сибирскій, Покровскій (подъ псевдонимомъ „Философъ горы Алаунской“), Привлонскій и авторъ, обозначившій свои произведенія буквою И., подобно Львову, писавшій во всевозможныхъ родахъ. Въ числѣ авторовъ оригинальныхъ статей попадаются: Дашковъ („Осеннее утро“), Фед. Уваровъ („Сновидѣніе“), Яценко, С. Порошинъ. Изъ числа извѣстныхъ авторовъ помѣщены: Богдановича—„Письмо

къ дѣвицѣ Ф. о російскомъ стопосложеніи“; Жуковскаго: „Мысли при гробницѣ“, пансіонское его сочиненіе (XVI, 106), „Миръ и война“ (XX, 259), „Жизнь и источникъ“ (280) и стихотворенія „Добродѣтель“ (XVIII, 153) и „Майское утро“ (XVI, 286); Крылова, подъ псевдонимомъ „Нави Вольтръ“, „Несчастный Менось или примѣръ сыновней любви къ матерямъ“, переводъ съ итальянскаго. Въ журналѣ этомъ принималъ участіе и Карамзинъ, но онъ не подписывалъ своихъ статей. Изъ оригинальныхъ статей замѣчательнѣе другихъ: „Нѣсколько писемъ моего друга“, „Мѣдъ звенящая“ Яценки и „Философическія бредни“ П. Б. Въ „Письмахъ моего друга“ разсказывается разлука съ его любезною Амалією и, между прочимъ, описывается жизнь въ деревнѣ; тамъ авторъ встрѣтилъ во время прогулки играющихъ крестьянскихъ дѣтей, которыя сейчасъ же, увидя барина, прекратили свою игру. По этому случаю авторъ предается слѣдующимъ размышленіямъ: „Видно сильные не всегда бываютъ добры. Въмѣсто того, чтобы умножить свое веселіе весельемъ подчиненныхъ, они стараются ограничивать ихъ радости, желая чтобы тѣмъ ихъ почитали. Но не лучше ли заставить любить себя, нежели принудить почитать? Или имъ несносно смотрѣть на веселыя творенія, когда и посреди всей пышности они не могутъ найти истиннаго удовольствія? Зачѣмъ означать власть свою надменною важностью, суровыми словами и жестокосердіемъ?“ (IV, 148 и 149). Затѣмъ разсказывается сцена пожертвованія младшаго брата, изъявившаго желаніе охотой идти въ рекруты за старшаго, — сцена, во время которой авторъ, „растерзанный свидѣтель его великодушія, смѣшивалъ радостныя и вмѣстѣ печальныя слезы съ слезами смятеннаго семейства“ и думалъ: „для чего бы не жить американцу и европейцу, негру и бѣлому въ любви и мирѣ? О, люди, люди!“ Въ статьѣ Яценко помѣщенъ разсказъ крестьянина и дворецкаго, вагъ послѣ благодѣтельнаго отца-помѣщика сынъ совершенно разорилъ крестьянъ и съ одного семейства вытребовалъ 10,000 руб., грозя брата и сына отдать въ солдаты. Въ „Философическихъ бредняхъ“ описывается жалкое положеніе семейной жизни, гдѣ жена не обращаетъ вниманія на мужа и проводитъ жизнь въ праздной разсѣянности; въ заключеніе авторъ говоритъ: „Согласитесь, что я сдѣлалъ великую глупость, купивъ за все мое имѣнье жену, которую едва вижу, говорящую со мною только о своихъ долгахъ и усмѣха-

ющуюся мнѣ только тогда, какъ увидить руки мои, протянутыя къ ней съ золотомъ. Если когда-нибудь разорюсь, то какъ скученъ и глупъ буду ей казаться! А что всего болѣе мнѣ досадно, то всѣ говорятъ мнѣ, что у меня прекрасная жена и что я счастливѣйшій въ свѣтѣ изъ мужей. Счастливѣйшій развѣ потому только, что имѣю счастье платить ея долги“ (XIX, 429).

Въ IV части, между прочимъ, заявлено: „Нѣкоторое число молодыхъ людей, отчасти соединенныхъ родствомъ, а отчасти дружбою, намѣревались издать особенный журналъ и посвятить его прекрасному полу, взявъ пастушескія имена по начальнымъ буквамъ настоящихъ именъ своихъ, какъ, на примѣръ, Аркасъ, Дафнисъ, Палемонъ и проч., и составивъ посвященіе изъ куплетовъ отъ каждаго пастуха“ (IV, 363 прилож.) Журналъ не состоялся и потому въ настоящемъ изданіи помѣщены приготовленные для него произведенія: „Скрывшійся Амуръ“, „Прологъ пастушеской драмы Аминтъ“, „Пастушеская повѣсть Аминтъ“. Замѣчательно, что въ нѣсколькихъ статьяхъ высказывается, въ формѣ очень напыщенной и сантиментально-пасторальной, предпочтеніе спокойной и простой деревенской жизни. Въ видѣ критическаго опыта, М. Бекаревичъ помѣстилъ „Нѣчто о Ломоносовѣ“, что возбудило полемику, „Рецензію на нѣчто о Ломоносовѣ“ доброжелателя російской литературы и „Отвѣтъ на рецензію“ доброжелателя доброжелателю русской литературы. „Нѣчто“ Бекаревича заключаетъ въ себѣ одинъ только напыщенный и голословный панегирикъ Ломоносову; что же касается доброжелателей, то они подняли громкій, но пустой и ничтожный споръ о словахъ: на примѣръ, можно ли выразиться: „жадность къ просвѣщенію, такъ какъ слово „жадность“ обозначаетъ чувство грубое и низкое“ и т. п. Анд. Тургеневъ помѣстилъ переводныя съ нѣмецкаго статьи объ изящномъ, а Котельницкій недурную статью: „Гораціевы оды“. Впрочемъ, по исторіи литературы только и есть замѣчательнаго, что переводы изъ дополненій къ Зульцеровой „Теоріи изящныхъ наукъ и художествъ“, изданныя въ Германіи обществомъ ученыхъ. Оттуда переведены: „Краткая исторія греческой поэзіи“ (VI, 149), „Нѣчто о романахъ“ (VI, 202), „Краткая исторія римской поэзіи“ (VII, 336). Къ этому же разряду относятся отрывки изъ Армстронга (1771—1797 г.), шотландскаго поэта и политическаго писателя, бывшаго, въ то же время, сотрудникомъ въ

разныхъ журналахъ („О вкусѣ“) и Рич. Стиля, извѣстнаго англійскаго издателя журналовъ („О свойствѣ идиллій“, вольный переводъ).

Въ журналѣ встрѣчаются описанія нѣкоторыхъ странъ и народовъ: такъ, помѣщены извѣстія объ островѣ Св. Елены, Марокскомъ и Фецкомъ государствахъ и др. Есть оригинальныя статьи въ этомъ же родѣ: „Записка о Молдавіи“ отъ бывшаго очевидца въ послѣднюю войну В. М. и „Россіянинъ въ Англии“—простое и чисто-внѣшнее, но не лишенное интереса и наблюдательности описаніе пребыванія тамъ автора. Но, все-таки, главное содержаніе журнала заключается въ переводной части, гдѣ въ числѣ переводчиковъ встрѣчаются болѣе или менѣе извѣстныя въ свое время имена: Вельяминовъ-Зерновъ, Вельяшевъ - Волынцевъ, Вышеславцевъ, Десницкій, Ибрагимовъ, Петровъ, Пельскій, Тимковскій и другіе.

Переводная литература отличается большимъ разнообразіемъ; но заявленное публикою требованіе краткости испортило все дѣло: незначительныя отрывки, выдернутыя изъ различныхъ авторовъ, не даютъ никакого о нихъ понятія. На первомъ планѣ встрѣчаются тѣ же авторы, что и въ предъидущемъ журналѣ: Мейснеръ (Султанъ Массуди, анекдоты изъ жизни Нуширвановой, Кузана, Вивонъ и Рюйтеръ, Эццелинъ—желѣзная рука и мн. др.), Арно („Влюбленный англичанинъ“ и др.), Бернардинъ де-сентъ-Пьеръ (отрывки изъ *étude de la nature*, „Индійской хижины“, „Аркадія“ и пр.), Флоріанъ („Лаокадія“, „Камирей“ и лучшія его повѣсти, „Галатея“ и два отрывка изъ „Естеллы“), Кампе (извѣстіе о небольшомъ путешествіи г. Кампе въ Висмаръ), Мерсье („Нантуанское озеро“, „Сокровище“, „Дружба“, „Жрица истины“ и мн. др.). Кромѣ того, изъ французскихъ авторовъ помѣщены: Жанъ-Жакъ-Руссо (о самоубійствѣ), г-жа де-Жанлисъ („Памела или приемышъ“), Беркень, Дорать, г-жа Монтекло, Леонардъ, Монтескье (о вкусѣ, пріятность порядка и разнообразія), г-жа де-ла-Фиттъ („Маленькая королева“). Для ясности прибавляемъ краткія замѣтки о менѣе извѣстныхъ авторахъ.

Жанлисъ (Fel. comt. de Genlis, 1746—1830 г.) приобрѣла извѣстность своимъ сочиненіемъ „Adel et Théodore ou lettre sur l'education“ (1782 г.); вскорѣ затѣмъ графиня сдѣлалась ярою противницей философскаго направленія и свободы совѣсти, и въ 1787 г. напечатала свое сочиненіе „Религія, разсматриваемая какъ единственное основаніе счастья и истинной философіи“. Въ

1793 г. она, вмѣстѣ съ Орлеанскою фамиліею, оставила Францію, была выгнана изъ Берлина, скиталась по Европѣ и въ это время начала свою карьеру писательницы романовъ („Матери-соперницы“, „Маленькіе эмигранты“, „Маленькій Лабрюйеръ“ и проч.), которую она значительно расширила по возвращеніи во Францію въ 1800 г., гдѣ и поступила подѣ покровительство Наполеона. Въ концѣ XVIII и началѣ XX в. Жанлисъ была любимую писательницей: почти всѣ ея комедіи и романы изданы на русскомъ языкѣ. Арн. Беркенъ (Berquin, 1749—1791 г.), кромѣ идиллій, романа „Sandfort et Merton“ и мелкихъ вещей, издавалъ „Bibliotheque des villages“ р. 1790 и главную славу приобрѣлъ дѣтскою книгою „Amides enfans“, въ подражаніе Вейссу, получившею въ 1784 г. награду отъ академіи. Доратъ (Dorat, 1734—1780 г.), очень плодовитый французскій поэтъ, написавшій массу произведеній такъ называемой легкой поэзіи и нѣсколько театраль-ныхъ піесъ, отличающихся сухостью и совершеннымъ отсутствіемъ чувства. Леонардъ (N. G. Leonard, 1774—1793 г.), французскій поэтъ и романистъ, написалъ нравственныя идилліи въ подражаніе Геснеру и нелишенные таланта два романа: „Новая Клементина или письма Генриетты Бельвиль“ (1774 г.) и письма двухъ влюбленныхъ, жившихъ въ Лондонѣ, содержація трагическую исторію Терезы и Фальдони, 1783 г. Лафитъ (M. E. Vouée, dame de Lafite, 1750 — 1794) издала, между прочимъ, „Разговоры, драмы и нравственныя сказки, предназначенныя для воспитанія юношества“ (1781 и 1783 г., имѣли нѣсколько изданій), откуда и заимствованъ отрывокъ въ переводѣ. О г-жѣ Монтекло свѣдѣній я не нашелъ. Гораздо полнѣе въ этомъ журналѣ представлена англійская литература. Такъ мы встрѣчаемъ отрывки изъ Попе („Лѣто или Алексисъ“); Джонсона („Сновидѣніе“); Софіи Ли (Miss Sophie Lee, 1751—1824 г.), писательницы нѣсколькихъ слабыхъ романовъ (наиболѣе извѣстны „The young Lady's Tale“ и „The Clergymen's Tale“) и драматическихъ піесъ, имѣвшихъ нѣкоторый интересъ; Стерна и Юнга („Духъ Юнговъ“). Стернъ, какъ видно, возбуждалъ большое сочувствіе въ тогдашней читающей публикѣ. Редакція помѣстила не только отрывки изъ „Тристрама Шанди“ и „Сантиментальнаго путешествія“, но и извлеченія изъ подражателей Стерну. Такъ, есть извлеченіе изъ *nouveau voyage sentimental* par M. de Goriy, sous le nom de Jorik, *voyage sentimentla*

des entants, voyage sentimental en France, цѣлый рядъ переводовъ изъ извѣстнаго, довольно талантливаго подражанія Стерну „Lettres sur l'Italie“ par M. de Paty. Переводъ отрывка изъ „Новаго Юриба“ въ настоящемъ журналѣ сопровождается такимъ замѣчаніемъ: „*Безподобный* Стернъ! ты произведъ многихъ подражателей, которые и чрезъ то уже имѣютъ въ глазахъ моихъ великую цѣну, что *тебѣ* подражали“. По всей вѣроятности, изъ тогдашняго расположенія къ Стерну Карамзинъ, еще до своего путешествія, вынесъ свое къ нему сочувствіе и написалъ „Письма русскаго путешественника“ подъ его вліаніемъ. Религіозно-унылая поэзія Йона играла большую роль еще въ Новиковскихъ журналахъ и статьи подъ заглавіемъ „Духъ Юнговъ“ встрѣчаются не разъ какъ въ этомъ, такъ и въ послѣдующихъ поврежденныхъ изданіяхъ Сохацкаго и Подшивалова. Въ настоящемъ журналѣ помѣщено русское подражаніе одной изъ Йоновыхъ ночей Шалимова. Въ первый разъ въ московской журналистикѣ встрѣчается „Судъ о Шакспирѣ“, заимствованный изъ жизни его, приложенной къ французскому переводу его сочиненій, и отдѣльно „Жизнь Шакспирова“. Но всего болѣе настоящій журналъ знакомитъ съ Германскою литературой. Германская литература въ общемъ ходѣ своего развитія имѣетъ много сходства съ нашею, что и понятно, такъ какъ она также позднѣе вступила въ міровой литературный обмѣнъ. Конецъ XVII столѣтія отмѣченъ въ литературѣ и жизни Германіи распространеніемъ французскаго вліанія, котораго самымъ блестящимъ представителемъ является Готшедъ (1700—1766 г.), но уже съ начала XVIII столѣтія это вліаніе оспаривалось распространеніемъ въ Германіи англійской литературы. Дѣйствіе послѣдней, прежде всего, отразилось на Гагедорнѣ и Галлерѣ. Въ то же время, по примѣру англійскихъ журналовъ Стиля и Аддисона, журналистика распространилась въ Германіи. Съ 1714 по 1800 годъ появилось тамъ болѣе пяти сотъ журналовъ и газетъ. Первая выходила въ Гамбургѣ; за нимъ на то же поприще выступили Цюрихъ и Лейпцигъ. Первыми дѣятелями на журнальномъ поприщѣ были Бодмеръ (1721 г.) въ Цюрихѣ, Готшедъ (1725 г.), Бидерманъ (1727 г.) въ Лейпцигѣ и Бровесъ (1724 г.) въ Гамбургѣ. Затѣмъ, вплоть до появленія Лессинга, продолжается періодъ лирическихъ пѣснопѣній, во время котораго въ Германіи появилось нѣсколько послѣдовательно смѣнявшихся литературныхъ цент-

ровъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своихъ представителей, свои характеристическія особенности и свое значеніе въ общемъ ходѣ нѣмецкой литературы. Таковъ Лейпцигскій кружокъ съ Геллертомъ и Клопштокомъ во главѣ; кружокъ при университетѣ въ Галле, старшій (Пира и Ланге) и младшій (Глеймъ, Уцъ и Гецъ), куда впоследствии присоединился Клейстъ; группа швейцарскихъ поэтовъ въ Цюрихѣ (Бодмеръ, Брейтингеръ, Геснеръ); позднѣйшая группа гёттингенскихъ бардовъ (Фоссъ, графы Штольберги и др.). Отъ лирической поэзіи германская литература начала переходить къ болѣе серьезнымъ созданіямъ эпической и драматической и вмѣстѣ съ тѣмъ, начиная освобождаться отъ подражательности, мало-по-малу создавала самобытную, народную литературу. На границѣ этого перехода стоитъ Виландъ, въ которомъ всѣ направленія иностранной и нѣмецкой литературы нашли отголосокъ и который поражаетъ разнообразіемъ своего мѣняющагося характера, хотя выдающійся талантъ на всѣ его произведенія влалъ печать силы и оригинальности. Одновременно съ нимъ, Лессингъ, самый крупный дѣятель той эпохи, своею критикою выводилъ нѣмецкую литературу на настоящій самобытный и народный путь и въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ онъ самъ первый примѣнялъ свои критическія положенія къ литературнымъ созданіямъ. Подъ вліяніемъ реформы, произведенной Лессингомъ, пройдя бурный періодъ, гдѣ молодая нѣмецкая литература предавалась необузданнымъ порывамъ кипучей и не перебродившей дѣятельности, въ она лицъ Гёте, Шиллера и Гердера завоевала себѣ всемірное значеніе.

Отрывки изъ всѣхъ этихъ нѣмецкихъ писателей нашли мѣсто въ московскихъ журналахъ: Гагедорнъ, Галлеръ, Клейстъ, Геснеръ („Менальъ и охотникъ“, „Дафнисъ“ и нѣсколько другихъ идиллій), Геллертъ („Ринзольтъ и Люція“, „Дориса“, „Два африканца“, „Вольнодумецъ“), Виландъ („Селимъ и Салима“, „Граціи“, „Диогенъ и Іерга“). Кромѣ того, встрѣчаются отрывки изъ менѣе извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей: Гартига (письма въ родѣ элегій Тибуловыхъ); Морица, Штилле (нѣсколько большихъ повѣстей, „Горный мудрецъ“, „Альмантъ и Кодеманъ“, „Царскія добродѣтели“); Вильдербева; Козегартена („Гробы въ Дустрѣ“); Циглера (сцены изъ трагедіи „Матильда Гисбахъ“); Вейссе; Гедике; Эбергардта; сцена изъ комедіи Коцебу: „Adelheid von Wulfingen“; Лихтвера и друг.

Гагедорнъ создалъ родъ легкой пѣсни въ нѣмецкой литературѣ,

кромѣ того, писалъ басни и поэтическіе рассказы. Галлеръ, названный *великимъ* по заслугамъ своимъ относительно естествознанія и медицины, въ своихъ юношескихъ поэтическихъ произведеніяхъ перерабатывалъ философскія мысли Лейбница, Вольфа и англійскаго моралиста Шефетсбюри о вѣрѣ и нравственности и въ элегическомъ тонѣ выставлялъ, какъ образецъ, простую и неиспорченную жизнь альпійскихъ горцевъ. Галлеръ пользовался у насъ большимъ сочувствіемъ и имѣлъ большое вліяніе на Карамзина, который перевелъ поэму его „О происхожденіи зла“. Клейстъ образовался, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Попе, Томосна и Галлера; поэзія его, въ особенности элегіи и рассказы, носятъ печать героическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ замкнутаго и меланхолическаго настроенія, которое, въ свое время, произвело сильное впечатлѣніе на читателей. Геснеръ (1730—1787 г.) тоже воспитанъ былъ англійскою литературою; у него идиллія, несмотря на приторную сантиментальность, не лишена поэтическаго настроенія, и потому онъ имѣлъ сильное вліяніе на французскую литературу и вызвалъ тамъ цѣлый рядъ подражателей; не менѣе значительно было вліяніе его и у насъ, такъ какъ подражательная наша литература того времени, — стихотворная и прозаическая, — преимущественно наполнялась идилліями, написанными подъ непосредственнымъ вліяніемъ Геснера и его подражателей. Безъ перевода изъ Геснера не обходился ни одинъ изъ нашихъ журналовъ того времени. Однимъ изъ самыхъ популярныхъ нѣмецкихъ писателей былъ Геллертъ (1715—1769 г.), въ которомъ по преимуществу среднее сословіе нашло своего представителя и который, независимо отъ сильнаго на него вліянія англійскихъ образцовъ, былъ по натурѣ нѣмецъ и внесъ въ свои произведенія національный элементъ. Его популярности въ особенности содѣйствовало нравственное его настроеніе, согрѣтое искреннимъ религіознымъ чувствомъ, которое онъ проводилъ и въ своихъ сочиненіяхъ, и въ собственной жизни. Морицъ, — одно время редакторъ Фоссовой газеты и другъ Гете, у котораго жилъ въ Веймарѣ, — написалъ, между прочимъ, романы: „Anton Reiser“ (1785—90 г.), „Andreas Hartkopf“ (1786 г.) и издалъ „Путешествіе нѣмца въ Англію“. Бильдербекъ, — писатель романовъ и драматическихъ піесъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія и издатель журналовъ, творецъ идиллій изъ школы Фосса, — былъ одаренъ блестящею фантазіей, которая часто увлекала его въ не-

естественному пафосу и напыщенности, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его произведеній проявляется неподдѣльное и искренное чувство лиризма. Циглеръ,—драматическій писатель, не представляющій ничего выдающагося,—вмѣстѣ съ Иффландомъ и Коцебу обогащалъ современную нѣмецкую сцену произведеніями, которыя на минуту удовлетворяли господствующему вкусу публики своимъ разнообразіемъ, но тотчасъ же безслѣдно забывались. Вейссъ—лирический поэтъ, драматургъ и писатель для дѣтей, очень плодovitый во всѣхъ родахъ. Редакція изъ его сочиненій для перевода и подражанія избрала „Amasonenlieder“ (1761 г.) и лирическія произведенія (Lirische gedichte). Вейссъ издавалъ журналъ „Дѣтскій другъ“ („Kinderfreund“, 1776—1782, 24 книжки, 2 изд. 1781 г.), сходный съ l'amis des enfans Berquin. Гедике (Fr. Gedike, 1754—1803 г.) былъ педагогъ и издатель классиковъ, перевелъ гимны Пиндара (Pindar's Olympische Siegeshimne, 1779 г.). Ебергартъ (I. A. Eberhard, 1739—1809 г.) въ своей „Апологии Сократа“ былъ одинъ изъ первыхъ послѣдователей рационализма въ религіи; написалъ нѣсколько серьезныхъ сочиненій по философіи и эстетикѣ, былъ неудачнымъ противникомъ Канта и издавалъ журналы: „Philosophische Magazin“ (1788—1791) и „Philosophische Archive“ (1792—1795 г.). Лихтверъ,—незначительный стихотворецъ,—написалъ: „Езоповы басни“ (1748 г.) и дидактическую поэму Права разума („Das Recht des Vernunft“). Пасторъ Демме (1760—1822) выступилъ на литературное поприще подъ именемъ Штиле романомъ „Pachter Martin und sein Vater“, обратившимъ на себя общее вниманіе, пользовался нѣкоторою извѣстностью за свои рассказы. Кромѣ этихъ главныхъ литературъ, встрѣчаются переводы и изъ другихъ. Изъ швейцарской литературы помѣщены отрывки изъ Вернеса (Verne, 1726—1791 г.), издававшего въ Женевѣ плохой періодическій сборникъ подъ заглавіемъ le Choix littéraire, 24 т., 1755—60); онъ заявилъ себя въ письмахъ и разговорахъ, противникомъ Руссо и написалъ „Confidencé philosophique“, — опроверженіе въ формѣ романа философіи энциклопедистовъ. Изъ итальянской литературы помѣщены отрывки изъ Данта („Миръ покаянія“); Бартоли, который (1717—1788 г.) былъ въ 1745 г. профессоромъ словесности въ Туринѣ, занимался археологіею и написалъ нѣсколько стихотвореній, писемъ и мелкихъ сочиненій. Франческо Соавъ (Francesco Soave, 1743—1806 г.) былъ профессоромъ по-

эзи и краснорѣчія въ университетѣ въ Падуѣ, стремился къ поднятію уровня образованія и къ замѣнѣ устарѣлыхъ педагогическихъ пріемовъ новыми и усовершенствованными; его „Novelli morali“, содержатъ небольшіе рассказы нравственнаго содержанія, отличающіеся простотой и изящнымъ языкомъ. Онъ имѣлъ большой успѣхъ въ Италіи и во Франціи (послѣдній переводъ M-me Colet, 1844); въ журналѣ помѣщены: „Алгемень или благополучіе“, арабская сказка. Помѣщенъ также отрывокъ изъ Риккабони (Пустыня въ Арденскомъ лѣсу“, подражаніе); Риккабони (1714—1792 г.), актриса по-неволю, писала романы, имѣвшія большой успѣхъ въ XVIII столѣтіи; многіе изъ нихъ явились въ русскомъ переводѣ отдѣльными изданіями. Наконецъ помѣщены отрывки изъ голландскаго писателя Риквисъ Фейта („Совѣсть“) и изъ записокъ Франкли-на, писанныхъ имъ самимъ.

Григ. Глинка, первый профессоръ „изъ дворянъ“ російской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, какъ это замѣчено было, несовсѣмъ, впрочемъ, справедливо, въ „Вѣстникѣ Европы“, перевелъ отрывокъ изъ итальянской повѣсти „Агнеса Ченси“, не указывая имени автора. Тотъ ж самый Глинка помѣстилъ переводъ изъ Энгеля „Убогіи Яковъ“, гдѣ выхваляется въ поселянахъ трудолюбіе, умѣренность и воздержаніе отъ всякой роскоши. Энгель (Engel, 1741—1802 г.) былъ драматическій писатель, котораго нѣкоторыя піесы („Das Edelknabe“, „Die Apotheke“) пользовались заслуженнымъ успѣхомъ; кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько легкихъ философскихъ сочиненій, въ томъ числѣ „Der Philosoph für die Welt“, откуда и заимствованъ отрывокъ, переведенный Глинкою. Глинка въ послѣсловіи „Къ издателю“ говоритъ: „Этотъ родъ поученія для просто-народія, въ моихъ глазахъ, можетъ принести самую великую пользу и особенно въ такой землѣ, какова наша, гдѣ крестьянинъ еще на первой степени образованія и гдѣ онъ не знаетъ другихъ поученій, кромѣ тѣхъ, которыя сообщаются ему высокопареніемъ не дѣйствующихъ на него словъ безъ мыслей или мыслей безъ словъ, пустымъ, слабымъ и растянутымъ велерѣчіемъ, и по своему образованнымъ. Друзья, воспользуемся временемъ, когда оно еще наше, воспользуемся силами нашего ума, жаромъ благихъ видовъ нашихъ, пока еще не наступилъ часъ смертнаго раскаянія о потерянномъ нами времени. Укроемся въ мирный свой кабинетъ и напишемъ что-нибудь для добрыхъ нашихъ поселянъ; они съ охотою теперь

насъ послушаютъ; кто знаетъ, какіе изъ нихъ родятся ученые въ будущихъ временахъ отъ различныхъ случаевъ и обстоятельствъ“ (18, 407).

Мелкія статьи заимствованы изъ слѣдующихъ изданій: Spectator, the Rambler (Бродяга, Джонсона), Bibliotheque choisie de contes, de faceties et de bons mots, Nouvelle bibliothèque de campagne, Лентеговой лѣтописи, Les charmes de l'enfance et les plaisirs de l'amour maternel, par Jauffret, Французская Антологія, Essai sur les éloges par M. Thomas, Amusements philosophiques, Questions sur l'Encyclopedie, Архенгольцевой Минервы, von der Selbsterkentiss и т. д.

Слѣдующій журналъ былъ „Иппокрена или успѣхи любословія“ (1799—1801 гг., 11 частей, издѣвиемъ Хр. Клаудія); редакторомъ былъ Сохацкій.

Въ объявленіи объ изданіи редакція говоритъ: „Главное желаніе и попеченіе издателей посвящено будетъ на то, чтобы піесы были самыя соотвѣтственныя, отборныя и оцѣненныя здравою и безпристрастною критикою. Онѣ должны заключать въ себѣ то наставительныя и важныя, то *чувствительныя и нѣжныя* матеріи въ стихахъ и прозѣ, въ сочиненіяхъ и переводахъ, изображенныя слогомъ чистымъ, приличнымъ, натуральнымъ, яко плоды *краткой благодѣтельной* литературы, между всѣми просвѣщенными народами растворяющей жизнь благородную *невиннымъ и полезнымъ* удовольствіемъ“. Между тѣмъ, уровень журнала, сравнительно съ предъидущимъ, сильно понизился. Въ стихотворномъ отдѣлѣ изъ извѣстныхъ поэтовъ участвовали Державинъ (Гдѣ столь простыя, непритворныя), кн. Шаликовъ и кн. Ив. Долгоруковъ, затѣмъ журналъ наполняютъ своими стихами лица совсѣмъ забытыя и бездарныя или только начинающія: кн. А. Голицынъ, Люценко, Тимковскій, кн. Козловскій, Колоколовъ, кн. Сибирскій, Вас. Жуковъ, Остолоповъ, Пав. Андреевъ, Анд. Крыловъ (переложеніе Псалмовъ), Ф. Ф. Ивановъ, Гр. Глинка („Колыбель“, XI, 30), Дм. Столыпинъ, Соговинъ, Якубовичъ, кн. Кугушевъ, Мих. Невѣровъ, Ѡ. Ключаревъ, П. Кайсаровъ, М. Кайсаровъ; даже Каченовскій помѣстилъ стихотвореніе: „Чувство по прочтеніи Орла“ (III, 96) и произвѣсскую галиматью: „Отпускная жаворонку“ (II, 278). вмѣстѣ съ тѣмъ, въ журналѣ опять встрѣчаются нѣсколько дамъ, поэтовъ и переводчицъ; къ первымъ принадлежать

кн. Авд. Шаликова, кн. Е. М. Долгорукова, Ан. Жукова, Варв. Караулова, Мар. Оомина; во вторымъ — Наталья Кологривова, Елис. Баскакова, Мар. Боско, кн. Екат. Щербатова, Елис. и Екат. Ниловы и другія, обозначавшія свои имена цифрами и знаками. Въ этомъ же журналѣ Жуковскій помѣстилъ стихотвореніе „Платону, неподражаемому достойно славящему Господу“ (VIII, 64), съ помѣтою Виоанія, 25 декабря 1800 г. Замѣчательно, что среди этихъ бездарныхъ стихотвореній напечатана „Ода въ честь моему другу“ (ч. IV), приписываемая Голеннищеву-Кутузову, который дважды былъ попечителемъ Московскаго университета (1798—1803 и 1810—1812 гг.), издавалъ журналъ „Другъ просвѣщенія“ (1804—1806 гг.) и былъ отъявленный врагъ Карамзина, стремившійся вредить ему всевозможными доносами. Въ этой одѣ курсивомъ выписываются многія мнѣнія Карамзина, съ указаніемъ въ выноскахъ на тѣ піесы, изъ которыхъ они приведены, какъ нѣчто безнравственное и зловредное, чего „Другъ“ старался тщательно избѣгать въ своей жизни. Въ прозаической части попадаются чаще статьи не переводныя, но написанныя въ подражаніе иностраннымъ образцамъ и оттуда заимствованныя, не представляющія ничего оригинальнаго. Такія статьи помѣщали В. Нарѣжный („Римская древность“, „Мстящіе евреи“, басни въ прозѣ сатиричь, розы, дубъ и пр.), П. Львовъ (очень много и во всѣхъ родахъ, но одно бездарнѣе другаго), Каменевъ, („Раміеръ или самоубійца“ и пр.), Ладыженскій, кн. Сибирскій, Анд. Чеботаревъ и др. Были даже помѣщены оригинальное, но нелѣпѣйшее представленіе Львова— „Картина славянской древности или празднество славянофиловъ по окончаніи жатвы, отправляемое въ честь Святovidу и Триглавѣ“, и „Кровавая ночь или конечное паденіе дому Кадмова“, В. Н., заимствованное изъ греческой трагедіи (?).

По части переводовъ въ настоящемъ журналѣ первое мѣсто остается за англійскою литературой. Сюда относятся: отрывки изъ сочиненій Йона; красоты Стерна и нѣсколько отрывковъ изъ его „Тристрама Шанди“ (1759 г.) и „Чувствительнаго путешествія (1767—1768 гг., части V, VII и VIII); Томсонъ—гимнъ временамъ года и уединенію; Попе—молитва высочайшему Богу; нѣкоторыя черты изъ Мильтоновой поэмы; изъ Шекспира монологи изъ Гамлета, изъ Генриха IV; изъ Коулея (1618—1667 гг.), писавшаго оды, элегіи, драматическія піесы и опыты въ эпиче-

скомъ родѣ,—поэта, замѣнившаго естественное и искреннее чувство напускнымъ жаромъ, но обладающаго по, крайней мѣрѣ, подвижностью, разнообразіемъ и наклонностью къ неподдѣльной веселости, оживляющей мелкія его стихотворенія; изъ Гре—элегія на сельскомъ владѣнцѣ, въ послѣдствіи переведенная Жуковскимъ; изъ Приора (1664—1721 гг.), поэта школы Попе, извѣстнаго своими шутивно-искровенными пѣснями (Sones) и прелестными, но серьезными небольшими рассказами; отрывокъ изъ Бѣккингема (I. Sheffield Duc of Buckingham, 1649—1720 гг.), написавшаго поэмѣ „The Vision“ и обязаннаго своею извѣстностью болѣе высокому своему положенію, нежели достоинствами своихъ произведеній, теперь забытыхъ; изъ извѣстнаго англійскаго публициста и одного изъ первыхъ рационалистовъ въ религіозныхъ вопросахъ Боллинброка (1678—1751 гг.); посланіе изъ Италіи Аддисона къ лорду Галифаксу въ 1801 году; изданныя послѣ смерти письма Йона къ Фонтенелю; нѣсколько статей изъ „Зрителя“ Стиля и Аддисона и изъ „Опекуна“ (Guardian,—о безсмертіи); былъ даже помѣщенъ *невозможный* переводъ цѣлой трагедіи Аддисона—„Смерть Катона или рожденіе римскаго единодержавія“, за подписью доктора Гартъ. Редація, повидимому, очень цѣнила Томсона: въ журналѣ помѣщены стихи въ честь Томсона Бернса (прозою), ода на смерть Томсона Колина и русское воззваніе къ Томсону. По исторіи литературы помѣщены были отрывки изъ извѣстнаго сочиненія англійскаго богослова и знатока еврейской литературы Лоута (K. Lowth, 1710—1783 г.) „De sacra poësia Hebraeorum“ (1753 г.), о священной поэзіи евреевъ,—сочиненія, дважды изданнаго въ Германіи и дважды переведеннаго по-французски (послѣдній разъ въ 1839 году). Изъ французской литературы помѣщены переводы изъ Арно „Délassements d'un homme sensible“; изъ Бернарденъ Сентъ-Пьера (отрывки изъ изученія природы); Бартеlemi (о друзьяхъ); г-жи де-Жанлисъ (Пиренейскіе пастухи или отрывокъ изъ путешествія въ 1778 г.); изъ поэмы Делиля о воображеніи; изъ идиллій Леклерка; изъ Томаса—мысли и отрывокъ изъ его éloge du Guay—Troins; изъ Руссо—письма къ Сарфъ; изъ Bonnet de nuit, Мерсье—гробница въ Гиндельсбанкѣ и нѣсколько небольшихъ его статей, переведенныхъ Ив. Татищевымъ; письмо г-жи де-Ламбертъ къ ея дочери о воспитаніи.

Леклеркъ (I. V. Leclerc, 1756—1826 г.), горячій сторонникъ

Руссо, принимавшій дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи, былъ писатель въ пасторальномъ родѣ и издалъ „Mes promenades champêtres ou poésies pastorales 1786 г. и *Idylles et contes Champêtres*“ 1798 г. Маркиза де-Ламбертъ (А. Т. Marquise de Lambert, 1647 — 1733 г.) была въ Парижѣ хозяйкою извѣстнаго салона (1710 — 1733 г.), гдѣ соединялось все лучшее общество Парижа и всѣ знаменитости, такъ что попасть туда считалось за величайшую честь. Она писала много, но не предназначала своихъ сочиненій къ печати, благодаря существовавшему тогда предрасудку противъ ученой женщины; но ея сочиненія изданы были большею частью послѣ смерти, имѣли большой успѣхъ и переведены на многіе языки. Сочиненія ея изложены большею частью въ видѣ писемъ къ дочери и касаются, главнымъ образомъ, воспитанія и различныхъ моральныхъ и эстетическихъ вопросовъ.

Нѣмецкая литература представлена сравнительно слабо: изъ Галлера отрывокъ о вѣчности и утреннія мысли; изъ Козегартена—Эдельвина, Ритогаръ и Ваада; отрывки изъ Клейста; изъ Гёте—“Художникъ и гражданинъ”; изъ Коцебу: „Кто бы это думалъ или несчастное приключеніе съ другомъ“. Различныя мелкія статьи заимствованы изъ слѣдующихъ изданій: *Tombeaux d'Harvey*, польскій историческій журналъ (нѣчто объ англичанахъ и образъ ихъ жизни); *Miscellaneus* д-ра Эскина; *Les merveilles du corps humain* (польза и употребленіе рукъ); отрывокъ изъ *Voyage en Constantinople etc. en 1790 et 1791, lettre XXXVI*; *les Charmes de l'enfance et les plaisirs de l'amour maternel*; *Lettres à Emilie sur la Mythologie* (Девкалионовъ потопъ, о Зевесѣ); *le Reveur Sentimental*; *les Bigarrures de l'esprit humain*; *le Spectateur du Nord* (краткіе некрологи Мармонтеля, Монтекло, Добантона и Превиля); *Menschen kunde*; статьи изъ энциклопедіи—горестъ, печаль, непріятность (IX, 305), чистосердечіе, окровенность, искренность, простосердечіе (379).

Въ „Ипокрентъ“ началъ принимать дѣятельное участіе своими переводами Каченовскій и помѣстилъ критическую статью Полныя сочиненія Г. Леонарда“ В. А. Жуковскій (IV, 81, 97). Въ видѣ курьеза слѣдуетъ отмѣтить, что помѣщены присланные изъ суздальской и владимірской семинарій переводы съ латинскаго поэмъ Каспара Барлея, профессора философіи въ Амстердамѣ и латинскаго стихотворца XVII вѣка—„Каинъ, убившій Авеля“, „Падшій

Адамъ“, „Авраамъ, выходящій изъ Халдеи“, „Авраамъ, закаляющій Исаака“, „Иосифъ, узнающій братій своихъ въ Египтѣ“.

Изъ статей, относящихся до Россіи, помѣщена всего *одна*: повѣсть втораго Муртазы Рулы-хана, сына Магомеда Ганатъ-хана II, жившаго въ Астрахани, подъ покровительствомъ императрицы Еватерины, пер. съ армянскаго (XI, 36).

„Новости Русской Литературы“ (1802—1805 гг.), 14 частей, въ Университ. тип. у Любія, Гарія и Попова; редакторомъ былъ Сохацкій, а съ девятой книжки (1804 г.) проф. Побѣдоносцевъ. Редакція въ началѣ своего журнала помѣстила слѣдующее обращеніе къ читателямъ: „Симъ періодическимъ изданіемъ, равно какъ и прежними, мы желаемъ подать охотникамъ въ литературѣ удобное средство къ представленію предъ глазами публики ихъ талантовъ и столь благороднаго занятія. Не одного только тону и роду могутъ быть здѣсь сочиненія, ибо они посвящаются для читателей не одного характера, свѣдѣній, пола и возраста; но вообще существо ихъ должно состоять въ томъ, чтобы они заключали въ себѣ все благонравное, наставительное и невинно пріятное. Изъ сей точки зрѣнія мы за долгъ поставляемъ смотрѣть на всѣ присылаемыя къ намъ піесы. Но переводы принадлежатъ ли къ новостямъ русской литературы? По всему праву, если только они выработаны старательно, точно, чисто и съ сохраненіемъ, или въ необходимыхъ случаяхъ съ замѣною красоты оригиналовъ („Новости Р. Лит.“, 1, 6 и 7). Позднѣйшій редакторъ, Побѣдоносцевъ, заканчивая свой журналъ, выразался слѣдующимъ образомъ: „Предъ строгими читателями, которые хотѣли бы находить все новое и любс^литное, обработанное со всевозможнымъ тщаніемъ, извиняюсь тѣмъ, что я не получалъ ни одного иностраннаго журнала, не имѣлъ случая и пользоваться ничьею библіотекой, тѣмъ, что, кромѣ обязанности издателя, исполняю другую, можетъ быть, важнѣйшую, требующую большаго вниманія: разумѣю должность человѣка, которому препоручено образованіе юношества въ мѣстѣ почтеннѣйшемъ, судя по выгодамъ, доставляемымъ отъ него отечеству“ („Нов. Р. Лит.“, XIV, 409).

Послѣ такого наивнаго признанія трудно ожидать отъ журнала не только опредѣленнаго направленія, но и сколько-нибудь толковаго и систематическаго свода; это былъ случайный сборникъ доставляемыхъ въ редакцію статей. Въ отдѣлѣ стихотвореній

попадаетъ изъ извѣстныхъ именъ Батюшковъ, помѣстившій тамъ одно изъ раннихъ своихъ произведеній „Посланіе къ стихамъ моимъ“ (XIII, 61), А. Измайловъ. За тѣмъ слѣдуютъ имена, въ настоящее время совсѣмъ забытыя и въ свое время не пользовавшіяся извѣстностью: Кованько, Ленкевичъ, кн. Кугушевъ, Похвистневъ, С. Бобровъ, Ф. Ключаревъ, Н. Столыпинъ, А. Максимовичъ, М. Магницкій, Руссовъ, Г. Каменевъ, Грузинцевъ, Н. Кюшанскій, Ф. Львовъ, И. Смирновъ, В. Колосовъ, Политковскій, Ив. Волковъ, Авр. Крыловъ (переложеніе псалмовъ), В. Анастасевичъ, Котельницкій, Ф. Ишимовъ, Еф. Смагинъ, Уманецъ, Л. Надеждинъ, Калайдовичъ, Ал. Поповъ, Пл. Тимковскій, кн. Ив. Щербатовъ, Пав. Свиньинъ, какой-то Ботамвецъ, помѣстившій, между прочимъ, очень хорошее стихотвореніе: „Мой уголокъ“, подражаніе Беранже (XIII, 110) и нѣсколько другихъ, еще менѣе извѣстныхъ и еще болѣе бездарныхъ. Изъ числа этихъ неизвѣстныхъ поэтовъ замѣчательнѣе былъ Анастасевичъ, конечно, не по тѣмъ плохимъ переводамъ съ польскаго, которые онъ помѣщалъ въ „Новостяхъ“. Анастасевичъ былъ довѣренное лицо и ближайшій исполнитель всѣхъ распоряженій кн. Чарторижскаго по Виленскому округу; впоследствии онъ занималъ мѣсто помощника начальника отдѣленій польскихъ и малороссійскихъ правъ въ комиссіи составленія законовъ и издалъ статутъ великаго княжества Литовскаго (1811 г.). Онъ также издавалъ журналъ „Улей“ и былъ замѣчательнымъ библіографомъ, составившимъ каталоги библіотекъ Плавильщикова и Смирдина. Изъ дамъ въ этомъ журналѣ принимали участіе кн. Н. Щербатова (поэтъ), Анисья Вельяминова-Зернова, Катерина Корсакова (поэтъ).

Оригинальныя статьи въ прозѣ не представляютъ ничего интереснаго и выдающагося. Въ началѣ журналъ наполнялъ своими статьями самаго разнообразнаго содержанія неутомимый П. Львовъ: тутъ помѣщены и его элегіи, и отрывки изъ „Храма славы“, и „Нума Помпилій“, и „Подражаніе Петраркѣ“, и сантиментальная повѣсть— Даша, деревенская дѣвушка, и пр. и пр. Здѣсь же помѣстилъ отрывки изъ своего недѣлаго сочиненія „Твердость духа нѣкоторыхъ россіянъ“ корпусный учитель Гераковъ извѣстный⁽²⁸⁾ столько же своею бездарностью и отсталостью убѣжденій, сколько доносомъ на Пнина, по поводу замѣчательнаго его сочиненія „Опытъ о просвѣщеніи“ (1804 г.). Въ изданіи принимали участіе въ качествѣ не столько оригинальныхъ сочинителей, сколько переводчиковъ, профессора: Бол-

диревъ, Цвѣтаевъ, Каченовскій, Калайдовичъ, Тимковскій; кромѣ того, изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ литераторовъ помѣщали свои статьи Ан. Княжнинъ, Каменевъ, Воейковъ, Вельяминовъ-Зерновъ, извѣстный юристъ, состоявшій въ комиссіи по составленію законовъ, издатель „Сѣвернаго Меркурія“, Валувевъ, директоръ Оружейной палаты, основатель Московской Коммерческой Академіи. Въ журналѣ были сдѣланы попытки критики Грузинцевымъ, помѣстившимъ Экзамень Хорева, Экзамень Лизы или торжество благодарности,—драмы, имѣвшей въ то время блестящій успѣхъ на сценѣ,—Разсужденіе о драматическихъ твореніяхъ, Похвалу г. Сумарокову. Здѣсь же помѣщена извѣстная привѣтственная рѣчь Екатеринѣ Георгіи Конисскаго, съ рецензією и критическими замѣчаніями. Въ журналѣ печатались, между прочимъ, піесы, присланныя отъ воспитанниковъ благороднаго пансіона, „для одобренія раздвѣтающихся талантовъ, отъ которыхъ можно надѣяться зрѣлыхъ плодовъ и счастливыхъ успѣховъ“. Въ числѣ оригинальныхъ произведеній помѣщена плохая драма А. Пр—ни—„Невинность не погибаетъ“.

Въ переводной литературѣ на первомъ планѣ стоятъ мелкіе рассказы изъ Дюкре-Дюмениля (1715—1794 г.), одного изъ извѣстныхъ французскихъ дипломатовъ, писавшаго мелкія сочиненія прозою и стихами и поэму „De la Religion“; изъ Томаса и мало извѣстныхъ авторовъ де-Лаво и Бланшета; изъ „Delassements d'un homme sensible“; изъ поэмъ Де-Лиля—О воображеніи и Сады; изъ Бартеми—„Путешествіе юнаго Анахарсиса“, которое переведено было цѣлымъ обществомъ, состоявшимъ изъ Нартова, Хвостова, Дмитревскаго, Дружинина и другихъ, подъ заглавіемъ „Путешествіе младшаго Анахарсиса въ Грецію, въ половинѣ IV вѣка, (въ 1804—1809 г., изданіе Россійской академіи); изъ Фонтенеля—„Разговоръ Омира съ Езопомъ въ царствѣ мертвыхъ“; изъ Лафонтена—Тулземъ страннопріимецъ и огорченный Гименей; изъ Флоріана—Леонъ, Марсянскій герой, отрывокъ; изъ Бернарден де-Сентъ Пьера—Удовольствіе меланхоли; изъ Монтеня—Кроміонъ; изъ Беркена—Жестокосердый сынъ; изъ Жанъ-Жака Руссо—Мысли, Сократъ и Солонъ; изъ Вольтера—о горахъ и раковинахъ; его же—два письма въ Фридриху, наслѣдному принцу, съ отвѣтомъ, два письма въ одной знатной дѣвицѣ въ Ліонѣ, выдержки изъ его Faceties; изъ „Oeuvres posthumes de d'Alambert“, переписка его съ Фридрихомъ Великимъ, Дидеротомъ, Кондорсетомъ, аббатомъ

Гальяни и письмо къ Императрицѣ Екатеринѣ; де-Сентъ Ламбертъ—Восточныя басни; Лантье—„Рѣдкое великодушіе“, выдержки изъ его „Voyage d'Antenor en Grèce“ и „Voyage en Suisse“; Бланшара—Нѣчто о любви; изъ романа Леонарда—„Тереза Фальдони или письма двухъ любовниковъ, жившихъ въ Лионѣ“, и нѣсколько мелкихъ отрывковъ; Жоффруа—„Возвращеніе весны“; Эльмонтъ де-Монгрель—„Галатейны слезы“; Дюмутъ—„Констанція и Вальмонтъ, дружескія утѣшенія“; Сегюра—„Дѣтская любовь“ и отрывки изъ сочиненія „Des femmes, leur condition et leur influence dans l'ordre social“; Деланденъ—„Фигаро или Вѣрная собака“; отрывки изъ Философіи природы „Deslile de Sales“; Oussé, отрывки изъ „Voyage sentimental en Suisse“; Каракчиолли—„Свойство любви дружбы“ и изъ писемъ папы Климента XIV Ганганелли — Изображеніе чело-вѣка.

Лантье (Eh. de Lantier, 1734 — 1826 г.) написалъ нѣсколько комедій, имѣвшихъ успѣхъ, сказки въ стихахъ и прозѣ и проч., самое извѣстное его сочиненіе—„Voyage d'Antenor en Grèce“.

Жоффруа (Tul. d. Geoffroy, 1743—1814 г.), извѣстный французскій критикъ, нападавшій на старыя авторитеты, редакторъ „Journal de Monsieur“ (1781—1791 г.), „L'ami du Roi“ (1790 г.), со-трудникъ „Journal des Debats“, „La Question“ и другихъ журналовъ начала нынѣшняго вѣка, напечаталъ переводъ идиллій Теокрита (1800 г.) сдѣланный имъ въ молодости.

Деландинъ (Delandine 1756—1820 г.), извѣстенъ болѣе своими историческими трудами, былъ плодовитымъ писателемъ, составилъ, между прочимъ сочиненіе, о миѳологіи (L'enfer des peuples anciens 1784 г.) и издавалъ журналъ „Le conservateur de la bibliotheque choisie“ (1787—1788 г.).

Каракчиолли (L. A. Caraccioli, 1721—1803 г.), французскій пи-сатель, извѣстенъ болѣе всего изданіемъ „Интересныя письма папы Климента XIV“ (4 vol. Paris, 1721), подложность которыхъ долгое время оставалась неизвѣстною. Каракчиолли написалъ множе-ство сочиненій въ разныхъ родахъ, но они всѣ не заслуживаютъ вниманія и теперь забыты.

По теоріи словесности были помѣщены Батте: „О поэзіи вообще и ея раздѣленіи“, причемъ указано, что первая часть его сочиненія вышла въ переводѣ, и Лагарпа—„Вкусъ и геній“. Кромѣ того, помѣ-щены обширныя выписки изъ сочиненія Мисо: „Histoire des progrès

et de la chute de l'empire de Mysore“. Изъ нѣмецкой литературы помѣщены: изъ Гагедорна; Галлера—„Къ моей отчизнѣ“; Клейста; Генера—„Осеннее утро“; Уца; Виланда—„Умирающая Поликсена Еврипидова“, „Езонъ и Солонъ“, „Письмо о преимуществѣ мудраго человѣка“, Письмо о связи пріятнаго съ полезнымъ; Лессинга—„Образецъ дружбы“, „Смерть“, „Герой“; гр. Штольберга; Геллерта; отрывокъ изъ писемъ Маттисена; изъ Талии—Шиллера—Дѣйствіе театра и сцены изъ трагедіи „Донъ-Карлосъ“; нѣсколько мелкихъ статей изъ Вейсса; изъ Герстенберга; бар. Кронегга; Глейма; Шписа („Несчастливая Катерина“); Крамера; нѣсколько мелкихъ статей изъ Лихтвера; Коцебу—Свѣтлана и трагедія Аделаида; четыре статьи изъ Еккартсгаузена; письмо Шлегеля о различіи человѣческихъ мыслей. Помѣщенъ отрывокъ изъ neu entdeckte Gedichte Ossians, подъ заглавіемъ „Тарскія пѣсни“.

Герстенбергъ (Gerstenberg, 1737 — 1828 г.), поклонникъ Шекспира, проповѣдывавшій реальность и естественность въ поэзіи, получилъ извѣстность, главнымъ образомъ, своею трагедіей „Уголино“, которая, помимо присущихъ ей недостатковъ, заставившихъ забыть ее въ настоящее время, все-таки, носила на себѣ печать яркаго таланта. Кромѣ трагедій, Герстенбергъ писалъ отдѣльные рассказы („Невѣста“, „Аркадія на островѣ Наксосѣ“) и издалъ томъ „Prosaische Gedichte“ (1759 г.). Глеймъ (Gleim, 1719 — 1803 г.) писалъ шуточные и серьезные пѣсни, романсы, которые онъ первый ввелъ въ Германіи, басни и проч. и сдѣлался въ особенности извѣстнымъ послѣ изданія своихъ „Пѣсней прусскаго гренадера“, гдѣ впервые было искренне и живо затронуто народное чувство. Уцъ (1720—1796 г.) принадлежитъ къ первымъ лирикамъ своего времени; многія изъ его стихотвореній и теперь нравятся музыкальностью стила, жаромъ и искренностью своего лиризма, силою и серьезностью вложенной мысли. Шписъ (1755—1799 г.) былъ плодовитый романистъ во вкусѣ Радклифъ: переводы его романовъ у насъ были сильно распространены. Крамеръ (K. G. Cramer, 1758 — 1817 г.), нѣмецкій романистъ, котораго лучший романъ былъ „Erasmus Scheicher“ (4 т. 1789 г.); другіе его романы плохи, отличаются невѣрностью характеровъ, неправдоподобіемъ вымысла и полнымъ отсутствіемъ художественности. Въ этомъ же журналѣ помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ Гольберга, знаменитаго датскаго поэта, автора комедій и историка (1684—

1754 г.), который создалъ національную драматическую литературу въ Даніи, кромѣ того, писалъ басни (1751 г.) и письма содержания историческаго, философскаго, моральнаго и политическаго. Переводами театральнахъ піесъ Гольберга въ особенности занимался Нартовъ и нѣкоторые изъ нихъ долго держались на нашей сценѣ.

Англійская литература почти вовсе исключена; помѣщены только изъ Ловта статьи объ „Еврейской одѣ“ и извѣстіе о Робертѣ Блумфильдѣ, авторѣ поэмы „Сельскій работникъ“, съ переводомъ изъ нея отрывка. Далѣе, въ журналѣ помѣщенъ переводъ письма Якова Душа, проф. въ Альтонѣ, къ бар. Берндорфу, камергеру при датскомъ дворѣ—о блаженствѣ добродѣтельнаго человѣка. Встрѣчаются очень коротенькіе отрывки изъ древнихъ писателей: Ливія, Виргилія, Саллюстія, Геродота, Плутарха, Сенеки, Лукана (Фарсалида), изъ разговора Сократа „Федонъ“. Кромѣ того, помѣщены три переводныя драматическія піесы, безъ указанія именъ авторовъ—„Слѣдствіе знакомства съ порочными людьми“ съ нѣмецкаго, „Военная Школа“ съ французскаго и „Пожаръ или награжденная добродѣтель“. Мелкія статьи заимствованы изъ слѣдующихъ повременныхъ изданій и сочиненій: *Lettres d'un ecclesiastique*, Архенгольцовой Минервы, *le Gardien* (Молитва Фенелона), *das Reich der Todten*, *Moniteur*; Англійскаго Магазина, *the English Lyceum*, *the flowers of the British Literature*, *Filicaiia*, итальянскаго журнала; поэмы *L'homme des champs*; *Manuel des boudoirs*, *Spectateur du Nord*, *Elite de bonts mots*, *Delices de la solitude*, *Morale des orientaux*, *Morale en exemples*, *Journal de Paris*, *Abeille du Nord*, *Gallerie Anglaise*, *Journal des dames et des modes*, *Courrier de Londres*, *Improvisateur francais*, *Dictionnaire des fais et dits mémorables*, *Marqueterie—litteraire*, *Dictionnaire historique d'éducation*, *Histoire des chiens célèbres*, *Contes noirs et blancs*, *Journal encyclopedique*, *Nouvelle bibliotheque de société*, *Empire des roses*, *Journal des dames*; Философскій Словарь (дружба). *Voiage-de Pythagore*.

„Минерва“, журналъ російской и иностранной словесности, 1806 г., 3 части, издававшійся проф. Побѣдоносцевымъ (у Сопикова ошибочно приписанъ Сохацкому).

Это былъ самый жалкій изъ всего ряда приведенныхъ журналовъ. Въ стихотворномъ его отдѣлѣ помѣщали только: вн. Кугушевъ свою нескончаемую піесу „Оружейная палата“, начавшу-

юся еще въ „Новостяхъ“, Невзоровъ, Усолецъ, Смагинъ, К. Андреевъ, Е. Брд—свй и какой-то, К—въ. Оригинальныхъ статей помѣщено всего пять-шесть, самыхъ ничтожныхъ, повидимому, принадлежавшихъ самому автору, и въ томъ числѣ сцена изъ трагедіи „Ермавъ, покоритель Сибири“, соч. Плавильщикова, поставленной тогда на сцену. Переводы заключаются въ самыхъ незначительныхъ и коротенькихъ отрывкахъ изъ всевозможныхъ писателей,—Вольтера (Петръ Великій), Шатобриана, Лабрюэра, Фонтенеля, Лагарпа, Делаво, Мабли, Бартелеми, Руссо (Безсмертіе души), Дюкре-дю-Мениля, Масильона, Томаса, путешествіе Верне, сцена изъ Шекспировой трагедіи „Ричардъ III“, Лейхтенберга, Боа Прео, г-жи Жанлисъ (самая длинная повѣсть: „Чудный сафирный талисманъ“), Флоріана, Шамфора и друг. Есть продолженіе переписки между Фридрихомъ и Вольтеромъ, начатой въ „Новостяхъ“. Чтобы охарактеризовать этотъ журналъ, достаточно привести одинъ примѣръ. Журналъ хотѣлъ дать читателямъ понятіе о Боссюэтѣ; и вотъ онъ предлагаетъ рядомъ три кусочка: Боссюэтъ, какъ ораторъ—Мори, какъ историкъ—Шатобрианъ, какъ витія—Томасъ. Главнымъ источникомъ для журнала служили: „Abeille du Nord“ и Journal de Paris“: отсюда переводились даже анекдоты о Петрѣ Великомъ; затѣмъ „Journal historique“, „Mercure Universel de l'Europe“, „Choix d'Anecdotes“, „Journal des dames et des modes“, „Pièce sinteresantes et peu connues“, „Manuel des boudoirs“, „Morale en exemples“, „Almanach des prosateurs“, „Conservateur“.

Отсутствіе въ поврежденныхъ изданіяхъ Сохацкаго и Подшивалова политической части дополнено было появленіемъ отдѣльнаго „Политическаго журнала“, продолжавшагося съ 1790 — 1830 г., съ нѣскольکو разъ измѣненнымъ названіемъ. Основателемъ этого журнала и издателемъ его былъ проф. Сохацкій, къ которому съ 1801 г. присоединился проф. М. Г. Гавриловъ (26). Послѣ смерти Сохацкаго (18 марта 1819 г.), изданіе принялъ на себя одинъ Гавриловъ, а послѣ его смерти (21 января 1829 г.) изданіе докончилъ сынъ его, проф. А. М. Гавриловъ. Журналъ этотъ былъ переводъ „Политическаго журнала“, издававшагося въ Гамбургѣ обществомъ ученыхъ людей. Журналъ, по своей программѣ, кромѣ современной исторіи, долженъ былъ заключать въ себѣ географію и статистику, почему съ 1807 г. онъ сталъ носить болѣе полное названіе „Историческій, статистическій и географическій журналъ или

современникъ исторіи свѣта“. По истеченіи двѣнадцати лѣтъ, Сохацкій и Гавриловъ, въ первой книжкѣ за 1802 г., опредѣляли слѣдующимъ образомъ характеръ своего журнала: „Одинъ только политическій журналъ предложилъ всю связь современной исторіи въ такой полнотѣ, что ни одно политическое подлинное происшествіе, ни одно историческое важное приключеніе не осталось безъ упоминанія. Такимъ образомъ, политическій журналъ сдѣлался полнымъ архивомъ современной исторіи. Другое существенное различіе политическаго журнала отъ обыкновенныхъ вѣдомостей состоитъ въ томъ, что *прагматическая* (исторія прагматическая показываетъ причины, связь и слѣдствія всѣхъ важныхъ политическихъ происшествій) современная исторія означаетъ пунктъ, на которомъ должно остановить вниманіе и судъ про всѣ политическія происшествія. Прагматически изслѣдывающее повѣствованіе само по себѣ уже придаетъ особенную *новость* происшествіямъ, хотя они слегка и стали прежде по газетамъ извѣстны. Не смотря на такое опаздываніе извѣстія, каждая книжка всегда содержитъ не только новыя обстоятельства и связныя описанія извѣстныхъ уже происшествій, но знатное число о такихъ новостяхъ, которыя ни въ какихъ вѣдомостяхъ не встрѣчаются. При этомъ сочинитель, не зависимъ будучи отъ всякаго вліянія, отъ всѣхъ партій, съ прямою свободой духа обрабатываетъ здѣсь исторію своихъ временъ. Будучи преданъ только единой истинѣ, „онъ не воскреситъ еиміамъ идоламъ своихъ дней“... Редакція ограничивалась извлеченіемъ и переводами статей гамбургскаго журнала, не прибавляя ничего своего, за исключеніемъ самыхъ короткихъ извѣстій о нашихъ вѣдшихъ событіяхъ, пропущенныхъ въ журналѣ. Журналъ содержалъ въ себѣ довольно подробное и связное изложеніе политическихъ извѣстій изъ различныхъ государствъ, важнѣйшіе дипломатическіе акты, массу интересныхъ современныхъ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ, свѣдѣнія статистическія и перечень сочиненій по исторіи, географіи и статистикѣ, вышедшихъ въ Германіи; въ нѣкоторомъ отношеніи журналъ, до извѣстной степени, сохраняетъ свою цѣну и теперь. Событія въ немъ излагались совершенно объективно, не представляя никакого опредѣленнаго политическаго направленія и оцѣниваясь съ нѣмецко-гамбургской точки зрѣнія, вѣрной существующему легальному порядку вещей. Съ самаго начала журналъ отнесся сочувственно къ

революціонному движенію во Франціи. „При всѣхъ безпокойныхъ народныхъ движеніяхъ,—сказано въ журналѣ,—произошло начало новой эпохи человѣческаго рода, и эпоха *поправленія судьбы* такъ называемыхъ низкихъ состояній—*уметеніе самопроизвольной власти*, ограниченіе министерскаго и подминистерскаго деспотизма, владычества аристократіи или вельможъ возлѣ престоловъ. Такъ зломъ произведено добро! Такъ 1782 годъ учинился вѣчно незабвеннымъ между годами многихъ столѣтій“ (1790, 1, 8 и 9 г.). Но это сочувственное отношеніе къ великимъ задачамъ французской революціи сейчасъ же смѣняется осужденіемъ бурнаго хода событий. Приведа тѣ различные пути, которыми въ разныхъ странахъ народы стремились достигнуть свободы,—редакція говоритъ: „всѣ сіи безконечныя различія имѣли только то общее, что вездѣ было возмущеніе, пролита кровь гражданъ, и люди и земли учинились бѣдными и несчастными!“ (стр. 12). Уже со второй части 1789 г. взглядъ журнала на событія совершенно измѣнился и текуція событія совершенно заслонили истинный смыслъ совершающагося переворота. Въ обзорѣниі французскихъ событій конца 1789 г., журналъ выражается: „издатели сего журнала въ восьмой части прошедшаго (1788 г.) сообщили въ особой статьѣ, какъ *Парижъ сильною рукою возвращаетъ вольность!* Вскорѣ затѣмъ послѣдовали тѣ происшествія, которыя уже не вольность, но неистовство имѣли за основаніе“. Этотъ политическій взглядъ на французскую революцію журналъ сохранялъ до конца.

Сатирическое направленіе представлено было въ московской журналистикѣ „Сатирическимъ Вѣстникомъ“, который выходилъ неопредѣленно частями въ продолженіи 1790—1792 г. (IX частей). Издателемъ его былъ Николай Ивановичъ Страховъ. Кто былъ этотъ Страховъ и не былъ ли онъ, судя по отзыву, братомъ проф. физики П. И. Стрхова (25) — неизвѣстно. Журналъ этотъ былъ подражаніемъ издававшейся въ Петербургѣ въ 1789 г. „Почты духовъ“, издававшейся И. А. Крыловымъ, гдѣ, по мнѣнію А. Н. Пыпина, участвовалъ Радищевъ (двѣ части, — гдѣ заключаются ежемѣсячныя выпуски, окончившіеся августомъ мѣсяцемъ). Оба эти журнала изложены въ формѣ писемъ. Крыловъ свою сатиру излагаетъ въ видѣ переписки различныхъ адскихъ духовъ съ пріѣзжавшимъ въ Петербургъ арабскимъ волшебникомъ Малькульмуломъ, обнародованной его секретаремъ; Страховъ печатаетъ вы-

мышленные корреспонденціи изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ. Относительно литературной отдѣлки, журналъ Крылова стоитъ гораздо выше. Академикъ Гротъ, рассматривая „Почту духовъ“, говоритъ, что „тогда какъ прежніе журналы, выставя главнымъ образомъ бытовую сторону общества, ограничиваются описаніемъ существовавшихъ золъ, Крыловъ заглядывалъ въ ихъ причины, обнажалъ нравственныя язвы, изъ которыхъ они происекали. У него сатира глубже, рѣзче и разнообразнѣе. Она обнимаетъ всѣ слои общества, всѣ сословія, и потому принимаетъ характеръ вполне общественный. Къ этому надобно прибавить и то, что зависитъ собственно отъ таланта писателя; Козицкій, Новиковъ, Эминъ и друг. были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ“. Нѣкоторыя письма содержатъ въ себѣ типичные живые рассказы, напоминающіе мастерство „дѣдушки Крылова“. (Пис. VII отъ Сильфа Дальновиды, гдѣ изложенъ разговоръ сводни съ молодой дѣвушкой, увлекаемой ею въ развратъ, 1, 63; письмо XI отъ Гнома Зоря, гдѣ описывается имянинный столъ у купца Плуторѣза). Вообще, въ „Почтѣ духовъ“ Крыловъ является тѣмъ тонкимъ наблюдателемъ-художникомъ, какимъ впоследствии явился „дѣдушка Крыловъ“ въ своихъ басняхъ. Сатира Крылова часто здѣсь развивается съ бѣльшею полнотою и ясностью тѣ же мысли, которыя мы встрѣчаемъ позднѣе въ его басняхъ; иногда одни и тѣ же образы повторяются и здѣсь и тамъ. „Московскій журналъ“ далеко уступаетъ въ формѣ изданію Крылова и напоминаетъ бытовую сатиру прежнихъ журналовъ; что касается до внутренняго содержанія, то онъ останавливается, главнымъ образомъ, на явленіяхъ, уже подмѣченныхъ „Почтою духовъ“, и даже повторяетъ, безъ измѣненія, высказанный ею взглядъ. Оба журнала между прочимъ проникнуты постояннымъ и живымъ протестомъ противъ крѣпостнаго права, который проведенъ въ „Московскомъ журналѣ“ настойчивѣе и съ нескрываемымъ негодованіемъ.

Главными предметами для сатиры въ обоихъ журналахъ являются: щегольство и исключительное господство моды, вытѣснившее всѣ другіе интересы въ жизни; страсть къ мотовству и распространеніе роскоши во всѣхъ сословіяхъ, доводящее до разоренія; воловьство и увозъ дѣвицъ; заведеніе любовницъ; браки по расчету; пустота свѣтской жизни и отсутствіе истинныхъ понятій о

честности; наклонность къ злословію (шпынство, какъ тогда называли); неблагодарность, азартная игра и шулерство; приглашеніе неспособныхъ и недостойныхъ учителей и гувернеровъ; предпочтеніе искусства въ танцованіи всѣмъ другимъ достоинствамъ; распространенная мода къ притворнымъ болѣзнямъ, въ особенности къ истерикамъ, обморокамъ и близорукости у дамъ, послѣднее съ цѣлью обзавестись лорнетомъ; взяточничество и неправосудіе, на что особенное вниманіе обратила „Почта духовъ“; недостатокъ стремленія къ образованію и нехота къ чтенію книгъ. „Московскій журналъ“ упоминаетъ, что книги читались обильно, когда парикмахеръ завивалъ голову или на сонъ грядущій. „Почта духовъ“ приводитъ неблагоприятныя сужденія о наукахъ дворянина живущаго въ деревнѣ, живущаго въ городѣ, офицера и наслаждающагося роскошью богача. Видно, что всѣ изчисленные недостатки были самою существенною и всего болѣе чувствительною болѣзнию того времени. Подъ вліяніемъ этого сознанія оба журнала до нѣкоторой степени сочувствуютъ старому порядку вещей. „Сатирическій Вѣстникъ“ выставляетъ впередъ „противоположительность“ старинныхъ нравовъ съ нравами и обычаями нынѣшними. „Почта духовъ“ замѣчаетъ, что „отъ новаго воспитанія мало по малу искореняются здѣсь честные люди стараго вѣка, которыхъ называютъ иногда невѣжами; а на мѣсто ихъ вступаютъ люди большаго свѣта, которые дѣлаются столь же худыми воинами, сколь дурными гражданами и которыхъ все совершенство состоитъ только въ томъ, что на нихъ кафтанъ хорошаго покроя.“

Но тѣмъ не менѣе, какъ мы уже замѣтили, оба журнала горячо возстаютъ противъ крѣпостнаго права. Говоря объ обычай помѣщицъ набирать дѣвокъ филейницъ „для плетенія кружевъ“, „Московскій Сатирическій Вѣстникъ“ прибавляетъ: „Кто можетъ повѣрить, чтобы суетность и пустота свѣтской и общественной жизни до столь высочайшей степени возмogli загладить чувствованія челоуѣколюбія, что рѣшились претворить подобныхъ себѣ въ тѣ простыя машины, которыя предопредѣляются для удовлетворенія прихотей и самыхъ ребячествъ, отъ коихъ, однако же, между тѣмъ простирается та непрерывная цѣпь горестей, которая и составляетъ безотрадность, мрачность и бесполезность вѣка нынѣшнихъ людей.“

Послѣ извѣстія о томъ, что у одного любителя псовой охоты поволабли собаки, журналъ упоминаетъ, что „трудно описать радость

тѣхъ несчастныхъ и разоренныхъ мужиковъ, на счетъ конхъ изобилія и гладу содержаны были сіи рѣзвобѣгающія твари.* Про одного изъ щеголей журналъ замѣчаетъ, что онъ „сдѣлалъ фразъ съ синими пуговицами въ такую цѣну, которую онъ получилъ за двухъ проданныхъ имъ крестьянъ.“ Относительно размноженія дворовыхъ, журналъ говоритъ: „нѣкто изъ разумнѣйшихъ гражданъ нашихъ сдѣлалъ изчисленіе, что на 5,000 жителей дворянъ число парикмахеровъ, слугъ и служанокъ простирается здѣсь болѣе нежели до 100.000 человекъ. Тщеславные, а если по справедливости сказать, малоразсудительные дворяне, собирая около себя такое множество праздныхъ людей, питаютъ и одѣваютъ ихъ богато на счетъ глада и наготы несчастныхъ и грабимыхъ ими земледѣльцевъ“. Упомянувъ объ общемъ пристрастіи дворянства къ попугаймъ замѣчено, что „въ случаѣ неимѣнія денегъ соглашаются также обмѣнивать сихъ птицъ и на людей.“ Описывая невыгодныя черты приглашеннаго въ домъ наставника изъ русскихъ, журналъ между прочимъ замѣчаетъ, что въ числѣ его качествъ было и знаніе „какъ воздерживаться не давать хлѣба крестьянамъ; какая цѣна, если ставить крестьянъ оныхъ въ рекруты; какимъ образомъ побоями можно ихъ довести до того, что они, несмотря на всѣ притѣсненія, только что будутъ отзываться однимъ словомъ: много довольны и пожалованы.“ Приводя завѣщаніе Скупягина, авторъ такъ излагаетъ одинъ изъ совѣтовъ его, ведущихъ къ скорому обогащенію: „скупать за дешевую цѣну разныя деревни; при таковой же покупкѣ наиприлежнѣйше узнавать должно, нѣтъ ли какихъ въ той деревнѣ денежныхъ крестьянъ, а у нихъ сыновей или дочерей, дабы купивши пристрастить ихъ тѣмъ, что дочерей возьмутъ во дворъ, а сыновей отдадутъ въ рекруты, отъ чего случается, что даютъ они за сіе столько денегъ, что вся деревня окупается даромъ. Потомъ должно годныхъ въ рекруты изъ той деревни всѣхъ распродать, отъ чего хотя крестьяне и разорятся, только барыша будетъ великое множество. На послѣдокъ такую деревню можно продать хотя за половинную цѣну, а такимъ образомъ продолжать скупать и продавать деревни.“ Должность управителя заключается, по мнѣнію журнала, въ безпрестанныхъ упражненіяхъ въ дракѣ и разореніи крестьянъ, а сельскія занятія помѣщика въ деревнѣ состоятъ въ томъ, чтобы нѣкоторыхъ пересячь, смѣнять старость, выдать замужъ дѣвокъ, выбрать для про-

дажи годныхъ въ рекруты и собрать запасъ, оброгъ и деньги. Говоря объ употребленіи разныхъ гаданій и о вѣрѣ въ порчу, авторъ говоритъ о производимыхъ вслѣдствіе того домашнихъ розыскахъ и прибавляетъ: „подозрѣнія производятъ по пристрастію, дѣло разсматриваютъ опрометчиво и сѣкутъ и мучатъ безщадно.“ Описывая всѣ бѣдствія, происходящія отъ игры, авторъ указываетъ, что „тотъ, кто проигралъ, грабитъ своихъ крестьянъ и, на послѣдовъ ни съ чѣмъ оставя несчастныхъ мужиковъ, продаетъ ихъ или проигрываетъ за безцѣноеъ такому же вертопраху, который, равно ихъ грабя, сокращаетъ и обременяетъ несчастную ихъ жизнь.“ Дворянскій обычай окружать себя шутами ведетъ къ такимъ послѣдствіямъ: „изъ не глупаго и добраго крестьянина или крестьянки простое средство вдругъ сдѣлать дурака или дуру, шута или шутиху—состоятъ только въ слѣдующемъ обрядѣ: посадить на стулъ, остричь голову до гола, надѣтъ шахматное платье и привѣсить колокольчики. Такъ легко располагаютъ участію подобныхъ себѣ!“

„Почта духовъ“, говоря о дороговизнѣ модныхъ бездѣлицъ, гдѣ сталь и солома сбываются за цѣны несравненно дороже серебра,—приводитъ защитительную рѣчь купца, находящаго весь вредъ въ томъ только, что мужики умираютъ съ голоду. Говоря о корыстолюбіи правителей и неизбѣжномъ послѣдствіи—возвышеніи налоговъ, авторъ находитъ, что „смерть воина, сраженнаго во время битвы скоростижнымъ ударомъ, не столь мучительна, какъ смерть бѣднаго земледѣльца, который истаиваетъ подъ бременемъ тяжелой работы, который въ потѣ лица своего снискиваетъ себѣ пропитаніе и который, истощивъ всѣ свои силы для удобренія земель, видитъ поля, обѣщающія вознаградить его обильною жатвою, расхищаемыя корыстолюбивымъ государемъ“. Промотавшійся франтъ, сожалья о своемъ разореніи, между прочимъ дѣлаетъ такое признаніе: „я не могу теперь взглянуть ни на одинъ мой кафтанъ и ни на одну мою ливрею, которыя бы не приводили мнѣ на память заложеннаго села, или деревни, или нѣсколькихъ душъ проданныхъ въ рекруты дворовыхъ“. Въ числѣ лѣкарствъ отъ меланхоліи для особъ, имѣющихъ животную натуру, авторъ рекомендуетъ госпожѣ, чтобы она дралась съ своей служанкой. Барыня, заставъ мужа спящимъ и укоряя его въ бездѣтельности, говоритъ ему: „Развѣ ты не вспомнишь, что уже скоро будетъ время идти ко женощной, а тебѣ прежде еще этого надобно мужиковъ пересѣчь

за то, что они до сего дня не успѣли до ненастья въ городъ съѣздить и убраться съ поля“. Помѣщичье хозяйство, точно также, какъ въ „Московскомъ журналѣ“, изображается въ такомъ видѣ: „Богатый помѣщикъ преобразуетъ свой хлѣбъ и своихъ крестьянъ въ модные товары; лучшіе люди отнимаются съ полей (на полѣ оставляются только старыя и малолѣтныя), мѣняются на разныя бездѣлки, а достальныя, вмѣсто того, чтобы доставать хлѣбъ изъ земли своими руками, за каретами и въ переднихъ у своихъ господъ, ждутъ спокойно, пока ихъ накормятъ“. „Одна модная лавка можетъ разорить въ годъ до ста тысячъ крестьянъ; но эти сто тысячъ хлѣбопашцевъ здѣсь меньше уважаются, нежели одинъ французъ, торгующій шляпами, помадою и стальными пуговицами“. Измѣна любовницы заставляетъ промотавшагося щеголя понять, что каждый приходъ къ ней опустошаетъ два или три крестьянскихъ дома.

Кромѣ этихъ главныхъ общественныхъ недостатковъ „Московскій журналъ“ ограничивается сатирой надъ различными мелкими проявленіями обыденной жизни (27). „Почта духовъ“ поднимается выше. Говоря о государяхъ, авторъ осуждаетъ ихъ тщеславіе и страсть къ войнѣ: „язвы и тифы, говоритъ онъ, менѣе причиняли вреда людямъ, нежели нѣкоторые государи и ихъ министры; много было такихъ государей, которымъ хотя потомство приписываетъ великія похвалы, однако же они не менѣе другихъ вреда людямъ причинили“. Говоря о корыстолюбіи правителей, авторъ выражается: „гораздо бы лучше было для нѣкоторыхъ государей, чтобы потеряли они половину своихъ подданныхъ на сраженіи, или при осадѣ какого города, нежели, собравъ ихъ имущество къ себѣ въ сундуки, поморить послѣ съ голоду. „Ревность государей къ распространенію своего закона не менѣе причинила вреда людямъ, какъ и другія ихъ пристрастія“. Авторъ при этомъ указываетъ въ особенности на религіозную нетерпимость. Описывая шаткость людскихъ убѣжденій, авторъ саркастически замѣчаетъ, что „тотъ одинъ истинный владѣтель, что можетъ цѣлый народъ философовъ заставить дурачиться по своей волѣ. Средство для этого простое: стоитъ только отнять свободу и смѣлость“. Придворное состояніе, по мнѣнію автора, самое бесполезное: „во всѣхъ различныхъ состояніяхъ жизни, человѣкъ можетъ находить полезныя упражненія; одни только придворные ни о чемъ больше не трудятся, какъ объ удовольствіи собственнаго своего честолюбія“. Авторъ не щадитъ красокъ, описывая пороки вельможъ и тяжелей

гнетъ, навладываемый ими на общество: въ одномъ изъ писемъ онъ изображаетъ мастерски приемную вельможи, въ другомъ онъ рисуетъ цѣлую сцену лести и обмана, которыми вельможи стараются совратить только что вступившаго на престолъ юнаго государя.

Крыловъ, кромѣ частныхъ явленій въ общественной и домашней жизни, вооружается и противъ общихъ пороковъ, присущихъ всякому обществу—праздности, алчности къ богатству и пр. Вообще взглядъ его на жизнь не отличается веселымъ и примирительнымъ настроеніемъ; разумъ человѣческій въ его глазахъ болѣе достоинъ жалости, нежели удивленія; большая часть людей злобны и развращенны, поэтому Крыловъ находитъ, что не мѣшаетъ каждому до нѣкоторой степени сдѣлаться мизантропомъ и, отстраняясь отъ людей, уйти въ самого себя. Съ этой точки зрѣнія сонъ представляется для него лучшимъ препровожденіемъ времени. „Люди,—говоритъ онъ,—тогда только могутъ считать себя счастливыми, когда наслаждаются мечтательными воображеніями. Слабые смертные, когда всѣ ваши заботы сопровождаются печалами и когда несчастье повсюду за вами слѣдуетъ, чтобы быть вамъ совершенно благополучными, спите лучше и никогда не пробуждайтесь“.

Журналъ Крылова осмѣиваетъ распространившееся въ то время мистическое направленіе и въ этомъ смыслѣ главными науками признаетъ іудейскую кабалистику и небесную азбуку, гдѣ каждая звѣзда представляетъ буквы, по которымъ можно узнать все, что дѣлается на землѣ. Авторъ возстаетъ противъ господствовавшаго вкуса въ чтенію: умныя книги читаютъ купцы и мѣщане, а вельможи читаютъ веселыя сказки, дѣтскія выдумки и шутивыя басни. При этомъ авторъ осмѣиваетъ современное ему литературное направленіе, сочиненія рифмокрадовъ, воображающихъ, что дурной переводъ ничѣмъ не отличается отъ оригинальнаго произведенія, страсть къ стихотворству, которая сильнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ. Отдавая полную справедливость наукѣ и „мудрымъ людямъ“, „философамъ“, ею занимающимся, Крыловъ однако же осуждаетъ тщеславіе ученыхъ, которое заставляеть всякаго изъ нихъ превозносить до небесъ ту науку, въ которой онъ упражняется и желалъ бы, при прославленіи ея, помрачить всѣ другія науки. Предпочтенія предъ всѣми другими науками заслуживаетъ нравственная наука, такъ какъ не наука дѣлаетъ людей благополучными, а честность и добрая совѣсть. Вообще Крыловъ указываетъ

на ограниченность разума и признаетъ настоящую потребность вѣры и религіи.

Журналъ Крылова продолжался всего восемь мѣсяцевъ и прекратился вслѣдствіе неимѣнія подписчиковъ: въ августѣ мѣсяцѣ ихъ оказалось всего четыре. „Сатирической Вѣстникъ“ тянулся гораздо долѣе: его вышло шесть частей въ 1790 году, двѣ въ 1791 и одна въ 1792 году. Очевидно, публика плохо поддерживала оба изданія. Но нельзя сказать, чтобы они не находили читателей и не встрѣчали сочувствія. Оба журнала потребовали вскорѣ новыхъ изданій: „Почта духовъ“ издана была вновь въ 1802 году, „Сатирической Вѣстникъ“ въ 1795 году. Замѣчательно, что всѣ сколько нибудь серьезные сатирическіе журналы, не выдерживая долговременнаго продолженія, требовали, послѣ окончанія, перепечатанія вновь.

Московская журналистика, сосредоточенная при университетѣ, дополнялась періодическими изданіями воспитанниковъ благороднаго пансіона. Изданія эти представляютъ цѣлый непрерывный рядъ, который мы рассмотримъ послѣдовательно, не стѣсняясь хронологіею.

Первымъ такимъ изданіемъ былъ сборникъ „Распускающійся цвѣтокъ“ 1787 г., изданный подъ руководствомъ В. С. Подшивалова. Оригинальною въ этомъ сборникѣ была только стихотворная часть. Въ ней помѣщены: Дм. Баранова (басни Лисица - офицеръ, Слонь, Свинья и другіе звѣри, Влюбленный пійтъ, эпиграммы), И. Сипягина (басня Снѣгъ, Прекрасныя Сократовы слова, Сальвини въ темницѣ, Прелестѣ), Молчанова (Утреннее размышленіе изъ Геллера, Пѣснь истины); по одному стихотворенію Бѣлавина и Ягловскаго и нѣсколько стихотвореній, принадлежащихъ неизвѣстнымъ. Въ числѣ стихотвореній помѣщено одно, присланное со стороны и принадлежащее, какъ сказано въ примѣчаніи, всѣмъ извѣстному лицу—„Лисица Казнодѣй“. Судя по слогу и этой припискѣ, стихотвореніе это должно принадлежать Ив. И. Дмитріеву, но въ собраніяхъ его сочиненій оно не помѣщено. Прозаическая часть вся переводная, безъ означенія имени авторовъ, за исключеніемъ четырехъ идиллій изъ „Попія“, переведенныхъ Сипягинымъ. Переводъ состоитъ преимущественно изъ мелкихъ отрывковъ дидактическаго содержанія и небольшихъ рассказовъ, изъ числа которыхъ нѣсколько подлиннѣе восточная повѣсть „Пингренонъ“, пер. М. Хлюстина, и поэма „Геро и Леандръ“, пер. Сипягина.

Изъ числа означенныхъ лицъ Д. Барановъ участвовалъ въ „Зеркалѣ свѣта“, издаваемомъ Туманскимъ (1787 г.), „Аонидахъ“ и „Вѣстникѣ Европы“ за 1802 г.; Сипягинъ помѣстилъ стихотвореніе въ „Чтеніи для вкуса и разума“; о Хлюстинѣ скажемъ ниже.

Затѣмъ слѣдовало „Полезное упражненіе юношества“, сборникъ 1789 г., подъ руководствомъ И. М. Снегирева. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщены: Д. Баранова („Эпистола къ моему бывшему другу“, „Старикъ“, „Домъ изъ картъ“, „Любовь“, „Аминтъ и Дорида“, „Эпиграммы“, „Пустынникъ“, „Розовый кустъ“); Ив. Сипягина („Притча“, „Корабль“, „Буря и ведро“); Дм. Вельяшева-Волынцева (Стихи на гробъ Вертера, Эпитафіи, Эпиграммы, Загадка, Рондо, Вечеръ, Зима); Раевского („Стансы добродѣтели“, „Стихи суетѣ“); Аргамакова (Басня); Протасова (Стихи на золото); Зыбелина („Остроумный отвѣтъ“, переводъ) и нѣсколько стихотвореній неизвѣстныхъ поэтовъ. Въ этомъ сборникѣ въ переводной прозаической части мелкіе рассказы и повѣсти преобладаютъ надъ статьями дидактическаго содержанія; изъ болѣе крупныхъ повѣстей переведены, безъ означенія имени авторовъ: „Норстонъ и Сусанна, или коловратность рока“ (пер. Ос. Чернышева), „Два возраста“ (его же), „Братская любовь“ (пер. съ франц. Ал. Данилевскаго), „Разговоръ объ истинномъ благополучіи“ (пер. съ франц. Мих. Трофимовскаго), „Женившійся мертвецъ“ (пер. Кар. М.). Въ этомъ сборникѣ помѣщена обстоятельная статья „Объ обычаяхъ германскихъ“, пер. съ франц. Ал. Кикина. Изъ лицъ, впослѣдствіи сдѣлавшихся извѣстными, помѣщены стихотвореніе, эпиграммы и два коротенькихъ переводныхъ отрывковъ Ив. Инзова, впослѣдствіи большаго новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и извѣстнаго по своимъ отношеніямъ къ Пушкину, и два прозаическіе отрывка С. Озерова, впослѣдствіи сенатора.

Изъ числа означенныхъ лицъ помѣщали свои стихотворенія и прозаическія статьи подражательныя или прямо переводныя: Аргамаковъ въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ и въ „Ипокренѣ“; Вельяшевъ - Волынцевъ въ „Препровожденіи времени“ и въ „Аонидахъ“; Н. Хлюстинъ въ „Зеркалѣ свѣта“ Туманскаго (1787 г.), „Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій“ (1795 г.), „Утреннихъ, часахъ“ изд. Ив. Рахманиновымъ; въ „Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени“; М. Хлюстинъ въ „Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени“.

„Утренняя заря“. Сборникъ 1802—1808, VI частей.

Поводомъ къ этому изданію, какъ видно изъ предисловія, послужило слѣдующее обстоятельство: „нѣсколько молодыхъ благородныхъ людей для успѣшнѣйшаго образованія своего вкуса и для большаго усовершенствованія себя въ отечественномъ языкѣ собираются однажды въ недѣлю читать свои сочиненія и переводы, сообщаютъ другъ другу свои о томъ мысли и замѣчанія и общими взаимными усиліями исправляютъ свои упражненія. Число сихъ упражненій теперь довольно велико, и лучшія изъ нихъ рѣшились трудившіеся издать въ свѣтъ подъ именемъ „Утренней зари“. Такимъ образомъ, журналъ этотъ былъ органомъ „Собранія университетскихъ питомцевъ“, оживленнаго въ 1789 г. стараніями Жуковскаго.

Стихотворный отдѣлъ представляетъ начальные опыты Жуковскаго, С. Родзянки, С. Соковнина, Грамматина и Милонова. Жуковский помѣстилъ слѣдующія стихотворенія: „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“, „Къ Тибуллу“, „Человѣкъ“, первоначальную редакцію „Сельскаго владбища“ изъ Грея, „Въ день моего рожденія“, „Къ поэзи“, „Миръ; прозою: „Надежда“, „Мысли на владбищѣ“, „Истинный герой“. Здѣсь же началъ свое стихотворное поприще М. Магницкій, одою къ російскому юношеству, прочтенною на актѣ 21 декабря 1794 года. Изъ воспитанниковъ, получившихъ впоследствии извѣстность на поэтическомъ поприщѣ, здѣсь помѣстили свои произведенія Ив. Петинъ (басни), Яв. Лизогубъ, Петръ Свиньинъ, А. Офросимовъ, А. Раевскій и др. Мерзляковъ помѣстилъ стихотворенія: „Тѣнь Куцова на островѣ Овги—ги“, „Природа-учитель“ и переводъ „Посланія Горация къ Пизонамъ“.

Изъ оригинальныхъ прозаическихъ статей, кромѣ рѣчей, произнесенныхъ воспитанниками на актахъ, весьма замѣчательна статья о воспитаніи, но, къ сожалѣнію, къмъ она составлена—опредѣлить невозможно. Что это статья оригинальная, доказываетъ помѣщеніе ея въ избранныхъ сочиненіяхъ изъ „Утренней Зари“, куда переводныя статьи не вошли. Изъ переводовъ помѣщено: изъ Томаса („Essais sur les éloges“, „Бесѣда Марка Аврелія съ самимъ собой“, „О грѣсахъ“, „Похвальное слово Декарту“ и пр.); изъ Блера („Поэзія, ея происхожденіе и эпохи“, „О еврейской поэзи“); Шлецерова введеніе въ исторію; изъ Робертсона (Исторія Америки, Торговля и мореплаваніе древнихъ); отрывки изъ „Esprit

d'Anacharsis“ („О воображеніи“, „Объ астрономіи“ и пр.). Далѣ слѣдуютъ мелкія статьи: отрывки, принадлежащіе Ж. Бат. Руссо („Зима“); Мейснеру („Сцилла и Минось“ и др); Геллерту („Ода на кончину М.“); Мармонтелю („Рѣчь Помпея къ войску предъ Фарсальскимъ сраженіемъ“); Мабли („Исторія должна быть училищемъ нравственности и политики“); Верна („Похороны“, „Темницы“ и пр.); Фенелона („Изреченія мудрости“, прислано Магницкимъ уже по окончаніи курса); Гольдсмита („Примѣръ твердости въ несчастіяхъ“); Мори („Фенелонъ“); „Questions sur l'Encyclopedie“, („Разговоръ между философомъ и натурою“) и нѣкоторыхъ друг. Между переводчиками встрѣчаются имена лицъ, впослѣдствіи приобрѣтшихъ извѣстность: Ал. и Ник. Тургеневы, М. Кайсаровъ, Пав. Свиньинъ, Д. Дашковъ.

„Избранныя сочиненія изъ Утренней Зари“, 2 части, 1809 г. Въ первой части перепечатаны почти всѣ стихотворенія, а во второй оригинальныя прозаическія статьи: рѣчи, говоренныя на актахъ, статья о воспитаніи и четыре мелкія отрывка (въ томъ числѣ три Жуковского).

„И отдыхъ въ пользу“, сборникъ на 1804 годъ.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія: Жуковскаго („Добродѣтель“), С. Родзянки, Н. Грамматина, Петина, С. Соковнина, А. Петрова, Даргомыжскаго. Прозаическій отдѣлъ состоитъ почти исключительно изъ переводовъ, а именно: изъ Мармонтеля (Отрывокъ), Коцебу (Обхожденіе съ людьми, Старость); изъ Стерна („Заключенные въ темницѣ“), Расина („Какъ должно писать исторію“). Въ числѣ переводчиковъ изъ извѣстныхъ лицъ участвовали Соковнинъ, Д. Дашковъ, Ив. Петинъ, Лизогубъ, Н. Лунинъ. Болѣе крупныя переводныя статьи, безъ означенія откуда заимствованы: Религія, Письмо отца къ сыну, восточная повѣсть Адетъ, Науки, искусства, литература, ученые и художники во Франціи и въ Германіи (пер. Серг. Порошина). Остальныя статьи коротенькія и неважныя, болѣею частью съ дидактическимъ содержаніемъ.

„Въ удовольствіе и пользу“, сборникъ, ч. I, 1810 г., ч. II—1811.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ этого сборника участвовали преимущественно Саларевъ, а затѣмъ Анд. Раевскій, С. Чаплинъ и Анд. Родзянко; они же были главными владѣльцами прозаическихъ оригинальныхъ и переводныхъ статей. Кромѣ означенныхъ лицъ, по-

мѣщали свои стихотворенія: начинавшій поэтъ Милоновъ („На разлуку съ друзьями“, 1, 267), Комаровъ, Забѣлинъ, С. Гудимъ, М. Гамалея, А. Прожина и П. Сушковъ („Къ дружбѣ“). Изъ оригинальныхъ статей помѣщены рѣчи и разговоры на актахъ, нѣсколько коротенькихъ историческихъ отрывковъ Саларева („Смерть Игоря“), Раевского („Василько въ темницѣ“) и нѣкоторыя другія. Переводныя статьи посвящены, главнымъ образомъ, теоріи литературы. Сюда относятся двѣ обширныя статьи: „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изобрѣтеніи письменъ“ и „О прямомъ употребленіи разума въ изслѣдованіи истины“, гдѣ кратко излагаются теорія образованія языка и начальныя основанія логики и риторики; а также переводныя отрывки изъ Блера (Сравненіе древнихъ и новыхъ авторовъ), Лагарпа („О эпиграммѣ и надписи“) и Кондильяка („О происхожденіи поэзій“). Большинство остальныхъ переводовъ также относится къ этой области, а именно отрывки изъ Томаса („Мысли объ языкахъ“), Бартеlemi („Басня и аллегорія“), *Almanach des prosateurs*, (Критика), Мармонтель („Дарованіе поэта“). Въ журналѣ помѣщены также изъ иностранной литературы самыя бѣглыя очерки извѣстныхъ писателей: изъ предисловія Попе къ его переводу Иліады (Гомера), Шамфора (Мольеръ и Лафонтенъ), Лагарпа (Корнель и Расинъ), Левека (Орфей) и съ французскаго о Фенелонѣ и Цицеронѣ. Есть неизбѣжная, небольшая и довольно легкая статья о воспитаніи (изъ Жоффруа) и нѣсколько отрывковъ историческаго содержанія: Объ идолопоклонствѣ китайцевъ (изъ *Histoire des differents peuples du monde*), Религія Египтянъ (изъ *Lettres sur l’Egypte*), О нравахъ и характерѣ первобытныхъ Римлянъ“ изъ Саллюстія и, наконецъ, хронологическій перечень именъ греческихъ и латинскихъ писателей (съ нѣмецкаго) и арабскихъ философовъ. Собственно литературную часть составляютъ также самыя коротенькіе отрывки изъ Дидерота („Дружба ученыхъ“), Волнея (Источникъ золь общественныхъ) Делароша (Рѣчь Атталы къ воинамъ), Рамблера (Жизнь, аллегорія); Мейснера („Сципионъ и Аллюцій“) и, наконецъ, единственная, восточная повѣсть „Морая“, переведенная съ англійскаго. Въ числѣ переводчиковъ появляется Мих. Дмитріевъ (очеркъ „Младшій Плині“, съ французскаго).

„Калліопа“, сборникъ на 1815, 16, 18 и 20 годы.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ участвовали наиболѣе: А. Мансуровъ, Е. Познанскій, В. Чюриковъ, Н. Бобрищевъ-Пушкинъ и В. Верде-

ревскій. Познанскій перевелъ стихами двѣ сцены изъ трагедіи Вольтера „Смерть Цезаря“ и довольно большой отрывокъ изъ „Оссіана“ (Мальвина). Изъ менѣе доставившихъ встрѣчаются Саларевъ, Н. Сушковъ, приславшій свои произведенія и послѣ выхода изъ пансіона, М. Родзянко, Н. Прокоповичъ-Антонскій. Въ послѣдній годъ выступили на сцену Писаревъ, помѣстившій восемь стихотвореній, Шевыревъ („Къ друзьямъ“) и Д. Ознобишинъ („Трубадуръ“). Стихи вообще довольно плохи и нѣтъ ни одной пьесы, выдержанной до конца. Прозаическій отдѣлъ состоитъ почти исключительно изъ переводовъ. Переводныя статьи представляютъ отрывки, нисколько не характеризующіе писателей, и перечисленіе ихъ можетъ имѣть интересъ только съ цѣлью познакомиться, какія произведенія иностранной литературы попадали въ руки пансіонеровъ. Изъ французскихъ писателей встрѣчаются по нѣскольку разъ: Фенелонъ, Томасъ и затѣмъ Ласепедъ, Бюфонъ, Боссюэтъ, Масильонъ, Жанъ Жакъ Руссо („Мысли“), Лабрюеръ, Берни, Рейракъ; изъ нѣмецкой литературы — неизбѣжный Геснеръ, Мейснеръ, Виландъ („Какъ жить въ свѣтѣ“, „Александръ и Діогенъ“, разговоръ), Пфэффель, Вейссъ, Энгель, Рихтеръ, Круммахеръ; изъ англійскихъ писателей Стернъ, Аддисонъ, Джонсонъ, Блеръ, Бэконъ, Робертсонъ („Изъ исторіи Америки“); по классической литературѣ есть переводы изъ Курція, Цицерона, Сенеки. Изъ теоріи словесныхъ наукъ помѣщена оригинальная статья „Объ умѣ и вкусѣ“, отрывки изъ уроковъ логики и риторики по Блеру и Кондильяку, вѣроятно, Ив. Ив. Давидова, и переводъ трехъ отрывковъ изъ Блера („Урокъ о поэзіи“, „О строеніи языка и о произношеніи“). Въ числѣ переводчиковъ названы: Н. Прокоповичъ-Антонскій, Ив. Воейковъ, Политковскій, А. Курбатовъ, Гавр. Поповъ, Чюриковъ, Илар. Васильевъ (впослѣдствіи профессоръ), К. Рюминъ. Изъ оригинальныхъ сочиненій замѣчательнѣе другихъ, впрочемъ только по объему, „Похвальное слово Пожарскому“ Саларева; здѣсь же помѣстилъ первое свое литературное произведеніе кн. Одоевскій.

„Избранныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ“, труды благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго пансіона, 3 части“, 1824 — 1825 г.

Здѣсь перепечатаны почти всѣ стихотворенія и лучшія оригинальныя и переводныя статьи въ прозѣ изъ вышепоименованныхъ сборниковъ, такъ что настоящее изданіе могло бы вполне ихъ за-

мѣнить, если бы указывались имена авторовъ и въ переводныхъ статьяхъ была бы ссылка на оригиналь.

Такимъ образомъ, труды воспитанниковъ благороднаго пансіона представляютъ непрерывный рядъ изданій съ 1787 года по 1825 годъ. Это доказываетъ, что вкусъ къ литературнымъ занятіямъ прочно установился въ этомъ учрежденіи, такъ что большинство воспитанниковъ, начавшихъ свои труды въ пансіонскихъ сборникахъ, создали изъ литературы болѣе или менѣе постоянное для себя занятіе и во время остальной своей жизни. Я не говорю уже о болѣе крупныхъ литературныхъ дѣятеляхъ того времени, каковы Жуковский, кн. Одоевскій, Ознобишинъ, Шевыревъ, А. Воейковъ, Писаревъ; изъ числа менѣе видныхъ Н. Бобрищевъ-Пушкинъ, Вердеревскій, кн. Гр. Гагаринъ, Грамматинъ, Д. Кавелинъ, Кайсаровы, Комаровъ, Лизогубъ, Магницкій, Милоновъ, Петинъ, С. Родзянко, Саларевъ, Пав. Свиньинъ, Соковнинъ, Сушковъ и др. принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ тогдашней литературѣ и журналистикѣ. Большинство ихъ, какъ мы уже видѣли, прямо переходятъ въ сотрудники журналовъ, издававшихся Подшиваловымъ и Сохацкимъ.

Кромѣ изложеннаго ряда повременныхъ изданій, тѣсно связанныхъ съ университетомъ и благороднымъ пансіономъ, въ московской журналистикѣ было явленіе болѣе обособленное и несравненно болѣе важное.

Одной изъ самыхъ важныхъ заслугъ Новиковскаго кружка было привлеченіе къ литературной дѣятельности Карамзина.

По выходѣ изъ Московскаго пансіона проф. Шадена, Карамзинъ поступилъ на службу въ гвардію, гдѣ онъ сблизился съ землякомъ своимъ Ив. Ив. Дмитріевымъ, тоже служившимъ въ гвардіи и участвовавшимъ въ тогдашнихъ журналахъ. Здѣсь Карамзинъ началъ свои литературные опыты переводами съ нѣмецкаго „Разговора Маріи-Терезіи съ Императрицею Елисаветой въ Елисейскихъ поляхъ“ (1782 г.) и идилліи Геснера „Деревянная нога.“ Но вскорѣ смерть отца заставила Карамзина оставить службу и переѣхать въ Симбирскъ, гдѣ было доставшееся ему съ братомъ имѣніе. Въ Симбирскѣ Карамзинъ явился отставнымъ свѣтскимъ гвардейцемъ, блестящимъ, но довольно пустымъ и еще не выработавшимъ своего слога. И. П. Тургеневъ, оцѣнившій дарованіе Карамзина, увезъ его оттуда въ 1785 году въ Москву и ввелъ въ кружокъ Нови-

кова, выдвинувъ Карамзина на литературное поприще. Изъ Новиковскаго кружка Карамзинъ сошелся ближе другихъ съ Петровымъ, Кутузовымъ и Ленцемъ, съ которыми Карамзинъ жилъ въ разное время въ одномъ домѣ. Всѣхъ тѣснѣе была дружба его съ Петровымъ. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Петровъ знакомъ былъ съ древними и новыми языками, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностью къ критицѣ; но, къ сожалѣнію, ничего не писалъ для публики и упражнялся только въ переводахъ, изъ которыхъ извѣстны первые два года журнала „Дѣтское чтеніе“, „Учитель“, въ двухъ томахъ, и „Багаутгета“ санскритская поэма, переведенная съ англійскаго. Характеръ Петрова, угрюмый, молчаливый, подчасъ насмѣшливый, былъ вовсе не похожъ на Карамзинскій; но, тѣмъ не менѣе, самая тѣсная дружба сблизила обоихъ и Карамзинъ горько оплакивалъ кончину своего друга въ извѣстномъ стихотвореніи: „На смерть моего Агатона“. Гораздо менѣе сходился Карамзинъ съ Кутузовымъ. Кутузовъ не долго оставался въ Москвѣ при Карамзинѣ, такъ какъ въ первой половинѣ 1787 г. Кутузовъ отправился въ Берлинъ, гдѣ и умеръ въ 1789 г., не встрѣтившись съ Карамзинимъ во время заграничнаго его путешествія. Кромѣ того, Кутузовъ былъ однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ и крайнихъ послѣдователей мартинизма, къ которому Карамзинъ не оказывалъ никакой склонности. Но, во всякомъ случаѣ, нравственное вліяніе Новиковскаго кружка сказалось во всей послѣдующей дѣятельности Карамзина. Онъ усвоилъ себѣ всѣ гуманныя стремленія, отличавшія людей Новиковскаго кружка: религіозную вѣротерпимость, уваженіе къ личности человѣка независимо отъ его общественнаго положенія и значенія, сознаніе, что, и внѣ государственной службы, одною частною дѣятельностью можно принести общую пользу, неуклонное стремленіе къ просвѣщенію и потребность литературнаго общенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, благодушное, примирительное отношеніе къ окружающей средѣ и политическій индифферентизмъ. Впрочемъ, этотъ индифферентизмъ до нѣкоторой степени объясняется полнымъ въ то время незнакомствомъ, какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ, съ иными формами политическаго быта.

Ленць, сынъ пастора изъ Лифляндіи, былъ однимъ изъ видныхъ нѣмецкихъ поэтовъ такъ называемаго бурнаго періода. Судьба его была странная и интересная. Въ молодые годы онъ

встрѣтился въ Страсбургѣ съ Гёте, пріѣхавшимъ изучать юриспруденцію въ тамошнемъ университетѣ. Въ своей „Поэзии и правдѣ“, Гёте говоритъ объ Ленцѣ: „я познакомился съ нимъ въ концѣ моего пребыванія въ Страсбургѣ. Видѣлись мы рѣдко, потому что я не принадлежалъ къ его обществу, но, тѣмъ не менѣе, желаніе встрѣчаться было у насъ обоихъ. Оба мы любили мѣняться мыслями, такъ какъ при одинаковости лѣтъ имѣли и одинакіе взгляды“ (431). Впослѣдствіи Ленцъ переселился къ Гёте въ Веймаръ, но пробылъ тамъ не долго и былъ удаленъ своимъ другомъ. Болѣзненное самолюбіе, заставлявшее его во что бы то ни стало подняться на одну высоту съ Гёте, и разочарованіе въ любви довели его до сумасшествія и, наконецъ, привели въ Москву, гдѣ онъ пріютился въ кружкѣ Новикова и несчастнымъ образомъ повончилъ свою жизнь въ 1792 году. Тѣмъ не менѣе Ленцъ имѣлъ нѣкоторое значеніе въ современной ему нѣмецкой литературѣ и обнаружилъ несомнѣнные признаки сильнаго таланта въ своихъ драмахъ и простое, но глубокое чувство въ мелкихъ произведеніяхъ (Scheger, 502). Карамзинъ говоритъ о Ленцѣ: „Глубокая меланхолія вслѣдствіе многихъ несчастій свела его съ ума, но въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ иногда своими пѣитическими идеями, и всего чаще трогалъ добродушіемъ и терпѣніемъ“. „Несмотря на свое сумасшествіе, Ленцъ еще въ состояніи былъ работать въ Москвѣ: послѣ него осталось какое-то сочиненіе „О торговлѣ“ и есть свѣдѣніе, что Ленцъ въ Москвѣ написалъ „Питику безъ правилъ.“ Краткая біографическая о немъ замѣтка, помѣщенная въ 21 № „Телескопа“ 1831 года, переведенная съ нѣмецкаго (она обозначена буквами М. В. и принадлежитъ Тигу), ничего не говоритъ о пребываніи его въ Москвѣ, такъ-что прямыхъ указаній на характеръ его отношеній къ лицамъ Новиковскаго кружка нѣтъ. Вообще едва ли есть основаніе искать прямого, непосредственнаго и сильнаго вліянія Ленца на Карамзина, даже относительно пониманія послѣднимъ Шекспира. Отзывъ Карамзина о Шекспирѣ, предшествовавшій переводу драмы „Смерть Цезаря“, легко могъ быть заимствованъ у Летуэрера, который служилъ Карамзину оригиналомъ для перевода; знакомство его съ нѣмецкою литературой могло произойти и безъ посредства Ленца, такъ какъ иностранныя и преимущественно нѣмецкая литература сильно распространились тогда въ образованной части публики и въ особенности въ Москвѣ, среди кружка Новикова и

Шварца подъ его вліяніемъ. Не даромъ Карамзинъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ въ этомъ кружкѣ, имѣлъ въ своемъ кабинетѣ бюстъ Шварца, котораго онъ уже не засталъ въ живыхъ. Надо вспомнить, что эпоха конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ была по преимуществу занята переводами. Въ это время напечатано было преимущественно у Новикова большинство оставшихся намъ отъ XVIII в. переводовъ всѣхъ современныхъ болѣе или менѣе крупныхъ заграничныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ знанія и перепечатаны были старые переводы, выходящіе уже изъ обращенія и становившіеся рѣдкими въ продажѣ. Въ этомъ движеніи, какъ мы уже видѣли, принимали непосредственное участіе и ближайшіе члены Новиковскаго кружка: Лопухинъ, Лабзинъ, Кутузовъ и нѣсколько другихъ, имена которыхъ нами уже указаны. Къ числу ихъ примѣнулъ и Карамзинъ, начавшій съ перевода поэмы Галлера, „О происхожденіи зла“ (1786 г.) и отрывковъ изъ періодическаго изданія Штурма: Размышленія въ дѣлахъ божіихъ въ царствѣ природы и провидѣнія и проч., которыхъ полный переводъ вышелъ въ 1787—89 гг. (12 частей). Этимъ Карамзинъ заплатилъ дань мистическому направленію своего кружка. Но онъ скоро перешелъ на чисто-литературное поприще, участвуя, до своего отъѣзда, вмѣстѣ съ Петровымъ, въ редакціи „Дѣтскаго Чтенія“ и издавъ отдѣльные переводы „Юлія Цезаря“ Шекспира (1787 г.) и „Эмилии Галотти“ Лессинга (въ 1789 г.). Въ 1789 году Карамзинъ отправился за границу и пробылъ тамъ полтора года. Какое участіе въ его заграничномъ путешествіи принималъ Новиковскій кружокъ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, не денежное. Мысль о заграничномъ путешествіи родилась у самого Карамзина еще гораздо ранѣе и послѣ окончанія пансіонскаго курса онъ мечталъ докончить свое образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, но обстоятельства этому помѣшали.

Вскорѣ послѣ возвращенія Карамзина въ Россію, онъ принялся за изданіе журнала. Журналъ его носилъ названіе „Московскій Журналъ“ и издавался въ теченіе двухъ лѣтъ (1791—1792, восемь частей). Въ объявленіи объ изданіи журнала Карамзинъ говоритъ, что содержаніе его будетъ составлять: I. *Русскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ*; при этомъ Карамзинъ заявляетъ, что ему обѣщали прислать нѣсколько пьесъ „первый нашъ поэтъ“ Державинъ и другіе извѣстные поэты. II. *Разныя небольшія иностран-*

ныя сочиненія по бѣльшей части изъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ журналовъ, съ извѣстіемъ о новыхъ важныхъ книгахъ, выходящихъ на сихъ языкахъ. III. *Критическія разсматриванія русскихъ новыхъ книгъ*, а особливо оригинальныхъ: переводы, недостойныя вниманія публики, изъ сего исключаются. IV. *Извѣстія о театральныхъ пьесахъ*, представляемыхъ на Московскомъ театрѣ, съ замѣчаніями на игру актеровъ. V. Описаніе разныхъ происшествій, по чему-нибудь достойныхъ примѣчанія, и разные анекдоты, а особливо изъ жизни славныхъ нашихъ писателей. Такимъ образомъ, журналъ Карамзина былъ чисто-литературный и не представлялъ собою ничего новаго, обѣщая не болѣе того, что уже давалъ „С.-Петербургскій Вѣстникъ“, издававшийся Брайко (1778—81 г. См. выше). Вообще темою своего журнала Карамзинъ избралъ по преимуществу „Французскій Меркурій“ („Mercure de France“), съ 1790 г. поступившій въ Мармонтелю, который вмѣстѣ съ Лагарпомъ занимался ученымъ отдѣломъ журнала.

Стихотворный отдѣлъ занималъ значительную часть. Главными владчиками въ немъ, кромѣ самого Карамзина, были Державинъ, помѣщавшій одно, а иногда и два - три стихотворенія въ каждой книжкѣ, и Дмитріевъ. Державинъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній помѣстилъ здѣсь „Видѣніе Мурзы“, „Ласточку“ (въ первоначальномъ видѣ), „Къ Калліопѣ“, Дмитріевъ—сказку „Модная жена“, которая въ свое время имѣла большой успѣхъ и надѣлала много шума. Изъ другихъ поэтовъ здѣсь помѣщали свои произведенія: Нелединскій-Мелецкій, пріятель Карамзина Петровъ, Капнистъ (ода на счастье), П. Кутузовъ, гр. Дм. Хвостовъ, вн. Урусовъ, Подшиваловъ, Николевъ и даже Львовъ, котораго Карамзинъ называетъ „человѣкомъ съ дарованіемъ и нѣжнымъ чувствомъ“. Замѣчательно, что въ журналѣ помѣщены двѣ пѣсни, долго остававшіяся любимыми и перешедшія въ народъ, самыми плохими поэтами: „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“—П. Львовымъ и „Вечеркомъ румяну зорю“—Николевымъ.

Въ оригинальной прозѣ всѣ произведенія, съ немногими исключеніями, принадлежатъ самому Карамзину: Письма русскаго путешественника, занимающія значительную часть журнала, Самоубійца, неовонченная повѣсть Ліудоръ, Софья, Фроль Силинъ, идиллія Палемонъ и Дафнисъ и, наконецъ Бѣдная Лиза (1792 г.)

и Наталья боярская дочь. Неизвѣстному лицу (Из. К.) принадлежит повѣсть „Альфида“ (кн. 4, 258). Этими повѣстями Карамзинъ началъ сантиментальное направленіе, приданное имъ литературѣ.

Переводная часть въ этомъ журналѣ Карамзина все еще занимала видное мѣсто. Въ числѣ переводовъ помѣщены: изъ Мармонтеля его „Вечера“ и нѣсколько мелкихъ пьесъ; отрывки изъ Путешествія и Тристрама Шенди—Стерна; изъ французскаго его подражателя Верна; изъ Гердера „Лилія и роза“, изъ Морица (изъ его психологическаго магазина „Чудный сонъ“, „Сила воображенія“, изъ Gotter Ehre, нѣчто о миѳологіи, письмо изъ Рима); изъ Макферсонова Оссіяна (Картонъ); изъ „Bagatellen“ Антона Валя („Барухъ“); изъ сочиненія Іоан. Вал. Андрея, автора XVI в. („Антиподы“, Погребенная истина); изъ Байля *lettres choisies* (письмо Байля къ Шефтсбюри и отвѣтъ послѣдняго); съ польскаго—епископа Нарушевича („Праздникъ старца“); изъ Коцебу („Марія Сальмонъ“, „Прогулки“, „Арабскій философъ Альрашидъ“); переведенный Карамзинимъ отрывокъ изъ „Саконталы“, по нѣмецкому переводу Форстера, на основаніи англійскаго перевода Джонса; изъ Монтескье („Лизимахъ“), изъ аббата Ренала („Похвала Елизѣ Дреперъ), изъ Виланда („Мейстеръ“, „Прекрасная царевна“ изъ его журнала „Корделія“); изъ путешествія Анахарзиса („Платонъ или о происхожденіи міра“), изъ Бутервега („Апполонъ“); изъ Шиллера одинъ актъ драмы Юліана; изъ Флоріана (изъ „Nouvelles nouvelles“ Валерія); изъ Энгеля („Гиласъ и Филоподъ“, „Галилеево сновидѣніе“); изъ Архенгольцевой Британской лѣтописи, Кораблекрушеніе въ южномъ морѣ; изъ „Deutscher Monatschrift“ статья Гарвея о досугѣ; изъ Новаго азіатскаго путешествія (Кофейный домъ); изъ „Etrennes sentimentales“ (Шотландская баллада); изъ „Mercure Francais“ (Англійскіе анекдоты). Кромѣ того, помѣщены переводныя статьи: „Жизнь Калліостро“ и изъ Мейстера *Characteristik*, краткія характеристики—жизнь Клопштока, Саломонъ Геснеръ. Изъ иностранныхъ авторовъ Карамзинъ всего болѣе пристрастенъ къ Стерну: „Стернъ несравненный!—воскликаетъ онъ въ концѣ своего перевода („Лефевръ“, V, 233),—въ какомъ ученомъ университетѣ научился ты столь нѣжно чувствовать! Какой музыкантъ такъ искусно звуками струнъ повелѣваетъ, какъ онъ повелѣваетъ нашими чувствами! Сколько разъ читалъ я „Лефевра“ и сколько разъ лились слезы мои на листы сей исторіи!“

Рецензіи иностранныхъ книгъ по болѣшей части весьма братки

7*

19218:1A

и ограничиваются простымъ упоминаніемъ; только рецензія путешествія Вальяна („Voyage de M-r le Vaillant dans l'interieur de l'Afrique“) нѣсколько пространнѣе и принадлежитъ Шанфору, помѣстившему ее въ „Mercure de France“, откуда она переведена.

Разборы русскихъ книгъ подробнѣе. Разборъ „Кадма и Гармонія“ Хераскова ограничивается легкими замѣчаніями; авторъ, очевидно, не рискуетъ затронуть славу тогдашняго Нестора русской литературы и припоминаетъ слова англійскаго поэта, что „погрѣшности въ сочиненіи подобны соломѣ, плавающей по верху воды, а красоты—перламъ, лежащимъ на днѣ; итакъ мало чести приобрѣтеть тотъ, кто будетъ всегда собирать первыя“. Но, къ счастью, Карамзинъ не всегда такъ благодушно относится къ разбираемымъ книгамъ и довольно строго отзывается о переводахъ. Такъ, напримѣръ, разбирая переводъ Клариссы Гарловъ, напечатанный въ Петербургѣ въ 1791 г., безъ имени переводчика,—Карамзинъ, показавши всѣ ошибки, признается, что „онъ остановился на третьей страницѣ и отослалъ книгу назадъ въ лавку, съ желаніемъ, чтобы слѣдующія части совсѣмъ не выходили или гораздо лучше переведены были“. Впрочемъ, критика въ то время была дѣло не легкое. Туманскій издалъ въ 1791 г. переводъ Палефата, греческаго философа, о невѣроятныхъ сказаніяхъ, съ своими примѣчаніями. Это было толкованіе на разныя мифологическія легенды. Въ журналѣ Карамзина Подшиваловъ напечаталъ очень легкія и скромныя замѣчанія, гдѣ обнаружилъ немногія ошибки и невѣрности въ примѣчаніяхъ и указалъ на полное незнаніе русскаго языка. Туманскій страшно обидѣлся и высказалъ мысль,—нѣкогда, впрочемъ, проводившуюся Ломоносовымъ по случаю напечатанной на него критики въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ,—что право разбора научныхъ и литературныхъ произведеній принадлежитъ только обществамъ, а не частнымъ лицамъ; по мнѣнію Туманскаго, „частныхъ людей сужденія, въ газетахъ, журналахъ и пр. сообщаемыя, никогда отъ людей умныхъ уважаемы не были, и извѣстно, что они за подарки истощеваютъ свои хвалы, по пристрастію, самолюбію, личной ссорѣ или зависти выискиваютъ всѣ способы унижить трудъ чуждый“. Вотъ каково тогда существовало въ обществѣ мнѣніе о критикѣ! Разборы театральныхъ пьесъ и игры актеровъ довольно подробны и обнаруживаютъ въ Карамзинѣ вѣрный критическій тактъ. Такъ, несмотря на презрѣніе у насъ къ „Эмилиі Галлоті“ старыхъ

классиковъ и тогдашнихъ литературныхъ корифеевъ, Карамзинъ по-мѣстилъ прекрасный для своего времени и вполне сочувственный разборъ комедіи Лессинга.

Журналъ на первый же годъ расходился въ числѣ 300 подписчиковъ и пришелся по вкусу читателямъ, такъ какъ въ 1802—1803 году онъ потребовалъ новаго изданія. Но, несмотря на успѣхи своего журнала, Карамзинъ счелъ за нужное его прекратить послѣ двухъ-лѣтняго существованія. Повидимому, въ Карамзинѣ уже тогда зародилась мысль главнаго труда, которому онъ посвятилъ цѣлую свою жизнь, — составленія русской исторіи. Оканчивая журналъ, въ послѣдней книжкѣ Карамзинъ говоритъ: „Въ такомъ уединеніи я стану разбирать архивы древнихъ литературъ, которыя (въ чемъ признаюсь охотно) не такъ мнѣ извѣстны, какъ новыя; буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ для души и сердца, если не для потомства, то, по крайней мѣрѣ, для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей“. Но это не мѣшало Карамзину отъ времени до времени выступать на литературное поприще. Въ 1794 г. онъ издалъ особою книжкой сочиненія свои, помѣщенные въ „Московскомъ Журналѣ“, подъ заглавіемъ „Мои бездѣлки“. Въ томъ же году онъ издалъ сборникъ „Аглаю“, прототипъ тѣхъ альманаховъ, которые въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ наводнили русскую литературу. Публика была слишкомъ малочисленна, чтобы поддерживать серьезное, постоянное, періодическое изданіе, рабочихъ силъ было мало и онъ не успѣвали еще сомкнуться въ кружки съ выработаннымъ и опредѣленнымъ образомъ мыслей, а силъ одного человѣка было недостаточно, чтобы правильно и занимательно вести журнальное дѣло; все это вызвало и поддерживало появленіе безчисленнаго числа альманаховъ, гдѣ издатель, не обязываясь срокомъ, имѣлъ полную возможность запастись статьями посредствомъ личныхъ сношеній съ немногими корифеями тогдашней литературы. „Аглая“ была, по мысли самого Карамзина, продолженіемъ „Московского Журнала“ и состояла изъ оригинальной прозы и поэзіи, принадлежавшей преимущественно самому издателю: здѣсь помѣщены „Илья Муромецъ“, „Письма Филарета къ Минодору и обратно“, „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“ и проч. Изъ постороннихъ лицъ только И. И. Дмитріевъ доставилъ басню „Чижь“,

и нѣсколько стихотвореній помѣщено подѣ псевдонимомъ М—въ, подѣ которымъ угадываютъ то Мерзлякова, то—скорѣе, впрочемъ—Хераскова (такъ какъ во второмъ изданіи, вмѣсто М—ва, поставлено М. Х.). Въ 1795 году Карамзинъ редактировалъ „смѣсь“ „Московскихъ Вѣдомостей“, помѣщая тамъ разные мелкіе стихи, анекдоты, мысли древнихъ и новыхъ философовъ, свѣдѣнія о новыхъ иностранныхъ книгахъ, статейки по естествознанію и пр. Въ 1796—1799 гг. Карамзинъ издалъ три книжки „Аонидъ“ или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній, по примѣру издававшихся тогда за границей и пользовавшихся большимъ успѣхомъ календарей или альманаховъ, вслѣдъ за изданнымъ въ первый разъ въ Парижѣ „Almanach des muses“. Въ „Аонидахъ“ приняли участіе всѣ сколько-нибудь извѣстные тогда стихотворцы. За Державинымъ, Дмитріевымъ, Херасковымъ, Капнистомъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ, Костровымъ, вн. Шаликовымъ, вн. Ив. Долгоруковымъ, Вас. Пушкинымъ, Влад. Измайловымъ слѣдовали Н. Львовъ, Николевъ, вн. Д. Горчаковъ, вн. Г. Хованскій, Дм. Вельяшевъ-Волынцевъ, Авр. Лопухинъ, Мих. Муравьевъ, Дм. Кавелинъ, П. Кайсаровъ, А. Малиновскій, М. Магницкій, П. Пельскій, Д. Барановъ, А. Клушинъ, Ал. Храповицкій, Дм. Хвостовъ, Ил. Тимковскій, М. Вышеславцевъ, Фед. Брянчаниновъ, вп. П. Гагаринъ, Панкр. Сумароковъ, дамы—вн. Ев. Урусова, жена Хераскова и неизвѣстная К. С—а. Въ 1798 году вышелъ „Пантеонъ російской словесности“ — „собраніе переводовъ *всякаго* рода для тѣхъ, которые не читаютъ иностранныхъ книгъ, но имѣютъ вкусъ и любятъ чтеніе“. Здѣсь помѣщены нѣкоторые отрывки изъ классиковъ (изъ Цицерона, Лукановой Фарсалии, Плутарха, Саллюстія, Тацита) и мелкіе отрывки изъ разныхъ иностранныхъ романовъ и журналовъ (изъ англійскаго романа „Man as he is“, Гольдсмита, путешествія Анахарзиса, записокъ Эро Сешеля и пр.). Въ 1801—1802 г. Карамзинъ написалъ біографіи для издававшегося Пл. П. Бекетовымъ „Пантеона російскихъ авторовъ“ съ портретами, котораго вышло 4 тетради, гдѣ помѣщены краткія характеристики древнѣйшихъ писателей нашихъ, отъ Бална до Ломоносова включительно. Этимъ окончилась періодическая литературная дѣятельность Карамзина, вплоть до изданія „Вѣстника Европы“, принадлежащаго уже въ послѣдующей эпохѣ Александровскаго царствованія.

Чтобы понять значеніе Карамзина въ журналистикѣ и въ ли-

тературѣ вообще, необходимо сказать нѣсколько словъ о характерѣ какъ западно-европейской, такъ и нашей литературы.

Въ началѣ XVIII столѣтія самымъ цвѣтущимъ и благоденствующимъ государствомъ въ Европѣ была Англія. Ея политическая и гражданская свобода была упрочена; религіозные споры улеглись; въ торговлѣ и промышленности она завоевала себѣ преобладающее положеніе міроваго рынка и экономическое ея состояніе было цвѣтущее; аграрный вопросъ еще не назрѣлъ и лэндъ-лордъ богатѣлъ и наслаждался подъ охраной покровительственныхъ пошлинъ для мѣстной сельской промышленности; социальный вопросъ еще не тревожилъ капиталиста и пролетарій бесознательно и безропотно „изъ капель своего пота“ создавалъ могущество предпринимателя. Понятно, что именно здѣсь развился тотъ оптимизмъ, тотъ розово-идеальный взглядъ на міръ, который всюду ведѣлъ гармонію и добро. Представителемъ этого оптимизма былъ Шефтсбѣри, изобразившій его въ формѣ поразительно привлекательной и художественной, оказавшей сильное вліяніе на литературу не только въ самой Англіи, но повсемѣстно. По мнѣнію Шефтсбѣри, міръ есть установленный Провидѣніемъ гармоническій порядокъ, гдѣ явленія, повидимому грозяція бѣдой и разрушеніемъ, на самомъ дѣлѣ только служатъ средствомъ достиженія благихъ цѣлей; сообразно этой гармоніи, сталкивающихся между собой силъ природы, человѣкъ своимъ разумомъ долженъ удержать въ границахъ вложенныя въ насъ страсти, необходимыя для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, установить между ними гармонію, которая и составляетъ нравственную заслугу, добродѣтель и счастье людей. Каждый можетъ достигнуть такого счастья, и истинныя удовольствія равняютъ людей. Но это равенство счастья состоитъ не въ равной суммѣ благъ, данныхъ каждому человѣку, а въ равенствѣ чувствъ, съ которыми наслаждается каждый данною ему долей блага. Это привлекательно-успокоительное міросозерцаніе Шефтсбѣри облекъ всею прелестью эстетическаго идеала; онъ снова, говоритъ Гетнеръ, внесъ поэзію и красоту въ опошлившуюся и узко-сердечную жизнь. Нравственное ученіе Шефтсбѣри вдохновило поэтовъ: Попе и Томсона въ Англіи, Вольтеръ во Франціи, Галлеръ въ Германіи были прямыми и вѣрными его послѣдователями. Этого мало: вліяніе его міросозерцанія отразилось болѣе или менѣе на всей литературѣ XVIII столѣтія и отчасти способствовало

сентиментальному ея оттѣнку. Но таковой крайній оптимизмъ не могъ долго выдерживать передъ суровымъ опытомъ жизни. Въ самой Англїи оптимизмъ очень скоро уступилъ мѣсто сатирическому юмору Дефоа и Свифта, религіозно-элегическому настроенію Попе и сентиментализму Ричардсона и Стерна. Во Франціи тотъ же самый Вольтеръ, который подчинился въ своей поэмѣ „Разсужденіе о человѣкѣ“ (1748 г.) и въ „Естественномъ законѣ“ вліянію Шефтсбери, осмѣялъ и разрушилъ его мировоззрѣніе въ „Кандидѣ“.

Въ то же время возникла англійская журналистика, въ лицѣ Стиля и Аддисона, которая въ особенности способствовала распространенію литературы среди общества и значительно увеличила массу читающей публики. Англійскіе „нравственные“ журналы посвящены были преимущественно сатирическому описанію нравовъ и юмористическому описанію общественной жизни, но, въ то же время, они предлагали общепонятное и занимательное изложеніе литературныхъ и религіозныхъ вопросовъ. Быстрое распространеніе журналистики въ Западной Европѣ положило начало тому значенію, которое повременныя изданія имѣютъ въ настоящее время.

Переходя затѣмъ къ самому характеру возбужденнаго литературнаго движенія, мы замѣтимъ, что слово *сентиментализмъ* или чувствительность имѣетъ въ нашихъ глазахъ въ настоящее время пошлое значеніе: такъ называются всякія ходульныя, вымышленныя и неестественныя ощущенія и положенія, въ отличіе отъ простыхъ и естественныхъ. Но первоначально сентиментализмъ имѣлъ совсѣмъ иной смыслъ. Восемнадцатый вѣкъ былъ эпохой, когда выступило впередъ и явилось дѣйствующею силой сословіе, до тѣхъ поръ заслоненное и униженное, — мѣщанство, буржуазія. На встрѣчу этому сословію двинулась литература, которая всегда имѣетъ дѣло съ живыми силами, а не съ мертвецами. Въ литературѣ завязалась борьба между классическою литературой, съ ея героями, царями и вельможами, съ ея возвышенными страстями, пышнымъ самоотверженіемъ и напыщеннымъ языкомъ, и между литературой мѣщанской, гдѣ выступали на сцену обыкновенные люди, жизнь съ ея повседневными будничными проявленіями, съ ея мелкими радостями и страданіями, съ ея скромными, не всегда и не для всѣхъ замѣтными жертвами. Въ этомъ смыслѣ европейская литература становилась тогда на почву реализма. Но въ самомъ началѣ реализмъ этотъ не былъ объективнымъ; онъ былъ реализмъ тенден-

ціозный или сантиментализмъ. Литература встрѣтила мѣщанскую среду какъ совершенно для нея неизвѣстную, но она встрѣтила ее сочувственно, съ любовью, она ей вѣрила и ждала отъ нея обновленія; среда эта была для литературы не только предметомъ для наблюденія, отражающагося въ мышленіи, но и предметомъ для непосредственнаго чувства (sentiment). Поэтому литература не могла относиться къ дѣйствительности вполне объективно; она поддавалась обману и перенесла въ новую среду всѣ надежды на будущее, возбужденныя вслѣдствіе недовольства настоящимъ. Но этотъ обманъ былъ необходимый и искренній и потому для своего времени не представлялъ выдающагося недостатка. Объяснить это всего лучше можно явленіемъ, происходившимъ у насъ и на нашихъ глазахъ. Точно также, послѣ освобожденія крестьянъ, на первый планъ, въ смыслѣ дѣятельной силы, выдвинулось до той поры пассивное и поработенное крестьянское сословіе; точно также на встрѣчу этой неизвѣстной силѣ устремилась литература. Но, встрѣтивъ крестьянское сословіе съ любовью, ожидая отъ него обновленія, наша народническая литература вступила на путь тенденціознаго реализма, поддавалась сантиментализму, точно также искреннему и необходимому по условіямъ переживаемой исторической эпохи, но преходящему, какъ всѣ временныя и условныя проявленія въ общемъ ходѣ цивилизаціи. Конечно, характеръ явленія измѣнился сообразно разности времени. Сантиментальные писатели XVIII в. въ своихъ пейзажахъ и пастушескихъ отыскивали утратившійся въ обществѣ нравственный идеалъ, воображая, что простота патриархальной жизни, близкой къ первобытному человѣчеству, возвратитъ цивилизаціи необходимыя для нея этическія начала. Въ наше время чувствуется потребность въ соціальномъ идеалѣ, и въ мужицкой средѣ отыскиваютъ новыя начала общественнаго строя, которыя цивилизаціи не сдумѣла осуществить въ теченіе многовѣковаго развитія.

Наша литература подпала вліянію западному въ эту эпоху смѣны направленій, и борьба стараго классицизма съ возникающею мѣщанскою литературой нашла отголосокъ и у насъ. Надо отдать справедливость нашей переводной литературѣ XVIII вѣка: она была трудолюбива и разнообразна. Вы найдете тогда переводы всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ явленій иностранной литературы; и напрасно думаютъ, что у насъ былъ когда-нибудь періодъ *исклю-*

чительнаго господства французской жеклассической литературы: всегда на ряду съ ней являлись переводы съ нѣмецкаго и съ англійскаго, если не прямо, то по французскимъ переводамъ (см. приложение II).

Переводная дѣятельность не была исключительно сосредоточена въ столицахъ, но распространялась и на провинціи: въ особенности Смоленскъ и Орель, отчасти Псковъ и Ярославль участвовали въ изданіи переводовъ и въ особенности въ перепечаткѣ появившихся въ столицахъ. Но главнымъ центромъ, все-таки, оставалась Москва, преимущественно со времени Новикова. Конечно, переводы эти не всегда были удовлетворительны и нѣкоторые, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, лучше бы не появлялись; иногда они дѣлались не съ оригиналовъ, а ббльшею частью съ французскаго или съ нѣмецкаго, который, повидимому, распространенъ былъ больше другихъ, такъ что даже нѣкоторыя французскія сочиненія переведены съ нѣмецкаго. Но вообще на слогъ тогдашнихъ переводовъ нельзя смотрѣть съ теперешней точки зрѣнія и многіе изъ нихъ для своего времени были совершенно удовлетворительны и давали вѣрное понятіе объ оригиналѣ.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что обстоятельства, вызвавшія на Западѣ возникновеніе и борьбу мѣщанской литературы и сентиментализма, у насъ не имѣли мѣста, литература наша осталась рабски-подражательною и на первыхъ порахъ приняла этотъ, для нея чуждый, характеръ сентиментализма. Сентиментализмъ, навѣянный господствовавшею тогда переводною литературой, Карамзинъ нашелъ уже готовымъ, и, подчиняясь ему и по натурѣ, и по характеру своего образованія, и по вліянію на него западныхъ образцовъ, онъ только поднялъ его своимъ талантомъ и, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, придалъ ему болѣе мѣстнаго колорита. „Письма русскаго путешественника“ написаны подъ сильнымъ вліяніемъ Стерна, повѣсти Карамзина—подъ вліяніемъ романовъ Ричардсона и западныхъ его подражателей. Не имѣя подъ собою никакой мѣстной исторической почвы, сентиментальное направленіе было у насъ *напускное*, не имѣвшее никакого другаго значенія, кромѣ смягченія общественныхъ нравовъ, о которомъ мы уже упоминали. Послѣдователи Карамзина, въ сентиментальномъ родѣ, В. Измайловъ, Каменевъ, кн. Шаликовъ, Иванчинъ-Писаревъ, не обладая талантомъ своего учителя, довели направленіе его до смѣш-

наго и придали сентиментализму то пошлое значеніе, которое приобрьлъ онъ даже у современниковъ и съ которымъ перешелъ къ потомству. Но, тѣмъ не менѣе, самое направленіе восторжествовало. Разсуждая о книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи (1802 г.), Карамзинъ говоритъ, что изъ всѣхъ книгъ больше всего расходились у насъ романы, а изъ разныхъ родовъ романа—чувствительные.

Кромѣ этого чисто-литературнаго значенія, Карамзинъ важенъ въ нашей журналистикѣ, какъ первый русскій публицистъ и до извѣстной степени практической общественной дѣятель. Въ послѣднее время привыкли смотрѣть на Карамзина какъ на представителя самаго отсталаго консерватизма. Это несправедливо. Карамзинъ представляетъ цѣльный типъ умѣреннаго либерала, которому у насъ въ послѣднее время придано насмѣшливое прозваніе „постепеновца“. Сущность этого либерализма состоитъ въ признаніи status quo и измѣненія его путемъ органическаго процесса, устраняющаго всякую насильственную ломку, не вызванную потребностями жизни. Въ качествѣ умѣреннаго либерала, Карамзинъ возлагалъ всю свою надежду на просвѣщеніе, въ которомъ онъ видѣлъ самое надежное средство къ постоянному и спокойному устраненію всѣхъ недостатковъ существующаго порядка вещей. Карамзинъ сознательно поддерживалъ монархизмъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ требовалъ возможнаго простора для общественнаго мнѣнія и былъ противъ всякой коренной ломки учрежденій, пока необходимость этой ломки, въ той или другой формѣ, не заявлена самимъ обществомъ. Люди, подобные Карамзину, не способны къ инициативѣ; но, вѣдь, инициатива въ народной жизни и не можетъ быть предоставлена всякому желающему. Инициатива есть результатъ усиленной народной дѣятельности, вслѣдствіе безпрестанно задерживавшихъ ее тормазовъ или въ смыслѣ скопленія въ данную минуту назрѣвшихъ внутреннихъ силъ, которыя не довольствуются обыкновеннымъ, спокойнымъ и ровнымъ теченіемъ народной жизни. Инициатива, при этихъ условіяхъ, сама укажетъ время и найдетъ исполнителя, предъ которымъ умѣренные либералы обязаны посторониться или явиться послушнымъ орудіемъ. Но при обыкновенномъ, спокойномъ теченіи народной жизни, когда нѣтъ никакихъ симптомовъ усиленнаго ея движенія, умѣренные либералы на своемъ мѣстѣ, они—настоящая интеллигентная сила,

руками которой совершается это органическое движеніе впередъ; они имѣютъ право и на нихъ лежитъ обязанность противодѣйствовать всякому нарушенію этого спокойнаго движенія, какъ скоро покой его нарушается чѣмъ-либо внѣшнимъ, а не внутреннею самодѣятельностью самого общества. Что Карамзинъ въ эпоху Императора Александра I имѣлъ основаніе заявить себя, въ качествѣ умѣреннаго либерала, противникомъ реформъ начала его царствованія, мы постараемся объяснить ниже, когда мы будемъ говорить объ этихъ реформахъ. Здѣсь же мы ограничимся указаніемъ, что Карамзинъ въ этомъ случаѣ не стоялъ одиноко, а былъ представителемъ общественнаго мнѣнія. Прежде всего, такъ онъ смотрѣлъ на себя самъ относительно своей журнальной дѣятельности. „Какъ скоро,—говоритъ онъ,—между авторомъ и читателемъ великое разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ“. Съ другой стороны, и публика смотрѣла на Карамзина какъ на выразителя общественнаго мнѣнія: отъ „Вѣстника Европы“ онъ получалъ до 6,000 р. годоваго дохода, тогда какъ всѣ другіе журналы закрывались, по недостатку подписчиковъ, вслѣдствіе убытковъ, понесенныхъ издателями. Г. Пятковскій, далеко не сторонникъ Карамзина, признаетъ такое его значеніе: „Карамзинъ былъ первымъ журналистомъ, подводившимъ какъ русскія, такъ и иностранныя событія подъ мѣрило одного общаго воззрѣнія, первымъ частнымъ человѣкомъ, который пріобрѣлъ этимъ путемъ извѣстное вліяніе на публику, безъ официальной поддержки и каваго бы то ни было казеннаго штемпеля. Можно прямо сказать, что въ журналахъ Карамзина тогдашніе образованные люди находили не только тѣ факты, которые ихъ интересовали, но и тѣ воззрѣнія, которыя имъ были больше всего по вкусу. Мнѣнія Карамзина не были крайнія и рѣзкія, но ихъ далеко нельзя было въ ту пору назвать ретроградными; по своей эластичности, они не становятся еще въ разрѣзъ съ умственнымъ движеніемъ эпохи, даже, наоборотъ, способствовали этому движенію, поддерживая любовь къ наукѣ и уваженіе къ человѣческой личности, хотя и уклончиво. Но Карамзинъ осмѣливался высказывать „свое сужденіе“ о вопросахъ, занимавшихъ публику, о важнѣйшихъ правительственныхъ мѣрахъ и тѣмъ способствовалъ развитію общественнаго мнѣнія“ („Моногр. и критика“, ст. II, 146—149).

Таково было вообще движеніе московской журналистики въ

XVIII столѣтіи; но, чтобы точнѣе понять это значеніе, необходимо сравнить её съ петербургскою. Число выходявшихъ въ теченіе XVIII вѣка повременныхъ изданій въ Петербургѣ было значительнѣе. Но, во-первыхъ, въ числѣ ихъ было нѣсколько официальныхъ, каковы всѣ изданія академіи, „Растущій Виноградъ“, журналъ главнаго народнаго училища, самый „Собесѣдникъ любителей народнаго слова“. Во-вторыхъ, большинство этихъ изданій было очень эфемерно и всѣ они являлись отрывочными, не имѣющими никакой между собою связи; не было такихъ усердныхъ и вліятельныхъ дѣятелей, какъ Новиковъ и Шварцъ; журналы не опирались на такой серьезный и организованный центръ, какъ Московскій университетъ. При этомъ нельзя упускать изъ вида, что большинство самыхъ дѣятельныхъ и имѣвшихъ успѣхъ издателей: Новиковъ, Рубанъ, Башиловъ, Подшиваловъ и Лабзинъ, принимавшіе участіе въ журналѣ „Утренніе Часы“, М. И. Галинковскій, издатель журнала „Корифей или Ключъ литературы“ (1802 и 1807 гг.), прежде участвовавшій въ изданіяхъ Сохацкаго и Подшивалова, Антоновскій (издатель журнала „Бесѣдующій Гражданинъ“) и даже отчасти Ив. П. Пнинъ, издатель „С.-Петербургскаго Журнала“, по образованію своему принадлежали Москвѣ.

Въ періодъ оживленія петербургской журналистики между 1769 и 1774 годами, изъ журналовъ, не имѣющихъ исключительно сатирическаго характера, выдающимся былъ журналъ „Вечера“, еженедѣльное изданіе на 1772 годъ (2 части). Журналъ этотъ собственно есть продолженіе московской журналистики. Въ 1771 году Херасковъ оставилъ службу свою въ университетѣ и переселился въ Петербургъ. Здѣсь онъ встрѣтился со старыми своими знакомыми: В. И. Майковымъ, И. Ф. Богдановичемъ, А. А. Ржевскимъ, А. В. Храповицкимъ и другими. Изъ нихъ Майковъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ въ 1762—1768 г., познакомился съ Сумароковымъ и сошелся съ Херасковымъ. Майковъ былъ членомъ того кружка, о которомъ мы уже говорили и который собирался около Хераскова во время изданія имъ московскихъ журналовъ („Полезное Увеселеніе“ 1762 года, „Свободные Часы“ 1763 г.), гдѣ Майковъ принималъ участіе своими стихотвореніями. Членами этого кружка были И. Ф. Богдановичъ, служившій при университетѣ надзирателемъ за классами студентовъ, Фонъ-Визинъ, Я. К. Булгаковъ, П. С. Потемкинъ, Карины, Домашневъ, Санковъ

скій и др. Сюда же принадлежатъ Нарышвины, Ржевскій и другіе молодые люди.

Въ средѣ позднѣйшаго петербургскаго общества возникла также мысль издавать журналъ. „Мы всё,—говорится въ предисловіи,— составляемъ небольшое общество; сіе общество вознамѣрилось испытать, можетъ ли благородный человѣкъ одинъ вечеръ не играть ни въ вистъ, ни въ ломберъ, и сразу пять часовъ въ словесныхъ наукахъ упражняться“. Такимъ образомъ, журналъ являлся произведеніемъ литературнаго салона людей достаточныхъ и просвѣщенныхъ, посвящавшихъ свои досуги болѣе благороднымъ занятіямъ. „Мы, благодаря Бога, насущный хлѣбъ имѣемъ и пишемъ для того, что намъ писать очень захотѣлось: вотъ чистосердечное наше признаніе. Къ намъ приходятъ отъ лица Минервы раздѣлять съ нами вечерніе часы, тутъ сходятся Оемидины наперсники, въ нашихъ опытныхъ вечерахъ ревностное участіе приѣмлющіе сыны Марсовы, труды словеснаго вечера принимающіе: вотъ все наше общество.“ Издатели не имѣли никакого опредѣленнаго плана и не придавали сами большой цѣны своимъ упражненіямъ: „О чемъ писать мы будемъ, того еще не знаемъ, потому что мы ничего готоваго не имѣемъ и надѣмся на одни тѣ вечера, которые мы для словеснаго собранія изъ недѣли удѣлили.... Что краткія и неважныя сочиненія краткую на свѣтѣ жизнь имѣютъ и что наши, также какъ и прочія, вѣчному забвенію предадутся, о томъ по чистой совѣсти мы увѣрены, и, можетъ быть, мы для того и трудъ сей на себя приняли, что онѣ до позднихъ нашихъ потомковъ не достигнетъ“. Въ одномъ изъ писемъ въ редакцію неизвѣстный корреспондентъ проситъ совѣта, въ какомъ родѣ слѣдуетъ ему выступить на литературное поприще, и выражается такъ: „Изъ листовъ вашихъ примѣтилъ я, что вы люди смиренные и скромные, къ которымъ смѣло можно прибѣгнуть требовать совѣта въ нужныхъ обстоятельствахъ. Разумъ говоритъ мнѣ: пиши сатиры, онѣ полезны въ нынѣшнее время, а сердце говоритъ: нѣтъ, я этого не стерплю, пиши то, что я вѣлю; я хочу, чтобы жить, описать любовь, всё ея пріятности и всю сладость сего чувства“. На это редакторы отвѣчаютъ: „Совѣтуемъ, ежели угодно, подражать нашимъ сочиненіямъ, гдѣ вы меньше сатиры найдете, нежели другихъ сочиненій; сіе не для того, чтобы мы писать ихъ не умѣли: пороки осмѣивать не весьма трудно, но исправлять ихъ мудрено“. И дѣйствительно, журналъ былъ вполнѣ

смирный и скромный, больше все легкія и коротенькія статьи, предназначенныя для увеселенія собиравшихся на литературный вечеръ собесѣдниковъ. Стихотворный отдѣлъ очень неважный: нѣсколько неподписанныхъ стиховъ Майкова, перепечатанныхъ въ полномъ собраніи его сочиненій, изданномъ г. Ефремовымъ, стихи Вольтера въ русскомъ переводѣ Богдановича, длинная пьеса „Потопъ“, по расположенію Г. Геснера Е. В. Херасковой, идиллія „Минна дорогая“ кн. Ф. А. Козловскаго, а затѣмъ всѣ остальные стихотворенія неизвѣстныхъ поэтовъ, болѣею частью идилліи, эклоги, басни и мелочи, въ томъ числѣ гимнъ Клеанфа, двѣ идилліи г-жи Дезульеръ и два отрывка въ стихахъ изъ Юанна II Еврарда. Кн. Ф. А. Козловскій былъ молодой вольтерьянецъ, подружившійся съ Майковымъ, и участвовалъ въ Новиковскомъ московскомъ ежемѣсячномъ изданіи; онъ погибъ въ 1770 г. въ Чесменскомъ сраженіи. Несмотря на скромность и смиренность, вечера иногда пускались въ сатиру. Такъ въ статьѣ „Воспитатели“, возставая на домашнихъ учителей изъ иностранцевъ, журналъ, между прочимъ, находитъ, что „Франція выметаетъ излишній соръ изъ своей державы, а соръ оный, по своей легкости, полуденными вѣтрами въ наше государство заносится“. Въ статьѣ „Упражненіе отставныхъ“ говорится, что „съ тѣхъ поръ, какъ российское дворянство подарено вольностью, многимъ захотѣлось отвѣдать сего пріятнаго подарка; такое лакомство завело нѣкоторыхъ въ неограниченную праздность, гдѣ они въ этомъ дѣлѣ доказываютъ, что они вольны“. Въ примѣрѣ занятій дворянъ, поселившихся въ своихъ имѣніяхъ, журналъ указываетъ на господина Разбиваева, который все время склеиваетъ перебитыя имъ же самимъ рюмки и стаканы; на господина Отдыхаева, который построилъ въ деревнѣ голубятни и гоняетъ голубей; на господина Высѣдова, который сидитъ въ деревнѣ и думаетъ, какъ изъ муки постное масло дѣлать и свѣжій горохъ чрезъ цѣлую зиму сохранять; на господина Досужикова, дворянина стариннаго рода, который легъ спать,—не разбудите его, читатели! Въ „Письмахъ изъ Сатурна“, вслѣдъ за прославленіемъ Императрицы Еватерины, по случаю войны съ Турціей, и за описаніемъ коварной политики Франціи, мѣшавшей въ этомъ дѣлѣ Россіи, помѣщено описаніе господствующихъ пороковъ въ обществѣ и не лишенное остроумія изображеніе ученаго мнѣніемъ (недоучившагося Фата),

педанта и кокетки. Есть статья, направленная против критики, которой журнал, наравнѣ со всѣми современными писателями, сильно недолюбливалъ; здѣсь говорится, между прочимъ: „Таково то опасно быть въ тѣ времена писателемъ, когда больше критиковъ, нежели сочинителей, больше ругательствъ, нежели прямыхъ доказательствъ, и, наконецъ, больше худыхъ судей, нежели судимыхъ появилось“. Остальныя мелкія статьи не представляютъ никакого интереса. Въ числѣ ихъ есть, впрочемъ, статья историческая—„О російскихъ предвахъ“, гдѣ очень кратко и смутно излагается исторія славянъ и пришествіе варяговъ. Изъ переводныхъ статей помѣщены прозаическіе переводы второй Йоновой ночи (о времени, смерти и дружбѣ) и пяти Геснеровыхъ идиллій („Къ Дафни“, „Идась и Миконъ“, „Дафнидъ“ и пр.) и стихами монологъ изъ „Ромео и Юлія“ Шекспира, переводъ котораго принадлежитъ Петрову. Нѣсколько другихъ коротенькихъ переводныхъ отрывковъ не имѣютъ никакого значенія.

Послѣ этого журнала крупнымъ явленіемъ въ петербургской журналистикѣ былъ „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1778—1781 г., современный московскимъ журналамъ Новикова. На журналъ этотъ обратилъ вниманіе Добролюбовъ, въ статьѣ своей „Собесѣдникъ любителей русскаго слова“ („Современникъ“ 1857 г.). Издателемъ этого журнала былъ Гр. Леонт. Брайко, который, за прекращеніемъ изданія „Собраніе повѣстей“ (1775—1776 г.), гдѣ онъ принималъ участіе, успѣлъ согласить нѣсколько извѣстныхъ уже въ литературѣ лицъ принять участіе во вновь задуманномъ имъ журналѣ. Никакихъ біографическихъ свѣдѣній о Брайко не сохранилось; въ „Словарѣ свѣтскихъ людей“ митрополита Евгенія, дополненномъ Снегиревымъ, сказано только, что Гр. Брайко перевелъ съ французскаго изъ Бишинговой географіи: „Королевство Англійское или Великобританія и Ирландія“. Спб., 1772 г.

Брайко, какъ редакторъ, былъ замѣчательнъ, особенно для своего времени, правильностью своего взгляда на постановку журнальнаго дѣла. Еще до Карамзина онъ ввелъ въ журналистику раздѣленіе на отдѣлы и придалъ надлежащее значеніе внутреннему и вѣдшему политическому обзорѣнью и критическому отдѣлу. Въ предъувѣдомленіи, помѣщенномъ въ первой книжкѣ журнала, редакция заявляетъ: „желая во всемъ наблюдать *единожды устроенную связь*, издатели сами себѣ предписали планъ, который они при

семь какъ публикѣ, такъ и сотрудникамъ или споспѣшествователямъ ихъ предпріятія имѣютъ честь сообщать. Каждая книжка будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій, изъ коихъ одно *ученымъ*, а другое *политическимъ* названо быть можетъ. Къ первому назначаютъ сочинители: мелкія сочиненія для увеселительнаго чтенія, состоящія или въ російскихъ подлинникахъ, или въ переводахъ изъ лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ періодическихъ сочиненій; небольшія стихотворенія и тому подобное; росписание всѣмъ въ Російскомъ государствѣ, отъ времени до времени, выходящимъ сочиненіямъ, съ приложеніемъ краткихъ увѣдомленій о содержаніи оныхъ, цѣнѣ и пр.; выписки изъ примѣчанія достойныхъ твореній, ученыя переписки изъ внутреннихъ мѣстъ государства; воспитательныя учрежденія; новыя открытія, изобрѣтенія; документы къ древней и новой російской исторіи и т. п. Второе отдѣленіе журнала или политическая онаго статья будетъ въ себѣ заключать: всѣ указы Ея Императорскаго Величества и правительствующаго сената, трактаты, посольства, аудіенціи, повышеніе чинами, оказаніе монаршихъ милостей, путешествія двора, новыя распоряженія въ столицѣ и намѣстничествахъ и проч., извѣстія о прибытіи и отъѣздѣ знаменитыхъ особъ и представленіи оныхъ ко двору, о бракосочетаніяхъ, рожденіяхъ и смертныхъ случаяхъ въ здѣшнихъ знатныхъ фамиліяхъ и проч. Къ сему будетъ приобщаема краткая выписка знаменитѣйшихъ иностранныхъ новостей и, наконецъ, увѣдомленіе о достойныхъ примѣчанія новыхъ французскихъ и нѣмецкихъ книгахъ“. Затѣмъ въ первой статьѣ, озаглавленной „Фрагменты или мысли, взятая изъ разныхъ авторовъ“, вмѣсто предисловія, направленіе журнала между прочимъ опредѣляется слѣдующими выписками, помѣщенными въ началѣ журнала въ видѣ программы отъ редакціи. „Въ наукахъ, равно какъ и въ жизни, нѣтъ ничего лучше, какъ мѣшать важное съ забавнымъ и увеселяя наставлять. Безъ одинаго изъ сихъ достоинствъ писатель будетъ или скученъ, или ребячественъ (Плиніи). Двѣ причины наипаче вознесли Англію на сію степень величія въ словесныхъ наукахъ и споспѣшествовали ей удержаться на оной. Первая есть свобода мыслить; вторая причина есть переводы книгъ, что всегда было въ великомъ почтеніи у сего народа. Превосходный переводчикъ тамъ не меньше сочинителя почитаемъ и прославляемъ, не меньше онаго ему открытъ путь къ безсмертію, и всѣ тамъ умѣютъ познавать цѣ-

ну услуги, имъ обществу оказанной“ (изъ англ. журнала). Необходимость критическаго отдѣла доказывается слѣдующимъ образомъ: „Кажется излишнимъ будетъ доказывать обстоятельно великую пользу, простирающую отъ критическихъ извѣстій о напечатанныхъ вновь сочиненіяхъ; а наипаче примѣръ всѣхъ европейскихъ народовъ есть кратчайшее и лучшее доказательство“.—Говоря о необходимости безпристрастія въ критикѣ, „не смотря ни на чинъ, ни на свойства, ни на славу авторовъ“, редакція заявляетъ: „однако, зная наши собственные слабости и уважая то, что російскіе писатели и переводчики должны преодолевать многія трудности, по причинѣ недостатка въ довольномъ числѣ ученыхъ, критически и образцемъ служащихъ предшественниковъ, и притомъ не имѣя совершенно полныхъ словарей и хорошихъ первоначальныхъ произведеній, руководствующихъ ко знаніямъ, также и основательныхъ, систематическихъ въ юности наставленій, все сіе сообразивъ, станемъ, умягчая строгость критики, *имѣть больше склонности хвалить, нежели порочить*“. И все-таки, когда „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ позволилъ себѣ нѣсколько легкихъ критическихъ замѣтокъ относительно сочиненія Богдановича „Историческія изображенія Россіи“, послѣдній страшно разобидѣлся и поднялъ цѣлую бурю (Моск. Вѣдом. 1778 г. № 64). Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщены двѣнадцать стихотвореній Державина, въ томъ числѣ ода „На смерть кн. Мещерскаго“, „Ключъ“ и „Рожденіе на Сѣверѣ порфиророднаго отрока“; въ ноябрѣ 1779 г. помѣщено было его же переложеніе 81 псалма—„Се Богъ боговъ возсталъ судити“, но оно вскорѣ было уничтожено и экземпляры, гдѣ оно было напечатано, отобраны. Кромѣ того есть два стихотворенія Княжнина; извѣстная сатира Капниста „Кто сколько не сердись, а я начну браниться“, его же ода „Надежда“ и французская ода „На заключеніе мира въ Кучукъ-Кайнарджи“; басня Хемницера, стихотворенія Козельскаго, П. Бекетова и другихъ лицъ, не подписавшихъ свое имя. Въ прозаическомъ отдѣлѣ было нѣсколько серьезныхъ статей, относящихся до Россіи: „Сокращенная повѣсть о жизни и писаніяхъ Ал. Сумарокова“; „О найденныхъ между Сарептою и Царицыномъ цѣлительныхъ источникахъ“, Георги; „Объ установленіи патриаршества въ Россіи“; „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ отъ начала ихъ до 1768 г.“, Я. Стелина; „Сокращенное извѣстіе о русскихъ танцахъ и театральныхъ въ Россіи бале-

такъ“, его же; „О первомъ прибытіи въ Россію англичанъ и о заведеніи ими въ оной торговли“, Бакмейстера; „О происхожденіи и разныхъ перемѣнахъ російскихъ законовъ“, Шлепера; „Извѣстіе о фамилии Шлиттеровъ“. Замѣчательно, что всѣ эти оригинальныя русскія статьи (за исключеніемъ статьи о патріаршествѣ) написаны *по-нѣмецки* лицами, принадлежащими къ академіи. Въ журналѣ помѣщено нѣсколько хорошихъ переводныхъ и даже оригинальныхъ статей (Крафта) по естествознанію и недурная переписка, гдѣ разсказываются послѣдствія сватовства со стороны жениха, открыто заявившаго невѣстѣ о своемъ характерѣ и будущемъ образѣ жизни, гдѣ, между прочимъ, женихъ говоритъ: „Мои люди привыкли содержаны быть какъ вольные, а не какъ рабы“. Въ разсказѣ „Пожалуй Иванушка!“ проводится мысль, что ласковое и хорошее обращеніе съ людьми пріохочиваетъ ихъ къ исполненію своей службы, такъ что услуги ихъ становятся безукоризненными. Затѣмъ въ одной статьѣ заявлена невозможность повышать людей исключительно по заслугамъ, но „гдѣ чловѣки владываютъ и чловѣки служатъ, тамъ знатность природы, лѣта жизни и долговременность службы суть лучшія къ произвожденіямъ причины, меньше всѣхъ людей огорчающія“ (VII, 41). Библиографическій отдѣлъ былъ довольно полный и дѣльный для своего времени, не ограничивавшійся безусловнымъ восхваленіемъ. Такъ помѣщены довольно рѣзкіе отзывы о двухъ переводахъ: „Итальянскій Эзопъ“, „Страсти молодого Вертера“, пер. съ нѣм. Гёте 1781 г., и нѣкоторыя другія; по поводу масонскаго сочиненія „Крата Репоя, или посвященіе въ древнее тайное общество египетскихъ жрецовъ“, редація замѣчаетъ: „Есть люди, которые подъ сими завѣсами древности ищутъ еще иныя важныя тайности, но они, можетъ быть, весьма ошибаются, не признавая преимущественнаго сіянія свѣта, наши времена освѣщающаго“. Переводная часть заключаетъ въ себѣ тѣхъ же авторовъ, которыхъ мы встрѣчали въ московскихъ изданіяхъ: Виландъ (изъ его „Dialogen des Diogenes, Geheime Geschichte des menschlichen Verstandes und Herzens), Франелинъ, Геснеръ, Клейстъ, Бомарше (Путешествіе въ Испанію), Лессингъ (басни), письма Ганганелли, Галлеръ, Дидеротъ, Арно (Фонго и Кіангъ), Л. Честерфильдъ, Б. Гольбергъ, Стернъ (Joriks Sentimental Journey), Лихтверъ, Геллертъ, Б. Кронегкъ, Гагедорнъ, Вольтеръ (Добрый бражникъ), Унцеръ, Мёзеръ, басня Линнея; изъ книги Bridon (A tour

trougt Sicily and Malta); изложение поэмы Мильтона „Потерянный Рай“, выдержки изъ „The Universel Magazine, Journal anglais“ и другихъ повременныхъ изданій.

Другое важное явленіе петербургской журналистики былъ „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова“ (1783—1784, XVI частей), также современный московскимъ Новиковскимъ журналамъ. Ему посвятилъ обстоятельную и дѣльную статью покойный Добролюбовъ. Въ этой статьѣ невѣрно оказывается только та, хотя бы и чистовѣшная, связь, которую установилъ Добролюбовъ между „Современникомъ“ и предъидущимъ журналомъ. Единственное обстоятельство, приводимое Добролюбовымъ,—перепечатка въ „Собесѣдникѣ“ изъ Петербургскаго журнала нѣсколькихъ стихотвореній Державина и оды Капниста,—не даетъ права дѣлать заключеніе о связи между обоими изданіями и объясняется просто недостаткомъ матеріала. Характеръ обоихъ журналовъ совершенно разный, а то обстоятельство, что въ обоихъ журналахъ появляются одни и тѣ же сотрудники, и не могло быть иначе, такъ какъ другихъ литературныхъ дѣятелей въ Петербургѣ тогда не было.

„Современникъ“ издавался княгинею Дашковой, при непосредственномъ участіи самой императрицы. „Назначенная директоромъ академіи наукъ, кн. Дашкова съ ревностью и напряженною дѣятельностью начала заботиться о процвѣтаніи и возвышеніи русскаго просвѣщенія и русскаго слова“ (Добр.). Однимъ изъ проявленій этой заботы было основаніе настоящаго журнала. Черезъ полгода послѣ того учреждена была „Россійская Академія“, съ такою же цѣлью—„хранить и утверждать русскій языкъ“. На нее, въ концѣ изданія „Собесѣдника“, перешла часть редакціонныхъ занятій: статьи для помѣщенія въ „Собесѣдникѣ“ должны были присылаться въ академію и принимались въ той комнатѣ, гдѣ присутствуютъ находящіеся при академіи совѣтники. Такимъ образомъ съ самаго своего основанія „Собесѣдникъ“ имѣлъ характеръ журнала *официальнаго*. Въ этомъ смыслѣ на его долю доставались очень значительныя преимущества. Прежде всего онъ имѣлъ возможность притянуть къ себѣ всѣ литературныя силы, такъ какъ лучшія изъ нихъ находились на службѣ и должны были дорожить участіемъ въ журналѣ. Дальнѣйшее преимущество заключалось въ самомъ общественномъ положеніи редакціи. „Здѣсь не могли имѣть мѣста никакія опасенія, никакая малодушная робость предъ сильными міра сего.

Литературное слово обличенія и наставленія нисходило съ высоты престола, оно было *со властью*, не щадило порока и низости на самыхъ высшихъ ступеняхъ общественныхъ, не было стѣсняемо никакими посторонними обстоятельствами, которыя въ другихъ случаяхъ такъ часто навлаживаютъ печать молчанія на уста писателя“ (Доброл.).

„Собесѣдникъ“ отличался отъ всѣхъ другихъ журналовъ XVIII в., за исключеніемъ чисто-сатирическихъ, тѣмъ что онъ наполнялся исключительно статьями оригинальными. И именно по этому журналу, въ такой мѣрѣ пользовавшемуся преимуществами, можно судить, до какой степени была бѣдна и не выработана тогдашняя наша оригинальная литература. Болѣе половины журнала наполнено произведеніями самой императрицы; затѣмъ, если исключить нѣсколько статей кн. Дашковой, стихотворный отдѣлъ, обильный во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ, и переписку по поводу самого „Современника“, остается очень мало: „Пріятное путешествіе“, „Египетская повѣсть“, довольно обширное „Новѣйшее путешествіе на луну“ Вас. Левшина, нѣсколько статей Фонъ-Визина, двѣ небольшія сказки Княжнина, двѣ притчи Дм. Хвостова и нѣсколько другихъ незначительныхъ статей. Стихотворный отдѣлъ „Собесѣдника“ былъ, относительно говоря, выше другихъ журналовъ, что объясняется участіемъ въ немъ извѣстнѣйшихъ тогдашнихъ стихотворцевъ. Въ „Собесѣдникѣ“ помѣщено шестнадцать стихотвореній Державина, въ томъ числѣ лучшія его произведенія: „Фелица“, ода „Богъ“, ода „На смерть кн. Мещерскаго“, „На рожденіе на севѣрѣ порфиророднаго отрока“, „Ключъ“. Затѣмъ перепечатанная изъ „Петербургскаго Вѣстника“ замѣчательная сатира Капниста, стихотворенія Дмитріева, Як. Княжнина, Нелединскаго-Мелецкаго, Ерм. Кострова, Муравьева, М. В. Храповицкаго, брата извѣстнаго статсъ-секретаря Екатерины, Лабзина, Вас. Жукова (2⁹), Голенищева-Кутузова, Козодавлева, Икосова, С. Божова, Козельскаго, Плавильщикова, М. Сушковой, урожденной Храповицкой и нѣсколькихъ неизвѣстныхъ поэтовъ, въ числѣ которыхъ Добролюбовъ полагаетъ Хвостова. Есть даже остававшееся неизвѣстнымъ стихотвореніе Ломоносова. Изъ прозаическихъ статей прежде всего останавливаютъ вниманіе сочиненія императрицы. Ея „Записки касательно русской исторіи“ представляютъ первый у насъ лѣтописный сводъ, гдѣ, на основаніи выписокъ изъ лѣтописей, приготовленныхъ Мусинымъ-

Пушкинымъ, Барсовымъ и Чеботаревымъ, изложена исторія Россіи до 1276 г. (въ отдѣльномъ изданіи), съ цѣлю „искуснымъ и подробнымъ изображеніемъ древнихъ доблестей русскаго народа и блестящихъ судебъ его уронить тѣ клеветы, которыя взводили на Россію иностранные писатели“. Въмѣстѣ съ тѣмъ авторъ старается выставить въ лучшемъ свѣтѣ даже несправедливыя дѣянія великихъ князей, какъ законныхъ, полновластныхъ государей, которымъ подчинены удѣльные, въ качествѣ ихъ подданныхъ, и всѣ выгоды безпрекословнаго повиновенія правительственной власти. „Были и небылицы“ представляютъ литературное занятіе Екатерины отъ бездѣлья, которымъ сама она не придавала никакого серьезнаго значенія. Императрица сама говоритъ, что издателямъ „хорошо имѣть возлѣ бока были и небылицы; когда листъ не достаетъ въ книгѣ, тогда заказать можно листъ, ави попадѣмъ пирогъ у просвирни. Кто такъ послушливъ, чтобъ взялъ перо и наполнилъ листъ,—правду сказать,—чѣмъ бы ни случилось“. Въ „Быляхъ и небылицахъ“ есть и сатира, повидимому мѣткая, такъ какъ о ней были толки и писались письма въ самомъ журналѣ. Постояннымъ предметомъ сатиры было осмѣяніе пристрастія къ иноземному, особенно заимствованному изъ Франціи, желанія выйти изъ своего состоянія, непостоянства, мѣняющаго заведенный порядокъ, наконецъ, вообще умничанія. Сатиру понимала Екатерина только какъ *веселое* занятіе и въ этомъ смыслѣ она всего болѣе остерегается, чтобы „проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять“. Серьезные вопросы, предложенные Фонъ-Визинимъ, гдѣ сатира захватывала глубже и имѣла претензію воздѣйствовать на общество, возбудили въ Екатеринѣ нѣкоторое негодованіе. Въ „Ежедневной запискѣ общества незнающихъ“ Екатерина смѣялась надъ людьми, составившими общество, гдѣ никогда ничего не рѣшается и только идетъ пустая болтовня. Но, несмотря на такой взглядъ Екатерины, сатира въ „Современникѣ“ не падаетъ и высшіе слои общества; она „сильно вооружается противъ того, что вообще есть низкаго, гадкаго въ человѣкѣ и что особенно было распространено въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества того времени,—противъ двоедушія, ласкательства, ханжества, суетности, фанфаронства, невѣрности женщинъ и разврата, обмана, презрѣнія къ человѣчеству, корыстолюбія и взяточничества. Большую часть сатирическихъ статей Добролюбовъ приписываетъ самой кн. Дашковой; но насколько это справедливо,

судить нельзя, такъ какъ прямыхъ доказательствъ нѣтъ. Изъ статей подписанныхъ по своей рѣзкости и правдѣ выдаются замѣтки Фонъ-Визина, напримѣръ, „О дворянахъ раболѣпствующихъ“, полагающихъ свою честь въ правѣ ѣздить четверней или парой. „Собесѣдникъ“ затрогиваетъ также нелюбовь публики къ чтенію и тогдашнее литературное направленіе, осмѣивая авторовъ-подражателей, писавшихъ по-русски французскимъ складомъ, плохихъ стихотворцевъ и лже-издававшихъ отъ своего имени чужія произведенія. Вообще, сатира „Собесѣдника“ подняла всѣ тѣ вопросы, которые разрабатывались въ позднѣйшихъ, нами уже рассмотрѣнныхъ, сатирическихъ журналахъ. Кромѣ сатирическихъ произведеній, въ „Собесѣдникѣ“ помѣщены: „Опытъ російскаго сословника“ Фонъ-Визина; „О древнемъ и новомъ стихотвореніи“ Богдановича; замѣтка объ языкѣ, гдѣ авторъ излагаетъ несмѣлую и разбитую въ самомъ журналѣ критику противъ нѣкоторыхъ выраженій въ Фелицѣ и другихъ стихотвореніяхъ; „Письмо именотворителю“, гдѣ авторъ доказываетъ важность мудреныхъ французско-русскихъ именъ въ поѣствяхъ, особенно чувствительныхъ. Есть, наконецъ, статьи дидактическаго направленія, безъ которыхъ не могъ обойтись ни одинъ тогдашній журналъ, даже облеченныя въ аллегорическую форму (Египетская повѣсть и Новѣйшее путешествіе въ сновидѣнія, В. Левшина). Статья „О системѣ міра“ имѣетъ ученый интересъ.

„Собесѣдникъ“ былъ хорошо принятъ публикой и вызывалъ въ ней сочувствіе, что видно изъ адресованныхъ къ редакціи и напечатанныхъ ею писемъ, помимо тѣхъ, которыя, очевидно, составлялись въ самой редакціи. Но, несмотря на то, редакція нашла себя вынужденною понижать подписную цѣну, потому что охотниковъ покупать книги было еще меньше, нежели читать ихъ. Это было одною изъ причинъ прекращенія журнала, но едва ли единственною. Къ концу изданія журнала настроеніе императрицы измѣнилось въ 1785 году началось преслѣдованіе мартинистовъ и съ тѣхъ поръ реакція быстрыми шагами подвигалась впередъ. Тѣмъ не менѣе, академія въ 1809 г. напечатала второе изданіе „Современника“.

Въ 1785—1787 г. выходилъ журналъ „Растущій Виноградъ“ (XXIV книги), издававшійся отъ главнаго народнаго училища. Учебныя учрежденія гражданскаго вѣдомства того времени состояли въ вѣдѣніи П. В. Завадовскаго (впослѣдствіи графа и перваго министра народнаго просвѣщенія), а директоромъ училищъ былъ

О. П. Козодавлевъ. Редакторомъ журнала первоначально былъ Е. Б. Сырейщиковъ, а потомъ В. Ф. Зуевъ. Журналъ прекратился неожиданно, такъ какъ въ одной изъ статей послѣдней книжки (Похвальное слово наслѣднику французскаго престола, Томаса) обозначено: „продолженіе будетъ“. Журналъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ помѣщена интересная статья Козодавлева, излагающая взглядъ его на народное образованіе, подъ заглавіемъ: Разсужденіе о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ (вн. 1 апрѣль, іюнь, іюль, августъ и октябрь 1785 г.), выписка изъ писемъ г. фонъ-Тюммеля изъ Готы къ О. П. Козодавлеву (объ учрежденіи университетовъ, въ вн. за іюль) и письмо Козодавлева къ фонъ-Тюммелю (о народныхъ училищахъ, ноября 1786 г.). Кромѣ того, журналъ этотъ явился официальнымъ противникомъ Новикова и его общества. Такъ, въ журналѣ помѣщены статьи: Древнія заблужденія или записки касательно исторіи ума человѣческаго (февраль и мартъ 1786 г.); Краткое описаніе жизни Постелла, основателя секты мартинистовъ (мартъ); Домовая записка о заразѣ новомодной ереси и о средствахъ, исцѣляющихъ отъ оной, которая начинается такъ: „извѣстно, что проявились на Руси новые еретики, Мартыны или Мартышки“ (іюль 1785 г.), „Разсужденіе о началѣ вольныхъ каменщиковъ или фармазоновъ (октябрь и декабрь 1786, январь 1787 г.)“. Мартышками назвала мартинистовъ сама императрица Екатерина.

Мы уже рассмотрѣли выше сатирической журналъ Крылова „Почту духовъ“.

Второй его журналъ былъ „Зритель“, ежемѣсячное изданіе, 1792 г. (2 части), гдѣ главнымъ сотрудникомъ былъ Ал. Ив. Клушинъ. Въ предисловіи издатель говоритъ, что онъ „позволяетъ себѣ, выбравъ изъ самой природы, образовать разныя свойства по своему разсужденію, не дерзая ни мало касаться личности; подобно какъ живописецъ, желая написать на своей картинѣ различныя страсти, рисуетъ человѣка во всѣхъ правилахъ естества, но ни чьего прямо лица не изображаетъ“. Отсюда видно, что главное направленіе журнала, попрежнему, есть сатирическое. Но издатель говоритъ: „безъ стиховъ ежемѣсячникъ, какъ пища безъ питья, или чай безъ сахара“. Стихотворный отдѣлъ „Зрителя“ имѣлъ содержаніе по преимуществу эротическое. Безымянные стихотворенія лучше: судя по слогу, нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, прина-

лежали самому Крылову. Но прямыхъ доказательствъ нѣтъ и въ предположеніи надо быть крайне осторожнымъ. Г. Д. Языковъ доказалъ, что пять мелкихъ безъимянныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „С.-Петербургскомъ Меркуріѣ“ и приписывавшихся Крылову, на самомъ дѣлѣ принадлежатъ *тогда начинавшему* и довольно плохому стихотворцу П. М. Карабанову (1765—1829 г.), помѣщавшему свои произведенія въ петербургскихъ журналахъ („Зеркалъ свѣта“ Туманскаго 1786—1787 г., „Новостяхъ“ Голубцова 1799 г. и „Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій“ 1791 г.). Стихи съ подписью принадлежатъ самому Крылову, (ода Утро, подражаніе французскому и др.), Клушину, Бухарскому; большинство стихотвореній очень плохихъ—Варавину; Свистунову, Теряеву и кн. Гр. Хованскому, помѣстившему много своихъ стихотвореній въ „Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени“ и въ „Аонидахъ“. Изъ прозаическихъ статей выдѣляются статьи самого Крылова, подписанныя и вошедшія въ полное собраніе сочиненій: Ночи, *Речь, говоренная повѣскою въ собраніи дураковъ*, Разсужденіе о дружествѣ, *Мысли философа по модѣ*, *Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ*, Каибъ—восточная повѣсть. Въ особенности хороши сатирическія произведенія Крылова, напечатанныя курсивомъ: ихъ можно съ удовольствіемъ прочесть и теперь, благодаря теплomu и художественному юмору, съ которымъ авторъ осуждаетъ пороки, присущіе не только современному ему обществу. Не даромъ Крыловъ былъ высокаго мнѣнія о литературѣ. Говоря о превратностяхъ человѣческихъ наслажденій, онъ помѣстилъ между прочимъ слѣдующія прекрасныя слова: „Что же есть достойнаго человѣка, что можетъ онъ произвести неподверженное разрушенію вѣковъ?—его слова, его мысли, вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками, преоборяетъ ихъ ядовитость, торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оное челоуѣчеству“ (Ночи). Его благородный, независимый характеръ весьма часто обнаруживается въ протестѣ противъ меценатства, противъ исканія покровительства и устройства своего положенія по расположенію сильныхъ міра: „я гнушаюсь лестью, говоритъ онъ, и хочу быть должнымъ всѣмъ трудамъ своимъ, нежели гордой улыбка слѣснаго счастья, которая снискивается лестью“. Другое произведеніе, не уступающее по юмору Кры-

лову, но очень несвязное по внѣшней формѣ, „Портреты“, принадлежить Клушину. Въ журналѣ много нападковъ на современныхъ писателей; есть цѣлая живая статья—„Покаяніе сочинителя Крадуна“, гдѣ описывается неловкое положеніе автора, выбравшаго все свое произведеніе изъ другихъ; журналъ преслѣдуетъ ремесленниковъ-стихотворцевъ, которые, какъ добрый разносчикъ, могутъ прокричать: „по оды, по оды!“ Журналъ возстаетъ противъ современной критики, которая ограничивалась придиркою къ словамъ и разборомъ внѣшней формы литературнаго произведенія; „она не касается до разсматриванія авторомъ мысли, плана сочиненія, характеровъ дѣйствующихъ лицъ, ума и способности,—да и хорошо, что не за свое не берется,—какъ заниматься такою мелочью“. При этомъ журналъ замѣчаетъ, что „есть сочиненія во всѣхъ правилахъ, но страдаютъ недугомъ сухости; есть сочиненія, пересказавшія правила, но полнотою своей привлекательны и дѣйствіемъ своимъ производятъ дѣйствіе въ сердцахъ и душахъ“. У автора есть нѣсколько прозваній тогдашнихъ писателей, которыхъ онъ постоянно преслѣдуетъ и приводитъ въ примѣръ бездарности: П. Ю. Львовъ, подъ именемъ „Антирихардсона“, Княжнинъ, подъ именемъ „Рифмограда“, и „Мнимый Дегушъ“. Въ интересной статьѣ, возбудившей полемику въ журналѣ,—Письмо о театрѣ, излагается теорія драматическаго искусства и высказаны совершенно вѣрныя и замѣчательныя мысли о недостаткахъ переводной и подражательной и о необходимости народной самобытной драматической поэзіи. Журналъ настойчиво продолжаетъ борьбу съ крѣпостнымъ правомъ, начатую „Почтою духовъ“. Въ своихъ „Портретахъ“, Клушинъ говоритъ между прочимъ: „Не могу удержать восклицанія, которое возродилось во мнѣ съ того времени, какъ сей просвѣщенный мужъ триста пахотныхъ мужиковъ сдѣлалъ преплезными гражданами для отечества, то-есть преобразилъ ихъ въ пѣвцовъ, актеровъ, тансеровъ и музыкантовъ. Послѣдній анекдотъ сего великаго человѣка долженъ составить эпоху въ нашей исторіи. За двѣ своры гончихъ собакъ отдалъ онъ съ величайшимъ хладнокровіемъ пять семей крестьянъ“. Въ другомъ мѣстѣ Крыловъ упоминаетъ: „Крестьянинъ потѣетъ и трудится цѣлый годъ, чтобы выплатить колесо богатой кареты или пуговицу съ кафтана своего господина“. Въ мѣстѣ съ тѣмъ, журналъ возстаетъ противъ отхожихъ промысловъ и отстраненія крестьянина отъ земли. „Кто докажетъ, что хлѣбопашецъ, рабочій, пожившій въ

столицѣ, вкусивши отраву роскоши, далѣе будетъ хорошій земледѣлецъ, трудолюбивый работникъ? и оба они *достаютъ больше легкими способами*, упиваются напитками, ихъ состоянію непозволенными, яствами имъ болѣе вредными и дорогими, нежели требуетъ ихъ природа, ихъ воспитаніе... Нива запустѣла, земли не обработаны, семейство разстроено... и се, се тысячи новыхъ тунеедцевъ, поглощающихъ трудъ другихъ! Все вздорожало! потеря для отечества менѣе видимая, чѣмъ ощутительная“. Но въ то же время журналъ, говоря о распространеніи роскоши и о всеобщемъ недовольствѣ, приходитъ къ такому заключенію: „Для чего сіе различіе для всѣхъ ощутительно и никто почти не доволенъ своею участью? Для того что мы не хотимъ вникнуть въ порядокъ вещей и познать, что всякое состояніе имѣетъ свои неудовольствія и горести, свое спокойствіе и благосостояніе; для того, что никто почти не хочетъ бросить взоровъ своихъ на самого себя и увидѣть, что Провидѣніе *для каждаго состоянія особенныя назначило свѣдѣнія и способности*“. Журналъ вообще высказывается за старину: „Для гражданина все должно быть священно въ землѣ отцевъ его, даже самыя ихъ предразсужденія; извѣстно, что съ науками и просвѣщеніемъ вкрадывается еще болѣе злоупотребленій, которыя, отвлекая отъ отечественнаго подлинника, содѣлываютъ много дурныхъ копій“. Въ статьѣ: Нѣчто о врожденномъ свойствѣ душъ российскихъ—, русскіе противопоставляются иностранцамъ и надѣляются всевозможными хорошими качествами и добродѣтелями, неизвѣстными никакому другому народу. Журналъ доходитъ до того, что утверждаетъ, будто нигдѣ нѣтъ въ свѣтѣ меньше суевѣрія, какъ въ Россіи, и нигдѣ тоже нѣтъ больше твердости въ вѣрѣ, какъ въ Россіи. Въ журналѣ этомъ, по показанію Неустроева, на основаніи писемъ Карамзина къ Дмитріеву, участвовали Дмитревскій, Плавильщикъ, Туманскій и Эминъ, но какія именно статьи принадлежатъ имъ, неизвѣстно. С.-Петербургскій третій журналъ издавался Крыловымъ и Клушинымъ подъ названіемъ „Меркурій“ въ теченіи 1793 года. Программа журнала измѣнилась. Въ предисловіи издатель говоритъ: „цѣль изданія нашего двоякая—и желаніе угодить, и быть полезными нашимъ читателямъ. Мы имѣемъ множество періодическихъ изданій, много хорошихъ; но едва ли на нашемъ языкѣ есть два журнала, подобныхъ журналу иностранному. Въ нихъ или мало, или совсѣмъ нѣтъ ничего свой-

ственного журналамъ“. Въ объявленіи о подпискѣ было заявлено: „въ журналѣ помѣстятся стихотворныя и прозаическія сочиненія издателей и другихъ нашихъ писателей; подражанія и переводы изъ иностранныхъ авторовъ, какъ-то: изъ Вольтера, Руссо, Д'Аламберга, Стерна и др.; извѣстія о книгахъ, вновь выходящихъ, часто съ критикою, а иногда съ полною рецензіею, о с.-петербургскомъ российскомъ и французскомъ театрѣ, ежели на немъ играно будетъ что-нибудь новое или то изъ старыхъ, что публикѣ нашей отлично нравится; российскіе анекдоты, нерѣдко образующіе духъ и свойство Россіянъ, сокращенныя жизни нашихъ и иностранныхъ писателей, смѣсь и пр.“ Такимъ образомъ сатирическое направленіе, которое составляло душу журнала и мастерство Крылова, отходило на задній планъ; неудивительно поэтому, что журналъ вышелъ очень плохъ и совсѣмъ не похожъ на своихъ предшественниковъ. Стихотворный отдѣлъ дѣйствительно получилъ преобладающее значеніе. Самъ Крыловъ помѣстилъ нѣсколько довольно плохихъ стихотвореній (Утѣшеніе Анютѣ, Мое оправданіе въ Анютѣ, Къ другу моему А. И. Клушину, Ода на случай сожженія фейерверка 15 сент. 1793, Къ счастью, Мой отъѣздъ — пѣсня). Клушинъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній, въ томъ числѣ очень недурную сказку: Лунатикъ по неволѣ, — затѣмъ Бухарскій, Мартыновъ, вн. Гр. Хованскій, Николевъ, извѣстный педагогъ, вызванный Екатериною изъ Сербіи и сдѣланный членомъ главнаго правленія училищъ Янковичъ де Миріево, Карабановъ, вн. Д. П. Горчаковъ и совершенно неизвѣстный А. Татариновъ. Есть нѣсколько стихотвореній, присланныхъ отъ неизвѣстныхъ лицъ, въ томъ числѣ стихотвореніе Каминъ, первый трудъ В. Л. Пушкина (†). Въ прозаической части прежде всего выдаются сатирическія произведенія самого Крылова—Похвальная рѣчь наукѣ убивать время и Похвальная рѣчь Ермалафиду, гдѣ Крыловъ осмѣиваетъ неумѣлаго автора, ничего не читавшаго, ничему не учившагося и привыкшаго писать не думавши. Подъ именемъ Ермалафиды осмѣивается Карамзинъ. Что именно вызвало насмѣшку Крылова надъ начинавшимъ тогда свое литературное поприще, но уже заслужившимъ общее уваженіе по своему таланту писателемъ, сказать трудно. Крыловъ принадлежалъ къ Шишковистамъ, вѣроятно, скорѣе по личнымъ отношеніямъ, нежели по убѣжденію; но однимъ этимъ нельзя еще объяснить

нерасположеніе его къ Карамзину. Всего скорѣе причина скрывается въ самой природѣ Крылова, въ томъ складѣ сатирическаго его ума, который во всемъ подмѣчалъ смѣшную или дурную сторону и самыя лучшія произведенія человѣческаго ума не признавалъ изъятими отъ насмѣшки. Замѣчательно мнѣніе Крылова о народной литературѣ, которая получила такое важное значеніе въ настоящее время. Въ числѣ литературныхъ преступленій Ермазафида осмѣивается между прочимъ слѣдующее: „на сценѣ появляется цѣлый парадъ въ лаптяхъ, въ зипунахъ и въ шапкахъ съ заломомъ; въ парадизѣ раздались радостныя восклицанія. Сапожники, разношители, каменщики—все узнали на сценѣ своихъ земляковъ. Завидливая критика не умедлила на сіе вооружиться; кричали, что расслабляется вкусъ, истребляется благопристойность. Но вся небритая часть была на сторонѣ нашего героя и, утверждая его славу, включила въ число знаменитѣйшихъ дней тотъ день, въ который для бородатыхъ зрителей выставлены на сцену бородатые актеры“. Въ журналѣ помѣщенъ разборъ нѣкоторыхъ книгъ: Приключеній Фоблаза, Героиды — поэмы Ирин. Завалишина, и театральныхъ пьесъ: Смѣхъ и горе и Алхимистъ, Клушина. Разборъ послѣднихъ, принадлежащій Крылову, отличается вѣрною и безпристрастною оцѣнкою ихъ недостатковъ, причемъ Крыловъ высказалъ такое замѣчательное для того времени требованіе: „Авторъ не долженъ казаться чудотворцемъ, а подражателемъ природы“. Изъ повѣстей помѣщены: Несчастный М — въ, сантиментальная повѣсть Клушина и нѣсколько другихъ переводныхъ и незначительныхъ. Клушинъ помѣстилъ разборъ трагедіи Княжнина Вадимъ, гдѣ онъ излагаетъ содержаніе, но не одобряетъ его. По мнѣнію Клушина, „самое покушеніе Вадима на возвращеніе вольности новгородцамъ, тогда когда они вручили и власть и корону Рюрику, не есть ли покушеніе безразсудное? Желаніе обратить ихъ въ прежнее безначаліе не есть ли покушеніе безразсудное?“ Въ переводной части помѣщены Вольтера: Разсужденіе объ англійской трагедіи, о Попе, о Сократѣ. Интересно примѣчаніе Клушина къ переводу первой статьи: „что сказалъ бы Вольтеръ о многихъ нѣмецкихъ драматическихъ твореніяхъ, сихъ безобразныхъ выродкахъ литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ, даже самаго важнѣйшаго—единства дѣйствія? Что бы сказалъ онъ о сихъ удивительныхъ пьесахъ, которыя суть ни трагедіи, ни во-

меді; гдѣ смѣшанъ плачь со смѣхомъ безъ всякой нужды; гдѣ эпизодъ затмѣваетъ самое дѣйствіе; гдѣ разговоры пустыя и слабыя, дѣйствующія лица каррикатурныя; гдѣ все обезобразиваетъ и вкусъ, и правила? О піэсахъ, каковы суть: Разбойники, Сара Симпсонъ, Эмилія Галотти, Ненависть и раскаяніе и проч. и пр. Затѣмъ помѣщены переводы: д'Аламберта объ одѣ; Попія, опытъ о человѣческой жизни, пер. Мартынова; нѣсколько идиллій изъ Геснера; изъ Геллера (Дориса), изъ Томаса (о похвалѣ и любви къ славѣ); изъ Санъ-Суси (соч. Фридриха) портретъ Вольтера; съ французскаго о Ричардсонѣ; изъ *Esprit de Raunal* (открытіе Америки) и переводы статьи о Новой Голландіи. Въ этомъ же журналѣ помѣщены первые литературные опыты Ал. Струговщикова въ видѣ незначительныхъ переводовъ.

„Муза“, ежемѣсячное изданіе на 1796 г. (4 части), издатель Ив. Ив. Мартыновъ, извѣстный переводчикъ классиковъ. Мартыновъ былъ усердный, добросовѣстный и благонамѣренный труженикъ, но совершенно бездарный; журналъ его принадлежалъ къ числу самыхъ безцвѣтныхъ въ XVIII столѣтіи, несмотря на то, что Мартыновъ привлекъ къ участию въ своемъ журналѣ многихъ извѣстныхъ лицъ. Въ стихотворномъ отдѣлѣ участвовали Державинъ, помѣстившій тамъ: Харита, стихи Суворову-Рымникскому, надгробіе рыльскому именованому гражданину Шележову, Анакреонъ, на потопленіе Дубянскаго и доказательство творческаго бытія изъ псалма 18; кромѣ того Державинимъ помѣщено было стихотвореніе Въ день рожденія царицы Гремиславы, но оно было уничтожено и не вышедшіе экземпляры были перепечатаны. Кромѣ Державина, въ „Музѣ“ помѣщены стихотворенія И. И. Дмитріева, гр. Хвостова, кн. Шаховскаго (первые его опыты), П. Каменева, самого Мартынова и наконецъ Сперанскаго. Стихи Сперанскаго не обличаютъ поэтическаго таланта, но они умны и гладки. Показаніе объ участіи Сперанскаго основано Неустроевымъ на указаніи Д. Ф. Кобеко; но бар. Корфъ въ Жизни гр. Сперанскаго стихотворенія эти приписываетъ В. А. Полѣнову, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, хранящихся у Д. В. Полѣнова. Въ „Музѣ“ помѣщено четверостишіе Жуковскаго—Стихи на случай рожденія вел. кн. Николая Павловича, сопровождаемое слѣдующимъ подстрочнымъ пророческимъ примѣчаніемъ Мартынова: „Сочинитель сей аллегоріи маленькой, крошечный стихотворецъ;

какой лучъ надежды блеститъ на зарѣ его!“ Есть также стихи мало извѣстныхъ поэтовъ (Евг. Колычева, М. Шулепникова, Верзилина, Елоховскаго, Караулова, Слѣпецкаго) и стихи безъ подписи. Изъ прозаическихъ статей помѣщенъ Филонъ — самого Мартынова, юмористическое описаніе путешествія его изъ Полтавской семинаріи въ Александровскую академію, во вкусѣ Стерна; но юморъ также мало удавался Мартынову, какъ и поэзія. Сочиненіе это подверглось какому-то преслѣдованію: въ немъ попадаетъ вдругъ цѣлая бѣлая страница и послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ одно междометіе: Эхъ. Кромѣ того, есть двѣ повѣсти Каменева (Софья и Громобой); Письмо къ Миленѣ, или теорія любви и проч. Переводная часть довольно обширна. Здѣсь помѣщены: отрывки изъ Лабрюера, Характеръ или права человѣка; статья о Стернѣ съ переводомъ отрывковъ изъ Тристрама Шанди и 45 главы изъ Смѣси; отрывокъ изъ подражателя ему — *Lettres sur l'Italie*, par. M. Dupaty; отрывокъ изъ путешествія въ Италію Дюкло; изъ путешествія Анахарзиса Бартелеми (Аристиппъ); неизбѣжный переводъ изъ идиллій Геснера; изъ Уда — ночь; изъ Геллерта (Скромный); отрывокъ изъ Вейсса; изъ Кампе; изъ Бильдербека (*Bagatelles litteraires* — Едгаръ и Эмана); нѣсколько маленькихъ отрывковъ изъ Мерсье; переводъ Мадагаскарскихъ пѣсень Кавалера де Парни, сдѣланный П. Львовымъ; изъ Гальскихъ поэмъ, изданныхъ Смитомъ, Оссіяна и др. съ французскаго (Смерть Арта); изъ *Esprit des journaux* (объ Азіатскихъ театрахъ); изъ „*Spectator*“ Сонъ; отрывокъ изъ *Nougaret—Historiettes du jour.*; отрывокъ изъ *Socratis Mainomenos*; изъ физики знаменитаго аббата *Gaga de Fangas* объ Альбиносахъ; изъ Датской исторіи Маллета о рыцарствѣ. Въ этомъ журналѣ помѣщены три значительные перевода Карамзина (изъ *Bagatellen von Anton Wall* и *die jungsten Kinder meiner Laune*, Коцебу). Въ прозаической же части помѣщены двѣ небольшія переводныя статейки Вел. Кн. Александры Павловны: Бодрость и благодѣаніе одного крестьянина и Долгъ человѣчества.

„С.-Петербургскій Журналъ“ на 1798 годъ (IV части), издателемъ котораго былъ И. П. Пнинъ (1773—1805), обучавшійся сначала въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, а потомъ въ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ А. Ф. Бестужевымъ, отцомъ Бестужевыхъ декабристовъ. Пятковскій говоритъ, что Пнинъ

принадлежитъ къ числу *замѣчательныхъ* журнальныхъ дѣятелей конца XVIII и начала XIX вѣка. Что касается до конца XVIII вѣка, то журналъ Пнина не представлялъ собою ничего выдающагося. Въ статьѣ „О воспитаніи общественномъ“ Пнинъ говоритъ о правленіи: „Монархическое есть безъ всякаго сомнѣнія самое лучшее и самое совершенное, менѣе всѣхъ разнымъ неудобствамъ подверженное; республиканское всегда быстро влонится въ своему разрушенію, гдѣ одного честолюбца довольно для опроверженія онаго“. Слѣдовательно, Пнинъ былъ нисколько не менѣе монархистомъ, чѣмъ Карамзинъ, котораго Пятковский причисляетъ къ числу самыхъ отсталыхъ консерваторовъ. Пнинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ переводъ Анненскаго съ французскаго двухъ разсужденій: Разумъ часто заставляетъ почитать предразсудки имъ осуждаемые и О предразсудкахъ,—на который издатель журнала особенно обратилъ вниманіе читателей подстрочнымъ примѣчаніемъ и который нисколько не менѣе отсталъ и нелѣпъ, чѣмъ переводъ Антоновскимъ вѣмецкаго сочиненія: Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ (1798 г.), признающаго весь вредъ въ книгопечатаніи и проповѣдующаго необходимость обратиться за наставленіемъ къ Исторіи дикаго человѣка. „Читатель изъ Торжка“ въ письмѣ къ редакціи совершенно справедливо отказывается назвать сочиненіемъ этотъ „сборъ словъ и мыслей, взаимно себѣ противорѣчащихъ и безъ всякой связи и порядка нагроможденныхъ“; читатель, какъ и слѣдуетъ, защищая полную свободу книгопечатанія, указываетъ на Англію и Голландію, гдѣ науки не имѣютъ никакихъ препонъ и гдѣ эта свобода, не сопровождаясь беспорядками, напротивъ, послужила поводомъ къ благоденствію и процвѣтанію; и потому, по мнѣнію его, не къ исторіи дикаго человѣка, „но къ исторіи человѣка *гражданственнаго* паче всего прилежать нужно“. И вотъ, на ряду съ этимъ, въ журналѣ проповѣдуются такія вещи: „Одна конечно покорность къ предразсудку, отъ природы намъ вложенному, можетъ производить сіе твердое спокойствіе и сіе непремѣнное очарованіе составляющее благополучіе. Человѣкъ, который бы могъ дорого цѣнить то, что онъ имѣетъ, и не за великое ставить то, чего ему недостаетъ, *хотя бы и несправедливо такъ судилъ*, при всемъ томъ наслаждался бы *истиннымъ благополучіемъ*“ (II, 38). „Начертать исторію предразсудковъ есть изобразить бытописаніе всѣхъ людей“ (III, 172). Изъ сочиненія Монтескье О духѣ за-

коновъ переведена только кн. XIV, гл. 2: О климатѣ—и на нее помѣщены примѣчанія, слѣдовательно отрывокъ, наименѣе способствующій проведенію какихъ-нибудь либеральныхъ тенденцій. Стихотворная часть въ журналѣ очень незначительна: помѣщены плохіе стихи А. Бухарскаго, А. Измайлова, Н. Шатрова, Колмчева, Скрипицына и нѣсколько неизвѣстныхъ. Въ прозаической части всего важнѣе напечатаніе сочиненій Фонъ-Визина: Исповѣдь (неоконченная и повидимому пріостановленная) и два Письма, писанныя имъ изъ Франціи къ нѣкоторой знатной особѣ въ Россіи (гр. Н. И. Панину) изъ Парижа въ 1788 году. Затѣмъ интересны статьи самого издателя о воспитаніи (О воспитаніи частномъ, О воспитаніи общественномъ, О воспитаніи военномъ относительно благороднаго юношества), заимствованныя большею частію изъ Филанджіери (29). Вопросъ о воспитаніи сильно занималъ умы въ XVIII и началѣ XIX вѣка и заслуживаетъ особой монографіи. Толчокъ дѣлу воспитанія данъ былъ еще въ XVII столѣтіи Локкомъ, котораго знаменитое сочиненіе: О воспитаніи — переведено было на русскій языкъ въ 1759 году профес. И. Поповскимъ. Во Франціи въ XVIII столѣтіи вопросъ о воспитаніи *практически* поднять былъ фізіократами; Кене, признавая краеугольнымъ камнемъ общежитія образованіе, признаетъ единственнымъ средствомъ борьбы съ недостатками существующаго строя *общественное* воспитаніе. На этомъ основаніи Тюрго, въ запискѣ, поданной Людовику XVI, изложилъ планъ новой, централизованной системы воспитанія, вѣреннаго „совѣту народнаго образованія“, которому подчинены всѣ учебныя заведенія и на который возложено составленіе учебниковъ. Цѣлью этого воспитанія поставлено, на ряду съ обученіемъ, развитіе нравственности, приготовленіе добродѣтельныхъ и полезныхъ гражданъ для государства. Екатерина въ своихъ „Мысляхъ о воспитаніи“ руководствовалась Локкомъ и Руссо, а исполнитель ея предначертаній, Бецкій, пришелъ самостоятельно (въ 1764 году) къ установленію плана, весьма сходнаго съ планомъ Тюрго. Это была также централизованная система казенныхъ закрытыхъ заведеній для воспитанія. Желая этимъ путемъ создать породу „новыхъ людей“, естественно пришли къ мысли о совершенномъ устраниеніи дѣтей отъ сообщенія съ „старою породой“, ихъ родителями и воспитателями, и съ самаго дѣтства дѣтей запирали въ стѣны казенныхъ учрежденій, лишая ихъ и семейной обста-

новки, и всякаго сообщенія съ окружающею жизнью. Извѣстно, насколько эта система оказалась неудачной. Между тѣмъ цѣлью этой системы было нравственное воспитаніе молодого поколѣнія. Конечно, и эта цѣль доведена была до крайности: уже тогда было установлено правило, поощряющее бездарность и губящее дарованіе,—правило, по которому успѣхамъ въ наукахъ предпочиталось хорошее поведение. Но тѣмъ не менѣе основная мысль, что рядомъ съ обученіемъ, съ обогащеніемъ ума познаніями, молодое поколѣніе должно получить и нравственное воспитаніе, подготовляющее его въ общественной жизни и дѣятельности, была вѣрна. Замѣчательно, что Бецкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ создать путемъ образованія въ Россіи среднее сословіе, „третій родъ людей“, для чего при вадетскомъ корпусѣ, при воспитательномъ женскомъ заведеніи, при Смольномъ монастырѣ (1764), при Академіи Художествъ открыты были мѣщанскія училища. Въ журналистикѣ самое крупное явленіе были статьи Шварца въ прибавленіи къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, а затѣмъ немногіе журналы обходили этотъ вопросъ, не исключая даже „Утренней Зари“, сборника питомцевъ Московскаго благороднаго пансіона, гдѣ помѣщена серьезная и обстоятельная статья—О воспитаніи. Пнинъ въ 1804 году напечаталъ особую книгу: Опытъ о просвѣщеніи, имѣвшую такой успѣхъ, что въ томъ же году понадобилось новое ея изданіе. По доносу Геракова, одного изъ самыхъ бездарныхъ писателей патристическихъ произведеній, ⁽³⁰⁾ второе изданіе было запрещено только-что установленнымъ тогда цензурнымъ комитетомъ. Поводомъ въ запрещенію было отношеніе Пнина къ крѣпостному праву.

Задачу просвѣщенія Пнинъ опредѣляетъ такимъ образомъ: „Просвѣщеніе, въ настоящемъ смыслѣ примѣнимое, состоитъ въ томъ, когда каждый членъ общества, въ какомъ бы званіи ни находился, совершенно знаетъ и исполняетъ свою должность: то есть когда начальство съ своей стороны свято исполняетъ обязанности вѣренной оному власти, а нижняго разряда люди ненарушимо исполняютъ обязанности своего повиновенія. Если сія два состоянія не переступаютъ своихъ мѣръ, сохраняя должное въ отношеніяхъ своихъ равновѣсіе, тогда просвѣщеніе достигло желаемой цѣли“ (О проsv., 16 и 17). На этомъ основаніи Пнинъ не считаетъ тогдашнюю Францію страной просвѣщенной и говоритъ: „Доволь власть во зло употребляетъ довѣренность, обществомъ ей дѣлаемую,

доколѣ подчиненность не перестаетъ выходить изъ своихъ предѣловъ, и доколѣ равновѣсіе гражданскихъ взаимностей теряется, доколѣ та страна, хотя бы она состояла вся изъ ученыхъ и философовъ, едва ли счастливѣе той, которая покрыта мракомъ невѣжества“. Весь проектъ Пнина поѣтому основанъ на признаніи необходимости неравенства состояній, откуда онъ выводитъ и необходимость неравенства въ просвѣщеніи, устанавливая для каждаго сословія опредѣленный его размѣръ. Разсматривая положеніе у насъ различныхъ сословій, Пнинъ говоритъ: „Какъ можно, чтобы участь толпы полезнѣйшаго сословія гражданъ (крестьянскаго), отъ котораго зависитъ могущество и богатство государства, состояла въ неограниченной власти нѣкотораго числа людей, которые, позабывъ въ нихъ подобныхъ себѣ челоуѣковъ, челоуѣковъ ихъ питающихъ и даже прихотямъ ихъ удовлетворяющихъ, поступаютъ съ ними иногда хуже, нежели со скотами, имъ принадлежащими“ (стр. 48). Самый важнѣйшій предметъ, долженствующій теперь занимать законодателя, есть тотъ, чтобы „предписать законы, могущіе опредѣлить собственность земледѣльческаго состоянія, могущіе защитить оную отъ опасеній,— словомъ, сдѣлать оную неприкосновенною. Когда таковыя законы получаютъ свое бытіе, тогда только наступитъ настоящее время для внушенія сему состоянію его правъ, его обязанностей“.

Въ письмахъ „Читателя изъ Торжка“ помѣщена критика на развращающія изданія какого-то Г. Г. (Глѣба Громова, по Сопикову): Любовь — книжка золотая, Любовники и супруги, или мужчины и женщины, Нѣжныя объятія въ бракѣ или потѣхи и любовницы. Остальныя оригинальныя статьи въ прозаической части не заслуживаютъ вниманія. Изъ переводовъ всего болѣе помѣщено изъ Галлера (Альпійскія горы, Дориса, Утро и пр.); неизбѣжныя идилліи Геснера; изъ Томаса (Посланіе къ земледѣльцамъ); изъ Бартелеми, Путешествія Анахарсиса (Харита и Полидоръ); изъ Парни (Крылья Амура); изъ Voyage dans les départements de la France par les L. A. V.; изъ сочиненій Мейера; изъ Гаэтано Филанджери, автора книги: Наука о законодательствѣ; изъ Шелли (0 декламациі); отрывочныя предложенія, что тогда называлось „мысли“ изъ Монтанья, де-Лабрюера, Шаррона, герцога де ля Рошфульта; ученая статья о движеніи и началѣ онаго. Кромѣ того изъ записокъ Греча видно, что сподвижники Императора Але-

ксандра гр. Строгоновъ, Новосильцевъ, кн. Чарторыжскій занимались вмѣстѣ съ государемъ изученіемъ политической экономіи и плоды трудовъ своихъ печатали въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ“ („Рус. Арх.“ 1873, кн. 5, стр. 731). Сюда относятся: статьи изъ сочиненій Верри (1728—1797), итальянскаго экономиста, который, по отзыву Ж. Б. Сея болѣе нежели кто-нибудь приблизился къ истинному ученію Адама Смита. Статьи эти были: Въ чемъ состоятъ можеть торговля между народами, незнающими чеканныхъ денегъ; Что такое чеканная деньги и какимъ образомъ способствуютъ онѣ къ распространенію торговли; Умноженіе и уменьшеніе государственнаго богатства; Главныя побужденія торговли и первоначальныя основанія цѣны; О купеческихъ и художническихъ обществахъ; О законахъ, запрещающихъ вывозъ товаровъ за границу⁽³¹⁾. Кромѣ того изложено подробно содержаніе книги: Изслѣдованіе основаній государственнаго хозяйства, соч. Жака Стюарта, по франц. переводу.

Такимъ образомъ довольно распространенное мнѣніе, высказанное между прочимъ г. Пятковскимъ, что русская журналистика развивалась преимущественно въ Петербургѣ, — лишено основанія. Напротивъ, еще въ XVIII столѣтіи въ Москвѣ, опираясь на Московскій университетъ, журналистика впервые стала на ноги, окрѣпла и сдѣлалась явленіемъ прочнымъ и постояннымъ въ русской жизни; а въ лицѣ Карамзина она получила уже въ то время нѣкоторую самобытность и попытку имѣть свое собственное, независимое сужденіе о всѣхъ явленіяхъ внутренней и внѣшней общественной жизни.

Несмотря на реакцію послѣднихъ лѣтъ правленія Екатерины, на гнетъ царствованія императора Павла, когда даже запрещенъ былъ всякій ввозъ книгъ изъ-за границы, русская мысль двигалась и журналистика, въ концѣ XVIII столѣтія, является болѣе серьезною и близкою къ народной жизни. Въ текущей вѣкѣ Россія вступила съ радужными надеждами. Извѣстно, съ какою радостью встрѣчено было воцареніе императора Александра I, какъ много возлагали на него надеждъ и какъ, повидимому, самъ онъ шелъ къ нимъ на встрѣчу, далеко оставляя за собой ожиданія. Надо прежде всего отдать должную справедливость Императору и его сподвижникамъ. Начало царствованія императора Александра было эпохою сильнаго движенія въ дѣлѣ народнаго образованія: и самъ Императоръ, и его ближайшіе совѣтники смотрѣли на образованіе, какъ на необходимое условіе и самый надежный оплотъ народнаго благо-

состоянія; они далеки были отъ предразсудка, что образованіе какимъ бы то ни было образомъ можетъ обратиться во вредъ странѣ и что наука будить въ массѣ лишь неудовольствіе, распущенность и ослабленіе нравственно-религіозныхъ устоевъ, на которыхъ зиждется общественное спокойствіе. Число учебныхъ заведеній возросло; свобода мысли увеличилась, а вмѣстѣ замѣтно оврѣпло и ея движеніе въ литературѣ и журналистикѣ; цензурныя строгости въ то время проявлялись гораздо рѣже, нежели въ какую-либо другую эпоху русской жизни. Сверхъ этого задуманъ былъ обширный и подвергавшій коренной ломкѣ всѣ существующія учрежденія проектъ общаго государственнаго переустройства, цѣль котораго, по словамъ Сперанскаго, состояла въ томъ, „чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на *началахъ постоянныхъ* и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствию сей власти болѣе достоинства и истинной силы“. Нельзя не отдать справедливости Императору и его сподвижникамъ въ искренности ихъ намѣреній и въ смѣломъ стремленіи къ исправленію недостатковъ существовавшаго тогда строя; но теперь, когда можно относиться къ ихъ начинаніямъ спокойно и не страшась упрека въ личномъ къ нимъ отношеніи, нельзя безусловно согласиться съ тѣми, кто за этими реформами признаетъ прочный залогъ успѣха⁽³²⁾. Прежде всего эти реформы не касались кореннаго вопроса нашей жизни—освобожденія крестьянъ. „Крѣпостное право такъ въѣлось въ жизнь, что первая мысль объ его отмѣнѣ или ограниченіи у человѣка незнакомаго, какъ Александръ, съ настоящимъ положеніемъ вещей естественно была очень боязливая. Нѣкоторые изъ его совѣтниковъ также были нерѣшительны, потому что, хотя и отвергали крѣпостное право съ нравственной точки зрѣнія, по давней привычкѣ считали его все еще необходимымъ политическимъ зломъ, видѣли въ немъ средства дисциплины и порядка. Самъ Мордвиновъ, при всей своей филантропіи и при всей смѣлости своихъ мнѣній въ другихъ отношеніяхъ, въ крестьянскомъ вопросѣ былъ консерваторомъ и находилъ возможнымъ только самыя легкіе и осторожные приступы къ этому дѣлу“ (Пыпинъ). Сперанскій, въ своемъ непринятомъ Государемъ планѣ, признавая также все зло крѣпостнаго права, для смягченія его палліативными мѣрами отводилъ неопредѣленные двѣ эпохи и окончательнымъ освобожденіемъ считалъ возвращеніе крестьянамъ ихъ древняго права свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому.

Сперанскій отнималъ у народа даже право на образованіе. „Что такое образованіе, знанія для народа не свободнаго,—какъ не средство живѣе почувствовать бѣдственность своего положенія, *источники волнений*, которыя могутъ только способствовать къ большему его поработченію или могутъ навлечь на страну ужасы безначалія. Изъ челоуѣколюбія, столько же сколько изъ политики, *слѣдуетъ оставить работу въ невѣжествѣ*, если не хотять имъ дать свободы“. Такимъ образомъ, между Карамзинымъ, открыто защищавшимъ крѣпостное право (но не его злоупотребленія) и между ближайшими совѣтниками императора Александра, осуждавшими его въ принципѣ, но не рѣшавшимися наложить на него руку на самомъ дѣлѣ,—существеннаго различія не было. Конечно, подобныхъ соображеній не было въ тогдашнемъ обществѣ, но теперь,—когда великое дѣло совершилось совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ оно было предположено Сперанскимъ, можно сказать утвердительно, что осуществленіе конституціи даже въ томъ видѣ, какъ она изложена въ непринятомъ проектѣ Сперанскаго, затормозило бы надолго рѣшеніе крестьянскаго вопроса и немного принесло бы пользы Россіи. Но что болѣе всего выдалось въ глаза современному обществу—это былъ пріемъ въ исполненіи задуманныхъ реформъ. Вызовъ Императрицею депутатовъ въ комиссію Уложенія, прежде нежели проектъ преобразованій былъ намѣченъ и прежде чѣмъ о немъ возникли какіе-нибудь толки въ правительствѣ,—не прошелъ безслѣдно для общества. Это было лучшее дѣло ея царствованія, которое дало ей право на признательность со стороны общества гораздо болѣе, нежели славныя ея войны и блестящія приобрѣтенія. Екатерина признавала это сама: „по закрытіи нашей палаты въ Москвѣ, депутаты разѣхались по домамъ своимъ *съ добрымъ мнѣніемъ обо мнѣ и это ускорило преобразование губерній*“ (Р. В. Зап. Глинки 1866 г. № 7, 246). вмѣстѣ съ тѣмъ созывъ комиссіи внушилъ обществу убѣжденіе, что общественное мнѣніе, въ той или другой формѣ, слѣдовало выслушать прежде приступа въ какому-либо коренному преобразованію внутренняго строя. Проектъ реформъ императора Александра вырабатывался канцелярскимъ способомъ, въ величайшей тайнѣ; составленный Сперанскимъ и не принятый Государемъ планъ являлся не какъ удовлетвореніе заявленныхъ обществомъ нуждъ и желаній, а какъ логическій результатъ мысли одного сановника, правда смѣлой и благородной, но недостаточной въ такомъ важномъ

дѣлѣ. Отсюда происходило „темное неудовольствіе“, о которомъ говоритъ и Корфъ и которое онъ напрасно выставляетъ исключительно результатомъ тогдашней консервативной оппозиціи; отсюда шло то общее раздраженіе противъ Сперанскаго, которому Императоръ счелъ за нужное принести его въ жертву. Вся *видимая* ошибка Карамзина состояла въ томъ, что онъ ратовалъ противъ *цѣли*, а не противъ *пріема*. Но въ практическомъ смыслѣ это сводилось къ одному и тому же результату; между тѣмъ такой пріемъ былъ сподручнѣе.

Оставляя въ сторонѣ задуманныя, но не исполненныя реформы, уважемъ, какъ благія намѣренія Императора отразились на умственной русской жизни.

Въ Московскомъ университетѣ толчокъ, данный дѣятельностью Шварца и Новикова, требовалъ, для дальнѣйшаго своего развитія, матеріала извнѣ. Существенная часть задачи Шварца и Новикова—борьба противъ грубаго, односторонняго матеріализма—была исчерпана; осталось возбужденіе серьезной мысли, временно удовлетворившееся стремленіемъ къ таинственности мистицизма; но когда это настроеніе выдохлось, съ прекращеніемъ дѣятельности учителей, мысль, предоставленная сама себѣ, ни до чего не доработалась какъ мы видѣли въ бесплодной и мало содержательной журнальной дѣятельности Сохацкаго и Подшивалова. Эту задачу—дать новую пищу умственной дѣятельности университетскаго кружка—выполнили новые люди, вступившіе въ управленіе Московскимъ университетомъ.

Съ учрежденіемъ министерства, указомъ 21-го ноября 1803 г. уволены кураторы кн. Голицынъ, Коваленскій, Голенищевъ-Кутузовъ и директоромъ университета опредѣленъ отставной бригадиръ И. П. Тургеневъ, воспитывавшійся въ университетской гимназій въ семьсотъ шестидесятихъ годахъ, вмѣстѣ съ М. Н. Муравьевымъ, другъ Новикова и одинъ изъ первыхъ руководителей Карамзина, опредѣленный въ званіе директора 15-го ноября 1800 года. Первымъ попечителемъ университета назначенъ былъ сенаторъ и товарищъ министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ М. Н. Муравьевъ. Воспитанникъ университетской гимназій и университета, Муравьевъ былъ человекъ съ глубокимъ и многостороннимъ образованіемъ, извѣстный въ свое время писатель и сторонникъ изученія классической древности⁽³³⁾, пріятель и покровитель Ка-

рамзина, проложившій ему путь къ занятію русскою исторіей, въ качествѣ официального исторіографа. Батюшковъ говорилъ о Муравьевѣ: „при встрѣчѣ съ нимъ казалось, что снова посѣтилъ землю одинъ изъ тѣхъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Атики для разлитія умозрительной и практической мудрости, для утѣшенія и назиданія человечества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ“ (рѣчь о вліяніи на языкъ легкой поэзіи). Муравьевъ былъ наставникомъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей въ русской словесности, исторіи и географіи. Тотчасъ по воцареніи Императора Александра, сверхъ другихъ должностей, ему повелѣно было состоять при особѣ Государя у принятія подаваемыхъ на Высочайшее имя прошеній. Онъ былъ членомъ комитета, открытаго въ 1802 году для преобразованія учебной части⁽³⁴⁾ и участвовалъ въ составленіи университетскаго устава; по его приглашенію, въ этомъ дѣлѣ много помогъ совѣтами профессоръ Геттингенскаго университета Мейнерсъ, авторъ извѣстныхъ сочиненій по исторіи учреждений для образованія (*Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten, Geschichte der Entstehung und Entwicklung der hohen Schulen unseres Erdtheils*), съ которымъ Муравьевъ былъ въ постоянной перепискѣ. По мнѣнію г. Сухомлинова, нельзя не замѣтить связи между трудами Мейнерса объ университетахъ и первоначальнымъ устройствомъ русскихъ университетовъ,—связи, выражающейся какъ въ общемъ духѣ учреждений, такъ и во многихъ частностяхъ, отъ свободы преподаванія до положенія попечителей, не обязанныхъ, по первоначальному уставу, жить непремѣнно въ университетскомъ городѣ. Уставъ Московскаго университета утвержденъ 5-го ноября 1804 года и имъ введено было правильное распредѣленіе преподаванія по факультетамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ введены, какъ постоянные и обязательные предметы, умозрительная и практическая философія въ отдѣленіи (факультетѣ) нравственныхъ и политическихъ наукъ и теорія изящныхъ искусствъ (эстетика) и археологія въ отдѣленіи словесныхъ наукъ. Такимъ образомъ, зарожденіе философской мысли въ университетѣ встрѣтило въ то время поддержку и одобреніе въ самомъ правительствѣ.

Муравьевъ жилъ въ Петербургѣ и посѣщалъ университетъ и учебныя заведенія по пути въ Тверь только наѣздомъ; но изъ его

отчетовъ видно, что онъ живо интересовался ходомъ преподаванія и вообще состояніемъ университета и ввѣренной ему учебной части и значительно подвинулъ ихъ впередъ. Собственно по университету дѣятельность Муравьева выразилась, главнымъ образомъ, въ приглашеніи профессоровъ изъ-за границы, снабженіи университета профессорами изъ собственныхъ питомцевъ, учрежденіемъ обществъ при университетѣ и публичныхъ чтеній. Изъ-за границы были вызваны: профессора естественной исторіи Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, ботаники Гофманъ, единственный профессоръ математики изъ за границы Иде, астрономіи Гольдбахъ, права естественнаго и теоріи изящныхъ художествъ Буле, практической философіи, исторіи философіи и права естественнаго и народнаго Рейнгардъ, юридическихъ наукъ Штельцеръ, политической экономіи Шлецеръ, статистики Грельманъ, адъюнктъ этико политическаго отдѣленія Турнейзенъ, нѣмецкой литературы и вполнѣдствіи всеобщей исторіи Ульрихсъ и медицины Рейсъ. Почти всѣ они, еще до прибытія въ Россію, пользовались ученою извѣстностью въ Германіи⁽³⁵⁾. Въ то же время изъ филологической семинаріи Гейне, учрежденной въ Геттингенѣ, вызванъ былъ въ Харьковъ попечителемъ гр. Потоцкимъ, профессоръ Роммель, который, несмотря на кратковременное тамъ основаніе, положилъ начало филологическому изученію изданіемъ въ Харьковѣ нѣкоторыхъ латинскихъ классиковъ и учрежденіемъ филологической семинаріи, гдѣ преподавались основанія высшей грамматики, критики, герменевтики и филологіи. Тотъ же попечитель, по рекомендаціи Буле, вызвалъ окончившаго курсъ въ Геттингенѣ австрійскаго серба Аѳ. Ив. Стойковича. Стойковичу предстояла блестящая политическая роль въ Австріи, которая тогда любезничала съ славянами и обѣщалась открыть отдѣльное министерство для завѣдыванія славянскими дѣлами, преимущественно относительно церкви и народнаго просвѣщенія. Стойковичъ намѣченъ былъ на должность министра, но онъ отказался принять католичество и принялъ предложеніе гр. Потоцкаго. Съ 1803—1813 г. Стойковичъ былъ въ Харьковѣ профессоромъ умозрительной и опытной физики и издалъ тамъ нѣсколько обширныхъ сочиненій по своей части, которыя признаны для своего времени весьма замѣчательными.

Иностранные профессора вызваны были Муравьевымъ чрезъ посредство Геттингенскаго профессора Мейсснера, и изъ нихъ Рейсъ,

Гофманъ, Иде, Буле и другъ его Грельманъ сами принадлежать къ геттингенскому университету, имѣвшему большое вліяніе на наше умственное развитіе въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. Первоначально молодые люди, желавшіе усовершенствоваться въ наукѣ, направлялись въ Страсбургъ: тамъ доканчивалъ свое образованіе гр. В. Г. Орловъ. Затѣмъ цѣлю ихъ путешествія дѣлаются преимущественно Лейпцигъ и Геттингенъ.

Лейпцигъ назывался маленькимъ Парижемъ въ Германіи. Лейпцигъ былъ самымъ значительнымъ рынкомъ Саксонско-Польскаго королевства: онъ былъ посредникомъ между романскимъ западомъ и славянскимъ востокомъ; на его важной ярмаркѣ царилъ самая шумная жизнь, мелькали чужестранцы, невиданныя одежды, длинные караваны, купцы изъ самыхъ далекихъ странъ. Лейпцигскій университетъ издавна пользовался большою славою; въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, Готшедъ, представитель французскаго вліянія, и Геллертъ, поэтъ нѣмецкой буржуазіи, въ которомъ пробивалось уже національное сознаніе,—придали Лейпцигу преобладающее мѣсто въ литературной жизни Германіи. Лейпцигскій университетъ преимущественно избирали для слушанія лекцій знатные иностранцы. Около 1766 года, по возвращеніи изъ-за границы гр. Вл. Григор. Орлова, Екатерина отправила на казенный счетъ двѣнадцать молодыхъ людей, въ томъ числѣ шестерыхъ изъ Пажескаго корпуса, для усовершенствованія въ наукахъ въ Лейпцигскій университетъ, считавшійся лучшимъ, подъ надзоромъ гофмейстера Бакума и духовника, монаха Павла. Изъ нихъ самый даровитый, имѣвшій особенное вліяніе на товарищей, былъ Ф. В. Ушаковъ, состоявшій уже на службѣ, но имѣвшій сильное стремленіе къ образованію; вслѣдствіе разныхъ излишествъ въ жизни, еще во время пребыванія въ Петербургѣ, онъ умеръ въ Лейпцигѣ на двадцать второмъ году. Самый бездарный и наименѣ воспользовавшійся университетскимъ образованіемъ, О. П. Козодавлевъ (умеръ въ 1819 году) былъ самый счастливый и одинъ вышелъ въ люди; по возвращеніи въ Россію, Козодавлевъ примкнулъ къ Россійской академіи, пописывалъ незначительныя комедіи (Перстенъ 1780 г., Нашла коса на камень 1781 г.), былъ сотрудникомъ „Собесѣдника“, издаваемого Екатериною и кн. Дашковой, и въ царствованіе Императора Александра I-го былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ

и временно народнаго просвѣщенія. Остальными были А. Н. Радищевъ, А. М. Кутузовъ, М. К. Рубановскій, С. А. Олсуфьевъ, товарищъ дѣтскихъ игръ наслѣдника престола Павла Петровича, кн. В. П. Трубецкой, С. Н. Яновъ, съ которымъ былъ дружень Радищевъ, и четверо неизвѣстныхъ, въ числѣ которыхъ самъ Радищевъ предполагаетъ друга своего отца, Челищева. Въ 1758 г. появилось извѣстное сочиненіе Гельвеція о разумѣ (de l'esprit), одно изъ сильнѣйшихъ проявленій матеріализма. Проѣзжавшій чрезъ Лейпцигъ русскій офицеръ Ѡ... снабдилъ русскихъ студентовъ этою книгой, рѣзкость которой имъ очень понравилась⁽³⁶⁾. Кромѣ того и въ самомъ университетѣ профессоръ философіи Платнеръ любилъ останавливаться на социальныхъ вопросахъ и часто вдавался въ разсужденія о печальной судьбѣ угнетенныхъ массъ. Эти обстоятельства, повидимому не оказавшія вліянія на остальныхъ, печально отразились на судьбѣ Радищева. Радищевъ и Кутузовъ, возвратившись въ Россію въ 1771 году, познакомились съ масонами. Радищевъ никогда тѣсно къ нимъ не примыкалъ, тѣмъ болѣе, что служба привязала его къ Петербургу, но Кутузовъ, поселившійся въ Москвѣ и въ литературномъ отношеніи получившій извѣстность переводомъ Ионовыхъ размышленій (1783 г.) и Мессіады Клопштока (1785 — 1787 гг.), всецѣло посвятилъ себя служенію масонства, вступилъ въ союзъ злато-розоваго креста, подружился съ Новиковымъ и Карамзинымъ и долго жилъ за-границею делегатомъ отъ московскихъ мартинистовъ, съ цѣлью изученія всѣхъ масонскихъ тайнствъ. Онъ умеръ въ Берлинѣ въ 1790 году.

Несравненно болѣе значенія въ исторіи русскаго образованія получилъ Геттингенъ. Геттингенскій университетъ основанъ былъ 17 сентября 1737 г., при курфюрствѣ Ганноверскомъ Георгѣ II, просвѣщеннымъ министромъ Ф. Мюнхгаузенемъ, бывшимъ его первымъ попечителемъ, по плану Мосгейма. Съ самой первой поры университетъ получилъ почетную извѣстность и, вмѣстѣ съ Веймаромъ, небольшой Геттингенъ сдѣлался въ исходѣ XVIII столѣтія одною изъ свѣтлыхъ точекъ, откуда просвѣщеніе разливалось по Германіи. Этому университету обязанъ былъ своимъ широкимъ уставомъ, гдѣ не ставилось исключительною цѣлью подготовленіе молодыхъ людей къ различнымъ отраслямъ государственной службы и къ профессиональному ученому званію, но открывался свободный доступъ для

занятій всякому, кто желалъ посвятить себя наукѣ и литературѣ. Профессора вызывались со всѣхъ концовъ Германіи, не отдавая предпочтенія мѣстнымъ уроженцамъ, и университетъ быстро наполнился знаменитостями по всѣмъ отраслямъ. Начальное ядро лицъ, положившихъ начало славы Гёттингенскаго университета составляли: извѣстный историкъ церкви и богословъ Мосгеймъ, одинъ изъ основателей современной физиологіи и вмѣстѣ поэтъ Галлеръ и знаменитый филологъ Гесснеръ. Къ нимъ преемственно присоединялись юристъ Платтеръ (съ 1747 г.), основатель статистики Ахенваль († 1772 г.), знаменитый филологъ и издатель классиковъ Гейне (съ 1763 г.), естествоиспытатель Блуменбахъ (съ 1776 г.), профессора исторіи: Гаттереръ (съ 1759—1799 гг.), изслѣдователь русской исторіи Шлецеръ (съ 1759 г.), Шпитлеръ (съ 1779—1797 гг.) и Геренъ (съ 1787 г.). Въ Гёттингенѣ ученымъ обществомъ, основаннымъ въ 1750 г. по инициативѣ Галлера, начали издаваться „Гёттингенскія ученныя Вѣдомости“ („Göttinger gelehrte Anzeigen“), старѣйшій въ Германіи критико-ученый журналъ. Въ такъ-называемый бурный періодъ нѣмецкой литературы (Drang-und Sturm periode), съ 1769 года Готтеръ и Бойе начали издавать въ Гёттингенѣ періодически „Альманахъ музъ“ („Musenalmanach“), въ подражаніе основанному въ 1765 г. въ Парижѣ („Almanac des muses“). На страницахъ этого Альманаха появились лирическія поэмы Бюргера, Ганъ, Гёлти, Миллеръ, Фоссъ, братья гр. Штольберги, Лейзевицъ и др. 12 сентября 1772 г., подъ предсѣдательствомъ Фосса, основано было общество подъ названіемъ Hainband, въ которомъ приняли первоначально участіе Миллеръ, Ганъ, Гёлти и Версъ, впослѣдствіи присоединились другіе, но душой этого кружка оставался Фоссъ. Этотъ союзъ гёттингенскихъ бардовъ проникнутъ былъ поклоненіемъ Клопштоку и сжегъ изображеніе Виланда; пѣсни этихъ бардовъ теперь утратили значеніе, но въ свое время онѣ были важны, какъ пробуждающееся стремленіе къ народной самобытной поэзіи. Не даромъ отыскивавшая за границею науки русская молодежь пріютилась въ Гёттингенѣ: воздухъ его молодаго университета былъ свѣжѣе и гостепріимнѣе для пришлыхъ людей, нежели въ другихъ германскихъ университетахъ, скованныхъ обрядностью мѣстно-національной исключительности и традиціями средневѣковой протестантской схоластики. Такимъ образомъ отблескъ этого культурнаго значенія Гёттингена достигъ и

до нашего отечества. Муравьевъ и основатель лицея въ Ярославлѣ П. П. Демидовъ учились въ Гёттингенѣ, слѣдовательно первый изъ нихъ имѣлъ личныя связи съ тамошнимъ университетомъ. Но, независимо отъ того, многіе изъ нашихъ гёттингенцевъ пытались внести свѣтъ и гуманность въ окружающую невѣжественную среду. Въ Гёттингенѣ воспитывался извѣстный нашъ юристъ, костромской уроженецъ Поляковъ, отозвавшійся на конкурсную задачу Вольнаго Экономическаго Общества въ 1766 г. проектами освобожденія крестьянъ съ нѣкоторымъ надѣленіемъ ихъ землею (37), въ 1766 году былъ въ Гёттингенѣ студентъ Рудневъ, впоследствии епископъ Дамаскинъ, который постоянно проводилъ мысль о необходимости образованія для всего русскаго народа. Изъ Гёттингена вышли извѣстные у насъ профессора-юристы изъ русскихъ Куницынъ, котораго „Естественное право“ (2 часть) предано было уничтоженію и Цвѣтаевъ; въ Гёттингенѣ подъ руководствомъ Гейне образовался профессоръ Тимковский, въ Гёттингенѣ воспитался извѣстный Ник. Тургеневъ, написавшій тамъ свой Опытъ теоріи налоговъ въ 1810 и 1811 гг., и другъ Жуковскаго, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, А. М. Тургеневъ; тамъ молодой ученый, воспитанникъ университетскаго пансіона Андрей Кайсаровъ еще въ 1806 г. писалъ докторскую диссертацию О средствахъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, и въ 1804 г. написалъ на нѣмецкомъ языкѣ и напечаталъ въ Гёттингенѣ Опытъ славянской мѣологии, въ азбучномъ порядкѣ, въ свое время пользовавшійся большою извѣстностью, такъ что на Кайсарова ссылался даже Добровскій. Изъ записки Муравьева видно, что въ его время въ Гёттингенѣ получили образованіе готовившіеся въ профессора адъюнкты Войновъ, Двигубскій, своекоштный студентъ изъ купцовъ Гусятниковъ, студентъ-медикъ Калкау, бывшій потомъ адъюнктъ-профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей у насъ нѣмецкаго философскаго направленія въ двадцатыхъ годахъ, Галичъ докончилъ свое образованіе также въ Гёттингенѣ (38).

Это культурное значеніе Гёттингенскаго университета помянулъ между прочимъ Пушкинъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

Съ душою прямо Гёттингенской,
Поклонникъ Банта и поэтъ,
Онъ изъ Германіи туманной

Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь...

Оставляя въ сторонѣ ученые труды въ Россіи другихъ изъ числа вызванныхъ профессоровъ, мы остановимся преимущественно на Буле и Рейнгардѣ.

Самымъ даровитымъ и полезнымъ у насъ представителемъ нѣмецкой науки, перенесенной изъ Геттингена, былъ профессоръ Буле, который познакомилъ первый университетскихъ слушателей съ философіею, въ связи съ эстетикою въ томъ видѣ, какъ они разрабатывались тогда въ Германіи⁽³⁹⁾. Вообще, Буле принадлежалъ къ числу лицъ, оказавшихъ серьезныя услуги новому своему отечеству. Буле усердно учился по-русски, занимался русскою исторіею и написалъ по этому предмету сочиненіе „Опытъ критической литературы русской исторіи“ (*Versuch einer kritischen Litteratur der Russischen Geschichte*. М. 1810), которое не утратило своей цѣны и въ настоящее время. Философія преподавалась въ университетѣ и ранѣе Буле. Замѣчательно, что первый профессоръ Московскаго университета, Поповскій, ученикъ Ломоносова и переводчикъ поэмы Опытъ о чловѣкѣ, Поне (съ франц. 1757 г.), при самомъ своемъ вступленіи сказалъ рѣчь о философіи, напечатанную въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ за августъ 1755 г. Рѣчь эта для своего времени чрезвычайно интересна. Поповскій говоритъ о философіи, что „отъ нея зависятъ всѣ познанія; она мать всѣхъ наукъ и художествъ“. Философія должна преимущественно дѣйствовать на людей, отступившихъ отъ Бога, и приводить ихъ въ богопознанію изслѣдованіемъ самихъ законовъ и явленій естества. Но, что всего важнѣе, это то, что Поповскій признавалъ необходимость распространенія философіи между всѣми образованными людьми. Съ этою цѣлью онъ возставалъ противъ латинскаго языка и требовалъ изложенія ея на русскомъ, допуская, что „нѣтъ такой мысли, кою бы по-россійски изъяснить было невозможно“. Объ этомъ же хлопоталъ онъ и въ университетѣ, но попытки его не удались, въ виду отпора со стороны другихъ профессоровъ-иностранцевъ, отстаивавшихъ латынь вплоть до указа Екатерины о преподаваніи на русскомъ языкѣ въ 1767 г. Впрочемъ, самъ Поповскій не читалъ лекцій по философіи.

Въ университетѣ преподаваніе философіи началъ прибывшій вмѣ-

стѣ съ Шаденомъ профессоръ Фроманъ, который читалъ логику, метафизику и моральную философію по руководствамъ извѣстнаго физика и вольтерьянца, лейпцигскаго профессора Винклера, и читалъ частно (*privatim*) логику и курсъ исторіи на французскомъ языкѣ. Фроманъ въ 1765 г. оставилъ университетъ и поступилъ въ слѣдующемъ году на кафедрѣ философіи въ Тюбингенъ, гдѣ написалъ интересное сочиненіе: *Structura de situ scientiarum et artium in imperio Russico*. Послѣ Шадена кафедра философіи перешла къ ученику его, Аничкову (1765—1772), который преподавалъ по методу своего учителя логику и метафизику, придерживаясь Винклера и Баумейстера. Въ 1772 г., оставивши гимназію, на кафедрѣ философіи вступилъ Шаденъ. Свое философское образованіе Шаденъ получилъ въ Тюбингенскомъ университетѣ, куда знаменитый Бильфингеръ, впоследствии вызванный въ Петербургскую академію наукъ, занесъ философію Лейбница и Вольфа. Шаденъ съ самаго пріѣзда (1756—1797) преподавалъ въ гимназіи для дворянъ самый краткій конспектъ философіи, по руководству послѣдователя Вольфа, Баумейстера (*Elementa philosophiae*). Въ университетѣ Шаденъ свои чтенія началъ съ практической философіи и этики, которыя онъ соединялъ съ преподаваніемъ права, политики и общей исторіи всѣхъ нравственныхъ наукъ. Въ числѣ руководствъ по философіи указаны въ біографіи Шадена Винклеръ вольфіянецъ, Федеръ, противникъ Канта и послѣдователь англійской школы моралистовъ XVIII в., и Якоби, который имѣлъ многія точки соприкосновенія съ Кантомъ, но построилъ свою собственную философію, принявъ за основаніе раздѣленіе знанія на *посредственное*, доступное разуму и *непосредственное*, открываемою вѣрою (⁴⁰). Изъ этого перечисленія именъ видно, что Шаденъ держался при преподаваніи философіи эклектическаго метода, т.-е. самого поверхностнаго и неудовлетворительнаго. Съ 1795 г. логику и метафизику началъ преподавать ученикъ Аничкова и Шадена, профессоръ Брянцевъ, и, по смерти Шадена, занявъ кафедру философіи, сохранилъ ее до своей смерти въ 1821 г. Источниками для своихъ чтеній Брянцевъ указывалъ Федеръ, Снелли (послѣдователь Канта), Маттерна Рейса; повидимому, онъ не придерживался философіи Вольфа и скорѣе наклоненъ былъ къ философіи англійскихъ моралистовъ. По порученію Муравьева, Брянцевъ перевелъ Фергюссона — „Начальныя основанія нравственной философіи“.

Буле въ 1787 г. получилъ кафедру профессора въ Гёттингенскомъ университетѣ и тамъ еще приобрѣлъ извѣстность многими историческими сочиненіями, гдѣ заявилъ близкое свое знакомство съ современными философскими ученіями (Einleitung in die allgemeine Logik und die Kritik der reinen Vernunft, 1775, Entwurf der Transcendental Philosophie 1798, Geschichte der neueren Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften, 1800—1804). Начавши свое преподаваніе въ Москвѣ съ 1805 года, Буле читалъ въ университетѣ критическую метафизику, логику, опытную психологию, философію права и исторію философіи. Уже одно то обстоятельство, что чтенія философіи Буле были современны Брянцеву, показываетъ, что между ними не было никакого сходства. Какою системы придерживался самъ Буле, неизвѣстно, но вѣтъ всякаго сомнѣнія, что онъ знакомилъ исторически, и могъ это сдѣлать съ успѣхомъ, съ Кантомъ, Фихте и Шеллингомъ. Впрочемъ, насколько можно судить изъ помѣщенного въ „Ученыхъ Вѣдомостяхъ“ разбора сочиненія Шеллинга „Vorlesungen über die Methode des akademischen Studium“, Буле не сочувствовалъ философіи Шеллинга. Распространенію философіи въ Московскомъ университетѣ, также какъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ были профессора иностранцы, мѣшало то обстоятельство, что Буле не владѣлъ русскимъ языкомъ и слѣдовательно чтенія его для мало подготовленнаго большинства оставались непонятными.

Въ 1807—10 году Буле началъ на словесномъ факультетѣ чтенія миеологии и археологии, а на политическомъ—исторію изящныхъ художествъ въ Россіи. Но важнѣе университетскихъ лекцій были частныя лекціи Буле, гдѣ онъ, кромѣ философіи, подробно читалъ эстетику и сопровождалъ ее разборомъ разныхъ авторовъ, съ болѣею подробностью останавливаясь на избранныхъ писателяхъ древнихъ и новыхъ. Буле, повидимому, не придерживался въ эстетикѣ воззрѣній Канта и новѣйшей философіи и смотрѣлъ на искусство съ психологической точки зрѣнія, какъ на ощущеніе. Въ предисловіи къ своему „Журналу изящныхъ искусствъ“ Буле слѣдующимъ образомъ выражаетъ свое воззрѣніе на искусство: „произведенія механическихъ искусствъ имѣютъ одно предназначеніе—пользу. Напротивъ, произведенія изящныхъ искусствъ должны быть пріятны по своему виду, должны возбуждать *эстетическое удовольствіе*. Чувствованіе прекраснаго рождается отъ нѣкоторой свободной, гармонической

игры чувствъ воображенія и разума вмѣстѣ. Искусство съ прожженіями своими тогда только бываетъ изящнымъ, когда оно возбуждаетъ сіе чувство, и возбуждаетъ потому, что сего желалъ художникъ. Изящное имѣетъ своимъ основаніемъ внимательное наблюденіе симметріи и гармоніи въ чертахъ натуры". Буле особенно развивалъ теорію драматической поэзіи и въ частности комедіи, останавливаясь на латинскихъ комикахъ, Плавтѣ и Теренціи. Есть предположеніе, что Грибоѣдовъ посѣщалъ эти частныя лекціи и пользовался ими еще до поступленія въ университетъ. По этому случаю профессоръ Веселовскій замѣчаетъ: „Есть возможность предполагать, что комедія „Горе отъ ума“ набросана была впервые Грибоѣдовымъ въ студенческіе годы и такимъ образомъ сильное вліяніе Буле не осталось безъ живаго отраженія на ранней умственной зрѣлости комическаго писателя, которому суждено было выступить обличителемъ „застоя и невѣжества“ („Зап. вліяніе“, стр. 128). Впрочемъ, одинъ изъ наставниковъ Грибоѣдова Богд. Ив. Зонъ, человѣкъ очень ученый и образованный, еще прежде далъ Грибоѣдову классическое образованіе; съ нимъ, будучи уже студентомъ, Грибоѣдовъ читалъ латинскихъ классиковъ и любимыми его писателями были Плавтъ и Теренцій (Майковъ). Кромѣ того Буле издавалъ „Московскія Ученыя Вѣдомости“ (1805—1807). Въ изданіи „Ученыхъ Вѣдомостей“ участвовали нѣмецкіе профессора (Рейнгардъ, Иде, Шлецеръ) и русскіе (Цвѣтаевъ, Венсовичъ), а также нѣкоторые изъ молодыхъ кандидатовъ - математиковъ (Рахманиновъ и др.). „Вѣдомости“ заключали въ себѣ краткій, но довольно обстоятельный отчетъ о важнѣйшихъ сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, появлявшихся за границей, причемъ особенное вниманіе обращено было на сочиненія, касающіяся до Россіи; при этомъ разбирались также всѣ сочиненія и переводы, появлявшіяся на русскомъ языкѣ. Такъ, помѣщенъ былъ довольно подробный разборъ Шлецерова перевода Нестора (Nestor, Russische annalen, von Aug. Z. Schlözer), Славянской міеологіи Кайсарова (Versuch einer Slawischen myphologie von And. Kaisaroff), Памятника законовъ изд. Правикова, Начальныхъ основаній ботаники Двигубскаго, Краткой логики, изданной магистромъ П. Богдановымъ и т. д. Въ „Вѣдомостяхъ“ печатались также отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ при университетѣ (Общества соревнователей медицинскихъ и физическихъ

наувъ и только что открывшагося Общества испытателей природы) и свѣдѣнія о задачахъ, предложенныхъ иностранными учеными учреждениями. Странно только, что самый значительный по объему отчетъ посвященъ нелѣпому памфлету противъ масонства, изданному Робизономъ, профессоромъ физики и секретаремъ ученаго общества въ Единбургѣ, подъ заглавіемъ: „Доказательства, собранныя изъ достовѣрныхъ извѣстій о замыслахъ противъ всѣхъ вѣръ и правительствъ Европы, произведенныхъ въ тайныхъ сходбищахъ масоновъ, сенсимонистовъ и *обществъ чтенія*“.

„Журналъ изящныхъ искусствъ“ на 1807 годъ, остановился на третьей книжкѣ. Цѣль предпринятаго имъ журнала Буле изложилъ слѣдующимъ образомъ: „Изданіе сколько можно будетъ ближе къ гению и характеру россійскаго народа, по всѣмъ отношеніямъ внутреннимъ и внѣшнимъ, къ мѣстному положенію и къ нынѣшнему состоянію изящныхъ искусствъ въ Россіи. Читатели найдутъ въ немъ сочиненія о теоріи изящныхъ искусствъ по общему плану, который обниметъ всю словесную часть искусства, и отрывки о средствахъ и свѣдѣніяхъ вспомогательныхъ, кои для успѣха сего предпріятія необходимы; они увидятъ нѣкоторыя черты исторіи древнихъ искусствъ и новѣйшихъ, и въ особенности россійскихъ; сіе изданіе будетъ наконецъ заключать въ себѣ извѣстія о послѣднихъ открытіяхъ древностей и о новѣйшихъ произведеніяхъ искусства“. Въ журналѣ этомъ помѣщались переводныя статьи и кромѣ того три оригинальныя статьи самого Буле, изъ которыхъ двѣ относились къ Россіи и одна—Венеринъ поясъ — къ греческой мифологіи. Обѣ статьи, относящіяся къ Россіи, очень важны. Въ одной изъ нихъ, подъ заглавіемъ: Древнѣйшая россійская живопись, картины Каппононіановы,—Буле первый обратилъ вниманіе на хранящійся въ Ватиканѣ образецъ русской иконописи, который Буле относилъ къ XIII в., но, по новѣйшимъ, болѣе тщательнымъ изысканіямъ, онъ принадлежитъ ко второй половинѣ XVII вѣка (41). Въ другой статьѣ Буле сообщилъ алфавитный списокъ русскихъ гравировъ прошлаго столѣтія, съ обозначеніемъ лучшихъ ихъ произведеній. Переводами въ журналѣ Буле занимался Кошанскій, какъ это обозначено въ самомъ заглавіи и подписано подъ нѣкоторыми статьями; были ли другіе участвующіе, не видно.

Къ сожалѣнію, съ 30 октября 1808 г. Буле былъ отвлеченъ принятіемъ на себя отъ Баузе званія директора педагогическаго

института, а въ 1811 г. онъ и совсѣмъ оставилъ университетъ, поступивши бібліотекаремъ къ Вел. Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Профессоръ Рейнгартъ началъ самостоятельное изложеніе практической философіи и этики, которыя Шаденъ до него соединялъ съ общею философіей и читалъ вмѣстѣ съ тѣмъ теорію естественнаго права. По его руководствамъ изданы: „Курсъ практической философіи“, пер. съ франц. Кувичинской, М., 1807 г., и „Естественное право“, перев. съ латинскаго Ив. Сычуговъ, Казань, 1816 г.

Наравнѣ съ приглашеніемъ въ университетъ иностранцевъ, Муравьевъ заботился о пополненіи его русскими учеными. Въ черновомъ проектѣ устава, писанномъ его рукою, сказано: „желательно, чтобы со временемъ лекціи всѣхъ наукъ преподавались на природномъ языкѣ. Университетъ одобряетъ какъ сочиненіе, такъ и преложеніе на російскій языкъ системъ ученія въ разныхъ наукахъ“. Въ его „Запискахъ“ выражено: „иначе нельзя завести своихъ профессоровъ, какъ посылая ихъ въ чужіе края, чтобы они выучились тамъ своимъ правамъ, трудолюбію и должностямъ“. Вслѣдъ за тѣмъ приводятся имена 21 лица, большею частью воспитывавшихся за границею, и послѣ этихъ именъ въ запискѣ значится NB: „Всѣхъ сихъ ученыхъ по пріѣздѣ можно сдѣлать адъюнктами и профессорами экстраординарными“. Ожиданіе это сбылось, такъ какъ большинство указанныхъ лицъ достигло профессорской кафедры. Въ числѣ ихъ поименованы Мерзляковъ, Тимковскій, занимавшійся за границею греческою литературой, Кошанскій—археологіей и теоріей изящныхъ искусствъ, Чеботаревъ—технологіей, Болдыревъ—восточными языками, Двигубскій—натуральной исторіей и химіей, Цвѣтаевъ—юриспруденціей, Смирновъ, экстраординарный профессоръ російскаго законовѣдѣнія, профессора медицины Войновъ, Мудровъ, Котельницкій, Щеголевъ и Яценко, впоследствии издатель „Духа журналовъ“ (1815—1821). Кроме того, въ бытность Муравьева попечителемъ, въ университетъ поступили профессорами изъ студентовъ Московскаго университета на кафедру анатоміи, физиологіи и судебной медицины: Венсовичъ, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ Московскаго университета; А. П. Роговъ, по окончаніи курса поступившій въ 1767 г. учителемъ въ университетскую гимназію, въ 1804 г. былъ сдѣланъ адъюнктомъ этико политическаго отдѣленія и читалъ век-

сельное право; профессоръ патологии и общей терапіи Немировъ, профессоръ ветеринарной науки Андреевскій. Изъ постороннихъ университету лицъ: Каченовскій въ 1805—11 г. началъ свое университетское поприще теоріею риторики; уроженецъ Москвы, кончившій курсъ въ Ревельской гимназіи и затѣмъ, уже находясь на военной службѣ, слушавшій лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, де-Сангленъ приглашенъ былъ на мѣсто Гейма лекторомъ нѣмецкой литературы и читалъ военныя науки. Де-Сангленъ издавалъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Рейнгартомъ ежемѣсячный журналъ „Аврору“ и участвовалъ въ издаваемыхъ профессоромъ Буле „Ученыхъ Вѣдомостяхъ“ за 1805 годъ.

Озабочиваясь внутреннимъ устройствомъ университета и улучшеніемъ состава профессоровъ и преподаванія, Муравьевъ обращалъ не менѣ вниманія и на внѣшнюю его сторону, на отношенія университета къ окружающему обществу. Значеніе университета въ общественной жизни не ограничивается ролью исключительно образовательнаго учрежденія; университетъ получаетъ значеніе тогда, когда онъ не замыкается въ стѣнахъ своихъ аудиторій, когда онъ вступаетъ въ живое общеніе со всѣмъ образованнымъ обществомъ, когда онъ проникаетъ въ городскую жизнь, наполняетъ ее и дѣлается средоточіемъ всего умственнаго движенія. Московскій университетъ понималъ эту задачу и старался съ самаго начала выполнить ее возможно добросовѣстнымъ образомъ; съ самой первой поры его открытія въ университетѣ учреждены были торжественныя собранія, гдѣ произносились рѣчи профессоровъ, а въ первое время и учениковъ университета на иностранныхъ языкахъ; происходили публичные диспуты студентовъ, на которыхъ собиралась многочисленная публика. Годичный актъ въ университетѣ, считался тогда, по словамъ Снегирева, праздникомъ для цѣлой Москвы, для цѣлой Россіи и отправлялся съ особою торжественностью; всѣ высокія и знатныя лица свѣтскія и духовныя „поставляли себя за честь и удовольствіе, и даже въ нѣкоторую обязанность непременно присутствовать на торжествѣ“. Независимо отъ того читались профессорами публичныя лекціи и дѣлались попытки учрежденія при университетѣ обществъ, съ цѣлью привязать къ университету постороннихъ любителей просвѣщенія и литературныхъ дѣятелей. Но все это имѣло мало успѣха и мало оказывало вліянія на равнодушное общество. Мура-

вьевъ, воспользовавшись поднятіемъ умственнаго уровня, далъ новый толчекъ этимъ стремленіямъ въ университетѣ.

Мысль объ учрежденіи общества при университетѣ постоянно занимала Мелиссино, когда онъ былъ еще директоромъ университета; въ ноябрѣ 1757 г., въ день именинъ Шувалова, онъ открылъ у себя первое засѣданіе общества, составившагося изъ профессоровъ, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей и высшаго духовенства, но общество это не пошло въ ходъ. Назначенный кураторомъ университета (1771 г.), Мелиссино учредилъ „Вольное собраніе любителей россійскаго языка“, цѣлью котораго заявлено было исправленіе и совершенствованіе россійскаго языка, а ближайшимъ къ тому средствомъ „сочиненіе правильнаго россійскаго словаря по азбукѣ“. Исторія этого общества, теперь совершенно забытаго, не лишена нѣкотораго значенія для нашего умственнаго развитія.

Общество это открыто было 2 августа 1771 г. Постояннымъ предсѣдателемъ его былъ директоръ университета М. В. Приклонскій, а въ числѣ первоначальныхъ членовъ, кромѣ профессоровъ и студентовъ, считались Н. И. Новиковъ, княгиня Дашкова, М. И. Веревкинъ, И. И. Рычковъ, А. А. Нартовъ, В. Г. Рубанъ, Ф. И. Миллеръ и директоръ с.-петербургской академической гимназій Бакмейстеръ. Въ 1775 г. въ него вступили М. М. Херасковъ, В. И. Майковъ, Д. И. Фонъ-Визинъ, Д. И. Хвостовъ; въ 1776 г.—кн. Н. Н. Трубецкой, С. И. Плещеевъ, А. П. Сумароковъ, М. Н. Муравьевъ, Ф. О. Туманскій. Въ 1778 г. предсѣдателемъ общества избранъ М. М. Херасковъ, и въ число членовъ вступили Г. Р. Державинъ, П. И. Страховъ, кн. Ал. Авр. Черкасскій, Еф. Леонт. Брайво. Въ 1779 г. поступили Я. Б. Княжнинъ, ректоръ А. А. Дамаскинъ и Д. И. Хвостовъ; въ 1780 г. Я. И. Булгаковъ, Ерм. Ив. Костровъ, кн. К. М. Енгальчевъ, и аускультантомъ (т. е. сореферентомъ) студентъ князь И. М. Долгоруковъ. Затѣмъ, мало по малу къ нему стали примыкать и остальные мартинисты: въ 1780 г. И. П. Тургеневъ, въ 1781 г. И. В. Лопухинъ, въ 1782 г. С. И. Гамалея, Ф. П. Ключаревъ, А. М. Кутузовъ, кромѣ того Штригеръ, В. В. Чулковъ и ректоръ московской академіи Арх. Павелъ. Такимъ образомъ общество, въ самомъ началѣ, соединило въ себѣ почти всѣ литературныя силы того времени не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ. Со вступленіемъ въ него мартинистовъ, когда они получили преобладающее значеніе въ числѣ на-

личныхъ его членовъ, оно естественно распалось, такъ какъ мартилисты, именно въ то же время (весною 1783 г.) успѣли организовать свое особое, замкнутое общество. „Вольное собраніе“ на первыхъ же порахъ принялось за изданіе древнихъ памятниковъ „для удовольствія общенароднаго и для приведенія въ совершенство россійскія со временемъ исторіи“. Это изданіе, конечно, лишено было критическихъ приѣмовъ, но во всякомъ случаѣ починъ имѣлъ значеніе для разработки матеріаловъ. Общество напечатало въ своихъ трудахъ: Двинскій лѣтописецъ, Чинъ и поставленіе царей Алексѣя Михайловича, Θεодора Алексѣевича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, царя Мануила греческаго, Свадьбу в. кн. Василія Ивановича, Отпускъ въ супружество дочери царя Ивана Васильевича Елены за Литовскаго князя, Послужный списокъ придворныхъ чиновъ съ 1462—1676 годъ, Свадьбу кн. И. Д. Бѣльскаго, Грамоту избранную и утвержденную на царство Бориса Годунова, Духовную патріарха Іова, Посольскій наказъ къ персидскому шаху 1618 года, Дворцовую записку по случаю рожденія Петра Великаго съ дополненіемъ, Статейный списокъ посольства великаго князя Василія Ивановича къ римскому императору Максимилиану. Кроме того напечатанъ переводъ съ права мунгальскаго и калмыцкаго народовъ, сообщенный гр. П. Б. Шереметевымъ. Изъ прозаическихъ оригинальныхъ статей помѣщены путевыя замѣтки въ Англіи кн. Дашковой; рѣчь профессора Барсова О пользѣ учрежденія императорскаго московскаго университета, рѣчь профессора Сем. Забѣлина О причинѣ внутренняго союза частей между собою человѣческаго тѣла, разсужденіе О различіи слоговъ М. Н. Муравьева; Краткое описаніе Камчатки командора Кон. Тимоф. Швалева, о древнихъ чинахъ въ Россіи кн. М. М. Щербатова, и статьи Миллера—о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ; о журналѣ Гордона; рожденіе, воспитаніе и первое водареніе Петра Великаго; нѣкоторое повѣреніе Вольтеровыхъ о Китаѣ примѣчаній, собранное въ краткую Братищеву бытность въ Пекинѣ (сообщенное гр. П. Бор. Шереметевымъ); Описаніе перваго изданія въ печать библіи, Штритера; и Разсмотрѣніе старопечатнаго апостола, изданнаго Скориною въ Вильнѣ, протоіерея П. Алексѣева. Изъ переводовъ помѣщена обширная статья, очевидно съ нѣмецкаго, Ан. Ан. Нартова, Повѣствованія человѣческаго разума, Опытъ о торговлѣ, Г. Гюма, и статья „О шуткѣ“ изъ Зрителя

(Spectator), переводъ кн. Дашковой и ея же извлечение изъ одного изъ англійскихъ моралистовъ, доказывающее, что „просвѣщенная любовь самого себя есть основаніе общественныхъ добродѣтелей“, (въ письмѣ къ другу); Вопросы человѣка ничего не знающаго, съ франц. И. И. Мелиссино; Защищеніе ученія, читанное въ засѣданіи франц. академіи 13 апрѣля 1761 г. пер. Плещеева; переводъ изъ Прозаическихъ записокъ Клейста М. Н. Муравьева; Разсматриваніе естества, пер. съ нѣм. М. В. Веревкина; Разговоръ Силлы съ Евкратомъ, переведенный изъ Монтеスキе кн. Ф. Н. Голицынымъ. Изъ переводовъ особенно замѣчательны, по сопровождающимъ ихъ примѣчаніямъ труды „Англомана“, въ лицѣ котораго Г. Добролюбовъ (ст. 2, прим. 3) видитъ совершенно неосновательно кн. Дашкову. Въ отвѣтъ на это письмо А. Барсова, прямо указано, что оно прислано „постороннимъ любителемъ“, тогда какъ всѣ статьи доставленныя членами были обозначаемы ихъ именемъ. Въ письмѣ Англомана приложенъ переводъ извѣстнаго монолога изъ Гамлета— „Быть или не быть“, съ замѣчаніемъ о недостаткѣ въ русскомъ языкѣ метафорическихъ выраженій, это первый и весьма недурный опытъ перевода стихами изъ Шекспира. Въ другомъ переводѣ письма къ канцлеру казначейства лорду Оксфорту, гдѣ указывается необходимость составленія особаго общества для установленія правилъ съ цѣлью исправленія англійскаго языка, Англоманъ,—признавая эту потребность еще болѣе настоятельною для русскаго языка, высказываетъ по этому поводу слѣдующее вѣрное и замѣчательное для того времени сужденіе. „Чтобы поправить нашъ языкъ, надлежитъ утвердить грамматическія правила, кои не утверждены, или отъ коихъ многіе удалились и исключить изъ него все то, что ему не свойственно, чтобы распространить оный, должно изобрѣсть многія слова или занять ихъ изъ чужестранныхъ языковъ, чтобы оный установить, должно имѣть лексиконы, опредѣляющіе смыслъ словъ, и другія сочиненія, гдѣ сила ихъ должна необходимо быть съ точностью означена. Весьма противны распространенію, а нѣкоторымъ образомъ и установленію нашего языка обычай, введенный съ нѣкотораго времени, откидывать всѣ чужестранныя слова, кои уже въ общемъ употребленіи и, если такъ осмѣлюсь сказать, натурализованы были, и изображать оныя руссійскими словами, которыхъ никто не разумѣетъ или по крайней мѣрѣ не столь ясное поня-

тіе съ ними сопрягаеть, какъ съ первыми.“ (42) Это показываетъ, что еще въ то время, задолго до Карамзина, возникъ споръ о развитіи русскаго языка и объ образованіи слога и даже борьба между приверженцами стараго слога и новаторами въ томъ же видѣ, какъ впоследствии между Шишковымъ и Карамзинымъ. Въ журналѣ помѣщено было нѣсколько стихотвореній, въ томъ числѣ съ подписью Хераскова (Ода о величествѣ Божіи), М. Н. Муравьева (Роща) и В. Майкова (Ода о безсмертіи души въ разсужденіи безконечныхъ нашихъ желаній). Въ 1787 году „Вольное собраніе“ закрылось и Мелиссино открылъ 2 іюля 1789 г. новое „Общество любителей учености“, съ болѣе широкою цѣлью, вообще „способствовать распространенію въ Россіи наукъ“, но оно не удалось и названо было Шуваловымъ при самомъ своемъ открытіи мертворожденнымъ.

Общества, основанныя при университетѣ во время попечительства Муравьева, имѣли въ виду чисто ученую цѣль; они удержались до сихъ поръ и приобрѣли болѣе или менѣе важное значеніе въ исторіи русской науки. Въ маѣ мѣсяцѣ 1804 года, Высочайше утверждено было „Общество исторіи и древностей російскихъ“, 26 сентября 1804 г., „Общество испытателей природы“, 2 января 1805 г., „Общество соровнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ“, на самомъ дѣлѣ начавшее свою дѣятельность ранѣе другихъ. Причина, по которой созданныя Муравьевымъ общества оказались прочнѣе прежнихъ, лежала въ духѣ времени. Въ первой четверти настоящаго вѣка значительно увеличилось не только число образованныхъ людей, но и спеціально предавшихся занятію литературой и отчасти наукой. Точно также, какъ прежде, образованные люди сходились между собою и бражничали въ масонскихъ ложахъ, такъ теперь сплывались между собою и держались вмѣстѣ литераторы и ученые, понимая, что взаимная поддержка для нихъ необходима, чтобы не затеряться въ не-культурной средѣ и что только такимъ способомъ единичные труды каждаго,—рискующіе безслѣдно пропасть—приобрѣтаютъ значеніе общественнаго явленія, болѣе или менѣе распространявшагося среди публики. Первая четверть XIX вѣка отмѣчена въ развитіи у насъ умственной жизни появленіемъ различныхъ обществъ и группъ между литераторами, официальныхъ и не официальныхъ, блестящихъ и многочисленныхъ или самыхъ скромныхъ и малоизвѣстныхъ.

Существованіе ихъ было кратковременно, но каждое изъ нихъ внесло свою лепту.

Наблюдая вообще ходъ общественнаго историческаго развитія, мы въ настоящее время болѣе нежели когда нибудь поняли, что движеніе сосредоточивается всего непосредственнѣе въ тѣхъ живыхъ кружкахъ, которые собираютъ вокругъ себя выдающіяся личности и которые,—часто не завѣщая послѣ себя никакихъ слѣдовъ, наглядно доступныхъ для позднѣйшаго потомства—тѣмъ не менѣе, для своего времени были самою плодотворною и движущею силою, центрами, гдѣ подготавливались и вырабатывались дѣтели извѣстной эпохи и гдѣ они пріобрѣтали направленіе, ея характеризующее. Поэтому изучая позднѣйшую эпоху нашего образованія—[съ той минуты когда оно слилось съ обще-европейскимъ, благо, что это совершилось такъ сказать на нашихъ глазахъ,—мы не можемъ ограничиваться однимъ разборомъ литературныхъ памятниковъ, какъ ни важно значеніе ихъ въ исторической жизни народа; намъ предстоитъ еще ближе познакомиться съ внутренней жизнью общества въ ближайшую къ намъ эпоху, по возможности воскресить дѣятельность кружковъ въ образованномъ меньшинствѣ,—выражались ли они въ видѣ организованныхъ обществъ, официально признанныхъ или тайныхъ, или въ видѣ учреждений съ спеціальною цѣлью образованія юношества, или наконецъ просто въ видѣ домашнихъ сходокъ людей, вступившихъ въ тѣсное, умственное общеніе между собой кружковъ, которые служили самыми живыми и дѣйствительными проводниками образованія въ томъ меньшинствѣ, которое было къ нему подготовлено, поставлено въ болѣе благоприятныя условія и представляло верхній культурный слой, въ то время еще стоявшій особнякомъ и имѣвшій мало сношеній съ народомъ, съ массою. Значеніе этихъ кружковъ очень мѣтко оцѣнилъ графъ Уваровъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“: „частыя, такъ сказать, домашнія общества, состоящія изъ людей, соединенныхъ между собою свободнымъ призваніемъ и личными талантами и наблюдающихъ за ходомъ литературы, имѣли не только у насъ, но и повсюду ощутительное, хотя нѣкоторымъ образомъ невидимое вліяніе на современниковъ; и въ этомъ отношеніи академіи и другія официальные учреждения того же рода далеко не имѣютъ подобной

силы, такъ какъ они не даютъ знаменитымъ писателямъ, а скорѣе заимствуютъ отъ нихъ жизнь и направленіе.“

Въ нашемъ трудѣ, мы съ особеннымъ вниманіемъ постараемся останавливаться на этой общественно-литературной сторонѣ дѣятельности упоминаемыхъ нами лицъ, на тѣхъ кружкахъ, которые собирали они возлѣ себя въ современномъ обществѣ. Объ этомъ стремленіи литераторовъ того времени сплотиться между собою—есть указанія современниковъ. В. М. Федоровъ (авторъ многихъ театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ въ свое время), говорилъ Жихареву: „литераторы и даже простые любители литературы, какъ масоны, узнаютъ другъ друга по какой-то особенности, которая ихъ характеризуетъ. Ничто не сводитъ такъ скоро и такъ коротко людей, какъ поклоненіе музамъ. Я не могу разъяснить, отъ чего сіе происходитъ: отъ однихъ ли и тѣхъ же вкусовъ и наклонностей и одинаковаго воззрѣнія на предметы; но есть, что-то таинственное, что влечетъ одного литератора къ другому; разумѣется бываютъ исключенія, но они рѣдки. (Днев. чиновн. „Отеч. Зап.“, 1875 г., кн. IV стр. 400). Мицкевичъ, посѣтившій Москву и Петербургъ въ двадцатыхъ годахъ, въ статьѣ своей „Біографическое и литературное извѣстіе о Пушкинѣ“, помѣщенной въ журналъ „Le Globe“, 25 мая 1837 г., за подписью „Другъ Пушкина“ выражается такъ: „Писатели въ Россіи образуютъ родъ братства, соединеннаго многими связями. Они почти всѣ или люди зажиточные, или чиновники правительства: пишутъ они большею частью для того, чтобы пріобрѣсти славу или общественное значеніе. Талантъ у нихъ не сдѣлался еще товаромъ, а потому рѣдко встрѣчается между ними ремесленное совѣстничество и жажда интересовъ. По крайней мѣрѣ я не видалъ тому примѣра. Такимъ образомъ литераторы любили собираться между собою, видались почти ежедневно, и весело проводили время среди общихъ чтеній, дружескихъ бесѣдъ и споровъ“ (соч. VII, 312). Мерзляковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Ф. Ф. Ивановѣ между прочимъ пишетъ: „Въ началѣ царствованія императора Александра I, въ Петербургѣ и Москвѣ существовали общества, не думавшія ни объ извѣстности своей, ни о выгодахъ, но жившія единственно удовольствіями, внутри самихъ себя заключенными, однимъ словомъ наслажденіями ученія; говорю о собраніяхъ дружескихъ потому особенно, что я самъ во многихъ изъ нихъ участвовалъ и сіе время жизни моей почитаю и

всегда почитать буду самымъ счастливейшимъ, золотымъ, невозвратимымъ временемъ моей жизни. Тогдашнія дружескія бесѣды наши и потому для насъ были памятны, что онѣ безъ всякаго сомнѣнія были предтечами, хотя не прямо, и сего открытаго Общества (любителей россійской словесности). Въ самомъ дѣлѣ тогда быть членомъ литературнаго общества сдѣлалось для каждаго изъ насъ необходимою душевною потребностью, которая, преобразившись въ постоянную склонность имѣла великое вліяніе на всѣ происшествія нашей жизни; она составила наши связи или пріятныя, или полезныя, но на всегда неразрывныя, опредѣлила кругъ нашей дѣятельности, открыла важныя мѣста и ходъ людямъ достойнымъ; а для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, наполнила праздное или печальное поприще житія—множествомъ утѣшительныхъ и интересныхъ воспоминаній“. (Тр. Общ. люб. рос. слов., ч. VI, 102 и слѣд.).

Жихаревъ, въ своемъ дневникѣ, подробно рассказываетъ такіа частныя собранія, происходившія въ началѣ 1807 г., (подъ 24 января) въ Петербургѣ. Литературные вечера назначены по субботамъ, у Державина, Шишкова, Захарова и Хвостова, они начнутся съ субботы 2 февраля у Шишкова, которому принадлежитъ честь первой о нихъ мысли. Вѣроятно послѣ кто-нибудь изъ извѣстныхъ особъ захочетъ также войти въ очередь съ нашими меценатами, но покаместъ ихъ только четверо. Всѣ литераторы, безъ изъятія, представленные хозяину дома кѣмъ-либо изъ его знакомыхъ, имѣютъ право на нихъ присутствовать и читать свои сочиненія; молодые люди, болѣе или менѣе оказавшіе успѣхъ въ словесности или подающіе о себѣ надежды, будутъ даже приглашаемы, потому что учрежденіе этихъ вечеровъ имѣетъ главнымъ предметомъ приведеніе въ извѣстность ихъ произведеній (Дневн. чиновн. „Отеч. Записки“ 1855 г., кн. 5, стр. 185). Жихаревъ рассказываетъ одинъ изъ такихъ вечеровъ у Державина (23 марта 1807 г.), гдѣ присутствовали министръ просвѣщенія Завадовскій и президентъ академіи Оленинъ. Прочтено было Шишковымъ только одно стихотвореніе А. П. Буниной, на смерть ея пріятельницы, не заслужившее похвалы автора дневника; но въ замѣну плохихъ стиховъ, авторъ наслушался умныхъ рѣчей. При этомъ онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „рѣшительно не понимаю отъ чего во всѣхъ здѣшнихъ литераторахъ замѣтно какое-то обидное равнодушіе ко всѣмъ московскимъ поэтамъ, хотя бы заслуженнымъ, въ Мерзлякову, Жуковскому, Пушкину и другимъ.

И. С. Захаровъ, толкующій безпрестанно о грамматикѣ, говорить о нихъ, какъ объ ученикахъ и нивакъ не хочетъ согласиться, чтобы они имѣли дарованіе, а между тѣмъ покровительствуетъ такимъ писателямъ, которыхъ Мерзляковъ не пустилъ бы даже на свои лекціи. Изъ москвичей одинъ Ив. Ив. Дмитріевъ здѣсь въ почетѣ, да и то развѣ по тому, что онъ сенаторъ и кавалеръ, а Карамзинымъ восхищается одинъ только Державинъ, и стоитъ за него горой, прочіе же про него или молчатъ или говорятъ, что онъ пишетъ изрядно только прозою. Но что больше удивляетъ меня, что почти всѣ эти господа здѣшніе литераторы ничего не читали изъ сочиненій Мерзлякова и Жуковского“ (Ibid. кн. 5, стр. 384—388).

Такимъ образомъ взаимное соревнованіе, далеко не дружелюбное, еще въ то время зародилось между московскими и петербургскими литераторами и продолжалось долго, даже едва ли окончилось и въ настоящее время, благодаря разницѣ общественной атмосферы въ обѣихъ столицахъ.

На слѣдующемъ вечерѣ, у Захарова (30 марта) читались сатира кн. Шаховскаго, стихи Марина „Къ Капнисту“ и Буниной „Видѣніе“. Сатира Шаховскаго, только что начинавшаго тогда свое поприще, все таки была талантливѣе и живѣе всего остальнаго стихотворнаго бреда, которымъ угощали себя взаимно собесѣдники этихъ литературныхъ вечеровъ въ родѣ, наприм., стихотворенія „Къ трубочкѣ“, „Къ пѣночкѣ“. На послѣднемъ вечерѣ 1807 года, у Хвостова, читали: Шишковъ одну изъ своихъ дѣтскихъ повѣстей, кн. Шихматовъ въ подражаніе VIII сатирѣ Буало, Крыловъ басню „Медвѣдь и пустынный“, Жихаревъ „Осень“. На этихъ вечерахъ зародилась знаменитая „Русская Бесѣда“, открытая Шишковымъ 14 марта 1811 года рѣчью о красотахъ русскаго языка. (43)

Крупнымъ событіемъ въ московской жизни того времени было утвержденіе въ іюнѣ 1811 г. устава Общества любителей русской словесности, при попечителѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ.

Первыми членами общества поступили Прокоповичъ Антонскій, профессоръ Страховъ, Сандуновъ, Мерзляковъ, Каченовскій, Цвѣтаевъ, Двигубскій, Гавриловъ, Побѣдоносцевъ, Болдыревъ, посторонніе любители Бекетовъ, Г. С. Гр. Салтыковъ (бывшій попечитель казанскаго округа), Кокочкинъ, Вельяшевъ-Волинцевъ, Дружинъ,

В. Л. Пушкинъ, Р. Ф. Тимковскій, Ф. Ф. Ивановъ, Перовскій, В. Я. Смирновъ и Бордовскій. До 1812 г. въ число членовъ приняты были: А. Ф. Воейковъ, Плавильщиковъ, С. Н. Глинка, Филимоновъ, Шатровъ и Чумаковъ; въ сотрудники—семь молодыхъ людей, въ томъ числѣ братья Калайдовичи и Саларевъ.

С. Т. Аксаковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Это общество имѣло значеніе и вліяніе. Московская публика приняла живое участіе въ его засѣданіяхъ и начала очень охотно посѣщать ихъ, потому что они получили менѣе сухой, ученый характеръ, а болѣе чисто-литературный, болѣе понятный, доступный людямъ свѣтскимъ, и особенно пріятный любителямъ изящной словесности. Собранія становились многочисленны и блистательны: образованныя женщины лучшаго круга оживляли ихъ своимъ присутствіемъ. Года съ 1816 по 1826 включительно, можно назвать самымъ цвѣтущимъ періодомъ Московскаго Общества любителей російской словесности, которое съ 1834 года, безъ всякой видимой причины, перестало собираться. А. А. Провоповичъ-Антонскій былъ постояннымъ предѣдателемъ общества, въ его блистательное время. Едва ли не ему одному обязано оно своимъ процвѣтаніемъ; Мерзляковъ и Каченовскій были главными его помощниками. (Разн. Соч., стр. 79). Погодинъ, въ воспоминаніяхъ своихъ объ Одоевскомъ рассказываетъ о засѣданіяхъ этого общества: „они по духу времени отличались особенною торжественностью. Начиналось чтеніе священнымъ псалмомъ Шатрова, который прочитывалъ съ трагическимъ налѣвомъ Кокошкинъ. За нимъ слѣдовало разсужденіе Мерзлякова съ громами противъ увлеченій романтизма, хотя сюда же Жуковскій присылалъ сказку о Красномъ Карбункулѣ и Овсяный Кисель. Засѣданіе оканчивалось баснею В. Л. Пушкина „Малиновка“ или ей подобной, произносимой восторженно. И все это выслушивалось въ благоговѣйной тишинѣ, принималось къ сердцу, вызвало жаркія похвалы. Засѣданія происходили въ домѣ Университетскаго Пансіона и старшимъ воспитанникамъ предѣдатель поручилъ приемъ посѣтителей. Всякое чтеніе въ обществѣ дѣлалось предметомъ живыхъ споровъ и сужденій студентовъ и воспитанниковъ внѣ собранія. Русскій языкъ былъ главнымъ и любимымъ предметомъ въ пансіонѣ и русская литература была главною сокровищницею, откуда молодые люди почерпали свои познанія, образовывались. И въ этой школѣ образовался

слогъ, развился вкусъ Одоевскаго, равно какъ и его товарищей старшихъ и младшихъ (стр. 46 и 47). Въ обществѣ попеременно, являлись и читали свои произведенія всѣ тогдашнія поэты и литераторы (42), здѣсь же „декламировали“ научные произведенія любимыхъ писателей извѣстные тогда чтецы, въ родѣ С. Т. Аксакова, Страхова, Яковлева, превосходно читавшаго гексаметры Гнѣдича и Жуковскаго,—В. Л. Пушкина. Общество издало въ теченіи 12 лѣтъ 20 частей трудовъ своихъ, 6 частей сочиненій въ стихахъ и прозѣ, 4 части рѣчей Проф. Московскаго Университета съ ихъ жизнеописаніями и пр. Въ трудахъ его помѣщались, кромѣ произведеній изящной словесности, критики Мерзлякова, и преимущественно статьи по языкознанію. Въ трудахъ этого общества положили у насъ начало изученію славянской и русской филологіи Востоковъ и Калайдовичъ, печатали ученые статьи Болдыревъ, Давыдовъ, Гавриловъ и др. Ближайшею причиною, положившею конецъ блестящей эпохѣ не одного Общества люб. рос. слов., было слѣдующее обстоятельство. Въ сентябрѣ 1826 г. Императоръ Николай I посѣтилъ университетскій пансіонъ и изъявилъ свое неудовольствіе по поводу нѣкоторыхъ упущеній, замѣченныхъ имъ въ этомъ заведеніи. Вслѣдствіе этого Прокоповичъ Антонскій, бывшій директоромъ съ 1791 г., при нѣкоторомъ содѣйствіи попечителя Писарева, не благоволившаго къ Антонскому,—оставилъ должности директора пансіона и ректора университета, и въ то же время отказался отъ званія предсѣдателя Общества люб. рос. слов. Секретарь Общества и инспекторъ пансіона, И. И. Давыдовъ тогда же былъ уволенъ отъ должности инспектора и сложилъ съ себя званіе секретаря общества. Преемники названныхъ двухъ лицъ, предсѣдатель Ф. Ф. Кокоскинъ и секретарь М. Н. Загоскинъ не сумѣли поддержать дѣятельность и значеніе Общества и оно постепенно замирало, все менѣе и менѣе давая о себѣ знать, пока съ 1834 года не перешло въ разрядъ числящихся только на бумагѣ. При предсѣдателѣ Кокоскинѣ и во все послѣдующее время, до возобновленія засѣданій общества въ 1856 году, вышла одна часть „Трудовъ Общества“ заключающая въ себѣ седьмой и послѣдній томъ „сочиненій въ прозѣ и стихахъ“ (М. 1828).

Литературныя общества ⁽⁴⁴⁾ нашли отголосокъ и въ провинціи: такъ они возникли въ Казани, Харьковѣ и др. городахъ. Объ Ярославскомъ обществѣ, котораго членомъ будто бы былъ Мерзля-

ковъ—не существуетъ никакихъ данныхъ, едва ли оно не миеъ. Нѣсколько подробнѣе разслѣдована исторія Казанскаго общества любителей русской словесности. Казанское общество возникло вскорѣ послѣ открытія тамъ университета (въ февралѣ 1805 г.); составилось домашнее общество, изъ пяти членовъ, собиравшихся разъ въ недѣлю, а основателями и первыми членами были, по словамъ С. Т. Аксакова, Ибрагимовъ, студенты В. Перевощиковъ, Д. Перевощиковъ, Кондыревъ (секретарь), И. Панаевъ, А. Панаевъ, Аксаковъ и гимназическій учитель Богдановъ. Въ спискѣ членовъ по времени вступленія ихъ въ общество (Труд. Каз. Общ. люб. отеч. слов. стр. 51) поименованы только Ибрагимовъ, В. Перевощиковъ, Кондыревъ, Богдановъ и *А. Васильевъ*. Общество это тотчасъ послѣ основанія, постепенно угасало, число членовъ и сроки засѣданій сокращались, но тѣмъ не менѣе оно успѣло рассмотреть до 80 сочиненій. Въ 1809 г. попечитель Румовскій задумалъ основать періодическое изданіе при университетѣ; это нѣсколько оживило общество, которое въ свою очередь, вознамѣрилось издавать свои труды. Прежде всего общество, составленное изъ лицъ принадлежавшихъ къ учебному вѣдомству, рѣшено было поднять и оживить приливомъ постороннихъ силъ; съ этою цѣлью допущены были членами инспекторъ Казанской семинаріи, архимандритъ Израиль и архимандритъ Епифаній, потомъ Епископъ Воронежскій. Уставъ общества отправленъ былъ для утвержденія въ Петербургъ, а въ 1811 г. представлена была Румовскому первая часть трудовъ, подъ редакцію В. Перевощикова и Ибрагимова. Число членовъ значительно увеличилось, въ числѣ другихъ *иногородныхъ*, значатся А. Анастасевичъ, Политковскій, Арцыбашевъ. Но утвержденіе устава и изданіе трудовъ замедлилось; а послѣдовавшая вскорѣ борьба съ Наполеономъ, смерть Румовскаго и перемѣны въ университетскомъ устройствѣ сдѣлали то, что занятія общества въ 1812 году почти прекратились. Общество возобновлено было въ 1814 г., а единственная книжка его трудовъ вышла въ 1817 г. (Общество люб. рос. слов., Н. Попова, Р. В. 1869. Кн. № 17, стр. 52—98).

Публичные курсы открыты были въ Университетѣ въ 1803^{3/4} году съ сентября по 1 мая; читали Политковскій натуральную исторію, Шлецеръ, по нѣмецки, курсъ исторіи Европейскихъ государствъ отъ разрушенія западной римской имперіи до XVI вѣка; Геймъ систематическое обозрѣніе торговли съ приобщеніемъ под-

робныхъ свѣдѣній о монетахъ; Страховъ опытную физику. Особеннымъ успѣхомъ пользовались лекціи послѣдняго. Въ 180^{1/2} году Фишеръ читалъ на французскомъ языкѣ натуральную исторію; Сохацкій эстетику съ разборомъ произведеній древнихъ и новыхъ, иностранныхъ и отечественныхъ писателей; Шлецеръ по нѣмецки исторію Англійскаго народа; Рейсъ по французски химическую философію; Рейнгардъ по французски исторію философіи; Иде на нѣмецкомъ главные основанія гражданской ариметики; Геймъ начала коммерческой науки и описаніе разныхъ товаровъ; Страховъ опытную физику. Объ этихъ чтеніяхъ сохранилъ воспоминаніе Карамзинъ: „счастливое избраніе предметовъ для сихъ публичныхъ лекцій, говоритъ онъ, доказывается числомъ слушателей, которые въ назначенные дни собираются въ университетской залѣ. Любитель просвѣщенія съ удовольствіемъ видитъ тамъ знатныхъ московскихъ дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ законоспасской академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на профессорскую кафедру. Вообще должно отдать справедливость ревности и талантамъ гг. московскихъ профессоровъ, которые, не имѣвъ до сего случая преподавать науки публично, столь успѣшно начали и продолжаютъ свои лекціи“. Жихаревъ, въ дневникѣ студента, говоритъ объ этихъ лекціяхъ: „физическія лекціи П. И. Страхова часъ отъ часу болѣе привлекаютъ публику. Онѣ чрезвычайно занимательны по своимъ экспериментамъ. Страховъ говоритъ просто, ясно и увлекательно. Прекрасно также говоритъ и Сохацкій: онъ основательно изучилъ свой предметъ и предлагаетъ его убѣдительно“.

Либеральное направленіе въ правительствѣ, зародившееся умственное броженіе въ обществѣ и приливъ новыхъ силъ въ Московскомъ университетѣ не могли не оказать вліянія на московскую журналистику, получившую вслѣдствіе того новое направленіе.

Но само собою разумѣется, что рядомъ съ этимъ новымъ направленіемъ продолжается переживаніе прежней Новиковско-Шварцевской журналистики и притомъ тѣсно связанной съ университетомъ.

Самое распространенное переживаніе Новиковско-Шварцевской журналистики мы уже разсмотрѣли: это было изданіе Подшивалова

и Сохацкаго, законченныя Побѣдоносцевымъ. Мы уже видѣли, что „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія“ (1791—1793 г.) само себя считало и называло непосредственнымъ продолженіемъ послѣдняго Новиковскаго журнала — „Покоющагося Трудолюбца“ (1784—1785 г.). Впрочемъ, указанные журналы выражали собою только *одну* сторону Новиковско-Шварцовской дѣятельности, а именно *переводную*: журналы Сохацкаго первые начали знакомить читающую публику съ текущими явленіями западной литературы и журналистики и въ этомъ смыслѣ отличались относительной полнотою и разнообразіемъ переводнаго матеріала. Такимъ образомъ главная сторона Новиковско-Шварцовской дѣятельности въ исходѣ XVIII столѣтія, по случаю гоненія на мартинистовъ, не были представлены и нашли свой отголосокъ уже впоследствии, въ началѣ царствованія императора Александра, когда это преслѣдованіе прекратилось. Представителемъ религіозно-мистическаго направленія былъ журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“, издававшійся Лабзинымъ; представителемъ педагогическаго или воспитательнаго направленія, въ смыслѣ продолженія издававшагося Новиковымъ „Дѣтскаго Чтенія“ былъ журналъ „Другъ Юношества“, издававшійся Невзоровымъ.

Оба эти журнала *по времени* составляютъ позднѣйшее явленіе и въ хронологическомъ отношеніи имъ предшествовало новое направленіе, внесенное въ московскую журналистику Карамзинымъ; но какъ *по духу своему* оба изданія состоятъ въ самой тѣсной связи съ литературною дѣятельностью Новикова и Шварца, то мы прежде всего займемся краткимъ обзоромъ ихъ содержанія и направленія.

Важнѣйшею заслугою Новиковскаго кружка было то, что онъ былъ проникнутъ филантропіей въ высшемъ значеніи этого слова,— въ смыслѣ безкорыстнаго и постояннаго служенія обществу и своимъ трудомъ, и своимъ достояніемъ. Отсюда—стремленіе къ пропагандѣ и словомъ, и дѣломъ,—путемъ печати,—того воззрѣнія на задачи человѣческой жизни, которыя признавали за истинныя члены этого кружка; отсюда—наклонность къ благотворительности и помощи ближнему, которая заставляла ихъ жертвовать своимъ достояніемъ, даже при скудной, личной обстановкѣ. Люди Новиковскаго кружка искренне сочувствовали наукѣ и образованію и усердно старались о ихъ распространеніи; но въ то же время они

относились къ нимъ враждебно, — они видѣли въ нихъ источникъ современныхъ золъ и искали чего-то другаго, нравственно успокоительнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстнаго, высшаго, таинственнаго, недоступнаго для той современной науки, съ которою они познакомились. Чтобъ объяснить это противорѣчіе надо припомнить, что люди Новиковскаго кружка были дѣти революціонной, переходной эпохи. Цивилизація, долго задерживаемая всякаго рода внѣшними препятствіями и тормозами, наконецъ опрокинула ихъ и пробилась; но въ этой борьбѣ она разрушила и всѣ традиціонныя устои общественнаго строя, не пощадивши и тѣхъ, на которыхъ держалось нравственное успокоеніе общества. Разгулъ необузданныхъ страстей и столкновение всевозможныхъ крайностей заставили людей съ сохранившимся нравственнымъ чувствомъ искать успокоенія и примиренія въ религіи, которая была самымъ важнымъ и главнѣйшимъ нравственнымъ устоемъ для массы въ дореволюціонную эпоху. Мы уже видѣли, что у насъ, куда результаты европейскаго движенія доходили только изъ вторыхъ рукъ, и притомъ въ недостаточномъ и большею частью превратномъ смыслѣ, это нравственное распаденіе въ образованномъ меньшинствѣ вызвало реакцію Новиковскаго кружка. Реакція эта выразилась на почвѣ религіозной, и притомъ съ мистическимъ оттѣнкомъ. Мистическое направленіе вообще являлось, главнымъ образомъ, какъ протестъ противъ чисто-внѣшняго, мертваго пониманія религіозной доктрины; въ западной христіанской Европѣ — какъ противодѣйствіе схоластической религіозной догматикѣ, преграждавшей путь всякому проявленію мысли, какъ возвратъ къ внутреннему пониманію христіанскаго ученія, обращеннаго въ пустой и голый кодексъ извѣстныхъ катехизическихъ положеній и церковныхъ обрядовъ, кодексъ, подчинившій церковь правительственной власти и державшійся суровою строгостью духовно-полицейской дисциплины. То же самое было и у насъ. Лабзинъ говорилъ: „*Одно внѣшнее поклоненіе, обряды, безъ духа суть мертвыя буквы, понеже одинъ духъ животворить; но и духъ не иначе являетъ себя и сообщительнымъ дѣлается сотвореннымъ и ограниченнымъ существамъ, какъ облекаясь нѣкоторою формою, ему приличествующею, какою онъ избрать благоволитъ.... Религія, обращенная въ средство политическое, не есть уже религія чистая, прочная, но уничтоженная, превращенная, смѣшанная*“.

(1, 53). Еще яснѣе и рѣшительнѣе выражается о томъ же предметѣ Сперанскій въ письмѣ своемъ къ извѣстному Теофилакту: „Я называю внѣшнимъ путемъ сію нравственную религію, въ которую относили мірскіе богословы ученіе божественное; я называю внѣшнимъ путемъ сіе обезображенное христіанство, покрытое всѣми цвѣтами чувственнаго міра, соглашенное съ политикою человѣческихъ обществъ, ласкающее плоти и страстямъ, или по крайней мѣрѣ ихъ не умерщвляющее,—христіанство слабое, уклончивое, самоугодливое, которое отъ языческаго нравственнаго ученія различно только словами, которое мѣста трудныя въ Священномъ Писаніи изъясняетъ тропами и фигурами и истинный ихъ разумъ насилуетъ тщетнымъ разумомъ суетумудрія. Въ семъ христіанствѣ самые обряды потеряли ихъ истинный смыслъ и превратились въ мертвую букву“.

Возстановить внутренній духъ христіанскаго ученія въ смыслѣ отреченія отъ земныхъ благъ и самопогруженія въ чувствѣ любви къ Іисусу Христу и къ окружающимъ сдѣлалось задачей мистики. Мистика принимала всецѣло за основаніе христіанскія таинства грѣхопаденія, искупленія, соединенія со Христомъ и загробнаго воздаянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ основной и общій догматъ мистицизма заключался въ признаніи состоянія духовнаго созерцанія или искусственнаго экстаза, названнаго въ западной мистикѣ квіетизмомъ, причемъ душа или умъ человѣка, отрѣшаясь отъ всего земнаго, входилъ въ непосредственное общеніе съ Божествомъ. Состояніе это получило у мистиковъ разное названіе, но всѣ они сводятся къ названію *возрожденія*. Путь къ этому возрожденію мистики объясняли каждый по своему, раздѣляя его на извѣстное число степеней; но степени эти, различаясь между собою аллегорическимъ примѣненіемъ того или другаго факта или текста евангельскаго ученія, не заключаютъ въ себѣ никакого опредѣленнаго или яснаго понятія. Говоря вообще, средствомъ къ достиженію состоянія возрожденія мистики признаютъ два акта: вопервыхъ, совершенное отреченіе отъ всего земнаго, отъ плоти и ветхаго Адама, отъ состоянія грѣхопаденія, и, вовторыхъ, умную молитву. Первый актъ происходитъ, когда душа всѣ свои силы и способности и ихъ отправленія изъ внѣшней разсѣянности призываетъ домой, въ глубочайшую свою основу, для внутренняго дѣйствованія (возвращеніе); а затѣмъ душа забываетъ, утрачиваетъ себя, отказывается отъ своей индиви-

дуальности (отреченіе вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ). Умная молитва есть бесѣда съ Божествомъ безъ словъ, не сопровождаемая ни желаніями, ни прошеніями, ни надеждами. Исполненіе этихъ двухъ актовъ и означаетъ воссоединеніе человѣка съ Богомъ, или обожествленіе человѣка, какъ высочайшее дѣйствіе благодати. Въ состояніи этого экстаза человѣкъ получаетъ даръ проникать во всѣ тайны, невѣдомыя разуму человѣческому; въ нравственномъ отношеніи онъ перерождается и получаетъ способность дѣйствовать не иначе, какъ по указанію Божества, то-есть съ соблюденіемъ условій высочайшей правды и блага, присущихъ Божеству. Эти положенія доводили мистиковъ до самыхъ послѣднихъ крайностей. Понятіе объ умственномъ совершенствѣ возрожденнаго приводитъ къ вѣрѣ въ сообщающуюся ему магическую силу, выражающуюся въ видѣніяхъ, откровеніяхъ, предсказаніяхъ, исцѣленіяхъ и чудесахъ. Понятіе о нравственномъ перерожденіи возрожденнаго привело къ признанію въ квіетизмѣ Молиноса полной невмѣняемости человѣка, такъ какъ для совершеннаго, обожествленнаго человѣка всякое внѣшнее дѣйствіе и стремленіе безразличны и самый грѣхъ не есть уже грѣхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мистика, въ особенности у насъ, смѣшалась съ теософіею, т.-е. попыткою основать науку о природѣ не на указаніяхъ и заключеніяхъ разума, выведенныхъ изъ опыта, а на измышленіяхъ и мечтаніяхъ религіознаго экстаза, принимаемаго за откровеніе, оправдываемыхъ текстами Священнаго Писанія, подобранными съ предвзятою цѣлью и часто произвольно истолкованными. Въ этихъ толкованіяхъ мистики не стѣснялись. Лабзинъ, въ статьѣ „О чтеніи книгъ Священнаго Писанія“ говоритъ: „Просто разумный человѣкъ держится только внѣшняго смысла словъ, а человѣкъ духовный находитъ въ словахъ писанія духовный, божественный смыслъ, въ глубины Божіи проникающій“ (V. 290). Къ мистивѣ примѣшивались въ кружкѣ Новикова алхимія, астрологія, кабалистика и другія тайныя науки.

Эта путаница построенныхъ въ воображеніи понятій о религіи и природѣ, безъ сомнѣнія, не могла оставить прочнаго слѣда въ литературѣ, и едва ли кто-нибудь въ настоящее время заглянетъ въ журналы и книги съ этимъ направленіемъ. Но нельзя отрицать извѣстнаго вліянія мистической литературы на современное общество; нельзя поэтому не признать за этимъ направленіемъ извѣстнаго культурнаго значенія. Прежде всего мистицизмъ будилъ

у насъ мысль въ неподвижной и мертвой области схоластической догматики. Время Новикова и послѣдующее за нимъ было блестящею у насъ эпохою духовной литературы; самый крупный ея представитель, митрополитъ Филаретъ, въ первоначальныхъ своихъ сочиненіяхъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ мистицизма. Вообще православное богословіе въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно въ двадцатыхъ годахъ, допускало нѣкоторое участіе разума въ своихъ объясненіяхъ; только съ сороковыхъ годовъ разумъ совершенно изгнанъ изъ его области и единственнымъ его источникомъ остались Священное Писаніе и Священное Преданіе. Затѣмъ помимо своихъ религіозныхъ увлеченій, мистицизмъ ни въ какомъ случаѣ не довольствовался кодексомъ катехизическихъ правилъ и церковныхъ обрядовъ и требовалъ прежде всего непосредственнаго примѣненія христіанской нравственности въ личной, практической жизни: это называлось у мистиковъ „дѣятельнымъ христіанствомъ“, въ противоположность исповѣдному или догматическому. Кружокъ Новикова старался о распространеніи его въ обществѣ. Такъ, была напечатана книга „Начальныя основанія дѣятельнаго христіанства, по отвѣтамъ и вопросамъ расположенныя“ (2 изданіе Новикова, въ Москвѣ, 1785 и 1786 гг., въ С.-Пб. 1805), гдѣ излагается краткое начертаніе тѣхъ путей и степеней, по которымъ Господь приводитъ падшія души въ духовному возрожденію. Книга эта издана была какъ учебное руководство для юношества; но авторъ замѣчаетъ, что книга его полезна не для однихъ дѣтей, но и вообще для юныхъ,—только не тѣломъ, а духомъ и умомъ. Въ эту эпоху нравственной разнузданности, немаловажною услугою было собрать около себя кружки людей, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, озабоченныхъ поднятіемъ нравственнаго уровня въ обществѣ; а это было главною заботой и вмѣстѣ съ тѣмъ заслугой самого Новикова и всѣхъ его сотрудниковъ. Наконецъ, Новиковскій кружокъ былъ проводникомъ религіозной терпимости въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Лабзинъ въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ возстаетъ противъ раздѣленія и взаимныхъ обвиненій различныхъ христіанскихъ исповѣданій; въ его глазахъ человѣчество, какъ во времена апостольскія, можетъ дѣлиться только на вѣрующихъ и невѣрующихъ. Въ статьѣ „О раздѣленіяхъ между христіанами“, написанной въ подражаніе Штиллину, Лабзинъ говоритъ: „Всавій напередъ спроси у совѣсти своей: *правотѣрный* ли онъ самъ, и

потомъ ополчайся на другихъ заблуждающихся (VI, 12). Во времена апостольскія старались только о томъ, чтобы проповѣдать Христа и приводить людей къ общенію съ Богомъ, чрезъ вѣру и самоотверженіе, а не заботились о томъ, что не всѣ въ равной степени имѣли познаніе тайнъ божественныхъ, и что иногда не понимали другъ друга или противорѣчили въ словахъ одинъ другому (31). Напрасно мечтать мы будемъ, что мы то обрѣли истинную вѣру; напрасно будемъ поставлять наше православіе такимъ необходимымъ кормиломъ, что и Господь не властенъ никого спасти, кто не будетъ подъ нашимъ правленіемъ. Перестанемъ нападать другъ на друга за мнѣнія, оставимъ единое на потребу (36). Предразсудки просвѣщенія и *мнимаго православія* крѣпче держать въ узахъ дьявольскихъ, нежели плотскія удовольствія“ (18). Доказательствомъ этой терпимости служить слѣдующій фактъ, сообщенный въ „Сіонскій Вѣстникъ“ И. В. Лопухинымъ. Сенаторы И. В. Лопухинъ и Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, посланные для обревизованія Слободско-Украинской губерніи, нашли, что тамошнія начальства забрали духоборцевъ цѣлыми семействами подъ стражу и начали судить, вслѣдствіе того, что между духоборцами, только-что выпущенными изъ тюремъ и возвратившимися въ свои разоренныя селенія, начался ропотъ противъ увѣщаній со стороны начальства— „безвременныхъ, неискусныхъ, наряднымъ образомъ и съ нѣкоторымъ насиліемъ“. Сенаторы распорядились освободить духоборцевъ и уничтожить всякое надъ ними слѣдствіе. Высочайшій рескриптъ отъ 27 ноября 1801 г. одобрилъ распоряженіе сенаторовъ и поставилъ ихъ въ примѣръ и руководство другимъ начальствамъ; а духоборцевъ повелѣно водворить, съ оказаніемъ имъ, буде нужно, пособія отъ казны. Лопухинъ по этому случаю замѣчаетъ: „Заблужденіе должно исправляться просвѣщеніемъ, а не жестокостью, хотя бы то и не въ сотняхъ семействъ. Убѣжденія нужны: жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола (VI, 383).“ Лабзинъ, въ статьѣ „о терпимости“, въ видѣ объясненія на статью о семь Лопухина, разсуждаетъ точно въ такомъ же духѣ (388—413). Ту же терпимость Лабзинъ примѣняетъ и къ литературѣ. Единственнымъ средствомъ противодѣйствія вреднымъ или опаснымъ книгамъ, преслѣдующимъ развратъ или невѣріе, онъ считалъ распространеніе книгъ поучитель-

ныхъ и нравоучительныхъ, по пословицѣ: влинь влиномъ выбивай. Запрещенія первыхъ Лабзинъ не допускаетъ: „свобода воли человѣческой, которую и Богъ не утѣсняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше, не станемъ сердиться, если кто осудитъ наше (VII, 219)“.

Оба издателя, Ал. Ф. Лабзинъ (1766—1825 г.) и Макс. Ив. Невзоровъ (1762 — 1827 г.), были самыми яркими и типичными представителями Новиковскаго кружка.

Лабзинъ поступилъ въ 1780 г. въ Московскій университетъ изъ учениковъ состоявшей при немъ гимназій и былъ однимъ изъ слушателей Шварца, который произвелъ на Лабзина рѣшительное вліяніе, отражавшееся, какъ самъ онъ говорилъ, въ теченіе всей его жизни. Въ 1784 г. Лабзинъ, окончивши курсъ, поступилъ переводчикомъ при Московскомъ губернскомъ правленіи, въ 1787 г. при конференціи Московскаго университета, въ 1789 г. переведенъ въ секретную экспедицію Московскаго почтамта, въ 1799 г. онъ назначенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и конференцъ-секретаремъ академіи художествъ, въ 1804 году служилъ въ Морскомъ министерствѣ и, наконецъ, назначенный въ 1818 г. вице-президентомъ академіи, получилъ въ 1824 году отставку и долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ Симбирскъ, вслѣдствіе рѣзкаго отзыва въ засѣданіи академіи о министрѣ Гурьевѣ, по поводу предложенія его въ почетные члены академіи. Лабзинъ былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и образованныхъ людей своего времени: онъ прекрасно зналъ древніе языки и многіе изъ новыхъ. На литературное поприще Лабзинъ выступилъ въ самый разгаръ Новиковской переводной эпохи. Онъ поименованъ въ числѣ редакторовъ-издателей одного изъ Новиковскихъ журналовъ— „Вечерняя Заря“ (1782 г.) и помѣщалъ свои стихотворенія въ „Собесѣдникѣ любителей русскаго слова“ (1784 г.), въ журналѣ „Утренніе Часы“, издававшемся въ 1788—1789 г. бригадиромъ Ив. Гер. Рахманиновымъ, извѣстнымъ поклонникомъ Вольтера, въ сотрудничествѣ съ Подшиваловымъ и Лабзинымъ (?), подписывавшимся Чистосердѣ Дружелюбовъ; въ журналахъ издававшихся Подшиваловымъ и Сохацкимъ „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія“ (1793 г.) и „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1794—1798 г.), гдѣ Лабзинъ помѣстилъ большую часть своихъ стихотвореній; въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1802 г. и наконецъ въ „Сынѣ отечества“

за 1814 г. (№ 3 „Послѣдняя ночь“ 1813 г. прозою, съ подписью У. М.). Отдѣльно Лабзинъ издалъ два перевода театральныхъ пьесъ: „Фигарова женитьба“, соч. Бомарше (1787 г.) и „Судья“, соч. Мерсье (1788 г.) и Делилевъ дифирамбъ на безсмертіе души (1804 г.), послѣдній трудъ, замыкавшій его чисто-литературную дѣятельность. Съ 1804 г. Лабзинъ окончательно предался мистической литературѣ. Лабзинъ перевелъ нѣсколько сочиненій Эклартсгаузена и почти всѣ Юнга Штиллинга (см. прим. II) и кромѣ того издалъ слѣдующія сочиненія: 1) Просвѣщенный пастухъ, М. 1806 г.; 2) Ад. Сиг. Флейшера о мысли, о самопознаніи (1806, М.), 3) Мысли о небѣ, съ нѣмецкаго С.-Пб. 1810 г.; 4) Christosophia или путь ко Христу, Ян. Бема, 1815 г.; 5) Мысли на досугѣ поучающагося истинамъ вѣры, С.-Пб., 1815 г., 2 изд. 1818 г.; 6) Тайнство креста Иисуса Христа, С.-Пб. 1814 г., перв. изд. съ франц., М. 1784 г.); 7) Новый переводъ сочиненія приписываемаго Франциску де-Салисъ, или наука побѣждать свои страсти и торжествовать надъ пороками, 1816 г.; 8) Сочиненія Амвросія Ломбеза о внутреннемъ мирѣ, 1816 г.; 9) О присутствіи Божіемъ, С.-П. 1817 г., прежній переводъ, М. 1798 г.; 10) Торжество Евангелія, или записки свѣтскаго человѣка, обратившагося отъ заблужденій новой философіи (1821—1822 г.). Кромѣ того Лабзинъ принималъ главное и дѣятельнѣйшее участіе во многихъ другихъ духовныхъ изданіяхъ и, по порученію императора Павла, вмѣстѣ съ Ал. Вахрушовымъ издалъ переводъ нѣмецкаго сочиненія Верто (безъ обозначенія имени автора)—Исторія ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго (С.-Пб. 1799—1801 г., 5 частей). Изъ сочиненій этихъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались: а) *Угрозы Свѣтовостоковъ*, переводъ сочиненія Штиллинга *der graue Mann*. Въ сочиненіи „Тоска по отчизнѣ“ аллегорически, въ видѣ возвращенія въ отечество странствующаго народа подъ предводительствомъ странствующаго вождя Евгенія, описывается путь христіанскаго возрожденія. Въ этой книгѣ Штиллингъ выводитъ таинственное, страшное, но благотворное лице, подъ которымъ, по разъясненію Лабзина, авторъ разумѣлъ „судъ Божій въ чловѣкѣ или совѣсть“. Подъ именемъ этого *grauer Mann*, переведеннаго Лабзинимъ *Угрозы Свѣтовостоковъ*, Штиллингъ издавалъ небольшія книжки для народнаго наставленія, гдѣ заключались рассказы, бесѣды, письма и поученія таинственнаго лица. Такихъ книжекъ вышло съ 1806—1815 г. всего 30, составившихъ 8 частей.

b) *Прощенный пастухъ*, изданный мистикомъ Пуаре и со- державшій въ себѣ разговоръ одного священника съ пастухомъ, открывающій дивныя тайны божественной и таинственной пре- мудрости, явленной отъ Бога чистымъ и простымъ душамъ. c) Сочи- нение Франц. де-Салиса, выходившее нѣсколько разъ въ разныхъ переводахъ и подъ разными названіями, и въ послѣдній разъ пере- веденное Лабзинымъ, въ 1816 г., подъ названіемъ *Брань церковная*; d) соч. Амвр. Ломбеза о *внутреннемъ мирѣ*. Обѣ послѣднія книги со- единены были у Лабзина въ изданіи, подъ заглавіемъ „Путеводитель къ совершенству жизни христіанской“, которое было весьма рас- пространено въ тогдашнемъ обществѣ.

Отзывы современниковъ о Лабзинѣ доказываютъ, что его изда- нія и личное вліяніе не прошли безслѣдно и многимъ открыли путь къ нравственному усовершенствованію. Упомянувъ о вліяніи на него Лабзина, Ю. Н. Бартеневъ, въ интересныхъ своихъ запи- скахъ, восклицаетъ: „Не только меня привелъ онъ къ свѣту, но многія тысячи мнѣ подобныхъ питались въ Россіи отъ щедротъ трапезы твоей, достойный и доблестный дѣятель въ вертоградѣ Господнемъ“ („Рус. Арх.“ 1886, № 5, стр. 93 прим.). Свидѣтель богѣе безпристрастный, М. А. Дмитриевъ въ своихъ запискахъ под- тверждаетъ то же самое: „Разговоры Александра Ѳедоровича были и вразумительнѣе и питательнѣе самихъ книгъ. Говоря о мило- сердіи Божіемъ, онъ такъ непритворно умилился, что я не видывалъ никогда такого умиленія при мысли о любви Божіей. Его почитали ханжею, но что ему было ханжить, въ четырехъ стѣ- нахъ, въ изгнаніи (Дмитриевъ зналъ Лабзина уже въ Симбирскѣ), при молодомъ человѣкѣ, который не только не могъ дать ему ника- кой славы, но и принести никакой пользы. Карьера же често- любія, которой приписывали его религиозныя дѣйствія, была для него кончена. Что онъ могъ выиграть притворствомъ?... Многимъ дѣйствительно открылъ Александръ Ѳедоровичъ путь къ Спасите- леву слову, многихъ ввелъ и въ глубину тайнъ христіанской ре- лигии. Его любящая душа обнаруживалась въ томъ, что онъ былъ особенно привѣтливъ къ людямъ бѣднымъ, неизвѣстнымъ или пре- небрегаемымъ другими.“ („Рус. Арх.“ 1866, стр. 843 и слѣд.). Извѣст- ный митрополитъ Евгений, тогда епископъ старорусскій, относив- шійся къ журналу Лабзина критически, отдаетъ въ этомъ случаѣ справедливость Лабзину: „Я получаю „Сіонскій Вѣстникъ“ и чи-

таю часто до чувствительнаго умиленія и даже до благодарности Богу, вложившему мысли Лабзину издавать сей журналъ. Онъ многихъ обратилъ если не отъ развращенія жизни, то по крайней мѣрѣ отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религіи“ („Москвит.“ 1848, № 8, стр. 173—174). Отзывъ Сперанскаго не совсѣмъ благопріятенъ; въ письмѣ въ Столыпину („Рус. Арх.“ 1871, стр. 438) Сперанскій, по поводу слуховъ о Лабзинѣ говорить: „его (Лабзина) еще и при мнѣ подозрѣвали въ какихъ-то сокровенностяхъ, но я думалъ и теперь думаю, что онъ самъ распустилъ эти слухи, по свойственному ему самолюбію и чванливости“.

Журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“ издавалъ Лабзинъ ежемѣсячно въ С.-Петербургѣ сначала съ 1-го января по 1-е октября 1806 г., подъ именемъ Θεопемпа Мисаилова, и прекратилъ въ сентябрѣ, по обстоятельствамъ не маловажнымъ и отъ его воли независящимъ; потомъ онъ возобновилъ изданіе, по Высочайшему повелѣнію, съ апрѣля 1817 г. по іюнь 1818 г., съ посвященіемъ Господу Иисусу Христу.

Цѣль изданія въ начальной статьѣ журнала „Новый годъ“ Лабзинъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Поставляя нравственную пользу выше всякой другой, и нравственность основаніемъ и ученія, и вкуса, и блага частнаго и общественнаго, мы положили ограничить трудъ нашъ главнѣйше симъ предметомъ. Находя же въ философическихъ системахъ нравоученія до безконечности разнящіяся мнѣнія, многія обезображивающія даже истинное нравоученіе и превращающія самыя страсти и пороки человѣческіе въ добродѣтели, мы прибѣгли къ основанію истинной нравственности—религіи и Св. Писанію, или однимъ словомъ къ христіанству“ (I, 8 и 9). Образцомъ издатель Лабзинъ указываетъ „Христіанскій магазинъ“ Пфеннингера и Эвальда „Christliche Monatsschrift“. Послѣдній онъ не одобряетъ, хотя заимствуетъ оттуда нѣкоторые случаи чудесныхъ исцѣленій. Главными источниками при изданіи журнала Лабзину служили Юнгъ, Штилингъ и Эквартсгаузенъ, сочиненія которыхъ онъ большею частью перевелъ, и отчасти Фенелонъ, бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ г-жею Бюйонъ и ставшій на ея сторону въ спорѣ о ея сочиненіяхъ съ Бюссюэтомъ („Explication des maximes des saints sur la vie intérieure“); но Лабзинъ не упустилъ изъ виду какъ прежде извѣстныхъ мистиковъ

(Арендта, Бема, С. - Мартева), такъ и вновь появившихся у насъ въ переводахъ (Дю-Туа, Таулера, Бюньяна и др. (48).

Замѣчательно, что сочиненія нѣмецкихъ мистиковъ распростра- нялись у насъ даже ранѣе, нежели въ самой Германіи. Лабзинъ за- мѣчаетъ по этому поводу: „Сочиненіямъ Эккартсгаузена и Штил- линга придали не малую славу русскіе переводы. Штиллинговы книги особливо лежали въ лавкахъ нѣсколько лѣтъ и никто ихъ не бралъ“ (II, 327).

Кромѣ того Лабзинъ пользовался и произведеніями ми- стической литературы въ восточныхъ греческихъ монастыряхъ, распространявшимися въ переводахъ еще въ древней Руси (*). Лабзинъ приводитъ извлечения изъ бесѣдъ Макарія Египет- скаго, твореній Исаака Сирина и въ особенности указываетъ на славянскій переводъ греческой книги „Добротолюбіе“, сдѣлан- ный архимандритомъ Немецкаго монастыря въ Молдавіи, Паисі- емъ Величковскимъ (1 изд. 1793), полтавскимъ урожденцемъ. Въ этомъ сочиненіи въ смыслѣ пути, ведущаго къ возрожденію или къ обожествленію человѣка, признается трезвленіе или умная мо- литва, которая получила такое важное значеніе и на Западѣ у квиетистовъ, въ особенности у г-жи Гюйонъ. Сверхъ того Лаб- зинъ охотно обращается къ древнимъ философамъ, преимуще- ственно къ Платону и Пифагору и даже переводитъ цѣлую статью изъ Плутарха. Вообще мистицизмъ имѣетъ тѣсную связь съ фи- лософіей Платона, въ особенности въ томъ видѣ, какъ она яви- лась въ школѣ неоплатонической (Плотина и др.). Лабзинъ раздѣ- ляетъ мысль, высказанную прежде всего Августиномъ и въ осо- бенности развитую Де-Туа, что древніе мудрецы, какъ свѣтоподоб- ные люди, удостоивались частнаго откровенія и въ этомъ смыслѣ находятся въ тѣсной связи съ христіанствомъ. Даже на языческую мнѳологію смотритъ Лабзинъ какъ на остатки первобытной муд- рости Адама, усвоенной имъ изъ общенія съ Богомъ до грѣхо- паденія,—остатки, скрытые подъ различными символами и танствен- ными обрядами.

Взглядъ свой на христіанство Лабзинъ выразилъ въ статьѣ: „Что есть собственно христіанство въ смыслѣ частномъ“: „Хри- стіанство состоитъ не въ частныхъ добродѣтеляхъ, а и того ме- нѣе въ наружномъ видѣ одной какой-нибудь добродѣтели, не со-

стоятъ оно во внѣшнемъ токмо богослуженіи, почтенномъ передъ міромъ житія, слѣпой, невѣдующей вѣрѣ, нѣкоторыхъ чувствованійхъ и ощущенійхъ чувственныхъ, ниже въ такъ называемомъ крестѣ, страданіи, бореніи, искушеніяхъ и сему подобномъ богослуженіи, которое мы сами себѣ выбираемъ: а состоитъ въ общеніи, соединеніи, дружествѣ или связи внутренности нашей, нашего сердца, съ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ (II, 242)... При совершеніи соединенія нашего сердца со Христомъ надлежитъ въ человѣкѣ произойти великой перемѣнѣ (246)... Въ этой перемѣнѣ человѣкъ до нѣкоторой степени играетъ роль страдательную: самъ Богъ долженъ возродить человѣковъ, сами же они сего учинить не могутъ. Никакой человѣкъ не можетъ обратитъ другаго,—истинное обращеніе есть дѣло Божіе. Сія великая перемѣна во всѣхъ испытавшихъ оную, по существу, есть одинакова, а въ вещахъ, къ существу не принадлежащихъ, безконечно различна (248)... Сколь безконечна разность во внѣшнемъ началѣ истиннаго обращенія, точно таковая же находится и въ происходящемъ въ сіе время во внутренности человѣка: и здѣсь также дѣйствуетъ Богъ по великому различію умовъ и обстоятельствъ человѣческихъ (250)... Итакъ, къ чему же надлежитъ увѣщевать человѣковъ?—Къ тому, чтобы они не противились, а попускали обращать себя; ибо Богъ не обращаетъ человѣка насильно и человѣкъ можетъ противиться предваряющей благодати Божіей и подавить въ себѣ тѣ добрыя возбужденія, которыя производитъ въ немъ Духъ Святый. Сего-то ради апостоль Павелъ увѣщеваетъ насъ, глаголя: и тотъ же часъ, какъ вы услышите гласъ его, не ожесточите сердце вашихъ, не затворите ихъ симъ добрымъ чувствованіямъ. При великой перемѣнѣ сей бываетъ всегда въ человѣкѣ чувство окаянства своего, познаніе несчастнаго состоянія, въ которомъ находясь, мы бываемъ внѣ соединенія съ Иисусомъ Христомъ. Но если мы знаемъ, что такое познаніе окаянства нашего производится Богомъ, и слѣдовательно есть доказательство, что благодать его трудится надо мною, то сіе, само по себѣ съ горестными чувствованіями соединенное, познаніе имѣетъ собесѣдниками своими чувствованіе радости и нѣкое предвкушеніе оныхъ утѣшеній, которыя обращенному грѣшнику въ полной мѣрѣ на часть доставаются. Каждый, въ семъ состояніи находящійся, удобенъ принять благодать Божію, присвоеніемъ заслугъ Христовыхъ на него изли-

вающуюся. Человѣкъ сей подобенъ засохшей землѣ, жаждущей прохладящаго дождя; Евангеліе приходитъ на помощь и одобряетъ грѣшника; самъ Богъ во внутренности такового человѣка начинаетъ блаженное общеніе съ Иисусомъ Христомъ, и тогда только начинается истинное христіанство. Таковому Богъ присвоитъ заслуги Иисуса Христовы; стихія, въ которой онъ обитаетъ, есть примиреніе съ Богомъ, содѣланное чрезъ Иисуса Христа. При этомъ не довольно заниматься ученіемъ и лицемъ Иисуса Христа вообще, но надлежитъ паче всего заниматься исполненнымъ заступъ житіемъ, страданіемъ и жизнью Иисуса Христоваго. Коль скоро произойдетъ въ человѣкѣ сія великая перемѣна, то истинное соединеніе и общеніе внутренности нашей съ Господомъ нашимъ Иисусъ Христомъ совершается, и являются плоды онаго. Весь человѣкъ перемѣняется, и такъ сказать переплавляется вновь: онъ отрывается всѣхъ намѣренныхъ грѣховъ безъ изытія и во всему благому получаетъ влеченіе“ (252—259).

Это главное, основное убѣжденіе проведено во всѣхъ статьяхъ журнала, но для насъ важнѣе тотъ путь, которымъ Лабзинъ пришелъ къ этому результату, тѣмъ болѣе, что автору нельзя отказать ни въ послѣдовательности, ни въ цѣльности воззрѣнія. Въ статьяхъ „о философіи“, гдѣ Лабзинъ придерживается преимущественно Эккертсгаузена, онъ остановился на опредѣленіи, данномъ Цицерономъ: „Философія или любомудріе есть знаніе вещей божественныхъ и человѣческихъ“ (*philosophia est rerum divinarum humanarumque scientia*), т.-е. на той степени ея развитія, когда философія не отдѣлялась отъ религіи. Это единство знанія, какъ предметъ философіи, Лабзинъ выводитъ слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ познанія человѣческія соединяются въ Троицу. Каждый живущій человѣкъ познаетъ *себя*, чувствуетъ и познаетъ другихъ *тварей*, которыя всѣ, въ составѣ одного цѣлаго, называются *міромъ, вселенною, натурою, природою, естествомъ*. Отъ сихъ двухъ познаній человѣкъ доходитъ до познанія виновника бытія своего и всего—Бога. Больше сихъ трехъ предметовъ: *я, натура, Богъ* нѣтъ иныхъ, и больше сихъ трехъ *наукъ*: познанія *себя*, познанія *натуры* и познанія *Бога*, нѣтъ никакихъ; всѣ прочія будутъ только части сихъ трехъ великихъ наукъ, которыя вмѣстѣ составляли у древнихъ *мудрость*, и знавшіе оныя болѣе другихъ назывались въ древности *мудрецами*. Но какъ таковая мудрость вполне ни

для кого изъ смертныхъ недостижима, то Пиеагоръ перемѣнилъ названіе мудрость въ *любомудріе*, приписывая мудрость единому Богу. Въ познаніи природы и себя руководствовались люди собственными чувствами, понятіями и разумомъ, взаимно вспоможествуя другъ другу и почерпая свои познанія изъ самочувствія и изъ видимыхъ тварей. Познаніе же Бога заключали они не только въ отвлеченныхъ понятіяхъ отъ видимаго къ невидимому, но и въ откровеніи собственно Божескомъ, которое состояло, во первыхъ, изъ *преданій* отъ перваго Богомъ наученнаго человѣка, который, по ихъ мнѣнію, былъ совсѣмъ не такой диварь, какъ у Руссо и подобныхъ ему умствователей; и, во вторыхъ, изъ частныхъ, помѣстныхъ и временныхъ *откровеній* Божескихъ нѣкоторымъ человѣкамъ, чрезъ особенныхъ Богомъ просвѣщенныхъ или Богомъ вдохновенныхъ существъ, которыхъ называли или подчиненными отцу боговъ богами, или полубогами, или геніями, или духами и коимъ, яко посланникамъ божіимъ, въ лицѣ его нисходившимъ, воздавали даже и божескую честь“ (I, 124 и 125). Самый методъ познаванія Лабзинъ понимаетъ совершенно правильно. Въ своей Пневматологіи (наукѣ о духѣ) Лабзинъ объясняетъ происхожденіе понятій, раздѣленныхъ на три разряда: *страдательныя*, опытыя, самими вещами въ насъ произведенныя (т. - е. по теперешнему индуктивныя), *самодѣльныя*, въ мозгу моемъ безъ опытнаго познанія составленныя (дедуктивныя), и *смѣшанныя* изъ тѣхъ и другихъ. Первыя суть *живыя и истинныя*; вторыя—*ложныя*; третьи состояются изъ тѣхъ и другихъ и по количеству примѣси бывають и истинныя, и заблужденіямъ подвержены, но всегда они *мертвыя и безплодныя*, ибо производятся не самими вещами, а образомъ тѣхъ вещей, и потому называются *образными* или *идеальными* (III, 64). Представленія Лабзина о нравственномъ элементѣ въ обществѣ также имѣютъ совершенно вѣрное основаніе: „Основаніе нравственности состоитъ въ свободѣ воли человѣческой; ибо существо несвободное не можетъ быть нравственнымъ или прямо добрымъ. Основаніемъ законовъ гражданскихъ есть также свобода, превратно часто понимаемая подъ именемъ волиности. Собственно сказать, одна воля, прилѣпленная къ добру, есть свободная, и одна воля, преданная злу, есть въ неволѣ. И такъ добродѣтельный, благочестивый мужъ и въ цѣпяхъ свободенъ, а злый и въ чертогахъ, и во славѣ рабъ. Цѣль всѣхъ обществъ—

обеспечить свободу своихъ членовъ; но сія свобода должна состоять не въ чемъ другомъ, какъ въ добродѣтели“ (I, 33 и 34).

Лабзинъ, повидимому, вполне признаетъ науку, какъ созданіе человѣческаго разума и отводитъ ей широкое поле, но попытка его примирить науку съ вѣрою не удалась. Такъ онъ говоритъ: „Обижаютъ вѣру, думая, что она требуетъ жертвованія разумомъ: *напротивъ того, разумъ есть грунтъ вѣры*; вѣра упраздняется, но разумъ пребудетъ вѣчно: ибо человѣкъ останется вѣчно существомъ разумнымъ“ (I, 173). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Лабзинъ признаетъ подчиненность разума вѣрѣ и недостаточность его для познанія существа вещей: „Первая должность разума состоитъ въ томъ, чтобы узнать свою ограниченность; ибо какъ скоро онъ вознесется *выше тѣлесной природы*, то ему недостаетъ уже понятій, и для того Богъ, въ помощь разуму, далъ *откровеніе* и даруетъ *вѣру*“ (I, 174). Задача примирить науку съ религіей, занимавшая столько умовъ, была у Лабзина общая съ позднѣйшими славянофилами. Лабзинъ для своего времени обладалъ всѣми качествами, чтобы взяться за рѣшеніе такого серьезнаго вопроса. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ серьезно и многосторонне образованныхъ людей той эпохи; умъ его былъ способенъ къ самобытному и строго послѣдовательному мышленію. Дмитріевъ говоритъ о Лабзинѣ въ своихъ запискахъ: „Его разумъ представлялъ все ясно и просто, основывалъ все на законахъ необходимости, и на законѣ, соединяющемъ видимое съ невидимымъ, земное съ небеснымъ. Итакъ, думалъ я, есть *наука религии*: это было для меня большое и важное открытіе“. Лабзинъ сначала ставилъ разумъ и вѣру, науку и религію въ отношенія довольно равноправныя: „Разумъ и вѣра имѣютъ одно происхожденіе; но вѣра тамъ начинается, гдѣ разумъ престааетъ“ (I, 174). Но чѣмъ дальше подвигался Лабзинъ, тѣмъ болѣе стѣснялись права разума, и въ концѣ концовъ уничтожились совсѣмъ. Такому результату безъ сомнѣнія, способствовало то обстоятельство, что Лабзинъ еще въ молодости подпалъ сильному вліянію Шварца, и слѣдовательно еще въ то время умъ его, такъ сказать, невольно получилъ мистическую подкладку. „Когда вѣчный нашъ духъ просвѣщается свѣтомъ божественнымъ и просвѣщаетъ въ насъ натуральный разумъ, и когда сей ему послушенъ, тогда подлинно мы имѣемъ разумъ просвѣщенный (III, 66). Безъ вѣры большая часть физическихъ и нравственныхъ

истинъ не вѣрны; бытіе души, самое существованіе тѣлъ—все подвержено спорамъ; одна вѣра утверждаетъ то, что разумъ неясно понимаетъ (I, 174). Разумъ данъ человѣку для двойной цѣли: для служенія ему въ потребностяхъ здѣшней жизни и для узнанія пути къ вышнему свѣту. Первую должность онъ исправляетъ нарочито исправно. Чего онъ не выдумалъ къ услаженію здѣшней жизнью! Съ какимъ искусствомъ подбираетъ онъ все, что льститъ чувствамъ! Этого дѣла онъ мастеръ,—но не *sutor ultra crepidam*! Назначеніе человѣка не ограничивается одною временностью; разумъ же далѣе предѣловъ чувственности никогда ступить не можетъ безъ того, чтобы голова отъ того не закружилась. Разумъ можетъ руководствовать человѣка и въ нравственномъ его ходѣ, и когда бываетъ свободенъ отъ страстей, то руководствуетъ его довольно порядочно: потому онъ особенно полезенъ въ ребячествѣ и въ молодыхъ лѣтахъ. Онъ начинаетъ воспитаніе человѣка, но совершить онаго не можетъ: кругъ дѣйствованія его ограниченъ временностью, а назначеніе человѣка выше. Потому разумъ можетъ довести человѣка до дверей свѣтилица, но ввести его въ оное не можетъ (IV, 149 и 150)... Разумъ обогащаетъ голову, но не исправляетъ сердца; величайшій ученый можетъ быть распутнымъ, злобнымъ, завистливымъ, гордымъ, своенравнымъ, корыстолюбивымъ и пристрастнымъ къ себѣ (153)... Божественное просвѣщеніе не есть дѣло памяти, не есть плодъ головной работы, но дѣло сердца (154). Для просвѣщенія разума и дополненія недостававашаго ему свѣта сошло съ небесъ святое откровеніе. Разумъ неразвращенный чувствуетъ нужду въ божественномъ его руководствѣ и, предавшись оному, находитъ всю ту вѣрность, которой ему не доставало (I, 41). Мы, оставляя духъ Новаго Завѣта, поставляемъ на мѣсто онаго ученіе разума, чистый смыслъ Евангелія извращаемъ въ свой собственный, почитаемъ основаніе оное маловажнымъ, ослабляемъ слово крестное и изъ Божественнаго ученія сдѣлали человѣческую науку, которой разумомъ научиться можно; хотимъ не учиться у Св. Духа, но его самого учить и, подъ предлогомъ изъясненія смысла божественныхъ писаній, часто отвращаемъ людей отъ Бога къ своимъ толкамъ (V, 22). Невѣріе есть почти принадлежность ученаго (IV, 164)... Церковная исторія показываетъ, что ереси и расколы завелись отъ ученыхъ, восхотѣвшихъ таинство вѣры толковать разумомъ (180)... Органъ къ духовнымъ сообщеніямъ есть

сердце наше, ибо мысли, воображение и чувство послѣдуютъ за нимъ, потому что они всѣ состоятъ подъ вліяніемъ сердца“ (VII, 381). Самая нравственность получаетъ исключительно лично-религіозное основаніе: „Когда христіанинъ старается сдѣлаться добродѣтельнымъ для Иисуса, то нравственность его проистекаетъ изъ почтенія, благодарности, довѣренности и любви къ превосходнѣйшему, чистѣйшему существу; и сіе-то есть наисвятѣйшее основаніе нравственности, потому что положено не въ разумѣ только, но въ сердцѣ. Причина только разумная можетъ быть правиломъ, но не источникомъ добронравія; одно умственное побужденіе холодно и не склоняетъ въ любовь“ (III, 252 и 253).

Путь, которымъ приходитъ вѣрующій въ состояніе мистическаго *возрожденія*, которое проповѣдывалъ Лабзинъ, онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Берегись тщательно всѣхъ страстныхъ волненій и всѣхъ развлеченій наружныхъ чувствъ и содержи себя въ молчаніи и тишинѣ: то ощутишь возлѣ себя близость Господа и душа твоя разыграется радощами во чревѣ внѣшняго вмѣстилища твоего. Сіе молчаливое углубленіе въ себя я называю возвращеніемъ (франц. *recueillement*). Въ нашихъ церковныхъ книгахъ названія сего внутренняго упражненія суть слѣдующія: *безмолвіе, трезвленіе ума, умное дѣланіе, умная, чистая, не парительная молитва, богомысліе*“ (V, 8 и 9). Въ этомъ состояніи „всѣ получаютъ безъ труда и безъ наружнаго обученія прозрѣніе въ вѣчную премудрость Божію и въ таинства царствія его, и достигаютъ такой достовѣрности, что никакая сила отнять у нихъ не можетъ“ (V, 13).

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ Лабзинъ совершенно отвергъ значеніе науки и разума, поставивъ на мѣсто его *сердце* и *способность прозрѣнія безъ труда и наружнаго обученія*. Понятно, что экстазъ воображенія, усиленно направленнаго въ извѣстную сторону и не сдержаннаго логикою разума, долженъ былъ довести Лабзина до всевозможныхъ крайностей. Такимъ образомъ Лабзинъ пришелъ вообще къ заключенію, что склонность къ чудесному, которая во всѣхъ человѣкахъ есть, происходитъ не отъ одного тщеславія, но и отъ нѣкоего умнаго чувства, что наше назначеніе не ограничивается симъ видимымъ міромъ (V, 287). Лабзинъ не только вѣрилъ въ сатану, но и приписывалъ ему самое широкое участіе въ управленіи міромъ; въ снахъ онъ видѣлъ вліяніе силъ Божескихъ и дьявольскихъ и приписывалъ сны от-

части вліянію планетъ и космической природы, отчасти вліянію злыхъ духовъ, отчасти же особому наитію Божества (сны отъ Бога); въ предчувствіяхъ и предсказаніяхъ онъ видѣлъ прямо сообщеніе Божества съ человѣкомъ, описывалъ всевозможные случаи видѣній, исцѣленій, обращеній и т. п.; магнетизмъ представляется ему въ видѣ неразгаданной тайны, способствующей возбужденію религіознаго чувства и улучшающей общественную нравственность. По мнѣнію Лабзина, въ человѣкѣ *три* души: животная, разумная и духовная. Животная душа человѣка, общая съ животными, находится въ крови; она превосходитъ души прочихъ животныхъ, а потому и образуемое ею тѣло превосходитъ тѣла всѣхъ ихъ. Разумная душа человѣка также находится въ тѣлѣ, но не есть начало тѣлесной жизни, а только заключена въ тѣло для искуса, и при сопряженіи своемъ съ онымъ обыкновенно бываетъ немощна, ибо грубость вещества затрудняетъ ей сообщеніе съ высшими силами (V, 373—377). Духовная душа человѣческая есть мысль Божія (VIII, 169). Самое тѣло человѣка измѣнилось послѣ грѣхопаденія; оно сдѣлалось грубымъ и грѣховнымъ и обратилось такимъ образомъ въ орудіе соблазна. Послѣ воскресенія мертвыхъ тѣло воскресшихъ праведниковъ будетъ тѣло прославленное, т.-е. свѣтовое; въ противоположность тому, тѣла грѣшниковъ составлены будутъ изъ тьмы и яростныхъ свойствъ природы. Такимъ образомъ въ свойствѣ тѣла, которое получитъ человѣкъ на страшномъ судѣ, будетъ состоять награда или наказаніе его (VIII, 290). „*Кажется, желудокъ, кишки и различіе половъ не будетъ тамъ имѣть мѣста*“ (V, 163).

Взглядъ Лабзина на природу сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Эккертсгаузена и Дю-Туа. По понятіямъ Лабзина жизнь и развитіе есть *движеніе*. При всякомъ движеніи естественно понятію представляются двѣ вещи: *движимое тѣло* и *движущая сила*. *Двигать* есть *дѣйствовать*; движимымъ быть есть быть подъ дѣйствіемъ или *страдать*. Какъ *дѣйствіе* и *страданіе* противоположны между собою, то одна и та же вещь въ одно и то же время быть и тѣмъ и другимъ, безъ сомнѣнія, не можетъ: сила *движущая* не есть то же, что *движимое*, и когда *движимое* есть тѣло, то *движущая сила* будетъ *не тѣло* и слѣдовательно *духъ* (II, 166). Каждый духъ долженъ имѣть *чувствующую волю* своей степени: *воля* и *чувствительность* составляютъ собственно существо его (168).

Разрѣшеніе тѣлъ производится гніеніемъ, которое показываетъ, что въ тѣлахъ есть нѣкое тонкое, это воздыхающее существо, которое не покоится, но безпрестанно трудится надъ разрушеніемъ своихъ оковъ. Въ животныхъ и растеніяхъ оно дѣйствуетъ скорѣе, потому что тюрьма его не такъ крѣпка, а въ металлахъ и минералахъ медленнѣе, по причинѣ ихъ крѣпости, по которой нужно прибѣгать къ такимъ сильнымъ и ѣдкимъ средствамъ, каковы кислоты, для разрѣшенія ихъ. Сіе *нѣчто* должно быть не мертвое, потому что безпрестанно дѣйствуетъ и порождаетъ, ибо изъ всякаго гніенія что-нибудь раждается. Сіе нѣчто въ хлѣбѣ насъ питаетъ, въ винѣ веселитъ, и есть тотъ же духъ, о которомъ Давидъ говоритъ: отымени духа ихъ, и исчезнуть, и въ персть свою возвратятся; послеша, и созиждутся, и обновиши лице земли (Псал. СІІ, 29, 30). Сей духъ, при освобожденіи отъ узъ своихъ, возвращается въ персть свою, или въ хаосъ свой,—воздухъ, изъ котораго и зиждетъ себѣ новое тѣло. Въ доказательство, что сіе тѣло беретъ онъ изъ воздуха, сдѣлай опытъ: вырой изъ земли молодое деревце и пересади въ кадку, взвѣся какъ деревцо, такъ и кадку съ землей особо, и затѣмъ черезъ годъ или два, когда деревце сдѣлается деревомъ, вынь его изъ земли, взвѣсь опять его и кадку съ землею, найдешь, что вѣсъ въ деревѣ знатно прибавился, а въ землѣ не произошло ни мало убыли,—знакъ, что невидимый духъ въ воздухѣ осѣлся и претворился въ видимое тѣло по роду сѣмени, а не земля превратилась въ дерево. Сѣмя умираетъ, духъ же сѣмени въ землѣ, чреватой верхними притеченіями свѣта и теплоты солнечной, оплодотворенной растворительною влагою росы и дождя, сбросивъ съ себя узы тлѣнія, прорастаетъ сѣвозъ и къ соединенію съ общимъ духомъ, разлитымъ въ воздухѣ, и тамъ беретъ себѣ новое тѣло. Но какъ и воздушное море наполнено разнородными и разрушаемыми сущностями, то онъ, духъ, трудится опять надъ разрушеніемъ и сего своего тѣла, что будетъ продолжать до тѣхъ поръ, пока не получитъ неразрушаемаго, въ которомъ, дѣйствуя съ полною силою, при всемъ томъ будетъ покоиться (II, 139—142). Въ философіи Лабзина играютъ весьма важную роль цифры: въ этомъ случаѣ онъ является прямымъ послѣдователемъ Эккартсгаузена, котораго „науку о числахъ“ онъ издалъ въ русскомъ переводѣ. Примѣръ объясненія на основаніи числъ представляетъ статья Лабзина „Радуга“.

Большая часть статей въ журналѣ Лабзина написаны имъ са-

мимъ. Изъ оригинальныхъ статей у него помѣщены: Григ. Сквороды, извѣстнаго писателя духовно-нравственныхъ разсужденій, „Начальная дверь къ христіанскому добронравію“ (Харьковъ, 1767 г.); изъ бумагъ, оставшихся послѣ извѣстнаго масона и мистива екатерининскихъ временъ князя Н. И. Рѣпина, статья „О трехъ началахъ возрожденія“ подписана 1781 г. С. М.; статья И. В. Муравьева „о раскольникахъ“, о которой мы уже говорили выше. Изъ сотрудниковъ названъ только одинъ А. Ковальковъ („Взглядъ на самого себя“, вздохи сердца къ воплощенному Богу); письма христіанки къ пріятельницѣ своей принадлежатъ послѣдовательницѣ Лабзина, Хвостовой, которая издала два отдѣльныхъ мистическихія сочиненія: „Письма христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ, къ двумъ друзьямъ ея, мужу и женѣ“ (1815 г.) и „Совѣтъ души моей“ (1816 г.). Другіе сотрудники, приславшіе свои произведенія со стороны, только обозначены: М-ъ П-ъ (о воскресеніи мертвыхъ), изъ Феодосіи (о самости), изъ села Млиновъ на берегу Ворсклы (о святомъ младенцествѣ Иисусовомъ). Въ числѣ переводовъ помѣщены изъ Юнга Штиллинга, Томы Кемпейскаго, доктора Рихтера, исповѣданіе вѣры Бакона Веруламскаго, монгольскія повѣсти и преданія монголовъ о міробытіи (изъ переводовъ съ монгольскаго, изданныхъ въ 1812 году „Море повѣстей“ и „Важѣйшія повѣствованія о происхожденіи всего“).

„Сіонскій Вѣстникъ“ распространялся преимущественно между духовными лицами. Калужскій архіепископъ Теофилавъ подписался на 30 экземпляровъ, С.-Петербургскій митрополитъ Амвросій и впоследствии Даніилъ, архіепископъ Могилевскій и Витебскій, дали сочувственные отзывы о „Вѣстникѣ“. Въ первое же полугодіе въ Москвѣ изъ 93 экземпляровъ 33 взяты были духовными лицами. Замѣчательно, что „Вѣстникъ“, судя по приложеннымъ спискамъ подписчиковъ, расходился въ значительной степени между купцами, мѣщанами и даже крестьянами, преимущественно въ Сибири.

Чтобы еще яснѣе изложить характеристику русскаго мистцизма, обратимся къ другому его представителю—Сперанскому. Сперанскій, по собственному его признанію, съ Лабзинымъ почти совсѣмъ не былъ знакомъ и никогда не уважалъ ни пророчествъ его, ни системы; Сперанскій не находился также подъ вліяніемъ Шварца и Новикова, хотя связи его съ масонами не подлежатъ впрочемъ никакому сомнѣнію. Такимъ образомъ мистцизмъ Сперан-

саго развился самостоятельно, подъ вліяніемъ чтенія мистическихъ книгъ западной и древне-русской письменности. Съ обычною ясностью и послѣдовательностью Сперанскій изложилъ свою систему мистицизма въ интересныхъ письмахъ изъ Пензы къ Ф. И. Цейеру („Русск. Арх.“ 1870 г., стр. 174—202), въ видѣ поученія во вновь вступающему адепту, каковымъ является Цейеръ. Сущность мистицизма, въ первомъ своемъ письмѣ, Сперанскій опредѣляетъ такимъ образомъ: „Царствіе Божіе, въ насъ заключающееся (иными словами, внутреннее слово или созерцательная молитва, или чистая любовь), обнаруживается лишь тогда, когда всѣ размышленія, всѣ разсужденія о предметахъ небесныхъ становятся сухими, скучными, безвкусными и когда однакоже въ глубинѣ души ощущаешь болѣе или менѣе сильное влеченіе къ занятію божественнымъ. Тогда слѣдуетъ оставить молитву умную (размышленія, рефлексіи, разсужденія о Богѣ) и постепенно привыкать къ тому, чтобы находиться въ общеніи съ Богомъ помимо всякихъ образовъ, всякаго размышленія, всякаго ощутительнаго движенія мысли. Тогда кажется, что въ душѣ все молчитъ: не думаешь ни о чемъ, умъ и память меркнутъ и не представляютъ ничего опредѣленнаго; одна воля кротко держится за представленіе о Богѣ,—представленіе, которое кажется неопредѣленнымъ, потому что оно безусловно, и что оно не опирается ни на что въ особенности. Тогда-то вступаешь въ сумракъ вѣры. Тогда-то не знаешь болѣе ничего и ждешь всякаго свѣта непосредственно свыше, и если упорствуешь въ этомъ ожиданіи, то свѣтъ этотъ нисходитъ и Царствіе Божіе раскрывается. Но что же такое Царствіе Божіе, въ чемъ состоитъ оно?—Никто не можетъ ни описать вамъ его, ни дать о немъ понятія. *Его чувствуешь, но оно несообщимо.* Самъ Исусъ Христосъ описываетъ Царствіе Божіе лишь притчами и подобіями. Въ этомъ-то состояніи начинаетъ раздаваться *внутреннее слово*; это-то состояніе называется *состояніемъ благодати*. Это-то состояніе служитъ исходомъ ученія Исуса Христа, и лишь это состояніе онъ пришелъ уготовать намъ. Все то, что предшествуетъ этому состоянію (что я называю азбукою), составляетъ область Іоанна Предтечи, который уготовляетъ пути, но не есть путь. Это же состояніе называется собственно *мистическимъ болословіемъ*. Это не внѣшное ученіе. Наставникъ въ немъ Самъ Богъ, и Онъ сообщаетъ свое ученіе душѣ непосредственно, безъ словъ, и способомъ, который невозможно объяснить

словами. Это богословіе есть мистическое не потому, что оно заключаетъ въ себѣ тайны, сокрытыя отъ толпы, но потому, что чувство, возбуждаемое имъ въ душѣ, и истины, имъ раскрываемыя, совершенно несообщимы и нѣтъ словъ, чтобъ ихъ объяснить. Это *апокампическое письмо*, которое можетъ прочесть лишь тотъ, кто его получаетъ“ (стр. 176—177). Вслѣдъ затѣмъ Сперанскій подробно и обстоятельно излагаетъ путь и средства, какъ сдѣлаться мистикомъ. Чтобы содержать себя постоянно въ присутствіи Господа нашего и даже для того, чтобы приготовляться изстари къ дару созерцанія,—Сперанскій рекомендуетъ средство, къ которому прибѣгали лучшіе изъ старинныхъ аскетовъ (панафидники, подвизающіеся труженики) и сохранившееся въ нашей Греческой церкви, это— „повторять мысленно или сквозь зубы слова: „Господи помилуй“, но повторять ихъ безостановочно и непрерывно. Привычка эта приобретается довольно скоро. Приемъ этотъ по-истинѣ изумителенъ, я бы сказалъ волшебенъ, если-бы тутъ было умѣстно такое слово“. При этомъ, нельзя не сопоставить частое употребленіе молитвы „Господи помилуй“ въ нашихъ церковныхъ службахъ и въ особенности въ монастырскихъ правилахъ, гдѣ „четки“ служатъ наружнымъ напоминаніемъ продолжительности повторенія. Раскольники „начетчики“ постоянно шевелятъ губами и едва слышно повторяютъ эту молитву. Весь процессъ мистическаго созерцанія Сперанскій описываетъ такимъ образомъ: „Чтобы вступить въ созерцаніе, надобно найти самый удаленный уголокъ въ своей комнатѣ; тамъ надо принять положеніе наиболѣе удобное, т.-е. просто сѣсть, скрестить руки подъ грудью и устремить взоры на какую-нибудь часть тѣла, а именно на пупъ, и оставаться такъ неподвижно, остерегаясь закрывать глаза. Упражненіе начинается съ „Господи помилуй“, но скоро это прекращается, такъ что возвратъ къ этой „мистической“ молитвѣ означаетъ прекращеніе внутренняго созерцанія. Состояніе этого созерцанія продолжается не произвольно, но пока оно длится. Продолжительность его весьма различна; бывали случаи, что оно длилось болѣе двухъ дней сряду, безъ пищи и питья. Въ этомъ состояніи вѣрующіе видятъ иногда, что они называютъ *сѣтмомъ Ѡавора* (технической терминъ, посвященный единственно видѣніямъ этого рода). Не знаю, что это такое, но знаю положительно, что видѣніе это гораздо шире, гораздо духовнѣе нашихъ обыкновенныхъ видѣній. Оно совершенно невыразимо сло-

вами, наши же больше или меньше определены,—слѣдовательно, степени хотя истинной, но гораздо низшей, чѣмъ это видѣніе, различающееся быть-можетъ лишь одною ступенью отъ собственнаго такъ-называемаго лицедрвінія Божія“. Далѣе Сперанскій говоритъ, что восточные мистики и аскеты въ церкви (т.-е. собираясь въ общество) ограничивались молитвой умной. Вѣрно то, что „они никогда не позволяли себѣ ни *трясеній*, ни *экстазовъ*, вещей порядка низшаго, который мы можемъ и должны подавлять, а еслибы они взяли надъ нами верхъ, слѣдуетъ настоятельно молить Господа о ихъ прекращеніи. „Ибо, представьте себѣ, еслибы въ церкви было много соверцателей, возбужденныхъ такимъ образомъ, что это будетъ, если не собраніе *трясуновъ* (истинныхъ бѣснующихся)“. Очевидно, что Сперанскій намекаетъ на сборища въ родѣ Татариновой, гдѣ мистики, подъ вліяніемъ экстаза, не только предавались пророчествамъ и осаждались видѣніями, но и переходили подъ конецъ къ тѣмъ страннымъ тѣлодвиженіямъ, которыя въ хлыстовской сектѣ извѣстны подъ именемъ „радвній“. Сперанскій, судя по его письмамъ, не доходилъ до этихъ крайностей мистицизма и въ этомъ случаѣ не имѣлъ ничего общаго съ Лабзинымъ, котораго, по свидѣтельству Сперанскаго, подозрѣвали въ какихъ-то сокровенностяхъ еще въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда только-что начиналось возвышеніе Сперанскаго. Въ письмахъ къ Цейеру Сперанскій говоритъ: „Молитва, и молитва умная, есть единый путь совершенно безопасный. Видѣнія, глубокія и повидимому вдохновенныя мысли—все суть мысли, все упражненія ума, а не прилѣпленіе, не онѣмѣніе его въ единомъ Богѣ. Еслибы Лабзинъ зналъ и проповѣдывалъ сію молитву, то вопервыхъ не написалъ бы онъ и десятой части того, что написалъ,—скорѣе и самъ бы пришелъ и другихъ привелъ бы къ истинѣ. Никогда не возмечталъ бы онъ, что посланъ отъ Бога созидать новый храмъ духовный, ибо онъ зналъ бы тогда, что храмъ сей и основанъ, и созданъ, и совершенъ уже безъ насъ единымъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ“.

Макс. Ив. Невзоровъ въ нравственномъ отношеніи былъ еще болѣе типичное лицо, нежели Лабзинъ. Въ фризовой шинели, вѣчно пѣшкомъ, этотъ человѣкъ, съ грубыми чертами лица, съ рѣзкимъ голосомъ, съ влижною рѣчью и съ неуклюже семинарскими манерами, былъ любимый гость и искренній пріятель Ив. Вл. Лопухина, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ М. Н. Муравьевымъ,

И. П. Тургеневымъ и вн. Н. В. Рѣпнинымъ. Онъ писалъ къ нимъ посланія, надгробныя элегіи, перепечатывалъ и помѣщалъ ихъ сочиненія въ своемъ журналѣ. Такъ изъ сочиненій Лопухина Невзоровъ помѣстилъ: отрывокъ изъ драмы „Торжество правосудія и добродѣтели или добрый судія“; отрывки сочиненія одного стариннаго судьи, написанныя въ 1794 г.; благость и преимущество единоначалія 1796; изображеніе мечты равенства и буйной свободы съ пагубными ихъ плодами; описаніе нѣсколькихъ картинъ и списковъ съ нѣкоторыхъ отрывковъ, находящихся въ магазинѣ давняго смотрѣнія на внутреннія причины дѣйствій и на слѣпоту развращенныхъ французовъ; послѣднія три статьи въ 1794 г. напечатаны были въ книжкѣ: „Изліянія сердца, чтущаго благость единоначалія“; отрывки изъ записокъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы И. В. Лопухина (1812); нѣсть пророкъ въ своемъ отечествѣ (1812, ноябрь), гдѣ описываются осмѣяныя попытки одного даровитаго юноши на поприщѣ мистической литературы.—И. П. Тургенева перепечатано нѣкоторое подражаніе пѣснямъ Давыдовымъ (изданнымъ въ Москвѣ особою книжкой въ 1802). Невзоровъ, по желанію и при содѣйствіи И. В. Лопухина, близкаго пріятели вн. Рѣпнина (умершаго въ 1801 г.), сохранявшаго всѣ бумаги послѣдняго, старался привести въ извѣстность все, что уцѣлѣло послѣ этого знаменитаго масона и мистика Новиковскаго кружка. Въ „Другѣ Юношества“ помѣщена обширная статья: „Примѣры истиннаго геройства, или вн. Рѣпнинъ и Фенелонъ въ своихъ собственныхъ чертахъ“ и письмо Лопухина, при посылкѣ Рѣпнинскихъ бумагъ (мартъ, 1813), гдѣ сообщаются нѣкоторыя данныя о его жизни и характерѣ. Рѣпнинъ писалъ по-французски и сочинилъ книжку „Les faits de la grace“ (1790) и разсужденіе „О таинствѣ св. Евхаристіи“. Изъ сочиненій Рѣпнина напечатаны въ „Другѣ Юношества“: 1) „Разговоръ между двумя друзьями о политикѣ“, написанный по-французски; 2) „Объясненіе молитвы Отче нашъ“; 3) „Провидѣніе“; 4) „Разныя разсужденія для себя (іюнь 1813). Сочиненія „о именахъ Божьихъ“ и „правила нравственности“ утратились.

Изъ духовныхъ лицъ Невзоровъ пользовался расположеніемъ митрополита Платона, къ которому обращено было одно изъ первыхъ его стихотвореній (1799 года), и архіепископа (впослѣдствіи митрополита) Михаила. Невзоровъ умеръ холостымъ, ос-

тавивши послѣ себя нѣсколько копѣекъ; его похоронили близкіе люди. Лопухинъ писалъ о немъ: „платьемъ онъ не щеголяетъ; человекъ одинокій; экипажу не держитъ; ѣсть не свое, пьетъ, не въ разоренье ни себѣ, ни людямъ, чай только, квасъ, да воду. Отчего же такъ, спросять? Оттого, что онъ любитъ исполнять, или таковъ, что не можетъ не исполнять заповѣдь: „просящему у тебя дай, и хотящему у тебя занять не отврати“. Невзоровъ, управляя университетскою типографіей, доставилъ въ теченіе 7 лѣтъ до 200.000 перевыручки противъ высшей арендной платы; а изъ полученныхъ имъ процентныхъ денегъ въ 1812 г. пожертвовалъ университету (4.316 р.), а остальные (6.000 р.) роздалъ чиновникамъ и рабочимъ, оставшимся неудовлетворенными, за неимѣніемъ въ распоряженіи университета суммъ, послѣ непріятельскаго погрома. „Максимъ Ивановичъ простой человекъ, добрая душа“, говорили люди низшаго званія, съ которыми любилъ бесѣдовать Невзоровъ и помогать.

Когда Дружеское Общество обратилось къ епархіальнымъ начальствамъ съ просьбой выслать воспитанниковъ въ университетъ на иждивеніе общества, Невзоровъ, по окончаніи курса, присланъ былъ изъ Рязанской семинаріи въ 1779 г., и въ слѣдующемъ году произведенъ въ студенты. Невзоровъ получилъ образованіе на счетъ Лопухина, съ которымъ связи его не прекращались до самой смерти послѣдняго: по вступленіи на службу въ Москвѣ до пожара 1812 г. Невзоровъ жилъ въ его домѣ. Невзоровъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ питомцевъ переводческой семинаріи, жившихъ на общей квартирѣ подъ надзоромъ Шварца; онъ окончилъ курсъ по факультетамъ юридическому и по медицинскому: по обоимъ онъ получилъ золотыя медали. Лекціи Шварца сильно подѣйствовали на Невзорова и сообщили ему взглядъ на жизнь и на людей, которому онъ оставался вѣренъ до самой своей смерти. Въ 1788 г. Невзоровъ, по ходатайству Новикова, отправленъ былъ за границу, также на счетъ Лопухина, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Коловольтцевымъ. Невзоровъ поѣхалъ въ Лейденъ, гдѣ получилъ степень доктора медицины, а затѣмъ посѣтилъ другіе германскіе университеты и болѣе всего, въ 1790 и 1791 годахъ, пробылъ въ Геттингенѣ. Гостепріимный Геттингенъ не произвелъ большаго впечатлѣнія на Невзорова: среди блеска университетской науки, при пышномъ разцвѣтѣ нѣмецкой литературы, суровый моралистъ переводилъ на французскій языкъ

мистическую книгу Лопухина: „О внутренней церкви“ и изучал „Тайнство креста Иисусъ Христова и членовъ“. Авторъ этого сочиненія, очень извѣстнаго между масонами, неизвѣстенъ; алхимикъ Герм. Фигуальдъ, въ книгѣ своей „Химическій и философскій пробный камень“ (Аугсб. 1753), приписываетъ его французскому эмигранту Дузетану (Douzetens). Книга эта въ XVIII столѣтїи переведена была съ французскаго на нѣмецкїй; русскїй переводъ появился съ французскаго въ Москвѣ 1784 г., новый переводъ Лабзина изданъ въ С.-Пб. 1814 г. Современное движеніе литературы въ Германїи вызвало въ Невзоровѣ только осужденіе. Замѣтивши довольно вѣрно, что авторъ Антеноровыхъ путешествій Лантье „протолковалъ древнюю мѣологію, обряды и содержаніе всѣхъ вѣръ по системѣ нравственности и мудрости, почерпнутой имъ въ прежнихъ парижскихъ маленькихъ домикахъ“, Невзоровъ продолжаетъ: „такowymi изящными и пригожими сочиненіями болѣе начали заниматься во Франціи, а послѣ перешла сія мода и въ Германію, гдѣ стараются ихъ усовершенствовать всячески. Тамъ въ сихъ вкусныхъ сочиненіяхъ истинные мудрецы и философы перекрещаются въ модныхъ вѣтрогоновъ и сластолюбцевъ, а разбойничьи самымъ дѣломъ атаманы на изворотъ, какъ то видѣть можно въ трагедїи Шиллеровой, названной „Разбойники“,—въ героевъ. О, бѣдная Германія!“ (1809, II, 99).

Разказы Невзорова объ его университетской жизни въ Германїи только выставляютъ въ невыгодномъ свѣтѣ нравственную сторону профессоровъ. Такъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ профессоровъ, въ отвѣтъ на просьбу бѣднаго студента о даровомъ посѣщенїи лекцій, предложилъ ему продать для уплаты за слушаніе серебряныя пряжки съ башмаковъ. Другой профессоръ говорилъ на лекціи, что „если кто почитаетъ за худое мстить, то не что иное есть какъ провислый соусъ“. „Какое превосходное правило!—прибавляетъ Невзоровъ.—Оно, конечно, есть отрасль той философіи, которая учитъ, что амбиція или гордость есть пружина дѣятельности. Новѣйшія событія и происшествія (то-есть погромъ Наполеона) доказали въ Германїи, что столько превозносимая пружина дѣятельности, т.-е. амбиція, весьма не крѣпка и ломвямъ оплотомъ служить противъ разнородныхъ искушеній“.

Въ февралѣ 1792 г. Невзоровъ съ Колокольцевымъ возвращались въ Россію черезъ Ригу; здѣсь они были взяты и при-

везены въ Петербургъ по подозрѣнiю въ соучастiи вмѣстѣ съ мартинистами въ небываломъ преступленiи. Послѣ продолжительнаго ареста и настойчивыхъ допросовъ, Невзоровъ и Колокольцевъ помѣщены были въ больницу: Колокольцевъ умеръ, Невзоровъ выдержалъ. Мало того: Невзоровъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, у которыхъ невзгода судьбы не производитъ озлобленiя и не помрачаетъ благодушной ровности характера. Только съ восшествiемъ на престолъ императора Павла Лопухину удалось вырвать Невзорова изъ больницы и перевести къ себѣ въ Москву. Въ началѣ 1800 года Лопухинъ, отправляясь на ревизiю губернiй Казанской, Вятской и Оренбургской, взялъ его съ собою: это было началомъ скромнаго служебнаго поприща Невзорова. Въ 1801 году, по возвращенiи съ ревизiи, Невзоровъ опредѣленъ былъ членомъ въ канцелярiю университета, и съ тѣхъ поръ служебная его жизнь связана была съ этимъ учрежденiемъ: онъ былъ постепенно назначаемъ инспекторомъ надъ репетиторами и репетицiею университетскихъ учениковъ (1801), помощникомъ цензора книгъ, печатаемыхъ въ Университетской типографiи (1802), членомъ училищнаго комитета, съ открытiемъ министерства народнаго просвѣщенiя, по предложенiю Муравьева (1803) членомъ цензурнаго комитета (1803), завѣдывающимъ хозяйственною частью по постройкѣ зданiй и содержанiемъ казенныхъ студентовъ (тогда же), начальникомъ университетской типографiи (1805). Послѣднюю должность, вмѣстѣ съ цензорскою, Невзоровъ сохранилъ до 1816 года, когда онъ оставилъ службу, по неприяностямъ съ ректоромъ Геймомъ. Невзоровъ въ особенности много содѣйствовалъ спасенiю типографiи въ 1812 г. и возобновленiю ея дѣятельности, жертвуя, какъ мы видѣли, послѣдними своими сбереженiями.

Литературная дѣятельность Невзорова началась, по всей вѣроятности, переводами еще въ семинарiи; но съ достовѣрностью этого сказать нельзя, такъ какъ имена переводчиковъ въ журналахъ Новикова не обозначались. Во время занятiй въ германскихъ университетахъ Невзоровъ, какъ мы видѣли, занимался переводомъ на французскiй книги Лопухина „о внутренней церкви“. Послѣ перѣзда въ Москву Невзоровъ началъ печатанiе стихотворенiй, которыя помѣщались въ московскихъ журналахъ (Иповрена, изд. Сохацкаго, 1801, „Богу благодарственная пѣснь Россiи“, VIII, 3), печатались отдѣльными изданiями („Стихотворенiя Максима Не-

взорова“ М. 1804, „Три оды и пр. соч. Максима Невзорова“ М. 1814) и перепечатывались въ журналѣ „Другъ Юношества“. Эти стихотворенія обнимаютъ два періода: 1799—1804 гг., когда Невзоровъ писалъ по преимуществу оды въ царю и посланія къ друзьямъ, и періодъ 1812—1814 гг.,—патріотическія стихотворенія по случаю торжества Россіи. Прозою Невзоровъ издалъ: „Притчи или изрѣченія Севстія Пивагорейца“, пер. съ латинскаго, М. 1801 г.; „Путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ въ 1800 году“, М. 1803 г.,—наблюденія во время поѣздки его на ревизіи съ Муравьевымъ. Вслѣдствіе отказа проф. Гаврилова продолжать изданіе „Историческаго, статистическаго и географическаго журнала“, Невзоровъ добровольно взялся за это дѣло—„для сохраненія чести университета и не желая лишиться удовольствія читателей прерваніемъ столькихъ лѣтъ современной исторіи“. Невзоровъ издавалъ журналъ въ теченіе полутора года (съ сентября 1812 года по 1 января 1814 года). Характеръ журнала нѣсколько измѣнился: вмѣсто статей, исключительно переводныхъ, начали появляться статьи самого редактора, съ своеобразнымъ отбѣнкомъ, причемъ, конечно, главную роль играло преслѣдованіе Наполеона и восхваленіе императора Александра I. Нѣкоторыя статьи изъ этого журнала, съ прибавленіемъ писемъ И. В. Лопухина, изданы особо („Наполеонова политика или царство гибели народной, и состояніе Европейскихъ государствъ до начатія французской войны 1812 г.“, М. 1813 г.), по желанію и на счетъ Лопухина. Къ этому изданію приложена курьезная гравюра: голый человѣкъ, у котораго изъ жилъ пущена кровь. Лопухинъ былъ охотникъ до аллегорическихъ гравюръ и самъ изобрѣлъ особую гравюру для своей книги „Внутренняя церковь“, приложенную при второмъ ея изданіи.

Журналъ „Другъ Юношества“ издавался Невзоровымъ ежемѣсячно съ 1 января 1807 года по 1 апрѣля 1815 года включительно. Журналъ этотъ, задуманный Невзоровымъ еще въ 1805 г., осуществился по желанію попечителя Муравьева и былъ ему посвященъ, какъ „другу юношества“. По кончинѣ Муравьева съ 1813 года журналъ переименованъ былъ въ „Друга юношества и всякихъ лѣтъ“ — и посвященъ И. В. Лопухину, который съ самаго основанія поддерживалъ всячески журналъ — и деньгами, и статьями, и привлеченіемъ сотрудниковъ. Въ „предисловіи“

программа журнала излагается слѣдующимъ образомъ: „Образованіе сердца и ума есть и должно быть первымъ предметомъ воспитанія и ученія; сюда же входитъ сохраненіе и совершенствованіе тѣлесныхъ способностей. Согласно этому „Другъ Юношества“ долженъ былъ заключать въ себѣ сочиненія, возбуждающія въ читателяхъ любовь къ Богу, государю, отечеству и ближнему, относящіяся къ политической и естественной исторіи, физикѣ, географіи, статистикѣ, въ домашнимъ и хозяйственнымъ упражненіямъ, обоему полу приличнымъ, и принадлежащія наконецъ къ сохраненію здоровья и пріятнымъ въ тому служащимъ упражненіямъ“. При этомъ съ самаго начала Невзоровъ помѣстилъ ожесточенную выходку противъ литературы XVIII вѣка: „Есть много и особенно въ прошедшемъ столѣтіи вышло безъ числа такихъ книгъ, въ которыхъ не найдется ничего служащаго ни къ образованію сердца, ни къ обогащенію ума полезными свѣдѣніями, ни къ сохраненію тѣлесныхъ способностей, а вмѣсто того разсѣяны въ нихъ соблазны, развраты, открытыя правила испорченности, безбожія, невѣрія и совершеннаго отступленія человѣческаго ума отъ чистой истины, но таковыя явленія суть не иное что, какъ нечистыя изверженія природы, которыя принимать или отметать остается всегда въ нашей власти“. Источниками при составленіи журнала Невзорову служили: изданія извѣстныя подъ именемъ *зрѣлищъ природы, уроковъ о природѣ, Плутарха, нравственныхъ сказокъ, басенъ, повѣстей и театровъ для молодыхъ людей, правилъ воспитанія*, въ особенности г-жъ Эджвортъ и Гамльтонъ^а.

Вообще журналъ Невзорова напрасно причисляютъ къ мистической литературѣ. Невзоровъ, конечно, находился въ тѣсной связи съ мартинистами. По поводу предложенной геттингенскимъ ученымъ обществомъ задачи написать исторію мистики, гдѣ она названа нѣкотораго рода философствованіемъ (*genus quoddam philosophandi*), Невзоровъ разобиженный заявилъ, что мистика есть не что иное какъ истинное христіанство („Другъ Юн.“ янв. 1812). Отстаивая Эвкартсгаузена отъ укора въ невѣжествѣ, обращеннаго къ нему критикомъ „С.-Петербургскаго Вѣстника“, при разборѣ сочиненій Эвкартсгаузена „о фосфорной кислотѣ“, Невзоровъ ученія его признаетъ за истинныя и подробно излагаетъ въ своемъ журналѣ, съ обширными выписками. Но въ сущности Невзоровъ былъ скорѣе строгій и ис-

кренній, но ограниченный моралистъ, съ релігіознымъ оттѣнкомъ. По его понятіямъ „Учитель нравственности и испытатель природы и небесъ, показывающій себя противнымъ цѣли истиннаго просвѣщенія, есть не иное что какъ глиняная пустая труба и колоколь безполезно звенящій. Если Оливеръ и Бюффонъ не представляютъ собою примѣра кротости, любви къ ближнему и добродѣтели, то они въ глазахъ моихъ ниже переплетчика и простаго пастуха, трудами своими питающихъ семью и возможную помощь и любовь собратіямъ своимъ человѣкамъ оказывающихъ“. Единственное мѣсто въ журналѣ, гдѣ высказывается мистическій взглядъ на просвѣщеніе, сходный съ убѣжденіями Лабзина,—это предисловіе, написанное Невзоровымъ къ переводу съ латинскаго „Разговоры Натуры, Меркурія и алхимиста“, гдѣ между прочимъ говорится: „Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности, брось гордость, самолюбіе и жажду къ приобрѣтеніямъ и грубую чувственность, и изъ злохудожной души сдѣлай добрую, тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея, которыя ты въ противномъ случаѣ ногами топчешь и не видишь“ (1810, часть 78). Замѣчательно, что при этомъ случаѣ Невзоровъ о занятіяхъ алхіміею и объ отысканіи философскаго камня говоритъ, что подъ этими предлогами иные скрыли аллегорію нравственности человѣческой, для причинъ имъ извѣстныхъ. Можетъ-быть этимъ онъ намекаетъ на пріятелей своихъ мартинистовъ и въ особенности на Лопухина, который занимался алхіміею и въ то же время дѣйствительно былъ большой охотникъ до аллегорій.—Въ первые два года „Другъ Юношества“ издавался Невзоровымъ съ двумя сотрудниками, имъ непоименованными, докторомъ Багрянскимъ и Дмитревскимъ, который потомъ былъ директоромъ училищъ Владимірской губерніи. Журналъ за это время былъ несравненно лучше и разнообразнѣе: переводныя повѣсти и рассказы были плохи, но въ каждомъ номерѣ помѣщалась статья изъ естественной исторіи, составлявшаяся вѣроятно Багрянскимъ, и краткое описаніе какаго-нибудь извѣстнаго лица. Всѣ эти біографіи испещрены подстрочными примѣчаніями Невзорова, часто очень характерными. Такъ, въ біографіи Цезаря Невзоровъ помѣстилъ такое примѣчаніе: „Ежели великими дѣлами называть будемъ одни блистательныя, смѣлыя и громкія дѣла, не обращая вниманія на то, какіе плоды и слѣдствія отъ нихъ родятся для человѣчества, то можно утвердительно сказать,

что честолюбіе производитъ великія дѣла; ежели же великими дѣлами называть будемъ, такъ какъ и должно, тѣ, которыя съ пожертвованіемъ всякой собственности стремятся произвести только благо и пользу всякому человѣку, ближнему и отечеству, то сомнительно, чтобы честолюбіе было матерью великихъ дѣлъ. *Цезарь, вооруженный распутными, наллыми и къ злодѣяніямъ привыкшими воинами, есть точно то же въ Римѣ, что Стенька Разинъ на Каспійскомъ морѣ.* А мы, читая жизнь его, не только сами плѣняемся громкой его славой, но заражаемъ сердца молодыхъ людей и даже дѣтей своихъ, представляя его примѣромъ великости“.

Вольтеръ болѣе всѣхъ былъ ненавистенъ Невзорову; его біографія, конечно, вся испещрена замѣчаніями, гдѣ ему не оказывается никакой пощадки, и наконецъ Невзоровъ такъ выражается: „Говорятъ, что сочиненія Вольтера показываютъ необыкновенный и острый умъ; но въ отвѣтъ на сіе сказать можно, что Ванька Каинъ и Картушъ были въ своемъ родѣ необыкновенные остряки; однако не должно думать, что ихъ должно хвалить. Ежели бы Вольтера за всякое сатирическое сочиненіе брать подъ стражу и сажать въ тюрьму, то во всю жизнь ни въ какомъ государствѣ не было бы ему другаго мѣста, какъ тюрьма“.

Послѣ удаленія сотрудниковъ, особенно въ первые годы (1809 и 1810), журналъ былъ очень плохъ. Изъ университетскихъ товарищей никто не помогаль: Невзоровъ перепечаталь только прежде уже изданную статью Андр. Чеботарева: „Твердыя положенія молодаго человѣка, поставленнаго въ истинахъ и должностяхъ закона христіанскаго“. Поэтому Невзоровъ долженъ былъ искать сотрудниковъ со стороны. Невзоровъ былъ въ этомъ случаѣ неразборчивъ и печаталь все, что ему присылалось,—онъ только рѣшительно отказывался принимать сатиры, эпиграммы и любовнаго свойства комедіи и романы. Максимъ Ивановичъ вообще къ любви относился очень сурово. Въ длинномъ своемъ стихотвореніи „Любовь“, изобразивши темную сторону любви и всѣ несчастія и невзгоды, поселяемая ею въ обществѣ, онъ восклицаетъ:

Не развращайте вы сердце
Невинныхъ, и когда пылаеть
Огонь въ груди, то пусть свершаетъ
Его супружескій вѣнецъ.
Любовь я вижу на крестѣ,

Одною сею хочу плѣняться
И ей одной лишь поклоняться
Во всей душевной чистотѣ.

Не даромъ одна *дѣвица*, прочитавши его журналъ, пришла къ заключенію, что издатель не молодыхъ лѣтъ и несчастливъ въ любви. Театръ тоже Невзоровъ не долюбивалъ; о немъ онъ говоритъ: „Чувствительность наша при театральныхъ зрѣлищахъ не служитъ ни мало въ нашему совершенствованію; а потому театръ не только не приноситъ намъ никакой пользы, но еще болѣе насъ ожесточаетъ“.

Сотрудниковъ со стороны масса,—и поэтовъ, и прозаиковъ, одинъ бездарнѣе другаго, съ именами совершенно неизвѣстными, изъ извѣстныхъ же литераторовъ помѣщали стихи и прозу кн. Шаликовъ и кн. Кугушевъ и по нѣскольку стихотвореній Пав. Голенищевъ-Кутузовъ и кн. И. М. Долгорукой. Въ числѣ университетской молодежи, занимавшейся у Невзорова переводами, участвовалъ Ив. Снегиревъ и помѣстилъ 2—3 стихотворенія И. Калайдовичъ. Постоянные сотрудники Невзорова были большею частію студенты Московской славяно-гречко-латинской духовной академіи и отчасти университета. Къ числу постоянныхъ сотрудниковъ принадлежали Щеголевъ, Наумовъ, Виноградовы, Кобраловъ и т. д.; всѣ они, кромѣ переводовъ, упражнялись и въ поэзіи, но стихи ихъ были очень плохи, не исключая и перевода изъ „Мессіады“ Клопштока кандидата словесныхъ наукъ Урываева. Нѣсколько сотрудниковъ очевидно рекомендованы были И. В. Лопухинымъ; таковы были: И. Андреевъ, Дмитрій Протопоповъ, наводнявшій журналъ и стихами, и прозой, и, въ добавокъ, переложеніемъ чуть не цѣлой Псалтири, хотя это переложеніе было уже напечатано. Изъ питомцевъ Лопухина нѣкотораго вниманія заслуживаетъ А. Ковальковъ. Онъ началъ помѣщать свои переводы очень рано; 18 лѣтъ онъ занемогъ и сдѣлался мистикомъ. Съ 1811 г. Ковальковъ началъ помѣщать свои мистическія произведенія въ журналъ Невзорова („Совращеніе челоуѣка съ прямого пути и средства возвращаться на него“, „Воздыханія христіанскаго сердца“, „Путь къ истинѣ“, „Разговоры съ Феофиломъ и филологомъ“, „Между феосторгомъ и автономомъ“, „Путь молитвеннаго сердца“ и т. д.). Въ томъ же году Ковальковъ всѣ эти размышленія издалъ отдѣльною книжкой, подъ заглавіемъ: „Плодъ сердца, полюбившаго истину, или собраніе краткихъ

разсужденій о ея сущности, написанныхъ пламенной къ ней любовью“. Ковальковъ, какъ видно, былъ любимцемъ Лопухина, и потому Невзоровъ помѣщалъ все, что онъ ни присылалъ; а присылалъ онъ очень много, начиная съ мистическихъ разсужденій до всякихъ чувствованій и описаній, не исключая и села Савинскаго, усадьбы Лопухина, гдѣ въ обширномъ саду поставлены были памятники Фенелона, Дю-Туа, г-жи Гюйонъ, Бема, Эквартсгаузена и вмѣстѣ съ нимъ хижина Жапъ-Жака Руссо. Ковальковъ, какъ мы видѣли, былъ сотрудникомъ „Сіонскаго Вѣстника“. Такой неразборчивый пріемъ всего, что присылалось въ журналъ, условливался совершеннымъ отсутствіемъ всякаго настоящаго пониманія у Невзорова. Для него идеаломъ поэзіи былъ Бобровъ, авторъ невозможныхъ поэмъ, служившій общимъ посмѣшищемъ для современниковъ,—Бобровъ, на котораго написана была извѣстная эпиграмма:

Нѣтъ спора, что Бибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ,
Изъ смертныхъ бо никто его не разумѣлъ.

Невзоровъ, помѣстивши его некрологъ, какъ „соучастника и совоспитанника“, ставитъ его на первомъ мѣстѣ послѣ Ломоносова и Державина и находитъ, что сочиненія Боброва „исполнены мыслями и красотами необыкновенными, только въ литературѣ *genіямъ* свойственными“. На основаніи такого своеобразнаго понятія о *genіяхъ*, Невзоровъ произвелъ въ этотъ разрядъ двухъ своихъ поэтовъ-сотрудниковъ, студентовъ духовной академіи Гольякова и Восленскаго. Оба они написали массу стиховъ, въ томъ числѣ Гольяковъ перевелъ поэму Клейста „Весна“, а Восленскій издалъ отдѣльно переводъ тяжелыми стихами съ итальянскаго поэмы кавалера Морино „Избіеніе младенцевъ въ Виолемѣ“ (М. 1811 г.), изъ которой отрывки помѣщены были въ „Другѣ Юношества“. Кромѣ стиховъ, Восленскій участвовалъ въ журналѣ переводами въ прозѣ и помѣстилъ большое разсужденіе „о пользѣ физики“, а по окончаніи курса поступилъ діакономъ въ церковь Св. Владиміра, что въ Садахъ. Кромѣ того Невзоровъ давалъ мѣсто въ своемъ журналѣ упражненіямъ малолѣтнихъ сочинителей стиховъ и прозы, таковы были: 13-лѣтняя Софья Беккендорфъ, 10-лѣтній Александръ Якови, 16-лѣтній Яковъ Бередниковъ, тихвинскій купеческій сынъ, обучавшійся сначала въ Тихвинскомъ монастырѣ (длинное стихотвореніе: „Плачь матери при Крестѣ Богочеловѣва), 11-лѣтній отрокъ Сергѣй Викуловъ и нако-

нецъ выросшій на рукахъ Невзорова 9-лѣтній Николай Дудышкинъ, сынъ задушевной его пріятельницы, вдовы М. И. Дудышкиной и извѣстный литераторъ. Статьи въ журналѣ были почти все переводныя, оригинальнаго было очень мало, но всѣ переводы подчинялись господствующему нравственно-религіозному направленію, а если оригиналъ въ чемъ-нибудь выходилъ изъ колеи, то онъ комментировался длинными подстрочными примѣчаніями издателя. Какое отношеніе къ литературѣ имѣлъ Невзоровъ, видно изъ отзывовъ его о двухъ самыхъ крупныхъ современныхъ писателяхъ. Въ критическомъ разсмотрѣніи трагедіи Шиллера „Разбойники“, появившейся тогда въ переводѣ, Невзоровъ пришелъ къ заключенію, что Шиллеръ не имѣлъ никакого понятія о добродѣтели и вѣжеству онъ гораздо менѣе о ней старался, нежели о томъ, чтобы прославить себя произведеніями воображенія; сочиненіе это онъ причислилъ къ ряду тѣхъ, которыя являются какъ „плоды испорченнаго и развращеннаго ума и вышедшаго изъ предѣловъ, замараннаго и исковерканнаго воображенія, а потому самому кромѣ вреда ничего принести не могутъ“. „Славный Гёте „Вертеромъ“ своимъ, сочиненнымъ по правиламъ французской словесности, причинившій не одно въ Европѣ самоубійство и недавно въ россійскихъ нашихъ журналахъ обезславленный, становится опять оракуломъ изящности“.

Понятно, что журналъ Невзорова не имѣлъ успѣха въ свое время и совершенно забытъ теперь, хотя въ немъ, конечно, есть интересныя частности, характеризующія современное общество. Интересно, что я нашелъ въ Румянцевскомъ музеѣ книжки „Друга Юношества“ *неразрѣзанными!* По собственному сознанію издателя, *юноши*, прочитавши книжку, заявляли, что журналъ годится только для стариковъ, а не для молодыхъ, а старикамъ нынѣ не вѣкъ; мать семейства бросала съ восклицаніемъ: „ахъ, какой скучный этотъ журналъ!“ Несмотря на все стараніе Невзорова о разнообразіи, на помѣщеніе даже статей въ родѣ: „для дѣвицъ нѣчто о нарядахъ“,—конечно, съ своей точки зрѣнія,—люди образованные безжалостно повторяли: „Максимъ Невзоровъ—писатель вздоръ!“ Изъ всѣхъ статей журнала, кромѣ приведенныхъ нами выше статей мартинистовъ, имѣютъ цѣну и въ настоящее время:

1. Записки, оставшіяся по смерти княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева и супруги князя И. А. Долгорукаго, любимца Петра II.

Записки присланы княземъ И. М. Долгорукивъ, чрезъ Лопухина, добавившаго о жизни княгини послѣ возвращенія изъ ссылки монахиней Кіевскаго монастыря.

2. Отрывки изъ философическихъ бесѣдъ покойнаго проф. И. Г. Шварца (1812 г., май, 46—66; 1813 г., генварь, 85—101).

3. Не лишенное интереса путешествіе по сожженной Москвѣ, М. Виноградова.

Представителемъ новаго направленія въ русской журналистикѣ явился въ Москвѣ Карамзинъ, уже прежде, какъ мы видѣли, выступившій тамъ на журнальное поприще и предпринявшій изданіе „Вѣстника Европы“ въ 1802 году.

О значеніи въ общественномъ смыслѣ журнальной дѣятельности Карамзина было уже говорено: все предыдущее примѣняется главнымъ образомъ къ разсматриваемому журналу. Карамзинъ совершенно вѣрно понялъ настоящій моментъ. Въ предисловіи къ „Вѣстнику Европы“ и въ одной изъ статей его: „Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“ (ч. 3, № 12),—Карамзинъ указалъ, насколько общее состояніе Европы и Россіи въ частности благопріятствовало тогда журналистикѣ. „Десятилѣтняя революціонная война кончилась, измѣнивъ мнѣніе о вещахъ и людяхъ. Революція, грозившая ниспровергнуть всѣ правительства, утвердила ихъ. Она убѣдила всѣ народы въ необходимости законнаго правленія, а государей—въ необходимости правленія благодѣтельнаго, твердаго, но отческаго. *Правительства чувствуютъ важность общаго мнѣнія, нуждаются въ любви народовъ, необходимость истребить злоупотребленія.* Въмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвье, они склоняютъ его на свою сторону, такъ что *лучшіе умы стоятъ теперь подъ знаменемъ власти*“. „Россія въ политикѣ пользуется такимъ уваженіемъ, котораго никогда не имѣла; свѣтъ ученія болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества; благородныя, истинно человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; разсудокъ утверждаетъ права свои; патриотическій духъ возвышается. Всѣ эти видимыя успѣхи гражданственности служатъ залогомъ будущихъ“. Въ томъ же предисловіи и статьѣ о книжной торговлѣ и любви къ чтенію (ч. 3, № 9) Карамзинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ признаки появившагося стремленія къ образованію въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ: „Однимъ словомъ, если вкусъ къ литературѣ можетъ быть названъ модою, то она теперь общая и

главная въ Европѣ. Отечество наше не будетъ исключеніемъ. Спроси московскихъ книгопродавцевъ и ты узнаешь, что съ нѣкотораго времени торговля ихъ быстро возрастаетъ, и что хорошее сочиненіе имъ теперь кажется золотомъ“. При этомъ Карамзинъ указываетъ на множество разнощиковъ, которые „ѣздятъ по свѣту съ драгоценностями русской литературы и продаютъ множество книгъ сельскимъ нашимъ дворянамъ... Уже почти во всѣхъ губернскихъ городахъ есть книжныя лавки; на всякую ярмарку, вмѣстѣ съ другими товарами, привозятъ и богатства нашей литературы. Такъ, напримѣръ, сельскія дворянки на Макарьевской ярмаркѣ запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде торгаши ѣзжали по деревнямъ съ лентами и перстнями; нынѣ ѣздятъ они по большей части съ ученымъ товаромъ; я знаю дворянъ, которые имѣютъ ежегоднаго дохода не болѣе 400 рублей, но собираютъ, по ихъ словамъ, библіотеки“. Исходя изъ сознанія о важности въ современной жизни общаго мнѣнія, Карамзинъ придалъ своему журналу новый, до него не существовавшій характеръ журнала литературнаго и политическаго, подраздѣляя „Вѣстникъ Европы“ на два опредѣленные и самостоятельные отдѣла: *Литература* и *смѣсь и политика*. Въ политической части Карамзинъ излагалъ ходъ внѣшней политики и свое мнѣніе о важнѣйшихъ мѣрахъ правительства, а равно и замѣчательныя явленія общественной жизни, исключительно съ точки зрѣнія филантропіи и нравственности. Что касается до внѣшней политики, то собственно оригинальныхъ статей Карамзинъ помѣстилъ немного: „Всеобщее обозрѣніе“ (ч. 1, № 1), „О мирѣ“ (ч. 2, № 8), „Изображеніе французской республики“ (ч. 9, № 11), „О французской высадкѣ“ (ч. 2, № 19), „О Швейцаріи“ (ч. 6, №№ 2 и 24), и „Взоръ на прошедшее“ (1802 годъ) (ч. 1, № 1). Взглядъ Карамзина на предшествовавшую революцію и дѣятельность Наполеона таковъ: „Французы хотѣли прежде мечтательнаго равенства, которое дѣлало ихъ всѣхъ равно несчастливыми; теперь, разрушивъ мечты, возстановивъ религію, столь нужную для сердца въ мірѣ превратностей, не менѣе нужную и для благоденствія государствъ, отличивъ достойныхъ гражданъ важнымъ правомъ избранный въ республиканскія должности (*par les listes de notabilité*) и чрезъ то уничтоживъ вредную для Франціи демократію, монархъ-консулъ оправдываетъ дѣло судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія“. „Бонапартъ, умертвивъ чудовище ре-

волюціи, заслужилъ вѣчную благодарность Франціи и даже Европы. Въ семъ отношеніи будемъ всегда съ удовольствіемъ хвалить его, какъ великаго медива, излѣчившаго головы отъ опаснаго круженія. Пожалѣемъ, если онъ не имѣетъ законодательной мудрости Солона и чистой добродѣтели Ливурга, который образовавъ Спарту, самъ себя на вѣки изгналъ изъ отечества. Вотъ дѣло героическое, предъ которымъ всѣ Лоди и Маренго исчезаютъ“.

О Россіи Карамзинъ говоритъ: „Россія видитъ на тронѣ своемъ любезнаго сердцу монарха, который всего ревностнѣе желаетъ ей счастья, взявъ себѣ за правило, что добродѣтель и просвѣщеніе должны быть основаніемъ государственнаго благоденствія“. Тотъ же хвалебный оптимистическій тонъ принимаетъ Карамзинъ и въ статьяхъ своихъ по внутреннимъ вопросамъ. Таковы статьи: Манифестъ о новомъ образованіи министерства, Указъ о правахъ Сената (ч. 5, № 19) и О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи (ч. 8, № 5). Этотъ восторженный, хвалебный тонъ въ то время былъ совершенно понятенъ и естествененъ: начало царствованія императора Александра дѣйствительно озарило всеобщую радостью и ожиданіями. Правительство смѣло выступало на путь либеральныхъ реформъ и отерывало просторъ общественному мнѣнію; оно заботилось о распространеніи образованія; въ преобразованіи сената и учрежденіи министерствъ оно высказывало твердую волю замѣнить царствовавшій дотолѣ произволъ господствомъ прочнаго и незыблагаго закона, поддерживаемаго новою организаціей высшихъ учреждений. Какой другой тонъ могъ быть умѣстенъ въ данную минуту, пока не наступила пора разочарованія! Въ отвѣтъ на вопросъ правительства, Карамзинъ имѣлъ полное право, обращаясь къ тогдашнему интеллигентному обществу, сказать: „усердіемъ своимъ въ просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій и желаемъ пользоваться такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ человѣколюбіемъ“. Если въ то время немного было людей, отвѣчавшихъ дѣломъ на призывъ Карамзина, то теперь—увы!—въ средѣ вліятельной еще меньше людей даже раздѣляющихъ съ Карамзинымъ его благородное желаніе. По крайней мѣрѣ въ то, далекое отъ насъ, время несчастная мысль о вредѣ просвѣщенія въ народной массѣ была менѣе распространена въ извѣстной средѣ, нежели теперь, по простествіи слишкомъ 80 лѣтъ. Кромѣ приведенныхъ статей по части внѣшней политики,

всѣ сообщаемыя Карамзинымъ свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, о состояніи различныхъ государствъ и вообще о всемъ касающемся политическаго строя западной Европы заимствованы изъ иностранныхъ повременныхъ изданій и сочиненій. Въ политической части помѣщались: акты представленные консуломъ законодательному совѣту, рѣчи депутатовъ французскаго совѣта, рѣчи государственнаго совѣтника Порталиса при внесеніи на разсмотрѣніе совѣта проекта гражданскаго уложенія и закона о бракахъ; отчетъ о засѣданіяхъ англійскаго парламента; рѣчь швейцарскаго Ландмана д'Афри при открытіи сейма; свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ большею частью въ формѣ писемъ изъ разныхъ мѣстностей, заимствованныхъ изъ иностранныхъ журналовъ (*Moniteur, Gazette de France, Bulletin de Paris, Courier de Londres, Argus, Архенгольцева Минерва, нѣмецкій политическій журналъ, Гамбургскія Вѣдомости, Morning chronicle, лондонскій журналъ the Sun* и проч.). Отдѣльныя статьи о разныхъ политическихъ предметахъ, принадлежащія извѣстнымъ и поименованнымъ авторамъ, заимствованы изъ сочиненія ген. Ренье о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Египтѣ; Крамера письмо изъ Парижа о Наполеонѣ; политическіе отрывки гражд. Ешессарио, „одного изъ лучшихъ политическихъ авторовъ Франціи“; отчетъ о сочиненіи Неккера; послѣднія политическія мысли, переведенныя изъ Декады (*Decade*); истинный смыслъ народнаго согласія на вѣчное консульство Наполеона Бонапарта, сочиненія Камиля Журдана, надѣлавшее много шума во Франціи и запрещенное полиціею; о выгодахъ торговли по Черному морю для Франціи и Россіи, соч. Малекевскаго; письмо изъ Дерпта въ О. П. К. (озадавлеву) отъ фонъ Р. съ замѣчаніями на русскіе законы по поводу соч. Клейна: *Annalen der Gesetzgebung und Rechtsgelehrsamkeit in den Preuss. Staaten*; донесеніе Бонапарту полк. Себастьяни, посѣтившаго Египетъ и Сирію; о нынѣшней войнѣ французовъ съ Доминго и съ Конго: „*The crisis of the Sugar-Colonies*“; важность монеты для Англій изъ сочиненія Георга Отта; о войнѣ между Англійей и Франціей, статья Фьере, издаваемаго оригинальное путешествіе по Англій, гдѣ онъ отзывается, что страна эта всѣмъ обязана Французамъ и т. д.

Литературный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько оригинальныхъ сочиненій самого Карамзина, который былъ главнымъ, если не единственнымъ сотрудникомъ въ издаваемомъ журналѣ.

Сюда относятся статьи „О любви къ отечеству и народной гордости“ (ч. 1, № 4); „Моя исповѣдь“ (ч. 2, № 6); „Мысли объ уединеніи“ (ч. 3, № 10); „Пріятные виды, надежды и желанья“ (ч. 3, № 12); „О счастливейшемъ времени жизни“ (ч. 10, № 13); „Чувствительный и голодный“ (ч. 11, № 19); повѣсть „Рыцарь нашего времени“, неоконченная (ч. 1, 4 и 8); „Марѳа посадница или покореніе Новгорода“ (ч. 7, №№ 1, 2 и 3); статьи историческаго содержания: „Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ и въ семь монастырѣ и О случаяхъ и характерахъ въ російской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ“ (ч. 6, № 24); „Путешествіе вокругъ Москвы“ (ч. 7, № 4); „О тайной канцеляріи“ (ч. 8, № 6); „О російскомъ посольствѣ въ Японію“ (ч. 9, № 11); „Извѣстіе о Марѣѣ посадницѣ, взятое изъ житія Св. Зосимы“ (ч. 9, № 12); „Объ имени рѣки Яхромы“ (ч. 10, № 13); „О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ (ч. 11, № 18). Кромѣ Карамзина въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщены повѣсти: „Вадимъ Новгородскій“ Жуковскаго и „Модный философъ“ Вл. Измайлова. Въ числѣ оригинальныхъ статей помѣщено „Письмо сельскаго жителя“, подъ псевдонимомъ Луки Еремѣева, написанное Карамзинымъ и повлекшее на него обвиненіе въ сочувствіи къ крѣпостному праву. Въ письмѣ этомъ рассказывается, что крестьяне, отпущенные на оброкъ, предались пьянству и обѣдняли, а для поправленія ихъ состоянія оказался полезнымъ переводъ ихъ на барщину. Такой единичный и, притомъ, по условіямъ того времени, совершенно возможный случай самъ по себѣ ничего не доказываетъ; но совершенно вѣрно, что Карамзинъ въ этомъ случаѣ не стоялъ выше своихъ современниковъ и очень искренно примирялся съ крѣпостнымъ правомъ, хотя и возставалъ наравнѣ съ немногими гуманными людьми противъ его злоупотребленій.

Въ числѣ оригинальныхъ статей помѣщены: Гр. Глинки „Храмъ Свѣтовида“, отрывокъ изъ занятій его славянскою миеологіей; письмо Д. И. Фонъ-Визина къ его пріятелю о планѣ російскаго словаря; и замѣтка „о русскихъ комедіяхъ“, подписанная В. В., гдѣ авторъ возражаетъ противъ того, что комическіе писатели берутъ своихъ героевъ изъ провинціаловъ или изъ низкихъ слоевъ общества, тогда какъ необходимо выставять на сцену пороки тѣхъ лицъ, которыя составляютъ публику, въ смыслѣ высшихъ классовъ, и показывать обществу настоящія его раны.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ принимали участіе, кромѣ самого Карамзина, изъ извѣстныхъ тогда поэтовъ: Державинъ, Дмитриевъ, Вас. Пушкинъ, Жуковскій „Сельское кладбище изъ Грея“, Херасковъ (?) „Стихи за полученную Высочайшую милость“ (ч. 7, № 2, стр. 100), Нелединскій-Мелецкій „Отрывокъ Делилева дифирамба на безсмертіе“ (ч. 8, № 5). Главную пищу журнала Карамзинъ все-таки находилъ въ переводахъ: „Сочинять журналъ одному трудно и невозможно; достоинство его состоитъ въ разнообразіи, котораго одинъ талантъ, не исключая даже и Вольтерова, никогда не имѣлъ; но разнообразіе пріятно съ хорошимъ выборомъ, а хорошей выборъ иностранныхъ сочиненій требуетъ еще хорошаго перевода,— надобно, чтобы пересаженный цвѣтокъ не лишался красоты и свѣжести своей“.

Изъ переводныхъ статей главную роль занимаетъ г-жа Жанлисъ. Карамзинъ издавна питалъ въ ней большое сочувствіе и наполнилъ переводами изъ нея „Дѣтское чтеніе“, когда принялъ на себя его редакцію, вмѣстѣ съ Петровымъ. Сочувствіе это объяснялось прежде всего сходствомъ направленія: Жанлисъ также признавала чувствительность необходимымъ качествомъ писателя; въ глазахъ ея, также какъ и Карамзина, дурной человекъ и хороший авторъ были понятія несомѣстимыя, хотя біографія Жанлисъ гораздо менѣе Карамзина оправдываетъ на самомъ дѣлѣ это достойное уваженія воззрѣніе. Изъ сочиненій Жанлисъ переведены: „Гроза или палата и хижина“, „Исторія эмигранта“, „Кладбище въ Цугѣ, горномъ кантонѣ Швейцаріи“, „Любезный король“, „Бѣлая магія или полезный шарлатанъ“, „Отрывки изъ воспоминаній Фелиціи (Souvenirs de Felicie)“, „Меланхолія и воображеніе“, отрывокъ—свиданіе съ Вольтеромъ и Жанъ-Жакомъ Руссо. Изъ другихъ писателей помѣщено: изъ Лафонтена повѣсти Гулькемъ и Галатея, помѣщенная во многихъ журналахъ и притомъ не въ дословномъ переводѣ, а въ видѣ извлеченій; отрывки изъ записокъ аббата Сулави (Memoires de Soulavie) о Людовикѣ XVI и Маріи Антуанетѣ; изъ Дежерандо, котораго Карамзинъ называетъ „первымъ нынѣшнимъ метафизикомъ въ Парижѣ“, Свадебный контрактъ; изъ путешествія Оливье въ Турцію Пасванъ-оглу и о провинціальномъ тамъ управленіи; изъ Сентъ-Ламберта рассказъ „Кто щедрѣе“; коротенькій отрывокъ изъ путешествія аббата Бартеlemi въ Италію; изъ нѣмецкаго философа Гарве „О напрасныхъ ожида-

ніяхъ; изъ Шиллера—*Игра судьбы*; изъ путешествія Денона въ Египетъ—Нынѣшніе арабскіе свазочники, поэты и мудрецы; изъ Гердера разговоръ О невидимо-видимомъ обществѣ, гдѣ развивается мысль о человечествѣ въ смыслѣ гуманизма и недостаткамъ государства, какъ осуществленія объединенной народности, противоплагается „Общество всѣхъ мыслящихъ людей на земномъ шарѣ“; изъ Фьеве—Ревность; Сеньора—о привычкѣ; Коцебу—Воздушные шары; изъ Шатобріана—Лагарпъ и Фонтень; новыя мысли Жанъ-Жака Руссо (изъ франц. журнала); изъ путешествія Турнера—торжественное шествіе молодаго и стараго Тибетскаго Ламы; изъ путешествія русскаго капитана Биллинга—Якутская пѣсня; изъ Кондорсета—разговоръ Діогена съ Аристиппомъ о лести; девятая Демосѣнова Филиппика; изъ книги Біо—Опытъ общей исторіи наукъ во время революціи и проч. Карамзинъ между прочимъ говоритъ въ своемъ журналѣ довольно много о конституціи, что для того времени было рѣдкостью, такъ какъ переводъ Делольма „Конституція Англии“ (съ франц. Ив. Татищевъ) изданъ *по Высочайшему повелѣнію* только въ 1806 году; и поэтому Г. Галаховъ напрасно утверждаетъ, что Карамзинъ познакомился съ конституціей только изъ этого сочиненія. Въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщенъ обзоръ „Новой французской конституціи“, измѣненной Наполеономъ, изъ нѣмецкаго журнала, гдѣ излагаются и осуждаются всѣ нововведенія, клонившіяся къ приданію правительственной власти монархическаго значенія. Упомянувъ о конституціи Италіанской республики, Карамзинъ оговаривается: „съ нѣкотораго времени намъ извѣстно столько конституцій, что онѣ уже мало занимаютъ любопытство, но сія важется, по обстоятельствамъ, надежною и достойна вниманія“. Кромѣ того переведены статьи различнаго содержанія изъ иностранныхъ періодическихъ изданій, преимущественно изъ Архенгольцевой Минервы, Декады—парижскаго журнала; а затѣмъ изъ французской газеты, Моднаго Магазина, Сѣвернаго Зрителя, Лондонскаго Курьера, Философскаго магазина, Новой французской бібліотеки, Европейскаго магазина (European Magazine), Утренней хроники (Morning Chronicle), изъ Американскаго журнала и др.

Что касается до критики, то ее почти исключалъ журналъ Карамзина. Карамзинъ прямо заявляетъ, что „онъ не считаетъ критику истинною потребностью нашей литературы, не говоря уже о непріятностяхъ имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей“.

Карамзинъ, какъ видно, хорошо помнилъ рассказанное нами препирательство въ „Московскомъ журналѣ“ съ Туманскимъ, по поводу критики на его переводъ Палафата. Карамзинъ съ сомнѣніемъ спрашиваетъ: „Точно ли критика научаетъ писать, не гораздо ли сильнѣе дѣйствуютъ примѣры и не вездѣ ли талантъ предшествовалъ ученому, строгому суду? Пиши, кто умѣетъ писать хорошо: вотъ самая лучшая критика на дурныя книги. Глупая книга есть не сильное зло въ свѣтѣ. У насъ же такъ мало авторовъ, что не стоить труда и поучать ихъ. Но если выйдетъ нѣчто изрядное, то отчего не похвалить“. Въ Карамзинскомъ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщена довольно обширная и обстоятельная статья Карамзина „О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ“, похвальный отзывъ „О путешествіи въ Малоросію“ кн. Шаликова, приписываемый Жуковскому, Критическій разборъ русской грамматики Ледрю, изданной въ Парижѣ, Отзывъ о переводѣ путешествій Антенора по Греціи и Азіи (подписанъ Р.).

„Вѣстникъ Европы“, вышедши изъ рукъ Карамзина, сохранялъ данное имъ направленіе во все время своего существованія, несмотря на происшедшія во всѣхъ отношеніяхъ измѣненія въ окружающей средѣ; содержаніе его и значеніе вообще скорѣе упало со времени оставленія его Карамзинымъ. Въ 1804 году „Вѣстникъ Европы“, по каталогу Смирдина, перешелъ къ Панкр. Сумарокову; Каченовскій принималъ въ немъ большое участіе, въ качествѣ сотрудника, можетъ быть и главнаго, но не издателя и редактора. Это доказывается характеромъ журнала, совершенно измѣнившимся, какъ скоро редакція перешла къ самому Каченовскому. Кромѣ Каченовскаго, сотрудникомъ „Вѣстника“ въ томъ году былъ П. И. Макаровъ, окончившій изданіе своего журнала „Московскій Меркурій“. Въ 1804 году „Вѣстникъ“ почти исключительно наполнялся переводами повѣстей Жанлисъ (7 повѣстей и рассказовъ, кромѣ мелкихъ статей), Дюкре Дюмениля (3 повѣсти) и Лафонтенъ (2 повѣсти). Число оригинальныхъ статей очень незначительно: Краткое начертаніе сибирской исторіи проф. Шлецера, рѣчь одного пансіонскаго воспитанника О томъ, что изученіе законовъ должно быть главнымъ предметомъ каждаго благовоспитаннаго гражданина; „Новое путешествіе въ Малоросію“, кн. Шаликова (начатое печатаніемъ въ „Московскомъ Меркуріи“), его же Воспоминаніе о П. Макаровѣ, по случаю его смерти; „Россіянинъ

въ Лондонѣ“, письмо, также начатое въ „Меркуріи“, гдѣ описываются между прочимъ всѣ виды развратныхъ женщинъ въ Лондонѣ. Вообще въ томъ году кн. Шаликовъ почти одинъ наполняетъ журналъ и стихами, и оригинальными статьями, и переводами; издатель, повидимому, не располагалъ большимъ запасомъ матеріала, такъ какъ онъ перепечаталъ, не указывая источника, изъ „Чтенія для вкуса и разума“ приведенный нами анекдотъ о воспитаніи мальчика примѣромъ истязанія собаки.

Въ отношеніи ко внѣшней политикѣ сдѣлано измѣненіе и отдѣльныя выписки изъ разныхъ иностранныхъ газетъ замѣнены перечнями ежемѣсячныхъ извѣстій изъ главнѣйшихъ государствъ (Парижа, Лондона, Италіи и Германіи), гдѣ событія излагались вкратцѣ, на каждый случай отдѣльно, на основаніи иностранныхъ журналовъ, и притомъ только съ фактической стороны, не сопровождаясь никакими разсужденіями. Немногое остальное составляетъ переводный балластъ, заимствованный изъ иностранныхъ по временныхъ изданій и мелкихъ отрывковъ изъ разныхъ авторовъ (Лихтенберга, Лантье, Гердера, Шатобриана, Песталоцци, изъ Гершеля и Лавуазье по части астрономіи и химіи, изъ Tableaux historiques de l'orient par d'Ossont, аѳинскихъ писемъ, переведенныхъ и изданныхъ отдѣльно Каченовскимъ и пр.). Съ 1805 по 1808 годъ журналъ перешелъ къ Каченовскому. Въ началѣ 1805 года Каченовскій говорилъ: „Я трудился одинъ и,—по возложенной на себя обязанности,—буду трудиться до истеченія нынѣшняго года. Кромѣ пьесъ Рюрикъ о музеѣ г. Дубровскаго—о краснорѣчій Бридена, письма о языкѣ древнихъ сарматъ, двухъ писемъ изъ Грузіи и статьи о благодѣтеляхъ,—все въ прозѣ писано мною. Пьесы политическія и извѣстія взяты изъ разныхъ журналовъ и газетъ; нѣкоторыя пьесы, относящіяся до наукъ и словесности, почерпнуты изъ тѣхъ же источниковъ: все прочее мною сочинено или переведено изъ тѣхъ же источниковъ. Постараюсь распространить планъ моего „Вѣстника“ и отъ времени до времени помѣщать сочиненія и переводы, которые до сихъ поръ въ него не входили. Въ заключеніе, могу предварительно увѣрить всѣхъ благомыслящихъ, что никакая статья, оскорбляющая вкусъ, противная личностямъ общезнатія, возбуждающая омерзеніе,—словомъ, никакая статья, *похожая на критику или лучше на пасквиль*, помѣщенный въ одномъ изъ періодическихъ нашихъ сочиненій, въ ко-

торомъ безыменной авторъ изволить забавляться на счетъ писателей, украшающихъ Парнасъ Россійскій, и ставить ихъ наравнѣ съ безыменными пачкунами,—не обезобразить моего журнала. Участъ такихъ людей самая жалкая“ (1808 г., № 16, стр. 322—323).

Но такое отношеніе къ журнальной критикѣ вовсе не удовлетворяло современную публику, и одинъ изъ подписчиковъ писалъ издателю: „Скажите, гдѣ приносить жалобу на людей, которые, пользуясь любопытствомъ читающей публики, занимають или хотять занимать ее книгами, служащими болѣе къ истребленію, нежели къ очищенію вкуса! Кажется, это принадлежитъ къ вѣдомству и журналистовъ; кажется, ихъ дѣло остерегать и авторовъ, и читателя“ (1805 г., № 17, стр. 40).

Въ слѣдующемъ же году обстоятельства измѣнились и Каченовскій въ январской книжкѣ увѣдомляетъ, что онъ не можетъ печатать всего присылаемаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на успѣхъ журнала въ публикѣ, на „одобреніе начальства и благосклонность сусрибентовъ“.

Въ политической части журнала Каченовскій былъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. Оно вообще не расположено было къ Наполеону: великій полководецъ утратилъ въ глазахъ общества значеніе укротителя революціонной гидры и восстановителя законнаго порядка; ничѣмъ не удовлетворяемое властолюбіе, игравшее судьбою народовъ и обращавшее войну въ единственнаго рѣшителя ихъ судьбы, все болѣе и болѣе снимали съ него ореолъ даже въ глазахъ самыхъ консервативныхъ „друзей порядка“. Каченовскій тогда уже, въ своемъ нерасположеніи къ Наполеону, заходилъ довольно далеко по самой формѣ выраженія. Такъ, напри мѣръ, онъ говоритъ: „Не трудно рѣшить, кто большій изъ двухъ героевъ, Наполеонъ или братъ Діаволь, недавно схваченный и повѣщенный въ Неаполѣ, по правазанію брата Юсафа. Итальянскій разбойникъ, при счастливейшихъ обстоятельствахъ, могъ бы заслужить славу Ермака, избавивъ свое отечество отъ французскаго ига. Напротивъ того Наполеонъ ничѣмъ не загладитъ своихъ злодѣяній“ (1807 г., № 1, стр. 79 и прим.). Къ переводу статьи „О политическомъ равновѣсіи“ прибавлено слѣдующее примѣчаніе: „сія статья подаетъ случай дѣлать остроумныя сравненія и во многихъ чертахъ находить сходство между Аттилою Гунновъ и Аттилою Корсианскимъ“ (май 1807 г., № 10, стр. 156).

Внутренними дѣлами Каченовскій вовсе не занимался и вообще „Вѣстникъ Европы“ послѣ Карамзина совершенно отстранилъ отъ себя эту задачу, даже въ томъ хвалебномъ, оптимистическомъ тонѣ, въ которомъ, по обстоятельствамъ данной минуты, поставилъ ее Карамзинъ; изрѣдка лишь попадаются простыя указанія на дѣйствія правительства, не сопровождаемыя никакими разсужденіями. Только изданіе цензурнаго устава 1804 года и постановление объ евреяхъ составляютъ исключеніе и вызвали со стороны Каченовскаго безусловное одобреніе мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Каченовскій по убѣжденію сочувствуетъ цензурѣ. Въ своей статьѣ „О книжной цензурѣ въ Россіи“ Каченовскій говоритъ: „Вольтеръ хотѣлъ, чтобы дозволено было писать все безъ изыятія, утверждая, что благо и спокойствіе общества не зависятъ отъ напечатанной книги. Постыдный для общества примѣръ неистовыхъ революцій доказалъ неосновательность Вольтеровскаго мнѣнія: еслибы всѣ верховныя власти заблаговременно пеклись о доставленіи обществу книгъ, способствующихъ къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, еслибы они удаляли сочиненія, противныя сему намѣренію, то французы не посрамили бы своего имени предъ лицомъ свѣта и потомства, не обагрили бы рукъ своихъ кровью законнаго своего государя, не пресмыкались бы у ногъ хитраго чужестранца“. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что цензурный уставъ, привѣтствуемый Каченовскимъ, былъ самый либеральный изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ: онъ запрещалъ лишь сочиненія прямо противныя вѣрѣ, святости власти, нравственности и личной чести и вмѣнялъ въ обязанность въ запрещеніи печатанія руководствоваться *благоразумнымъ снисхожденіемъ*, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣсть въ оныхъ, которыя, по какимъ-либо мнимымъ причинамъ, кажутся подлежащими запрещенію“. Такимъ образомъ Каченовскій во всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду либеральную цензуру и не былъ на сторонѣ стѣсняющихъ печать и вообще репрессивныхъ распоряженій“, отодвигающихъ общество „къ четырнадцатому столѣтію“.

Въ литературномъ отношеніи характеръ оригинальности имѣетъ только стихотворный отдѣлъ. Стихотворенія въ „Вѣстникѣ“ помѣщали: Державинъ и Дмитріевъ (въ 1805 и 1806 годахъ), Мерзляковъ, В. Пушкинъ, Херасковъ, Воейковъ, Жуковскій (въ 1806 г. одно и затѣмъ нѣсколько въ теченіе всего 1807 года), С. Глинка

(въ 1807 г.); въ томъ же году напечатано стихотвореніе Батюшкова „Срубленное дерево“, подражаніе Меландецу, и начали помѣщаться стихотворенія Ф. Ф. Иванова (№ 1) и Грамматина. Того, что называется изящною прозою, въ „Вѣстникѣ Европы“ въ эти года, за исключеніемъ ничтожнаго отрывка „Рюрикъ“ (М-скій, изъ Владиміра), совсѣмъ нѣтъ. Изъ оригинальныхъ прозаическихъ статей ученаго содержанія болѣе другихъ замѣчательны статьи самого Каченовскаго: О причинахъ низложенія Нивона, Московскаго патріарха; Историческое извѣстіе о евреяхъ и поселеніе ихъ въ Россіи; Историческіе отрывки, гдѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ сочиненія акад. Круга о російскихъ монетахъ, и нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ; Каченовскому же принадлежитъ статья объ „Исторіи риторики“, отрывокъ изъ введенія, читаннаго въ университетѣ при началѣ преподаванія; такъ какъ съ этого года Каченовскій началъ свое университетское поприще чтеніемъ теоріи риторики. Изъ оригинальныхъ статей, принадлежащихъ другимъ лицамъ, болѣе другихъ останавливаютъ вниманіе: „Пышность двора царскаго въ XVII в.“ (подписано Д); письмо архимандрита Евгенія Булгара къ архимандриту Сестреничичу о томъ, что древніе сарматы говорили языкомъ славянскимъ; смѣлая догадка (подписана Ф.), гдѣ доказывается, что Владиміръ принялъ христіанскую вѣру по совѣту Анны, монахини греческаго монастыря, наложницы его отца, брата и его самого; Анна сочинила драму въ пяти дѣйствіяхъ, гдѣ являются послы съ предложеніемъ различныхъ вѣроисповѣданій, и эту драму Несторъ принялъ за дѣйствительность. Кромѣ того помѣщены: „Историческое извѣстіе о большомъ алмазѣ, находящемся въ Россійско-Императорскомъ скипетрѣ“, статья Палласа; Грузія подъ скипетромъ Александра I; Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества, отъ временъ Рюрика до Петра Великаго; Замѣчаніе о Таганрогскомъ портѣ; Письмо путешествующаго нѣмца изъ Твери, гдѣ помѣщена исторія Отроча монастыря, находящагося при устьѣ рѣки Тверцы; Отрывокъ изъ журнала одного путешественника, ѣдущаго изъ Лифляндіи въ Италію, гдѣ описывается посѣщеніе Ревеля императоромъ Александромъ, статья Коцебу; О мозаикѣ, гдѣ между прочимъ изложена исторія ея происхожденія и введенія въ Россію; Мысли о Россіи или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ и нравственномъ состояніи русскихъ до царство-

ванія Петра Великаго, первоначально написана по-французски однимъ русскимъ; Сокращенное извлеченіе изъ любопытныхъ записокъ о происшествіяхъ въ Персіи и Грузіи, случившихся въ исходѣ минувшаго столѣтія; О трагедіи славяно-сербской, написанной въ 1773 г. Мануиломъ Козачинскимъ, ректоромъ и учителемъ риторики въ Карловицкихъ школахъ Австрійской Сербіи, содержащей въ себѣ повѣсть о смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша V и о паденіи Сербіи; Плаваніе нашей эскадры къ гор. Анапѣ, взятіе оной и обратное въ Севастополь прибытіе; Объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ; Обширность государства Россійскаго при самомъ его началѣ, заимствовано изъ Шлецерова Нестора; Извѣстіе о Россійскихъ путяхъ; Постриги, гдѣ излагается обычай постригать княжескихъ дѣтей при вступленіи ихъ въ отроческій возрастъ; Перунъ, историческое изслѣдованіе П. Калайдовича; Краткіе некрологи архіепископа Евгенія Булгара, автрисы Плавильщиковой и попечителя Муравьева. Въ статьѣ „Добрый помѣщикъ“ между прочимъ изложенъ слѣдующій взглядъ: „Въ обогащеніи крестьянъ должно знать мѣру; излишнее богатство неприлично ихъ состоянію, и помѣщикъ худо дѣлаетъ, ежели самъ разоряется, желая имъ доставить ненужное изобиліе. Но не должно разорять крестьянина, когда онъ трудами своими наживетъ болѣе, нежели сколько имѣть ему нужно. Кто виноватъ, что крестьяне грубы, нечувствительны, упрямы, недоброхотны? Злые помѣщики. Природа надѣлила душевными качествами, не разбирая состояній: я зналъ господъ съ рабскими душами; зналъ и земледѣльцевъ, которымъ бы пристало титуло сіятельства и превосходительства. Жестокіе поступки дѣлаютъ людей грубыми, нечувствительными и упорными. Кто можетъ любить своего мучителя? Пускай себя самихъ, а не крестьянъ обвиняютъ тѣ, которые видятъ въ нихъ низкіе пороки“ (1807 г., октябрь, № 20, стр. 286—287). Самый цѣнный владѣ этого періода составляетъ продолженіе обнародованія извѣстныхъ „Писемъ изъ Франціи“ въ одному вельможѣ (гр. Н. И. Панину) въ Москву Д. И. Фонъ-Визина.

Каченовскій возстановилъ библиографическій отдѣлъ и отчеты о театрѣ, помѣщавшіеся въ „Московскомъ журналѣ“ Карамзина. Въ этомъ періодѣ помѣщены отчасти разборы, отчасти простое библиографическое указаніе слѣдующихъ книгъ: „Журналъ путешествія г. Лубяновскаго по Саксоніи, Австріи и Италіи“, „Опыты

лирическіе“ и другія сочиненія въ стихахъ А. Востокова 1805; „Путешествіе въ полуденную Россію“ Вл. Измайлова, изд. 3. М. 1805; „Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ“ Евст. Станевича Спб. 1805; „Богомолва“ пов. г-жи Жанлисъ, пер. съ франц. М. 1806; „Утренняя заря“. Труды воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, кн. III. М. 1805; „Сочиненіе и переводы“ И. П. Дмитріева. М. 1805; „Донъ Кихотъ Ламанчскій“ соч. Сервантеса, съ франц. Флоріанова, перевелъ Вас. Жуковскій; „Заговоръ Китилины противъ республики Римской, описанный Саллюстіемъ, съ франц. Бильнонова перевода М. 1807; „Посланія къ Привѣтѣ или воспоминанія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени“, въ стихахъ, соч. Ал. Палицына, Харьковъ 1807; „Историческое описаніе мастерской и оружейной палаты“ А. Ф. Малиновскаго; „Замѣчанія на трагедію Ермакъ“, Плавильщикова; „Отчеты о спектаклѣ на Петровскомъ театрѣ“, подписанныя С. Н., помѣщены въ 1805 году (7, 21, № 11); а затѣмъ, по вызову Д. Н.—ъ (впослѣдствіи эта анаграмма обратилась въ Д. Ив—нъ, вторично Д. Иванова), начались съ октября 1806 г. отчеты о Московскомъ театрѣ, гдѣ излагается содержаніе піесъ и самыя краткіе отзывы объ игрѣ актеровъ. Въ переводномъ отдѣлѣ преобладаетъ неизбѣжная Жанлисъ. Этому впрочемъ нечего удивляться: въ то время во Франціи о сочиненіяхъ г-жи Жанлисъ объявляли въ вѣдомостяхъ мѣсяца за три до напечатанія и въ одинъ день раскупалось цѣлое изданіе, а въ Германіи немедленно появлялись переводы. Интересно, что въ то же время помѣщена довольно рѣзкая критика на Жанлисъ, заимствованная изъ французскихъ журналовъ „Mercure Francais и Revue“. За Жанлисъ слѣдуютъ: Коцебу (повѣсть „Двѣ сестры“, драма „Береговое право“, переведена Каченовскимъ, и нѣсколько мелкихъ статей); Лафонтенъ (три повѣсти); Мармонтель (изъ позднѣйшихъ его сочиненій); Попе („Мысли“); Бартеlemi („Изъ путешествія Анахарзиса“); Энгель („Отрывки изъ свѣтскаго философа“); Эджевортъ (повѣсть); Ричардсонъ (повѣсть); отрывки изъ Шатобріана и Энгельмана; о новой методѣ воспитанія, изобрѣтенной Пестолоцціемъ Швейцарскимъ педагогомъ; изъ Римскихъ писемъ, Авг. Роде—о римскихъ женщинахъ; историческія извѣстія о нынѣшнемъ состояніи торговли и мореплаванія по Черному морю; отрывки изъ путешествія Оливье въ Турцію, Ачерби на сѣверъ Европы и Дж. Баррова въ Китай,

продолженіе которыхъ встрѣчается и въ слѣдующихъ томахъ „Вѣстника Европы“; два слова Демосеена противъ Филиппа; два отрывка изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго, переведенные изъ *Traité des études* Роллена; письмо отъ Сервія Сульпиція къ Цицерону въ утѣшеніе о потерѣ имъ дочери. Кромѣ того, Каченовскій обратилъ первый вниманіе на польскую литературу. Въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатано „письмо Н. Ш. къ издателю“, можетъ быть сочиненное въ самой редакціи; здѣсь приведенъ фактъ, что Дмоховскій, въ рѣчи, произнесенной въ публичномъ засѣданіи Варшавскаго общества любителей наукъ 12 декабря 1801 года, на упрекъ, почему поляки не изучаютъ русской литературы, отвѣчалъ, что русскіе не занимаются тоже польскою, хотяеще въ XIV вѣкѣ ученые окружали престолъ Сигизмунда Августа, такъ что „Польша уже болѣе духъ сотъ лѣтъ не завидуетъ древней Греціи и Риму“. Авторъ письма даетъ издателю совѣтъ: „помѣщайте въ вашемъ Вѣстникѣ сочиненія польскія въ переводѣ, достойныя быть извѣстными русской публикѣ“. Въ „Вѣстникѣ“ за это время помѣщены переводы съ польскаго: изъ „Виленскаго Дневника“ система доктора Галля; Ан. Снядецаго: рецензія новаго словаря натуральной исторіи, вышедшаго въ Парижѣ въ 1804 году; изъ путешествій Бергмана; о поминкахъ; первое путешествіе Россіянъ около свѣта (Крузенштерна); о древнихъ дорогахъ изъ сочиненій Красицкаго; о храненіи тайны; о романахъ; нѣчто для военныхъ. Кромѣ того помѣщена переведенная съ нѣмецкаго статья „О началѣ и злоупотребленіяхъ польскаго Уложенія“, гдѣ доказывается, что одною изъ главныхъ причинъ упадка Польши было учрежденіе сеймовъ. Занятія риторикою и эстетикою Каченовскаго отразились и на характерѣ переводнаго отдѣла въ журналѣ за время его редакторства. Такъ онъ помѣстилъ, переведенныя изъ иностранныхъ журналовъ, краткія характеристики писателей: Вейссе, Лафонтена, Локка, Петрарки, Шиллера, г-жи Дезульеръ, Арно, Попе, Тита Ливія и Тацита; и извѣстныхъ живописцевъ: Вернета, Ванъ-Дива, Теньера, Сальватора Розы, Юлія Романа, Альбани, Павла Веронеза, Клода де-Лоррена, Доминикина, Тиціана, Леонарда Винчи, Ватто,—пользуясь относительно художниковъ статьями Телассона. Изъ „Теоріи“ Сульцера переведены отрывки „Что такое изящныя искусства“, „Объ авторахъ“, „Правила для трагедій“; съ французскаго двѣ довольно обширныя статьи „Взглядъ на исторію па-

стущеской поэзіи древнихъ и новѣйшихъ временъ“. Помѣщены также краткія біографіи современниковъ Нельсона, В. Питта, Селима III, Али-Паши Эпирскаго и большая статья „О Паткулѣ“, изъ сочиненія о немъ Лифляндскаго пастора Бергмана.

На 1808 и 1809 годы „Вѣстникъ Европы“ перешелъ къ Жуковскому. Жуковский началъ изданіе, помѣстивши длинное письмо, гдѣ онъ изложилъ свой взглядъ на журналистику. Письмо это очень интересно, какъ изображеніе мнѣнія распространеннаго тогда въ публикѣ и личнаго взгляда Жуковскаго. Господствующій въ его время вкусъ въ чтеніи Жуковский характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „О чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ?—о романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и пр. и пр. Что покупаютъ посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ?—романы. Въ чемъ состоитъ достоинство столь прославляемыхъ романовъ?—всегда почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, которымъ обманываютъ любопытство“. Изложивши рядъ превосходныхъ мыслей о значеніи чтенія для мыслящаго человѣка, Жуковский такимъ образомъ опредѣляетъ задачу современнаго ему журналиста: „Обязанность журналиста, подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное. Имѣя въ виду пользу, но угождая общему вкусу читателей, хотя не подчиняясь ему съ рабскою робостью, предлагаетъ онъ имъ хорошія мысли, чужія и свои, облеченныя разными видами, иногда рассуждая, какъ моралистъ или метафизикъ, о предметахъ важныхъ для человѣка; иногда рассказывая повѣсть, *въ которой идеальное правило бы сходствомъ своимъ съ существенностью*, которая доставляла бы любопытному удовольствіе сравнивать истину съ вымысломъ, самого себя съ романическимъ лицомъ, и, можетъ быть, объяснять многое въ собственномъ сердцѣ его казавшееся тайною; иногда занимая воображеніе созданіями поэзіи, прелестью стихотворной гармоніи одушевляя мысли и чувства. Политика въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особой привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ: она питаетъ одно любопытство, и въ такомъ только отношеніи журналистъ описываетъ новѣйшіе и самые важные случаи мира. *Критика*—но, государи мои, какую пользу можетъ приносить въ Россіи критика? Что приважете критиковать?—посредственные це-

реводы посредственныхъ романовъ? Критика и роскошь—дочери богатства, а мы еще не Крезы въ литературѣ. Замѣтно ли у насъ сіе дѣятельное, повсемѣстное усиліе умовъ, желающихъ производить или приобрѣтать, которое требовало бы вѣрнаго направленія, которое надлежало бы подчинить законамъ разборчивой критики? Уроки морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ! А много ли имѣемъ образцовъ великихъ? Нѣтъ, государи мои, сначала дадимъ свободу раскрыться нашимъ гениямъ. а потомъ уже, указывая на красоты ихъ и недостатки, можемъ сказать читателю и автору: восхищайся, подражай, будь остороженъ! Въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики,—однимъ словомъ, въ русскомъ журналѣ критика не можетъ занимать почетнаго мѣста“.

Этому взгляду на критику въ то время не слѣдуетъ удивляться. Въ 1832 году И. В. Кирѣевскій въ „Европейцѣ“ писалъ, между прочимъ, о критикѣ: „ни въ какой литературѣ правила вкуса не предшествовали образцамъ. Не чужіе уроки, но собственная жизнь должна научить насъ мыслить и судить. Повуда мы довольствуемся общими истинами, не примѣненными къ особенностямъ нашего просвѣщенія, не извлеченными изъ коренныхъ потребностей нашего быта, до тѣхъ поръ мы еще не имѣемъ своего мнѣнія, либо имѣемъ ошибочное; не цѣнимъ хорошаго приличнаго потому, что ищемъ невозможнаго совершеннаго, либо слишкомъ цѣнимъ недостаточное потому, что смотримъ на него издали общей мысли, и вообще мѣряемъ себя на чужой аршинъ и твердимъ чужія правила, не понимая ихъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній. Только тогда, когда новыя поколѣнія, воспитанныя на образцахъ отечественныхъ, получаютъ самобытность вкуса и твердость мнѣнія, независимаго отъ чужеземныхъ вліяній, только тогда можетъ критика утвердиться на законахъ вѣрныхъ, строгихъ, общепринятыхъ, благотѣльныхъ для послѣдователей и страшныхъ для нарушителей“ („Евр.“ № 1, стр. 107 и 108). Поэтому Кирѣевскій признавалъ критику до того времени невѣрною и несостоятельною, а дурныя сочиненія и бездарныхъ писателей за неизбѣжныхъ воспитателей неопытныхъ читателей,—воспитателей, такъ же необходимыхъ для будущаго просвѣщенія, какъ необходимо удобрение для будущаго урожая (стр. 106). Впрочемъ, подъ вліяніемъ запроса со стороны публики, а также успѣха и пользы критической дѣятельности Макарова, Жуковскій

измѣнилъ свое мнѣніе и, на другой годъ изданія журнала, призналъ, что „критика можетъ быть у насъ *приготовленіемъ къ хорошему*. Разбирая и, если угодно, осмѣивая безобразные переводы романовъ, которыми книгопродавцы, безъ всякой пощады насъ угощаютъ, она дѣлаетъ насъ по крайней мѣрѣ взыскательными, по крайней мѣрѣ научитъ называть дурное дурнымъ; а чтобы познать насъ съ истинно-прекраснымъ, пускай обращаетъ наше вниманіе на произведенія старыхъ или давно уже извѣстныхъ классическихъ писателей нашихъ“. Жуковский имѣлъ совершенно вѣрный взглядъ на значеніе журнала: „Существенная польза журнала состоитъ въ томъ, что онъ скорѣе всякой другой книги распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса и, главное, приманкою новости, разнообразія, легкости, нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать и читать съ цѣлью, съ выборомъ, для пользы!“ Но, несмотря на то, Жуковский оказался плохимъ редакторомъ; уже со втораго года изданіе переходитъ въ ближайшее завѣдываніе Каченовскаго и наполняется его статьями, а съ декабря 1809 г. Каченовскій дѣлается настоящимъ редакторомъ и измѣняетъ самый наружный планъ изданія. Въ политикѣ Жуковский оказался невозможнымъ и самъ понялъ это съ перваго же раза. Какъ интересный примѣръ его чувствительной мечтательности въ этой сферѣ, приводимъ его отзывъ о Наполеонѣ: „Скоро великая тайна его откроется міру, скоро узнаемъ, для чего искалъ онъ Генрихова престола! Если въ душѣ его существуетъ одна обыкновенная мысль, принадлежащая и Тамерланамъ и Аттиламъ: быть страшнымъ, чертами крови писать законы для царей и царствъ, *владычествовать* не заботясь о томъ, благоденствуютъ ли народы, или страдаютъ,— тогда спокойствіе Европы есть мечта, всѣ сіи новые короли не иное что, какъ военачальники Наполеона и ихъ народы—игрالیще замысловъ честолюбивыхъ; науки, искусства, промышленность должны угаснуть; въ Европѣ возобновятся явленія IV и V вѣговъ, борьба немногихъ притѣснителей, вооруженныхъ жестокостью и силою, со множествомъ притѣсненныхъ, униженныхъ чувствомъ безсилія и неволи. Но если въ душѣ его пылаетъ великая восхитительная мысль, равняющая монарха съ божествомъ: быть *первымъ* въ благотвореніи міру, если онъ признаетъ себя посланникомъ Промысла, который ввѣрилъ его духу судьбу человѣческаго рода и если онъ довольно

великъ, чтобы исполнить сію священную волю Провидѣнія и силу завоевателя оправдать добродѣтелями монарха,—тогда воскреснутъ погибшія права народовъ, увидимъ постоянный миръ, увядшіе нравы разцвѣтутъ и геній человѣка, едва не угасшій, воспламенится. Зрѣлище возвышающее душу! Наполеонъ и Александръ: одинъ на западѣ и югѣ, другой на сѣверѣ и востокѣ,—одинъ опершись на мечъ, другой на прародительскій престолъ,—простираютъ другъ другу руку, и миллионы благоденствуютъ подъ ихъ щитами!“

Понятно, что продолжать такимъ образомъ было нельзя, и Жуковскій привлекъ въ завѣдыванію политическимъ отдѣломъ проф. Шлецера. Шлецеръ ограничился помѣщеніемъ руководящей статьи „Взглядъ на прошедшее, настоящее и будущее“. Вся эта статья направлена противъ преобладанія *одного* народа въ Европѣ, разумѣется французовъ и Наполеона, и сѣтованіями на нарушеніе прежняго status quo Германіи. Всю задачу будущаго Шлецеръ видитъ въ возвратѣ стараго порядка вещей; по его словамъ, Европа подъ тѣмъ только условіемъ достигнетъ древняго благоденствія, если *возвращено ей будетъ политическое равновѣсіе*, съ нимъ соединенное величіе, могущество, устройство, наука, искусство, все благодѣтельное, святое для человѣчества“. Но участіе Шлецера, повидимому, не состоялось и политическій отдѣлъ перешелъ въ Каченовскому, который наполнялъ его или безцвѣтною передачею текущихъ извѣстій, или враждебными Наполеону выдержками изъ англійскихъ газетъ, съ добавленіемъ историко-статистическихъ статей о разныхъ государствахъ, преимущественно изъ Архенгольцевой Минервы. Съ сентября 1809 года политическій отдѣлъ В. Е. вовсе прекратился за этотъ годъ.

Самостоятельный чисто литературный отдѣлъ, конечно, оживилъ при Жуковскомъ. Въ стихотворномъ, кромѣ его самого, принималъ главное участіе Мерзляковъ, помѣщавшій свои переводы изъ древнихъ классиковъ и изъ Тасса, а также мелкія стихотворенія. Жуковскій, какъ видно, старался привлечь къ своему журналу всѣ наличныя поэтическія силы: кромѣ старыхъ поэтовъ,—Воейкова, В. Пушкина, Нелединскаго-Мелецкаго и менѣе извѣстныхъ Ф. Иванова, Кокошкина, П. Сумарокова, Остолопова, Палицына и др., на страницахъ журнала выступаютъ начинающіе его товарищи по университетскому пансіону—Грамматинъ, Милоновъ и даже еще не окончившій курса воспитанникъ Анд. Раевскій. Переводъ одной

оды Горация, подвергшійся строгому разбору Каченовскаго, прислалъ черезъ проф. Буле Муравьевъ-Апостоль. Въ прозаическомъ отдѣлѣ первое мѣсто занимаютъ статьи самого Жуковскаго: въ 1807 году „Три сестры“, „Видѣніе Миньоны“, „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“, „Писатель въ обществѣ“, повѣсть „Марьяна роцца“; критическія статьи: „Басни Ив. Крылова“, „О критикѣ“. Другія литературныя произведенія („Три пѣсни“, „Русская сказка“ и „Игра въ загадки“ Н. Н.) очень немногочисленны и совершенно безсодержательны. Исключеніе составляетъ статья „Путешествіе русскаго на Брокенъ, А. Т—ва (Тургенева). Интересны двѣ жалобы: молодой жены на стараго мужа и молодой невѣсты на стараго жениха, гдѣ очень ярко описывается безвыходное положеніе женщины при заключеніи брака, соединяющаго между собой два неподходящіе возраста. Интересна также статья подъ заглавіемъ „Печальное происшествіе, случившееся въ 1809 году“, гдѣ разсказывается, какъ одна крѣпостная дѣвушка, воспитанная по-барски и влюбленная въ молодаго человѣка изъ образованнаго общества, увезена помѣщикомъ, искательства котораго она отвергла, и чуть ли не продана ему, вслѣдствіе чего молодой человѣкъ сошелъ съ ума. Статья эта заключаетъ въ себѣ энергической и краснорѣчивый протестъ противъ тѣхъ „великодушныхъ благодѣтелей“, которые, ради своего каприза, вырываютъ молодыхъ людей изъ своей среды, прививаютъ къ нимъ путемъ образованія совсѣмъ инныя потребности и привычку къ инымъ условіямъ жизни и потомъ бросаютъ на произволъ судьбы, не обезпечивши ихъ участи. Въ научномъ смыслѣ замѣчательны статьи Каченовскаго, который съ 1808 года, повидимому, началъ свои занятія по русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ печаталъ статьи по этому предмету въ „Вѣстникѣ Европы“, имѣющія нѣкоторое значеніе и теперь. Первые статьи Каченовскаго еще принадлежатъ къ прежнему предмету его занятій: Французскіе проповѣдники, О состояніи словесности и науки у нынѣшнихъ грековъ, О Клопштовѣ. О чтеніи отечественныхъ писателей; послѣдующія статьи представляютъ до нѣкоторой степени историческій ходъ работъ его самого по русской исторіи: Историческія замѣчанія о древностяхъ Великаго Новгорода; извлеченіе изъ извѣстнаго сочиненія митрополита Евгения: „Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода“ (1808); Объ источникахъ для русской исторіи; Парал-

ельныя мѣста въ русскихъ лѣтописяхъ; Краткая выписка о первобытныхъ народахъ въ Россіи обитавшихъ и о пришельцахъ, съ ними соединившихся, до составленія государства; Разборъ исторіи Петра Великаго, соч. Вольтера.

Во время редакторства Жуковскаго данъ большой просторъ печатанію матеріаловъ, относящихся до русской исторіи. Сюда относятся: Донесеніе вн. Ант. Кантемира, бывшаго посломъ въ Лондонѣ при императрицѣ Аннѣ, при отъѣздѣ его оттуда въ Парижъ на такой же постъ въ 1738 году, о характерѣ короля Георга II и его министровъ; Отрывки изъ дневныхъ записокъ послѣдняго польскаго короля, Станислава-Августа Понятовскаго, во время пребыванія его въ Петербургѣ и Москвѣ, съ 2 марта 1797 года по 12 февраля 1798 г., изданы по нѣмецки Коцебу; О дѣтяхъ Антона Ульриха, письмо Горзенскаго проф. Олофа Ворма къ Жіорвелю, бібліотекарю въ Штокгольмѣ; Выписка изъ рукописныхъ записокъ вн. Яв. П. Шаховскаго, изданныхъ впоследствии въ Москвѣ въ 1810 году; Письмо гр. Румянцева къ Екатеринѣ II въ отвѣтъ на предложеніе ея принять начальство надъ войскомъ, по смерти Потемкина.

По части критики въ „Вѣстникѣ“ того времени помѣщены: мнѣніе безпристрастнаго о книгѣ Станевича „О способѣ разсматривать книги и судить о нихъ“, Воейкова; разборъ книги „Новѣйшая всеобщая географія“ изд. III. С.-Пб. 1800; разборъ книги „Анекдоты русскіе“, С.-Пб. 1809 года; критическій разборъ сочиненія проф. Шлецера „Начало Россійскаго государства, представленное въ историческихъ картахъ, хронологическихъ и геологическихъ таблицахъ; разборъ соч. Арцыбашева „О первобытной Россіи и ея жителяхъ“; разборъ сочиненія „Училище бѣдныхъ“ соч. г. де-Пренсъ де-Бомона, пер. съ франц. Наст. Плещеевой. Авторъ разбора (повидимому Жуковскій) предпосылаетъ вступленіе о необходимости распространенія образованія въ массѣ между низшими классами и говоритъ между прочимъ: „Просвѣщеніе, чтобы ни говорили о немъ суровые люди, которые судятъ о вещахъ по одному только ихъ злоупотребленію, необходимо для человѣка во всякомъ состояніи, и можетъ быть благодѣтельно въ самой хижинѣ земледѣльца“. Раздѣляя общее мнѣніе, что образованіе низшихъ классовъ должно быть приурочено къ ихъ потребностямъ и условіямъ жизни и изложивши программу такого образованія, авторъ

обращаетъ вниманіе на совершенный въ то время недостатокъ книгъ для народнаго чтенія; съ этой точки зрѣнія онъ приходитъ въ заключенію, что переведенное сочиненіе заключаетъ въ себѣ всѣ главныя правила практической морали, сдѣланныя искусствомъ автора привлекательными для такихъ людей, которые вообще или не любятъ читать, или читаютъ однѣ пустыя сказки.

Въ числѣ оригинальныхъ сочиненій помѣщено „Письмо къ издателямъ „Вѣстника Европы“—статья полезная для женатыхъ. Здѣсь въ шуточномъ тонѣ разсказывается, что все зло происходитъ отъ женщинъ, что міръ, населенный одними мужчинами, былъ бы настоящимъ раемъ и что всѣ средства, употребляемыя мужьями для исправленія прекрасной половины человѣческаго рода, оказываются напрасными. Уѣздные мужья жалуются, отъ чего они не женились на столичныхъ невѣстахъ, потому что уѣздныя барышни лишены всякаго свѣтскаго образованія, не умѣютъ занять гостей и не въ состояніи усладить жизнь супруга бесѣдою о предметахъ, входящихъ въ кругъ образованія. Столичные мужья, напротивъ, жалуются, зачѣмъ они не женились на уѣздныхъ невѣстахъ, чтобы раздѣлять съ ними простую и мирную жизнь, потому что свѣтское образованіе столичныхъ невѣстъ ведетъ только въ болтовнѣ по-французски, страсти въ наряду и путешествію по магазинамъ, а образованіе ограничивается кое-какими новостями, услышанными отъ французенки магазинщицы или отъ парикмахера. На этомъ основаніи авторъ предлагаетъ для общаго удовольствія мужей обмѣнъ уѣздныхъ женъ на столичныхъ и обратно.

Переводная часть во время редакторства Жуковскаго въ 1809 году не играла большаго значенія, такъ какъ перевѣсъ находился на сторонѣ оригинальныхъ статей, чему, какъ мы видѣли, не мало способствовалъ самъ Жуковскій. Почему-то, въ переводахъ Жуковскій остановился въ особенности на сочиненіяхъ принца де-Линя: Письма его къ императрицѣ Екатеринѣ и графу Сегюру, Свиданіе съ Ж. Ж. Руссо и Вольтеромъ, Отрывокъ „счастливейшее состояніе“ и повѣсть Эсонелла. Другіе авторы и сочиненія, изъ которыхъ помѣщены отрывки, были: Шамфоръ, Лагарпъ (Фенелонъ); Энгель (изъ „Зеркала государей“, о дружбѣ государей); Эро Сешель (о характерѣ); Маллетъ (три философа); Вольтеръ (авторъ или творецъ); Шатобрианъ (Сень-Денисъ); миссъ Эджевортъ (отрывокъ изъ письма въ Ирландію); повѣсть „Бади или откровенность и бла-

горазуміе“, съ итальянскаго; небольшія повѣсти: „Амеданъ и Зеяла“, „Первое движеніе“, „Истинное происшествіе“, „Теана и Ельфрида“, „Кабудъ путешественникъ“, „Мальремъ“, „Отставленные министры и нищій съ деревянною ногой“, переведенныя съ французскаго; Лихтенберъ (объясненіе Гогартовыхъ каррикатуръ, съ гравюрами); Юмъ (отрывокъ „спорная статья въ супружествѣ“); Буфлеръ (два разсказа и статья „о веселости“); г-жа Роланъ (разговоръ ума съ сердцемъ); изъ путешествія Дж. Карра въ Голландію въ 1806 году; изъ путешествія Гумбольдта и Бонплана (о новой Испаніи); изъ Гафнерова путешествія по берегамъ Ориксы въ Короманделъ; изъ Morgenblatt, разсказъ „Газетное объявленіе“; изъ путешествія въ Турцію, Египеть, и Персію Оливье.

Съ 1810 года В. Е. перешель къ Каченовскому, издававшему его первый годъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, а потомъ въ единственномъ лицѣ. Въ декабрьской книгѣ 1809 г. программа В. Е. измѣнилась и оставалась такою до самаго окончанія. Программа эта, послужившая образцомъ для всей послѣдующей журналистики, заключала въ себѣ слѣдующія отдѣленія: I словесность, стихи и прозу; II наука и искусство; отрывки изъ путешествій; разсужденія о предметахъ философическихъ, о предметахъ принадлежащихъ къ изящнымъ искусствамъ и вообще къ наукамъ; III критика: разборъ книгъ россійскихъ и иностранныхъ; критическія разсужденія; IV смѣсь; V обзоръ происшествій. Присоединеніе новой рубрики, подъ названіемъ „науки и искусство“, дало возможность Каченовскому раздвинуть предѣлы своего журнала и увеличить число оригинальныхъ статей привлеченіемъ многихъ профессоровъ. Такъ въ журналѣ за это время встрѣчались статьи Мерзлякова, подписанныя буквою М.: Цицероново сочиненіе о должностяхъ; О свойствахъ греческихъ историковъ; О лирическомъ стихотворствѣ; О надутости въ слогѣ; О талантахъ стихотворца; О гени; Объ изученіи пѣнія; О высокомъ и прекрасномъ. Буква Т. означаетъ, по всей вѣроятности Тимковскаго, который въ 1809 году вернулся изъ-за границы, въ октябрѣ 1810 года началъ въ университетѣ преподаваніе древностей и римской словесности. Т. принадлежатъ статьи: Стихотворенія эрскія или ирландскія, Балетъ и нѣкоторыя другія, въ томъ числѣ разборъ книгъ, помѣщавшихся въ В. Е. Буквой С. подписывался, по всей вѣроятности, Снегиревъ, произведенный въ 1810 г. въ кандидаты; ему принадлежитъ статья Объ

изобрѣтеніи живописнаго и ваятельнаго художествъ и нѣскольکو мелвихъ, въ томъ числѣ переводныхъ, подписанныхъ полнымъ именемъ Ив. Снегиревъ. Проф. Болдыревъ, возвратившійся изъ-за границы въ 1811 году, помѣстилъ въ В. Е. переводы съ арабскаго мелвихъ рассказовъ и нравоученій. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщали свои стихотворенія Державинъ (1812, „Слава“ г. 65, № 18). Жуковский, Мерзляковъ, Гнѣдичъ, Воейковъ „Сады“, поэма Делия, М. Н. Муравьевъ (1810 г.), В. Л. Пушкинъ, К. И. Долгоруковъ, Вл. Измайловъ, Козловъ, VII, VIII и IX „Пѣсна Иліады“ пер. Кострова (дополненіе къ прежде изданному отдѣльно переводу первыхъ шести пѣсенъ), гр. Хвостовъ, Нелединскій-Мелецкій, Ѳ. Ковошвинъ, отрывокъ изъ комедіи „Мизантропъ“, Ф. Ф. Ивановъ, кн. Вяземскій (1812 г. „Путь 'въ честности“), Катенинъ (отрывокъ перевода изъ „Есфири“), гр. Голеніщевъ-Кутузовъ, Да-овъ, (Д. Давыдовъ?), Вышеславцевъ, А. Писаревъ и нѣкоторые другіе. Кромѣ того въ стихотворномъ отдѣлѣ принимали участіе воспитанники благороднаго пансіона: Милоновъ, Граматинъ, Саларевъ, Арк. Родзянко. Прозаческій отдѣлъ словесности очень небогата и не представляетъ ничего замѣчательнаго. Въ этомъ періодѣ (1810—1812 г. влючительно) помѣщены въ В. Е. „Оскольдъ“, повѣсть почерпнутая изъ отрывковъ готфскихъ скальдовъ, М. Н. Муравьева, „Картина Финляндіи“ Батюшкова; Историческое и философическое разсужденіе о блокадѣ; шуточное произведеніе А. Нахимова: Похвальное слово сну; Наблюденія русскаго въ Америкѣ, Павла Свинына; О женщинахъ, первые опыты въ прозѣ Пучковой; Достопамятный сонъ и характеръ Эмилиа, присланныя изъ Ярославля. Въ числѣ оригинальныхъ статей интересно письмо къ издателю Ивана Бахтина. Въ „Вѣстникѣ Европы“ было напечатано, что харьковское дворянство играло, въ пользу путешественника Алферова, драму, сочиненную харьковскимъ гражданскимъ губернаторомъ Бахтинымъ. Бахтинъ объясняетъ, что драма дѣйствительно сочинена имъ, но 18 лѣтъ тому назадъ, и заявляетъ большое неудовольствіе, что издатель В. Е. назвалъ его, въ одно и то же время, и губернаторомъ и авторомъ. Кромѣ того, за это время въ В. Е. помѣщены слѣдующія начальныя произведенія вполсѣдствіи извѣстныхъ писателей: О безопасности, Л-жъ (Лажечникова); Нужны ли женщинамъ науки и понятія? К-а П-а (Кауролина Павлова). За то несравненно богаче научный отдѣлъ стате-

ями оригинальными и для своего времени замѣчательными; именно этимъ отдѣломъ В. Е. приобрѣлъ то первенствующее значеніе въ обществѣ, которое онъ безспорно сохранялъ за собою до 1812 г. На страницахъ его появлялись ученые вопросы, которые возбуждали полемику между тогдашними представителями науки. Первымъ по времени возникновенія вопросомъ былъ извѣстный вопросъ о *банномъ* строеніи. Подъ этимъ заглавіемъ въ Петербургѣ напечатана брошюра въ 1809 году, объясняющая слѣдующее обстоятельство: епископъ Ефремъ, украсая Переяславль „церковными и прочіи зданіи,—по словамъ Нестора (Кенигсбергск. список.),—заложилъ церковь на воротѣхъ Св. Θεодора, и Св. Андрея у воротъ, городъ каменный и *строеніе банное каменно*, сего же не бысть прежде въ Руси“. Прежніе историки: Татищевъ, Щербатовъ, Стриттеръ, авторъ „Краткой російской церковной исторіи“, митрополитъ Платонъ понимали подъ словомъ банное строеніе бани и больницы, Болтинъ — купель для крещенія возрастныхъ. Авторъ брошюры, отправляясь отъ факта, что народъ въ Малороссіи употребляетъ это слово въ смыслѣ церковной главы или купола, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) епископъ Ефремъ построилъ каменную стѣну монастырскую, а не городъ, потому что строеніе городовъ не относилось къ обязанности архіереевъ; 2) епископъ Ефремъ построилъ куполы на церквахъ, а не бани, потому что святителю неприлично было строить общенародныя бани; 3) церквей съ куполами до того времени нигдѣ не было; 4) народныя бани, больницы и врачи прибавлены къ Несторову сказанію позднѣйшими историками, начиная съ Татищева. Возраженія Каченовскаго заключаются въ слѣдующемъ: 1) Нѣтъ никакого основанія выраженіе „городъ“ относить исключительно къ церковной оградѣ. 2) Слово бани въ смыслѣ куполь употребляется только въ народномъ языкѣ, а не въ лѣтописномъ, гдѣ куполы называются *верхомъ*. На основаніи показаній Устава о церковныхъ судахъ Св. Владимира и Степенной Книги, относящихъ къ вѣдомству церковному врачей, больницы и бани, подъ баннымъ строеніемъ слѣдуетъ понимать именно бани, но не общенародныя, а бани какъ лечебное средство и для омовенія странниковъ и нищихъ; впрочемъ въ первой статьѣ Каченовскій не высказывается такъ рѣшительно и готовъ согласиться съ Болтинымъ. 3) Церкви съ куполами, построенныя по византійскому образцу, извѣстны были въ Россіи до

епископа Ефрема. Поэтому сказаніе Нестора дошло въ настоящемъ видѣ и не искажено позднѣйшими прибавками. Полемика по этому вопросу продолжалась долго (въ 1810—1812 г.). По замѣчаніямъ С. М. Соловьева, правда оказалась на сторонѣ Каченовскаго, окончательно остановившись на баняхъ для монаховъ, богомольцевъ и нищей братіи.

Другой вопросъ возникъ по поводу двухъ новгородскихъ грамотъ, сообщенныхъ проф. Шлецеромъ и найденныхъ въ библіотекѣ его отца. Шлецеръ отнесъ эти грамоты, касающіяся сношеній между Новгородомъ и Ганзою, первую къ 1294 — 1304 въ княженіе Андрея Александровича, а вторую къ 1360 — 1387 г., когда въ Новгородѣ былъ архіепископъ Алексѣй. Первую грамоту Шлецеръ признаетъ пропускною для посольства, отправленнаго Ганзою въ Новгородъ, а вторую—договорною, по случаю морскихъ разбоевъ, производимыхъ жителями Любека и Висби (Готланда) во вредъ Новгородской области. По поводу этихъ грамотъ возникла въ „Вѣстникѣ Европы“ полемика между Шлецеромъ и К. Калайдовичемъ, касающаяся разъясненія частныхъ вопросовъ, такъ какъ сущности объясненія Шлецера Калайдовичъ не опровергаетъ. Въ полемикѣ этой принялъ участіе,—впрочемъ, самое незначительное—Евгеній епископъ Вологодскій.

Третій вопросъ возникъ о древней россійской монетѣ, описанной Успенскимъ и отнесенной имъ ко времени Владиміра Святаго; на это возражалъ подписавшійся „вичъ“ и называющій эту монету генуэзскою. Брусиловъ въ своей статьѣ о той же монетѣ только высказалъ свое сомнѣніе, но не далъ никакого опредѣленнаго заключенія.

Самъ Каченовскій помѣстилъ по русской исторіи: Несторъ русской лѣтописецъ на древнеславянскомъ языкѣ и О судебныхъ поединкахъ; вообще историческихъ статей въ этихъ годахъ меньше, такъ какъ Каченовскій читалъ съ 1808 — 1810 года русскую исторію, а съ 1811 года перешелъ на кафедру изящныхъ искусствъ и археологіи. По этому предмету онъ помѣстилъ: Взглядъ на успѣхи россійскаго витѣйства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія (изъ унив. лекцій 1807—1808 года); Сокращенное начертаніе риторики; Объ учености Вольтера, гдѣ доказывается что Вольтеръ не зналъ восточныхъ языковъ и греческаго; Разборъ новыхъ басенъ Крылова; Разборъ похвальнаго слова Петру Великому гат-

чинскаго купца Гр. Зубчанинова (С.Пб. 1811 г.). За то въ отдѣлѣ русской исторіи появился новый сотрудникъ—Брусилловъ, которому принадлежать статьи: „Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго государства“, „Историческое изслѣдованіе о времени рожденія в. кн. Святослава“, „О Несторѣ и продолжателяхъ его лѣтописи“, „Замѣчанія о двухъ маловажныхъ историческихъ ошибкахъ относительно дружины Свѣнльда и похода Владиміра на полоцкаго князя Рогвольда“. Кромѣ того, помѣщены: „Славянская старина“, „О бытѣ древнихъ славянъ“, „О почтеніи русскихъ къ бородѣ и волосамъ“, К. Калайдовича; „Суворовъ и Тугутъ“, ст. Е. Фукса; „Извлеченія изъ записокъ Манштейна о Россіи“, изданныхъ Матушкинымъ (М. 1810 г.); „Извлеченія изъ записокъ Порошина о дѣтствѣ императора Павла“, „Письмо кн. Ант. Кантемира объ истинномъ счастіи“, рѣчь В. Н. Каразина въ Харьковскомъ собраніи филотехническаго общества; „О пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ“; „Краткій некрологъ профессора греческой словесности въ Московскомъ университетѣ Маттеи“, соч. гр. С. С. Уварова; „Надгробное слово гр. А. С. Строганову, произнесенное архим. Филаретомъ“; „Отрывки изъ опыта повѣствованія о древностяхъ російскихъ“, соч. Успенскаго; письмо Башилова въ Шлецеру на латинскомъ языкѣ относительно изданія Судебника; переводъ рѣчи на актѣ харьковскаго профессора Паки де Савиньи Объ усовершенствованіи, приобрѣтаемомъ чрезъ упражненіе въ наукахъ молодыми людьми. Кромѣ того, оригинальная статья В. Измайлова о полахъ растений.

Въ 1810 г. помѣщена довольно полная библіографія, (51), но она не продолжалась въ этомъ видѣ въ слѣдующіе годы. Изъ болѣе обширныхъ этюдовъ по части критики, кромѣ вышепоименованныхъ, принадлежавшихъ Каченовскому, замѣчательные критическіе опыты Жуковскаго: О поэзіи древнихъ и новыхъ; Разборъ Электры, трагедіи Грузинцова; Критическій разборъ Кантемировыхъ сатиръ, съ предварительнымъ разсужденіемъ о сатирѣ вообще; Разборъ перевода трагедіи Кребиллона „Радамистъ и Зенобія“. Затѣмъ слѣдуютъ статьи: О новомъ изданіи Езоповыхъ басенъ Н. О. П.; Разборъ оды Богъ, Бередникова; Разборъ рѣчи митрополита Платона при коронованіи императора Александра, В. Ламанскаго; Разборъ Петриады, поэмы эпической, соч. А. Грузинцева (С.-Пб. 1812 г.). Но, несмотря на относительно большое количество оригинальныхъ статей, переводы

все-таки занимали преобладающее мѣсто въ журналѣ. Каченовскій уже въ послѣдній годъ разсматриваемаго періода говоритъ: „Самое названіе „Вѣстника Европы“ даетъ право читателю искать въ немъ болѣе переводимыхъ съ иностранныхъ языковъ, нежели русскихъ сочиненій („Вѣстникъ Европы“ № 6, мартъ, 1812 г. стр. 139). Въ переводной литературной части въ 1810 и 1811 годахъ помѣщено много переводовъ Жуковскаго, каковы: Лютня, „Цвѣты и сонъ“, сказка, съ французскаго; Эдуардъ Жаксонъ, Милли и Ж. Ж. Руссо, рассказъ Меркеля, издателя рижской Zeitung für Litteratur und Kunst; Улей—Энгеля; Мурадъ несчастный, Миссъ Эджевортъ; Привидѣніе, истинное происшествіе, случившееся въ Богеміи; Дорсанъ и Люція, повѣсть г-жи Жанлисъ; Горный духъ Уръ въ Гельвеціи; Старый башмачникъ бѣдной хижины и восемь лундоровъ, съ франц.; Романическій любовникъ, или веселость и старость, съ франц.; Взыскательность молодой женщины; Образъ жизни и нравы рыцарей съ франц.; Анекдоты изъ жизни Іосифа Гайдена, съ франц.; Тимей ваятель, съ франц.; изъ путешествій Шатобріана въ Грецію и Палестину (Voyage en Orient); Алистанъ и Мелединъ, или испытаніе опытности, пер. съ франц.; Необходимое и излишнее и Осада Амазіи, изъ Сарразена, пер. съ франц.; Письма І. Миллера, историка Швейцаріи, къ Карлу Бонстетену, другу его. Батюшковъ помѣстилъ въ 1811 году переводъ повѣсти Парни „Левкадь“.

Другіе писатели, изъ которыхъ позаимствованы отрывки: Шатобріанъ (Велледа или христіанка и цыганка въ III столѣтіи, отрывки изъ путешествія его на востокъ); Энгель (изъ свѣтскаго философа и др. мелкихъ сочиненій); отрывки изъ поученій Мозгейма и Іерузалема; рѣчь Канулея, Римскаго трибуна, о правахъ плебеевъ, изъ Тита Ливія; изъ Саллюстія рѣчь Марія, когда онъ получилъ войско противъ Югурты; г-жи Монтолье (возвращеніе на родину Морица) и нѣкоторые другіе. Въ отдѣлѣ наукъ изъ переводовъ преимущественно замѣчательны: нѣсколько отрывковъ изъ Исторіи упадка и паденія западной Римской имперіи Гиббона, такъ что читатели въ теченіе трехъ лѣтъ могли обстоятельно познакомиться съ этимъ важнымъ сочиненіемъ; начало греческой исторіи Джилиса; довольно обширная статья о Вегабитахъ, о которыхъ говорилось и въ предъидущихъ годахъ; О методѣ Песталлоціи; отрывокъ изъ Путешествій въ Швейцарію въ 1803 году

Гормеца, которому датское правительство поручало осмотрѣть школу Песталоцци въ Бургдорфѣ, для основанія подобной въ Даніи; Мысли о заведеніи азіатской академіи въ Россіи, переводъ съ французскаго (*projet d' une acad. Asiat à Petersbourg*); объ Іуліанѣ отступникѣ, разсужденіе Винерса (на латинскомъ языкѣ), излагавшее современный взглядъ на Іуліана, какъ на борца, воспитаннаго языческою философіей и отстаивавшаго язычество противъ распространенія христіанства, во имя принципа античнаго міра; О древности письменъ у грековъ и О достовѣрности Гомеровыхъ твореній изъ *Etude de l'histoire ancienne et celle de la Grece*, Левека; затѣмъ, по части теоріи словесности, литературы, исторіи и путешествій помѣщены: а) переводы Жуковскаго: О переводахъ вообще и въ особенности о переводахъ стиховъ, съ франц.; О слогѣ простомъ и слогѣ украшенномъ, пер. съ англійскаго; разсужденіе „О трагедіи“ и „О краснорѣчій“, оба перевода изъ Д. Юма *Essays and treatises*; б) переводы, сдѣланные другими лицами: О достоинствѣ древнихъ и новыхъ писателей, съ англійскаго; Объ итальянской комедіи въ XVI вѣкѣ и о Каландри, соч. кардин. Бибиенны, изъ *Hist. litteraire d'Italie*, соч. г. Женсенъ; О вѣкѣ золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ, пер. съ франц.; О вліяніи пола; Сатира изъ „Теоріи изящныхъ наукъ и искусствъ“ Зульцера; Размышленія объ одѣ Лебрена, переводъ Грамматина; изъ Беля, отрывки изъ предисловія его къ словарю, переводъ Грамматина; изъ Духа всеобщей исторіи Томсона, нравы въ X и XI столѣтія; извлеченіе изъ Путешествія Клапрота на Кавказѣ; Театральное поприще Ифланда, переводъ Снегирева; Фридрихъ II, король Пруссій, изъ сочиненій Лавретелля; Іоаннъ Миллеръ Г.; о Цицероновомъ сочиненіи, называемомъ Ораторъ, А. Ж.; Объ испанской словесности, R.; Гаконъ Ярль, Оленшлегера; О римскомъ правѣ и о катакомбахъ, пер. Снегирева; Некрологъ Кавендиша; Жизнь Ульрика Цвинглія, изъ сочиненія Гесса; Исторія распространенія письменности, печати и библіотекъ, переводъ съ нѣмецкаго въ Вологодской семинаріи; О китайскихъ законахъ уголовныхъ; сочиненіе Клеандра: „Начало и успѣхи древней философіи“, пер. С. Смирнова; изъ сочиненія Лаверня—Сравненіе Суворова съ полководцами XVIII столѣтія.

По естественнымъ наукамъ помѣщены слѣдующіе переводы: „Жители планетъ“, изъ Мальтебрена; „Анатомія и физиологія рас-

тений“, рѣчь Мирбеля въ національномъ институтѣ; „О началѣ употребленія шелка“, „О магнитной стрѣлкѣ“, „О календарѣ и раздѣленіи времени“ и мн. др.

Политическія извѣстія помѣщались подъ двумя рубриками: „Обозрѣніе заграничныхъ происшествій“ и „Политическія извѣстія“. Строгаго разграниченія между обѣими этими рубриками провести нельзя,—вся разница, что въ послѣдней помѣщались данныя историческія, не относящіяся къ текущимъ событіямъ обозрѣваемаго мѣсяца. Болѣе подробный отчетъ объ отдѣльныхъ событіяхъ составлялся въ видѣ особыхъ статей, при чемъ источниками, кромѣ Монитера, Архенгольцовой Минервы и нѣкоторыхъ англійскихъ журналовъ, служили преимущественно Гамбургскій политическій журналъ, переводившійся, какъ мы видѣли Гавриловымъ, и изъ русскихъ тогдашнихъ газетъ—„Московскія нѣмецкія Вѣдомости“ и „С.-Петербургскія вѣдомости“. Иногда помѣщались болѣе крупныя отрывки по вопросамъ внѣшней политики, изъ современныхъ иностранныхъ сочиненій, напр. изъ сочиненія „de la Liberté des mers, par Rayneval, Paris, 1811“. Въ 1812 г. помѣщены двѣ статьи, въ которыхъ весьма рѣзкими выраженіями говорится о вторженіи Наполеона въ Москву и о жестокихъ поступкахъ французовъ.

Вообще существуетъ мнѣніе, что „Вѣстникъ Европы“ былъ на сторонѣ Шишкова. Это несправедливо. Такое мнѣніе могло возникнуть вслѣдствіе того, что въ Вѣстникѣ за 1807 годъ помѣщена защитительная статья въ пользу Шишкова противъ критики на него, помѣщенной въ „Московскомъ Меркуріи“ П. П. Макаровымъ. Статья эта озаглавлена „Письмо изъ города NN въ столицу“ и подписана „Лука Говоровъ“ (ч. 32, № 8, стр. 283). Шишковъ отвѣтилъ на это сочувственною статью, не подписавши своего имени (ч. 36, № 24, стр. 241). Статья эта помѣщена, по обыкновенной привычкѣ Каченовскаго помѣщать всѣ присланныя со стороны статьи, не разсуждая сходитъ ли она съ мнѣніями самого редактора. Такъ, въ данномъ случаѣ, помѣщенная статья прямо противорѣчила взгляду самого Каченовскаго; когда въ 1811 году Шишковъ издалъ разговоръ о словесности, между двумя лицами Азь и Буки, Каченовскій помѣстилъ въ томъ же году подробный критическій разборъ (ч. 57, № 12 стр. 285, № 13, 34). Каченовскій не понималъ тѣхъ стремленій, которыя срывались за формальною стороною спора, онъ даже сочувствуетъ сѣтованіямъ Шишкова на

французское образованіе нашего юношества, не отдавая себѣ отчета, что Шишковъ желаетъ отечественнаго въ смыслѣ Часослова и подѣ словомъ „Французское образованіе“ разумѣетъ науку и просвѣщеніе вообще. Но по отношенію къ правописанію и слогу Каченовскій рѣшительно оспариваетъ Шишкова. Главныя возраженія его состояли въ томъ, что, по мнѣнію Шишкова, русскій языкъ есть только *нарѣчіе* церковно-славянскаго языка, а по мнѣнію Каченовскаго онъ есть настолько же особенный *языкъ*, какъ всѣ другіе славянскіе языки: польскій, болгарскій и пр. Невозможность подражанія древнему языку Каченовскій обуславливаетъ тѣмъ, что прежде всего этотъ древній языкъ до насъ не дошелъ: древнія народныя пѣсни утратились или передѣланы впоследствии, лѣтописи и другіе письменные памятники испорчены переписчиками и позднѣйшими вставками. Полемика по этому вопросу продолжалась и въ 1812 году (ч. 62, № 6, стр. 117, № 7, стр. 195) по поводу возраженій, сдѣланныхъ Каченовскому Шишковымъ въ прибавленіи къ „Разговорамъ“. Здѣсь Каченовскій продолжалъ свое возраженіе объ особности русскаго языка отъ славянскаго. Онъ говоритъ, между прочимъ, что въ числу словъ иностранныхъ, подлежащихъ исключенію изъ русскаго языка, совсѣмъ не принадлежатъ слова, принятыя нами вмѣстѣ съ науками и искусствами, сюда не принадлежатъ слова, употребляемыя нами единственно по необходимости, какъ, напримѣръ, стихи, періодъ, трагедія и пр. „Нѣкоторыя чужія слова кажутся намъ дикими потому только, что мы знаемъ ихъ происхожденіе, но есть весьма много такихъ, которыя мы почитаемъ своими собственными, единственно потому, что намъ неизвѣстно, когда они получили право гражданства въ нашемъ языкѣ“.

Точно также несправедливо, что „Вѣстникъ Европы“ всегда стоялъ за классицизмъ и сантиментальность въ смыслѣ Карамзинской школы. Въ одномъ изъ номеровъ 1812 года (№ 13, іюня 1812 г., стр. 65), между прочимъ, помѣщена такая замѣтка: „Кто въ театрѣ смѣется надъ новыми Стернами, тотъ уже вѣрно стыдится щеголять сантиментальностью и вѣрно уже напаль, или скоро нападетъ, на хорошій вкусъ къ словесности. Чувствительность сердца есть, конечно, драгоценный даръ природы; но надобно, чтобы она была управляема здравымъ разумомъ, а здравый разумъ запрещаетъ бесполезно таскаться по бѣлому свѣту, разнѣживаться

при всякой обыкновенной вещи, болтать безпрестанно о лазурно-розовомъ небѣ и о бальзамическомъ вліяніи, и единственно въ этомъ болтаніи полагать все просвѣщеніе, а въ сантиментальныхъ путешествіяхъ, сказочкахъ и романахъ—весь кругъ изящной словесности. Если разсмотрѣть, откуда пронстекаетъ и куда ведетъ сія приторная чувствительность, то вдругъ окажется, что источникомъ ея будетъ нерадивое воспитаніе и невѣжество, а слѣдствіемъ—изнѣженность сердца, неспособность къ отправленію должности въ обществѣ и неспокая причудливость“ (№ 13, іюня 1812 г., стр. 65).

Мы останавливались такъ долго на „Вѣстникѣ Европы“ потому, что до 1812 года онъ представлялъ собою не только первый по времени, но самый главный, серьезный и вліятельный органъ новой русской журналистики вообще: онъ давалъ тонъ литературѣ и до нѣкоторой степени служилъ образцомъ для другихъ журналовъ, появившихся по его слѣдамъ. Въ этомъ соглашаются даже сами издатели другихъ журналовъ, несмотря на естественное соперничество (на *jealousie du metier*). Мартыновъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ говоритъ: „Кто читалъ „Вѣстникъ Европы“,—а его кто не читалъ?“ Кн. Шаликовъ въ „Московскомъ Зрителѣ“ отдаетъ „Вѣстнику Европы“ преимущество, что „онъ безпристрастно лучший журналъ и по слогу и по содержанію“. Гречъ, въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ о „Вѣстникѣ Европы“: „Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы красненькихъ книжекъ чрезъ каждыя двѣ недѣли! Съ какимъ восторгомъ читали, учили ихъ наизусть! И теперь случается мнѣ слышать (писано въ 1839 году) фразы, заимствованныя изъ „Вѣстника“, который, въ чистыхъ русскихъ переводахъ, сообщалъ намъ мысли и чувства первоклассныхъ писателей того времени“ (стр. 203).

Примѣръ и успѣхъ „Вѣстника Европы“ немедленно вызвалъ подражателей: въ періодъ между 1800—1812 годами въ Москвѣ явилось 22 новыхъ журнала, въ Петербургѣ—19, не считая официальныхъ (48). Всѣ эти журналы оказались недолговѣчными и слѣдующую эпоху, послѣ 1812 г., пережили только „Вѣстникъ Европы“, „Другъ Юношества“, „Русскій Вѣстникъ“ въ Москвѣ, „Сынъ Отечества“ въ Петербургѣ. Со времени появленія В. Е. задача журналистики расширилась. Съ одной стороны либеральное направленіе правительства должно было такъ или иначе отразить-

ся въ обществѣ и найти сторонниковъ въ литературѣ; съ другой— то же самое либеральное теченіе, по силѣ вещей, должно было, какъ всегда, возбудить консервативную реакцію, съ которой люди сочувствующіе либеральному правительству должны были вступить въ борьбу. Вождемъ консервативной партіи сдѣлался адмиралъ А. С. Шишковъ (1754—1841). Кто теперь примется читать сочиненія Шишкова, тому прежде всего представится невольный вопросъ: какимъ образомъ подобная галиматья, даже въ то время, могла не только останавливать на себѣ вниманіе, но быть предметомъ толковъ, произвести расколъ въ средѣ образованнаго меньшинства и выдвинуть Шишкова въ ряды государственныхъ людей, оставившихъ слѣды въ нашей исторіи? Шишковъ предлагалъ охранять чистоту и самобытность русскаго языка замѣною иностранныхъ словъ русскими, употребляя, на примѣръ, вмѣсто фигура (риторическая)—словоизвитіе, актеръ—лицедѣй, аллея—просадъ, аудитория—слушалище, адъютантъ—пріобщникъ, ораторъ—краснословъ, матерія—вещество, героизмъ—доблестіе, вмѣсто извергъ—старославянское искидовъ и т. п. Шишковъ русскій языкъ считалъ простонароднымъ нарѣчіемъ церковно-славянскаго и на этомъ основаніи русскій переводъ Священнаго Писанія признавалъ за оскверненіе, за низведеніе святости завѣщаннаго предками божественнаго слова до „уничиженнаго, ежедневнаго, простонароднаго употребленія“, и, несмотря на очевидную нелѣпость такого убѣжденія, онъ, въ числѣ другихъ противниковъ, привелъ къ закрытію Библейскаго Общества и ланкастерскихъ школъ. Главною задачей литературы, по мнѣнію Шишкова, было „почерпать мысли изъ собственнаго языка своего, а не изъ чужаго“, будто слогъ и содержаніе одно и то же, какъ будто подборъ словъ можетъ замѣнить собой отсутствіе мысли. Между тѣмъ это почерпаніе мыслей изъ своего языка у Шишкова не всегда оказывалось безвреднымъ. Такъ, въ государственномъ совѣтѣ, при обсужденіи вопроса о крѣпостномъ правѣ, Шишковъ доказывалъ, что у насъ слово „рабъ“ происходитъ отъ „работая“, т. е. служу кому-нибудь „по долгу и усердію“, откуда вытекало, что русское рабство совсѣмъ не унижительно и не постыдно. Причина значенія, пріобрѣтеннаго Шишковымъ въ свое время, и характеръ его дѣятельности опредѣляются личностью его самого и историческими условіями той эпохи. По свидѣтельству двухъ современниковъ, отличающихся правдивостью и искрен-

ностью своихъ воспоминаній, С. Т. Аксакова и Д. Н. Свербеева, Шишковъ былъ въ высшей степени честный, искренній и добрый человѣкъ; онъ не былъ Магницкимъ и не надѣвалъ на себя личину яраго консерватизма изъ личныхъ расчетовъ и честолюбія; онъ не былъ даже Державинимъ, въ консерватизмъ котораго сказывалось прежде всего оскорбленное чувство сановника-рагвепи и увѣнчаннаго лаврами шита, котораго обходили новые люди и на служебномъ поприщѣ, и на литературномъ. Аксаковъ рассказываетъ, что Шишковъ не бралъ никакого оброка съ 250 или 300 душъ, подаренныхъ ему императоромъ Павломъ, и когда крестьяне, въ голодный и трудный годъ, по собственному побужденію, прислали къ нему выборныхъ, просить взять съ нихъ 10.000 за десять лѣтъ и положить какой нибудь оброкъ,—Шишковъ щедро угостилъ выборныхъ и отправилъ назадъ съ подарками, но отъ оброка отказался, сказавъ, что ему для прожитія довольно царскаго жалованья. Такъ своеобразно понималъ отношенія свои къ крестьянамъ этотъ защитникъ вѣрнопостнаго права. На службу Шишковъ смотрѣлъ, какъ на служеніе пользѣ и благу отечества, въ томъ смыслѣ, какъ онъ это понималъ; свято чтилъ власть царскую, но не приносилъ ей въ жертву своихъ убѣжденій и не разъ терпѣлъ опалу, но оставался твердымъ и смѣлымъ. Такъ въ 1812 году онъ не разъ отказывался отъ перевода и изложенія манифестовъ, не согласныхъ съ положеніемъ дѣла и рѣшился настаивать надъ отъѣздомъ императора изъ арміи, гдѣ его присутствіе только мѣшало и приносило ощутительный вредъ, вопреки тогдашнему желанію и настроенію самого государя и большинства его приближенныхъ. Изъ этого видно, что въ нравственномъ отношеніи Шишковъ представлялъ извѣстную силу, насколько искренность и энергія убѣжденій всегда и вездѣ оказываютъ вліяніе на окружающую среду. Но силу эту недостатковъ образованія и историческій ходъ событій толкнули на ложный путь. Влѣдствіе нравственныхъ своихъ качествъ Шишковъ прежде всего скорбѣлъ „о поврежденіи нравовъ“ и о тѣхъ явленіяхъ въ общественной жизни, которыя возмущали его честныя, но отсталяя убѣжденія. Какъ всѣ старики, въ особенности получившіе недостаточное образованіе, онъ идеализировалъ въ старческихъ воспоминаніяхъ свое личное прошедшее и, не умѣя глубже понять смыслъ движенія впередъ, совершавшагося въ обществѣ, отдѣлить временныя и прехо-

дѣйствіе факты отъ устойчивыхъ и коренныхъ измѣненій къ лучшему, онъ видѣлъ во всемъ новомъ только дурную его сторону. Въ Шишковѣ, какъ въ старыхъ людяхъ съ консервативнымъ направле-ніемъ, укрѣпились, развились застывшія привычки, любовь къ извѣстнымъ порядкамъ, выработавшимся въ жизни, любовь къ неподвижности того, что уже давно существуетъ,—старовѣрство, не допускающее развитія.

„Подъ словомъ духъ времени,—говоритъ Шишковъ,—часто разумѣется общее стремленіе къ своевольству и неповиновенію; гдѣ правительство твердо и законы святы, тамъ они управляютъ духомъ времени, а не духъ времени ими“. Къ этому, такъ-сказать, физиологическому протесту противъ новаго порядка вещей присоединились причины болѣе общія, историческія, повліявшія на все старое поколѣніе образованнаго меньшинства той эпохи. Царствованіе императора Павла окончилось; оно вызвало общее неудовольствіе ломкою Екатерининскихъ учреждений, которая происходила только вслѣдствіе личнаго нерасположенія императора къ своей матери. Екатерининская эпоха своимъ блескомъ ослѣпила и привязала къ себѣ дворянское сословіе, въ средѣ котораго тогда сосредоточивались и образованіе, и общественное значеніе, по скольку оно могло имѣть мѣсто въ правленіи самодержавномъ. Въ манифестѣ 12 марта 1801 года, при восшествіи на престолъ, императоръ Александръ обѣщалъ царствовать „по закону и по сердцу“ своей великой бабки. И вотъ, на первыхъ же порахъ, старые, испытанные дѣльцы этой эпохи отстраняются, выходятъ на сцену новые люди, „юноши безъ всякихъ заслугъ“, и, вмѣсто того, чтобы истреблять мало-по-малу „всѣ нововведенныя худости, прежде нежели онѣ вырастутъ и усилятся“, предпринимается новая ломка, во имя новаго образа мыслей, новыхъ понятій, „возникшихъ изъ хаоса чудовищной французской революціи“. Естественно, что консервативная партія была сильно напугана и не могла оставаться въ бездѣйствіи. Но какой же другой протестъ въ то время она могла предъявить, кромѣ литературнаго? Движеніе впередъ и вообще измѣненіе образа жизни и мышленія въ русскомъ обществѣ, совершившіяся подъ вліяніемъ западнаго просвѣщенія, выразились главнымъ образомъ въ литературѣ, въ молодомъ ея поколѣніи, начавшемъ свою дѣятельность Новиковскимъ кружкомъ и созрѣвшемъ въ школѣ Карамзина и его послѣдова-

телей. Затормозить эту школу—значило ослабить самый главный проводник западнаго образованія, остановить опасную порчу нравовъ и вредный образъ мыслей, вернуть Россію на путь *народности*. Въ умѣ Шишкова и его сторонниковъ всѣ современныя бѣдствія и неурядица являлись въ неразрывной связи съ литературою вообще и въ частности съ журналистикой. Шишковъ смотрѣлъ на Карамзина, какъ на представителя новаго, болѣе широкаго образованія, съ которымъ, въ его напуганномъ воображеніи, соединялась мысль о революціи и развращеніи нравовъ. Шишковъ, по словамъ Свербеева, въ 1813 году, писалъ къ одному пріятелю: „Вы знаете, какъ и „Вѣстникъ“ и „Меркурій“ противъ меня возставали; тогда они могли такъ вопіять, но теперь я ихъ ткнулъ бы въ пепель Москвы и громко имъ сказалъ: вотъ чего вы хотѣли!“ Такимъ образомъ даже пожаръ московскій Шишковъ ставилъ на счетъ литературы. П. Львовъ рѣшительно утверждалъ, что „развращеніе нравовъ“ есть плодъ новѣйшаго Карамзинскаго направленія; попечитель Московскаго университета Голенищевъ-Кутузовъ доносилъ на Карамзина, какъ на человѣка политически-неблагонадежнаго, и старался куда-нибудь его упрятать. Между тѣмъ новая литература имѣла *своею* только *слозъ*: содержаніе ея было большею частью переводное или заимствовалось изъ иностранныхъ сочиненій. Поэтому логика событій могла дѣйствительно привести Шишкова къ нелѣпой задачѣ бороться съ общественнымъ движеніемъ—преслѣдованіемъ языка или способа выраженій, оставивъ въ сторонѣ мысль, какъ нѣчто несущественное или взятое на-прокатъ извнѣ. Въ этомъ смыслѣ кн. Вяземскій славянофильство Шишкова называетъ совершенно вѣрно славянофильствомъ „кабинетнымъ, литературнымъ, а еще болѣе голословнымъ, корнесловнымъ, буквальнымъ“. „Въ міръ историческій, гражданскій и политическій,—продолжаетъ Вяземскій,—Шишковъ не заглядывалъ“ (Соч. т. VIII, стр. 483). Внѣшній благовидный предлогъ для такого литературнаго славянофильства былъ подъ руками. Послѣдователи Карамзина въ образованіи и обогащеніи русскаго языка дошли до крайностей и начали писать такимъ извращеннымъ языкомъ, который, дѣйствительно, заслуживалъ осужденія. Такъ передѣлывали въ то время: вмѣсто разборъ—экзаменъ, вмѣсто генія—жени, составляли фразы въ родѣ слѣдующихъ: „предлагая интересную прогулку въ дружескомъ кругѣ, идемъ за городъ развлечь задумчивость; вкусный кофе пи-

таетъ насъ аппетитно; облобызавшись взаимно съ признательностью въ подателю благъ, предпринимаемъ въ послѣдствіи заниматься прокладою“ (изъ „Россійскаго сочиненія“ А. А. Орлова, „Утѣхи меланхоліи“ (1802).

Въ этомъ смыслѣ Шишковъ былъ правъ, и эту заслугу признавали за нимъ его литературные противники, какъ, напримѣръ, Дашковъ, нанесшій Шишкову рѣшительное и окончательное поражение (первоначально въ „Цвѣтникѣ“, изд. А. Измайловымъ и Никольскимъ, 1810 г., №№ 11 и 12, а потомъ отдѣльною брошюрою „О легчайшемъ способѣ возражать на критику“. С.-Пб. 1811 г.).

Этимъ характеромъ славянофильство Шишкова отличается отъ позднѣйшаго, которое совершенно напрасно приводитъ въ связь со старымъ, навязывая послѣднему вовсе не принадлежащую ему роль отца. Если смотрѣть только съ той неопредѣленно-общей точки зрѣнія, что славянофильство, какъ старое, такъ и позднѣйшее, было выраженіемъ стремленія къ народности и протестомъ противъ безусловной подражательности; не принимавшей въ расчетъ особенностей и традицій исторической жизни русскаго народа, то до извѣстной степени связь существуетъ. Но на этомъ она и оканчивается: ближайшія теоретическія задачи того и другаго славянофильства, способъ ихъ разрѣшенія, отношеніе къ образованію вообще и къ западному въ особенности,—однимъ словомъ, все дальнѣйшее развитіе было совсѣмъ различно и не представляетъ ничего общаго. Вяземскій совершенно правъ, что славянофильство Шишкова не вмѣщало въ себѣ элементовъ ни политическихъ, ни гражданскихъ и не справлялось съ историческими условіями; поэтому, говоря о народности, славянофильство Шишкова и не понимало, и не могло ее осуществить. Шишковъ собственно останавливался на эпохѣ Екатерины и ее идеализировалъ, убѣжденный, что эта эпоха есть дѣйствительное и цѣльное выраженіе древне-русской жизни. Если онъ возставалъ противъ подражанія французскимъ обычаямъ, противъ воспитанія русскихъ дѣтей иностранцами, противъ роскоши и пустоты свѣтской жизни, то источникъ этого заключался въ этическихъ стремленіяхъ его набожно-честной и неприхотливой натуры. Прямо вооружаться противъ науки и просвѣщенія Шишковисты не дерзали,—напротивъ, она у нихъ была постоянно на языкѣ. Но они ее не понимали, они не признавали ея необходимости и не дорожили ею такъ искренне и серьезно, какъ лучшіе изъ предста-

вителей Карамзинской школы, что и составляет главную заслугу послѣдней. Шишковъ не признавалъ свободы мысли. Въ 1810 г. Шишковъ представилъ въ государственный совѣтъ свое мнѣніе объ учрежденіи новаго цензурнаго комитета, какъ высшаго государственнаго учрежденія, не зависящаго ни отъ какаго министерства, причемъ новыхъ русскихъ писателей, съ ихъ новымъ языкомъ, причислялъ къ тѣмъ же злодѣямъ, какъ и французскихъ писателей, произведшихъ, по его мнѣнію, революцію,—злодѣямъ, „кои дѣйствуютъ съ одною надеждою, что юношество, возмужавъ и напитавшись заблужденіями, станетъ сообщать ихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе“. Въ 1826 году, въ качествѣ министра просвѣщенія, поддавшись вліянію Магницкаго, онъ поднесъ на Высочайшее утвержденіе составленный Магницкимъ и Руничемъ цензурный уставъ, возбудившій общее неудовольствіе своею строгостью и прямымъ запрещеніемъ цѣлой отрасли наукъ—философскихъ. Напротивъ, славянофилы позднѣйшей формаціи отправлялись отъ настоящей исторической почвы: имъ дорога была древняя до-Петровская Русь, развивавшаяся въ сторонѣ и самобытно; въ ней искали они рѣшенія великой политической задачи объ отношеніяхъ правительства къ обществу, царя къ землѣ. Исторія этой древней Руси и теперь мало разработана, а тогда она была совершенно terra incognita, поэтому славянофилы идеализировали ее въ *положительную сторону*, отыскивая въ ней такія культурныя явленія, которыя въ ней не могли созрѣть, точно также какъ западники идеализировали ее въ *отрицательную сторону*, отрицая въ ней всякій процессъ живаго и самобытнаго развитія и ставя ее въ полную, безусловную и вѣчную зависимость отъ западнаго образованія. Обычай и преданія народной жизни у позднѣйшихъ славянофиловъ были не темнымъ чувствомъ набожно-честнаго личнаго отношенія къ жизни, а результатомъ болѣе тѣснаго сближенія съ народомъ и серьезнаго надъ нимъ наблюденія, такъ какъ позднѣйшіе славянофилы жили въ деревнѣ, а Шишковъ и его сторонники не выѣзжали изъ Петербурга и знали русскій народъ только по наслышкѣ. Позднѣйшіе славянофилы не ограничивались изученіемъ церковно-славянскихъ книгъ и русской литературы Ломоносовскаго періода; они считали все развитіе западной науки и просвѣщенія необходимою точкой отправленія, но не осуждали русскую мысль на постоянное ученическое раболѣпство передъ

учителемъ, не ограничивали ея дѣятельности безконечнымъ заимствованіемъ и перевариваніемъ матеріала, разработаннаго чужими руками. Духъ неподдѣльной гуманности проникалъ все ученіе славянофиловъ стараго закала, всѣ отношенія ихъ къ окружающему: противъ него они не обмолвились нигдѣ ни однимъ словомъ; насиліе они преслѣдовали и осуждали вездѣ и во всѣхъ видахъ; никогда съ языка ихъ не срывалось проклятіе ни народамъ, ни областямъ, ни отдѣльнымъ личностямъ, даже изъ числа ихъ противниковъ. Это прѣтически выразилъ въ своей думѣ К. С. Аксаковъ, закончивъ ее словами, которыя славянофилы избрали девизомъ своей дѣятельности:

«Оружье свободныхъ людей—свободное слово!»

Борьба послѣдователей Шишкова и Карамзина, начавшаяся съ 1803 года, съ появленія разсужденія Шишкова „о старомъ и новомъ слогѣ“,—затянулась довольно долго и самый разгаръ ея происходилъ уже послѣ 1812 года. Нападки шишковистовъ на новыхъ писателей раздѣлили весь тогдашній литературный міръ на два враждебные лагеря. Вызовъ, брошенный не только Карамзину и всѣмъ стоявшимъ за нимъ молодымъ писателямъ, но цѣлой системѣ западно-европейскаго образованія, не могъ не взволновать глубоко общества. Составились двѣ партіи, которыя, по словамъ Греча въ его Запискахъ, назывались: партія старовѣровъ—петербургскою, а группа молодаго поколѣнія, во главѣ которой стоялъ Карамзинъ,—московскою. Но это территоріальное раздѣленіе не имѣло существеннаго значенія: „вся молодежь, всѣ дамы въ обѣихъ столицахъ ратовали за Карамзина“.

Главный центръ шишковскаго ополченія составляла россійская академія, въ члены которой Шишковъ былъ избранъ въ 1796 году. Это избраніе и бросило первую искру: Шишковъ считалъ себя обязаннымъ дѣятельно участвовать въ трудахъ академіи, стоявшей на стражѣ для огражденія чистоты русскаго языка, сталъ заниматься славянскимъ корнесловіемъ и этимъ путемъ пришелъ ко всѣмъ своимъ неправильнымъ выводамъ. Выродившаяся россійская академія того времени состояла главнымъ образомъ изъ плохихъ переводчиковъ, которые, по замѣчанію Карамзина, были „големными претолковниками, иже отрѣвають все, еже есть русское. и блещаются блаженне сіяніемъ славяномудрія“. Таковы были: За-

харовъ, Якимовъ, переводчикъ „Иліады“, Пахомовъ и священникъ Сидоровскій, переведившій „Павзаніево описаніе Еллады“, разговоры Лузіана Самосатскаго и творенія велемудраго Платона. Академія, въ смыслѣ образца для слога и для направленія, по предложенію Шишкова, начала въ 1805 году издавать „Сочиненія и переводы“, издаваемыя россійскою академіею, гдѣ Шишковъ главнымъ образомъ печаталъ свои оригинальныя и переводныя статьи. Отдѣльныя сочиненія Шишкова, въ виду появившихся противъ него критическихъ статей, быстро слѣдовали одно за другимъ. Таковы были:

1) Прибавленіе къ сочиненію, называемому Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ, 1804 г.

2) Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа (1808), гдѣ Лагарпъ въ статьѣ „Сравненіе французскаго языка съ греческимъ и латинскимъ“ говоритъ объ обогащеніи и очищеніи французскаго языка старыми классическими писателями, а во второй—„Объ украшеніяхъ, въ краснорѣчїи употребляемыхъ“—возстаетъ противъ авторовъ, которые, уклоняясь отъ прежнихъ образцовъ, стремятся къ нововведеніямъ въ литературѣ, какъ относительно слога, такъ и содержанія.

3) Разсужденіе о краснорѣчїи Священнаго Писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно,—рѣчь, читанная въ годичномъ собраніи россійской академіи въ 1810 г.

4) Разговоры о словесности между двумя лицами Азъ и Буки, 1811 г.

5) Прибавленіе къ разговорамъ о словесности, 1812 г.

Отчасти чувствуя потребность въ нѣкоторой общественной организаціи для лучшаго веденія борьбы съ противниками, отчасти подъ вліяніемъ вообще тогда господствовавшей моды, Шишковъ, не довольствуясь официальною средою, основалъ еще частное общество, подъ именемъ „Бесѣды любителей русскаго слова“, которая открыта была 14 марта 1811 года. Бесѣда раздѣлялась на четыре отдѣленія, гдѣ предсѣдателями были Шишковъ, Державинъ, сенаторъ Захаровъ и гр. А. С. Хвостовъ; въ число членовъ на первый разъ приглашены были, между прочими, писательница Волкова и Бунина, которымъ въ особенности покровительствовалъ Шишковъ, а

въ попечители избраны министры гр. Завадовскій, Мордвиновъ, гр. Разумовскій и И. И. Дмитріевъ. Въ засѣданіи „Бесѣды“ въ концѣ октября 1811 г., въ присутствіи многочисленной и чиновной публики, Шишковъ прочелъ свое знаменитое „Разсужденіе о любви къ отечеству“, которое, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, получило очень важное значеніе и вскорѣ (1812), послѣ паденія Сперанскаго, доставило Шишкову мѣсто государственнаго секретаря. Бесѣда съ 1811—1815 гг. выпустила 19 книжекъ „Чтеній въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“.

Карамзинъ самъ меньше всего принималъ участіе въ спорѣ, въз-за него возникшемъ. Литературными противниками Шишкова въ литературѣ были: Макаровъ, Д. М. Языковъ, Каченовскій, Беницкій, Никольскій, Дашковъ. Изъ нихъ самымъ послѣдовательнымъ и разумнымъ антагонистомъ былъ Дашковъ. Въ тогдашней Москвѣ оппозиція противъ Шишкова, — прежде всего заявленная въ печати Макаровымъ, — не имѣла нужды ни ярко выражаться въ литературѣ, ни собирать какой-либо отдѣльный кружокъ: эта оппозиція была общая, и не только литературная, но жизненная, — за немногими исключеніями, всѣ московскіе литераторы, группировавшіеся около Карамзина, были его сторонниками. Замѣчательно, что территоріальное раздѣленіе русской литературы рѣзко проявлялось въ то время: Петербургъ не хотѣлъ знать о Москвѣ, а Москва въ свою очередь жила своей отдѣльною жизнью и мало обращала вниманія на административную столицу. Оппозиція противъ Шишкова съ внѣшней стороны выступила рельефнѣе, когда она изъ Москвы перешла въ Петербургъ. Переходъ этотъ совершился въ то время, когда Дмитріевъ, сдѣланный министромъ юстиціи, перешелъ въ Москву и привезъ съ собою трехъ молодыхъ людей, питомцевъ университетскаго пансіона, еще тамъ проявившихъ любовь къ литературѣ, жаркихъ послѣдователей Карамзина, — Дашкова, Милонова и Грамматина. Молодые люди не нашли тамъ много союзниковъ: „въ цѣломъ Петербургѣ, — говоритъ Вигель, — всего-на-всего былъ одинъ только съ небольшимъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ, Блудовъ, полный ума и вкуса, который позволялъ себѣ явно осмѣивать ихъ недостатки и претензіи и писать на имя ихъ эпиграммы“ (II, гл. X, 149).

Но въ Петербургѣ былъ кружокъ молодежи, который, по крайней мѣрѣ, не подчинялся шишковистамъ и до нѣкоторой степени

хранилъ въ своей средѣ свободу мысли и стремленіе къ образованію. Кружокъ этотъ имѣлъ свою исторію, свои традиціи. Начало независимому литературному кружку молодыхъ литераторовъ въ Петербургѣ положено было Обществомъ, о которомъ мы уже говорили, которое собиралось около Брайко и издавало разсмотрѣнный нами журналъ „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ съ января 1778 по іюль 1781 года. Въ 1801 году нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей положили основаніе „Вольному Обществу любителей словесности, наукъ и художествъ“, утвержденному 15 іюля 1801 года. Гречъ называетъ основателями этого Общества: А. Х. Востокова; Ив. Март. Борна, автора „Учебника русской словесности“, бывшаго учителемъ русской словесности въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, а потомъ секретаремъ принца Георгія Ольденбургскаго, супруга Великой Княгини Екатерины Павловны; А. Гавр. Волкова, друга Востокова († 1809), бывшаго адъюнктомъ химіи въ академіи наукъ, поэта съ большимъ дарованіемъ; В. В. Попугаева († 1816), бывшаго до Борна учителемъ въ Петербургской школѣ, пламеннаго и эксцентрическаго поэта, умершаго въ Твери, гдѣ Борнъ доставилъ ему мѣсто; В. И. Красовскаго († 1824), бывшаго секретаремъ цензурнаго комитета, человѣка умнаго, даровитаго и основательно образованнаго, постоянно занимавшагося литературою, по словамъ Греча, но, въ качествѣ цензора, получившаго очень печальную извѣстность⁽⁴⁹⁾. Въ 1801 году Общество издало двѣ части сборника, подъ заглавіемъ „Свитокъ Музы“, гдѣ помѣщены были исключительно стихотворенія Востокова, Попугаева, Борна, Красовскаго, Михайлова, Н. Остолопова, Олешева и Бринкена. Послѣдняя книжка оканчивалась стихотвореніемъ Борна на смерть Радищева, и въ концѣ помѣщенъ коротенькій очеркъ жизни и дѣятельности А. Н. Радищева въ Иркутской губерніи, въ мѣстечкѣ Илимскѣ, откуда онъ переселился въ Тару. Продолженіе этого изданія вышло подъ заглавіемъ „Періодическаго изданія Общества любителей словесности“ на 1804 годъ, о которомъ скажемъ дальше. Протоколы Общества печатались въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, издававшемся Мартыновымъ, а члены кружка примкнули къ издававшемуся въ 1805 году „Журналу русской словесности“. Какъ увидимъ яснѣе впоследствии, кружокъ этотъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ философіи энциклопедистовъ, на что указываетъ и

свято сохранявшійся въ кружкѣ культъ Радищева; съ вопросами внутренней жизни люди этого кружка были мало знакомы и потому не имѣли опредѣленныхъ и устойчивыхъ воззрѣній, невольно переступая изъ одной стороны въ другую. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ протестъ противъ Шишкова заявленъ былъ въ первой его книжкѣ членомъ Общества Дм. Ив. Языковымъ, неблагопріятно отозвавшимся о книгѣ Шишкова (Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ). Послѣ смерти Пнина въ 1803 г., члены Общества собирались подѣ предсѣдательствомъ Борна, но Общество находилось въ состояніи разложенія и ничѣмъ не проявляло свою дѣятельность. Затѣмъ въ 1810 г., въ самый разгаръ спора, когда въ Петербургѣ, по словамъ Вигеля, „какъ ни велико было авторское почтеніе, набранное Бесѣдою, но все еще оставалось много людей, упражнявшихся въ литературѣ, которыхъ она воспріять не захотѣла или которые сами въ ней быть не пожелали“,—Дм. Ив. Языковъ предложилъ желающимъ изъ нихъ создать особое общество. Гречъ, поступившій въ это общество въ октябрѣ 1810 года, говорить, что оно въ то время собиралось у предсѣдателя своего Дм. Ив. Языкова, въ зданіи главнаго правленія училищъ. Кромѣ Востокова никого изъ прежнихъ учредителей уже не оставалось въ живыхъ или не было на-лицо въ Петербургѣ. Членами въ то время были А. Е. Измайловъ, Н. Ф. Остолоповъ, П. А. Никольскій, Т. Ст. Борноволокъ, А. А. Писаревъ, Н. П. Брусилловъ, Н. И. Ѳедоровъ, вновь пріѣхавшіе москвичи Милоновъ и Грамматинъ. Вскорѣ по вступленіи въ общество, говорить Гречъ, я пораженъ былъ личностью одного новопринятаго члена: высокій, осанистый молодой человекъ, съ благородною фізіономіей и пріятнымъ голосомъ, слегка заикавшійся; все, что онъ говорилъ, было сказано умно, дѣльно, выразительно. Это былъ Дм. В. Дашковъ. Вступленіе его въ нашъ кругъ ознаменовалось совершеннымъ преобразованіемъ Общества и возбужденіемъ его дѣятельности. Вслѣдъ за тѣмъ были приняты въ дѣйствительные члены: Д. Н. Блудовъ, К. Н. Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ, Дм. П. Сѣверинъ, Дм. Макс. Княжевичъ, И. М. Фовицкій, С. П. Жихаревъ, В. Ф. Филимоновъ и многіе другіе. Общество приняло направленіе карамзинское, противоположное славянофильской школѣ Шишкова („Воспом. о Востоковѣ“, стр. 7, прим.). Дашковъ въ свое время былъ беспорно одинъ изъ самыхъ даровитыхъ людей. Лучшій изъ

стилистовъ Карамзинской школы, съ замѣчательнымъ критическимъ тактомъ, онъ мало оставилъ по себѣ слѣда въ печати, но все, что имъ написано,—обнаруживаетъ глубокое пониманіе литературныхъ потребностей своего времени. Кромѣ известной полемики съ Шишковымъ, Дашковъ помѣстилъ въ „Сынъ Отечества“ (1815, XLII, 140—148) „Письмо къ новѣйшему Аристофану“, направленное противъ кн. Шаховскаго: этотъ небольшой отрывокъ и теперь еще можно прочесть, какъ образецъ тонкой и насмѣшливой критики, написанной прекраснымъ и живымъ языкомъ. Почему даровитые люди тогда мало писали и скоро уходили изъ литературы, мы имѣемъ современное объясненіе: „не довольно внимательная къ истиннымъ достоинствамъ публики наша (то-есть многочисленнѣйшая часть) причиною, что многіе люди съ талантомъ и познаніями вскорѣ начинаютъ скучать упражненіями въ словесности и посвящаютъ свои дарованія государственной службѣ. Многіе изъ нынѣшнихъ полезныхъ чиновниковъ государства (изъ которыхъ большая часть училась въ Московскомъ и нѣкоторые въ иностранныхъ университетахъ) въ молодости своей успѣшно занимались словесностью. Хладнокровіе публики, не умѣющей цѣнить ихъ талантовъ, заставило ихъ бросить ученныя занятія. Еслибы я смѣлъ, то назвалъ бы такихъ чловѣкъ двадцать и больше, занимающихъ нынѣ почетныя мѣста въ государствѣ. Вообще рѣдкій писатель трудится у насъ болѣе пяти лѣтъ сряду. Одобреніе и награда публики столь слабы, а досада и неудовольствіе, сопряженныя съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть самую страстную любовь къ словесности, чтобы заниматься ею долго. Замѣтить должно, что я говорю о прозаическихъ писателяхъ; поэты поютъ всегда и вездѣ безъ усталости“ (Цвѣтникъ 1810, VI, 350—351). Дашковъ хотѣлъ журналъ, предпринятый въ то время Обществомъ („Петербургскій Вѣстникъ“ 1812 года), сдѣлать центромъ оппозиціи противъ Шишкова, но это ему удалось только отчасти, тѣмъ болѣе, что вскорѣ и самъ онъ долженъ былъ оставить Общество. Единомыслія въ Обществѣ, какъ видно, не было, не было и выдержки характера, такъ что Общество приняло въ свои члены яраго и бездарнаго шишковиста—гр. Хвостова. По этому случаю Дашковъ сказалъ привѣтственное слово Хвостову, наполненное, подъ видомъ похвалъ, самую тонкую и злой ироніей, но вслѣдствіе того принужденъ былъ оставить званіе члена. Въ качес-

ствѣ противника Шишкова, Дашковъ помѣстилъ въ двухъ послѣднихъ книжкахъ „Цвѣтника“, издававшася Измайловымъ и Никольскимъ (1810), подробный разборъ того сочиненія Шишкова, гдѣ онъ старался прикрыться авторитетомъ Лагарпа (переводъ двухъ статей Лагарпа). Возраженія Шишкова вызвали замѣчательный и совершенно его разбившій въ литературно-научномъ смыслѣ отвѣтъ Дашкова, напечатанный отдѣльною брошюрой („О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критикѣ“, 1811 года).

Журналы, которые заявили протестъ противъ Шишкова и его приверженцевъ, были: „Московскій Меркурій“ (издав. 1810 года П. И. Макаровымъ) и „Вѣстникъ Европы“ въ Москвѣ, „Сѣверный Вѣстникъ“ (издав. 1804—1805 годовъ Мартыновымъ), „Цвѣтникъ“ и „Петербургскій Вѣстникъ“ въ С.-Петербургѣ. Такимъ образомъ еще до 1812 года вопросъ о старомъ и новомъ слоgъ поднять былъ литературою и даже порѣшенъ въ смыслѣ благопріятномъ для новаго поколѣнія писателей. Но внутренняя, общественная, политически-бытовая сторона вопроса,—консерватизмъ Шишкова и его партіи, — вовсе не были предметомъ литературнаго обсуждения. Что было тому причиною,—запрещеніе ли со стороны цензуры, или непривычка самой литературы углубляться въ явленія внутренней жизни и давать то или другое рѣшеніе вопросамъ, возникшимъ въ средѣ самого общества,—рѣшить трудно. Вѣроятно, имѣли значеніе обѣ причины, но взвѣсить и оцѣнить отдѣльно степень участія каждой,—данныхъ у насъ нѣтъ въ рукахъ. Но за то, при слабости и односторонности обсуждения возникшаго спора собственно въ тогдашней литературѣ, тѣмъ сильнѣе заявлялся протестъ отдѣльныхъ лицъ, притомъ въ качествѣ насмѣшки. Сатира у насъ,—какъ во всякомъ мало цивилизованномъ обществѣ, которое еще не привыкло къ спокойному и логическому обсужденію или встрѣчаетъ неожиданный внѣшній тормозъ,—была всегда могущественнымъ и иногда единственнымъ орудіемъ борьбы. Это сатирическое направленіе противъ Шишкова разразилось главнымъ образомъ въ Москвѣ въ 1811 году. Застрѣльщикомъ въ этомъ походѣ былъ извѣстный острякъ того времени В. Л. Пушкинъ, который осмѣивалъ шишковистовъ въ своихъ посланіяхъ къ Жуковскому (1810) и къ Дашкову (1811), въ особенности же въ стихотвореніи „Опасный сосѣдъ“, гдѣ въ первый разъ употреблено было выраженіе „славянофилы“. Вслѣдъ за Пушкинымъ вы-

ступили на сатирическое поприще: подружившись съ нимъ въ Москвѣ Батюшковъ, въ „Видѣніи на берегахъ Леты“ осмѣявшій равно и петербуржцевъ и москвичей (Мерзлякова и кн. Шаликова); Измайловъ съ баснею „Шутъ“; Воейковъ съ своимъ „Домомъ сумасшедшихъ“; Нарѣжный, который въ „Русскомъ Жилблзѣ“ вывелъ любителя славянщины подъ именемъ Трисмегалоса; Макаровъ, въ комедіи „Обращенный славянофилъ“, помѣщенной въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“. Противъ всего этого шишковисты выставили только одно сатирическое произведеніе,—поэму кн. Шаховскаго „Расхищенные шубы“.

Когда шишковисты сплотились въ Обществѣ „Любителей русской бесѣды“, противники ихъ тоже почувствовали потребность въ нѣкоторой организаціи, и составилось общество, случайно получившее названіе „Арзамаса“, основанное въ 1815 году и просуществовавшее до 1818 года. Д. Н. Блудовъ написалъ послѣ представленія „Липецкихъ водъ“, комедіи кн. Шаховскаго, гдѣ выведенъ на сцену Карамзинъ, шутку „Видѣніе въ Арзамасскомъ трактирѣ“, въ родѣ *vision de l'abbé Morelet*, сочиненной по случаю появленія въ Парижѣ комедіи Шамисо *Les philosophes* (1760). Это имя „Арзамасъ“ сдѣлалось именемъ литературнаго общества, составленнаго друзьями Жуковскаго и учениками Карамзина, бывшими на первомъ представленіи „Липецкихъ водъ“. Общество со временемъ увеличилось новыми членами и собиралось въ Петербургѣ, а иногда и въ Москвѣ, когда тамъ стѣзжалось много членовъ. Болѣе извѣстные члены того Общества были: Батюшковъ, Блудовъ, А. Ф. Воейковъ, кн. Вяземскій, Д. В. Давыдовъ, Дашковъ, Жуковскій, Д. А. Кавелинъ, А. С. Пушкинъ, В. Л. Пушкинъ, А. и Н. И. Тургеневы, С. С. Уваровъ. Въ числѣ почетныхъ членовъ были: Дмитріевъ, Карамзинъ, Нелединскій-Мелецкій и др. Во всѣхъ занятіяхъ и сходкахъ арзамасцевъ, въ приѣмѣ новыхъ членовъ, въ рѣчахъ, въ чтеніяхъ—преобладалъ шутливо-насмѣшливый тонъ, въ противоположность той важности и серьезности, съ которой члены „Бесѣды“ занимались по своему „очищеніемъ русскаго языка“, какъ будто они совершали великій литературный и общественный подвигъ. Такимъ образомъ въ этомъ шутливомъ направленіи была до извѣстной степени неизбежная историческая подкладка, была и своя доля пользы, потому что насмѣшка сильно подрывала дѣло шишковистовъ въ обществѣ. Кромѣ того, за арзамасцами была и положительная за-

слуга. Критическимъ разборомъ литературныхъ произведеній Арзамасцы, какъ люди ученые, очень даровитые и отличавшіеся въ свое время хорошимъ образованіемъ, принесли извѣстную пользу очищенію вкуса современнаго общества; подъ вліяніемъ этого общества писались въ то время стихи нашихъ лучшихъ поэтовъ. Но легкое, шутливое настроеніе помѣшало серьезному отношенію Арзамасцевъ къ отечественной литературѣ. Какъ справедливо замѣтилъ Майковъ, случайное происхожденіе этого литературнаго братства и отсутствіе всякаго опредѣленнаго дѣла при его основаніи, а затѣмъ еще болѣе случайное и безцѣльное расширение его состава, были коренными причинами незначительной дѣятельности кружка и его скорого распаденія. Въ литературѣ не осталось слѣдовъ совокупной дѣятельности Арзамасцевъ, они собирались что-то дѣлать, но ничего не дѣлали сообща; попытка предпринять періодическое изданіе не состоялась, и совѣщаніе объ этомъ предпріятіи всего яснѣе обнаружило, что во взглядахъ членовъ кружка далеко не было единства. М. Ф. Орловъ, при вступленіи своемъ въ Общество, произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ своимъ сочленамъ, какъ недостойно людей умныхъ и образованныхъ тратить время на пустые литературные споры, когда ихъ отечество представляетъ обширное поприще для просвѣщенныхъ дѣйствій въ пользу общества. Орловъ предложилъ при этомъ изданіе журнала, но оно не состоялось, отчасти вслѣдствіе разномыслія, отчасти и вслѣдствіе того, что самые дѣятельные изъ Арзамасцевъ: Блудовъ, Дашковъ и Жуковский, получившіе важное назначеніе въ государственной службѣ, должны были на время оставить не только общество, но даже и Россію. Какъ бы то ни было, на литературномъ поприщѣ Арзамасцы восторжествовали, но судьбѣ было угодно, чтобы противная партія получила перевѣсъ и вліяніе въ другой сферѣ, болѣе обширной и вліятельной, и закрѣпила тормозъ въ исторіи нашего развитія. Патріотическая волна вынесла Шишкова сначала въ государственные секретари, на мѣсто Сперанскаго (1812 г.), президенты российской академіи (1812 г.), а затѣмъ въ 1824 году Шишковъ на семидесятомъ году назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ этомъ званіи, продолжая съ своей точки зрѣнія реакціонерное направленіе, начатое въ области политики Стурдзою, а въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія кн. Голицынымъ, при содѣйствіи

Магницкаго, Рунича и т. п., Шишковъ провелъ составленный послѣднимъ *чуждый* цензурный уставъ 1826 года, на долгое время задержавшій ходъ русскаго просвѣщенія.

Удаленные болѣе нежели на полстолѣтія отъ событій той эпохи, мы можемъ относиться къ ней хладнокровно и въ самыхъ крайностяхъ, естественно возбуждавшихъ въ свое время страсти и вражду, оцѣнить тѣ сѣмена добра, которыя жизнь выдѣляетъ изъ всѣхъ явленій народной исторіи. Прежде всего Шишковъ былъ представителемъ зарождавшагося народнаго сознанія, не напешаго пока для себя твердой почвы, бродившаго ощупью и не попавшаго сразу на истинный путь. Шишковъ былъ заблуждающійся, но горячій и искренній патріотъ: въ его „разсужденіи о любви къ отечеству“, помимо обыденной въ то время, напыщенной риторики и тяжелаго слога, чувствуется живое, задушевное слово, которое не могло не подѣйствовать сильно въ ту тревожную минуту, когда оно было сказано. Не даромъ Императоръ Александръ, когда ему понадобился, для сообщенія съ народомъ, человекъ, проникнутый честнымъ и сердечнымъ патріотизмомъ, дѣйствующимъ на массы, остановился на Шишковѣ. Не даромъ Пушкинъ въ 1825 году, вскорѣ послѣ назначенія Шихова министромъ, писалъ кн. Вяземскому:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

Въ литературѣ самъ Шишковъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ; но онъ содѣйствовалъ отрезвленію тѣхъ неумѣлыхъ послѣдователей Карамзина, которые безъ нужды испещряли свои сочиненія и въ особенности переводы иностранными словами и даже придавали русскому языку совсѣмъ ему несвойственную, французскую конструцію. Помимо этой косвенной заслуги, за Шиховымъ остается еще одна прямая, на которую мало обращено было вниманія и потому она остается почти неизвѣстною. Шишковъ первый завелъ литературныя связи съ другими славянами, первый указалъ на наше культурное съ ними родство, такъ что въ исторіи нашего сближенія съ славянами онъ занимаетъ видное мѣсто. Еще въ 1813 году, проживъ нѣсколько недѣль въ Прагѣ, Шишковъ познакомился съ чешскимъ языкомъ и съ аббатомъ Добровскимъ, который писалъ грамматику церковно-славянскаго языка. Въ 1817 го-

ду, въ рескриптѣ на имя гр. Остермана, получившаго отъ чеховъ въ даръ кубокъ, Шишковъ назвалъ чеховъ соплеменнымъ намъ храбрымъ народомъ; но Императоръ Александръ вычеркнулъ это выраженіе. Шишковъ замѣтилъ ему: „мнѣ кажется, мы можемъ называть ихъ соплеменными, потому что они нашимъ нарѣчіемъ говорить.“ На это Александръ отвѣчалъ: „подозрительные нѣмцы подумаютъ, что, мы сближаясь съ богемцами, симъ родствомъ имѣемъ къ нимъ какіе-нибудь виды“. Такимъ образомъ, когда наша политика еще не рѣшалась признать родства съ другими славянами, Шишковъ *первымъ* протянулъ имъ руку. Въ этомъ Шишковъ, несмотря на разность преслѣдуемыхъ цѣлей, сошелся съ позднѣйшими славянофилами и долженъ быть признанъ ихъ непосредственнымъ предшественникомъ. Интересно при этомъ то обстоятельство, что народное наше сознаніе, и при первомъ своемъ пробужденіи, и при дальнѣйшемъ развитіи, выставило требованіе самобытной, общеславянской культуры, равноправной, но не подчиненной западно-европейской. По предложенію Шишкова, академія выбрала въ почетные члены польскаго ученаго Линде, чешскихъ—Негедна, Добровскаго, Ганку; черезъ нихъ онъ завелъ сношенія съ Раковецкимъ, Юнгманомъ, Караджичемъ, самъ со всѣми переписывался, посылалъ имъ и въ библиотеки пражскую и вѣнскую изданія российской академіи, въ особенности же указывалъ на „Академическія Извѣстія“, гдѣ печаталось его корнесловіе. Шишковъ, объясняя свой взглядъ на словопроизводство, приглашалъ всѣхъ къ провѣркѣ своего труда; при этомъ Шишковъ самъ признавался, что трудъ его „требуетъ многихъ изслѣдованій, справокъ, разсужденій и доказательствъ, прежде нежели можетъ быть совершенъ“. Въ свою очередь славянскіе ученые присылали въ российскую академію свои изданія и относились къ ней и къ ея президенту съ большимъ уваженіемъ. У Шишкова явилась даже мысль открыть славянскія кафедры при русскихъ университетахъ, но исполненіе ея остановилось за недостаткомъ въ то время профессоровъ, достаточно подготовленныхъ для только-что начинавшагося въ это время вопроса о славянской филологіи (Стоюнинъ „Ал. Сем. Шишковъ“, стр. 258—261). Такимъ образомъ не безъ участія Шишкова начались работы по славянской исторіи и филологіи, и, уже въ это время, до 1812 г. сложились кружокъ людей, положившихъ основаніе изученію общеславянской культуры. „То былъ,—говоритъ Срезневскій,—кружокъ

людей науки на Руси, первый по времени или, по крайней мѣрѣ, по значенію и связности. Преданные наукѣ и отечеству, безпристрастно уважающіе труды другъ друга, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ широкой Руси, очень различные по общественному положенію и по возрасту, они тѣсно были связаны направлениемъ мыслей и перепиской другъ съ другомъ. Основными, старшими членами этого кружка были, кромѣ гр. Румянцева, Бантышъ-Каменскій, Малиновскій, митр. Евгений, отчасти и Оленинъ. Къ нимъ присоединились Калайдовичъ, Востокъ, Ермолаевъ, Кешпентъ, от. Іоаннъ Григоровичъ. Не въ немъ, но и не внѣ его были нѣкоторые изъ профессоровъ—Тимковскій, Каченовскій, Даниловичъ, Лобойко и изъ академиковъ—Аделунгъ, Кругъ, Френъ. Къ нему призывали и нѣкоторые изъ иноземныхъ ученыхъ, близкихъ къ нему по занятіямъ, какъ Добровскій, Линде и друг. Открывать и изслѣдовать древніе памятники языка, словесности и быта русскаго народа—такова была задача кружка. Кружокъ сталъ образовываться еще до 1812 г. съ того времени, какъ, по инициативѣ гр. Румянцева, предприняты были работы по изданію „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“.

Возвращаясь къ прерванному разсказу о новомъ направленіи въ московской журналистикѣ, подъ влияніемъ толчка, даннаго ей Карамзинымъ, съ его „Вѣстникомъ Европы“.

Въ московской журналистикѣ лучшей изъ вновь появившихся журналовъ былъ „Московскій Меркурій“, издававшійся въ 1803 г. Макаровымъ. П. И. Макаровъ (1765—1804) былъ сынъ казанскаго губернскаго предводителя дворянства, учился дома, потомъ въ школѣ, служилъ въ военной службѣ, сначала въ Казани, потомъ въ Петербургѣ, прокутился, вышелъ въ отставку майоромъ и поселился въ Москвѣ. Онъ извѣстенъ переводами двухъ романовъ „Графъ де-Сенъ-Меранъ или Новыя Зablужденія сердца и ума“. 8 д. М. 1800 г. (2 изд. 1818—19) и „Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи“, соч. Лантье, М. 1802 (3 изд. 1822 г.), причемъ Макаровъ перевелъ первыя двѣ части, а третью—Гр. Яценковъ. Послѣ годичнаго изданія журнала, Макаровъ, какъ мы видѣли, участвовалъ въ теченіе 1804 года въ изданіи „Вѣстника Европы“ и въ томъ же году въ октябрѣ мѣсяцѣ умеръ на пути въ Польшу, 39 лѣтъ отъ роду. Журналъ Макарова, чисто литературный и не касающійся политики, замѣчателенъ тѣмъ, что онъ посвященъ

дамамъ, „Милнымъ читательницамъ“. Въ статьѣ „нѣкоторыя мысли издателей Меркурія“, съ которой начинается журналъ, изложены слѣдующія, замѣчательныя для того времени, разсужденія: „Въ числѣ обстоятельствъ, которыя доннынѣ препятствовали успѣхамъ нашей литературы, можно, кажется, предполагать и то, что у насъ молодой человѣкъ весьма рано перестаетъ учиться и, по вступленіи въ свѣтъ, не имѣетъ даже никакой побудительной причины обогащать умъ свой“. Развивши нѣсколько эту замѣтку, Макаровъ прямо переходитъ къ тому средству, которое, по его понятіямъ, одно можетъ подвинуть у насъ просвѣщеніе. „Во Франціи женщины упражнялись въ литературѣ и всѣ первоклассныя ученые стекались къ нимъ со всѣхъ сторонъ; дома ихъ были лучшими школами вкуса и просвѣщенія; тамъ, въ отборныхъ собраніяхъ судили и сочиненія и авторовъ; тамъ безъ гордости, безъ чванства всякій старался превзойти другаго не нарядомъ, не экипажемъ, не грубою наглостью, но блескомъ ума, — естественнаго и приобрѣтеннаго; тамъ Фонтенели и Малербы давали практическія наставленія въ тонкомъ учтивствѣ, въ умной, замысловатой веселости и въ искусствѣ употреблять знанія безъ педантства. Еслибы наши дамы вздумали подражать сему примѣру, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ заставили бы всякаго учиться. Тогда-то подлинно воздвигли бы имъ алтари; тогда-то слово *обожать* получило бы естественный свой смыслъ, и можетъ быть (къ счастью человѣчества) возвратились бы на землю тѣ золотыя вѣка, когда одинъ взглядъ, одинъ поцѣлуй руки награждали десятилѣтніе подвиги героев.“ Макаровъ, въ довольно длинной статьѣ, доказываетъ необходимость женскаго образованія и вліянія женщины на общество; статья его, для своего времени, въ высшей степени замѣчательна и многія изъ его мыслей, даже теперь, не принадлежатъ къ числу бесспорныхъ и окончательно усвоенныхъ обществомъ. „Женщины всегда были и будутъ первою, хотя иногда невидимою, пружиною человѣческихъ дѣяній, причиною всего *изыскаго и великаго*“. Это доказывается цѣлымъ рядомъ историческихъ примѣровъ, начиная съ древнихъ временъ. „Женщины лучшія хранительницы нравовъ; но чтобы онѣ могли найти ту счастливую середину, на которой *добродѣтель* и *любезность* соединяются и взаимно одна другой сообщаютъ прелести свои,—потребно *просвѣщеніе*“. „Почему женщины не быть столько же ученою, сколько и мужчинами? Способности ея превосходятъ наши и тре-

бываютъ только развитія“. „Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ—эгоистъ, любовникъ онъ или мужъ; тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку): *я тебя умнѣе*“. Но, рядомъ съ этими здравыми и нравственными убѣжденіями, Макаровъ не могъ не заплатить дани своему *галантному* вѣку. Желая видѣть женщину на одной степени образованія съ мужчиной, онъ все-таки не считаетъ возможнымъ подходить къ ней просто, какъ къ человеку. „Какой педантъ, какой варваръ осмѣлится не похвалить того, что нѣжная, бѣлая, прекрасная рука написала? По крайней мѣрѣ мы съ своей стороны, цѣлуя мысленно сію руку и любя воображать ее прелестнѣе руки Анадиомены Апеллесовой, увѣряемъ любезную сочинительницу, что ко всѣмъ произведеніямъ пера ея наша критика всегда будетъ имѣть самое набожное почтеніе“. Помѣщая въ своемъ журналѣ „Историческое извѣстіе о Нинонѣ Ланкло“, заимствованное сокращенно изъ Лабомеля, Макаровъ предпосылаетъ такое характеристическое замѣчаніе: „Славная французенка Ланкло почитается такою женщиной, какой не было и, можетъ-быть, не будетъ другой. Не сдѣлавъ ничего героическаго, блестящаго, она предала имя свое безсмертію одною только *любезностью*. И нѣтъ еще ста лѣтъ, какъ сіе солнце угасло, какъ сей феноменъ—единственный въ мірѣ — скрылся!“ Журналъ Макарова замѣчательнѣе преимущественно критикою. До какой степени Макаровъ обладалъ вѣрнымъ критическимъ тактомъ и въ этомъ смыслѣ отдѣлялся отъ общаго мнѣнія, видно изъ отзывовъ его объ иностранныхъ писателяхъ, наиболѣе распространенныхъ въ то время въ переводахъ между русскою публикой. О Жанлисѣ по поводу перевода ея романовъ, Макаровъ говоритъ: „Госпожа Жанлисѣ принадлежитъ къ тѣмъ авторамъ, отъ которыхъ не надо ожидать ничего *чрезвычайнаго*, ничего *превосходнаго*, но которые однако же никогда не напишутъ *дурно*. Посредственные романы ея всегда будутъ нравиться, всегда съ пріятностью станутъ читать ихъ“. По поводу перевода повѣстей Вольтера Макаровъ высказалъ такое сужденіе: „Всѣ сіи *маленькія* творенія *великаю* человека, если разсматривать ихъ только съ философической стороны, будутъ ли еще и нынѣ такъ нравиться, какъ они нравились лѣтъ за тридцать прежде? Есть вещи, которыя тогда дѣйствительно почитались очень важными, а нынѣ уже никого не занимаютъ“. Но всего суровѣе отзывъ Макарова о

Радлифъ и ея подражательницахъ; между прочимъ, Макаровъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „на книгахъ такого рода всегда надлежало бы ставить эпиграфъ: *et la mère en defendra la lecture à sa fille*“. Отзывы Макарова объ отечественныхъ писателяхъ также замѣчательны и представляютъ первый примѣръ дѣльной и безпристрастной критики. Разбирая сочиненія И. И. Дмитриева, Макаровъ еще не осмѣливается быть самостоятельнымъ: воспѣвая хвалебный гимнъ маститому поэту, Макаровъ не отступаетъ еще отъ общепринятаго правила ограничиваться разборомъ отдѣльныхъ мыслей и выражений. Но въ отчетѣ „о путешествіи въ Малороссію“, изд. кн. П. Шаликовымъ (М. 1803), похвала отзывается тонкою и ѣдкой ироніей: „Читая книгу, весьма часто плѣняешься фразою, риторическою фигурою, какимъ-то пріятнымъ, нѣжнымъ колоритомъ слога, какою-то чувствительностью *розоваго цвѣта*,— а прочтя до конца мало удерживается въ памяти. Это не что иное, какъ собраніе отрывковъ, какое человѣкъ съ талантомъ могъ написать не выѣзжая изъ Москвы.“ Это не помѣшало впрочемъ Макарову занять почти половину журнала „Новымъ путешествіемъ въ Малороссію“, Кн. Шаликова, еще болѣе сантиментальнымъ, претензіознымъ и нелѣпымъ. Но за то авторъ не щадилъ переводчиковъ, наводнявшихъ литературу плохими романами, и, безъ сомнѣнія, способствовалъ очищенію вкуса публики.

За исключеніемъ критики, журналъ Макарова представляетъ мало интереснаго по своему содержанію. Стихотворный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ піэсы самыхъ бездарныхъ поэтовъ того времени, которые рады были сбыть куда-нибудь свои „вирши“,—гр. Хвостова, кн. Шаликова и Н. Остолопова. Изъ оригинальныхъ прозаическихъ статей, кромѣ сейчасъ упомянутаго путешествія, помѣщены еще письма самого Макарова—„Россіянинъ въ Лондонѣ“, описаніе пребыванія въ Англии; письма эти написаны очень живо и интересны даже теперь, такъ какъ Макаровъ описываетъ личныя свои походы, довольно характеристическія. Переводы заимствованы изъ сочиненій: Верна (нѣсколько небольшихъ отрывковъ); Лантье (изъ *Voyageurs en Suisse*); Морица (изъ путешествія по Италіи); Сегюра (отрывокъ объ умѣ и вкусѣ); сокращеніе повѣсти Лафонтена „великодушный соперникъ“ и мн. др.

Последнею статьею Меркурія былъ отвѣтъ Шишкову на напечатанное имъ „разсужденіе о старомъ и новомъ слоgѣ російс-

скаго языка“ (С.-Пб. 1803). Макаровъ понялъ смыслъ протеста Шишкова; его возраженіе не ограничивается одною стилистикою, но вмѣстѣ съ тѣмъ Макаровъ подаетъ голосъ о невозможности и нежелательности возврата къ старому. Макаровъ признаетъ, что нѣкоторыя чужестранныя слова совершенно необходимы; лишь только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Далѣе Макаровъ бѣгло обзрѣваетъ совершенствованіе языка, шедшее объ руку съ просвѣщеніемъ, и доказываетъ, что не только старинный, но и современный языкъ, языкъ лучшихъ писателей, сталъ уже недостаточенъ, не соотвѣтствовалъ тогдашнимъ потребностямъ просвѣщенія. Онъ говоритъ, что самый богатый языкъ бѣднѣетъ, если не пріобрѣтаетъ, и что удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно. Макаровъ отвергаетъ мысль Шишкова, будто книжный языкъ долженъ быть какимъ-то особеннымъ, противоположнымъ низкому, простонародному, и хочетъ совершенно упразднить книжный языкъ, не имѣющій свойствъ живой рѣчи. Это мнѣніе Макарова замѣчательно. Онъ, какъ справедливо говоритъ г. Галаховъ, дополняетъ правило, которому слѣдовалъ Карамзинъ (писать, какъ говорятъ), другимъ столь же законнымъ: и говорить, какъ пишутъ. Первое безъ втораго было бы односторонне. Требуя сближенія литературной рѣчи съ разговорною, необходимо требовать и возвышенія разговорной до уровня съ литературной.

Для нашего времени статья Макарова покажется слабою и наполненною общеизвѣстными и элементарными разсужденіями; но въ свое время это была статья образцовая, единственная въ своемъ родѣ по мыслямъ, по слогу и по значенію своему, какъ первый и удачный опытъ оправданія и защиты нѣкоторыхъ мнѣній Карамзинской школы, какъ одинъ изъ немногихъ голосовъ, раздававшихся тогда въ литературѣ въ защиту культурныхъ стремленій отъ реакціонныхъ нападений, прикрываемыхъ уваженіемъ въ старинѣ.

Другой Московскій журналъ, получившій значеніе въ ту эпоху не столько по содержанію, сколько по личности издателя и по условіямъ времени, былъ „Русскій Вѣстникъ“, начатый въ 1808 году С. Н. Глинкою (1774—1847). Пересмотрѣвъ большинство тогдашнихъ журналовъ и принявшись за „Русскій Вѣстникъ“, я, даже въ настоящее время, былъ пораженъ его оригинальностью. Тогда какъ всѣ другіе журналы, желая доставить читателямъ занятіе

„разнообразное, пріятное и полезное“, прямо заявляли, что они могут почерпнуть его только въ иностранной литературѣ и большую часть своего журнала наполняли переводами и извѣстіями о заграничной жизни и дѣятельности, вдругъ появляется журналъ, въ которомъ нѣтъ *ни одной* переводной статьи, который не говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ Россіи. Если это поражаетъ въ настоящее время только оригинальностью, то тогда это должно было невольно понравиться и привлечь на свою сторону большинство читателей. Какъ ни глубокомысленны были авторы переводимыхъ статей, какъ ни крупны были факты, заимствованные изъ богатой западной жизни, все же они были чужіе; если они удовлетворяли уму, то они ничего не говорили чувству, которое захватывается глубоко только роднымъ, своимъ, народнымъ. Для читателей, мало образованныхъ,—а такихъ было большинство,—самая серьезная и прекрасная переводная статья менѣе понималась и менѣе возбуждала интереса, нежели сравнительно плохая, но русская, близкая и по понятіямъ, и по живому отношенію. Кн. Шаликовъ въ „Московскомъ Зрителѣ“ представляетъ себѣ современныя требованія общества отъ журнала въ такомъ видѣ: „мнѣ хотѣлось бы видѣть въ немъ болѣе *подлинниковъ* чѣмъ *переводовъ*, болѣе мѣстнаго; хотѣлось бы, чтобы издатель его, какъ ревностный патріотъ, съ пламеннымъ сердцемъ и смѣлою рукою принялся за перо, единственно для пользы земляковъ своихъ“. Эту задачу, въ которой кн. Шаликовъ оказался совершенно неспособнымъ, принялъ на себя и выполнилъ Глинка. Неудивительно поэтому, что журналъ Глинки, настолько удовлетворявшій вообще требованіямъ читающей публики, встрѣченъ былъ горячимъ сочувствіемъ. Кн. Шаликовъ въ „Аглаѣ“ говоритъ о „Р. В.“: „Никогда и никакой журналъ, не исключая даже и „Англійскаго Зрителя“, не соответствовалъ такъ хорошо своему названію, какъ „Русскій Вѣстникъ“, никогда и никакой издатель не имѣлъ цѣли благороднѣйшей и полезнѣйшей. За то патріотизмъ и таланты признательнаго питомца русскихъ музъ вознаграждаются сынами отечества,—„*Русскаго Вѣстника*“ взято очень мною“. Вигель въ своихъ „Запискахъ“, говоря о значеніи „Русскаго Вѣстника“, замѣчаетъ между прочимъ, что онъ былъ полезенъ въ особенности для провинціи и тамъ преимущественно расходился. Въ этомъ случаѣ интересно распределеніе подписчиковъ, списокъ которыхъ приложенъ къ послѣднему номеру

1811 года: 279 въ Москвѣ, 440 въ провинціи и только 10 въ Петербургѣ (всего 729 экземпляровъ). Глинку поощряли аристократы. На первыхъ же порахъ въ сотрудники къ нему назвались гр. Ра-стопчинъ и кн. Дашкова; но Глинка, у котораго чувство народности было неподдѣльное и вѣрное, сейчасъ же съ ними разошелся. Аракчеевъ писалъ ему одобрителное письмо и при этомъ съ гордостью выставлялъ, что „онъ учился грамотѣ по часослову, а не по рисованнымъ картамъ“. Журналъ Глинки понравился непосредственному начальнику Глинки, Л. П. Нарышкину, и онъ доложилъ о томъ государю; съ другой стороны, на Глинку пожаловался за рѣзкую, по его мнѣнію, статью по поводу Тильзитскаго мира французскій посолъ Коленкуръ, и Глинка былъ отставленъ отъ должности переводчика при театрѣ. Но за то средній классъ, провинція, мелкое дворянство, кучечество, духовенство, все, что не интересовалось ни иностранною литературой, ни западною жизнью, все это съ жадностью бросилось на журналъ. А при этомъ еще возбужденное время, темное предчувствіе нашествія, смутные и разнорѣчивые толки о Наполеонѣ, который представлялся уже тогда въ образѣ легендарнаго героя, способнаго совершать подвиги, обыкновенному человѣку недоступные. Все это дѣйствовало возбуждающимъ образомъ; журналъ, передающій свѣдѣнія о событіяхъ съ русской точки зрѣнія, становился необходимостью, и въ этомъ случаѣ понятнѣе и ближе всѣхъ былъ „Русскій Вѣстникъ“. Глинка, въ своихъ запискахъ, говоритъ: „Съ кѣмъ ни раскланивался я на улицѣ изъ знакомыхъ гражданъ московскихъ, всѣ они за „Русскій Вѣстникъ“ говорили мнѣ *спасибо* и прибавляли: вы приучаете насъ читать. Весело мнѣ также было видѣть, съ какимъ жаромъ порыва студенты Московскаго университета спѣшили ловить книжки „Вѣстника“ при выходѣ ихъ“. По-годинъ писалъ: „Вашъ „Р. В.“ возбудилъ во мнѣ первое чувство любви къ отечеству, „Р. В.“ заходилъ даже иногда въ крестьянскія хижины“. Но все-таки не нужно преувеличивать ни степени его распространенія, ни его значенія. Глинка самъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что „Русскаго Вѣстника“ въ 1812 году расходилось не свыше 100 экземпляровъ: это и понятно, читатели того времени книгъ покупали мало и старались читать на даровщину; забравшись въ какое-нибудь захолустье, книга переходила изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока истреплется окончательно.

По поводу „Р. В.“ я испыталъ изумленіе другаго рода. Прежде, нежели братъ въ руки журналъ, я прочелъ „Исторію русской литературы“ Галахова. Тамъ Глинка представленъ въ видѣ пророка, чѣмъ-то напоминающимъ Жанну д'Аретъ; тамъ приводятся слова Вяземскаго, что „Глинка былъ рожденъ народнымъ трибуномъ“ (II, 2, стр. 139, 141). Поводомъ къ этому выставленъ рассказъ самого Глинки, что „онъ на Поклонной горѣ, въ день прибытія государя въ Москву (11 іюня 1812 г.), *велъ за собою народъ*“. Глинка передаетъ это такимъ образомъ. Въ этотъ день на Поклонной горѣ собралось множество исключительно простаго народа. Сюда, говоритъ онъ, „донеслась въ рошу молва, что у заставы Драгомиловской народъ намѣренъ выпречь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной горѣ, безъ всякаго посторонняго возбужденія и какъ будто смолвясь дунами и мыслию, воскликнули: „не уступимъ! мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску государеву отсюда, гдѣ ее встрѣтимъ“. Потомъ, оборотаясь ко мнѣ, сказали: „а вы, ваше благородіе, ведите насъ! Я провозгласилъ ура! впередъ! и тысячи голосовъ повторили ура, впередъ! все быстро двинулось“ (Записки о 1812 г., стр. 8 и 9). Весь этотъ рассказъ носитъ характеръ дѣланнаго, риторическаго, между тѣмъ какъ самый фактъ былъ совершенно простой. Движеніе впередъ со стороны народа на Поклонной горѣ было; Глинка очутился впереди, такъ какъ самъ онъ говоритъ, что, еще собираясь на Поклонную гору, онъ надѣлъ свою золотую медаль, чтобы *противъ-смыться*. Очень естественно, что окружающіе, при видѣ этой медали и стараній Глинки, можетъ быть и сказали ему: веди насъ! можетъ быть закричали ура! какъ это всегда бываетъ въ толпѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ. Замѣчательно, что самъ Глинка не придавалъ никакого значенія этому рассказу. Въ позднѣйшей брошюрѣ: „Русскіе въ доблестяхъ своихъ въ вѣрѣ, вѣрности и въ любви своей къ престолу и отечеству“ (кн. I. С.-Пб. 1842 г.), Глинка подробно рассказываетъ встрѣчу государя и случай на Поклонной горѣ, дословно повторяя свои записки, а о томъ, что онъ велъ народъ, ничего не упоминаетъ. (Душевный порывъ духа народнаго на горѣ Поклонной, стр. 37—41). Просмотрѣвши и воспоминанія Глинки, и его журналъ, я не могъ понять, гдѣ

и когда гг. Галаховъ и Вяземскій прозрѣли это великое призваніе С. Н. Глинки. Стоитъ только прочесть его скромныя и честныя, но рельефно обрисовывающія его дѣятельность записки, чтобы понять услуги, которыя онъ дѣйствительно оказалъ обществу, но зачѣмъ же ставить его на пьедесталь, для него совсѣмъ не подходящій. С. Глинка въ 1812 г. получилъ Владиміра 4 степени и 300.000 р. въ свое безотчетное распоряженіе „за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями“. Но вѣдь въ то же время и за тѣ же заслуги Шишковъ сдѣланъ былъ государственнымъ секретаремъ, и однакоже трудно назвать его Иоанною д'Аркъ или народнымъ трибуномъ. Глинка, въ своихъ запискахъ, говоритъ о 1809 годѣ, когда заключенъ былъ миръ: „Это было праздникомъ народнымъ. Я усилилъ свои прогулки по улицамъ, по рядамъ и въ Кремлѣ. Вездѣ я слышалъ душевный голосъ народа, *вездѣ къ нему прислушивался и было чего послушать*. По знакомству моему съ людьми Московскими, со мною говорили не запинаясь и *откровенно*. Словомъ, я жилъ среди народа и жизнию народною“. Такимъ образомъ Глинка признаетъ самъ, что ему нечего было *учить народъ*, а нужно было только самому прислушиваться. Глинка былъ идеалистъ, страстный и энергичскій и притомъ честнѣйшій. 300.000 р., отданныя въ безотчетное его распоряженіе, сполна вернулись въ казну: онъ находилъ, что „для русскаго сердца достаточно силы слова, идущаго отъ души“. Глинка ярко и искренне охарактеризовалъ себя самъ немногими словами въ запискахъ. Онъ былъ домашнимъ учителемъ и съ урока явился безъ копѣйки въ Москву, гдѣ построился переводчикомъ при театрѣ и жилъ на деньги, заработанныя литературнымъ трудомъ. „Я началъ въ Москвѣ,—говоритъ онъ,—работать для театра, а на выработанныя деньги ѣздилъ въ Петербургъ. Не искалъ я ни чиновъ, ни почестей, но ничего не потерялъ, *лелѣя сердце жизнию мечтательною*“. На этихъ условіяхъ Глинка жилъ въ Москвѣ, а любилъ въ Петербургѣ, что, при тогдашнихъ сообщеніяхъ, для бѣднаго человѣка не представляло большихъ удобствъ. „Сердце мое,—продолжаетъ онъ,—породнено было съ отечествомъ чистою, святою любовью“. И это не фраза: Глинка доказалъ это на самомъ дѣлѣ. Тамъ, гдѣ есть чувство, есть и инстинктъ, отгадывающій положеніе прежде холоднаго, расчетливаго ума. Столкновеніе съ Наполео-

номъ представлялось неизбѣжнымъ для всѣхъ, но для немногихъ оно было такъ близко къ сердцу, такъ мучительно бѣдой, грозящей отечеству—какъ для Глинки. „Еще въ 1805 году,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—я говорилъ моимъ знакомымъ, что очередь завоеванія дойдетъ и до Москвы; въ 1806 году это предчувствіе преобразилось въ душѣ моей во *внутреннее убѣжденіе*. Отдавая письмо объ этомъ обстоятельстве своему другу, я сказалъ: Наполеонъ будетъ въ Москвѣ. Я не пророкъ и не суюсь въ пророки, но есть времена, когда будущее сливается съ настоящимъ. Сердце вѣщунъ: оно опережаетъ предположенія и расчеты“. Въ 1808 году Глинка рѣшился издавать журналъ. „Главнымъ основаніемъ, главною цѣлью „Русскаго Вѣстника“,—говоритъ онъ,—предположилъ я возбужденіе народнаго духа и вызовъ къ новой и неизбѣжной борьбѣ“. Глинка начиналъ свой журналъ безъ денегъ, безъ сотрудниковъ, не рассчитывая на успѣхъ. Содержатель типографіи Бекетовъ взялъ на себя печатаніе первыхъ двухъ книжекъ, съ тѣмъ, что могущій произойти убытокъ не падаетъ на Глинку. Хотя это не напоминаетъ Іоанна д'Аркъ и не предполагаетъ въ Глинкѣ способностей народнаго трибуна, но все же это была большая заслуга, которая въ то время имѣла значеніе и принесла плоды. Въ программѣ, предпосланной журналу, Глинка говоритъ: „Издавая „Русскій Вѣстникъ“, намѣренъ я предлагать читателямъ все то, что непосредственно относится къ русскимъ. Всѣ наши упражненія, дѣянія, чувства и мысли должны имѣть цѣлью отечество; на семъ единственномъ стремленіи основано общее благо“. Объясняя, что философы XVIII столѣтія порицали все, все опровергали, желали преобразить все по своему, издатель продолжаетъ: „Мы видѣли, къ чему привели сіи романы, сіи мечты воспаленнаго и тщеславнаго воображенія. Итакъ, замѣчая нынѣшніе нравы, обычаи, моды и пр., мы будемъ противопоставлять имъ не вымыслы *романическіе*, но *нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ*. Пусть друзья блага общаго судятъ о преимуществахъ того и другаго!“ Въ данную минуту такое сопоставленіе было возможно и полезно, какъ стимулъ для возбужденія патріотизма, а патріотизмъ для того времени былъ все—онъ спасъ Россію. Но съ точки зрѣнія исторіи русской мысли, возводитъ на пьедесталъ Глинку—довольно трудно. Глинка выросъ на той же почвѣ пробужденнаго, но

заблудившагося на первых порахъ патриотизма, какъ и Шишковъ, и одновременно съ нимъ. Оттого такая искренняя и полная между ними солидарность. Глинка перепечатывалъ въ своемъ журналѣ Шишковскіе „разговоры“ длинными выписками, сопровождая ихъ одобрителными примѣчаніями; расхваливалъ „разсужденія о любви къ отечеству“. Глинка, какъ и Шишковъ, пришелъ къ убѣжденію, что современное ему общество выработало три несомнѣнныя руководящія начала, которыя должны опредѣлить все предстоящее его развитіе въ области литературы и просвѣщенія: 1) славянскій языкъ въ сродствѣ съ русскимъ; 2) никакое европейское нарѣчіе не обогатитъ російское слово ни смысломъ, ни свойствами своими; 3) познаніе красоты, силы и выразительности духовной и свѣтской словесности непосредственно сопряжено съ воспитаніемъ отечественнымъ, безъ котораго витійство славянское и русское слово будутъ часъ отъ часу упадать (1810, № 5, стр. 129). Въ примѣненіи это *отечественное* воспитаніе выражалось въ безусловномъ предпочтеніи всего русскаго иностранному, несмотря ни на какое дѣйствительное превосходство послѣдняго. Поэтому, въ исторіи русской мысли мѣсто, отведенное для Шихкова, eo ipso, достается въ удѣлъ и Глинкѣ. Для него просвѣщеніе заключалось „въ простотѣ нравовъ, въ любви и усердіи къ Богу, вѣрѣ, царю и отечеству“ (1808, I, 182); по его мнѣнію, можно привести Китай въ примѣръ неизмѣнности нравовъ, неизблемости законовъ и добродѣтелей гражданскихъ: „даже и Вольтеръ прославлялъ за сіе Китайскую державу“ (1808, I, 172 прим.). Глинка, по своей честности, нигдѣ не способенъ былъ къ изворотамъ и обману. Онъ не могъ отказать въ своемъ движеніи западной образованности. Въ этомъ случаѣ его патриотизмъ подсказалъ ему наивный и оригинальный способъ примиренія: онъ началъ отыскивать въ русской старинѣ всѣ тѣ результаты, которые приобрѣло западное образованіе многолѣтнею работою своей мысли. Онъ находилъ у воспитателя Петра В. Зотова, у этого пьянѣйшаго папы своего питомца, тѣ же начала, какія выработали Локкъ, Руссо и Ковдильякъ; онъ въ наставленіи Симеона Полоцкаго царю Алексею Михайловичу открывалъ сходство не только съ мыслями Сократа, Платона и Цицерона, но и Декарта, Боссюэта, Вольтера, Дидро; по его понятію, Костровъ былъ совмѣстникъ

музы Гомера. „Мы не назовемъ,—говоритъ онъ,—дѣвицы Волковой новою Сафо: гречанка Сафо пѣла восторги страстной и изступленной любви; россиянка Волкова посвятила перо свое добродѣтели, царю и отечеству“. Глинка *изъ патриотизма* не допускалъ въ свой журналъ стихотвореній, гдѣ, по тогдашнему обычаю, авторъ обращался къ греческой и римской мифологiи. По этому поводу онъ говоритъ: „Стиховъ, въ которыхъ находятся названія баснословныхъ боговъ, не могу напечатать. Хотя мнѣ и были печатныя укоризны за непринятiе *греческаго баснословія* въ „Русскій Вѣстникъ“, но я не отступлю отъ моей цѣли и буду по возможности предлагать *подлинное отечественное*. Греки славили свое; будемъ и мы собственное поддерживать“ („Р. В.“ 1811, № 5, стр. 134, прим.). Все это показалось страннымъ даже современникамъ, вслѣдъ за отрезвленіемъ отъ патриотической горячки, и вызвало не лишнюю мѣткости замѣтку въ извѣстной сатирѣ Воейкова „Сумасшедшій домъ“:

Номеръ третій, на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдять;
Передъ нимъ духъ русскій въ сткланкѣ
Не откупоревъ стоять.
Книга Коричая отверста
А уста растворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.
О Расинь! откуда слава?
Я тебя дружка поймалъ!
Изъ російскаго Стоглава
Ты Гофолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота,
Въ Андронахъ подражанье
Погребенію kota.

(„Сбор. Петерб. Студ.“ I, стр. 341.)

Журналъ Глинки составлялся безъ всякой системы: онъ работалъ все время почти одинъ, не имѣя предъ собою ни предшественниковъ, ни сколько-нибудь подготовленнаго матерьяла. Онъ составлялъ книжку журнала изъ всего, что попадалось ему подъ руку и что отвѣчало его цѣли или могло быть къ ней прина-

ровлено. Но, само собою разумѣется, что при опредѣленности и цѣльности воззрѣнія издателя, журналъ былъ послѣдовательнымъ и выдержаннымъ осуществленіемъ его программы. Глинка самъ писалъ для журнала историческія и правоучительныя повѣсти, которыя онъ потомъ соединилъ въ отдѣльномъ изданіи („Русскія историческія и правоучительныя повѣсти“, соч. С. Глинки, изданы А. Ширяевымъ и посвящены Царю. Петр. Бекетову, М. 1810 г., съ нѣкоторыми перемѣнами и исправленіемъ слога); составлялъ жизнеописанія замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, прежнихъ и современныхъ (въ томъ числѣ, напр., извѣстія о тверскомъ механикѣ Гладкомъ, ржевскомъ механикѣ Волосковѣ, художникѣ-самоучкѣ, серпуховскомъ купцѣ Воронинѣ и др.); собиралъ отовсюду анекдоты и рассказы о знаменитыхъ русскихъ людяхъ и похвальныя черты изъ дѣятельности современниковъ (причемъ иногда попадался, какъ видно изъ доставленнаго ему, по распоряженію правительства, опроверженія одного изъ напечатанныхъ имъ сообщеній); печаталъ грамоты, акты и вообще памятники древней нашей письменности, не только безъ всякой критики, но въ извлеченіи и передѣлкахъ, съ собственными его замѣчаніями, такъ что сами по себѣ приводимые имъ въ журналѣ памятники не имѣли никакой цѣны,—хотя въ этомъ случаѣ Глинка, по крайней мѣрѣ, можетъ быть зачтена заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе читателей, и притомъ читателей обыкновеннаго разряда, а не специально ученыхъ, на памятники древней нашей письменности; велъ библіографическій отдѣлъ о русскихъ и отчасти иностранныхъ книгахъ, причемъ тщательно указывалъ всякій похвальный отзывъ о Россіи и съ яростію опровергалъ всякій неблагопріятный, хотя бы и справедливый. Глинка и въ этомъ случаѣ простиралъ свою ревность такъ далеко, что въ одной изъ своихъ полемическихъ статей съ „Аглаей“ напалъ на совершенно невиннаго кн. Шаликова за то, что послѣдній, упомянувъ про прежній обычай зарывать деньги въ землю, вывелъ оттуда заключеніе, что въ современномъ обществѣ благотворительность распространена болѣе, нежели въ древнія времена. Глинка обращалъ преимущественно вниманіе на военные подвиги и помѣстилъ большую статью „О военномъ искусствѣ у древнихъ и новыхъ народовъ“; любимымъ героемъ его былъ Суворовъ, о которомъ онъ говорилъ въ каждой книжкѣ и собралъ много инте-

ресныхъ анекдотовъ. Но Глинка не пренебрегалъ и гражданскими подвигами прежнихъ и современныхъ русскихъ людей. Такъ, между прочимъ, говоря объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ, онъ выражается такимъ образомъ: „Истинный русский дворянинъ долженъ быть *отцомъ-помѣщикомъ*. Попеченіе о крестьянахъ есть такая же служба, какъ и служеніе на ратномъ поприщѣ. Отечество ввѣряетъ крестьянъ въ человѣколюбивый и отеческій при- смотръ; онъ отвѣчаетъ за нихъ Богу и отечеству. Словомъ, занимаясь ревностно здоровьемъ, благосостояніемъ, довольствіемъ своихъ крестьянъ, занимаясь удобреніемъ полей, хозяйственнымъ распоряженіемъ всѣхъ сельскихъ нуждъ и трудовъ, помѣщикъ также служитъ государству, какъ и воины, защищающіе его грудью“ (1810, IX, 121 и 122). Глинка первый открылъ въ своемъ журналѣ особый отдѣлъ „благотворительныхъ извѣстій“ и сдѣлалъ его для публики посредникомъ между нуждающимися и помогающими, примѣръ, которому вскорѣ послѣдовали другіе современные ему журналы и который удержался до сихъ поръ. Въ стихотворномъ отдѣлѣ, кромѣ самого издателя и брата его Ф. Н. Глинки, на первый годъ приняли, хотя очень слабое, участіе извѣстные поэты—Державинъ, Дмитріевъ, Богдановичъ, Воейковъ, Вл. Измайловъ, но всѣ сократились на слѣдующій же годъ; журналъ все болѣе и болѣе наводнялся стихами неизвѣстныхъ, случайныхъ или лично знакомыхъ издателю поэтовъ, между которыми встрѣчались имена болѣе или менѣе почетныя въ тогдашней литературѣ: Мерзлякова, Ф. Иванова, кн. Шаликова, Ан. Волковой, Ник. Радищева (сына извѣстнаго А. Н. Радищева). По прозаическому отдѣлу Глинка былъ бѣденъ сотрудниками, да и тѣ, которые являлись къ нему на помощь (какъ напр. Галинковскій, Пав. Львовъ и др.), въ сущности ничего, кромѣ ущерба, не могли принести журналу. Въ числѣ сотрудниковъ Глинки былъ братъ Кюв. Богдановича, Ив. Богдановичъ, издавшій книгу: „О воспитаніи юношества“ и помѣщавшій въ „Р. Вѣстникѣ“ свои стихотворенія и повѣсть („Дорандъ или жертва безразсудства“). Подробный перечень статей, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, читатели найдутъ въ Прибавленіи III. Между прочимъ, въ „Р. Вѣстникѣ“ помѣщена интересная статья А. Малиновскаго „О російскомъ театрѣ“ (1808, № 111, 109—124), гдѣ разсказывается древнѣйшая его эпоха до начала восьмисотыхъ годовъ.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Карамзина, представителемъ чувствительнаго направленія въ литературѣ и противникомъ шишковистовъ въ московской журналистикѣ является кн. Шаликовъ. Кн. Шаликовъ за это время издавалъ два журнала: „Московский Зритель“ въ теченіе 1806 года и „Аглаю“ съ 1809—1812 г. включительно. Въ послѣдующую эпоху онъ продолжалъ съ 1823 по 1828 годъ „Дамскій Вѣстникъ“ и потомъ былъ издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Журнальная дѣятельность кн. Шаликова впервые рассмотрѣна была г. Пятковскимъ, но очень односторонне, поспѣшно и потому невѣрно. Г. Пятковскій вообще относился къ старымъ журналамъ исключительно съ точки зрѣнія современнаго либерализма, но едва ли эта точка отпращивленія есть вѣрная. Такъ, г. Пятковскій выписываетъ помѣщенное въ „Зрителѣ“ „Письмо сельскаго дворянина къ издателю“, гдѣ дворянинъ горько жалуется на „чудную переиѣну въ мысляхъ и правилахъ“ у дворянъ его губерніи, выразившуюся въ томъ, что многіе изъ этихъ дворянъ поженились на своихъ крѣпостныхъ. Г. Пятковскій ставитъ это главнымъ упрекомъ Шаликову. Но онъ не принялъ въ соображеніе, что Шаликовъ въ томъ же журналѣ помѣстилъ подробное и очень обстоятельное опроверженіе всѣхъ неудобствъ подобныхъ браковъ и, напротивъ, признаетъ подобные браки совершенно нормальными, пока болѣе серьезное воспитаніе благородныхъ дѣвицъ не заставитъ предпочитать ихъ въ силу нравственныхъ соображеній, а не изъ одного уваженія къ породѣ и сословнымъ преимуществамъ. Шаликовъ заявляетъ прямо, что „дворянство есть только титулъ, а человѣчество бытіе вещественное“ (см. „Размышленіе“, іюнь 1806 года, стр. 23). Шаликовъ вернулся къ этому вопросу въ слѣдующемъ своемъ журналѣ „Аглая“, гдѣ сотрудникъ, подписавшійся буквою Р., также отрицаетъ неудобства подобнаго брака и сомнѣвается, „разбираетъ ли любовь разность происхожденія“ („Аглая“ 1810 г., мартъ, стр. 62). Кн. Шаликовъ былъ вообще человѣкъ недаровитый и дюжинный, отъ него нельзя ожидать, чтобы онъ сталъ въ передніе ряды охваченнаго прогрессомъ молодаго поколѣнія, хотя онъ и былъ ровестникомъ Карамзина (князь Шаликовъ 1767—1852, Карамзинъ 1766—1826 г.). Но все же кн. Шаликовъ, въ свое время, былъ человѣкъ видный: М. Дмитріевъ, въ „Мелочахъ изъ запаса моиѣ

памяти“, заявляетъ, что тогда „имя кн. Шаликова было извѣстно въ Россіи отъ одного конца до другаго“. Загоскинъ рассказывалъ Вигелю, что, во время еще его малолѣтства, гуляя по Тверскому бульвару, онъ помнитъ толпу, съ любопытствомъ, въ почтительномъ разстояніи, идущую вслѣдъ за небольшимъ человѣкомъ, который ни шибко шелъ, ни останавливался, вынималъ бумажку и на ней что-то писалъ, а потомъ опять пускался бѣжать. „Вотъ Шаликовъ,—говорили шопотомъ, указывая на него,—и вотъ минута его вдохновенія“. Если собрать всѣ эти разбросанныя по всѣмъ журналамъ бумажки, на которыя изливалось вдохновеніе князя, вмѣстѣ съ отдѣльными изданіями его сочиненій,—то составила бы чуть не цѣлая библіотека. Но, несмотря на такую усердную плодовитость, Шаликовъ и своимъ современникамъ, и намъ, далекимъ потомкамъ, представлялся въ какомъ-то благодушномъ, безобидно-смѣшномъ видѣ. Кн. Вяземскій, тогда еще молодой человѣкъ, такъ изображаетъ Шаликова, съ его стѣсненнымъ финансовымъ положеніемъ, во время сборовъ за границу:

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой,
И съ иртовой отъ ношекъ вѣткой,
Подвязанъ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ пара мадригаловъ,
Съ едва звенящимъ кошелькомъ,
Вотъ какъ пустился нашъ Вдыхаловъ
По свѣту страствовать пѣшкомъ.

Чѣмъ же могъ кн. Шаликовъ приковать къ себѣ вниманіе современниковъ? Тѣмъ, что среди суроваго и грубаго, по своей дикости, общества инстинкты у Шаликова были мягкіе и въ немъ до извѣстной степени существовало то уваженіе и сочувствіе къ образованію, которое сдѣлало изъ Карамзина *перваго европейца*. Шаликовъ образовался исключительно подъ вліяніемъ Карамзина. Въ „Московскомъ Зрителѣ“ онъ самъ говоритъ: „Сколько я обязанъ „Аглаѣ“; она образовала вкусъ мой, развила, подобно благотворнымъ лучамъ солнца, чувства души моей, открыла въ ней способность и силу изливать сіи чувства въ нѣкоторой гармоніи, съ нѣкоторымъ искусствомъ—вотъ ея первыя мнѣ благодаренія“ („Письмо къ Н. С. П.“ 71, № 3, стр. 19). Несмотря на то, что Шаликовъ былъ излюбленный поэтъ А. С.

Шипкова, въ статьѣ „о слоgѣ Карамзина“ Шаликовъ признаеть слоgъ этотъ образцовымъ и принаровленнымъ ко всѣмъ родамъ литературныхъ произведеній („Аглая“ 1808 г.); разбирая сочиненіе Львова, помѣщенное въ „Любитель Словесности“ (издававшимся въ 1806 г. Н. Остолоповымъ) подъ заглавіемъ „изображеніе Москвы и всей Россіи въ царствованіе Іоанна IV“ и отличая всѣ историческія невѣрности, Шаликовъ вооружался противъ тяжелаго и надутаго слога, испещренного славянизмами, и спрашивалъ съ недоумѣніемъ, — „неужели старшій языкъ лучше и вразумительнѣе новаго и въ самомъ простомъ описаніи?“ Такимъ образомъ Шаликовъ въ спорѣ приверженцевъ стараго и новаго слога видѣлъ только стилистическую сторону, не заглядывая въ глубь и не подозрѣвая всей важности этой борьбы тупаго и упорнаго консерватизма съ умѣреннымъ либерализмомъ. Это виѣшняя стилистическая чувствительность, въ которую не вкладывалось ни искренняго чувства, ни серьезной мысли, — одна тоническая гармонія слога, достигнутая нѣкоторымъ искусствомъ въ силу упражненія, техническая умѣлость при полномъ отсутствіи таланта, производили напыщенное декламаторское проявленіе въ литературѣ, которое не оказывало замѣтнаго и прочнаго вліянія на современниковъ, а потомству представляется лишь съ пошлой своей стороны. Послѣдняя закрываетъ собою все остальное, хотя, оставляя въ сторонѣ, какъ выразился Макаровъ, „розовую“ его чувствительность, нельзя не признать за Шаликовымъ нѣкотораго содѣйствія распространенію образованія въ читающей средѣ, чему вовсе не способствовали сторонники Шипкова и стараго слога, въ родѣ Голенищева-Кутузова и Львова.

Что касается до журнала, то Шаликовъ не ограничивался „однимъ требованіемъ оригинальности и преобладаніемъ мѣстныхъ интересовъ“. Онъ расходился съ Карамзинымъ и во взглядѣ на критику. Въ письмѣ къ издателю воображаемый корреспондентъ говоритъ: „Я не соглашусь со многими, что критика *не исправляетъ*, и потому я желаю, чтобы она была непременно въ нашемъ журналѣ“. Авторъ письма очень настойчиво совѣтуетъ познакомиться съ красотами великихъ образцовъ, въ числѣ которыхъ, наравнѣ съ Гомеромъ и Пиндаромъ, стоятъ конечно Ломоносовъ и Державинъ, дабы плохіе поэты почувствовали „всю гадкость своего риѣмоплетенія“. Бѣдный Шаликовъ не подозрѣвалъ, что

въ этомъ случаѣ онъ, какъ нельзя лучше, изображалъ Satan, qui greche la morale. Стихотворный отдѣлъ игралъ въ журналѣ такую же важную и преобладающую роль, какъ въ большинствѣ старыхъ нашихъ журналовъ, и уступалъ въ этомъ случаѣ только „Другу Просвѣщенія“ Кутузова. Стихи поставлялъ главнымъ образомъ самъ авторъ и сотрудникъ его, обозначавшій себя Б* и принимавшій участіе и въ прозаическомъ отдѣлѣ обоихъ журналовъ. Затѣмъ изъ извѣстныхъ поэтовъ участвовали: Крыловъ, помѣстившій нѣсколько своихъ басенъ въ „Московскомъ Зрителѣ“ при содѣйствіи Ив. Ив. Дмитріева, Вас. Л. Пушкинъ и Вл. Измайловъ. Въ оригинальномъ прозаическомъ отдѣлѣ одна изъ первыхъ статей озаглавлена „женщины меценаты“. Здѣсь проводятся тѣ же мысли, съ которыми мы уже встрѣтились въ „Московскомъ Меркуріи“ Макарова, хотя несравненно слабѣе и какъ бы стороною, — именно что русскія женщины должны подражать примѣру греческихъ и сдѣлать свои гостинныя центромъ просвѣщенія. Шаликовъ принадлежалъ къ тому мужскому поколѣнію, которое смотрѣло на женщину, какъ на одну изъ „утѣхъ“ въ жизни, но во внѣшніе приемы обращенія съ нею внесло извѣстную изящную утонченность, которую въ старину называли по-русски учтивствомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія любезностью, по французски galanterie. Соединить это любезное ухаживаніе за женщиной съ нѣкоторою практикой для мозговой работы казалось для людей того поколѣнія очень серьезной и плодотворною задачей. Другая особенность Шаликова и вообще послѣдователей Карамзина состоитъ въ томъ, что они ближайшимъ образомъ для подражанія избрали сантиментальное путешествіе Стерна и пустились въ описаніе своихъ странствованій, даже не выходя изъ комнаты. Этому есть физиологическая причина. Чувство не глубокое и не искреннее — недолговѣчно и безпокойно; для своего возбужденія оно требуетъ быстрой смѣны впечатлѣній и разнообразія, а это всего проще и удобнѣе достигается въ путешествіи. „Московский Зритель“, въ своей оригинальной прозаической части и получилъ именно этотъ характеръ. Въ немъ помѣщены путешествія въ Кронштадтъ Шаликова, путешествіе на богомолье, путешествіе по комнатамъ, и т. д. Въ отрывкѣ письма отъ Полины къ Нинѣ, въ видѣ впечатлѣнія, выписаннаго изъ путешествія, объясняются преимуще-

ства состраданія и добродѣтели, скрытыя подъ бѣдной и неприглядной оболочкой, передъ красивой и блестящей, но безсердечной и пустою. Немногія другія оригинальныя статьи, очень коротенькія, представляютъ чувствительно-нравственныя разсужденія о разныхъ житейскихъ предметахъ: о ревности, о времяпрепровожденіи въ обществѣ, гдѣ осуждается претензія на остроуміе и страсть къ картежной игрѣ, о супружествѣ, гдѣ преслѣдуется разсыпанная жизнь свѣтскихъ женщинъ и доказывается, что „жены большею частью виновницы поврежденія теперешнихъ нравовъ“. Въ статьѣ „о воспитаніи“, гдѣ между прочимъ осуждается тщеславіе одной своей дворянскою породой и проводится мысль, что высокое положеніе можетъ удерживать за собой дворянство только серьезнымъ образованіемъ и заслугами передъ обществомъ, авторъ (но не самъ издатель), предлагая образцомъ прежнее положеніе женщины, когда она *повиновалась* мужу и сидѣла постоянно дома, среди хозяйскихъ заботъ, приходитъ между прочимъ къ такому заключенію: „Вы хотите возвыситься безъ всякаго усилія; хотите *сіять* на счетъ другаго; почитаете себя вправѣ на всѣ привилегіи—сойдите же съ мнимаго своего амвона и разбейте обворожаящую васъ призму, отцы семействъ, надменные одними грамотами и передающіе ничтожное тщеславіе дѣтямъ своимъ. Скажу, въ заключеніе, что для воспитанія гражданскаго нѣтъ дальней нужды родителямъ читать Локка и Жанъ-Жака Руссо, но должно читать *исторію*“. Въ статьѣ „объ искательствѣ въ людяхъ“ авторъ, вооружаясь сильно противъ этого обычая, заявляетъ, что одна подлая корысть можетъ заставить „искать во всѣхъ безъ разбора; а выигрышь отъ этого не приносить, какъ извѣстно, истинныхъ выгодъ“. Такое нравоученіе выставляетъ съ хорошей стороны характеръ самого Шаликова. Наконецъ, въ статьѣ „Злоупотребленіе свободы въ молодости“, авторъ рисуетъ такимъ образомъ внутреннюю подкладку той свѣтской любезности, которая досталась русскимъ барамъ въ удѣлъ отъ щеголей и маркизовъ XVIII столѣтія. „Молодой, красивый и благонравный мужчина есть подарокъ для бесѣды женщинъ во всякое время, а особливо въ прекрасный лѣтній вечеръ, въ уединеніи, при прогулкѣ, въ рощицѣ, съ пріятной философіей, съ нѣжною гитарою, съ французскимъ романсомъ, и—въ отсутствіи любезнаго мужа!“ Въ пе-

реводной части помѣщены: Персидскій оперный анекдотъ изъ Талмуда Вавилонскаго (?); пов. Дюмутье Аделина и Вальмонъ; отрывокъ изъ романа „Матильда“; Аспазія пер. неизвѣстно откуда; Августа, Христина и Амуръ, разговоръ въ день именинъ жены; Фридерика и Генриетта, или добрый отецъ, изъ соч. Коцебу; Ахметъ и Валида изъ соч. Кейта; д'Аламберта отрывокъ изъ рѣчи на погребеніе Абб. Терриссона; Клеманъ—отрывокъ, какъ должно переводить поэтовъ стихами. По части критики помѣщены разборы: героической драмы С. Глинки „Наталья, боярская дочь“; пер. твореній Пиндара, сдѣланный Гол.-Кутузовымъ съ франц. (М. 1804), гдѣ, при всѣхъ похвалахъ, замѣчено о невѣрности этого перевода; перевода идилии изъ Феокрита „Циклопъ“, помѣщеннаго въ 1-й книжкѣ „Друга Просвѣщенія“ за 1804 годъ,—перевода, которымъ рецензентъ остался недовольнымъ. Журналъ „Аглая“ имѣетъ нѣсколько иной характеръ: „Московскій Зритель“ еще задавался, подобно другимъ современнымъ журналамъ,—главнымъ образомъ разнообразіемъ и предлагалъ всего понемножку; „Аглая“ почти исключительно занята беллетристикою и именно повѣстями, сначала переводными, а потомъ оригинальными,—все остальное сравнительно отводится на задній планъ и занимаетъ мало мѣста. Такимъ образомъ журналъ переходитъ къ тому образцу, который окончательно сформировался въ журналистикѣ тридцатыхъ годовъ, гдѣ проза получила преобладаніе надъ поэзіей, а повѣсть составляла самый существенный и интересный для читателя отдѣлъ журнала. Въ „Аглаѣ“ даже стихотворный отдѣлъ занимаетъ гораздо менѣе мѣста, несмотря на то, что число поэтовъ-участниковъ значительно увеличилось. Кромѣ самого издателя и его главнаго сотрудника Б., въ „Аглаѣ“ помѣщали свои стихотворенія изъ болѣе извѣстныхъ тогдашнихъ поэтовъ: Мерзляковъ, кн. И. Долгоруковъ, С. Глинка, Ф. Глинка, Вл. Измайловъ, Ф. Ф. Ивановъ, Лажечниковъ, кн. Ник. Кугушевъ, Саларевъ и др. Прозаическій отдѣлъ 1808 года наполненъ по преимуществу переводами. На первомъ планѣ стоятъ переводныя повѣсти: двѣ повѣсти Буффле („Мода“ и „Счастливый случай“); пов. Гермодоръ и Ефразія изъ *Mercure de France*; отрывки изъ Тристрамъ Швади Стерна и изъ Верна (*voyage sentimental*); Мерсье (отрывки—меланхолия, любовь, Вольтеръ и Руссо); Вольтеръ („Утѣши-

тельные совѣты“); Делиль („Гимнъ добродѣтели изъ его естественной исторіи“); Ж. Ж. Руссо („О женщинахъ“), Оберманъ („О женщинахъ“), г-жа Меланъ („Дѣятельность лѣнливыхъ“), Арно („О чувствительности дикихъ“), Бюрнетъ („Марія королева англійская“), Лонгинъ („Сравненіе Гиперида съ Демосоеномъ“), неизбѣжный Лагарпъ („Фонтенель“), Мармонтель („О Генріадѣ Монтаня“); Томасъ и друг. Кромѣ того въ этомъ году помѣщенъ разборъ: „Правила поэзіи“, соч. Батте, сокращенный переводъ, съ присовокупленіемъ російскаго стихосложенія, пер. А. Бувиной (С.-Пб. 1808 г., издано по Высоч. повел.) и статьи о театрѣ („Разборъ игры Фились и Сандуновой). „Аглаи“ за другіе годы (1810—1812) я не нашелъ въ московскихъ бібліотекахъ, но сказаннаго мною совершенно достаточно, чтобы понять и оцѣнить характеръ журнальной дѣятельности Кн. Шаликова.

„Вѣстникъ Европы“ и „Московскій Меркурій“ были представители, для своего времени, серьезной и либеральной московской прессы, „Сынъ Отечества“—патріотической; но рядомъ съ этимъ на журнальное поприще выступили въ Москвѣ и послѣдователи Шишкова. „Другъ Просвѣщенія“ издавали въ теченіи трехъ лѣтъ (1804—1806 включительно) Голенищевъ Кутузовъ, гр. Хвостовъ и гр. Г. Салтыковъ. Изъ числа этихъ издателей, самыхъ истинныхъ поклонниковъ Шишкова, гр. Хвостовъ былъ посмѣшищемъ даже въ свое время: всѣ молодые писатели объ него оттачивали перо свое, и безъ эпитаграммы на Хвостова какъ будто нельзя было вступить въ литературное сословіе. Въ его притчахъ оселъ лѣзь на рябину и крѣпко лапами за дерево хваталъ, голубъ грызъ зубами узелки, сума надувалась отъ вздоховъ и т. п. Бывшій два раза попечителемъ Московскаго университета, Голенищевъ-Кутузовъ былъ извѣстенъ невѣрными переводами съ французскаго греческихъ поэтовъ (Пиндара, Сафо и Гезіода) и доносими на Карамзина⁽⁵⁶⁾. М. Дмитріевъ въ „Мелочахъ изъ записокъ моей памяти“ рассказываетъ, что самый журналъ состоялся только потому, что другіе издатели не согласились принимать стиховъ отъ этихъ трехъ виршеслагателей. „Другъ Просвѣщенія“ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ: литературнаго и отдѣла наукъ и художествъ. Въ литературномъ отдѣлѣ большую его часть наполняли стихотворенія; главными вкладчиками являлись сами редакторы—Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Дм. Хвостовъ и гр. Гр. Салтыковъ, къ

которымъ присоединились титулованные ихъ сотрудники—Гр. Апол. Е. Мусинъ Пушкинъ, кн. А. Долгоруковъ, кн. Д. Горчаковъ и, изъ числа болѣе или менѣе извѣстныхъ, поэты: Державинъ (помѣстившій здѣсь стихотворенія: Фонарь, Колесница, рѣзкое осужденіе французской революціи, На возвращеніе изъ Персіи чрезъ Кавказскія горы гр. В. А. Зубова и Волховъ Кубрѣ, послѣднее безъ подписи), С. Глинка, Ф. Ключаревъ, Н. А. Львовъ (Добрыня, богатырская пѣсня, тоническими стихами, подражаніе древнимъ былинамъ), Н. Остолоповъ, А. Шишковъ, В. Капнистъ, пер. изъ Делила на безсмертіе (1803, IV, 206). При этомъ замѣчательно, что чѣмъ дальше подвигался журналъ, тѣмъ менѣе становилось участіе самихъ редакторовъ и ихъ титулованныхъ сотрудниковъ и соразмѣрно тому увеличивалось участіе малоизвѣстныхъ стихослагателей, такъ что 1806 годъ почти исключительно наполнялся ими (⁵¹). Мы оставимъ въ сторонѣ давно забытыя вирши, помѣщавшіяся въ этомъ журналѣ, его высокопарныя, надутыя, но лишенныя всякой поэзіи оды, нѣжныя посланія къ милымъ, обмѣнъ пріятельскими посланіями съ цѣлью взаимнаго восхваленія, мадригалы, надписи и другія модныя стихотворныя бездѣлки, наполняющія этотъ журналъ. Мы для примѣра возьмемъ одно бытовое стихотвореніе неизвѣстнаго, гдѣ обрисовываются отношенія журнала къ народу, къ нисшей крестьянской средѣ. Въ „посланіи къ кучеру Кирюшкѣ“ говорится между прочимъ:

На милость барскую всеильно уповая,
 Не знаешь нужды ты и никакихъ хлопоть;
 Ты пѣсенки орешь и пляшешь присѣдая
 До тѣхъ поръ, какъ съ лица твоего полетѣтъ потъ.
 Ты доброй человѣкъ, простой, нелицемѣрный,
 И не замѣтилъ я, чтобъ ты когда былъ пьянъ;
 Усердный мнѣ слуга, услужливой и вѣрной;
 Одивъ въ тебѣ порокъ, Кирюша:—ты буянъ!
 Зачѣмъ стегаешь ты кнутомъ, кого не встрѣтишь.
 Припомни, что ты самъ не бережешь себя—
 Барету обскакать зачѣмъ чужую мѣтишь.
 Скажи, училъ ли я тому когда тебя?

Послѣдній стихъ очевидно для риѣмы; но въ сущности баринъ очень доволенъ буянствомъ Кирюшки; онъ ему даетъ, въ знакъ милости, такое обѣщаніе:

Зимю подарю тебѣ я шубу лисью;
Пути ты и впередъ, какъ ты всегда шутилъ,
Велю привезть въ Москву жену твою Анисю.

Отдѣлъ оригинальной прозы очень незначителенъ: краткое описаніе объ островѣ Кадьякъ; коротенькое начертаніе жизни Я. Б. Княжина; письмо изъ Лифляндіи Фишера; тактика или разговоръ съ солдатами ихъ языкомъ послѣ ученья Суворова; интересное письмо отъ морскаго мегалоса сухопутному мегалосу изъ Наксии отъ 12 августа 1772 г. о подвигахъ въ Египтѣ Грека Ризо, называвшагося русскимъ адмираломъ; баснословье славянъ сравнительно съ другими народами и др. Въ каждой книжкѣ помѣщались русскіе анекдоты, гдѣ описывались заслуживающіе уваженія поступки разныхъ лицъ. Въ прозаическомъ отдѣлѣ журналъ заслуживаетъ благодарности за помѣщеніе начала; оканчивающагося именемъ Кирилла, статьи „Новаго опыта словаря о російскихъ писателяхъ“ митрополита Евгенія, какъ это и заявлено было письмомъ изъ Бѣлгорода. Изъ старыхъ сочиненій помѣщено: Слово благодарственное Елизаветѣ Петровнѣ при инаугураціи Петербургскаго университета, Ломоносова; письмо Кн. Я. Ф. Долгорукова; рѣчь кн. Дашковой при открытіи академіи въ 1783 г. и письмо ея къ Вильмоту, за подписью К. Д. Въ числѣ переводовъ помѣщены: двѣ повѣсти изъ Дюкре-Дюмениля (страннопріимство и мудрецъ въ долинѣ); пов. Доммартена (Бариньякъ и Флоранвиль); изъ Дидерота (сожалѣніе о старомъ моемъ халатѣ); отрывокъ изъ Томсона, пер. Пуговкина; изъ С. Ламберта (журналъ жизни добродѣтельнаго человѣка); изъ сочиненій Казота (oeuvres de Cazotte) Пилигримы; изъ Vigée (о дружбѣ); изъ Шамфора (пристыженное тщеславіе); изъ сочиненія Сегюра (Les femmes, leur conditions sociales etc); изъ путешествія Анахарзиса, Біасъ Пріенскій, отрывокъ, помѣщенный въ прибавленіи; изъ Correspondance politique et confidentielle de Louis XVI, (Paris, 1803); о Пандарѣ, съ французскаго; изъ сочиненія Lettres, écrites sous la regne d'Auguste: о ваятельномъ искусствѣ, о живописи; изъ журнала Коцебу der Freimuthige (любопытный процессъ); изъ Suard melanges de litterature (Молюкъ и Ниссуръ, о древнихъ бардахъ); рассказъ—Дѣйствительное привидѣніе; нѣсколько коротенькихъ отрывковъ изъ Томаса; статья Ноэля (о Мариво); Маркизы Каракціолли (о смерти); отрывокъ изъ сочиненія Мармонтеля (Пикъ или разрушеніе Перуанской

имперіи); Д цы Эспинасъ (чувствительное путешествіе—окончаніе); письмо Ж. Ж. Руссо къ С. Жерменю, гдѣ онъ излагаетъ, насколько несправедливы нападенія на него разныхъ враговъ во Франціи; изъ *Nouveau voyage en Espagne*; Жалоба Гименея, съ нѣмецкаго; О театральныхъ представленіяхъ; Нѣчто о поцѣлуѣ; пер. А. Болховскаго (изъ Воронина), доставлявшаго иногда сентиментальные переводы въ журналъ; изъ древнихъ писателей, изъ Тибулла, изъ Феокрита (идилія Циклопъ, съ франц.), изъ Лукіана; письмо Петронія къ Ювеналу, изъ Авла Геллія, Проперція. По теоріи словесности главнымъ руководствомъ служили опыты Трюблета, откуда заимствовано нѣсколько отрывковъ и три изъ лица Лагарпа (одинъ пер. Макарова). Такимъ образомъ переводы дѣлались почти исключительно съ французскаго языка и притомъ, по большей части, изъ тѣхъ болѣе извѣстныхъ въ публикѣ писателей, которые доставляли матеріалъ и другимъ журналамъ. Въ числѣ переводовъ помѣщены статьи: Нѣкоторыя черты изъ англійской исторіи о странныхъ нравахъ англійскаго народа (пер. съ франц.), гдѣ помѣщенъ такой нелестный отзывъ объ Англии. „Таковъ народъ, тщеславящійся болѣе всѣхъ философскимъ духомъ! Но не для чего удивляться. Обыкновенный ходъ людей и цѣлыхъ народовъ отъ невѣжества къ просвѣщенію, а отъ просвѣщенія къ глупостямъ. *Даже и Сократъ въ старости ребячился.* Тоже бываетъ съ высокими мудрецами. Еще Цицеронъ замѣтилъ, что и у больныхъ горячкою не бываетъ такихъ бредней, какія выдумали и даже старались удостоверить господа философы“.

„Другъ Просвѣщенія“ первый ввелъ у себя отдѣлъ наукъ и художествъ въ довольно обширномъ размѣрѣ. Сначала въ этомъ отдѣлѣ помѣщали кандидаты физико-математическихъ наукъ оригинальныя статьи, каковы: Изъясненіе аэростатовъ или теорія воздушныхъ шаровъ Рахманова, Новое аналитическое доказательство физико-математической истины—о скорости упругихъ тѣлъ, Ф. Купитскаго. Но съ первыхъ же книжекъ начали помѣщаться статьи переводныя и притомъ все болѣе и болѣе популярныя и примѣненныя къ житейскому обиходу. Статьи эти касались самыхъ различныхъ отраслей реальныхъ наукъ: физики, астрономіи, натуральной исторіи, медицины, технологіи, архитектуры, земледѣлія, садоводства, домашней экономіи. Больше всего жур-

наль интересовался гальванизмомъ и воздушными шарами, помѣщались также статьи о телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Вообще отдѣлъ этотъ былъ довольно разнообразенъ, интересенъ и даже, во многихъ случаяхъ, полезенъ. Источниками служили исключительно французскіе журналы: *Annales des arts et manufactures*, *Journal du galvanisme, de vaccine etc.*, *Journal des mines*. Критикой журналъ не занимался и критика была для него синонимомъ сатиры или лучше сказать обиды. Журналъ съ удовольствіемъ (въ статьѣ Гостинный дворъ) припоминаетъ мысль кн. Дашковой: „творецъ посредственныхъ дарованій избираетъ своимъ подвигомъ сатиру“. Всего интереснѣе слѣдующая замѣтка о критикѣ, гдѣ редакторы, сами того не подозрѣвая, произнесли судъ надъ самими собой!: „Я вопрошаю: какую пользу приносятъ ругательныя сочиненія? отвѣтъ мнѣ готовъ, что будто бы обуздываютъ *нелѣпности дурныхъ писателей!* Не правда! *Они упрямы и терпеливы.* Кто имъ помѣшаетъ купаться въ чернилахъ? Буало цѣлую жизнь воевалъ противъ несмысленныхъ риетворцевъ; но никого не исправилъ!“ Стихотворенія, помѣщенные въ настоящемъ журналѣ, доказываютъ, на сколько дѣйствительно *упрямы и терпеливы* ихъ слагатели!! Въ статьѣ „О модѣ на языкъ“—очевидно съ точки зрѣнія Шишкова—говорится: „Языкъ бессмертныхъ писателей, каковы Гомеръ, Виргилій, Ломоносовъ, Херасковъ и другія вознесены ими во храмъ вѣчности. Старѣется и умираетъ вскорѣ только одна посредственность. Языкъ портится, когда многочисленные писатели, по недостатку высокихъ замысловъ и чувствъ, наполняютъ его, вмѣсто существенныхъ вещей, красными словами“. Взглядъ свой на современную драматическую литературу Гр. Хвостовъ, по случаю перевода комедіи „Юность герцога Сенанжа“, выразилъ такимъ образомъ: „Со времени Фесписа до истеченія XVIII столѣтія царствовали на театрѣ гонимая добродѣтель и достойная осмѣянія слабость. Мы захотѣли соединить обѣ сія крайности вмѣстѣ, т. е. слезы и смѣхъ, и кончили тѣмъ, что превратили театръ въ казнь; ибо представляютъ въ немъ не лицъ, буруемаемыхъ страстями, но злодѣевъ, достойныхъ мести закона (I, 238). Впрочемъ въ этомъ случаѣ Хвостовъ до нѣкоторой степени правъ, ибо преобладаніе пошлыхъ піесъ съ разбойниками и разными ужасами дѣйствительно указывало на разращеніе вкуса.

Изъ остальныхъ московскихъ журналовъ замѣчательны болѣе другихъ журналы Измайлова и М. Макарова.

В. В. Измайловъ (род. 1773 г.) въ теченіи 1804 года издавалъ журналъ „Патріотъ“; кромѣ того въ 1814 году онъ издавалъ „Вѣстникъ Европы“, а въ 1815 году журналъ „Русскій Музеумъ“. Дмитріевъ, въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти“, изображаетъ В. Измайлова съ очень выгодной стороны. „Онъ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный; зналъ языки французскій, англійскій, нѣмецкій и латинскій; занимался ботаникой и перевелъ „Письма о ботаникѣ“ Ж. Ж. Руссо, умноживъ ихъ свѣдѣніями изъ Турнефорта и другихъ. Измайловъ былъ страстный подражатель Руссо и взялъ его въ руководители жизни. Получивши въ молодыхъ лѣтахъ небольшое наслѣдство, но, занятый мечтами чувствительности, филантропіи и философской безпечности, не умѣлъ управлять имъ, продалъ его, составилъ на эти деньги библіотеку и, въ подражаніе Карамзину, поѣхалъ путешествовать по южной Россіи. Его книга имѣла два изданія (1800—1803 годахъ) и продавалась съ успѣхомъ, потому что „Письма русскаго путешественника“ возбудили большой энтузіазмъ къ путешествіямъ. Въ своемъ журналѣ „Патріотъ“, какъ и во всей своей жизни, Измайловъ хотѣлъ осуществить Эмиля Руссо; онъ умеръ въ бѣдности, сопутствуемый уваженіемъ и памятью людей, знавшихъ его благородный характеръ и доброе сердце. Измайлова любили и уважали Карамзинъ и Ив. Ив. Дмитріевъ. Г. Пятковскій говоритъ, что взглядъ Измайлова „отличался значительной по тому времени широтой и смѣлостью; въ доказательство онъ приводитъ выдержку изъ переводной статьи, гдѣ между прочимъ говорится, что когда воспитаніе дастъ почувствовать *истинное равенство* людей, вселяя въ состоянія высія уваженіе къ человѣчеству, а въ низшіе классы чувство ихъ *благороднаго существа*, тогда не только просвѣщеніе распространится, но всѣ правительства сдѣлаются гораздо кротче, и всѣ состоянія гораздо счастливѣе“. Но судить о направленіи Измайлова лучше и вѣрнѣе не по переводнымъ статьямъ, а потому, что онъ заявилъ въ журналѣ отъ своего лица; и тогда откроется, что Измайловъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ русскими просвѣщенными людьми, толковавшими о воспитаніи, — Шварцемъ, Пнинъ, Карамзинъ и другими, не выдаваясь никакой особенной широтой или смѣлостью взгляда. Въ первой статьѣ, от-

крывающей журнал „Патріотъ“, посвященной сильно занимавшему въ то время умы вопросу о воспитаніи, Измайловъ говоритъ: „Въ наши дни, сила общественнаго мнѣнія изпровергла царства и возмутила народы. Итакъ, благо гражданскихъ обществъ зависитъ отъ дѣлъ, правилъ и мнѣній человѣческихъ, которыя во всѣхъ вѣкахъ бывають слѣдствіемъ воспитанія. Нынѣ три великія посредницы судебъ человѣческихъ, долженствовавшія всегда служить основаніемъ народнаго благоденствія и бывшія нерѣдко виною государственныхъ золъ: философія, религія и гіерархія политическая, готовыя примириться, кажется, къ счастью земныхъ поколѣній, подали другъ другу руку, въ образованіи гражданского порядка, соглашая права съ должностями и строя систему общества по законамъ природы. Укрѣпить любовью и довѣренностью связи между народами и правительствами, остеречь начальства отъ пагубныхъ слѣдствій несправедливости, а народы отъ ужасныхъ золъ своевольства; обратить людей къ удовольствіямъ семейственной жизни, смягчающей безпорядочныя страсти; представить имъ въ изящныхъ искусствахъ вѣрныя удовольствія, независимыя отъ мнѣнія, согласныя со всѣми возрастами жизни, утѣшительныя во всѣхъ превратностяхъ рока—вотъ намѣренія, въ которыхъ соединяются нынѣ властители, писатели и наставники“. Изложивши вкратцѣ ученіе о воспитаніи, начиная отъ Платоновой книги о республикѣ и нравоучительныхъ сочиненій древнихъ философовъ, авторъ переходитъ къ Лейбницу и, только назвавши по именамъ главныхъ дѣятелей того времени въ области педагогика, спѣшитъ перейти къ Руссо, который «мастерскою рукою обработалъ богатые матерьялы, положилъ основаніе и смѣло воздвигнулъ зданіе, *превосходное въ частяхъ и несовершенное въ цѣломъ*“. *Геній*, который „привелъ мысли Руссо въ лучшій порядокъ, замѣнилъ систематическія заблужденія истинами практическими и прибавилъ новые успѣхи къ наукѣ“,—есть, по мнѣнію Измайлова, *Сенъ-Ламберъ* (авторъ нравственнаго Катехизиса). Въ періодъ между обоими „славный Кондильякъ“, бывший учителемъ Пармскаго принца, издалъ курсъ наукъ для молодыхъ людей. Какъ второстепенныхъ дѣятелей, продолжавшихъ дѣло этихъ выдающихся преобразователей воспитанія, авторъ называлъ Бомонта, Жанлисъ, Эджевортъ, а затѣмъ Беркея, Тюрнера, Кампе и др. Впрочемъ авторъ не ослѣпленъ своимъ пристрастіемъ къ

Руссо. „Руссовъ Эмиль, сей прекрасный памятникъ ума человѣческаго, построенъ на развалинахъ общества. Мизантропическій духъ автора помрачаетъ прекраснѣйшія страницы книги“. Руссо дополнилъ С. Ламбертъ, который писалъ для всѣхъ состояній, какъ для правителя, такъ и для ремесленника; писалъ правила общей морали, утвержденныя на вѣчныхъ законахъ разсудка; писалъ безъ духа системы и безъ желчи мизантропіи“. На ряду съ Локкомъ и Руссо, параллельно Ст. Ламберту, авторъ ставитъ г-жу Жанлисъ, которая, по его мнѣнію, много прибавила собственныхъ идей къ высказаннымъ Локкомъ и Руссо. Свое личное направленіе авторъ разъясняетъ такимъ образомъ: „въ нынѣшнюю пору, когда ученая республика въ Европѣ раздѣлилась на разныя партіи, когда юные умы колеблются между писателями послѣдняго вѣка и нашего, когда отцы и матери имѣютъ право требовать отчетъ о мнѣніяхъ авторовъ, посвящающихъ перо свое нравственному образованію молодыхъ людей, мы поставляемъ себѣ за должность сказать, что будемъ слѣдовать самому безпристрастному мнѣнію; что не будемъ приставать ни къ ученикамъ энциклопедической школы, которая опровергаетъ христіанскія истины, ни къ послѣдователямъ Дюкре-Жанлисовой секты, которая не признаетъ философскихъ; но послѣдуемъ за знаменіемъ тѣхъ истинныхъ мудрецовъ, которые умѣютъ чувствовать *важность всѣхъ древнихъ учрежденій освященныхъ вѣками*, не позволяютъ себѣ ускорять ходъ происшествій и не оспариваютъ правъ у времени“. Въ статьѣ „О русскомъ старинномъ воспитаніи“ Измайловъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Каждый вѣкъ имѣетъ свои существенныя достоинства, основанныя на характерѣ народовъ, на состояніи гражданственности, на всѣхъ обстоятельствахъ времени, жизни, климата и проч. *Не все старое дурно, не все новое хорошо*. Въ старыхъ людяхъ удивляемся всему, что можетъ творить могущество воспитанія, въ отношеніи къ физической и моральной натурѣ. Старость, сколь возможно здоровая, сила, напоминающая о могучихъ богатыряхъ баснословія, крѣпость, которую не могли побѣждать ни безпорядочная жизнь, ни жестокая горестъ; отсутствіе многихъ болѣзней, намъ, къ несчастью слишкомъ извѣстныхъ; однимъ словомъ, мужественная бодрость души и тѣла—вотъ что видимъ мы въ остаткахъ того поколѣнія, которое намъ предшествовало. Старинная Русь напоминаетъ о древней старинѣ и

оправдываетъ Руссову систему. Что касается до современнаго воспитанія, то одинъ софистическій духъ можетъ не признавать достоинство просвѣщеннаго человѣка, прелестей изящныхъ искусствъ и выгодъ усовершенствованнаго общежитія; но также одно несправедливое предубѣжденіе можетъ не видѣть злоупотребленія прекраснѣйшихъ успѣховъ гражданственности, вреда страстей разгоряченныхъ и неисчислимыхъ бѣдствій, приносимыхъ забвеніемъ морали и развратностью нравовъ“ (1804, апрѣль). Такимъ образомъ, въ вопросѣ о воспитаніи, Измайловъ стоялъ на реальной почвѣ и не разрывалъ связи съ традиціями прежняго времени; неизвѣстно даже, ограничивалъ ли онъ для высшихъ классовъ *общее* образованіе или стоялъ на сторонѣ сословнаго, полагающаго образованіе этихъ классовъ въ одной грамотности, съ прибавленіемъ немногихъ элементарныхъ научныхъ понятій, такъ какъ нигдѣ Измайловъ прямо этого вопроса не касается. Понятно, что для заявленія подобнаго образа мыслей никакой особенной *смѣлости* не требовалось; а широта взгляда *относительная*, такъ какъ, повторяемъ, взглядъ этотъ высказанъ былъ уже до Измайлова и поддерживался всѣми просвѣщенными людьми, писавшими о воспитаніи. Правда, были противники этого взгляда,—мы видѣли, наприимѣръ, что кн. Шаликовъ отвергалъ прямо необходимость знакомства съ Руссо для русскихъ наставниковъ,—но въ средѣ лицъ, стоявшихъ за либеральное направленіе въ дѣлѣ воспитанія, Измайловъ не занимаетъ такого выдающагося мѣста, которое отводитъ ему г. Пятковскій. Журналъ Измайлова состоялъ изъ трехъ частей; первая предполагалась для воспитателей, вторая для дѣтей и третья для молодыхъ людей; кромѣ того, въ видѣ отдѣльныхъ, постоянныхъ рубрикъ печатались ежемѣсячно мелкія замѣтки, но въ названіемъ „достопамятности нашего времени“, и самая полная для того времени библиографія, гдѣ помѣщался перечень заглавій и краткія замѣтки о замѣчательныхъ книгахъ, выходившихъ за границу,—во Франціи, Германіи, Англіи, Италиі, Голландіи, Швеціи, Венгріи, Соединенныхъ Штатахъ и Россіи. Въ русской библиографіи отмѣчены: анакреонтическія пѣсни Державина, сочиненія Карамзина; Дѣтская бібліотека; Базарьяна или неизвѣстный, повѣсть изъ русскихъ сказокъ Хераскова; драма Ильипа, Великодушный или рекрутскій поборъ; путешествіе флота капитана Сарычева; и древнія русскія стихо-

творенія. Въ первомъ отдѣлѣ къ оригинальнымъ статьямъ принадлежать только что упомянутыя нами „Проспектъ журнала“ и „О старинномъ воспитаніи“; все остальное занято переводами: изъ Жанлисъ (гимнастика), Сентъ-Ламберта (рѣчь китайскаго мандарина,—о необходимости тѣлесныхъ упражненій), Эджвортъ (о дѣтскихъ играхъ, о географіи и хронологіи), Мармонтеля (о школахъ), Морелли (о духѣ противорѣчія), Фенелона (напечатанное послѣ смерти его письмо о воспитаніи дѣвиць), Эмиля-Руссо (ночныя игры); изъ Роллена (правила объ изученіи греческаго языка); изъ книги Жоффруа и Деривьера *la gymnastique de la jeunesse* (способъ привести чувства въ бдльшее совершенство); извлечение изъ правилъ Пифагорейскихъ; изъ любимыхъ журналовъ *Decade* и *archives litteraires* (о воспитаніи дѣвиць и объ ученыхъ женщинахъ, о воспитаніи вообще., объ изученіи механики, объ ученіи глухихъ и нѣмыхъ); о нѣкоторыхъ заблужденіяхъ Ж. Ж. Руссо въ отношеніи къ физическому воспитанію, профессора парижскаго института Моро. Тутъ же помѣщена статья „Нѣчто о новой системѣ воспитанія Песталлоцци“, за подписью И. (а не переводъ изъ Песталлоцци, какъ утверждаетъ г. Патковскій). Изъ этого перечня статей, предназначенныхъ для воспитателя, видно, что содержаніе ихъ довольно разнообразно, но не представляетъ никакой цѣльной системы по вопросу о воспитаніи, такъ какъ этой системы не было и въ головѣ у самого автора, отпосившагося къ этому дѣлу въ качествѣ диллетанта. Второй отдѣлъ, для дѣтей, заключаетъ въ себѣ изложеніе нагляднаго способа изученія грамматики и статьи дѣтскаго чтенія, заимствованныя изъ сочиненій Жанлисъ. Содержаніе третьяго отдѣла — для молодыхъ людей, который издатель предполагалъ посвятить „морали, литературѣ и философіи“,—очень разнообразно. Въ немъ есть оригинальныя статьи беллетристическаго содержанія, подписанныя псевдонимомъ ООО: Два друга или памятникъ минувшаго счастья, Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ; Человѣкъ хорошаго характера за подписью В. (В. Измайловъ?); Отрывокъ разговора на балѣ, кн. Шаликова; Велизарій съ царскими дѣтьми, и нѣкоторыя другія, еще менѣе замѣчательныя. Всѣ оригинальныя статьи носятъ на себѣ характеръ жеманной и дѣланной чувствительности, ха-

рактизирующей послѣдователей Карамзина. Достаточно привести слѣдующій отрывокъ: „Легкое облако горести, которое на пути къ деревнѣ едва не затемнило для меня ясность природы, было можетъ быть, если смѣю такъ сказать, тѣнь сердечнаго предчувствія. Меня ожидала чувствительная потеря. Сегодня на зарѣ, съ угасающимъ взглядомъ, съ прерывающимся дыханіемъ и съ милымъ выраженіемъ любви, которая не переставала любить предмета своего до конца жизни, перестала жить и дышать вѣрная моя спутница, нѣжная подруга „собачка Лове“ (нѣсколько словъ къ пріятелю, сщ. Тихомирова, II, 361). Стихотворный отдѣлъ также не замѣчательнъ, хотя въ немъ попадаются стихи Хераскова (буква Х., которую подписано стихотвореніе „Пастушокъ“, принадлежала по всей вѣроятности ему же), Вас. Пушкина, неизбѣжныхъ кн. Шаликова и гр. Хвостова, самого Измайлова (подписывавшаго знакомъ 2—8), кн. Бат. Урусовой, кромѣ О. О. О., одного изъ главныхъ сотрудниковъ Измайлова и другихъ совершенно неизвѣстныхъ. Что касается до переводовъ, то мы не будемъ утруждать перечисленіемъ ихъ, такъ какъ они, при всемъ своемъ разнообразіи, не представляютъ также никакой цѣльной системы и вообще не отличаются отъ переводнаго баласта, наполнявшаго другіе журналы.

Сослуживецъ Вигеля по московскому архиву иностранной коллегіи М. Н. Макаровъ 17 лѣтъ началъ издавать журналъ „Діа милыхъ“, продержавшійся только одинъ 1804 годъ. Вигель о сослуживцѣ говоритъ совершенно справедливо, какъ о писателѣ „трудолюбивомъ, бездарномъ и нескончаемомъ“. Интересны подробности этого изданія, рассказываемыя Дмитріевымъ въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти“. Макаровъ началъ его съ помощью одного студента славяно-греко-латинской академіи И. В. Смирнова, сотрудницами были двѣ молодыя кроатки, выучившіяся по русски у того же Смирнова, княжна Елиз. Трубеско и сестра ея А. Безнина. Журналъ этотъ, по словамъ самого издателя, предпринятъ былъ съ тѣмъ, чтобы испровергнуть „варварскія укрѣпленія Шипкова противъ Карамзина“. Но, по словамъ того же Дмитріева, въ цѣломъ журналѣ не было объ этомъ и намека, вмѣсто того выходило подъ фирмою сантиментальности какое-то жалкое и безсильное поползновеніе къ непристойности“. Въ старости самъ Макаровъ

отрещивался от своего журнала (⁸²). Журнала Макарова я не нашелъ въ московскихъ библіотекахъ и потому могу о немъ судить только по выпискамъ у г. Пятковского (Т. К., стр. 157—161). Здѣсь разсказывается содержаніе сельской повѣсти „Аннушка“: „тринадцатилѣтняя, но уже полногрудая милушка“ увидѣла вышедшаго изъ воды бога-амура въ естественномъ своемъ костюмѣ шестнадцатилѣтняго Атлантина, раздѣлась и сама отправилась съ нимъ купаться. „Они купались въ струистой рѣчкѣ, ныряли, плескались; можетъ быть, что и еще происходило, но романисты закрываютъ такія приключенія на пять минутъ тошкою дымкою и молчатъ“. Стихи не уступаютъ прозѣ:

Однажды я Лизету,
Зевираи раздѣту
Забвенну сномъ, зрѣлъ здѣсь.
На ту красу взирая,
Я таялъ обмирая
И... еслибы не честь

Рядъ точекъ прерываетъ эротическія изліянія стихоплета. Этихъ выписокъ достаточно, чтобы опредѣлить характеръ журнала. Не даромъ „Сѣверный Вѣстникъ“ пришелъ отъ него въ негодованіе: „журналъ наполненъ развратнѣйшими картинами, на которыя не только женщина, но едва ли и всякій мужчина долго смотрѣть не въ состояніи. Какъ можно посвятить такой журналъ прекрасному полу, осмѣлиться, такимъ образомъ оскорбить весь онъ“. Макаровъ, послѣ окончанія своего журнала, хотѣлъ издавать новый и напечаталъ объявленіе отъ имени своей сотрудницы княжны Трубецко, которая порусски подписалась кн. Трубецкой; но настоящіе Трубецкіе подняли такую бурю, что журналъ не состоялся. Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ московской журналистики и переходимъ къ *Петербургской*.

Г. Пятковскій говоритъ между прочимъ: „замѣчательнѣе (относительно московскихъ) были петербургскіе журналы, въ которыхъ либеральное направленіе нашло *усердныхъ проводниковъ и защитниковъ*“ (стр. 168). Въ какой степени это положеніе справедливо,—увидимъ сейчасъ.

Конечно, несравненно въ меньшей степени, но въ томъ же

смыслѣ, какъ въ Москвѣ кружокъ Новикова, — получило въ петербургской журналистикѣ значеніе Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ, объ основаніи котораго въ 1801 году я уже сказалъ выше. Члены этого общества, въ качествѣ издателей и сотрудниковъ, были главными дѣятелями въ петербургской журналистикѣ въ началѣ царствованія Императора Александра I и проводниками либеральныхъ стремленій самаго Императора и окружавшихъ его въ ту эпоху. Изъ членовъ общества главную роль въ журналистикѣ играли предсѣдатель общества Пнинъ, секретарь Попугаевъ и члены Брусиловъ и Языковъ; а затѣмъ директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія Мартыновъ и членъ комиссіи составленія законовъ Анастасевичъ, не принадлежавшіе въ обществу. О Пнинѣ, Мартыновѣ и Анастасевичѣ (⁵³) нѣсколько разъ уже было говорено, а о Попугаевѣ—лицѣ не менѣе замѣчательномъ—до сихъ поръ не собрано никакихъ свѣдѣній.

Вслѣдъ за „Свиткомъ музъ“, о которомъ мы уже сказали, Общество издало въ 1804 году одну книжку своихъ трудовъ, подъ названіемъ „Періодическое изданіе Общества любителей словесности, наукъ и художествъ“. Книжка отъкрывается изложеніемъ протоколовъ общества, изъ которыхъ мы узнаемъ между прочимъ, что инициативѣ этого общества публика обязана переводомъ сочиненія Монтескьё „О духѣ законовъ“, для чего обществомъ былъ избранъ особый комитетъ, и книги „О законодательствѣ“ Бенгтама. „Свитокъ“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ между собою нераздѣльныхъ, стихотвореній и прозы. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщены 8 стихотвореній Востокова, 3 Ал. Измайлова, 3 Каменева, 2 Португалова, 2 Остолопова и по одному Красовскаго, Н. и В. (?) Радищевыхъ. Всѣ эти стихотворенія ничѣмъ не замѣчательны, кромѣ помѣщенной здѣсь извѣстной баллады Каменева Громваль. Въ прозаическомъ отдѣлѣ самую капитальную статью составляютъ нѣсколько статей подъ разными названіями, разсматривающихъ вопросъ объ образованіи и принадлежащихъ Португалову. Прежде всего мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о Португаловѣ, но, къ сожалѣнію, о немъ въ печати почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Гречъ, въ брошюрѣ „Памяти А. Ф. Востокова“, говоритъ, что Португаловъ, вмѣстѣ съ Борномъ и Красовскимъ, былъ изъ числа первыхъ основателей общества; по крайней мѣрѣ, въ своей

рѣчи, по окончаніи перваго года, онъ прямо заявляетъ, что остались только они трое, а прочіе разбрелись. Остальные, не исключая Пнина и Востокова, вошли уже послѣ въ утвержденное уже общество: Пнина и ввелъ туда Португаловъ. Замѣтимъ встать, что въ первые годы членами общества изъ москвичей избраны были Мерзляковъ и Ф. Ф. Ивановъ, а также, что въ числѣ членовъ были и художники (архитекторы, живописцы и проч.). Попугаевъ постоянно избирался секретаремъ Общества, цензоромъ (т.-е. занимался разборомъ поступающихъ въ Общество сочиненій), и вообще былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Общества. Вотъ перечень его сочиненій и переводовъ, представленныхъ въ Общество: Вечера Сократа и Аполлодора; Исторія Негра; О вліяніи просвѣщенія на законы и правленія; Разсужденія о цвѣтахъ радуги; Спартанцы; Разсужденіе о человѣческомъ языкѣ; О феодальномъ правѣ 4 главы; Несчастное семейство, Новость; О монархіи; о раздѣленіи власти политическаго тѣла; о просвѣщеніи управляющихъ; общій планъ законоположенія; о равновѣсіи обитателей городовъ и земледѣльцевъ; о ремеслахъ и искусствахъ въ отношеніи къ Европѣ; Юридическое разсужденіе объ умерщвленіи младенцевъ; глава перевода изъ Волнея (Ruines); первыя двѣ главы изъ Тацита; соч. Филанджіери „О законодательствѣ“, ч. 1. Почему большинство сочиненій Попугаева остались не напечатанными, неизвѣстно (54). Гречъ говоритъ о Попугаевѣ (брош. „Памяти Востокова“), „онъ былъ пламенный, эксцентрическій поэтъ, неистовый другъ правды и гонитель зла, непостоянный, вспыльчивый, благородный и простодушный, бывший предметомъ насмѣшекъ со стороны людей не понимавшихъ и не стойвшихъ его“. Поэтому Попугаевъ былъ изъ самыхъ плохихъ даже для своего времени, но этого далеко нельзя сказать объ его прозѣ, если судить по вышеупомянутой статьѣ объ образованіи, подробно изложенной г. Пятковскимъ. Статья эта дѣйствительно очень замѣчательна. Попугаевъ на первомъ планѣ ставитъ образованіе. Въ началѣ статьи онъ говоритъ: „добрые нравы въ гражданахъ необходимѣе самого просвѣщенія, но безъ просвѣщенія добрые нравы рѣдки; по крайней мѣрѣ, оны не имѣютъ полезнаго направленія“. Оригинальность Попугаева состоитъ въ томъ, что онъ отвергалъ семейное воспитаніе и самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался въ пользу общественнаго. Сущность этого воззрѣнія Попугаевъ излагаетъ та-

внимъ образомъ: Эгоизмъ, удѣлъ всѣхъ людей, и можетъ не только необходимый, но и полезный во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ всегда ихъ удалять отъ чувства общности; люди, воспитанные въ семействахъ, почитаютъ себя обществу ни въ чемъ не одолженными; привычка къ выгодамъ общественнымъ дѣлаетъ имъ непримѣтнымъ благо, неопѣвненною связью гражданскихъ выгодъ на ихъ изливаемое. Одно общественное воспитаніе, направленное къ моральной цѣли, дающее гражданину чувствовать, съ самаго его младенчества, что государственное общество печется о его благѣ, что оно ему не менѣе благодѣтельствуетъ, но еще болѣе, какъ самые родители, ибо послѣдніе показываютъ ему только выгоды семейственныя, кои сами оснуются на выгодахъ общественныхъ, въ то время, когда такое воспитаніе показываетъ ему все назначеніе, коимъ онъ обязанъ къ согражданамъ, за тѣ блага, кои ихъ (т.-е. гражданъ) соединеніе на него изливаетъ. Общественное воспитаніе, кромѣ направленія моральнаго, требуетъ еще другаго, въ общественному благосостоянію равно необходимаго, *направленія политическаго*. Такое направленіе не иначе существовать можетъ, какъ когда государство поставило себѣ непремѣннымъ, твердымъ правиломъ науку правъ своихъ содѣлать необходимою для всѣхъ состояній гражданъ безъ изъятія, чтобы она входила въ образованіе, по каковой бы части познаній то ни было (стр. 63 и 64). Идеаломъ Попугаева было *спартанское образованіе*, т.-е. одно общее образованіе для дѣтей всѣхъ классовъ, живущихъ вмѣстѣ на счетъ государственный; только, какъ уступку современнымъ условіямъ жизни, Попугаевъ допускаетъ, что дѣти помѣщаются, гдѣ хотятъ, но обучаются въ казенныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ Попугаевъ, несмотря на то, что онъ былъ противъ семейнаго образованія, не былъ въ тоже время сторонникомъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Пороки, которые, главнымъ образомъ, Попугаевъ находилъ въ семейномъ воспитаніи — это то, что очень немногіе родители смотрѣли на него серьезно и что дѣти въ семьѣ заражались предрасудками. Видно недостатки тогдашняго семейнаго воспитанія даже въ высшихъ классахъ были настолько крупны и яры, что они вооружали противъ него не только Португалова, но само правительство, которое въ своихъ закрытыхъ заведеніяхъ, отбирая дѣтей съ самаго ранняго возраста, совершенно изолировало ихъ отъ родителей на все время ученья. Образованія сословнаго Попугаевъ не

допускалъ, и этимъ онъ рѣзко отличается отъ всѣхъ своихъ современниковъ, не исключая и Пнина. Попугаевъ сильно вооружается противъ дворянства, какъ замкнутаго сословія: „Духъ дворянства образуютъ предубѣжденіе знатности, гордость породы и презрѣніе къ низшимъ классамъ и сѣтъ въ гражданскихъ классахъ взаимную, такъ сказать, антипатію“. Попугаевъ мирится съ русскимъ дворянствомъ только потому, что доступъ къ нему открытъ для всякаго образованнаго человѣка путемъ службы. Попугаевъ настаиваетъ въ особенности на обязанности со стороны государства давать дорогу и облегчать путь для всякой выдающейся личности, изъ какаго бы званія она ни происходила. Учебныя заведенія, равно доступныя для всѣхъ сословій, подраздѣляются на высшія и низшія по объему преподаванія. Переходъ изъ низшихъ заведеній въ высшіе открытъ только для достойныхъ, по экзамену, производимому профессорами высшихъ учреждений, а не преподавателями въ низшихъ, во избѣжаніе пристрастія. Основными науками преподаваемыми, начиная съ самыхъ низшихъ учебныхъ заведеній, признаются право и исторія. Безъ знанія права невозможна жизнь въ средѣ государства. „Гражданинъ всегда трепещетъ, когда дѣйствуетъ не зная, сообразны ли дѣйствія его съ волею закона“. Объ исторіи Попугаевъ имѣетъ очень оригинальныя понятія. Недовольный обыкновеннымъ способомъ ея преподаванія Попугаевъ желаетъ изученія исторіи въ философскомъ духѣ, а не какъ дѣтописи. Въ этомъ смыслѣ „исторія есть наука, образующая героевъ, но не наука для настроенія умовъ обыкновенныхъ. Исторія не должна содержать ничего, что не служитъ къ возвышенію сердца или къ одушевленію въ добродѣтеляхъ; я сомнѣваюсь, чтобы нужно было въ оной описывать слабости, сомнѣваюсь, чтобы жизнь тирановъ и ихъ дѣла должна была въ оной имѣть мѣсто. Примѣръ тирана можетъ производить другаго, можетъ научить свирѣпствовать свирѣпое или слабое сердце“. Образцами историковъ Попугаевъ признаетъ Тацита, Гиббона и нѣкоторыхъ греческихъ. „Въ этомъ смыслѣ исторія нужна только для чрезвычайныхъ людей“, но какъ въ дѣтскомъ возрастѣ нельзя рѣшить, кто можетъ выйти такимъ чрезвычайнымъ человѣкомъ, то изученіе исторіи должно быть обязательно для дѣтей вообще. Въ числѣ другихъ прозаическихъ статей помѣщены: „Исторія Негра“ Португалова, которая представляетъ восвешенный протестъ противъ крѣпостнаго права, и

для замаскированія означено, будто это переводъ съ испанскаго; небольшая повѣсть Каменева „Инна“; „Кротъ“, переводъ изъ „Бездѣлокъ“ Антона Валя, принадлежащій Дм. Языкову.

Въ одно время съ „Періодическимъ изданіемъ“ въ 1804 году началъ печатаніе своего журнала „Сѣверный Вѣстникъ“ Ив. Ив. Мартыновъ, окончившій его 1805 годомъ. Въ началѣ своего журнала, указывая на Высочайшій манифестъ 8 сентября 1802 г. о заведеніи училищъ, Мартыновъ говоритъ: „Нигдѣ всеобщее просвѣщеніе, сія главнѣйшая народная потребность, не была предметомъ толикаго попеченія, какъ нынѣ въ Россіи“. Взглядъ его на просвѣщеніе таковъ: „Неоспоримая истина, что люди, единственно по недостатку въ познаніяхъ и не надлежащемъ понятіи о дѣйствительной пользѣ оныхъ, бываютъ неблагонаправны и неправосудны“. Мартыновъ стоитъ за профессиональное образованіе. „Вообще,—говоритъ онъ,—всякій человѣкъ, снискивающій себѣ пропитаніе тяжелою работою, выходитъ изъ своего состоянія, если возбуждается въ немъ наклонность къ умственнымъ упражненіямъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, воображеніе участвуетъ болѣе разсудка. Работнику полезно только то, что производится силою разсудка, а ни мало не то, что есть дѣйствіе силы воображенія, столь легко приводящей въ заблужденіе“. По мнѣнію Мартынова, Россіи „въ его время недоставало только: 1) основаннаго на твердыхъ правилахъ общественнаго воспитанія; и 2) постановленія непреложныхъ началъ законодательства, соединеннаго съ начертаніемъ новаго Уложенія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, а особливо судопроизводства“. Это были именно тѣ мѣры, которыя намѣчены были правительствомъ при императорѣ Александрѣ, въ эпоху изданія Мартыновскаго журнала. Политическій идеалъ Мартынова былъ монархическій: „Провидѣніе установило въ человѣческой природѣ и въ порядкѣ вещей, чтобы общественное благо поддерживалось мудрымъ, на законахъ основаннымъ, въ единомъ лицѣ соединенномъ монархическимъ правленіемъ“. Изъ приведенной программы очевидно, что журналъ Мартынова былъ отголоскомъ правительственныхъ предначертаній, что еще болѣе подтверждается тѣмъ, что Мартыновъ на изданіе журнала получилъ правительственную субсидію въ 3.000 р. Товарищъ министра народн. просв. М. Н. Муравьевъ, подъ начальствомъ котораго служилъ Мартыновъ, изъявляетъ ему признательность, что онъ помѣстилъ первые его опыты (вѣроятно

въ прежнихъ своихъ журналахъ) и при этомъ доставилъ для настоящаго журнала переводъ „Весны“ изъ поэмы Томсона „Времена года“. Все это показываетъ, что „Сѣверный Вѣстникъ“ въ полномъ смыслѣ былъ *журналъ оффиціозный*. Этимъ я нисколько не желаю бросить тѣнь на Мартынова, который, по вѣрному замѣчанію Пятковского, былъ одинъ изъ честнѣйшихъ и, прибавлю, трудолюбивѣйшихъ дѣятелей начальной эпохи царствованія императора Александра. Мартыновъ сдѣлалъ свой журналъ правительственнымъ органомъ, когда правительство, въ либеральныхъ своихъ стремленіяхъ, всетаки стояло впереди общества: въ этомъ случаѣ честь его остается неприкосновенною. Въ своемъ журналѣ, точно такъ, какъ на службѣ въ канцеляріи министра и на каедрѣ въ училищѣ правовѣдѣнія, онъ былъ для правительства и для общества усердной и послушной, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознательной и направленной въ хорошую сторону *рабочею силою*. Гречъ рассказываетъ такой анекдотъ о Мартыновѣ: „Разумовскій, бывши попечителемъ Московскаго университета, ненавидѣлъ Мартынова, заправлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія при Завадовскомъ. Разумовскій выражался, что желаетъ быть министромъ только для того, чтобы выгнать этого негоднаго человѣка“. Между тѣмъ, со вступленія Разумовскаго въ министерство, значеніе Мартынова только усилилось. Когда спросили гр. Разумовскаго, почему онъ не держитъ даннаго слова, Разумовскій отвѣчалъ: „Ахъ! вы не повѣрите, какъ мнѣ пріятно, когда этотъ бывший врагъ мой докладываетъ мнѣ стоя и потомъ засыпаетъ пескомъ, когда я подписываю бумаги“ (Зап. 291 — 292). Анекдотъ этотъ достаточно характеризуетъ обоихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Мартыновъ не обладалъ вовсе талантами не только журналиста, но и писателя вообще, вслѣдствіе чего журналы его оказались безцвѣтны и неинтересны, возбуждая въ настоящее время любопытство только потому, что въ нихъ, какъ мы уже видѣли, принимали участіе члены секретнаго комитета.

Прежде всего мы скажемъ, какъ смотрѣлъ Мартыновъ, въ качествѣ оффиціоза, на главные вопросы, выраженные имъ въ программѣ,—воспитаніе и преобразование законодательства и правительственнаго устройства въ данную минуту. По вопросу о воспитаніи обращаетъ на себя вниманіе помѣщенная въ послѣдней книжкѣ журнала рѣчь учителя Ильи Тимковскаго, при открытіи гимназіи въ землѣ войска Донскаго,—„Разсужденіе о настоящей

необходимости учебных заведений и о зависимости крѣпости народной отъ его просвѣщенія“. Въ этой рѣчи очень обстоятельно и толково объясняется необходимость распространения просвѣщенія для благоустройства и развитія государства. вмѣстѣ съ тѣмъ Мартыновъ защищаетъ господствовавшую тогда мысль о различномъ примѣненіи образованія для разныхъ слоевъ общества. Крестьянину, по его мнѣнію, нужно сообщать только познанія сообразныя его отношеніямъ и потребностямъ: „поправить соху, употребить простое механическое средство къ уменьшенію числа рукъ въ работѣ—есть для него неоцѣненное приобрѣтеніе“. Согласно этому Мартыновъ обратилъ вниманіе на книгу Гельмана, профес. нравственности въ Парижѣ: „Новыя мнѣнія о воспитаніи и просвѣщеніи или различіе взаимныхъ ихъ свойствъ“. Изъ этой книги Мартыновъ приводитъ слѣдующее мѣсто: „Конечно, не всѣ состоянія народа должны получать одинаковое просвѣщеніе. Наука, собственно такъ названная, свободныя искусства и всѣ тѣ упражненія, кои составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ неприличны черни, и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ, діалектиковъ, замысловатыхъ головъ; если въ немъ болѣе будетъ умствователей, нежели умныхъ! Но крайне было бы несправедливо отказать ему въ пособіяхъ начальнаго образованія, въ познаніи своихъ должностей, въ ясныхъ и точныхъ понятіяхъ о первыхъ основаніяхъ правосудія и ихъ отношеніи ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни“ (II, 158—159). Эти общія мысли о необходимости образованія не только для высшихъ классовъ, но и для низшихъ, хотя впрочемъ въ извѣстномъ, ограниченномъ смыслѣ, не только высказывались тогда правительствомъ и до нѣкоторой степени осуществлялись на дѣлѣ, но и раздѣлялись всѣми литературными органами безъ исключенія. Надо отдать справедливость той эпохѣ въ искреннемъ стремленіи къ образованію: нападки на него съ правительственной стороны и со стороны органовъ печати начались уже позже, тогда всѣ темныя силы молчали и дожидались своей поры. слѣдовательно вмѣнять въ заслугу Мартынову всѣ его толки о необходимости и пользѣ образованія нѣтъ никакой причины, тѣмъ болѣе, что его стремленія нисколько не возвышались надъ общимъ уровнемъ. Между прочимъ неизвѣстный авторъ по вопросу о воспитаніи доставилъ въ журналъ проектъ о

централизаціи образованія въ рукахъ правительства, посредствомъ составленія единообразнаго плана ученія и обязательныхъ учебниковъ, получившихъ утвержденіе отъ правительства. Мартыновъ возражаетъ противъ этого „Скалозубовскаго“ (какъ назвалъ его г. Пятковскій) проекта словами Шапталя, сказанными въ подобномъ случаѣ, что свобода въ способахъ ученія столько же естественна и полезна, какъ и свобода самого ученія. Ограничить оное общими методами и заключить въ предѣлахъ, предписанныхъ властью, значило бы истребить наилучшее свойство онаго—независимость. По второму вопросу—относительно законодательства и государственнаго устройства, въ этомъ смыслѣ замѣчательна помѣщенная въ той же книжкѣ статья: „Отрывокъ письма деревенскаго жителя“, за подписью Филократъ. Здѣсь говорится, между прочимъ: „законодательство мудрое, основанное на коренныхъ и непремѣняемыхъ началахъ, есть плодъ наукъ, *плодъ философіи*“. Миѣніе, что „составленіе книги законовъ есть дѣло многихъ, для чего созывались всеобщія народа собранія“, опровергается тѣмъ, что „сіи собранія ованчивались, яко шумныя скопища, буде не бѣдою, то по крайней мѣрѣ бесполезнымъ шумомъ и пустымъ круженіемъ головъ“. Это, очевидно, исходная точка предпринимаемой реформы, которая не хотѣла считаться ни съ историческими условіями страны, ни съ общественнымъ миѣніемъ. Понятно, что подобная реформа не могла возбудить общественнаго сочувствія и не могла даже осуществиться, такъ какъ никакой прочной, *реальной* почвы у ней не было. Болѣе подробный идеаль государственнаго устройства изложенъ въ статьѣ: „Опытъ о Великобританіи и послѣдственныя разсужденія“, принадлежащей, по всей вѣроятности, Новосильцову, какъ извѣстно, долго жившему въ Англіи и сдѣлавшемуся англоманомъ. Здѣсь объясняется гордость англичанъ и привязанность ихъ къ своей родинѣ тѣмъ, что политическій и общественный строй страны представляетъ большую обеспеченность и даетъ болѣе просторъ дѣятельности каждаго, нежели гдѣ-нибудь. Англійская конституція представляется автору разрѣшеніемъ всѣхъ крайностей политическаго строя. „Великобританія есть аристократія, но не видимъ мы въ ней угнетательной гордости патриціевъ; Великобританія въ то же время есть и демократія, но не потрясается она буйствомъ немногочислѣннѣшаго отдѣленія народа“. Желая перенести эти преимущества на Россію, авторъ останавливается исключительно на дво-

рянскомъ сословіи, но и въ этомъ случаѣ видно, что никакой опредѣленной практической программы онъ выработать не могъ и что самъ чувствовалъ затруднительность задачи. Для того, чтобы обратить Россію въ Англію, надо прежде всего создать *аристократію*, а создается и поддерживается аристократія своею замкнутостью и прочнымъ сосредоточеніемъ въ своихъ рукахъ богатства. Оба эти условія не существовали въ русскомъ дворянствѣ и тогда, какъ не существуютъ они теперь. Для ихъ осуществленія авторъ предлагаетъ ограничить число дворянъ „пожалованіемъ этого достоинства за самую отличную и долговременную службу“. Замѣтимъ, что это заявленіе, направленное противъ приобрѣтенія дворянства за выслугу лѣтъ, всегда было завѣтнымъ стремленіемъ нашего дворянства, нерѣдко высказывалось на его собраніяхъ и постоянно встрѣчало одобреніе правительства, такъ какъ чинъ дающій право дворянства, постоянно повышался (съ коллежскаго ассессора при импер. Николаѣ до дѣйств. стат. совѣтн. при импер. Александрѣ II). Авторъ продолжаетъ: „я сказалъ бы, что необходимо нужно и далѣе положить преграды размноженію дворянъ, даже въ самыхъ семействахъ ихъ, ежели бы не видѣлъ *чрезвычайныхъ* для приведенія сего вдругъ въ дѣйство *трудностей*,— между симъ постановленіемъ и первымъ (т. е. ограниченнымъ вступленіемъ въ дворянство чиновниковъ) требуется *нѣкоторое пространство* времени“. Очевидно, дѣло идетъ о майоратахъ, но здѣсь самая сила вещей, „*чрезвычайныя трудности*“—останавливаютъ автора. И во всѣхъ прочихъ усиліяхъ создать законодательство на началахъ науки и философіи лежали на пути эти *чрезвычайныя трудности*, которыя и положили конецъ самой попыткѣ, прежде ея осуществленія.

Мартыновъ не умѣлъ привлечь сотрудниковъ къ своему журналу; самъ онъ литераторомъ въ собственномъ смыслѣ не былъ и потому сколько-нибудь замѣчательныхъ, оригинальныхъ статей въ его журналахъ нѣтъ. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ помѣщались стихотворенія Гнѣдича (Г-чъ перепечатаны въ полномъ собраніи, изд. Вольфомъ. С.-Пб. 1884), Н. Шатрова (пѣснь Екатеринѣ В.), Анастасевича, С. Глинки, Остолопова, Арцыбашева и нѣсколькихъ малоизвѣстныхъ, въ томъ числѣ Бутырскаго, повидимому одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Мартынова по изданію журнала. Здѣсь же напечатаны стихи на смерть Пнина, принадлежащіе Радищеву

(сыну), С. Глинѣ и 18-лѣтнему Батюшкову. Произведенія въ прозѣ въ то время вообще составляли камень преткновенія для тогдашнихъ журналовъ, а въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ они изъ рукъ вонъ плохи. Мартыновъ помѣстилъ плохую повѣсть „Рогнѣда, или разореніе Полоцка“, Арцыбашева; „Ефимъ Пименовъ, или рѣдкій примѣръ братской любви“, и неоконченное „Путешествіе отъ Петербурга до Бѣлозерска“, извѣстнаго новгородскаго губернскаго прокурора П. Львова; нѣсколько споснѣе „Ботаническое путешествіе на Дудорову гору“ Н. А. Львова, переводчика Анакреона, помѣщавшаго разныя мелкія стихотворенія и прозаическія статьи въ журналахъ. Статьи научнаго содержанія слѣдующія: „Предметы для художествъ изъ русской исторіи“ А. Писарева, отрывокъ, вошедшій въ отдѣльное его изданіе; „Разборъ III и IV пѣсни Виргиліевой Энеиды“, студ. педагог. инст. Александровскаго; „О методѣ воспитанія Песталоцци“ Г-на; „Краткое извѣстіе о Карпатскихъ россахъ или о переселеніи славянъ на Карпатскія горы“ доктора Орлая; „Изображеніе просвѣщенія Россіянъ“, написанное Мартыновымъ и нѣсколько другихъ, коротенькихъ и мало-содержательныхъ. Ал. Тургеневъ прислалъ изъ Геттингена (мартъ 1804 г.) статью: „Критическія примѣчанія, касающіяся до древней исторіи“, по поводу выше указанной статьи Писарева „Предметы для художествъ“, гдѣ Тургеневъ заявлялъ желаніе, чтобы русскіе художники избирали для своихъ картинъ событія изъ народной жизни и излагалъ свой взглядъ, какъ должны быть изображаемы нѣкоторые моменты изъ русской исторіи. Изъ старинныхъ документовъ помѣщено предисловіе къ сочиненію XVI столѣтія Россіянина Овшича-Орѣховскаго „Вѣрно-поданный“, обращеннаго къ Сигизмунду-Августу, королю польскому. Весь интересъ „Сѣвернаго Вѣстника“, какъ и слѣдовало ожидать отъ Мартынова, сосредоточенъ на переводахъ. Этотъ отдѣлъ представляется болѣе цѣльнымъ и съ опредѣленнымъ направленіемъ, нежели въ другихъ журналахъ. На первомъ планѣ стоитъ переводъ, сдѣланный В. Сопиковымъ первыхъ XX параграфовъ первой рѣчи „Объ обществѣ“ (а не всей почти вниги, какъ говоритъ г. Пятковский), „Естественной политики“ Гольдбаха (*La politique naturelle ou discours sur les vrais principes du gouvernement par un ancien magistrat, Amsterdam 1773—1774, 2 vol.*—наименѣ замѣчательное изъ сочиненій Гольдбаха). Переводъ этотъ, вѣроятно, былъ принятъ по указанію гр. А. С. Строганова, который былъ воспи-

танникомъ извѣстнаго дѣятеля во французской революціи Рома, во время революціи находился съ нимъ въ Парижѣ и былъ въ комитетѣ представителемъ философскихъ принциповъ XVIII вѣка. Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь короля Густава - Адольфа „О вольности книгопечатанія“, къ которой переводчикъ Анастасевичъ присоединилъ примѣчаніе, гдѣ подробно говоритъ о гласномъ судопроизводствѣ вообще и въ особенности о пользѣ обнародованія судебныхъ приговоровъ, для чего можно бы было завести особый журналъ подъ названіемъ: „Памятникъ россійскаго правосудія“. Разбирая переводъ сочиненія, составленнаго на основаніи аббата Сентъ-Пьерра „Projet de paix perpetuelle“ и издавнаго въ 1803 г. подъ заглавіемъ „Разсужденіе о войнѣ и мирѣ“, Мартыновъ указываетъ на него, съ большою похвалою, читателямъ и распространяется о благодѣтельности всеобщаго стремленія къ мирному и спокойному развитію. Остальные переводы имѣютъ случайный характеръ, какъ и въ другихъ журналахъ. Изъ нихъ мы назовемъ: отрывки изъ „Исторіи упадка и паденія западной Римской имперіи“ Гиббона, съ краткою его біографіею; „Разговоръ Силлы и Еврата“ Монтескье, гдѣ высказано заключеніе, что „когда боги попустили, чтобы Силла не наказанно учинился въ Римѣ диктаторомъ, тогда выгнали они изъ него навсегда вольность“, рѣчь Монтескье по возобновленіи парламента въ Бордо; Письмо Вальнера о сочиненіяхъ, найденныхъ послѣ смерти Монтескье и отрывки изъ нихъ; О модѣ и объ истинномъ началѣ нравственности изъ traité de morale; Обстоятельное изслѣдованіе о философіи и *высокихъ* наукахъ у восточныхъ народовъ, изъ „Recherches asiatiques“; Историческое извѣстіе о Шиллерѣ, по поводу его смерти изъ „Archives litteraires“; біографія Лафатера по Мейстеру; „Ученіе доктора Галя“ изъ Moniteur; отрывковъ изъ романа „Валерія“ г-жи Крюднеръ и проч. Критическій отдѣлъ былъ довольно обширенъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Мартыновъ сознавалъ важность критики для литературы. „Многіе говорятъ, что, какъ наша словесность едва вышла изъ колыбели, то не лучше ли ей дать время еще развить, такъ сказать, свои способности. На это можно отвѣчать, что помощью спасительныхъ совѣтовъ рецензій словесность наша можетъ скорѣе и надежнѣе укрѣпляться при своемъ усовершенствованіи; рецензія пролагаетъ ей дорогу, по которой она смѣлыми шагами идетъ въ своей цѣли. Безъ рецензій

словесность долгое время считалась бы по излучистымъ дорогамъ и едва ли бы дошла до желаемого предмета совершенства“ (ч. 3, № 7, стр. 142). По теоріи Мартыновъ и въ своихъ журналахъ и на кафедрѣ, былъ вѣрнымъ поклонникомъ французской эстетики въ лицѣ Лагарпа и аббата Батё. Разобравъ довольно обстоятельно трагедію Нарѣжнаго „Димитрій Самозванецъ“, Мартыновъ заканчиваетъ такимъ совѣтомъ: „Если г. Нарѣжный забудетъ расположеніе нѣмецкихъ трагедій, если, прочтя *Principes de la littérature* par l'Abbé Batteux, согласится передѣлать свою“ и т. д. Мартыновъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ распространенію „Лицея“ Лагарпа въ своихъ журналахъ; такъ и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ есть краткое о немъ біографическое свидѣніе. Впрочемъ Мартыновъ не безусловно подчинялся своимъ авторитетамъ. Мартыновъ, какъ въ Москвѣ Мерзляковъ, подчинялся французской системѣ потому, что въ это время она была готовою системою, разработанною во всѣхъ своихъ примѣненіяхъ,—системою, которую могъ съ надлежащею ясностью и полнотою формулировать всякій здравомыслящій человекъ; но обомъ, какъ Мартынову, такъ и Мерзлякову, недоставало того таланта самобытнаго мышленія, который если самъ не прокладываетъ новаго пути, то схватываетъ на лету и самъ дополняетъ и развиваетъ плодотворныя истины, брошенныя другимъ, болѣе сильнымъ умомъ. Оттого оба они просмотрѣли Лессинга и всю новую критическую школу въ Германіи. Но Мартыновъ не шелъ по слѣдамъ своего учителя тамъ, гдѣ Лагарпъ слишкомъ педантически увлекался своей односторонней и шаблонною теоріей и не раздѣлялъ враждебнаго отношенія въ свободной философской мысли этого новообращеннаго неопита. Иногда Мартыновъ высказывался даже совсѣмъ иначе. Такъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ онъ помѣстилъ статью „О критикѣ“, переведенную изъ французскаго журнала, гдѣ, между прочимъ, основными положеніями для критики выставлены слѣдующія положенія: „не должно имѣть въ рабскимъ правиламъ, ни рабскаго почтенія, ни гордаго презрѣнія; второе, что нѣтъ всеобщей критики, кромѣ той, когда все общество, болѣе или менѣе просвѣщенное, судя по мѣсту и времени, но всегда почтенное, состоящее изъ лучшихъ умовъ своего народа, соединить наконецъ вмѣстѣ всѣ голоса, для составленія всеобщаго мнѣнія; третье, что хорошій критикъ краснорѣчивъ и поэтъ долженъ быть самъ краснорѣчивъ и поэтъ“ (II, 28 и 29). Въ при-

мѣненіи Мартыновъ далеко уступалъ Мерзлякову и не имѣлъ ни того критическаго такта, ни врожденнаго поэтическаго чувства, которыми обладалъ послѣдній. Такъ, Мартыновъ находитъ „красоты“ въ такомъ нелѣпомъ произведеніи, какъ „Храмъ Славы“ П. Львова; объ „Эдипѣ въ Афинахъ“ Озерова Мартыновъ выразился, что въ его твореніи нѣтъ ни сухости трагика греческаго (Софокла) ни любовныхъ шалостей французскихъ“. Понятія свои о критикѣ Мартыновъ изложилъ въ статьѣ „О рецензій“, отиѣченной переведенною съ французскаго, но, по всей вѣроятности, написанной самимъ Мартыновымъ. Это доказывается, между прочимъ, обязанностью критика *нападать на варварское введеніе нѣкоторыхъ новыхъ словъ въ наши разговоры, въ наши рѣчи и книги*, что для тогдашней французской литературы не имѣло смысла. „Рецензія не всегда есть дѣйствіе зависти, она нерѣдко бываетъ дѣломъ правосудія, иногда урокомъ вкуса и всегда противится лести. Лстыть презрительно; молчать невозможно. *Хвалить не безъ изытія, цензуровать съ благоприсойностію*—вотъ достоинство, вотъ долгъ періодическаго изданія, принявшаго званіе сколь трудное, столь и почтенное: судить своихъ сверстниковъ и современниковъ.“ Эти скромныя и ни къ чему ненужныя достоинства и проявлялъ Мартыновъ во всѣхъ своихъ рецензіяхъ. Не перечисляя ихъ отдѣльно (56), мы обратимся къ полемической критикѣ журнала. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ помѣщенъ разборъ рецензій Карамзина въ „Московскомъ журналѣ“ и Макарова въ „Московскомъ Меркуріи“. Что касается до перваго, то онъ состоитъ изъ мелочныхъ придировокъ, не заключающихъ въ себѣ ни одной серьезной мысли; а рецензія противъ Макарова выставляетъ главнымъ обвиненіемъ рѣзкій его тонъ. „Истинная рецензія не терпитъ никакой ироніи, да и къ чему ее употреблять въ такихъ родахъ сочиненій, въ которыхъ она по большей части обращается въ личность или въ язвительную насмѣшку“. Вообще вся тогдашняя литература ожесточенно напала на Макарова за его рецензій, а бездарные авторы, которыхъ онъ выводилъ на свѣжую воду, расплачивались съ нимъ тупыми эпитафиями. Между тѣмъ Макаровъ не позволилъ себѣ ни одной рѣзкости, и вся его вина состояла въ томъ, что онъ прямо и безъ оговорокъ дурное называлъ дурнымъ. Критическіе отзывы въ журналѣ Мартынова на другой годъ (1805) стали появляться рѣже, что вызвало замѣчательное къ нему письмо лица, къ сожалѣнію оставшагося неиз-

вѣстнымъ. „Рецензія на книги у васъ совсѣмъ замолчала. Чего вы испугались, г. журналистъ? Личныхъ неудовольствій? — Но можетъ ли какая-нибудь личность входить въ благонамѣренную критику? Роптанія писателей, переводчиковъ, собирателей?—Но надобно ли уважать видъ ихъ самолюбія, надобно ли бояться ихъ возраженій, когда дѣло идетъ о вкусѣ, объ очищеніи слога въ нашей литературѣ, о прямыхъ выгодахъ нашего просвѣщенія? Вездѣ критика уважается— и одна она только, говоря справедливо, можетъ служить наградою хорошему писателю. Безъ нея не можетъ быть правосудія въ ученой республикѣ“. Любопытенъ отвѣтъ на это письмо самого Мартынова въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. На укоръ, что журналисты въ критикѣ говорили только такъ, чтобъ угодить обоимъ сторонамъ, т.-е. „либо въ *полнехотя хвалятъ*, либо въ *полнехотя критикуютъ*“, Мартыновъ отвѣчаетъ: „Вотъ это правда; но что вы прикажете сдѣлать съ такимъ сочинителемъ, который присылаетъ свои книги съ заповѣдью, чтобы ихъ похвалить въ журналѣ? Молчать, вы скажете? Это и дѣлаетъ журналистъ. Но когда не отвязывается—*немножко похвалить*, а прочее выставить наружу. „Вѣстникъ“ и заниматься не хочетъ такими книгами, которыя заслуживаютъ непомерную брань. Онъ доволенъ и нѣсколькими уроками, которые дали ему за рецензію на *Петриаду г. Сладковскаю*“. Послѣ вышеприведеннаго письма, тотъ же авторъ помѣстилъ очень обстоятельный и серьезный разборъ двухъ славянскихъ мѣлологій, одной изданной дерптскимъ профессоромъ Глинкою, а другой написанной въ Геттингенѣ Анд. Кайсаровымъ. Отдавая справедливость послѣдней, критикъ рѣзко и справедливо разбираетъ неудовлетворительное сочиненіе Глинки и при этомъ тонъ рецензента далеко оставляетъ за собой всѣ рѣзкости, которыя навлекли общій гнѣвъ на Макарова. Этому же лицу принадлежитъ рецензія на сочиненіе „*Cosmopolitische Briefe über die Geschichte des Russischen Reichs*“. Въ письмѣ, гдѣ переведенъ разборъ романа г-жи Сталь „Дельфина“, неизвѣстный корреспондентъ говоритъ въ началѣ: „Мы довольно походимъ на тѣхъ дивихъ народовъ, которые съ изступленіемъ смотрятъ на привозимые къ нимъ европейцами мелочные и весьма обыкновенные товары, кои отъ сихъ дѣтей природы принимаются за самыя драгоценныя вещи. Не могу безъ негодованія читать, когда въ вѣдомостныхъ извѣстіяхъ и журналахъ нашихъ называютъ талантливыми писателями Мерсье, Арно, Ретифа

де-ла-Бретонъ; между тѣмъ какъ въ самой Франціи скучное и плодovitое ихъ пустословіе служить предметомъ посмѣянія и презрѣнія и даетъ имъ во французской словесности то же самое мѣсто, каковое у насъ занимаетъ неутомимый Тредьяковскій“ (ч. V, стр. 275 и 276). Очевидно, что читающая публика уже утомилась всѣмъ этимъ переводнымъ балластомъ и желала чего-нибудь болѣе серьезнаго и осмысленнаго.

Въ спорѣ о старомъ и новомъ слогѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ выступилъ вслѣдъ за „Московскимъ Меркуріемъ“ Макарова. Въ первой же книжкѣ Мартыновъ помѣстилъ письмо отъ неизвѣстнаго, съ подписью „Кадомъ, 30 ноября 1803 г.“ (ч. I, стр. 17), подписанное А. З., гдѣ помѣщены возраженія Шипкову, болѣе впрочемъ слабыя, нежели у Макарова, и гдѣ доказывается, что всѣ языки составляются переливомъ словъ одного языка въ другой. Г. Галаховъ (Ист. Р. Слов. II, 2, стр. 72) приписываетъ это письмо Каченовскому, но не объясняетъ, на чемъ онъ основывается, а между тѣмъ заглавіе статьи приведено у него неправильно. Профессоръ Майковъ, въ биографіи Батюшкова, авторомъ этого письма называетъ члена Общества Слов. Н. и Х. Языкова, не высказывая также въ этомъ случаѣ своихъ соображеній. Но во всякомъ случаѣ послѣднее вѣроятнѣе, такъ какъ Каченовскій, имѣя въ своихъ рукахъ журналъ, гдѣ онъ впоследствии и помѣстилъ свое возраженіе противъ Шипкова, не имѣлъ надобности обращаться къ другому органу. Повидному, самъ Мартыновъ оставался хладновроvnнымъ къ этому спору; въ противномъ случаѣ непонятно, для чего Мартыновъ помѣстилъ письмо къ сочинителю критики въ „Журналъ Россійской Словесности“ въ іюлѣ мѣсяцѣ, гдѣ авторъ принимаетъ на себя защиту комедіи вн. Шаховскаго противъ возраженій на нее со стороны критика Журнала.

Въ журналѣ Мартынова принималъ очень дѣятельное участіе Анастасевичъ, о которомъ было уже мною говорено. Анастасевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ поляковъ, которые вѣрятъ сближенію ихъ съ русскими и стараются подвинуть это сочувственное для нихъ дѣло ознакомленіемъ русскихъ читателей съ польскою литературою⁽⁵³⁾. Въ царствованіе Александра, особенно послѣ дарованія конституціи Царству, такихъ людей было много и тогда дѣйствительно моментъ для этого сближенія былъ благопріятный. Мы видѣли, что за это дѣло принимался „Вѣстникъ Европы“ въ на-

чалъ восьмисотыхъ годовъ. Такъ въ 1816—1817 годахъ старшій учитель Орловской гимназіи Фердинандъ Орля Опшменьцъ издавалъ въ Москвѣ журналъ „Другъ Россіянъ и ихъ единоплеменниковъ обоюго пола“, гдѣ авторъ поставилъ себѣ задачею „стараться утвердить въ вѣчномъ союзѣ непоколебимаго дружества умы и сердца славянороссійскихъ и польскихъ народовъ чрезъ посредство ихъ просвѣщенія и добродѣтели“. Въ то время правительство само поощряло эти стремленія. При преобразованіи Кіевской Академіи митрополитъ Евгеній открылъ при ней кафедрѣ польскаго языка, существовавшую до 1844 года. Въ число занятій по этой кафедрѣ входили не только переводы польскихъ авторовъ, но иногда и отрывочныя свѣдѣнія по исторіи польской литературы. Анастасевичъ много помѣстилъ статей о Польшѣ и переводовъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Таковы: переводъ Рѣчи попечителя Харьковскаго университета гр. Северина Потоцкаго при открытіи университета; пер. Рѣчи г. Чацкаго объ успѣхахъ воспитанія въ прежде бывшихъ польскихъ областяхъ, присоединенныхъ въ Россію; біографіи польскихъ писателей Игнатія Красицкаго и Юсіфа Шимановскаго; подробный разборъ статьи „О составѣ польской словесности“, помѣщенной въ журналѣ Галинковскаго „Корифей или ключъ литературы“ (изд. 1802—1807 гг.); Щербицкая, польскій анекдотъ, переведенный изъ Arch. litter. de l'Europe. Въ отдѣлѣ критики, при разборѣ иностранныхъ книгъ, обращалось вниманіе преимущественно на книги о славянахъ, выходившія за границу; такъ помѣщены подробныя указанія на слѣдующія изданія: а) „Славянка“, журналъ на нѣмецкомъ языкѣ, занимавшійся изученіемъ славянства и издававшійся извѣстнымъ аббатомъ Добровскимъ; б) „Славянская Вифлюфика“, изданіе Фортуната Дурача. Вѣна, 1795 г.; в) „Польская словесность“, соч. Линде; д) „Подробное извѣстіе о рукописяхъ Добровскаго“. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ помѣщались кромѣ того постоянно, въ видѣ особыхъ отдѣловъ, отчеты о С.-Петербургскихъ театрахъ—русскомъ и французскомъ, некрологи замѣчательныхъ современниковъ и извѣстія объ ученыхъ обществахъ русскихъ и иностранныхъ. Прибавимъ, что въ этомъ журналѣ такъ же, какъ и во всѣхъ остальныхъ, помѣщенъ извѣстный анекдотъ о Прасковьи Лупаловой, дѣвушкѣ, пришедшей изъ Сибири для испрошенія помилованія своему отцу. Событіе это, какъ замѣчаетъ „Другъ Просвѣщенія“, воспользовавшійся имъ для напе-

чтанія плохаго стихотворенія, „по справедливости занимаетъ объѣстолицы“ и даже, какъ извѣстно, попало во французскую литературу. Мы уже говорили, что въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ помѣщались протоколы Общества любителей наукъ и худ., но участвовали въ немъ изъ его членовъ въ журналъ, кромѣ Языкова, видимости нѣтъ. Другой журналъ Мартынова „Лицей“, издававшійся въ 1806 году, еще однообразнѣе и суше по своему содержанію и состоитъ почти исключительно изъ переводовъ. Къ журналу прибавленъ политическій отдѣлъ, состоявшій изъ сообщенія весьма краткихъ и неполныхъ извѣстій о текущихъ событіяхъ, безъ всякихъ разсужденій. Въ послѣдніе мѣсяцы политическій отдѣлъ замѣненъ напечатаніемъ донесенія нѣмецкаго резидента о Петрѣ Великомъ и его дворѣ. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщено стихотвореніе воспитанника Педагогическаго института Куницына „Пустынникъ“ (ч. III, вн. II), довольно гладкое, гдѣ воспѣвается добровольное удаленіе отъ всѣхъ мірскихъ соблазновъ и волненій; а затѣмъ стихотворенія „Тейльса“, студентовъ Педагогическаго института Александровскаго и Бутырскаго (означенныхъ полнымъ именемъ или сокращенно Б-ій и Ал-ій) и нѣсколько стиховъ не подписанныхъ. Стихотворенія всѣ очень плохи. Въ прозаическомъ отдѣлѣ почти половину журнала занимаютъ двѣ большія статьи: разборъ „Лицея“ Лагарпа, гдѣ кратко излагается содержаніе всей книги, и Извѣстіе о путешествіяхъ россіянъ около свѣта, гдѣ сообщаются записки поручика Лавсмана, посланнаго Еваториною въ 1791 г. для возвращенія японцевъ, спасенныхъ отъ кораблекрушенія при Алеутскихъ островахъ, что подало поводъ завязать первыя наши сношенія съ Японіею. Путешествіе это подробно изложено также въ „Другѣ Просвѣщенія“ Голенищева-Кутузова за 1806 годъ. Кромѣ того помѣщено разсужденіе о постепенномъ возвышеніи россійской словесности. Въ критикѣ и библіографіи помѣщены: разборъ трагедіи Фингалъ; разборъ перевода Пиндара, изданнаго Голенищевымъ-Кутузовымъ, гдѣ показана вся невѣрность этого перевода, сдѣланнаго съ французскаго; отзывъ объ исторіи, о заведеніяхъ и коммерціи въ обѣихъ Индіяхъ, аббата Ренналя, переведеннаго съ французскаго, по Высочайшему повелѣнію. С.-Пб. 1806 года. Изъ переводовъ помѣщены: повѣсти „Гулькемъ Юлій и Сабинъ“ изъ Лафонтена; переводъ отрывка изъ Полибія (гл. XVIII), найденнаго въ монастырѣ Святой Лавры на горѣ Аѳонской; отрыв-

вокъ изъ Лессингова „Лаокаона“; отрывокъ изъ Жанъ Поля Рихтера (die unsichtbare Loge); предисловіе Виланда къ его переводу науки о стихотворствѣ (ars poetica) Горация и нѣкоторыя другія. Такимъ образомъ здѣсь переводы имѣютъ уже совсѣмъ другой характеръ, нежели въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Замѣчательно, что ухудшеніе новаго журнала Мартынова совпало съ удаленіемъ отъ сотрудничества Анастасевича, не принимавшаго участія въ этомъ журналѣ.

Одновременно съ „Сѣвернымъ Вѣстникомъ“, въ 1805 году издавался „Журналъ Россійской словесности“ членомъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, Брусиловымъ, при участіи Пнина и другихъ членовъ этого общества. По этому журналу, служившему органомъ общества, можно лучше всего судить о его характерѣ и направленіи. Брусиловъ занимался русскою исторіей и, какъ мы видѣли, помѣщалъ статьи свои въ „Вѣстникѣ Европы“, а впоследствии въ другихъ журналахъ; онъ принадлежалъ по направленію къ *старой критической школѣ*, которой самымъ яркимъ представителемъ и завершителемъ былъ Каченовскій. Журналъ Брусилова былъ чисто-литературный, какъ и „Московскій Меркурій“ Макарова. Въ самомъ началѣ издатель въ видѣ программы замѣчаетъ, что „въ журналѣ будутъ помѣщаться новыя произведенія руссійской словесности въ стихахъ и прозѣ. Главный предметъ онаго есть соединеніе *приятнаго съ полезнымъ*“. Въ стихотворномъ отдѣлѣ его принималъ участіе Пнинъ (ода Человѣкъ, Стихи на сонъ, Къ рождѣ, Царь и придворные, ода На правосудіе), Остолоповъ, А. Измайловъ, гр. Хвостовъ, Анастасевичъ, Беницкій и многіе другіе, вовсе неизвѣстные или обозначавшіе себя буквами. Изъ числа этихъ поэтовъ выдѣляется Пнинъ не столько совершенствомъ стихотворной формы, сколько глубиною содержанія, и отчасти Измайловъ; все остальное нисколько не выше того никуда негоднаго стихотворнаго балласта, которымъ наполнялись вообще тогдашніе журналы. Между прочимъ въ этомъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія на смерть Пнина, Остолопова и Измайлова и экспромтъ на тотъ же предметъ Писарева. Переводовъ въ журналѣ очень мало и всѣ они незначительны. Всю прозаическую часть, съ очень немногими исключеніями, сочинялъ самъ Брусиловъ. Въ его мелкихъ разсказахъ виденъ несомнѣнный юмористическій талантъ, соединенный съ живостью и

ясностью языка, такъ что журналъ читается безъ особеннаго труда и въ настоящее время. По внутреннему содержанию статьи журнала, какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, по большей части либеральнаго направленія. Онѣ осмѣиваютъ лесть и униженіе („Путешествіе на островъ подлецовъ“), иноземное воспитаніе, вообще ложь и фальшь въ жизни; онѣ стремятся въ свободѣ, хотя безъ опредѣленнаго сознанія о способахъ ея осуществленія; онѣ ставятъ (въ восточныхъ сказкахъ) истину выше „угожденія царю“, указывая, что только при ней страна можетъ быть счастлива и наслаждаться тишиною. Журналъ относится съ сочувствіемъ и въ нисшимъ сословіямъ. Въ статьѣ „О воспитаніи“ говорится, между прочимъ: „еслибы помышляли (воспитанные по французски свѣтскіе люди) о томъ, съ какою трудностью добываются крестьянами тысячи, проматываемыя ими, еслибы видѣли они, какъ бѣдные поселяне отдають иногда послѣднее рублище, для доставленія барину денегъ, нужныхъ ему, можетъ быть, на какія-нибудь новыя моды, то, конечно, умѣрили бы издержки свои, а съ этимъ вмѣстѣ и страшныя оброки, ими налагаемые, которые бѣдные поселяне, не въ силахъ будучи выработать, часто жертвуютъ необходимымъ для себя, тогда какъ лакеи барина облиты въ золотѣ“. Въ „Письмѣ къ издателю“ по поводу представленія комедіи „Новый Стернь“ (соч. вн. Шаховскаго, осмѣивавшаго сантиментальное направленіе Карамзина), авторъ защищаетъ браки дворянъ съ крестьянками и доказываетъ равенство сословій въ современномъ гуманномъ смыслѣ. Въ „Письмахъ деревенскаго жителя о воспитаніи“, авторъ отдаетъ преимущество семейному воспитанію, причемъ мальчикъ съ самаго рожденія, вскормленный матерью, а не кормилицею, до 10—12 лѣтъ долженъ находиться подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ, а съ этого возраста до 20 лѣтъ подъ опекою отца. Въ случаѣ невозможности для родителей самимъ слѣдить за воспитаніемъ дѣтей, авторъ требуетъ для нихъ наставниковъ непременно изъ русскихъ, такъ какъ иностранцы, не знающіе Россіи и по большей части не имѣющіе необходимыхъ нравственныхъ качествъ, не въ состояніи развить въ своемъ питомцѣ уваженія къ отечеству и въ народнымъ обычаямъ и потребностямъ. Въ разговорѣ между сочинителемъ и цензоромъ, написанномъ Пниномъ, рѣзко выставляются насилія и произволъ цензора надъ истиною, „которая существуетъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ“. Но, судя по

журналу, кружокъ, его издававшій, при всѣхъ хорошихъ своихъ стремленіяхъ, не успѣлъ еще выработать прочнаго и установившагося взгляда, почерпнутаго имъ изъ науки, путемъ серьезнаго и добросовѣстнаго изученія, или изъ практической жизни, путемъ наблюденія и сношеній съ окружающими. Это всего яснѣе отражается на самомъ Брусиловѣ: трудно себѣ представить, какимъ образомъ одинъ и тотъ же человекъ могъ дойти до такихъ противорѣчій, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу на страницахъ одного и того же журнала. Брусиловъ,—въ своемъ сочувствіи къ нисшимъ классамъ и заботахъ объ ихъ образованіи,—выражаетъ желаніе учредить для нихъ театръ. Но какъ онъ объ этомъ выражается? Въ „Письмѣ къ пріятелю о русскомъ театрѣ“ издатель между прочимъ говоритъ: „я желалъ бы, чтобы было два театра, одинъ, для народа: въ немъ должны представляться пьесы болѣе сообразныя съ просвѣщеніемъ народа, пьесы, имѣющія цѣлью осмѣяніе пороковъ и предрасудковъ, коимъ простолюдины подвержены. Другой театръ для просвѣщенной публики—здѣсь на сцену я не пустилъ бы ни пьяницъ, ни подъячихъ, ни мужиковъ,—ибо между истинно благородными и просвѣщенными людьми не можетъ быть ни пьяницъ, ни подъячихъ, ни плутовъ секретарей, всю эту челядь я отослалъ бы на народный театръ, *которыя должно быть, но крайней мѣрѣ, по одному въ каждомъ уездѣ*, ибо они тамъ болѣе принесутъ пользы, чѣмъ въ столицѣ. На благородномъ театрѣ я изобразилъ бы всѣ тѣ пороки и предрасудки, которымъ мы подвержены“. Такимъ образомъ несмотря на прекрасныя намѣренія, потребность сближенія съ народомъ еще не зарождалась, разнь существовала во всемъ своемъ объемѣ, пропасть, раздѣлявшая *благороднаго* и *подлаю*, еще не закрылась. Брусиловъ обижается и не можетъ переварить, что, благодаря сюжетамъ изъ нравовъ нисшаго класса, преобладавшимъ въ современныхъ театральныхъ пьесахъ, „въ партерѣ сидѣли одни мѣщане“. Брусиловъ противъ сантиментальнаго направленія помѣстилъ слѣдующую сильную выходку: „Высокопарные педанты! Нѣжные селадоны! Какъ бы счастливы были читатели ваши, если бы, не паря подъ облаками, не напыщиваясь, какъ Езопова лягушка, выхода на кафедру для площадной морали, которой вы сами не слѣдуете, не проливалъ на каждой страницѣ чувствительныхъ слезъ, которыя возбуждаютъ смѣхъ въ читателяхъ, писали бы просто, но ясно!“ Анастасевичъ, ярко и рѣзко описывающій всю

нелѣпность и ходульность сентиментальности, для которой каждая сколько-нибудь смазливая коровница кажется граціей, заявляетъ, что эту *болѣзнь* зараженные сами называютъ *сентиментальностью*, а здоровые по-старому сумасбродствомъ. И рядомъ съ этимъ издатель помѣщаетъ,—притомъ съ похвалой,—изъ „Энциклопедическаго Магазина“ переводъ подъ названіемъ „Похвальная рѣчь собачкѣ“, гдѣ нѣжность и безкорыстіе собачьей дружбы ставятся выше людскихъ отношеній и собачкѣ вмѣняется въ похвалу, что „ученіе не отягощало умъ Діаны, она никогда не читала ни Цицероновыхъ трактатовъ о должностяхъ, ни разговоровъ Платона о правосудіи. Наука законовъ, которая иногда не что иное есть, какъ наука ихъ забывать, была ей неизвѣстна и ненужна“ (3, 1). Тутъ же помѣщена повѣсть „Исторія бѣдной Марьи“, гдѣ дочь богатаго отбѣущика влюбляется въ бѣднаго поселанина; но по приказанію отца отдаетъ свою руку противному ей богачу, вслѣдствіе чего, при выходѣ ея изъ церкви послѣ свадьбы, поселанинъ, въ ея глазахъ, закалываетъ себя кинжаломъ, а Марья, оставивъ родительскій домъ, въ бѣдномъ жилищѣ проводитъ остатокъ дней своихъ въ горести и тоскѣ. Сочиненіе Шишкова—„Дополненіе къ разсужденію о старомъ и новомъ стилѣ“, указывается, какъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній литературы, „заключающее въ себѣ весьма полезныя истины для упражняющагося въ русской словесности“. „Письмо къ издателю“ (ч. 2, стр. 139) содержитъ въ себѣ заявленіе полного сочувствія и солидарности съ Шишковымъ; а между тѣмъ въ другомъ „Письмѣ къ издателю“, по поводу новаго Стерна, Брусиловъ нападаетъ на кн. Шаховскаго и на его насмѣшки надъ Карамзинскимъ направленіемъ. Въ журналѣ помѣщена очень прозрачная иронія надъ нелѣпнымъ твореніемъ Боброва „Петриада“, а въ числѣ особенно замѣчательныхъ произведеній указано такое же нелѣпное твореніе того же Боброва, подъ заглавіемъ „Разсвѣтъ полночи“, поставленное наравнѣ съ сочиненіемъ Карамзина. Эта неустойчивость и невыработанность взгляда всего ярче выразилась въ сужденіяхъ автора о критикѣ. Брусиловъ не согласенъ съ Карамзинимъ, что критика есть излишняя роскошь для современной литературы. По его мнѣнію, критика нужна для успѣховъ словесности, ибо она болѣе всего очищаетъ и совершенствуетъ вкусъ. Она должна быть не двусмысленна, ясна и *благопрістойна*. Лучше одну книгу разсмо-

трѣть со вниманіемъ, нежели о ста книгахъ сказать мнѣніе слегка. Иногда злорѣчіе почитается за остроумную критику. Въ этомъ смыслѣ журналъ раздѣляетъ взгляды „Сѣвернаго Вѣстника“ на критическія статьи Макарова въ его „Московскомъ Меркуріи“. Такое преувеличенное понятіе о благопристойности,—а можетъ быть и другія соображенія редактора,—были причиною, что критическихъ статей въ „Журналѣ Россійской словесности“ почти все не встрѣчается, несмотря на убѣжденіе въ необходимости критики и на обѣщаніе въ программѣ помѣщать разборы книгъ, печатаемыхъ въ Россіи и за-границею. Между тѣмъ Карамзинъ, не признававшій критики и также работавшій одинъ, безъ сотрудниковъ, въ своемъ „Московскомъ Журналѣ“, помѣстилъ нѣсколько серьезныхъ критическихъ статей. Впрочемъ, условія критики въ то время были очень тяжелы и ее встрѣчали недружелюбно не только писатели, но даже общество. Брусиловъ замѣчаетъ по этому поводу: „Человѣкъ благонамѣренный, вида кучи печатныхъ книгъ, безпokoющихъ честныхъ людей, принимается издавать критическій журналъ, чтобы хотя мало обуздать сію ученую челядь,—но чтожь! Тысячи невѣждъ возстаютъ противъ него, бранятъ, терзаютъ и онъ же остается въ дуракахъ“. Понятно, что либеральное направленіе журнала, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могло оказать вліянія на публику, именно по своей неопредѣленности и неустойчивости, и журналъ долженъ былъ закрыться, просуществовавъ всего одинъ годъ. Такимъ образомъ напрасно г. Пятковскій придаетъ особое значеніе либеральному направленію двухъ изданій Мартынова и журнала Брусилова; напрасно ставитъ ихъ выше современныхъ органовъ московской журналистики. Умѣренный либерализмъ Пнина и совершенно радикальный Попугаева были такое же единичное явленіе, какъ передъ этимъ дѣятельность А. Н. Радищева,—и притомъ несравненно болѣе послѣдовательная, смѣлая и широкая. Либерализмъ остальныхъ членовъ не поднимался выше общаго уровня. Петербургскіе журналы, какъ всѣ тогдашніе журналы, не имѣли вовсе цѣльности и наполнены противорѣчіями, такъ какъ редакторы не держались никакой опредѣленной программы и помѣщали присланныя имъ со стороны статьи, лишь бы въ нихъ не было чего-либо предосудительнаго или явной бессмыслицы. Типъ умѣреннаго либерала воплотился въ Карамзинѣ нѣсколько не менѣе цѣльно, нежели въ Пнинѣ и въ „Вѣстникѣ

Европы“, которому Пятковскій не отдаетъ должной справедливости, можно столько же, если не болѣе, указать переводовъ изъ Тацита Гиббона, Монтескье и другихъ, въ которыхъ проводится подобный же либеральный взглядъ на политику и государственное устройство или взглядъ на необходимость народнаго образованія и такъ далѣе. Изъ Петербургскихъ журналовъ самое видное мѣсто занимаютъ „Цвѣтникъ“ и „Петербургскій Вѣстникъ“. Цвѣтникъ издавался въ 1809 году А. Е. Измайловымъ и Беницкимъ, а въ 1810 г. Измайловымъ вмѣстѣ съ Никольскимъ. Редакторы-издатели этихъ журналовъ принадлежали къ числу самыхъ даровитыхъ людей того времени, хотя заслуга ихъ и значеніе вовсе не оцѣнены въ исторіи движенія русской мысли. А. Е. Измайловъ (1779—1831), родомъ москвичъ, воспитанникъ горнаго корпуса, служившій начальникомъ отдѣленія въ экспедиціи государственныхъ доходовъ, рано выступилъ на литературное поприще, въ 1798 году издалъ романъ, холодно принятый публикою, и затѣмъ повѣсть „Бѣдная Маша“ (Спб. 1801). Въ журналистикѣ онъ выступилъ первый разъ въ „Петербургскомъ журналѣ“, издававшемся Пниномъ, наконецъ самъ сдѣлался издателемъ („Цвѣтника, „Петербургскаго Вѣстника“, „Благонамѣреннаго“). Значеніе Измайлова въ литературѣ, преимущественно какъ баснописца, опредѣлено. Беницкій принадлежитъ къ числу писателей, на которыхъ не обратила должнаго вниманія исторія нашей литературы. Какъ видно изъ краткой замѣтки по поводу его смерти 30 ноября 1809 г. (Цвѣтникъ 1809 г. № 11, стр. 264), Ал. Петр. Беницкій до 15 или 16 лѣтъ (въ 1794 или 95 году) воспитывался въ Москвѣ у проф. Шадена, въ его пансіонѣ гдѣ получилъ образованіе и Карамзинъ. По окончаніи курса, онъ поступилъ въ военную службу, но черезъ четыре года, по слабости здоровья, вышелъ въ отставку и впослѣдствіи, до конца жизни, служилъ въ Комиссіи составленія законовъ. Со времени выхода изъ военной службы, слишкомъ 20 лѣтъ, Беницкій началъ заниматься литературою и умеръ на 28 году. Первые опыты его были разныя стихотворенія, помѣщенные въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и въ „Журналѣ Россійской Словесности“. Въ 1807 г. издалъ онъ первую книжку „Талии“ гдѣ между прочимъ помѣстилъ повѣсть „Ибрагимъ или великодушный“. Послѣ его смерти найдены нѣсколько начатыхъ повѣстей, неконченная трагедія „Неронъ“. Вторая книжка „Талии“, была отпечатана, но по нѣкоторымъ обстоятель-

ствамъ не выпущена въ свѣтъ. Вся тяжесть изданія „Цвѣтника“ за 1809 г. лежала на Беницкомъ; онъ помѣщалъ тамъ свои повѣсти, стихотворенія, переводы болѣе серьезныхъ статей и критическіе разборы. Повѣсти Беницкаго (Индійская сказка, „На другой день“ „Похвальное слово Пипинькѣ, чижику прекрасной Эмилиі“ и „Грангуль“, драматическая бездѣлка, изъ быта американскихъ индѣйцевъ)—не представляютъ ничего выдающагося и написаны были во вкусѣ своего времени, когда любили рассказы изъ быта дикихъ и восточныхъ народовъ, написанные фантастически и не имѣющіе никакой реальной, ни мѣстной, ни исторической правды; но они написаны прекраснымъ для того времени языкомъ, не лишены занимательности и могутъ быть прочтены даже теперь, чего нельзя сказать о большинствѣ повѣстей того времени. Но литературныя способности Беницкаго всего ярче выразились въ его критическихъ статьяхъ, и Беницкій, вмѣстѣ съ Маваровымъ и Никольскимъ, были родоначальниками того критическаго направленія, блестящими представителями котораго, съ конца уже двадцатыхъ годовъ, явились Надеждинъ и Бѣлинскій. Въ разборѣ „Велизарія“, переведеннаго однимъ изъ самыхъ ярыхъ и тупыхъ шишковистовъ, Захаровымъ, Беницкій отмѣтилъ всѣ неправильности слога и вновь изобрѣтенныя слова для передачи иностранныхъ. Возражая вообще противъ направленія Шишкова, Беницкій говоритъ: „Правило не вносить въ языкъ ничего чужаго и любовь въ отечественному должны же имѣть предѣлы. Дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы какъ-нибудь, лишь бы только перевести иностранное слово: нѣтъ, надобно чтобы переводъ сей былъ не дикъ, ясенъ, вразумителенъ и критиченъ; надобно, чтобы переведенное слово было и равносильно подлиннику, и не противно не только одному разсудку, но „вкосу и слуху“. Беницкій беспощадно преслѣдовалъ плохіе романы (какъ напр. Любовники, посланные въ Сибирь) и комедіи (напр. Фалалей Скотининъ). Конечно, Беницкій былъ еще вѣренъ старымъ традиціямъ и, наприм., въ разборѣ Фалалея ставитъ въ заслугу автору, что онъ сохранилъ *единство времени и мѣста*; ежели бы онъ выбралъ другое содержаніе, другіе характеры, завязку, лучшій слогъ и предметъ, тогда, при таковомъ сохраненіи *единства времени и мѣста*, комедія его была бы превосходна!“ Интересно это *главное* условіе, при точномъ соблюденіи котораго можно написать невообразимую галиматью!

Но Беницкий уже имѣлъ сознаніе о настоящихъ требованіяхъ отъ литературнаго произведенія. При разборѣ теперь забытой, но въ свое время обратившей на себя вниманіе драмы Неваховича — „Сульоты“, Беницкий говоритъ: „Въ драмѣ сей нѣтъ идеальныхъ добродѣтелей, нѣтъ мечтательныхъ пороковъ—пустыхъ призраковъ, подрѣпляемыхъ несобытными дѣяніями, чувствами, страстями. Все въ ней естественно: люди показываются въ своемъ видѣ, а не въ заимствованномъ изъ царства воображенія. Въ драмѣ „Сульоты“ видите вы не китайскія тѣни, а настоящихъ человѣковъ, т.-е. такихъ, каковыми они по природѣ своей всегда были, суть и будутъ“. Гречъ въ своихъ „Запискахъ“ (220—222) сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о другомъ редакторѣ „Цвѣтника“, Пав. Алекс. Никольскомъ⁽⁵⁶⁾. Странная судьба была этого журнала: оба редактора, которымъ онъ главнымъ образомъ обязанъ былъ своимъ значеніемъ, умерли въ ранней молодости: Никольскій умеръ 25 лѣтъ отъ роду (29 сентября 1816 г.). Никольскій учился въ горномъ корпусѣ и служилъ сначала тамъ, а затѣмъ перешелъ въ гражданскую службу. Послѣ изданія „Цвѣтника“ Никольскій былъ сотрудникомъ „Петербургскаго Вѣстника“ и сталъ издавать „Пантеонъ русской поэзіи“. Гречъ говоритъ о немъ: „Когда вспомню о Никольскомъ, о смѣлыхъ, здравыхъ и свободныхъ отъ всякаго предрасудка мысляхъ его въ литературѣ; когда приведу себѣ на память его сужденія о писателяхъ, тогда намъ современныхъ, а нынѣ выслушивающихъ приговоръ потомства: тогда мнѣ кажется, что нынѣшніе лучи проистекли отъ искры, таившейся въ душѣ этого необыкновеннаго юноши. Не знаю, былъ ли бы онъ самъ производителемъ, но увѣренъ, что русская литература имѣла бы въ немъ нынѣ своего Джонсона, Лессинга, Шлегеля: что его ясный, критическій безпристрастный умъ былъ бы лучезарнымъ свѣтиломъ въ пустой храминѣ нашей словестности“. Насколько эти похвалы справедливы, судить трудно; но во всякомъ случаѣ критическій отдѣлъ въ журналѣ не упалъ со смертью Беницкаго. Такъ замѣчательнъ разборъ трагедіи Грузинцова „Электра и Орестъ“, гдѣ доказано, что это есть посредственная копія, а мѣстами переводъ трагедіи Вольтера. Рецензія эта подписана N. N. съ примѣчаніемъ, что она прислана неизвѣстнымъ лицомъ; но тогда такія оговорки были въ обычаѣ и несомнѣнно, что разборъ принадлежитъ Никольскому. Стихотворный отдѣлъ все еще игралъ важную роль въ „Цвѣтникѣ“. Въ

1809 г. изъ извѣстныхъ поэтовъ въ немъ печатались, кромѣ самихъ издателей, Измайлова, Беницкаго, — Востоковъ, Гнѣдичъ и Гр. Хвостовъ; кромѣ того здѣсь же напечатаны первые опыты П. А. Катенина, который, по словамъ Греча, началъ свое литературное поприще въ „Цвѣтникѣ“ (57) и статьи профессора Казанскаго университета В. Мат. Перевощикова, Понизовскаго и Дм. Мак. Княжевича, одного изъ членовъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и худож. Въ 1810 году кромѣ прежнихъ являются новые поэты: Милоновъ, помѣстившій много своихъ стихотвореній въ этомъ журналѣ, Грамматинъ, Анд. Раевскій, — все воспитанники университетскаго пансіона въ Москвѣ, — Ал. В. Храповицкій (изъ посмертныхъ его бумагъ) и Воейковъ, помѣстившій отрывокъ изъ его перевода поэмы Делиля „Сады“. Значительное число стихотвореній относится къ разряду модныхъ въ то время мелочей — эпиграммъ, эпитафій, надписей, доггрифовъ; даже Измайловъ упражнялся преимущественно въ этомъ родѣ. Изъ крупныхъ стихотвореній ни одно не заслуживаетъ вниманія.

Въ прозѣ переводныя статьи преобладаютъ, но представляютъ мало интереснаго и ничего цѣльнаго, выражающаго какое-нибудь опредѣленное направленіе. По отдѣлу изящной литературы переведены двѣ повѣсти Лафонтена („Лиза“ и „Маленькій Домикъ“), изъ Мейснера („Понцій и Гуси“), изъ Шиллера („Преступникъ отъ безславія“), нѣсколько повѣстей съ французскаго, безъ означенія имени автора, и отрывокъ изъ трагедіи Шекспира „Юлій Цезарь“, переведенный прозою Милоновымъ. Изъ статей историческаго и научнаго содержанія между прочимъ есть переводы изъ Монтескьё (изъ *Esprit des lois* и *Les causes de la grandeur et la chute des Romains*); изъ Лабрюера (*Les caractères*), изъ Мабли (*Histoire ancienne*); изъ Гельвеція (небольшой отрывокъ „О скукѣ“); изъ Шиллера (Мысли объ употребленіи въ искусствѣ высокаго и низкаго); изъ сокращенныхъ риторическихъ уроковъ Блера („Объ эпопее“, О произношеніи или произглашеніи“); изъ *Taschenbuch der Reisen* Циммермана („Западная Индія“, „Сахаръ“, „Остр. Исландія“). Остальные переводы не имѣютъ вовсе значенія или по краткости, не дающей понятія о цѣльномъ произведеніи, или по незначительности содержанія. Отдѣлъ оригинальной беллетристики, за исключеніемъ повѣстей Беницкаго, о которыхъ мы уже упомянули, очень бѣденъ и ничтоженъ по содержанію, не исключая и

повѣсти (Модестъ и Софья) Перевощикова, который былъ однимъ изъ усердныхъ сотрудниковъ и, кромѣ стихотвореній, занимался и переводами. Изъ всего этого отдѣла стоитъ упомянуть о небольшомъ, но довольно живомъ и характерномъ разговорѣ Измайлова „Такъ—такъ, или разговоръ Дмитрія Петровича съ Трофимомъ Антоновичемъ“ (1809 г. VII, 84—90). Здѣсь осмѣивается современное неудовольствіе дворянства на выскочекъ изъ семинаристовъ, занявшихъ, благодаря своимъ способностямъ и трудолюбію, высшія государственныя должности, причемъ главнымъ виновникомъ подразумѣвался Сперанскій. Измайловъ довольно ловко выставляетъ всю нелѣпость этихъ притязаній: герой разговора, жалясь на служебныя стѣсненія, и вооружаясь даже и противъ военной службы, гдѣ „семинаристы“ не перебивали дорогу, но гдѣ могли убить на сраженіи, замѣчаетъ, что случись подобное несчастіе, „матушка бы его съ горя пересѣкла всѣхъ крестьянъ“. Изъ немногихъ оригинальныхъ статей научнаго содержанія можно замѣтить только двѣ: „Замѣчанія о нѣкоторыхъ русскихъ букввахъ“ Дм. Языкова и „Сибирскія древности“, Гр. Спасскаго, разсужденіе, прочтенное въ засѣданіи Общества любит. слов., наукъ. и худож. 7 мая 1810 г.

Но главное достоинство „Цвѣтника“ заключалось въ его критическомъ отдѣлѣ. Редакція усердно слѣдила за литературою и заносила на страницы своего журнала всякую вновь появляющуюся книгу, сколько-нибудь замѣчательную. Я уже сказалъ выше, что большинство критическихъ статей, и притомъ лучшихъ, помѣщенныхъ въ 1809 г., принадлежатъ Беницкому. Послѣ его смерти, за 1810 годъ, критическій отдѣлъ продолжалъ Никольскій совершенно въ томъ же духѣ, а въ концѣ изданія Дашковъ помѣстилъ свою замѣчательную статью противъ Шишкова, разбирая его „Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа“ („Цвѣтн.“ 1810, XI, 256—303, XII, 404—468). Но кромѣ определенныхъ статей въ критическомъ отдѣлѣ, въ „Цвѣтникѣ“ помѣщены, согласно тогдашней модѣ и требованіямъ литературнаго приличія, аллегоріи въ видѣ придуманныхъ писемъ отъ анонимныхъ корреспондентовъ, гдѣ помѣщались болѣе или менѣе остроумныя сатирическія нападки на направленіе извѣстныхъ писателей. Въ „Цвѣтникѣ“ есть очень интересная выходка такого рода въ статьѣ, подписанной Вас. Ефимовъ, подъ заглавіемъ „Мысли и замѣчанія пустытника“ (1810, VI, 334—351). По поводу полеми-

ки, возникшей между „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Аглаей“, издаваемой Кн. Шаликовымъ, авторъ рассказываетъ слѣдующій сонъ: „Мнѣ показалось, что я стою на пространномъ полѣ, подлѣ котораго находилось необозримое черное болото. Въ этомъ болотѣ сидѣло множество людей; иной по уши, другой по шею, у третьяго чуть видна была маковка; всѣ они были въ грязи выше груди, такъ что не могли дѣйствовать руками. Нѣкоторые изъ нихъ немного поднимались, другіе опускались. Вдругъ возвысился одинъ изъ средины ихъ съ величайшимъ усиліемъ, и потомъ вышелъ на сухое мѣсто (*Карамзинъ*); солнечные лучи вскорѣ осушили его платье, и онъ началъ вытаскивать изъ грязи прочихъ; тысячи поднимались вверхъ одинъ за другимъ; изъ болота выглянули миллионы головъ, которыя до тѣхъ поръ вовсе не были видны. Всѣ поднимавшіеся изъ грязи бросались на колѣна передъ тѣмъ, который первый подалъ въ томъ примѣръ и помогалъ имъ; всѣ радовались лучамъ благодѣтельнаго солнца, какъ вдругъ одинъ изъ тѣхъ, которые были суше всѣхъ прочихъ, стремглавъ бросился въ болото, увязъ въ грязь, такъ, что виденъ былъ лишь воротникъ его зеленого кафтана (*С. Н. Глинка и зеленая обертка Русскаго Вѣстника*) и закричалъ: что вы, друзья, нашли хорошаго въ солнцѣ? оно только что палитъ васъ; возвратитесь опять въ болото; здѣсь прохладно и спокойно! то-то раздолье! Всѣ смотрѣли на чужака, но никто за нимъ не слѣдовалъ. Одинъ изъ осушенныхъ, на которомъ цвѣтъ кафтана отъ сильнаго зноя изъ краснаго сдѣлался желтымъ (*Кн. Шаликовъ и обертка Аллаи*), подошелъ къ краю болота, вздохнулъ, заплакалъ и началъ увѣщевать любящихъ грязь выйти изъ болота. Увязшій кричалъ безъ умолку, а что, того право я не могъ разобрать. Между тѣмъ чувствительный защитникъ *любезнаго* солнца плакалъ и увѣрялъ, что еслибы противникъ не сидѣлъ въ грязи, то онъ прижалъ бы его къ своему сердцу“ (стр. 357—359). На это отвѣчалъ Глинка, но очень слабо.

„Петербургскій Вѣстникъ“ издавался Обществомъ любителей словесности, наукъ и художествъ и служилъ какъ бы продолженіемъ журнала того же наименованія, издававшагося съ 1778 по 1-е іюля 1781 года. „Вѣстникъ“ выходилъ съ 1 января по октябрь 1812 года. Главнымъ редакторомъ этого журнала былъ Измайловъ, но душою его былъ Дашковъ, которому Общество, какъ мы видѣли, обязано было своимъ пробужденіемъ. Въ самомъ началѣ журнала,

Дашковъ помѣстилъ статью „Нѣчто о журналахъ“, объясняющую взглядъ его на журнальное дѣло, замѣчательно правильный и оригинальный для своего времени—статью, вмѣстѣ съ тѣмъ служащую программю журналу. Вотъ нѣсколько отрывочныхъ мыслей изъ этой статьи: „У насъ такъ мало хорошихъ литературныхъ журналовъ, что всякое подобное изданіе будетъ успѣшно, если только займутся имъ люди свѣдущіе и безпристрастные. Польза хорошаго журнала очевидна. Словесность наша не совсѣмъ еще образовалась, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ; молодые наши писатели не имѣютъ еще довольно образцовъ передъ собою, не знаютъ чего избѣгать имъ должно и чему слѣдовать. Одни съ необузданнымъ упорствомъ пренебрегаютъ чтеніемъ хорошихъ иностранныхъ книгъ, изъ которыхъ научились бы они познавать недостатки предшественниковъ своихъ и которыя могли бы отчасти замѣнить имъ драгоценную опытность, приобретаемую лѣтами. Другіе, прилѣпясь единственно къ иностранцамъ, не читаютъ ничего русскаго и потому не умѣютъ писать на своемъ языкѣ. Обѣ сіи крайности весьма опасны, часто и для опытныхъ людей. Долгъ журналиста есть показать юношеству средину между сими заблужденіями, и ободрять молодыхъ подвижниковъ на славномъ, но скользкомъ ихъ поприщѣ, по мѣрѣ ихъ дарованій. Все можетъ входить въ составъ такого журнала: словесность, извѣстія о важныхъ открытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ и проч.; но *главною* целью онаго должна быть критика. Издатель знакомитъ читателей своихъ съ новѣйшими произведеніями отечественной словесности (а иногда разбираетъ и старыя, когда почтетъ ихъ особенно достойными вниманія), показываетъ ихъ красоты и недостатки, сравниваетъ и т. п. Судь его долженъ всегда быть умѣренъ и безпристрастенъ. Смѣло и съ удовольствіемъ хвалитъ онъ, что есть хорошаго въ посредственныхъ писателяхъ,—смѣло, но съ прискорбіемъ и уваженіемъ замѣчаетъ недостатки въ извѣстныхъ. Онъ никого не оскорбляетъ язвительными словами или презрѣніемъ и весьма осторожно употребляетъ опасное оружіе насмѣшки; но ничто не удерживаетъ истиннаго литератора возставать противъ злоупотребленій и расколовъ, вводимыхъ въ языкъ нашъ“... Метафизика и философія претерпѣли столько перемѣнъ въ теченіе пропедшаго вѣка, и злоупотребленіе сихъ наукъ произвело столько бѣдствій, что разсуждать о нихъ должно съ величайшей осторожностью. Ужасныя про-

исшествія, недавно возмутившія спокойствіе Европы, довольно показали, сколь пагубны могутъ быть вліянія новизны въ философіи и политикѣ, когда необузданное властолюбіе и другія страсти обратятъ ихъ въ свою пользу. Итакъ, журналистъ, разсматривая сочиненія сего рода, долженъ удалаться отъ всякихъ излишнихъ сужденій и, предложивъ вкратцѣ основанія книги, хвалить или осуждать оную по мѣрѣ пользы или вреда, который она обществу благоустройству принести можетъ... Народныя наши пѣсни заслуживаютъ вниманія журналиста, и онъ могъ бы оказать великую услугу словесности, выбравъ и разсмотрѣвъ лучшія изъ нихъ: свойства ихъ вообще суть нѣжность въ выраженіи чувствъ и пріятное уныніе, а въ иныхъ примѣтенъ даже стихотворческій духъ, хотя весьма необразованный“.

Стихотворный отдѣлъ „Петербургскаго Вѣстника“ заключалъ въ себѣ произведенія В. Пушкина, А. Пушкина (*), Востокова, Милонова, А. Измайлова, Батюшкова и Гнѣдича; изъ менѣе извѣстныхъ—Политковскаго, Остолопова, Карабанова и гр. Сергѣя Салтыкова и изъ числа редакторовъ—Никольскаго и Н. Ѳедорова. Измайловъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ оставилъ уже бездѣлье и началъ помѣщать свои басни, давшія ему, по преимуществу, его литературную извѣстность. Въ стихотворномъ отдѣлѣ помѣщена неизвѣстная до сихъ поръ эпиграмма Греча съ подписью К. на Шишкова (I, 182).

Весь свѣтъ ружья упрекаетъ,
Что онъ грамматикѣ не знаетъ:
Молчите! онъ ее пройдетъ,
Когда славянское ей имя приберетъ.

Б.

Прозаическій отдѣлъ, какъ оригинальной, такъ и переводной изящной словесности очень бѣденъ и незначителенъ. Изъ переводовъ помѣщены между прочимъ: отрывокъ прозою изъ Шекспировой трагедіи „Троилъ“, съ перевода Летуэрера, Гнѣдича и три отрывка изъ Тита Ливія, переводъ Б. Гюраздо важнѣе статьи научнаго содержанія, какъ переводныя, такъ и оригинальныя. Къ первымъ относятся: „Вліяніе крестовыхъ походовъ на просвѣщеніе Европы“, изъ книги Герена „Versuch einer Entwicklung der Folgen der Creuzzuge für Europa“, пер. Греча; „Исторія должна быть училищемъ нравственности и политики“— „Изъ историческихъ

уроковъ Кондильяка принцу Пармскому“, пер. Н. Ѳедорова—статья возбудившая ожесточенное опроверженіе въ „Другѣ Юношества“, издававшемся Невзоровымъ—и другой отрывокъ (первый въ „Цвѣтникѣ“) изъ соч. Шиллера „Разсужденія о высокомъ“, пер. Востокова. Изъ оригинальныхъ статей помѣщены: „Опытъ о русскомъ стихосложеніи“, изданный потомъ отдѣльно, Востокова; „Отрывки изъ словаря древней и новой поэзіи“, изданнаго, по порученію Общества, Н. Остолоповымъ: „Объ элегіи и комедіи“; двѣ статьи о „Синонимахъ“, Княжевича; „Историческое изслѣдованіе о войнахъ Святослава съ Греками“, Н. Брусилова; „Краткое замѣчаніе о Заволоцкой Чудѣ“, А. Флерова (58). Главную роль въ журналѣ, согласно программѣ, высказанной Дашковымъ, занимала *критика*. Ни одинъ изъ предыдущихъ журналовъ не отводилъ ей столько мѣста и рѣдко критическія статьи были настолько серьезны и дѣльны, какъ всѣ здѣсь помѣщенные. Случай дозволилъ мнѣ открыть всѣхъ сотрудниковъ, участвовавшихъ въ этомъ отдѣлѣ. На переплетныхъ страницахъ экземпляра „Сѣвернаго Вѣстника“ (ч. 1) въ Московскомъ публичномъ музеѣ я нашелъ разъясненіе всѣхъ участниковъ этого журнала, не подписывавшихъ своего имени; разъясненіе это, по видимому, записано на основаніи устнаго сообщенія лица знающаго, такъ какъ противъ одной подписи буквою Х означено: *не помнить*. Лица, принимавшія участіе въ критическомъ отдѣлѣ, были: Никольскій, Дашковъ, Гречъ, написавшій большую часть критическихъ статей и подписывавшійся разными буквами (Г, Т, Ж, Х, Р), Востоковъ, Княжевичъ и Ѳедоровъ. Разборъ сочиненія Шишкова „Прибавленія къ разговорамъ о словесности или возраженіе противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу“, С.-Пб. 1812 г.—приписывается Никольскому, что и должно быть справедливо, такъ какъ Дашковъ на это возраженіе Шишкова отвѣчалъ отдѣльною брошюрою. Чтобы познакомить читателей съ направлениемъ критики въ „Петербургскомъ Вѣстникѣ“, мы сдѣлаемъ нѣсколько указаній. Вотъ отзывы о романистахъ, бывшихъ тогда преимущественно въ модѣ. „Лафонтенъ могъ бы сравняться съ лучшими романистами, еслибы писалъ менѣе. Чрезмѣрная его плодовитость вредитъ успѣхамъ и совершенству трудовъ его. Въ новыхъ его сочиненіяхъ находимъ безпрестанно повтореніе старыхъ; вездѣ одно и то же рассказывается иногда одними и тѣми же словами; характеры однообразны и потому не занимательны“.

По поводу перевода романа г-жи Радклифъ „Тайнства черной башни“, критикъ (Никольскій) говоритъ: „Романъ г-жи Радклифъ, Тайнства башни, да еще и черной! (воскликнуть охотники до сего рода романовъ, который въ газетныхъ объявленіяхъ книгопродавцы называютъ ужаснымъ), какъ это хорошо! Тутъ вѣрно есть разбойники, убійства, темницы, подземелья, мертвецы, черти! Все это, мм. гг., все это есть въ „Тайнствахъ черной башни“; недостаетъ только бездѣлицы, которой, впрочемъ, и не ищутъ никогда въ безсмертныхъ твореніяхъ г-жи Радклифъ и г. Дюкре-Дюмениля, сущей бездѣлицы: здраваго смысла, пріятнаго слога, хорошихъ мыслей и связи въ происшествіяхъ; это такія маловажныя достоинства въ романѣ, что ихъ одинъ разбойникъ,—а ужъ о мертвецѣ и говорить нечего,—совершенно замѣнить можетъ“. По поводу появленія сочиненія Эккартсгаузена „О фосфорной кислотѣ, какъ вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости“, въ переводѣ Лабзина, критикъ, скрывшій свое имя подъ цифрами 981, говоритъ: „Нѣсколько лѣтъ уже извѣстно въ словесности нашей имя нѣмецкаго писателя Эккартсгаузена по переводамъ многихъ его сочиненій, и, несмотря на то, что сей писатель въ Германіи никогда не имѣлъ имени истинно ученаго писателя, и что бѣольшая часть его твореній сколько темна и непонятна, столько же и бесполезна, если не вредна, у насъ, къ сожалѣнію, доселѣ отъ многихъ почитается онъ настоящимъ оракуломъ просвѣщенія“. При этомъ сообщается интересный фактъ, что въ то время за сочиненіе Эккартсгаузена „Ключъ къ тайнствамъ природы“ платили по 100 рублей. Критика эта написана очень дѣльно; авторъ шагъ за шагомъ разбираетъ положенія, высказанныя Эккартсгаузенемъ, и съ полною очевидностью доказываетъ, насколько они наполнены грубыми ошибками и противорѣчатъ настоящему состоянію химіи; достается и переводчику за невѣрность употребляемыхъ имъ научныхъ терминовъ. Мы уже видѣли, что эта рецензія вызвала обширную отвѣтную статью въ „Другѣ Юношества“ Невзорова, но отвѣтъ ограничивался пустымъ словопрепирательствомъ и нисколько не ослабилъ силы возраженій противъ Эккартсгаузена, приведенныхъ въ статьѣ „Петербургскаго Вѣстника“. Разборъ книги проф. Велланскаго „Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ“ написалъ Н. Оедоровъ. Послѣ довольно подробнаго извлеченія всѣхъ туманныхъ объясненій автора, критикъ приходитъ

въ такому заключенію: „Мы посовѣтуемъ молодымъ людямъ, обыкновенно плѣняющимся умозрѣніями, никогда и ни для кого не отвергать правилъ здравой логики, всегда помнить способъ приобрѣтенія познаній, чтобы умѣть отличить правильное умозрѣніе отъ пустыхъ мечтаній. Посовѣтуемъ имъ читать и знать исторію наукъ, особливо исторію философіи. Тамъ увидятъ онѣ, что умозрительная философія не въ первый уже разъ является на земномъ шарѣ, что науки и самыя художества,—сколько онѣ получили отъ наукъ,—обязаны нынѣшнимъ состояніемъ ихъ *способу опыта*. Какая разница между временами предшествовавшими и послѣдовавшими Бэвону. Предположенія, пустыя умозрѣнія, вода умъ человѣческій чрезъ нѣсколько вѣковъ отъ однихъ заблужденій къ другимъ, не привели его ни въ одной истинѣ до самыхъ временъ сего великаго преобразователя философіи. Онѣ, если принесли какую пользу, то развѣ только ту, что умъ человѣческій, предавшись имъ, узналъ, кажется, всѣ пути заблужденія. Это—несчастливая дань, какъ говоритъ одинъ философъ, которую предки наши невольно платили за драгоценную истину. Мы счастливы, что живемъ не въ тѣ времена! Зачѣмъ же добровольно подвергаться сей дани!“ Изъ рецензій Греча самая замѣчательная—„Грамматика Таппе, учителя въ Петропавловской лютеранской школѣ“ („*Neue theoretisch-practische Russische Sprachlehre für deutsche*“, von D-r A. W. Tappe, 2 auf., P. und Riga 1812), одного изъ лучшихъ руководствъ для иностранцевъ, гдѣ Гречь изложилъ исторію русской грамматики.

Къ сожалѣнію, журналъ прекратился, просуществовавши всего девять мѣсяцевъ: виною тому была тревожная эпоха, въ которую онъ родился. Конецъ 12-го года былъ слишкомъ тяжелъ, чтобы думать о журналахъ.

Наконецъ, послѣднимъ крупнымъ фактомъ въ русской журналистикѣ въ 1812 г. было появленіе съ октября мѣсяца „Сына Отечества“ подъ редакціей Н. И. Греча (1787—1867 г.). Минихъ опредѣлилъ въ 1738 г. вызваннаго Бирономъ и служившаго у него магистра философіи Иоганна Эрнста Греча, дѣда Н. И. Греча, профессоромъ исторіи правоученія и такъ-называемыхъ *humaniorum* при устройствѣ верхнихъ классовъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, называвшихся тогда рыцарскою академіею. Самъ Н. И. Гречь получилъ образованіе въ юнкерской школѣ, учрежденной 14 января 1797 г., для образованія чиновниковъ, предназначавшихся на стат-

скую службу; а затѣмъ поступилъ слушателемъ въ Педагогическій институтъ, открытый 16 апрѣля 1804 года. На литературное поприще Гречъ выступилъ въ 1805 г. сотрудникомъ „Журнала для пользы и удовольствія“, въ качествѣ переводчика и послалъ въ то время двѣ статьи о синонимахъ въ „Журналъ русской словесности“, издававшийся Брусиловымъ. Затѣмъ, какъ мы видѣли, Гречъ былъ членомъ Петербургскаго Общества любителей наукъ и художествъ и также сотрудникомъ издававшагося имъ журнала „С.-Петербургскій Вѣстникъ“. Въ эту пору, несмотря на важность переживаемой эпохи, политическіе журналы и даже политическія статьи въ газетахъ были запрещены и публика узнавала новости только изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и „Сѣверной Почты“, сдѣлавшихся въ то время единственнымъ чтеніемъ. Но это были газеты официальные; тревожные слухи безповоили общество — и не находили ни опроверженія, ни объясненія; охватившее все общество патриотическое чувство просилось наружу и не находило себѣ нигдѣ мѣста. Потребность журнала, удовлетворяющаго общему любопытству и патриотизму, чувствовалась какъ нельзя болѣе въ обществѣ. Случай помогъ взяться за это дѣло Гречу, въ то время бывшему учителемъ русскаго языка въ Петровской нѣмецкой школѣ. Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ, въ эпоху борьбы Германіи съ Наполеономъ, тамъ, какъ извѣстно, возбудилось національное движеніе противъ французовъ, во главѣ котораго стояли Блюхеръ, Шарнгорстъ, Гнейзенау, Грюнеръ и др., къ нимъ примкнулъ Арндтъ (1769—1860 г.), издавшій извѣстное свое сочиненіе „Духъ времени“ (Geist der Zeit, 1 ч. въ Альтанѣ 1806 г., 2 ч. въ Лондонѣ, въ 1809 г.), гдѣ опъ изложилъ вѣрное и страстное обличеніе властолюбивой политики Наполеона, совершенно оправдавшаея послѣдствіями. Не безопасный въ Германіи Арндтъ въ 1812 году пріѣхалъ въ Петербургъ къ Штейну, который сдѣлалъ его своимъ секретаремъ по дѣламъ нѣмецкаго легіона и ввелъ во многіе дома петербургской знати, гдѣ самъ Штейнъ вращался. Здѣсь Арндтъ написалъ по-нѣмецки сочиненіе „Гласъ истины“, гдѣ излагалось плачевное состояніе Европы, а русскіе поощрялись къ борьбѣ предсказаніемъ успѣха и скорого всеобщаго возбужденія. Понятно, что въ высшемъ кругу желали перевести и распространить это воззваніе. Тогдашній попечитель Петербургскаго округа Уваровъ искалъ переводчика, и рукописный списокъ сочиненія съ этою цѣлью передалъ

Гречу директоръ гимназій и училищъ С.-Петербургской губерніи Тимковскій. Въ разговорѣ съ Тимковскимъ и Гречемъ, лично доставившимъ Уварову поправившійся ему переводъ, послѣдній заговорилъ о журналѣ; а Тимковскій указалъ на Греча, какъ на подходящаго человѣка. Гречь, уже испытавшій себя въ журнальной работѣ, не отказался, тутъ же въ кабинетѣ Уварова написалъ программу, и журналъ окрещенъ былъ названіемъ „Сынъ Отечества“. Журналъ до такой степени былъ насущною потребностью, что Государь, по докладу о томъ министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго, заинтересовался и пожелалъ немедленнаго исполненія,—вслѣдствіе чего журналъ началъ выходить съ октября мѣсяца, не дожидаясь начала новаго года. Цѣль журнала опредѣлена была свыше: онъ предназначался „для помѣщенія реляцій и частныхъ извѣстій изъ арміи, для опроверженія вредныхъ толковъ насчетъ хода происшествій, для сосредоточенія патріотическихъ мнѣній“. Поэтому Гречь съ перваго разу не былъ самостоятельнымъ редакторомъ, а подъ наблюденіемъ Уварова и Оленина, принимавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельное участіе въ редакціи.

Уваровъ въ третьей книжкѣ помѣстилъ статью „Письмо изъ Тамбова“, гдѣ предрекалось сооруженіе колонны во славу Государя съ надписью „Александру I-му, по взятіи Москвы не отчаявшемуся, благодарная Россія“; кромѣ того, въ другой книжкѣ буквами „Ув“ подписанъ цѣлый отдѣлъ смѣси, гдѣ помѣщались разныя извѣстія, относившіяся къ отечественной войнѣ. Оленинъ доставлялъ матеріалы для журнала. Съ перваго же раза примкнулъ къ журналу еще нѣмецкій патріотъ, ненавидѣвшій Наполеона, Коцебу, который еще прежде издавалъ враждебные ему журналы (*die Biene*, 1808—1814, *die Grille*, въ Кенигсбергѣ, 1810—1812), а впослѣдствіи, явившись въ Россію въ главную квартиру, сталъ издавать на нѣмецкомъ языкѣ русско-нѣмецкій народный листокъ. Замѣчательно, что оба патріотическіе журнала—и „Русскій Вѣстникъ“, и „Сынъ Отечества“—начали издаваться въ долгъ, въ счетъ будущихъ благъ, и не обманули своихъ кредиторовъ; Гречь, также какъ и Глинка, пріобрѣлъ безъ денегъ и бумагу, и типографію. За два дня до выхода первой книжки Государь, по ходатайству Оленина, пожаловалъ Гречу на первые расходы по изданію тысячу рублей. Но такъ какъ, пользуясь своимъ положеніемъ, „Сынъ Отечества“ скорѣе всѣхъ другихъ журналовъ получалъ изъ глав-

ной квартиры всѣ реляціи и извѣстія о войнѣ, то на первыхъ же порахъ журналъ началъ расходиться быстро. Популярность удержалась за нимъ и впослѣдствіи, когда война прекратилась и программа журнала измѣнилась. Гречъ самъ засвидѣтельствовалъ, что журналъ его имѣлъ успѣхъ дотолѣ небывалый, который долженъ быть вполнѣ приличенъ тогдашнимъ обстоятельствамъ. „Сынъ Отечества“ былъ первымъ изъ журналовъ (если исключить „Вѣстникъ Европы“), которые издателю своему приносятъ не убыль, а доходъ, которые даютъ ему возможность посвящать себя всего избранному имъ дѣлу“ („Чтенія о русск. языкѣ“ ч. 2 стр., 391—393). Гречъ, при изданіи „Сына Отечества“, задался программой служить „вѣрнымъ зеркаломъ современныхъ происшествій, отголоскомъ мыслей и чувствованій преданнаго Богу и Государю русскаго народа, и,—признаемся въ слабости,—льстилисъ надеждою придать журналу сему свойство *народнаго вѣстника русскаго*, который занимается иноземнымъ единственно въ отношеніи къ настоящему положенію нашего отечества“ (1813, № LI, 246). И дѣйствительно, въ первые три года, до 1815 года, журналъ исключительно посвященъ былъ описанію великой народной войны; всѣ его отдѣлы были заняты статьями и извѣстіями, имѣющими къ ней непосредственное отношеніе; даже стихотворенія помѣщались исключительно патріотическія и написанныя на выдающіяся событія того времени: смерть Кутузова, отъѣздъ Императрицы и великихъ князей за границу, взятіе Парижа, битвы и побѣды союзниковъ и т. п. На каждое изъ этихъ событій отъликались всѣ тогдашніе поэты—и извѣстные, и малоизвѣстные, и совершенно незнакомые (см. приложение IV). Въ самомъ началѣ помѣщенъ переводъ статьи Аридта „Гласъ истинны“, подавшій поводъ къ открытію журнала и предварительно напечатанный Гречемъ отдѣльно. Затѣмъ главную часть составляютъ переводы съ англійскаго и испанскаго, гдѣ излагается характеристика Наполеона и его политики и событія изъ народной войны въ Испаніи, такъ похожей на нашу и временно породившей оба народа чувствомъ вражды къ общему врагу. Въ оригинальныхъ патріотическихъ статьяхъ приняли участіе извѣстный профессоръ А. Куницынъ, Струговщиковъ и др. Не нужно прибавлять, что отношенія къ Наполеону въ то время запечатлѣны были глубокою ненавистью, не скупившеюся на выраженія. Вотъ образчикъ изъ статьи Струговщикова, какъ въ то время от-

носились въ виновнику московскаго пожара. „Есть преступленія, превышающія всякое вѣроятіе, возмущающія природу, совершаемыя съ обдуманнѣмъ хладнокровіемъ и жадностью: таковы злодѣянія врага нашего, врага всего священнаго, чуждаго законѣвъ чести, не уважающаго святости союзовъ, непреклоннаго и неумолимаго, полагающаго славою гнуснѣйшую неблагодарность, дышащаго мщеніемъ, лютаго подобно тигру, лицемѣриемъ равнаго гіенѣ“ (1812, №7, стр. 3). Въ отдѣлѣ „Новостей“ Гречъ помѣщалъ всѣ текущія событія политическія и военныя и съ 28 апрѣля 1813 г., для удовлетворенія общаго любопытства, сталъ выпускать ихъ въ видѣ особыхъ „прибавленій“, высылавшихся подписчикамъ отдѣльно, до выхода въ свѣтъ книжекъ журнала (появившихся еже-недѣльно), такъ что журналъ занималъ мѣсто газеты и притомъ сообщалъ текущія извѣстія съ большею подробностью и обстоятельностью. Въ отдѣлѣ смѣси собирались всѣ возможные рассказы о подвигахъ нашихъ войскъ и отдѣльныхъ лицъ, о стычкахъ жителей съ французами во время отступленія, о дѣйствіяхъ Наполеона и его бюллетеняхъ, о французскихъ извѣстіяхъ и пр. (см. прибавленіе IV). Только съ 1815 года, послѣ перваго замиренія Европы, журналъ расширилъ свою программу, допуская статьи, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ войнѣ. Программа его, съ небольшими измѣненіями удержавшаяся во все время завѣдыванія имъ Греча (до 1839 г., когда журналъ поступилъ въ хозяйственное завѣдываніе книгопродавца Смирдина), обнимала слѣдующіе отдѣлы: 1) современная исторія и политика Европы; 2) русская древняя и новая исторія; 3) русская литература: бібліографія, критическія статьи, разсужденіе о русскомъ языкѣ и литературѣ, духовное и свѣтское краснорѣчіе, небольшія стихотворенія; 4) науки, художества и ремесла; 5) смѣсь: разныя извѣстія и замѣчанія о народныхъ нашихъ обычаяхъ, добродѣтеляхъ и (немногихъ) недостаткахъ, примѣры для подражанія, Петербургскія замѣтки и проч. Такимъ образомъ съ 1815 года „Сынъ Отечества“ вошелъ въ общую колею нашей журналистики и послужилъ съ внѣшней стороны образцомъ, котораго до сихъ поръ придерживаются наши толстые журналы. Въ самомъ дѣлѣ, для внѣшней стороны Гречъ сдѣлалъ очень много: онъ возобновилъ въ журналѣ особый и постоянный политическій отдѣлъ, вышедшій изъ употребленія послѣ Карамзинскаго „Вѣстника Европы“ и впоследствии подвергшійся запрещенію; онъ напе-

чаталъ въ 1815 году „Обозрѣніе русской литературы“ за 1814 г., первоначально написанное по просьбѣ Оленина для прочтенія въ годичномъ публичномъ засѣданіи академіи художествъ, и съ тѣхъ поръ ежегодно началъ помѣщать подобныя обозрѣнія, сдѣлавшіяся въ послѣдствіи необходимою статьею журналовъ и, въ особенности, альманаховъ; онъ первый по вызову какого-то господина М. Р. М. Н. ввелъ въ 1814 году въ моду „Смотръ журналовъ“, подъ которымъ разумѣлось критическое обозрѣніе ихъ содержанія,—обычай, также вошедшій въ общее употребленіе. Въ послѣдствіи, когда программа измѣнилась, и журналъ получилъ литературное значеніе, стихотворный отдѣлъ значительно поднялся, помѣщая лучшія произведенія самыхъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ. Такъ уже въ 1815 году Жуковскій помѣстилъ свой переводъ изъ Клопшто-ва „Аббадона“, Крыловъ и Измайловъ—многія изъ лучшихъ своихъ басенъ, Гвѣдичъ—XI пѣснь изъ перевода „Иліады“ Гомера. Въ томъ же году приняли участіе въ „Сынѣ Отечества“ члены Общества Л. С. Н. и Х., старые товарищи Греча по „Петербургскому Вѣстнику“, Дашковъ (статья его къ „Новому Аристарху“, о которой мы говорили), Никольскій (подписанъ отвѣтъ его отставному актеру) и Ѳедоровъ (стихотворенія). Но сотрудничество ихъ скоро прекратилось: въ 1816 году Никольскій умеръ, а Дашковъ вступилъ на дипломатическое поприще и уѣхалъ за границу. Въ 1815 году Гречъ перепечаталъ статьи свои изъ журнала, относящіяся къ войнѣ, подъ именемъ: „Собраніе сочиненій и переводовъ“, изданныхъ въ теченіе 1812, 13 и 14 годовъ.

Изъ представленнаго мною обзора русской журналистики, начинающаго съ XVIII столѣтія видно отношеніе петербургской журналистики къ московской. Новое направленіе литературы, заявившее себя преимущественно въ журналахъ, началось въ Москвѣ Новиковымъ и Карамзинымъ, изъ которыхъ послѣдняго слѣдуетъ признать отцомъ нашей журналистики въ томъ видѣ, какъ она удержалась до сихъ поръ, т.-е. въ смыслѣ Сборника, не ограничивающагося одной изящною литературой (беллетристикой), но и по возможности отвѣчающаго на текущіе вопросы вѣшной и внутренней общественной жизни. Новое журнальное направленіе изъ Москвы въ Петербургъ было занесено, большею частью, лицами, получившими образованіе въ Москвѣ и здѣсь начавшими свою литературную дѣятельность. Центръ защиты этого направле-

ніа противъ реакціи Шишкова и старой литературной партіи сосредоточень былъ также въ Москвѣ: самъ Шишковъ на него указываетъ въ лицѣ „Вѣстника Европы“ и „Меркурія“. Арзамасское Общество собиралось попеременно въ Москвѣ и Петербургѣ, но учредители его были москвичи по своему образованію, и въ Москвѣ принадлежало большинство его членовъ. Петербургскіе журналы возникали съ помощью отъ правительства: мы уже сказали, что Мартыновъ и Гречъ получали пособія на свои изданія. Что же касается вообще характера русской журналистики до 1812 г., то въ концѣ этой эпохи она стала на свои ноги и дальнѣйшій путь ея былъ указанъ. Въ лицѣ „Русскаго Вѣстника“ и „Сына Отечества“ проявилось *національное направленіе*: издатели уже поняли, что назначеніе журнала не есть исключительно переводное, въ смыслѣ ознакомленія читающей публики съ западною литературою, но примѣненіе западной культуры къ русской жизни и посильная разработка вопросовъ, заданныхъ ею самой. „Московский Меркурій“, „Цвѣтникъ“ и „С.-Петербургскій Вѣстникъ“, гдѣ выступили на поприще лица даровитыя и обладавшія критическимъ тактомъ: П. Макаровъ, Беницкій и Никольскій,—подняли значеніе критики въ обществѣ и такъ-сказать предсказывали будущее, преимущественно критическое направленіе журналистики. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ литературѣ уже въ то время сказались два теченія, которыя рѣзко обособлялись и въ послѣдующую эпоху, выражая собою съ одной стороны различныя требованія самой жизни, съ другой—территориальное значеніе двухъ главныхъ средоточій журнальнаго дѣла—Москвы и Петербурга. Въ петербургской журналистикѣ, въ особенности въ дѣятельности Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, выразилось *западное направленіе*, потребность образованія и усвоенія себѣ той міровой культуры, которая выработана была историческимъ процессомъ развитія, которая для всякаго *активнаго народа* также необходима, какъ воздухъ окружающей его атмосферы. Но въ Петербургѣ, который самимъ Петромъ былъ предназначенъ служить только вспомогательнымъ клапаномъ для притока къ намъ западно-европейской культуры, культура эта являлась въ чистомъ видѣ, не усвоенная и не переработанная. Москва—городъ преданій и центръ внутренней экономической жизни—должна была принять на себя это усвоеніе, эту переработку извнѣ вос-

принятой культуры *на народных началах*. Въ этомъ состоитъ ея великая задача. Само собою разумѣется, что задача эта тогда уже высказывалась болѣе или менѣе рельефно и умѣло въ направленіи московской журналистики, не носившей исключительно того перводнаго характера, которымъ отличалась петербургская. На первыхъ порахъ это направленіе всего опредѣленнѣе выразилось въ видѣ смутнаго и бродящаго въ темнотѣ инстинкта въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, который былъ первымъ *русскимъ* журналомъ, поставившимъ себѣ цѣлью не ознакомленіе читающей публики съ образцовыми произведеніями иностранной литературы, но разработку прежнихъ и текущихъ вопросовъ собственной народной жизни.

Рядомъ съ университетомъ важное значеніе для Москвы имѣлъ *театръ*. Чтобы понять, какую роль игралъ театръ въ московской жизни, достаточно припомнить слова Бѣлинскаго. „Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т.-е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, въ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? или лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины. И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ? Не есть ли онъ исключительно самовластный властелинъ нашихъ чувствъ, готовый во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ возбуждать и волновать ихъ, какъ вздымаетъ ураганъ песчанья метели въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи“ (ч. I, стр. 96). И дѣйствительно, въ обществѣ, куда еще не успѣло проникнуть образованіе, гдѣ не привыкли читать и мало интересуются печатью, театръ представляется единственною школою, гдѣ масса публики знакомится съ классическими произведеніями иностранныхъ литературъ, гдѣ образуется ея эстетическій вкусъ, гдѣ наглядно воспринимаются потребность и интересы иной, болѣе возвышенной среды. Мы видимъ, что въ XVIII столѣтіи въ количественномъ отношеніи театральная литература у насъ имѣла огромное преобладаніе. Академія наукъ въ 1786—1794 годахъ издала „Россійскій театръ или полное собраніе всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій“ въ 43 частяхъ. Собраніе это не заключаетъ въ себѣ всѣхъ игранныхъ пьесъ, такъ какъ многія напечатанныя не вошли, а многія и вовсе не были напечатаны. Каждый изъ извѣстныхъ нашихъ писателей, болѣе или менѣе удач-

но, въ томъ или другомъ родѣ, пробовалъ свои силы на театральномъ поприщѣ; масса переводовъ стала появляться съ самаго начала. Вся театральная литература была или чисто переводная, или подражательная; это понятно, ибо другаго и быть не могло. Современный критикъ (Дашковъ) въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ говорить по этому поводу: „Стихотворцы наши брали изъ Расина и Вольтера цѣлыя явленія, цѣлыя роли и удачнымъ перенесеніемъ чужихъ красотъ на русскій языкъ обогатили оный. Однако же нужно признаться, что у насъ очень мало хорошихъ трагедій, и что *самая склонность* молодыхъ нашихъ писателей къ театру вредитъ его успѣхамъ. Корнель и Расинъ не спѣша принимались за трагедіи, сперва выучились основательно своему языку и затвердили всѣ правила драматическаго искусства; они дѣйствовали болѣе воображеніемъ, нежели памятью, и не хватали по нѣскольку стиховъ изъ разныхъ писателей; наконецъ, прекрасную трагедію перевести хорошо почти также трудно, какъ и сочинить самому.“ Тѣмъ не менѣе, въ культурномъ отношеніи, въ высшей степени интересно подробно и обстоятельно прослѣдить, что давалъ театръ современной публикѣ. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ пока еще мало разработанъ.

Вообще говоря, потребность воспроизведенія людскихъ отношеній между собою и къ окружающей природѣ,—потребность представленій, зрѣлищъ, театра,—есть фізіологическая потребность во всемъ человѣчествѣ: стоитъ только припомнить различныя явленія этой потребности у дикихъ народовъ, стоящихъ на самой низшей ступени развитія, и дѣтскія игры, какъ скоро способность наблюдательности настолько усовершенствовалась, что даетъ дѣтямъ достаточный матеріалъ для осмысленной забавы. Потребность эта, выражавшаяся у всѣхъ народовъ различными обрядами, при чествованіи особенно поразившихъ воображеніе явленій природы и исполненіи самыхъ торжественныхъ случаевъ обыденной жизни, какъ бракъ, погребеніе, пора возмужалости и т. п., получила широкое значеніе въ жизни славянскаго племени, одареннаго отъ природы живою фантазіей и сильною воспримчивостью. При этомъ, по замѣчанію профессора Веселовскаго, въ самомъ характерѣ славянина какъ бы лежитъ предрасположеніе къ драмѣ: онъ всюду любитъ придавать драматическую форму своему разговору, пѣснѣ и т. д.; чешскія духовныя пѣсни имѣютъ доселѣ драматическій оттѣнокъ, и по сю пору въ русской раскольничьей литературѣ от-

части сказывается подобное же стремление; не говоримъ уже о южныхъ славянахъ, живая, огненная природа коихъ, согрѣтая благодатью южнаго климата, развила и въ пѣснѣ, и въ разговорѣ живое, взволнованное и почти драматическое движеніе (Старинный театр, стр. 213). Проникавшая весь бытъ племени въ періодъ поэтическаго и свободнаго строя первобытной культуры и получившая религіозную окраску въ языческомъ вѣрованіи,—эта исполненная драматизма обрядность постоянно и усиленно подавлялась распространеніемъ христіанства, усиленіемъ борьбы экономической и политической, неразлучной съ окончательною осѣдлостью народа и чужеземнымъ вліяніемъ, въ той или другой формѣ отразившимся у различныхъ племенъ. Чѣмъ дальше мы удаляемся отъ современности, тѣмъ переживаніе этой старинной обрядности рельефнѣе и живѣе въ народномъ сознаніи; но передъ напоромъ противныхъ ему вліяній оно все болѣе и болѣе отступаетъ въ самые отдаленныя захолустья и въ низшіе слои населенія, гдѣ эти противныя вліянія сказываются всего слабѣе. Въ настоящее время слѣды этой обрядности сохранились у славянъ только въ свадебныхъ обрядахъ, нѣкоторыхъ праздникахъ, сохранившихся отъ временъ язычества, и въ народныхъ играхъ, представляющихъ много общаго у различныхъ славянскихъ народностей. Въ сочиненіи профессора Веселовскаго („Старинный театр въ Европѣ“) собраны современные остатки этого переживанія у славянскихъ народовъ, и указано присутствіе въ нихъ драматическаго элемента, какъ первоначальнаго зародыша для развитія народнаго театра, народной драмы и комедіи. Отъ этого переживанія особенно сильно и повсемѣстно сохранился въ Россіи обычай переряживанія во время Рождества и Масляницы, соединенный съ импровизованнымъ представленіемъ различныхъ бытовыхъ или историческихъ сценъ. Нѣтъ русскаго города или русской деревни, гдѣ бы ряженые не ходили изъ дома въ домъ во время этихъ праздниковъ. Эти старинныя народные маскарады были первымъ проявленіемъ народнаго театра и поэтому, въ то время, когда жизнь пересоздавалась по европейскому образцу, Петръ Великій преимущественно остановился на маскарадахъ, какъ на увеселеніи болѣе знакомомъ и близкомъ къ стариннымъ нашимъ нравамъ. По той же причинѣ на первыхъ порахъ собственно театральное представленіе и публичный маскарадъ у насъ существовали нераздѣльно, такъ что театральные ма-

скарады у насъ появились издавна, какъ мѣстный обычай. Когда представленіе итальянскихъ оперъ въ Москвѣ у Локателли не пришло и театръ оставался пустымъ,—Локателли обратился къ театральнымъ маскарадамъ и нѣкоторое время этимъ привлекалъ къ себѣ публику. При этомъ замѣчательно, что уже впоследствии, когда раздѣленіе сословій рѣзко обозначилось, между прочимъ, и въ культурномъ отношеніи, обрядное переживаніе и тогда напоминало имъ старинное объединеніе. Во всякой помѣщичьей усадьбѣ на Рождествѣ и Масляницѣ раженые дворовые являлись къ господамъ, давали свои народныя представленія и получали угощеніе; толпы семинаристовъ, мастеровыхъ и солдатъ въ городахъ бродили изъ дома въ домъ и принимались въ самыхъ лучшихъ домахъ. Я еще помню живо изъ временъ моего дѣтства этотъ обычай въ Костромской губерніи. Обыкновенно предметомъ этихъ представленій были неизбѣжный Михайло Ивановичъ (медвѣдь съ козю), или разныя бытовыя сцены, гдѣ обыкновенно однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ являлся цыганъ, или историческія преданія, причемъ разыгрывалась сцена плаванія по Волгѣ разбойничьей шайки, пристававшей для грабежа къ богатому селу. Само собою разумѣется, что эти домашніе театры и маскарады имѣли несравненно болѣе значенія въ старинную эпоху и составляли любимую и непремѣнную забаву въ боярскихъ домахъ, наполненныхъ многочисленною и разнообразною дворнею, во главѣ которой стояли барскіе люди и барыни изъ небогатыхъ дворянъ, участвовавшіе въ господскихъ увеселеніяхъ и нарочно для этой цѣли содержавшіеся шуты и скоморохи. Забавы эти, безъ сомнѣнія, проникали и въ царскіе чертоги. Въ „Хроникѣ русскаго театра“ Носова есть очень правдоподобное извѣстіе, что на святкахъ во дворцѣ Бориса Годунова представляли Шамана въ Сибири, Кота въ сарафанѣ и Михайлу Ивановича (медвѣдя). Тамъ же передается, что еще до появленія нѣмецкаго театра, послѣ бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, бояре и боярыни, желая потѣшить новобрачныхъ, сговорились разыграть въ царской потѣшной палатѣ комедію, самими ими сочиненную, изъ связокъ въ разговорахъ съ пѣснями и плясками, которыя имъ рассказывали дѣдушки и бабушки, потѣшая ихъ въ ребячествахъ. Приведены и заглавія этихъ доморощенныхъ боярскихъ представленій: Яга Баба, Туръ, праздникъ Услава. Въ томъ же году знаменитые москов-

скіе бояре—Милославскій, Матвѣевъ, Долгорукій, Шереметевъ и др.—завели свои домашніе театры, на коихъ въ торжественные и праздничные дни сами разыгрывали комедіи, сказки, а иногда и ихъ барскіе люди и барскія барыни. У боярѣ приводятся тамъ же названія народныхъ игръ: у Матвѣева—Коляда, у Долгорукаго—Горе Богатырь. Эти боярскія представленія продолжались и при Петрѣ: такъ въ 1689 году, на третій день свадьбы царя Петра съ Евдокіей Феодоровной Лопухиной, на Потѣшномъ дворѣ боярами и боярынями представлено „Илья Муромскій богатырь и Соловей разбойникъ“. Достоверность этихъ извѣстій Носова, заподозрѣнная Веселовскимъ, восстанавливается издателемъ „Хроники“ Барсовымъ съ полной основательностью. Дѣйствительно, во времена Алексѣя Михайловича, когда знакомство высшаго боярства съ европейскими и, преимущественно, польскими обычаями совершенно уже измѣнило прежнюю простую и тихую жизнь, старинныя потѣхи могли и должны были принять болѣе грандіозные и шумные размѣры. Въ этомъ смыслѣ московскимъ боярамъ и боярынямъ легко могло придти на мысль потѣшить царя тѣми нехитрыми представленіями, которыя каждый изъ нихъ съ измалѣтства видѣлъ у себя въ домѣ. А какъ скоро такія представленія понравились при дворѣ, они сейчасъ же вошли въ моду, знатные бояре заставляли своихъ барскихъ людей и барынь разыгрывать передъ ними то, что сами они изображали передъ царемъ въ его покояхъ. Это повтореніе царскихъ театралныхъ забавъ богатымъ дворянствомъ и впоследствии составляло характеристическую черту исторіи русскаго театра. Всѣ эти народныя представленія не имѣли, конечно, никакого непосредственнаго отношенія къ позднѣйшему театру на европейскій ладъ, но они важны потому, что именно этими народными обычаями объясняется быстрое усвоеніе у насъ европейскаго театра и привязанность къ нему двора и богатаго дворянства, съ самой эпохи перваго его возникновенія въ Россіи.

Европейскій театръ прежде всего водворился въ Москвѣ изъ Польши. Въ Польшѣ, католическое духовенство и, въ особенности, иезуиты, борьбу противъ языческой обрядности, которою прикрывались проявленія древняго народнаго земскаго строя, начиная еще съ XII вѣка, повели обращеніемъ именно этой обрядности въ своеобразныя формы церковнаго богослуженія, направленныя къ распространенію католической пропаганды въ религіозномъ и политическомъ смыслѣ.

Таково происхождение церковныхъ мистерій, занесенныхъ въ Польшу и отправлявшихся при богослуженіи, съ участіемъ въ нихъ лицъ, не принадлежащихъ собственно къ церковному клиру. Само собою разумѣется, что эти мистеріи перешли и въ училища, находившіяся исключительно въ рукахъ духовенства. Впослѣдствіи, когда этотъ пріемъ сдѣлалъ уже свое дѣло, и католичество прочно водворилось въ средѣ польскаго народа, папа и высшее духовенство возстали противъ церковныхъ мистерій, какъ противъ обряда, допускавшаго въ богослуженіи ненавистную для католичества примѣсь народнаго и свѣтскаго, житейскаго; съ XV столѣтія начинается формальное запрещеніе мистерій, но, несмотря на то, онѣ просуществовали еще два вѣка и были окончательно изгнаны изъ церковнаго богослуженія только въ началѣ XVII столѣтія. Тогда мистеріи сосредоточились въ училищахъ, гдѣ онѣ, помимо цѣлей католической пропаганды, получили значеніе педагогическое, въ смыслѣ класснаго упражненія. Въ Краковской академіи, основанной въ 1557 году и послужившей образцомъ для постепенно распространившихся во всей странѣ второстепенныхъ, подчиненныхъ ей школъ, семинарій или бурсъ, молодые слушатели богословскаго факультета, подъ руководствомъ своихъ профессоровъ, принимались за сочиненія духовно-драматическихъ піесъ, въ составленіи и исполненіи которыхъ современная школьная практика видѣла важное подспорье основательному религіозному воспитанію. Въ низшихъ польскихъ школахъ духовная драма, подобно твореніямъ, возникшимъ въ позднѣйшихъ южно-русскихъ бурсахъ, отличалась перевѣсомъ свѣтскаго, житейскаго элемента. Этотъ обычай исполнять духовныя піесы семинаристами и учениками академій перенесенъ былъ, въ видѣ подражанія, въ южную Русь, и мистерія была такимъ образомъ водворена въ Россіи (Веселовскій, стр. 269 и 270). Эта духовная драма, какъ обычная рекреція семинаристовъ въ Польшѣ, ходившихъ съ переносными, миниатюрными театрами по городамъ и селамъ въ теченіе лѣтняго времени, въ XVI столѣтіи занесена была на югъ Россіи. Въ Кіевской академіи, особенно со времени преобразованія ея Петромъ Могилою, и въ соединенныхъ съ нею духовныхъ училищахъ преподаватель излагалъ по рутинному учебнику сущность теоріи поэзіи вообще и знакомилъ съ правилами духовной драмы, а къ лѣтнимъ или майскимъ вакаціямъ, получившимъ отъ того названіе маевокъ, либо самъ

приготавливалъ драматическое сочиненіе, прилагавшее къ практикѣ указанныя правила, или выбиралъ изъ готовыхъ пьесъ, русскихъ или даже польскихъ, наиболѣе соотвѣтствовавшую его цѣлямъ, давалъ ее разучивать ученикамъ и потомъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней или частныхъ школьныхъ торжествъ, исполнялъ при содѣйствіи своей молодой труппы избранную пьесу на ученическомъ театрѣ, по всей вѣроятности весьма незатѣпчивомъ по сценическому устройству. Училищное начальство и приглашенные духовныя и свѣтскія власти присутствовали при представленіи дилетантовъ бурсаковъ. Разъ представленная и разученная пьеса становилась какъ бы достояніемъ учениковъ, употреблявшихъ ее затѣмъ для своихъ личныхъ цѣлей; въ привольное украинское лѣто разбредутся они небольшими группами по селамъ и хуторамъ и, живя истыми дѣтми природы, изо дня въ день повторяютъ пьесу своего учителя у богатыхъ или зажиточныхъ поселянъ, козаковъ и сельской знати. Такимъ образомъ совершилась несомнѣнная пропаганда духовной драмы въ народѣ Украины, возбуждая вкусъ и любовь къ подобнаго рода удовольствіямъ, и въ то же время сближеніе съ народомъ облегчало возможность освобожденія драмы отъ схоластическихъ оковъ и освѣженіе ея мѣстными элементами (Веселовск., стр. 334, 336, 337). Насколько, благодаря этой популярности духовныхъ представленій на югѣ Россіи, развился тамъ въ народѣ вкусъ къ нимъ и болѣе тонкое пониманіе, мы можемъ въ данную минуту наглядно оцѣнить въ Москвѣ на представленіяхъ обѣихъ малороссійскихъ труппъ. Народно-актѣрская жилка въ бытовыхъ пьесахъ, даваемыхъ этими труппами, несравненно живѣе, нежели на нашей сценѣ, и именно это обстоятельство такъ обаятельно дѣйствуетъ на зрителей, не смотря на отсутствіе художественности въ самой обработкѣ пьесъ. Народно-актѣрская жилка, воспитанная этими ходячими бурсацкими театрами, даетъ игрѣ малороссійскихъ артистовъ ту цѣльность и естественность, которой недостаетъ нашимъ русскимъ актерамъ, воспитаннымъ личнымъ изученіемъ и наблюденіемъ, но лишеннымъ живой традиціи, безъ которой артистъ ставится въ положеніе сторонняго лица, изучающаго чуждую ему среду *motu proprio*. Въ этомъ также лежитъ отчасти объясненіе того, почему творецъ новѣйшей народной комедіи, имѣвшей такое преобладающее значеніе въ развитіи нашего драматическаго искусства—Гоголь—по происхожденію былъ малороссіянинъ.

передаетъ, что народныя польскіе комедіанты изъ Кіева въ 1665 году забрели въ Москву и увеселяли своими представленіями московское простанородіе до 1669 года. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: это подтверждаетъ только несомнѣнный фактъ, что въ эпоху Алексѣя Михайловича болѣе оживленныя сношенія съ Польшею чрезъ Кіевъ произвели замѣтное измѣненіе въ русскихъ правахъ, не ограничившись одними высшими сословіями. Преобразовательная эпоха Петра этимъ культурнымъ стремленіемъ указала другой путь и другую цѣль, но поворотъ въ народной жизни уже былъ сдѣланъ и началъ проникать даже въ низшіе слои столичнаго населенія: иначе нельзя объяснить успѣха реформъ и появленія цѣлой массы людей, въ ней приставшихъ и вынесшихъ на своихъ плечахъ вопреки консервативному отпору защитниковъ старины.

Въ Москву школьная духовная драма занесена была съ основаніемъ въ 1685 году, при царевнѣ Софіи, братьями Лихудами Словено-Греческой академіи, куда поступили всѣ ученики изъ типографской школы, основанной при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1679 году, іеромонахомъ Тимоеемъ, до 40 боярскихъ дѣтей и значительное число разночинцевъ. Это было первое учрежденіе для высшаго образованія въ Россіи, не имѣвшее вовсе профессионально-духовнаго характера: такъ, уже при императрицѣ Аннѣ, въ 1736 году, по опредѣленію сената поступило въ академію въ одинъ разъ 138 дѣтей дворянскихъ, между которыми были вн. Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Долгорузіе, Мещерскіе и другіе. Среди этого общества находились подъяческіе канцелярскіе, дяческіе, солдатскіе и конюховы дѣти. Такимъ образомъ съ самаго перваго своего основанія у насъ высшія учебныя заведенія были всесословными и вовсе не имѣли аристократическаго или дворянскаго характера, какъ это появилось уже впослѣдствіи. Польскія духовныя драмы перешли въ Московскую академію, когда Петръ I въ 1701 году отдалъ академію въ завѣдываніе Стефана Яворскаго, который преобразовалъ ее по примѣру Кіевской и сталъ оттуда выписывать наставниковъ, что продолжалось вплоть до митрополита Платона. Даже ученики въ Московскую академію первоначально поступали изъ числа подготовленныхъ въ Кіевскихъ школахъ: въ спискѣ учениковъ философіи за 1704 г. изъ числа 34 человекъ только трое великороссіянъ, а остальные имѣютъ

фамиліи бѣлорусскія и польскія (Смирновъ: „Исторія Московской Сл.-Гр.-Лат. Акад.“ стр. 81).

Первоначально театральныя пьесы, разыгрывавшіяся въ Заиконоспасской академіи, были тождественны съ мистеріями, перешедшими изъ Польши въ Кіевъ, и имѣли характеръ схоластически-духовный; передѣлкой этихъ мистерій у насъ занялись Симеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій. Несмотря на чисто-подражательный характеръ въ мистеріяхъ этихъ появлялись нѣкоторыя примѣненія къ русской жизни. Пекарскій замѣчаетъ, что въ мистеріяхъ Димитрія Ростовскаго выведены „живыя лица изъ русской дѣйствительности, они говорятъ не переведенною съ польскаго рѣчью, но языкомъ русскаго человѣка; притомъ являются анахронизмы, изъ которыхъ видно, что народный элементъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ заученными съ чужаго голоса правилами“. Этотъ отзывъ преувеличенъ, но попытки придать заимствованнымъ произведеніямъ народный характеръ проявляются уже тогда, точно также какъ впоследствии появилась потребность заимствованныя изъ чужаго театральнаго репертуара пьесы примѣнить къ русскимъ нравамъ. Образцомъ такихъ духовныхъ мистерій мы имѣемъ напечатанныя въ Сборникѣ Тихонравова и относящіяся къ 1701—1702 годамъ: „Ужасная измѣна сластолюбиваго участія съ прискорбнымъ и нищетнымъ въ евангельскомъ міролюбцѣ и Лазарѣ изображенная“, „Страшное изображеніе втораго пришествія на землю“, причемъ прямо указано, что онѣ исполнены были дѣйствіемъ великороссійскихъ младенцевъ въ новосіающихъ Славяно-Латинскихъ Аѳинахъ, въ Москвѣ. Между 1673 и 1675 годами въ Кіевѣ появилась „Комедія или дѣйствіе о блудномъ сынѣ“, получившая у насъ большую популярность; она въ Москвѣ вырѣзана на мѣди, и составившаяся изъ нея книга сдѣлалась достояніемъ лубочныхъ изданій, на которыхъ долгое время выставлялся 1685 годъ. По своему строю комедія эта не подходитъ къ типу занесенныхъ заѣзжими нѣмцами-комедіантами и не могла быть представлена на ихъ сценѣ⁵⁹). Остается предположить, что она была одною изъ первыхъ, разыгранныхъ въ академіи вслѣдъ за ея основаніемъ, и что разыгрываніе мистерій въ академіи началось ранѣе Стефана Яворскаго. Но уже съ самаго начала характеръ театральныхъ представленій въ Заиконоспасской академіи получилъ своеобразное направленіе. Петръ Великій замѣчательнъ именно дѣльностью своей дѣятельности, которая

подчиняла всё проявленія народной жизни служенію одной великой идеѣ, которой носителемъ и первымъ работникомъ являлся онъ самъ. Петръ не пропустилъ и театра. Когда нѣмцы оказались въ этомъ случаѣ непригодны, и Яганъ Кунштъ затруднялся выполнить заказанную Петромъ по случаю побѣды его „триумфальную“ комедію, Петръ обратился къ академіи. Академія, которая въ рукахъ Яворскаго была представительницею того новаго украинскаго слоя духовенства, которое поддерживало реформу Петра, сослужила ему эту службу.

„Школьная драма Славянской академіи во все время Свейской войны служила видамъ преобразователя, началась посильнымъ отраженіемъ важнѣйшихъ перипетій этой великой борьбы и замолгла на долго и въ печати, а вѣроятно, и въ самой школѣ только послѣ Полтавской битвы, которая была отпразднована особымъ дѣйствомъ“ (изъ лекцій проф. Тихонравова). Каждый разъ, когда Петръ возвращался побѣдителемъ въ Москву, въ наступавшемъ торжествѣ принимали видное участіе Стефанъ Яворскій и вмѣстѣ съ нимъ ученый и учебный персоналъ академіи. Обыкновенно по этому случаю въ академіи давалось театральное представленіе, приуроченное къ празднуемому событію. 16 января 1703 г., при возвращеніи Петра Великаго въ Москву послѣ взятія Орѣшка, въ Заиконоспасской академіи разыграно было „Торжество міра православнаго“. Эта школьная піеса носитъ на себѣ двойственный характеръ: одна часть ея отходитъ въ область церковнаго содержанія—мираклей, другая относится къ разряду піесъ панегирическихъ, носившихъ названіе *ludi saeculaei*. Въ февралѣ 1704 г. въ академіи изображена была „ревность православія, древле преобразованная чрезъ презельнаго ревнителя и непобѣдимаго вождя израильскаго Иисуса Навина, нынѣ же въ равныхъ прехрабрыхъ ревнителяхъ православныхъ истинно зрима“. Здѣсь въ лицѣ Иисуса Навина представленъ Петръ и борьба Россіи со Шведами представляется борьбою правовѣрія съ зловѣріемъ и злоначестіемъ. Въ концѣ того же года, послѣ взятія Дерпта, разыграно было школьное дѣйствіе „Свобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи“. Послѣ Полтавской побѣды академія разыграла въ 1710 г. вѣкторіальную піесу, подъ названіемъ „Божіе уничтожителей гордыхъ“, гдѣ аллегорически выведенъ Петръ въ лицѣ Давида, восторжествовавшего надъ Голіаѳомъ и Авессаломомъ. Замѣчательно, что эта послѣдняя піеса не лишена нѣко-

того сатирическаго отъѣвѣна: борьба была окончена, бояться за исходъ было нечего и русскій умъ на свободѣ отдался той юмористической наклонности, которая составляетъ одно изъ характеристическихкихъ его свойствъ. Но этого мало, Петръ имѣлъ дѣло съ народомъ неразвитымъ, у котораго мысль меньше всего привыкла работать, Петръ понималъ, что его трудно расшевелить манифестами, проповѣдями, вѣдомостями, которыя онъ ввелъ въ это время и театральными дѣйствіями, Петръ сознавалъ, что больше всего на тогдашнее общество можно было подѣйствовать наглядностью, растрогать и поразить его чувство, внѣшнюю его воспримчивость, чтобъ проложить дорогу къ его сознанию. Этимъ объясняются усиленные заботы Петра объ устройствѣ въ Москвѣ празднествъ по случаю побѣды его надъ шведами. Въ этихъ празднествахъ самую важную роль играли триумфальныя ворота, покрытыя аллегорическими изображениями и надписями, которыя наглядно должны были разъяснять народу значеніе и славу одержанныхъ побѣдъ. Академія въ этихъ празднествахъ принимала своеобразное участіе. У иконнаго ряда сооружались триумфальныя ворота, у которыхъ встрѣчалъ побѣдителя ректоръ, окруженный наставниками и учениками, говорились привѣтственные рѣчи, хоръ воспѣвалъ славу русскаго оружія. Ворота, сооруженныя академіею, отличались своей затѣливостью: онѣ покрывались аллегорическими изображениями, гдѣ священные сюжеты перемѣшаны были съ мифологіей и древней исторіей, на нихъ красовались хвалебныя и приносившія къ событію надписи, такъ что объясненіе всего, на воротахъ изображеннаго, составляло цѣлыя книги. То, что по традиціямъ объ обязательномъ содержаніи духовныхъ мистерій считалось неприличнымъ помѣстить въ самыхъ „дѣйствіяхъ“, гдѣ событіе должно было все-таки отступить на задній планъ, находило свободное выраженіе, сообразно школьному духу того времени, на триумфальныхъ сооруженіяхъ. Особенно въ этомъ отношеніи отличались триумфальныя ворота, устроенныя академіею по случаю Полтавской побѣды. „Это было не только архитектурное сооруженіе, исполненное единой мысли, обставленное замысловатыми притчами, сатирами, историческими картинами,—это было литературное произведеніе московскихъ новосіющихъ Аевинъ, изображавшее апологію реформы и представлявшее, по сознанию самого училищнаго собранія, апоэозъ Петра“. Послѣ 1710 года московская школьная драма за-

модля надолго. Триумфальныя торжества перенесены въ Петербургъ. Лишь въ 1743 году новая драма собрала зрителей въ Славяно-Греко-Латинской академіи. Эта новая драма носила названіе „Стефанотокоса“ и, по предположенію профессора Тихонравова, изображаетъ въ аллегоріи жизнь Елисаветы и бѣдственную эпоху, пережитую Россіей до ея вступленія на престолъ. Но значеніе школьной драмы въ Заиконоспасской академіи не ограничилось этой служебной ролью. Внесеніе въ академическія театральныя событія современныхъ событій естественно направило ихъ на отечественную исторію: Теофанъ Прокоповичъ написалъ въ 1705 году комедію „Владиміръ, славяно-россійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тьмы въ свѣтъ евангельскій приведенный духомъ святымъ“, разыгранную въ Кіевской Могилянской академіи. Мало того. Вездѣ на западѣ, гдѣ появлялась школьная драма, въ антрактахъ представлялись интермедіи или интерлюдіи—простые разговоры, безъ всякой завязки, гдѣ выводились на сцену разные бытовые типы. Здѣсь открывалось несравненно болѣе простора для свободнаго народнаго творчества. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ Польшѣ эти интермедіи получили сильное развитіе и представляли живую картину современнаго общества. То же самое происходило и у насъ. Певарскій нашелъ въ рукописи одну изъ такихъ интермедій, относящуюся къ эпохѣ Петра и изложенную имъ въ его „Науки и литературѣ при Петрѣ“. Здѣсь выведены всѣ главные типы, которые представляла тогдашняя дѣйствительность: раскольникъ, ставленникъ въ попы, подъячій, пономарь не желающій отдавать своихъ дѣтей въ ученіе. Въ „Хроникѣ“ Носова, начиная съ 1678 года по 1716 годъ, помѣщенъ цѣлый хронологическій перечень комедій, разыгранныхъ въ Заиконоспасской академіи—перечень, прерываемый оговоркою, что съ перенесеніемъ столицы въ Москву, Петръ пересталъ обращать вниманіе на московскій театръ, и потому свѣдѣнія о немъ до насъ не дошли. Въ этомъ перечнѣ особаго вниманія заслуживаютъ указанія о пѣсахъ, сочиненныхъ самими воспитанниками академіи; изъ числа ихъ упоминаются: Ник. Осиповъ—„Два брата, Каинъ и Авель, или убіеніе“, Вас. Козодавлевъ—„Убожество Лазарево“, Ив. Блудовъ—„Лазарево Воскресеніе“, Влад. Обуховъ—„Илья Пророкъ“, Вас. Кургановъ—„Симъ, Хамъ и Афетъ“, Ник. Лазаревъ—драма „Царь Иродъ“, Ант. Жихаревъ—ком. „Клады или старинныя диковинки“.

Арх. Бѣлозеровъ—„Пустынникъ горы Голгоѣы“, Порф. Страховъ—„Судъ Шемякинъ“, Никан. Абрамовъ—„Іоаннъ Грозный, или взятіе Казани“, Ал. Митусовъ—„Кн. Пожарскій или освобожденіе отъ супостатовъ Мосевы“, Яковъ Привллонскій—„Пуст. Іосафатовой долины“, Петръ Ключаревъ—„Лазарь и Песъ“. Хронологія „Хроники“, конечно, не заслуживаетъ довѣрія, названія пьесъ легко могли быть перепутанными, но едва ли есть основаніе безусловно отвергать тотъ фактъ, что въ сочиненіи комедій принимали участіе и воспитанники Заиконоспасской академіи. Самыя комедіи, конечно, не могли сохраниться, такъ какъ онѣ не были напечатаны, но, очевидно, въ „Хронику“ занесено воспоминаніе, въ то время еще свѣжее. Въ той же „Хроникѣ“ указана подъ 1 января 1702 года разыгранная на домашнемъ театрѣ Тат. Иван. Арсеньевой, „придворной дамы“ царевны Софьи Алексѣевны, домашними ея челядинцами комедія подь названіемъ „Ай да друзья, или промотавшійся господинъ“; сочинена въ насмѣшку промотавшимся помѣщикамъ. Извѣстіе это нельзя считать выдуманнѣмъ, такъ какъ приведенъ коротенькій „образецъ“ комедіи (стр. 37), изъ котораго видно, что она совершенно похожа на тѣ доморощенныя импровизаціи, которыя разыгрывались въ позднѣйшее время передъ господами ихъ домашнею прислугою во время святокъ. Очевидно, что тамъ, гдѣ русскій челоувѣкъ не ставился насильно подь фѣрулу иноземнаго учителя, онъ не задумывался надь созданіемъ своихъ народныхъ типовъ, но къ сожалѣнію это свободное творчество открывалось только въ низшихъ и, такъ сказать, непризнанныхъ сферахъ, среди учениковъ академій и челядинцевъ знатныхъ бояръ. Въ „Хроникѣ“ Носова есть указаніе, что представленія въ Заиконоспасской академіи посѣщалъ иногда и царь Петръ Алексѣевичъ. Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ говоритъ, что герцогъ Голштинскій приглашенъ былъ на театральное представленіе въ Заиконоспасскую академію 28 мая 1724 года; латинская, лишенная вкуса, комедія продолжалась до 11 часовъ вечера. Тотъ же Носовъ сообщаетъ, что царь Петръ далъ указъ прочимъ семинаріямъ, чтобы играли и тамъ ученики подобныя комедіи обыкновенно въ праздничные и торжественные дни. И это вѣроятно, такъ какъ въ духовный регламентъ 25 января 1721 года о представленіяхъ въ семинаріяхъ упомянуто въ слѣдующемъ видѣ: „можно же еще дважды въ годъ или больше дѣлать нѣкія акціи, диспуты, коме-

ди, риторскія экзерциціи. И то бо зѣло полезно къ наставленію и къ резолюціи, сіе есть честной смѣлости, каковыя требуетъ проповѣдь слова Божія и дѣло посольское, но и веселую перемѣну дѣлають таковыя акціи“ (П. С. З. VI, № 3718, стр. 337). Это исполнялось въ московскомъ Заиконоспасскомъ училищѣ, въ Новгородской семинаріи, въ Ростовскомъ архіерейскомъ домѣ и въ Троицко-Сергіевской семинаріи. Въ особенности театральныя представленія нашли удобную почву въ Ростовѣ: Св. Димитрій Туптало, еще бывши іеромонахомъ въ Кіевѣ, написалъ нѣсколько духовныхъ мистерій и въ своей крестовой церкви въ Ростовѣ давалъ духовныя представленія изъ своихъ сочиненій, о чемъ также есть указаніе въ „Хроникѣ“ Носова (стр. 43—48). Это обстоятельство очень важно, потому что оно объясняетъ, почему первый народный театръ возникъ въ Ярославлѣ. У Карабанова есть извѣстіе, что основатель русскаго театра Ф. Г. Волковъ учился въ Заиконоспасской академіи и участвовалъ тамъ въ разыгрываніи театральныхъ піесъ. Въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, такъ какъ въ академію поступали въ то время лица всѣхъ сословій. Но во всякомъ случаѣ еще до Москвы врожденная страсть Волкова къ театру нашла себѣ пищу въ традиціяхъ мѣстнаго Ростовскаго театра. Театральныя представленія въ Заиконоспасской академіи въ исторіи нашей культуры имѣютъ то важное значеніе, что они положили начало той неразрывной связи театра съ учебными заведеніями, которая наполняетъ всю его первоначальную исторію. Можно сказать, что наше драматическое искусство вышло исключительно изъ этого источника, откуда вообще образованіе распространялось по Россіи. На ряду съ Заиконоспасской академіей въ развитіи театральнаго искусства приняло участіе медицинское училище, заведенное Петромъ въ Москвѣ. Въ 1706 году Петръ Великій основалъ въ Москвѣ военный госпиталь и при немъ хирургическую школу, гдѣ учителемъ былъ извѣстный докторъ Николай Бидло (Nic. Biddloo), въ теченіе тридцати-лѣтнихъ своихъ занятій образовавшій многихъ русскихъ врачей. Здѣсь на казенный счетъ содержалось до 50 воспитанниковъ, приготовлявшихся къ занятію медицинскихъ должностей (Richter Gesch. der Medicin. in Russland III, 16, 21). Въ „Хроникѣ“ Носова, начиная съ 1701 года, помѣщены піесы, представленныя въ московскомъ госпиталѣ учениками онаго; при этомъ замѣчено, что представленіямъ быть ихъ начальниками назначено на Святкахъ, на Масляницѣ и

въ дни Пасхи въ госпитальныхъ палатахъ, перегорода ширмами; піэсы играли, большею частью, своего сочиненія (стр. 34). Изъ числа такихъ піэсъ упомянуты въ 1701 году: комедія „Лѣварь Самоучка“, ученика Андрея Скороспѣлова; „Дуракъ въ счастіи или чего на свѣтѣ не бываетъ“, ученика Павла Станкевича; комедія „Маль да удалъ“—Степ. Морозова; „Ученье свѣтъ, неученье тьма“, ученика Ал. Кулебякина; „Разговоръ двухъ пріятелей въ царствѣ мертвыхъ“, ученика Арх. Сирякова. Хронологія опять невѣрная, такъ какъ школа, какъ мы сейчасъ видѣли, основана только въ 1706 г., но фактъ подтверждается извѣстіемъ Штелина о представленіяхъ въ хирургической школѣ при московскомъ госпиталѣ (Пекарскій, стр. 421). Въ дневникѣ Берхгольца въ декабрѣ 1722 года и январѣ 1723 года описанъ театръ, устроенный въ госпиталѣ учениками въ сараѣ, узкомъ и невзрачномъ; сюжетомъ піэсы была „Исторія Александра Македонскаго и Дарія“; піэса состояла изъ 18 актовъ, изъ которыхъ 9 давались за одинъ разъ, а остальные на другой день. Между антрактами были забавныя интермедіи, очень плохія и оканчивавшіяся всегда потасовкою. Піэса была серьезнаго содержанія, но исполнялась дурно. Представленіе посѣтилъ императоръ и герцогъ Голштинскій, въ остальной публикѣ было нѣсколько нѣмецкихъ дамъ и очень мало особъ значительныхъ (Пекарскій, 433).

Араповъ передаетъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ „Словаря свѣтскихъ писателей“ митрополита Евгенія и „Русской Старины“ Снегигирева, что Кунштъ обучалъ воспитанниковъ корабельнаго Сухаревскаго училища, т.-е основаннаго Петромъ въ 1701 г. на Сухаревой башнѣ училища математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, куда поступали дѣти какъ дворянскія, такъ и другихъ сословій, и что они представляли свѣтскія комедіи въ рапирной залѣ, нерѣдко (!!) посѣщавшіяся Петромъ Великимъ. На чемъ основаны эти показанія—неизвѣстно, и въ „Хроникѣ“ Носова о томъ не упоминается; можетъ быть это переименованное извѣстіе о театральныхъ зрѣлищахъ въ Московскомъ госпиталѣ, которыя дѣйствительно Петръ посѣщалъ, какъ мы видѣли выше. А можетъ быть и дѣйствительно, въ школѣ на Сухаревой башнѣ также были подобныя увеселенія,—тогда это будетъ однимъ фактомъ больше, доказывающимъ связь нашихъ учебныхъ заведеній съ театромъ (Лѣтоп. рус. театра, стр. 26). У того же Арапова содержится извѣстіе, повторенное у Карабанова, что

въ царствованіе Анны Іоанновны, въ 1736 г., представлена была на новомъ Императорскомъ театрѣ, деревянномъ, въ Лѣтнемъ саду комедія „Сила любви и ненависти“, переведенная съ итальянскаго, разыгранная плохими русскими актерами, учениками съ Сухаревой башни. Свѣдѣніе это заимствовано изъ „Словаря драматическихъ писателей“ (изд. Суворина, стр. 127) и, вообще, подозрительно. Комедія „Сила любви и ненависти“ нѣтъ ни у Сопикова, ни у Смирдина. Известно только одно, что во время коронаціи Елизаветы Петровны въ Москвѣ, въ театрѣ выстроенномъ на берегу Яузы, итальянскіе оперные актеры представляли оперу Метастазіо „Титово милосердіе“ съ прологомъ, сочиненнымъ Штелинымъ подъ названіемъ „Россія огорченная и утѣшенная“ (*La Russia offlitta è reconsolata*). Статистами были молодые русскіе дворяне, обучавшіеся на Сухаревой башнѣ, а хоры исполняли придворные пѣвчіе. Кромѣ того „въ Хроникѣ“ Носова упоминается, что при Аннѣ Іоанновнѣ (1732—34) давались представленія въ артиллерійскомъ полку воспитанниками, на которыя стекалось великое число зрителей. Эта связь театра съ учебными заведеніями всего полнѣе и плодотворнѣе выразилась въ сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ и Московскомъ университетѣ, двухъ высшихъ учебныхъ заведеній, оказавшихъ самое сильное вліяніе на наше образованіе. Объ этомъ мы сейчасъ упомянемъ, продолжая рассказъ объ исторіи возникновенія у насъ театра. Но при разсмотрѣніи связи театра съ учебными заведеніями нельзя не замѣтить, что лишь только русская мысль среди учениковъ Заиконоспасской академіи стала освобождаться отъ чуждыхъ, занесенныхъ въ нее духовно-католическихъ и польскихъ элементовъ, только-что она стала черпать свои вдохновенія въ родномъ источникѣ бытовыхъ явленій и историческихъ воспоминаній, какъ новое, болѣе сильное теченіе повернуло ее въ другую сторону. Начатое своими собственными усиліями преобразование духовной драмы въ свѣтскую должно было уступить западно-европейскому вліянію, гдѣ это преобразование уже закончилось многолѣтнимъ трудомъ, и снова русская мысль поставлена была въ служебную зависимость, на этотъ разъ отъ культуры болѣе могущественной, гдѣ пробыть было труднѣе и дольше, но за то урокъ приносилъ самобытной мысли такую обработку, которая разомъ подвигала ее на столѣтіе впередъ. Это подчиненіе театра иноземнымъ образцамъ вмѣстѣ съ тѣмъ вызвано было другою причиною внѣшней связи учебныхъ за-

веденій съ театромъ: явилась необходимость готовить для въѣзжихъ иностранцевъ статистовъ, знавшихъ иностранные языки, для чего всего пригоднѣе оказывались молодые люди, обучавшіеся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но эта внѣшняя связь не могла не произвести и радикальнаго внутренняго измѣненія въ самомъ существѣ связи, соединявшей училища съ театромъ: училища сами дѣлаются центромъ и проводниками подражательной драматической литературы, которая начинаетъ свое дѣло съ подавленія только-что пробуждавшихся попытокъ къ народности.

Россія XVII вѣка уже переставала быть замкнутой древнею Русью. Присоединеніе Малороссіи приблизило сѣверную Русь къ Европѣ не только географически, но и въ культурномъ отношеніи, поставя ее въ непосредственныя, близкія и постоянныя сношенія съ польскою цивилизаціей, несравненно болѣе близкою къ европейской и въ то же время болѣе понятною и родственною для русскихъ людей. Польскій языкъ былъ тогда сильно распространенъ въ Москвѣ: онъ игралъ такую же роль, какъ французскій въ XVIII столѣтіи. Съ юга и югозапада приходили иноки, ересей вводители, которые не только сѣяли новшества, нарушали преданія, но и обличали русскую старину, какъ дикое невѣжество. Сближеніе Россіи съ Европой возбуждало и тамъ любопытство и желаніе ближе узнать надвигающагося сосѣда: иностранныя посольства пріѣзжали все чаще и чаще, а въ отвѣтъ посылались русскія за границу; наплывъ иноземцевъ все увеличивался, на окраинѣ Москвы, въ глазахъ самого царя, выросла нѣмецкая слобода, какъ постоянный, всегда открытый клапанъ европейской культуры; явились новые люди, піонеры зарождавшагося просвѣщенія, которые совершенно отрекались отъ старины— бояре: Матвѣевъ, Ртищевъ и, по всей вѣроятности, не мало другихъ, не имѣвшихъ такого вліянія и потому оставшихся въ неизвѣстности. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ сталъ впереди этого движенія. Само собою разумѣется, что на первыхъ порахъ привлекла къ себѣ внѣшняя, блестящая, веселая сторона европейской жизни, причемъ театръ игралъ немало-важную роль. И вотъ царь и бояре, наскучившіе однообразіемъ и безсодержательностью доморощенныхъ святочныхъ забавъ, потянулись къ театру. Театръ тогда сдѣлался извѣстнымъ русскимъ людямъ. Въ XVII столѣтіи на западѣ Европы театръ обратился, главнымъ образомъ, въ придворное увеселеніе и въ этомъ смыслѣ сдѣ-

лался обычнымъ угощеніемъ для иноземныхъ пословъ. Во Флоренцію въ 1659 году отправлено было посольство, во главѣ котораго стоялъ Лихачевъ, по возвращеніи описавшій все видѣнное и въ томъ числѣ театральное зрѣлище, которымъ угостилъ его герцогъ. Въ 1768 г. русскій посланникъ Потемкинъ присутствовалъ во французскомъ театрѣ при представленіи труппы Дюмаре, а на другой день Мольеръ съ своей труппой давалъ предъ нимъ своего „Амфитріона“. Царь послалъ полковника фонъ-Стадена въ Курляндію приглашать актеровъ; но когда приглашенные по разнымъ причинамъ не явились—за исключеніемъ трубача и четырехъ музыкантовъ—онъ обратился въ Нѣмецкую слободу. Пасторъ нѣмецкой лютеранской церкви магистръ Яганъ-Готфридъ Грегори, по приказанію Алексѣя Михайловича въ 1672 г., вмѣстѣ съ учителемъ Юріемъ Михайловичемъ, собралъ по Москвѣ дѣтей различныхъ чиновъ, служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, всего 64 человекъ и сталъ съ ними разучивать комедію объ Есфири или такъ-называемое „Артаксерксово дѣйство“, представленную въ ноябрѣ того же года въ устроенной вновь хороминѣ въ селѣ Преображенскомъ. Грегори упрочилъ существованіе театра при дворѣ отца Петра Великаго. Въ 1673 году пасторъ стоялъ ужъ во главѣ цѣлой школы, въ которой начали учиться комедійному дѣлу двадцать шесть человекъ мѣщанскихъ дѣтей, выбранныхъ въ комедіанты изъ Новомѣщанской слободы. Переводчикъ посольскаго приказа Георгъ Гильверъ помогалъ Грегори въ строеніи и переводѣ комедій. За „Артаксерксовымъ дѣйствомъ“ послѣдовали комедіи „Юдифь“, „Товія“, малая прохладная комедія о презрѣдной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ „объ Іосифѣ“, жалостная комедія „объ Адамѣ и Евѣ“, „Темиръ-Аксаково дѣйство, или Баязеть и Тамерланъ“ (Тихонравовъ, рѣчь о первомъ пятидесятилѣтніи русскаго театра, 7 и 8). Первые комедіи, разыгранныя при дворѣ Алексѣя Михайловича представляютъ буквальные, часто тяжелые переводы тѣхъ нѣмецкихъ пьесъ, которыя занесены были въ Германію въ XVII стол. странствующими англійскими актерами и ходили подъ названіемъ англійскихъ трагедій и комедій. Являясь на сценѣ, большею частью, въ видѣ свободной импровизаціи самихъ комедіантовъ, онѣ заимствовали свое содержаніе изъ исторіи, новеллъ, сказокъ, рыцарскихъ романовъ и передѣлывали по своему даже дѣйства, заимствованныя изъ религиозныхъ сказаній. Кровавыми, потрясающими сценами богаты были пьесы англійскихъ комедіантовъ; но въ нихъ смѣшивалось

грубое, ничѣмъ не сдержанное шутство, воплощавшееся неизмѣнно въ одномъ лицѣ—въ своеобразной фигурѣ шута, нѣсколько видоизмѣненнаго вліяніемъ Голландіи и подъ именемъ Пивельгеринга неограниченно господствовавшего на нѣмецкой сценѣ втеченіи всего XVII вѣка.

Г. Барсовъ напечаталъ документъ, изъ котораго видно, что при Алексѣѣ Михайловичѣ во главѣ московской труппы стоялъ шляхтичъ Чижинскій, бывший два года учителемъ латинскаго языка въ Кіево-Братской духовной академіи. Догадка г. Барсова,—что Чижинскій, который два года занимался обученіемъ шляхетскихъ дѣтей въ Смоленскѣ и былъ извѣстенъ тамъ боярину вн. Ан. М. Голицыну, вызванъ былъ оттуда Матвѣевымъ, чтобъ помочь въ переводахъ нѣмецкой труппы и придать театру болѣе чисто-русскій или славянскій характеръ, — не лишена правдоподобія. Чижинскій указываетъ, что онъ, для доказательства своего искусства въ комедійныхъ наукахъ, по приказу боярина Матвѣева, дѣлалъ комедію о „Давидѣ съ Голиаѳомъ“ и инныя комедіи; кромѣ того онъ училъ комедійному дѣлу 80 человекъ всякаго чину людей.

Это первое и довольно кратковременное проявленіе театра при Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательно тѣмъ, что сейчасъ же проявились по условіямъ быта тѣ основныя черты, которыми опредѣлялась исторія нашего театра впослѣдствіи.

Театръ сразу завоевалъ себѣ покровительство Двора и сдѣлался придворною забавою. Изъ многочисленной семьи Алексѣя Михайловича только набожный и ограниченный Θεодоръ Алексѣевичъ — врагъ всякаго новшества—разогналъ комедіантовъ; въ декабрѣ 1676 года Θεодоръ Алексѣевичъ указалъ очистить палаты, которыя заняты были на комедію и устроены при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ при аптекѣ. Характеристично, что, въ „Хроникѣ“ Носова, въ царствованіе Θεодора на Потѣшномъ дворѣ давались представленія барскими людьми и барскими барынями, заимствованныя изъ народной жизни: „коза въ сарафанѣ“, „шаманъ сибирскій“; боярами и боярынями: „мечъ кладенець“, „яга баба“.

Это показаніе Носова, на которое не обращено никакого вниманія и которое заподозрѣно безъ всякихъ основаній, единственно въ силу совершенно книжныхъ представленій о тогдашней старинѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Боярскій домъ того времени уже совершенно сложился по польскому

образцу, но не въ силу заимствованія, а въ силу сходныхъ и вездѣ повторявшихся историческихъ обстоятельствъ. Болѣе веселая, разсѣянная и наполненная взаимными посѣщеніями и праздниками жизнь тогдашняго боярства потребовала соразмѣрнаго увеличенія дворовой челяди. Среди нихъ появились въ большемъ количествѣ нахлѣбники и приживалки, бѣдные дворяне, называвшіеся барскими людьми и барскими барынями, которые не входили въ составъ дворовыхъ, но жили на счетъ бояръ для того именно, чтобы забавлять ихъ, разсѣвать скуку одиночества разговорами, перенесеніемъ сплетень, пляскою, пѣснями и т. п. Когда распространился вкусъ къ театральнымъ зрѣлищамъ, на первое время сильно возбудившій все общество, какъ новость, и при томъ настолько оригинальная, занятная и разнообразная,—эти барскіе люди и барскія барыни, отчасти волей, отчасти неволей, должны были ухватиться за такое новое и настоятельно требовавшееся средство развлекать своихъ бояръ-милостивцевъ. Очень понятно, что царь Θεодоръ Алексѣевичъ, не терпѣвшій заморскихъ игрищъ, всетаки увлеченъ былъ развившеюся страстью къ театральнымъ зрѣлищамъ, охотно посѣщала домашній спектакль своей сестры и допустилъ бывшее въ старинныхъ нравахъ разыгрываніе народныхъ святочныхъ и масляничныхъ представленій своими приближенными и дворовою челядью. Само собою разумѣется, что эти обыденныя, домашнія развлеченія, не требующія никакой особой затраты суммъ и не имѣющія никакого, такъ сказать, оффиціальнаго характера, не вносились въ такіе документы, какъ разрядныя и расходныя книги, и молчаніе о нихъ послѣднихъ нисколько не можемъ заподозрѣвать показаній Носова. Актерство между этимъ населеніемъ боярскихъ домовъ въ эпоху возникновенія театра при Алексѣѣ Михайловичѣ такъ распространилось, что въ царствованіе Петра Великаго въ Царскомъ селѣ Преображенскомъ, на потѣшномъ дворѣ представлялись *разными* боярскими людьми комедіи: „Побѣжденіе Мамаѣ“ и „Кумъ Иванъ“, историческое представленіе изъ жизни царя Ивана Васильевича Грознаго (Хрон., стр. 38 и 39). Замѣчательно, что въ то же время въ Гошпиталѣ ученики разыгрывали комедію: „Кумъ Матвѣй“ (стр. 42). Царевна Софья Алексѣевна была, повидимому, страстная любительница театра: въ теремахъ ея ближніе бояре и боярыни разыгрывали театральныя піесы съ пѣніемъ и танцами. Что въ этихъ піесахъ введены были *польскіе танцы*—въ этомъ нѣтъ ничего не

сообразнаго, такъ какъ, по свидѣтельству Штелина, въ его исторіи танцевъ (въ *peu veränderte Rusland*), польскіе танцы сильно распространились во время Михаила Ѳеодоровича. Изъ „Хроники“ Носова видно, что репертуаръ домашнихъ театровъ въ теремахъ царскихъ былъ очень разнообразный: старинныя народныя маскарадныя представленія (Русалки), духовныя мистеріи („Вѣра, Надежда и Благотворительность“, „Екатерина мученица“), и даже переводныя комедіи западныхъ авторовъ (Врачъ противъ воли, Мольера, Мѣдный конь или Осада города Трои, директора нѣмецкихъ комедіантовъ, Вильгельма Рейнольда) (60). „Хроника“ переводъ послѣднихъ двухъ піесъ и сочиненіе „Русалокъ“, „Екатерины мученицы“ и трагедіи „Стрѣльцы“ (?) приписываетъ Софьѣ. Карамзинъ въ своемъ „Пантеонѣ россійскихъ авторовъ“ упоминаетъ съ похвалами о драмѣ „Екатерина мученица“, сочиненной Софьей Алексѣвною, которую онъ читалъ въ рукописи, и тоже подтверждаетъ кн. Шаховской на основаніи семейныхъ воспоминаній, слышанныхъ отъ прабабки его Тат. Ив. Арсеньевой, исполнявшей роль Екатерины въ этой піесѣ. Если импровизировали ученики академіи, боярскіе дворовые люди, если сочиняли, какъ увидимъ ниже, дѣлы комедіи выученные актеры изъ подъячихъ, то нѣтъ ничего неправдоподобнаго и въ извѣстіи о сочиненіи комедій царевной Софьей. Само собою разумѣется, что заглавія піесъ, приводимыя „Хроникою“, нельзя считать достовѣрными, и только малограмотному Носову могло прийти въ голову приписать царевнѣ Софьѣ трагедію „Стрѣльцы“. Переводъ Мольеровою комедіи „*le medecin malgré lui*“ принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ; если сама Софья не знала европейскихъ языковъ, то изъ окружавшихъ ее приближенный къ ней В. В. Голицынъ зналъ по-французски, былъ большой любитель театра, устроилъ его въ своемъ домѣ и въ библиотекѣ своей имѣлъ четыре письменныхъ книги „о строеніи комедіи“. Великая княгиня Наталья Алексѣевна также была охотница до театра: въ 1707 году, когда разобрана была „комедійная хранина“ у Красныхъ воротъ, царевна Наталья взяла въ Преображенское всѣ комедійныя платья и перспективы. Въ „Хроникѣ“ Носова есть извѣстіе, что царевна Наталья Алексѣевна уговаривала Петра открыть театръ въ Петербургѣ и собрала 10 актеровъ и 16 музыкантовъ охотниковъ, наибольшее русскихъ изъ *подъячихъ*: спектакль устроился, но не привился

(стр. 50). Бассевичъ сообщаетъ, что принцесса Наталья, меньшая сестра Императора, очень имъ любимая, сочинила, говорятъ, при концѣ своей жизни (1723 г.) двѣ-три пьесы, довольно хорошо обдуманная и не лишеныя нѣкоторыхъ красоть въ подробностяхъ; но за недостаткомъ актеровъ онѣ не были поставлены на сцену (Бассевичъ, 152). Въ „Хроникѣ“ Носова есть извѣстiе, что по смерти Натальи Алексѣевны управленiе надъ театрами приняла на себя Еватерина Алексѣевна (стр. 59). Вдовствующая супруга царя Иоанна Алексѣевича Парасковья Феодоровна, урожденная Салтыкова и обѣ дочери ея, Анна Иоанновна, герцогиня Мекленбургская, и Парасковья Иоанновна, были любительницами театра. Берхгольцъ описываетъ въ ноябрѣ 1722 года домашнiй театръ въ Измайловѣ, у царицы Параскѣевны, въ устройствѣ котораго принимали участiе обѣ ея дочери. „Въ залѣ спектакля было большое общество придворныхъ дамъ и кавалеровъ, но изъ иностранцевъ кромѣ Берхгольца и графа Бонде не было никого. Сцена была устроена весьма недурно, но костюмы актеровъ не отличались изяществомъ. Герцогиня Мекленбургская сама всѣмъ распоряжалась, хотя спектакль состоялъ не изъ чего иного, какъ изъ пустяковъ (II, 313). 15 ноября былъ спектакль у Анны Иоанновны, въ теченiе котораго она была больше за сценой, потому что она управляла представленiемъ сама, ибо безъ нея все бы остановилось. При этомъ Берхгольцъ рассказываетъ характеристическую черту нравовъ. Передъ самымъ представленiемъ актеру, игравшему роль короля, дано было двѣсти ударовъ батогами, за то, что онъ, обнося по городу афиши, выпрашивалъ себѣ деньги; товарищъ его и соучастникъ былъ также наказанъ батогами и выгнанъ вонъ“. Показалось мнѣ удивительнымъ, прибавляетъ Бассевичъ, что наказанный игралъ и послѣ этого на театрѣ, вмѣстѣ съ княгиней и благородными дѣвцами; одна изъ нихъ, игравшая роль генерала, дѣйствительно княжескаго рода, а супруга наказаннаго батогами короля—родная дочь маршала вдовствующей царицы“. Весь этотъ рассказъ носитъ характеръ выдуманнаго. Театръ былъ, очевидно, домашнiй, составленный изъ приближенныхъ царицы и царевенъ, куда, конечно, комедiантъ изъ простыхъ не имѣлъ доступа. Какiя же „афиши по городу“ могъ разносить одинъ изъ участниковъ этого театра, когда самъ герцогъ Голштинскiй попалъ туда безъ приглашенiя и хозяйка извинялась, называя театръ „дѣтскою забавой“? Очевид-

но, Берхгольдъ для краснаго словца приписалъ сюда фактъ, дѣйствительно практиковавшійся съ простыми комедіантами, но немислимый въ этой средѣ, ибо, конечно, царевны не могли и не имѣли права наказывать батогами своихъ приближенныхъ бояръ.

На ряду съ царской семьей страсть къ театру заразила и близко стоявшее боярство. Кромѣ боярина Матвѣева, зачинщика театральнаго дѣла, устроившаго въ своемъ домѣ организованный театръ въ родѣ царскаго, театральныя зрѣлища устраивались въ домѣ боярина Мирославскаго, получившаго оттого, по словамъ Малиновскаго, названіе *потѣшнаго*, кн. Яв. И. Одоевскаго, у любимца царевны Софьи, кн. В. В. Голицына. Даже одна изъ приближенныхъ боярынь царевны Софьи, Тат. Ив. Арсеньева, устраивала у себя въ домѣ театральныя зрѣлища, на которыхъ представляли ея барскіе люди и барыни. Когда царь Петръ выписалъ нѣмецкихъ комедіантовъ, до постройки особаго театра, сдѣлано было временное приспособленіе въ домѣ Лефорта, въ Нѣмецкой Слободѣ; кромѣ того въ Москвѣ существовалъ театръ въ домѣ гр. Брюса. Въ Петербургѣ уже во времена Елизаветы существовали театры въ домѣ гр. Ягужинскаго и гр. Б. П. Шереметева, при Императрицѣ Екатеринѣ—кн. Голицына, гр. Воронцова. Этотъ обычай богатыхъ вельможъ заводить у себя постоянные домашніе театры сохранялся очень долго. Въ концѣ девяностыхъ годовъ въ Москвѣ было до двадцати домовыхъ театровъ, при которыхъ были оркестры музыки, оперныя и даже балетныя труппы, изъ своихъ крѣпостныхъ, находившихся подъ руководствомъ лучшихъ артистовъ по своей части. Балетъ, представленіе говорившее не уму, а одной чувственности, получилъ у насъ важное значеніе въ театральномъ искусствѣ съ самаго начала и отчасти удержалъ его до сихъ поръ. Въ 1736 году вмѣстѣ съ первою Итальянскою труппою, положившею у насъ начало Итальянской камерной музыкѣ, прибылъ итальянскій комическій танцоръ Фузано, съ большимъ успѣхомъ танцовавшій на Итальянской и Лондонской сценѣ, впервые познакомившій дворъ и знатное дворянство съ балетнымъ искусствомъ. Фузано на второй же годъ вернулся въ Италію, но слѣды его пребыванія оказались прочными и послужили первымъ поводомъ къ подневольному привлеченію лицъ изъ низшаго сословія къ театральному поприщу на потѣху двора и богатаго дворянства. Французъ Ланде, выписанный изъ Парижа и назначенный въ

1738 г. придворнымъ балетмейстеромъ, выбралъ прежде всего 12 ловкихъ взрослыхъ, молодыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, преимущественно, изъ низшихъ классовъ (*meist gemeinster Leute Kinder*), изъ дворцовой прислуги, какъ передаетъ Араповъ, воспитывавшихся и обучавшихся на счетъ двора. Изъ нихъ отличались дѣвицы: Аксинья, Елизавета и Авдотья, а изъ учениковъ: Афанасій, Андрей и Андриушка; остальные поступили въ фигуранты и фигурантки. Изъ нихъ въ особенности отличалась Аксинья, которою гордился Ланде. Въ „Запискѣ о жалованьѣ служителямъ итальянской компани“, помѣщенной въ Чтеніяхъ общ. ист. и древностей за 1860 г. (кн. 3) показано, что русская танцовальщица Аксинья Сергѣева умерла 24 апрѣля 1746 г.; она получала жалованья 350 р., больше многихъ иностранцевъ музыкантовъ; наравнѣ съ ней изъ русскихъ только танцовщикъ Афанасій Топорковъ, всѣ остальные гораздо меньше. Далѣе встрѣчаемся съ русскими танцорами и танцовщицами на Ораніенбаумскомъ придворномъ театрѣ, выстроенномъ для себя великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ, по образцу Берлинскаго, гдѣ балетмейстеромъ былъ Кальцедаро изъ труппы Локателли. Изъ танцоровъ отличались Вавило и Петрушка, изъ танцовщицъ—Авдотья и Варвара, изъ фигурантовъ: Анисья, Аграфена, Парасковья и Францина (?!). Въ спискѣ принадлежащихъ къ придворной сценѣ танцоровъ и танцовщицъ въ 1768 году поименованы: танцовщикъ Тимошей Бубликовъ, а затѣмъ фигуранты и фигурантки—всѣ русскіе. Тимошей Бубликовъ, называвшійся Тимошкой, ученикъ вѣнскаго балетмейстера Гильфердинга, прибывшаго въ Россію въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы (1759—1761), вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ въ Вѣну (*Stählin's Nachrichten von der Tanzkunst in Russland* въ *Haigold's Beilagen zum neueränderten Russland*). „Хроника“ Носова къ этимъ извѣстіямъ, сообщеннымъ Штелинымъ, дополняетъ слѣдующее: Въ одной изъ афишъ французской труппы Сериньи при императрицѣ Елизаветѣ до начала спектаклей въ русскомъ театрѣ участвуютъ танцовщики: двое Бомбовыхъ, Дружининъ, Лазаревъ и танцовщицы: Жемчужникова, Цвѣткова, Яхойтова и Лазарева, кромѣ того 12 фигурантовъ и 12 фигурантокъ, конечно изъ русскихъ (стр. 66). Вскорѣ послѣ того въ балетѣ „Пигмалионъ и Галатея“, поставленномъ придворнымъ танцовщикомъ Лебрюномъ—кромѣ самого Лебрюна, г-жи Фассано и дѣвицы Розмарень—исполнители все рус-

скіе и въ томъ числѣ дѣвица Лазарева и г-жа Лабзина (стр. 75). Затѣмъ въ балетѣ, поставленномъ Фассано, „Лекса или Европейцы въ плѣну у дикихъ“, участвуетъ вмѣстѣ съ четырьмя русскими танцорами г-жа Лазарева (стр. 86). Въ другомъ балетѣ „Діана на охотѣ“—дѣвица Озерова, г-жи Цвѣткова и Яхонтова (стр. 88). Замѣчательно, что въ приведенной мною запискѣ имена танцовщиковъ и танцовщицъ другія, нежели въ афишахъ, помѣщенныхъ въ „Хроникѣ“ Носова и въ показаніяхъ Штелина: очевидно, что балетный персональ оставался на сценѣ не долго и постоянно возобновлялся выученными вновь. Слѣдовательно, прежде нежели возникъ постоянный русскій театръ въ Москвѣ, сформированъ уже былъ для *публичнаго театра* полный кордебалетъ не только изъ мужчинъ, но и изъ женщинъ. Прегніе помѣщики на своихъ домашнихъ театрахъ преимущественно ставили балеты, и до сихъ поръ они поглощаютъ такіа громадныя суммы въ театральной дирекціи, какихъ, сравнительно, не тратится нигдѣ. Въ эти театры знакомые приглашались бесплатно, и послѣ театра открывался балъ. Разумѣется, это отвлекало публику отъ вольнаго театра. Такими домашними театрами отличались: гр. П. Б. Шереметевъ, кн. Вл. И. Щербатовъ, Д. Е. Столыпинъ, Н. Е. Мясоѣдовъ, кн. Б. Гр. Шаховской, кн. М. П. Волхонской, В. П. Салтыковъ, И. Я. Блудовъ, А. Н. Зиновьевъ и др. Въ позднѣйшее время, въ восьмисотыхъ годахъ были домашніе театры у Ст. Ст. Аправсина, Н. А. Дурасова и П. А. Познякова; послѣдній продолжался еще въ первой половинѣ 1814 г., до открытія послѣ пожара Москвы Императорскаго театра. „Прекраснѣйшій театръ Познякова открытъ, и каждое воскресенье какая-нибудь новая опера, съ искусствомъ расположенная и разыгранная, прогоняетъ и послѣднюю мысль о безчисленныхъ бѣдствіяхъ“, писалъ въ „Сынѣ Отечества“ М. Макаровъ въ 1814 г. Сборъ съ театра поступалъ въ пользу пострадавшихъ отъ непріятельскаго нашествія. Французъ Арманъ Домергъ, посланный въ 1805 году Нарышкинымъ въ Германію для набора французской труппы въ Москву и бывшій, какъ онъ себя называетъ, главнымъ режиссеромъ французскаго придворнаго театра въ Москвѣ предъ 1812 г., говорилъ, что въ то время у большинства русскихъ баръ устроены были домашніе театры въ ихъ домахъ. На театрѣ въ домѣ Познякова, уцѣлѣвшемъ отъ пожара, Наполеонъ заставилъ давать представленія французскихъ актеровъ, оставшихся въ Москвѣ, во время его тамъ пребыванія.

La Russie pendant les guerres de l'empire, souvenirs historiques par. M. Arin. Domergue, publiés par. M. Tiran. Paris, 1839, II, стр. 96 и слѣд.).

Эти домашніе театры при дворѣ и у знатныхъ бояръ кромѣ того, что они служили преимущественно къ распространенію въ обществѣ любви къ драматическому искусству, важны еще тѣмъ, что они способствовали появленію женщинъ на сценѣ. Это появленіе впервые нашло себѣ мѣсто въ теремахъ царевны Софьи, откуда распространился обычай участія женщинъ на *домашнихъ спектакляхъ*. Я уже говорилъ, что домашніе спектакли кромѣ самихъ господъ разыгрывались и проживавшими у нихъ барскими людьми и барскими барынями. Само собою разумѣется, что у себя дома барскія барыни не стѣснялись появляться на сценѣ, коль скоро обычай этотъ приняли и сами госпожи. На публичномъ театрѣ женскія роли занимались мужчинами, и женщины появились уже съ 1757 года, вскорѣ послѣ учрежденія постоянного русскаго театра при императрицѣ Елизаветѣ. Исторія появленія этого перваго кружка русскихъ актрисъ, рѣшившихся явиться передъ публикою на сценическихъ подмосткахъ въ то время, когда еще званіе комедіанта не пользовалось уваженіемъ въ публикѣ, и когда еще существовало предубѣжденіе противъ театра и лицъ, ему себя посвятившихъ—весьма интересна. Петръ I при пріѣздѣ нѣмецкихъ комедіантовъ привлекъ въ театральному дѣлу подъячихъ. Есть указанія, что подъячіе не погнушались навязанною имъ новою службою, и что въ ихъ средѣ театръ постоянно находилъ новыхъ любителей уже съ воли. Театральное дѣло спустилось еще ниже: комедіанты являлись въ средѣ мастераваго люда разныхъ профессій, между царскими конюхами, дававшими представленія балаганнаго типа за долго до появленія русскаго театра. Всѣ эти любители были безъ сомнѣнія, мужчины. Но съ открытіемъ публичнаго театра этотъ контингентъ мелкихъ чиновниковъ далъ первыхъ актрисъ. Кто были эти первыя актрисы — до сихъ поръ обстоятельно не изложено. Штелинъ называетъ первыми русскими актрисами Пушкину и двухъ Ананьинныхъ; обѣ послѣднія, по его словамъ, были дочери чиновниковъ. Пушкину онъ называлъ М-ле, слѣд., указываетъ на болѣе высокое ея происхожденіе, кто же она была на самомъ дѣлѣ, остается въ неизвѣстности, хотя г. Сиротинкинъ въ своей біографіи Троепольской указываетъ, что обѣ Ананьины и Пушкина были офицерскія до-

чери (Р. Арх. 1887 г., № 11). Рядомъ съ этимъ Карабановъ передаетъ извѣстіе, что въ 1754 году поступили на петербургскую сцену Зорина и Авдотья Михайлова, которыхъ совершенно неосновательно онъ считаетъ *первыми* русскими актрисами. Лонгиновъ сообщаетъ, что съ открытіемъ въ Петербургѣ постоянного русскаго театра въ 1756 г. Мусина-Пушкина вмѣстѣ съ Ананьиними поступила на эту сцену, и онѣ вышли замужъ: Марья Ананьина за Григорія Волкова, Ольга за Шумскаго, Мусина-Пушкина за Дмитревскаго. Это именно поступленіе на казенную сцену и подало поводъ Штелину назвать ихъ *первыми русскими актрисами*. Самая знаменитая изъ кружка русскихъ актрисъ была Троепольская, петербургская уроженка; мужъ ея служилъ регистраторомъ сенатской типографіи и вслѣдъ за ней дебютировалъ на сценѣ. Время и мѣсто поступленія на сцену Троепольской также показывалось сбивчиво. Эта неясность и противорѣчіе вполне разрѣшаются „Хроникой“ Носова. Въ первыхъ афишахъ спектаклей, дававшихся ярославцами, женскія роли еще замѣняютъ мужчины (стр. 81, 89, 92, 107). Но въ 1757 году въ афишахъ уже появляются М. Волкова, Пушкина, Голубева, Михайлова, которыя и были, безъ сомнѣнія, *первыя актрисы, дебютировавшія на сценѣ постоянного казеннаго театра въ С.-Петербурѣ* (стр. 96). Въ томъ же году показанъ первый дебютъ г-жи Троепольской въ „Семирѣ“ Сумарокова (стр. 98, 101), и появляется на афишѣ новая актриса Бахметьева; въ слѣдующихъ афишахъ—Ольга Ананьина (стр. 98), Логинова (стр. 100), Анна Попова (стр. 103), Драницына, Демидова, Паралова (106), Зорина (109), Караулова (115), Иванова (116), М. Попова (стр. 117), Александрова (стр. 119), участвовавшая также и въ балетахъ (стр. 132). На стр. 109 Марья Ананьина уже является подъ именемъ г-жи Волковой. Замѣчательно, что Ольги Ананьиной вовсе не встрѣчается въ афишахъ, помѣщенныхъ въ „Хронику“, а прямо появляется г-жа Шумская (стр. 141). Всѣ эти актрисы играли на петербургскомъ театрѣ до открытія московскаго, и, слѣдовательно, театръ уже тогда располагалъ довольно многочисленнымъ женскимъ персоналомъ. При открытіи московскаго театра въ него поступили на женскія роли: Троепольская, Ольга Шумская, Анна Попова, Голова и Новикова, съ мужьями. Шумская и Анна Попова были жены принятыхъ на сцену Шумскаго и Ал. Попова, Голова была женою одного изъ придворныхъ пѣвчихъ, обучавшагося въ корпусѣ, Новикова

жена одного из корпусных офицеровъ, поступившихъ въ актеры, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ (стр. 149). Замѣчательно, что на всѣхъ московскихъ афишахъ, приведенныхъ въ „Хроникѣ“, обозначается именно этотъ женскій персоналъ, при чемъ иногда Шумская появляется въ афишахъ разомъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ (стр. 198), что происходитъ отъ того, что порядокъ спектаклей означенъ невѣрно. 13 октября 1762 г. означенъ дебютъ въ московскомъ театрѣ г-жи Авдотьи Михайловны Михайловой, и въ примѣчаніи сказано, что Михайлова нарочито принята на роли служанокъ для *петербургскаго театра* (стр. 217). Это кажущееся противорѣчіе совершенно вѣрно. Московскій театръ закрытъ въ іюнь 1761 года, а Михайлова принята была въ Москвѣ для петербургскаго театра во время коронаціи, когда втеченіи всего пребыванія императрицы съ 3 сентября 1762 г. по 19 іюня 1763 были открыты представленія въ Москвѣ на театрѣ у Краснаго пруда, гдѣ помѣщался и прежде казенный театръ. Авд. Мих. Михайлова съ перваго же разу обнаружила замѣчательный талантъ, играя все время въ Москвѣ, пока тамъ продолжались временныя представленія, и затѣмъ перешла въ Петербургъ, куда еще ранѣе Волковъ увезъ часть московской труппы, въ томъ числѣ Троепольскую, вслѣдствіе чего театръ въ Москвѣ закрылся.

На домашнихъ барскихъ театрахъ давали въ послѣдствіи представленія заѣзжіе иностранцы-комедіанты, и сами господа любители, но заведены они были первоначально собственно для своихъ дворовыхъ и потомъ предназначались для нихъ, при чемъ домашніе театры обращались иногда въ публичныя, куда допускались зрители за деньги. Образцомъ для всѣхъ служилъ театръ Матвѣева. Матвѣевъ выбралъ молодежь изъ своихъ дворовыхъ, исключительно мушницъ, и отдалъ въ науку нѣмцамъ-комедіантамъ, обучившимъ ихъ музыкѣ, танцамъ и театральному искусству. Выученные актеры въ театрѣ боярина въ присутствіи царя и знати разыгрывали духовныя мистеріи и нѣмецкія комедіи изъ репертуара своихъ учителей. Въ „Хроникѣ“ Носова есть извѣстіе, что нѣкоторые изъ выученныхъ даже переводили нѣмецкія пьесы на славянскій языкъ, тогда исключительно господствовавшій въ литературѣ. Замѣчательно, что на первыхъ порахъ, какъ скоро театръ изъ домашняго развлеченія въ тѣсномъ кружкѣ своихъ и близкихъ знакомыхъ выходилъ на болѣе обширное поприще и дѣлался особою, опредѣленною

потѣхою для болѣе обширнаго круга зрителей, бояринъ Матвѣевъ не рискнулъ идти совершенно наперекоръ общественнымъ нравамъ и отдать въ науку нѣмецкимъ комедіантамъ, въ числѣ которыхъ были и женщины, дѣвочки изъ своихъ дворовыхъ, не смотря на свое неограниченное надъ ними право. Такимъ образомъ домашнія потѣхи, которыя въ прежнее время разыгрывали дворовые добровольно для забавы господъ и собственной потѣхи, обратились для нихъ въ подневольную науку. Чѣмъ дальше распространялась цивилизація, тѣмъ больше стирала она мягкость патриархальныхъ отношеній между господами и слугами, тѣмъ болѣе эстетическія стремленія богатаго дворянства получали свою возмутительную сторону, когда помѣщикъ,

Согнавъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей,—

страданіями своихъ подвластныхъ разгонялъ скуку праздныхъ зрителей. Но и эта возмутительная сторона тогдашняго театральнаго искусства принесла нѣкоторую пользу общему развитію: эти труппы иногда давали на столичные театры замѣчательныхъ артистовъ. Прежде всего артистами изъ дворовыхъ появились музыканты, такъ какъ со времени появленія у насъ итальянской музыки страсть къ заведенію домашнихъ оркестровъ распространилась вообще между дворянствомъ. Домашніе оркестры начали заводиться съ царствованія Анны Іоанновны, преимущественно изъ волторнистовъ. Первый примѣръ замѣчательной частной капеллы подалъ при Елизаветѣ малороссійскій гетманъ Кир. Григ. Разумовскій, который у себя въ Глуховѣ собралъ до 40 музыкантовъ, преимущественно изъ русскихъ, и только нѣкоторые изъ иностранцевъ. Въ хорѣ Разумовскаго музыканты были настолько хороши, что каждый изъ нихъ могъ быть солистомъ. Хоръ этотъ организованъ былъ при содѣйствіи Г. Н. Теплова, который самъ замѣчательно игралъ на скрипкѣ, пѣлъ итальянскія аріи и первый переложилъ на музыку русскія пѣсни, придавъ имъ итальянскій характеръ. Г. Н. Тепловъ, сынъ истопника въ Псковскомъ архіерейскомъ домѣ и воспитанникъ Теофана Прокоповича, сопровождалъ К. Г. Разумовскаго во время путешествія его за границу; во время его гетманства въ качествѣ правителя гетмановой канцеляріи Тепловъ продолжалъ свое менторство при Кириллѣ Григорьевичѣ и вмѣсто него управлялъ Малороссією.

Въ Батуринѣ, подаренномъ ему Еккатериной, фельдмаршалъ К. Г. Разумовскій, бывшій не на дѣйствительной службѣ, тоже имѣлъ оркестръ изъ 14 музыкантовъ и 18 человѣкъ пѣвчихъ. Разумовскій былъ страстный любитель малороссійскихъ пѣсенъ. При Аннѣ Иоанновнѣ извѣстенъ былъ артистъ на лютнѣ и пѣвецъ Бѣлоградскій, украинскій уроженецъ, котораго вывезъ съ собою въ Дрезденъ посланникъ нашъ при Саксонскомъ дворѣ гр. Кайзерлингъ и отдалъ на нѣсколько лѣтъ въ ученіе знаменитому Вейзе. Бѣлоградскій пѣлъ сопрано самыя трудныя концерты и аріи, самъ себя аккомпанируя, и подражалъ въ совершенствѣ тогдашнимъ дрезденскимъ виртуозамъ (Аннибалу, Фаускино и др.), въ обществѣ которыхъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ практиковался въ Дрезденѣ. Послѣ смерти императрицы Анны Бѣлоградскій вмѣстѣ со многими итальянскими музыкантами отправился въ Дрезденъ и вступилъ на службу перваго саксонскаго министра гр. Брюля. Затѣмъ Штелинь упоминаетъ уже при Елизаветѣ какого-то Гаврилу, также пѣвца изъ украинцевъ, который пѣлъ сопрано труднѣйшія итальянскія оперныя аріи, въ совершенствѣ изображая самыя трудныя пассажи. Этотъ пѣвецъ появлялся постоянно при дворѣ во время музыкальныхъ интермедій на придворныхъ балахъ и обѣдахъ и заслуживалъ общее одобреніе. Внушенію этого пѣвца и другихъ украинцевъ, отличавшихся въ пѣніи, внушенію, которое дошло до императрицы Елизаветы, обязаны мы происхожденіемъ цѣльной оперы на русскомъ языкѣ. Здѣсь Штелинь, очевидно, впалъ въ ошибку, принявъ одно и то же лицо за двухъ различныхъ: о Гаврилѣ и о Бѣлоградскомъ Штелинь сообщаетъ одно и то же только въ разное время и при томъ весьма близкое: конецъ царствованія импер. Анны и начало царствованія Елизаветы; между тѣмъ Бѣлоградскаго звали Гаврилой и, по всей вѣроятности, онъ изъ Саксоніи при императрицѣ Елизаветѣ вернулся въ Россію. Русская опера написана была Сумароковымъ „Цефалъ и Прокриса“ положена на музыку капельмейстеромъ Араія и дана была въ первый разъ на масляницѣ въ 1755 году. Она исполнена была впервые молодыми воспитанниками, изъ которыхъ старшей — дѣв. Бѣлоградской, меньшей дочери упомянутаго придворнаго пѣвца Бѣлоградскаго, артистею на фортепіано было 14 лѣтъ отъ роду, а остальные — Гаврила Марциновичъ, извѣстный подъ именемъ Гаврилушки, Николай Ключаревъ, Степанъ Рошевскій и Степанъ Евстафьевъ — были еще моложе. По свидѣніямъ „Хроника“

Носова, при Аннѣ Иоанновнѣ въ операхъ „Незрячій Велизарій“, „Птицеловцы“, сочиненныхъ капельмейстеромъ Арайя, вмѣстѣ съ итальянскими пѣвцами принимала участіе Елизавета Бѣлоградская (стр. 79 и 94). Поэтому извѣстіе Штелина, что первый разъ опера Сумарокова была исполнена малолѣтними пѣвцами, несправедливо, да и вообще, оно мало вѣроятно. По другимъ извѣстіямъ исполнители первой русской оперы были артисты изъ хора Разумовскаго. При Екатеринѣ отправленъ былъ въ Италію вѣрнопостной человекъ гр. Ягужинскаго Машинскій, композиторъ и сочинитель оперъ. Въ „Хроникѣ“ упоминаются его оперы: „С.-Петербургскій гостинный дворъ“, комич. опера, музыка его же (стр. 367); „Папа Тунисскій“, комич. опера въ 2 дѣйствіяхъ, музыка придворнаго камеръ-музыканта Паскевича, обѣ онѣ въ свое время имѣли блестящій успѣхъ и постоянно давались на сценѣ (стр. 324); „Горбатые“, большая комическая опера въ 2 д., музыка Машинскаго (стр. 323, обозначено М-го). Кромѣ того Машинскій перевелъ комедію Гиллерта „Богомолка“ (СПБ. 1774). Вообще, до самаго освобожденія крестьянъ рѣдкій изъ сколько-нибудь состоятельныхъ помѣщиковъ не имѣлъ своего домашняго оркестра. Въ отдаленныхъ захолустьяхъ иногда эти оркестры доводились до замѣчательнаго совершенства. Въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи дядя мой П. А. Межаковъ, выступившій въ 1817 г. на поприще поэзіи подъ именемъ „уединеннаго пѣснопѣвца“ и заслужившій похвальный отзывъ Греча въ „Сынѣ отечества“ (61), имѣлъ оркестръ въ 30 человекъ, не уступавшій Тепловскому: способные дворовые мальчики отдавались въ ученіе въ Петербургъ первымъ знаменитостямъ, и капельмейстеромъ былъ вольнонаемный полякъ Дембинскій, замѣчательный музыкантъ и композиторъ. Оркестръ этотъ окончилъ свое существованіе трагически: вслѣдствіе семейной исторіи большинство музыкантовъ было отдано въ солдаты. Позднѣйшій Московскій театръ пополнился изъ барскихъ домашнихъ театровъ. Въ началѣ 1806 г. образована была особая театральная контора въ Москвѣ съ отдѣльнымъ директоромъ, находившаяся въ непосредственномъ завѣдываніи Московскаго генералъ-губернатора. Труппа этого новаго Императорскаго театра составила главнымъ образомъ изъ скупленныхъ помѣщичьихъ труппъ. Тогда труппа актеровъ кн. Волконскаго была куплена въ казну, и актерамъ зачтена была вся прежняя ихъ служба въ частномъ

русскомъ театрѣ. Перешедшіе въ Императорскій публичный театръ бывшіе актеры изъ крѣпостныхъ труппъ Волконскаго—Уваровъ, Волковъ, Баранчеева, Лисицына—были на особомъ положеніи, и когда они *зашибались*, что случалось нерѣдко, то имъ дѣлали выговоръ *особаго рода*. Актриса Бутенброкъ, хорошая пѣвица, была высѣчена розгами передъ самымъ вѣнчаніемъ (Зап. Совр. 1, 178). Загряжскій, пріѣхавши въ 1805 г. въ Москву, привезъ собственную свою балетную труппу и чрезъ балетмейстера своего, итальянца Стеллера, поладилъ съ антрепренеромъ Муромцевымъ насчетъ опредѣленія своихъ танцоровъ въ нѣмецкому театру за извѣстную плату съ тѣмъ, чтобы первая его танцовщица Наташа и славный „прыгунъ“ Иваницынъ, отпущенные на волю, получали особое жалованье (Зап. Совр. 1, 250). Послѣдняя такая покупка сдѣлана была уже Кокоскинымъ, который во время своего директорства купилъ крѣпостной балетъ у помѣщика Ржевскаго, причемъ солистокъ и фигурантовъ публика нашла не хуже присяжныхъ танцоровъ и отлично принимала (театр. восп. Н. И. Куликова, Искусство, № 3, стр. 30). Въ послѣдній годъ XVIII столѣтія актриса домашняго театра Столыпина пѣвица Варинька Новикова поступила на Императорскую сцену и замѣнила Ел. Сандунову, перешедшую, вслѣдствіе амурныхъ преслѣдованій Безбородко на Московскую сцену (стр. 108). Н. А. Полевой въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ передаетъ, что изъ труппы Познякова вышло нѣсколько хорошихъ актеровъ (Реперт. 1840 г.). Самъ Щепкинъ такимъ путемъ попалъ сначала на провинціальную, а потомъ въ Московскую сцену. Но при этомъ слѣдуетъ оговориться, что крѣпостное право, конечно, не было само по себѣ явленіемъ, вызывающимъ и развивающимъ художественные задатки въ русскомъ обществѣ. Если они появлялись и поддерживались въ такой средѣ, то, большею частью, и погибали подъ давленіемъ помѣщичьяго произвола; не многимъ личностямъ, и то случайно, удавалось благополучно окончить свою артистическую карьеру въ этой суровой и опасной школѣ.

Возвращаемся къ исторіи у насъ *настоящаго театра съ актерами по профессіи*, возникшаго у насъ при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Театральное дѣло, законченное съ кончиною Алексѣя Михайловича, возобновилъ Петръ. Великій преобразователь и въ этомъ

случаѣ оказался далеко впереди своихъ современниковъ. Прежде всего Петръ обратилъ театръ изъ придворнаго въ народный, для всѣхъ „охотныхъ смотрѣльщиковъ“. Съ этою цѣлью театръ Петра перешелъ изъ царскихъ хоромъ на Красную площадь, гдѣ близъ триумфальныхъ изобъ воздвигнута была особая „комедійная хранина“. Указомъ 5 января 1705 г. Петръ дозволялъ „смотрящимъ всякихъ чиновъ людямъ російскаго народа и иноземцамъ ходить повольно и свободно, безъ всякаго опасенія, а въ тѣ дни (представленія) воротъ городовыхъ по Кремлю, по Китаю-городу и по Бѣлому городу въ ночное время до 9 часу ночи не запираеть и съ приѣзжихъ указной по воротамъ пошлины не имать для того, чтобы смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно“. Петръ требовалъ, чтобы комедіи непременно играны были на русскомъ языкѣ, и потому желалъ имѣть комедіантовъ преимущественно изъ Польши, а не изъ Германіи. Оставляя въ сторонѣ то неудобство, что нѣмецкіе комедіанты не умѣли сослужить ему службу при обнародованіи его подвиговъ въ триумфальныхъ комедіяхъ, Петръ, не лишенный художественнаго чувства, вообще не доволенъ былъ современнымъ ему нѣмецкимъ репертуаромъ. Берхгольцъ рассказываетъ, что Петръ требовалъ отъ актеровъ шість, которыя имѣли бы не болѣе трехъ дѣйствій, не заключали въ себѣ никакихъ любовныхъ интригъ и были бы не слишкомъ грустны, не слишкомъ серьезны, не слишкомъ веселы (IV, 9; тоже Бассевичъ, стр. 153).

Въ іюнь 1702 г. прибыла одна изъ странствующихъ нѣмецкихъ труппъ съ Яганомъ Кунштомъ во главѣ, и открыла свои представленія въ театрѣ на Красной площади. Расчетливый вообще и скупой въ особенности на прихоти Петръ не щадилъ денегъ на театральное дѣло, которое въ его глазахъ было дѣло общественное. Въ началѣ октября взяты въ посольскій приказъ для ученія комедійныхъ дѣйствъ разныхъ приказовъ подъячіе, и сказанъ имъ его, Великаго Государя указъ, чтобы они комедіямъ учились у комедіанта Ягана Куншта и были бы ему, комедіанту, въ томъ ученіи послушны. Кунштъ былъ и актеромъ, и авторомъ: репертуаръ его, создавшійся среди труппъ странствующихъ нѣмецкихъ актеровъ въ періодъ разработки нѣмецкаго національнаго театра Фельтенемъ, заключалъ пьесы, обязанныя своимъ происхожденіемъ литературѣ французской, нѣмецкой, итальянской, но въ видѣ сво-

бодной обработки нѣмецкими актерами. Исторія античнаго и христіанскаго міра, бытовья происшествія и любовныя похождения давали сюжетъ этимъ дѣйствамъ; но среди эзальтированнаго на-оса выставленныхъ на сценѣ героевъ являлся неизбѣжно нѣмецкій шутъ Гансвурстъ и вносилъ элементъ самаго вульгарнаго комизма, грязнаго и неприличнаго шутовства, такъ что дѣяки по-сольскаго приказа были правы, находя въ комедіяхъ Куншта „мало пристойства“. Но неудивительно, что среди тяжелыхъ и скучныхъ мистерій съ духовно-назидательнымъ содержаніемъ *мольерныя и радостныя* комедіи странствующаго нѣмецкаго театра пришли по вкусу зрителямъ. Въ репертуарѣ Куншта показаны, между прочимъ: „Докторъ принужденный“—передѣлка комедіи Мольера „Le médecin malgré lui“; „Тюрьмовый заключенный, или принцъ Пикель Герингъ“, заимствованный изъ комедіи младшаго Корнеля— „Le geolier de soi même ou Jodelet prince“, въ свою очередь передѣланной изъ знаменитой комедіи Кальдерона— „El Alcaide de sé mismo“; „Постоянный Папипіанусъ“, трагедія Грофіуса; „Честный замѣнникъ или Фридерихъ фонъ-Поплей и Алоизія, супруга его“— трагедія Чиконьини. Кромѣ того указана комедія о Донъ-Педрѣ и Донъ-Янѣ — довольно близкій переводъ старой итальянской траги-комедіи, которая представлена была въ Парижѣ итальянскими комедіантами за нѣсколько лѣтъ до появленія Мольеровскаго Донъ-Жуана и переведена на французскій языкъ де Виллѣ. Переводъ де Виллѣ совершенно совпадаетъ съ текстомъ Кунштовой комедіи (Тихонравовъ). Изъ переводовъ Мольера въ Петровскую эпоху извѣстна еще комедія „Драгія смѣяныя“, переводъ съ дополненіями комедіи „les précieuses ridicules“ сдѣланный въ 1703 году, по предположенію Пекарскаго, полякомъ, проживавшимъ въ Петербургѣ въ качествѣ придворнаго шута, извѣстнымъ подъ именемъ Самоѣдскаго короля. Въ рукописи публичной бібліотеки Пекарскій нашелъ Мольеровскаго Амфитріона; хотя на переплетѣ рукописи означенъ 1755 годъ, но самый переводъ Тихонравовъ относитъ къ концу XVII вѣка.

Въ концѣ 1703 г. Кунштъ умеръ. Петръ Великій тотчасъ по смерти Куншта указалъ нѣмецкимъ комедіантамъ впредь больше не играть. Труппа нѣмецкихъ актеровъ была отпущена назадъ; въ Москвѣ изъ нея были оставлены жена Куншта и комедіантъ Бендлеръ, котораго вскорѣ замѣнилъ золотого дѣла мастеръ Ар-

темъ Фирштъ, „чтобы русскихъ комедіантовъ въ ученіи совершать“. Новый директоръ, повидимому, былъ мало опытенъ. Ученики Фиршта жаловались, что не могутъ дѣйствовать выученныхъ комедій въ твердости за нерадѣніемъ иноземца въ комментахъ (тогдашнихъ сценическихъ приемахъ) и за недознаніемъ въ рѣчахъ; жаловались, что иноземецъ ихъ русскаго поведения не знаетъ, и просили выбрать изъ нихъ же русскихъ комедіантовъ одного человѣка или двухъ, по разсмотрѣнію, вмѣсто Фиршта. Комедіанты были люди буйные и непослушные, ходили всегда со шпагами на-голо, пили и бражничали по ночамъ, обирали и задирали купцовъ; ихъ смиряли батогами. Но это не мѣшало русскимъ ученикамъ изъ приказныхъ людей освоиться съ театральными дѣлами. Одинъ изъ этихъ учениковъ Семень Смирновъ, привезенный изъ ратуши, написалъ между 1702 — 1709 годами двѣ комедіи: „о Тенерѣ, Лизетинѣ отцѣ, винопродавцѣ“ и „о Тонвуртинѣ, старомъ шляхтичѣ“, напечатанныя въ сборникѣ г. Тихонравова.

Кто именно былъ этотъ Фирштъ и какая была дальнѣйшая его судьба—въ точности мало извѣстно. Въ „Хроникѣ“ Носова помѣщено извѣстіе, что послѣ отъѣзда труппы Куншта въ 1704 году явилась новая труппа Отто Фиршта, такъ что на театрѣ Красной площади давались по очереди представленія: по воскресеньямъ и вторникамъ—русскіе ученики Ягана Куншта, а по понедѣльникамъ и четвергамъ—нѣмецкая труппа Фиршта. Обѣ труппы состояли въ управленіи Фиршта. Это подтверждаетъ напечатанный г. Барсовымъ указъ 5 января 1705 г., т.-е. уже послѣ отъѣзда за границу труппы Куншта, гдѣ сказано: „Государь указалъ комедіи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ дѣйствовать и при тѣхъ комедіяхъ музыкантамъ на разныхъ инструментахъ играть въ указные дни въ недѣлѣ: въ понедѣльникъ и въ четвергъ“. Въ 1707 году „комедійная хранина“ на Красной площади была разобрана и театр въ Москвѣ прекратился за исключеніемъ ученическихъ въ Закопасской академіи и при госпиталѣ до царствованія императрицы Елизаветы. Придворный театръ являлся въ Москвѣ только при долговременномъ туда переселеніи двора, какъ напримѣръ, при Елизаветѣ Петровнѣ съ 16 декабря 1752 г. по 19 мая 1754 года, представленія давались тогда въ Кремлевскомъ дворцѣ.

За то театръ появился въ Петербургѣ. Объ его тамъ учрежденіи „Хроника“ Носова содержитъ слѣдующія интересныя подроб-

ности. Въ 14 году по основаніи Петербурга, на Петербургскомъ островѣ, въ Никольской улицѣ, въ частномъ домѣ начали свои представленія „россійскіе комедіанты“. Комедіанты эти были охотники, подъячіе, типографщики и проч. Въ домѣ, болѣе похожемъ на сарай, выломаны стѣны, полъ, углубили землю для партера, сколотили изъ досокъ ярко-размалеванный ярусъ ложъ—и театръ готовъ. Публика съ нетерпѣніемъ ожидала сей неожиданной новинки. Успѣхъ первоначальнаго представленія понравился публикѣ и царевна Наталья Алексѣевна приказала выписать изъ Москвы въ С.-Петербургъ труппу актеровъ, въ числѣ которыхъ находился 1-й актеръ, сынъ содержателя нѣмецкой и русской труппы въ Москвѣ Отто Фиршта Францъ Фирштъ, который и назначенъ главнымъ директоромъ надъ петербургскимъ театромъ. Актеры-охотники сами сочиняли комедіи, трагедіи и разыгрывали оныя; представленія иной разъ продолжались до 7 вечеровъ, въ дѣйствіи рѣдко былъ планъ, актеры выходили и уходили часто безъ всякой надобности, а въ антрактахъ собирались на сценѣ толпами, кривлялись, бранились, разговаривали съ зрителями и даже давали другъ другу пощечины. Такія неблагопристойныя трагедіи и комедіи царевна Наталья Алексѣевна приказала уничтожить, а директору Францу Фиршту ѣхать въ Германію для приглашенія комедіантовъ, и по возвращеніи его изъ Германіи въ Петербургъ съ труппою актеровъ, состоящею изъ 12 человекъ, начались представленія. Отъ 1716 г. до 1720 года играли пѣсы стараго репертуара. Въ 1720 году устроенъ для этой вновь прибывшей труппы театръ у Зеленаго (Полицейскаго) моста. Съ 1721 по 1725 годъ на этомъ театрѣ нѣмецкіе комедіанты играли пѣсы стараго репертуара, но, не смотря на то, театръ Франца Ф. былъ посѣщаемъ нѣмцами, поселившимися въ Петербургѣ; стеченіе народу было такое множество, что болѣе половины не могли достать билетовъ, между тѣмъ какъ русскій театръ (на Петровскомъ Островѣ) пустѣлъ; не смотря на желаніе царевны Натальи Алексѣевны вкусъ къ театральнымъ представленіямъ не пробуждался. При Императрицѣ Екатеринѣ I до восшествія на престолъ Петра II въ 1728 году, театральныхъ представленій ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не было. 3 марта 1731 г. при Аннѣ Іоанновнѣ отмѣчено: театръ у Полицейскаго моста былъ разрушенъ разлитіемъ рѣки Мойки, которая не была еще укрѣплена берегами. По сему случаю Францъ

Фирштъ съ трупкою выѣхалъ изъ Россіи, а русскіе его ученики перешли въ амфитеатръ стараго развалившагося каруселя на потѣшной площади большаго театра. Весь этотъ разсказъ чрезвычайно запутанный, и, очевидно, какъ во всей „Хроникѣ“, выдумки и недоразумѣнія перемѣшаны съ достовѣрнымъ преданіемъ. Даже въ самой „Хроникѣ“ есть очевидныя и необъяснимыя противорѣчія (Ср. стр. 50, 51 и 52 прим. и стр. 54 прим.). Но изъ этого разсказа можно вывести безошибочно заключеніе, что еще въ царствованіе Петра 1-го въ Петербургѣ существовалъ вольный русскій театръ балаганнаго типа, который дворъ хотѣлъ, но неудачно, обратить въ придворный, и рядомъ съ этимъ отдѣльный нѣмецкій театръ, процвѣтавшій подъ управленіемъ Франца Фиршта. Берхгольдъ (ч. III, 193 и 194) сообщаетъ, что 21 августа 1723 г. Императоръ, принцессы и герцогъ Голштинскій посѣтили театръ, гдѣ нѣмецкіе актеры давали комедію „Возможность, сдѣланная невозможною“ (die unmöglich gemachte Möglichkeit), труппа состояла изъ 10—11 человѣкъ и еще очень плохо снабжена была костюмами. Представленія больше всего посѣщаются дворомъ, и безъ него актеры умерли бы съ голоду, потому что изъ русскихъ никто не ходитъ смотрѣть ихъ, и изъ иностранцевъ также бывають у нихъ немногіе. Берхгольдъ при этомъ замѣчаетъ, что строили новый театръ. Извѣстія о комедіи продолжаются и въ 1725 году, между прочимъ о постановкѣ пьесы о „бѣдномъ Юргенѣ“ (бѣдный Юрка, Отто Фиршта, Хрон. стр. 49), передѣлка изъ испанской комедіи (стр. 67, 76). Вѣроятно, это и была труппа Франца Фиршта, о которой говоритъ Носовъ.

Театральное дѣло въ Петербургѣ нѣсколько оживилось съ воцареніемъ Анны Іоанновны. Въ Лянѣ Іоанновнѣ, какъ во всей семьѣ Алексѣя Михайловича, сказывалась живая и склонная къ увеселеніямъ натура ея дѣда. Анна Іоанновна очень любила русскую пляску и танцы. Тогда русской пляской въ особенности отличались гвардейскіе унтеръ-офицеры изъ дворянъ съ ихъ молодыми женами. Поэтому Императрица повелѣла чтобы они являлись на каждомъ придворномъ балѣ для русской пляски. Къ коронаціи Императрицы король Августъ прислалъ славившихся тамъ актеровъ и они играли при дворѣ итальянскія интермедіи. Это понравилось, и въ 1735 году вызвана была итальянская труппа подъ дирекціей извѣстнаго капельмейстера и композитора Франческо Арайя и комическій

балетъ итальянца Фассано. Театры устроены были деревянные въ Лѣтнемъ саду и въ Зимнемъ дворцѣ во флигелѣ, мѣста раздавались безденежно придворнымъ по чинамъ. Въ балетѣ въ 1736 году въ танцахъ участвовали воспитанники Шляхетнаго корпуса подъ руководствомъ придворнаго балетмейстера изъ Парижа Ланде, здѣсь же обратилъ на себя вниманіе ученикъ Ланде — кадетъ Чоглоковъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся камергеромъ. Благодаря этому появленію у насъ итальянцевъ развилась, какъ мы видѣли, въ обществѣ страсть къ музыкѣ, и драматическая наша литература прежде всего обогатилась переводами оперъ итальянскихъ композиторовъ: Бергати, Бонеки, Лазарони и, преимущественно, Метастазіо; переводы послѣдняго издавались отъ Академіи Наукъ. Въ 1739 году прибыла странствующая нѣмецкая труппа изъ Лейпцига. Императрица Анна, не знавшая ни французскаго, ни итальянскаго языка, была въ особенности расположена къ этой труппѣ; труппа раздѣлила судьбу побѣжденной нѣмецкой партіи при дворѣ, и со смертію Анны Іоанновны нѣмецкіе актеры были выгнаны, даже не получивши расчета. Кромѣ официального театра при Аннѣ Іоанновнѣ, есть въ извѣстіи о русскомъ театрѣ Штелина указаніе, что въ то время придворные играли русскія пѣсы и въ томъ числѣ сказку въ лицахъ о Ягѣ-Бабѣ, въ которой главную роль игралъ оберъ-гофмаршалъ Дм. Андр. Шепелевъ. Это же подтверждаетъ и „Хроника“ Носова. Во время коронаціи въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ дана была вновь сочиненная Дм. Андр. Шепелевымъ комедія-сказка съ пѣснями и танцами „Баба-Яга“; тутъ же сообщена и афиша, по которой роль Ивана Царевича игралъ Шепелевъ, Яги-Бабы П. И. Ермаковъ, а Любаши, невѣсты Ивана Царевича — графъ Воронцова. Кромѣ того въ томъ же Кремлевскомъ дворцѣ указано исполненіе придворными слѣдующихъ пѣсъ: „Ясная Соколиная пирушка“, „Соволь съ мѣста, ворона на мѣсто“, „Лѣкаръ по неволѣ“, Мольера. Въ исторіи академіи Пекарскаго есть указаніе, что императрица Анна по прибытіи въ Петербургъ придумала устроить при дворѣ домашній театръ, гдѣ поставлена была пѣса изъ приключеній Іосифа, проданнаго братьями въ Египеть, въ постановкѣ или сочиненіи которой принималъ участіе Тредьяковскій. Изъ росписанія, отнесеннаго къ 1732 году, видно, что дѣйствующими лицами были кадеты, пажы, карлы, калмыки и пѣвчіе. Театръ, значитъ, сыгранъ былъ въ самый годъ основанія Корпуса.

Въ 1741 году на престолъ взошла другая внучка Алексѣя Михайловича: внѣшняя сторона ея царствованія, связанная неразрывно съ замѣчательнымъ пробужденіемъ умственной жизни въ высшихъ слояхъ, преимущественно въ молодомъ поколѣніи, до сихъ поръ какъ-то мало оцѣнена. Музыкальное и театральное дѣло при Елизаветѣ очень выросло и стало на ноги. Нивогда до тѣхъ поръ Петербургъ не представлялъ такого изобилія и разнообразія зрѣлищъ. Итальянцы процвѣтали: къ талантливому Арайи присоединился придворный пѣта, докторъ Бонекки, декораторъ Валерьяни и балетмейстеръ Фоссани. Императрица Елисавета сама была ученица Ланде, прекрасно танцовала и была охотница до танцевъ: при ней Ланде сдѣланъ былъ учителемъ танцованія въ корпусѣ. Елисавета кромѣ того была большая любительница церковнаго пѣнія и положила начало придворной пѣвческой капеллы, которая съ самаго начала достигла такого совершенства, что въ царствованіе Екатерины пріѣхавшій изъ Венеціи знаменитый капельмейстеръ, старикъ Галуппи, сказалъ: „такого великолѣпнаго хора еще не слыхала Италия“. Подъ влияніемъ господствовавшей при дворѣ музыки церковное пѣніе преобразилось въ придворномъ хорѣ и начало этому преобразованію, еще до Бортнянскаго, положилъ композиторъ Березовскій. Березовскій (1745—1777), уроженецъ, также какъ и Бортнянскій, гор. Глухова, поступилъ изъ Кіевской духовной академіи въ придворную капеллу, гдѣ образовался подъ руководствомъ Цописа и въ 1765 г. отправленъ былъ въ Болонью, къ одному изъ отличнѣйшихъ тогда профессоровъ, старшему Мартини. Отъ Болонской академіи Березовскій получилъ званіе капельмейстера и титулъ академика. По возвращеніи въ Россію въ 1774 г., онъ не получилъ мѣста въ придворной пѣвческой капеллѣ и не имѣвъ возможности заявить свои дарованія, окончилъ жизнь свою самоубійствомъ на тридцать третьемъ году отъ роду. Березовскій первый ввелъ расположеніе церковныхъ нашихъ концертовъ по плану концерто-гроссо и симфоніи въ томъ видѣ, какъ впоследствии писалъ ихъ Бортнянскій и двухголосные или двуххорные концерты; его духовная музыка замѣчательна сравнительною живостью и отчасти страстностью мотивовъ и носить болѣе складъ итальянской композиціи, нежели музыка Бортнянскаго, болѣе самобытная и близкая къ прежнему духовному напѣву. При Елизаветѣ въ первый разъ во всей Европѣ, а не только въ Россіи,

введены усиленные хоры въ итальянскихъ операхъ, съ участіемъ въ нихъ всей придворной капеллы. Въ 1751 году оберъ-егермейстеръ С. Кир. Нарышкинъ ввелъ роговую музыку, изобрѣтенную придворнымъ волторнистомъ, чехомъ Марешемъ (Magach), составившимъ оркестръ изъ служителей придворной охоты. Въ 1757 г. принять въ Императорскую службу прибывшій содержатель итальянской оперы и балетной труппы Баписто Локателли, а Араія въ 1759 г. возвратился въ Италію. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Елизаветы (1772) прибыла французская труппа изъ Касселя Дюбло и Сериньи и подъ управленіемъ послѣдняго принята была на службу. Въ 1748 и 1749 году въ Петербургѣ давалъ представленія извѣстный въ Гамбургѣ и Берлинѣ нѣмецкій актеръ Аккерманъ съ своей труппой, а въ 1751 его замѣнилъ нѣмецкій антрепренеръ Панталонъ Гельфертингъ и съ нимъ акробатъ (балаганщикъ) Сколари, ходившій, къ удивленію зрителей, необычайно высоко по канату. Представленія Гельфертинга посѣщались только лавеями и чернью, — вѣроятно вслѣдствіе плохо выбраннаго репертуара; его замѣнилъ англичанинъ-акробатъ, удивившій своими необыкновенными скачками. Всѣ эти свѣдѣнія сообщаетъ Штелиъ и съ нимъ совершенно согласенъ Носовъ, разумѣется, не принимая въ расчетъ хронологію. Кромѣ того Носовъ одновременно съ Гельфертингомъ упоминаетъ еще труппу изъ Стокгольма Сигмунда. Выдумать такой труппы Носовъ не могъ, но одновременное въ то время существованіе двухъ нѣмецкихъ труппъ въ Петербургѣ немислимо. И потому остается предположить, что труппа Сигмунда была позднѣйшая, въ Елисаветинское царствованіе. Это невниманіе публики къ разнообразнымъ зрѣлищамъ показываетъ, что вкусъ ея не удовлетворялся иноземнымъ и жаждаль представленій на русскомъ языкѣ. Поэтому понятно, съ какой радостью Императрица схватила за кадетскій театръ и какъ энергически она взялась за отечественное театральное дѣло, когда открылась къ тому возможность. Трагедіи Сумарокова настолько удовлетворили стремленіе къ русскому и вкусъ современнаго общества, что при Екатеринѣ воспитанницы Смольнаго монастыря разыгрывали ихъ на своемъ домашнемъ театрѣ.

Умственное движеніе между молодежью Елисаветинской эпохи началось съ Шляхетнаго корпуса, самаго старшаго изъ свѣтскихъ высшихъ учреждений для дворянства. Карабановъ пере-

дасть, что кадеты составили между собою общество любителей русской словесности и читали другъ другу первые опыты сочиненій своихъ и переводовъ. На первыхъ порахъ въ корпусъ товарищами Сумарокова были: кн. Рѣпинъ, кн. Прозоровской, гр. П. И. Панинъ, М. Ф. Каменской, Румянцевъ, Херасковъ, Елагинъ, Свистуновъ, Мелиссино. Общество состояло изъ офицеровъ корпуса, гвардіи и кадетъ: туда ходилъ читать свои переводы А. В. Суворовъ, напечатавшій между прочимъ въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ „Разговоры: Кортеса съ Монтезумою“ и „Александра Великаго съ Геростратомъ“, приписанные Новиковымъ Сумарокову единственно потому, что обозначены были буквами А. С. Корпусное общество, въ хронологическомъ порядкѣ первое, предшествовавшее собраніямъ университетскихъ студентовъ и воспитанниковъ благороднаго пансіона, о которыхъ мы уже говорили, было однимъ изъ тѣхъ скромныхъ центровъ, изъ которыхъ образованіе разливалось болѣе или менѣе широко въ Россіи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда судьба забрасывала немногочисленныхъ питомцевъ только-что возникающихъ учреждений. Въ корпусѣ, точно также какъ въ университетѣ и пансіонѣ, досуги воспитанниковъ посвящены были театру. Въ „Хроникѣ“ Носова объ этомъ предметѣ существуетъ очень интересное указаніе. Подъ 1751 г. перечисляются директоры домашнихъ петербургскихъ театровъ и въ томъ числѣ 1-го шляхетскаго кадетскаго корпуса, оберъ-штальмейстеръ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ 1750 г.; января 1-го (стр. 65 и 66). На стр. 128 (Прим.) означены переводы комедіи Мольера „Лъварь по неволѣ“ (*Le medecin malgre lui*), въ такомъ порядкѣ: 1) Царицы Софіи Алексѣевны, 2) Петра Сумарокова, отца Александра П. Сумарокова 1751 г., 3) актера Ив. Аф. Дмитревскаго 1758 г. У Карбанова есть также извѣстіе, что въ корпусѣ въ 1752 г. былъ оберъ-штальмейстеромъ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ. Отца Ал. Петр. Сумарокова звали Петромъ Панкратьевичемъ; а Петръ Спиридоновичъ, упоминаемый въ запискахъ Нащокина, былъ камергеромъ герцога Голштинскаго Петра Ульриха (Петра III) и послѣ уже смерти Ал. П. Сумарокова жилъ въ Москвѣ въ чинѣ генералъ-аншефа (Буличъ, Сумароковъ и современная ему критика, стр. 10, прим.). Остается опредѣлить, дѣйствительно ли отецъ Ал. П. Сумарокова былъ переводчикомъ Мольера. Если это правда, то прибавляется очень важный фактъ къ малоизвѣстной біографіи

знаменитаго драматурга: отсюда видно, что страсть къ театру усвоена была Сумароковымъ между прочимъ и въ семейной его обстановкѣ, отъ отца, тоже любителя театра. Въ 1749 году кадеты на своемъ театрѣ представили первую трагедію Сумарокова „Хорекъ“, и 8 февраля 1750 г. повторили ее во дворцѣ. По извѣстіямъ въ хроникѣ спектакли въ Корпусномъ театрѣ давались и на французскомъ языкѣ, причемъ приводится трагедія „Эдипъ“ Вольтера и „Ифигенія въ Авлидѣ“, де-ла-Гуша; а Штелинь утверждаетъ, что представленія на французскомъ языкѣ предшествовали русскимъ. Это очень вѣроятно потому, что, въ то время, въ корпусѣ на изученіе французскаго языка было обращено главное вниманіе и кадеты выходили изъ корпуса, владѣя имъ въ совершенствѣ. Французскіе спектакли продолжались въ корпусѣ и въ царствованіе императрицы Екатерины, подъ руководствомъ знаменитаго въ то время актера французской труппы Офрена (Арал., стр. 113, прим.); въ корпусѣ повидимому существовалъ въ то время особый, хорошо приспособленный домашній театръ, такъ какъ въ первомъ десятилѣтіи царствованія импер. Екатерины частный антрепренеръ Маттеи учредилъ тамъ оперу-буффъ, но, за недостаткомъ средствъ, опера эта скоро разрушилась (тамъ же, стр. 86). Пьесы, разыгрываемыя кадетами на своемъ театрѣ при Елизаветѣ, повторены были и на театрѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ присутствіи императрицы, принимавшей живѣйшее участіе въ кадетскихъ спектакляхъ: она велѣла выдать изъ царской кладовой все необходимо для костюмовъ и сама убирала къ представленію Свистунова, игравшаго роль Оснельды. По показанію Лонгинова, съ 8 февраля 1750 года по 21 декабря 1751 года кадеты постоянно играли на театрѣ въ Зимнемъ дворцѣ, подъ руководствомъ самого Сумарокова и давали, по мѣрѣ ихъ появленія, трагедіи Сумарокова, „Гамлетъ“, „Синеусъ и Труворъ“, „Аристана“, „Семира“; его же комедіи „Трисотниусъ“, „Чудовище“, „Пустая ссора“; и трагедію Ломоносова „Тамира и Селимъ“. Въ показаніяхъ объ именахъ кадетъ-актеровъ есть значительная разница. Въ „хроникѣ“ помѣщены двѣ афиши съ именами кадетъ, участвовавшихъ во французскихъ спектакляхъ (стр. 78 и 87), гдѣ поименованы: Ив. Ив. Мелиссино, Сухомлиновъ, Татищевъ, гр. Бутурлинь, Щербатовъ, Свистуновъ, Остервальдъ, Ник. Ан. Бекетовъ, Бестужевъ-Рюминъ, Ефимовичъ, Лихаревъ, Новиковъ, Лабызевъ. Лонгиновъ, на основаніи показа-

ніа Сумарокова, кромѣ Бекетова, Свистунова, Мелиссино и Остервальда, называетъ Разумовскаго, Бухвостова, Рубановскаго, Гирпендена, Гельмерсена, Каница и Гоха. Можетъ быть кадеты мѣнялись и для французскаго спектакля были одни актеры, для русскаго другіе. Успѣхъ кадетскихъ представленій далъ мысль учредить въ корпусѣ школу для образованія актеровъ: 14 марта 1752 года въ корпусѣ опредѣлены 7 придворныхъ пѣвчихъ, предназначенныхъ въ актеры. Передъ этимъ въ томъ же 1752 г. изъ Ярославля привезена, нарочно за ней отправленнымъ сенатскимъ экзекуторомъ Дашковымъ, труппа Ф. Г. Волкова, и 18 марта, въ присутствіи Государыни и нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, а не публично, она дебютировала въ мистеріи Св. Дмитрія Ростовскаго „О покаяніи грѣшнаго человѣка“. Затѣмъ уже начали представлять ярославцы пьесы современнаго репертуара. Изъ нихъ оставлены были въ Петербургѣ двое Волковыхъ, Нарыковъ, переименованный Императрицею въ Дмитревскаго, и Поповъ. О числѣ оставленныхъ въ Петербургѣ ярославцевъ существуетъ разнорѣчіе. Штелинь наименовываеъ вышеуказанныхъ четырехъ; Карабановъ прибавилъ къ нимъ Шумскаго, и ту же ошибку, вслѣдъ за Шаховскимъ, повторяеъ Араповъ, помѣщая Шумскаго въ корпусѣ, гдѣ онъ никогда не былъ. Между тѣмъ у Штелина въ числѣ первыхъ русскихъ актеровъ поименованы Шумскій и Сѣчкаревъ, оба родомъ украинцы. Въ перечнѣ состава театральной дирекціи, во время завѣдыванія театрами вн. Юсупова, назначеннаго въ 1791 г., приведенномъ Араповымъ изъ журнала Анд. В. Каротыгина, поименовано: старшій послѣ Дмитревскаго актеръ, украинецъ Шумскій, происходилъ изъ цирульниковъ, отличаеъ былъ всегда фонъ-Визинымъ (стр. 104). Сѣчкарева Носовъ помѣщаетъ въ числѣ офицеровъ, выпущенныхъ изъ кадетскаго корпуса въ 1752 г. и игравшихъ на театрѣ въ качествѣ любителей. Какъ бы ни разрѣшились эти недоразумѣнія, ясно одно, что при открытіи перваго и постояннаго общедоступнаго русскаго театра въ 1756 г. въ него, кромѣ ярославцевъ, вошли со стороны и не стѣсняясь званіемъ люди, чувствовавшіе истинное призваніе къ сценическому искусству, не исключая, какъ мы видѣли, и женщинъ; этимъ именно и замѣчательнъ этотъ первый кружокъ актеровъ, незабвенный въ исторіи русскаго театра. Десятаго сентября 1752 г. Дмитревскій и Поповъ опредѣлены были въ корпусѣ для обученія словес-

ности, языкамъ и гимнастикѣ; а въ 1754 году туда же помѣщены Григорій и Ѳедоръ Волковы и придворный пѣвчій Приказный. Эти воспитанники находились особо, носили особое форменное платье и обѣдали сначала вмѣстѣ съ кадетами, а потомъ отдѣльно. Сверхъ обыкновеннаго курса наукъ, преподаваемыхъ кадетамъ, обучали ихъ правиламъ декламации корпусные офицеры: капитанъ-поручикъ Мелиссино, кап. пор. Остервальдъ и прап. Сви-стунъ. Помѣщеніе въ корпусъ придворныхъ пѣвчихъ продолжалось, какъ видно, и послѣ 1754 года: такъ, упоминаются въ журналѣ—Бортыанскій, Татищевъ и другіе, не поименованные въ числѣ первыхъ 8 поступившихъ. Носовъ передаетъ, что въ 1759 г., когда нѣсколько придворныхъ актеровъ отправлены были изъ Петербурга для устройства московскаго театра, взяты были вновь и помѣщены въ корпусъ пѣвчіе, по назначенію Волкова и Дмитревскаго, и кромѣ того изъ чиновниковъ кадетскаго корпуса, извѣстные впоследствии актеры, Вансловъ, Карауловъ и Драницынъ съ женами (стр. 150 и 151, прим.). Школа декламации при корпусѣ, повидимому, вполне замѣняла приготовительную театральную школу, гдѣ всѣ желающіе и способные изъ кадетъ могли готовиться въ сценическому искусству. Такъ въ 1752 году выпущены были изъ корпуса кадеты, участвовавшіе въ театраль-ныхъ представленіяхъ, Свѣчаревъ, Ефимовичъ, Лобазевъ, Сухо-линовъ и Новиковъ, которые, послѣ выпуска, иногда играли, по просьбѣ театральнаго начальства, на придворномъ театрѣ безъ всякаго возмездія; а въ мартѣ 1759 г. приняты на дѣйствительную службу въ Императорскій Московскій театръ, съ жалованьемъ каждому по 150 р. въ годъ (Носовъ, стр. 149 и 150, прим.). Только уже въ 1779 году Бибииковъ, которому въ 1763 г., по увольненіи Сумарокова и назначеніи главнымъ директоромъ театровъ Ив. Перф. Елагина поручено было управленіе русскою труппою, — завелъ особое театральное училище подъ руководствомъ Дмитревскаго. Такимъ образомъ значеніе сухопутнаго Шляхетскаго корпуса въ исторіи нашего театра очень велико: корпусъ былъ не только первою школою и расадникомъ актеровъ, но и далъ театральному искусству извѣстныхъ въ свое время драматическихъ писателей: Сумароковъ, Херасковъ, Озеровъ, С. Н. Глинка, Крюковскій, авторъ въ свое время знаменитой трагедіи „Пожарскій“, Ефимьевъ, авторъ въ свое время извѣстной драмы „Преступникъ отъ игры

или братомъ проданная сестра“, спасенный отъ забвенія Гречемъ, Нартювъ, одинъ изъ первыхъ у насъ переводчиковъ драматическихъ пьесъ. Къ корпусу же принадлежалъ Яв. Бор. Княжнинъ, приглашенный учителемъ словесности въ корпусъ главнымъ начальникомъ его, графъ. Ангальтомъ (1786—1794).

Въ 1756 году августа 30 состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи русскаго театра на Васильевскомъ острове, въ Головкинскомъ домѣ, близъ кадетскаго корпуса, гдѣ теперь академія художествъ, подъ дирекціей Сумарокова. Въ этотъ театръ поступили 8 пѣвчихъ, первоначально отданныхъ въ корпусъ, и 4 комедіанта Григорій и Феодоръ Волковы, Дмитревскій и Поповъ, кромѣ того другія неслужащія лица и актрисы, о которыхъ мы уже говорили выше. Въ декабрѣ 1757 года изъ Головкинскаго дома театръ перенесенъ былъ въ зданіе придворнаго театра, близъ Лѣтнаго сада, гдѣ играли до тѣхъ поръ лишь труппы французская и итальянская; но актеры продолжали жить въ Головкинскомъ домѣ до 1761 года, когда домъ занятъ подъ академію художествъ, и давали тамъ особыя преставленія, для практики и не публично. Въ томъ же 1757 г. Локателли открылъ итальянскій театръ въ Москвѣ, но обанкрутился и вернулся въ Петербургъ. Въ сентябрѣ 1759 года разрѣшено было устроить и въ Москвѣ русскій придворный театръ, для чего были посланы туда Волковъ и Шумскій. Но уже въ іюнѣ 1761 г. придворный театръ въ Москвѣ прекратился. Такимъ образомъ исторія театра въ Петербургѣ и Москвѣ была совсѣмъ иная. Въ Петербургѣ театръ всегда сохранялъ придворный типъ: зрители сначала пускались въ него безденежно, по чинамъ. 5 мая 1757 г. разрѣшено было допущеніе на театръ зимняго дворца вольной публики за деньги; но въ іюлѣ 1761 года разрѣшеніе это прекращено. Только уже при Екаторинѣ объявленъ былъ 9 іюня 1773 г. указъ о возвращеніи въ системѣ „публичнаго, русскаго комедіанскаго зрѣлища“, приведенный въ исполненіе чрезъ 10 лѣтъ, съ постройкою архитекторомъ Типшбейномъ, на мѣстѣ называвшемся „для каруселя“,—теперь площадь большаго театра,—особаго театральнаго зданія. Передъ этимъ открытіемъ Императорскаго общедоступнаго театра существовалъ въ Петербургѣ вольный театръ *изъ Москвы*. Въ 1773 г. нѣкто Книперъ собралъ въ Москвѣ труппу изъ воспитанниковъ сиротскаго дома, которую обучалъ извѣстный московскій актеръ Калиграфъ. Книперъ при-

везъ свою труппу въ Петербургъ и сталъ давать свои представленія въ деревянномъ театрѣ, построенномъ Бецкимъ (откр. 10 октября 1781 г.) противъ Лѣтнаго сада. Лонгиновъ предполагаетъ, что труппа Книпера выписана была для этого театра и была единственною частною труппою въ Петербургѣ, подчиненною впрочемъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Труппа эта познакомила между прочимъ петербургскую публику съ оперою „Мельникъ“ Аблесимова, данною первый разъ въ Москвѣ 20 января 1779 года и выдержавшей въ Петербургѣ сразу 27 представлений. Хроника Носова относитъ театръ Книпера къ 1779 году, и въ этомъ случаѣ показаніе ея едва ли не справедливо, потому что имѣеть нѣкоторое основаніе. Книперъ открылъ свои представленія оперою „Мельникъ“. Роль мельника создалъ на театрѣ Книпера Крутицкій, сынъ гарнизоннаго сержанта, обучавшійся въ сиротскомъ домѣ. Его способности къ театру открылъ извѣстный московскій актеръ Калиграфъ и далъ ему образованіе. По пріѣздѣ въ Петербургъ Крутицкій, по неотступной просьбѣ Книпера и по желанію Бецкаго поступилъ на сцену. По свѣденіямъ „хроника“, Крутицкій родился въ 1754 г., слѣдовательно въ 1773 году онъ былъ только 19 лѣтъ (стр. 336). Крутицкій приводилъ въ такой восторгъ зрителей, что разъ во время представленія Л. А. Нарышкинъ бросилъ ему на сцену кошелекъ, наполненный золотомъ и серебромъ (стр. 338). Болѣе позднее появленіе театра Книпера доказывается главнымъ образомъ тѣмъ, что опера „Мельникъ“ прежде всего дана въ Москвѣ и тамъ въ первый разъ въ январѣ 1779 года, слѣдовательно ранѣе 1779 года она не могла появиться въ Петербургѣ. Кромѣ того въ Петербургѣ существовалъ въ тоже время народный театръ, открытый 4 апрѣля 1765 года, на второй день Пасхи, въ балаганѣ подъ открытымъ небомъ, за Малой Морскою, на пустырь называвшемся Брумберговой площадью. Спектакли начинались въ 4 часа дня, за дешевую плату, и играли въ нихъ охотники, преимущественно мастеровые, въ переводныхъ комедіяхъ Мольера, Гольберга и пр. и въ нѣкоторыхъ оригинальныхъ. Существованіе этого театра было очень непродолжительно (соч. Луина, 1868, 184—186). Можетъ быть этотъ театръ подалъ поводъ къ приведенному мною выше туманному разсказу Носова о народномъ театрѣ при Петрѣ; а можетъ быть народный балаганный театръ существовалъ и прежде, и послѣ, возобновляясь, чрезъ болѣе или менѣе продолжительныя

сроки, какъ всякій балаганный театръ, пока существовало зданіе и находились охотники изъ народа. Должно впрочемъ замѣтить, что въ „Хроникѣ“ Носова подѣ 1762 годомъ сказано отдѣльно, что, по случаю коронаванія Импер. Екатерины II въ Москвѣ, простонародье на Брумбергской площади завело свой театръ, актеры назывались безымянными, подъячіе, наборщики, переплетчики, портные, фабричные и прочіе мастеровые (стр. 224). Кромѣ того театръ на Брумбергской площади изрѣдка упоминается въ „Хроникѣ“ во все продолженіе Екатерининскаго царствованія. Во время коронаціи Императрицы Екатерины въ Москвѣ (съ 3 сентября 1762 г. по 17 іюня 1763 г.) временно давалъ представленія русской Петербургскій придворный театръ, въ прежнемъ помѣщеніи у Краснаго пруда, а итальянцы и французы въ зданіи, построенномъ противъ Головинскаго дворца. Затѣмъ въ 1765 году, а по другимъ свѣдѣніямъ въ 1767 году (Носовъ, стр. 288), полковникъ Титовъ принялъ на себя содержаніе театра въ Москвѣ, въ казенномъ театральномъ зданіи, противъ Головинскаго дворца, приготовивши для своего театра отдѣльную труппу. Послѣ Титова былъ цѣлый рядъ антрепренеровъ, содержавшихъ частный Московскій театръ. Въ 1769 году иностранцы Бельмонте и Чинти, которые перевели театръ на Знаменку, въ домъ графа Р. А. Воронцова; въ 1771 году театръ въ Москвѣ прекратился вслѣдствіе чумы, отъ которой умеръ и содержатель Бельмонте; въ ноябрѣ 1772 года театръ въ домѣ Воронцова возобновился и перешелъ въ завѣдываніе антрепренера Гроти сдавашаго его въ 1776 г. своему товарищу кн. Урусову. Наконецъ послѣднимъ частнымъ антрепренеромъ театра въ Москвѣ былъ англичанинъ М. Е. Медоксъ, сначала въ товариществѣ съ кн. Урусовымъ, а потомъ остался одинъ. Послѣ пожара въ 1780 году театра въ домѣ гр. Воронцова, Медоксъ приобрѣлъ домъ съ землею кн. Лобанова-Ростовскаго, на Петровской улицѣ, въ приходѣ древней церкви Спаса, что въ Копѣ (находившейся позади теперешняго Большаго театра, гдѣ теперь лѣстница, ведущая въ переулокъ на Большую Дмитровку) и въ пять мѣсяцевъ выстроилъ Петровскій театръ, открытый въ 1781 г. Медоксъ былъ большой знатокъ своего дѣла и умѣлъ находить и цѣнить таланты: ему Московскій театръ много обязанъ правильною постановкою театральнаго дѣла. Отъ Медокса театръ въ 1806 году поступилъ въ казенное завѣдываніе и сдѣлался императорскимъ.

Московскій театр съ самаго начала былъ тѣсно связанъ съ Московскимъ университетомъ. Еще во время частнаго театра Локателли, студенты университета пользовались имъ для своихъ представлений. Штелинь первый пустилъ въ ходъ извѣстiе объ участiи Московскихъ студентовъ въ театрѣ, замѣтивши очень неопредѣленно, что въ числѣ актеровъ на Московскомъ театрѣ были и нѣкоторые студенты. Извѣстiе это переносилось изъ одной книги въ другую и пополнялось именами студентовъ, безъ всякой критики и безъ точнѣйшаго разслѣдованiя. „Хроника“ Носова и въ этомъ случаѣ служить надежнымъ руководителемъ. Изъ этой „Хроники“ Носова видно, что въ театрѣ Локателли на Красномъ пруду играли студенты, но одни и совершенно отдѣльно отъ труппы Локателли, состоявшей исключительно изъ итальянцевъ; упоминаются разыгранные студентами пiески: „Обращенный мiръ“, драма на музыкѣ, соч. Карбоне, танцы Гаспара Сантини, „Сестры соперницы“, драма сочиненiя князя П. Ч., „Графъ Карамелли“, переводъ съ итальянскаго студента А. Карина. Эта связь студентовъ съ театромъ Локателли условливалась тѣмъ, что какъ этотъ театръ, такъ и возникшiй вслѣдъ за нимъ казенный отданы были подъ дирекцiю директора университета Хераскова. Когда на казенномъ театрѣ появилась русская труппа, то студенты, при недостаточности театрального персонала, принимали участiе въ игрѣ, вмѣстѣ съ актерами: такъ Носовъ упоминаетъ, что, при разыгрыванiи трагедiи „Кающiйся грѣшникъ“, воспитанники Московскаго университета изображали хоры небесныхъ и подземныхъ духовъ и танцующихъ фуриѣ (стр. 171). Это совершенно понятно и вполне правдоподобно. Херасковъ, получившiй образованiе въ кадетскомъ корпусѣ, воспитанники котораго какъ мы видѣли, вслѣдъ за его основанiемъ, участвовали на домашнихъ театрахъ и на дворцовыхъ представленiяхъ итальянскаго балета при императрицѣ Аннѣ, а вскорѣ и сами завели свой домашнiй театръ,—безъ сомнѣнiя озаботился ввести этотъ обычай, общiй для всѣхъ учебныхъ заведенiй того времени, и въ университетѣ. Такъ какъ своего приспособленнаго театра въ университетскомъ зданiи не было, то Херасковъ, пользуясь званiемъ директора театра при Локателли, въ свободное время предоставлялъ его для игры студентовъ. Съ труппою Локателли студенты не могли имѣть ничего общаго, такъ какъ она давала исключительно итальянскiя оперы и имѣла для этого достаточный составъ. Когда устроился въ 1756 году

вазанный русскій спектакль, студенты принимали въ немъ участіе, но не въ качествѣ актеровъ, а въ качествѣ добавочнаго персонала, какъ кадеты и ученики другихъ училищъ на придворныхъ театрахъ. Но, вѣроятно, когда театръ закрылся въ Москвѣ, т. е. послѣ 1763 года, Херасковъ завелъ при университетѣ особый, домашній театръ, изъ студентовъ и учениковъ гимназій, подъ своей дирекціей. Когда именно заведенъ былъ этотъ театръ, не извѣстно, но существовалъ онъ съ перерывами до 1812 года. Университетъ иногда угощалъ своимъ театромъ посѣтителей. Въ 1777 г. заведенъ былъ *опновъ* театръ изъ студентовъ (6^а) и они представляли передъ публикой трагедію Сумарокова „Синавъ и Труворъ“ и комедію „Нечаянное возвращеніе“. Еще ранѣе 28 апрѣля 1760 г., въ день своего акта, университетъ пригласилъ знатныхъ особъ и дворянство въ оперный (т. е. въ театръ Локателли) домъ на итальянскую интермедію (Ист. унив., стр. 60). Изъ числа студентовъ, въ разное время принимавшихъ участіе въ домашнемъ университетскомъ театрѣ, въ особенности отличались Д. И. Фонъ-Визинъ, Я. И. Булгавъ, Базилевичъ, Пушкинъ, Булатницкій и др. Проф. П. Илар. Страховъ, въ биографіи своего дяди, проф. П. Ив. Страхова, рассказываетъ: въ то время (около 1772—1778) лучшимъ и любимѣйшимъ увеселеніемъ гимназистовъ и студентовъ бывали театральныя представленія, для чего въ университетѣ былъ свой постоянный театръ, съ богатымъ гардеробомъ, собравшимся въ теченіи 30 лѣтъ чрезъ подарки старинныхъ боярскихъ гардеробовъ и постройкой новыхъ нарядовъ, по подпискѣ между студентами и профессорами. При директорѣ Тургеневѣ гардеробъ этотъ проданъ на Петровскій публичный театръ, съ условіемъ непременно отпускать въ университетъ, по требованіямъ начальства, всякіе костюмы для театральныя представленія и маскарадныя кадрили, что и продолжалось до 1812 года. Театральныя представленія дѣлались обыкновенно на святкахъ и масленицѣ, причемъ сцена и партеръ устраивались въ парадныхъ большихъ сѣняхъ главнаго университетскаго зданія. Гимназистъ Страховъ, мальчикъ живой, статный собой, красавецъ лицомъ, сперва началъ отличатся въ женскихъ роляхъ, и съ такимъ искусствомъ и удачею разыгралъ трагическую роль Семиры, что удивилъ и восхитилъ самого творца трагедіи, А. П. Сумарокова, тогда постояннаго распорядителя на театрѣ университета. Когда же Страховъ столько уросъ, что не могъ

являться въ женскихъ роляхъ, тогда онъ не менѣе сталъ отличать и въ роляхъ мужчинъ, даже перещеголялъ своихъ товарищей студентовъ, Иванова и Плавильщикова, чрезвычайно пристрастныхъ къ театру и которые послѣ оба поступили на публичный Московскій театръ, первый подъ именемъ Каллиграфова, а другой съ подлиннымъ своимъ именемъ и прозваніемъ. Въ 1778 г. Страховъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу и обратилъ на себя вниманіе вновь назначеннаго куратора Хераскова, сдѣлавшаго его своимъ секретаремъ. Въ это время Страховъ приобрѣлъ славу *перваго актера* на благородныхъ театрахъ Хераскова и его братьевъ, вн. Трубецкихъ. Кромѣ Страхова на университетскомъ театрѣ въ то время отличались Сандуновъ, Макаровъ, Политковскій, Тимовскій, Зловъ, извѣстный потомъ актеръ сначала на Московской, а съ 1812 г. на Петербургской сценѣ. Изъ театральныхъ пьесъ ставились комедіи „Недоросль“, „Скупой“, „Такъ и должно“ (Веревина); оперы: „Мельникъ“ Аблесимова, „Добрые солдаты“ Хераскова, „Севильскій цирюльникъ“. Въ благородномъ пансіонѣ также былъ театръ изъ воспитанниковъ, гдѣ между прочимъ разыгрывались пьесы проф. Сандунова, переводчика Шиллеровыхъ „Разбойниковъ“. Въ пансіонѣ домашніе спектакли продолжались долго и получили такое значеніе, что въ 1802 г. изданъ былъ сборникъ: „Дѣтскій театръ или собраніе пьесъ, представленныхъ воспитанниками въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ“, М., 2 части, вышедшій новымъ изданіемъ въ 1818 году. Московскій университетъ, подобно кадетскому корпусу, служилъ также подготовительною школою для Московскаго театра. Въ 1760 г. на казенномъ коштѣ было 30 студентовъ: изъ нихъ четверо назначали себя для театра; учениковъ гимназіи было 100 и сверхъ того 18 учениковъ изъ разночинцевъ, предназначавшихся въ труппу Московскаго театра, содержимы были на иждевеніи Лователли. Изъ этихъ 18-ти десять должны были учиться музыкѣ инструментальной и вокальной, двое театральной живописи и шестеро танцамъ. При Шуваловѣ лучшіе воспитанники академической гимназіи при университетѣ предназначались въ художники по части различныхъ искусствъ, въ томъ числѣ и сценическаго. Однимъ изъ такихъ учениковъ былъ Плавильщиковъ (род. 1760 г.), который по окончаніи курса въ университетѣ въ 1779 г. поступилъ на Московскую сцену. Связь университета съ театромъ продолжалась даже гораздо дольше,

нежели кадетскаго корпуса. Въ двадцатыхъ годахъ изъ театральной школы лучшіе воспитанники посѣщали университетскія лекціи: таковы были извѣстный впоследствии артистъ Сабуровъ и воспитанникъ изъ дворянъ Павловъ, по неспособности къ сценическому искусству выкупленный изъ школы и перешедшій въ университетъ, по окончаніи котораго изъ него вышелъ извѣстный литераторъ Н. Ф. Павловъ. Точно также впоследствии, когда преподавателемъ въ театральной школѣ былъ Надеждинъ, по его протекціи, одинъ изъ старшихъ воспитанниковъ посѣщаль университетъ.

До самаго царствованія Елизаветы Петровны или лучше сказать до появленія Сумарокова наша драматическая литература не только не развивалась самобытно, но и не имѣла передъ собою настоящихъ европейскихъ образцовъ. Бродячія нѣмецкія труппы продолжали привозить съ собою прежній Фельтеновскій репертуаръ, т.-е. плохія импровизаціи на темы, заимствованныя изъ разныхъ иностранныхъ пьесъ. Иностранцевъ, какъ Берхгольцъ, поражали пустота и пошлость нѣмецкихъ комедій, разыгрывавшихся у насъ при Петрѣ. Замѣчательно, что въ репертуарѣ Франца Фиршта, игравшаго въ С.-Петербургѣ, показана между прочимъ комедія „Докторъ Фаустъ“ (Хрон., стр. 53). Совсѣмъ иною явилась труппа Сериньи, которая начала давать пьесы французскаго классическаго репертуара: „Ифигенія въ Авлидѣ“ Расина (стр. 78 и 80), „Тартюфъ или лицемеръ“ и другія комедія Мольера, „Троянская женитьба“ Латуша (стр. 85), „Цида“ Корнеля (стр. 92). Очевидно, что эта труппа дала первый, непосредственный толчекъ театральному у насъ искусству: оттуда классическія драмы зашли въ кадетскій театръ, здѣсь нашли для себя первую пиццу врожденныя способности Сумарокова. По извѣстіямъ въ хроникѣ Носова, въ репертуарѣ Елизаветинскаго русскаго театра главное мѣсто занимали переводныя пьесы Мольера, Де-Латуша и Гольберга. Мольеръ, какъ извѣстно, явился у насъ въ переводахъ очень рано. Интересно, что прежде всего переведена комедія Мольера „Принужденный докторъ“. Изъ сочиненій Мольера это самый грубый фарсъ, и притомъ съ потасовкой, которая, по свидѣтельству Берхгольца, была у насъ на театрѣ любимой и неизбѣжной забавой. Де-Латушъ занесенъ былъ труппою Сериньи, но откуда пришелъ Гольбергъ, прямаго указанія нѣтъ, можетъ быть его пьесы входили въ репертуаръ прибывшей изъ Стокгольма труппы Сигмунда. Переводчиками были Кропотовъ,

Нартовъ, Смирновъ, Саятыковъ и актеры Дмитревскій и Ф. Волковъ. Въ хроникѣ Носова есть интересное извѣстіе, что при Елисаветѣ переведены были изъ Расина „Андромаха“ Ст. Марштенсомъ и „Есфирь“ актеромъ Волковымъ: въ этомъ нѣтъ не вѣроятнаго, такъ какъ большинство пьесъ сначала не печаталось. Въ хроникѣ Носова (стр. 141) упомянуто также между прочимъ, что въ 1759 г. на театрѣ въ Зимнемъ дворцѣ представлена была трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ въ прозѣ „Жизнь и смерть Ричарда III, короля англійскаго“ соч. Шакспира, переведенная съ англійскаго буквально актеромъ Дмитревскимъ. Приложена афиша, по которой роль Ричарда игралъ Ф. Г. Волковъ, а леди Анны Марья Волкова, Дмитревскій — роль Бракенсбурга, коменданта Тоуэра. Въ „Драматическомъ словарѣ“ есть также курьезное извѣстіе о переводѣ этой пьесы: она переведена съ французскаго языка и прозою въ Новгородѣ въ 1783 г. и напечатана въ С.-Петербургѣ въ 1787 г. Въ царствованіе Екатерины театральнй репертуаръ быстро подвинулся впередъ. Во главѣ драматическихъ писателей встала сама императрица, щедро награждавшая авторовъ за всякое, сколько-нибудь замѣчательное оригинальное или переводное произведеніе; за нею на это поприще выступили ея приближенные, высшіе сановники и даже придворныя дамы. Иностраннй театръ также процвѣталъ въ Петербургѣ: въ Петербургѣ, на казенномъ содержаніи, кромѣ театра Россійскаго, были: 1) пѣвцы италіанскіе для концертовъ при Дворѣ и для большой оперы, 2) оперы комическая и италіанская, 3) театръ французскій, 4) театръ нѣмецкій, 5) балетъ, 6) оркестръ, какъ для концертовъ при Дворѣ, такъ и для всѣхъ означенныхъ зрѣлищъ достаточный. Въ 1783 и 1790 годахъ труппа французскихъ актеровъ не уступала парижской; классическія трагедіи и такъ называемая высокая комедія (*La haute comedie*) разыгрывались талантливыми актерами, въ числѣ которыхъ были знаменитые Флоридоръ и Офренъ (Арап., 101). Драматическая наша литература, на первыхъ порахъ, была и должна была быть переводною и подражательною. Это былъ періодъ, по справедливости называемый *Сумароковскимъ*, гдѣ вслѣдъ за нимъ слагателями классической трагедіи по французскому образцу явились Князнинъ, Херасковъ, Державинъ, Николевъ, Майковъ. Но главное содержаніе репертуару давали переводы. Появились, кромѣ Мольера, переводы классическихъ трагедій Вольтера, Расина, Кребильона и рядомъ съ этимъ

драмы такъ называемыя мѣщанскія Дидеро и Бомарше. Матеріалъ для перевода доставляла преимущественно французская литература, въ лицѣ теперь забытыхъ, но тогда пользовавшихся извѣстностью авторовъ въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: Лафонъ, Сентъ-Фуа, Лепранъ, Детушъ, Реньяръ, Сорель, Буасси, Пуансонъ, Коллье, Мариво, Дюфрениъ, Шамфоръ и нѣкоторые др. Сравнительно позднѣе появились переводы изъ нѣмецкой литературы — Клейстъ, Кронегъ, Геллертъ, Лессингъ, Гете; и изъ англійской — Шериданъ, Юмъ, Томсонъ и др.; изъ итальянской — Гольдони и изъ польской. Въ 1773 и 1774 гг. явились даже переводы Теренція „Андріанка“ пер. Ал. Хвостова, „Эатонъ Тиморуменосъ, или человекъ самъ себя называющій“, пер. Рихмана, „Евнухъ или скопецъ“, пер. Головина, „Адельфы или бремя“, въ пер. Флоринскаго и „Екира или свекровь“, въ пер. Моисеенкова (см. прим. II). повидимому онѣ не были поставлены на сцену. При этомъ и въ театральномъ искусствѣ вкусъ московской публики оказался своеобразнымъ: тогда какъ на петербургскомъ театрѣ господствовала классическая трагедія, въ Москвѣ преимущественно ставились на сцену и отчасти переводились мѣщанскія драмы, такъ что въ Москвѣ даже не производили такого сочувствія, какъ въ Петербургѣ трагедіи самого Сумарокова. Это взорвало послѣдняго, при пріѣздѣ его въ Москву. Сумароковъ, называвшій мѣщанскія драмы „пакостнымъ родомъ“, съ ужасомъ увидѣлъ, что „онѣ вползли уже въ этотъ городъ, не смѣя появиться въ Петербургѣ“. Въ своемъ предисловіи къ „Димитрію Самозванцу“ Сумароковъ вкусъ къ нимъ москвичей называетъ „свареднымъ вкусомъ, не принадлежащимъ вѣку великія Екатерины“. Онъ даже жаловался Вольтеру и получилъ отъ него одобрительное письмо. Послѣ сочувственнаго пріема на театрѣ комедіи Бомарше, Сумароковъ грозно обратился въ Москвѣ: „сіи рукоплесканія переводчицъ оныя драмы, какою-то подъячій, до небесъ возносятъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судьей Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики. Конечно, скоро свѣта представленіе будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячюму, нежели господину Вольтеру и мнѣ? Неужели вкусъ жителей московскихъ сходится со вкусомъ сего подъячаго?“ Разница вкусовъ простиралась и на современную журнальную критику. Мы видѣли, какъ сочувственно отнесся Карамзинъ къ переводу „Эмиліи Галотти“ Лессинга и съ какою желчью о томъ же Лессингѣ

и о Шекспирѣ отзывался Клушинъ въ журналѣ Крылова. Замѣчательно, что появленіе мѣщанской драмы совпадаетъ у насъ съ появленіемъ сатирическихъ журналовъ (1769 г.): русское общество, здоровое и свѣжее, при первомъ столкновеніи съ образованіемъ, потребовало и пищи здоровой и свѣжей, отвергая рутинное и неестественное. Само собой разумѣется, что вся эта масса переводныхъ и подражательныхъ пьесъ не могла пройти безслѣдно: въ области драматической литературы у насъ впервые зародилось сознаніе о народности.

Первымъ представителемъ этого стремленія былъ Лукинъ, вызванный изъ забвенія А. Н. Пыпинымъ. Лукинъ не имѣлъ таланта и комедіи его забыты, но въ длинныхъ своихъ предувѣдомленіяхъ онъ возставалъ противъ Сумарокова и тогдашнихъ драматурговъ, въ сочиненіяхъ которыхъ дѣйствующія лица не только „не наши поведеніи знаменуютъ“, но и носятъ чужія имена. Впрочемъ Лукинъ не шелъ далѣе передѣлки. По его мнѣнію, „всякій не вычищенный, т. е. на правахъ того народа, передъ коимъ онъ представляется, *несклоненный къ драмъ образцу*, покажется на театрѣ не что иное, какъ смѣсь иногда русской, иногда французской, иногда обоихъ сихъ народовъ характеры вдругъ на себѣ имѣющій“. Комедія русская, по мнѣнію Лукина, должна основываться на русской жизни, какъ у всѣхъ народовъ. Когда въ Петербургѣ появился народный театръ, о которомъ мы говорили, Лукинъ говорилъ о немъ съ большимъ сочувствіемъ, замѣчательнымъ въ то время, когда господствовали псевдоклассическая натянутость и высокоумѣнное презрѣніе къ *подлому* народу. Требуя отъ комедіи русскаго содержанія, Лукинъ требовалъ вмѣстѣ и народнаго языка и не считалъ этого языка подлымъ и грубымъ, какъ тогда считали всѣ“ (Пыпинъ). Противъ Лукина, за то что онъ не признавалъ тогдашнихъ авторитетовъ и смѣло заявилъ, что „мы на своемъ языкѣ свойственныхъ намъ комедій еще не видали“, возстали всѣ сатирическіе журналы того времени и во главѣ ихъ Новиковъ, бывшій поклонникомъ Сумарокова. Но требованіе народности въ драматической литературѣ не умолкало. Такъ Крыловъ въ своемъ журналѣ „Зритель“ говоритъ: „Отъ чего опера „Мельникъ“, со всѣми слабостями сочиненія и не наблюдающая Аристотелевыхъ правилъ болѣе 200 полныхъ представленій выдержала и всегда съ удовольствіемъ принимается, а „Нелюдимъ“, славная Мольерова комедія, никогда полного со-

бранія не имѣла?—Для того что „Мельникъ“ нашъ, а „Нелюдимъ“ чужой. Между переводомъ и сочиненіемъ точно такая же разность, какъ между эстампомъ и картиною, если не болѣе. Многие старались поправить сей недостатокъ подражаніемъ: оно хотя въ нѣкоторомъ отношеніи и полезно, но не производитъ однакожь истиннаго вкуса, который неотмѣнно существовать долженъ и въ собственномъ русскомъ своемъ видѣ“. Интересно, что уже въ XVIII столѣтіи Крыловъ приводитъ слѣдующія причины, тормозящія у насъ появленіе сколько нибудь выдающихся оригинальныхъ драматическихъ произведеній: „театръ здѣшній столь бѣденъ, что онъ долженъ представлять или переводныя или подобныя сему сочиненія. Правда, мы могли бы видѣть болѣе новостей, но здѣсь *выборъ въ сочиненіяхъ очень строгъ*; я знаю двухъ моихъ знакомыхъ, которыхъ сочиненія года съ три уже въ театрѣ, но нѣтъ надежды, чтобы они и еще три года спустя были представлены, хотя можно побожиться, что они лучше представленныхъ пьесъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ Крыловъ дѣлаетъ такіа предостереженія: „Берегитесь пуще всего нападать на пороки, для того что комедія, написанная на каковой нибудь порокъ, почитается здѣсь личностью“. Въ отвѣтъ на требованіе народности явились: „Бригадиръ“ Фонъ-Визина, время появленія котораго Лонгиновъ относитъ къ 1765 г. (Библ. Зап. I, 752—754), „Недоросль“, представленный 24 сентября 1772 г., опера „Мельникъ“ Аблесимова—29 генваря 1779 г. въ Москвѣ и лучшія комедіи Княжнина „Чудаки“ и „Хвастунъ“; сюда же относится представленная при императорѣ Павлѣ 22 августа 1798 г. комедія „Ябеда“ Капниста. Какъ велико было стремленіе къ народности видно изъ того, что всякое произведеніе, выхваченное изъ русской жизни, сколько-нибудь удачное, сопровождалось необыкновеннымъ успѣхомъ; таковы были сантиментальныя драмы: „Лиза, или торжество благодарности“ Николева (1802 г.) „Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія“ В. М. Федорова (1803 г.), на сюжетъ „Бѣдной Лизы“ Карамзина, затѣмъ комедія Крылова „Модная лавка“ (1805 г.) Но рядомъ съ этимъ громаднымъ успѣхомъ пользовался переводъ Краснопольскаго нелѣпнѣйшей нѣмецкой оперы „Русалка“ (Donauweibchen). 23 ноября 1804 года данъ былъ въ первый разъ „Эдипъ въ Афинахъ“ Озерова, имѣвшій огромный успѣхъ и положившій начало цѣлому періоду театральной исторіи, который можно назвать Озеровскимъ. Это періодъ классической французской трагедіи, господствовавшей до конца двадца-

тыхъ годовъ; кромѣ вліянія Озерова, вернувшаго снова общество на эту почву, этому много способствовали приѣздъ въ 1808 году знаменитой французской автрисы Жоржъ, восхищавшей публику въ Петербургѣ и Москвѣ, и два такихъ крупныхъ таланта для трагическихъ ролей, какъ Яковлевъ (деб. 1 іюня 1794 г.) и Семеновъ. Пристрастіе это поддерживалось сверхъ того передъ 1812 г. сильнымъ возбужденіемъ патріотизма, нашедшаго для себя пищу въ любимыхъ трагедіяхъ того времени, всегда поднимавшихъ бурю въ театрѣ — „Димитрій Донскомъ“ (1807 г.) и явившейся вслѣдъ затѣмъ трагедіи „Пожарскій“ Крюковского. Въ то же время, въ царствованіе императора Павла русскую сцену заполонили восхищавшія въ свое время Германію произведенія Коцебу, которыя кн. Горчаковъ въ своей сатирѣ очень удачно охарактеризовалъ названіемъ „Коцебатыны“. Карамзинъ въ 1802 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ жаловался, что теперь въ страшной модѣ Коцебу, „какъ нѣкогда парижскіе книгопродавцы требовали Персидскихъ писемъ отъ всякаго сочинителя, такъ наши книгопродавцы требуютъ отъ переводчиковъ и самихъ авторовъ Коцебу, одного Коцебу! Романъ, сказка, хорошее или дурное—все одно, если на *титулъ* имя славнаго Коцебу“. Само собою разумѣется, что сочувствіе публики къ театральнымъ представленіямъ возрастало постепенно и съ тѣмъ вмѣстѣ очищался ея эстетическій вкусъ: на первыхъ порахъ признаки грубости и необразованности перенесены были и на театр. Съ самаго начала вкусъ публики и даже поведеніе ея въ театрѣ вызывали рѣзкія осужденія со стороны лицъ болѣе развитыхъ и понимающихъ. Такъ Крыловъ въ своемъ сатирическомъ журналѣ удивляется, для чего въ „Безбожникѣ“, въ „Семирѣ“ и „Хвастунѣ“ бываетъ меньше людей, чѣмъ въ операхъ, изъ которыхъ инныя столь малозначущи въ литературномъ свѣтѣ, что не стоятъ никакого примѣчанія. Онъ замѣчаетъ, что „появились на театрѣ шуты, называемые иначе *буфами*: чѣмъ неблагопристойнѣе ломаются они и козлогласятъ, тѣмъ болѣе выигрываютъ предъ искусными актерами, а сіе и дозываетъ тонкій вкусъ зрителей“. Вообще о русскомъ театрѣ конца XVIII столѣтія Крыловъ выражается такимъ образомъ: „Талія, правда, смѣшитъ народъ и за это собираетъ изрядный доходъ; но желаніе добывать деньги заставляетъ ее доходить до подлости, и она часъ отъ часу отваживается отъ себя честныхъ людей, и вмѣсто того чтобы быть полезнымъ и веселымъ учителемъ нравовъ,

старается своими шутками понравиться пьяному народу. Мельпомена какъ ни жалко плачетъ, но во всю нынѣшнюю зиму (1792 года) она ни на башмаки себѣ не выплакала, и отъ ея трагедій плачутъ одни типографщики“. Тотъ же Крыловъ передаетъ, что зрители во время представленія громко разговаривали, франты и тогдашніе петиметры вставали на ноги и обращаясь спиной къ сценѣ лорнировали дамъ, сидѣвшихъ въ ложѣ. Но мало по малу стремленія къ эстетическимъ удовольствіямъ облагородили высшій классъ и сдѣлали его воспримчивѣе къ потребностямъ, присутіемъ людямъ образованнымъ и развитымъ. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, какъ замѣтилъ Галаховъ въ „Исторіи словесности“ (т. II, ч. 2, стр. 190—193 изд. 2), „въ публикѣ усиленно распространялся вкусъ къ благороднымъ зрѣлищамъ, отбывающимъ охоту отъ зрѣлищъ неблагородныхъ, отъ грубаго препровожденія времени. Изъ разныхъ слоевъ ея стало выдѣляться большее противъ прежняго количество лицъ, для которыхъ художественный интересъ занялъ мѣсто въ ряду потребностей, необходимыхъ чловѣку образованному. Многіе даже люди серьезные и дѣловые предавались театру не какъ забавѣ только, но и какъ важному занятію. Сужденія о пѣсахъ, о постановкѣ ихъ на сцену и выполненіи служили предметомъ разговоровъ, какъ во время самого спектакля, такъ и на обѣдахъ или вечернихъ собраніяхъ, литературныхъ и не литературныхъ. Въ числѣ посѣтителей театра явились страстные его любители, такъ называемые „театралы“, къ которымъ принадлежали сановники на ряду съ малочиновыми, пожилые на ряду съ „молодыми“. На это есть много указаній современниковъ. Съ 1808 г. по инициативѣ кн. Шаховскаго, при содѣйствіи Крылова и Гнѣдича, началъ издавать Д. Языковъ „Драматическій Вѣстникъ“ (5 частей). „Драматическій Вѣстникъ“ выражалъ до извѣстной степени мнѣнія Оленинскаго кружка. Вѣстникъ старался давать читателямъ запасъ свѣдѣній изъ исторіи драматическаго искусства и указывать руководяція начала для болѣе здоровой оцѣнки театральныхъ произведеній. Вообще говоря, критика журнала стояла на псевдоклассической точкѣ зрѣнія, но по крайней мѣрѣ не преклонялась слѣпо предъ нашими уже устарѣвшими драматургами прошлаго вѣка. Здѣсь между прочимъ нашли одобреніе комедіи Крылова и „Король Лиръ“ въ переводѣ Гнѣдича съ передѣлки Дюси; здѣсь печатались подробные отзывы о пред-

ставленіях г-жи Жоржъ, прїѣхавшей въ Петербургъ; напротивъ того слезливыя драмы Коцебу, столь нравившіяся большинству тогдашней публики, и даже драмы Шиллера подвергались здѣсь осужденію вмѣстѣ съ разными пїесами новаго французскаго репертуара (Л. Майковъ). По словамъ этого журнала русскій театръ сталъ обращать на себя вниманіе людей даже великосвѣтскихъ, прїученныхъ иностранными воспитателями презрительно отзываться о произведеніяхъ русскаго ума; они уже не стыдились признаваться, что плакали въ „Эдипъ“, „Димитріи Донскомъ“ и „Пожарскомъ“ (Крюковскаго), смѣялись въ „Недоросль“ и „Модной лавкѣ“. Въ Москвѣ М. Н. Макаровъ также въ 1814 г. началъ изданіе „Журнала Драматическаго“, продолжавшагося всего одинъ годъ, гдѣ помѣщались пїесы драматическія, театральные разборы, стихотворенія и проч. Журналъ Вельяшева „Талія“, издававшійся съ 1810—1812 (5 частей), ограничивался перепечаткою игранныхъ пїесъ. Жихаревъ въ своемъ дневникѣ говоритъ: „Тогдашняя публика нѣмецкаго театра не была похожа на нынѣшнюю. Она состояла большею частью изъ ревностныхъ поклонниковъ искусства. Въ то время нѣмецкій театръ, такъ же какъ и русскій, имѣлъ постоянныхъ своихъ посѣтителей, принимавшихъ горячее участіе въ представленіи“ (Дивн. Чин. От. Зап. кн. 10, стр. 371, примѣчаніе). С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ замѣтилъ: „Публика горячо сочувствовала и сочинителямъ и авторамъ, и въ партерѣ театра было такъ же много жизни и движенія, какъ и на сценѣ“. Раздѣлявшая общество въ эпоху ближайшую къ двѣнадцатому году борьба между шишковистами и карамзинистами, между старымъ консервативнымъ направлениемъ и молодыми сторонниками европейскаго просвѣщенія, перенесенная въ литературу—перешла и на театральныя подмостки. По словамъ кн. Вяземскаго и тогда уже были *патріотическіе* театралы, почитавшіе почти государственной измѣной болѣе любить хорошее французское представленіе, нежели плохое отечественное. Пріятель и сторонникъ Шишкова кн. Шаховской въ „Липецкихъ водахъ“ осмѣивалъ Жуковскаго и романтизмъ, въ комедіи „Новый Стернь“—Карамзина. Кромѣ того театръ, существуя въ качествѣ придворнаго, долженъ былъ безусловно сообразоваться со вкусомъ двора. Въ петербургскомъ театрѣ даже свободное выраженіе мнѣнія публики не могло имѣть мѣста. Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1873, № 11, стр. 12296) на-

печатано такое распоряженіе изъ временъ императора Александра I относительно театральной дисциплины: „Его Императорское Величество съ крайнимъ негодованіемъ усмотрѣть изволилъ во время послѣдняго, въ Гатчинѣ бывшаго, театрального представленія, что нѣкоторые изъ бывшихъ зрителей, вопреки прежде уже отданныхъ приказаній по сему предмету, принимали вольность плескать руками, когда Его Величеству одобренія своего проявлять было не угодно, и, напротивъ того, воздерживались отъ плесканія, когда Его Величество своимъ примѣромъ показывалъ желаніе одобрить игру актеровъ“. Это поведеніе публики наказано было отказомъ двору и гатчинскому гарнизону входа въ театръ и церковь, кромѣ малаго числа имѣющихъ входъ на вечернія собранія и удаленіемъ государя отъ своего присутствія въ собраніяхъ, въ знакъ справедливаго своего негодованія. Распоряженіе это не ограничивалось однимъ гатчинскимъ театромъ, потому что по этому поводу повелѣно было сдѣлать приглашеніе всему городу, для предосторожности жителей столицы. Такое полицейское вмѣшательство въ сужденіе о театральномъ дѣлѣ не ограничивалось придворными театрами. Въ сравнительно позднѣйшую эпоху (1825—1831 года, когда въ Москвѣ былъ оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ 2-й), вн. Вяземскій сообщаетъ такой разсказъ: „Русская барыня Карцева содержала нѣкоторое время въ Москвѣ труппу французскихъ актеровъ. Лучшее московское общество посѣщало ея театръ. По какимъ-то закулиснымъ или внѣ-вулиснымъ обстоятельствамъ содержательница не влюбилась молодой актрисы, которая была любимицею публики. Однажды въ ея роли явилась другая актриса. Публика встрѣтила ея дружнымъ шиваньемъ; не давали ей пивнута. Вслѣдъ затѣмъ стали требовать прежней актрисы. Шумъ и разныя наступательныя заявленія поминутно разрастались. Публика начала вызывать въ отвѣту директрису театра. Завелась гласная и крупная полемика между креслами и сценою. Пересылались съ одной стороны въ другой колкости и разныя поджигательныя вызовы. Полиція была въ недоумѣніи и не знала на что рѣшиться, тѣмъ болѣе, что спектакль не принадлежалъ императорской дирекціи, а совершенно частной. Казусъ выходилъ неслыханный въ лѣтописяхъ полиціи и театра. Разумѣется, донесли о немъ въ Петербургъ и, вѣроятно, съ нѣкоторыми преувеличеніями и выдумками. Изъ Петербурга не замедлило приказаніе арестовать зачинщиковъ театрального скандала и раса-

дять—военныхъ или военно-отставныхъ по гауптвахтамъ, а статскихъ по съѣзжимъ домамъ. Въ числѣ временныхъ жильцовъ съѣзжей былъ и богатый гр. Потемкинъ. Въ восьмой день заточенія пріѣхалъ оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ 2-й и объявилъ узникамъ, что они свободны“. (Соч. т. VIII, стр. 224 и 5).

Вообще дворянское общество въ той или другой формѣ стремилось къ эстетическимъ удовольствіямъ, и, нисколько не защищая мрачныхъ сторонъ этого стремленія, сообщенныхъ ему духомъ времени и современнымъ строемъ общества, нельзя за этимъ стремленіемъ не признать культурнаго значенія. Стремленіе это обнаружилось сейчасъ же, какъ скоро, при Аннѣ Иоанновнѣ, появилась итальянская опера и при ней придворный оркестръ, составленный изъ иностранныхъ артистовъ, въ числѣ которыхъ были многія знаменитости. Страсть къ музыкѣ распространилась въ такой степени, что при неурядицѣ, слѣдовавшей за кончиною Анны Иоанновны, когда придворные театры закрылись до воцаренія Елизаветы, иностранные виртуозы остались и выручали частными уроками больше придворнаго своего жалованья. По извѣстію Штелина, домъ барона Строганова въ Москвѣ былъ весь музыкальный и изъ трехъ братьевъ старшій, Александръ, былъ отличный солистъ на віолончели. Молодая княжна Кантемиръ, вышедшая въ 1750 г. замужъ за кн. Дм. М. Голицына и умершая въ 1761 г. въ Парижѣ, гдѣ мужъ ея былъ посланникомъ, не только играла труднѣйшіе концерты на фортепіано, но исполняла всѣ самыя высочія итальянскія аріи, сочиненныя капельмейстеромъ Арайя для знаменитаго вастрата Морини и часто изъ соревнованія пѣла дуэты съ послѣднимъ. Кн. П. И. Рѣпинъ, старшій сынъ извѣстнаго фельдмаршала, былъ замѣчательный артистъ на флейтѣ. При Екатеринѣ, въ 1764 году у польскаго посла, гр. Огинскаго, замѣчательнаго игрока на кларнетѣ, собиралась тогдашняя знать на музыкальные вечера. Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ въ Москвѣ, у Всеволожскаго, еженедѣльно разыгрывались квартеты, въ которыхъ участвовали всѣ лучшіе музыканты, тамъ находившіеся на-лицо (Роде, Бильо, Ламаль и др.): на нихъ съѣзжалась вся Московская знать; у него былъ прекрасный оркестръ подъ управленіемъ Маурера. Воейковъ упоминаетъ, что въ Москвѣ собиралось общество у К. Е., А. В., гдѣ „читали образцовыя творенія и переводы отечественныхъ нашихъ писателей, разбирали ихъ критически, переводы свѣ-

рjali съ подлинниками“. Въ 4 № „Вѣстника Европы“, за 1810 г., напечатана рѣчь въ этомъ обществѣ Воейкова: „О вліяніи женщинъ на изящныя искусства, а изящныхъ искусствъ на благоденстіе общества“. По всей вѣроятности, это была княгиня Е. А. Волкопская, письма въ которой Воейкова напечатаны въ 1-мъ томѣ библіографическихъ записокъ (259—272). Благородные спектакли были любимымъ занятіемъ не только въ высшемъ кругу въ Москвѣ и подмосковныхъ, но и въ провинціи. Первое извѣстіе о благородномъ спектаклѣ встрѣчается въ „Хроникѣ Носова“, въ царствованіе императрицы Елисаветы (подъ 1751 годомъ): на театрѣ въ домѣ графа Ягужинскаго благороднымъ обществомъ дана была комедія „Не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ“, въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Луки Яковл. Яблонскаго, съ національными русскими пѣснями и плясками. Тутъ же приложена и афиша (77). Въ 1765 году происходилъ благородный спектакль у гр. Шереметьева, о которомъ извѣстіе помѣщено въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 11 февраля того года. Въ Москвѣ подобные спектакли давались постоянно сперва у Хераскова, кн. Трубецкихъ, а въ первой четверти XIX вѣка у Ковошкина, кн. Щербатова, Столыпина, Мясоедова, кн. Б. Шаховскаго, кн. Волконскаго, Салтыкова, кн. И. М. Долгорукаго, кн. Ю. В. Долгорукаго, Ст. Ст. Апраксина, И. Я. Блудова, Зиновьева, у И. П. Аржарова въ Иславскомъ, у гр. П. Б. Шереметьева въ Останкинѣ и т. д. Позднѣйшіе оставшіеся и послѣ 1812 года домашніе театры были у Ст. Ст. Апраксина, Дурнова и Позднякова. С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ рассказываетъ знаменитый благородный спектакль у Ковошкина въ 1821 г., гдѣ принимали участіе извѣстные актеры-любители, соперники между собою, оба переводчики Мольера— Ѳ. Ѳ. Ковошкинъ и А. М. Пушкинъ: это была дуэль на смерть между двумя признанными талантами, въ небольшой комедіи Мольера, „Два Криспина“ (Разн. соч., стр. 70). Страсть къ благородному спектаклю была до такой степени распространена, что она была выведена на сцену въ двухъ комедіяхъ: кн. Шаховскаго— „Полубарскія затѣи или домашній театръ“ (1808 г.) и въ лучшей комедіи Загоскина, удержавшейся до сихъ поръ,— „Благородный театръ“ (1828 г.). Не только игра на сценѣ, но и искусство читать драматическую пѣсу, декламировать изъ нея монологи и цѣлыя сцены уважалось высоко; благодаря ему предъ новичками въ лите-

ратурѣ отворялись двери опытныхъ литераторовъ. Извѣстными чтецами въ ту эпоху были: въ Москвѣ—Кокоскинъ, С. Т. Аксаковъ, въ Петербургѣ—Гнѣдичъ, Жихаревъ, Араповъ и др. Измѣнился въ послѣднее время и взглядъ общества на самихъ актеровъ. Мы уже отчасти говорили о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ находились крѣпостные актеры. Немногимъ лучше было съ самаго начала и положеніе вольныхъ „комедіантовъ“. Крыловъ званіе комедіанта называетъ „подлымъ“, хотя и признаетъ, что во всякомъ званіи могутъ быть люди, заслуживающіе уваженія⁽⁶³⁾. Такіе люди дѣйствительно и появлялись на русской сценѣ, подымая свое званіе и заставляя образованную часть публики относиться сочувственно къ представителямъ драматическаго искусства. На первыхъ же порахъ мы видимъ въ Петербургѣ Дмитревскаго, а въ Москвѣ Плавильщикова. Дмитревскій, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени, сдѣлавшій на счетъ правительства не одну артистическую поѣзду по Европѣ, занимался самъ сочиненіями и переводами съ англійскаго, французскаго, итальянскаго театральныхъ пьесъ и исправлялъ чужія; онъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ русской академіи и короткимъ пріятелемъ Державина, котораго онъ руководилъ своими совѣтами въ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для сцены. Актеръ Плавильщиковъ, воспитанный Московскаго университета, былъ членомъ Московскаго общества любителей русской словесности, въ 1816 г. издалъ 4 части своихъ сочиненій, гдѣ помѣщено нѣсколько театральныхъ пьесъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Женой Дмитревскаго была Агриппина Михайловна Мусина-Пушкина; она была явленіемъ для того времени замѣчательнымъ. Мы уже видѣли, что Пушкина, изъ любви къ сценическому искусству, была одною изъ первыхъ русскихъ женщинъ, отважившихся выйти публично на театральныя подмостки, и сдѣлалась любимой актрисой двухъ императрицъ и публики. Въ хроникѣ приведенъ рассказъ самого Дмитревскаго, какъ императрица Екатерина выдала на свадьбу Дмитревскихъ изъ придворной конторы годовой окладъ жалованья, сверхъ того велѣла выбрать пьесы и назначить день представленія на театрѣ лѣтнаго дворца въ пользу Дмитревскихъ. Это былъ *первый бенефисъ* на сценѣ русскаго театра: давали „Эдмонъ и Берфу“, шутливую мелодраму Метастазіо, въ переводѣ актера Ф. Гр. Волкова и аллегорическій балетъ „Аполлонъ и Дафна“ (стр. 133). У вн. М. А.

Долгорукова обычными гостями были Плавильщиковъ и Зловъ, иногда и другіе актеры—Померанцевъ, Украсовъ, Сандуновъ. Жихаревъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ (1, 35), что разъ за обѣдомъ кн. Долгорукій приказалъ поставить особую бутылку вина Злову, примолвивъ: „Никому, братецъ, своей порціи не давай“. На вечерахъ кн. Шаховскаго, на ряду съ военнымъ г.-губернаторомъ Милорадовичемъ и другими знатными лицами, являлись и актеры Петербургскаго театра. Самъ М. С. Щепкинъ, обворожившій своей игрой на устроеншемся въ Полтавѣ постоянномъ театрѣ, былъ выкупленъ, по инициативѣ тогдашняго начальника края кн. Н. Г. Рѣпина, добровольною складчиною Полтавскаго дворянства, собравшаго для этой цѣли крупную для того времени цифру 7.207 р. Такимъ образомъ умственная жизнь еще до 1812 года проявлялась въ Москвѣ сильнѣе, нежели въ Петербургѣ. Батюшковъ, пріѣхавши въ первый разъ въ Москву изъ Петербурга, былъ пораженъ замѣченною имъ разницею въ обществѣ и нашель, что „Москва идетъ сама собою къ образованію, ибо на нее почти никакія обстоятельства вліянія не имѣютъ“. „Значить—объясняетъ Майновъ—въ пестромъ составѣ Московскаго общества Батюшковъ подмѣтилъ дѣйствительный процессъ умственнаго развитія, совершающійся безъ толчковъ извнѣ, естественною силою вещей“. Кн. П. А. Вяземскій въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ о до-пожарной Москвѣ говоритъ: „Въ то время были еще Европѣ памятны свѣжія преданія о событіяхъ, возмутившихъ и обогрившихъ кровью почву Франціи, въ борьбѣ съ старыми порядками и въ напряженныхъ, восторженныхъ усиліяхъ установить порядки новыя. Въ самой Франціи умы успокоились и остыли. Эта реакція вызвала потребность и жажду мирныхъ и обще-жителейскихъ удовольствій. Эта реакція, хотя до насъ, собственно, и не касавшаяся, потому что у насъ не было перелома, неминуемо однакоже должна была отозваться и въ Россіи. Праздная Москва обратилась къ этимъ удовольствіямъ, и общественная жизнь сдѣлалась потребностью и цѣлью ея исканій и усилій. Было въ этомъ много поверхностнаго, много, можетъ быть, легкомысленнаго,—не спору; но по крайней мѣрѣ *опытная и блестящая сторона умственной жизни, именно допожарной Москвы, была во всей силѣ своей и процвѣтаніи*“. Гречъ въ своихъ запискахъ пишетъ: „Въ то время Москва въ литературномъ отношеніи стояла гораздо выше Петербурга: тамъ

было средоточіе ученыхъ и русской литературы. Въ Москвѣ писали и печатали книги гораздо правильнѣе, если можно сказать, гораздо *народнѣе*, нежели въ Петербургѣ. Москва была театромъ, Петербургъ—заломъ театра. Тамъ дѣйствовали, у насъ судили и имѣли на то право, потому что платили за входъ; въ Петербургѣ расходилось Московскихъ книгъ гораздо болѣе, нежели въ Москвѣ. И въ этомъ отношеніи Петербургская литература походила на зрителей театра, что выражала свое мнѣніе рукоплесканіемъ и свистомъ, но *сама не производила*“ (Зап., стр. 204). Центромъ этого культурнаго движенія былъ университетъ и связанный съ нимъ благородный пансіонъ. Большинство выдающихся дѣятелей на поприщѣ литературы, науки и государственной службы были питомцами университета и тѣсно связаннаго съ нимъ пансіона; отсюда выходила и отчасти возлѣ него спланивалась масса тѣхъ чернорабочихъ силъ въ дѣлѣ образованія, которыхъ имена теряются въ потомствѣ, но которыхъ труды, какъ вообще труды большинства, для современной исторіи имѣютъ значеніе разносящихъ пищу артерій съ ихъ мельчайшими и теряющимися развѣтвленіями, чѣмъ именно и совершается обмѣнъ веществъ въ организмѣ. Цѣлымъ, непрерывнымъ рядомъ періодическихъ изданій, собраніями связанныхъ съ университетомъ обществъ, публичными чтеніями профессоровъ университетъ поддерживалъ связь свою съ публикою и давалъ тонъ общественной жизни, которая въ Москвѣ, удаленной отъ правительственнаго центра, принимала ближе къ сердцу интересы науки и литературы. Въ университетѣ уже въ то время зародился кружокъ, посвятившій свою дѣятельность философской мысли, и хотя стремленія его еще мало выяснились и еще менѣе проникли въ общество, но уже явился запросъ на философскую литературу, вонечно весьма ограниченный и поверхностный, но тѣмъ не менѣе знаменательный, какъ сѣмя, брошенное для будущаго. Даже театръ въ Москвѣ, частный и лишенный того оффиціального значенія, какъ въ Петербургѣ, въ своей сферѣ развивалъ эстетическій вкусъ публики и отличался болѣе серьезнымъ выборомъ піесъ.

Двѣнадцатый годъ совершилъ великій переворотъ въ судьбахъ Россіи: начиная съ него не только сама Россія, но и Европа со знала, что мы представляемъ собою культурную силу. По вступленіи русскихъ войскъ въ Пруссію въ 1813 году, король прусскій, призывая своихъ подданныхъ въ войнѣ за независимость, въ „воз-

званіи къ прусакамъ“ указывалъ на русскій народъ, какъ на великій образецъ, достойный подражанія. Онъ говорилъ въ современномъ переводѣ: „Каждый поселянинъ являлся героемъ, каждый гражданинъ представлялся воиномъ; *побѣды или смерти, свободы или погибели*—вотъ чего желали сіи гордые души. Высокій примѣръ передъ очами вашими; вы видѣли, что можетъ народъ, боящійся Бога, почитающій отчизну свою и свободу превыше всѣхъ благъ на свѣтѣ“. Возбужденіе патріотизма и народное значеніе 12 года совершенно вѣрно выражено въ статьѣ В. Е. Якушкина „М. И. Муравьевъ-Апостолъ“ (Р. Стар. 1886, кн. 7, стр. 158 и слѣд.): „Во всякомъ дѣлѣ важно первое начало; двѣнадцатый годъ положилъ начало послѣдующимъ важнымъ общественнымъ явленіямъ. Сильное возбужденіе патріотизма вызвало и общее усиленіе общественныхъ интересовъ и общественныхъ стремленій. Люди были выбиты изъ своей узкой колеи, оторваны отъ своихъ мелкихъ личныхъ интересовъ, какъ бы освобождены отъ прежней своей придавленности, сразу поставлены въ среду широкаго и важнаго общественнаго, государственнаго, народнаго дѣла, и они были тогда въ этомъ дѣлѣ не слѣплыми орудіями, не пѣшками, а сознательными и одушевленными работниками. Сильное патріотическое одушевленіе охватило тогда нашихъ предковъ. Муравьевъ рассказывалъ, что еще до торжественнаго заявленія Александра I—„не власть оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ“ молодые гвардейскіе офицеры уже дали такую же вѣтвь: знаменитый рескриптъ не внесъ ничего новаго въ господствующее одушевленіе, онъ только царскимъ словомъ освѣтилъ общее направленіе. Разъ любовь къ родинѣ была обнаружена, она, конечно, не могла уничтожиться и по минованіи военныхъ обстоятельствъ, она должна была лишь видоизмѣниться, должна была обратиться отъ внѣшнихъ враговъ къ внутреннимъ бѣдствіямъ, ясно сознаннымъ во время самой войны. Любовь къ родинѣ, любовь къ народу, сближеніе съ нимъ не могли пройти бесслѣдно. 1812 годъ былъ дѣломъ народнымъ и на этомъ дѣлѣ, въ дружной работѣ, встрѣтились и такъ называемое общество, и простой народъ“. Любопытны слова одного солдата, передаваемыя современникомъ: „Ну, слава Богу, *вся Россія въ походъ пошла!*“ Дѣйствительно, походъ 12 года былъ походъ *всей Россіи*. Народъ единодушнымъ возстаніемъ, сильнымъ порывомъ въ 1812 году спасъ родину, спасъ рус-

свое государство отъ гибели, отъ политическаго пораженія; и вотъ послѣ этой торжественной побѣды значительной части народа приходилось вернуться въ прежнее крѣпостное рабство. Одного уже этого было достаточно, чтобы создать общественное движеніе. Это народное движеніе должно было всего ярче отразиться непосредственно на самихъ участникахъ великихъ событій. Впереди всего стояло дворянство, которое тогда почти безъ исключенія стояло въ рядахъ армій. Чтобы понять значеніе долговременнаго пребыванія нашихъ войскъ за границей, стоитъ припомнить, что и теперь путешествіе за границу русскаго человѣка, не лишеннаго наблюдательности и стремящагося къ образованію, совершенно его перевоспитываетъ. Это не то, что мертвое знакомство съ европейскою культурой посредствомъ чтенія и образованія; за границей эта культура со всѣмъ могуществомъ ея традицій и созданнаго ею строя политической и повседневной жизни охватываетъ со всѣхъ сторонъ и воочію человѣкъ вбираетъ ее въ себя всѣмъ существомъ, пріучается дышать ею и постигаетъ рядомъ съ неизбежными и проходящими противорѣчіями и недостатками всю непреложность добытыхъ ею результатовъ. Для мыслящаго человѣка, послѣ путешествія въ Европу, невозможно дойти до презрѣнія къ наукѣ и цивилизаціи, невозможно мириться съ грубостью, невѣжествомъ и царствомъ произвола и угнетенія. Такое впечатлѣніе должна была произвести Европа въ эпоху 1813—1815 годовъ на русское образованное меньшинство. Можно выразиться, что тогда заграничное и притомъ продолжительное путешествіе и при благоприятныхъ обстоятельствахъ совершили не отдѣльныя единицы, а все образованное общество тогдашней Россіи. Особенно сильно это отразилось на гвардіи. Командиръ гвардейскаго корпуса Васильчиковъ, отвѣчая начальнику главнаго штаба Волконскому на запросъ о причинахъ переменъ настроенія въ офицерахъ, заявилъ: „причину надо искать въ различіи времени; не многіе изъ насъ читали тогда газеты, никто не говорилъ о политикѣ, служили утромъ и веселились вечеромъ“. Въ запискахъ Греча есть характеристическій рассказъ, ярко обрисовывающій тогдашнее настроеніе всего гвардейскаго корпуса. Въ 1816 г. масонская ложа давала обѣдъ гвардейскимъ фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ. „Люди эти вели себя честно, благородно, съ чувствомъ своего достоинства; у многихъ были часы и серебряныя табакерки, нѣкто-

рыне вмѣшивали въ свою рѣчь французскія фразы“. Къ этому непосредственному вліянію заграничнаго пребыванія присоединились послѣдующія внѣшнія событія въ Россіи и за границею. На нашемъ рубежѣ въ Германіи происходило въ обществѣ сильное политическое движеніе. „Самые умѣренные люди, говоритъ Гервинусъ, ожидали, какъ дѣла неизбѣжнаго, какъ самага малаго и естественнаго того явленія, что великій переворотъ, совершившійся въ Германіи, создаетъ законъ и энергически устроитъ государственную жизнь, которая разовьется съ большимъ единствомъ, большей свободой, нежели прежняя; ожидали вслѣдъ за внѣшнимъ и внутренняго освобожденія нѣмецкаго народа. Вѣдь за внутреннюю, а не за одну только внѣшнюю свободу поднялся на войну народъ, и внутренняя, а не одна внѣшняя обѣщалась въ воззваніяхъ государей, въ рѣчахъ оффиціально назначенныхъ ораторовъ свободы, сопровождавшихъ главныя квартиры освобождающихъ армій, въ объявленіяхъ ганноверскихъ и австрійскихъ министровъ на вѣнскомъ конгрессѣ, даже и на франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ; вѣдь во всѣхъ этихъ обѣщаніяхъ прямо говорилось, что цѣль войны и плодъ пролитой крови—основать нѣмецкую свободу внутреннимъ и политическимъ устройствомъ, поставить законный порядокъ на мѣсто произвола“. (Ист. XIX стол., пер. Антоновича, II, 30). Здѣсь, въ Германіи, стремленіе въ конституціи сдѣлалось общимъ знаменемъ для всѣхъ друзей свободы и образованія. Императоръ Александръ въ 1814 году потребовалъ отъ бурбоновъ конституцію для Франціи, а въ 1818 году, по собственному побужденію, даровалъ конституцію Царству Польскому и этимъ возбудилъ надежды въ русскомъ обществѣ, уповавшемъ, что его пожертвованія и участіе въ освобожденіи отечества и всей Европы получатъ, въ той или другой формѣ, награду изъ рукъ своего вѣнценоснаго вождя, котораго милосердіе, справедливость и гуманное чувство прославлялись народами иноземными. Рѣчь Императора Александра, при открытіи польскаго сейма (15 марта 1818 г.), произвела глубокое впечатлѣніе въ обществѣ. Разбирая ее въ „Сынѣ Отечества“ (1818 г. № 18), профессоръ Куницынъ разъясняетъ „доброту представительнаго правленія“ выпиской изъ этой рѣчи, гдѣ выражено, что „законно-свободныя постановленія“, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, *не суть мечта опасная*. Въ

тонъ Высочайшей рѣчи нѣсколько позже попечитель петербургскаго округа, гр. С. С. Уваровъ, въ торжественномъ собраніи главнаго педагогическаго института выразился прямо, что „мы, по примѣру Европы, начинаемъ помышлять о свободныхъ понятіяхъ“. Послѣдствія не замедлили обнаружиться: въ нашемъ образованномъ меньшинствѣ послѣ 1812 года сейчасъ начались движенія нѣсколько иного свойства, нежели въ предшествовавшую эпоху. Мы видѣли, что въ предыдущую эпоху Новиковъ, который такъ зрѣло и радикально относился ко всѣмъ вопросамъ внутренней общественной жизни, не установился еще въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Политическое сознаніе до нѣкоторой степени пробудило само правительство, въ началѣ царствованія Императора Александра I, отчасти своими либеральными реформами, отчасти приглашеніемъ самого общества принять участіе въ дѣятельности правительства. Отвѣтомъ на это былъ Карамзинскій оптимизмъ, въ ту минуту совершенно понятный и законный. Но послѣ Наполеоновскихъ войнъ толчокъ, сообщенный вышними событіями, отразился возбужденіемъ самодѣятельности и въ области мысли, и въ общественной жизни, которая пріобрѣла политическій оттѣнокъ, до тѣхъ поръ для нея совершенно чуждый. „Кто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей былъ на сторонѣ реакціи, говоритъ Греть въ своихъ „запискахъ“ (стр. 446), всѣ тянули пѣсню конституціонную“. Греть, который, конечно, не былъ революціонеромъ и который почему-то питалъ явное недоброжелательство въ эпохѣ царствованія Императора Александра и въ либеральнымъ людямъ того времени (даже къ Тургеневымъ), признаетъ, что молодые, пламенные, благородные люди возымѣли ревностное желаніе доставить торжество либеральнымъ идеямъ, подѣ которыми разумѣли владычество, водвореніе правды, безкорыстности и честности въ судахъ и въ управленіи, искорененіе вѣковыхъ злоупотребленій, подтачивающихъ дерево русскаго величія и благоденствія народнаго. Составилось общество, основанное на самыхъ чистыхъ и благородныхъ началахъ, имѣвшее цѣлю: распространеніе просвѣщенія, поддержаніе правосудія и поощреніе промышленности и усиленіе народнаго богатства (стр. 359—360). Послѣдствіемъ такого пробужденія было послѣдующее наше развитіе, гдѣ, несмотря ни на гнетъ цензуры, ни на дѣйствія реакціи, вырывавшей одну жертву за другой, начался свой Sturm und Drang-Periode, гдѣ литература отъ переводной

и подражательной начинает мало-помалу вырабатывать свое, національное направление. Прежде всего намъ слѣдуетъ ознакомиться, какое направление получило непосредственно это возбужденіе самодѣятельности мысли и жизни въ русскомъ обществѣ подѣ ближайшимъ вліяніемъ совершившихся событій. Распространеніе культурныхъ идей французской революціи путемъ Наполеоновскихъ войнъ совершилось въ давно небывалыхъ, грандіозныхъ размѣрахъ. Событія быстро смѣнялись, личности возвышались и падали, расчеты не удавались, предчувствія обманывались; все какъ будто подсказывало присутствіе высшей, таинственной силы, которая властвуетъ надъ людьми и управляетъ событіями. И это въ ту минуту, когда мысль человѣческая вставала на ноги и, съ гордостью создавъ свое всемогущество, перенесла его именно на вопросы жизни, гдѣ, казалось, все отъ нея зависѣло и все ею устраивалось,—безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Это противорѣчіе между ускоренно-совершавшеюся и непонятною для современниковъ дѣйствительностью и между мыслью, оторвавшеюся отъ старыхъ основъ, но еще не успѣвшею выработать новыхъ,—было причиною распространенія мистицизма вслѣдъ за замиреніемъ особенно въ Германіи и въ Россіи. Оно обуславливалось тѣмъ политическимъ положеніемъ, въ которое поставлены были обѣ стороны вслѣдъ за окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ. Германія, оскорбленная и приниженная, ухватилась за мистицизмъ, какъ за неизбѣжный исходъ, какъ за всегда являющійся отвлекающій палліативъ въ тревожныя времена переходныхъ эпохъ. Къ этому присоединилась на западѣ еще другая причина: „потрясающіе перевороты, какіе испытала Европа, возбудили реакцію прежнему повальному либерализму и невѣрію. Болѣе всѣхъ проигрывавшіе среди религиозныхъ движеній высшіе классы и правительство ухватились за религію, какъ за самый консервативный элементъ жизни, какъ за единственный якорь спасенія отъ утомившихъ всѣхъ качки и бурныхъ тревогъ недавняго прошлаго, и для того, чтобы крѣпче соединиться между собою, стали вырабатывать для себя какую-то общую религію, въ которой могли бы одинаково сойтись между собой и католики, и протестанты, и философы, и масоны, какое-то отвлеченное христіанство, безъ церкви и догматовъ, уповавшее на одно внутреннее озареніе важдаго отъ самого Св. Духа“. Вся Европа въпшии закипѣла мистиками, находившими самый радушный пріемъ

у всѣхъ правительствъ, въ высшемъ обществѣ (Знаменскій, Чтенія Истор. Р. Ц., стр. 27). Россія наоборотъ оказалась на такой высотѣ торжества и славы, которая никогда до тѣхъ поръ не грезилась самому пламенному увлеченію патриотизма; подъ обаяніемъ событій общество невольно приходило къ смиренному сознанию о благодѣтельной помощи свыше. Это мистическое настроеніе всего сильнѣе отразилось на самомъ Императорѣ Александрѣ. Евангелическій прусскій епископъ Эйлертъ приводитъ слѣдующія слова, слышанныя имъ самимъ отъ Императора: „Вслѣдствіе воспитанія, общаго въ то время въ высшихъ кругахъ европейскаго общества, онъ чувствовалъ *душевную пустоту*, но Московскій пожаръ озарилъ его душу и судъ Божій, совершившійся на поляхъ битвы, наполнилъ сердце невѣдомою дотолѣ теплотою вѣры; съ тѣхъ поръ онъ сталъ другимъ человѣкомъ; спасенію Европы отъ гибели онъ обязанъ своимъ собственнымъ спасеніемъ“. Ближайшій союзникъ Императора Александра, прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ также однимъ изъ представителей тогдашней религіозно-мистической сантиментальности, и священный союзъ въ его христіанско-мистическомъ значеніи былъ дѣломъ ихъ обоихъ. Вслѣдъ за Императоромъ Александромъ общество его приближенныхъ и вообще высшее чиновничество въ Петербургѣ, немногіе по личному настроенію, большинство изъ корыстныхъ видовъ, видя въ мистицизмѣ вѣрное для того времени средство къ возвышенію, возобновили несравненно въ болѣе широкихъ размѣрахъ Новиковскую эпоху въ самой правительственной сферѣ. А какъ у насъ вообще чиновничество даетъ тонъ общественной жизни, то первое проявленіе общественныхъ движеній получило мистическій оттѣнокъ.

Вліяніе мистицизма выразилось прежде всего въ возстановленіи стараго масонства. Масонскія ложи возстановились съ самаго начала царствованія Императора Александра. Въ запискѣ „О крамолахъ враговъ Россіи“ говорится, что до 1822 года ложи французскія, нѣмецкія и русскія разныхъ системъ росли какъ грибы. Въ 1815 году ложи эти соединились около двухъ главныхъ Директорской и Астреи, возстановленной 20 августа того года и развѣтвленной по цѣлой Россіи. Главный центръ масонства въ эту эпоху былъ въ Петербургѣ, Москва же мало въ немъ принимала участія. Естественно, что образованные люди тогдашняго времени, сознавая потребность объединенія, обратились прежде всего къ

старой, привычной формѣ тѣмъ болѣе, что она была въ то время разрѣшена правительствомъ и не внушала никакихъ опасеній. Но значеніе масонства подѣ влияніемъ окружающихъ обстоятельствъ перемѣнилось, и подѣ его наружною оболочкою скрывалось политическое броженіе. Гречъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что масонская ложа давала обѣды гвардейскимъ фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ; масонская ложа открыла Ланкастерскую школу, въ которой „дѣло, по выраженію Греча, пло очень хорошо“. Лица, вступившія впослѣдствіи въ заговоръ декабристовъ, были членами масонскихъ ложъ. Въ 1820 году ложи съ чисто политическимъ отбѣнкомъ, соединенныя съ тайными обществами, стали появляться особенно часто, вслѣдствіе чего въ 1822 году послѣдовалъ общій указъ о запрещеніи всякихъ тайныхъ обществъ и о закрытіи всѣхъ масонскихъ ложъ. Интересно, что однимъ изъ главныхъ виновниковъ этого закрытія былъ сенаторъ Кушелевъ, избранный великимъ мастеромъ „Астреи“ въ 1820 г. и подавшій Императору записку въ іюнѣ 1821 г. (во время Лайбахскаго конгресса), гдѣ онъ указывалъ на политическій отбѣнокъ тогдашняго масонства. (См. Пыпина „Обществ. движ. при Александрѣ“ изд. 2, стр. 428 и слѣд.).

Содержаніе тогдашнихъ политическихъ идеаловъ масонства намъ неизвѣстно, но въ томъ или другомъ видѣ они существовали. Этимъ масонство Александровской эпохи отличается отъ Еватерининскаго. Въ царствованіе Екатерины политическій отбѣнокъ извнѣ насильственно навязанъ былъ Мартинистамъ. Въ обвиненія ихъ особое значеніе получили два факта: во первыхъ, сношеніе ихъ съ Вел. Кн. Павломъ Петровичемъ, которому гр. Панинъ передалъ экземпляръ конституціи, чему придала значеніе особая подозрительность Еватерины къ своему наслѣднику; во вторыхъ, найденныя бумаги о сношеніяхъ московскихъ Мартинистовъ съ прусскими въ то время, когда отношенія къ Пруссіи, во время войны съ Турціей и Швеціей, были натянуты и даже грозили разрывомъ. На эти обстоятельства указываетъ собственноручная записка Еватерины, послужившая матеріаломъ для составленія вопросныхъ пунктовъ Шешковскому. Наконецъ кн. Прозоровскій, въ донесеніи своемъ о мартинистахъ, поставилъ впереди политическую ихъ тенденцію, вовсе ступшевавъ мистику и придавъ особенный характеръ благотворительной и образовательной дѣятельности масоновъ и ихъ сношеніямъ внутри и за границею. (Иковниковъ: „Н. И. Новиковъ“, стр. 24 и 25). Но сами Еватери-

нинскіе масоны были далеки отъ приписываемыхъ имъ политическихъ замысловъ. По крайней мѣрѣ ни у самого Новикова, ни у всѣхъ людей его кружка нѣтъ на это ни малѣйшаго намека, а напротивъ они основнымъ своимъ убѣжденіемъ принимали полное примиреніе съ существующимъ порядкомъ вещей. Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и видныхъ Мартинистовъ, И. В. Лопухинъ, прямо и совершенно искренно предписываетъ въ своемъ масонскомъ катехизисѣ— „читать правительство и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не только доброму и кроткому, но и строитивому“. „Нашего общества, говоритъ онъ, предметъ была добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи въ совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша,—что Христосъ начало и конецъ таковаго блаженства. Тайныя же политическія общества, по мнѣнію Лопухина, основаны на томъ, чтобы отвергать Христа, а общество оныхъ предметъ: заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству“. Изданная Лопухинымъ въ разгаръ революціи книга, о которой мы уже упоминали— „Изліяніе сердца, чтущаго благодать единоначалія“, хотя она написана и послѣ опалы, обнаруживаетъ въ немъ совершенно искренняго сторонника самодержавія. Но зато Александровское масонство лишено было того филантропическаго, гуманнаго направленія, которое выразилось такою широкою благотворительною и просвѣтительною дѣятельностью въ обществѣ Новикова и Мартинистовъ, дѣятельностью, которая невольно примиряла съ ихъ религиозно-философскими заблужденіями. Правда, масоны и мистики позднѣйшей эпохи участвовали въ пожертвованіяхъ патриотическому обществу для помощи разореннымъ войною 1812 г., Императорскому челоуѣколюбивому обществу, женскому благотворительному, попечительству о тюрьмахъ и пр., на все это были жертвованія официальные, скорѣе вызываемыя служебно-общественнымъ положеніемъ и личными расчетами, но не искренними стремленіями, не серьезнымъ желаніемъ принести общественную пользу. Помимо масонства широкое распространеніе получилъ тотчасъ послѣ 1812 г. мистицизмъ. Выше я сказалъ, что мистицизму преданъ самъ Императоръ. Гречъ рассказываетъ, что въ 1817 г. Вильменъ такъ передавалъ ему впечатлѣніе, произведенное на него Императоромъ Александромъ: „до сихъ поръ не могу понять, что хотѣлъ мнѣ сказать вашъ царь. Рѣчи его были

смѣсь либеральныхъ идей съ библіею; что въ нихъ общаго?“ Эту рознь въ убѣжденіяхъ объясняютъ двойственностью характера Императора Александра. Если подъ характеромъ разумѣть то, что обыкновенно называется этимъ именемъ, т. е. силу воли и способность послѣдовательно достигать предположенной въ данную минуту цѣли,—то это невѣрно. Императоръ Александръ, напротивъ, обладалъ замѣчательною силою воли, которая въ серьезныя минуты творила дѣла, прославившія его имя, а въ мелочахъ иногда переходила въ упрямство. Причина этой двойственности лежитъ въ первоначальной обстановкѣ Императора Александра и въ его воспитаніи. Личныя впечатлѣнія ранней молодости Александра, воспитаннаго въ правилахъ возвышенныхъ и благородныхъ республиканцемъ Лагарпомъ и однимъ изъ лучшихъ людей того времени М. Н. Муравьевымъ, должны были поминутно оскорбляться скептически развратнымъ и ослѣпительно пустымъ направлениемъ Екатерининской эпохи; въ немъ должна была смолоду обнаружиться *душевная пустота*, естественно переходящая въ мечтательность и мистицизмъ, если отъ этого не удерживаетъ серьезное образованіе. „Образованіе Александра, говоритъ Гречъ, было болѣе блистательное и многостороннее, нежели основательное и прочное. Онъ выучилъ многое наизусть, говорилъ по французски, какъ дофинъ, но не умѣлъ безошибочно читать по русски“. Такимъ образомъ того единственнаго тормоза, который могъ дать устойчивость убѣжденіямъ Императора Александра, при замѣчательной твердости характера,— у него не было. Совѣты и указанія кн. Голицына, Кошелева и Сперанскаго, встрѣча съ общиною Моравскихъ братьевъ въ Силезіи, свиданіе съ Юнгомъ Штиллингомъ въ Баденѣ, бесѣды и умныя молитвы съ квакерами въ 1814 г. въ Лондонѣ, таинственныя явленія ночью и восторженные пророчества баронессы Кріднеръ въ 1815 г.—все это упало на почву подготовленную и воспримчивую. Первоначальное обращеніе въ мистицизмъ Императора Александра приписывалъ себѣ кн. А. Н. Голицынъ. Въ интересныхъ запискахъ Ю. Н. Бартенева помѣщенъ весьма любопытный о томъ рассказъ самого Голицына. Перейдя изъ тѣснаго кружка, какой представляли масоны-мистики Новиковской эпохи, въ сферу официальную, мистицизмъ совершенно измѣнилъ свой характеръ, прежде всего изъ гонимаго онъ сдѣлался *гонителемъ*. Все ближайшее ко двору заражено было мистицизмомъ. Дворъ Императрицы Елизаветы на-

полненъ былъ представительницами мистицизма въ дамскомъ обществѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли б льшое вліяніе на Государя и Государыню—кн. Голицына, кн. Мещерская, гр. Толстая, Хвостова (сотрудница Лабзина, о которой мы говорили), фрейлина Стурдза. Изъ нихъ напимѣръ кн. Мещерская въ 1813—1826 году напечатала, отчасти на свой счетъ, болѣе 90 брошюръ духовнаго содержанія для народнаго чтенія и распространила ихъ въ 400.000 экз. Отсюда мистицизмъ спускался все ниже и ниже и наконецъ распространился по цѣлой Россіи, проникнувъ въ литературу, въ искусство, въ общественную жизнь. Станевичъ въ своей книгѣ противъ мистицизма (Бесѣда на гробѣ младенца) жаловался, что мистики находятся въ столицахъ, городахъ и селахъ и что ихъ очень много и въ свѣтскомъ и въ духовномъ званіи. Такъ, къ числу завзятыхъ мистиковъ принадлежали изъ духовенства: Архіерей Описифоръ Вологодскій, Симеонъ Крыловъ Тульскій, Дмитрій Сулима Кишеневскій; извѣстный Одесскій архимандритъ Теофанъ; проповѣдникъ кончины міра, священникъ въ Балтѣ, Θεодосій Левицкій и Подольскій священникъ Ѳедоръ Лисѣвичъ; законоучитель кадетскаго корпуса монахъ Іона, покровшій образа въ иконостасѣ церковнымъ копьемъ; извѣстный проповѣдникъ, священникъ Маловъ. Мистицизмъ проникалъ и въ духовныя школы: въ Петербургской академіи, по свидѣтельству Фотія, студенты зачитывались Юнгомъ Штиллиномъ, „инверцемъ брехуномъ“. Митрополитъ Филаретъ, тогда ректоръ С.-Петербургской академіи, пользовавшійся покровительствомъ кн. Голицына, тоже, хотя со свойственной ему осторожностью, перешелъ на сторону мистицизма. Даже первостепенные іерархи, противники мистицизма, поддавали вліянію духа времени: Сушковъ рассказываетъ, что, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, митр. Амвросій, Теофилактъ и Мисаилъ совѣтовали ему чтеніе Эвкартсгаузена, Сведенберга, Штиллинга и Гюйонъ. Возвращенный изъ ссылки Новиковъ (ум. 31 іюля 1818 г.) тихо доживалъ свой вѣкъ въ деревнѣ, не принимая никакого участія въ общественной дѣятельности; но члены его кружка—Лабзинъ, Копелевъ, Поздѣвъ, Лопухинъ, Гамалея, Лѣнивцевъ и друг. еще были на ногахъ и дѣйствовали. Конечно, изъ числа новообращенныхъ мистиковъ были люди по своему искренности. Таковъ былъ самъ кн. Голицынъ, который имѣлъ все и безъ мистицизма, а равно его ближайшіе сподвижники изъ директоровъ: департамента народнаго просвѣщенія—В. М.

Поповъ, переводчикъ Госнера, и почтоваго—Н. У. Жулковской. По крайней мѣрѣ по отзыву Греча, не щедраго на похвалы и нерасположеннаго въ мистикамъ, послѣдніе были люди честные, искренніе, убѣжденные въ своихъ вѣрованіяхъ. Но, благодаря оффиціальному значенію мистицизма, въ нему применила толпа изуверовъ и лицемѣровъ, ища спасенія на томъ свѣтѣ и благъ въ нынѣшнемъ, шедшихъ по кресту къ крестамъ, чинамъ и деньгамъ (Гречъ). Мистицизмъ сдѣлался моднымъ и вѣрнымъ средствомъ составить себѣ карьеру. Мистики убѣжденные и образованные предавались благочестивымъ бесѣдамъ и распространенію своего ученія; мистики изъ расчета преслѣдовали свои личныя цѣли; мистики изъ менѣе развитыхъ людей, захваченные общимъ потокомъ, переходили въ сектантство. Такъ составилось извѣстное общество Татариновой, въ которомъ принимали участіе Лабзинъ и Поповъ; такъ, на примѣръ, на Дону основалъ ученіе духоносцевъ отставной донской эсаулъ Евлампій Котельниковъ, отправленный сначала въ Юрьевъ монастырь на увѣщаніе братіи, потомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а оттуда на посмертное заточеніе въ Соловецкій монастырь. Такъ всегда люди неизвѣстные платились за то, что въ данномъ случаѣ вмѣнялось въ заслугу лицамъ высокопоставленнымъ. Такое повальное увлеченіе мистицизмомъ не могло не оставить слѣдовъ и въ литературѣ, и въ искусствѣ. Мистицизмъ отразился на примѣръ на поэмѣ „Владиміръ освобожденный“ Хераскова, на стихотвореніяхъ Лабзина, Невзорова и многихъ его поэтовъ-сотрудниковъ, зашелъ даже, какъ мы видѣли, въ „Сѣверный Вѣстникъ“. Много ярче вліяніе мистицизма отражалось на тогдашнихъ проповѣдяхъ, начиная словами Филарета, Митрополита Михаила Демацкаго, одного изъ питомцевъ Новиковскихъ учреждений и извѣстнаго проповѣдника, члена російской академіи, священника Малова. Въ живописи стало преобладать стремленіе къ аллегорическимъ сюжетамъ на мистическія темы, преимущественно изъ библейскихъ притчей: извѣстный художникъ Боровиковскій былъ одинокъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ секты Татариновой. Наконецъ самое полное и грандіозное осуществленіе русское мистически-настроенное искусство получило въ проектѣ храма, предполагавшагося на Воробьевыхъ горахъ, мистика и теозофа Витберга.

Главнымъ средствомъ распространенія мистицизма служила литература. Эта литература теперь находилась подъ покровительствомъ

самого императора. Во главѣ подписчиковъ на „возобновленный по Высочайшему повелѣнію“ „Сіонскій Вѣстникъ“ стояли имена императора и в. кн. Константина Павловича. Императору посвященъ переводъ ультра-мистическаго сочиненія „Христіанская философія“ Дю-Туа (1815 — 1817) и по его же повелѣнію изданъ переводъ „Благоговѣйныхъ размышленій о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя“ Таулера (1823). Съ 1803 г. началась энергическая дѣятельность Лабзина по переводу мистическихъ книгъ, о которой мы уже говорили. Усиленіе мистической литературы замѣтно въ особенности съ 1809 года, со времени поворота въ этому направленію высшихъ правительственныхъ сферъ, и затѣмъ достигло своего апогея въ 1813 г., когда при содѣйствіи библейскаго общества выпускалось ежегодно по нѣскольку духовныхъ книгъ, переводныхъ и оригинальныхъ. Всѣ эти книги выходили въ свѣтъ помимо духовной цензуры и поворовительствовались свѣтскою. Самыми видными дѣятелями на этомъ поприщѣ, кромѣ Лабзина, были Утеинъ, Шамшинъ, Сахаровъ, Лубяновскій, Кожановъ (сотрудникъ Друга юношества), сенаторъ З. Карнѣевъ, Хвостовъ, кн. Мещерская и др. Главными авторами для перевода служили, какъ мы видѣли, Ю. Штиллингъ, Эккертсгаузенъ, Бема, Дю-Туа, а съ 1820 годовъ г-жа Гюйонъ. Книги эти разсылались отъ министра по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ и по губерніямъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ. „Сіонскій Вѣстникъ“ получалъ все больше и больше значенія: изъ духовенства его выписывали всѣ архіереи, всѣ архимандриты, всѣ семинаріи и академіи (одна петербургская 11 экземпляровъ) и множество священниковъ; выходъ каждой книжки ожидался съ нетерпѣніемъ. По прекращеніи „Сіонскаго Вѣстника“, вслѣдствіе подчиненія его духовной цензурѣ, „Христіанское Чтеніе“, журналъ выходившій съ 1821 года при С.-Петербургской духовной академіи, въ первые три года въ значительной степени носилъ совершенно мистическій характеръ и служилъ какъ бы продолженіемъ прекратившагося „Сіонскаго Вѣстника“. Стоявшій во главѣ мистицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ министръ всѣхъ духовныхъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ былъ человекъ добраго сердца, одаренный большимъ придворнымъ тактомъ и знаніемъ, чего не должно ему говорить; но умъ и разсудокъ его были весьма тѣсные (Гречъ, стр. 185 прим.). Опутать и склонить на свою сторону такого мистика, какимъ былъ кн. А. Н. Голицынъ, не трудно. Возлѣ

него по ученому вѣдомству собралась группа людей, готовыхъ на все ради своихъ личныхъ интересовъ и пріобрѣтенія власти. Вождемъ этой группы былъ извѣстный Магницкій, а главными влечетями попечитель Петербургскаго округа Руничъ и директоръ педагогическаго института Дм. Ал. Кавелинъ (отецъ всѣми уважаемаго Константина Дмитриевича), бывшій когда-то членомъ Арзамаса, сдѣлавшійся мистикомъ и гонителемъ просвѣщенія, по отзыву Греча, „жалкій и глупый, но тихій лицебѣръ“. И вотъ во имя мистицизма они начали ожесточенную и тупую реакцію, нападки на университетъ, науку и просвѣщеніе, борьбу противъ всякой свободной мысли, которая не укладывалась въ фантастическія рамки мистицизма. Возраженія не допускались. Переводчикъ Московской академіи Смирновъ написалъ противъ мистицизма книгу „Вопль жены, облеченной въ солнце“ (1816), но книга его не была напечатана, онъ лишился мѣста и умеръ въ нищетѣ. Станевичъ издалъ книгу „Бесѣда на гробѣ младенца“, книга была запрещена и отобрана, а самъ авторъ едва спасся отъ ссылки, благодаря заступничеству статсъ-секретаря у принятія прошеній Кикина; цензоръ, пропустившій книгу Станевича, извѣстный ученостью и дарованіями ректоръ Петербургской семинаріи арх. Иннокентій, получилъ за это строгій выговоръ и посланъ въ почетную ссылку, архіереємъ въ Пензу; редакторъ духовнаго журнала Яценковъ за помѣщеніе критики на Экквартсгаузена въ своемъ журналѣ подвергся строгому выговору. Понятно, болѣе охотниковъ на возраженія не находилось. И въ этомъ случаѣ мистицизмъ Голицына отличался отъ мистицизма Лабзина, допускавшаго полную свободу обсужденія. Между тѣмъ мистицизмъ, въ томъ видѣ, какъ онъ проповѣдывался, не только былъ въ открытой враждѣ съ православіемъ. Сводя всю религію къ одной идеѣ возрожденія и соединенія съ божествомъ, мистицизмъ отвергалъ таинства и вѣру въ Божию Матерь и Святыхъ, Священное Писаніе ставилъ ниже личнаго общенія съ божествомъ, утверждая, что Священное Писаніе есть нѣмой наставникъ, указующій знаками на живаго учителя, обитающаго въ сердцѣ (Лабзинъ); самого Христа онъ признавалъ не ипостаснымъ лицомъ Пресвятыя Троицы, а аллегорическимъ представленіемъ о мистическомъ внутреннемъ словѣ. При томъ характеръ распространенаго мистицизма былъ совершенно западный. Мистицизмъ есть явленіе всеобщее, но онъ существенно отличенъ на западѣ и во-

стокъ, какъ природа и культура этихъ странъ. На востокъ чело-
вѣкъ не приученъ борьбой съ природой къ постоянной и озабочен-
ной дѣятельности, культура не возбудила въ немъ стремленія къ
политической жизни и къ наукѣ; поэтому мистическое настроеніе
выработало тамъ только аскетизмъ—умерщвленіе плоти, молчаніе,
умную молитву и подвиги милосердія; если въ минуты мистиче-
скаго экстаза восточному аскету представляются сверхчувствен-
ныя внушенія, то въ смыслѣ отрывочныхъ фантастическихъ ви-
дѣній, до которыхъ не касается аналитическая работа разума.
Напротивъ, западный мистикъ, живущій въ атмосферѣ мысли и
науки, плоды своей фантазіи стремится облечь въ систему, при-
дать имъ стройный и поэтической складъ, связать ихъ съ тѣми или
другими научными познаніями, обращающимися въ обществѣ. Съ
другой стороны, живая западная жизнь, полная тревогъ и интере-
совъ всякаго рода, политическихъ, общественныхъ, научныхъ,—
не могла помириться съ духовною жизнью отшельника, съ умерщвле-
ніемъ плоти и самоистязаніемъ; вмѣсто того она содержаніемъ мисти-
ческой дѣятельности указала общее и неопредѣленное состояніе
соединенія съ божествомъ, не становящееся въ разрѣзъ съ какими-
либо условіями окружающей среды, напротивъ оправдывающее дѣй-
ствія мистика, достигнувшаго этого соединенія,—до полного невмѣ-
ненія. Восточный мистицизмъ у насъ былъ извѣстенъ еще до
петровской Россіи: тогда существовалъ переводъ Макарія Еги-
петскаго, Исаака Сирина, Іоанна Лѣствиничника, Максима Ис-
повѣдника, Григорія Синаита, Симеона новаго Богослова и тво-
ренія извѣстнаго русскаго подвижника Нила Сорскаго. Но на
нихъ не остановились мистики Александровской эпохи; имъ, людямъ
образованнымъ, богатымъ и знатымъ, естественно казался привле-
кательнѣе этотъ покойный и безобидный западный мистицизмъ, пере-
ходившій отъ наивныхъ бредней больной фантазіи къ возвышеннымъ
и поэтическимъ образамъ, завлекающій таинственностью, новизною и
смѣлостью своего ученія. Но людей непосвященныхъ наши тогдаш-
ніе мистики не могли не поражать совершеннымъ разладомъ между
словомъ и дѣломъ. Мистики безпрестанно твердили о духѣ, о вну-
треннемъ челоуѣкѣ, о соединеніи съ божествомъ, въ которомъ плот-
скій челоуѣкъ исчезаетъ, со всѣми своими помыслами и страстями.
Между тѣмъ кн. Голицынъ, на старости лѣтъ, 35 лѣтъ не знавшій
женщинъ, всетаки геворитъ о себѣ: „я и понынѣ сохраняю еще всю

возможность паденія, я и по сіе даже время не рѣшусь ѣхать въ одномъ и томъ же экипажѣ или оставаться наединѣ съ какою бы то ни было женщиною“. Кн. Голицынъ обѣдалъ у другаго извѣстнаго мистика, Р. А. Кошелева, куда, съ цѣлю пріобрѣтенія въ Голицынѣ новаго прозелита, приглашенъ былъ пользовавшійся въ обществѣ громкою славою отличнаго ума и благочестія, Мартинистъ Лѣвнивцевъ. За обѣдомъ, говоритъ въ своихъ запискахъ Бартевевъ, въ промежутки важныхъ и торжественныхъ конференцій, „хозяинъ и гость“ не переставали разсуждать о поставленныхъ предъ ними яствахъ, смаковали ихъ какъ подобаетъ истиннымъ застольнымъ амфитріонамъ и дегюстировали вино съ такимъ умѣньемъ, которое только можно отыскать у самыхъ опытныхъ знатоковъ дѣла“. Это заставило Голицына на первыхъ порахъ придти къ такому сомнѣнію: „Что-жь это за христіанство?—сладко ѣдятъ, протяженно смакуютъ и говорятъ еще грозныя сентенціи о душѣ и ея безотраднхъ лишеніяхъ, какъ бы для того единственно, чтобы Лукулловская ихъ трапеза тѣмъ еще болѣе казалась имъ привлекательнѣе, тѣмъ ярче отдѣлилась, т. е. отъ строгаго христіанскаго самоотверженія“ (стр. 80). Самого Ю. Н. Бартевева я хорошо помню въ дѣтствѣ, такъ какъ онъ былъ пріателемъ моего отца. Это былъ человекъ искательный и ловкій, съ большимъ честолюбіемъ, рѣзко-циничный въ обращеніи, охотникъ до женщинъ и также любилъ сладко поѣсть и протяженно смаковать за вкуснымъ обѣдомъ. Такимъ онъ является и въ своихъ запискахъ, гдѣ при всемъ искусствѣ оригинально образнаго языка просвѣчиваетъ настоящая его природа. Въ одномъ мѣствѣ онъ самъ говоритъ о себѣ: „мало по малу прозрачность моя истлѣлась, плотское слово разбушевалось, и я сталъ выливаться въ обыкновенной полудіогенской моей формѣ, *не наблюдая за собою*, грязнясь въ совѣсти, шута миромъ ближняго моего и его спокойствіемъ. Вѣроломное сердце человека, пресытившись яствами, упившись вина, не къ Господу уже обращалось; нѣтъ, оно отражать хотѣло только страсти, можетъ быть уснувшія; припоминало свои мелочныя претензіи, припоминало, какъ нѣкогда волновалось оно, это сердце, на своего ближняго за то, что не поднесли хорошаго вина и проч. и проч.“ (Р. Арх. № 7, 322—23). Въ виду такого направленія мистицизма съ точки зрѣнія православія должна была родиться и дѣйствительно родилась оппозиція противъ мистицизма. Но безкорыстнымъ поборникомъ

православія во всей этой оппозиціи былъ только престарѣлый Шишковъ, приче́мъ его православіе выражалось лишь сожалѣніемъ, что святители въ своихъ рясахъ должны сидѣть рядомъ съ людьми во фракахъ и вести съ ними общее дѣло распространенія благочестія въ народѣ, или негодованіемъ, что слово Божіе подвергалось поруганію, переложенію его на простонародный языкъ черни, романовъ и театра, т. е. русскій. Высшіе духовные сановники въ концѣ концовъ примирились съ тѣми или другими взглядами Голицына, но они не могли примириться съ однимъ — съ подчиненіемъ церковной іерархіи свѣтской власти, наряду съ жидами и магометанами. Представителемъ этой іерархической оппозиціи былъ митрополитъ Серафимъ, а передовымъ борцомъ, въ силу своей дерзкой смѣлости, недоучившійся архимандритъ Фотій, интригантъ-фанатикъ, скрывавшій подъ личиной строгаго подвижника непомерное честолюбіе. Но этого было мало, и оппозиція тогда только сломила Голицына, когда ее поддержалъ Аравчевъ, изъ за своихъ личныхъ видовъ и счетовъ, чтобъ уронить значеніе и вліяніе у государя кн. Голицына. Но, получивши власть, оппозиція осталась вѣрною направленію своихъ низверженныхъ противниковъ. Семидесятилѣтній старецъ Шишковъ, сдѣланный министромъ просвѣщенія, открылъ свою дѣятельность проведеніемъ цензурнаго устава, составленнаго Магницкимъ и компанією; министерство Шикова вообще Карамзинъ называлъ *министерствомъ затмѣнія*.

Другое учрежденіе, соединявшее между собою людей изъ образованнаго меньшинства и также исходившее изъ религіознаго настроенія того времени, было русское библейское общество. Первую мысль въ открытію этого общества подало знаменитое „Британское и Иностранное Библейское Общество“, основанное въ 1804 году методистами-квакерами и другими религіозными сектантами мистическаго направленія. Первое библейское общество, въ подражаніе англійскому, возникло у насъ въ Финляндіи въ 1811 году, а затѣмъ въ 1812 г. англійскіе методисты—пасторы Патерсонъ и Пинвертонъ, игравшій потомъ такую важную роль въ дѣйствіяхъ русскаго библейскаго общества, выхлопотали чрезъ кн. Голицына разрѣшеніе объ открытіи библейскаго общества (11 генваря 1813). Французская революція вызвала въ Англии, такъ же какъ впоследствии на континентѣ, сильную реакцію, которая съ середины XVIII вѣка приняла форму религіозной экзальтаціи, соединенной съ чрезвычайнымъ развитіемъ

духа миссіонерства и евангельской проповѣди. Въ числѣ проявленій этого настроенія было основаніе общества для повсемѣстнаго распространенія Библіи и школъ взаимнаго обученія, такъ-называемыхъ ланкастерскихъ, первоначально предназначенныхъ для приготовленія миссіонеровъ. Изъ Англіи оба эти учрежденія обошли всю Европу, повсюду встрѣчая самый сочувственный пріемъ, и, какъ водится, забрели въ Россію. Время какъ нельзя болѣе благопріятствовало. Возбужденное состояніе общества, настроенное на распространеніе просвѣщенія и улучшенія народнаго быта, искало пищи и съ радостью остановилось на обѣихъ задачахъ, самыхъ скромныхъ, безопасныхъ и все-таки общающихся извѣстнѣй успѣхъ. И здѣсь честь инициативы принадлежитъ Императору Александру. Прусскій епископъ Эйлертъ передаетъ слова Его: „Къ чему послужить свящ. союзъ, если начала его останутся одинокими и не провикнуть въ сердца народа? Это можетъ совершиться вполне искренне только посредствомъ Св. Писанія на языкѣ каждаго народа. Надо распространять святія книги въ томъ видѣ, какъ онѣ намъ даны; надо предоставить каждому христіанину, каковаго бы исповѣданія онъ ни былъ, воспринять богатное дѣйствіе Св. Писанія“. Быстро библейское общество отдѣленіями своими покрыло цѣлую Россію, до самыхъ отдаленныхъ ея захолустьевъ. Въ исторіи библейскаго общества надо отличать двѣ совершенно различныя стороны, результаты самого дѣла и судьбу его, зависѣвшую отъ случайнаго состава лицъ, ставшихъ во главѣ общества. Что касается до результатовъ, то въ нихъ было много утѣшительнаго и общающаго. А. Н. Пыпинъ говоритъ, что библейское общество было едва ли не первый случай соединенія частныхъ усилій въ обширномъ предпріятіи на пользу общую, гдѣ соединилась во имя религіозной терпимости просвѣщенная часть православнаго и иноувѣрнаго духовенства. Дѣлами общества управлялъ комитетъ въ Петербургѣ, въ разныхъ мѣстахъ Россіи были частныя отдѣленія общества и въ нихъ комитеты. Въ 1819 г. всѣхъ такихъ мѣстъ въ Россіи было 196. Матеріальныя средства общества составлялись изъ суммъ, собиравшихся чрезъ подписки, и добровольныхъ приношеній, а также изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ и благотворителей общества. Въ теченіе 7 лѣтъ существованія общества (до 1819 г. включительно) такихъ суммъ поступило 1.747.862 р. Изданія общества печатались въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Астра-

хани и Митавѣ; въ тотъ же семилѣтній періодъ отпечатано 71 изданіе, на 22 языкахъ, въ числѣ 315.000 экземпляровъ. Въ 1819 году разослано для продажи и продано въ Петербургъ 66.287 экз. книгъ Св. Писанія на 32 языкахъ, на сумму 345.313 р. роздано и разослано безденежно на разныхъ языкахъ 2.252 экз., на сумму 10.242 р. (Библ. Зап. т. II, 118—127). Къ 1826 году общая цифра изданій общества, болѣе чѣмъ на 40 языкахъ и нарѣчіяхъ, доходила до 876.000 экземпляровъ. Къ сожалѣнію, официальное вмѣшательство придадо этимъ результатамъ совершенно превратное значеніе. Вслѣдствіе того, что во главѣ библейскаго общества стоялъ Голицынъ, министръ духовныхъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія и „другъ государевъ“, библейское общество сдѣлалось не только моднымъ дѣломъ, но почти обязательнымъ средствомъ для служебной карьеры. Вслѣдствіе того духъ ханжества сильно распространился въ обществѣ, особенно въ служебныхъ сферахъ. Мѣстныя начальства, начиная отъ губернаторовъ, архіереевъ, полковыхъ командировъ и директоровъ гимназій и кончая почтмейстерами, городничими и исправниками, были ревностными распространителями Св. Писанія и сборщиками quasi добровольныхъ на то пожертвованій. Такимъ образомъ дѣло библейскаго общества, по замѣчанію Знаменскаго, изъ общественно - религіознаго превращалось въ служебное и казенное. Но всетаки книги священнаго писанія проникали въ народъ и оказывали свое дѣйствіе. Президентъ общества указывалъ въ своемъ отчетѣ, что священное писаніе распространялось у насъ и между поселянами. „Солдаты и матросы сами ищутъ сей пищи духовной. Во внутренности семействъ Библия становится правиломъ жизни и ежедневнымъ поученіемъ“. Народъ у насъ любитъ это чтеніе: въ Ветлужскомъ уѣздѣ, въ шестидесятихъ годахъ, по инициативѣ Ф. Н. Лугинина, была открыта продажа Библии и Евангелія на русскомъ языкѣ, и въ короткое время разошлась не одна сотня экземпляровъ, хотя количество грамотныхъ относительно не велико. Это и понятно: никакихъ книгъ для чтенія въ рукахъ народа нѣтъ, а между тѣмъ стремленіе къ чтенію есть, и притомъ стремленіе къ чтенію *назидательному*, которое ничѣмъ другимъ лучше не можетъ быть удовлетворено, какъ книгами Св. Писанія. Въ числѣ дѣятелей, помимо людей официальныхъ и приглашенныхъ, было много людей искренне заинтересованныхъ этимъ дѣломъ. Къ обществу примкнули остатки старыхъ ма-

соновъ и людей дружескаго общества; въ немъ приняла горячее участіе молодежь. Воспитанники университетовъ, лицеевъ и другихъ учебныхъ заведеній спѣшили составлять библейскія сотоварищества и христіанскія собранія. Такъ, студенты Казанскаго и Харьковскаго университетовъ вносили имена свои въ списки членовъ библейскихъ обществъ и труды свои, писанные въ духѣ этихъ обществъ, помѣщали въ университетскихъ изданіяхъ. При Пермской гимназіи открыто сотоварищество російскаго библейскаго общества, ученики Пензенской гимназіи устроили христіанскія и литературныя бесѣды, гдѣ читались псалмы и разсужденія о важнѣйшихъ истинахъ религіи и о жизни святыхъ мужей; даже *дѣти* нынѣшняго Рижскаго лицея учредили между собою библейское сотоварищество для снабженія сверстниковъ книгами слова Божія. Въ этихъ движеніяхъ нельзя видѣть *исключительно* начальственнаго вліянія. Въ возбужденныя эпохи молодежь всегда является самою чуткою и податливою,—разумѣется, въ тонѣ общаго настроенія минуты,—а тогда оно было искренно-религіозное. Но, къ сожалѣнію, дѣятельность библейскаго общества съ самаго начала поставлена была на мистическую почву, такъ что эти два дѣла—распространеніе Библіи и мистицизмъ, совершенно разныя, слились въ одно. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство. Члены англійскаго библейскаго общества открыто заявляли, что вѣчною цѣлью связаннаго съ англійскимъ русскаго общества должно служить обращеніе Россіи въ протестантизмъ. Попытки къ этому дѣйствительно были сдѣланы между инородцами, на что указываютъ миссіи гернгутеровъ въ Калмыцкихъ степяхъ, англійскія въ Сибири и отчасти шотландскія у киргизовъ. Въ Лифляндіи въ короткое время число моравскихъ братьевъ возвысилось съ 300 на 40.000 чел. Такимъ образомъ борьба во имя православія съ мистицизмомъ всецѣло перенесена была на библейское общество. Въ глазахъ Шишкова—именно библейское общество отвѣчало за все: онъ считалъ его гнѣздомъ и религіознаго отступничества, и, неизвѣстно почему, даже революціонной пропаганды. Такимъ образомъ участь Голицына раздѣлило и общество: съ выходомъ его изъ министерства въ 1824 году, общество почти прекратило свое дѣйствіе и Высочайшимъ рескриптомъ отъ 15 іюля 1826 г. на имя митрополита Серафима передано было со всѣмъ имуществомъ въ вѣдѣніе Св. Синода. Между прочимъ, въ исторіи библейскаго общества

поучителенъ фактъ, что въ Ученомъ Комитетѣ Мин. Народнаго Просв. разсматривалось присланное по адресу библейскаго общества министру профессоромъ Баварскаго лицея сочиненіе о всеобщемъ языкѣ для будущихъ братьевъ.

Объ руку съ распространеніемъ библейскаго общества подвигалось, хотя несравненно медленнѣе, образованіе ланкастерскихъ школъ, или школъ взаимнаго обученія, какъ тогда называли. Такъ называемыя ланкастерскія школы были изобрѣтены Андр. Белемъ, надзирателемъ сиротской школы въ Остѣ-Индіи. Изобрѣтенный имъ приемъ взаимнаго обученія онъ примѣнялъ первоначально въ своей школѣ (1790 — 1796 въ Мадрасѣ). Въ 1791 году, совершенно отъ него независимо, квакеръ Ланкастеръ устроилъ такую же школу для бѣдныхъ въ лондонскомъ предмѣстьѣ и распространилъ свой способъ въ Англии, во время объѣзда своего въ 1810 г. Такъ какъ духовенство недовольно было обстоятельствомъ, что широко распространявшіяся школы одолжены своимъ происхожденіемъ квакеру, то оно выставило впередъ возвратившагося въ Англию Беля; вслѣдствіе того школы, основанныя Белемъ, получали пособіе отъ духовенства и придворной партіи, а Ланкастеровы отъ общества. Ланкастерскія школы, завезенныя изъ Англии гр. Лабордомъ, прежде всего распространились съ 1815 г. во Франціи. Императоръ Александръ ознакомился съ этими школами въ Лондонѣ, во время посѣщенія квакеромъ. Исторія этихъ школъ у насъ подробно изложена Гречемъ, который принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе въ качествѣ завѣдывающаго центральною школой для обученія солдатъ Гвардейскаго корпуса и потомъ директора полковыхъ гвардейскихъ школъ. Первое ланкастерское училище заведено было гр. Воронцовымъ, командиромъ русскаго оккупационнаго корпуса, оставленнаго во Франціи, въ Мобѣжѣ, и дало замѣчательные результаты: до трехъ сотъ человѣкъ солдатъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, выучились чтенію и письму. Затѣмъ, въ самомъ отдаленномъ краѣ Россіи, въ Сибири, школы заведены были командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, ген.-лейт. Глазенапомъ, узнавшимъ о нихъ изъ печатныхъ извѣстій, въ Сибирскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи и нѣсколько позже въ такихъ же отдѣленіяхъ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ. Изъ сиротскихъ отдѣленій ланкастерскія школы перешли въ гвардію. Центральная школа для обученія гвардейскихъ солдатъ была заведена

начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса Н. М. Сипягинымъ и пошла очень хорошо: въ концѣ втораго мѣсяца солдаты, не знавшіе долѣ ни іоты, выучились читать и съ таблицъ, и по книгамъ; многіе уже писали порядочно. „Нельзя, говоритъ Гречъ, вообразить прилежанія, рвенія, удовольствія, съ которыми они учились: предъ ними разверзлся новый міръ“. По осмотрѣ этой школы Государемъ, повелѣно было учредить по такому училищу въ каждомъ гвардейскомъ полку. Такія школы были учреждены въ Преображенскомъ, Московскомъ, Егерскомъ и Кавалергардскомъ полкахъ. Гречъ въ качествѣ директора школы составлялъ уставы, руководства и учебныя таблицы и разсылалъ ихъ по арміи. Въ 1820 г. Императрица Марія Ѳеодоровна поручила Гречу ввести систему взаимнаго обученія въ школахъ воспитанниковъ и воспитанницъ воспитательныхъ домовъ Петербургскаго и Гатчинскаго; потомъ заведены были, удержавшіяся долѣ всѣхъ, училища солдатскихъ дочерей полковъ гвардіи—первое въ Семеновскомъ полку, другое въ Большой Конюшенной. Наконецъ въ 1819 г. составилось съ этою цѣлью Высочайше утвержденное свѣтское общество, преимущественно изъ членовъ ложи „избраннаго Михаила“, подъ предсѣдательствомъ гр. Ф. П. Толстаго. Первоначальными членами этого общества были между прочимъ Ѳ. Н. Глинка, Гречъ, Григоровичъ, Н. П. Кусовъ и другіе. Потомъ это общество разрослось и имѣло уже болѣе 86 членовъ; приглашены, въ качествѣ почетныхъ, высшія лица изъ православнаго и католическаго духовенства и самыя вліятельныя государственныя сановники, не исключая Аракчеева и Шишкова. 16 іюня 1819 г. общество открыло школу на 25 мальчиковъ, которая, по словамъ Греча, принесла въ свое время много пользы, но потомъ исчезла отъ недостатка вниманія и соревнованія. По распоряженію военнаго министерства велѣно было устроить такія школы при каждомъ дивизіонномъ штабѣ; насколько это было приведено въ исполненіе, данныхъ нѣтъ. Были заводимы такія школы кое-гдѣ и въ губерніи, но тамъ проявленіе этого движенія было въ началѣ очень слабо, хотя Гречъ упоминаетъ, что въ „общество учрежденія училищъ по методу взаимнаго обученія“ обращались многіе помѣщики, желая завести въ имѣніяхъ своихъ для крестьянъ школы взаимнаго обученія съ просьбами о принятіи знающихъ хотя читать и писать людей ихъ для обученія правиламъ сей ме-

тоды, чтобы они могли занять съ пользою должности сельскихъ учителей. Въ 1820 г. заведены были школы взаимнаго обученія въ Тулѣ и Вологдѣ мѣщаниномъ Муратовымъ. Въ 1821 году всѣхъ училищъ считалось до 60, а число учащихся до 9.000. Въ 1823 году училища начали сильно распространяться; они были открыты по военному вѣдомству въ большинствѣ военно-сиротскихъ отдѣленій, въ Оренбургѣ для кантонистовъ, въ Тифлисѣ при штабѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, въ Кронштадтѣ для крестьянскихъ мальчиковъ, приготовлявшихся въ морскую службу, при всѣхъ батальонахъ и ротахъ поселенныхъ войскъ, въ Кіевѣ при кантонистской ротѣ. Въ распространеніи ихъ принимали участіе губернаторы въ Перми, Тулѣ; Виленскій университетъ, который открылъ училище при университетѣ и заботился о распредѣленіи наставниковъ по училищамъ, заводимымъ помѣщиками въ своихъ имѣніяхъ и ксендзами; въ Винницѣ училище открыто было при гимнази. Въ этомъ движеніи начали принимать дѣятельное участіе и помѣщики: такъ, школы были заведены въ имѣніяхъ: Дмитровскаго уѣзда въ селѣ Льговѣ у ген. С. С. Апраксина, Рузскаго уѣзда въ селѣ Теплоу Соймонова, Подольской губ., Летичевскаго уѣзда, въ имѣніи кн. Чарторижскаго, въ Пинскомъ уѣздѣ у гр. Поцея, у гр. Румянцева въ Гомелѣ, у Кочубея въ Малороссіи. Дворянство Слуцкаго уѣзда сдѣлало между собою соглашеніе о распространеніи школъ взаимнаго обученія на счетъ ежегодныхъ добровольныхъ вкладовъ и предположило завести на первый разъ училище въ городѣ Слуцкѣ, для образованія учителей, а потомъ учреждать школы по селеніямъ и деревнямъ. Такимъ образомъ учрежденіе народныхъ школъ въ двадцатыхъ годахъ по характеру своему напоминаетъ движеніе шестидесятыхъ годовъ, по устройству воскресныхъ школъ; точно также оно сосредоточивалось главнымъ образомъ въ Петербургѣ, при содѣйствіи военнаго министерства, и учителями по большей части были офицера гвардіи и флота. Семеновская исторія положила конецъ этому движенію. Гвардейскія школы были заподозрѣны, что онѣ содѣйствуютъ ослабленію дисциплины въ войскахъ и служатъ распространеніемъ вредныхъ мыслей, подъ руководствомъ людей, имѣющихъ связь съ революціонерами, изъ которыхъ главнымъ подразумѣвался Н. И. Гречъ. Прежде всего число школъ ограничи существовавшими; новыхъ не заводили, да и въ прежнихъ стѣснили продолженіе уроковъ, занимая солдатъ служ-

бою. Съ 1821 г., воспользовавшись выступленіемъ гвардіи въ походъ, школы совсѣмъ закрыли. Замѣчательно, что и въ то время министерство народнаго просвѣщенія не только не содѣйствовало открытію народныхъ школъ, но напротивъ относилось къ этому дѣлу враждебно и всячески его тормозило. Такъ какъ Ланкастерскими школами интересовался самъ Императоръ, то, по его повелѣнію, министерство народнаго просвѣщенія съ самаго начала командировало въ Англію и Францію четырехъ студентовъ педагогическаго института для изученія ихъ устройства подѣ надзоромъ прикомандированнаго къ англійскому посольству барона Шрандмана, и учредило особое вѣдомство, заботившееся о приготовленіи для нихъ таблицъ и руководствъ. Но изъ этого ничего не вышло и объ открытіи министерскихъ школъ ничего не извѣстно. Члены библейскаго общества принимали, или по крайней мѣрѣ должны были также принимать, участіе въ распространеніи школъ взаимнаго обученія и введеніи этого метода въ существовавшія школы, но какъ и гдѣ—не видно. Между тѣмъ распространеніемъ Св. Писанія библейское общество естественно поставило вопросъ о распространеніи грамотности и объ учрежденіи народныхъ школъ: члены библейскаго общества требовали, чтобы прежде раздачи Св. Писанія были раздаваемы азбуки и призваны лица для обученія крестьянъ грамотѣ. До того времени первоначальныя, или такъ-называемыя приходскія школы существовали только въ уставѣ и не были открыты въ дѣйствительности. Образованіе народа было предоставлено произволу и счастливому случаю. Въ числѣ наставниковъ встрѣчались и отставная актриса, и разстриженный діаконъ, и цѣлыя десятки раскольниковъ поморской, молоканской и поповщинской сеетъ. Въ одномъ Саратовѣ учили „накрывомъ“ около пятидесяти человѣкъ и у нихъ было болѣе тысячи учащихся. Такъ какъ министерство народнаго просвѣщенія не располагало средствами для открытія школъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ признавались необходимыми, то одинъ изъ педагоговъ его вѣдомства представилъ проектъ передать приходскія училища духовенству, подчинивъ ихъ духовнымъ уѣзднымъ училищамъ. Зависимость школъ отъ свѣтскихъ уѣздныхъ училищъ должна была ограничиваться тѣмъ, что смотрители послѣднихъ вмѣстѣ съ ректорами духовныхъ училищъ должны были присутствовать при открытыхъ испытаніяхъ, получать годовые и полугодовые отчеты и дѣлать представленія о

наградахъ учителей. Чтобы обезпечить приходскія училища постоянными учителями, проектъ предлагалъ соединить навсегда должность дьякона съ званіемъ приходскаго учителя, и семинаристовъ, по окончаніи курса, выпускать не въ священники, а въ дьяконы-учители на шесть лѣтъ. Основываясь на отзывѣ члена своего, тогда ректора Петербургской духовной академіи, архимандрита Филарета, главное правленіе училищъ нашло проектъ неисполнимымъ, находя, что нельзя навязать учительство дьяконамъ земледѣльцамъ, какихъ большая часть, а семинаристовъ, кончившихъ курсъ, недостаетъ и для священническихъ мѣстъ. Кромѣ того, проектъ, съ цѣлью устройства приходскихъ училищъ, признавалъ необходимымъ общее преобразование духовенства и его управленія. Такимъ образомъ тяжесть устройства приходскихъ училищъ упала на само библейское общество. Оно предположило расходовать на этотъ предметъ два милліона рублей, которые должно было получать ежегодно съ пошлины на соль. Такъ какъ число училищъ полагалось до 10.000, а число селъ въ Россіи до 40.000, то школы полагалось переводить изъ одного села въ другое чрезъ два или три года. Рѣшено было не откладывать учрежденіе школы, хотя бы на первыхъ порахъ число явившихся учениковъ оказалось бы незначительно, ибо со временемъ оно непременно бы возросло, по мѣрѣ удостовѣренія крестьянъ въ дѣйствительной пользѣ училищъ. Но этимъ благимъ начинаніямъ не суждено было сбыться, вслѣдствіе уничтоженія общества (64).

Кромѣ религіозно - мистическаго въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, возникло другое теченіе, а именно стремленіе къ изученію философіи. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что мистицизмъ и умозрительная нѣмецкая философія имѣютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія. Скептицизмъ XVIII вѣка, отвергавшій всецѣло обветшалыя, традиціонныя формы Европейской жизни, не могъ остановиться на одномъ отрицаніи и требовалъ возстановленія необходимыхъ устоевъ и въ жизни, и въ мысли. Односторонній матеріализмъ, отказывавшійся отъ разрѣшенія многихъ важнѣйшихъ вопросовъ, не могъ вполне удовлетворить всю мыслящую часть общества. Для посильнаго разрѣшенія этихъ нерѣшенныхъ задачъ явились одновременно и мистицизмъ, и умозрительная философія. Какъ тотъ, такъ и другая признавали сферу духа, идеала, абстракта, цѣлой области, недоступной

чувственному пониманію человѣка путемъ изученія исключительно реальныхъ фактовъ; но оба разошлись въ методѣ изслѣдованія этой сверхчувственной области. Мистицизмъ признавалъ за единственный путь къ изслѣдованію непосредственное созерцаніе или откровеніе, не подлежащее обыкновенному процессу мышленія или дедукціи и потому теряющееся въ безграничной и личной фантазіи своихъ послѣдователей. Умозрительная философія старалась подойти къ этой сверхчувственной области съ тѣмъ же самымъ аппаратомъ мышленія, который до сихъ поръ руководилъ человѣчество въ открытіи исторической истины, составляющей содержаніе современной цивилизаціи. Понятно, что люди менѣе развитые уходили въ мистицизмъ; люди болѣе сильные, у которыхъ мыслительная способность привыкла къ самодѣятельности, стремились къ умозрительной философіи. Кирѣевскій, въ своемъ разборѣ книги Ѡ. Надеждина „Опытъ науки философіи“ (Москв. 1845 г., кн. 2, стр. 33), говоритъ объ этомъ времени: „было время, когда появленіе подобной книги у насъ могло бы составить эпоху въ нашей литературѣ, слово *философія* имѣло въ себѣ что-то магическое. Слухи о любомудріи нѣмецкомъ, распространяя повсюду извѣстіе о какой-то новооткрытой Америкѣ въ глубинѣ человѣческаго разума, возбуждали если не общее сочувствіе, то по крайней мѣрѣ общее любопытство. Особенно молодое поколѣніе съ жадностью искало всякой возможности проникнуть въ этотъ таинственный міръ. Страсть доходила до того, что даже читали Велланскаго и Галича! Этого мало: ихъ не только читали, но даже многіе восхищались ихъ сочиненіями, и, что всего замѣчательнѣе, эти поклонники „біологическаго изслѣдованія природы въ ея творящемъ и творимомъ началѣ,“ принадлежали къ числу самыхъ образованныхъ людей того времени“.

Несмотря на то, что умозрительная философія не много болѣе могла удовлетворить стремленія человѣка къ положительному знанію, какъ и мистика, — цивилизующее значеніе этой философіи весьма важно. Не подлежитъ спору, что умозрительная философія у насъ, какъ и вездѣ, принесла ту пользу, что приучила къ систематическому мышленію и къ критикѣ фактовъ подѣ однимъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія. Но этого мало. Въ біографіи Галича, составленной Никитенко, есть такой рассказъ: „Скажите Александръ Ивановичъ, спросилъ ученикъ у Галича, можно ли

сказать, что „философія Шеллинга рѣшаетъ удовлетворительно задачи, составляющія ея программу?“ Галичъ улыбнулся своей иронической улыбкой и спросилъ у своего собесѣдника: „А вы сами какъ думаете, находите ее удовлетворительно?“ „И такъ, и сякъ, отвѣчалъ онъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ меня удовлетворяетъ, въ другихъ нѣтъ.“ „Ну я поставлю вопросъ иначе: чувствуете ли вы, что вамъ съ нею нѣсколько лучше, и вы сами, съ помощью ея, не сдѣлались ли нѣсколько лучшимъ?“ „О, да!“ „Ну, такъ и довольствуйтесь этимъ. Тотъ философскій образъ есть самый для насъ приличный, *который наибольше содѣйствуетъ намъ къ достиженію мира съ самимъ собою и съ другими.* Счастливы тотъ, чьи убѣжденія ближе къ истинѣ, но безъ убѣжденій жить нельзя!“ (Нивит. стр. 78). И это правда. Благодушно примирительное отношеніе къ окружающему, соединенное съ устойчивымъ и неподкупнымъ нравственнымъ убѣжденіемъ—что бесспорно слѣдуетъ признать за людьми сороковыхъ годовъ—было результатомъ распространенія у насъ философіи Шеллинга и Гегеля.

Степень удовлетворенія философской любознательности у насъ, какъ вообще во всемъ касающемся умственного развитія, во многомъ зависѣла отъ отношенія къ изученію философіи правительства. Съ самаго начала занятіе философіею не только не встрѣчало препятствія, но повидимому пользовалось поддержкою съ его стороны. Философія издавна уже преподавалась у насъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и съ самаго начала вошла въ составъ университетскаго преподаванія. Уставъ Московскаго университета отъ 5 ноября 1804 г., примѣненный къ открытымъ вслѣдъ за нимъ Казанскому и Харьковскому, вводитъ философію, какъ необходимый, обязательный предметъ въ сферу общаго образованія, вслѣдствіе чего преподаваніе этой науки перенесено было и на гимназіи, какъ на учебныя заведенія, подготовляющія къ университетскому курсу. Въ видѣ руководства для послѣднихъ, главное правленіе училищъ поручило составить харьковскому профессору Якобу и издало въ переводѣ „Курсъ философіи для гимназій, (8 частей 1815—1817 г., изд. 2), состоящій изъ „начертанія всеобщей логики“, 1811 и 1815 г., „психологіи для гимназій“ 1816 г. изд. 2, „начертанія нравственной философіи“ 1816 г. Видное мѣсто отдано было философіи и при преобразованіи духовныхъ училищъ въ 1808 г. Но, покровительствуя распространенію философіи,

правительство въ тоже время старалось изученіе ея задерживать въ рамкахъ самыхъ тѣсныхъ и неудовлетворяющихъ возбужденной любознательности. Въ инструкціи воспитаннику Петербургскаго педагогическаго института Галичу, командированному за границу для подготовленія къ занятію философской кафедры, приписываемой проф. С.-Петербургскаго университета Лодію, конференція института дала такое наставленіе (1808 г.): „приготовляющемуся къ занятію философіей должно знать естественную исторію, физигу, медицинскую антропологию, всемірную исторію, энциклопедію наукъ и вообще грамматигу, до вступленія въ такъ называемую философію. Всего удобнѣе начать оную (т. е. философію) элементарною психологіею, эстетигкой и логигкой, а потомъ перейти къ метафизикѣ. Но какъ сія послѣдняя издавна служитъ игральщемоу различнымъ сектамъ и имѣетъ великое вліяніе на направленіе мыслей, то молодой человекъ еще болѣе имѣетъ нужду въ *хорошемъ наставленіи* оной, чтобы избѣгать ему угрожающихъ въ нашемъ вѣкѣ опасностей. При такомомъ направленіи можно надѣяться, что онъ не бросится на первую систему, которая ему представится, и не захочетъ самъ почерпнуть свѣдѣнія изъ философовъ разныхъ древнихъ и новыхъ училищъ“. Такимъ образомъ самостоятельность философской мысли и историческое изученіе наукъ, какъ первый и ближайшій къ тому проводникъ, съ самаго начала ставились внѣ программы. Та же конференція, разсмотрѣвъ диссертацию, представленную Галичемъ по возвращеніи изъ заграницы (1813 г.), сочла нужнымъ внушить Галичу, чтобы „онъ, при преподаваніи въ Россійскихъ училищахъ философскихъ наукъ отнюдь не вводилъ своей системы, а держался бы книгъ, начальствомъ введенныхъ“. Инструкція, данная главнымъ комитетомъ институту въ руководство, предписывала профессору преподавать логику по сочиненію Кизеветтера, а метафизику и нравственную философію по Баумейстеру, котораго дозволялось дополнять собственными замѣчаніями и изысканіями, разумѣется, въ духѣ того же руководителя. Вольфъ былъ альфою и омегою этой институтской философіи.

Даже въ позднѣйшее время, въ 1831 году, когда Надеждинъ представилъ въ Московскій университетъ свою диссертацию про *vera legendi*, профессора Ивашковскій и Снегиревъ подали отдѣльное мнѣніе, гдѣ они говорили: „хотя самъ сочинитель не упоминаетъ, какому ученію предпочтительно слѣдовалъ, но весьма оче-

видно, что оно принадлежит Шеллингу, и потому желательно прежде всего знать, может ли сие учение быть допущено въ нашемъ университетѣ“. Это ограниченное допущеніе философіи должно было уступить мѣсто современному ея запрещенію во время упомянутой нами мистико-религіозной реакціи въ министерство Голицына. Всего прискорбнѣе, что реакція эта пришла къ намъ извнѣ, вызвана была не внутреннимъ состояніемъ Россіи, а заграничными происшествіями. Явившись со стороны, въ то время, когда общество въ правѣ было ожидать и дѣйствительно ожидало расширенія своихъ правъ, она, какъ это естественно, произвела всеобщее неудовольствіе, вызвала внутреннее броженіе и привела къ печальнымъ событіямъ 1825 года. Начало этой реакціи относится къ эпохѣ Карлсбадскихъ конференцій и Франкфуртскаго сейма. Среди обманутой въ своихъ ожиданіяхъ Германіи распространилось національное движеніе: появленіе Тугендбунда, Бреславльскіе безпорядки, Вартбургскій студенческій праздникъ въ годовщину Лютера, убійство Коцебу юношею фанатикомъ Зандомъ, покушеніе аптекаря Лессинга на жизнь президента Ибеля, еврейскіе погромы, мелкія волненія въ нѣкоторыхъ университетахъ—всѣ эти явленія вызвали на упомянутыхъ собраніяхъ рядъ стѣснительныхъ мѣръ противъ университетовъ, печати и вообще либеральнаго движенія въ обществѣ, мѣры, которыя долго разѣдали Германію и наконецъ привели къ революціи 1848 года. Тогдашній хозяинъ Европы Меттернихъ, задался мыслью возстановить первенствующее значеніе Австріи, опираясь на реакціонную партію. Волненія, — какъ они ни были случайны и въ общемъ ходѣ событій самъ по себѣ ничтожны, — оказались какъ нельзя болѣе сподручны для такой политической цѣли и позволили Меттерниху стянуть въ свои руки нити Европейской политики угрозой несуществующаго общаго возстанія противъ правительствъ и законнаго порядка. Въ искусныхъ рукахъ Меттерниха священный союзъ сдѣлался какимъ то специальнымъ орудіемъ къ подавленію въ Европѣ всего живаго и свободаго, какимъ то своекорыстнымъ комplotомъ правителей противъ народовъ и все это только для того, чтобы придать не крѣпко сплоченной имперіи Габсбурговъ преобладающее значеніе въ Европѣ, котораго не могла добиться Австрія при спокойномъ состояніи остальныхъ государствъ. Императоръ Александръ очутился въ самомъ трагическомъ положеніи. Поборникъ либеральныхъ консти-

туціонныхъ идей, положившій въ основу священнаго союза благо народовъ и добрыя отношенія къ нимъ правительства, онъ дол- жепъ былъ во имя своего собственнаго созданія подавить обще- ственное движеніе и идти на переکورъ всѣмъ стремленіямъ къ тѣмъ именно цѣлямъ, которыя самъ онъ намѣтилъ и защищалъ. Меттернихъ достигъ своей цѣли и хозяйничалъ въ Германіи и Россіи точно такъ же, какъ въ своей Австріи. Главнаго врага Мет- тернихъ искалъ въ молодомъ поколѣніи и потому онъ объявилъ самую ожесточенную вражду нѣмецкимъ университетамъ, гдѣ ви- дѣлъ только средоточіе демагогическихъ замысловъ и революціон- ныхъ стремленій. Система Меттерниха примѣнена была во всей послѣдовательности и къ Россіи, хотя въ русскихъ университе- тахъ того времени не было никакихъ намековъ на политическое движеніе и наука преподавалась скорѣе въ отсталомъ и ретроград- номъ направленіи. Реакція началась съ преобразованія въ 1817 г. министерства народнаго просвѣщенія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, съ цѣлью подчинить обществен- ное воспитаніе религіозному направленію. Главнымъ проводникомъ этого направленія былъ учрежденный тогда же ученый комитетъ. Здѣсь важнѣйшимъ дѣятелемъ съ самаго начала явился камеръ- юнкеръ Стурдза, самый ярый противникъ университетской науки въ Германіи, представившій въ 1818 году, во время ахенскаго кон- гресса, знаменитую записку „о современномъ положеніи Германіи“ (Memoire sur l'etat actuel de l'Allemagne), гдѣ Меттерниховская программа проведена была съ самою рѣзкою и открытою по- слѣдовательностью. Вскорѣ въ члены ученаго комитета вступилъ Руничъ, а членомъ главнаго управленія училищъ сдѣланъ Маг- ницкій. Дѣйствія новаго министерства были рѣшительны и послѣ- довательны. Составлено было новое росписаніе преподаванія: въ уѣздныхъ училищахъ исключены начальныя основанія естественной исторіи и технологии; въ гимназіяхъ — курсъ статистики всеобщей и русской, начальный курсъ философіи и эстетики, начальныя основанія политической экономіи, технологии и наукъ, относящихся до торговли, а вмѣсто того введено чтеніе Евангелія отъ Маттея, притчи Соломоновы и книга премудрости Иисуса сына Сирахова. Министерство въ отношеніи къ образованію держалось правила: дерзнемъ меньшему учить юношество и оно несомнѣнно будетъ болѣе знать. Лекціи профессоровъ подвергались строгой цензурѣ;

министерство опредѣляло основанія и методу университетскаго преподаванія, стѣсняло его кругъ и убивало его свободу различными инструкціями, обращавшими науку въ орудіе постороннихъ для нея цѣлей; всѣ лучшіе профессора были удалены и остались только лица, согласившіяся безусловно подчиниться существующему направленію. Сущность этого направленія очень рельефно выражена въ рѣчи, произнесенной на актѣ 28 февраля 1823 года въ Петербургскомъ университетѣ французомъ профессоромъ исторіи Дегуровымъ: „de la direction donnée à l'enseignement dans les universités (о направленіи, данномъ ученію въ университетахъ). Дегуровъ, проходивецъ, вытѣсненный изъ Харькова, по рекомендаціи Магницкаго переведенъ былъ въ Петербургъ. Вотъ изъ нея выдержка: „Развитіе нечестія и опасность, грозившая цивилизаціи и общественному порядку, остановлены *священнымъ союзомъ*, открывшимъ истинный свѣтъ, и правительства поспѣшили удалить изъ преподаванія всѣ вредныя доктрины. Университеты имѣли полное право не только отвергнуть всѣ ложныя и пагубныя начала новѣйшей философіи, но и преслѣдовать ихъ и дать почувствовать всѣ ихъ вредныя слѣдствія. По всей справедливости осуждено ученіе о воображаемой древности вселенной, поддерживаемое многими учеными, вопреки свидѣтельству священнаго писанія о сотвореніи міра. Всеобщая исторія должна быть излагаема такимъ образомъ, чтобы постоянно доказывалось господство монархическаго правленія надъ всѣми другими. Она должна изобразить постоянное разложеніе республики вслѣдствіе цивилизаціи, необходимой спутницы монархизма, и указать путь, по которому избирательныя монархіи, волнуемыя внутренними междуособіями, въ виду неминуемой гибели, нашли свое спасеніе, силу и благосостояніе въ монархіи наследственной“ (Сухомлиновъ 11, 15). Тогдашняя журнальная литература съ такимъ сочувствіемъ встрѣтила эту рѣчь, что Гречъ въ „Сынѣ Отечества“ съ сожалѣніемъ указываетъ на помѣщеніе ея перевода въ 7 № журнала императорскаго челоуѣколюбиваго общества за 1823 годъ и обращаетъ на нее вниманіе читателей. Ученый комитетъ подвергъ цензурѣ всѣ существовавшія тогда научныя книги и учебныя руководства и дошелъ до того, что допустилъ только условно и то съ ограниченіями всеобщую исторію Кайданова; были осуждены „метафизика“ и „логика“ Лубкина, логика Лодія, „естественное право“ Куницына, даже „книга о

должностяхъ гражданина и челоѣка“, составленная извѣстнымъ педагогомъ Янковичемъ де Миріево, а по другимъ свѣдѣніямъ самою императрицею Екатериною и съ 1783 — 1819 года употреблявшаяся въ народныхъ училищахъ, для которыхъ она была предназначена.

Сношеніе учащейся молодежи съ германскими университетами были прекращены. Въ 1820 г. изъ Остѣ-Зейскихъ губерній отправлено было для окончательнаго образованія 84 челоѣка и изъ нихъ около трети приходилось на Гейдельбергъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ въ представленіи своемъ въ комитетъ министровъ признавалъ Гейдельбергскій университетъ за опаснѣйшій во всей Германіи, съ одной стороны по вольнодумству тамошнихъ наставниковъ, поучающихъ всѣмъ мятежнымъ правиламъ и проповѣдующихъ самое невѣріе, а съ другой по духу буйства и развращенія, поселившагося между питомцами. Вслѣдствіе этого предписано было частными совѣтами отвращать родителей и опекуновъ отъ посылки молодыхъ людей въ Гейдельбергъ, а рижскому военному губернатору поручено дѣлать внушенія и предостерегать отъ университетовъ Іенскаго, Гейдельбергскаго и Гиссенскаго, къ числу которыхъ губернаторъ присоединилъ отъ себя Вюрцбургскій. Комитетъ министровъ положилъ отозвать изъ всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ русскихъ студентовъ, такъ какъ имъ нѣтъ нужды обучаться въ иностранныхъ университетахъ (Сухомлиновъ). Нѣмецкое устройство, приданное нашимъ университетамъ уставомъ 1805 года, сильно не нравилось реакціонному министерству и вмѣсто него предполагалось ввести къ намъ французскія клерикально-іезуитскія учрежденія для высшаго образованія. Особенно хлопоталъ объ этомъ Магницкій при преобразованіи Казанскаго университета, и хотя и не достигъ своей цѣли вполне, но успѣлъ ввести духъ шпионства въ отношенія между профессорами и склонность къ доносамъ между студентами. Въ 1823 г. Магницкій подалъ записку мин. нар. просв. о совершенномъ запрещеніи преподаванія наукъ философскихъ. На этотъ разъ философію отстаивали членъ ученаго комитета гр. Лаваль и еще сильнѣе рижскій попечитель вл. Ливенъ. Главное правленіе училищъ уже при министрѣ Шишковѣ пришло къ такому заключенію (10 декабря 1826 г.): „Курсъ философскихъ наукъ, очищенный отъ нелѣпостей новѣйшихъ философовъ, основанный на истинахъ христіанскаго ученія и сообразный

съ правилами монархическаго правленія, необходимъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“. (Скаб.).

Философія въ Московской Россіи явилась вмѣстѣ съ учрежденіемъ Эллино-Славянской академіи при царицѣ Софьѣ въ той своеобразной формѣ, которая преобладала во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ еще въ концѣ XVIII стол. Схоластическая философія приносила пользу какъ гимнастика, вырабатывающая процессъ мышленія. Это именно и давало преимущество на государственной службѣ лицамъ изъ духовнаго званія: изъ нихъ преимущественно вырабатывались *дѣлцы* стараго времени, начиная секретарями и кончая высшими государственными сановниками. Въ конспектахъ, разосланныхъ комиссіею духовныхъ училищъ въ 1808 г., между прочимъ ясно выражено, что „философскія науки должны развить разумъ въ учащихся и возвести ихъ до того, чтобы они мыслили постоянно и основательно“. Въ эпоху ближайшую къ преобразованію 1808 года, преподаваніе философіи было не что иное, какъ догматическое, болѣе или менѣе неловкое и тяжелое формулированіе началъ, признанныхъ за неопровержимыя въ руководствахъ Винклера и отчасти Баумейстера, послѣдователей Вольфа, безъ малѣйшаго покушенія къ свободному изслѣдованію. Первымъ реформаторомъ философіи въ преобразованной Петербургской академіи является Фишеръ, вызванный изъ заграницы въ 1809 году, по рекомендаціи проф. философіи Лодія, первоначально для преподаванія еврейскаго языка и потомъ перешедшій на кафедру философіи. Фишеръ былъ человѣкъ съ обширными и разнообразными свѣденіями, съ необыкновенно пылкимъ воображеніемъ, страстный, прошедшій бурную молодость. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фишеръ былъ масонъ и мистикъ; онъ принялъ въ свою вѣру Сперанскаго и игралъ довольно важную роль въ исторіи русскаго масонства. Въ своей программѣ, представленной совѣту академіи, Фишеръ говоритъ, что его „курсъ философіи“ будетъ разсматривать идеи о Богѣ, о свободѣ, о безсмертіи души, не какъ простые постулаты нравческаго разсудка, употребляемые имъ для изясненія нѣкоторыхъ обоюдностей, или для соглашенія противорѣчій, которыя находятся въ душѣ человѣческой и порядкѣ міра; но поколику они суть очевидное знаніе созерцающаго разума, которое отсвѣчивается въ образованныхъ изъ оныхъ понятіяхъ и составляетъ самую сущность внутренней жизни человѣка, какъ въ разсужденіи ея отрицатель-

ности, такъ и въ разсужденіи дѣятельности (Ист. Спб. Акад. Чистоваго, 176). Фишеръ продолжаетъ: „разумъ, изъ врожденной себѣ первоначальной идеи, произрождаетъ общія свои идеи и отражаетъ ихъ въ разсудокъ, чрезъ зеркало сознанія (197). Противъ Фишера возсталъ калужскій архіепископъ Феофилактъ, тогда самый вліятельный членъ Святѣйшаго Синода, принимавшій дѣятельное участіе въ преобразованіи духовныхъ училищъ въ 1808 г., въ томъ числѣ и академіи; Феофилактъ съ ея открытіемъ самъ занялъ кафедру словесности. Однодашникъ и другъ Сперанскаго, блестящій и свѣтскій Феофилактъ, котораго называли русскимъ Бриеномъ (это былъ французскій епископъ, примкнувшій къ революціи), онъ былъ самъ философъ, по совсѣмъ другаго направленія, „Кондильяковскаго“, какъ выразился о немъ преосв. Филаретъ черниговскій. Феофилактъ на основаніи опытной философіи возсталъ противъ идеализма Фишера, именно противъ „его врожденной первоначальной идеи“, которую Фишеръ принималъ за исходную точку своей философіи. Но, согласно господствовавшему тогда обычаю, Феофилактъ, не ограничиваясь научною стороною, бросилъ въ Фишера обвиненіе въ невѣріи, мистицизмѣ и иллюминатствѣ. При этомъ замѣчательно мнѣніе, высказанное обвиненнымъ въ неправославіи и пантеизмѣ архіепископомъ о философіи Канта. Феофилактъ указываетъ, что „Кантовой философіи цѣль есть двоякая: ниспроверженіе христіанства и замѣна его не деизмомъ, а совершеннымъ безбожіемъ“. Упомянувши о вредѣ, который, по мнѣнію его, философія эта принесла въ Германіи, Феофилактъ говоритъ, что сѣмена ея посѣяны и въ Россіи выходцами изъ Германіи. Изъ таковыхъ выходцевъ, продолжаетъ онъ, замѣчательнѣйшіе суть: Фишеръ, присланный изъ С.-Петербургской духовной академіи; Буле, вытѣсненный изъ Московскаго университета; Паротъ, господствовавшій въ Дерптѣ; Якобъ, заразившій Харьковскій университетъ и оттуда истребованный въ С.-Петербургъ для содѣланія Кантовой философіи классическою книгою для всѣхъ высшихъ училищъ народнаго просвѣщенія (Ч. Об. Ист. и Др. 1859, 11; 128). Впрочемъ властолюбивый Феофилактъ, нетерпѣвшій соперниковъ, вооружился противъ Фишера не столько въ защиту благочестія, сколько за вліяніе Фишера на студентовъ, подрывавшее авторитетъ Феофилакты. Когда на дорогѣ Феофилакту сталъ своимъ проповѣдническимъ талантомъ Филаретъ, Феофилактъ и его

обвинялъ въ „пантеизмъ“, за что Филаретъ въ свою очередь обвинялъ Феофилакта въ „неправославіи, натурализмъ и пантеизмъ“ за переводъ сочиненія Ансильона „эстетическія разсужденія“ (1813), сдѣланный студентами подъ надзоромъ Феофилакта и назначавшійся въ числѣ руководствъ по классу словесности. Фишеръ оставался въ академіи не долго. Преобразованная академія открыта была 17 февраля 1809 г., а 22 июня 1810 г. Фишеръ уже былъ назначенъ при комиссіи законовъ въ должности корреспондента по предметамъ уголовного права, гдѣ ему помогъ устроиться Сперанскій. Такимъ образомъ Фишеръ читалъ въ академіи только одному курсу начиная съ февраля въ теченіи пяти мѣсяцевъ. Изъ студентовъ перваго академическаго курса, слушавшихъ Фишера, 12 оставлены были для преподаванія въ самой академіи, въ томъ числѣ Павскій и Бочетовъ, 8 посланы были бакалаврами въ Московскую академію, между ними Гр. Левицкій, Мих. Бажановъ и Вас. Кутневичъ, а остальные 25 размѣщены профессорами по разнымъ губернскимъ семинаріямъ. Несмотря на кратковременное свое пребываніе въ академіи Фишеръ успѣлъ возбудить въ умахъ академическаго юношества новыя философскія идеи, которыя многіе изъ его учениковъ распространяли далѣе, сдѣлавшись сами преподавателями. Въ запискѣ Н. И. Надеждина, приведенной Нивитенко, разсказывается слѣдующее о преподаваніи философіи въ Московской академіи. „Я учился у учениковъ Фишера и знаю, какой энтузіазмъ возбуждало въ нихъ одно воспоминаніе, одно имя великаго учителя. Дѣйствительно, то немногое, что онъ успѣлъ сообщить имъ, было исполнено такой жизни, обито такимъ свѣтомъ, что душа, чувствующая потребность и силу мыслить, естественно должна была покориться непреодолимому магическому очарованію. Въ самой академіи слѣды преподаванія Фишера невозможно было истребить совершенно“. Феофилактъ предполагалъ вернуться снова въ Вольфу и Винклеру; но переведенный изъ Дерпта на кафедру философіи, бывший адъюнктъ профессоръ богословія въ Геттингенѣ Фонъ Хорнъ (1810—1814) имѣлъ добросовѣстность представить противъ этого серьезныя возраженія. По мнѣнію Хорна, „философія Винклера есть таже самая Вольфова философія, которой болѣе ста лѣтъ отъ роду... Философія нашего времени почти ни мало на нее не походитъ; соотношеніе между ними такое же, какое между дитятей и мужчиной“. Поэтому Фонъ-Хорнъ на лекціяхъ

допустилъ непрерывную критику Винклеровой системы и безпре-
станное сравненіе его съ понятіями нынѣшняго вѣка. При этомъ
Хорнъ былъ противникомъ Канта; онъ говоритъ о немъ: „Система
эта, подвергшаяся осмѣянію и презрѣнію, неопровержимыми доказа-
тельствами со стороны ученыхъ людей опровергнута въ Германіи,
и первые ученые Германіи ее почти совершенно истребили“. При
этомъ Хорнъ замѣчаетъ, что уже въ то время система Канта
распространилась въ Россіи. По рекомендаціи Филарета, и видя
невозможность удержать Винклера, комиссія духовныхъ училищъ
впослѣдствіи замѣнила руководство Винклера сочиненіями Карпе
(Карпи „*Institutiones philosophiae dogmaticae*“ (1804) и „*Institutio-
nes philosophiae moralis*“ (1813). Карпе былъ противникомъ фило-
софіи Канта и въ своемъ эклектическомъ изложеніи придерживал-
ся преимущественно Федеръ. Философія послѣдняго коренилась
въ системѣ Лейбницо-Вольфовской, на основаніи которой Федеръ,
исходя изъ опыта, создалъ эклектическую популярную философію
съ преобладающимъ практическимъ направленіемъ, причемъ въ ос-
нованіе положены доказательства о реальности видимаго міра, о
безтѣлесности и безсмертіи души, о существованіи, благодти и пре-
мудрости Бога, какъ руководящія начала въ практической жизни,
а въ анализѣ различныхъ побужденій человѣческой дѣятельности
за исходную точку Федеръ принималъ ощущенія симпатіи. На
этомъ фундаментѣ Федеръ построилъ практическую философію,
которая прямою цѣлью ставила искусство наслажденія (Новакъ).
Такимъ образомъ комиссія духовныхъ училищъ доходила только
до Канта и, начиная съ него, официально не признавала новѣй-
шей германской философіи. Исторія преподаванія философіи въ
Петербургской духовной академіи изложена въ интересныхъ о
ней статьяхъ Ростиславова, студента академіи и потомъ профес-
сора математики и физики (съ 1853 г.), одного изъ лучшихъ на-
шихъ писателей по предметамъ духовнаго быта (В. Евр. 1872 и
1883 г.). Послѣ Хорна преподавателемъ сдѣланъ былъ Вѣтрин-
скій (1814—1826), магистръ перваго курса академіи, поступившій
по окончаніи курса профессоромъ философіи въ Петербургскую
семинарію. „Вѣтринскій издалъ на латинскомъ языкѣ свои лекціи
(„*Institutiones Metaphysicae*“. Р. 1821), сочиненіе далеко не ориги-
нальное, но все-таки доказывавшее въ авторѣ любовь къ своей наукѣ
и желаніе заявить чѣмъ-либо полезнымъ свою профессорскую

дѣятельность, а не проводить время въ буддѣйскомъ покоѣ“. Вынужденный въ послѣдствіи читать по Винклеру, Вѣтринскій впалъ въ апатію и наконецъ перешелъ въ цензоры при главномъ управленіи. При немъ началъ свои чтенія по исторіи философіи магистръ V курса Красносельскій (1823—1830). Владѣя хорошимъ даромъ слова, преподавая свою науку съ воодушевленіемъ любителя ея, смѣло высказывая либеральныя идеи, онъ увлекалъ слушателей своими лекціями и принадлежалъ къ числу профессоровъ, оказавшихъ наибольшее вліяніе на студентовъ. Особенно интересовала ихъ та часть лекцій Красносельскаго, гдѣ онъ съ безпристрастіемъ ученаго разсматривалъ философію отцевъ церкви. Но усиленныя занятія разстроили его здоровье и на шестомъ году своего преподаванія онъ умеръ отъ чахотки. Поступившій еще до Красносельскаго въ академію родной его братъ, магистръ VI курса, Вершинскій (1816—1835), перевелъ краткую „исторію философскихъ системъ“ Аста (1831), „обозрѣніе Пифагоровой системы Риттера“ (1832) и „систему логики Бахмана“ (1833). Но онъ читалъ невыносимо небрежно, можетъ-быть чтобы избѣгнуть обвиненія въ вольнодумствѣ, и въ 1835 году перешелъ въ Штутгартъ придворнымъ священникомъ. Въ 1830 году, по случаю смерти Красносельскаго, на кафедрѣ исторіи философіи переведенъ изъ преподавателей англійскаго языка поступившій въ Петербургскую академію въ 1825 г. и окончившій курсъ магистромъ Ф. Ф. Сидонскій (1830—1833); но вмѣсто исторіи ему поручено было съ перваго же раза читать метафизику, нравственную философію и естественное право.

Сидонскій, еще будучи студентомъ академіи, былъ извѣстенъ обширными свѣдѣніями, неутомимымъ прилежаніемъ и слылъ поклонникомъ тогдашнихъ нѣмецкихъ представителей философіи Шеллинга, Овена, Гербарта, Круга и друг. Сидонскій, только что кончившій курсъ не обладалъ всѣми необходимыми свѣдѣніями для выполненія такой обширной программы; поэтому студенты сначала не были довольны его лекціями, хотя и тутъ онъ нерѣдко умѣлъ заинтересовать и даже удивлять своихъ слушателей. Сидонскій сообщалъ имъ весьма многія изъ тѣхъ идей, которыя въ то время занимали нѣмецкихъ и французскихъ мыслителей; онъ затрогивалъ и поддерживалъ любознательность студентовъ и пробуждалъ въ нихъ стремленіе къ философскому мышленію. Начиная съ сентябрьской

трети 1831 г. Сидонскій явился довольно подготовленнымъ къ тому, чтобы читать философію по собственнымъ своимъ запискамъ. Студенты были весьма довольны новыми лекціями, хотя эти лекціи, какъ первый опытъ молодого человѣка, не могли не имѣть многихъ недостатковъ. Вдругъ, на экзаменѣ въ 1833 г. разыгралась неожиданная сцена. На этомъ экзаменѣ присутствовали тогдашній ректоръ академіи Венедиктъ Григоровичъ и назначенный въ 1832 г. оберъ-священникомъ арміи и флота, бывший профессоръ философіи въ Московской академіи, Кутневичъ. Между Сидонскимъ и экзаменаторами завязался споръ, и, въ отвѣтъ на сдержанный и полный чувства собственнаго достоинства отпоръ Сидонскаго, экзаменаторы разразились безобразными криками: по словамъ Ростиславова, сцена была отвратительная, забыты всѣ приличія, соблюдаемыя при ученыхъ спорахъ, и трудно было рѣшить, чѣмъ бы все окончилось, если бы не пріѣхалъ на экзаменъ митрополитъ Серафимъ. Что было причиною такого поведенія ученика Фишера и бывшего либеральнаго философа, — простое ли разномысліе или несовершенная опредѣлительность, понятная въ преподаваніи молодаго бакалавра — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ сцена эта, напоминающая извѣстный экзаменъ въ Петербургскомъ университетѣ, производившійся Руничемъ и Кавелинымъ у проф. Плисова, — очень характеристична для своего времени. Какъ бы то ни было, Сидонскій съ каѳедры философіи переведенъ былъ на уроки французскаго языка. Но онъ увлекся своею страстью къ философствованію и вмѣсто того, чтобы обучать студентовъ только французскому языку, онъ возложилъ на себя обязанность учить ихъ философіи, такъ сказать въ отрывочномъ видѣ. Встрѣтится что-нибудь замѣчательное при переводѣ статей французской хрестоматіи, Сидонскій пускался въ философскія разсужденія (В. Ев. 1883 г. VIII, 591—598). Въ 1835 году новый ректоръ академіи Виталій Щепетовъ изъ Московской академіи, выдвинутый митрополитомъ Филаретомъ и находившійся подъ постояннымъ его покровительствомъ (впослѣдствіи московскій викарій, умершій востромскимъ архіереемъ), удалилъ Сидонскаго вовсе изъ преподавателей за оказываемое имъ неуваженіе къ митрополиту Филарету, вмѣстѣ съ проф. словесности Делекторскимъ, котораго единственная вина состояла въ томъ, что онъ слогъ въ проповѣдяхъ Филарета находилъ напыщеннымъ и не заслуживающимъ подражанія. Сидонскій продолжалъ свои занятія философіей и послѣ выхода изъ

академіи; вслѣдъ за тѣмъ онъ издалъ лекціи свои исправленныя и пополненныя, подъ заглавіемъ „Введеніе въ науку философіи“ (Спб. 1833 г.). Книга эта удостоена полной демидовской преміи; въ ней Сидонскій предположилъ себѣ цѣлью объяснить всю важность и пользу философскихъ задачъ, указать путь къ возможному ихъ рѣшенію и, наконецъ, опровергнуть недоразумѣнія и вкоренившіеся предрассудки на счетъ философіи,—именно несовмѣстимость ея съ вѣрою и откровеніемъ. Книга эта, пропущенная свѣтской цензурою возбудила противъ себя гоненія въ духовной средѣ и отдана была для раскритикованія викарію петербургской епархіи Григоровичу, при участіи проф. Карпова, но критика ихъ не имѣла послѣдствій. Кромѣ того Сидонскій перевелъ Шульца „Психическую антропологию“ (2 вып. Спб. 1836 г.) и разсужденіе Ансильона „объ общемъ и частномъ“ (Ж. М. Н. Пр. за 1844 г.). Въ 1864 году Сидонскій удостоенъ за ученныя заслуги степени доктора философіи Петербургскимъ университетомъ и въ 1865 г. поступилъ туда на должность законоучителя и профессора философіи. Послѣ Сидонскаго должность профессора философіи въ академіи занялъ воспитанникъ Кіевской академіи, занимавшійся уже тамъ преподаваніемъ въ теченіе четырехъ лѣтъ—Карповъ (1833—1844), извѣстный переводчикъ Платона. (Соч. Платона. 2 ч. Спб. 1841 г.—шесть разговоровъ и седьмой (Федонъ) въ IV т. „Пропилей“ изданія Леонтьева) и „Исторіи философіи Риттера (Спб. 1839 г.). По словамъ Ростиславова, въ своихъ лекціяхъ Карповъ развивалъ ту мысль, что въ природѣ есть нѣчто особенное, которое онъ называлъ жизнью природы. Конечно, не только теперь, но и въ то время система Карпова не могла выдержать серьезной критики. Карповъ очень неудовлетворительно зналъ всѣ науки, относящіяся къ естествознанію, даже физику, и свою теорію мірозданія строилъ по тогдашнему обычаю, изъ идей а ргіогі, не заботясь согласны ли они съ тѣми фактами, съ которыми ознакомило людей естествознаніе. При всемъ томъ Карповъ въ свое время весьма интересовалъ студентовъ своими лекціями. Онъ былъ тогда въ цвѣтущемъ возрастѣ, вѣрилъ въ непогрѣшимость своей философіи природы, съ воодушевленіемъ, даже съ энтузіазмомъ старался передать свою вѣру студентамъ, излагалъ свои мнѣнія въ строго-логическомъ порядкѣ, сообщалъ много интересныхъ свѣдѣній и главное расшевеливалъ любознательность слушателей, заставлялъ ихъ размышлять (Т. 601). Отзывъ Ростис-

слова не даетъ никакого понятія о системѣ философіи, выработанной Карповымъ, точно также и черезчуръ краткое и недостаточно ясное ея изложеніе въ исторіи русской философіи архим. Гавріила. Пополнить этотъ пробѣлъ собственными сочиненіями Карпова нѣтъ достаточно данныхъ, какъ это видно изъ слѣдующаго перечня оставшихся послѣ Карпова трудовъ: Введеніе въ философію (Спб. 1840 г.) Систематическое изложеніе логики (Спб. 1856 г.) Взглядъ на движеніе философіи въ мірѣ христіанскомъ и на причины различныхъ ея направленій (Ж. М. Н. Пр. 1856 г.). Карповъ изъ философовъ преимущественно останавливался на Платонѣ и былъ человѣкъ религіозный, всячески старавшійся не расходиться съ православіемъ. Филаретъ на экзаменѣ убѣдился, что философія Карпова ведетъ къ религіи, и благодарилъ его за такое преподаваніе. Духъ, господствовавшій въ это время (1810—1840) въ академіи, Ростиславовъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „тогда въ Петербургской духовной академіи господствовалъ *добрый духъ*, который стремился къ философскому самомышленію, къ свободному пересмотру началъ знанія и вѣры, къ самостоятельности въ жизни. Можетъ быть хотъ и не вполнѣ, онъ получилъ свое начало въ первомъ еще курсѣ. Многіе изъ студентовъ, пріѣхавшихъ въ академію, были изъ учителей, изъ воспитанниковъ Кіевской, Московской, Александро-Невской академій; они не позволяли себя трактовать какъ мальчишекъ, да и первые два ректора не убивали ихъ самостоятельности. Кромѣ того и въ научномъ отношеніи они дѣлали большіе шаги впередъ и могли, хотъ и не всѣ, считать себя образованными людьми по тогдашнему времени. Филаретъ Дроздовъ старался было подавить этотъ духъ и студентовъ передѣлать въ нѣчто похожее на монастырскихъ послушниковъ; отъ этого второй, третій и отчасти, четвертый выпуски были несравненно слабѣ перваго. Но духъ не былъ вполнѣ задавленъ, онъ всетаки поддерживался Павскимъ, Сербжинскимъ, Райковскимъ и другими наставниками, и потому при Григорьѣ Постниковѣ онъ опять пробудился и ожилъ, отчего студенты, начиная съ шестаго выпуска, овазались даже лучше студентовъ перваго. Наконецъ, при Иннокентіи Борисовѣ и Красносельскомъ поокрѣпнулъ духъ философской любознательности, даже духъ довольно сильнаго стремленія къ религіозной и политической независимости. Пусть обучавшіеся въ то время въ академіи припомнятъ тѣ горячіе и оживленные споры о

философскихъ, богословскихъ и прочихъ предметахъ, которые тогда происходили у студентовъ и между собой въ комнатахъ, и съ наставниками въ классахъ. Что касается до высказавшихся мыслей то ихъ теперь нельзя было бы напечатать, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ. Къ любимымъ предметамъ принадлежали философія и богословіе, особенно въ рационалистическомъ тонѣ. Развѣ мало было труженниковъ, которые, такъ сказать, корпѣли надъ сочиненіями Канта, Шеллинга, Гербарта, Шада, Круга, Вегшейдера, Брейтшнейдера, Розенмюллера, Маргейневке и проч. Студенты любили также заниматься и словесностью, съ жадностью читали критическія и ученныя статьи „Московского Телеграфа“ и предпочитали его „Телескопу“. Романы Вальтеръ Скотта, Купера и особенно Загоскина чуть ли не всѣхъ интересовали. Академисты не чуждались даже и политики и въ этомъ отношеніи едва ли не были выше студентовъ, по крайней мѣрѣ Петербургскаго университета (В. Ев. 1872 г. IX, 199—201). Не смотря на гнетъ подъ которымъ имъ приходилось жить въ тридцатыхъ, сороковыхъ и даже въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, сѣмена, посѣянные Инновентіемъ, Красносельскимъ, Делекторскимъ, Павскимъ и проч. не погибли, а давали отростки; духъ пытливости, критизма и любознательности былъ истребляемъ, но не истреблялся въ академіи; а недовольство господствовавшими въ духовно-учебномъ и духовномъ вѣдомствѣ безпорядками и злоупотребленіями едва ли не увеличивалось“ (тамъ же, 205—206).

Но этимъ проблескамъ свободнаго развитія философской мысли какъ въ Петербургской академіи, такъ и въ другихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, скоро положила конецъ такъ называемая *Протасовская реформа*. Распространеніе въ двадцатыхъ годахъ мистицизма и близкія сношенія православнаго духовенства съ ино-вѣрнымъ въ дѣятельности библейскаго общества не могли не оставить слѣдовъ и въ нашей церковной догматикѣ; допускалась относительно нѣкоторая свобода толкованія, разумъ считался однимъ изъ источниковъ богословскаго познанія, вѣротерпимость получила болѣе широкіе размѣры. Со стороны строгихъ ревнителей православія эта эпоха получила названіе *протестантскаго направленія*. Дѣйствительно, какъ мы видѣли сейчасъ, протестантское рационалистическое богословіе получило въ то время распространеніе между молодежью въ духовныхъ училищахъ, и какъ впоследствии

матеріалізмъ и атеизмъ въ лицѣ Фейербаха, Бюхнера и Модешота увлекалъ тамъ умы молодежи, такъ въ то время богословіе Вегшейдера, считавшееся катехизисомъ раціонализма, было любимымъ *запрещеннымъ* чтеніемъ между молодежью. Представителемъ этого направленія былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ іерарховъ, Херсонскій архіепископъ Иннокентій Борисовъ, магистръ перваго курса (1823 г.) Кіевской академіи, вызванный въ 1823 г. въ инспекторы Петербургской академіи и съ 1824—1830 годъ занимавшій должность инспектора и преподавателя богословія въ Петербургской академіи. Иннокентій занимался съ большимъ усердіемъ богословскою иностранною литературою; можно сказать, что онъ прочиталъ все, что тогда выходило замѣчательнаго въ ней, принадлежало ли это тогдашнимъ раціоналистамъ и теологамъ, или защитникамъ католической и протестантской догмы. Въ своихъ академическихъ лекціяхъ основнаго или догматическаго богословія (въ 1829—30 г.) онъ смѣло касался раціоналистическихъ идей, оцѣнивалъ и критиковалъ ихъ, какъ прилично наставнику духовной академіи, но не ратовалъ протівъ нихъ, какъ фанатикъ. Студенты были увлечены этими лекціями, заслушивались ихъ и выходили изъ класса въ полномъ очарованіи (В. Евр. 1872 г., IX, 175). Конечно, дѣло не обошлось безъ преслѣдованій. Еще въ 1827 году, когда диссертациі на ученые степени воспитанниковъ академіи по предмету богословія, согласно уставу, поступили въ комиссію духовныхъ училищъ и отданы были на разсмотрѣніе Рязанскому архіепископу (впослѣдствіи Кіевскому митрополиту) Филарету, послѣдній замѣтилъ въ двухъ изъ нихъ неправославную мысль, заявленную впрочемъ еще Оригеномъ, что язычникамъ, которые жили на бѣломъ свѣтѣ добродѣтельно, не придется всю вѣчность мучиться въ аду. Филаретъ смутился и, говоря, на колѣняхъ умолялъ членовъ комиссіи положить конецъ нечестію. Но на этотъ разъ дѣло обошлось безъ послѣдствій и тогдашній ректоръ академіи успокоилъ митрополита Серафима. Это происшествіе только обратило вниманіе на Иннокентія, распространивъ славу о немъ въ обществѣ. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, когда Иннокентій уже перешелъ ректоромъ въ Кіевскую академію, на него поднялась гроза, болѣе опасная. На него возсталъ уже не строгій и мелочный, но отходчивый и благодушный ревнитель Филаретъ Кіевскій,—возсталъ самъ Филаретъ Московскій, никогда не мирившійся съ та-

лантомъ и самостоятельностью, до конца преслѣдовавшій всякаго, кто можетъ стать на его пути. Доставши лекціи Иннокентія, Филаретъ свое обвиненіе перенесъ въ высшую инстанцію. Иннокентію посланъ былъ запросъ: онъ отказался и отъ своихъ лекцій, и отъ дальнѣйшаго продолженія въ томъ же духѣ своего преподаванія. Къ этому обвиненію присоединилось совсѣмъ уже другое обстоятельство. Въ 1836 году Иннокентій пріѣхалъ въ Петербургъ и сблизился съ Протасовымъ; ходило предположеніе, что Иннокентій сдѣлается пособникомъ пенавистнаго духовенству оберъ-прокурора въ задумываемыхъ имъ преобразованіяхъ. Митрополитъ Серафимъ испросилъ у Государя высылку Иннокентія въ Кіевъ, затѣмъ (въ 1849 году) онъ былъ уволенъ отъ должности ректора Кіевской академіи и, назначенный епископомъ, началъ свое странствованіе по епархіямъ, начиная съ Вологды (1847 г.). Такъ прекратилъ свою полезную дѣятельность по духовному образованію, еще въ полномъ разцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и образованныхъ представителей нашего духовенства.

Тогдашніе высшіе іерархи, преслѣдуя формальное уклоненіе отъ рутиннаго изложенія, не подозрѣвали, что сами они находятся въ рукахъ неожиданнаго союзника, который не только далеко превзойдетъ ихъ въ стѣсненіи свободы мысли, но и нанесетъ духовному образованію такой ударъ, отъ котораго оно долго не встанетъ на ноги. 25 іюня 1835 года на должность оберъ-прокурора назначенъ былъ лейбъ-гусарскій полковникъ и флигель-адъютантъ графъ Протасовъ. Прежде всего Протасовъ привелъ въ порядокъ нищенскую обстановку студентовъ академіи, возведенную въ принципъ монашествующимъ начальствомъ, какъ средство удаленія академической молодежи отъ *свѣта* и воспитанія въ ней мысли объ отшельнической монастырской жизни, не пекущейся объ удобствахъ. Но образцомъ для академіи Протасовъ избралъ баталіонъ военныхъ кантонистовъ и молодыхъ людей въ высшемъ духовномъ заведеніи подчинилъ чуть не всей строгости существовавшей тамъ дисциплины. На этомъ внѣшнемъ улучшеніи Протасовъ впрочемъ не остановился; виды его простирались гораздо дальше и онъ задумалъ коренную реформу въ духовенствѣ, взявшись за дѣло съ корня и направивъ свою преобразовательную дѣятельность исключительно на воспитаніе духовенства. Реформу эту, въ про-

тивуположность обнаружившемуся въ то время протестантскому направлению, обыкновенно называютъ *католическою*; но авторъ исторіи Петербургской семинаріи, г. Надеждинъ, совершенно справедливо замѣчаетъ, что это—случайное совпаденіе; что реформа эта, которой онъ придаетъ названіе „консервативно-дисциплинарной,“ была только необходимымъ результатомъ всей цѣлости тогдашняго направленія, стремившагося къ подавленію всякихъ свободныхъ проявленій и вопросовъ, возбуждающихъ дѣятельность мысли, къ охраненію власти, порядка и однообразія не только въ формахъ жизни, но и знанія. Красноярскій епископъ Никодимъ, бывшій тогда ректоромъ Вятской семинаріи и вызванный Протасовымъ, чтобы сдѣлать его орудіемъ исполненія задуманныхъ имъ плановъ, въ интересной статьѣ „о Филаретѣ митрополитѣ Московскомъ моя память,“ помѣщенной въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“ за 1877 годъ, подробно рассказываетъ о сношеніяхъ своихъ съ Протасовымъ по этому предмету. Цѣль своихъ предположеній по преобразованію духовнаго образованія Протасовъ объяснилъ Никодиму такимъ образомъ. „Изъ семинарій поступаютъ въ священники по селамъ. Имъ надобно знать сельскій бытъ и умѣть быть полезными крестьянину даже въ его дѣлахъ житейскихъ. Итакъ, на что такая огромная богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрія, дифференціалы, интегралы? Пусть лучше затвердятъ хорошенько катехизисъ, церковный уставъ, нотное пѣніе и довольно! Высокія науки пусть останутся въ академіяхъ“. Никодимъ отстаивалъ необходимость высшихъ наукъ для воспитанниковъ семинаріи, подготовляемыхъ въ священники, въ особенности философіи; при этомъ онъ между прочимъ выразился: „Императоръ Александръ Павловичъ уничтожилъ въ университетахъ философію, опасаясь конечно вольностей. Что же вышло? Пустыя науки, науки безъ зерна, сдѣлали пустыми головы студентовъ: и мы имѣемъ несчастье записать въ исторію 14 декабря 1825 года“. Протасовъ, въ видѣ окончательнаго довода высказалъ: „Когда я напомянулъ Государю, что въ духовныхъ семинаріяхъ читаютъ философію, Государь въ гнѣвѣ и въ недоумѣніи воскликнулъ: „какъ? у духовенства есть философія, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука! изгнать ее! Государь не терпитъ самого имени философіи“. Такимъ образомъ по мысли Гр. Протасова образова-

ніе духовенства должно было получить сословно-профессиональный или лучше сказать технический характер; священник обращался въ простаго исполнителя требъ во всемъ согласно установленному обряду; его обязанностью дѣлалось помогать крестьянину даже въ его житейской, повседневной обстановкѣ, совершенно чуждой призванію служителя алтаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ священникъ теряетъ значеніе пастыря-наставника, освѣтившаго мірское знаніе свѣтомъ христіанской религіи. Реформу свою Гр. Протасовъ проводилъ не вдругъ, постепенно, но рѣшительно и радикально. На первый разъ онъ предложилъ комиссіи духовныхъ училищъ истребовать конспекты богословскихъ наукъ изъ всѣхъ семинарій, чтобы поставить богословіе въ болѣе узкія и утилитарныя рамки, приравнявъ его къ ближайшему ознакомленію съ церковнымъ преданіемъ и обрядностью, вооруживъ его полнымъ запасомъ для борьбы съ расколомъ (богословіе обличительное.) Для разсмотрѣнія присланныхъ конспектовъ учрежденъ былъ въ 1837 г. особый комитетъ при конференціи С.-Петербургской академіи, на который возложено было изданіе книгъ богословскихъ, пригодныхъ въ качествѣ классическихъ учебниковъ и вспомогательныхъ. На основаніи доклада этого комитета состоялось распоряженіе комиссіи духовныхъ училищъ, сообщенное академіямъ и оттуда разосланное по семинаріямъ, гдѣ подробно изложены программы преподаванія богословскихъ и философскихъ наукъ, съ указаніемъ руководствъ и учебныхъ пособій, обязательно рекомендованныхъ комиссіей. Преподаваніе вообще было стѣснено и ему приданъ характеръ болѣе утилитарный, нежели развивающій. Въ отношеніи къ философіи комиссія предположила: „какъ руководительной нити держаться того правила, что истиннаго и спасительнаго познанія должно искать выше разума человѣческаго—въ откровеніи Божіемъ. Истинная смиренная философія должна сдѣлаться служительницею истинной религіи, способной низлагать возношенія ложной, гордой, самонадѣянной философіи, вздымающейся на разумъ Божій“ (Ист. Спб. акад., Надеждина, стр. 127). „Логика не должна быть отуманена отвлеченіями критицизма, которыхъ разбирательство для незрѣлыхъ умовъ представляетъ болѣе трудность нежели пользу; въ философіи нравственной отнюдь не вдаваться въ изслѣдованія, превышающія возрастъ учащихъся, или находящіяся въ сторонѣ отъ цѣли для нихъ предположенной, ка-

ковы напрімѣръ изслѣдованія, относящіяся къ праву естественному“. Сообразно этой цѣли, указаны были для всѣхъ наукъ обязательныя руководства. Это было послѣднее распоряженіе комиссіи духовныхъ училищъ, ея лебединая пѣснь: 1-го марта 1839 г. комиссія была закрыта и все дѣло духовнаго образованія сосредоточено въ духовно-учебномъ управленіи при святѣйшемъ синодѣ, подъ главнымъ управленіемъ оберъ-прокурора. Тогда у Гр. Протасова руки были развязаны; онъ провелъ безпрепятственно свой проектъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденный 21 августа 1840 года. На основаніи этого проекта измѣнено преподаваніе богословія въ семинаріи, изъ философіи оставлены только логика и психологія, введены новые предметы, а именно науки естественныя и науки медицинскія и сельскаго хозяйства. И этому не противорѣчилъ митрополитъ Филаретъ, всегда защищавшій цѣльность духовнаго образованія и философскій его фундаментъ. Въ разговорѣ съ Никодимомъ по поводу Протасовскихъ преобразованій митрополитъ, правда, пожалѣлъ объ урѣзываніи философіи и математики, замѣтивши, что „науки сіи нужны въ семинаріи, какъ оселокъ испытанія, изощренія и приведенія въ порядокъ мыслящаго духа“, но тутъ же съ практическимъ благоразуміемъ, прибавилъ: „надобно же въ *чемъ-нибудь* (?) и имъ (свѣтскимъ) уступить, чтобы отъ нетерпѣливости не перепортили *всею*“. Такимъ образомъ свобода движенія философской мысли значительно сокращена въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, ограничиваясь, да и то въ несравненно меньшемъ объемѣ, преподаваніемъ только въ духовныхъ академіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ основаніе духовнаго образованія положены были слѣдующія начала: церковнымъ заповѣдямъ, преданію и обряду отведено преобладающее значеніе при обученіи и во всей практической жизни; признана неприкосновенность установившагося славянскаго перевода библіи; не дозволено читать священное писаніе всякому, безъ особаго руководителя, дабы чрезъ то не впасть въ религіозныя умствованія. Все это, безъ сомнѣнія, приемы чисто католическіе, но они не заимствованы извнѣ, а сами выработались всѣмъ строемъ господствовавшаго тогда направленія и должны были получить таковой именно характеръ, чтобъ возможно было и эту сферу подвести подъ общій уровень современнаго гражданскаго устройства.

Кромѣ семинарій тяжесть Протасовской реформы упала въ

особенности на Петербургскую духовную академію, какъ на ближайшую. Разочаровавшись въ архимандритѣ Никодимѣ, Протасовъ нашель усерднаго помощника въ ректорѣ Херсонской семинаріи, архимандритѣ Аѳанасіи Дроздовѣ, который, по выраженію преосвященнаго Филарета Гумилевскаго, „одержимъ былъ сильною охотою сдѣлать угодное людямъ вѣка“. Воспитанникъ Московской академіи, архимандритъ Аѳанасій (впослѣдствіи астраханскій архіепископъ) назначенъ былъ ректоромъ Петербургской академіи въ 1841 г. и оставилъ ее епископомъ саратовскимъ въ 1847 году. Архимандритъ Аѳанасій съ 1829—1838 г. былъ ректоромъ Костромской духовной семинаріи и былъ большимъ пріятелемъ моего отца. Аѳанасій былъ человѣкъ ученый и блестящій, онъ зналъ восточные и древніе языки и нѣсколько новыхъ, въ томъ числѣ англійскій, который онъ преподавалъ въ Московской духовной академіи. По рассказамъ моего отца Аѳанасій былъ отлично знакомъ съ новой нѣмецкой філософіей, излагалъ ее съ увлекательной ясностью въ живомъ разговорѣ, но далеко не былъ самъ направлення строго православнаго. За данное ему Протасовымъ порученіе ректоръ Аѳанасій взялся очень горячо и даже перешелъ въ крайность: по крайней мѣрѣ лица, изучавшія исторію академіи за то время, находятъ, что чѣмъ болѣе они знакомятся съ дѣятельностію Аѳанасія, тѣмъ ниже она оцѣнивается, хотя Аѳанасій прекрасно умѣлъ устроить повазную часть и при немъ академія стояла на виду. Премникомъ Карпова по каедрѣ академіи сдѣланъ былъ при Аѳанасіи профессоръ філософіи въ Петербургскомъ университетѣ и педагогическомъ институтѣ Фишеръ (въ акад. 1843—1853). Курсъ свой Фишеръ началъ съ такого опредѣленія: „основаніе філософіи суть священное уваженіе къ религіи, непоколебимая вѣрность къ монарху и безусловное повиновеніе существующимъ законамъ“ (Ист. фил. арх. Гавріила. Каз. 1840, ч. VI, 148).

Московская духовная академія по преобразованіи переведена была въ Троицко-Сергіевскую лавру и открыта 1 октября 1814 г. Въ Московскую академію принесъ съ собою філософію ученикъ Фишера, Кутневичъ (1815—1824). Кутневичъ былъ человѣкъ умный и даровитый; его время было самою блестящею эпохою для изученія філософіи въ академіи. Смирновъ, въ своей исторіи Московской духовной академіи, говоритъ: занятіе філософіею сдѣлалось серьезнымъ; студенты доходили при Кутневичѣ до увлеченія

въ изученіи науки мудрости. Наставникъ познакомилъ ихъ со многими новыми книгами, выходившими въ ту пору на западѣ; всякую новую, сколько-нибудь замѣчательную книгу онъ выписывалъ для академіи. Такъ онъ выписалъ въ одинъ разъ Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби, исторію философіи Теннемана и другія философскія книги. Подобная выписка книгъ была ежегодно. Одинъ изъ учениковъ его, студентъ втораго курса академіи Ф. Ф. Измайловъ, бывшій потомъ профессоромъ физико-математическихъ наукъ въ Виѣанской семинаріи (Вглядъ на собственную пропешую жизнь. М. 1860 г. и продолженіе въ Православномъ Обзорѣніи за іюль 1879), говоритъ о Кутневичѣ: „профессоръ былъ человѣкъ очень умный и близко знакомый съ новѣйшею въ то время философіей. Профессоръ нашъ любилъ идеализмъ и уважалъ преимущественно Платона и всѣхъ новѣйшихъ философовъ; метафизики и нравственной философіи намъ не читалъ, а съ главными ихъ предметами знакомилъ насъ профессоръ при чтеніи философской исторіи“. Изъ тѣхъ же воспоминаній видно, что въ 1816 г. студенты перваго курса въ числѣ 24 человекъ образовали изъ себя ученое общество подъ названіемъ „ученныя бесѣды“, гдѣ принимали видное участіе студенты того времени — извѣстные впоследствии профессора Голубинскій и Делицынъ. На этихъ бесѣдахъ, говоритъ Измайловъ, тѣ изъ насъ, младшіе и старшіе, которые любили философію, часто въ свободные часы сходились на бесѣду, философствовали, спорили помогали другъ другу въ пониманіи Кантова ученія, трудились надъ переводомъ техническихъ словъ его языка и разбирали системы его учениковъ, которые не сходились ни съ нимъ, ни между собою въ своихъ мнѣніяхъ (Ист. Смирн. 147). Въ 1820—1824 году, когда Надеждинъ былъ студентомъ Московской духовной академіи, философскія науки читалъ тамъ іером. Гавріилъ Воскресенскій, извѣстный впоследствии профессоръ философіи въ Казанскомъ университетѣ и авторъ „Исторіи философіи“, въ томъ числѣ и русской, Кутневичъ и Голубинскій, а исторію философскихъ системъ Молчановъ. По свидѣтельству Надеждина духъ философскаго мышленія сильно овладѣлъ тогда умами студентовъ Московской академіи. „Невозможно вообразить, говоритъ Надеждинъ, какое одушевленіе, какая, можно сказать, страсть къ философіи господствовала тогда въ уединенныхъ стѣнахъ Сергіевской лавры; когда я поступилъ въ студенты ака-

деміи въ 1820 году, тамъ уже находились цѣлыя переводы (въ рукописи) Кантовой „критики чистаго разума“, „эстетики Бутервека“, Шеллинговой философіи религіи и т. п., переводы, которые жадно списывались юношами, собранными изъ разныхъ концовъ неизмѣримой Россіи“. Послѣ Кутневича въ теченіи 36 лѣтъ (1818 — 1854) кафедрѣ философіи занималъ ученикъ Кутневича, уроженецъ Костромы, протоіерей Ѡ. А. Голубинскій. Судя по рассказамъ его слушателей и всѣхъ его знавшихъ, Голубинскій былъ замѣчательный мыслитель. Извѣстіе о перепискѣ Ѡедора Александровича съ Океномъ, по отзыву сына его, проф. Дм. Ѡ. Голубинскаго, не вѣрно; но онъ дѣйствительно извѣстенъ былъ Шеллингу, — по какому именно случаю неизвѣстно. По крайней мѣрѣ, когда вв. С. Н. Урусовъ посѣтилъ Шеллинга, то послѣдній между прочимъ спросилъ его о Голубинскомъ; на отвѣтъ вв. Урусова, что онъ о Голубинскомъ не имѣетъ никакого понятія, Шеллингъ замѣтилъ: „стыдно русскому не имѣть никакого понятія о такомъ замѣчательномъ мыслителѣ“. Изъ числа посѣщавшихъ Троицкую лавру иностранцевъ, Голубинскій поразилъ своимъ знакомствомъ съ нѣмецкою философіей и глубиною своего взгляда бар. Гавтсгаузена, которому онъ показывалъ достопримѣчательности лавры. Кромѣ 9 словъ (Приб. къ твор. Св. Отцевъ ч. XIII—XIV) Голубинскій напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка“ (о конечныхъ причинахъ), М. 1855 г. Изъ лекцій его изданы подъ редакціей протоіерея Назаревскаго, „Умственное богословіе“ (М. 1868) и „Метафизическая психологія“ (М. 1871 г.). Въ настоящее время изданы редакціей „Чтеній въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ — „Общее введеніе въ философію“, „пропедевтика въ метафизику“, „онтологія или гносеологія“ (т. е. наука, сообщающая понятія о всеобщихъ коренныхъ свойствахъ вещей и о необходимыхъ основаніяхъ ихъ бытія) и вторымъ изданіемъ умозрительное богословіе. Философская система Голубинскаго охарактеризована въ послѣднемъ изданіи слѣдующимъ образомъ: „центромъ его философіи является идея о существѣ безконечномъ. Происхожденіе и значеніе этой идеи въ ряду всѣхъ другихъ нашихъ познаній, доказательство ея объективности и построенная на этомъ система выводовъ составляютъ лучшія мѣста онтологіи Голубинскаго. Ученіе его о доказательствахъ

бытія Божія, свойствахъ Божіихъ, міротвореніи и міроправленіи въ умственномъ богословіи и богоподобныхъ свойствахъ души человѣческой въ психологіи можно считать едва ли не самымъ лучшимъ развитіемъ деизма. Крайне было бы ошибочно считать философскую систему Голубинскаго не оригинальной и эклектической только потому, что она не блещетъ никакими крайностями и односторонностями философскихъ доктринъ запада и во многихъ случаяхъ согласно то съ ученіемъ Платона и Якоби (въ особенности объ идеяхъ), то Канта (въ ученіи о происхожденіи формъ чувственнаго воспріятія, пространства и времени, равно какъ и категорій разсудка), то второстепенныхъ мыслителей, которыхъ философствованіе согрѣто было религіознымъ чувствомъ, какъ то Баадера, Зайлера, Цоарета и другихъ. Философія Голубинскаго является результатомъ самостоятельной работы мыслителя, какъ въ критикѣ различныхъ философскихъ системъ, такъ и въ положительномъ развитіи и обоснованіи идей философскихъ (Вып. 1, 18). Въ общемъ смыслѣ изъ нѣмецкихъ системъ философія Голубинскаго примыкаетъ болѣе всего къ Якоби, деисту, имѣющему нѣкоторое отношеніе къ Канту, на почвѣ философіи котораго выросла философская система Якоби. Философія Якоби въ эпоху Голубинскаго получила важное значеніе въ Московской академіи—такъ философская часть въ лекціяхъ о словесности проф. Доброхотова также была проникнута этою системою. Голубинскій былъ противникомъ системы Гегеля и въ періодъ ея преобладанія читалъ о ней критическія лекціи; а въ своихъ разговорахъ съ Гакстгаузеномъ Голубинскій выразился о Шеллингѣ, что онъ отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ. Въ „исторіи Московской академіи“ Смирнова сообщается между прочимъ, что Голубинскій перевелъ книгу Кернера „die Seherinn von Prevoist“ (Превостская Ясновидящая), надѣлавшую въ свое время такого шума между послѣдователями мистицизма. Рассказывая судьбу философской науки, нельзя не замѣтить факта, что реакція менѣе всего отражалась на московскихъ образовательныхъ учрежденіяхъ. Въ свое время реакція Магницкаго и компаніи менѣе всего отразилась на Московскомъ университетѣ; Протасовская реакція, благодаря митрополиту Филарету, совсѣмъ не задѣла Московской академіи. Митрополитъ Филаретъ любилъ хозяйничать у себя самовластно и порой безжалостно; но не любилъ допускать вмѣ-

шательство другихъ. Философію, пока она держалась въ опредѣленныхъ границахъ, митрополитъ Филаретъ не трогалъ и даже внимательно прочитывалъ всѣ сочиненія по предмету философіи студентовъ академіи и дѣлалъ на нихъ замѣчанія, но при этомъ Филаретъ былъ не только участникомъ, даже главнымъ виновникомъ распоряженій комиссіи духовныхъ училищъ 1838 г., гдѣ главная цѣль была сократить раменіи философскаго преподаванія и сдѣлать его сухимъ и безжизненнымъ заучиваніемъ плохихъ учебниковъ. Филаретъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы безъ крайней необходимости и требованія свыше преслѣдовать *ученіе*; рѣдко въ этомъ случаѣ его побуждалъ къ этому личный и непонятный капризъ. Такъ, Филаретъ почти на всякомъ публичномъ испытаніи вставалъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ въ теоріи словесности и всего болѣе преслѣдовалъ статьи о геніи. Филаретъ вооружался противъ *людей*, когда они могли занять видное мѣсто по своимъ талантамъ или не преклонялись безусловно предъ его авторитетомъ. Такъ мы видѣли, какъ онъ, едва оперившись, низвергъ Феофилакта, удалилъ отъ полезной дѣятельности Иннокентія, вызвалъ отставку профессоровъ С.-Петербургской академіи Делицаго и Сидонскаго, въ Московской академіи вооружался противъ лекцій о словесности проф. Доброхотова, проникнутыхъ философскимъ направлениемъ и имѣвшимъ, по отзыву Черниговскаго архіепископа Филарета Гумилевскаго, ученія и потомъ сослуживца Доброхотова, сильное вліяніе на умственное развитіе студентовъ (См. Исторію. Моск. ак. 54 и 55). Благодаря относительной терпимости Филарета въ Московской семинаріи установилась традиція по философской наукѣ, сложилась опредѣленная и устойчивая ея система: послѣ 36-лѣтняго преподаванія Ѳ. Ал. Голубинскаго, еще при немъ, съ 1854 г. началъ преподаваніе философіи ученикъ его, извѣстный проф. В. Дм. Кудрявцевъ-Платоновъ, занимающій эту кафедру и въ настоящее время, въ общемъ направленіи продолжающій дѣло своего учителя.

Серьезное изученіе философіи, начавшееся въ Петербургской академіи со времени Фишера, занесено было и въ Киевскую во время преобразования ея въ 1819 году. Исполнителями этого преобразования явились въ Киевъ изъ Петербургской академіи назначенные въ Киевъ ректоромъ Моисей и профессоромъ философіи Ив. Мих. Скворцовъ. Скворцовъ былъ магистромъ втораго курса Петер-

бургской академіи, ближайшаго въ Фишеру, и на торжественномъ открытіи академіи, 28 сентября 1819 года, произнесъ на латинскомъ языкѣ рѣчь „о метафизическомъ началѣ въ философіи“. Въ дѣятельности протоіерея Скворцова поражаетъ прежде всего не знающая отдыха неутомимость. Онъ началъ свои лекціи по философіи въ Кіевской академіи одинъ и читалъ всѣ предметы, входившіе тогда въ философскую систему; при этомъ послѣ окончанія каждой части онъ дѣлалъ репетиціи и тщательно разбиралъ и исправлялъ письменныя упражненія студентовъ, которыя по уставу они должны были представлять ежемѣсячно. Когда Скворцовъ самъ подготовилъ для себя помощниковъ, раздѣлившихъ съ нимъ трудъ преподаванія, и вмѣстѣ съ тѣмъ открылся Кіевскій университетъ, Скворцовъ поступилъ туда законоучителемъ и настоятелемъ церкви; кромѣ того онъ давалъ уроки по закону Божію въ Кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. По званію законоучителя Скворцовъ издалъ краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной, краткое начертаніе исторіи церкви новозавѣтной, выдержавшія по 6 изданій, записки по церковному законоуложенію, чтеніе изъ церковной исторіи для дѣтей, о богослуженіи православной церкви. Въ 1845 г., по увольненіи изъ академіи, онъ продолжалъ до 1849 года читать безвозмездно по одной лекціи въ недѣлю, а съ 1850 г. принялъ на себя преподаваніе логики и психологіи въ Кіевскомъ университетѣ. Сверхъ того онъ постоянно исправлялъ съ усердіемъ обязанности священника и, назначенный въ 1849 году протоіереемъ въ Кіевскій Софійскій соборъ, занялся изученіемъ древностей и произнесъ длинный рядъ катехизическихъ проповѣдей, составившихъ цѣлый томъ. Эта неутомимая и разнообразная дѣятельность совершенно исключаетъ предположеніе, чтобы протоіерей Скворцовъ могъ быть самостоятельнымъ и глубокимъ мыслителемъ въ области философіи. Проф. Владимірскій-Будановъ въ исторіи Кіевского университета говоритъ, что Скворцовъ всею преподавательскою и ученою дѣятельностью напоминалъ философствованіе Вольфа и схоластиковъ; онъ даже былъ противникомъ Канта. Но біографы Скворцова, проф. Малышевскій (въ исторической запискѣ о состояніи Кіевской академіи, по поводу ея пятидесятилѣтія) и Фаворскій совершенно согласно приписываютъ Скворцову большія педагогическія и лекторскія способности. Скворцовъ обладалъ даромъ необыкновенно ясно, сжато и опредѣленно излагать философскія системы, кото-

рыя онъ тщательно изучалъ по источникамъ, владѣя прекрасно древними и новыми языками; въ послѣднее время онъ читалъ въ академіи спеціальныя лекціи объ отдѣльныхъ философскихъ системахъ, такъ напримѣръ „о подлинной логикѣ Аристотеля“. Въ отношеніи къ своимъ слушателямъ Скворцовъ былъ требователенъ и обращалъ вниманіе не только на опредѣленность и послѣдовательность отвѣта, но и на самостоятельную работу мысли при изученіи. Философскихъ сочиненій послѣ Скворцова осталось немного. За сочиненія „критическое обозрѣніе Кантовой религіи въ предѣлахъ одного разума“ (Ж. М. Н. Пр. 1838) и чисто богословское „о посланіи къ евреямъ“, Скворцовъ получилъ степень доктора богословія; въ Ж. М. Н. Пр. онъ помѣстилъ статью безъ подписи: „о философіи Платона, критическое обозрѣніе ученія древнихъ объ истинномъ благѣ челоуѣка“ (VIII, IX, XVII); и наконецъ часть его лекцій помѣщена въ сборникѣ, изданномъ Кіевскою духовною академіею по случаю ея пятидесятилѣтія. Педагогическія способности И. М. Скворцова и его замѣчательное усердіе дали ему возможность приготовить себѣ помощниковъ и окружить себя, такъ сказать, цѣлою школою профессоровъ философіи, изъ его аудиторіи разошедшихся въ разныя стороны. Ученіи его, начиная свое поприще въ академіи, скоро по недостаточности средствъ и другимъ стѣснительнымъ обстоятельствамъ переходили въ свѣтское званіе. Кромѣ профессора Карпова, перешедшаго послѣ четырехъ-годичнаго преподаванія въ Кіевской академіи въ 1833 г. въ Петербургскую на кафедру философіи, въ Кіевской сотоварищами Скворцова сдѣлались слѣдующія лица. Магистръ V курса (1827—1831) Новицкій, пачавшій преподаваніе философіи въ академіи, рекомендованъ былъ ректоромъ Иннокентіемъ попечителю только что открытаго университета Св. Владиміра Фонъ Брадке и съ 1835 года занялъ тамъ первый кафедру философіи. Новицкій оставался ординарнымъ профессоромъ до 1850 года, когда преподаваніе философіи закрыто было въ университетахъ, за исключеніемъ логики и психологіи, порученныхъ обязательно законоучителямъ. Магистръ VI курса (1829—1833) Михневичъ былъ профессоромъ философіи въ академіи съ 1833 года и въ 1839 г. перешелъ въ Одесскій Ришельевскій лицей. Магистръ того же курса Авсенева, сдѣланный бакалавромъ въ 1833 году долѣ всѣхъ оставался преподавателемъ въ академіи и въ 1844 г. поступилъ въ монахи подъ именемъ Теофана, послѣ чего недолго

продолжалъ преподаваніе и умеръ въ Римѣ настоятелемъ посольской церкви. Съ 1838—1844 Авсенева, не оставляя академіи, поступилъ адъюнктомъ въ Кіевскій университетъ и читалъ тамъ психологію. Ему главнымъ образомъ студенты академіи обязаны были своимъ философскимъ развитіемъ. Проф. Авсенева былъ человекъ ума глубокаго и производилъ сильное вліяніе на слушателей и своими чтеніями, и нравственной чистотой своей личности; но умъ его, чуждаясь всего внѣшняго, не выходилъ изъ области дедуктивныхъ выводовъ и принялъ складку мечтательную, приведшую его къ мистицизму. Біографія его, въ „словарѣ профессоровъ Кіевского университета“ говоритъ: „Авсенева мыслилъ болѣе сердцемъ, чѣмъ головой, болѣе чувствомъ и воображеніемъ, чѣмъ разсудкомъ, довѣрялъ болѣе непосредственному чутью, чѣмъ ясному анализу. Изъ новѣйшихъ психологическихъ теорій ему сочувственнѣе другихъ были теоріи, составленныя подъ вліяніемъ идей Шеллинговой философіи, въ особенности теорія души Шуберта. Между прочимъ Авсенева, изучая исключительныя состоянія души (сонambuлизмъ, лунатизмъ и пр.), пришелъ къ заключенію, что въ душѣ нашей есть способность сообщаться съ внѣшнимъ міромъ непосредственно и знать многое безсознательно“. Магистръ VIII курса (1833—1837) Гогоцкій началъ преподаваніе философіи въ академіи съ 1842 года при Свворцовѣ и въ 1848 году, не оставляя академіи, онъ получилъ доцентуру въ Кіевскомъ университетѣ. Въ 1850 г. Гогоцкій въ университетѣ перешелъ на кафедру педагогики. Изъ той же философской школы, основанной въ Кіевской академіи Свворцовымъ вышли профессора Юркевичъ и М. М. Троицкій.

Профессоръ Малышевскій передаетъ интересныя подробности о состояніи Кіевской академіи въ рассматриваемый періодъ. Кіевская академія, преобразованная Петромъ Могилою, и вышедшее оттуда малоросійское духовенство занимали выдающееся положеніе въ русской церковной іерархіи со временъ Петра и дѣйствовали въ смыслѣ начатой ими реформы. Теперь очередь перешла на Кіевъ и преобразование въ академію вносили великороссы. Первыми дѣятелями при преобразованіи академіи были, какъ мы видимъ, ректоръ Моисей и проф. Свворцовъ изъ Петербурга; воспитанники съ большой неохотой шли въ академію и туда назначали *очередныхъ* изъ семинарій, принадлежащихъ къ Кіевскому духовно-учебному округу; но и этого было недостаточно, такъ что въ со-

роковыхъ годахъ послѣдовало разрѣшеніе принимать въ заведеніе изъ другихъ округовъ. Такимъ образомъ постепенно великороссы, оказавшіеся при томъ гораздо болѣе усидчивыми въ дѣлѣ образованія, постепенно пересиливали мѣстный элементъ. Въ первое десятилѣтіе ученіе, производившееся на латинскомъ языкѣ, доставалось съ большимъ трудомъ и наставникамъ, еще не выработавшимъ опредѣленной системы въ преподаваемыхъ ими наукахъ, и студентамъ. Смертность между студентами относительно была очень значительна, чему, по всей вѣроятности, способствовала плохая матеріальная обстановка студентовъ; многіе изъ нихъ сходили съ ума или оставляли заведеніе до окончанія курса. Блестящею эпохою Кіевской академіи было ректорство Иннокентія Борисова (съ 17 августа 1830—1839 годъ). При немъ съ тридцатыхъ годовъ въ академической наукѣ замѣчается новое, болѣе правильное, болѣе оживленное, свободное и широкое развитіе. Первымъ признакомъ новаго движенія была замѣна латыни живымъ русскимъ словомъ на кафедрахъ наукъ богословскихъ и философскихъ (94 и 95). При Иннокентіи и при его преемникахъ по ректорству въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ выступили въ философской наукѣ тѣ ученые проф. Скворцова, на которыхъ мы сейчасъ указали. Но всетаки философія была не во дворѣ въ Кіевской академіи, даже меньше, чѣмъ въ Московской; при этомъ въ Кіевѣ преслѣдовались не *лица*, а самое *ученіе*. Митрополитъ Евгений, археологъ по призванію, не обращалъ вниманія на прочія науки и ему не нравилось „свободомысліе“ Иннокентія, хотя Евгений никогда его не преслѣдовалъ и даже былъ его защитникомъ. Митрополитъ Евгений нападалъ въ особенности на обремененіе студентовъ записываніемъ лекцій и требовалъ вмѣсто того преподаванія по печатнымъ учебникамъ. Распоряженіе комиссіи духовныхъ училищъ въ 1825 г. о замѣнѣ собственныхъ чтеній или записокъ профессоровъ, между прочимъ и по философіи, старыми печатными руководствами, указанными комиссіей, объясняли именно вліяніемъ Евгенія, который былъ тогда въ Петербургѣ и 25 февраля 1825 г. сдѣланъ членомъ комиссіи. Преемникъ Евгенія, митрополитъ Филаретъ рѣзко и строго выражался нерѣдко о философскихъ терминахъ и трактатахъ, особенно по исторіи философіи, гдѣ ему противны были не только философскія формулы, но самыя имена каковаго нибудь Спинозы или Гегеля.

Прежняя Казанская академія закрыта была въ 1818 году и обращена въ преобразованную семинарію, а новая или окружная академія въ Казани открыта была уже 8 сентября 1842 года.

Проектъ устава о преобразованіи духовныхъ училищъ, составленный въ 1808 г. особымъ комитетомъ, гдѣ главными дѣятелями были Сперанскій и архіепископъ Теофілактъ, былъ затѣмъ окончательно разработанъ въ комиссіи духовныхъ училищъ въ 1814 году тѣмъ же Теофілактомъ. Уставъ поставилъ преподаваніе философіи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на широкую ногу. Не только въ духовныхъ академіяхъ, но даже и въ семинаріяхъ философія проходила въ полномъ объемѣ, а именно: логика, метафизика и нравственная философія, а съ 1813 г. и исторія философіи. Надобно отдать справедливость составителямъ уставовъ о преобразованіи духовныхъ училищъ съ 1808 по 1814 годъ. Для духовнаго образованія въ семинаріяхъ они начертили цѣльный и искусно расположенный планъ. Шестилѣтній семинарскій курсъ подраздѣлялся на три отдѣленія, по два года въ каждомъ: младшій или *риторика*, посвященный наукамъ словеснымъ, исторіи и изученію языковъ, средній или *философія*, гдѣ сосредоточивались науки философскія и физико-математическія, и высшій или *богословіе*, гдѣ проходились науки богословскія и церковная исторія. Въ среднемъ отдѣленіи или философіи въ первомъ году, въ первое полугодіе проходила логика, во второе онтологія, космологія и пневматологія; на второй годъ въ первое полугодіе естественное богословіе, во второе философія нравственная и исторія философіи. Всѣ эти науки предназначено было проходить на латинскомъ языкѣ, хотя часто не только ученики, но и сами учителя знали его такъ поверхностно, что впадали въ грубыя ошибки. Рекомендованныя комиссіею духовныхъ училищъ учебники: *Institutiones philos. metaphysicae methodo Wolfii adornatae* Baumeisteri (1738, 1749, 1754), *Philosophia definitiva* (1736, 1762) его же, *Lockii De intellectu humano*, переводъ Thilo, 1731 г. *Philosophiae meditationes Cantzii*, 1750, вышеприведенныя сочиненія Карпе, для исторіи—*Buddei Analecta historiae philosophiae*, 1706, 2 изд. 1724, *Heinecii Elementa philosophiae rationalis et moralis, quibus praemissa est historia philosophica*, 1728, *Gentzkeni Historia philosophica*, *Bruckeri Historia critica philosophiae* 1747. *Degèrando Histoire comparée des systèmes de philosophie relativement aux principes des connaissances humaines*, 1804, — были частію до того

устарѣлыя, что не давали никакого понятія о современной наукѣ, частью мало пригодные и не сообщали ясныхъ, отчетливыхъ и безпристрастныхъ свѣдѣній о современномъ движеніи философской мысли. Ученіе, въ большинствѣ случаевъ, введенное на латинскомъ языкѣ, было схоластическое и ограничивалось выучиваніемъ наизусть избраннаго преподавателемъ руководства или составленныхъ имъ разъ навсегда лекцій. Но, на сколько можно судить изъ отзывовъ лицъ, ревизовавшихъ семинаріи, приведенныхъ въ печатныхъ „Исторіяхъ“, преподаватели не держались исключительно рекомендованныхъ комиссіею руководствъ и добавляли ихъ—болѣе или менѣе подробно и обстоятельно—свѣдѣніями изъ лучшихъ современныхъ сочиненій. Существуютъ отрывочные намеки, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ профессора философіи были близко знакомы съ новѣйшею германскою философіею и успѣшно подготовляли воспитанниковъ семинарій къ послѣдующимъ, самостоятельнымъ занятіямъ философіею въ академіяхъ или послѣ окончанія учебнаго курса. Такъ, преподаватель философіи въ Спб. Академіи В. Н. Карповъ слушалъ философію въ Воронежской семинаріи въ 1820 г. у протоіерея Іоанна Зацѣпина, который былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, близко знакомый съ германскою литературою и въ особенности цѣнилъ философію Шеллинга. Въ 1833 г. въ Петербургской академіи окончилъ курсъ Ф. А. Надежинъ, ученикъ Сидонскаго и опредѣленъ былъ учителемъ философіи въ Нижегородскую семинарію, гдѣ впоследствии былъ инспекторомъ и затѣмъ въ 1854 г. епископомъ въ Самарѣ. Надежинъ издалъ чрезъ посредство Сидонскаго въ 1837 году очеркъ исторіи философіи по Рейнгольду и въ 1844 году „опытъ науки философіи“. Въ рецензіи на послѣднюю книгу, помѣщенной въ „Москвитянинѣ“ (1845, I, 33), Киреевскій говоритъ: „Книга эта имѣетъ многія замѣчательныя качества: языкъ чистый, отчетливый, не лишенный иногда новыхъ, счастливыхъ выраженій, но мысли, взятая въ частности, представлены какъ удобомыслимыя, а не какъ логически неизбѣжныя“. Послѣднее замѣчаніе указываетъ на общій недостатокъ, находимый Киреевскимъ во всѣхъ нашихъ философскихъ сочиненіяхъ“. Одинъ изъ главныхъ участниковъ изданнаго въ 1836 году студентами с.-петербургской духовной академіи перевода „Новаго курса философіи“, соч. Жерюзе, былъ И. А. Кедровъ, бывшій потомъ профессоромъ ярославской семинаріи и из-

давший „Опыт философіи природы“ и разсужденіе „критическій взглядъ на науку философіи“.

Изъ этого бѣлаго очерка внѣшней исторіи философскаго преподаванія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, обнаруживается съ достаточною ясностью что первое серьезное знакомство наше съ новѣйшею германскою философіею произошло въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Отношеніе философіи, преподаваемой въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, къ новѣйшей философіи было, по преимуществу, критическое, ибо она была поставлена въ опредѣленныя рамки ученіемъ православной церкви. Въ этомъ смыслѣ одинъ изъ преподавателей такъ философіи очень мѣтко и характеристично назвалъ философію *служанкою* религіи. Поэтому преподаваніе съ кафедръ духовно-учебныхъ заведеній цѣльнаго міровоззрѣнія нѣмецкой философіи было немислимо. По своей задачѣ философія, сложившаяся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, ближе всего подходитъ къ не совсѣмъ правильно названной *правой* сторонѣ гегеліанской философіи, т.-е. къ новѣйшимъ деистамъ, стремящимся переработать философію установленіемъ связи между религіею и эмпиризмомъ, въ родѣ Фихте младшаго, Ульрици и другихъ. Одна только эстетика, какъ отрасль, менѣе всего соприкасающаяся съ богословіемъ излагалась нѣкоторыми профессорами по Гегелю, какъ напримѣръ въ лекціяхъ профес. Амфитеатрова въ Московской академіи. Но самое догматическое изложеніе православной философіи, заимствовавшее у Канта сдѣлавшейся обязательнымъ со времени его появленія для всякаго философскаго мышленія приѣмъ постановки и разработки подлежащихъ задачъ, развивало и укрѣпляло самодѣятельность мышленія. А затѣмъ историко-критическое знакомство съ новѣйшими философскими системами, особенно въ изложеніи выдающихся представителей философской науки въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, давало пищу для самостоятельныхъ занятій слушателя. Мы уже видѣли, что рядомъ съ догматическимъ изложеніемъ съ кафедры въ средѣ самихъ студентовъ являлось стремленіе къ болѣе близкому знакомству со свѣтскою философіею, не только какъ съ предметомъ критическаго обсужденія. Въ періодъ 1810 — 1840 годовъ въ этихъ духовныхъ учрежденіяхъ получили первоначальное свое философское образованіе чуть не всѣ ученые и профессора, которые впослѣдствіи, выйдя въ свѣтское званіе, были провод-

никами и распространителями философскаго движенія, охватившаго мыслящую часть общества съ конца двадцатыхъ годовъ.

Господствовавшая въ нашихъ духовныхъ училищахъ Лейбницъ-Вольфовская философія не нашла никакого отголоска въ періодической нашей литературѣ. Литература эта возникла въ то время, когда въ самой Германіи, въ половинѣ XVIII столѣтія, исключительное господство этой философіи окончилось и настала періодъ между Вольфомъ и Кантомъ извѣстный подъ именемъ *просвѣтительной философіи* (Aufklärungs-philosophie). Періодъ этотъ характеризуется влияніемъ на Германію англійскихъ и французскихъ ученій, вслѣдствіе чего появились различные философскіе трактаты, не имѣющіе между собою ничего общаго и представляющіе личныя системы каждаго автора, примывающія болѣе или менѣе къ избранному имъ авторитету. Научное построение Лейбницъ-Вольфовской философіи было окончено и ей предстояло перейти на практическую почву, найти примѣненіе къ различнымъ частнымъ вопросамъ изъ житейской среды или изъ нравственной сферы, гдѣ чистое умозрѣніе сталкивалось съ фактами и подчинялось наблюденію. Между тѣмъ эта практическая сфера нашла уже болѣе полный отголосокъ у другихъ народовъ въ философскихъ системахъ, построенныхъ болѣе на опытѣ и наблюденіи, нежели на умозрѣніи. Представителемъ чистаго эмпиризма былъ Локкъ; англійскіе моралисты XVIII столѣтія создали свое ученіе на психологическомъ наблюденіи; къ нимъ примыкалась шотландская „система здраваго смысла“, основанная Т. Ридомъ (Reid), также опирающимся на опытную физиологію; во Франціи отбънки сенсуализма, начиная съ Кондильяка и Жанъ Жака Руссо, съ его демократизмомъ и теорією естественнаго воспитанія, граничили съ грубымъ матеріализмомъ Ламеттри и его послѣдователей. За исключеніемъ послѣдняго направленія, распространеннаго въ высшихъ кругахъ германскаго общества, но встрѣтившаго отпоръ въ философской литературѣ и въ среднемъ сословіи, всѣ остальные направленія болѣе или менѣе представлены были тамъ въ это время. Представителемъ Локквскаго эмпиризма въ Германіи были Ирвингъ (1728—1801), Тидеманъ (1748—1803) и наиболѣе оригинальный изъ современныхъ нѣмецкихъ философовъ Ник. Тетенсъ (1736—1805); швейцарецъ Боннетъ (1720—1790) былъ послѣдователемъ сенсуализма въ смыслѣ Кондильяка; Федеръ (1740—1820)

и другъ его Мейнерсъ (1747—1810) были философы эклектики, придававшіе философіи значеніе болѣе практическаго руководства въ жизни, нежели теоретическаго изслѣдованія, и въ этомъ смыслѣ склонявшіеся также къ сенсуализму, поставляющему цѣлью наслажденіе; наконецъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ шотландскихъ моралистовъ сложилась цѣлая школа моралистовъ нѣмецкихъ. Гетнеръ школу эту раздѣляетъ на три направленія. Первое направленіе имѣло цѣлью борьбу за независимость естественнаго правоученія противъ притязаній церковной догматической нравственности, заявлявшей претензію на исключительное ручательство въ спасеніи души, второе есть научное изложеніе самаго естественнаго правоученія, и, наконецъ, третье есть популяризація философскаго знанія, проведеніе естественнаго правоученія въ общественное сознаніе, въ господствующіе нравы, въ различные слои общества и народное образованіе. Представителями перваго направленія являются Эбергартъ (1739—1809) и Зах. Генр. Шульцъ; во второму направленію относятся Гарве (1742—1798), послѣдователь шотландской школы, Штейнбертъ и др.; изъ массы писателей третьяго направленія самый вліятельный и распространенный былъ Энгель (1741—1804).

Занимствовавъ у Локка стремленіе къ опытному знанію, нѣмецкая просвѣтительная философія обратилась къ изслѣдованію психологической стороны самаго человѣка, поставивши на первый планъ ученіе о впечатлѣніяхъ и чувстваваніяхъ, причемъ самаго человѣка она избрала почти исключительнымъ своимъ предметомъ; вслѣдствіе чего философія получила по преимуществу практическое значеніе и сдѣлалась философіей жизни, „ученіемъ о блаженствѣ“, какъ ее называлъ Штейнбертъ. Это философское направленіе, не прибавивши ничего къ движенію человѣческой мысли, имѣло однако же въ свое время, какъ замѣтилъ Гетнеръ, большое культурное значеніе, оказало сильное вліяніе на поднятіе нравственнаго уровня въ современномъ обществѣ. Утвердившись болѣе всего на началахъ *здраваго смысла* (Gesunder Menschenverstand), философы этого направленія тѣмъ самымъ объявили войну противъ всякаго рода предрасудковъ, суевѣрій, нетерпимости, ортодоксіи, піетизма, мистицизма и іезуитизма. На почвѣ этой философіи воспитался въ публицистической германской дѣятельности другъ Лессинга, Николай, который задачею своей жизни избралъ преслѣдованіе серъ-

езными дидактическими статьями и сатирою общественных язвъ всякаго рода и борьбу за свободу, просвѣщеніе и гуманность; на этой же почвѣ выросъ великій британскій талантъ самого Лессинга, даващаго такой сильный толчокъ развитію національной германской литературы. Вліянію моралистовъ слѣдуетъ приписать то широкое и преобладающее положеніе, которое отвелъ нравственности Кантъ въ своей системѣ, и вслѣдъ за нимъ и вся умозрительная нѣмецкая философія.

Русское общество временъ Екатерины, какъ уже мы видѣли, увлекалось французскою философіей: переводы изъ Вольтера, Дидерота, Руссо и Кондильяка, а также изъ англійскихъ философовъ Локке и Гобза начали появляться еще съ конца XVIII столѣтія (они перечислены въ приложеніи II). Въ журналахъ конца XVIII столѣтія и первой четверти XIX появлялись отрывки изъ этихъ писателей, но слишкомъ коротенькіе и при томъ не представляющіе серьезнаго содержанія, которое могло бы дать хотя поверхностное понятіе о цѣльномъ воззрѣніи и отличительномъ характерѣ переводимаго автора. И все-таки они возбуждали противъ себя полемику: такъ переводъ изъ „историческихъ уроковъ Кондильяка принцу пармскому“, помѣщенный въ „Петербургскомъ Вѣстникѣ“ 1812 г., возбудилъ ожесточенныя нападки со стороны Неворова въ „Другѣ Юношества“. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, издававшемся Мартыновымъ (1804—1805), помѣщенъ переводъ начала сочиненія Гельвеція „естественная политика“. Но съ начала XIX вѣка начала распространяться въ литературѣ, по преимуществу, такъ-называемая *нравственная философія*. Первая очередь наступила для англійскихъ моралистовъ Фергюсона (1724—1816) и Честерфильда (1694—1773). Особенное значеніе получилъ Фергюсонъ; его „нравственная философія“ въ 1804 году переведена была одновременно въ Петербургѣ, съ англійскаго, Вас. Созоновичемъ и въ Москвѣ съ нѣмецкаго проф. Брянцевымъ. Затѣмъ, вплоть до тридцатыхъ годовъ, въ журналистикѣ по части философіи важнѣйшую роль играли нѣмецкіе моралисты, обратившіе на себя вниманіе русской печати и по способу изложенія, доступному для большинства, и по своей практической цѣли, интересной для всякаго, даже не слѣдившаго за научными вопросами. Изъ числа нѣмецкихъ моралистовъ въ журналахъ встрѣчаются переводы изъ Эбергардта, Гарве и Энгеля. Сочиненіе Эбергардта „Новая апологія Сократа“ (В. 1772) написано было

въ отвѣтъ на нападки противъ греческаго философа со стороны пастора Гофштеда. Здѣсь догматическому ученію о нравственности противопоставляется добродѣтель, какъ единственный источникъ блаженства, кроющійся въ одинаковомъ во всѣ времена и на всемъ пространствѣ земнаго шара врожденномъ расположеніи чловѣка къ добру. Изъ Эбергардта отрывокъ заимствованъ въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“; изъ Гарвея въ „Цвѣтникѣ“ на 1810 годъ, гдѣ также помѣщенъ отрывокъ изъ Бейля. Еще болѣе распространенъ былъ журналъ Ангеля въ сотрудничествѣ съ Гарвеемъ, Эбергардтомъ, Мендельзономъ и другими, „Философъ для Свѣта“ (2 Вд. L. 1775—1777); безъ извлеченій изъ него необходимо ни одно изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій. Сочиненіе это, по словамъ Гетнера, сохраняетъ свою цѣну до сихъ поръ, такъ что новое изданіе полныхъ сочиненій Эбергардта появилось уже въ 1857 году. Въ русскомъ переводѣ избранныя статьи изъ этого журнала приложены къ переводу соч. Бульи „Золотые часы цвѣтущаго возраста или повѣсти Бульи, писанныя для его дочери“, изданному въ Москвѣ въ 1815 году. Эту практическую философій удовлетворилась журналистика съ присоединеніемъ французскаго философа Дежерандо (1772—1842), котораго еще Карамзинъ признавалъ „первымъ современнымъ философомъ“; Дежерандо ближе познакомилъ французскую публику съ новѣйшими ипоземными мыслителями въ своей „сравнительной исторіи философскихъ системъ“ (3 ч. Р. 1803), но болѣе извѣстенъ своими филантропическими сочиненіями, и теперь еще сохраняющими нѣкоторое значеніе (*de la bienfaisance publique* 4 ч. Р. 1839). Если философія моралистовъ оказала въ Германіи вліяніе на развитіе этическаго настроенія въ обществѣ, то тѣмъ болѣе у насъ—при недостаткѣ серьезной само-бытнoй литературы и при маломъ вообще распространеніи образованія даже въ верхнихъ слояхъ общества—нравственная философія, и вообще статьи дидактическаго содержанія были существенно необходимою. Статьи эти не мало способствовали въ свою очередь выработкѣ нравственнаго сознанія въ обществѣ двадцатыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ, въ отрицательномъ смыслѣ неудовлетворенія пустотой празднои свѣтской жизни и подготовили почву для болѣе положительнаго стремленія къ идеалу и къ опредѣленности и стойкости убѣжденій, характеризующаго людей сороковыхъ годовъ.

Распространеніе у насъ новѣйшей германской философіи ограничивалось появленіемъ ея изрѣдка на каедрѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, куда она случайно заносилась даровитыми учениками нѣмецкихъ учителей, но тотчасъ изгонялась преслѣдованіями со стороны начальства. Что же касается до литературы, то вообще она мало ею занималась. Самый серьезный и ученый журналъ „Вѣстникъ Европы“ и самый либеральный „духъ журналовъ“ прямо и открыто заявили себя ея противниками, а въ другихъ повременныхъ изданіяхъ знакомство съ нею ограничивалось главнымъ образомъ извлеченіями о нѣмецкой и англійской философіи изъ сочиненія „О Германіи“ г-жи Сталь. Отдѣльно первые переводы по философіи Канта появились у насъ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Кантово основаніе для метафизики нравовъ“, пер. съ нѣм. проф. Якова Рубана, Николаевъ, 1803 г., „Канта наблюденіе объ ощущеніи прекраснаго и возвышеннаго, въ разсужденіи природы человѣческой вообще и характеровъ народныхъ особенно“, пер. съ нѣм. Романа Цебрикова, С.-Пб. 1804., „Кантова философія“, пер. съ франц. П. Петрова, С.-Пб. 1807 г. Но наши старинные переводы философскихъ сочиненій часто являлись въ такомъ урѣзанномъ и искаженномъ видѣ, что чтеніе ихъ не могло возбуждать серьезнаго интереса: таковъ, напримѣръ, переводъ Брукверовой исторіи проф. Гавриловымъ (1788 г.). Философское мышленіе росло у насъ подъ спудомъ, укрываясь отъ свѣта и опасаясь враждебной для него гласности, то въ видѣ запретнаго чтенія между молодежью, то въ отдѣльныхъ небольшихъ кружкахъ мыслящихъ людей, на которыхъ подозрительно смотрѣли окружающіе.

Живое преподаваніе философіи на каедрѣхъ появлялось случайно, урывками и тотчасъ же прекращалось. Но такова сила культурнаго движенія, что совершенно ему запретить дорогу невозможно никакими стѣсненіями, никакими запретительными мѣрами. Не смотря на всѣ усилія реакціонернаго министерства, эпоха двадцатыхъ годовъ замѣчательна у насъ распространеніемъ шеллингизма въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ средѣ мыслящихъ людей. Причиною тому прежде всего хронологическая. Хотя въ двадцатыхъ годахъ въ Германіи уже окончательно выработалъ свое ученіе Гегель, но дѣльная его система (помимъ отрывочныхъ изданій) была извѣстна только путемъ академическаго ея преподаванія, для нашей же публики была недоступна, такъ какъ

посмертное изданіе цѣльной системы началось уже послѣ (1832—1841). Такое объясненіе однако же недостаточно и распространеніе у насъ Шеллинговой философіи объясняется самою ея сущностью. Философія Канта была однимъ изъ результатовъ революціоннаго движенія XVIII вѣка. Кантъ освободилъ человѣчество отъ устарѣвшихъ традицій въ области мысли и знанія, какъ французскіе энциклопедисты исполнили это въ религіозномъ и общественномъ отношеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ Кантъ вѣрно поставилъ задачи человѣческаго познанія и усовершенствовалъ самый методъ его опредѣленіемъ отношенія между отвлеченнымъ умозрѣніемъ (дедукцію) и наблюденіемъ (индукцію). Въ этомъ смыслѣ вся новѣйшая философія получила свой корень въ построеніи кантовской системы. Но критическій анализъ Канта остановился на распутьи между разумнымъ сознаніемъ человѣческимъ, какъ самостоятельной способностью познавать міръ явленій или ихъ причинную связь, и между отдѣльною жизнію матеріи самой въ себѣ (*Ding an sich*), между историческимъ запасомъ человѣческаго разумія и таинственнымъ всемогуществомъ космическаго бытія природы. Опытъ примиренія, предложенный Кантомъ, состоявшій въ признаніи какой-то третьей инстанціи въ видѣ моральной сферы, былъ очевидно неудаченъ и давалъ только субъективное разрѣшеніе; а между тѣмъ задача этого примиренія не могла быть отложена. Фихте сдѣлалъ смѣлую и рѣшительную попытку совсѣмъ отбросить эту *Ding an sich* и умъ человѣческой поставить на вершину всего, какъ творящій и управляющій принципъ. Опытъ этотъ поразителенъ, какъ примѣръ самой полной и могучей діалектики, художественно доведенной до послѣднихъ своихъ предѣловъ; но онъ настолько одностороненъ, что палъ собственно своею тяжестью, ибо неопредѣленность и не состоятельность этого творящаго ума—абсолютнаго я—съ разу оцѣнивается всякимъ, у кого дѣятельность мышленія не тормозится такой же интензивною и глубокою наклонностью въ отвлеченности, какъ у самого Фихте. Оттого система Фихте держалась не долго и имѣла сравнительно мало послѣдователей. Его смѣнилъ Шеллингъ, который сдѣлалъ шагъ назадъ. Для Шеллинга обаялось одинаково невозможно и стоять на распутьи, на которомъ остановился Кантъ, и вслѣдъ за Фихте выбросить за бортъ природу, *Ding an sich*, оставивъ одинъ голый, діалектический умъ. Притомъ Шеллингъ былъ въ душѣ поэтъ и

человѣкъ живой, не порвавшій связей ни съ обществомъ, ни со всѣми его традиціями и потому менѣе способный къ голой отвлеченности. Въ силу этого, въ головѣ Шеллинга возникла примирительная система тождества (*der Identität*), по которой, слѣдую Бруно и Спинозѣ, самостоятельная дѣятельность познающаго разума получила призрачное, не выдерживающее критики сліяніе съ космическимъ бытіемъ матеріи, въ видѣ предвѣчнаго и безконечнаго абсолюта, изъ нѣдръ котораго происходитъ вся природа, какъ, конечно, существующее. Это воззрѣніе, на которомъ и самъ Шеллингъ не могъ остановиться, увлекло его впослѣдствіи къ запутанной теозофіи, напомнившей теорію неоплатониковъ и мистико-фантастическія бредни Якова Бема; но на второй стадіи своего построенія, въ видѣ системы „тождества“, система Шеллинга не лишена была грандіозности и привлекала къ себѣ глубиною и живостью своего міровоззрѣнія, широтою замысла построить всѣ формы бытія на единомъ вѣчномъ началѣ, остроумными построеніями и поэтической смѣлостью своихъ гипотезъ и многихъ частныхъ своихъ выводовъ. Людямъ безъ предварительной научной подготовки и съ энциклопедическимъ образованіемъ эта философія была болѣе по плечу, нежели гегелевская передѣлка, облеченная въ болѣе строгія диалектическія формы и требовавшая болѣшихъ усилій мысли для ея пониманія.

Почва для шеллингизма была въ значительной степени подготовлена мистицизмомъ. Конечно, не по своему міровоззрѣнію, но *по методу* мистицизмъ и шеллингизмъ между собою весьма сходны. Ученикъ Шеллинга и послѣдователь его Велланскій, въ своемъ біологическомъ изслѣдованіи природы, говоритъ: „теорія всякой физической науки есть лучъ, исчезающій только отъ свѣта высшаго понятія натуры, безъ котораго никакая часть естественныхъ испытаній не можетъ быть озарена; и возстающіе бодрственно противъ онаго изъявляютъ великую свою привязанность ко тьмѣ. (Біол. изслѣд. прир. IV). Такъ называемаго опытнаго знанія самими опытами подтвердить не можно, ибо оно есть собственное произведеніе одного разума, судящаго произвольно и чувственнымъ образомъ о тьмѣ, что находится внѣ чувственныхъ понятій. И какъ разумъ есть частное тогмо отраженіе *абсолютнаго ума*, составляющаго сущность всеобщей жизни, то въ отвлеченномъ его положеніи видитъ онъ всѣ вещи внѣ себя и, притомъ, особливими, разно-

образными и раздѣльными, соединенными только по взаимнымъ отношеніямъ и зависимости происхожденія и теченія оныхъ, т. е. *въ ничтожественномъ ихъ пребываніи*, гдѣ онѣ являются и исчезаютъ какъ невещественный призракъ. Существованіе вещества въ положительномъ началѣ сокрыто отъ смертнаго взора, и разумъ, не постигая онаго чувственными своими способностями, имѣеть такое же право отрицать возможность къ понятію онаго, съ какимъ бы утверждалъ онъ сущность человѣка въ одномъ ограниченномъ и преходящемъ бытіи, безъ всякаго соучастія въ вѣчномъ и безпредѣльномъ существованіи“ (тамъ же, стр. 4 и 5). Не та ли же безграничная ширь ничѣмъ не сдерживаемой фантази и притомъ еще доступнѣе и сподручнѣе, ибо не требуется даже искусственнаго возбужденія религіознаго экстаза, какъ въ мистицизмѣ. Но между тѣмъ переходъ отъ мистицизма къ шеллингизму былъ чрезвычайно важенъ въ культурномъ смыслѣ: шеллингизмъ все таки ввелъ насъ въ область работы мысли, онъ знакомилъ насъ съ одной изъ системъ нѣмецкой умозрительной или трансцендентальной философіи, имѣющей извѣстное и не маловажное значеніе въ исторіи умственнаго развитія и дѣлалъ насъ участниками во всемъ ея дальнѣйшемъ движеніи.

Распространенію у насъ Шеллинговой философіи въ передѣлкѣ Овена положилъ начало профессоръ С.-Петербургской медико-хирургической академіи Велланскій (1774—1847), одинъ изъ самыхъ любимыхъ учениковъ Шеллинга. Велланскій ограничивался ученіемъ собственно о природѣ и излагалъ его главнымъ образомъ по системѣ послѣдователя Шеллинга Овена. Въ письмѣ къ кн. Одоевскому отъ 17 іюня 1824 года Велланскій говоритъ: „почти за двадцать лѣтъ, то-есть въ 1804 году, я первый возвѣстилъ россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, которыя хотя значились у Платона, но образовались и созрѣли въ Шеллингѣ. Таковыя познанія относилъ я *единственно къ физическимъ предметамъ*, не приравливая оныхъ ни къ какимъ происшествіямъ въ области духа человѣческаго; однако жъ нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ не могли ни понять, ни опровергнуть моихъ положеній, старались представить оныя предосудительными въ моральномъ и религіозномъ смыслѣ. До мрачныхъ обстоятельствъ для просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, я не страшился пустыхъ нареканій. Но съ того времени, какъ обскурантизмъ сталъ направ-

лять колесницею русскаго феба, ужаснулся я отъ тучь окружающихъ оную, и остаюсь въ бездѣйствіи“. (Р. Арх. 1864, 804—805). Велланскій изъ студентовъ Кіевской академіи поступилъ въ С.-Петербургское медико-хирургическое училище (1790) и, по возвращеніи изъ-за границы, опредѣленъ адъюнктомъ физиологіи, патологіи и гигиены въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію (1805), откуда уволенъ по случаю потери зрѣнія въ 1838 г. Проводя параллель между Велланскимъ и Галичемъ, проф. Никитенко говорить, что Велланскій вполне и безусловно былъ послѣдователемъ Шеллинга (?!). Онъ простодушно и искренно вѣровалъ въ начала своего учителя и считалъ возможнымъ объяснить ими всѣ явленія жизни, рѣшить всѣ вопросы человѣческаго ума, не исключая и медицины, требующей совершенно другаго метода и пріемовъ изслѣдованія. Стоитъ только прочесть „пролюзію въ медицинѣ“ и „біологію“ Велланскаго, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Въ нихъ содержится не простое и объективное изложеніе, съ которымъ онъ хотѣлъ бы познакомить любознательный умъ, а энергическое провозглашеніе, пропаганда идей, принятыхъ къ сердцу, духъ какаго-то сектаторства, исключаящій всякое противоположное мнѣніе“. Это узкое, но фанатическое пониманіе доктрины учителя, въ силу котораго она переходитъ въ убѣжденіе и роднится со всѣмъ внутреннимъ существомъ ученика — есть одно изъ самыхъ существенныхъ и необходимыхъ требованій пропаганды. Поэтому никто болѣе Велланскаго не способствовалъ распространенію у насъ если не философской мысли, то стремленія къ ней. Пропаганда Велланскаго была распространена гораздо болѣе, нежели объ этомъ обыкновенно думаютъ. На публичныя лекціи Велланскаго собиралась многочисленная публика. Въ числѣ слушателей Велланскаго былъ въ 1830 году и А. Ив. Кошелевъ. Сохранившуюся въ его бумагахъ программу чтеній я привожу, какъ интересный документъ (приложеніе V). Александръ Ивановичъ познакомился съ Велланскимъ на вечерахъ кн. Одоевскаго. Отецъ мой проживалъ постоянно въ Костромѣ, но для своего времени былъ человѣкъ серьезно-образованный и слѣдившій за литературой и наукой. Послѣ него осталась небольшая бібліотека, — для своего собственнаго обихода, а не въ видѣ коллекціи, — заключавшая въ себѣ все, что удовлетворяло умственнымъ потребностямъ людей его времени: сочиненія энциклопедистовъ, классическая французская литература, Лагарпъ

и Батѣ, мистическіе переводы Лабзина, *cité de Dieu* Св. Августина, всемірная исторія Боссюэта и біологическое изслѣдованіе природы Велланскаго. Удивительно, какъ такое разнообразное наслоеніе помѣщалось въ головѣ одного поколѣнія... Приводимый мною фактъ не есть единичный: мнѣ не одинъ разъ въ провинціальныхъ бібліотекахъ, оставшихся въ помѣщичьихъ домахъ и представляющихъ характеръ болѣе или менѣе сходный съ бібліотекою моего отца, приходилось встрѣчать біологическое изслѣдованіе природы. Я помню, что я читалъ Велланскаго предъ окончаніемъ курса въ гимназій, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ; онъ на меня не произвелъ никакого впечатлѣнія потому, что я ничего не понималъ. Такъ умственная атмосфера *отцевъ* уже въ то время была не пригодна для *дѣтей*. А между тѣмъ еще въ тридцатыхъ годахъ студенты Петербургской духовной академіи восхищались лекціями проф. Карпова именно потому, что онѣ непонятны. По словамъ Ростислакова, студенты говорили: „Что это за наставникъ? у него на лекціяхъ все ясно; послѣ не надъ чѣмъ подумать и поломать голову. А вотъ у Василья Николаевича (Карпова) совсѣмъ другое дѣло: не поймешь и въ классѣ, и послѣ класса думаешь, думаешь, и все-таки не поймешь,—вотъ это такъ лекціи!“ (66).

Инымъ характеромъ отличался другой проповѣдникъ Шеллинизма,—Галичъ. О Галичѣ говоритъ Никитенко: „Галичъ не былъ энтузіастомъ никакого ученія; въ немъ утвердился духъ истинно философскаго, то есть свободнаго мышленія, которое всегда было готово перешагнуть за предѣлы признаннаго имъ самимъ авторитета и, если не пойти своимъ путемъ далѣе, то по крайней мѣрѣ попытаться заглянуть и въ другія сферы мысли“. Самостоятельнымъ Галичъ является въ окончательномъ своемъ трудѣ „Картина челоуѣка“ (СПб. 1834), о которомъ академія наукъ, присуждая ему половинную демидовскую премію выразилась: это отнюдь не есть простая компиляція, а, безъ сомнѣнія, собственное достояніе ума, плодъ многолѣтнихъ трудовъ и изысканій; она способна поселить въ образованныхъ людяхъ много полезныхъ мыслей, разливая свѣтъ на разностороннія отношенія“. (Отч. акад. н. о четвертомъ присужденіи демид. преміи за 1834—35 годъ). Въ настоящее время книга Галича не имѣетъ научнаго значенія, потому что она написана подъ вліяніемъ натуральной философіи Шеллинга, оказавшейся несостоятельною; но

самый планъ сочиненія и теперь представляет замѣчательный образецъ самостоятельнаго мышленія. Галичъ задался мыслью написать популярную антропологию или, какъ онъ выражался, „человѣкоученіе“, которая должна разъяснить „сколько то, что мы есть и значимъ отъ природы, столько и то, что мы дѣлаемъ изъ себя въ исторіи или позволяемъ изъ себя дѣлать вліяніемъ общежитія, къ которому мы призваны“. Сообразно этому антропология, по понятію Галича, должна обнимать три части: а) *человѣка въ разумѣ общей природы*, или мѣсто человѣка въ общемъ порядкѣ земной жизни, б) *человѣка въ особенномъ устройствѣ и составѣ его существа*, гдѣ разсматривается съ одинаковою подробностью тѣлесный организмъ человѣка и его душевныя свойства въ состояніи нормальномъ и патологическомъ, на основаніи послѣднихъ выводовъ физиологіи и психологіи, и с) *ходъ челоуѣчества въ исторіи*, какъ дополнительный источникъ для разъясненій существа человѣка. Первые двѣ части и составляютъ картину природы, а третья была написана, но сгорѣла. Книга Галича для того времени была замѣчательна и написана она хорошимъ языкомъ—хотя читается она не легко, что зависитъ отъ самой научной терминологіи и склада мышленія того времени, не отличившагося ясностью—но это уже не вина Галича. Къ сожалѣнію, мы не можемъ останавливаться подробно на изложеніи плана Галича, но чтобы не говорить бездоказательно, приводимъ слѣдующее мѣсто: „На уродливостяхъ открывается и повѣряется общій законъ *постепеннаго развитія природы*, въ силу котораго не только всякой главной сторонѣ органическаго бытія земнаго служитъ основаніемъ одинъ коренной первообразъ, являющійся на разныхъ степеняхъ болѣе или менѣе полнымъ, выработаннымъ, но и всѣ благородные организмы, прежде чѣмъ достигаютъ присвоенныхъ имъ совершенствъ, прежде чѣмъ дозрѣваютъ—должны проходить болѣе простыя и низшія степени образованія, на вторыхъ остановилась или *закосяла* жизнь мелкихъ тварей. Вотъ почему всѣ почти уродливости въ челоуѣчествѣ обличаютъ сходство наше съ какимъ-либо звѣремъ, съ какою-либо птицей, гадиной и проч., потому что онѣ сами по себѣ не иное что, какъ разные *знаки препинанія*, останавливающіе зиждательность извѣстнаго органа на той животной степени, которая въ опредѣленную эпоху развитія зародышей челоуѣческихъ была для него правильной, нормальной“ (стр. 111—112). Конечно, въ тог-

дашней нашей литературѣ не много было сочиненій, гдѣ встрѣчались такіа здравыя и для того времени замѣчательныя сужденія. Первымъ представителемъ философіи въ Петербургѣ былъ П. Д. Лодій, окончившій образованіе въ Утверскомъ лицей и затѣмъ получившій кафедру философіи сначала въ Львовѣ, а потомъ въ Краковѣ. Въ 1803 г. онъ былъ вызванъ въ педагогическій институтъ при самомъ его основаніи профессоромъ на кафедре логики, метафизики и нравственной философіи. Съ преобразованиемъ педагогическаго института, по Высочайше утвержденному 8 февраля 1819 г. докладу министра Голицына, въ Петербургскій университетъ, Лодій перешелъ туда на ту же кафедру, а послѣ увольненія проф. Куницына, Лодію поручено было преподаваніе юридическихъ наукъ до самой его смерти (въ 1827 году). По отзыву Плетнева, Лодій болѣе отличался нравственными качествами, нежели научными достоинствами. Въ философіи Лодій не шелъ далѣе Вольфа, ея исторію онъ читалъ по Брукеру, уголовное право по Фейербаху, а право естественное, публичное и гражданское по учебникамъ Мартини (*de lege naturali positiones, Viennae 1782, positiones de jure civitatum et gentium*), причѣмъ усвоивалъ министерство, указаніемъ на допущеніе этихъ учебниковъ въ австрійскихъ университетахъ, что тогда служило достаточнымъ вѣдомомъ благонадежности. Но не смотря на это книга Лодія „Логическія наставленія“ подвергла его сильному гоненію со стороны ученаго комитета. Комитетъ нашелъ, что она исполнена опаснѣйшихъ по нечестію и разрушительныхъ началъ, причѣмъ указывалъ, что авторъ, превосходя открытостью нечестія и Куницына (котораго 2 часть изданнаго имъ естественнаго права была сожжена) и Галича, занимаетъ въ университетѣ мѣсто декана и преподаетъ естественное право (⁶⁷). Въ инструкціи, составленной Лодіемъ при отправленіи Галича за границу—о которой мы уже упоминали—Лодій, желая дать молодому человѣку *надлежащихъ руководителей* при изученіи философскихъ наукъ за границей, указывалъ на профессора Шульце въ Гельмштадтѣ (котораго психологія переведена была Сидонскимъ) и извѣстнаго юриста Гуго въ Геттингенѣ. Шульце (1761—1833) тогда только обратилъ на себя вниманіе изданіемъ безыменнаго сочиненія *Aenesidemus oder über die Fundamente der von Prof. Reinhold Elementar Philosophie*, гдѣ онъ опровергалъ Канта и популяризатора его Рейнгольда съ точки зрѣнія скептицизма.

Уроженецъ г. Трубчевска, Орловской губерніи, Галичъ (1783—1848) изъ Сѣвской семинаріи въ 1803 г. поступилъ въ Петербургскую учительскую гимназію, вскорѣ переименованную въ педагогическій институтъ; по окончаніи курса, для усовершенствованія въ философіи Галичъ былъ отправленъ въ Гельмштадтъ и Геттингенъ, откуда, вопреки инструкціи, Галичъ явился Шеллингистомъ. Галичъ съ 1813 г. началъ свои чтенія въ педагогическомъ институтѣ, продолжалъ съ 1819 года въ университетѣ, гдѣ началъ съ исторіи философіи и присоединилъ въ этому теорію философскихъ наукъ (метафизику, логику, психологію и этику) только съ 1821 г., когда Лодію поручено было преподаваніе наукъ юридическихъ.

Теоретическую часть науки Галичъ читалъ, подчиняясь требованіямъ начальства, вовсе не такъ какъ предполагалъ въ представленной имъ самимъ, послѣ возвращенія изъ заграницы, диссертациі *pro venia legendi*, согласно тогдашнему обычаю. Въ метафизикѣ онъ руководствовался сочиненіемъ Карпе, котораго текстъ съ латинскаго языка студенты сами переводили на русскій; въ исторіи философіи, до изданія своей книги, онъ держался Теннемана. По случаю болѣзни Кошанскаго, Галичъ приглашенъ былъ для преподаванія царскосельскимъ лицейцамъ, на время его отсутствія, русской и латинской словесности. Скоро уроки Галича обратились въ непринужденныя и часто веселыя бесѣды съ воспитанниками, которые даже не оставались на своихъ мѣстахъ, а окружали толпой катедру снисходительнаго лектора, въ свободные же часы дружески посѣщали его въ отведенной ему комнатѣ. Пушкинъ, по словамъ Никитенко особенно полюбилъ молодаго философа. Безъ сомнѣнія философское направленіе Галича не могло не оставить слѣдовъ, хотя лицеисты того времени, какъ видно, учились шутя, не принимали близко къ сердцу отвлеченныхъ началъ философскаго знанія и скучныхъ вопросовъ науки. Галичъ не былъ педантомъ; онъ былъ человѣкъ живой и общительный, принималъ охотно участіе въ сходкахъ и пирушкахъ молодежи и разгулу придавалъ характеръ осмысленный и развивающій. Пушкинъ въ пьесѣ „пирующіе друзья“ (1414) обращаясь къ Галичу говорить:

Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикура младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.

Въ 1825 году, вслѣдствіе извѣстной исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, Галичъ былъ уволенъ отъ званія профессора и оставленъ при университетѣ съ жалованьемъ 1600 р. и казенной квартирою; на просьбу Галича о предоставленіи ему гдѣ либо кафедры нѣсколько разъ послѣдовалъ отказъ или молчаніе, а между тѣмъ въ маѣ 1835 г. лишили его крова, а въ маѣ 1836 г. не дали жалованья. Между тѣмъ ночью съ 3 на 4-е августа 1835 года квартира Галича сгорѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно обработанная третья часть его антропологии—философія исторіи. Ему выдано было пособіе въ 300 р. и затѣмъ онъ окончательно уволенъ съ единовременною выдачею овлада въ 1600 р. асс. Послѣ того Галичъ находился въ крайней бѣдности, пробивавшись кое какими уроками и литературными работами. Для поддержанія его существованія друзья, по словамъ Нивитенко, выхлопотали ему мѣсто начальника архива при провіантскомъ департаментѣ. Но послѣ пожара Галичъ не выдержалъ и запилъ. „Дѣти моей мысли умерли, говорилъ онъ, жизнь моя потеряла цѣль и смыслъ, я слишкомъ старъ, чтобы снова начинать погибшее дѣло, а только дѣломъ можно жить. Жить безъ дѣла запрещаютъ разумъ и совѣсть“. Черезъ 8 лѣтъ такой безотраднѣйшей жизни холера унесла еще одного изъ многихъ, потерпѣвшихъ у насъ за науку. (Ал. Ив. Галичъ, ст. Нивитенко въ Ж. Мин. Нар. Просв. за 1869 годъ кн. I, стр. 1—100). Первое сочиненіе, изданное Галичемъ, — была „Исторія философскихъ системъ“ въ 1819 г., составленная довольно толково по лучшимъ тогдашнимъ сочиненіямъ (Захера, Аста, Буле, Теннемана, Вейлера): въ то время это была единственная исторія философіи до Шеллинга включительно. Книга Галича не прошла безслѣдно въ свое время: даже такой чисто-практической умъ, чуждавшійся всякаго отвлеченнаго мышленія и мало способный къ философскому синтезу, какъ М. П. Погодинъ, „переворачивая о Шеллинговой системѣ у Галича“, восхищался чуднымъ ходомъ ея, мечталъ даже отправиться путешествовать и представиться Шеллингу, чтобы онъ просвѣтилъ его и приготовилъ для пользы цѣлаго сѣвера (Барсуковъ, жизнь Погодина, стр. 279). За этой исторіей Галичъ издалъ „Опытъ науки объ изящномъ“ (1825), гдѣ онъ главнымъ образомъ придерживался Шеллинга. Сочиненіе это въ тогдашней нашей литературѣ было съ выгодной стороны замѣчено критикою. Полевой, вслѣдъ за выходомъ книги, посвятилъ ей обширную кри-

тическую статью (Московский Телеграфъ 1825 г. ч. VIII, стр. 126, 215, 316, IX, 120) и въ заключеніи заявилъ: „книга г. Галича достойна вниманія и, какъ первый опытъ, есть превосходное изложеніе истинной теоріи и практики изящнаго. Замѣченные нами недостатки и неисправности не уменьшаютъ ея внутренняго достоинства, ибо читатели могутъ видѣть, что начала, на которыхъ основывается г. Галичъ, совершенно справедливы, а это главное“ (IX, стр. 141). Въ „Сынѣ Отечества“ за 1826 годъ помѣщена обстоятельная но неоконченная и неподписанная рецензія на это сочиненіе Галича. Къ сожалѣнію, слишкомъ сжатое и отвлеченное изложеніе дѣлало эту книгу доступною для немногихъ. За этими двумя изданіями послѣдовало въ 1829 г. сочиненіе: „Черты умозрительной философіи“, гдѣ изложена выборка изъ разныхъ нѣмецкихъ философовъ, преимущественно придерживаясь системы Шеллинга. Въ 1834 г. издано было капитальное сочиненіе Галича — „Картина человѣка“, о которомъ я уже говорилъ. Кромѣ того Галичъ принималъ дѣятельное участіе въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара. Остались еще отъ Галича, такъ сказать, подрядныя работы, которыя онъ написалъ изъ хлѣба, по заказу книгопродавцевъ, и по которымъ, конечно, судить о Галичѣ нельзя. Сюда относится: „Теорія краснорѣчія для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій“, 1830 г., компиляція съ нѣмецкаго; Логика, изложенная по Клейну, 1831 г. и два неоконченныхъ — Лексиконъ философскихъ предметовъ, 26 кн. 1847 г. и „Русскіе синонимы“. Гораздо болѣе значенія нежели официальные лекціи имѣли частные уроки Галича у себя на дому, въ тридцатыхъ годахъ, когда оволо него образовалась маленькая аудиторія человѣкъ изъ десяти или двѣнадцати. Читенія Галича то прерывались, то возобновлялись, судя по накопившемуся числу желающихъ. Здѣсь Галичъ въ своемъ самостоятельномъ изложеніи придерживался въ главныхъ чертахъ системы Шеллинга. Немногочисленность аудиторіи Галича и перерывы объясняются тѣмъ, что Галичъ въ 1829 г. просилъ разрѣшенія на чтеніе публичныхъ лекцій у министра, но ему было отказано. Преемникомъ Галича на кафедрѣ философіи съ 1 января 1825 года былъ переведенный изъ Казани любимецъ Магницкаго Пальминъ, который проложилъ себѣ дорогу въ этой кафедрѣ переводомъ соч. Борка (Burke): „Философскія изслѣдованія происхожденія нашихъ понятій о высокомъ и прекрасномъ“. Трудно представить себѣ что либо, говорить Гри-

горьевъ, скучнѣе и снотворнѣе, чѣмъ были схоластическія лекціи Пальмина, который даже Вольфіанскую философію кастрировалъ ад-цымъ російскаго юношества (Григ. зап. о П. Унив. 69). Въ Московскомъ Университетѣ, послѣ Буле, заканчивавшаго свою критическую исторію философіи Кантомъ, Фихте, Шеллингомъ, долго читалъ эту науку Брянцевъ. Брянцевъ началъ свое преподаваніе съ 1788 г. логикою; въ 1795 г. наименованъ онъ ординарнымъ профессоромъ логики и метафизики и продолжалъ чтеніе свое до самой смерти, въ началѣ 1821 г. Это былъ единственный у насъ представитель на кафедрѣ такъ называемой моральной философіи, придерживавшійся преимущественно Фергюсона, котораго перевелъ съ нѣмецкаго. Брянцевъ былъ человекъ глубоко религіозный; каждое воскресенье, вмѣстѣ съ Страховымъ, стоялъ онъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ; въ жизни своей Брянцевъ отличался тѣмъ добродушнымъ и добродѣтельнымъ смиреніемъ, за которымъ болѣею частью скрывается золотая посредственность. На слушателей своихъ Брянцевъ не имѣлъ никакого вліянія и чтенія его проходили безслѣдно. Даже внѣшній видъ его поражалъ комизмомъ самого Погодина, отличавшагося не только снисходительностью, но какимъ-то восторженнымъ отношеніемъ къ бывшимъ своимъ профессорамъ. „Такой фигуры, пишетъ Погодинъ, нынѣ уже не встрѣтишь. Во фракѣ съ большими пуговицами, въ короткихъ штанахъ съ пряжками, въ сапогахъ съ отворотами, изъ за которыхъ виднѣлись чулки,—его никто не понималъ, а можетъ быть и было что нибудь въ его гіероглифахъ“. (Барсуковъ, 48 и 49). Мы видѣли, что при вступленіи въ университетъ Надеждина въ 1831 г. профессора Ивашковскій и Снегиревъ ставили вопросъ, можетъ ли быть ученіе Шеллинга терпимо въ университетѣ, хотя съ 1820 года его проповѣдывалъ съ кафедры М. Г. Павловъ. Разсадникомъ Шеллингизма въ Москвѣ былъ университетскій пансіонъ, куда занесъ его Ив. Ив. Давыдовъ. Вообще значеніе въ Московскомъ университетѣ дѣятелей *эпохи двадцатыхъ годовъ*, заслоненной блестящими представителями Строгановскаго управленія, начиная съ Павлова и Надеждина, слишкомъ обезцѣнено. Университетъ, благодаря Муравьеву, наполнился русскими профессорами; они не были, можетъ быть, учеными въ строгомъ смыслѣ слова, а тѣмъ менѣе не двигали науку впередъ, но они въ значительной степени обладали талантомъ преподаванія, вносили въ свое дѣло усердіе и подготовляли въ слушателяхъ будущихъ серъ-

езныхъ труженниковъ и въ области педагогики, и въ литературѣ, и въ общественной дѣятельности. Профессора Нѣмцы ограничивались передачею съ каѳедры своихъ свѣдѣній; но, за весьма малыми исключеніями, помимо аудиторіи, между профессорами и студентами не возникало никакой внутренней связи. Русскіе профессора поставили себя иначе: изъ біографіи Погодина видно, что въ его время, въ двадцатыхъ годахъ, связь эта возникла и многіе изъ профессоровъ поощряли и выдвигали талантливую молодежь. Гончаровъ въ своихъ запискахъ указываетъ, что уже въ тридцатыхъ годахъ установилась та внутренняя связь между профессоромъ и аудиторіею, въ силу которой студенты цѣнятъ не одно голое сообщеніе знанія съ каѳедры, но нравственное вліяніе профессора, которое приобрѣтается только стойкостью и искренностью его личныхъ убѣжденій. Къ числу такихъ неопѣненныхъ дѣятелей того времени принадлежалъ и И. И. Давыдовъ, котораго скромная и невидная, но далеко не бесполезная дѣятельность слишкомъ унижена людьми заставшими его уже кончившаго свою задачу и обойденнаго другими, болѣе блестящими представителями европейской науки. Оттого къ нему съ несправедливою жесткостью относились позднѣйшіе его слушатели и ученики. К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ отзываясь о Давыдовѣ иронически: „о Давыдовѣ И. И. скажу только, что въ его напечатанномъ курсѣ есть слѣдующія слова: о великихъ людяхъ пишемъ мы длинными стихами потому что воображаемъ ихъ себѣ большаго роста“. (День 1862 г. № 40). Бѣлинскій, послѣ помѣщенія Давыдовымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ 1839 г. Т. IV, стр. 153—162) статьи „о возможности эстетической критики“, въ письмѣ къ А. А. Краевскому обозвалъ Давыдова „пошлякомъ, педантомъ и шволяромъ“. Гончаровъ, въ своихъ „воспоминаніяхъ“, такъ передаетъ взглядъ на профессора студентовъ тридцатыхъ годовъ. „Изъ лекцій Давыдова слушатели выносили только болѣе или менѣе красивыя фразы, сквозь которыя виднѣлась нагота мысли, содержанія; искры, feu sacré, у него не было. Студенты не любили Давыдова, считая его за человѣка ученаго, но вмѣстѣ ловаго, пракческаго“ (В. Евр. 1887 г., апрѣль, 508—9). А между тѣмъ было время, когда слушатели не менѣе даровитые смотрѣли на Давыдова совсѣмъ другими глазами. Морошкинъ въ своей автобіографіи говоритъ, что въ его время рѣзко выдѣлялись чтенія Мерзлякова, Каченовскаго и Давыдова; философское направленіе лекцій послѣдняго Морошкинъ

передаетъ своимъ оригинальнымъ языкомъ въ слѣдующемъ видѣ: „съ перваго разу Давыдовъ поражалъ умозрительною отвлеченностью своего ученія, живымъ сознаниемъ суеты однѣхъ фактическихъ познаній, стремленіемъ къ выпренимъ началамъ вѣдѣнія“. Въ 1843—44 году я слушалъ лекціи Давыдова по теоріи русской словесности соединеннымъ курсамъ математиковъ и медиковъ; лекціи эти не были блестящею импровизаціей и не давали такого обильнаго, серьезнаго и обработаннаго матеріала, какъ чтенія другихъ выдающихся профессоровъ того времени; но во всякомъ случаѣ они были послѣдовательны и сообщали систематически элементарное знаніе своего предмета, чего нельзя было сказать о многихъ другихъ профессорахъ. На лекціи въ мое время И. И. Давыдовъ являлся съ сановитостью генерала (тогда чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника былъ рѣдкостью въ особенности между профессорами), въ сопровожденіи субъ-инспектора ради почета; въ дни его молодости, на Ив. Иван. сдѣланъ былъ доносъ, какъ на „завлятаго яacobинца“. Ученая дѣятельность Давыдова по кафедрѣ русской словесности исчерпывается капитальнымъ его трудомъ: „Чтенія о словесности“ (1837—1838). Давыдовъ, въ своей автобіографіи самъ помѣстилъ о нихъ слѣдующій отзывъ: „Чтенія эти отличаются отъ всѣхъ другихъ сочиненій по тому же предмету философскимъ воззрѣніемъ; руководства при ихъ изложеніи служили изъ древнихъ писателей: Цицеронъ и Квинтилианъ, изъ новыхъ—Блеръ, Вильменъ, бр. Шлегели и эстетика Гегеля“. Одно это сопоставленіе имени Блера (Blair, „Lectures on Rhetoric and belles lettres,) англійскаго эстетика, видѣвшаго въ поэзіи только языкъ страсти, и Гегеля, съ примѣсью Вильмена и Шлегеля, указываетъ на компилятивно - переводное значеніе этого труда, лишеннаго самостоятельной мысли, перерабатывающей чужой матеріалъ въ стройную и самостоятельную систему; но всетаки „чтенія“ давали элементарныя свѣдѣнія по языкованію, на основаніи тогда еще новыхъ и неизвѣстныхъ въ русской литературѣ ученій В. Гумбольдта, Боппа, Гримма и Беккера. Вообще „чтенія“ были далеко лучше всего остальнаго находившагося подъ руками. Цѣлыя поколѣнія учителей, подвинувшихъ у насъ гимназическое преподаваніе словесности, прошли чрезъ руки Ив. Ив. Давыдова и воспитали то поколѣніе, которое, уйдя далеко впередъ, неблагосклонно смотрѣло на дѣятелей старой эпохи. Въ этомъ

смыслъ значеніе Ив. Ив. Давыдова совершенно тождественно съ заслугами его современника Дм. М. Перовцова, который также весьма мало сдѣлалъ собственно для науки, но воспиталъ цѣлое поколѣніе преподавателей. Давыдову ставили въ вину даже обстоятельство, отъ него независѣвшее, именно—что онъ не разъ мѣнялъ кафедру. Безъ сомнѣнія, это мѣшало ему сосредоточиться на извѣстномъ предметѣ и выражало его довольно равнодушное отношеніе къ содержанію своихъ чтеній. Въ оправданіе Давыдова можно сказать, что тогда въ наукѣ не было такого рѣзкаго разграниченія, какъ теперь; факультеты словесный и математическій составляли тогда въ дѣйствительности одинъ философскій, студенты котораго обязаны были слушать наравнѣ науки словесныя, математическія и естественныя; и наконецъ, при недостаткѣ профессоровъ, иногда необходимость и воля начальства заставляли профессора принимать на себя чтеніе предмета, не составляющаго его спеціальности. Гораздо справедливѣе нареканія на заискиванія Давыдова у сильныхъ міра сего, на непріязненныя его отношенія къ товарищамъ, на примѣръ къ Грановскому; но нравственныя его качества не мѣшаютъ признанію заслугъ его въ дѣлѣ просвѣщенія.

Философское образованіе, пріобрѣтенное Давыдовымъ исключительно въ университетѣ, было очень поверхностно. Ив. Ив. Давыдовъ (1794—1863) происходилъ изъ небогатыхъ Тверскихъ дворянъ и первоначальное образованіе получилъ въ Тверскомъ дворянскомъ училищѣ, гдѣ на него обратилъ вниманіе попечитель Муравьевъ; при его покровительствѣ Давыдовъ въ 1808 г. поступилъ въ Московскій университетъ. Здѣсь, по его собственнымъ словамъ, Давыдовъ въ особенности воспользовался лекціями Буле, Мерзлякова, Сохацкаго, Тимовскаго и Страхова. Буле Давыдовъ засталъ уже въ концѣ его университетскаго поприща (онъ оставилъ университетъ въ 1811 г.) и при этомъ, по выбитіи Бузе, Буле былъ отвлеченъ отъ своего предмета пріятіемъ на себя обязанности ознакомить студентовъ съ Римскимъ правомъ; но въ 1809 и 10 годахъ Буле еще излагалъ свой курсъ метафизики, куда входило критическое объясненіе философскихъ системъ Канта, Фихте и Шеллинга. Профессоръ Сохацкій читалъ философію (въ 1801 г.), а съ 1805 года занялъ кафедру эстетики. Для своихъ слушателей Сохацкій перевелъ начертаніе и исторію изящныхъ наукъ Мейнерса (М. 1803) и въ своемъ курсѣ фран-

цуское ученіе объ изящномъ (въ смыслѣ Батте) старался соединить съ нѣмецкими воззрѣніями Винкельмана и его послѣдователей. Вліяніе этихъ двухъ профессоровъ развило въ Давыдовѣ стремленіе къ философскимъ знаніямъ. Его докторская диссертація (1818 году) написана была на философскую тему: „О преобразованіи въ наукахъ, произведенномъ Бкономъ“. Изъ числа философовъ, Давыдовъ, по собственному признанію, Шеллинга предпочиталъ всѣмъ другимъ. Дѣятельность Давыдова, какъ профессора философіи въ университетѣ, была очень кратковременна. Въ „исторіи Московскаго университета“ содержатся о томъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ 1817—18 г. Давыдовъ началъ свое поприще преподаваніемъ логики и нравственности по руководству Снелля и Буле, далѣе присоединилъ обзоръ исторіи философіи по тому же руководству и упражненія слушателей въ разсужденіяхъ о предметахъ нравственныхъ, въ философскихъ сочиненіяхъ и разборѣ оныхъ; съ 1820—21 г., по смерти Тимковскаго, Давыдовъ занялъ каведру Римской словесности. Мѣсто Давыдова по преподаванію философскихъ наукъ со смертію Брянцева въ началѣ 1821 г. занялъ адъюнктъ Любимовъ и читалъ два года логику по Кизеветтеру и нравственную философію по системѣ Рейнгарда (442—443). Затѣмъ обозначенъ переходъ Давыдова въ 1831—32 году на каведру словесности, но относительно профессорской дѣятельности Давыдова съ 1821 по 1831 годъ не сказано ничего ни въ исторіи университета, ни въ его биографіи, помѣщенной въ словарь. Между тѣмъ извѣстно, что въ 1826 г. онъ читалъ вступительную лекцію по философіи и этимъ ограничился. Гончаровъ, „въ университетскихъ воспоминаніяхъ“, объясняетъ, что лекціи исторіи философіи, которыя началъ Давыдовъ, послѣ двухъ-трехъ закрылись, потому что посѣтившій ихъ флигель-адъютантъ донесъ о *вольнодумствѣ* профессора (В. Евр. 1887, апрѣль, 492). Вступительныя лекціи Давыдова напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1826 годъ и отдѣльно (М. 1826 г.). Но не въ университетѣ, а главнымъ образомъ въ благородномъ пансіонѣ сосредоточивалась полезная дѣятельность Давыдова, ради которой нельзя не признать въ немъ извѣстной услуги дѣлу нашего умственнаго образованія. Въ пансіонѣ Давыдовъ былъ главнымъ помощникомъ педагогической дѣятельности Антонскаго, поставившаго, какъ мы видѣли, университетскій благородный пансіонъ на такую высокую степень, въ смыслѣ образова-

тельнаго учрежденія. Еще до поступленія въ университетъ Давыдовъ сдѣланъ былъ 1814 году преподавателемъ благороднаго пансіона, а въ 1815 году инспекторомъ его. Не говоря объ административныхъ и хозяйственныхъ трудахъ Давыдова по преобразованію пансіона и улушенію самаго помѣщенія и ученыхъ пособій, въ педагогическомъ оношеніи, послѣ директора Антонскаго, Давыдовъ принималъ самое живое участіе. Подъ его руководствомъ черезъ каждыя двѣ недѣли происходили засѣданія, въ собраніи питомцевъ пансіона, гдѣ, въ присутствіи директора и профессоровъ, читались рѣчи, разсужденія, стихотворенія, разборъ писателей и часто происходили ученые пренія. Подъ его наблюденіемъ издавались рѣчи и стихотворенія, говоренныя воспитанниками на актахъ и альманахъ „Калліона“. Давыдовъ пробудилъ и развилъ въ пансіонѣ стремленіе къ Шеллинговой философіи, онъ давалъ книги воспитанникамъ, толковалъ съ ними о новой системѣ и вообще имѣлъ сильное вліяніе на все молодое поколѣніе, прошедшее чрезъ его руки, въ этомъ учрежденіи (Погодинъ). Одоевскій, еще пансіонеромъ, приходилъ въ восторгъ отъ его статей и горячо благодарилъ руку, метавшую бисеръ (Восп. Одоевск. 48). Ближайшіе друзья молодости Ал. Ив. Кошелева, вн. Одоевскій, Титовъ, Шевыревъ,—воспитанники благороднаго пансіона, развились и сдѣлали первые шаги на литературномъ поприщѣ подъ руководствомъ Ив. Ив. Давыдова; такимъ образомъ, хотя косвенно, черезъ нихъ, Давыдовъ имѣлъ вліяніе на развитіе въ лѣтахъ юности Кошелева. Прибавимъ встать, что Давыдовъ въ то время былъ дѣятельнымъ членомъ Общества любителей р. словесности; послѣ Каченовскаго онъ избранъ былъ секретаремъ, потомъ временнымъ предсѣдателемъ и редакторомъ трудовъ Общества, гдѣ помѣщено нѣсколько его статей. Значеніе Давыдова, какъ философа, безъ сомнѣнія, очень не высокое. Не смотря на свое пристрастіе къ Шеллингу, Давыдовъ не понималъ ни его, ни вообще умозрительной нѣмецкой философіи: стоитъ только прочесть его изложеніе ученія Сольгера объ изящномъ, чтобы убѣдиться, какъ смутно и неясно въ головѣ его ложились отвлеченныя и діалектическія тонкости нѣмецкихъ теорій. Въ № 4 „Москвитянина“ за 1841 годъ Давыдовъ помѣстилъ статью „Возможна ли у насъ германская философія?“ (стр. 385—401), навлекшую на него справедливый, но резчуръ рѣзкій отзывъ Бѣлинскаго. Здѣсь онъ излагаетъ свое

пониманіе философіи, какъ науки, въ такомъ видѣ. Указавъ на преобладающее современное значеніе философіи Гегеля, онъ ставитъ вопросъ: „не наступаетъ ли очередь смѣны и для философіи Гегеля въ Германіи? Да, уже представляются уму новыя идеи, для которыхъ нѣтъ мѣста въ этой философіи, не смотря на ея всеобъемлющую обширность; уже слышны многіе вопросы, на которые она безмолвствуетъ“. Давыдовъ не признаетъ возможнымъ, чтобы народы, различные по интересамъ ихъ занимающимъ, развили изъ себя *одну философію*, какъ результатъ мышленія, дѣйствія и чувствованія. Въ Россіи элементы для построенія философіи Давыдовъ указываетъ слѣдующіе: „святая вѣра наша, мудрые законы, изъ исторической жизни нашей разившіеся въ органическую систему, прекрасный языкъ, представляющій удивительную логику народа въ запечатлѣннй природы своею личностью, *дивная исторія славы нашей*, вотъ изъ чего должна развиваться философія наша“! Само собою разумѣется, что такая постановка философскаго вопроса не мало содѣйствовала тому жалкому мнѣнію о Давыдовѣ, которое имѣли о немъ люди сороковыхъ годовъ и передали въ наслѣдство. Но въ свое время Давыдовъ былъ усердный, хотя поверхностный популяризаторъ философскихъ свѣдѣній и одинъ помѣщалъ оригинальныя, а не переводныя статьи въ журналахъ того времени, въ „Сынѣ Отечества“ и преимущественно въ „Вѣстникѣ Европы“. Крупныхъ сочиненій по философіи Давыдовъ издалъ два и оба для воспитанниковъ благороднаго пансіона: „Основанія логики“ М. 1820 г. и „Опытъ руководства къ исторіи философіи“ М. 1820 г. Журнальныя статьи Давыдова представляютъ передѣлку изъ этихъ сочиненій, не прибавляющую впрочемъ къ нимъ ничего новаго. Изъ журнальныхъ статей, не принадлежащихъ къ названнымъ двумъ сочиненіямъ, Давыдовъ помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1822 годъ, подъ псевдонимомъ „Мемнонъ“, переводъ разбора Варнея, сочиненія Бонстеттена „О человекѣ“, „Нравственные афоризмы“ и разборъ сочиненія Сольгера „Ервинъ или четыре разговора объ изящномъ“ (68). Исторія философіи Давыдова, отъ прежней философіи до Канта включительно, вышла послѣ „Исторіи философскихъ системъ“ Галича и, по своей краткости и поверхностности, не можетъ быть съ нею поставлена рядомъ. Въ предисловіи къ исторіи философіи Давыдовъ говоритъ, что онъ главнымъ образомъ придерживался Дежерандо. „Въ иныхъ мѣстахъ вмѣнялъ я

себѣ за честь переводить знаменитаго философа; въ другихъ извлекалъ изъ него важнѣйшія мысли; есть предметы, въ которыхъ осмѣливался не соглашаться съ великимъ писателемъ“. Изслѣдованіе ученія Пивагора и Сократа заимствовано изъ Бартеlemi. Въ логику Давыдовъ задался, какъ сказано въ его предисловіи „Опытныя начала Локковы и Дежерандовы“, по возможности соединить съ благоразумнымъ идеализмомъ Буле, незабвеннаго наставника своего и знаменитаго Кизветтера. Въ началѣ, по руководству Шеллинга, съ которымъ первый въ отечествѣ нашемъ познакомилъ насъ почтенный профессоръ Галичъ, предложено обзорнѣе того, что предстоитъ мыслящему для духовнаго совершенства. И не смотря на то, Гречъ, отозвавшійся о Галичѣ съ непозволительной ироніей въ „Сынѣ Отечества“, пришелъ въ восторгъ отъ книги Давыдова. По словамъ Греча, издатель ея доказалъ, что по-русски можно писать о предметахъ отвлеченныхъ *ясно и пріятно*, вводить философію въ училища и всенародныя собранія, не облекая оную въ варварскую циническую одежду гнѣмцевыхъ кратесовъ (?!). Логика Давыдова ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ тѣхъ элементарныхъ переводныхъ учебниковъ, которые начали появляться у насъ еще съ конца XVIII столѣтія, но не смотря на это заслужила неодобрительный отзывъ отъ Магницкаго. Въ запискѣ, представленной имъ Императору Александру въ февралѣ 1823 года, Магницкій указываетъ даже на нее, какъ на одно изъ доказательствъ бѣсовскаго революціоннаго духа, охватившаго всю Россію, наравнѣ съ Европою. Эта логика, по словамъ Магницкаго, пропитана отъ начала до конца богопротивнымъ ученіемъ Шеллинга, распространяющимъ вліяніе свое на всѣ отрасли человѣческихъ свѣдѣній и даже на литературу. Основу Шеллинговой философіи составляетъ, по словамъ Магницкаго, *вольномудство* и *развратъ*. Такимъ образомъ Шеллингизмъ въ самомъ своемъ началѣ не успѣлъ свить себѣ прочнаго гнѣзда ни въ одномъ изъ нашихъ столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, кромѣ медицинской академіи, которая всегда, въ силу своего профессиональнаго характера и отдѣльнаго начальства, стояла какъ-то особнякомъ. Шеллингизмъ развивался у насъ, какъ и послѣдующія философскія системы, подъ спудомъ, отдѣльными кружками и только изрѣдка находилъ проповѣдниковъ на официальныхъ каеэдрахъ. Но движеніе философской мысли въ то время *по уставу* не могло ограничиться сто-

лицами. Изъ губернскихъ городовъ счастливѣе въ этомъ случаѣ былъ Харьковъ. Мы видѣли уже, что тамошній попечитель, Гр. Северинъ Потоцкій, задался тою же мыслию, какъ и Муравьевъ въ Москвѣ: пополнить свой университетъ недостающими серьезными научными силами изъ Германіи, что въ то время было очень удобно, такъ какъ Наполеоновскія войны гнали оттуда лучшихъ людей. Въ 1802 г., по рекомендаціи Гете, Потоцкій пригласилъ на кафедру философіи проф. Шада. Шадъ былъ извѣстенъ въ Германіи, какъ одинъ изъ немногихъ прямыхъ и строгихъ послѣдователей Фихте. Въ Харьковскомъ университетѣ, открытомъ 17 января 1803 года, Шадъ читалъ по-латынѣ логику, психологію, метафизику, этику, естественное право и исторію философіи. Но, по доносу попечителя Карнѣева, министерство нашло, что Шадъ придерживается новѣйшей германской философіи и въ особенности слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ, системѣ Шеллинга (?); а весьма сомнительно, должно ли прямо допустить введеніе этой системы въ Россію и вкорененіе ея въ памяти молодыхъ людей. Кромѣ того въ сочиненіяхъ Шада найдены мѣста, несообразныя съ понятіемъ о власти Государя, порицаніе существующихъ въ Россіи учреждений, противное нравамъ объясненіе супружескаго союза и т. д. Интересно, что Шаду поставлено было въ вину даже, что онъ называлъ въ своей рѣчи Наполеона „Корсиканскимъ чудовищемъ, исчадіемъ ада“, говорилъ, что французы обречены на вѣчное рабство, а удѣлъ нѣмцевъ — свобода и т. д. По представленію министерства, Комитетъ Министровъ призналъ дальнѣйшее пребываніе Шада въ Россіи не терпимымъ и Шадъ въ 1816 г. былъ высланъ изъ Россіи⁽⁶⁹⁾. Плодомъ преподаванія Шада въ Харьковѣ были явившіяся тамъ: „Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи, опытъ принудить читателя въ ея разумѣнію“, сочиненіе Ивана Фихта, пер. съ нѣмецкаго, Ст. Ес—вій, Харьковъ 1813 г.; Логика Любачинскаго, 1817. Первый русскій, получившій степень доктора философіи въ Геттингенѣ, былъ Сулима изъ Харькова. Въ свѣдѣніи объ открытіи Казанскаго университета объявлено, что на курсѣ, начатомъ съ февраля 1805 г., будетъ читать логику, по начертанію Рижскаго съ своими замѣчаніями, адъюнктъ Левицкій. Философію началъ читать въ Казани А. С. Лубкинъ, воспитанникъ Костромской семинаріи, а потомъ Петербургской академіи; въ 1801 г. онъ былъ опредѣ-

лень ректоромъ и преподавателемъ философіи въ армейской семинаріи, а въ 1815 г. утвержденъ экст. проф. умозрительной и практической философіи въ Казанскомъ университетѣ. Лубкинъ помѣстилъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1805 г. Мартынова „Письмо о критической философіи“, гдѣ онъ первый изложилъ критически главныя основанія философіи Канта и изложилъ свои возраженія противъ понятій Канта о времени и пространствѣ. вмѣстѣ съ П. С. Кондыревымъ, въ 1807 г. окончившимъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ и 1814 г. получившимъ кафедру историческихъ наукъ и политической экономіи, Лубкинъ перевелъ въ 1813 году начальный курсъ философіи Снелля, извѣстнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бездарнаго послѣдователя Канта, хотя въ своей рѣчи на актѣ Казанскаго университета 5-го іюля 1815 г. „Возможно ли правоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи“, — Лубкинъ высказался противъ Канта. Онъ подалъ этимъ поводъ Срезневскому, на актѣ 5 іюля 1817 г., въ рѣчи „О разныхъ системахъ правоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ“, выступить въ защиту послѣдняго. Кроме того Лубкинъ издалъ „Начертаніе метафизики“ (1818) и Логику (1807). Въ „Начертаніи метафизики“ Лубкина ученый комитетъ усмотрѣлъ желаніе автора согласить два рѣшительно противоположныя начала: вѣру, утверждающуюся на откровеніи, и изслѣдованія разума, ищущаго въ самомъ себѣ рѣшенія, какъ относительно предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, такъ и для самыхъ отвлеченныхъ идей, выходящихъ за его предѣлы. Многія мѣста въ метафизикѣ, удовлетворительно отвергая безбожіе, говорятъ о благонамѣренности автора; другія же, напротивъ того, исполнены заблужденій, ложныхъ началъ и служатъ доказательствомъ той истины, что разумъ, въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ сверхчувственныхъ, ограничиваясь однимъ только разсмотрѣніемъ и изслѣдованіемъ видимой природы, неспособенъ простираť виды свои въ міръ безтѣлесный. Многія мѣста, неопредѣленные и подлежащія произвольному толкованію, дѣлають книгу Лубкина подозрительною (Скабич.). Во время разгрома Казанскаго университета профессоръ естественнаго права Солнцевъ „изобличенъ“ былъ въ томъ, что его система до нѣкоторой степени носила на себѣ слѣды философіи Канта: за это Солнцевъ не только былъ уволенъ изъ университета, но ему запрещено было преподавать даже и въ частныхъ заведеніяхъ.

Въ позднѣйшую эпоху, уже въ царствованіе Императора Николая, происходилъ погромъ въ Нѣжинскомъ лицее. Проф. естественнаго права Бѣлоусовъ, начавшій доносить, что нѣкоторые ученики пансіона читаютъ тайно книги неприличныя ихъ возрасту, держать у себя сочиненія *Александра Пушкина и другихъ подобныхъ*, былъ въ свою очередь уличаемъ проф. политическихъ наукъ Билевичемъ, что Бѣлоусовъ читалъ естественное право не по одобренной системѣ де-Мартини, а по основаніямъ философіи Канта и Шада. Указомъ 27 октября 1830 г. было повелѣно Бѣлоусова, вмѣстѣ съ тремя другими профессорами, обвиненными во вредномъ направленіи и развращеніи учениковъ, отрѣшить отъ должности, со внесеніемъ въ ихъ паспорта и выслать: не русскихъ за границу, а русскихъ на мѣсто родины, подъ присмотръ полиціи (Скабич.).

Гимназическое преподаваніе философіи продолжалось очень не долго. По уставу гимназій 5 ноября 1804 г. (П. С. З. № 2150) предположено было, что учитель философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи преподаетъ уроки по 20 часовъ въ недѣлю. Въ первомъ классѣ, по 4 часа въ недѣлю, обучаетъ онъ логикѣ и всеобщей грамматикѣ; во второмъ классѣ по 4 часа преподаетъ психологию и нравоученіе; въ третьемъ классѣ, по 4 часа, эстетику и риторику; въ четвертомъ по 8 часовъ, изъ коихъ 4 обучаетъ праву естественному и праву народному, а остальные четыре часа политической экономіи (§ 23). Но циркулярнымъ предложеніемъ министерства отъ 5 іюня 1819 г. исключены были изъ учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ начальный курсъ философіи и изящныхъ искусствъ, оставивши только логику въ самомъ элементарномъ видѣ. Гимназическіе учебники по философскимъ наукамъ, какъ мы уже видѣли, составилъ проф. Якобъ. Якобъ (1759 — 1827) учившійся по системѣ Вольфа, съ юношескимъ жаромъ присталъ къ Кантовой философіи и старался, впрочемъ довольно поверхностно, популяризировать ее чтеніями, рецензіями и изданіемъ руководствъ. Кромѣ того Якобъ перевелъ Юлія, Кабаниса и сокращенно Байля. Въ особенности Якобъ прославился въ Германіи переводомъ Кабаниса, хотя онъ возражаетъ противъ основнаго положенія послѣдняго о томъ, что духовныя проявленія человѣческой дѣятельности суть прямой результатъ физической его организаціи. Якобъ въ 1807 году издалъ „Основанія Политической Экономіи“ и на этомъ основаніи въ 1807 г. избранъ былъ Совѣтомъ Харьковскаго

университета на кафедре политических наук, послѣ закрытія Гальскаго университета Наполеономъ. Якобъ изъ Харькова послалъ императору Александру сочиненіе свое о бумажныхъ деньгахъ въ Россіи и средствахъ удержать ихъ отъ паденія. („О деньгахъ, разсужденіе“, С.-Пб. 1810 г.). Вслѣдствіе этого Якобъ вызванъ былъ въ 1809 г. въ Петербургъ и назначенъ былъ членомъ по финансовой части въ комиссію законовъ. Здѣсь онъ сблизился съ Сперанскимъ и, послѣ паденія его, снова переселился въ Галле, гдѣ получилъ профессорскую кафедру. Ноакъ въ своемъ словарѣ сообщаетъ, что въ 1812 г. Якобъ за политическія мнѣнія сосланъ былъ въ Сибирь, но въ 1816 г. признанъ невиннымъ и возведенъ въ дворянское достоинство; но это извѣстіе по русскимъ источникамъ не подтверждается. Учебники свои Якобъ составилъ уже по переселеніи въ С.-Петербургъ, по порученію Главнаго Правленія училищъ. Въ основѣ ихъ лежала философія Канта, что и подало поводъ архіепископу Теофилакту къ обвиненію въ распространеніи этой философіи между воспитанниками гимназій. Сами по себѣ учебники, составленные Якобомъ, не представляли ничего зловреднаго и содержали въ себѣ хотя толковое, но совершенно элементарное и поверхностное руководство къ изученію философскихъ наукъ.

Вліяніе философіи на тогдашнее общество профессоръ Сухомлиновъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Занесенная въ чужой міръ, говорившая чужимъ языкомъ, философія скоро обжила въ своемъ новомъ пріютѣ; ее полюбило русское молодое поколѣніе; ея таинственный языкъ нашелъ сочувственный отзывъ въ воспримчивыхъ умахъ, въ которыхъ первыя университетскія лекціи успѣли заронить искру знанія и любви къ наукѣ. По самой сущности своей философія владѣла привлекательной силой: затрогивая общіе и важные вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ при первой работѣ мышленія, философія вводила въ новую и высшую сферу, чуждую пошлости и предразсудковъ, располагала къ умственному труду и пріучала цѣнить и уважать его. Для того, чтобы отдаться вполне умственной работѣ, чтобы посвятить себя въ обществѣ полуобразованномъ ученому труду и изслѣдованіямъ, надо было дѣлать усилія, выдержать борьбу и на эту трудную, но славную борьбу вызывала философія своимъ ученіемъ о противорѣчій идеала и дѣйствительности, о достоинствѣ и правахъ человѣческаго духа“. Эта работа философскаго мышле-

нія получила новую обильную пищу и число борцевъ за дѣло цивилизаціи значительно увеличилось, когда философія прочно утвердилась на каедрѣ въ Московскомъ университетѣ въ лицѣ Павлова и Надеждина,—оба изъ духовныхъ училищъ—и сложился въ нашемъ обществѣ московскій кружокъ Шеллингистовъ, во главѣ котораго на первыхъ порахъ сталъ Веневитиновъ.

Съ основаніемъ провинціальныхъ университетовъ, Московскій потерялъ значеніе единственнаго чисто русскаго учрежденія для высшаго образованія. Но университетъ все еще удержалъ за собою традиціи и значеніе старшаго и главнаго расадника умственной жизни въ Россіи. Попечители, бывшіе послѣ Муравьева: гр. А. К. Разумовскій (2 ноября 1807 г.—14 мая 1810 г.), Голенищевъ-Кутузовъ (до 1817 г.), кн. А. П. Оболенскій (до іюля 1825 г.), ген.-майоръ Ал. Ал. Писаревъ (до 1830 г.), кн. С. М. Голицынъ (по 15 мая 1835 г.), не имѣли заслугъ Муравьева, но университетское движеніе въ двадцатыхъ годахъ продолжало развиваться въ томъ направленіи, которое сообщено было ему дѣятельностью послѣдняго. Названнымъ попечителямъ надо отдать справедливость въ одномъ: реакція, которая такъ свирѣпствовала въ остальныхъ университетахъ, не коснулась Московскаго, хотя въ это время ходили слухи о предстоящей ревизіи Московскаго университета Магницкимъ Изъ профессоровъ, въ двадцатыхъ годахъ самое важное значеніе по своему вліянію на слушателей и по своей литературно-общественной дѣятельности имѣли Мерзляковъ, Каченовскій и Павловъ.

Мерзляковъ былъ одною изъ крупныхъ культурныхъ силъ для своего времени. Мерзляковъ (1778 — 1830 годахъ), изъ вупцовъ, по ходатайству директора Пермскаго главнаго народнаго училища И. И. Панаева и при содѣйствіи Хераскова поступилъ въ университетскую гимназію и оттуда въ университетъ; по окончаніи курса, со степенью бакалавра (соотвѣтствующею теперешней кандидата) Мерзляковъ занимался преподаваніемъ въ академической гимназіи. Въ университетъ въ 1807 году Мерзляковъ вступилъ благодаря покровительству попечителя Муравьева, который въ 1803 году пригласилъ его къ себѣ въ Петербургъ и ввелъ въ лучший кругъ писателей, ученыхъ, людей государственныхъ. Еще Бѣлинскій выразился о Мерзляковѣ: Мерзляковъ былъ человѣкъ съ необыкновеннымъ поэтическимъ дарованіемъ и представляетъ

собою одну изъ умильтельнѣйшихъ жертвъ духа времени. Онъ преподавалъ теорію изящнаго, и между тѣмъ эта теорія оставалась для него неразгаданною загадкою во все продолженіе его жизни; онъ считался у насъ оракуломъ критики, и не зналъ на чемъ основывается критика; наконецъ, онъ всю жизнь свою заблуждался на счетъ своего таланта, ибо написавши нѣсколько безсмертныхъ пѣсень, въ то же время написалъ множество одъ, въ коихъ гдѣ-гдѣ блистаютъ искры могучаго таланта, котораго не могла убить схоластика, и въ коихъ все остальное голая риторика. Онъ рожденъ былъ практикомъ поэзіи, а судьба сдѣлала его теоретикомъ; пламенное чувство влекло его къ пѣснямъ, а система заставляла писать оды и переводить Тасса. (Соч. т. I, стр. 73 и 74). Мерзляковъ въ теоріи избралъ и часто дословно переводилъ въ своихъ сочиненіяхъ, статьяхъ и лекціяхъ Ешенбургъ (*Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften*, von J. Eschenburg, 1783 г., 5 изд. 1836). Ешенбургъ былъ самый ходячій, поверхностный но популярный изъ эклектическихъ нѣмецкихъ теоретиковъ, которые техническимъ правиламъ и приѣмамъ Батте желали придать внутреннюю, научную основу, заимствуя ея главнымъ образомъ изъ англійскихъ эстетиковъ, которые начала изящнаго отыскивали въ фізіологическихъ ощущеніяхъ человѣческой природы. Но Мерзляковъ этимъ не удовлетворялся; его поэтическій инстинктъ понималъ всю фальшь шаблонныхъ правилъ и рвался на свободу. Мерзляковъ не любилъ нѣмецкихъ системъ, основанныхъ на одномъ умозрѣніи; вотъ гдѣ система, говаривалъ онъ своимъ слушателямъ, указываетъ на сердце. Такимъ онъ являлся и въ критикѣ. Въ то время, когда Карамзинъ и Жуковскій признавали у насъ критику по меньшей мѣрѣ излишнею, Мерзляковъ признавалъ ея важность и былъ въ свое время самымъ виднымъ ея представителемъ. Мерзляковъ, говоритъ Шевыревъ, былъ теоретикомъ и критикомъ перваго періода нашей словесности — Ломоносовскаго. Школа, основанная Карамзинымъ и Жуковскимъ, не входила въ область его критическаго сознанія, а тѣмъ менѣе поэзія Пушкина. Чувство Мерзлякова при чтеніи произведеній Пушкина выразилось только слезами. Читая Кавказскаго плѣнника, онъ, говорятъ, плакалъ; онъ чувствовалъ, что это прекрасно, но не могъ себѣ отдать отчета въ этой красотѣ и безмолвствовалъ. (Б. Сл. 11, стр. 96). Эта разница между внѣшною теоріею и непосредственнымъ художественнымъ та-

томъ выразилась и въ отсутствіи цѣльности и опредѣленности въ критикѣ Мерзлякова. Съ одной стороны Мерзляковъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ примѣнялъ заученныя правила и приемы и соблюденіе ихъ вмѣнялъ въ неотъемлемое достоинство всякаго литературнаго произведенія, съ другой онъ не могъ не чувствовать инстинктивно и не выражать того, что хорошо или дурно на самомъ дѣлѣ, а не по правиламъ. Эту общую черту всѣхъ критиковъ, одаренныхъ отъ природы художественнымъ смысломъ, замѣтилъ у Мерзлякова авторъ очерковъ Гоголевскаго періода. Теоретическіе принципы Буало, Лагарпа, Попе, Карамзина, Мерзлякова были неудовлетворительны въ научномъ отношеніи, а между тѣмъ эти критики, благодаря своему уму и вкусу, объ отдѣльныхъ произведеніяхъ литературы судили очень здраво, а хорошими называли дѣйствительно лучшихъ писателей своего времени, восхищались только тѣмъ, что было у этихъ писателей лучшаго (Стат. 3, стр. 85). Чтобы объяснить наглядно недостатокъ цѣльности и опредѣленности въ критикѣ Мерзлякова, мы ограничимся однимъ примѣромъ. Въ разборѣ трагедіи Озерова „Эдипъ въ Афинахъ“ Мерзляковъ порицаетъ автора за то, что онъ поступалъ съ басней своей насильственно, какъ съ мраморной древней статуей поступаетъ новѣйшій художникъ, смѣло обрубая ее по своему плану, безъ всякаго уваженія ко вкусу древности; „симъ образомъ потеряно истинное величіе трагедіи древней: очарованіе исчезло! Я не вижу здѣсь ни одного грека, ни Греція!“ Между тѣмъ въ разборѣ Поллесены того же Озерова Мерзляковъ утверждалъ, что авторъ обязанъ непременно, взявъ характеры древнихъ нравовъ, *сблизать* насколько можно съ зрителями, для которыхъ трагедія сочиняется, какъ дѣйствительно поступали Корнели, Расины, Вольтеры и всѣ, поставившіе трагедію на нынѣшнюю степень совершенства. Мерзляковъ во многихъ своихъ статьяхъ обнаружилъ глубокое пониманіе народныхъ русскихъ пѣсенъ и самъ подражалъ имъ настолько удачно, что его пѣсни перешли въ народъ; но въ то же время на ряду съ народными пѣснями ставилъ неумѣлыя поддѣлки, сочиненныя Дмитріевымъ, Капнистомъ и друг. Но за то, преклоняясь предъ „знаменитѣйшими“, по его мнѣнію, російскими писателями,— Сумароковымъ, Ломоносовымъ, Державиннымъ, Херасковымъ, Озеровымъ, — Мерзляковъ не щадилъ ихъ недостатковъ и приводилъ въ смущеніе слишкомъ усердныхъ по-

читателей. Такъ въ своемъ разборѣ „Рогнѣды“ Хераскова, Мерзляковъ между прочимъ заявилъ, что многіе герои Хераскова суть эфемеры, или лучше блестящія пылинки Санхоніатона, которыя сражаются между собою въ какомъ-то темномъ мірѣ, исчезаютъ и рождаются, но чрезъ это ни мало не показываютъ намъ ни начала своего, ни сущности, ни качества. Точно также, называя Сумарокова отцемъ нашей драмы, Мерзляковъ немилосердно выводилъ наружу его недостатки. С. Т. Аксаковъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“ передаетъ слѣдующую замѣтку о публичныхъ чтеніяхъ Мерзлякова въ домѣ Бокшнина. Мнѣ удалось слышать только одну лекцію Мерзлякова, именно ту, въ которой онъ разбиралъ Дмитрія Донскаго, и разбиралъ очень строго и справедливо. Несмотря на убѣдительныя и ясныя доказательства профессора, почти всѣ слушатели нашли такой разборъ любимой трагедіи пристрастнымъ и недоброжелательнымъ, даже осердились за него. (Разн. соч. стр. 39).

Но главная заслуга Мерзлякова состоитъ не въ этомъ историческомъ его значеніи, а въ живомъ вліяніи его личности на современниковъ. Тотъ внутренній огонь, соединенный съ глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ и литературѣ, которымъ согрѣта была поэтическая душа Мерзлякова, производилъ обаятельное впечатлѣніе на слушателей и имѣлъ въ свое время громадное культурное значеніе, пробуждая въ нихъ самодѣятельность мысли и стремленіе къ литературно-общественной дѣятельности. Такое вліяніе Мерзлякова засвидѣтельствовали многіе его слушатели, отчасти ему обязанные своимъ развитіемъ. М. П. Погодинъ, въ своей автобіографіи, говоритъ: „самое сильное впечатлѣніе производилъ Мерзляковъ. Лекцій впродолженіи трехъ лѣтъ прочелъ онъ немного, но всякое его слово, отъ души сказанное, западало въ душу и навсегда въ ней оставалось“. Погодинъ передаетъ далѣе, какии сочувствіемъ пользовались лекціи Мерзлякова: „студенты со всѣхъ сторонъ бросались въ аудиторію, точно на приступъ, сѣдша занять мѣста; медики, математики,— о словесникахъ и говорить нечего,— юристы, кандидаты жившіе въ университетѣ, всѣ являлись въ аудиторію, которая наполнялась въ минуту народомъ сверху до низу, по окошкамъ, даже надъ верхними лавками амфитеатра; Мерзляковъ долженъ былъ продираться черезъ толпу. Какое молчаніе воцарилось, когда онъ сѣлъ наконецъ на кафедру“ (Біограф. слов. II, 235 и 236). Морозкинъ такъ вспоминаетъ о Мерзляковѣ:

„первая лекція (по вступленіи его въ университетъ) была Мерзлякова; а содержаніе ея критическій разборъ оды „Богъ“. Чисто-сердечно говоря, я отъ роду не слыхалъ такой величественной декламации и такого могущественнаго дара импровизовать. Голосъ у Мерзлякова былъ теноро-басъ, глуховатый, гибкій и благородно-унылый; искусство управлять голосомъ было чрезвычайное. Этотъ голосъ произвелъ на меня дѣйствіе, подобное раскатамъ грома, теряющагося въ горизонтѣ. Всѣ сочиненія Мерзлякова ничего не значатъ въ сравненіи съ его живою, изустною рѣчью“ (тамъ же, стр. 106 и 107). Въ біографіи Мерзлякова, написанной также однимъ изъ его слушателей въ благородномъ пансіонѣ, Шевыревымъ, встрѣчается замѣчаніе: „лекціи Мерзлякова состояли по большей части въ критическихъ импровизаціяхъ; рѣчь спокойно и роскошно лилась изъ устъ импровизатора. Все зависѣло отъ настроенія минуты. Въ критикѣ и профессорѣ сказывался поэтъ по призванію. Эти импровизаціи, приводившія иногда въ восторгъ его слушателей, запечатлѣвались въ ихъ памяти. Свѣтлая мысль, искра чувства электрически оживляли всю аудиторію“ (тамъ же, стр. 96).

Вліаніе Мерзлякова на своихъ слушателей не ограничивалось лекціями. Изъ біографіи Погодина видно, что Мерзляковъ вообще поддерживалъ студентовъ и слѣдилъ за ихъ научнымъ развитіемъ; диссертация Погодина „О происхожденіи Руси“ была пропущена и напечатана благодаря, главнымъ образомъ, заступничеству Мерзлякова. Когда Погодинъ учредилъ общество переводчиковъ, Мерзляковъ принялъ на себя предсѣдательство, и 25 октября 1825 года было у него собраніе. Тотъ же Погодинъ въ 1825 году учредилъ педагогическія чтенія или литературныя собранія изъ магистровъ и кандидатовъ всѣхъ отдѣленій для приготовленія молодыхъ людей къ лекторской обязанности. Въ бумагахъ по этому предмету сохранившихся у Погодина существуютъ поправки рукою Мерзлякова (Барсуковъ, 314—316). Помимо университета общественное значеніе Мерзлякова имѣетъ другую, не менѣе важную сторону. Мерзляковъ не принадлежалъ къ числу профессоровъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивается преимущественно въ стѣнахъ аудиторій; напротивъ, онъ принималъ самое дѣятельное, живое и широкое участіе во всей литературной жизни своего времени. По выходѣ Жуковскаго изъ благороднаго пансіона, онъ основалъ

дружеское литературное общество. Уставъ его, составленный бакалавромъ Базаревичемъ, подписанъ основателями 12 января 1801 года; здѣсь съ именами Жуковскаго, братьевъ Кайсаровыхъ, Анд. и Алекс. Тургеневыхъ, Родзянки, Офросимова стоитъ и имя Мерзлякова. Предметомъ общества было „очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія о всемъ, что изящно, что превосходно“, а средствами указаны были занятія теоріею изящныхъ наукъ, критическіе разборы переводовъ и сочиненій на русскомъ языкѣ, чтеніе полезныхъ книгъ и произнесеніе о нихъ своихъ сужденій, наконецъ, трудъ надъ собственными своими произведеніями и рачительная ихъ обработка. Члены общества сходились еженедѣльно, по большей части въ домѣ Воейкова. Здѣсь развилась та взаимная дружба, которая соединяла Мерзлякова съ Жуковскимъ до конца его жизни, не смотря на разность въ направленіи и взглядовъ обоихъ. Еще въ 1815 году Мерзляковъ въ письмѣ къ Жуковскому (Амфіонъ, кн. 1, стр. 50) вспоминалъ съ благодарностью объ этомъ обществѣ, „гдѣ мы, говоритъ онъ, въ цвѣтѣ юности, въ жару пылкихъ лѣтъ, одушевленные единымъ благодарнымъ чувствомъ дружества, не отравленнымъ частными выгодами самолюбія, учили и судили другъ друга въ первыхъ нашихъ занятіяхъ и, жертвуя, повидимому, своимъ удовольствіемъ, между тѣмъ нечувствительно и скромно исполненные патріотизма и любви къ изящному, приготовляли себя на будущее свое служеніе“. Съ открытіемъ въ 1810 году Общества любителей россійской словесности, какъ мы уже видѣли, Мерзляковъ сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ его членовъ, и каждая книжка трудовъ общества заключала въ себѣ статью по теоріи изящныхъ искусствъ, или критику, или наконецъ стихотвореніе. Въ 1812 г., втеченіи всего великаго поста, Мерзляковъ читалъ публичныя лекціи о теоріи изящныхъ искусствъ въ домѣ кн. Б. Вл. Голицына, въ присутствіи лицъ высшаго круга, не исключая дамъ и извѣстныхъ литераторовъ. Въ 1818 г. Мерзляковъ возобновилъ свои публичныя чтенія уже въ домѣ Ковошкина. Чтенія Мерзлякова въ домѣ Ковошкина излагали сначала вѣратцѣ полную теорію краснорѣчія и поэзіи, а затѣмъ получили болѣе критическій характеръ, представляя „практическіе разборы знаменитѣйшихъ россійскихъ стихотворцевъ во всѣхъ родахъ сочиненій, въ которыхъ наиболѣе наша поэзія успѣла“ (*). Мерзляковъ въ 1815 г. издавалъ журналъ „Амфіонъ“ (12 книжекъ), при ближайшемъ участіи

брата своей жены Смирнова и друга своего Ф. Ф. Иванова. Журналъ Мерзлякова имѣлъ по преимуществу направленіе литературно-критическое. Самыя капитальныя статьи журнала принадлежать самому Мерзлякову: подробный разборъ „Россіады“ Хераскова, изложенный въ письмѣ къ другу (Жуковскому) и пятое публичное его чтеніе. Затѣмъ помѣщались критико-литературныя отрывки о разныхъ писателяхъ изъ Лагарпа, Томаса, Мори, Аддисона, Лувіана; а изъ оригинальныхъ статей — разборъ трагедіи Грузинцева „Покоренная Казань“, написанной Смирновымъ, и объ „Анакреонѣ“, Глаголева. Обширное мѣсто въ журналѣ отведено было стихотвореніямъ. Здѣсь главными владчиками были самъ Мерзляковъ и Ивановъ; а затѣмъ ветерану поэзіи и критики посылало въ его журналъ по нѣсколькѣ стихотвореній большинство тогдашнихъ поетовъ *старшаго возраста* — Жуковский, В. Пушкинъ, Шатовъ, кн. И. Долгоруковъ, Батюшковъ, кн. Вяземскій, Ковошинъ, Д. Давыдовъ, Остолоповъ, Нахимовъ, Волковъ, Сушковъ и нѣсколько мало или вовсе неизвѣстныхъ. Оригинальной прозы въ журналѣ было очень мало, и притомъ самой плохой; а изъ переводовъ помѣщены были сокращенное извлеченіе изъ „les Martyrs“ Шатобриана, мысли Болинброва, небольшіе отрывки изъ Мармонта, Попе и Лакретеля и изъ классическихъ писателей — Тита Ливія и Квинта Курція. Въ Амфіонѣ помѣщена краткая біографія актера Померанцева.

Въ журнальной нашей литературѣ Мерзлякову принадлежитъ еще *косвенное* участіе. Любимый его ученикъ, проф. статистики въ Московскомъ университетѣ Андреевъ, издавалъ съ 1832 г. журналъ „Московское Обозрѣніе“, въ 1838 году перешедшій къ Бѣлинскому. Но въ двадцатыхъ годахъ литературное и общественное движеніе настолько уже ушло впередъ, что Мерзляковъ утратилъ свое значеніе: его слушали и читали съ уваженіемъ, но только уже по воспоминанію. „Молодое поколѣніе, говоритъ Погодинъ, слушало его разборъ „Шильонскаго узника“ Жуковскаго съ почтеніемъ и соглашалось съ вѣрностію многихъ его замѣчаній, но всетаки было въ восторгѣ отъ Байроновой поэмы, и даже начало *украдкой* отъ Мерзлякова восхищаться „Русланомъ и Людмилою“ Пушкина, поэмою, которая вышла въ 1826 г. Человѣкъ не блестящихъ способностей и самый посредственный стихотворецъ Ал. С. Норовъ, въ письмѣ къ Александру Ивановичу, уже считалъ возможнымъ таковой

отзывъ о Мерзляковѣ, какъ о преподавателѣ русской словесности: „кажется у него нечему учиться кромѣ синтаксиса рос. языка. Конечно онъ очень ученъ по литературѣ; но для литературныхъ свѣдѣній недостаточно ли чтенія образцовыхъ авторовъ? Онъ прекрасно знаетъ теорію всѣхъ сочиненій; но сіе ни къ чему не ведетъ. Онъ самъ писатель; но кромѣ его учености слогу его совсѣмъ незавиденъ. Отъ его же славянщины и напыщенности должно остерегаться какъ отъ огня и меча. Итакъ, что можно отъ него занять? *Критику* и какія-то отвлеченныя понятія о *вкусь*. Но это приобрѣтается только опытностію и сравненіемъ. Итакъ, если продолжашь у него учиться російско-славянскому языку, то хорошо дѣлаешь, если же вообще словесности, то теряешь время“.

Каченовскій (1775—1842), какъ мы видѣли, приглашенъ былъ въ университетъ Муравьевымъ. Происходя изъ незнатной греческой фамиліи Качони, Каченовскій воспитывался въ Харьковскомъ коллегіумѣ, сначала служилъ въ военной службѣ, а потомъ по выходѣ въ отставку въ 1801 г. занималъ мѣсто бібліотекаря и правителя канцеляріи у гр. А. К. Разумовскаго, бывшаго попечителя Московскаго университета послѣ Муравьева, въ 1805 г. получилъ званіе магистра философіи при университетѣ и сдѣланъ преподавателемъ въ академической гимназіи; въ 1806 г. онъ получилъ званіе доктора философіи и изящныхъ наукъ. Значеніе Каченовскаго, какъ главы такъ-называемой скептической школы въ русской исторіи, принадлежитъ къ позднѣйшему періоду его дѣятельности, и оно совершенно вѣрно опредѣлено А. Н. Пыпинымъ: „заслуга Каченовскаго состояла въ постоянной и упорной защитѣ критическаго приѣма и права историческаго сомнѣнія (Характер. Литер. мнѣній, стр. 181). Каченовскій познакомилъ съ приѣмами критическаго метода въ историческихъ изслѣдованіяхъ, выработаннаго германскою наукой; но примѣненіе этого метода у него было крайнее. Методъ въ рукахъ Каченовскаго не былъ только путеводною нитью, но онъ поглащалъ всю работу его мысли и ставился такъ сказать конечной его цѣлью; оттого положительныя результаты, имъ добытыя, оказались большею частью невѣрными. Но тѣмъ не менѣе Каченовскій въ этомъ смыслѣ имѣлъ полезное вліяніе на своихъ слушателей. Проф. Рѣдкинъ, въ своей автобіографіи, называетъ Каченовскаго „первымъ критикомъ отечественной исторіи“ и говоритъ, что „болѣе всего онъ обязанъ лекціямъ

Каченовскаго, въ отношеніи не столько самого содержанія, сколько ученыхъ приемовъ“ (Биогр. Слов. 11, стр. 380). Проф. Морощкинъ также подтверждаетъ это дѣйствіе Каченовскаго на своихъ слушателей; онъ говоритъ, что въ его время „на словесномъ факультетѣ рѣзко выступали каведры Мерзлякова, Каченовскаго и Давыдова; занимательность лекцій Каченовскаго заключалась не столько въ рѣзкихъ положеніяхъ науки, сколько въ самомъ процессѣ мышленія, въ его критикѣ историческихъ приемовъ, которые поражали слушателей своей необыкновенной наивностью (?!), чуждой впрочемъ всего грубаго, не классическаго“. (Тамъ же стр. 108). К. С. Аксаковъ въ своихъ „воспоминаніяхъ студентства“ говоритъ о Каченовскомъ: „въ наше время любили и цѣнили и боялись при томъ чуть ли не больше всѣхъ—Каченовскаго. Молодость охотно вѣрить, но и сомнѣвается охотно, охотно любитъ новое, самобытное мнѣніе,—и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашелъ сильное сочувствіе во всѣхъ насъ. Строевъ, Бодянской съ жаромъ развивали его мысль. Станкевичъ, хотя не занимался русской исторіей, но также думалъ. Только впоследствии я увидѣлъ всю неосновательность нашего историческаго скептицизма“ (День 1862, № 40). Изъ записокъ Гончарова видно, что Каченовскій занималъ выдающееся положеніе между профессорами въ тридцатыхъ даже годахъ. „Это былъ, по словамъ Гончарова, тонкій, аналитическій умъ, скептикъ въ вопросахъ науки и отчасти, кажется, во всемъ. При этомъ—строго справедливый и честный человѣкъ. Особенно обширны были его познанія въ исторіи и во всемъ, что входитъ въ ея сферу—археологіи и пр. Когда онъ касался спорнаго въ исторіи вопроса, щеки его, обыкновенно блѣдныя, загорались алымъ румянцемъ и глаза блистали сквозь очки, а въ голосѣ слышался задоръ редактора „Вѣстника Европы“. Онъ мысленно видѣлъ передъ собою своихъ ученыхъ противниковъ и поражалъ ихъ стрѣлами своего неумолимаго анализа. И всю исторію такъ читалъ, точно смотрѣлъ въ нее глубоко, какъ въ бездну, сквозь свои критическіе очки“. Скептицизмъ Каченовскаго былъ очень важенъ. Скептицизмъ вообще есть точка отправленія всякой новой и самобытной мысли; поэтому въ эпоху, когда, пресытившись подражательностью, русская мысль почувствовала потребность стать на свои ноги, скептицизмъ Каченовскаго былъ какъ нельзя болѣе у мѣста въ университетской аудиторіи. Если восторженная импровизація Мерзлякова

впервые вводила слушателя въ сферу науки, какъ совсѣмъ въ иной мѣръ, исполненный поэзіи и возвышенныхъ стремленій, то скептицизмъ Каченовскаго ставилъ слушателя на ноги, научая не принимать ничего на вѣру и все подвергать критическому анализу. Кромѣ этой стороны, въ дѣятельности Каченовскаго была другая, неменѣ важная и оставившая свой слѣдъ въ исторіи нашего образованія. Мы видѣли, что Каченовскій, вмѣстѣ съ Мерзляковымъ, принималъ самое живое участіе въ литературно-общественномъ движеніи своего времени, что онъ появлялся на частныхъ кружкахъ, въ родѣ напримѣръ Ковошвина, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ „Общества Любителей Россійской Словесности“ и въ трудахъ его помѣщались свои статьи. Каченовскій пользовался авторитетомъ въ сужденіяхъ своихъ о литературѣ; Аксаковъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, говоритъ, что „когда Мерзляковъ читалъ у Карамзина свои переводы изъ Тасса, никто не дѣлалъ ему замѣчаній кромѣ Каченовскаго, да и тѣ были весьма снисходительны“. Съ журнальною дѣятельностью Каченовскаго мы уже достаточно ознакомились.

Профессоръ М. Г. Павловъ (?—1849 г.) изъ духовнаго званія поступилъ въ 1813 г. въ Харьковскій университетъ и оттуда перешелъ сначала въ Московскую Медико-хирургическую академію, а потомъ въ Московскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по двумъ факультетамъ—математическому и медицинскому, и блистательно окончилъ курсъ по обоимъ. Павловъ, получившій степень доктора медицины, въ 1818 г. отправленъ былъ факультетомъ за границу, при содѣйствіи управлявшаго тогда Московію вн. Д. В. Голицына, основателя Московскаго общества сельскаго хозяйства. За границей въ теченіе двухъ лѣтъ Павловъ слушалъ лекціи у знаменитыхъ ученыхъ того времени и въ особенности сельскаго хозяйства у вѣстнаго Теэра. Къ сожалѣнію, это послѣднее обстоятельство было причиною, почему М. Г. Павловъ свои главные труды и занятія посвятилъ практической отрасли хозяйства, удѣляя только часть своего времени чтенію и разработкѣ теоретической науки. По сельскому хозяйству Павловъ напечаталъ: 1) вступительную лекцію по возвращеніи изъ-за границы „О главныхъ системахъ сельскаго хозяйства съ принословеніемъ къ Россіи“ (1821); 2) рѣчь О побудительныхъ причинахъ совершенствовать сельское хозяйство въ Россіи (1823); 3) Земледѣльческую химию (1833); Курсъ сельскаго хозяй-

тва (2 т. неоконченъ); 4) нѣсколько лѣтъ издавалъ журналъ „Русскій земледѣлецъ“ и кромѣ того при другомъ своемъ журналѣ „Атепей“ — „Записки для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ“. Нѣсколько лѣтъ сряду Павловъ читалъ публичные курсы сельскаго хозяйства, на которыхъ собиралась, кромѣ лицъ заинтересованныхъ практически, масса слушателей изъ всѣхъ сословій общества. Кромѣ того Павловъ приглашенъ былъ Московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства въ директоры земледѣльческой школы и хутора. Здѣсь Павловъ примѣнялъ теоретическіе свои выводы на практикѣ и результаты печаталъ въ своихъ журналахъ; за нѣсколько лѣтъ передъ смертью Павловъ отказался отъ завѣдыванія опытнымъ хуторомъ. Тогда онъ самъ завелъ земледѣльческое училище, въ которое принимались помѣщичьи крестьянскіе мальчики, для обученія сельскому хозяйству. Смерть не позволила Павлову открыть предложенный при университетѣ агрономическій институтъ для 14 студентовъ математическаго факультета, предназначавшихся въ преподаватели агрономіи въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Павловъ былъ строгимъ и послѣдовательнымъ сторонникомъ рациональнаго хозяйства. „Признавъ рациональнаго хозяйства, говоритъ онъ въ своемъ курсѣ сельскаго хозяйства, — современность съ печатью мѣстности. Девизъ его — *вѣкъ живи, вѣкъ учишь*. Но вѣкъ учиться можетъ только тотъ, кто ученью своему положить начало. Это начало въ сельскомъ хозяйствѣ есть наука“. Къ сожалѣнію и теоретическія, и практическія указанія Павлова не принесли никакой пользы и сельскіе хозяева, отчасти по нерадѣнію, но больше всего по неблагоприятнымъ для рациональнаго хозяйства условіямъ производства и рынка, этимъ не воспользовались. По теоретической наукѣ капитальное сочиненіе Павлова есть его физика (1825) и кромѣ того онъ написалъ нѣсколько мелкихъ статей въ журналахъ. Павловъ начинаетъ собою тотъ блестящій рядъ даровитыхъ профессоровъ, который такъ высоко поднялъ значеніе Московскаго университета въ эпоху извѣстную подъ именемъ „Строгановской“. Взглядъ свой на знаніе и науку вообще, въ статьѣ „О способахъ изслѣдованія природы“, Павловъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „сѣмя растенія до оплодотворенія есть шарикъ, въ окружности плотный, а внутри жидкій; въ немъ послѣ оплодотворенія чрезъ нѣсколько времени появляется бѣлая точка, начало зародыша, ему въ актѣ оплодотворенія сообщается одна

только возможность опредѣленнаго образованія—*идея*. Въ сѣмени каждаго растенія содержится форма всѣхъ послѣдующихъ племенъ его рода, но не вещественно, а *идеально*, въ возможности (*in potentia*). Сія форма въ возможности, *идея* и есть та внутренняя модель, по которой матеріаль питанія растеній превращается въ растительное тѣло, какъ строительный матеріаль превращается въ зданіе по фигурѣ, родившейся въ головѣ архитектора (Мнем. IV, 16—17). Поэтому всѣ формы, которыя вещество принимаетъ, временны, случайны, мнимы, ибо онѣ служатъ только отпечаткомъ существованія идеальнаго. Внѣшняя сторона природы, т.-е. все видимо-существующее въ смыслѣ явленія, — есть область эмпири, доступна опыту, и въ изслѣдованіи составляетъ поприще разума и постигается путемъ логики или наведенія (*inductio*); внутренняя сторона природы, сама идея, отражающаяся въ явленіяхъ внѣшняго міра, — можетъ быть изучаема только самопознаніемъ. Многообразіе формъ вещественныхъ зависитъ не отъ самого вещества, — оно одно; вещество, какъ нѣчто непроницаемое въ пространствѣ, служитъ только основой явленія, такою, изъ которой образуются различныя формы, а то, что въ веществѣ проявляется, отъ чего зависитъ образованіе той или другой формы, есть нѣчто отъ вещества отличное, совершенно оному противоположное. Назовемъ сіе нѣчто веществу противоположное, въ немъ проявляющееся *идеальнымъ*, а законъ, по коему идеальное дѣйствуетъ, — *идею* вообще, въ тѣлахъ живыхъ — *идею жизни* (15). Формы, которыя вещество принимаетъ временны, ибо оно дѣйствію того или другаго идеальнаго, подвергается случайно; по сему, ежели опредѣленный видъ вещественнаго назвать его существованіемъ, то ясно, что сіе существованіе есть только случайное, мнимое, ибо оно служитъ только отпечаткомъ существованія идеальнаго. Но такъ какъ формы вещества, при всей ихъ случайности и недѣйствительности, находятся въ природѣ постоянно, то слѣдуетъ само собой, что дѣйствительно существуетъ только идеальное, а вещественное существуетъ случайно (17). Видимое для насъ въ каждомъ явленіи есть только случайное, мнимое существованіе (*phaenomenon*), а сущность оного (*nothemon*) скрывается въ идеальномъ (18). Видимая, случайная сторона природы есть область эмпири, слѣд. поприще разума; внутренняя есть область умозрѣнія, слѣд. поприще ума (29). Начало эмпири — явленіе, начало умозрѣнія — самопознаніе; ходъ эмпири —

наведение (inductio), ходъ умозрѣнія—выводъ (deductio, constructio) (30). Теорія есть представленіе внутренняго хода явленія; слѣд. не дѣло эмпириі; внутренняя сторона природы доступна для ума, а не для разума“ (33). Такимъ образомъ за точку отправленія своей философіи Павловъ принималъ систему Канта, но въ своихъ объясненіяхъ о явленіяхъ природы онъ придерживался воззрѣній Шеллинга и Овена. Тѣмъ не менѣ Павловъ былъ оригинальнымъ и самобытнымъ мыслителемъ, вполне осуществлявшимъ извѣстное изреченіе: *nolo jugare in verba magistri* (не признаю клятвы именемъ учителя). Если, не смотря на его блестящій талантъ и усидчивость, отъ него ничего не осталось въ наукѣ, то вина въ томъ самой системы, относившейся поверхностно къ опытамъ и наблюденіямъ и ставившей впереди всего строгую послѣдовательность мысли и смѣлость обобщеній. Этими качествами Павловъ обладалъ въ высшей степени, при замѣчательной ясности изложенія, и производилъ обаятельное впечатлѣніе на слушателей, которые толпою тѣснились въ его аудиторіи. Вліяніе Павлова на студентовъ было громадное и въ высшей степени полезное. Студитскій, въ своихъ воспоминаніяхъ о Павловѣ (Москвитянинъ, 1845 г., кн. 3, стр. 23), говоритъ относительно его лекцій по физикѣ: „слушателей заинтересовывала необыкновенная послѣдовательность мысли и чрезвычайная сжатость изложенія. Павловъ не любилъ распространяться, былъ скупъ на слова. Каждое выраженіе его за то отливало такъ хорошо, было такъ полно, такъ очевидно вязалось съ другими, что тогда уже мы, первокурсные студенты, удивлялись его логикѣ, и не могли надивиться. Этой логикѣ мысли соответствовалъ внѣшній даръ изложенія. Огонь въ глазахъ, движеніе въ каждой чертѣ лица, непрерывная смѣна неудовольствія и торжества, волненіе рѣчи, иногда спокойной и льющей, чаще обрывистой, восторженной, патетической,—все это показывало страстную любовь къ предмету, а можетъ быть и къ своимъ слушателямъ. Отъ первой лекціи до послѣдней—не было ни одной холодной, ни одной сухой или скучной. Одушевленіе не оставляло профессора ни на минуту. И это одушевленіе переходило всегда въ его слушателей. Мысли Павлова, мало принесшія намъ пользы въ самой наукѣ, послужили однакоже для насъ путеводною нитью въ другихъ, развили или по крайней мѣрѣ послужили къ развитію каковаго то особеннаго, критическаго взгляда на науку вообще, на ея начала и основанія, на ея развитіе

и выполненіе“. Точно то же повторяетъ другой ученикъ Павлова проф. Линовскій относительно чтеній его о сельскомъ хозяйствѣ. „Строгая логическая послѣдовательность мыслей, отчетливое изъ изложеніе, динамическій взглядъ на природу, философскій характеръ его ученія и наконецъ умѣнье возбудить въ слушателяхъ, какого бы званія и образованія они ни были, охоту и рвеніе къ мысленію, — вотъ его неотъемлемыя заслуги, вотъ чѣмъ снискалъ онъ справедливую признательность и уваженіе всѣхъ своихъ слушателей“. Герценъ (Былое и думы, ч. II) говоритъ о Павловѣ: „кафедра философіи была закрыта съ 1826 года, Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи, вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физикѣ мудро было научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студентовъ вопросомъ: „Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?“ это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія, одни семинаристы имѣютъ понятіе о философіи, за то совершенно превратное. Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ такою пластическою ясностью, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ - философъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности Шеллингова ученія“.

Павловъ издавалъ журналъ „Атеней“ впродолженіи 1828, 29, и 30 годовъ (по 24 книжки въ годъ, въ концѣ послѣдняго года журналъ выходилъ неаккуратно и закончился въ сентябрѣ, причѣмъ съ сентября, вмѣсто 8 книжекъ, выдано было всего 3). Въ журналѣ этомъ главными сотрудниками были профессора — Ив. Снегиревъ, Д. М. Перевощиковъ и братъ его В. Д., В. Оболенскій, Надеждинъ, Андросовъ; кромѣ того въ числѣ сотрудниковъ были А. Зиновьевъ и М. Топильскій (постоянные), Кубаревъ и Дубенскій. Поэтому журналъ имѣлъ по преимуществу литературно-научное направленіе. Программа его заключала главнымъ образомъ слѣдующія отдѣленія: 1) науки и словесность; 2) стихотворенія; 3) критику и библиографію и 4) смѣсь. Съ 1829 г. къ журналу присоединилось особое приложение при каждой книжкѣ, подъ заглавіемъ: Записки для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ. Изъ оригинальныхъ статей научнаго содержанія, кромѣ ста-

тей самого Павлова, перечисленныхъ въ примѣчаніи ⁽⁷¹⁾, болѣе другихъ замѣчательны: Снегирева „Иванъ Купало (1828 V, 12—29) и „О пословицахъ вообще“ въ особенности о русскихъ (1829, XI, 431—452); Дубенскаго—Объясненіе выраженія Нестора „парусы кропинные“ (VI, 142—146); Кубарева „О произношеніи или пѣніи древнихъ стихотвореній, извлеченіе съ примѣчаніями изъ книги Исаакія Васція—*de poematum cantu et viribus rythmi* 1673 (IX, 2—52) и, какъ дополненіе къ этой статьѣ, Дубенскаго „О всѣхъ употребляемыхъ въ Россійскомъ языкѣ стихотворныхъ размѣрахъ“ (XIII, 2—44, XIV и XV, 113—170 и XVI, 285—342); Дм. Перевощикова „О кометахъ“ 1832 г. (XIV и XV 273—282), „О физическихъ сочиненіяхъ Ломоносова“ (1829 II, 109—120; V, 474—488); В. Перевощикова Біографія ген. Кнорринга (1828, VI, 153—198); Надеждина—Различіе между классическою и романтическою поэзіею, отрывокъ изъ его диссертациі (1830, 1—33); Критическій взглядъ на книги, вышедшія въ свѣтъ за 1821—1825 годъ по части восточной литературы (1828, X, 184—208; XI, 295—302; XII, 399—404; XII I, 67—89). Въ переводномъ научномъ отдѣлѣ приведены извлеченія изъ лекцій Гизо, Кузена, Вильмена; изъ сочиненій Гердера (Объ организаціи народовъ, обитающихъ у Сѣвернаго полюса); Араго (Изчисленіе дѣйствующихъ вулкановъ во всѣхъ частяхъ свѣта); Лапуа (Объ успѣхахъ математики въ XVIII столѣтіи); введеніе къ исторіи завоеванія Англіи Норманнами Авг. Тьери; изъ Лапласа, *Systeme du monde*, историческія свѣдѣнія объ открытіи закона всеобщаго тяготѣнія; изъ Герена, *Ideen über die Politik etc. der Völker der alten Welt* (географическое обозрѣніе Скандинавскихъ племенъ); нѣсколько статей политико экономическаго содержанія изъ *Sea Edinburg Review* и т. д. Въ этомъ же отдѣлѣ есть переводъ съ французскаго „О землетрясеніяхъ“, подписанный Ал. Герценъ (1830, XI, 289—307). Статьи о воспитаніи заимствованы изъ книги Нимейера „*Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts*“. Halle, 1824; изъ соч. Бонстеттена „О необходимости системы воспитанія, приличной юношеству достаточнаго состоянія“, пер. съ англійскаго и системы воспитанія, основанной на положительныхъ наукахъ,—въ противоположность классицизму; изъ книги Г-жи Невкеръ де Соссюръ О постепенномъ воспитаніи (*de l'education progressive*); О вліяніи обстоятельствъ на воспитаніе изъ *the Works of Anna Laetitia Barbauld*. Литературный отдѣлъ „Атenea“ сначала находился въ ру-

кахъ театральнаго кружка Кокошвина, къ которому принадлежали кн. Шаховскій, Загоскинъ, Писаревъ и М. Дмитріевъ,—кружка, который упорно придерживался классицизма и, остановившись на Карамзинѣ, отвергалъ всю новѣйшую литературу, начиная съ Жуковского. Шаховскій и Дмитріевъ были сначала главными поставщиками стихотворныхъ произведеній въ Атеней. Дмитріевъ кромѣ того завѣдывалъ критическимъ отдѣломъ подъ псевдонимомъ В; Писарева помѣщено похвальное слово Капнисту; Загоскинъ напечаталъ два небольшіе очерка прозою: „Одно утро“ въ С. П. Б. публичной библиотекѣ (1828, I, 49—63) и „Философъ и басня“ (IX, 53—79) и отрывокъ изъ своего романа „Юрій Милославскій“ (1829, XXII, 392—416). Изъ болѣе извѣстныхъ поэтовъ въ Атеней участвовали: Шевыревъ, Вронченко, Раичъ, Тютчевъ, Ротчевъ. Стихи послѣдняго, посвященные, какъ у всѣхъ поэтовъ того времени, преимущественно любви и разгулу, отличаются легкостью и не лишены таланта. Ротчевъ иногда означалъ свои стихотворенія просто буквою Р. Въ послѣднемъ году всѣ стихотворенія принадлежать поэтамъ, имена которыхъ совсѣмъ забыты, хотя они задавались крупными вещами, въ родѣ Трилуннаго Ал. Шишкова 2, и проч.; въ томъ же году помѣщены два стихотворенія Н. Станкевича: „Избранный“, XIV, 118—130, и „Желаніе славы“, XV, 198, не упомянутыя въ біографіи Станкевича, составленной Анненковымъ. Въ „Атеней“ же началъ свое стихотворное поприще Кюхельбекеръ, подъ псевдонимомъ Вильгельма. Оригинальная литературная проза такъ ничтожна, что о ней и упоминать не стоитъ. Въ переводной прозѣ помѣщались больше всего повѣсти Вашингтона Ирвинга, а затѣмъ Тика, Крузе, Штендлера, Людемана, Кинда и др. Встрѣчаются также нѣсколько главъ изъ романа Фин. Купера „Поселенцы или источники Супваганны“, изъ Гердера (восточная повѣсть „Летучая коляска или сила безъ употребленія и во зло употребленная“) и Круммахера (притча „Тамарисъ“); также нѣсколько переводныхъ китайскихъ повѣстей. Что такое былъ критическій отдѣлъ „Атенея“ въ рукахъ Дмитріева—можно себѣ представить. Разбирая IV и V главы Евгенія Онѣгина, Дмитріевъ пришелъ къ такому выводу: „нѣтъ характеровъ, нѣтъ и дѣйствія. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляетъ нѣсколько оное. Оттого и эти двѣ главы (IV и V) сбиваются просто на описаніе то особы Онѣгина, то утомительныхъ подробностей деревенской его жизни,

то занятій Ленскаго, то авторъ опять принимается за характеръ Татьяны, хотя объ ней слишкомъ много уже было толковано и во второй главѣ, то возвращается къ природѣ, описываетъ осень, зиму“. Точно также сурово отозвался Дмитріевъ о „Графѣ Нулинѣ“ Пушкина и „Балѣ“ Баратынскаго. Кромѣ того Дмитріевъ помѣстилъ двѣ большія полемическія статьи „О противнивахъ и защитникахъ историографа Карамзина“ и отвѣтъ на сужденія Полеваго о русской литературѣ, изложенныя имъ въ разборѣ отзыва о русской литературѣ, помѣщеннаго въ этнографическомъ атласѣ Бальби (Моск. Тел. 1828). Начало этой статьи Дмитріева помѣщено было въ „Сынѣ Отечества“ (1828 №№ 2 и 6). Вообще въ началѣ Атеней былъ противъ романтизма и новѣйшей литературы: такъ онъ помѣстилъ довольно пошлую насмѣшку надъ романтизмомъ въ „Письмѣ къ издателю отъ незнакомаго“, за подписью „Новизнинъ“ (1828, I, 86—93) и напечаталъ похвальную статью пер. „Стихотворной науки“ Буало гр. Хвостовымъ. Это вызвало нерасположеніе къ Атеню со стороны публики, уже отвернувшейся отъ классицизма, и со стороны литературы: такъ Сомовъ, въ обзорѣ литературы, помѣщенномъ въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“, началъ съ этой точки зрѣнія на Атеней. Но впоследствии критическій отдѣлъ перешелъ въ руки сотрудниковъ изъ Петербурга и тонъ его совершенно переѣнился. При появленіи „Полтавы“ Пушкина, въ Атеней появился очень сочувственный разборъ (подп. N) и статья Максимовича „Поэма Пушкина Полтава въ историческомъ отношеніи“, гдѣ авторъ стоитъ за сохраненіе Пушкинымъ исторической правды. Критическій отдѣлъ Атеней сдѣлался совершенно удовлетворительнымъ. Въ особенности замѣчательны разборы помѣщенные харьковскимъ профессоромъ И. Срезневскимъ-отцемъ, подъ псевдонимомъ И. Ср... К... Срезневскій написалъ разборъ „Юрія Милославскаго“, которому онъ отдалъ должную справедливость; историческихъ сценъ, написанныхъ Vitet подъ названіемъ *La mort de Henri IV*, гдѣ рецензентъ возстаетъ противъ искаженія истины въ историческихъ романахъ à la Вальтеръ Скотъ; и нѣмецкаго перевода съ итальянскаго соч. Уго Фосколо „*Letzte Briefe des Jakopo Ortis*“, гдѣ разсматривается значеніе и требованія психологическаго романа и доказывается, что произведеніе итальянскаго автора не есть простое подражаніе Вертеру, а самобытное произведеніе. Разборы Срезневскаго можно съ пользою прочесть и

въ настоящее время. Атеней въ особенности полемизировалъ съ Московскимъ Телеграфомъ; въ этомъ участвовалъ самъ Павловъ, Дмитріевъ и др. Андросовъ помѣстилъ придирчивую критику рѣчи Полеваго „О невестественномъ капиталѣ“, прочитанной имъ на актѣ въ практической коммерческой академіи. Даже небольшія юмористическія статьи, попадавшіяся въ Атеней, направлены были очевидно противъ Полеваго, таковы: Рецензентъ (1830, X, 284—288), Нѣчто о литературныхъ расприхъ и приговорахъ. Впрочемъ доставалось и другимъ журналамъ; такъ помѣщена была статья: Замѣчаніе на журнальную критику „Сына Отечества“ и „Сѣвернаго Архива“, разговоръ (1829, IX, 285—297). Въ смѣси помѣщались преимущественно извѣстія объ явленіяхъ въ области литературы и изящныхъ искусствъ, а также разныя извѣстія и открытія, анекдоты и отчеты о театрѣ. Между прочимъ помѣщены извѣстія о Манкирской колоніи для бѣдныхъ дѣтей Фелленберга, о благотворительныхъ колоніяхъ Фридерикс-Оордской и Вартельской и о Нью-Ламарской бумагопрядильнѣ Оуэна въ Шотландіи. Павловъ имѣлъ у себя небольшой пансіонъ. Обычай содержать у себя пансіонеровъ былъ издавна довольно общій у профессоровъ университета, и эти учрежденія составляли разсадникъ для серьезнаго образованія даровитой молодежи. Такъ изъ пансіона проф. Шадена вышелъ Карамзинъ и всегда сохранялъ о немъ благодарное воспоминаніе. Профессоръ Чеботаревъ-отецъ имѣлъ пансіонъ, гдѣ онъ обучалъ вмѣстѣ съ жившими у него магистрами Панкевичемъ и Сохацкимъ, перешедшими отъ него въ профессора университета; отсюда вышли впоследствии бывшіе сенаторами Барнѣевъ и Лубяновскій. Пансіонеромъ у Павлова, въ числѣ другихъ, былъ М. Н. Катковъ.

Въ исторіи русскаго театра царствованіе Императора Александра I представляетъ самую блестящую эпоху, въ особенности для Петербурга. Причиною тому было, что въ самомъ ближайшемъ управленіи театра нашлись люди не только знакомые съ дѣломъ, но и искренне ему преданные. Таковы были кн. Шаховскій и Кокшкннъ. Кн. Ал. Ал. Шаховскій (1777 — 1846) изъ Смоленской губ., воспитанникъ Московскаго университетскаго пансіона, служилъ сначала въ Преображенскомъ полку и, вслѣдствіе своей пріязни съ директоромъ театровъ А. Л. Нарышкинымъ, въ 1802 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника назначенъ репертуарнымъ членомъ

при театральномъ управленіи. Должность эту сохранялъ Шаховскій до 1818 г., до размолвки съ директоромъ театра кн. Тюфякинымъ, за исключеніемъ небольшого перерыва въ 1812 г., когда Шаховскій поступилъ въ Московское ополченіе. Оставаясь частнымъ человѣкомъ, Шаховскій сохранялъ свое вліяніе на театръ, въ качествѣ главнаго поставщика театральныхъ піесъ и руководителя артистовъ до 1821 года, когда кн. Тюфякинъ былъ удаленъ отъ управленія театромъ, и вмѣсто него учрежденъ былъ для управленія театрами особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора гр. Милорадовича, и членомъ сдѣланъ былъ въ числѣ другихъ д. ст. сов. кн. Шаховскій. Въ 1826 г., послѣ смерти Милорадовича и назначенія на его мѣсто предсѣдателемъ комитета кн. В. В. Долгорукова, Шаховскій былъ окончательно уволенъ отъ театрального вѣдомства и переселился въ Москву.

Ни до Шаховскаго, ни послѣ него не было у насъ лучшаго знатока сценическаго искусства. Никто лучше Шаховскаго не умѣлъ поставить піесу, распредѣлить роли, придать надлежащую интонацію, указать недостатки въ выполненіи или въ пониманіи характера дѣйствующаго лица. Это достоинство признавалъ за Шаховскимъ даже самъ Ковошкинъ. Шаховскій въ свое время признавался первымъ драматическимъ писателемъ. Плодовитость его была изумительна: онъ написалъ и поставилъ болѣе ста піесъ; одно это обстоятельство, вызванное господствовавшимъ тогда обычаемъ непремѣнно ставить новую піесу для каждаго бенефиса, указываетъ на поспѣшность въ ущербъ внутреннему достоинству. Первая комедія Шаховскаго „Коварный“, разыгранная 16 декабря 1804 г., провалилась. Изъ театральныхъ піесъ Шаховскаго имѣли въ свое время успѣхъ на сценѣ: „Полубарскія затѣи или домашній театръ“, ком.; „Ссора или два сосѣда“, ком.; „Козакъ стихотворецъ“, оп.; „Крестьяне или встрѣча незваныхъ“, патріотическая опера (1814) „Ломоносовъ“; „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды“, (1815); „Своя семья или замужняя невѣста“, ком. (1818); „Не любо не слушай, а лгать не мѣшай“, ком. въ стихахъ; „Два учителя или *asinus asinum fricat*“; „Пустодомы“, одна изъ лучшихъ комедій Шаховскаго; „Какаду или слѣдствіе урова кокеткамъ“, ком.; „Иваной или возвращеніе Ричарда Львинаго сердца“ опера, съ прологомъ Катенина (Пиръ у Іоанна Безземельнаго) (1821);

„Женщина-лунатикъ“, оп. вод. (1821); „Буря“, передѣлана изъ Шекспира (1812); „Фениксъ или утро журналиста“, (1821); „Король и пастухъ“, вод. передѣланный съ франц.; „Пѣсня или вонторское приключеніе“, (1823); „Финнъ“, трилогія изъ Руслана и Людмилы; „Эзопъ у Ксанфа“, ком. вод. (1824); трилогія „Керимъ Гирей, Крымскій ханъ“, изъ Пушкина (1825); „Фальстафъ“, комедія (1825); Аристофанъ или представленіе комедіи. Значеніе Шаховскаго какъ драматическаго писателя совершенно вѣрно опредѣлилъ еще Полевой. „Оригинальныхъ произведеній и порядочныхъ переводовъ такъ мало является въ русской драматической литературѣ, что кн. Шаховскій долженъ почестся однимъ изъ главнѣйшихъ драматическихъ писателей русскихъ, по пословицѣ „въ землѣ слѣпыхъ и кривой король“. Онъ сочинилъ, перевелъ и передѣлалъ нѣсколько десятковъ (говорятъ 130) трагедій, комедій, драмъ, оперъ и водевилей; двѣ трети ихъ умерли при самомъ появленіи, остальные поддерживаются или декораціями, или бѣдностью репертуара, и ни одно твореніе кн. Шаховскаго не показываетъ таланта сильнаго, самобытнаго и разнообразнаго. Недостатокъ вкуса доказывается выборомъ предметовъ въ сочиненіяхъ и переводахъ кн. Шаховскаго. Стихи его многорѣчивы, тяжелы, не гладки. Лучшими изъ его сочиненій должно почестъ нѣкоторые мелкія пѣсн., какъ-то: Казаду, Любовная почта, Ссора или два сосѣда и т. п. Большія сочиненія его всѣ неудачны, а переводы плохи (Телеграфъ 1828 г., ч. 22, стр. 206). Дѣйствительно въ пѣсахъ Шаховскаго нѣтъ ни естественности въ дѣйствіи, ни цѣльныхъ типичныхъ характеровъ; но онѣ удерживались на сценѣ чисто внѣшними достоинствами и обстоятельствами. Прежде всего Шаховскаго выручалъ необыкновенно счастливый составъ тогдашней труппы, силы которой прекрасно зналъ Шаховскій, и всегда создаваемые имъ роли принаравливалъ къ средствамъ артистовъ, давая имъ возможность выставить передъ публикой всѣ блестящія стороны своего таланта. Затѣмъ успѣху пѣснь Шаховскаго способствовали разнообразіе сюжетовъ, живость дѣйствія, обусловленная глубокимъ знаніемъ сцены, непритворная веселость и остроуміе, какъ отличительныя черты характера самого Шаховскаго, искусство выставить публикѣ съ комической стороны портреты извѣстныхъ современниковъ. Что касается до направленія авторской дѣятельности Шаховскаго, то на немъ одномъ отразились всѣ фазисы, которые

переживала драматическая литература въ его время. Сначала онъ былъ строгимъ классикомъ, переводчикомъ и подражателемъ французскихъ писателей; затѣмъ, незадолго до 1820 года онъ перешелъ на сторону романтической драмы, сюжеты для которой заимствовалъ изъ Шекспира, В. Скотта, Оссіана и Пушкина. Съ начала двадцатыхъ годовъ, онъ, какъ видно изъ письма его къ вн. Одоевскому (Р. Арх. 1864), „хотѣлъ своими опытами открыть дорогу людямъ, имѣющимъ больше его дарованія, для обогащенія нашей драматической литературы и даже къ созданію *своего собственнаго театра* на обширномъ и прочномъ фундаментѣ“.

Несравненно важнѣе заслуга Шаховскаго по образованію артистовъ и постановкѣ у насъ сценическаго искусства. Шаховскій стоялъ во главѣ цѣлаго кружка, исключительно преданнаго театральному дѣлу и имѣвшаго сильное вліяніе и на драматическую литературу, которая главнымъ образомъ сосредоточивалась въ ихъ лицѣ, и на воспитаніе крупныхъ талантовъ, украсившихъ тогдашнюю сцену. У князя Шаховскаго съѣзжались постоянно по вечерамъ драматическіе писатели: Грибоѣдовъ, другъ Грибоѣдова Бѣгичевъ, Жандръ, Хмѣльницкій, Лобановъ, Кокоскинъ, Я. Н. Толстой, Катенинъ, А. С. Пушкинъ, Барковъ, Ал. Бестужевъ, Всеволожскій, Хмѣльницкій, Нив. Всеволожскій, П. Б. Мансуровъ, Ф. Ф. Юрьевъ, Алабьевъ, Верстовскій, много простыхъ любителей въ родѣ, напримѣръ, откупщика Чебышева, платившаго по 500 р. за бенефисные билеты. Нѣсколько первоклассныхъ артистовъ составляли ихъ общество (Араповъ, Хр. Р. Т. 277). Кружокъ этотъ, не смотря на преклоненіе его предъ французскимъ классицизмомъ и вражду къ новому направленію въ литературѣ, имѣлъ вліяніе на Грибоѣдова, имъ самимъ признанное. Въ письмѣ своемъ къ Катенину Грибоѣдовъ говоритъ: „вообще я ни предъ кѣмъ не таился и теперь повторяю, свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринимъ, etc., etc., что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью моего дарованія, если оно есть во мнѣ“. Здѣсь читались авторами театральныя пьесы и подвергались критикѣ, здѣсь же обсуживалась игра актеровъ и происходили толки о постановкѣ пьесы. Члены кружка занимались воспитаніемъ артистовъ: Гнѣдичъ руководилъ Семенову, Катенинъ обучалъ Колосову и Каратыгина. Въ средѣ самой публики выдѣлился кружокъ любителей сценическаго искусства. Присяжные посѣтители русскаго театра, которые

ежедневно являлись въ шести часамъ въ малый или большой театръ, что бы на нихъ не представляли, составили въ ту пору свое общество въ большомъ театрѣ, называя себя въ шутку *львыми флангомъ*. Общество состояло изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, военныхъ и статскихъ, которые имѣли свои абонированные кресла въ первыхъ рядахъ на лѣвой сторонѣ театра. Эти театралы обыкновенно отъ души аплодировали актрисамъ и танцовщицамъ, ибо тогда не существовало ни цвѣтотбѣсія, ни прерыванія сценъ безпрестанными вызовами, но ухаживанье за воспитанницами и за танцовщицами было въ большой модѣ. Даже было въ обычаѣ отряжать наемныхъ хлопальщиковъ въ галлерей, которые должны были дѣйствовать по условленному знаку (Арап. Хр. Р. Т. 290 и 291). Но главную заботу и по обязанности, и по призванію несъ самъ Шаховскій. Еще живы люди, помнящіе его заслуги въ преподаваніи правилъ декламации и въ постановкѣ театральныхъ піесъ; свидѣтели-очевидцы—Араповъ, въ хроникѣ русскаго театра, и С. Т. Аксаковъ, въ своихъ „воспоминаніяхъ“, рассказываютъ, какъ Шаховскій, акуратно посѣщавшій каждую репетицію въ театрѣ, усердно слѣдилъ за игрой актеровъ, выходилъ изъ себя до комизма и приходилъ въ неподдѣльный восторгъ при успѣхѣ. Петербургское театральное училище Шаховской поставилъ на хорошую ногу и составилъ его уставъ, утвержденный 10 мая 1829 г. (2 П. С. 3. 1861). Съ 1805 г. давались на Маломъ театрѣ отдѣльно спектакли воспитанниками театральнаго училища; труппа эта извѣстна была подъ именемъ малой. Потомъ, послѣ пожара Большаго театра въ 1810 г., эта труппа воспитанниковъ перешла въ новый театръ, устроенный въ домѣ Молчанова, на Дворцовой площади, и спектакли давались разъ въ недѣлю, а иногда и чаще. Такимъ образомъ молодые таланты получали возможность приготовляться къ сценѣ не однимъ школьными упражненіями, но настоящей игрой, на глазахъ у публики, что чрезвычайно важно для артистическаго развитія. Правда дѣятельность Шаховскаго въ этомъ случаѣ не была безуворизненная: подъ вліяніемъ самолюбія онъ преслѣдовалъ лучшихъ артистовъ за то, что они слушались постороннихъ внушеній, — Семенову, Колосову и Каратыгину; Шаховской усиленно покровительствовалъ своимъ любимцамъ, въ родѣ Брянскаго и Валберховой, въ ущербъ другимъ талантамъ; вечера его, съ тѣхъ поръ какъ ихъ стали постоянно посѣщать Милорадовичъ и богатый театралъ Сто-

лыпинъ, наполнялись преимущественно танцовщицами и красивыми воспитанницами и приняли эротическій характеръ. Но тѣмъ не менѣе Шаховскій оставилъ труппу петербургскаго театра въ такомъ блестящемъ видѣ, какаго она не достигала ни до него, ни впослѣдствіи. Шаховскій угадалъ и образовалъ таланты младшей Семеновой, Валберховой, выдвинулъ Брянскаго, Сосницкаго и Рамазанова, далъ совершенно другое направленіе талантамъ Боброва и Рѣзанова и изъ плохихъ драматическихъ актеровъ сдѣлалъ превосходныхъ комическихъ; далъ случай Рождественскому, который считался актеромъ третъестепеннымъ, развить прекрасное дарованіе въ роляхъ пурсоньяковъ и поставилъ его на глазахъ знатиковъ дѣла едва ли не на первый планъ; дарованіе Самойловыхъ, мужа и жены, и Бабиной, въ сожалѣнію такъ рано оставившей сцену, много обязаны были его настойчивымъ наставленіямъ (Воспом. стараго театралы, С. Ж—ва, Отеч. Зап. 1854, № 10, стр. 130). Одною изъ лучшихъ ученицъ Шаховскаго была Воробьева, вышедшая потомъ замужъ за Креницкаго. Кромѣ того Шаховскій руководилъ первые шаги Колосовой, которая должна была уступить въ трагическихъ роляхъ своей великой соперницѣ и заняла впослѣдствіи такое же выдающееся положеніе въ такъ-называемой высокой комедіи, и обогатилъ сцену Дюровой (деб. въ 1821 г.), которая считалась перломъ труппы и въ числѣ поклонниковъ которой былъ самъ Шаховскій. Араповъ сообщаетъ о ней такой восторженный отзывъ: „Если можно себѣ представить идеалъ прелести и граціи на сценѣ, то это была Дюрова; вблизи она не могла далеко слыть за красавицу, но столько было жизни и привлекательности въ ея фізіономіи, столько наивной прелести въ ея глазахъ и улыбкѣ, что она превосходила всѣхъ красавицъ; голосъ у Дюровой былъ мягкой и симпатичный, дикція безукоризненна и притомъ она необыкновенно была разнообразна въ своихъ роляхъ. Дюрова была столько же хороша въ роли простодушной дѣвушки, какъ и великосвѣтской бойкой дѣвицы, кокетки и дамы высшаго общества; ея игра всегда была естественна и вмѣстѣ съ тѣмъ эффектна; она мастерски читала стихи и съ перваго выхода на сцену сдѣлалась любимицею публики (Хр. Р. Т., 303 и 304). Дюрова была замужемъ за П. А. Каратыгинымъ и скончалась въ 1828 году, на 24 году, отъ чахотки. Замѣчательно, что въ одно время съ Шаховскимъ былъ капелмейстеръ Кавось и балетмейстеръ Дидло. Кавось познакомилъ петербургскую публику съ луч-

шими произведеніями европейскихъ композиторовъ и первый под-
нял на ноги русскую оперу; легкую музыку для бывшихъ тог-
да въ модѣ оперъ - водевилей писали Верстовскій и Алябьевъ.
Дидло образовалъ Истомину, Лихутину (1820), Таланову и Зубову—
любимицъ Милорадовича (1823), танцоровъ Дидье (1821) и Голь-
ца (1822). Дидло былъ очень любимъ балетною труппою и былъ
въ своемъ родѣ то же самое, что Шаховскій въ преподаваніи дра-
матическаго искусства, что Кавосъ въ обученіи пѣнію. Это былъ
такой триумвиратъ, при которомъ искусства росли не по днямъ,
а по часамъ (Араповъ).

Репертуаръ петербургскаго театра съ 1812—1825 годъ пред-
ставляетъ борьбу между старо-классическимъ и новѣйшимъ направ-
леніемъ. Вслѣдъ за 1812 г. естественно произошелъ наплывъ па-
триотическихъ пѣсъ: Всеобщее ополченіе, др. Висковатова, Осво-
божденіе Смоленска, др. соч. Свѣчинскаго и т. д. Патриотическое
чувство выливалось не только въ драмахъ, но проникло въ коме-
дію, оперетку (Казаки на Рейнѣ), гдѣ распѣвались куплеты въ
честь Государя и отличившихся генераловъ, и даже въ балетъ, гдѣ
въ этомъ смыслѣ отличался помощникъ Дидло, Огюсть. Одно изъ
самыхъ блестящихъ представленій подобнаго рода дано было въ
Павловскѣ на площади, передъ баломъ у Императрицы Маріи Фе-
доровны, подъ названіемъ „Возвращеніе героевъ“. Но на первомъ
мѣстѣ все-таки стояла классическая трагедія. Этому способство-
валъ самый составъ труппы. Въ ней отъ прежняго времени со-
хранился Яковлевъ, самый талантливый представитель у насъ этой
отрасли сценическаго искусства; 3 февраля 1802 г. дебютировала
ученица Дмитревскаго и Гнѣдича Семенова, въ роли Нанины въ
комедіи Вольтера, по преданію и по отзывамъ современниковъ,
самый крупный талантъ изъ всѣхъ появившихся у насъ на сценѣ;
3 мая 1820 г. дебютировалъ Каратыгинъ въ роли Фингала. Вкусъ
въ публикѣ къ трагедіи поддерживала знаменитая французская
актриса г-жа Жоржъ, дебютировавшая въ Петербургѣ 15 іюля
1808 г. въ роли Федры и восхитившая публику въ Петербургѣ и
Москвѣ. Восторженные отзывы объ ея игрѣ наполняли всѣ тог-
дашніе журналы. Появились новые переводы трагедій Расина,
Вольтера, Кребильона и сравнительно лучшими переводчиками бы-
ли Катенинъ (Эсфирь 1818, Андромаха, Сидъ, Корнеля 1822, Го-
раціи Корнеля, вмѣстѣ съ Чапаговымъ, Жандромъ и Шаховскимъ

1817 г.); и Гнѣдичъ (Танкредъ Вольтера); несравненно хуже были переводы: Лобанова (Ифигенія въ Авлидѣ и Федра 1823); Гр. Хвостова (Андромаха), гр. Потемкина и Шапошникова (Британикъ Расина); Добровольскаго и Розаліонъ Сошальскаго (Семирамида Вольтера). Давались и русскія подражанія французамъ—Озерова и Грузинцева (Эдипъ царь), вмѣстѣ съ патриотической трагедіей Крюковскаго (Пожарскій). Новѣйшія произведенія классической трагической литературы были изъ русъ вонъ плохи. Таковы были трагедіи Грузинцева (Покоренная Казань или милосердіе Іоанна Васильевича 1813, Ираклиды 1814); Капниста (Антигона, траг. въ стихахъ 1814); Корсакова (Маккавей, траг. въ стихахъ 1813, Амбоаръ и Оренцебъ 1814, Спартавъ герой Германіи, подражаніе французскому Висковатова и Корсакова 1814); Висковатова (Владиміръ Мономахъ 1817, Инеса де Кастро, передѣланная съ французскаго 1824) и наконецъ *россійское* сочиненіе—Женевьева Брабантская или жертва клеветы и ревности, траг. Поморскаго (1825). Шекспиръ извѣстенъ былъ у насъ только въ передѣлкахъ Дюсиса: Гамлетъ переведенъ былъ Висковатымъ, Отелло—Вельяминовымъ и Король Лиръ—Гнѣдичемъ. Изъ Шиллера давались „Разбойники“ въ переводѣ Сандунова, Орлеанская дѣва, Марія Стюартъ и Семела, въ переводѣ Жандра. Изрѣдка появлялся старый знакомый Коцебу, но не производилъ прежняго эффекта: изъ драмъ его продолжали нравиться публикѣ „Сынъ любви“ и „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“. Съ 1820 года появляется на сценѣ русскаго театра мелодрамма, въ тридцатыхъ годахъ вытѣснившая совершенно классическую трагедію: одна изъ первыхъ „Убійца и сирота“, пер. съ нѣмецкаго Зотова, шла въ 1819 г. въ бенефисъ режиссера Каратыгина, а вслѣдъ за ними въ 1825 году „Тереза, женевская сирота“ пер. Волкова и „Обрѣева собака“ пер. Шеллера. Первую драму Скриба „Валерія или слѣпая“ перевелъ для Колосовой В. А. Жуковскій въ 1823 году. Это направленіе заставило сказать Шаховскаго не безъ основанія: „Театральная проза, которая вползла на нашу сцену подъ смиреннымъ именемъ драмы, не возвышаетъ душъ подобно трагедіи, и не умѣетъ, какъ комедія, просвѣщая умъ, отвратить сердце отъ порока; все достоинство ея состоитъ въ раздраженіи чувствительности; оно заставляетъ плакать и часто стыдиться слезъ пролитыхъ безъ малѣйшей пользы“ (Сынъ Отеч., XIII, 23). Для комедіи петербургская труппа имѣла первоклассныхъ

артистовъ: Боброва (дебютировавшаго въ 1799 г.) и Колосову; они создали типы въ комедіяхъ Мольера и въ лучшихъ комедіяхъ Шаховскаго и Загоскина. Мольеру у насъ вообще посчастливилось: мы уже видѣли, что онъ у насъ появился еще до Петра Великаго, съ тѣхъ поръ постоянно держался на сценѣ и всегда находилъ талантливаго исполнителя. Въ это время давались Скапеновы обманы; Мнимый больной; Мизантропъ, въ переводѣ Кокочкина; Лѣбарь на зло всѣмъ или тысяча первый обманутый опекунъ, пер. Корсакова; Ученныя женщины, пер. Волкова; Школа мужей, пер. С. Т. Аксакова; Скупой; Школа женщинъ, пер. Хмѣльницкаго. Изъ классическихъ комедій держались Школа злословія, Шеридана и Женитьба Фигаро, Бомарше, въ новомъ переводѣ Левшина; Катенинъ перевелъ двѣ комедіи Мариво: Обманъ въ пользу любви (les fausses confidences) и Игру любви и случая (les jeux de l'amour et du hasard) комедію Нечаянный закладъ или безъ ключа дверь не отпереть (la gageuse imprévue), съ итальянскаго оперу „Гризельда“, музыка Ферн. Пера, кромѣ того, написалъ въ подражаніе Грессе (le mechant) комедію Сплетни, имѣвшую успѣхъ на сценѣ. Вообще въ переводахъ и въ это время появлялись Реньяръ, Мерсье, Мариво, Гольбахъ, вмѣстѣ съ переводами и передѣлками появлявшихся на французской и нѣмецкой сценѣ новинокъ. Въ этомъ смыслѣ родоначальникомъ подобныхъ передѣлокъ является Хмѣльницкій, переносившій на нашу сцену французскую, какъ тогда называли, комедію-водевиль и оперу-водевиль — болѣе или менѣе занимательный фарсъ съ куплетами. Хмѣльницкому за это время принадлежатъ слѣдующіе переводы и передѣлки: „Говорунъ“ (1817), „Шалости влюбленныхъ“, „Воздушные замки“, „Бабушкины попугаи“, оп.-вод., „Семь пятницъ на недѣлѣ или нерѣшительный“, „Актеры между собою или первый дебютъ Троепольскимъ“, оригинальный вод., сочиненный вмѣстѣ съ Всеволожскимъ; „Суженаго конемъ не объѣдешь“, оп.-вод. (1821), „Новая шалость или театральное сраженіе“, „Карантинъ“. Изъ послѣдователей Шаховскаго, старавшихся создать комедію изъ русской бытовой жизни, явился одинъ Загоскинъ. Загоскинъ, въ концѣ 1817 года, поступилъ на мѣсто Корсакова помощникомъ члена репертуарной части и вмѣстѣ съ нимъ издавалъ журналъ „Сѣверный Наблюдатель“ (въ 1818 г.). Въ 1818 г. Загоскинъ перешелъ служить почетнымъ бібліотекаремъ въ императорскую публичную бібліотеку и въ 1821 г. назначенъ

членомъ по хозяйственной части при управленіи Московскимъ театромъ. Съ 1815 — 1819 г. Загоскинъ написалъ въ Петербургѣ слѣдующія комедіи: „Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ“, „Провазникъ“ (не имѣвшій успѣха), „Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ“, „Вечеринка ученыхъ“, „Романъ на большой дорогѣ“. Изъ Москвы онъ поставилъ въ Петербургѣ „Добрый малый“, въ 1820, „Богатоновъ въ деревнѣ или сюрпризъ самому себѣ“ (1822), „Урокъ холостымъ или наслѣдники“ (1823). Комедіи Загоскина представляютъ болѣе внутреннихъ достоинствъ, нежели комедіи Шаховскаго; у Загоскина былъ безспорно талантъ наблюдательности и въ его комедіяхъ данный случай поставленъ всегда естественно, характерныя черты дѣйствующихъ лицъ иногда подмѣчены очень удачно. Но комизмъ Загоскина останавливался на чисто внѣшнихъ проявленіяхъ бытовой жизни, не вдаваясь въ анализъ и не уясняя себѣ внутренней смыслъ явленій; оттого типы его поверхностны и потеряли смыслъ, какъ скоро сошли со сцены его живые образцы. Грибоѣдовъ выступилъ на драматическое поприще, поставивши 29 сентября 1815 г. переведенную съ французскаго комедію въ стихахъ „Молодые супруги“ (*Le secret du ménage*). Стихи были очень плохи и Загоскинъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ (1817 г. № 15) помѣстилъ рѣзкій разборъ перевода, выписавши самыя слабыя мѣста, на что Грибоѣдовъ отвѣтилъ ходившей въ рукописи сатирою на Загоскина „Лубочный театръ“ (Напечатаны у Арапова, Хр. Р. Т. 260—261). Затѣмъ Загоскинъ, вмѣстѣ съ Жандромъ, передѣлалъ съ французскаго комедію Барта „Притворная невѣрность“ (*les fausses infidélités*, 1818), а съ кн. Вяземскимъ поставилъ оперу-водевиль „Кто братъ, кто сестра или обманъ за обманомъ“, съ музыкою Верстовскаго (1824).

Для оперы въ то время существовалъ замѣчательный персоналъ: мужъ и жена Самойловы, Зловъ, Климовскій (изъ придворныхъ пѣвчихъ), Ефремовъ и Сандунова. Теноръ В. М. Самойловъ купеческаго званія, изъ Москвы, гдѣ пѣлъ сначала въ хорѣ купца Колокольникова, съ прекраснымъ голосомъ соединялъ превосходную игру и много огня и страсти въ выполненіи; по отзывамъ современниковъ, это былъ первоклассный талантъ, приводившій въ восторгъ слушателей. Оперы тогда были разговорныя, безъ речитативовъ, и потому игра имѣла большое значеніе и даже иногда пополняла недостатки голоса. Зловъ дебютировалъ въ Москвѣ въ

качествѣ талантливаго драматическаго артиста, а въ Петербургѣ перешель въ оперу только потому, что имѣлъ хорошій голосъ. Толченовъ, трагическій злодѣй, безъ голоса, никогда не учившійся пѣть, выступилъ въ роли Каспара въ Волшебномъ стрѣлкѣ. Въ январѣ 1808 г. въ русскую оперу поступила первоклассная пѣвица сопрано Менвиель-Фодоръ. Она была дочь актера Фодорова и вышла замужъ за французскаго актера Монвиеля. Монвиель, оставивши Петербургскую сцену, уѣхалъ въ Италию, гдѣ жена его пѣла и была увѣнчана въ Римѣ, гдѣ въ честь ея была выбита медаль. Фодоръ оставила русскую оперу въ концѣ 1812 года, оттого что кн. Тюфякинъ не прибавилъ ей 1000 руб. въ получаемому ей жалованью въ 2000 р. съ бенефисомъ на своихъ расходахъ. Оперы, больше всего понравившіяся въ то время, были: „Волшебная флейта“ Моцарта, „Волшебный стрѣлокъ“ Вебера, „Сорока воронка и Севильскій цирюльникъ“ Россини, „Весталка“ Спонтини, „Водовозъ“ Керубини, „Иосифъ прекрасный и Красная шапочка“ Мегюля, „Жанъ Парижскій“ Боальде, „Жаконда“ Ниволо Изуара, „Ив. Сусанинъ“ Кавоса, либретто кн. Шаховскаго), „Ромео и Юлія и Сандрильона“ Штейбелта, который поступилъ въ театръ въ 1810 г. и первый получилъ званіе придворнаго капельмейстера.

Вообще публика того времени любила больше всего блестящій спектакль, въ которому приучилъ ее кн. Шаховскій. Комедія „Чудныя встрѣчи или суматоха въ маскарадѣ“ Бор. Фодорова (28 октября 1818 г.) держалась только потому, что въ ней участвовали всѣ труппы, въ самыхъ разнородныхъ костюмахъ, и продѣлывали всевозможные фарсы. Опера-водевиль, переведенная съ французскаго Хмѣльницкимъ, „Новая шалость или театральное сраженіе“, вызвала необыкновенный фуроръ въ 1822 году только потому, что въ ней появились семь хорошенькихъ воспитанницъ, одѣтыхъ мальчиками. „Сынъ Отечества“ о вкусѣ, господствующемъ въ публикѣ, говорилъ въ 1815 году: „Извѣстно, что нравится нашимъ зрителямъ: легвія двусмысленности и эпиграммы на женщинъ возбуждаютъ всегда громкій смѣхъ и общія рукоплесканія. Вторую степень составляютъ выходы на французскихъ мамзелей и модное воспитаніе, на мотовство и свѣтскую жизнь. Наконецъ, слова Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ, которыя естати и не естати прилаживаются ко всякому фарсу, но уже нынѣ отъ без-

прерывнаго употребленія на сценѣ, понизились въ курсѣ (стр. 215 и 216). Успѣхъ въ театральномъ родѣ сдѣлался нынѣ не слишкомъ труднымъ: наборъ смѣшныхъ именъ, нѣсколько удачныхъ стиховъ, нѣкоторыя забавныя, хотя и не весьма натуральныя карикатуры, повтореніе обыкновенныхъ разсказовъ, наскучившихъ въ другихъ комедіяхъ, но одѣтыхъ въ новыя выраженія — могутъ, при удачной игрѣ актеровъ, поддержать какую угодно пьесу“ („С. О.“ 1816, № V, стр. 213).

Въ Москвѣ театральное дѣло было въ рукахъ Ковошвина. Ф. Ф. Ковошкинъ былъ москвичъ и служилъ сначала московскимъ губерньскимъ прокуроромъ. Въ 1818 г. директоръ театра кн. Тюфякинъ, уволивши кн. Шаховскаго вызвалъ на его мѣсто Ковошвина въ управленіе театромъ членомъ его по репертуарной части, до 1821 года, когда кн. Шаховскій, послѣ удаленія Тюфякина, вновь получилъ тоже мѣсто во вновь образованномъ комитетѣ по управленію театрами. Въ 1823 г. изъ театральной конторы, находившейся подъ непосредственнымъ управленіемъ московскаго генераль-губернатора, образовалась отдѣльная дирекція. Директоромъ опредѣленъ былъ Ковошкинъ, а членами: по хозяйственной части Загоскинъ, а по репертуарной—Арсеньевъ, предоставившій свою часть въ полное завѣдываніе Ковошкина. Ковошкинъ не обладалъ авторскимъ талантомъ, даже наравнѣ съ Шаховскимъ; онъ былъ незавиднымъ переводчикомъ французскихъ пьесъ, былъ строгій классикъ и даже о Шекспирѣ отзывался не иначе, какъ презрительно. Но у Ковошкина были другія заслуги, одинакія съ Шаховскимъ. Ковошкинъ соединялъ въ себѣ знаніе драматическаго искусства со сценическимъ талантомъ: онъ былъ извѣстный декламаторъ и отличный по тогдашнему времени актеръ. Впрочемъ, объ его декламаторскомъ талантѣ такъ отзывался С. Т. Аксаковъ: „полнозвучный, сильный, пріятный и выработанный голосъ его обнималъ всю залу и не было слушателя, который бы не слышалъ явственно каждаго слова, потому что произношеніе его было необыкновенно чисто“. Но Аксаковъ признается, что его чтеніе было чисто декламаторское и что въ немъ истиннаго, сердечнаго чувства и теплоты не было, несмотря на наружный жаръ и даже подчасъ вызванныя слезы. Что касается до его сценическаго таланта, то московскіе старожилы помнятъ его классическую игру на благородныхъ спектакляхъ, гдѣ по временамъ принимала участіе и кн. Гагарина,

урожденная Семенова. Крімъ того, Ковошкинъ, по московскому обычаю, былъ извѣстный хлѣбосоль и гостепримный хозяинъ; у него нерѣдко собирались всѣ московскіе литераторы и даже петербургскіе, когда прїѣзжали въ Москву (Разн. соч., стр. 58). Въ числѣ обычныхъ посѣтителей этого кружка С. Т. Аксаковъ называетъ Каченовскаго, Мерзлякова, друга его Ѳ. Ѳ. Иванова, впоследствии Загоскина, Писарева и вн. Шаховскаго, послѣ переѣзда его изъ Петербурга. Кружокъ этотъ,—гдѣ въ первое время господствующую роль играли Мерзляковъ и Каченовскій, впоследствии устранившіеся,—воспитанный произведеніями французскаго лжеклассицизма, былъ самымъ строго консервативнымъ въ литературномъ смыслѣ, чуждался всякаго прогрессивнаго движенія и недружелюбно относился и къ позднѣйшей литературѣ, и къ умственному движенію, проявившемуся у насъ въ двадцатыхъ годахъ. Подъ конецъ этотъ кружокъ обратился въ исключительно театральннй. Время завѣдыванія московскимъ театромъ Ковошкина (1822—1830) сами артисты признаютъ незабвенной и самую блестящею эпохой (см. воспоминанія Н. И. Куликова въ журналѣ „Искусство“). Театральная школа, съ назначеніемъ Ковошкина, приняла совсѣмъ другой видъ. Учителемъ въ школѣ исторіи, географіи и словесности поступилъ не изъ-за жалованья, а изъ любви къ театальному искусству членъ Ковошкинскаго кружка—извѣстный тогда въ Москвѣ юристъ-страпчій, а впоследствии директоръ департамента министерства юстиціи М. М. Карніолинъ-Пинскій, авторъ комедіи „Эгоизмъ и Филантропія“. Пинскій повелъ ученіе строго и толково. Послѣ перевода его въ Петербургъ, мѣсто Карніолина-Пинскаго въ школѣ занялъ Надеждинъ. Начальной практикѣ въ школѣ обучалъ самъ Ковошкинъ. При этомъ Ковошкинъ обратилъ серьезное вниманіе на постановку пьесъ и, сдѣлавшись самъ режиссеромъ, неутомимо посѣщалъ репетиціи, руководилъ совѣтами и успѣлъ въ самихъ артистахъ развить любовь и уваженіе къ своему искусству. Ковошкинъ отовсюду привлекалъ любителей сценическаго искусства, былъ доступенъ и съ искреннимъ сочувствіемъ принималъ всякаго, кто желалъ поступить на сцену. Такъ онъ нашелъ въ Рязани Львову-Синецкую и самъ занимался съ любовью ея образованіемъ въ Москвѣ; услышавши о талантѣ Щепкина, отличавшагося тогда въ путешествовавшей по губерніямъ Полтавской, Харьковской и Курской труппѣ иностранца Штейна, Ковош-

винъ командировалъ Загоскина и переманилъ въ Москву даровитаго артиста, не стѣсняясь высокимъ окладомъ, которымъ долженъ былъ обезпечить себя Щепкинъ, стѣсненный большою семьей. Ковошкинъ принялъ въ актеры 18 лѣтняго Рязанцева, помѣщеннаго въ школу изъ купеческой фамиліи Воробьевыхъ и принявшаго фамилію Ленскаго, бѣднаго чиновника Бантышева, Лаврова, сдѣлавшагося потомъ извѣстнымъ опернымъ артистомъ; въ театральной школѣ онъ открылъ талантъ Живокини и указалъ ему настоящій путь. Неудивительно, что труппа Московскаго театра достигла до небывалаго до того времени совершенства. Особенно выдающимися талантами были: Мочаловъ, Щепкинъ, Сабуровъ, Рязанцевъ, Лавровъ, Живокини, Степановъ, актрисы: Львова-Синецкая, Рѣпина, Кавалерова, Сабурова, ученица театральной школы Сабурова (впослѣдствіи Лаврова). Въ театральной школѣ воспитывались въ то время будущія знаменитости: Куликова, вышедшая замужъ за Орлоза и сдѣлавшаяся лучшею драматическою артисткою сороковыхъ годовъ, и Шумскій. Къ сожалѣнію, относительно репертуара за это время Московскаго театра не существуетъ никакихъ сколько-нибудь полныхъ данныхъ. Самостоятельная драматическая дѣятельность началась въ Москвѣ съ переѣздомъ туда Загоскина и Шаховскаго, продолжавшихъ и здѣсь постановку своихъ пьесъ. Кромѣ того съ 1824 года при ихъ содѣйствіи выступилъ передѣлывателемъ французскихъ пьесъ Писаревъ. Писаревъ вмѣстѣ съ Хмѣльницкимъ создали русскій водевиль съ болѣе или менѣе остроумными куплетами. Вскорѣ имъ нашлись подражатели и, начиная съ тридцатыхъ годовъ, водевиль заполонилъ сцену обѣихъ столицъ (П. А. Каратыгинъ, Ленскій и мног. друг. Писаревъ переносилъ на сцену даже свои литературныя отношенія ⁽⁷²⁾). Полевой въ своихъ рецензіяхъ неблагосклонно отзывался о Писаревѣ; послѣдній, помимо журнальной перебранки, при каждомъ удобномъ случаѣ вставлялъ бранные и совершенно прозрачныя намеки на Полеваго. Такимъ образомъ серьезные для того времени литературные интересы,—вражда между сторонниками и противниками Телеграфа, между *отцами* и *дѣтьми*,—нашли свой отголосокъ и на театральныхъ подмосткахъ. Въ это же время появилась въ Москвѣ обстоятельная театральная критика въ журнальныхъ статьяхъ С. Т. Аксакова, Н. В. Ушакова и Н. А. Полеваго.

Живя въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ, Александръ Ивано-

вичь раздѣлялъ общую тогда страсть къ театру, какъ это видно изъ письма къ нему 12 ноября 1824 года Ал. С. Норова. „Я не нарадуюсь, что ты пристрастился къ спектаклямъ. Если хочешь быть знаткомъ, наблюдай, опредѣляй игру актеровъ, характеръ ихъ ролей, *старайся сравнивать съ натурой* и пиши объ этомъ мнѣ подробнѣе“. Этотъ вызовъ со стороны Александра Ивановича остался безъ вниманія.

Намъ остается разсмотрѣть, какимъ образомъ это возбужденіе общественной мысли и стремленіе къ самобытности отразилось на литературѣ и притомъ именно періодической, — на журналахъ. Исторія нашей литературы вообще, и періодической въ особенности, начиная съ 1812 года, есть исторія непрерывной и притомъ становящейся все болѣе и болѣе интенсивною борьбы съ цензурою. Эта патологическая сторона нашей литературы того времени достаточно подробно и вѣрно изслѣдована въ извѣстныхъ сочиненіяхъ гг. Сухомлинова, Пятковского и Скабичевского. Поэтому, мы коснемся ея только стороною, возобновивъ въ памяти читателя тѣ только крупныя факты, которые намъ необходимы для цѣлости изложенія. До 1804 года у насъ не было *предварительной цензуры* и не чувствовалось въ ней необходимости. Литература носила по преимуществу правительственный характеръ, дѣятели ея были исключительно состоявшіе на службѣ и притомъ болѣею частью именно въ качествѣ литераторовъ лица, которыя писали отъ правительства и для правительства. Исключенія были рѣдки и кончали болѣею частью несчастливо. Изъ первыхъ *общественныхъ* литераторовъ у насъ были Новиковъ и Радищевъ, — судьба ихъ извѣстна. Самъ Карамзинъ уцѣлѣлъ и приобрѣлъ значеніе только потому, что онъ вскорѣ изъ общественнаго литератора обратился въ оффиціального исторіографа. Начиная съ Новикова и Радищева преслѣдованія сочиненій, почему-либо неугодныхъ правительству, становятся все чаще и строже и въ царствованіе императора Павла, — въ видахъ охраненія Россіи отъ вольнодумства, заносившагося къ намъ изъ Западной Европы, преимущественно изъ революціонной Франціи, — принимались самыя строгія мѣры. Въ царствованіе императора Павла, Указомъ 4 іюля 1797 года, повелѣно было книги, цензурою признаваемыя недозволенными, и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять въ Совѣтъ Его Величества. Указъ этотъ былъ лишь подтвержденіемъ и развитіемъ Екатерининскаго указа

1796 года объ устройствѣ особой цензуры при портахъ; теперь эта мѣра была обобщена. 18 апрѣля 1800 года былъ изданъ указъ о запрещеніи выпуска изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы онѣ языкѣ ни были безъ изыатія, равномѣрно и музыку. Либеральное направленіе первой эпохи Александровскаго царствованія сказалось и въ этой области: 18 апрѣля 1800 г. было снято запрещеніе на ввозъ книгъ изъ-за границы и вновь разрѣшены частныя типографіи; указомъ 9 февраля 1802 г. пропускъ книгъ иностранныхъ облегченъ, типографіи, относительно порядка учрежденія, сравнены съ прочими фабриками и цензура книгъ, выходящихъ изъ вольныхъ типографій, вмѣсто управы благочинія, передана самимъ гражданскимъ губернаторамъ чрезъ посредство директоровъ народныхъ училищъ. 9 іюня 1804 года вышелъ указъ, положившій у насъ начало предварительной цензурѣ, но самой либеральной изъ всѣхъ по этому предмету. Достаточно привести § 22 этого указа, гдѣ говорилось, что „скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, челоувѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающаго успѣхи просвѣщенія“. Все цензурное дѣло сосредоточено было въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Время отъ 1800—1812 г. было самымъ либеральнымъ въ цензурномъ отношеніи, главнымъ образомъ вслѣдствіе направленія стоящихъ во главѣ лицъ, а затѣмъ вслѣдствіе невмѣшательства въ цензурное дѣло постороннихъ вѣдомствъ. Только безпрестанно колебавшіяся политическія сношенія ставили журналистику въ столкновеніе съ цензурою, требовали соглашенія статей съ правительственнымъ настроеніемъ данной минуты. Въ 1811 г. учреждено было новое министерство полиціи, которое получило право цензурной ревизіи или наблюденіе, чтобы не обращались въ обществѣ не только книги, не разрѣшенныя цензурою, но и такія, которыя хотя и были пропущены, но подавали поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ. Такимъ образомъ литература сразу поставлена была между двухъ огней. До какой степени усилилось цензурное стѣсненіе въ періодъ съ 1812 года до конца царствованія императора Александра I, достаточно привести два-три факта. Въ 1824

году Магницкій, не объявляя своего имени, прислалъ въ цензурный комитетъ рукопись, „Нѣчто о конституціяхъ“, гдѣ доказывалъ превосходство неограниченной монархіи предъ конституціонною. Комитетъ запретилъ печатаніе этой книги, высказавъ между прочимъ, что онъ „не находитъ ни нужнымъ, ни полезнымъ въ государствѣ съ самодержавнымъ образомъ правленія разсуждать о конституціяхъ“. Въ 1816 г., несмотря на Высочайшее повелѣніе, дежурный генералъ гр. Зауревскій остановилъ печатаніе въ военной типографіи исторіи Карамзина, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не была пропущена цензурою. Въ 1822 году, несмотря на придворное положеніе Жуковскаго, цензура не пропустила переводъ баллады Вальтеръ-Скота о Смольбгольмскомъ баронѣ. Разрѣшеніе на изданіе новыхъ журналовъ зависѣло вполне отъ оцѣнки благонадежности редактора со стороны цензурнаго комитета. Такъ въ 1820 г. было разрѣшено изданіе журнала „Невскій Зритель“ магистру Снитвину, „какъ по ученой степени его, такъ и по сочиненію, показывавшему здравыя сужденія, ясное отношеніе и чистоту русскаго языка“; Свинину—изданіе „Отечественныхъ Записокъ“, судя по прежнимъ его сочиненіямъ; въ 1821 г. Олину—изданіе газеты „Рецензентъ“, на томъ основаніи, что онъ „уже умѣлъ заслужить вниманіе и довѣріе публики“. Но въ 1819 году просьба объ изданіи журнала Ал. Бестужева была отказана Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ на основаніи его молодости и неопытности въ литературномъ дѣлѣ, причемъ комитетъ придрался и къ тому, что въ представленной имъ программѣ замѣтилъ три ошибки противъ правописанія, что доказываетъ, по меньшей мѣрѣ, его невнимательность и небрежность. Съ 1824 года, со вступленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія Шишкова, цензурныя строгости еще усилились и увѣнчались изданіемъ цензурнаго устава 1826 года настолько стѣснительнаго, что онъ не могъ продержаться далѣе двухъ лѣтъ. Слѣдующій затѣмъ цензурный уставъ 1828 году нѣсколько смягчилъ суровость перваго, но уставъ: 1) запрещалъ всякія разсужденія о потребности и средствахъ по улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи и вообще сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ (§ 12) и 2) положилъ начало той множественности цензуры, каковая развилась мало-по-малу въ теченіи 30 и 40 годовъ, ставя появленіе статей различнаго содержанія въ

зависимости отъ согласія извѣстныхъ вѣдомствъ, до которыхъ статьи эти относились. Въ особенности ревниво охраняло въ этомъ случаѣ права свои министерство финансовъ при Канеринѣ. Тѣмъ не менѣе періодъ 1828—1830 г. былъ самымъ либеральнымъ въ цензурномъ отношеніи во все царствованіе императора Николая.

Такова была легальная постановка цензуры въ разсматриваемый нами періодъ. Надо признаться, что положеніе литературы вообще, и въ частности журналистики, на которую обращено было главное вниманіе, оказывалось не легкое. Но тяжесть эта усиливалась еще тѣмъ, что отношенія писателей къ цензурѣ подчинялись полному произволу послѣдней. Не только личныя убѣжденія и отношенія высшихъ правительственныхъ лицъ, но даже личный вкусъ и соображенія самихъ цензоровъ имѣли рѣшающее значеніе для всякаго писателя, не смотря на положеніе, занимаемое имъ въ литературѣ. При этомъ возможности приноровиться къ требованіямъ цензуры не было никакой; что сегодня разрѣшалось, то завтра подлежало запрещенію и наоборотъ. Иногда высшая цензурная инстанція оказывалась либеральнѣе низшей, а иногда наоборотъ, за пропускъ статьи съ болѣе консервативнымъ направленіемъ цензоръ, ее пропустившій, подвергался высканію.

Примѣромъ такого стѣснительнаго положенія, въ которомъ находилась журналистика того времени, служить издававшійся съ 1816—1820 годъ (включительно) „Духъ Журналовъ“. Исторія борьбы его редактора съ цензурою и направленіе журнала обстоятельно изложены г. Пятковскимъ (Истор. Общ. и Лит. разв. Т. II, стр. 301 и слѣд.). Этимъ редакторомъ былъ Григ. Макс. Яценко. Яценко получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ и былъ въ числѣ воспитанниковъ, отправленныхъ Муравьевымъ въ Гёттингенъ для приготовленія къ занятію профессорской катедры. Муравьевъ былъ высокаго мнѣнія объ Яценко. Въ одномъ письмѣ своемъ къ Тимковскому онъ говоритъ: „я желаю университету, чтобы онъ нашелъ въ васъ достойнаго соревнователя дѣлающихъ: Щеголевыхъ, Тимковскихъ, Яценковъ, Мерзляковыхъ, и не сомнѣваюсь, чтобы вы не поставили долгомъ своимъ принять примѣръ старины и предали оный послѣдующимъ“ (Барсуковъ, 34). Былъ ли Яценко профессоромъ — въ точности неизвѣстно. Г. Пятковскій и вслѣдъ за нимъ г. Свѣбичевскій утверждаютъ, что Яценко былъ сначала учителемъ латинскаго и греческаго язы-

ковъ, а потомъ „адъюнктомъ философіи и свободныхъ наукъ“ въ Московскомъ университетѣ. Но ни въ „Исторіи“ университета, составленной Шевыревымъ, ни въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ“ объ Яценко не упоминается. Едва ли такой пропускъ возможенъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что Яценко былъ преподавателемъ въ университетскомъ пансіонѣ; этому обстоятельству должно приписать, что въ журналѣ его, въ стихотворномъ отдѣлѣ, принимали участіе питомцы пансіона: Жуковский (Пѣснь русскому Царю отъ его воинства, ч. VIII), Авр. С. Норовъ, Родзянко, Вл. Раевскій, Араповъ и др. Вообще точныхъ біографическихъ данныхъ объ Яценко не существуетъ въ печати. До 1803 года Яценко оставался въ Москвѣ, занимался переводами и участвовалъ въ московскихъ журналахъ, а затѣмъ онъ перешелъ въ Петербургъ и получилъ должность цензора (79). Въ этой службѣ Яценко отличался своимъ либеральнымъ направленіемъ, не разъ подвергался взысканію за пропускъ статей, казавшихся слишкомъ вольными тогдашнимъ обскурантамъ и, наконецъ, былъ уволенъ. Буда поступилъ потомъ на службу Яценко и когда онъ умеръ — свѣдѣній не имѣется; видно только, что Яценко съ 1825 — 1829 годъ былъ редакторомъ „Журнала мануфактуръ и торговли“, издававшегося департаментомъ мануфактуръ и торговли. „Духъ Журналовъ“ признавался за самый либеральный журналъ своего времени; такъ смотрѣли на него правительство и цензура, такъ стоялъ онъ въ общественномъ мнѣніи и съ этой стороны преслѣдовали его журналисты-конкуренты. Но только сравненіе этого журнала съ остальными можетъ для насъ сколько-нибудь разъяснить причины такой репутаціи. Теперешній читатель тщетно будетъ отыскивать въ „Духѣ журналовъ“ слѣдовъ его либерализма: до такой степени онъ пронизанъ благонамѣренностью, до такой степени его тонъ отличается скромностью и умѣренностью, не простирая никуда и никакихъ требованій. Но все направленіе журнала — ибо „Духъ журналовъ“ имѣлъ въ нѣкоторой степени это достоинство — отдѣляло его отъ остальныхъ и вносило въ общество понятія болѣе либеральныя и независимыя въ вопросахъ политической и общественной жизни. „Духъ журналовъ“ тѣмъ именно и отличался, что эти вопросы онъ ставилъ на первомъ планѣ и въ сущности былъ единственный не *литературный*, а *публицистическій* журналъ. Въ 1817 году Яценко, указывая на многіе вопросы вну-

трянней жизни, затронутые въ журналѣ, говорить: „Матерія сего рода была прежде почти вовсе исключена изъ періодическихъ изданій, „Духъ журналовъ“ первый распространилъ охоту и силу особенному занятію, и уже въ продолженіе трехъ лѣтъ его изданія многіе предметы величайшей важности, до государственнаго порядка относящіеся, были рассмотрѣны со всею основательностью и безпристрастіемъ, заслужившими всеобщее одобреніе.“ Это именно и обрушило на него всю тяжесть правительственнаго преслѣдованія: министръ полиціи Вязмитиновъ еще до изданія журнала при представленіи его программы, гдѣ издатели предполагали изслѣдовать „великіе способы Россіи и выгоды, нѣкоторые недостатки и злоупотребленія“, нашель статью „совершенно неприличною“, ибо „упоминаемые въ ней предметы относятся до попеченія самого правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично“. Яценко сдѣланъ былъ выговоръ до появленія его журнала. Въ 1815 году, когда засѣдалъ конгрессъ въ Вѣнѣ и появился Наполеонъ, Яценко „за лучшее принималъ остановить на нѣкоторое время другія статьи, а статью исторіи и политикѣ, какъ самую важную въ жизни въ настоящее время, сдѣлать сколько возможно полною, дабы она служила архивомъ для исторіи и политикѣ“. При чемъ онъ поставилъ себѣ непремѣннымъ долгомъ всѣ официальные иностранные акты сообщать съ величайшею точностью въ переводѣ (ч. 4). Въ 1816 году предъ изданіемъ новаго тарифа Яценко все первое полугодіе употребилъ на защиту принципа свободной торговли и подвергнулъ обстоятельному разбору вышедшую тогда книгу подъ заглавіемъ „Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи и о тарифѣ“, гдѣ вопросъ разсматривался съ точки зрѣнія запретительной системы. Яценко въ этомъ случаѣ смотрѣлъ на журналъ даже какъ на органъ общественной агитаціи. По выходѣ тарифа онъ говоритъ: „Счастливы успѣхъ: теперь можно прекратить всѣ споры о мануфактурахъ и о тарифѣ, правое дѣло восторжествовало! Монополисты побѣждены. „Духъ журналовъ“ не вотще подвизался“ (710, 217). Цѣль, которую Яценко преслѣдовалъ въ своей защитѣ свободной торговли, было установленіе дешевизны мануфактурныхъ товаровъ въ пользу недостаточныхъ людей и прекращеніе вредной монополіи торгующихъ. Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ Яценко прикрывался авторитетомъ Императрицы Екатерины, печатая въ

своёмъ журналѣ взгляды и письма ея по вопросу о мануфактурахъ и торговыхъ монополіяхъ; но это не спасло его отъ преслѣдованій. Министръ Вязмитиновъ жаловался, что человекъ, „не имѣющій ни малѣйшаго понятія о началахъ науки (хотя Яценко печаталъ выдержки изъ сочиненія Ж. Б. Сеся, считавшагося тогда первымъ авторитетомъ), дерзаетъ дѣлать примѣненія и сравненія относительно мѣръ, принятыхъ или приемлемыхъ правительствомъ въ разныя времена, по части государственнаго хозяйства“. И за пропускъ этихъ статей Цензурному Комитету сдѣланъ былъ выговоръ. Изъ другихъ внутреннихъ вопросовъ затронутъ былъ дворяниномъ Правдинымъ вопросъ о почтѣ, по случаю появленія брошюры „Отрывки, содержащія въ себѣ нѣкоторыя разсужденія о почтахъ и почтовой гонимости“, гдѣ предлагалось между прочимъ возвышеніе прогонныхъ денегъ. Правдинъ возстаетъ противъ этого новаго налога на всѣхъ, имѣющихъ нужду въ почтовомъ сообщеніи исключительно въ пользу ящиковъ и почтъ-содержателей. Онъ доказываетъ, что существующая плата прогоновъ представляетъ достаточное вознагражденіе, что злоупотребленія, вызывающія со стороны почтъ-содержателя затрату излишнихъ расходовъ, должны быть, помимо возвышенія платы, уничтожены и что для возвышенія государственныхъ доходовъ существуютъ другіе источники. Замѣчателенъ проектъ А. Арсеньева о винномъ откупѣ, очень сходный съ существующими теперь узаконеніями по питейной части. Арсеньевъ предлагаетъ вмѣсто существовавшихъ тогда откуповъ по губерніямъ и уѣздамъ сдавать съ торговъ каждый кабакъ въ отдѣльности, установить акцизъ съ вина и пива въ 50 к. ас. съ ведра и закрыть казенные винокуренные заводы. Помѣщикамъ предоставлялось право оставлять за собою кабаки въ чертѣ ихъ имѣнія по цѣнѣ, состоявшейся на торгахъ; кабаки въ селеніяхъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ должны были перейти къ селеніямъ, а въ городахъ въ вѣдѣніе магистратовъ. Сторонній сотрудникъ, въ виду неудобствъ доставленія адресатамъ почтовой корреспонденціи, предлагалъ устройство въ столицахъ внутренней почты, на манеръ теперь существующей городской, и почтовыхъ ящиковъ при полицейскихъ будкахъ. Всѣ эти статьи помѣщены были въ 1817 году, но дальнѣйшее помѣщеніе статей по внутреннимъ вопросамъ повидимому приостановлено было по распоряженію цензуры: по крайней мѣрѣ съ 1818 года статей такого рода

уже не встрѣчается и книжки журнала дѣлаются все тоньше и тоньше. Это, между прочимъ, доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что окончательное рѣшеніе о закрытіи журнала сложилось въ 1819 году за помѣщеніе статьи „О сохранныхъ кассахъ“, не имѣющей непосредственнаго примѣненія въ Россіи. Авторъ разсматриваетъ появленіе въ западной Европѣ фабричнаго пролетаріата и при этомъ замѣчаетъ, что сохранныя кассы единственная система „усовершенствованія“ или улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ тамъ, гдѣ система наемничества замѣнила собою помѣстный трудъ. Мнѣнія журнала о вѣрѣстномъ правѣ высказаны вскользь и не съ такою опредѣленностью, какъ по другимъ вопросамъ. Это понятно: вопросъ этотъ былъ въ то время самый щекотливый, и журналу, безъ того бывшему на дурномъ замѣчаніи, затрогивать его вполнѣ искренне и свободно было опасно. Въ „Духѣ журналовъ“ по этому вопросу помѣщены даже статьи, противорѣчащія общему направленію журнала. Дворянинъ Правдинъ въ статьѣ „Сравненіе русскихъ крестьянъ съ иноземными“ смотритъ на русское право съ очень оптимистической точки зрѣнія, что и вызвало рѣзкую критику со стороны „Сына Отечества“, принадлежавшую Куницину; въ другой статьѣ Правдинъ разсуждаетъ „О преимущественной выгодѣ крестьянъ на барщинѣ передъ оброчными“. Въ заявленіяхъ, принадлежащихъ самой редакціи, просвѣчиваетъ несочувствіе самого Яценко въ помѣщеннымъ имъ статьямъ подобнаго направленія; очевидно, онѣ были уступкою тѣмъ либеральнымъ и знатнымъ „особамъ“, которыя поддерживали журналъ, но, какъ всѣ люди того времени, не могли примириться съ какимъ-либо ограниченіемъ вѣрѣстнаго права. И всетаки, не смотря на эту сдержанность и на уступку совершенно въ духѣ господствующаго мнѣнія, журналъ подвергся осужденію за статьи, содержащія въ себѣ разсужденіе о вольности и рабствѣ крестьянъ.

Въ политическомъ отношеніи Яценко, какъ видно, стоялъ за конституціонное правленіе и за свободу печати, но прямое и послѣдовательное заявленіе подобнаго мнѣнія было слишкомъ опасно. Насколько строго можно относиться къ послѣдовательности воззрѣній того или другаго автора въ разсматриваемую эпоху, видно лучше всего изъ примѣра „Духа Журналовъ“. Что самъ Яценко въ политическихъ вопросахъ держался либеральнаго направленія — это доказать не трудно. Въ самомъ началѣ

редакторъ и не скрывалъ этого, помѣщая всѣ извѣстія, гдѣ только затрогивали вопросъ о конституціи, напр. нота Ганноверскихъ уполномоченныхъ о возстановленіи земскихъ чиновъ въ германскихъ владѣніяхъ; переведенная изъ Гамбургскаго журнала статья: „Какъ могутъ 26 милліоновъ народа противъ воли поворотиться немногимъ тысячамъ человѣкъ“, гдѣ на примѣрѣ Франціи, во время возвращенія Наполеона въ 1815 г., доказывается, какое давленіе на народъ можетъ оказывать дисциплинированная армія и какъ мало она служитъ выраженіемъ дѣйствительныхъ народныхъ желаній и потребностей. Впослѣдствіи Яценко, несмотря на стѣсненія, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы поднять вопросъ въ этомъ смыслѣ: такъ, когда въ 1818 г. Высочайше дарована была конституція Польшѣ и произнесена была извѣстная рѣчь Императоромъ Александромъ, Яценко въ первой книжкѣ 1819 года помѣстилъ обратившую на себя вниманіе статью подъ заглавіемъ „Чего требуетъ духъ времени? чего желаютъ народы?“, гдѣ весьма энергически и основательно указывается на первомъ мѣстѣ допущеніе народныхъ представителей (79). Очень важное мѣсто въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ занимали въ журналѣ „Письма одного нѣмца изъ Америки“ (изъ Филадельфіи, Балтиморы, Вашингтона), гдѣ излагались всѣ выгоды политическаго устройства и свободы печати въ Соединенныхъ Штатахъ—статьи, по указанію самого редактора, обратившія на себя общее вниманіе. И несмотря на это, въ виду необходимой уступки, Яценко долженъ былъ помѣщать статьи: „Не въ конституціяхъ благо народа“, переводъ изъ посланія епископа Троаскаго, „Нерѣдко конституціи ускоряютъ гибель государствъ“. Журналъ обращалъ вниманіе исключительно на Англію и Сѣверную Америку. Такъ въ немъ помѣщены: „Обзоръ англійской и американской конституціи“, „Историческій обзоръ англійскаго банка“, „Биографія политическихъ дѣятелей при королѣ Георгѣ III“ (изъ Hist. memoirs of my own time, by W. Gaxoll), статьи объ экономическомъ положеніи Англій, пренія въ англійскомъ парламентѣ о хлѣбныхъ законахъ и о политическихъ вопросахъ, нѣсколько статей о различныхъ учрежденіяхъ въ сѣверо-американскихъ штатахъ. Въ числѣ переводныхъ отрывковъ помѣщена рѣчь Люлли Таландаля, гдѣ доказывается необходимость и польза свободы книгопечатанія вообще и въ особенности для журналовъ. Это, по преимуществу, полити-

ческое и экономическое направление журнала выражалось и въ переводахъ, и въ критическихъ разборахъ. Такъ переведены: отрывки изъ руководствъ Ж. Б. Сея, Шаптала (*de l'industrie française*); Сисмонди (*nouveaux principes de l'économie politique*); изъ Бентама о лихоимствѣ; такъ помѣщенъ подробный разборъ соч. К. Арсеньева „Начертаніе статистики російскаго государства“, вызвавшей полемику съ „Сыномъ Отечества“, гдѣ появился отвѣтъ на этотъ разборъ (1819, №№ 10, 11 и 13); не оконченный разборъ Н. Тургенева „Опытъ о теоріи налоговъ“, который начинается съ длиннаго возраженія противъ положенія, заимствованнаго Тургеневымъ у Бентама— „всякій законъ есть зло, ибо всякій законъ есть нарушение свободы“; обстоятельный разборъ разсужденія Мордвинова „О могущихъ послѣдовать пользахъ отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ“, гдѣ доказывается непрактичность приведенныхъ Мордвиновымъ расчетовъ; изложеніе содержанія книги Гр. Стройновскаго „Всеобщая экономія народовъ“.

За то въ литературномъ отношеніи „Духъ Журналовъ“ не представляетъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго, да это, впрочемъ, и не входило въ его расчетъ. Стихотворный отдѣлъ въ немъ хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь. За исключеніемъ вышеупомянутыхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона, изъ числа сколько-нибудь извѣстныхъ поэтовъ въ немъ принимали участіе: Гр. Хвостовъ, Б. Фодоровъ, Анна Волкова и П. Корсаковъ, а затѣмъ слѣдуютъ совершенно неизвѣстные и самыя бездарныя (Лузановъ, Свѣчинъ, Полетига, Мацневъ, Ив. Бахтинъ, Мацдорфъ, Ив. Кокосвинъ и другіе). Изъ оригинальныхъ повѣстей помѣщена небольшая повѣсть Бахтина „Степаша или добродѣтельное воспитаніе“, написанная въ 1799 году; изъ переводныхъ— „Гласъ совѣсти“, истинное происшествіе, изъ Мейснера, въ первые два года—нѣсколько повѣстей изъ Бульи въ отвѣтъ на требованіе какихъ-нибудь „воспитательныхъ статей“ для молодаго возраста. Отношеніе самаго Яценко къ крупнымъ современнымъ явленіямъ иностранной литературы очень странное. Такъ, въ заключительной статьѣ, указывая на помѣщенные имъ въ переводахъ съ французскаго разборы Шлегеля и Фихте, Яценко говоритъ: „остроумная критика на Шлегеля, можетъ-быть, остережетъ нашихъ молодыхъ литераторовъ отъ уродливаго вкуса нѣмецкихъ драматическихъ писателей, а критика Фихте отвратитъ можетъ-быть педантовъ углуб-

ляться въ непонятную Кантову философію“. Переведенный также съ французскаго разборъ драмы Шиллера „Марія Стюартъ“ содержитъ такой приговоръ: „ни одна комедія на нашихъ любочныхъ театрахъ не имѣетъ столько *тисности*, сколько я нахожу въ Шиллеровской трагедіи Марія Стюартъ“. Критическихъ разборовъ очень мало. Изъ чисто литературныхъ произведеній разобранъ только переводъ Тасса, сдѣланный Мерзляковымъ.

Вообще „Духъ журналовъ“, насколько было возможно при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, былъ единственный журналъ, представлявшій собою цѣльное направленіе и имѣвшій опредѣленныя задачи: въ политическомъ отношеніи онъ проводилъ конституціонныя начала, а въ экономическомъ—свободу торговли, теорія которой въ то время только-что появилась въ области политической экономіи. Журналъ, какъ видно, встрѣченъ былъ съ сочувствіемъ: редакторъ о многихъ статьяхъ говоритъ, что на нихъ было обращено общее вниманіе и что журналъ его поступалъ въ руки „знатныхъ особъ“. Любопытно отношеніе тогдашней журналистики къ разсматриваемому журналу. Она вся встрѣтила его недружелюбно, такъ что редація въ своихъ отвѣтахъ говоритъ объ общемъ противъ нея заговорѣ. Сначала это была боязнь за свои интересы: редакторы вообразили себѣ, что „Духъ журналовъ“ будетъ цѣлкомъ перепечатывать лучшія статьи изъ русскихъ журналовъ и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ подписчиковъ на чужой счетъ. Но когда это не оправдалось, стали уворать въ противномъ—за чѣмъ нельзя тамъ найти ничего изъ напечатаннаго у другихъ. Мы видѣли, что „Духъ журналовъ“ преимущественно занимался Англіею; по этому поводу „Вѣстникъ Европы“ замѣчаетъ: смѣшны подражатели французамъ, но не менѣе смѣшны и англomanы; пусть русскій выродокъ въ Англіи восхищается легионами дѣловыхъ ищущихъ, воровъ и разбойниковъ, у насъ не надлежало бы печатать этихъ бредней, или по крайней мѣрѣ безъ достаточныхъ замѣчаній (1815, 3, 217). Журнальная критика даже не стѣснялась нападать на самую уязвимую сторону противника. Тотъ же „Вѣстникъ Европы“ говоритъ: издатели его стараются отличиться какии-то... *тономъ*, вовсе непристойнымъ русскому журналу и приносящимъ мало чести его издателямъ у людей благомыслящихъ (№ 18, 138). Въ числѣ нападавшихъ на „Духъ журналовъ“ оказался даже Е. Измайловъ. Когда „Духъ журналовъ“ уже прекратился, въ

„Сынъ отечества“, въ статьѣ „Обзоръ журналовъ“ (1821 года) говорится: „Здѣсь судили о правленіи разныхъ государствъ, о законахъ, финансахъ, торговлѣ, тарифѣ, благоустройствѣ, причинахъ благоденствія и величія народовъ, часто весьма справедливо, но часто и ошибочно, *съ какою-то неумѣстной рѣшительностью.*

Что же могла дать тогдашняя журналистика при такихъ тяжелыхъ условіяхъ? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, должно прежде всего познакомиться съ характеромъ и направленіемъ главныхъ ея дѣятелей. Корифеями нашей журналистики двадцатыхъ годовъ были Каченовскій съ своимъ „Вѣстникомъ Европы“ и Гречъ съ „Сыномъ Отечества“. Каченовскій прежде всего былъ ученый въ собственномъ смыслѣ этого слова и такимъ онъ явился и въ своемъ журналѣ. Къ вопросамъ политическимъ и общественнымъ онъ былъ вполне индифферентенъ и если касался ихъ, то мимоходомъ, только потому, что журналъ болѣе или менѣе требовалъ на нихъ отвѣта. Одно греческое возстаніе вывело изъ этой апатіи Каченовскаго. Гречъ по происхожденію, Каченовскій, съ самого появленія греческаго возстанія, началъ въ 1820 году печатать сочувственныя статьи изъ главнѣйшихъ Европейскихъ журналовъ, патріотическія стихотворенія: военный гимнъ грековъ, патріотическая лира Греціи (1824, № 23), біографіи знаменитыхъ дѣятелей этого движенія (Марко Воцарисъ, посланіе Коловотрони). Въ качествѣ ученаго, Каченовскій обращалъ въ своемъ журналѣ особенное вниманіе на статьи ученаго содержанія; и дѣйствительно въ этомъ отношеніи ни одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ не могъ быть поставленъ на раду; репутація „Вѣстника Европы“, какъ серьезнаго журнала, была прочно установлена во время его изданія. Гречъ, въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“ (СПб. 1822 г.), несмотря на журнальное соперничество, не могъ не заявить, что Каченовскій заслужилъ вниманіе и благодарность русской публики преимущественно изданіемъ „Вѣстника Европы“, который занимаетъ первое мѣсто въ числѣ русскихъ журналовъ (стр. 268). Не только московская, писалъ Дмитріевъ А. И. Тургеневу въ 1819 г., но вся наша литература, кажется, заключается въ одномъ Каченовскомъ; публика время отъ времени болѣе узнаетъ цѣну его и, если онъ не устанетъ въ продолженіе года издѣваться надъ исторіографомъ, то вѣроятно принесетъ журналомъ своимъ значительный доходъ университету (на счетъ котораго издавался „Вѣстникъ Европы“).

(Прив. у Иконникова, скептическая школа въ Р. историографіи, К. 1811, стр. 49 Прим.). Каченовскій имѣлъ для этого подъ рукою самыя удобныя средства. „Вѣстникъ Европы“ считался университетскимъ органомъ и въ немъ помѣщали статьи не только профессора, но всѣ молодые люди, примыкавшіе къ университету и связанному съ нимъ благородному пансіону. Даже профессора другихъ русскихъ университетовъ ученые труды свои присылали въ этотъ журналъ. Статьи по русской исторіи, помѣщенныя въ „Вѣстникъ Европы“, были, можно сказать, единственнымъ научнымъ явленіемъ въ тогдашней журналистикѣ; на его страницахъ появились имена почти всѣхъ лицъ, серьезно занимавшихся русской исторіей въ то время: кромѣ самого редактора, Калайдовичъ, митрополитъ Евгений, Брусиловъ, Арцыбашевъ, Бутковъ, Зубаревъ, Погодинъ, Доленго Ходаковский, Гр. Спасскій, Кубаревъ, Снегиревъ, Берхъ, Германъ, Максимовичъ, Мурзакевичъ, Вад. Пасекъ. Каченовскій не упускалъ изъ виду замѣчательныхъ сочиненій по славянской исторіи и философіи, появлявшихся за границею, и вообще журналъ его болѣе всѣхъ другихъ давалъ матеріалы, знакомившіе публику съ литературой и исторіей народовъ, намъ соплеменныхъ и, преимущественно, поляковъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ прямымъ предшественникомъ славянофильской журналистики и опередилъ даже современные намъ журналы. Такъ онъ помѣстилъ переводъ разсужденія „О происхожденіи русскаго языка и бывшихъ въ немъ перемѣнахъ“ извѣстнаго нѣмецкаго филолога Фатера, два извлеченія изъ исторіи польскаго народа, Бандтке, извлеченіе изъ матеріаловъ для сербской исторіи. Вука Стефановича. Вообще въ журналѣ Каченовскаго много переводовъ изъ польскихъ журналовъ. Между прочимъ Каченовскій напечаталъ двѣ статьи, и теперь еще имѣющія значеніе: „О движеніи польскаго законодательства“, Фад. Чацкаго, и описаніе отрывка изъ путешествія по славянскимъ землямъ, проф. Виленскаго университета, каноника Бобровскаго. Изъ журнала „Славянки“, издававшегося на нѣмецкомъ языкѣ каноникомъ Добровскимъ, Каченовскій помѣстилъ также двѣ статьи „О древнихъ славянскихъ названіяхъ 12 - ти мѣсяцевъ“ и „Которое изъ славянскихъ нарѣчій можно назвать самымъ чистымъ преимущественно предъ всѣми другими“. Съ итальянскаго переведено интересное и имѣющее отношеніе къ русской исторіи сочиненіе Гроберга „Замѣчанія о

финляндцахъ и лапонцахъ“ и помѣщены двѣ статьи проф. Абовскаго университета Лагуса „О финнахъ прежнихъ и нынѣшнихъ“; Каченовскій принималъ въ свой журналъ стихотворенія на мало-россійскомъ языкѣ.

По иностранной литературѣ Каченовскій постоянно знакомилъ читателей съ крупными учеными сочиненіями, вслѣдъ за ихъ появленіемъ. Такъ Каченовскій напечаталъ отрывки: изъ Гумбольдта путешествіе въ центральную Америку, Робертсона—исторія царствованія Карла V, изъ Сисмонди (de la litterature du midi de l'Europe), изъ Мекензи (путешествіе его въ Америку), изъ Герена (Jdeen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt), изъ Джиллиса—„Исторія Греціи“, сочиненіе, которое обратило на себя особенное вниманіе тогдашней журналистики и общалось въ переводахъ и въ извлеченіяхъ многими журналами, изъ лекцій Гизо „О составѣ римскаго общества въ IV столѣтіи“ (по Journ. des Debats), „О римской исторіи Нибура“ (оттуда же). По древней философіи въ послѣднемъ году напечатано нѣсколько обстоятельныхъ статей Надеждина (за подписью Н) о философіи Платона. Только относительно нѣмецкой умозрительной философіи Каченовскій не стоялъ на уровнѣ своего времени и высказывалъ о ней странныя сужденія. Въ 1817 г. Каченовскій помѣстилъ небольшую статью: „Нѣчто о разныхъ толкахъ германской философіи“, отрывокъ изъ разбора одной польской книги, подъ названіемъ „О философіи“, написанной по руководству нѣмецкихъ авторовъ и въ особенности Венцеля; отрывокъ этотъ переведенъ изъ „Виленскаго Дневника“ (1817 г., № 20, стр. 257 и слѣд.). Здѣсь доказывается несостоятельность нѣмецкой умозрительной философіи тѣмъ разнообразіемъ основныхъ положеній философской науки, которыя возникли между преемниками Канта. Къ этой оригинальной характеристикѣ нѣмецкой философіи Каченовскій прибавилъ отъ себя слѣдующія курьезныя примѣчанія: „непонятно, по какому чудесному обстоятельству Шеллингъ не преподаетъ ученія своего въ домѣ сумасшедшихъ! вотъ до чего доводитъ безумное желаніе—недосыгаемую глубину измѣрить своимъ аршиномъ! Просимъ великодушнаго терпѣнія у читателей. Нѣмецкая галиматья и въ русскомъ переводѣ не можетъ не быть галиматеею же; а ее нивагъ нельзя избѣжать, говоря о метафизикѣ нѣмецкихъ философовъ“ (стр. 259). Курьезъ этотъ вызвалъ сильное волненіе въ средѣ слушателей Московской

духовной академіи. Измайловъ рассказываетъ, что, прочитавши подобный отзывъ, студенты Московской духовной академіи сначала повѣрили критику и посмѣялись надъ собой, думая: „въ самомъ дѣлѣ не безуміе ли, что мы чтимъ всякія нѣмецкія бредни и силамъ ихъ противнуть, пожалуй и самъ угодишь въ домъ сумасшедшихъ; но послѣ, поговоривши со старшими, поуменѣе насъ, студентами, удивлялись, какъ таковой нелѣпый отзывъ рѣшился пустить въ публику русской университетъ“. (Взглядъ на мою жизнь 128—129). Помѣщая въ 1823 году переводъ статьи Ансильона „О новѣйшихъ системахъ метафизики въ Германіи“, Каченовскій въ подстрочномъ примѣчаніи выражался нѣсколько мягче: „Нѣмецкія системы у насъ мало извѣстны и немногими почитаемы. Они никогда не будутъ имѣть догматической важности. Совсѣмъ тѣмъ любопытно знать, какими путями и до какихъ предѣловъ простираются умозрѣнія метафизиковъ нѣмецкихъ“. Каченовскій до самаго конца придерживался подобнаго взгляда на нѣмецкую философію. Въ послѣднемъ 1830 году Каченовскій помѣстилъ: „Отчетъ безпристрастнаго цѣнителя системъ нѣмецкой философіи“, изъ книги *Des doctrines exclusives en philosophie rationnelle par L. D. Choisi, Genève 1828*, заключающій поверхностный разборъ системъ умозрительной нѣмецкой философіи, сопровождая его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „и чего ради, смѣемъ спросить, изъ германскихъ головъ этотъ весь товаръ, состоящій изъ невразумительныхъ или затѣйливыхъ диковиновъ, перегрузить желаютъ въ головы русскія“. Изъ сочиненій по современной философіи, кромѣ коротенькихъ и неважныхъ, переведенныхъ изъ французскихъ журналовъ, Каченовскій помѣстилъ обширную статью извѣстнаго польскаго астронома, проф. Виленскаго университета Яна Снядецаго, выступившаго въ числѣ главныхъ противниковъ Канта, — „О философіи“, 1819 г., № 11. Затѣмъ, въ видѣ прибавленія, обширную статью подъ названіемъ „Примѣчанія“ (1822 г. №№ 23 и 24 и 1823 г. № 2). Рядомъ съ этимъ Каченовскій помѣстилъ и довольно слабую защиту Кантовой философіи, изложенную Андросовымъ (1823 г., №№ 3 и 61). Кромѣ того „Вѣстникъ Европы“ отъ времени до времени наполнялся популярными статьями о философіи Давыдова. Это обстоятельство при совершенномъ отсутствіи оригинальныхъ статей въ другихъ журналахъ заставило Андросова выставить впередъ такую слабую заслугу Вѣстника Европы. „Обыкновенно говорятъ, что мы

еще не созрѣли для наукъ умственныхъ; разумѣется это голосъ нѣкоторыхъ, и слово мы принимается въ тѣсномъ смыслѣ; но если судить только по журналамъ, изъ которыхъ мы учимся, то мы и не начинаемъ еще *готовиться*. Большая часть оныхъ наполняется статьями историческими не новыми, повѣстями нелюбопытными, переведенными, легкими частными замѣчаніями о словесности, но истиннаго, умственнаго, общаго мы не видимъ. Только въ „Вѣстникѣ Европы“ съ нѣкотораго времени помѣщаются статьи, которыя могутъ быть отнесены къ сему роду. Разборъ Варнеевъ Бонстегенова сочиненія о чловѣкѣ, нравственные афоризмы и разборъ Сольгера заслуживаютъ все вниманіе, какъ по важности предмета такъ и по способу изложенія“.

Другое отличительное качество „Вѣстника Европы“ было то, что онъ до конца оставался вѣренъ своему названію и первоначальной цѣли своего изданія — знакомить читателей съ выдающимися явленіями западной литературы. Прозаическій литературный отдѣлъ журнала наполнялся исключительно переводами. Заслуга Каченовскаго въ этомъ случаѣ та, что онъ ближе всѣхъ другихъ журналовъ познакомилъ читателей съ англійскою литературою, которая въ то время была господствующею въ Европѣ. Представителями ея въ „Вѣстникѣ Европы“ были: Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ и Вашингтонъ-Ирвингъ, который въ двадцатыхъ годахъ наполнялъ по преимуществу страницы нашихъ журналовъ благодаря тому, что изъ его сочиненій можно было выбирать небольшія повѣсти, удобныя для помѣщенія въ цѣломъ видѣ въ журналахъ. Въ 1820 году Каченовскій въ „Замѣткахъ“ увѣдомилъ читателей, что въ Парижѣ вышло полное собраніе сочиненій лорда Байрона. Каченовскій вслѣдъ за симъ помѣстилъ „Осаду Коринѳа“, въ 1821 году, „Мазепу“, „Колмаръ и Орла“, „Джяуръ“, „Абидосская невѣста“, „Оскаръ Альвинъ“ одно изъ самыхъ первыхъ произведеній Байрона. Всѣ сочиненія Байрона помѣщены даже не въ точныхъ переводахъ, а въ изложеніи провою на основаніи французскаго перевода. Въ 1820 году Каченовскій помѣстилъ отрывокъ изъ романа Вальтеръ-Скотта подъ заглавіемъ „Ричардъ Львиное сердце и пустынный“ съ такимъ примѣчаніемъ: „Сочинитель его Вальтеръ-Скоттъ нынѣ въ чрезвычайной модѣ: не только между соотечественниками своими, но и за морями люди разныхъ партій отдаютъ справедливую похвалу его таланту“. Въ концѣ перевода

Каченовскій добавилъ такую характеристику знаменитаго романиста: „Этотъ сокращенный отрывокъ *достоевъ Жилблаза*. Въ подлинникѣ онъ разсказанъ подробно. Англичане вообще любятъ слишкомъ распространяться, изображая свои портреты и характеры, и Вальтеръ-Скотта можно упрекнутьъ въ этомъ же порокѣ; зато красоты въ его романахъ многочисленны и разнообразны, характеры естественны, портреты вѣрны, описанія правдивы“. Въ 1825 году помѣщено нѣсколько главъ изъ романа „Иванго“, нѣкоторыя въ сокращенномъ видѣ. Въ 1829 г. „Обойная комната“ изъ Кипсека на 1829 годъ. Изъ Вашингтона Ирвинга помѣщены повѣсти: „Ома Валькеръ“ (1826); „Виндзорская тюрьма“, „Царица Мая“, „Растерзанное сердце“ (1829). Въ 1825 г. Каченовскій помѣстилъ извѣстiе изъ французскаго журнала о романѣ Фенимора Купера „Лионель Линкольнъ“, гдѣ между прочимъ содержится такой отзывъ объ этомъ писателѣ: „критика могла замѣтить недостатки въ этомъ сочиненiи, не смотря на то оно достойно чтенiя и заслуживаетъ, чтобы его переводили“. Изъ нѣмецкой литературы Каченовскій познакомилъ съ Гофманомъ и Жанъ Поль Рихтеромъ. Изъ перваго переведены повѣсти: „Счастье игрововъ“ (1823), „Sanctus“, „Клермонская скрипка“ (1830), кромѣ того въ переводахъ съ французскаго: „О послѣднихъ дняхъ жизни и смерти Гофмана“ и „О фантастическихъ повѣстяхъ Гофмана“ (1830). Изъ Жанъ Поль Рихтера переведенъ небольшой отрывокъ подъ названiемъ „Мысли“ (1826) и повѣсть „Ночь несчастнаго подъ новый годъ“, изъ его „Картинъ“ (1829). На ряду съ этимъ журналъ изобиловалъ переводами повѣстей второстепенныхъ писателей, преимущественно, тогдашнихъ модныхъ французскихъ: Сарразена, г-жи Монтолье, Бульи, Лафонтена; изъ англичанъ—одного изъ подражателей Вальтеръ Скотта—Горація Смита, тоже появившагося въ тогдашнихъ журналахъ и др. По всему видно, что Каченовскій самъ не имѣлъ никакого устоявшагося и опредѣленнаго мнѣнiя ни о литературныхъ дѣятеляхъ, ни о значенiи и направленiи даже выдающихся произведенiй русской и иностранной печати, не смотря на то, что онъ занималъ кафедру по русской словесности въ университетѣ. Каченовскій, по выраженiю проф. Соловьева въ его биографiи, старался всегда удержаться въ равновѣсiи между двумя крайностями и часто садился между двумя стульями. Такъ, желая дать понятiе читателямъ о Вальтеръ Скоттѣ, Каче-

новскій обращается къ журналу преній (какъ тогда называли Journal des debats) и даже къ московскому литературному журналу (the English lit. journ. of Moscow). Въ 23-й кн. „Вѣстника Европы“ за 1821 г. помѣщено мнѣніе французовъ о лордѣ Байронѣ. Въ первой статьѣ, заимствованной изъ французскаго журнала (не обозначено каковаго), излагается кратко жизнь Байрона и отсюда выводится характеръ его поэзіи. Между прочимъ встрѣчается, какъ характеристика Байрона, слѣдующая фраза: „будучи увѣренъ, что добро гнѣздится въ душѣ его и что не могъ онъ употребить добро для счастья своей жизни, такой человѣкъ дѣлаетъ заключеніе, что зло находится внѣ его, то-есть въ обществѣ“. Редакторъ тотчасъ же оговаривается въ подстрочномъ примѣчаніи: такое заключеніе выводится не здравымъ разумомъ и не безстрастіемъ, оно есть плодъ безусловнаго себялюбія, противно истинѣ и вредно для общества“ (стр. 212). Все же эта первая статья проникнута сочувствіемъ къ поэзіи Байрона. Но рядомъ Каченовскій помѣстилъ другое мнѣніе, гдѣ доказывается, что въ поэмѣ Байрона нѣтъ плана, слогъ его не только теменъ и тяжелъ для головы читателя, но въ немъ есть еще ошибки противъ натуральности и грѣхи противъ вкуса. Каченовскій сопоставленіе двухъ этихъ различныхъ отзывовъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Это (последнее) мнѣніе во многомъ не сходно съ первымъ, но удивляться тому не должно: творенія писателя, имѣющаго Европейскую славу, читаемаго вездѣ учеными и неучеными, подлежатъ суду общему, а *вкусы читателей весьма разнообразны*“ (стр. 213). Въ 13 кн. 1824 г. помѣщено извлеченіе изъ „Journal des Debats“ о новыхъ одахъ Виктора Гюгона и о поэзіи романической; оно сопровождается слѣдующимъ любопытнымъ примѣчаніемъ переводчика. „Викторъ Гюгонъ, поэтъ не безъ дарованія, уже былъ замѣченъ французскими критиками въ нѣкоторыхъ шалостяхъ романическихкихъ и въ уклоненіи отъ подчиненности правиламъ здраваго вкуса“ (стр. 45 прим.). Не менѣе интересенъ отзывъ Каченовскаго о Руссо. Помѣстивши нѣсколько переводовъ изъ Руссо, Каченовскій въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: „Сей великій философъ, между нами сказать, по странностямъ своимъ былъ чудакъ, а по заблужденіямъ, противностямъ во мнѣніяхъ своихъ и по дикой опрометчивости сумасбродъ, достойный жалости, а не подражанія“ (1810 г. Августъ, № 16, стр. 326). Что касается до критики, то

самъ Каченовскій хорошо помнилъ завѣтъ основателей своего журнала—Карамзина и Жуковского, признававшихъ критику за явленіе несвоевременное. Даже В. Измайловъ, принимая въ 1811 г. журналъ временно въ свое завѣдываніе, поспѣшилъ оговориться, что „отъ критики польза кажется намъ сомнительною, трудъ критики неблагоприятнымъ“. Поэтому и Каченовскій, какъ самъ о томъ заявлялъ, не пускался въ критику и полемику и не дѣлалъ изъ нихъ серьезнаго отдѣла въ своемъ журналѣ. Притомъ единственный разъ, когда Каченовскій самъ выступилъ на критическое поприще,—въ статьяхъ, гдѣ онъ разбиралъ предисловіе къ „Исторіи руссійскаго государства“ Карамзина, опытъ наглядно показалъ Каченовскому всю неприятную сторону тогдашней критики. Въ письмѣ къ Гнѣдичу Каченовскій писалъ: „12 іюля 1820 г. Не говорите Бога ради о критикѣ на исторію (Карамзина)! Досталось ужъ мнѣ и за рецензію на одно лишь *предисловіе*: одни отворачивались отъ меня, другіе меня не узнавали, третьи называли меня попеременно то сумасброднымъ, то опаснымъ человѣкомъ; иные даже старались вредить мнѣ по службѣ. Жуковскій, выругавши меня добрымъ порядкомъ въ письмѣ, прекратилъ со мною всякое сношеніе“ (Р. Арх. 1868, 7 и 8, стр. 972). Впослѣдствіи самъ Каченовскій усвоилъ себѣ подобныя оригинальныя понятія о критикѣ. Когда напалъ на него Полевой въ „Телеграфѣ“, Каченовскій не нашелъ ничего лучше, какъ обратиться съ жалобой къ начальству за личное оскорбленіе въ качествѣ генерала, что и вызвало на него, по справедливости, цѣлую бурю въ тогдашнемъ литературномъ обществѣ. Несмотря на личное безучастіе въ дѣлѣ критики, Каченовскій никогда не отказывалъ въ помѣщеніи критической статьи, если статья приходила къ нему со стороны, причемъ онъ не обращалъ вниманія ни на личность рецензента, ни на направленіе статьи. Такъ онъ помѣстилъ рецензію Булгарина на „Избранныя сочиненія“, изданныя Воейковымъ, только потому, что статью эту отказался помѣстить у себя Гречъ. Объ одномъ и томъ же авторѣ Каченовскому ничего не стоило представить два совершенно противоположные отзывы: такъ въ 1820 году „Житель Бутырской слободы“ въ статьѣ „Еще критика,—письмо къ редактору“ (№ 11, стр. 213) помѣстилъ пустую, не предирчивую и недоброжелательную критику на поэму Пушкина „Русланъ и Людмила“; а въ 1823 г. М. П. (Погодинъ) помѣстилъ очень сочувственную

статью, расхваливавшую „Кавказскаго плѣнника“. Тѣмъ не менѣе изъ большинства помѣщенныхъ въ журналѣ критическихъ статей неизбѣжно вытекаетъ, что сочувствіе Каченовскаго было на сторонѣ классицизма и, только уступая общему влеченію въ торжествующему романтизму, только поддаваясь силѣ общественнаго мнѣнія, склоняющагося въ эту сторону, онъ давалъ мѣсто и произведеніямъ романтической поэзіи, и критическимъ статьямъ, болѣе или менѣе къ нимъ сочувственнымъ, въ родѣ Погодинской. Это естественно. Воспитанный въ строгихъ правилахъ классической французской риторики Каченовскій не могъ вдругъ перейти на совершенно противоположную сторону и понять сразу внутреннее достоинство произведеній, представлявшихъ по внѣшней своей формѣ отрицаніе привычныхъ и шаблонныхъ правилъ, въ которыхъ Каченовскій вѣрилъ, какъ въ непреложный догматъ. Лучшимъ доказательствомъ, на сколько научная рутина мѣшаетъ даже талантливому человѣку освоиться съ самобытными явленіями въ области мысли, не признающими лежащей на ней ферулы, служить Надеждинъ, скрасившій своими статьями вымирание Вѣстника Европы. Въ своихъ урокахъ въ Рязанской семинаріи въ 1825 году Надеждинъ, рекомендуя въ смыслѣ образцевъ для краснорѣчія Св. Писаніе и отечественныхъ классиковъ Ломоносовскаго и Державинскаго періода, предостерегаетъ слушателей отъ увлеченія западною литературой, предупреждая ихъ, что тамъ „господствующій характеръ новыхъ мыслителей и авторовъ, особенно въ извѣстныхъ странахъ Европы, составляетъ суетное остроуміе и дерзкое вольномысліе, прикрытое обольстительными прикрасами ложнаго краснорѣчія“. Въ „Вѣстникѣ Европы“ Надеждинъ выступилъ прежде всего въ качествѣ совершенно лишеннаго таланта и плохаго даже въ смыслѣ тогдашнихъ поэтическихъ бездарностей поэта; его стихотворныя піесы по своему характеру и направленію совершенно подходятъ къ тогдашней манерѣ напыщеннаго и избитаго по содержанию риторическаго. Сюда относятся стихотворенія Надеждина: „Промыслъ человѣка“ изъ Ламартина (1828, № 8, 293), „Пѣснь красота“ (тамъ же № 07, 30); въ 1829 г. „Воспоминанія“ (№ 1), „Рапсодія“ изъ Козегартена (Подп. Н. Н. № 4, 303), „Хижина на горахъ Валдайскихъ“ (№ 8), „Жалоба“, „Въ день рожденія“, „Элегія“, „Жалоба“ (въ томъ же году). Отъ поэзіи Надеждинъ тотчасъ же перешелъ къ занятію, для него болѣе сподручному—критикѣ. При первомъ своемъ

выступленіи Надеждинъ заявилъ себя поклонникомъ старыхъ классическихкихъ пріемовъ въ области критики и отсюда началъ свою борьбу съ романтизмомъ; этимъ и объясняется его преобладающее сотрудничество въ послѣдніе два года изданія „Вѣстника Европы“. Надеждинъ оплакиваетъ, что въ романтической поэзіи „законодательная власть здраваго вкуса признана торжественно несомнѣстной съ безусловной свободой гения и отвергнута, какъ тиранское злоупотребленіе; освѣщенные древностью и оправданныя вѣковыми опытами правила, составлявшія доселѣ *коренное* уложеніе критическаго судопроизводства, провозглашены постыдными оковами, осрамляющими безграничное самодержавіе творящаго духа, и отринуты съ поруганіемъ и презрѣніемъ какъ ребяческія погрешенія, забавляющія раболѣпную посредственность“ (1824 г., № 8, 289). Выдающійся талантъ помогъ Надеждину скоро сбросить съ себя эти школьныя традиціонныя оковы; мало-помалу онъ усвоилъ себѣ взглядъ на искусство, выработанный нѣмецкою философіей. Въ статьѣ „Искаженіе романтической поэзіи“ Надеждинъ является уже совершенно самостоятельнымъ, отрывается отъ классицизма и высказываетъ такія требованія, которыя литература исполнила только въ ближайшія къ намъ времена. Участіе Надеждина въ „Вѣстникѣ Европы“ продолжалось не долго и не исчерпываетъ всей его критической дѣятельности, имѣвшей важное значеніе въ исторіи русской мысли, и потому мы изложимъ оцѣнку ее въ свое время, говоря объ эпохѣ тридцатыхъ годовъ, когда дѣятельность Надеждина вполне развилась и опредѣлилась. Журналъ Каченовскаго былъ съ самаго начала поприщемъ для критической дѣятельности Мерзлякова, самаго даровитаго представителя старей, классической критической школы. Рядомъ съ этимъ Каченовскій охотно давалъ мѣсто въ своемъ журналѣ всѣмъ критикамъ-классикамъ, восхвалявшимъ нелѣпыя, но вѣрныя стариннымъ литературнымъ традиціямъ поэмы, въ родѣ „Величія Россіи“ Волкова и при всякомъ удобномъ случаѣ вооружавшимся противъ новѣйшихъ писателей романтиковъ. Въ одной изъ первыхъ полемическихъ битвъ между кн. Вяземскимъ, присоединившимъ къ изданію „Бахчисарайскаго фонтана“ разговоръ между издателемъ и классикомъ въ защиту романтизма, и Дмитриевымъ, выступившимъ противъ положеній кн. Вяземскаго, Каченовскій далъ въ своемъ журналѣ пріютъ Дмитриеву, придумавшему такую оригинальную характеристику тогдашней нашей романтиче-

ской школы: „отличительный признакъ сей школы состоитъ въ какой-то смѣси мрачности съ сладострастіемъ, быстроты разсказа съ неподвижностью дѣйствія, пылости страстей съ холодною характеровъ, а у плохихъ подражателей новой школы есть еще свойственный имъ однимъ признакъ, состоящій въ томъ, что насти картинъ ихъ разбросаны, несоответственны одна другой и не окончены, чувства неопредѣленны, языкъ тѣменъ“ (В. Е. 1824, кн. 5, стр. 49). Журналъ Каченовскаго, представлявшій первый у насъ опытъ серьезнаго, *учащаго журнала*, важенъ еще тѣмъ, что онъ радушно помѣщалъ на своихъ страницахъ труды молодыхъ людей, только что выступавшихъ на литературное поприще. Такъ, здѣсь начали свое поэтическое поприще Писаревъ, М. Дмитріевъ, Полежаевъ. Изъ лицъ занимающаго насъ кружка здѣсь печатали первые свои произведенія кн. Одоевскій, Погодинъ, Шевыревъ, А. С. Поровъ и А. И. Кошелевъ, которому, по всей вѣроятности, принадлежитъ статья „О нынѣшней Персіи“ (В. Евр. 1827 г. № 7, стр. 215—221, заимствованная изъ Н. Р.). Лучшая пора „Вѣстника Европы“ оканчивается 1825 годомъ. Съ этимъ годомъ журналъ измѣнился и началъ быстро ухудшаться. Пржеіне сотрудники начали мало-помалу отъ него отходить: еще съ 1820 года московскіе поэты М. Дмитріевъ и Писаревъ появились въ „Сынѣ Отечества“. Поступившіе на мѣсто прежнихъ новые сотрудники не имѣли ни такой учености, ни таланта, ни литературной привычки. Даже стихотворный отдѣлъ значительно упалъ: въ немъ дождались неизвестные, бездарные и теперь окончательно забытые поэты—убійственный поэтъ изъ Оренбурга П. Кудрашевъ, Сарандинаки, Кобозевъ, участвовавшій въ журналѣ Невзорова „Другъ Юношества“, Алякритскій ⁽⁷⁴⁾ и др. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнившееся направленіе журналистики отразилось и на „Вѣстникѣ Европы“. „Сынъ Отечества“ ввелъ въ моду библиографію и критику, которая съ выступленіемъ на сцену новыхъ журналовъ въ 1825 году обратилась въ ожесточенную полемическую войну. Волей-неволей Каченовскій долженъ былъ подчиниться этому направленію и отвести критику видное мѣсто въ своемъ журналѣ. Въ своемъ объявленіи объ изданіи журнала въ 1829 году Каченовскій прямо высказываетъ, что безпристрастная и чуждая личностей критика есть одно изъ существенныхъ условій журнала. Этимъ объясняется литературная связь его съ Надеждинымъ, и надо признаться, что выборъ

Каченовскаго въ этомъ случаѣ былъ самый счастливый. Въ послѣднемъ 1830 году Каченовскій ввелъ въ своемъ журналѣ постоянный отдѣлъ библиографіи, русской и иностранной. Но уже по „Вѣстнику Европы“ было очевидно, что старая журналистика первой четверти нашего вѣка отжила и на смѣну ей должна была появиться другая, видно, что прежніе литературные кружки разлагались, происходила новая группировка рабочихъ силъ на этомъ поприщѣ, потребность обновленія дѣлалась осязательной. Нарождалось новое поколѣніе писателей, воспитанныхъ подъ иными условіями быстро двигавшейся въ ту эпоху европейской культуры и живаго обмѣна между народами, сплоченными между собой событіями только что окончившейся великой борьбы; въ Россіи появился Пушкинъ и вслѣдъ за нимъ цѣлая вереница талантливой молодежи, смѣло выступившей на новое поприще литературной дѣятельности. Къ этому въ Москвѣ присоединились толчекъ, данный распространенію въ обществѣ шелингизма съ возвращеніемъ Павлова изъ-за границы въ 1820 году и результаты критической дѣятельности Мерзлякова. Старая московская журналистика должна была посторониться и дать мѣсто новой, какъ во времена Карамзина уступила ему свое мѣсто журналистика Новиковской эпохи. Это во время созналъ и самъ Каченовскій. Оканчивая свой журналъ 1830 годомъ Каченовскій отъ лица „Вѣстника Европы“ заявилъ, что „умираетъ смертью обыкновенною, по чину естества, неизбѣжною для всѣхъ органическихъ созданій“.

Гречъ принадлежалъ въ тому извѣстному триумвирату (Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій), который властвовалъ неограниченно въ нашей журналистикѣ тридцатыхъ годовъ. За этимъ триумвиратомъ осталось въ исторіи не красивое, но заслуженное имя благонамѣренной, консервативной, мелочно-завистливой и поверхностной журналистики, неспособной оцѣнить ни проявленія самобытнаго таланта, ни живой, свободной мысли журналистики, преслѣдовавшей, главнымъ образомъ, въ литературѣ цѣли своекорыстныхъ, всякими дозволенными и недозволенными средствами. Само собою разумѣется, что снимать это нареканіе было бы предпріятіе и неумѣстное, и бесплодное, такъ какъ факты, его подтверждающіе, слишкомъ ярки и несомнѣнны. Но относясь къ вопросу объективно, какъ и слѣдуетъ во всякомъ историческомъ изложеніи, куда не должны переноситься общественныя страсти и личныя

симпатіи и антипатіи, необходимо уяснить себѣ: а) когда дѣятельность каждаго изъ членовъ тріумвирата приняла то направленіе, которое возбудило противъ нихъ общественное мнѣніе, б) помимо своей зазорной стороны какія услуги каждый въ свою очередь оказалъ обществу, ибо безъ всякихъ услугъ, одною подлостью нельзя пріобрѣсти того значенія, какое имѣли въ свое время члены тріумвирата. Отголосокъ общественнаго мнѣнія современниковъ и ближайшаго потомства сливается въ одно цѣльное чувство всѣ хорошія и дурныя стороны дѣятельности извѣстнаго лица и этимъ опредѣляетъ степень его нравственнаго вліянія; но такое убѣжденіе не можетъ служить единственнымъ критеріемъ для опредѣленія значенія болѣе или менѣе крупнаго литературнаго дѣятеля въ данную эпоху, такъ какъ кромѣ нравственнаго элемента каждый вноситъ въ общественный оборотъ извѣстный запасъ умственнаго труда, извѣстный отвѣтъ на поставленныя задачи и такимъ образомъ выполняетъ свою долю участія въ общемъ движеніи. Дѣятельность журнальнаго тріумвирата соврѣла уже въ тридцатыхъ годахъ, а до тѣхъ поръ каждый изъ членовъ шелъ отдѣльно, своей дорогой. Въ царствованіе Императора Александра Гречъ подвергался преслѣдованіямъ: онъ привлеченъ былъ, хотя совершенно случайно, какъ хозяинъ типографіи, къ дѣлу о печатаніи книги Госнера; Гречъ подозрѣвался даже въ революціонномъ направленіи, какъ учитель и инспекторъ военныхъ Ланкастерскихъ школъ. Гречъ никогда не былъ искреннимъ и серьезнымъ либераломъ, въ чемъ всего лучше можно убѣдиться чтеніемъ его „записовъ“; для него идеаломъ представлялся внѣшній порядокъ, поддерживаемый полицейскими мѣрами, не обращая вниманія на то, что этотъ порядокъ внутри себя скрывалъ полный застой мысли и внутреннее нравственное разложеніе. Правда, Гречъ говоритъ про себя: „я былъ въ то время отъявленнымъ либераломъ, напѣтавшимся этого духа въ краткое пребываніе мое во Франціи въ 1817 г.“ (Зап. стр. 446). Но онъ самъ же спѣшитъ прибавить, что „при началѣ „Сѣверной Пчелы“ я уже вытрезвился отъ либеральныхъ идей волею и неволею“ (стр. 450). Что такое либералы подобнаго рода, мы научились цѣнить въ недавно прошедшее время. Мало ли было либераловъ въ памятную эпоху освобожденія крестьянъ, когда быть либеральнымъ было общепринято и выгодно, либераловъ, которые, казалось, готовы на все во имя своихъ

принциповъ, но которые мгновенно перевернули фронтъ, какъ скоро только въ воздухѣ почувалась пережѣна настроенія. Но во всякомъ случаѣ до сближенія своего съ Булгаринымъ Гречъ не заискивалъ въ правительствѣ; такъ или иначе онъ выражалъ свои собственные, независимыя убѣжденія и желалъ принести посильную услугу обществу. Бѣлинскій относительно Греча пришелъ въ заключенію, что „Гречъ не поэтъ, не ученый, но литераторъ, по достоинству занимающій въ нашей литературѣ одно изъ видныхъ мѣстъ и оказавшій ей большія услуги“. Значеніе *литератора* Бѣлинскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „литераторъ—человѣкъ, который, не произведя ничего прочнаго, безусловно имѣющаго всегдашнюю цѣну, пишетъ много такого, что имѣетъ цѣну современности, не научая дасть средства научиться, не восторгая, доставляетъ удовольствіе“. Поворотъ къ худшему вызванъ былъ въ Гречъ его связью съ Булгаринымъ, съ которымъ онъ трудился вмѣстѣ надъ изданіемъ „Волшебнаго Фонаря“, или „Литературныхъ Листковъ“, печатавшихся въ видѣ прибавленія къ „Сѣверному Архиву“, и сошелся окончательно въ 1825 году, когда они начали вмѣстѣ издаваніе „Сѣверной Пчелы“ и продолжали „Силъ Отечества“ и „Сѣверный Архивъ“. Гречъ не скрываетъ въ своихъ запискахъ ни безправственности Булгарина, ни дурнаго его на себя вліянія. По словамъ Греча въ Булгаринѣ „скрывалась только исключительная жадность къ деньгамъ, имѣвшая цѣлью не столько накопленіе богатства, сколько удовлетвореніе тщеславія. Признаюсь—говоритъ онъ—если бы я зналъ, каковъ Булгаринъ дѣйствительно, я ни за что не вошелъ бы съ нимъ въ союзъ. Когда я убѣдился въ возрастаніи недружелюбія, зависти и злобы въ Булгаринѣ, надобно бы было расторгнуть нашу связь, но отъ нея зависѣло благосостояніе моего семейства“ (447 и 448). Журнальное свое поприще Гречъ началъ, какъ мы видѣли, въ лучшемъ Петербургскомъ литературномъ кружкѣ того времени—въ Обществѣ любителей русской словесности, науки и художествъ, когда оно занято было изданіемъ „Петербургскаго Вѣстника“. Въ этомъ журналѣ, отличавшемся, главнымъ образомъ, критическимъ направленіемъ, Гречъ по этой части былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ. Дѣятельность свою въ этомъ направленіи Гречъ продолжалъ и сдѣлавшись самостоятельнымъ редакторомъ: она-то именно опредѣлила значеніе его журнала и придала ему цѣну въ глазахъ современнаго общества. До 1825 года,

т.-е. до соединенія съ Булгариннымъ, Гречъ помѣщалъ въ „Синѣ Отечества“ самую полную библиографію книгъ, выходившихъ за это время по всѣмъ отраслямъ, вмѣстѣ съ краткими отзывами объ ихъ достоинствѣ. Отзывы эти относительно дурныхъ изданій часто ограничивались коротенькою насмѣшкою, иногда уничтожающею разбираемое сочиненіе надежнѣе пространной рецензій. Гречъ въ этомъ случаѣ былъ прямымъ предшественникомъ Сенковского, употреблявшаго тотъ же приемъ только съ большимъ остроуміемъ, но съ меньшею осторожностью. Критическая дѣятельность Греча имѣла большое значеніе для общества; еще и теперь эта, такъ сказать, предупредительная критика спасаетъ читателя отъ дурныхъ и бесполезныхъ книгъ, руководя до нѣкоторой степени выборомъ его въ чтеніи, но на литераторовъ навела панику и возбудила къ Гречу глубокую ненависть. При самомъ еще началѣ одинъ изъ числа обиженныхъ, укрывавшихся обыкновенно на страницахъ „Вѣстника Европы“, обратился къ редактору съ такой слезницей: „Состраданіе къ соотечамъ и любовь къ словесности заставляютъ меня просить васъ вступиться за нашихъ сочинителей, переводчиковъ и издателей новыхъ книгъ. Сужденія о нихъ журнала „Сина Отечества“, кажется мнѣ, слишкомъ строги и даже могутъ быть вредны нашей литературѣ“. Другой сотрудникъ „Вѣстника Европы“ заявляетъ, что похвалы Греча, укоры, приговоры почитались закономъ; самое молчаніе, самыя крестики и звѣздочки (значки, употреблявшіеся въ библиографіи при заглавіи книгъ, о которыхъ не помѣщалось отзыва), по видимому маловажныя значки, впоследствии сдѣлались очень важными, отправляли должностъ критики и имѣли удивительное дѣйствіе надъ сочинителями и книгопродавцами (7 и 8, 226). Третій съ сожалѣніемъ удостовѣряетъ, что „читатели столь привыкли къ приговорамъ журналистовъ, невыгоднымъ для самолюбія авторовъ, столько любятъ находить въ нихъ (т.-е. приговорахъ) эпитхамы и насмѣшки!“ (1821). Неудовольствія не смущали Греча, не разъ онъ повторилъ: „пусть бранятъ сочинителя современной русской библиографіи за краткіе, рѣзкіе приговоры его глупымъ и негоднымъ книгамъ. Онъ общается друзьямъ и недругамъ своимъ, что, никогда не отстанетъ отъ своей привычки, и всегда будетъ называть черное чернымъ, бѣлое бѣлымъ, глухое глупымъ; къ сему побуждаетъ его не только долгъ издателя журнала, читаемаго во всѣхъ краяхъ Россіи, но и увѣренность въ пользу сихъ

замѣчаній. Гдѣ столько печатаютъ переводовъ съ французскаго, какъ у насъ, тамъ критика становится уже необходимою, не столько для оцѣнки дарованій у себя, какъ для обнаруживанія дурнаго вкуса въ тѣхъ, которымъ преимущественно привыкли подражать. Лессингъ, одинъ изъ величайшихъ критиковъ въ Германіи, возникъ прежде, нежели образовалась истинная нѣмецкая литература, и сколько онъ принесъ пользы нѣмецкой словесности! А мы почти въ томъ положеніи, въ которомъ находились нѣмцы, прежде нежели Виландъ началъ писать, и предразсудокъ Фридриха II противъ своего языка дѣйствовалъ еще надъ многими умами“ (1814 № 39. стр. 8). Но не всегда Гречъ называлъ черное чернымъ и бѣлое бѣлымъ. Такъ, на примѣръ, когда вышла книга Галича „Исторія философскихъ системъ“, Гречъ отозвался объ ней иронически, заявляя, что онъ никогда не могъ дойти до втораго листа, отдалъ ее читать пріятелю, который зналъ по нѣмцѣи, и пріятель, сначала думавшій, что книга написана по русски, нашель, что она нѣмецкая. Этотъ незаслуженный ироническій отзывъ вызвалъ въ „Вѣстникѣ Европы“ возраженіе, подписанное П. С. гдѣ авторъ, „осуждая непримиримую ненависть нашихъ поэтовъ и словесниковъ къ философіи“, называетъ книгу Галича „неоцѣненнымъ подаркомъ для тѣхъ, которые безъ предразсудковъ, съ искреннимъ расположеніемъ и доброю волею желаютъ познать истину“. Гречъ отвѣтилъ на эту полемику, признаваясь, что онъ разбиралъ книгу Галича *шуткою*, но въ то же время выписалъ изъ нея цѣлый рядъ тяжелыхъ оборотовъ. Это было до нѣкоторой степени справедливо, хотя діалектическое построеніе умозрительной философіи, требующее особой, тонкой терминологіи, въ то время у насъ совершенно не обработанной, само подавало поводъ къ нѣкоторой неясности, такъ что выставять впереди всего этотъ недостатокъ Галича было несправедливо. Но хуже всего то, что Гречъ въ томъ же самомъ году самъ помѣстилъ переводъ съ англійскаго „О происхожденіи искусствъ“, Созоновича, котораго рѣшительно понять нельзя, и въ сравненіи съ которымъ книга Галича — образецъ ясности и легкости слога. Отзываясь иронически о Галичѣ Гречъ о книгѣ Велланскаго „Свѣтъ и теплота“, изъ Окена помѣстилъ рецензію, гдѣ сказано: „сочиненіе сіе есть одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній новѣйшей теоріи. Оно наиболѣе отличается какъ глубокомысленностью, такъ и основательностью раз-

суждений о сей матеріи. Въ сей книгѣ убѣдительнѣйшими доводами опровергнуты произвольныя предположенія двухъ господствующихъ доселѣ теорій о свѣтѣ такъ, что, можно сказать *ощутно* (?), каждый любителей физики найдетъ несовершенство оныхъ“. Между тѣмъ относительно ясности изложенія и легкости языка Велланскій далеко уступаетъ Галичу. Привычка относиться съ заслуженною прозією къ дурнымъ книгамъ нечувствительно придала рецензіи тонъ заносчивый, рѣзкій и переходящій въ брань; авторъ разбираемаго сочиненія представлялся какъ бы личнымъ врагомъ, къ которому слѣдовало *придираться* (выраженіе, которое Гречъ самъ считалъ наивно обязанностию рецензента), котораго слѣдовало разругать. Анд. Раевскій въ предисловіи къ своимъ воспоминаніямъ о походахъ 1812 и 1813 годовъ, изданнымъ въ 1822 году, говоритъ: „издавая въ свѣтъ сіи записки я не ищу ни славы писателя, ни одобренія журналистовъ: *критика обратилась нынѣ въ ругательство*“. До какой степени этотъ общій духъ заразилъ даже людей серьезныхъ и умныхъ, доказываетъ разборъ изданнаго харьковскимъ профессоромъ Успенскимъ извѣстнаго „Опыта повѣствованій о древностяхъ російскихъ“, написанный Строевымъ. Строевъ былъ самъ археологъ и хорошо понималъ цѣну сборника Успенскаго, не утратившюся до сихъ поръ, но онъ нападаетъ на автора за отсутствіе ученой разработки и системы, желая видѣть не сырой матеріалъ, а сводъ результатовъ, тогда какъ въ то время именно важно было собраніе матеріаловъ, которому Строевъ самъ посвятилъ цѣлую свою жизнь. Успенскій отвѣтилъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ и „Сынѣ Отечества“; но Строевъ въ своемъ отвѣтѣ продолжалъ свои возраженія въ томъ же направленіи. Рецензія скоро обратилась въ полемику и сдѣлалась еще нетерпимѣе и придирчивѣе, дѣло переходило въ личность, и страницы журнала наполнялись перебранками между собою по самому ничтожному поводу. Первымъ поводомъ къ полемикѣ, съ самаго начала относительно скромной, послужило изданіе Воейковымъ „Собранія русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ“, Спб. 1810 г. Изданіе это произвело сильное волненіе въ литературной средѣ: пропущенные авторы сильно обидѣлись и черезъ пріятельскія руки посыпались изліянія этихъ обидъ. Полемическій характеръ рецензій въ особенности усилился съ 1825 года, въ эпоху появленія многихъ журналовъ и въ особенности „Телеграфа“, издаваемаго По-

левымъ: въ эту эпоху соединенія Греча съ Булгаринимъ отдѣлъ библиографіи въ „Сынѣ Отечества“ уничтожился, и вмѣсто него появились разборы отдѣльныхъ сочиненій задорнаго тона, разборы вызывавшіе болѣе или менѣе продолжительную полемику. Появился даже особый отдѣлъ иронической критики подъ именемъ „ящича“, который постоянно переругивался съ московскими журналами — „Вѣстникомъ Европы“, „Галатеею“ и „Телеграфомъ“. Положеніе нашей литературы вызвало въ 1829 году такіе отзывы Надеждина въ „Вѣстникѣ Европы“. „Какое странное зрѣлище представляетъ нынѣ Парнасъ нашъ? Сыннъ благодатнаго Феба, жрецы кроткихъ музъ только что не вцѣпляются другъ другу въ волосы; куда не обернись вездѣ шумъ и крикъ, вездѣ смуты и сплетни, вездѣ свары и брань. Кровь чернильная льется потоками въ междоусобныхъ боаяхъ, и перанья стрѣлы изощряются только на взаимное пораженіе и истребленіе“ (8, 288). Этотъ характеръ критики въ смыслѣ полемической руготни надолго остался въ нашей журналистикѣ и господствовалъ съ полною силою еще въ шестидесятыхъ годахъ, напоминая приемы двадцатыхъ годовъ и даже повторяя „ящичъ“ „Сына Отечества“, „свисткомъ“ „Современника“. Но вплоть до 1825 года, т. е. до появленія „Телеграфа“, „Сынъ Отечества“ представлялъ либеральный лагерь въ русской литературѣ и отстаивалъ отъ нападенія поколѣніе молодыхъ литераторовъ противъ старо-классиковъ „Вѣстника Европы“ и другихъ журналовъ. Представителями критическаго отдѣла „Сына Отечества“ были кн. Вяземскій, устранившійся отъ „Вѣстника Европы“ послѣ размолвки съ Каченовскимъ, и А. Бестужевъ, начавшій свое критическое поприще въ „Сынѣ Отечества“. Оба они въ свое время были лучшими критиками: въ ихъ разборахъ замѣтно было присутствіе живой мысли и вѣрнаго литературнаго чутія, а не шаблонное примѣненіе заученныхъ риторическихъ правилъ и внѣшняя придирчивость въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и недостаткамъ слога. Замѣчательно, что Бестужевъ, помѣщая въ „Сынѣ Отечества“ отвѣтъ на рецензію „Обзора русской литературы“, помѣщеннаго имъ въ „Полярной Звѣздѣ“ за 1822 годъ, даетъ, между прочимъ, такое объясненіе: „чтобы быть прочтены, я былъ принужденъ писать коротко, ново и странно“. Вотъ подъ такимъ убѣжденіемъ выработанъ слогъ Бестужева, дѣйствительно представляющій собою погоню за новизною и страннымъ. Того же

самаго направленія, т. е. сочувственнаго направленія новой литературы держались и второстепенные критики „Сына Отечества“ — Ор. Сомовъ, Вас. Умановъ, Срезневскій старшій и разные псевдонимы, ратовавшіе съ псевдонимами классиками „Вѣстника Европы“ (75). До 1825 г. въ „Сынѣ Отечества“ помимо библиографіи помѣщены отдѣльныя критическія статьи: о Муравьевѣ, Батюшкова, Басни Агафи, Сущцова, въ 1814 году, разборъ басенъ Крылова, Измайлова, полемика о сочиненіяхъ Катенина, гдѣ, въ отвѣтъ на хвалебный разборъ, напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“, неизвѣстный критикъ помѣстилъ строгій и справедливый приговоръ, вызвавшій опроверженіе со стороны пріятели Катенина, Грибоѣдова, о Державинѣ, кн. Вяземскаго (1816). Воейковъ тотчасъ по вступленіи въ товарищество съ Гречемъ по изданію „Сына Отечества“ помѣстилъ въ 1820 году разборъ „Руслана и Людмилы“, сочувственный, но тяжело и бездарно написанный, и при томъ по старинному шаблону, гдѣ вся критика ограничивалась разборомъ отдѣльныхъ выраженій. По этому поводу въ самомъ „Сынѣ Отечества“ возгорѣлась полемика, о которой въ „Историческомъ и критическомъ обзорѣ русскіхъ журналовъ“ нѣкто В. заявилъ, что полемика эта сильно надоѣла читателямъ и заключала въ себѣ лишь темныя выраженія, туманя остроты, плохія насмѣшки, коими осыпали другъ друга защитники и хулители сего стихотворенія, и заставляютъ жалѣть о потерянныхъ мысляхъ и чернилахъ (С. О. 1821, № 14, 174). То же самое слѣдуетъ признать за общую характеристику полемики борьбы, наполнявшей журналы двадцатыхъ годовъ и перенесенной въ послѣдующее время. „Сынѣ Отечества“ въ исторіи нашей журналистики имѣлъ значеніе по преимуществу *критическаго журнала*: онъ первый показалъ важность этого отдѣла для журнала и значеніе его въ общественномъ смыслѣ, первый установилъ пріемъ для журнальной критики, повторившійся потомъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, смотря по таланту редактора, въ другихъ современныхъ и позднѣйшихъ изданіяхъ. Въ этомъ состоитъ единственная заслуга Греча въ области журналистики. Помимо критическаго значенія „Сынѣ Отечества“ не представлялъ ничего выдающагося. До 1825 года журналъ вѣрнѣе былъ своей программѣ и давалъ своимъ читателямъ подъ именемъ „политическихъ новостей“ обзоръ текущихъ событій, обзоръ запоздалый, чисто фактический, и вообще съ характеромъ самымъ консервативнымъ, не смотря на

увѣренія Греча, что онъ въ то время былъ ультра-либераломъ. Случайно—вслѣдствіе личныхъ отношеній съ Куницынымъ по педагогическому институту въ 1818 г., т. е. въ самый разгаръ правительственнаго либерализма—„Сынъ Отечества“ увлекся общимъ направлениемъ. Куницынъ помѣстилъ неподписанную и очень энергическую статью „О состояніи иностранныхъ крестьянъ“ въ отвѣтъ на статью, помѣщенную какимъ-то Правдинымъ въ „Духъ журналовъ“, гдѣ Правдинъ доказывалъ невозможность у насъ освобожденія крестьянъ обеспеченнымъ положениемъ, которое они имѣютъ сравнительно съ западными свободными земледѣльцами. Куницынъ ярко очерчиваетъ всѣ неудобства рабства, въ которое погружены были наши крестьяне и вредъ тяготѣвшаго надъ ними помещичьяго произвола. Другая статья Куницына „О конституціи“ есть повтореніе мысли, высказанной гр. Уваровымъ при открытіи каѳедры восточныхъ языковъ въ педагогическомъ институтѣ 22 марта 1818 года. Самая рѣчь Уварова подробно изложена Куницынымъ въ „Сынъ Отечества“ того же года. Основная мысль Куницына вслѣдъ за Уваровымъ заключается въ слѣдующемъ: „Жители нынѣшнихъ государствъ, вопреки духу древнихъ республиканцевъ не желая сами быть законодателями, хотятъ только имѣть при лицѣ верховнаго властителя своихъ *представителей*, которые бы его, яко отца народа, извѣщали о нуждахъ общественныхъ, *умоляли* о принятіи мѣръ противъ золъ, существующихъ въ обществѣ и съ благодарностью могли испрашивать у его правосудія законовъ для всѣхъ равно благодѣтельныхъ. Слѣдовательно, желанія новѣйшихъ народовъ стремятся только къ тому, чтобы верховная власть имѣла всю возможность къ открытію общественныхъ безпорядковъ и всю силу, потребную къ превращенію оныхъ“ (стр. 206). Такимъ образомъ, желанія Уварова и Куницына не шли далѣе *права совѣтательнаго юлоса земскихъ выборныхъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ*. Прозаическаго литературнаго отдѣла почти не существовало въ „Сынъ Отечества“ до 1823 года, а въ стихотворномъ отдѣлѣ, въ особенности до соединенія Греча съ Булгаринымъ и до усиленнаго появленія альманаховъ, участвовали всѣ извѣстные и второстепенные поэты, а также всѣ начинающіе. Тамъ помѣщали свои стихотворенія: Жуковский, Пушкинъ, Дельвигъ, Плетневъ, Баратынскій, Авр. Норовъ, Рылѣевъ, Козловъ, Ободовскій, даже московскіе поэты: Писаревъ, Мих. Дмитріевъ,

Ранчъ; послѣ 1825 года Вердеревскій, Ознобишинъ, бар. Розенъ, Бестужевъ-Рюминъ, Карлгофъ, Лихонинъ и др. Главное содержаніе „Сына Отечества“ составляли отрывки изъ сочиненій и переводовъ, вслѣдъ за тѣмъ являвшихся въ печати въ видѣ рекламы—способъ очень удобный и выгодный для дароваго наполненія столбцовъ журнала. Выписки эти касались, главнымъ образомъ, путешествій и военныхъ подвиговъ: такъ были напечатаны безконечныя выписки изъ путешествій и записокъ Броневскаго, выдержки изъ путешествій Свиньина, Беллинггаузена, Лазарева, Крузенштерна, Головнина, Биллингса, Сенковскаго, Доленги-Ходаковскаго и др. Изъ русскихъ книгъ Грець предварительно напечаталъ пространныя отрывки изъ географическихъ сочиненій Берга, военно-историческихъ сочиненій Бутурлина, нѣсколько главъ изъ исторіи Карамзина и даже не одинъ отрывокъ изъ всеобщей исторіи Кайданова. Отрывокъ изъ сочиненія Мишо „О крестовыхъ походахъ“ также занялъ много мѣста благодаря явившемуся затѣмъ въ печати полному переводу. Грець помѣщалъ въ своемъ журналѣ переводныя отрывки изъ Шлѣцера, Монтескье (Духъ законовъ), г-жи Сталь, изъ сочиненія Флассана „о французской дипломатіи“, изъ „римскихъ писемъ или путешествія Поликлета“, бар. Алекс.-детейса, исторіи Италіи съ 1789 — 1814 г., Ботта, изъ греческой исторіи Джиллиса, изъ „мыслей“ Паскаля, о египетскихъ гіероглифахъ Шамполіона (1824), біографія Дженнера, изобрѣтателя привитія коровьей оспы (1824). Какъ сочиненія, относящіяся къ современнымъ событіямъ—войнѣ Греціи за независимость, интересны приведенныя въ отрывкахъ записки полк. Вутье о греческой войнѣ и отрывки изъ путешествія въ Грецію Пуккевиля. Какъ балластъ литературнаго содержанія вошли сюда отрывки изъ Вальтеръ-Скотта, отрывки изъ *Genie du christianisme* Шатобриана, „Нѣчто о лордѣ Байронѣ“, переводъ изъ *Morgenblatt*. Въ „Сынѣ Отечества“ принимали по русской исторіи участіе Строевъ (О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ) и Руссовъ (о супругѣ франц. короля Генриха I-го Аннѣ, дочери Ярослава, опытъ объ идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ, о кормчей книгѣ, соч. Б. Розенкампа). Здѣсь же помѣщены: переводъ изслѣдованія Уварова о трехъ греческихъ трагивахъ, Оленина—Краткое разсужденіе о бухгалтеріи (1824), Рылѣва — Нѣсколько мыслей о поэзіи (1825), Анастасевича — Краковскіе памятники (1822 г.). Въ числѣ доку-

ментовъ по русской исторіи послѣ 1825 года напечатаны: Записка Бирона о смутномъ времени его жизни (1829), Духовное завѣщаніе, письма и акты, относящіеся до четвертой супруги Грознаго Анны Алексѣевны изъ рода Колтовскихъ (1829—1830), Наказъ объ ученіи царевича Алексѣя Петровича, мировая записка новгородскаго Аржажскаго монастыря игумена Назанна съ боярскимъ сыномъ Нечаемъ Харламовымъ (1830).

Такимъ образомъ журналъ Греча, не заключающій въ себѣ ни переводной, ни оригинальной литературной прозы, не давалъ ничего для легкаго чтенія, потребность въ которому въ то время значительно усилилась. Это побудило Греча къ выпуску литературныхъ прибавленій къ „Сыну Отечества“. Успѣхъ этихъ прибавленій вскорѣ вызвалъ подражаніе со стороны Воейкова (Новости русской литературы, 1823 г.) и затѣмъ Булгарина (Литературные Листви, 1823 г.). Бесплатныя прибавленія къ „Сыну Отечества“; выходили въ 1822 и 1823 году подъ заглавіемъ „Библіотека для чтенія, составленная изъ повѣстей, анекдотовъ и другихъ произведеній словесности“, а въ 1824 году, подъ заглавіемъ „Новая библіотека для чтенія“. Библіотека эта состояла ббльшею частью изъ повѣстей переводныхъ, но въ ней встрѣчаются и оригинальныя. Въ числу послѣднихъ принадлежатъ: Ал. Бестужева (Листовъ изъ дневника гвардейскаго офицера, Замокъ Венденъ), В. Панаева (Обручальное кольцо, Иванъ Костинъ, изъ крестьянскаго быта, Портретъ въ альбомѣ), Н. Бестужева (Бѣглець, означено Н. Б.), Ѡ. Булгарина (Милость и правосудіе, Законъ), Измайлова (Мнѣ до того какое дѣло), Ѡ. Глинки (Завѣтное зеркало, аллегорія); и нѣсколько другихъ, неизвѣстныхъ. Изъ числа переводныхъ повѣстей и отрывковъ помѣщены: „Подарокъ на новый годъ“, изъ записокъ бѣднаго Вильгирскаго священника, рассказъ изъ „British Magazine“, подавшій мысль Гольдсмиту для его „Векфильдскаго священника“, монологъ Вильгельма Телля, изъ Шиллера, Гофмана (Дѣвица Скюдери, Дожъ и Догаресса), изъ романа В. Скотта „Антикваріи“ (сказка „Мартынъ Вальдекъ“), изъ Гольдсмита (Странствующій актеръ), изъ Гердера (Примѣры дней, китайская повѣсть). Затѣмъ помѣщены переводы изъ второстепенныхъ авторовъ, пользовавшихся въ свое время извѣстностью: Мейстера младш., Жюи, Пиго ле-Брена, Бульи, Лагарпа, Жанлисъ, Коцебу, Цшовке, Каролины Пихлеръ; г-жи Гизо (L'ecolier ou Raoul et Victor), Монтолье, Авг. Ла-

фонтена, изъ Оомы Гольерафта (Adventures of High Trevor)
и т. д.

Въ 1825 году въ виду новаго движенія въ журнальной литературы, о которомъ мы уже говорили, Гречъ и Булгаринъ соединились вмѣстѣ и, уничтоживши литературныя прибавленія въ свои журналы, начали вмѣстѣ издавать „Сынъ Отечества“ и „Сѣверный Архивъ“. Отъ этого соединенія „Сынъ Отечества“ не выигралъ. Полный библиографическій отдѣлъ былъ уничтоженъ и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилось исключительное его вліяніе на литературу, въ смыслѣ руководящей читателей критики; послѣдняя получила задорно подемическій тонъ, главная вина котораго падала на Булгарина. Тогда же началось соревнованіе во взаимномъ самовосхваленіи обоихъ редакторовъ, напоминающее рекламы мелкихъ торгашей и возбуждившее негодованіе въ несочувствующей такимъ присмакъ литературной средѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно былъ усиленъ оригинальный и переводный отдѣлъ литературной прозы. Изъ оригинальныхъ прозаическихъ статей помѣщены: Желаніе В. С. Ф-чь (1825), Бѣдный Ефимъ В. У. (Вас. Ушакова), отрывокъ изъ малороссійской повѣсти Гайдамакъ, отрывки изъ Димитрія Самозванца Ф. Булгарина (1828 г.), Дуэль, Второй офицерскій вечеръ В. Карльгофа, Марлинскаго: Испытаніе, Вечеръ на Кавказскихъ водахъ, въ 1824 году, Приемъ ученика, В-тъ Вій. Изъ первоклассныхъ писателей помѣщены въ періодъ съ 1825—1830 годъ влючительно: переводы изъ Вашингтона Ирвинга: (the Brit. Sketch Book) „Отрывокъ изъ разсказовъ одного путешественника, Кухня въ трактирѣ, Томъ Вольфъ, Живописецъ, Вдова учительница горъ (изъ романа the Chronicles of Canongate), Саламанскій студентъ“. Изъ Вальтеръ-Скотта: „Квитанція послѣ смерти, изъ романа Редондлетта, Біографія Лесажа, Опытъ о романахъ, Біографія Анны Радклифъ, Отрывки изъ жизнеописанія Наполеона, О чудесномъ въ романѣ. Изъ Томаса Мура: Свѣтъ гарема, поэма, прозою. Изъ Гёте—отрывокъ изъ его автобіографіи. Изъ Гофмана: Синьора Формика и статья о его жизни и смерти. Изъ второстепенныхъ писателей по нѣмецкой литературѣ: изъ Клауренса, г-жи Пихлеръ, Цшовке, Круве, г-жи Шопенгауеръ, Людвига Тика, Сарторіуса, Блуменбаха, Фан-дер-Фельда, Эрнеста Раупаха. По французской литературѣ: изъ Пивара (le Gilblaze de la revolution); Бульи, Лафонтена, Ламотъ-Фуке, г-жи Суза, Казиміръ Делавиня, изъ „Жизни Шекспира“, приложенной

Гизо въ переводу Шекспира, Поль-де-Кока (изъ его романа „Бѣлый домъ“). По англійской литературѣ: похождения Хаджи Бабы испаганскаго, Мирье (2 главы изъ 1-й части, съ нѣмецкаго); Lady Morgan, Горація Смита. Кромѣ того въ „Сынѣ Отечества“ есть тоже указаніе на романъ Купера „Ліонель Линкольнъ“. Изъ восточной литературы—два перевода изъ Гарири Сенковскаго (подъ именемъ Делюбардера). „Караванъ“ и „Золотая монета“ (1830, подпись Д.). Изъ оригинальныхъ статей ученаго содержания замѣчательны Сенковскаго, подъ именемъ Делюбардера: О восточной поэзіи (1826); Нѣсколько замѣчаній на статьи Герена о Рамаанѣ и на переводъ ея въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ (1827); П. Кеппена, Исторія училищъ; Сомова, Курсъ французской литературы, Вильмена; Блокада и осада Корфу, Висковатова (1828); біографія бар. Любераса (1829); Воспоминанія о Грибоѣдовѣ, Ф. Булгарина и дополненіе къ нимъ (1830, № 1 и 2); Объ истинномъ и ложномъ романтизмѣ В. Бриммера. Изъ переводныхъ статей встрѣчаются: Отрывки изъ географіи Риттера, Статья о календарѣ Сентъ Мартена, О нынѣшнемъ состояніи нѣмецкаго театра и драматической литературы, Людвигъ Тива, изъ его драматическихъ листовъ; Помпея, Шамполиона младшаго; драма Чернаки или кастильская честь, Виктора Гюго, изъ Revue Encyclopedique. По части философіи „Сынъ Отечества“ главнымъ образомъ проявился, и то до соединенія съ Булгаринцымъ, переводами отрывковъ изъ Дежерандо; на ряду съ этимъ помѣщались статьи антропологическаго содержания изъ Вирея (Histoire naturelle de l'homme и мелкихъ его статей). Нѣмецкую философію „Сынъ Отечества“ игнорировалъ и только, въ насмѣшку надъ послѣдователями ея въ Россіи послѣ 1825 года, помѣстилъ пародію подъ заглавіемъ „Шеллингова философія“ (ч. 133, стр. 117 и слѣд.).

Въ періодъ 1812—1825 года преобладающее положеніе, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи приобрѣла, петербургская журналистика: за это время изъ 30 вновь появившихся журналовъ^(*) 21 явились въ Петербургѣ, въ Москвѣ, сверхъ удержавшихся „Вѣстника Европы“, „Русскаго Вѣстника“, получили начало только 9.

Въ петербургской журналистикѣ самое видное мѣсто заняли журнальные труды существовавшихъ тамъ литературныхъ обществъ. Изъ числа самыхъ видныхъ и талантливыхъ членовъ этихъ обществъ были декабристы братья А. и Н. Бестужевы, Кюхельбекеръ и Рытѣевъ. Значеніе ихъ въ журнальной литературѣ своего времени вполне не

выяснено, между тѣмъ они были не случайными, а постоянными сотрудниками большинства тогдашнихъ петербургскихъ журналовъ: „Сына Отечества“, „Благонамѣреннаго“, „Соревнователя“, и „Невскаго Зрителя“, и пр. Они, не освободившись, конечно, изъ подъ ферулы подражательности, составлявшей общій характеръ тогдашней русской литературы, всетаки относились болѣе чутко въ роднымъ мотивамъ нашей исторической и бытовой жизни. Критическія статьи А. Бестужева и Кюхельбекера впервые начали снимать лоскъ съ прославленныхъ старыхъ авторитетовъ, еще державшихся въ обществѣ не смотря на свою приторную вычурность и внутреннюю пустоту, и установили критику не какъ школьное упражненіе въ приѣмленіи заученныхъ правилъ, не какъ наивное восхищеніе красивымъ стихомъ и удачнымъ выраженіемъ, а какъ самостоятельную работу мысли, руководимой литературнымъ вкусомъ и художественнымъ чувствомъ. Въ этомъ смыслѣ они были прямыми предшественниками Полеваго и Бѣлинскаго. Ал. Бестужевъ первый понялъ неудовлетворительность современной ему журналистики и потребность въ новомъ журналѣ, какъ проводникѣ измѣнившагося направления въ литературѣ; мы видѣли, что еще въ 1819 году А. Бестужевъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему на изданіе журнала и получилъ отказъ. Въ 1822 году онъ первый открылъ рядъ альманаховъ, окончательно подорвавшихъ старую журналистику изданіемъ вмѣстѣ съ Рылѣевымъ „Полярной Звѣзды“ (77). При отсутствіи талантливаго редактора и при неустановившейся еще группировкѣ литературныхъ силъ альманахахъ, какъ сборникѣ литературныхъ произведеній единомысленнаго пріятельскаго кружка, былъ самою подходящею формою для проведенія въ литературѣ новыхъ идей и подготовленіемъ въ той новой журналистикѣ, которая съ 1825 года выступила въ Москвѣ въ лицѣ Полеваго, а въ 30-хъ годахъ—Надеждина и Бѣлинскаго.

Общество любителей словесности, наукъ и художествъ, вслѣдствіе непріятельскаго погрома, прекратило свои засѣданія въ 1813 году и возобновило ихъ уже въ 1816 году подѣ предсѣдательствомъ А. Е. Измайлова. Общество въ это время уже не составляло единственнаго центра, гдѣ группировались незначительные въ прежнее время кружки талантливой и преданной литературнымъ занятіямъ петербургской осѣдой молодежи, какъ это было до 1812 года. Кромѣ самого Измайлова въ обществѣ оставалось немного прежнихъ членовъ,

а изъ новыхъ прибыло нѣсколько выдающихся: Бестужевъ, Панаевъ, Плетнёвъ, Загоскинъ, Рылѣевъ и Кюхельбереръ. Въ спискѣ членовъ, собравшихся въ засѣданіи 15 іюля 1820 года, упоминаются *опнов избранные*: Н. Н. Анненковъ, Лыкотинъ, Рендорфъ, С. В. Капнистъ, Илличевскій, А. С. Норовъ, Гевличъ, П. Л. Яковлевъ, Гиттенфервальтеръ Власовъ, и И. А. Шоловъ; въ немъ постепенно присоединились другіе. Общество, по словамъ предсѣдателя, не могло отъ своего лица предпринять никакого серьезнаго и оставляющаго прочный слѣдъ въ литературѣ труда, такъ какъ члены его отвлечены были служебными занятіями и собственными дѣлами. Не смотря на то, чтенія въ обществѣ продолжались, и потому поступавшія въ общество статьи членовъ и постороннихъ лицъ помѣщались отчасти въ „Сынъ Отечества“, но преимущественно въ издававшемся Измайловымъ журналѣ. Журналъ Измайлова „Благонамѣренный“ начался 1 января 1818 г. и продолжался по 1 іюля 1826 г., сначала выходилъ по 12 книжекъ въ годъ (1818) а затѣмъ по 52 (въ 1822 и 1825) и по 24 (въ остальные годы). Журналъ вообще выходилъ не аккуратно: послѣднія книжки опаздывали, а за 1825 годъ не додано было 12 номеровъ, такъ что 32 части вовсе не существуютъ (Замѣчанія Полторацкаго на экземплярѣ Рум. Муз.). Журналъ Измайлова былъ чисто литературный и сначала имѣлъ только два отдѣла—литературу и смѣсь, но вскорѣ присоединились къ этому „Извѣстія о новыхъ русскихъ книгахъ“, а въ отдѣлѣ смѣси стали появляться обзоры русскихъ театровъ. Въ 1820 г. программа журнала окончательно установилась въ слѣдующемъ видѣ: I) изящная словесность, т.-е. стихотворенія и проза; II) науки и художества: теорія словесности, наукъ и художествъ, разсужденіе о разныхъ ученыхъ предметахъ, критика; III) смѣсь: 1) біографіи знаменитыхъ мужей, 2) иностранные и отечественные анекдоты, 3) нравоучительныя мысли и разныя замѣчанія, 4) загадки, шарады, логогрифы, омонимы, анаграммы и проч. Сверхъ того при каждой книжкѣ были особыя прибавленія, гдѣ помѣщались: а) извѣстія о новыхъ важнѣйшихъ открытіяхъ въ ученomъ свѣтѣ, б) извѣстія о новыхъ иностранныхъ и всѣхъ русскихъ книгахъ, съ краткими на нѣкоторыя изъ нихъ замѣчаніями, в) извѣстія о новыхъ театральныхъ пѣсахъ и объ играхъ актеровъ, г) любопытныя новости, е) извѣстія о бѣдныхъ, благотворенія. Журналъ во второмъ отдѣлѣ смѣси помѣщалъ извѣстія, получавшіяся отъ сво-

ихъ заграничныхъ корреспондентовъ. Трудъ редакціи раздѣлялъ съ Измайловымъ П. Яковлевъ, которому принадлежитъ наибольшая доля участія по оригинальной беллетристикѣ, за исключеніемъ послѣднихъ годовъ, и который кромѣ того занимался переводами и составленіемъ коротенькихъ и очень поверхностныхъ статей по научному отдѣлу. Яковлевъ вмѣстѣ съ Измайловымъ издалъ въ 1826 г. альманахъ „Календарь музъ“. Главными переводчиками въ журналѣ послѣдовательно являются Ор. Сомовъ, Вл. (вѣроятно Владиславлевъ, впоследствии издатель альманаха „Утренняя заря“), и А. Очкинъ; кромѣ того Огинскій, переводчикъ съ греческаго, польскаго и англійскаго и др. „Благонамѣренный“ былъ типичный журналъ своего времени. Центръ тяжести журнала лежалъ въ *стихотвореніяхъ*. Томилинь, въ статьѣ „О романахъ“, разговоръ между пріятелями (1822, VII, 3—18), такъ опредѣляетъ отношеніе между романомъ и стихотвореніемъ: „Этотъ родъ сочиненій (романъ) совершенно не годится для молодаго человѣка. По моему мнѣнію, лучшіе романы должны читать женщины и старики. Женщины, имѣя болѣе насъ свободнаго времени и менѣе занимаясь науками, *могутъ почерпать изъ нихъ нравственность и познанія*. Старики же, читая ихъ, могутъ съ пріятностью вспоминать свою молодость, и, не имѣя нужды при концѣ жизни отягощать свой слабѣющій разумъ, пусть занимаются легкою, романическою философіею. Не лучше ли вмѣсто „Удольфскихъ тайнствъ“ прочесть какое-нибудь высокое прозаическое твореніе, или прекрасныя, исполненныя чувствъ стихи. Гармонія музыки или стиховъ мало-по-малу обворожитъ слухъ твой, и ты найдешь въ нихъ такое удовольствіе, какое еще ни одна романическая завязка тебѣ не доставляла. Если ты полюбилъ стихи, то прекрасныя оды Ломоносова и Державина, величественныя монологи Озерова, забавныя басни Дмитріева и Крылова также ясно будутъ существовать въ твоей памяти, какъ и на бумагѣ; ты не соскучишься читать ихъ сто разъ на день—и всегда съ большимъ удовольствіемъ. Притомъ, ежели ты хоть слабыя имѣешь дарованія въ поэзіи, то и негладкій куплетъ собственнаго произведенія удобно разгонитъ твою скуку“. Такое занятіе поэзіею, какъ личнымъ развлеченіемъ, было господствующимъ въ литературныхъ нравахъ: „баловни-поэты“, какъ ихъ тогда характеристично называли, наводняли печать, давали тонъ и взаимно другъ друга поддерживали. Читающая публика начинала ими тяготиться. Одинъ изъ сотруд-

никовъ „Благонамѣреннаго“ въ статьѣ „Письма въ Тамбовъ о новостяхъ русской словесности“ изливается въ такихъ жалобахъ на поэтическое наводненіе того времени: „Кругохвальство, т. е. взаимныя похвалы взаимнымъ недѣлостямъ *друзей литераторовъ*, есть существенный признакъ *новой школы*. Вгляни на какой хочешь журналъ, вездѣ найдешь стихотворенія, въ которыхъ безпрестанно твердятъ: я поэтъ! я поэтъ! и заставляютъ бѣдныхъ читателей мучиться тщетнымъ отысканіемъ хоть одной черты поэзіи, въ которыхъ превознося свою гармонію, производятъ себя въ меденати всѣхъ своихъ пріятелей соучениковъ, удостоивая ихъ посланіями, посвященіемъ разномѣрной галиматіи и титлами Горациевъ, Аввередовъ“ (т. XXVI, 55). Но, не смотря на эти жалобы, „поэты-баловни“ съ одинаковымъ пафосомъ восхваляли въ своихъ благодарныхъ речосплетеніяхъ и „потерю своихъ милыхъ малютокъ“, и „грудную булавку съ пушкой, держащую сердечко на золотой цѣпочкѣ“. Складомъ упражненія всѣхъ этихъ забытыхъ и совершенно лишенныхъ таланта поэтовъ былъ „Благонамѣренный“. Болѣе крупные таланты того времени принимали въ немъ очень незначительное участіе: Пушкинъ помѣстилъ два незначительныхъ стихотворенія („Надпись къ портрету Жуковскаго“ и „Молдаванскую пѣсню“); и журналъ перепечаталъ отрывокъ изъ напечатаннаго уже отдѣльно „Кавказскаго плѣнника“; помѣщала въ 1819 и 1820 г. четыре свои стихотворенія Баратынский, но затѣмъ совсѣмъ отстранился; встречается по одному и по нѣсколькx стихотвореній Б. Дельвига, Д. Давыдова, Загоскина, Козлова, Милонова (сравнительно болѣе), Ф. Глинки, С. Глинки, Туманскаго, Плетнева, Бестужева (Марлинскаго), Рыдѣева, Кюхельбекера и Языкова. Даже ревностный Гр. Хвостовъ не особенно наводнялъ страницы журнала, а кн. Шаликовъ помѣстилъ двѣ-три мелочи. За то запасъ второстепенныхъ поэтовъ неистощимъ: изъ любопытства мы приводимъ перечень именъ ихъ въ примѣчаніи (78). Большинство стихотвореній относится къ легкому роду: въ альбомъ, даже самому себѣ (!), на именины, на разлуку и т. д.; существуетъ цѣлый особый отдѣлъ тогда модныхъ мелочей: шарадъ, логогрифовъ, омонимовъ, эпитафій, надгробій, надписей, эпиграммъ, рондо, акростиховъ и т. п. Одинъ изъ поэтовъ сотрудниковъ „Благонамѣреннаго“ вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу, что онъ первый ввелъ въ Россіи *омонимъ*, изобрѣтенный въ Германіи. Главными поставщиками изъ болѣе извѣстныхъ стихотворцевъ были самъ

издатель, помѣстившій свои сказки, басни и цѣлую массу мелочей, Б. Федоровъ и Панаевъ, печатавшій здѣсь свои „идилліи“; затѣмъ П. Чеславскій напечаталъ въ „Благонамѣренномъ“ нѣсколько отрывковъ изъ своего перевода „Федры“ Расина. Перечислять крупныя произведенія и переводы остальныхъ поэтовъ „Благонамѣреннаго“ не стоитъ труда. Главными представителями литературной прозы въ журналѣ были П. Яковлевъ (подъ псевдонимами ий — ой, Я, Я. и П. Л.) и В. Панаевъ. Первому принадлежатъ три самыя большія повѣсти подъ заглавіемъ: „Разказы Лужницкаго старца“, „Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту“ и „Несчастье отъ слезъ и вздоховъ“. Самыя заглавія двухъ послѣднихъ произведеній указываютъ на прежній, сантиментально напыщенный характеръ, и потому мы остановимся только на послѣднемъ, которое было издано отдѣльно (Разказы Лужницкаго старца и мои воспоминанія о немъ, М. 1828 г.). Разказы эти представляютъ типъ господствовавшаго тогда обычая называть цѣлый калейдоскопъ коротенькихъ отрывочныхъ и не имѣющихъ между собою никакой связи разказовъ, лишь бы они представляли, каждый самъ по себѣ, нѣкоторую занимательность и написаны были сколько нибудь литературнымъ языкомъ. На 125 страницахъ маленькой книжки втиснуты: лирическое вступленіе о Московскихъ окрестностяхъ съ претензіей на осмѣяніе выпреннаго слога какъ у классиковъ, такъ и у романтиковъ; знакомство автора съ чудаконъ литераторомъ, проживавшимъ въ Лужникахъ и осаждаемымъ, по недоразумѣнію, всѣми обиженными въ критическихъ статьяхъ „Вѣстника Европы“, такъ какъ подъ именемъ „Лужницкаго старца“ извѣстенъ былъ самъ Каченовскій, жившій въ Лужникахъ, и въ письмахъ на его имя сотрудники послѣдняго журнала помѣщали самыя разнообразныя статьи, отчасти критическаго, а болѣе юмористическаго содержанія; сожженіе двойникомъ Лужницкаго старца своихъ литературныхъ опытовъ, потому что его предупредили другіе; характеристика русскихъ чудаковъ; исторія любви чувствительнаго героя къ измѣнившей красавицѣ; біографія пріятеля, который, въ силу удачнаго для него окончанія всѣхъ житейскихъ непріятностей, пришелъ къ убѣжденію, что „все къ лучшему“; исторія авторскихъ попытокъ Лужницкаго старца; повѣсть о прекрасной Ельминіи, вышедшей за мужъ для спасенія отца и помѣстившей въ своемъ домѣ прежняго жениха въ качествѣ любовника; разказъ о

Московскихъ событіяхъ при вступленіи въ Москву Наполеона и привлеченія съ Лужницкимъ старцемъ, принужденнымъ оставить столицу по этому поводу. Панаевъ помѣстилъ въ первые года журнала восемь статей литературнаго содержанія: „Не родился, ни хорошъ, ни пригожъ, а родился счастливъ“, „Нѣсколько словъ о кокетствѣ“, „Два персидскіе анекдота“, „Романическое письмо изъ Петербурга“, „Жестокая игра судьбы“, „Отеческое наказаніе“, „Стихи и собака“, „Привлеченія въ маскарадѣ“; статьи эти всѣ относятся къ тому особому роду нравственно описательныхъ произведеній, имѣющихъ анекдотическій характеръ, который былъ у насъ вызванъ сочиненіемъ Жюи и его французскихъ подражателей. Самъ Измайловъ помѣстилъ нѣсколько мелкихъ отрывковъ, за которыми по крайней мѣрѣ нельзя не признать достоинства легкаго сатирическаго остроумія и которыя читаются безъ труда. Плетневъ написалъ два юмористическіе разсказа—„Ученый споръ“ и „Медоръ“. Какъ видно, Измайловъ не смотрѣлъ серьезно на отдѣлъ литературной прозы и готовъ былъ помѣщать все, что угодно. Достаточно привести тотъ фактъ, что кружокъ пяти шести знакомыхъ ему литераторовъ разъ вечеромъ вздумалъ заняться тѣмъ, что тогда у насъ называлось *petits jeux de société*: собесѣдники согласились писать разсказы на *заданныя слова*. Эти шуточные произведенія Измайловъ цѣлый годъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ. Измайловъ не задумался помѣстить „Чертогъ Зораиды“ изъ повѣсти „Вѣнецъ Калифа Альманзора“,—лебединую пѣснь извѣстнаго неудачнаго литератора П. Львова; попался ему воспитанникъ С.-Петербургской гимназіи В. Тронцкій, и Измайловъ цѣлыхъ два года наводнялъ журналъ его ученическими подражаніями то старымъ сантиментальнымъ и безсодержательнымъ повѣстямъ, то вновь овладѣвшему общественнымъ вниманіемъ Марлинскому. Вообще, когда просматриваемъ весь тотъ литературный баластъ, которымъ пополнялись журналы двадцатыхъ годовъ, то становится понятнымъ, почему общество такъ набросилось на произведенія не только Марлинскаго, но даже Булгарина. Потребность въ чтеніи произведеній, заимствованныхъ изъ русской жизни, была въ то время развита сильнѣе, чѣмъ въ послѣдующее время, но она не находила никакого удовлетворенія въ современной литературѣ, лишенной и оригинальности, и наблюдательности, не только малѣйшихъ признаковъ таланта. Понятно, что какъ скоро являлось что нибудь

удовлетворяющее первымъ, двумъ требованіямъ, оно получало оцѣнку не сообразно внутреннимъ своимъ достоинствамъ, а только въ смыслѣ отвѣта на запросъ. „Выжигина“ въ нѣсколько дней раскуплено было до 2.000 экземпляровъ и всѣ тогдашніе журналы разсыпались въ похвалахъ роману Булгарина. Нѣсколько раньше „Выжигина“ въ 1823 году появилась „Полярная Звѣзда“, издаваемая А. Бестужевымъ и Рылѣевымъ: издатели поднесли по экземпляру императрицамъ и получили—Рылѣевъ два брилліантовые перстня, а А. А. Бестужевъ золотую табакерку. Точно также въ три недѣли „Полярной Звѣзды“ раскуплено было 1500 экземпляровъ, успѣхъ, котораго, за исключеніемъ „Исторіи Карамзина“, не имѣла до того времени ни одна книга, ни одинъ журналъ. Въ прозаическомъ отдѣлѣ „Благонамѣреннаго“ помѣщены между прочимъ статьи: А. Бестужева „Исторія серебрянаго рубля“ (1820 г., № VII, 13—22) и Н. Бестужева „Толбухинскій маякъ“ (1820 г., № XIV, 109—118). Переводный прозаическій отдѣлъ по объему всетаки, превосходилъ оригинальный, въ особенности въ началѣ и въ концѣ журнала. Въ отдѣлѣ наукъ по части оригинальныхъ статей болѣе другихъ замѣчательны: Краткое описаніе дѣлъ императрицы Екатерины II; О пастушеской или сельской поэзіи, Вл. Панаева; Жизнеописаніе кн. Яв. Ф. Долгорукова, В. Перевощикова; Опытъ російскихъ синонимовъ, Княжевича, начатый еще въ „Цвѣтникѣ“; очень интересная Переписка генераль-майора де Генинна съ Петромъ Великимъ и разными особами (въ 1823 г. въ 8 №№); Отрывки изъ путешествія въ Персію дипломатическаго чиновника при посольствѣ Ермолова въ 1817 году (1826 г., № VIII, 67—98). Кроме того въ „Благонамѣренномъ“ помѣщены: рѣчь Каразина въ засѣданіи Харьковскаго Филотехническаго общества „Объ истинной и ложной любви къ отечеству“ и отрывокъ изъ „Историческаго похвальнаго слова Кутузову“, Вл. Панаева. Рашковъ помѣстилъ оригинальныя статьи о Клопштокѣ и Виландѣ, а А. Н.—нѣ очень поверхностныя статьи объ эпическихъ поэтахъ: Гомерѣ, Виргиліи, Луванѣ, Камюенсѣ, Мильтонѣ, Тассѣ и Вольтерѣ. По части переводной „Благонамѣренный“ наслѣдовалъ по смерти Никольскаго его переводъ начала „Векфильдскаго священника“ Оливьера Гольдсмита и „Привлеченій Жилблаза“ Лесажа. Изъ классическихъ писателей болѣею частью помѣщены лишь небольшіе отрывки,—такъ двѣ, три странички изъ В. Скотта, Жанъ Поля Рихтера, Жанъ

Жака Руссо и др. Крупнѣе—отрывокъ изъ вновь вышедшаго тогда романа В. Скота—„Контетабль Честерскій“. Изъ Байрона помѣщены переводы въ прозѣ съ французскаго пяти его элегій, и стансовъ и очень плохими стихами переводъ его поэмы „Оскаръ д'Альви“ Кудряшева. Нѣсколько сценъ изъ „Донъ Карлоса“ Шиллера переведены невозможнымъ слогомъ; гораздо лучше переводъ Броневскаго сценъ изъ трагедіи „Фемистоклъ“ Метастазіо. Но главнымъ запасомъ для переводовъ послужили второстепенные французскіе и нѣмецкіе писатели; и притомъ прежде всего тѣ, безъ которыхъ не обходился ни одинъ тогдашній журналъ: г-жа Сталь (о Германіи), г-жа Жанлисъ, гр. Сегюръ, Августъ Лафонтенъ, Вейссъ, Жюи, Лантье. Болѣе всего переводовъ приходится на долю Бульи (7 его повѣстей), Пиго Лебрена, Цшокке. „Благонамѣренный“ придерживался старой симпатіи къ такъ называвшимся сантиментальнымъ путешествіямъ, типъ которыхъ былъ впервые воспроизведенъ Стерномъ; въ журналѣ помѣщены отрывки изъ Стернова „Sentimental Journey“, изъ путешествія Анахарзиса и всевозможныхъ французскихъ путешественниковъ: „Hermite en Province“, „Hermite de Londres“, Лантье: „Les voyageurs en Suisse“, „L'Hermite du Faubourg St.-Germain“, „L'Hermite de la Guiane“, „Contes du vieux Hermite de la Vallée du Vaubouin“. „Благонамѣренный“ не ограничивался переводными отрывками: тамъ помѣщались вромѣ того русскія передѣлки и подражанія, принадлежавшія разнымъ анонимнымъ авторамъ. Затѣмъ помѣщены по части нѣмецкой литературы: отрывки Гердера, профессора Фишгабера, Линдау, Ф. Лауна, Фридр. Кинда, Имберга, Круммлера (притчи), Эбергартта, Гервея, Эленшлегера, Клауренса; изъ французской литературы: Мармонтель, гр. Монтолье, г-жа Дюффренуа, С.-Тома, Фьева, Лемонтей, Баланцъ, С.-Дамбертъ, Молна, Шамфора, Сарразена, Праделя, г-жи Севинье, Дювредоменди (такъ называвшійся тогда вольный переводъ). Изъ древней литературы встрѣчаются переводы: изъ поэмы Гезіода „Работы и дни“, письмо Цицерона; изъ исторіи Тита Ливія и Юстина. Съ польскаго переведена баллада Одында „Софья и Генрихъ“. Изъ переводныхъ статей научнаго содержанія заслуживаютъ вниманія: нѣсколько большихъ отрывковъ изъ „Теоріи изящнаго“ Зульцера; изъ уроковъ Блера; объ идиліи, изъ сочиненія Жоффре; нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія Aimé Martin: lettres à Sophie sur la physique,

la chimie et l'histoire naturelle; отрывокъ изъ путешествія на островъ С. Доминго Карла Риттера; о древнѣйшей поэзи въ Германіи Эйхгорна; три статьи объ искусствѣ писать и о письмѣ у китайцевъ и египтянъ, съ французскаго, безъ указанія источника, откуда позаимствованы; вступительная рѣчь Бюффона о слогѣ или объ искусствѣ писать, обошедшая всѣ тогдашніе журналы. Кромѣ того помѣщены выдержки изъ книгъ, обратившихъ на себя общее въ то время вниманіе и вышедшихъ въ отдѣльныхъ переводахъ: „Исторія Греціи“ Гиллиса и „Путешествія по Греціи и Малой Азіи“ Поля Вутье. Послѣдняя книга произвела большее впечатлѣніе въ Россіи, вслѣдствіе общаго сочувствія къ Греческому возстанію того времени. Есть два-три перевода статей изъ энциклопедіи, но коротенькихъ и не важнаго содержанія.

Критикою самъ Измайловъ почти вовсе не занимался; онъ въ этомъ случаѣ сосредоточился на басняхъ и помѣстилъ въ „Благонамѣренномъ“ подробный разборъ трехъ басенъ: Хемницера „Воля и неволя“, Дмитріева „Котъ, ласточка и кроликъ“ и Крылова „Лягушки, просяція царя“, замѣчанія на новыя басни Крылова и разборъ новыхъ повѣстей Нарѣжнаго. Въ журналѣ помѣщалась библіографія, но она ограничивалась изложеніемъ содержанія, болѣе или менѣе пространными выписками и заканчивалась постоянно черезчуръ общою и шаблонной похвалою, тѣмъ болѣе, что указывались только книги, почему либо остановившія на себѣ вниманіе редактора. Такъ въ библіографическомъ извѣстіи о „Кавказскомъ плѣнникѣ“ Пушкина значеніе его выражено слѣдующимъ образомъ: „Прекраснѣйшія картины, списанныя съ натуръ мастерскою рукою, естественный и благородный рассказъ, легкая и исправная версификація—вотъ главнѣйшія достоинства сей новой поэмы перваго изъ молодыхъ нашихъ стихотворцевъ, А. С. Пушкина. Ни въ одномъ изъ нашихъ поэтовъ не расцвѣталъ, такъ сказать, столь рано талантъ и не созрѣвалъ столь скоро, какъ въ любовномъ пѣвцѣ Руслана и Людмилы“ (ч. 19, 1822 г. стр. 299). Между тѣмъ потребность литературной критики чувствовалась въ обществѣ. Въ томъ же самомъ „Благонамѣренномъ“ кн. Цертелевъ говоритъ, что „пока нація отягощена оковами предразсудковъ, пока словесность ея не имѣетъ критики, до тѣхъ поръ слава ея писателей весьма ненадежна“ (1819, XXIII и XXIV, 352). Въ этихъ словахъ уже ясно слышится потребность народненія жур-

нальнаго дѣятеля въ смыслѣ Полеваго и Бѣлинскаго. Теоретическая борьба между классицизмомъ и романтизмомъ уже кончилась, авторитетъ талантливыхъ представителей послѣдняго установился въ обществѣ. Надобно было разобраться въ той массѣ неумѣлыхъ послѣдователей, появленіе которыхъ было вызвано новымъ направленіемъ въ литературѣ. Одинъ изъ сотрудниковъ „Благонамѣреннаго, Д. В. р...ствъ, въ разговорахъ „О романтикахъ и о Черной рѣчкѣ“, говоритъ между прочимъ: „Безпристрастные критики встаютъ не противъ романтической поэзіи, а противъ *самозванцевъ романтиковъ*, которые позволяютъ себѣ писать всякія неглѣпости подъ предлогомъ, что пишутъ въ романтическомъ вкусѣ, хотя въ ихъ произведеніяхъ не видно ни глубокихъ чувствъ, ни прелестей мечтательности, составляющихъ сущность поэзіи романтической“. Издатель прибавляетъ въ подстрочномъ примѣчаніи: „ни пятичесской живописи, ни благородной простоты, ни логики, ни грамматики“. Шиллеръ, Байронъ, Муръ, Жуковскій и Пушкинъ, почитаемые образцовыми писателями въ романтическомъ родѣ, скорѣе отказались бы отъ славы своей, чѣмъ согласились считаться однородными пѣвцами *любви кипящей Гетеръ* и проч. окружающихъ свои—*онъ, она, ея*,—сплетеніемъ бессмыслицъ и противорѣчіемъ понятій“. Такъ, повидимому, думалъ и самъ Измайловъ, но онъ не сѣмѣлъ ни выработать для себя опредѣленнаго воззрѣнія, ни отказать вполнѣ отъ старыхъ традицій. Въ критикѣ онъ разрѣшалъ каждому сотруднику заявлять какія угодно убѣжденія, лишь бы они не были противны „ни грамматикѣ, ни логикѣ“. Поэтому критическій отдѣлъ „Благонамѣреннаго“ поражаетъ своими противорѣчіями. Въ немъ помѣщается невозможный хвалебный дифирамбъ сочинителю возбуждавшихъ всеобщій смѣхъ драмъ, извѣстному чудаку Ганину отъ не менѣе извѣстнаго Геракова, и рядомъ съ тѣмъ нѣсколько статей, гдѣ драмы Ганина осмѣиваются совершенно, какъ и слѣдовало. Въ одной статьѣ (О басняхъ Гр. Хвостова, О—въ, 1820, IX, 176—182), Гр. Хвостовъ причисляется къ знаменитымъ писателямъ, и указывается превосходство его предъ другими извѣстными баснописцами; въ другой (Новая школа словесности, 1822, VI, 430—438) стихи его подвергаются серьезной и безпощадной критикѣ. Но помимо всѣхъ этихъ противорѣчій, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и плодовитыхъ представителей критики „Благонамѣреннаго“, старавшійся повидимому держаться на

нейтральной почвѣ и осуждать только заслуживающее осужденія, житель Васильевскаго острова, подѣ которымъ совершенно неправильно разумѣютъ Ореста Сомова, видимо склонялся на сторону классицизма и не прочь былъ осудить романтизмъ въ *принципѣ*, несмотря на относительное достоинство самихъ его представителей. Житель Васильевскаго острова, между прочимъ, о романтической поэзи вообще говоритъ: „*питическая нагота* (по старой школѣ неблагопристойность), *дивное* (по ст. шк. вздорное) и *таинственное* (по ст. шк. безтолковое) составляютъ главнѣйшія красоты поэтовъ новой школы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же критикъ замѣтилъ, что „личныя ругательства и сладострастіе сдѣлались любимыми предметами сочиненій, какъ будто нельзя говорить о книгѣ, не трогая автора, критиковать произведеніе безъ зависти, изъ одной любви къ истинѣ, желая отдѣлать хорошее отъ дурнаго, какъ будто нельзя веселиться безъ пьянства, говорить о любви языкомъ благороднымъ“. Другой критикъ „Благонамѣреннаго“, въ „Разговорѣ о романтизмѣ и о Черной рѣчкѣ“ между прочимъ помѣстилъ такой обмѣнъ мыслей въ своемъ разговорѣ: „Думаю, что романтическою поэзіей, которую противопоставляютъ обыкновенно классической, называютъ стихотворенія, писанныя безъ всякихъ правилъ, утвержденныхъ вѣками и основанныхъ на истинномъ вкусѣ. — Стало бытъ стихотворенія вздорныя?—По крайней мѣрѣ весьма далеки отъ совершенства“ (Ч. 23, стр. 66). Критика „Благонамѣреннаго“, даже когда она серьезно принималась за дѣло (напримѣръ, пространннй разборъ идилліи Гнѣдича „Рыбаки“ И. Истова), еще не могла освободиться отъ старыхъ шаблонныхъ приемовъ и ограничивалась одной внѣшней стороною, — стилистическимъ разборомъ отдѣльныхъ стиховъ и выраженій, употребляемыхъ авторомъ. Но при этомъ слѣдуетъ сказать, что въ критическомъ отдѣлѣ помѣщены совершенно отдѣляющіяся отъ общаго тона статьи: очень сочувственный разборъ „Евгенія Онѣгина“ Кюхельбекера, письмо Марлинскаго „О переводѣ трагедіи Офелія“ Катенинымъ и Плетнева „О средствахъ усовершенствованія русской словесности, какъ науки“. Кюхельбекеръ, Бестужевъ и Плетневъ, очевидно, оказались несоотвѣтствующими духу журнала и взглядамъ самого редактора, поэтому они скоро отстранились и не появлялись въ слѣдующіе года. Въ критическомъ своемъ отдѣлѣ „Благонамѣренный“ помѣщалъ очень обстоятельный и постоянный разборъ театральныхъ піесъ и игры актеровъ на Петербург-

скомъ и отчасти на Московскомъ театрахъ: разборы эти писались нѣсколькими лицами, скрывавшимися за разными псевдонимами,— тогда еще не было въ обычаѣ критиковать кого либо открыто и отъ своего имени,—и въ нашей тогдашней журналистикѣ они представляютъ самый интересный и цѣнный матеріалъ для исторіи русскаго театра. XXIII и XXIV книжка 1820 года посвящены памяти умершаго въ ноябрѣ Милонова. Здѣсь напечатаны двѣ рѣчи въ честь его А. и Дм. Княжевичей, хвалебные разборы его сочиненій вообще (Н-ст-въ) и двухъ отдѣльныхъ стихотвореній, — перевода Шиллеровой пьесы „die Ideale“ параллельно съ Жуковскимъ (В. Княжевича) и стихотворенія „Бѣдный поэтъ“ (Ор. Сомовъ); стихи на кончину Милонова В. Панаева и надгробіе Измайлова (?). Въ 1816 году основано было „Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія“, переименованное потомъ (въ 1820 году) въ „Вольное общество любителей россійской словесности“. Уставъ его утвержденъ 19 января 1818. Общество это кромѣ цѣли литературной имѣло еще и благотворительную—пособіе нуждающимся литераторамъ, являясь такимъ образомъ предшественникомъ позднѣйшаго литературнаго фонда. Изъ отчета за 1823 г. видно, что общество раздало въ единовременное пособіе и въ видѣ ежегодныхъ пенсіоновъ несчастнымъ и бѣднымъ литераторамъ, ученымъ и художникамъ 20.376 р., а на 1823 г. назначено 2.840 р. Почетными попечителями Общества состояли въ хронологическомъ порядкѣ: вн. А. Н. Голицынъ, М. М. Дмитриевъ, ген.-ад. Балашевъ, графъ В. П. Кочубей. Членами основателями Общества были: два брата Боровковы, Нивитинъ, Люценко, Ильинъ, Дуровъ и Кеппенъ. Къ нимъ въ теченіе 1816 г. присоединились: Розенмейеръ, берггауптманъ 5 класса Е. П. Ковалевскій, Бриммеръ, Гр. Хвостовъ, гр. С. П. Салтыковъ и Ф. Н. Глинва. Въ 1823 г. общество считало въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ между прочими литераторовъ: А. Измайлова, Греча, Б. Дельвига, Анастасевича, Б. М. Федорова, Плетнева, Каразина, Кюхельбекера, Панаева, Загоскина, Сенковского, Лажечникова, Сомова, А. и Н. А. Бестужевыхъ, Баратынскаго, Гиѣдича, Лобойко (проф. русской словесности Виленскаго унив.), А. С. Норова, трехъ братьевъ Дм. Ал. и Вл. Мих. Княжевичей, Авр. С. Норова. Въ числѣ почетныхъ членовъ были извѣстные литераторы: Крыловъ, Жуковскій, Карамзинъ, Батюшковъ, вн. Вяземскій, Н. И. Тургеневъ, Востоковъ; профессора

и ученые: Тимовскій, Аделунгъ, Каченовскій; государственные люди: Ал. Ив. Тургеневъ, А. П. Ермоловъ, Сперанскій, Оленинъ, Уваровъ, адм. Мордвиновъ, адм. Шишовъ. Изъ иностранцевъ въ числѣ почетныхъ членовъ состояли: Линде, Добровскій, Раковецкій, Лелевель, Вукъ Стефановичъ, Зоріанъ Доленго-Хадаковскій, Пельчинскій, магистръ философіи въ Вильнѣ, Раскъ—въ Копенгагенѣ. Но рядомъ съ этими почетными именами въ числѣ почетныхъ членовъ упоминаются: Магницкій, Кавелинъ, Головищевъ-Кутузовъ, Аракчеевъ, Фонъ-Фонъ, директоръ канцеляріи III отдѣленія. Общество издавало журналъ подъ названіемъ „Соревнователь просвѣщенія и благотворительности“, а въ другихъ экземплярахъ просто „Труды вольнаго общества російской словесности“. Журналъ выходилъ съ 1 января 1818 по августъ 1825 года и состоялъ изъ четырехъ отдѣленій: литературы, науки, вритивы и смѣси. Общество, во время изданія имѣло сначала предсѣдателемъ гр. Салтыкова, а помощникомъ его Ф. И. Глинку, но вскорѣ роли обоихъ перемѣнились. Первый годъ изданія—1818 г., былъ очень плохъ. Стихотворенія въ 1818 году помѣщали главнымъ образомъ: Ф. И. Глинка, А. Крыловъ, Дуровъ, Люцкею, Гр. Хвостовъ, а затѣмъ гр. Салтыковъ, Бриммеръ, Боровковъ, Розенмейеръ, А. В. Кирѣевскій, проф. Лобойко, П. Теряевъ, О. Сомовъ и Е. П. Ковалевскій; изъ прежнихъ извѣстныхъ поэтовъ есть одно стихотвореніе кн. И. Долгорукова и нѣсколько пѣсенъ Нелединскаго-Мелецкаго, переложенныхъ на ноты. Прозаическій отдѣлъ напоминалъ еще сантиментальныя повѣсти конца XVIII столѣтія, какъ напримѣръ, „Ратмиръ и Всемила“ Дурова, „Разговоръ о чувствительности между чувствительнымъ и хладнокровнымъ“ Бриммера и нѣкоторыя другія, не исключая и „Славянскихъ вечеровъ“ В. Нарѣжнаго. Критикой журналъ не занимался и о литературныхъ достоинствахъ русскихъ писателей руководился мнѣніями прошлаго столѣтія, называя В. П. Петрова, въ „воспоминаніи о немъ“, *соперникомъ Флажжа и Марона*. Но по крайней мѣрѣ редація не имѣла тѣхъ классическихъ традицій, которыя обнаруживалъ въ своемъ журналѣ Измайловъ и которыя заставляли сторониться отъ него молодое поколѣніе литераторовъ, охотно группировавшихся возлѣ редакціи „Соревнователя“. Съ этой стороны, какъ открытое поприще для начинающихъ литераторовъ, въ особенности жившихъ въ Петербургѣ, „Соревнователь“ стоялъ впереди другихъ журналовъ. Впо-

слѣдствіи журналъ прямо перешелъ на сторону новаго романтическаго направленія. О. Сомовъ, въ очень обстоятельныхъ и интересныхъ для своего времени статьяхъ о романтической поэзіи, говоритъ: „Мы плѣнены, очарованы стихотвореніемъ, которое при строгомъ разборѣ представляетъ намъ явное нарушеніе правилъ, требуемыхъ приверженцами поэзіи классической; что же составляетъ эту безусловную прелесть поэзіи? Мнѣ кажется, что сія прелесть состоитъ въ новости, неожиданности мыслей, картинъ, положеній драматическихкихъ и выраженій, которыми поэтъ тѣмъ сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, чѣмъ менѣе мы къ нимъ были приготовленны“ (1823, 3, 45 и 46). Переводчикъ статьи о Байронѣ изъ *Revue Encyclopedique* К. Б. П., указывая на „какое-то непростительное недоброжелательство французскаго рецензента къ англійскому поэту“, говоритъ между прочимъ: „если во многихъ своихъ сочиненіяхъ Лордъ Байронъ не соблюлъ строго правилъ словесности, можно его извинить тѣмъ, что онъ, кажется, объявилъ себя врагомъ всякой принужденности, и что онъ рѣшительно хочетъ окончить поприще свое, не бывъ ни подражателемъ, ни подражаемымъ. Единственный его гений доставляетъ ему неоспоримую славу, и всѣ тѣ, которые примутъ на себя трудъ заняться произведеніями сего необыкновеннаго человѣка, найдутъ награду въ удовольствіи, приносимомъ его сочиненіями“. Критическій отдѣлъ „Соревнователя“ замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что здѣсь помѣстилъ первые свои критическіе опыты Плетневъ: въ 1822 г. „Шильонскій узникъ“ Байрона, пер. Жуковскаго, „Кавказскій плѣнникъ“ Пушкина; 1824: разборъ анакреонтической оды Державина „Мечта“, разборъ Оды Петрова Адм. Н. С. Мордвинову. Русская критика, которой первые шаги были замѣчены Макаровымъ, Беницкимъ, Никольскимъ и Дашковымъ и которая, въ смыслѣ необходимаго и существеннаго отдѣла, введена была въ нашу журналистику Гречемъ, приобрѣла въ это время новыхъ представителей въ лицѣ Ор. Сомова, Плетнева, кн. Вяземскаго, Бестужева и Кюхельбекера. Критическія способности всѣхъ этихъ лицъ были далеко не одинаковы, но онѣ имѣли одно общее достоинство: протестъ противъ незаслуженныхъ авторитетовъ прежняго подражательнаго направленія, которые пустоту внутренняго содержанія и совершенное отсутствіе интересовъ и явленій русской жизни прикрывали тяжелой и напыщенной формой; они выдвигали впередъ новые таланты, также уходив-

шіе въ сторону подражательности, но по крайней мѣрѣ переносившіе къ намъ послѣдующіе образцы Европейской литературы, въ лицѣ вновь явившихся великихъ ея представителей, и продолжали дѣло Карамзина, въ смыслѣ обработки русскаго языка и слога. Критическій талантъ Плетнева былъ впрочемъ скорѣе ви́шній и отличался болѣе выработанною округленностью фразы и научною подготовкою, нежели глубиною и опредѣленностью мысли. Какъ бы то ни было, въ силу такого сочувственнаго отношенія критики „Соревнователя“ къ нарождающемуся новому слою русскихъ писателей, начиная съ 1818 года, тамъ наравнѣ съ прежними литературными извѣстностями начали появляться и произведенія начинающихъ писателей. Въ отдѣлѣ поэзіи, на ряду съ Воейковымъ, Измайловымъ, Восточковымъ и другими, въ слѣдующемъ же 1819 году появилось нѣсколько стихотвореній Жуковскаго и три мелкихъ вещицы Пушкина, слѣдомъ за ними Д. Давыдовъ, Н. Языковъ (еще въ качествѣ воспитанника Горнаго Корпуса), Кюхельбеверъ, Дельвигъ, Плетневъ, Баратынскій, Гнѣдичъ, Заголкинъ, Писаревъ, Рылѣевъ, Ознобишинъ, вн. Вяземскій, Ободовскій, Мих. Дмитріевъ, Козловъ, Туманскій. Въ прозаическомъ литературномъ отдѣлѣ „Соревнователь“ помѣстилъ статьи: М. Заголкина (отрывокъ изъ комедіи „Добрый малый“, „Любитель Словесности“, отрывокъ изъ его путешествія), Лажечникова (Отрывки изъ походныхъ записокъ русскаго офицера), Кюхельбекера (Европейскія письма); Ал. Бестужева (Путешествіе въ Ревель (1821), Анекдоты изъ дневника гвардейскаго офицера, Второй вечеръ на бивуакѣ. Научный и переводный отдѣлы „Соревнователя“ ничѣмъ не отличались отъ другихъ журналовъ, и потому мы не будемъ утомлять читателей перечнемъ помѣщенныхъ тамъ статей (*).

Но всетаки „Соревнователь Просвѣщенія“, какъ журналъ, не вполне удовлетворилъ собравшуюся около него молодежь и она вскорѣ затѣяла свой журналъ. Для изданія этого журнала соединились между собою Кругликовъ, Сниткинъ и М. Яковлевъ и начали его съ 1820 г. подъ заглавіемъ „Невскій Зритель“. Программа журнала была очень обширная и заключала въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: I. Исторія и политика, II. Воспитаніе, III. Нравы, IV. Изыщная литература, V. Критика, VI. Изыщныя искусства, VII. Смѣсь. Начало журнала было блестящее. Изъ числа редакторовъ Сниткинъ, магистръ исторіи, задался помѣщеніемъ ряда историческихъ статей,

гдѣ онъ предполагалъ описать въ разные времена и у разныхъ народовъ состояніе правленія, законодательствъ, наукъ и искусствъ, показать различіе между господствомъ язычества, магометанства и *истинной* религіи, которой Европа обязана своимъ возвышеніемъ—вотъ тѣ предметы, на которые особенно будетъ обращено вниманіе въ „Невскомъ Зрителѣ“. Такимъ образомъ историческому изученію журналъ придавалъ уже въ то время значеніе, которое въ современномъ изложеніи получило названіе „исторіи культуры“. Но Сниткинъ ограничился помѣщеніемъ четырехъ статей, гдѣ онъ рассматривалъ постепенное образованіе гражданскихъ обществъ, начиная отъ дикаго состоянія, а затѣмъ весьма кратко правленіе и культуру Греціи и Рима, до уничтоженія царскаго достоинства. Потомъ Сниткинъ началъ помѣщать обзорѣніе современныхъ происшествій и политическаго состоянія Европы и статьи экономическаго содержанія. Журналъ, въ политическомъ отношеніи, былъ относительно либеральный и высказывался за конституціонно-монархическое правленіе; такъ помѣщенъ былъ, съ видимымъ сочувствіемъ „Обзоръ конституціи Кортесовъ въ Испаніи и великаго герцогства Дармштатскаго“. Но при этомъ Сниткинъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: „По конституціи Кортесовъ не существуетъ, какъ въ Англіи Верхняя Палата Лордовъ, а во Франціи Палата Перовъ, составленная изъ знатнѣйшаго дворянства и духовенства. Это неминуемо должно будетъ сдѣлать испанское правленіе демократическимъ и разрушить всѣ бывшія основанія власти. Вотъ причина, по которой не надо желать сохраненія испанской конституціи“. Рашковъ въ статьѣ „Взглядъ на исторію воспитанія“ изложилъ краткую исторію педагогики съ древнѣйшихъ временъ и остановился на обзорѣніи современныхъ системъ воспитанія на западѣ—филантропической, основанной Базедовомъ, школы гуманистовъ и школы электиковъ. Потомъ тотъ же Рашковъ помѣстилъ очень дѣльные статьи: „О сохраненіи здоровья дѣтей“, „О гимнастикѣ“ (по извѣстному въ то время сочиненію Гутсмута *die Gymnastik für die Jugend*), „О нравственномъ воспитаніи“ и нѣк. др., но потомъ отдѣлъ этотъ, постепенно слабѣя, въ концѣ изданія совершенно ступсевался. Кругликовъ писалъ стихи и разборы и занимался переводами; Яковлевъ тоже упражнялся въ поэзіи и помѣстилъ нѣсколько недурныхъ рассказовъ съ сатирическимъ оттѣнкомъ. Вообще говоря, журналъ былъ задуманъ широко и вѣрно,

но редакторы лишены были литературнаго таланта; кромѣ того и самое достоинство содержанія, въ началѣ журнала, не подходило къ жизненнымъ требованіямъ публики, еще продолжавшей искать въ журналѣ только забавнаго и, какъ тогда называлось, „приятнаго“ развлеченія, а не присутствія серьезной мысли и опредѣленнаго направленія, котораго впрочемъ въ журналѣ и не было. Неудивительно поэтому, что, при несочувствіи массы читающей публики, журналъ скоро прекратился, просуществовавъ всего полтора года (съ 1 января 1820 г. по іюль 1821 г. включительно). Неудовлетворительность журнала всего рельефнѣе выразилась въ отдѣлѣ критики. Въ статьѣ о критикѣ, подписанной Б. Б., значеніе и приемы критики объяснялись въ такомъ видѣ: „Всякое твореніе ума, если оно достойно того божественнаго источника, откуда получило свое начало, должно имѣть цѣлью распространеніе и усовершенствованіе повнаній, т.-е. разумныхъ и нравственныхъ наслажденій человѣческаго рода (I, 103). Никто не можетъ возразить чтобы правила, которымъ мы будемъ слѣдовать въ нашихъ изысканіяхъ и которыя будутъ основаніемъ нашихъ мнѣній, были малоизвѣстны, непрочны и неопредѣлительны. Вѣчное уложеніе истинъ, дознанныхъ опытомъ и утвержденныхъ высшею властью (или общественнымъ мнѣніемъ) — вотъ книга, съ которой мы будемъ постоянно совѣтоваться во всѣхъ нашихъ изысканіяхъ, вотъ, по нашему мнѣнію, единственное законодательство хорошей критики (стр. 109). Проложить рождающемуся таланту дорогу въ истинѣ и познанію общественнаго блага, ободрить его первые успѣхи, поддержать мнѣніе публики о настоящемъ достоинствѣ литературы, и особенно отечественной, отвлечь слабые, заблудшіе умы отъ тѣхъ авторовъ, которые соблазняютъ красотами ихъ слога и блескомъ ложныхъ мыслей, обратить ихъ вниманіе къ тѣмъ героямъ древней и новой литературы, которые съ непорочною славой проходили свое поприще, наконецъ, направлять голосомъ еротости писателей, увлеченныхъ вихремъ времени, сражаться оружіемъ разума и справедливости съ умами злонамѣренными, поражать стрѣлами краснорѣчія разсвѣтелей правилъ, противныхъ общественному порядку — вотъ должность истинной критики, вотъ занятіе, достойное благомыслящаго человѣка, друга порядка и правды (107). Разборъ классическихъ иностранныхъ авторовъ послужитъ къ тому, чтобы очистить и исчерпать языкъ нашихъ предковъ, удалить отъ

него вліяніе нарѣчій иностранныхъ и дать ему образованіе историческое и національное. Сочиненія современные доставятъ случай обозрѣвать время отъ времени настоящее состояніе и постепенный ходъ разумнаго и нравственнаго образованія европейскихъ народовъ“ (стр. 111). Но исполненіе не совсѣмъ соотвѣтствовало программѣ.

Кюхельбекеръ помѣстилъ двѣ статьи, — Взглядъ на текущую словесность“, гдѣ онъ, обозрѣвая содержаніе тогдашнихъ журналовъ, остановился въ особенности на поэмѣ Воейкова „Искусства и науки“ и на стихотвореніяхъ Катенина и Буниной, за которыми онъ призналъ несомнѣнное достоинство. Сомовъ помѣстилъ разборъ трагедіи „Ифигенія въ Авлидѣ“, переведенной Лобановымъ, гдѣ онъ указывалъ на невѣрность этого перевода и вообще не считалъ его образцовымъ, какъ онъ названъ былъ въ „Снѣгъ Отечества“. При разборѣ сочиненій кн. В. Долгорукаго рецензентъ, признавая не заслуживающими похвалы его оды, заявляетъ, что въ шутовомъ родѣ Долгорукій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между русскими писателями. Но рядомъ съ этимъ неизвѣстный рецензентъ въ статьѣ „Замѣчанія на поэмѣ Русланъ и Людмила“ высказываетъ такое заключеніе: „Должно отдать справедливость г. Пушкину: какою смѣлою и роскошною рукою раскидываетъ онъ красоты поэзіи, въ стихахъ его то живость, то легкость, — кажется будто они у него выливались сами собой. Такъ велико и непримѣтно искусство! Все показываетъ въ немъ поэта. При всемъ томъ надобно жалѣть, что дарованіе не избрало для себя болѣе благороднаго и возвышеннаго предмета, а обратилось на такой, который могъ занимать тогда только, когда умъ и знаніе были еще во младенчествѣ“ (III, 68). Остальные критики „Невскаго зрителя“ (Георгіевскій, Осетровъ, Синельниковъ, Богдановъ) почему-то задались преимущественно восхваленіемъ Гр. Хвостова, Катенина и вообще бездарныхъ поэтовъ; а „Житель Васильевскаго острова“ съ ожесточеніемъ напалъ на Жуковскаго, разбирая балладу его „Рыбакъ“. Георгіевскій, юный и вскорѣ умершій авторъ романа „Евгенія или письма въ другу“, помѣстилъ хвалебный взглядъ на стихотворенія „Пѣвца Кубры“. Въ разборѣ Н. Б-ва (Н. Бестужева?) стихотворенія „Тоска араба и его милой“, перваго опыта Я. Ростовцева, критикъ привѣтствуетъ нарождающійся талантъ, который „Музы возлюбили съ колыбели“. Оттого, хотя въ самомъ

началъ въ журналѣ принимали участіе лучшіе поэты того времени: Пушкинъ (отрывокъ изъ первой пѣсни „Русланъ и Людмила“), Жуковскій, Баратынскій, Дельвигъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе встрѣчается второстепенныхъ и совершенно неизвѣстныхъ и бездарныхъ виршеслагателей, во главѣ которыхъ заполнилъ журналъ самъ Гр. Хвостовъ и стихами и прозою. Довольно сильное участіе въ журналѣ принимали декабристы Бестужевъ, Рыгѣевъ и Кюхельбекеръ. Въ отдѣлѣ оригинальной прозы журналъ отличался помѣщеніемъ нѣсколькихъ бытовыхъ рассказовъ, заимствованныхъ изъ русской жизни и написанныхъ живо и съ сатирическимъ оттѣнкомъ: они принадлежатъ М. Яковлеву и отчасти Рыгѣеву. Въ особенности выдѣляются: небольшой рассказъ Рыгѣева „Гостинный дворъ“, гдѣ описывается несчастное положеніе мужа провинціала, котораго разоряетъ жена, путешествующая въ столицѣ по французскимъ магазинамъ, и Яковлева неоконченный рассказъ „Удивительный человѣкъ“, подъ именемъ котораго авторъ обрисовываетъ неуча, женившася на богатой купчихѣ и зажившаго большимъ бариномъ. Въ концѣ описано путешествіе героя въ свою вотчину, село Талантово, на 23 повозкахъ со всевозможною свитою: баринъ сознаетъ, что „онъ будетъ здѣсь султаномъ“ и принимается за образованіе мужиковъ. Прежде всего онъ желаетъ учредить сельскій судъ, состоящій изъ 3 отдѣленій, барскаго, гражданскаго и уголовнаго: въ гражданскомъ будутъ разбирать ссоры, въ уголовномъ—наказывать, въ барскомъ будутъ заниматься взиманіемъ оброка“. Очевидно, что потребность народной, бытовой литературы появилась уже среди общества и съ перваго же раза стали выдѣляться типы, въ родѣ полк. Кошкарева, Гоголя. Отдѣлъ переводной прозы не представляетъ ни серьезнаго выбора, ни опредѣленнаго направленія. Такъ сюда вошли коротенькія повѣсти: Пиголбрена „Старый горбунъ“; Флоріана „Селика“, африканская повѣсть; Лафонтена „Саидъ или дружество“, восточная повѣсть; Фузе „Любовный напитокъ“; Лангбейна „Свадебный котрактъ“; неизбѣжные отрывки изъ путешественниковъ Жюи („Hermite en province и Hermite de la Chaussé d'Antin“) и отрывокъ изъ „Памятныхъ записокъ“ Мармонтеля, переведенныхъ на русскій языкъ Вороновымъ. Въ отдѣлѣ смѣси помѣщались коротенькія извѣстія объ иностранной литературѣ и объ отдѣльныхъ писателяхъ (Шиллеръ, гр. Штальбергъ и др.), замѣтки о произведеніяхъ искусства и о

художникахъ, отзывы о театрахъ русскомъ и иностранныхъ и проч. Политическія извѣстія были весьма кратки, очень запаздывали и излагались чисто фактически, безъ всякихъ разсужденій.

Съ легкой руки Глинки и его „Русскаго Вѣстника“ журналы, рассчитанные главнымъ образомъ на удовлетвореніе любознательности предметами и вопросами народной жизни въ ея прошедшемъ и настоящемъ, появились и въ Петербургѣ. Спросъ, повидимому, былъ на нихъ очень значителенъ. Пробудившееся народное сознаніе охватило весь грамотный кругъ; узнать свою старину сдѣлалось потребностью всей мыслящей части общества. Нарождались люди, для которыхъ занятіе русской исторіей было уже не только предметомъ личной любознательности, но такъ сказать *профессією*, въ смыслѣ, занятія, избраннаго на цѣлую жизнь, съ каедрой или на литературномъ поприщѣ. Явился и меценатъ, извѣстный гр. Румянцевъ, которому такъ много обязана наука русской исторіи и который неутомимо и ревностно старался поддержать всякаго труженика на этомъ поприщѣ. Онъ былъ въ сношеніи со всѣми лицами, занимавшимися русскою исторіею въ Россіи и за границей; подъ его покровомъ дѣлали свои первые шаги молодые и начинающіе люди, какъ Калайдовичъ, Погодинъ и много другихъ. Съ своей стороны публика жадно и неразборчиво поглощала все, что ей подносили; охота къ чтенію и стремленіе къ писанію тогда проявлялись несравненно сильнѣе, нежели впоследствии. Модной литературной забавой тогда была поэзія. Интересно пересчитать число всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ, появлявшихся на страницахъ журналовъ и альманаховъ, подписывавшихъ и замаскировавшихъ свои имена различными знаками или просто скрывавшихся и извѣстныхъ только болѣе или менѣе обширному кружку своихъ знакомыхъ: имя этихъ поэтовъ—легіонъ, „ихъ же нѣсть числа“. Ко всякому литератору, написавшему нѣсколько строкъ въ видѣ пароды, эпиграфа или экспромта, общество относилось съ уваженіемъ; онъ немедленно причислялся къ сонму привилегированныхъ и вносился въ списокъ членовъ одного изъ обществъ, соединявшихъ въ то время пишущую братію. Петербургскій литературный кружокъ, собиравшійся главнымъ образомъ въ двухъ обществахъ: „сореволюціонеровъ просвѣщенія“ и „любителей наукъ и художествъ“—представлялъ собраніе пестрое и разнохарактерное, гдѣ не принималась въ расчетъ разность ни талантовъ, ни убѣжденій, ни нравственнаго характера пи-

сателя; здѣсь на равнѣ съ Грибоѣдовымъ, Рылѣевымъ и Бестужевымъ самую видную роль играли Гречъ, Б. Ѳедоровъ и даже Булгаринъ. Публика къ печатному слову относилась съ какимъ то суевѣрнымъ почтеніемъ, вѣрила ему въ такой степени, что, по словамъ поэта, „печатный каждый листъ казался намъ святымъ“. Поэтому успѣхъ вновь вышедшихъ журналовъ, не смотря на отсутствіе таланта и знанія въ редакторахъ, въ то время несравненно понятнѣе и законнѣе, нежели успѣхъ „Московского Листка“ на нашихъ глазахъ. Издателями такихъ журналовъ, отвѣчающихъ запросу на отечественное, явились Свинынь и Булгаринъ.

Уроженецъ Костромской губерніи, получившій свое образованіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, П. П. Свинынь представлялъ своеобразный типъ своего времени. Онъ много путешествовалъ, былъ даже въ Америкѣ, что тогда было рѣдкостью, и наводнялъ тогдашніе журналы, въ особенности „Сынъ Отечества“, разсказами о своихъ путешествіяхъ, за что Гречъ прозвалъ его „наблюдательнымъ путешественникомъ“. Свинынь на своемъ вѣку писалъ и печаталъ очень много. Вотъ перечень его изданій: „Взглядъ на республику соединенныхъ Американскихъ областей“, С.-Пб. 1814 г., нѣсколько изданій; „Опытъ живописнаго путешествія по Америкѣ“, 1815 г. и 2 изд. 1818 г.; „Достопамятности С.-Петербурга“, на русскомъ и французскомъ языкахъ, 6 частей, выходили періодически 1816—1828 года; „Ежедневныя записки въ Лондонѣ“, С.-Пб. 1817 г. „Несомнѣнное исцѣленіе отъ укушенія бѣшеною собакою“, С.-Пб. 1817 г.; „Воспоминанія на флотѣ“, 3 ч. С.-Пб. 1818—1819; „Записки о жизни Генералъ - Фельдмаршала кн. Н. И. Салтыкова“, С.-Пб. 1818 г.; „Жизнь русскаго механика Кулибина и его изобрѣтенія“, С.-Пб. 1819 г.; „Указатель главнѣйшихъ достопамятностей, сохраняющихся въ мастерской оружейной палаты“, С.-Пб. 1826 г.; „Шемакинъ судъ или послѣднее междоусобіе князей русскихъ“, романъ въ 4 частяхъ, М. 1832 г.; „Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ“, С.-Пб. 1839 г. На журнальномъ поприщѣ Свинынь появился прежде всего въ „Пантеонѣ славныхъ російскихъ мужей“. Пантеонъ этотъ прежде, въ 1816 г., издавалъ Кропотовъ и остановился на первомъ полугодіи: въ вышедшихъ 12 книжкахъ (по 2 въ мѣсяцъ) помѣщены были біографіи: Нестора, Миниха, Ермака, гр. Ал. А. Мусина-Пушкина, Минина и Пожарскаго, Филарета Никитича Романова, гр. Орлова-Чесменскаго, Л. Ст. Стрѣш-

нева, патриарха Гермогена и вк. Потемкина. Всѣ эти біографіи написаны напыщеннымъ, риторическимъ слогомъ, содержатъ очень мало данныхъ и притомъ общеизвѣстныхъ, но много неумѣлыхъ измышлений самого автора, — на примѣръ въ біографіи Стрѣшнева цѣлые его разговоры съ Царемъ. Для разнообразія, „Пантеонъ“ наполнялся всевозможнымъ балластомъ: самыми бездарными стихами неизвѣстныхъ поэтовъ, скорѣе всего самого автора, безграмотными разсужденіями, въ родѣ на примѣръ— „Защитеніе изящныхъ искусствъ противъ мнѣнія“ (?!), переводными отрывками дидактическаго и литературнаго содержанія. Такъ встрѣчаются отрывки изъ путешествія Верна, переводъ изъ Фенелона (Приключенія Аристоменова), Лафонтена (повѣсть Великодушныя соперники), повѣсть Гулькемъ. Въ 1818 г. „Пантеонъ“ былъ возобновленъ новыми издателями, но въ числѣ ихъ не находимъ, какъ видно изъ предисловія, Свинына, вопреки указанію въ извѣстной статьѣ книжника „О русскихъ журналахъ“, помѣщенной въ „Московскомъ Телеграфѣ“. Но Свиныну принадлежитъ значительная доля участія въ новомъ журналѣ: здѣсь помѣщена длинная статья, подъ заглавіемъ „Воспоминанія на флотѣ“, гдѣ разсказывается кампанія вице-адмирала Сивявина на Средиземномъ морѣ; „Нѣчто о Яковлевѣ“ съ приложеніемъ оставшагося послѣ него въ рукописи отрывка „Наушникъ или разговоръ живописца съ подъячимъ“; „Записки о жизни фельдмаршала Н. И. Салтыкова“. Отрывки изъ „Воспоминаній на флотѣ“ перепечатаны были въ „Сынѣ Отечества“, жизни Салтыкова—въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и кромѣ того изданы особо. Б. Федоровъ (который повидимому и былъ редакторомъ) помѣстилъ: О судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ; Жизнь боярина Матвѣева; Характеръ и жизнь гр. П. А. Румянцева Задунайскаго; Ѳ. Глинна: Краткое описаніе жизни и подвиговъ гр. Милорадовича, Подвиги ген. лейт. Котляревскаго въ походѣ 1812 г.; Ан. Раевскій: Воспоминанія русскаго офицера, изданныя потомъ отдѣльно; П. Побѣдоносцевъ: Воспоминанія о П. А. Плавильщиковѣ; и наконецъ отрывокъ изъ путешествія Алексѣя Россійскаго, штурмана на кораблѣ „Суворовъ“, совершившаго кругосвѣтное плаваніе подъ командою Лазарева въ 1813—1815 годахъ. Журналъ также окончился по истеченіи полугодія. Въ томъ же 1818 г. началъ издавать свой журналъ Свинынъ подъ названіемъ „Отечественныя Записки“, появившійся первоначально въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ въ 1818 и 1819 годахъ,

а затѣмъ выходившій постоянно по книжкѣ въ мѣсяцъ съ 1820 по 1830 годъ включительно. Въ 1824 году во время путешествія Свиньина по Россіи редакціею завѣдывалъ Б. Федоровъ, въ теченіе 6 мѣсяцевъ (съ мая по ноябрь). Направленіе своего журнала Свиньинъ высказалъ въ предисловіи къ первому сборнику 1818 г.: „Путешествіе по чужимъ краямъ съ нѣкоторою наблюдательностію, сверхъ многихъ другихъ преимуществъ, полезно для русскаго всего болѣе тѣмъ, что, по самому легчайшему сравненію своего отечества съ другими государствами, во многомъ *нравственномъ* онъ будетъ долженъ отдать справедливость первому и, если пагубное иностранное воспитаніе, стремящееся въ насъ охладить любовь и уваженіе ко всему русскому и сдѣлало его по несчастью пристрастнымъ къ чужеземному, то почтеніе, отдаваемое во всѣхъ краяхъ свѣта имени русскаго, уваженіе, выгоды и ласки, оказываемыя ему единственно за счастье быть русскимъ,—невольнымъ образомъ возгораютъ его, заставляютъ нашъ быть и свое отечество изучить, откуда происходитъ сіе равнодушіе, сія *скромность* соотечественниковъ его къ достоинству своему. Возвратясь въ свою отчизну, русскій горитъ пламенемъ узрѣть памятники славы своего отечества, познакомиться съ соотчичами своими“. Поэтому журналъ Свиньина не содержитъ ничего иностраннаго и касается исключительно русской жизни; до послѣднихъ лѣтъ журналъ даже не помѣщалъ ничего литературнаго, сосредоточиваясь на вопросахъ изъ русской исторіи, древней и современной, географіи, статистики и путешествія русскихъ людей и иностранцевъ исключительно въ предѣлахъ Россіи. Большинство статей въ журналѣ принадлежатъ самому редактору. Литературнаго таланта Свиньинъ не имѣлъ вовсе, что всего ярче сказалось въ его романѣ; кромѣ того онъ усвоилъ себѣ и кривѣро напыщенный языкъ бездарныхъ корифеевъ Карамзинскаго періода, выражаясь о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ „языкомъ боговъ“. Такъ, напримѣръ, вмѣсто того чтобы выразиться просто, что онъ слышалъ игру на балалайкѣ Мордвинъ, Свиньинъ пишетъ: „послышались звуки *лютемы* и заунывныхъ гѣсеи мордовскихъ рыболововъ, только плески водъ прерывали изрѣдка *гармонію эа*“ (?). Къ этимъ недостаткамъ Свиньинъ присоединялъ страсть сильно преувеличивать для возбужденія интереса, что не прошло незамѣченнымъ для современниковъ. Даже въ „Сынъ Отечества“, благосклонно относившемся къ Свиньину, обзорѣватель журналовъ

(Орестъ Сомовъ) желаетъ ему больше *отрности*, нежели горячаго усердія, больше *осмотрительности*, нежели поспѣшности въ распространеніи свѣдѣній и болѣе *скромности*, нежели *преувеличенія* въ извѣстіяхъ объ отечественныхъ талантахъ и изобрѣтеніяхъ. Измайловъ, въ сказкѣ „Лгунъ“, написанной на Свинына, охарактеризовалъ его слѣдующимъ образомъ:

Павлушка — *мѣдный лобъ* (приличное прозванье)
Имѣлъ ко лби большое дарованье,
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ!
Когда же съ бариниомъ въ Парижъ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ то лгать пустился!...
Однажды, — ахъ его лукавый побери!
Однажды этотъ лгунъ бездушный
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушный —
Представьте — говорилъ — какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуса честію, такого не бывало!
Съ адмиралтейство!... что, нѣтъ мало! —
А дѣлалъ кто его? — Мужикъ,
Нашъ русскій маркитантъ, Коломенскій мясникъ
Сафронъ Егоровичъ Буликъ,
Жена его Матрена,
И Таня маленькая дочь.

Впрочемъ въ этомъ саркастическомъ отношеніи къ Свиныну товарищей и литераторовъ выражалось болѣе всего чувство неприличія — *выводитъ на сцену мужика*. Свинынъ конечно преувеличивалъ, но въ его извѣстіяхъ было много правды; кромѣ того никто тогда не обращалъ вниманія на даровитыхъ людей изъ народной массы. Я лично зналъ одного изъ описанныхъ Свинынымъ механиковъ, — купца А. В. Красильникова въ Костромѣ: онъ дѣйствительно былъ замѣчательный самородокъ и разсказъ о немъ Свинына совершенно вѣренъ. Но Свинынъ имѣлъ за собою, какъ журналистъ, и положительныя достоинства. Свинынъ понималъ, что изученіе Россіи въ то время невозможно иначе, какъ путемъ личнаго ознакомленія и разспроса мѣстныхъ жителей. И вотъ онъ въ теченіе 10 лѣтъ путешествовалъ по Россіи, во всѣхъ ея концахъ, подготавливаясь, по мѣрѣ возможности, собраніемъ всевозможныхъ

историческихъ замѣтокъ о странѣ, куда лежалъ его путь. Оттого путешествія его представляютъ пестрый калейдоскопъ личныхъ наблюдений, собранныхъ слуховъ, статистическихъ данныхъ и историческихъ замѣтокъ безъ всякой критики, не представляющей ничего дѣльнаго и серьезнаго, но здѣсь попадаются иногда очень цѣнные и имѣющіе даже въ настоящее время свое значеніе факты и наблюденія. Во время своихъ путешествій Свиньинъ старался сблизиться со всѣми лицами, занимавшимися изученіемъ своей мѣстности и усиленно вызывалъ ихъ на работу, охотно предоставляя имъ страницы своего журнала. Такъ, по приглашенію Свиньина, появились историко-статистическія описанія разныхъ городовъ, преимущественно Рязанской губерніи, доставленныя ему отъ тамошнихъ учителей; свѣдѣнія о сѣверномъ Поморьѣ (р. Печорѣ, Важской землѣ и Шенкурскѣ) прислали ему тамошніе обыватели Ал. Денггинъ и Матвѣй Масниковъ, послѣдній въ очень длинной и интересной статьѣ и т. д. Свиньинъ обращалъ главное вниманіе на выдающихся лицъ изъ простаго сословія, что тогда было большою рѣдкостью и не только помѣщалъ о нихъ въ своемъ журналѣ, но даже помогалъ лично, присылкою книгъ, рекомендаціею и т. д. Такъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ болѣе или менѣе подробно упоминаются замѣчательные люди изъ простаго званія: химикъ Власовъ, механики Калашниковъ, Соболевъ, Кулибинъ, Красильниковъ, Казимановъ, Немиловъ, Чистяковъ, В. М. Лебедевъ въ Грязовицѣ, купецъ Гребенщиковъ, гранильщикъ Шубинъ, мясникъ-астрономъ Семеновъ, купецъ Кивинъ, усовершенствовавшій кожевенное дѣло, художникъ Тарасъ, ваятель Сухановъ, поэты Сибиряковъ, Алипановъ, крестьянинъ села Лопасни Петръ Борисовъ, писатель крестьянинъ П. М. Захарьинъ. Но, въ сожалѣнію, здѣсь-то именно, главнымъ образомъ, и впадалъ Свиньинъ въ преувеличеніе: на изобрѣтенія и работы способныхъ русскихъ людей, сами по себѣ замѣчательныя и достойныя поощренія, Свиньинъ смотрѣлъ не просто, а въ увеличительное стекло и надѣлялъ ихъ качествами, которыхъ онѣ не имѣли. Даже неврологъ цыганки Свиньинъ озаглавилъ „Русская Каталани“. Наконецъ въ эпоху неприличной полемики и безсодержательной взаимной руготни между журналами Свиньинъ держалъ себя въ сторонѣ. Онъ указываетъ съ сожалѣніемъ, что во время его отсутствія редакторъ Федоровъ вошелъ въ пререканіе съ Булгаринимъ и только поэтому

онъ и самъ впоследствии поднималъ брошенную ему перчатку. У Свиньина не было *jalousie du metier*, что каждаго изъ тогдашнихъ журналистовъ ополчало на всѣхъ остальныхъ своихъ собратій. Въ эпоху поголовнаго ополченія на „Телеграфъ“, щедрою рукой раздававшій возмездіе всѣмъ, къ нему придиравшимся, Свиньинъ о „Телеграфѣ“ выражался такимъ образомъ: „Напрасно Славянинъ съ причтомъ стараются уронить „Московскій Телеграфъ“. Чтобы они ни дѣлали, какъ ни напрягались, а публика сама видитъ ревность издателя Телеграфа ознакомить Россію съ ходомъ наукъ и словесности Европейской; публика давно признала журналъ сей лучшимъ литературнымъ журналомъ; великодушно прощаетъ ему нѣкоторую небрежность въ переводахъ, нѣкоторую рѣзительность, рѣзкость въ приговорахъ и сужденіяхъ, искупаемая впрочемъ благонамѣренностью цѣли и, слишкомъ можетъ быть, пламенною любовью къ истинѣ и совершенству, и вопреки гонителей и подражателей, подписка на Телеграфъ увеличивается ежегодно“. Ни одинъ изъ журналовъ того времени не напечаталъ столько интересныхъ и важныхъ для русской исторіи документовъ, сколько „Отечественныя Записки“. Достаточно указать на записки Храповицкаго, жизни Неплюева, памятные записки Нащокина, исследование Дона, Азовскаго моря, Воронежа и Азова вице-адмираломъ Крейсомъ по повелѣнію Петра В., выписки изъ иноземныхъ путешественниковъ по Россіи, грамоты, письма разныхъ лицъ и пр. и пр. Но къ сожалѣнію Свиньинъ имѣлъ привычку не всегда указывать источники, откуда онъ заимствовалъ свои извѣстія, текстъ переносить, принимаясь къ современному языку и иногда пропускать важнѣйшее (наприм. въ запискахъ Храповицкаго, гдѣ нѣкоторыя мѣста обозначены точками). Большинство собранныхъ Свиньиннымъ актовъ и документовъ издано впоследствии со всѣми научными приемами, такъ что въ настоящее время „Отечественныя Записки“ въ этомъ смыслѣ представляютъ мало интереса. Изъ статей постороннихъ сотрудниковъ научнаго содержанія болѣе другихъ замѣчательны: статьи Стемпковскаго о Крымскихъ древностяхъ; нѣсколько статей Руссова, преимущественно полемическаго характера по отдѣльнымъ вопросамъ изъ русской исторіи; переписка П. Львова и Ф. Баженова о Марьинской и Вышневолоцкой системахъ; статьи ген. М. Дебу о Кавказѣ и народахъ, въ немъ обитающихъ; о російскомъ театрѣ, отъ начала до царствованія Екатерины, П. Су-

маркова; русскія лубочныя картинки, Ив. Снегирева; свѣдѣнія о частной жизни и дѣяніяхъ гр. Румянцова-Задунайскаго; замѣчанія на записки Манштейна о Россіи; лѣтопись древняго города Изборска и о десятинной церкви, митрополита Евгенія; монограмма или рядъ гербовыхъ знамовъ на стѣнахъ храма Изборскаго, гр. Канкринна, замѣчательна болѣе именемъ самого автора; приготовленіе въ проѣздѣ Петра В. черезъ Рязанскую губернію, Гулева. Особенно интересенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ отдѣлъ военныхъ извѣстій, имѣющій значеніе и въ настоящее время по цѣнности собранныхъ матеріаловъ и по личности составителей. Сюда относятся: описаніе Бородинской битвы, гр. Толя; дѣйствіе русскаго флота во время трехъ кампаній противъ Шведовъ, А. С. Шишьева; первый походъ русскаго флота въ Архипелагъ, описанный Адм. Грейгомъ; турецкій походъ Кутузова въ 1811 году, Гр. Закревскаго; военныя дѣйствія русско-турецкихъ войскъ подъ Анконою въ 1799 г., А. Висковатова; Чесменскій бой и Гангудское сраженіе въ 1714 г., Глотова; отрывокъ изъ записокъ партизана Давыдова. За исключеніемъ романа Б. Ѳедорова „Князь Курбскій, черты отечественныхъ событій и нравовъ русскихъ XVI вѣка“, помѣщеннаго во время его редакторства, литературный отдѣлъ не существовалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ до 1829 г., когда окончились путешествія Свиньина по Россіи, и истощился запасъ собранныхъ имъ документовъ, вслѣдствіе чего журналъ, очевидно, клонился къ прекращенію. Съ тѣхъ поръ въ литературномъ отдѣлѣ преобладаютъ повѣсти Петра Кудряшева, помѣстившаго: „Киргизскій плѣнникъ“, оренбургская быль, „Ябурятъ“, башкирская повѣсть, „Сокрушитель Пугачева, Илецкій казакъ Ивацъ“, оренбургская повѣсть, „Даржа“ калмыцкая повѣсть. Этотъ Кудряшевъ († 1827) служилъ аудиторомъ въ Оренбургѣ, воспитывался въ Верхнеуральскомъ сиротскомъ отдѣленіи и терпѣлъ какое-то притѣсненіе отъ начальства. О немъ помѣщены извѣстія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и полемика въ „Вѣстникѣ Европы“. По словамъ Свиньина онъ могъ написать набѣло 250 стиховъ въ день и наводнялъ ими многіе изъ тогдашнихъ журналовъ, преимущественно „Вѣстникъ Европы“; даже, какъ мы видѣли, перевелъ стихами цѣлую поему Байрона, помѣщенную въ „Благонамѣренномъ“. Можетъ быть, при болѣе тщательномъ образованіи, Кудряшевъ выписался бы, но признаювъ самобытнаго таланта во всѣхъ его

произведеніяхъ открытъ нельзя. Свинынь въ своемъ литературномъ отдѣлѣ отвелъ мѣсто повтамъ-крестьянамъ Слѣпушину и Алипанову и помѣстилъ „Путевый журналъ“ крестьянина Суханова отъ Архангельска до Петербурга. Кромѣ того въ литературномъ отдѣлѣ помѣщены: „Кызъ Брунь“, червесская повѣсть Ивана Раджицкаго; длинный и безсвязный нравственный романъ въ письмахъ: „Торжество воспитанія или исправленный мужъ“, неизвѣстнаго; „Умористика“, Вл. Бурнашева; рядъ статей, пустыхъ по содержанию, подъ заглавіемъ „Визитная карточка или страсть къ нововведеніямъ“, „Люди не на своихъ мѣстахъ“, „Поѣздка въ маскарадъ“, „Наполеонова сабля“ и пр.; „Бисабрюкъ или вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, малороссійская повѣсть, рассказанная дьячкомъ Покровской церкви. Въ отдѣлѣ стихотвореній помѣщена комедія „Свѣтскій бытъ“, безъ подписи. Критическихъ статей въ журналѣ не много и онѣ, большею частью, состоятъ въ болѣе или менѣе подробномъ изложеніи содержанія, съ приличною похвалою. Вообще даромъ критики Свинынь не отличался; онъ превозноситъ Пушкина, превозноситъ „Юрія Милославскаго“, но точно въ такой же мѣрѣ превозноситъ и „Петра Выжигина“, Булгарина. Изъ постороннихъ статей замѣчательны дѣльными возраженія на статью проф. Васильева, помѣщенную въ „Вѣстникѣ Европы“ (1822, № 7) подъ заглавіемъ: „Историческое обозрѣніе древняго Россійскаго законодательства“ (замѣчанія на статью, важную по предмету своему); и не безынтересны нѣкоторые замѣчанія на „Опытъ теоріи налоговъ“ Тургенева, Н. П. Демидова, автора нѣсколькихъ французскихъ брошюръ по политической экономіи. Съ перваго же года въ „Отечественныхъ Запискахъ“ открытъ особый отдѣлъ, сначала называвшійся „Письма изъ Петербурга“, гдѣ помѣщалась текущая хроника общественной жизни: придворныя извѣстія, увеселенія публики, балы, концерты, театры, гулянья и пр., маневры и смотры, засѣданія ученыхъ обществъ, выпускъ изъ учебныхъ заведеній, выставки и произведенія искусствъ, появленіе новыхъ сочиненій, публичныя работы, естественныя происшествія и всякаго рода выдающіяся событія. Отдѣлъ этотъ, представляющій довольно полную лѣтопись современной общественности, интересенъ и теперь, а въ свое время онъ, безъ сомнѣнія, придавалъ жизнь журналу (*).

Если Свинынь принялся за изданіе своего журнала безкорыстно и искренно, побуждаемый лишь своею страстью къ литературной дѣ-

тельности, то мотивы Булгарина были совсѣмъ инаго свойства. На страницахъ своихъ записокъ Гречъ безцеремонно, но правдиво и рельефно охарактеризовалъ литературную дѣятельность своего пріятеля. Онъ говоритъ: „До 1823 года Булгаринъ литературою занимался мало, посвящая все свое время, всю свою дѣятельность веденію своего процесса. И мнѣ кажется, что занятія этимъ процессомъ, сопряженныя съ уловками и продѣлками, которыя не всегда оправдываются законами чести и долга, имѣли вредное вліяніе на развитие его понятій и характера. Для достиженія своей цѣли онъ употреблялъ всѣ возможныя средства: съ утра до вечера таскался по сенаторскимъ и оберъ-прокурорскимъ переднимъ, посѣщалъ секретарей и стряпчихъ, кормилъ и поддучалъ ихъ, привозилъ игрушки и лакомства ихъ дѣтямъ, подарки женамъ и любовницамъ. Польская натура нашла въ этихъ маневрахъ обильную пищу своей низкопоклонности, лести, хвастовству и хлѣбосольству, съ опредѣленною цѣлью. Эти подвиги, оправдываемые свойствомъ его занятій, произвели въ его умѣ смѣшанную теорію правилъ войны, сутяжничества и литературы. Потерявъ возможность продолжать съ успѣхомъ военную службу, онъ пошелъ въ стряпчіе; *видя, что можно литературою приобрести извѣстность, онъ наконецъ взялся за нее, руководствуясь на каждомъ изъ сихъ поприщъ правилами достигнуть цѣли жизни, т.-е. удовлетворенія тщеславію и любостыжанію*“ (Зап. Греча, стр. 447). Булгаринъ иногда самъ неволью проговаривался въ этомъ смыслѣ. Въ одной статьѣ литературныхъ прибавленій (Новый годъ) рѣчь идетъ, кому и какъ поздравлять съ Новымъ годомъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ, Горевъ, говоритъ: „кто, подобно мнѣ, имѣетъ несчастный процессъ впродолженіи восьми лѣтъ, кто сверхъ того долженъ имѣть по многимъ обстоятельствамъ сношенія съ людьми не по выбору, но по необходимости, тому, повѣрьте, друзья, адресъ-календарь противу воли часто заступаеъ мѣсто сердца и памяти“ (Лит. листки 1824, № 1, стр. 4 и 5). Практическая смѣтливость сейчасъ же указала Булгарину, гдѣ лежитъ корень самой скорой и удобной литературной наживы — въ изданіи журнала, посвященнаго преимущественно отечественнымъ интересамъ. Въ себѣ самомъ матеріала Булгаринъ не находилъ, и вотъ собравши нѣсколько интересныхъ документовъ, онъ съ января 1822 года началъ изданіе „Сѣвернаго Архива“. Участія личнаго въ этомъ журналѣ Булгаринъ почти не принималъ; единственная его *ученая*

статья есть біографія Марини Мнишекъ, преимущественно по польскимъ источникамъ; но она написана скорѣе въ родѣ походовъ Выжигина и вовсе не представляетъ исторіи той великой драмы смутнаго времени, гдѣ случайно замѣшалась польская искательница приключеній. Гречъ передаетъ, что статья окончательно провалилась при чтеніи въ Обществѣ соревнователей просвѣщенія и благотворительности въ маѣ 1823 года, такъ что Булгаринъ сразу прекратилъ свои набѣги на русскую исторію. Но всетаки Булгаринъ велъ свое журнальное дѣло съ большою ловкостью, и его „Архивъ“ обратилъ на себя общее вниманіе не только у насъ, но и за границу, гдѣ интересныя статьи переводились или сообщались въ извлеченіи. Булгаринъ съ перваго же раза съумѣлъ поддѣлаться къ Румянцеву, который передалъ ему сборникъ интересныхъ писемъ къ фельдмаршалу Румянцеву; онъ успѣшно вытаскивалъ интересные документы у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ; онъ успѣлъ привязать къ своему журналу всѣхъ лицъ, въ то время занимавшихся русскою исторію. На первыхъ порахъ сотрудниками въ его журналѣ являются Берхъ, Дм. Языковъ, Бутковъ, Корниловичъ, Вихманъ, Ходаковский, проф. Цеплинъ, Левшинъ, изслѣдовавшій бытъ уральскихъ казаковъ и восточныхъ инородцевъ; впоследствии къ нему присоединились Калайдовичъ, Погодинъ, Зубаревъ. Начиная съ 1824 года, когда „Архивъ“ началъ все болѣе и болѣе наполняться переводными статьями, возлѣ него сплотилась цѣлая фаланга трудолюбивыхъ и привычныхъ переводчиковъ: Ник. Безакъ, М. Михайловъ, Рашковъ, Сомовъ (преимущественно по статьямъ литературнаго содержанія) и въ особенности Очкинъ, сдѣлавшійся впоследствии постояннымъ сотрудникомъ Булгарина. Самое польское происхожденіе оказало ему въ дѣлѣ изданія не малую пользу. Восстановленіе Польскаго королевства и дарованіе ему конституціи оживили Польшу и пробудили въ ней обманувшія ея надежды; польская литература и въ особенности научная дѣятельность того времени представляетъ одну изъ блестящихъ страницъ, украшенныхъ именемъ Мицкевича. Виленскій университетъ и Варшавское общество любителей наукъ принялись дѣятельно за разработку польской и славянской исторіи: Лелевель, Линде, Бандтке, Нарбутъ, Нѣмцевичъ, Суrowецкій, Ө. Чацкій, гр. Ив. Потоцкій, Даниловичъ и др. были болѣе или менѣе видными и блестящими представителями этого направленія. Въ то же время поляки,

болѣ нежели когда нибудь, готовы были сближаться съ русскими: польскіе ученые интересовались русскою исторіею и литературою; Линде перевелъ и снабдилъ примѣчаніями исторію литературы Греча; Лелевель съ уваженіемъ разбиралъ Карамзина и отдавалъ ему полную справедливость, Доленго-Ходаковскій сдѣлался по призванію ходакомъ по Россіи, отыскивающимъ исторію ея старины и т. п. Булгаринъ украсилъ на первыхъ же порахъ свой журналъ помѣщеніемъ интересныхъ „Путевыхъ записокъ“ Сенковского и разборомъ „Исторіи государства російскаго“ Лелевеля. Переводы съ польскаго занимаютъ видное мѣсто и теперь еще сохраняютъ свою цѣну. Сюда относятся: Суворовцаго („О руническихъ письменахъ у европейскихъ народовъ“ и обширное изслѣдованіе о происхожденіи славянскихъ народовъ, повторенное въ чтеніяхъ О. И. и Др.); Ѡ. Чацкаго („О татарахъ, живущихъ въ Польшѣ“); Ходаковскаго (Опытъ объясненія слова „князь“ и „Письма изъ путешествій по Россіи“); „Изслѣдованіе о евреяхъ“ Ѡ. Чацкаго; „Путешествіе графа Потоцкаго въ Астрахань и окрестныя страны“; „Историческое и этнографическое изслѣдованіе о цыганахъ“ проф. Игн. Даниловича; „Біографія гр. Завадовскаго“ Снядецака; мелкія статьи Нарбута (Древности Литвы и др.); Глѣбовича (Литовская мѣологія); проф. Опацевича („Изъ путевыхъ записокъ по Гродненской губ.“).

Изъ польскихъ источниковъ Булгаринъ извлекъ много интересныхъ данныхъ для русской исторіи: письмо Смоленскаго воеводы князя Хованскаго къ австрійскому послу Эразму Гайделіусу 1615—1616 г.; договоръ между В. К. Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ и В. К. Витовтомъ (напеч. у Глѣбовича, въ жизнеописаніи Витовта) и акты о сношеніяхъ Литвы съ Московскимъ государствомъ (сообщены имъ же); древнія грамоты Литовскихъ князей Видригайло и Витовта, сообщ. Казаковскимъ; дневникъ Самуила Маскевича о пребываніи поляковъ въ Россіи 1612 г. (изъ собранія памятниконъ о бывшей Польшѣ, Нѣмцевича); дневная записка о путешествіи къ запорожскому войску польскихъ комиссаровъ (оттуда же); записка о дѣлахъ мосновскихъ въ 1598 г., представленная Сигизмунду III Гримовскимъ. Постоянными отдѣлами въ журналѣ были: 1) исторія; 2) путешествія, и 3) статистика вмѣстѣ съ географіей и этнографіей. Другіе отдѣлы — правовѣдніе и политическая эвномія — являлись лишь только изрѣдка. Сначала издатель обѣщавалъ всеобщую бібліографію по исторіи, статистикѣ, путеше-

ствіямъ и этнографіи, но исполненіе этого обѣщанія свелось послѣ перваго номера къ появленію только изрѣдка критическихъ разборовъ, а больше просто библиографическихъ указаній, съ изложеніемъ содержанія о наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ книгахъ по этой части; иностранная библиографія, вмѣстѣ съ русскою, появилась только въ послѣднемъ 1828 году. По исторіи до 1825 года помѣщено нѣсколько интересныхъ документовъ, но вообще въ „Сѣверномъ Архивѣ“ ихъ сравнительно менѣе, нежели въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина. За то въ „Архивѣ“ содержится нѣсколько статей и теперь еще не утратившихъ своего значенія и принадлежащихъ Буткову, Калайдовичу, Берху, Корниловичу и друг. Кромѣ того въ переводѣ помѣщено разсужденіе Клапрота о татарахъ и отрывки изъ исторіи итальянскихъ республикъ Сисмонди. Періодъ двадцатыхъ годовъ былъ блестящею эпохою для путешествій; успокоившаяся отъ волненій Европа высылала во всѣ стороны своихъ развѣдчиковъ, приготовившихъ предстоявшее развитіе европейскаго рынка для фабрикантовъ и промышленниковъ и на путешествіяхъ сосредоточено было общественное вниманіе. Россія тогда въ этомъ отношеніи не отставала отъ другихъ. Первый толчекъ подавъ былъ Р. Американскою компаніею, которая съ основанія по 1824 г. снарядила восемь кругосвѣтныхъ экспедицій для своихъ колоній: корабли „Надежда“ и „Нева“ подъ командою Крузенштерна 1803 г., „Нева“ подъ командою Гагенмейстера въ 1806 г., „Суворовъ“, ком. Лазаревъ въ 1813 г., „Кутузовъ“ и „Суворовъ“, ком. Гагенмейстеръ и Панафидинъ въ 1816 г., „Бородино“ ком. Панафидинъ въ 1819 г., „Кутузовъ“ ком. Дохтуровъ въ 1820 г., „Рюрикъ“ и „Елизавета“ ком. Клочковъ въ 1821 г., „Елена“ ком. Чистяковъ въ 1825 г. Кромѣ того ученые экспедиціи совершили: Коцебу 1815 — 1816 г., Головинъ въ 1817 г., Беллинггаузенъ и Лазаревъ 1818, 1820 и 1821 г. Снаряжено было также нѣсколько ученыхъ экспедицій сухимъ путемъ въ Бухару, Сибирь, Тибетъ и по владѣніямъ сѣверо-американской компаніи: Негри и Эверсманъ, Тимковскій, Муравьевъ, Врангель, и др. Извѣстія о всѣхъ этихъ экспедиціяхъ помѣщались въ „Сѣверномъ Архивѣ“ и возбуждали общее любопытство. По этнографіи замѣчательна статья „Описаніе Явучтовъ“; по географіи и статистикѣ содержится нѣсколько очень интересныхъ для сравненія и въ настоящее время статей объ иностранныхъ колоніахъ въ южной Россіи, а также описаніе Аландскихъ остро-

вовъ. Статьи Левшина объ Уральскихъ казакахъ вошли потомъ въ составъ отдѣльнаго его сочиненія. Изъ критическихъ разборовъ выдаются: разборъ путешествія въ Туркменію и Хиву Н. Муравьева; разборъ перевода Линде на польскій языкъ „Опыта объ исторіи русской литературы“ Греча и примѣчаній къ нему самого переводчика; разборъ изданія Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку, проф. Тимковскаго, подписанный Н. Полѣвымъ. По политической экономіи помѣщено извлеченіе „О цѣли и пользѣ политической экономіи“; переводъ изъ Сварбеа „Трактата о политической экономіи“.

Если и теперь журналъ чисто ученый, наполненный исключительно серьезными статьями не совсѣмъ удовлетворяетъ вкусу большинства, требующаго легкаго и занимательнаго чтенія: изъ происшествій обиденной жизни, то еще менѣе можно было рассчитывать въ то время на распространеніе журнала, вовсе лишеннаго беллетристики. Булгаринъ вскорѣ это понялъ. Вслѣдъ за Воейковымъ со второй половины 1823 года онъ началъ издавать „Литературные Листки“, какъ бесплатное прибавленіе къ „Сѣверному Архиву“, по 24 книжки въ годъ. Изданіе продолжалось въ теченіе всего 1824 года. Здѣсь Булгаринъ разомъ очутился въ своей сферѣ, гдѣ могъ принять и личное участіе. Содержаніе журнала было очень разнообразно и заключало въ себѣ: 1) мелкіе прозаическіе рассказы, которыхъ исключительнымъ почти поставщикомъ былъ самъ Булгаринъ; 2) стихотворенія; 3) Волшебный фонарь или разныя извѣстія, гдѣ помѣщались критическія замѣтки, извѣстія о выходѣ въ свѣтъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній, свѣдѣнія о театрѣ, общественныхъ новостяхъ, неврологи замѣчательныхъ лицъ, анекдоты и проч.; 4) моды. Въ отдѣлѣ прозаическомъ, кромѣ двухъ переводовъ съ нѣмецкаго (одинъ изъ нихъ „Утѣшеніе въ несчастіяхъ“, изъ Вейса обозначенъ А. Б., то-есть А. Бестужевъ) и трехъ статей принадлежащихъ другимъ лицамъ (въ томъ числѣ Праздникъ 27 іюня при Петрѣ I, А. Корниловича) всѣ остальные принадлежатъ Булгарину и нѣкоторые изъ нихъ не лишены тѣхъ качествъ, которыя въ свое время придали значеніе Выжигину, — довольно легкой для своего времени внѣшней формы рассказа и нѣкоторой наблюдательности. Стихотворенія принадлежали большею частью Очкину и отчасти Федорову, есть по одному: Ав. Норова, Туманскаго, П. Корсакова, Гри-

горьева и другихъ мало извѣстныхъ. Критика Булгарина была весьма поверхностная и большею частью самая снисходительная, еще не усвоившая того запальчиваго тона, которымъ она отличалась впоследствии въ „Сѣверной Пчелѣ“. Булгаринъ тогда былъ въ восторгѣ отъ Пушкина, былъ другомъ Бестужевыхъ, которые принимали участіе въ его журналѣ, и Грибоѣдова. Помѣстивши разборъ „Бахчисарайскаго фонтана“ Очкина, гдѣ послѣдній, отдавая справедливость стиху Пушкина, нашелъ, что въ поэмѣ нѣтъ характеровъ, описанія неумѣстны, длинны и холодны, частыя отступленія въ разсказѣ не въ гармоніи съ ходомъ піэсы и представляются разноцвѣтными и вшитыми лоскутками, — Булгаринъ нашелъ эту критику слишкомъ строгою: „въ поэмѣ Пушкина находятся всѣ принадлежности такъ называемаго романтическаго рода, т. е. общее согласіе въ цѣломъ и живое изображеніе духовныхъ движеній, все вмѣстѣ трогаящее сердце и впечатлѣвающееся въ памяти“ (II, 268, прим.). Надо сказать, что въ 1824 году—въ эпоху разгара спора у насъ о классицизмѣ и романтизмѣ,—Булгаринъ стоялъ на совершенно вѣрной точкѣ зрѣнія. Вотъ его слова: „Не говоря о предварительномъ образованіи, необходимомъ для поэта и не поэта, для дарованія должна быть одна школа, одинъ образецъ—природа. Кто вѣрно списываетъ ея образы, изображаетъ предметы живыми красками, изъясняется сладкозвучно и возбуждаетъ въ душѣ читателя желаемое ощущеніе, тотъ истинный поэтъ и его произведеніе равно прекрасно, къ какому бы роду оно ни принадлежало“ (II, 266—7 прим.). „Сѣверный Архивъ“ въ концѣ 1824 года началъ выходить неаккуратно: матеріалы истощались, прежніе сотрудники или исписались или отошли отъ журнала. Тогда Булгаринъ и Гречъ рѣшились прекратить взаимную конкуренцію и слить свою издательскую дѣятельность. „Сынъ Отечества“ и „Сѣверный Архивъ“ продолжали выходить по прежнему подъ общою редакціею, а „Литературные Листки“ уничтожились и присоединились къ „Сѣверному Архиву“. „Сѣверный Архивъ“ въ новой редакціи продолжался до 1829 года, когда общая издательская дѣятельность Греча и Булгарина сосредоточилась исключительно на „Сынѣ Отечества“ въ смыслѣ литературно-научнаго журнала и на „Сѣверной Пчелѣ“, какъ ежедневной газетѣ для сообщенія текущихъ извѣстій по отраслямъ народной жизни. Отдѣлъ исторіи въ новой редакціи оказался нѣсколько слабѣе и принялъ болѣе пере-

водный характеръ. Въ особенности это замѣчаніе относится къ оригинальнымъ статьямъ по древней русской исторіи; въ числѣ ихъ важнѣйшія принадлежатъ тѣмъ же лицамъ—Буткову и Берху. За то значительно усилился переводный отдѣлъ, въ которомъ помѣщены отрывки изъ сочиненій Сея, Баранта, Гиллиса, Дешпинга, Отфрида Мюллера, Клапрота, Герена, Кузена, Шафарика, Эверсмана, Коха. Отдѣлъ путешествій, въ особенности иностранныхъ, очень разросся; въ этомъ отдѣлѣ интересны походы крестянина Дем. Ив. Цибулина въ Азіи, Египтѣ и восточной Индіи въ 1808—1821 г., имъ самимъ рассказанныя. Здѣсь же помѣщенъ отрывокъ изъ путешествія по южной Франціи Кюхельбевера. По статистикѣ для настоящаго времени имѣютъ нѣкоторую цѣну слѣдующія статьи: отрывокъ изъ записокъ, сочиненныхъ въ 1815 году М. Т. С. Н.—мъ О рыбной промышленности астраханской; Мысли о возможности и легкости сухопутнаго сношенія Россіи съ Индіею и Китаемъ Г. Ш.; Статистика пяти губерній, входящихъ въ генераль губернаторство Балашова. По этнографіи замѣчательны: О чувашахъ; О колошахъ или колошахъ В. Романова; О просвѣщеніи Киргизъ - Кайсаковъ Левшина; Изъ критическихъ изслѣдованій Эверса, статья Погодина; О примѣчательныхъ обычаяхъ и увеселеніяхъ малороссіянъ на праздникъ Рождества Христова и на Новый Годъ, Лукашевича. По политической экономіи, кромѣ переводовъ изъ Сея, помѣщены двѣ оригинальныя статьи: О вліяніи машинъ на народное хозяйство вообще и у насъ въ особенности, М. Михайлова и О дѣйствіи причинъ, имѣвшихъ неблагоприятствующее вліяніе на общественныя выгоды въ Россіи, В. Пельчинскаго. По правовѣднію также есть двѣ оригинальныя статьи: Историческое обозрѣніе російскаго законодательства изъ книги „Памятникъ изъ законовъ“ и Законы Мунгальскіе и Калмыцкіе, по сообщенію гр. Шереметева. Въ отдѣлѣ критики за 1825 годъ помѣщена обширная и неоконченная статья безъ подписи—Критическій взглядъ на X и XI томы Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина и Критическія замѣчанія на начертаніе всеобщей географіи, К. Арсеньева—Корниловича. Кромѣ того этотъ годъ наполнялся полемикой Съвернаго Архива съ „Отечественными Записками“, „Дамскимъ журналомъ“ и въ особенности съ „Московскимъ Телеграфомъ“, отъ лица самого издателя Булгарина и отъ имени его сотрудниковъ. Литературный отдѣлъ, замѣнившій „Литературные Листви“, подъ за-

главѣмъ „Правы“ въ 1825 г. наполнялся разсказами самого Булгарина въ томъ же родѣ, какъ и въ „Литературныхъ Листкахъ“, но съ начала 1826 года Булгаринъ перестаетъ писать эти мелкіе разсказы и, какъ видно, принимается уже за большіе свои романы, рядъ которыхъ открылся Иваномъ Выжигинимъ. Отрывки изъ Выжигина появляются въ „Сѣверномъ Архивѣ“, начиная съ мая 1825 года. Мѣсто Булгарина по части мелкихъ разсказовъ занялъ московскій литераторъ Василій Ушаковъ, помѣщавшій свои статьи за подписью В. У. и начавшій свое участіе еще съ „Литературныхъ Листковъ“. Сочиненія Ушакова еще пустѣе и бездарнѣе самого Булгарина, у котораго, по крайней мѣрѣ, были проблески наблюдательности и сатирической оттѣнокъ, придававшій нѣкоторую жизнь его медочамъ. Но начиная съ 1826 г. оригинальныя статьи все болѣе и болѣе отступаютъ передъ переводными, которыми занялся О. Сомовъ, въ видѣ передоженія мелкихъ статей изъ неизвѣстныхъ французскихъ изданій или подражанія имъ. Въ числѣ переводовъ съ указаніемъ авторовъ помѣщены: изъ г-жи Жанлисъ, Колье (Пустынникъ С. Жерменскаго предмѣстья), Жуи (Антенскій пустынный, Гвианскій пустынный), Ирландскаго пустытника Имбера (moeurs administratifs), Альфреда де Виньи (Бабинетъ кардинала Ришелье изъ его романа „Cinq Mars, ou une conjuration sous Louis XIII). Булгаринъ не даромъ остановился на французскихъ пустынныхъ (Hermite) разныхъ авторовъ: они служили главными образцами для подражанія ему самому и его alter ego Ушакову.

Вообще послѣдній (1828) годъ былъ годомъ вымиранія Сѣвернаго Архива: книжки западывали, такъ что послѣднія выходили уже въ слѣдующемъ году, интереснаго было очень мало и почти весь годъ наполненъ путевыми письмами къ Булгарину Г. Ш. (22). Съ спеціальною цѣлью издавался въ Петербургѣ Журналъ изящныхъ искусствъ Вл. Григоровичемъ. Журналъ этотъ началъ выходить съ апрѣля 1824 года, по одной книжкѣ черезъ два мѣсяца, и превратился на третей книжкѣ 1825 года, даже не окончивши начатыхъ статей, вѣроятно за недостаткомъ подписчиковъ. Журналъ стоилъ очень дорого, 55 р. въ Петербургѣ и 60 р. для иногородныхъ. Главнымъ въ немъ сотрудникомъ былъ Плетневъ: ему принадлежатъ переводы, обозначенныя буквою П., стихи (Тассъ) и разборы стихотворенія Гете „Путешественникъ“ въ переводѣ Жу-

говсваго и баллады Батюшкова „Умиращій Тассъ“. По теоріи изящныхъ искусствъ помѣщены статьи: „О происхожденіи художествъ“ изъ Винкельмана; „Сущность, цѣль и польза изящныхъ искусствъ“, по теоріи Сулцера; „Объ отношеніи древней и новѣйшей живописи къ поэзіи“, чтеніе Берлинскаго профессора Талькена; „О вліяніи климата, одной изъ главнѣйшихъ причинъ различія художествъ у разныхъ народовъ“; „О происхожденіи, успѣхахъ и упадкѣ искусствъ, основывающихся на рисунѣ“ Рафаэля Менгса; и „Письмо живописца Людовика Дольче къ Гаспару Беллини“, отнесенное въ 1551 году. По исторіи искусствъ помѣщена обширная и обстоятельная статья „О характерѣ художествъ у египтянъ“ и биографіи Рафаэля Санціо и Микель Анджело Буанаротти. Въ отдѣлѣ „Обычай, обряды и костюмы древнихъ народовъ“, напечатаны: статья „О костюмѣ“ и переводъ Монжеса „О костюмѣ Персовъ во времена владычества царей Ахеменидовъ и царей династіи преемниковъ Александра“. Изъ русскихъ памятниковъ рассмотрѣны картины извѣстныя подъ именемъ Каппониановыхъ и Корсунскія ворота въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ; помѣщены также свѣдѣнія о русскихъ художникахъ Гр. Ив. Угрюмовѣ и Кир. Ив. Годовачевскомъ. Русскій отдѣлъ наполненъ кромѣ того большою и обстоятельною статьею издателя объ академической выставкѣ 1825 г., извѣстіемъ о торжественномъ трехгодичномъ собраніи Академіи художествъ 18 сентября 1824 г. и отчетами общества поощренія художествъ. Помѣщены также письма Оленина о составленіи проекта возобновленнаго Петровскаго театра въ Москвѣ и живописца Алекс. Брюлова къ П. А. Кивину о его художественныхъ занятіяхъ за границею, а равно переписка издателя съ гр. Толстымъ относительно критическаго разбора рисунка послѣдняго. Въ отдѣлѣ художественной критики разобраны: картина Корреджіо Мученіе св. Петра, находящаяся въ эрмитажѣ; Парсононъ Анжискій и его иражоры; одинъ изъ рисунковъ гр. Толстата въ „Душенькѣ“ Богдановича; Соборъ св. Петра въ Римѣ; Мозаическій столпъ, бывшій на выставкѣ въ Римѣ 1823 г., работы кавалера Барберри; и статуи „Ахиллесъ“ и „Гекторъ“, произведенія русскихъ скульпторовъ Гольберга и Крылова. Журналъ, по тогдашнему обычаю не могъ обойтись безъ стиховъ; въ него вошли: отрывокъ изъ перевода Илиады, Гнѣдича, отрывокъ изъ перевода Расиновой „Федры“, Лобачева, отрывокъ изъ перевода Виргиліевой Энеиды, Дш. Шелехова,

стихотворенія Плетнева и Ф. Глинки. Въ смѣси помѣщались извѣстїя о всѣхъ современныхъ произведенїяхъ русскаго искусства. Интересно, какое значеніе получилъ этотъ журналъ между художниками. Художникъ Н. въ письмѣ къ издателю приходитъ въ негодованіе, что *молодой* человекъ, не имѣющій званїя художника и не бывшій въ Академіи, дерзаетъ критиковать ошибки гениевъ „находить недостатковъ у знаменитыхъ русскихъ художниковъ“. „У насъ и такъ мало любятъ художниковъ русскихъ, говорится въ письмѣ, между тѣмъ какъ иноземцы художники, къ намъ прїѣзжающіе, находятъ занятіе и покровительство. Къ чему же ведетъ критика? Къ тому, чтобы и послѣднее уваженіе къ своимъ художникамъ разрушить въ публикѣ, чтобы лишить ихъ духа и даже хлѣба насущнаго, для котораго, по малому къ нимъ вниманію, они обыкновенно работать должны. Сколько у насъ было дарованій, которыя исчезли или убиты? Сколько гениевъ отличныхъ, единственныхъ, скрылись въ неизвѣстности, именно по той причинѣ, что не было людей, столько любящихъ отечество и искусство, чтобы для славы перваго дать лучшій ходъ послѣднимъ. Въ Россіи много любителей. Но есть ли хотя одинъ, который вмѣнилъ бы себѣ въ честь предпочитать русское достойное иноземному посредственному и нерѣдко даже дурному. Тысячи платятъ за вздоры, за французскія бронзы, за часы съ Мининимъ и Пожарскимъ, на которыхъ твореніе сіе совершенно изуродовано. Это ли значитъ любить искусства? И притомъ еще нашелся издатель журнала, который думаетъ оказать услугу публикѣ, выставя недостатки отечественныхъ художниковъ, или требуя, чтобы тотъ или другой не занимались произведенїями маловажными, мелочными. *Въ Россіи рано, рано затѣяны журналъ изящныхъ искусствъ*“ (IV, 320, 341). Другой художникъ О—ъ также нападаетъ на то, что авторъ взялся за критику произведеній искусствъ, не бывши самъ художникомъ, и дѣлаетъ такое сопоставленіе: „повѣритъ ли художникъ, даже и молодой, чтобы издатель, не произведшій ничего, не извѣстный даже ни однимъ чертежемъ, ни одною чертою, дѣлалъ замѣчанїя, заслуживающія, чтобы имъ слѣдовать. Позвольте мнѣ сказать о себѣ: я страстный любитель литературы, которая, какъ говорятъ, есть сестра искусства; но повѣрили бы мнѣ Жуковский, Батюшковъ, Пушкинъ и проч., еслибы я вздумалъ дѣлать замѣчанїя на ихъ сочиненїя; я бы имъ показался слишкомъ смѣшнымъ,

только одинъ примѣръ дѣйствителенъ, написалъ ли онъ самъ, сказали бы про меня, хотъ парадъ“ (VI, 522).

Журнальная дѣятельность Воейкова была ничтожна и прошла безслѣдно. *Первый* ученикъ Московскаго университетскаго пансіона, Воейковъ одаренъ былъ недюжинными способностями. Воейковъ даже не былъ совершенно лишенъ поэтическаго таланта, но его убило мелочное и раздражительное самолюбіе. Воейковъ вынесъ изъ пансіона то блестящее, но энциклопедическое поверхностное образованіе, которымъ въ свое время щеголяли воспитанники. Онъ продолжалъ свои занятія и потомъ, такъ что Карамзинъ удивлялся познаніямъ Воейкова; но, несмотря на профессуру въ Дерптѣ, благодаря покровительству Жуковскаго, Воейковъ ни до какого серьезнаго результата не достигъ. Критика его представляетъ тяжелое и неумѣлое примѣненіе шаблонныхъ правилъ и приѣмовъ, безъ всякихъ признаковъ самостоятельнаго сужденія и эстетическаго вкуса. Умъ Воейкова, направленный его мелочнымъ самолюбіемъ, развилъ въ немъ мѣткое, но злое остроуміе, всегда въ обществѣ придающее извѣстный вѣсъ лицу; это качество, въ соединеніи съ образованностью, для своего времени выдающагося, поставило Воейкова въ очень выгодное положеніе какъ въ обществѣ, такъ и среди литераторовъ, въ особенности по родству Воейкова съ Карамзинымъ и по женитьбѣ его на Протасовой, племянницѣ Жуковскаго, воспѣтой имъ подъ именемъ Свѣтланы. Но въ нравственномъ отношеніи Воейковъ не имѣлъ никакихъ устоевъ, и, при своемъ неуживчивомъ характерѣ, вѣчно приходилъ въ столкновеніе съ женой, съ пріятелями, съ собратіями по ремеслу. Самолюбіе, не дававшее ему покоя, постоянно заставляло его добиваться извѣстности и славы: и скорѣе эти недостатки, но не внутренній инстинктъ творчества, были причиною его плодovitой, но бесполезной литературной дѣятельности. Первый опытъ былъ удаченъ. Извѣстная сатира Воейкова „Домъ съумасшедшихъ“ прочтена была цѣлой Россіей, успѣхъ ея можно сравнить развѣ только съ успѣхомъ Гоголевскаго „Ревизора“ въ первое время. Дѣйствительно, сатира вѣрно и зло задѣвала лицъ, въ то время вызвавшихъ противъ себя общее неудовольствіе, — Кавелина и Рунича; она вѣрно подмѣтила слабыя стороны въ литераторахъ, пользовавшихся тогда извѣстностью. Но со стороны самого Воейкова такой протестъ былъ совершенно ненамѣренный: въ его гла-

захъ были одинаково *смѣшны* и Кавелинъ съ Руничемъ, и невинно-наивный Шаликовъ, и Глинка съ его непритворнымъ патриотизмомъ, и Жуковскій, несмотря ни на его литературныя заслуги и даже на все добро, которымъ онъ постоянно осыпалъ Воейкова. Ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, Воейковъ настойчиво устремился въ погоню за славой, но успѣхъ не соответствовалъ ни желанію, ни труду. Воейковъ попробовалъ другую сатиру — не удалось; онъ избралъ другой путь. Тогда лавровыя вѣнки раздавались исключительно жрецамъ Аполлона; за отсутствіемъ собственной изобрѣтательности поэты перелаживали классическія произведенія изъ другихъ литературъ. Воейковъ остановился на бездарной, случной и напыщенной поэмѣ Делиля „Сады“ и этимъ ясно обнаружилъ отсутствіе художественнаго вкуса. Но всетаки, по заведенному обычаю, лавровый вѣнокъ онъ получилъ и соприсчисленъ былъ къ сонму поэтовъ классиковъ, пользовавшихся извѣстностью въ обществѣ и уваженіемъ въ литературномъ кругу. Передъ нимъ раскрылись даже двери Россійской академіи, которую онъ передъ этимъ избралъ предметомъ своей второй, неудавшейся сатиры. Затѣмъ, когда журналъ сдѣлался въ Россіи не только литературнымъ достояніемъ, но и доходною статью, Воейковъ, послѣ неудачнаго соредакторства съ Гречемъ въ „Сынѣ Отечества“, испросилъ себѣ, при помощи Жуковского, изданіе „Русскаго Инвалида“. „Инвалидъ“ въ рукахъ Воейкова не давалъ ничего кромѣ громкихъ фразъ, пошлыхъ претензій на патриотическое чувство, надризмѣръ сравненія побѣдъ на скачкѣ англійскаго скакуна надъ Донскою лошадью съ взятіемъ Москвы, жиденькихъ описаній отечественныхъ происшествій, да выписокъ, сдѣланныхъ безъ всякой системы изъ иностранныхъ газетъ (Колбасинъ, литер. дѣятель, стр. 267). Когда дѣла по „Инвалиду“ разстроились вслѣдствіе уменьшенія подписчиковъ, Воейковъ сталъ издавать „Новости русской литературы“, еженедѣльные бесплатныя прибавленія къ „Русскому Инвалиду“ (1823—1826), которыя сначала стали быстро расходиться и, какъ мы видѣли, вызвали подражаніе со стороны Булгарина. Въ этихъ „прибавленіяхъ“ помѣщались стихи, принадлежавшія извѣстнымъ тогда писателямъ (Баратынскій, Козловъ и др.), мелкіе рассказы, критика и переводы. Когда „Инвалидъ“ отошелъ отъ Воейкова, онъ завелъ самостоятельный журналъ „Славянинъ“ (1827—1828). Но во всѣхъ этихъ изданіяхъ встрѣ-

чалось мало самостоятельнаго и ничего выдающагося; часто редактора уличали даже въ перепечаткахъ изъ другихъ журналовъ и изданій.

Остальные Петербургскіе журналы, издававшіеся Б. М. Федоровымъ, Кропотковымъ, Корсаковымъ и Очкинымъ, не имѣютъ значенія; изъ нихъ только „Демокритъ“ Кропотова (1816 года 6 книжекъ) получилъ даже въ свое время печальную извѣстность пошлаго и неблаговиднаго изданія, издѣвавшагося надъ всѣмъ честнымъ, благороднымъ и образованнымъ. Онъ нашелъ въ томъ же году подражателя въ провинціи — „Харьвовскій Демокритъ“, который былъ еще хуже даже своего оригинала.

Въ Москвѣ съ 1823 года началъ издавать „Дамскій журналъ“ кн. Шаликовъ, сначала одинъ, а съ 1825 года въ сотрудничествѣ съ М. Н. Макаровымъ, прежнимъ издателемъ „Журнала для милыхъ“. „Дамскій журналъ“, съ эпитафюмъ на первомъ году „все служить красотѣ“, продолжался по 1-е января 1833 г. и выходилъ по 12 книжекъ въ годъ, а подъ конецъ еженедѣльно. О направленіи Шаликова и его журнала мы уже говорили; онъ былъ даже болѣе чѣмъ „Благонамѣренный“ прямымъ переживаніемъ прежней эпохи, когда журналъ имѣлъ чисто переводное значеніе и въ смыслѣ оригинальности ограничивался стихотвореніями и слабыми бездарными подражаніями иноземныхъ повѣстей, то въ сантиментальномъ смыслѣ, то въ ужасномъ, то аллегорически дидактическомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ Шаликова былъ представителемъ галантнаго направленія, внесеннаго въ нашу литературу Макаровыми, но не съ эротическимъ пошибомъ, несмотря на участіе М. Н. Макарова. Напротивъ кн. Шаликовъ отличался наивною скромностію. Разсказывая о циркѣ Турньера, Шаликовъ между прочимъ такъ выражается о его наѣвдницахъ: „самыя блестящія минуты, самый лучший триумфъ сихъ конныхъ актрисъ сопряжены съ такимъ униженіемъ для ихъ пола, столько оскорбляютъ разборчивость чувствъ, такъ противны назначенію милыхъ существъ, до того несовмѣстны съ ихъ натуральными прелестями, что невольно поворачиваешься то въ ту, то въ другую сторону, изъ уваженія къ скромности“. „Что есть женскій полъ, говоритъ кн. Шаликовъ, какъ не пѣтическая половина рода человѣческаго. Самые недостатки ихъ стихотворнѣе неждан добродѣтели, подъ личиною которыхъ не рѣдко мужчина скрываетъ честолюбіе, корыстолюбіе, суемудріе и проч. и проч.“

Но духовная пища, которую преподносилъ кн. Шаликовъ въ своемъ журналѣ этой „питгической половинѣ“ была не изъ самыхъ здоровыхъ и утонченныхъ. Главными сотрудниками кн. Шаликова были: извѣстный писатель по сельскому хозяйству Дм. Шелеховъ, Нечаевъ, Кобозевъ, Волковъ, отчасти кн. Вяземскій, кн. Ег. Дадіанъ, Мар. Лисицына (авторъ изданной отдѣльно повѣсти „Эмилій Лихтенбергъ“, М. 1825 г.) и Залыбѣдскій: всѣ они, за исключеніемъ послѣдняго, помѣщали свои стихотворенія, сочиняли прозаическія статьи и занимались переводами. Ядро каждой книжки составляла повѣсть большею частію переводная съ французскаго или съ нѣмецкаго. Больше всего помѣщено повѣстей Бульи, а затѣмъ неизбѣжнаго въ то время Вашингтона Ирвинга (съ французскаго перевода Адели Борегаръ). Кромѣ того въ переводѣ появлялись г-жа Пихлеръ, г-жа Жанлисъ, герц. Дюрасъ (Урива), г-жа Монтолье, Беркенъ, Жоффри, Кернеръ. Изъ Вальтеръ-Скотта переведены: поэма „Помолвка Тріермена или долина св. Іоанна“ и баллада „Пѣснь Утлава Мурра“; изъ Байрона—элегія „Прости“; изъ Виланда — отрывокъ изъ „Пиеагорейскихъ женщинъ“ и три параболы (притчи) Крумахера. Есть переводъ съ Венгерскаго повѣсти г-жи Нитра „Боярыня Калличадо и Готфридъ Оппель-Майеръ, или письма двухъ любовниковъ, живущихъ въ горахъ Карпатскихъ, при берегахъ рѣки Быстрицы“, — подражаніе страданіямъ юнаго Вертера, романа Гете. Интересны также не по содержанію, а по личности автора отрывки изъ сочиненій Авг. Десальера, англичанина, убѣжавшаго сиротою изъ Пруссіи въ Россію, поступившаго въ военную службу, перешедшаго къ польскимъ конфедератамъ и послѣ странствованій по Европѣ, наполненныхъ приключеніями, снова опредѣлившагося въ русскую армію. Оригинальныя прозаическія повѣсти и рассказы ниже всякой критики; нѣкоторые прямо названы подражаніями, даже иногда съ добросовѣстнымъ эпитафюмъ. — *слабымъ* подражаніемъ; относительно другихъ, какъ напримѣръ, „Софья и Алексѣй или красивый замокъ на дикомъ берегу Камы“ Е. Ч. совершенно по рецепту Радклифъ, — это подразумевается. Кромѣ этихъ неумѣлыхъ подражаній, въ оригинальной прозѣ встрѣчаются, согласно старому обычаю, путешествія, образцомъ которыхъ служили разные *Hermites* Лантье, Жюи, Кольне и др. Таковы: Прогулка въ Архангельскѣ и Царицыно самого Шаликова, Письмо изъ путешествія въ Таган-

рогъ, Одессу и Крымъ, Измайлова, длинный, предлинный журналъ пѣшеходовъ и Старый житель столицы въ провинціи, Залыбѣдскаго. Кромѣ повѣстей и разсказовъ помѣщались или разныя отрывочныя истины, подъ заглавіемъ: „Мысли, характеры и портреты“; или мелкіе отрывки, также большею частью переводные и приносившіе ко вкусу и требованіямъ „штитической половины“. Таковы, напримѣръ, Разсужденія о любви — изъ сочиненія Сталя „De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations; Похвальное слово женщинамъ, Прекрасный полъ, О чувствительности, О хорошемъ обществѣ и т. д. Источниками для статей этого рода служили преимущественно: Journal des Dames, Petit Courier des Dames, Damen-Zeitung, Essai sur l'esprit de la conversation, Economie of human Life и др.

Журналъ Шаликова, имѣя въ виду преимущественно читательницъ преслѣдовалъ совершенно правильную цѣль — познакомить съ выдающимися личностями изъ женщинъ. Но при этомъ Шаликовъ остановился преимущественно на самыхъ коротенькихъ извѣстіяхъ объ извѣстныхъ французженкахъ, не исключая и получившихъ Монтионовскую премію за добродѣтель (изъ Монтионовскаго альманаха на 1826 г.). Изъ русскихъ помѣщены краткая біографія кн. Дашковой, очень поверхностныя и коротенькія извѣстія, доставленныя Макаровымъ объ Екаторинѣ I, Вел. кн. Екаторинѣ Дмитріевнѣ, супругѣ Дмитрія Донскаго, Королевѣ Виртембергской Екаторинѣ Павловнѣ и кн. Нат. Григ. Бѣлосельской; а также біографическое извѣстіе объ Ел. Сем. Сандуновой, доставленное кн. Ег. Дадіаномъ. Въ этомъ отношеніи не лишены интереса статьи „О женщинахъ, упражнявшихся въ сочиненіяхъ и покровительствовавшихъ сочинителей въ Греціи, Римѣ, Итали и Франціи“ за подписью „Люблино“ и „Имена почетныхъ дамъ и дѣвицъ русскихъ“ (списокъ членовъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, статсъ-дамъ и фрейлинъ, кавалерственныхъ дамъ и пр.) Въ „Дамскомъ журналѣ“ помѣщенъ краткій некрологъ Б. Дельвига, написанный Плетневымъ. Стихотворная часть очень слаба и не представляетъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго произведенія. Изъ болѣе извѣстныхъ поэтовъ въ журналѣ принимали участіе: кн. Вяземскій, Вл. Пушкинъ, Гр. Хвостовъ, Воейковъ, А. Измайловъ, кн. Ив. Долгоруковъ, Бар. Розенъ, Мих. Дмитріевъ, Ив. Козловъ, Бор. Ѳедоровъ, Ан. Бунина, С. Глинка, Ѳ. Глинка; изъ менѣе извѣстныхъ, кромѣ названныхъ

выше сотрудников, Головинъ, Авр. Норевъ, Глѣбовъ, Иванчинъ Писаревъ, А. Писаревъ (попечитель М. У.), и многіе другіе. Въ этомъ отдѣлѣ есть одно стихотвореніе „Александръ I“ княгини Зин. Волковской (ч. XIII, 74) и Грановскаго „Страдалецъ“ (ч. XXII, 87). Тимошей Николаевичъ былъ воспитанникъ пансіона Кистера, откуда онъ вышелъ съ серебряною медалью; у Кистера заведено было публичное собраніе воспитанниковъ, по примѣру университетскаго благороднаго пансіона, и на первомъ засѣданіи въ 1826 году, гдѣ Грановскій избранъ былъ президентомъ, онъ прочелъ означенное стихотвореніе. Журналъ Шаликова занимался также и критикой. Какого рода была эта критика, видно изъ слѣдующаго отзыва о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ Пушкина: „это фонтанъ, бьющій розовою водою, которая разливаешь благоуханіе въ чистѣйшей атмосферѣ прелестнаго востока и утоляетъ пламенную жажду чувства и воображенія“. Но это не помѣшало кн. Шаликову отнести совершенно правильно къ Борису Годунову, гдѣ онъ, въ числѣ немногихъ тогдашнихъ критиковъ, проверилъ великое произведеніе народнаго творчества. Съ другой стороны кн. Шаликовъ началъ на первыя произведенія Одоевского, номѣщенныя въ „Вѣстникѣ Европы“, съ которымъ „Дамскій журналъ“ сохранялъ дружескія отношенія, несмотря на полемику между Ваземскимъ и М. Дмитриевымъ, по поводу Бахчисарайскаго Фонтана, („Дни досады“). Шаликовъ никакъ не могъ простить Одоевскому его презрѣнія къ свѣтской жизни. Въ полемику вдавался „Дамскій журналъ“ очень охотно, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ очень часто служилъ темою для своихъ собратій. Въ этомъ случаѣ, если журналъ не отличался остроуміемъ и серьезностью, то во крайней мѣрѣ онъ былъ строгъ и рѣшителенъ въ своихъ приговорахъ. Послѣ появленія первыхъ двухъ книжекъ „Московскаго Телеграфа“, „Дамскій журналъ“, въ письмѣ одного изъ своихъ сотрудниковъ, порѣшилъ: „Этотъ журналъ начинаетъ сердить насъ до смерти: въ немъ, позвольте употребить это слово, господствуетъ и скучный педантизмъ, и несносная самоувѣренность; пристрастныя и вынужденныя сужденія обо всѣхъ отрасляхъ литературы, художествахъ и даже о журналахъ и книгахъ иностранныхъ (!!)" Съ „Телеграфомъ“ и впоследствии „Дамскій журналъ“ постоянно пререкался; даже съ этой цѣлью завелъ особый отдѣлъ, подъ названіемъ „анти-журналистика“. Тотчасъ послѣ выхода Галатеи „Дамскій Жур-

наль“, по поводу виньетки бабочки на оберткѣ журнала, порѣшилъ, что „отъ этой твари не бывать пути“; и жестоко нападалъ на новое изданіе. Наконецъ въ „Дамскомъ журналѣ“ былъ особый отдѣлъ съ 1826 года подъ названіемъ „Письма для иногородныхъ“, гдѣ помѣщались свѣдѣнія о всѣхъ балахъ и увеселеніяхъ въ высшемъ обществѣ, концертахъ и театрахъ: отдѣлъ этотъ не лишенъ интереса въ смыслѣ хроники тогдашней общественной жизни. Само собою разумѣется, что въ журналѣ прилагались постоянно моды и изрѣдка романы съ нотами. Съ 1829 года журналъ началъ издаваться еженедѣльно, подъ конецъ очень неакуртно, тоненькими тетрадками, безъ обертки и оглавленія. Это еще хуже отразилось на его содержаніи: оно все наполнялось коротенькими отрывками, переводными и оригинальными, не представляющими ничего серьезнаго. Главнымъ сотрудникомъ, писавшимъ и стихами и прозой, во всѣхъ родахъ, былъ съ 1829 г. С. Н. Глинъ, подъ псевдонимомъ „Мечтатель“.

Журнальная дѣятельность профессоровъ Московскаго университета выразилась въ изданіи „Амфіона“ Мерзляковымъ, „Атея“ Павловымъ и „Русскаго Зрителя“, задуманнаго Калайдовичемъ. О первыхъ двухъ мы уже говорили; скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ. К. Ф. Калайдовичъ предпринялъ съ 1 января 1828 года журналъ „Русскій Зритель“, журналъ исторіи, археологіи, словесности, и сравнительныхъ востомовъ. Самъ Калайдовичъ собралъ только матеріалы, но затѣмъ тяжкая болѣзнь помѣшала ему заняться изданіемъ. Это дѣло приняли на себя друзья-литераторы большого: Погодинъ, С. Т. Аксаковъ, М. А. Дмитриевъ, И. В. Кирѣевскій, М. А. Максимовичъ, В. И. Оболенскій, Д. П. Ознобишинъ, С. Е. Раичъ, А. Ф. Томашевскій, С. П. Шевыревъ; издательскую часть принялъ на себя С. А. Ширяевъ. Матеріалъ, собранный Калайдовичемъ, былъ выпущенъ въ 1 — 6 книжкахъ Погодинымъ и въ 7 и 8 — Ознобишинымъ; затѣмъ №№ 9 и 10 издалъ С. П. Шевыревъ, 11 и 12 — А. Томашевскій, №№ 13 и 17 — Раичъ, 15 и 16 М. С. А — въ (С. Аксаковъ), 17, 18, 19 и 20 — П. и И. Калайдовичи; №№ 21 и 22 — неизвѣстно кто. Во всѣхъ дополнительныхъ книжкахъ помѣщены матеріалы, собранные самими составителями. Книжки очень запаздывали и послѣдняя вышла только въ началѣ 1830 г. Самую существенную часть журнала составляли, какъ и слѣдовало ожидать, статьи по русской исторіи. Изъ матеріаловъ, собранныхъ

самимъ Калайдовичемъ, напечатаны въ I—IX №№: вопросъ о мѣстѣ рожденія имп. Петра Великаго; путешествіе Иосафата Барбаро, посланника венеціанскаго въ Танну, нынѣ Азовъ, 1436 г. (пер. Горбунова); письмо Калайдовича къ Карамзину съ отчетомъ объ обзорѣннѣ мѣстности Тушинскаго стана втораго Лжедмитрія; надгробный памятникъ Марѣы, будто бы посадницы Новгородской; нѣкоторыя черты изъ жизни и дѣяній ген.-маіора Д. В. Давыдова; донесеніе имп. Леопольду цесаревскихъ посланниковъ Августина Мейерберга и Горація-Вильгельма Кальвучія, бывшихъ въ Москвѣ съ 17 февраля 1661 г. до 22 февраля 1662; нѣчто о церкви Николая чудотворца, что въ Котлахъ, Погодина; поѣздка великой княгини Елены Іоанновны въ Вильну для бракосочетанія ея съ литовскимъ великимъ княземъ Александромъ, заимствована изъ посольскихъ дѣлъ, — документы относительно этого брака напечатаны были и въ „Сѣверномъ Архивѣ“; историческій и географическій опытъ о торговлѣ и сношеніи арабовъ и персовъ съ Россією и Скандинавією въ среднихъ вѣкахъ, проф. Копенгагенскаго университета Расмузена, съ англійскаго перевода въ „Edinburgh Magazine“; интересное странствованіе ко св. мѣстамъ архидіакона Зосимы въ 1420 году; взглядъ на коренные языки Ив. Калайдовича. Въ послѣдующихъ №№ помѣщены: взятіе Казани, обширная статья сводная изъ всѣхъ печатныхъ источниковъ и сочиненій; общія замѣчанія о русской правдѣ изъ критическихъ изслѣдованій Эверса; о титулѣ и гербѣ російскихъ государей, изъ путешествія Рафаила Барберини (переводъ адъютантъ-проф. Галлера); анекдоты о Петрѣ Великомъ, переведенные съ нѣмецкаго; отрывокъ изъ путешествія Олеарія по Россіи; нѣчто о городѣ Бѣжецѣ (изъ письма къ С. В. Т.-Б.—въ); сказаніе о побоищѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго, найденное проф. Тимковскимъ въ сборникѣ начала XVII вѣка, изд. Снегирева; торжественное посольство королевы Анны къ Петру I, въ удовлетвореніе за заключеніе въ тюрьму кредиторомъ російскаго посла, Гр. Матвѣева; списокъ твореній Іоанна, эвзарха болгарскаго, въ библиотекѣ вн. Н. М. Голицына; глаголическая рукопись въ собраніи А. П. Курбатова; письмо черногорскаго митрополита Данила. Изъ оригинальныхъ статей научнаго содержанія интереснѣе другихъ: рѣчь объ участіи Московскаго университета въ просвѣщеніи Россіи, сказанная адъютантомъ М. Максимовичемъ на актѣ 12 января 1830 года; нѣсколько

статей о Монголіи, подписанныхъ І. (Іовскій), конечно компилятивныхъ; изъ исторіи итальянской литературы, Раича; о крымскихъ пещерахъ, Кеппена. Въ отдѣлѣ переводовъ: объ эпической поэзіи, изъ эстетики Бахмана; объ исторіи вообще изъ „Vorlesungen über die neueste Geschichte“ Шлегеля; отрывки изъ исторіи Западной имперіи Гиббона и изъ греческой исторіи Ройю. В. Измайлловъ помѣстилъ статью „о романахъ“, переводъ изъ предисловія къ роману Жюи „Cecile ou les passions“. Литературная часть въ журналѣ довольно слаба. Кромѣ неизвѣстныхъ поэтовъ, напечатаны стихотворенія Б. Розена, Ознобишина, Тютчева, В. Перцова, Раича, С. Глинки, Муравьева, П. Колачевского, М. Лисицына, Ю. Познанскаго, Н. Суслова. Здѣсь же Н. И. Надеждинъ помѣстилъ свой переводъ стихами, довольно впрочемъ неудачный, „Гимновъ Орфея“. Изъ стихотвореній неизвѣстныхъ поэтовъ замѣчательна своимъ легкимъ стихомъ піеса „Цареградская обѣдня“ (1—11, 70—74). Повѣсти, разсказы и путешествія, помѣщенные въ „Зритель“, такъ же плохи, какъ и въ остальныхъ журналахъ; таковы „Несчастіе отъ французской кадрили“, Анд. де-Шапелета; „Темиръ“, повѣсть профес. В. Оболенскаго; „Нѣсколько сценъ въ Москвѣ, въ 1612 г.“ Но довольно легко и съ интересомъ читается статья В. Шереметевскаго „Исторія калачей“ (V и VI, 93—115), гдѣ приведены всѣ прежнія указанія о значеніи калачей въ домашнемъ обиходѣ старинной русской жизни. Въ переводномъ отдѣлѣ помѣщены: В. Свотта, двѣ главы изъ романа „Певериль“; Томаса Мура, первыя 5 главъ изъ романа „Эпикуреецъ“; изъ Жанъ-Поль Рихтера „Левана“, отрывокъ; отрывокъ изъ „Frau Hergwald Wanderungen“, соч. Вагенродера (Тика); изъ Вашингтона Ирвинга; повѣсть Крузе, — „Изображеніе Іуды“, два отрывка изъ восточныхъ произведеній и пр. По части критики помѣщены: Объ армянскихъ книгахъ; словарь, составленный членами Венеціанской армянской академіи; грамматика Мих. Чамчіана и риторика Стеф. Аконцъ, А. А; замѣчанія на словарь Академіи російской К. (Калалайдовичъ); о сочиненіяхъ Шатрова; мнѣніе о малороссійскомъ языкѣ и правописаніи на ономъ, М. Максимовича.

Что касается до остальныхъ московскихъ журналовъ: „Телеграфа“, „Московского Вѣстника“ и „Галатеи“, то ихъ обзоръ мы откладываемъ до дальнѣйшаго изложенія, такъ какъ въ ихъ

изданіи принималъ болѣе или менѣе прямое участіе кружокъ, къ которому принадлежалъ Александръ Ивановичъ.

Изъ представленнаго мною обзора неизбежно вытекаетъ одно общее заключеніе: въ концу двадцатыхъ годовъ русское образованное меньшинство значительно выросло и возмужало. „Это былъ одинъ изъ тѣхъ періодовъ оживленія, какіе случались (хоть очень рѣдко), въ исторіи русскаго общества, когда задержанная внутренняя жизнь высказывается порывами къ реформѣ, которые въ молодыхъ умахъ легко переходили въ невозможные фантастическіе планы“ (Шп.). Молодежь того времени вездѣ легко сходилась въ кружки съ политическимъ оттѣнкомъ, овладѣвшимъ цѣлымъ обществомъ подъ вліяніемъ великихъ событій и стремленія къ реформамъ, проявившагося съ такою напряженностью въ началѣ царствованія императора Александра. Не одни декабристы на своихъ тайныхъ сходкахъ обдумывали несбыточные утопіи для будущаго политическаго устройства Россіи: объ этомъ же, въ болѣе скромныхъ и дозволенныхъ, но еще болѣе фантастическихъ увлеченіяхъ, разсуждали молодые офицеры гвардіи. Изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго (Р. Арх. 1886—87) видно, что въ первый годъ пребыванія его въ Петербургѣ составилъ возлѣ него тѣсный дружескій кружокъ, нѣчто въ родѣ тайнаго общества. Муравьевъ мечталъ удалиться чрезъ пять лѣтъ на какой нибудь островъ, населенный дикими, взять съ собою надежныхъ товарищей и составить новую республику, для чего товарищи его обязывались быть ему помощниками. Члены кружка писали и обсуждали законы для новой республики. Среди всей читающей публики явилась потребность къ болѣе серьезному взгляду и это выразилось между прочимъ распространеніемъ философскихъ знаній. Потребность къ самоуглубленію и наблюденію надъ своею внутреннею, бытовой живнью, въ ея прошломъ и настоящемъ, стремленіе къ народности и самобытной литературѣ, опирающейся на дѣйствительной русской почвѣ, произвели то, что журналы теряли свой исключительно переводный характеръ и старались наполнить свои страницы оригинальными произведеніями съ мотивами, заимствованными изъ русской старины или изъ окружающей дѣйствительности. Страсть къ чтенію развита была болѣе, нежели въ послѣдующее время: мы видѣли, что все сколько нибудь возвышавшееся надъ уровнемъ тогдашней скудной и неумѣлой прозаической литературы

расходилось съ непомярной быстротой. Зарождающаяся потребность въ самостоятельности мысли и творчества придала особое значеніе критикѣ, какъ первому шагу, съ котораго начинается работа мысли, освобождающейся отъ указки учителя. Въ литературѣ явились таланты, на которыхъ отразился общественный ростъ и получился отвѣтъ на вновь зародившіяся въ обществѣ потребности, но журналистика оставалась далеко назади. Старые дѣятели сходили со сцены „по чину естества“; изъ новыхъ удержались Булгаринъ и Гречъ, исключительно въ силу практическаго умѣнья устраивать свои дѣла и съ внѣшней стороны принаравливаясь къ потребностямъ читателей.

Въ этомъ культурномъ движеніи Москва сохранила свое первенствующее значеніе. Московскій университетъ и въ двадцатыхъ годахъ оставался центромъ, гдѣ зарождалось и откуда развивалось движеніе впередъ въ области науки и литературы. Театръ начиналъ свою славную эпоху сороковыхъ годовъ, когда соединеніе разнообразныхъ талантовъ воспитывало въ обществѣ, путемъ непосредственнаго воздѣйствія, его эстетическое чувство, а серьезный репертуаръ знакомилъ публику съ первоклассными представителями драматическаго искусства. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ двадцатыхъ годахъ театръ сдѣлался до нѣкоторой степени выраженіемъ литературныхъ интересовъ того времени. Оттого возрожденіе журналистики, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, должно было произойти и дѣйствительно произошло именно въ Москвѣ, а не въ какомъ нибудь другомъ пунктѣ. Московское общество, по прежнему, принимало живое участіе въ дѣлѣ образованія. Еще Грановскій замѣтилъ, что высшее сословіе Александровскихъ временъ было образованнѣе, чѣмъ въ современную ему эпоху. Между тѣмъ старинный духъ оппортунизма нашелъ новую почву въ общемъ неудовольствіи, распространившемся вслѣдствіе реакціи послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Александра и литература въ Москвѣ заняла болѣе видное и независимое положеніе, сохраняя свое неблагоклонное отношеніе въ Петербургской, закивавшей и продажной въ лицѣ господствовавшаго тамъ дуумвирата. Различіе между направленіемъ литературы въ Петербургѣ и Москвѣ того времени лучше всего характеризуется съ извѣстной точки зрѣнія въ обвинительной запискѣ противъ Полеваго, поданной 19 августа 1827 г. въ III Отдѣленіе. „Москва есть большая

деревня. Тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ, нежели въ Петербургѣ и цензура тамъ никогда не имѣла ни постоянныхъ правилъ, ни ограниченнаго круга дѣйствія. Замѣчательно, что отъ времени Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя, нынѣ находящіяся въ обществѣ, напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже „Думы“ Рылѣева и его поэма „Войнаровский“, запрещенныя въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ. Все запрещаемое здѣсь печатается, безъ малѣйшаго затрудненія въ Петербургѣ. Сколько было промаховъ по газетамъ и журналамъ, то всегда это случалось въ Москвѣ. Всѣ политическія и внутреннія происшествія иначе понимаются и иначе толкуются въ Москвѣ, даже людьми просвѣщенными“. („Истор. Вѣстн.“ мартъ 1836 г., ст. Сухомлинова, стр. 522—23).

Историческія преданія и чувство народности, естественно, въ Москвѣ были и остались сильнѣе, нежели гдѣ-нибудь въ Россіи. Подъ вліяніемъ этого, при развитіи образованія, въ Москвѣ начали складываться понятія объ ея, заимствуя выраженіе славянофилловъ, *соборномъ* значеніи. Въ одной изъ своихъ рѣчей Хомяковъ сказалъ: „Чѣмъ внимательнѣе всмотримся мы въ умственное движеніе русское и въ отношеніе къ нему Москвы, тѣмъ болѣе убѣдимся мы, что именно въ ней постоянно совершается серьезный разрывъ мысли, что въ ней совпадаютъ, такъ сказать, формы общественныхъ направленій. Конечно, и великій художникъ, и великій мыслитель могутъ возникнуть и воспитаться въ какомъ угодно углу русской земли, но составиться, созрѣть, сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ, мысль общественная можетъ только здѣсь; русскій, чтобы сдуматься, столкнуться съ русскими, обращается къ Москвѣ. Въ этомъ убѣдится всякій, кто только прослѣдитъ ходъ нашего просвѣщенія. Всѣ убѣжденія, болѣе или менѣе охватывавшія жизнь нашу, или проникавшія ее, возникали въ Москвѣ“ (соч. I, 748, изд. 2). Иначе смотрѣли на Москву такъ называемыя западники. Т. Н. Грановскій однажды разразился противъ Москвы такой филиппикой: „Съ этой барской, пошлой, тугоумной Москвой, представителемъ которой является англійскій клубъ, съ этой апатичной, лѣнливой Москвой, которая только съ просоною валяничаетъ и, какъ старая баба, хвалится своимъ древнимъ родомъ, своимъ прежними заслугами, толкуетъ по старой памяти о своемъ умственномъ превосходствѣ, нельзя свастать какой-то будто независи-

мостью, которую приобрѣла она, — съ этой Москвой, я не могу, не хочу и не долженъ имѣть ничего общаго. Человѣку съ свѣжими силами, съ неостывшей энергіей, съ жаждой дѣятельности, — въ Москвѣ дѣлать нечего. Такого человѣка не можетъ удовлетворить одно только безплодное возвращеніе къ своему прошедшему, эгонистическое наслажденіе своими воспоминаніями, ему некогда праздно оглядываться назадъ, онъ стремится впередъ и впередъ... Ему должно казаться нестерпимымъ это бездѣятельное, глупое самодовольствіе, въ которое погружена Москва. Такое самодовольствіе есть несомнѣнный признакъ отсталости и дряхлости“. Много нужно было горя и личныхъ невзгодъ, чтобы изъ благодушной души Тимоѳея Николаевича вырвать этотъ тяжелый крикъ негодованія. Но вотъ какъ въ минуту споконную, хладнокровно отзывался о Москвѣ Бѣлинскій: „Въ дѣлѣ вопросовъ, касающихся до науки, искусства, литературы, у москвичей больше простора, знанія, вкуса, образованности, чѣмъ у большинства читающей и даже пишущей петербургской публики. Въ Москвѣ люди, поставившіе образованность цѣлью своей жизни, сначала бывають молодыми людьми, подающими о себѣ большія надежды, и потомъ, если въ время не выйдутъ изъ Москвы, дѣлаются москвичами и тогда перестаютъ уже подавать о себѣ какія-либо надежды, какъ люди, для которыхъ прошла пора обѣщаній а пора исполнить еще не наступила. Даже и молодые люди, подающіе о себѣ большія надежды, въ Москвѣ имѣють тотъ общій недостатокъ, что часто смѣшиваютъ между собою различныя и противоположныя понятія, какъ то: стихотворство съ дѣломъ, фантазіи празднаго ума съ мышленіемъ. Отсюда игра словами, которыя принимаются за дѣло, игра въ понятія, которыя считаются фактами“ (Соч. т. XII, стр. 221—222). Это намекъ на славянофилость, какъ ясно видно изъ дальнѣйшаго изложенія: „Кто, живя въ Петербургѣ, не увлекся водоворотомъ призрачной жизни, умѣлъ сберечь и душу, и сердце не на счетъ здраваго смысла, сохранить свое человѣческое достоинство, не предаваясь Донкихотству, — тому смѣло вы можете протянуть руку какъ человѣку... Петербургъ имѣеть на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство: сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не *убѣжденія*, а *мечты*, порожденныя праздною жизнью и

рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности,—и вы остаетесь, можете быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, человѣческаго!“ (Тамъ же стр. 230). Въ этомъ отзывѣ Бѣлинскаго такъ же очень много личнаго, но справедливо только одно, что въ его время для громаднаго большинства образованныхъ людей *дѣлать* значило *служить*, а служить дѣйствительно съ пользою по крайней мѣрѣ для себя, можно было преимущественно въ Петербургѣ; только это вовсе не похвала и едва ли московское *бездѣлье* было хуже петербургской *дѣятельности*. Въ обоихъ этихъ отзывахъ есть значительная доля личнаго раздраженія, безъ сомнѣнія, справедливаго и вызваннаго обстоятельствами. Но помимо этого есть въ нихъ двѣ серьезныя черты, которыя, помимо воли говорящихъ, высказались въ ихъ словахъ,—это безспорная принадлежность Москвѣ историческихъ культурныхъ традицій и разрывъ съ ними тогдашней интеллигенціи, спасавшейся отъ нихъ союзомъ съ Петербургомъ. Она, эта интеллигенція, благородно и безкорыстно погружена была въ западную науку, она исполнена была любви къ родинѣ и желала ей возможнаго добра, но стремясь все впередъ и впередъ, она позабыла и забвеніемъ порвала всѣ связи съ историческимъ прошедшимъ, безъ которыхъ человѣкъ является чужимъ среди окружающаго. Естественно, что въ исторической Москвѣ долженъ былъ появиться кружокъ, воплощающій въ себѣ отпоръ противъ такого отрицанія народности, кружокъ, который ставилъ себѣ задачею связать вновь эти порванные связи и который нельзя было упрекать въ лѣности и апатіи. Такимъ кружкомъ явились славянофилы, продуктъ чисто московскій и именно эпохи крайняго увлеченія западною цивилизаціей. Оттого именно они, по роковой силѣ вещей, и должны были впасть въ крайность. Проф. Веселовскій совершенно справедливо замѣчаетъ что „культурная исторія Европы за послѣднія два столѣтія показываетъ намъ, что *почти ни одна страна* не обошлась въ свое время безъ движенія, вполне схожаго съ нашимъ славянофильствомъ. Сантиментальное поклоненіе странѣ, исканіе въ ней одной величайшихъ доблестей, мистицескій отбѣнокъ національной гордости и рядомъ съ этимъ пробужденіе интереса къ народной жизни, поэзіи, повѣрїямъ и т. д.—такова программа всѣхъ этихъ сектъ“ (Зап. вліяніе, стр. 181). При этомъ авторъ сближаетъ явленіе у насъ славянофильства съ научно-патріотической чешской школою, двинувшей славянское возрожденіе

теущаго вѣка, съ польскимъ мистико-политическимъ направлениемъ въ дѣятельности Лелевеля, Мицкевича и Товянскаго и германскимъ народно-романтическимъ движениемъ. Еще подробнѣе, и при томъ съ оригинальной точки зрѣнія, это сближеніе сдѣлано г. Урсинимъ въ его сочиненіи „Очерки изъ психологіи славянскаго племени: славянофилы“, С.-Пб. 1887 г. Сопоставляя съ одной стороны Мицкевича, Словацкаго и Товянскаго, а съ другой славянофиловъ перваго слоя (Хомякова, Кирѣевскаго и К. Авсакова), авторъ всѣхъ ихъ считаетъ представителями политическаго мистицизма, названнаго имъ „мессіанизмомъ“. Сущность этого мессіанизма авторъ полагаетъ въ слѣдующемъ: „вѣра въ великое будущее народа, основанная не на умственныхъ способностяхъ или культурномъ превосходствѣ племени, но на чувствѣ и происходящая отсюда способность постигать и увлекаться религіозными и общественными идеями,—черта общая какъ русскому, такъ и польскому направлению“ (стр. 144). Немного дальше (145 стр.) авторъ говоритъ: „Критическое начало, отсутствующее въ восторженномъ бредѣ польскихъ поэтовъ, довольно сильно обнаружилось у славянофиловъ“. Какъ же согласить это невозможное противорѣчіе?! неужели и присутствіе критическаго анализа надо искать въ *чувствѣ*?! Не менѣе наивно заключеніе автора, что славянофильство русское въ этическомъ отношеніи ниже польскаго потому, что оно „дало поводъ къ тѣмъ превратнымъ истолкованіямъ, которыя исказили ученіе Хомякова!“ (стр. 151). Какъ бы то ни было этотъ историческій параллелизмъ, конечно, не умалитъ заслугъ славянофиловъ, которыхъ постараемся разобрать въ своемъ мѣстѣ; но мы хотѣли съ самаго начала опредѣлить значеніе славянофильства съ точки зрѣнія исторической необходимости, какъ самой существенной подкладки всякаго историческаго явленія.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Надо читать.</i>
16	7	Чернишева	Чернишева (8)
21	20	которые подготовились	которые не подготовились
32	14	(14)	(15)
33	5 снизу	Крата Реноа	Крата Реноа
35	23	ensei gner	enseigner
50	22	жизнь	жизни
53	2 снизу	Dar.	Damr.
55	5	vous	vous.
63	7	XX	XIX
—	12	Amides-enfants	Ami des enfants
—	1 снизу	Sentimentla	Sentimental
64	3	de Paty	du Paty
65	24	въ она	она въ
66	10	Томсона	Томсона
68	20	Тотъ же	Тотъ же
77	3	Гаснера	Гаснера
78	7 снизу	Voiage	Voyage
79	22	pièce sinteres	pièces interes.—
81	9 снизу	(25)	—
86	17	(27)	(27)
89	13 снизу	большаго	бывшаго
100	20	Палафата	Палафата.
122	20	отечества	отечества
137	21	основаніе	пробываніе
138	1	принадлежать	принадлежали
141	7	Поляковъ	Полѣновъ
168	10	о мысли,	Мысли
170	4 снизу	Гийонъ	Гийонъ.
171	2	(48)	(45)
—	11	(49)	(46)
184	18	изданнымъ	издано
198	24	сочиненія	сочиненіе
200	27	souvenir	souvenir
203	25	Рюрикъ	Рюрикъ,
204	9 снизу	Юсафа	Юсифа

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Надо читать.</i>
220	21	Епископъ	тогда Епископъ
221	18 снизу	(51)	(47).
223	10	Левка;	Левка.
—	11	за	За
246	12	Анадіомени	Андіміони.
251	7	вѣряеть	вѣряеть помѣщену.
263	7	Террисона	Террасона.
267	6	(изъ Воронина)	изъ Воронежа.
272	2 снизу	Поборъ	Наборъ.
276	11 и 12 снизу	Португанова	Попугаева
—	8 снизу	отдѣдъ	отдѣдъ.
285	7	Новгородскаго	С.-Петербургскаго
292	17	„Тейля“	Тейля,
—	3 снизу	Гулькемъ	Гулькемъ,
306	15	(57)	(38)
324	2	идеѣ	идеѣ,
337	20	Голциина	Голциина
418	3	высказавшихся	высказавшихся
—	5	обстоятельствъ	обстоятельствонъ.
457	2	фолософи	философіи
461	7 снизу	Юлія	Юма
477	6 снизу	и системи	; о системѣ
479	15 снизу	класицизму; въ	класицизму—

БІОГРАФІЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА.

ТОМЪ I.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА

КНИГА II.

Воспитаніе и первоначальная служба Александра Ивановича
Кошелева.

Изданіе О. Ѳ. Кошелевой.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Паменовская ул., собственный домъ.

1889.

TO NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

Образованіе Ал. Ив. Кошелева въ Москвѣ.—Семья Кирѣевскихъ.—Критика въ концѣ двадцатыхъ годовъ и значеніе въ ней П. В. Кирѣевского.—Ал. С. Норовъ. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Служба Ал. Ив. Кошелева въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.—Кружки, къ которымъ примкнулъ Кошелевъ: С. Е. Рачъ, кн. В. Ф. Одоевскій, В. К. Кихельбекеръ, Дм. В. Веневитиновъ, Н. М. Рожалинъ, В. П. Титовъ, С. А. Соболевскій, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, М. А. Максимовичъ.—Начало знакомства съ А. Ст. Хомяковымъ.—Общественное значеніе А. И. Кошелева въ качествѣ члена стараго славянофильскаго кружка 56

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Служба Александра Ивановича въ канцеляріи Министерства иностранныхъ дѣлъ.—Занятія въ комитетѣ для начертанія проекта устава протестантскихъ церквей въ Россіи.—Блудовъ и Дашковъ.—Родственный кружокъ Александра Ивановича въ Петербургѣ: Р. А. Кошелевъ и Абр. С. Норовъ.—Петербургскій кружокъ кн. Одоевскаго.—Домъ гр. Лаваль.—Архарова.—К. Я. Бугаковъ.—Свѣтскія удовольствія.—Е. А. Карамзина.—А. О. Россетъ.—Научныя занятія Александра Ивановича.—Изданіе „Московского Вѣстника“.—Черты характера Александра Ивановича 175

Поправки и дополненія къ книгѣ первой 233

Поправки и дополненія къ книгѣ второй 264

Примѣчанія къ первой книгѣ 270

Примѣчанія къ книгѣ второй 316

Прибавленіе первое:

Статьи и рѣчи по случаю кончины А. И. Кошелева 12 ноября 1883 г. 329

Прибавленіе второе:

Перечень переводовъ произведеній болѣе замѣчательныхъ европейскихъ авторовъ съ XVIII в. по 1830 годъ 334

Прибавленіе третье:

Содержаніе „Русскаго Вѣстника“ 378

Прибавленіе четвертое:

Перечень статей, помѣщенныхъ въ „Сынѣ Отечества“, издававшемся Н. Гречемъ, съ 16 октября 1812 г. по 1816 годъ 411

Прибавленіе пятое:

Программа публичныхъ чтеній проф. Велланскаго въ С.-Петербургѣ въ 1830 г. 434

Прибавленіе шестое:

Письмо Александра Сергѣевича Норова къ Алек. Иван. Кошелеву 439

Воспитаніе и первоначальная служба Александра Ивановича Кошелева.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Образованіе Ал. Ив. Кошелева въ Москвѣ.—Семья Кирѣевскихъ.—Критика въ концѣ
двадцатыхъ годовъ и значеніе въ ней И. В. Кирѣевского.—Ал. С. Норовъ.

Въ 1821 году, четырнадцать лѣтъ, Александръ Ивановичъ съ матерью переѣхалъ въ Москву, для продолженія тамъ своего образованія. Случайное близкое сосѣдство сдружило семейство Кошелевыхъ съ Кирѣевскими; молодые люди встрѣтились на урокахъ у Мерзлякова. Кирѣевскій и Кошелевъ жили на одной улицѣ и часто возвращались вмѣстѣ домой; вскорѣ познакомились ихъ матери и дружба такъ тѣсно связала между собою юношей, что они, съ того времени, по выраженію Александра Ивановича, стали „жить какъ бы одною жизнью“. Поэтому, излагая біографію Александра Ивановича, необходимо, насколько доступно, на первыхъ же порахъ познакомиться съ семьею Кирѣевскихъ. При этомъ я съ намѣреніемъ привожу нѣсколько подробностей о родителяхъ лицъ, встрѣчающихся въ біографіи Александра Ивановича: характеръ родителей и вообще семейныя традиціи, занимая важное мѣсто въ непосредственномъ развитіи нисходящаго потомства, не остаются безъ косвеннаго вліянія и на ходъ образованія самой эпохи. Прочность цивилизаціи вообще условливается числомъ семей, постоянно передающихъ въ своей средѣ — отъ родителей къ дѣтямъ—потребность и результатъ образованія.

Родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Встарину Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ

увѣдѣ многими вотчинами и помѣстьями: предку ихъ, Бѣлевскому дворянину Василю Семеновичу, въ началѣ XVII вѣка, пожаловано за осадное сидѣнье бывшее его помѣстье село Долбино, въ 7 верстахъ отъ Бѣлева, въ вотчину: это и было великолѣпное родовое имѣніе Кирѣевскихъ, сохранившееся за ними до сихъ поръ. Въ Долбинѣ прошли всѣ первые дѣтскіе годы И. В. и П. В. Кирѣевскихъ. Отецъ ихъ, В. И. Кирѣевскій, былъ человекъ замѣчательно просвѣщенный: онъ зналъ пять языковъ, бібліотека имъ собранная свидѣтельствуетъ о его любви къ чтенію, въ молодости онъ переводилъ и даже печаталъ романы и другіе литературныя произведенія, но по преимуществу занимался естественными науками, физикой, химіей и медициной и устроилъ у себя лабораторію. Онъ служилъ въ гвардіи, и выйдя въ отставку секундъ-майоромъ, поселился въ Москвѣ. Въ 1805 году, 30 лѣтъ отъ роду, В. И. Кирѣевскій женился на 15-лѣтней А. П. Юшковой.

Такимъ образомъ въ родъ Кирѣевскихъ вошла одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, которая не только подняла на ноги свою многочисленную семью, но оставила прочный слѣдъ въ движеніи русской мысли своего времени. Авдотья Петровна Елагина (1789—1877) была дочерью П. Н. Юшкова, занимавшаго важное мѣсто въ администраціи Тульской губерніи въ царствованіе императрицы Евтатерины, и Варвары Аѳанасьевны, урожденной Буниной, очень образованной женщины и прекрасной музыкантши. Отецъ Варвары Аѳанасьевны, именитый Бѣльскій воевода Аѳанасій Ивановичъ Бунинъ, отъ плѣнной турчанки Саломе, привезенной бѣлевскимъ крестьяниномъ-маркитантомъ, прижилъ сына Вас. Андр. Жуковского (1783—1852 года); такимъ образомъ Авдотья Петровна Кирѣевская приходилась побочною племянницей Жуковскому. Послѣ смерти старика Бунина вдова его Марья Григорьевна сблизилась съ турчанкой, принявшею христіанскую вѣру еще до рожденія Жуковского, и съ теплымъ участіемъ отнеслась къ ребенку своего мужа. Впослѣдствіи Бунина говаривала: „будь живъ мой Иванъ (сынъ ея, умершій юношей), я бы не знала кого мнѣ больше любить, его или Васиньку“ (т. е. Жуковского). У Аѳанасья Ивановича и Марьи Григорьевны Буниныхъ, кромѣ Варвары Аѳанасьевны Юшковой, было еще три дочери, изъ которыхъ замѣчательна болѣе другихъ Евтатерина Аѳанасьевна, замужемъ за Протасьевымъ, роднымъ братомъ первой жены Карамзина. Варвара

Аванасьевна Юшкова была крестною матерью Жуковскаго и, кромѣ Авдотьи Петровны Кирѣевской, имѣла другую дочь, Анну Петровну, по мужу Зонтагъ, извѣстную составительницу дѣтскихъ книгъ. Екатерина Аванасьевна Протасьевна имѣла также двухъ дочерей: Марью Андреевну, воспитую Жуковскимъ подъ именемъ Свѣтланы, въ которую онъ былъ влюбленъ и отказался отъ нея только въ силу непреклонной воли матери, и Александру Андреевну, крестницу Жуковскаго. Впослѣдствіи первая изъ нихъ вышла замужъ за дерптскаго проф. Майера, а вторая — за Воейкова, вскорѣ, по ходатайству Жуковскаго, получившаго каедрю въ Дерптѣ. Племянницы Жуковскаго сдѣлались, по своему возрасту, его совоспитанницами. Родственныя связи въ этой многочисленной семьѣ имѣли очень большое значеніе и прежде всего отразились на самомъ Жуковскомъ, который въ свою очередь имѣлъ огромное вліяніе на развитіе молодыхъ Кирѣевскихъ.

Первоначальное воспитаніе Авдотьи Петровны ведено было очень тщательно. Гувернантками при ней были эмигрантки изъ Франціи времепъ революціи, женщины получившія, по-тогдашнему, серьезное образованіе. Въ особенности называютъ графиню Дореръ, отличавшуюся вполне аристократическими привычками и характеромъ. Это обстоятельство имѣло большое вліяніе на умственный и нравственный строй покойной и придало ей французскую аристократическую складку, общую всѣмъ лучшимъ людямъ той эпохи. Съ нѣмецкимъ языкомъ и литературой Авдотья Петровна познакомилась чрезъ учительницъ, дававшихъ ей уроки, и В. А. Жуковскаго, который воспитывался съ нею, былъ ея другомъ и, будучи старше ея семью годами, былъ вмѣстѣ ея наставникомъ и руководителемъ въ занятіяхъ. Русскому языку училъ ее Филать Гавриловичъ Покровскій, человекъ очень знающій и написавшій много статей о Бѣлевскомъ уѣздѣ, напечатанныхъ въ „Политическомъ Журналѣ“. Авдотья Петровна пяти лѣтъ отъ роду лишилась матери и перѣехала съ отцомъ въ село Мишенское, Бѣлевскаго уѣзда, къ бабушкѣ своей Марьѣ Григорьевнѣ Буниной, и тамъ была выдана бабушкою за Кирѣевскаго. Несмотря на свое образованіе, Кирѣевскій былъ человекъ своеобразный; онъ страстно любилъ свою жену и довершилъ ея образованіе, читая съ нею серьезныя книги, въ особенности историческаго содержанія и Библию. Вѣроятно, въ то время окончательно утвердилась въ молодой тогда Авдотьѣ Пет-

ровнѣ глубокая религіозность, безъ сомнѣній и колебаній, которая сопровождала ее до могилы. Кирѣевскій былъ религіозенъ до нетерпимости, ненавидѣлъ французскихъ энциклопедистовъ и Вольтера, скупалъ и истреблялъ ихъ сочиненія. Отъ брака съ Кирѣевскимъ Авдотья Петровна имѣла 4-хъ дѣтей, изъ которыхъ трое достигли зрѣлаго возраста: Иванъ Васильевичъ (род. 1806), Петръ (1808) и Марья Васильевна (1811 г.). Счастливое супружество покойной съ первымъ мужемъ продолжалось недолго.

По случаю нашествія французовъ, В. И. Кирѣевскій переѣхалъ въ другую свою деревню, слободу Кирѣевскую, вблизи Орла, и здѣсь далъ пріютъ многимъ бѣжавшимъ семействамъ. Безпомощное состояніе раненыхъ плѣнныхъ французовъ, неурядица и злоупотребленіе въ госпиталяхъ возмущали его. Будучи частнымъ человекомъ, онъ самопроизвольно, безъ всякаго полномочія или приглашенія отъ властей, принялъ на собственное свое попеченіе госпиталь въ Орлѣ, заботился о плѣнныхъ и раненыхъ, обращалъ якобинцевъ и революціонеровъ къ религіи, спокойно переносилъ оскорбленія, которыми они его за то осыпали, и 1 ноября 1812 года сдѣлался жертвой госпитальной горячки, оставивъ глубоко огорченную жену 23-лѣтнею вдовою, а старшаго сына—на седьмомъ году, такъ что воспитаніе Кирѣевскихъ прошло совершенно подъ вліяніемъ матери. Послѣ смерти перваго мужа Авдотья Петровна переселилась съ своими дѣтьми къ своей вдовой теткѣ Еват. Аван. Протасевой, проживавшей также въ Орлѣ и по близости въ своемъ имѣніи, д. Муратовой. Съ этимъ семействомъ жилъ и Жуковскій. Здѣсь Авдотья Петровна очутилась въ образованномъ свѣтскомъ кружкѣ, который составилъ въ селѣ Черни, у Алекс. Алекс. Плещеева. Плещеевъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой, женщиנѣ очень образованной, имѣлъ свой домашній оркестръ и былъ неподражаемый чтецъ и декламаторъ, вслѣдствіе чего поступилъ позднѣе лекторомъ къ императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ. Въ кружкѣ Плещеева, кромѣ его жены, Жуковскаго, дочерей Е. Ав. Протасевой и близкихъ пріятелей и знакомыхъ: Д. Н. Блудова, Д. А. Кавелина, Апухтина—участвовали многіе изъ образованныхъ плѣнныхъ французовъ, въ томъ числѣ генераль Бонами. Здѣсь проводили время очень весело, читали, разыгрывали французскія пьесы, играли въ распространенныя тогда jeux d'esprit, исполняли музыкальныя пьесы. Но черезъ два года кружокъ этотъ разстроился: съ выходомъ А. А.

Протасьевой за Воейкова семейство Протасьевыхъ переселилось въ Дерптъ, а Авдотья Петровна вернулась въ Долбино, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, оставившимъ ополченіе въ 1813 году и прожившимъ въ Долбинѣ два года до отъѣзда своего въ Петербургъ. Выросшій въ постоянномъ женскомъ образованномъ и родственномъ кругу, Жуковскій выработался такимъ, какимъ остался на цѣлую жизнь. Романтикъ по своей природѣ, Жуковскій развился въ этомъ смыслѣ, благодаря окружающей обстановкѣ, независимо отъ вліянія со стороны распространившагося тогда романтическаго направленія въ поэзіи и литературѣ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ говоритъ: „Обвитый розами скелеть,—это можно сказать не объ одной славі, но и о жизни, т.-е. о томъ, что называется жизнью въ обыкновенномъ смыслѣ, объ этомъ безпрестанномъ движеніи, объ этихъ разговорахъ безъ интереса, объ этихъ свиданіяхъ безъ радости и разлукахъ безъ сожалѣнія, объ этомъ хаосѣ свѣта,—скелеть, скелеть! И посмотрѣть на него убійственно даже для самого уединенія. Бѣлая часть мечтаній должна погибнуть,—то, что иногда дѣлаетъ прелесть уединенія—эта *дамь*, населенная прекрасными твореніями, исчезаетъ“. Взглядъ Жуковскаго на жизнь очень рельефно выражается въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ его письма къ Авдотѣ Петровнѣ отъ 11 іюня 1815 года, когда Жуковскій только что поступилъ на службу въ Петербургъ: „Надобно все видѣть здѣсь вблизи, чтобъ увѣриться, что служба для пользы невозможна; для выгоды же служатъ тѣ, которые имѣютъ особенныя, неестественныя способности... Все это несравненно разительнѣе здѣсь, въ Петербургѣ, въ виду тѣхъ людей, которые лучшими благами жизни жертвуютъ для пріобрѣтенія этихъ ничтожныхъ благъ, которыхъ сумма называется фортуной! Повѣрьте, что это—муміи, окруженныя великолѣпными пирамидами, которыхъ величіе не для нихъ существуетъ. Кто же захочетъ въ муміи для того только, чтобъ имѣть честь быть погребеннымъ въ пирамидѣ! Вы пишете мнѣ: *подумай, наконецъ, о своей выгодѣ*. Стараться сдѣлать для себя ненужнымъ весь этотъ приходъ пустяковъ и ничтожностей—значитъ думать объ истинной своей выгодѣ. Прежде причиною моего равнодушія къ этому причету было одно чувство, которое наполняло душу и исключительно ею владѣло; теперь къ благодѣтельному этому чувству, которое сберегу, какъ пламень Весты, присоединялась и нѣкоторая опытность. Богатства мнѣ искать нельзя. Я его не найду, да и не счи-

таю его нужнымъ. Почести—сухая низость, когда стоишь на той сценѣ, на которой раздается хвала, гулъ шумный и невнятный. Быть полезнымъ... эта химера только въ Бѣлевѣ кажется чѣмъ-то существеннымъ. Здѣсь ее имѣть невозможно. Можетъ быть придетъ такое время, когда она обратится въ существенность; а теперь стоить только поглядѣть на тѣхъ людей, которые посвятили себя общественной дѣятельности, чтобы сказать себѣ, какъ эта дѣль безумна. Будешь биться какъ рыба объ ледъ и только что себя разобьешь въ дребезги, и, что всего важнѣе, убьешь въ себѣ прежде смерти то, что составляетъ твою жизнь, и останешься до гроба скелетомъ.—Итакъ, друзья, изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что я постараюсь здѣсь доставить себѣ только то, что всего мнѣ нужнѣе: *независимость*, свободу дѣйствовать въ маломъ кругѣ, дѣйствовать мыслию и душою, не унижая этой дѣятельности разрушительными заботами о завтрашнемъ днѣ. Моя честь, фортуна и все—мое перо. Но чтобы это перо было одушевлено, надобно уйти съ нимъ изъ смертельнаго петербургскаго климата, переселиться на родину“. Это идеально-поэтическое настроеніе, отвращеніе отъ службы и почестей, равнодушіе къ богатству и любовь въ литературѣ Жуковскій передалъ и Кирѣевскимъ.

Многія изъ лучшихъ произведеній Жуковскаго написаны въ этомъ, какъ самъ онъ выражается, поэтическомъ уединеніи; памятникомъ того времени остались двѣ большія черновыя тетради, подъ заглавіемъ Долбинскія стихотворенія; въ нихъ много писано и для печати и не разъ воспѣваются тихій Долбинскій пріютъ и Долбинская семья. Замѣчательно, что Жуковскій имѣлъ какое-то инстинктивное влеченіе къ дѣлу воспитанія; онъ предложилъ самъ быть опекуномъ и воспитателемъ Кирѣевскихъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени къ Елагинымъ изъ Петербурга Жуковскій говоритъ: „При свиданіи будемъ говорить о томъ, что для меня есть *одно изъ главныхъ дѣлъ жизни*, о воспитаніи нашихъ дѣтей. Я ждалъ и жду плана и, право, не даромъ сказалъ, что въ этотъ планъ *входитъ много моего будущаго*“. Но этому желанію не суждено было сбыться: уѣхавши изъ Долбина для изданія своихъ стихотвореній, Жуковскій туда не возвращался и поступилъ въ Петербургъ на службу. Жизнь свою въ Долбинѣ Жуковскій считалъ однимъ изъ счастливейшихъ періодовъ и, въ началѣ своего переселенія въ Петербургъ, ему не поврававшись, постоянно мечталъ

о счастья туда вернуться; а привязанность къ своимъ племянницамъ онъ сохранилъ до самой смерти. Въ 1852 году, за пять недѣль передъ кончиною, Жуковскій писалъ къ П. А. Плетневу: „Теперь мой литературный мѣръ состоитъ изъ четырехъ лицъ: изъ двухъ мужскаго пола и двухъ—женскаго. Къ первой принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣдней—двѣ старушки—Елагина и Зонтагъ. Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мѣрѣ мой добрый Гоголь!“... Во время пребыванія Жуковскаго въ Долбинѣ И. В. Кирѣевскій былъ еще не старѣе девяти лѣтъ, и потому въ то время вліяніе на него Жуковскаго если и было, то не могло быть значительно; но дружескія къ нему отношенія Жуковскаго не прекращались во все время ихъ жизни. Жуковскій всегда оставался любимымъ поэтомъ Кирѣевскаго; въ свою очередь и Жуковскій, горячо привязавшись къ нему, при всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Кирѣевскаго спѣшилъ являться первымъ ревностнымъ сотрудникомъ, и если обстоятельства того требовали, то и энергическимъ заступникомъ. Въ 1830 году И. В. Кирѣевскій молодымъ человѣкомъ отправлялся за границу, и въ Петербургѣ Жуковскій встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Кирѣевскій привезъ свой дѣтскій журналъ и первыя свои печатныя статьи, которыя показывалъ Жуковскому: Жуковскому особенно понравилась повѣсть, которую онъ хвалилъ на каждомъ словѣ. „Ты будешь современемъ писателемъ,—ободрялъ молодого Кирѣевскаго Жуковскій,—когда поучишься хорошенько. У тебя въ слогѣ есть свой характеръ, виденъ человѣкъ мыслящій, но еще молодой“. Жуковскій показалъ этотъ журналъ Пушкину, тотъ также оказался въ восторгѣ и просилъ напечатать „Зиму“ въ „Литературной Газетѣ“, но Жуковскій не далъ. Для Кирѣевскаго Жуковскій сдѣлалъ вечеръ и собралъ всѣхъ литераторовъ; по отъѣздѣ Кирѣевскаго Жуковскій писалъ къ матери: „Ваня—самое чистое, доброе, умное и даже философское твореніе. Его узнать весело“. Когда И. В. Кирѣевскій задумалъ издавать журналъ „Европеецъ“, Жуковскій нарочно пріѣзжалъ въ Москву, участвовалъ въ составленіи плана и открылъ журналъ однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, сказкою „о войнѣ мышей и лягушекъ“.

Въ 1817 году, послѣ отъѣзда Жуковскаго, А. П. Кирѣевская въ другой разъ вышла замужъ за своего внучатнаго брата Ал. Елагина. Елагинъ, горячо полюбившій своихъ пасынковъ,

вмѣстѣ съ матерью былъ ихъ единственнымъ учителемъ до 1821 года, и молодые Кирѣевскіе привязались къ своему вотчиму, какъ ко второму отцу. Какія отношенія существовали между пасынками и вотчимомъ, всего лучше показываетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма Кирѣевскаго къ Елагину изъ-за границы: „Папенька перенесъ свою мнительность изъ міра физическаго въ нравственный, и какъ прежде сомнѣвался въ своемъ здоровьѣ, такъ теперь сомнѣвается въ моей любви къ нему. Еслибы онъ могъ хоть на минуту переселиться въ мою душу, то вѣрно раскаялся бы въ своемъ несправедливомъ мнѣніи, которое для меня тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ я дальше отъ васъ, чѣмъ меньше способовъ имѣю высказаться вамъ вполне, чѣмъ, съ другой стороны, яснѣе и полнѣе представляются мнѣ и его любовь, и все что онъ сдѣлалъ для меня, и все что онъ мнѣ и намъ. Еслибы онъ подслушалъ хоть разъ, какъ я, всякій день, въ сердечныхъ мысляхъ объ васъ, съ любовью, благодарностью и дружбой благословляю его внутри души, онъ вѣрно бы мысленно прижалъ меня къ груди своей, какъ достойнаго сына“. Эту картину семейной жизни Кирѣевскихъ мы дополнимъ отношеніями Ивана Васильевича къ брату. Братья Кирѣевскіе были такъ тѣсно между собою связаны, что Хомяковъ говаривалъ: „невозможна отдѣльная біографія Ивана или Петра Васильевичей, возможна только біографія братьевъ Кирѣевскихъ“. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ домашнимъ Иванъ Васильевичъ говоритъ: „Сегодня рожденіе брата; этотъ день долженъ быть для всѣхъ насъ святымъ,—онъ далъ нашей семьѣ лучшее сокровище. Понимать его возвышаетъ душу! Каждый поступокъ его, каждое слово въ его письмахъ обнаруживаютъ не твердость, не глубокость души, не возвышенность, не любовь, а прямо—величіе. И этого человѣка мы называемъ братомъ и сыномъ“ (Соч. т. I, стр. 30—31).

Я съ намѣреніемъ такъ долго останавливался на внутреннемъ строѣ цѣлой семьи Кирѣевскихъ. Біографія Кошелева покажетъ, что такія же искреннія и возвышенныя отношенія существовали между матерью и сыномъ. Патріархальный бытъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, царствовалъ, какъ извѣстно, и въ семействахъ Аксаковыхъ, Хомяковыхъ и Самаринныхъ. Такая обстановка съ дѣтства имѣла громадное значеніе для всего умственнаго кругозора представителей славянофильскаго ученія. Семейныя и религіозныя традиціи усвоены были ими какъ священный завѣтъ, согрѣвавшій

ихъ раннюю молодость, въ ту пору, когда юная душа открыта для впечатлѣній, а умъ не подкупленъ сухою логикой и жизненными разочарованіями. Оттого впоследствии, когда науки и глубокая дума заставили ихъ серьезно и критически относиться къ окружающей средѣ и явленіямъ общественной жизни,—они не могли безусловно и безповоротно оторваться отъ этихъ традицій, вошедшихъ въ ихъ плоть и кровь.

Елагинъ былъ сначала усердный почитатель Канта, котораго „Критику чистаго разума“ онъ вывезъ съ собою изъ заграничныхъ походовъ; но въ 1819 году чрезъ Веланскаго познакомившись съ сочиненіями Шеллинга, онъ сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ и въ деревнѣ переводилъ его „Письма о догматизмѣ и критицизмѣ“. Елагинъ въ теченіе всей своей жизни не переставалъ заниматься философскими вопросами. Познакомившись въ Берлинѣ съ философіей Гегеля, И. В. Кирѣевскій совѣтуетъ своему вотчиму достать „Encyclopedie der philos. Wissenschaften von Hegel“. „Здѣсь,—говоритъ онъ,—вы найдете столько любопытнаго, сколько не представляетъ вся новѣйшая нѣмецкая литература вмѣстѣ взятая. Сочиненіе это трудно понять, но игра стѣбитъ свѣтъ“. Изъ Мюнхена, гдѣ Кирѣевскій долго слушалъ Шеллинга и записывалъ его лекціи, онъ хотѣлъ отослать эти записки къ отцу, но остановился потому, что противъ прошлогодней его системы оказалось *новаго немного*. Это доказываетъ, что Елагинъ хорошо изучилъ философію Шеллинга и познакомилъ съ нимъ своего пасынка. Что касается до самой Авдотьи Петровны, то одинъ изъ самыхъ преданныхъ ея питомцевъ, К. Д. Кавелинъ, характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Авдотья Петровна не была писательницею, но участвовала въ движеніи и развитіи русской литературы и русской мысли болѣе, чѣмъ многіе писатели и ученые по ремеслу“. Чтобы оцѣнить ея вліяніе на нашу литературу, довольно вспомнить, что Жуковскій читалъ ей свои произведенія въ рукописи и уничтожалъ или передѣлывалъ ихъ по ея замѣчаніямъ. Авдотья Петровна много переводила съ иностранныхъ языковъ, но значительная часть этихъ переводовъ, вслѣдствіе разныхъ случайностей, не была напечатана. Въ молодости (въ 1808—1809 году) она перевела, по заказу Жуковскаго, издававшего тогда „Вѣстникъ Европы“, много романовъ и получала за нихъ гонораръ книгами. Такъ, переведенъ ею, между прочимъ, „Донъ Кихоть“

Флоріана; въ „Европейцѣ“ напечатанъ сдѣланный ею переводъ одной рыцарской повѣсти изъ „Sagen der Vorzeit“ Фейтъ Вебера, а въ „Москвитянинѣ“ 1845 года—отрывки, отмѣченные Ив. Кирѣвскимъ изъ мемуаровъ Стефенса. Наконецъ много ея переводовъ напечатано въ „Библіотекѣ для воспитанія“, издававшейся по ея инициативѣ П. Г. Рѣдкинымъ, между прочимъ нѣсколько дѣтскихъ повѣстей изъ Гофмана и большая статья о Троянской войнѣ; въ „Магазинѣ земледѣнія и путешествій“ Фролова—„Письма изъ путешествія“ извѣстнаго этнографа Кастрена. Остались ненапечатанными: „Левана, или о воспитаніи“ Жанъ-Поль Рихтера, „Жизнь Гусса“ Боншоза, въ двухъ томахъ, „Тысяча одна ночь“, „Принцесса Брамбилла“ Гофмана, многія бесѣды швейцарскаго проповѣдника Вине (*Discours sur quelques sujets religieux par Vinet*, 2 тома), имѣвшія большое значеніе въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Кирѣвскаго, Хомякова и Кошелева. Еще въ самый годъ своей кончины Авдотья Петровна перевела одну изъ проповѣдей ревельскаго проповѣдника Гуна. Основательно знакомая со всѣми важнѣйшими европейскими литературами, не исключая новѣйшихъ, за которыми слѣдила до самой смерти, Авдотья Петровна особенно любила старинную французскую литературу. Любимыми ея писателями остались Расинъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Бернардинъ де Сентъ Пьеръ, Массильонъ, Фенелонъ. Покойная до самой кончины имѣла живой, ясный умъ; она всю свою жизнь сохранила основныя, характерныя черты того времени, когда воспитывалась и сложилась. Литературные, художественные, религіозно-нравственные интересы преобладали въ ней надъ всѣми прочими; политическіе и общественные вопросы отражались въ ея умѣ и сердцѣ своей гуманитарной и литературно-эстетической стороной. Такова вообще была складка того поколѣнія, въ которому принадлежала Авдотья Петровна, и этому направленію она осталась вѣрна до послѣднихъ дней жизни. Рядомъ съ этимъ Авдотья Петровна занималась живописью и женскими рукодѣліями, въ которыхъ была большою мастерицей. Не было собесѣдницы болѣе интересной, остроумной и пріятной. Въ разговорѣ съ Авдотьей Петровной можно было проводить часы, не замѣчая какъ идетъ время. Живость, веселость, добродушіе, при огромной начитанности, тонкой наблюдательности, при ея личномъ знакомствѣ съ массою интереснѣйшихъ личностей и событій, прошедшихъ предъ нею въ те-

ченіе долгой жизни, и ко всему этому удивительная память,—все это придавало ей бесѣдѣ невѣроятную прелесть. Всѣ, кто зналъ и посѣщаль ее, испытали на себѣ ее доброту и внимательность. Авдотья Петровна слѣдила на помощь всякому, часто даже вовсе незнакому, кто только въ ней нуждался. Поразительные примѣры этой черты ее характера рассказываются ее родными и близкими. Въ послѣдніе годы царствованія Александра I и въ продолженіе всего царствованія императора Николая, когда литературные кружки играли такую важную роль, семейный салонъ Елагиныхъ въ Москвѣ былъ средоточіемъ и сборнымъ мѣстомъ всей русской интеллигенціи,—всего, что было у насъ самаго просвѣщеннаго, литературнаго и научно-образованнаго. За все это продолжительное время составлялись въ Москвѣ литературные кружки, смѣнялись московскія литературныя направленія, задумывались литературныя и научныя предпріятія, совершались различные переходы русской мысли. Невозможно писать исторію русскаго литературнаго и научнаго движенія за это время, не встрѣчаясь на каждомъ шагу съ гостепріимными хозяевами тогдашнихъ московскихъ салоновъ, въ числѣ которыхъ Авдотья Петровна занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ этихъ литературныхъ кружкахъ и салонахъ зарождалась, воспитывалась, созрѣвала и развивалась тогда русская мысль, подготавливались къ литературной и научной дѣятельности нарождавшіяся русскія поколѣнія (1).

Подъ вліяніемъ такой благотворной среды молодой Кирѣевскій развился чрезвычайно рано: еще ребенкомъ, на седьмомъ году, онъ такъ хорошо выучился играть въ шахматы, что обыгрывалъ генерала Бонами и плѣнныхъ французскихъ офицеровъ; десяти лѣтъ онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми лучшими произведеніями русской словесности и такъ-называемой классической французской литературы; двѣнадцати лѣтъ онъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ. Родственный кружокъ Елагиныхъ, какъ видно, посвящаль свое время исключительно литературнымъ занятіямъ. Изъ приведеннаго выше письма Жуковскаго видно, что въ Долбинѣ издавался даже домашній журналъ. Жуковскій говоритъ по этому случаю: „Въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей: пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ“.

Впослѣдствіи, когда Кирѣевскіе повзросли, во время длинныхъ деревенскихъ вечеровъ прежніе литературные разговоры нерѣдко

стали замѣняться бесѣдами и спорами съ вотчимомъ о предметахъ чисто-философскихъ. Между прочимъ Кирѣевскому еще въ Долбинѣ попались Локкъ и Гельвецій. Вотъ его мнѣніе о Гельвеціи, которое онъ высказалъ позже, когда А. И. Кошелевъ, бывшій уже на службѣ въ Петербургѣ, написалъ ему о впечатлѣніи, сдѣланномъ на него чтеніемъ Гельвеціи: „О Гельвеціи, я думаю, и самъ былъ бы такого же мнѣнія, какъ ты, еслибы прочелъ его теперь; но лѣтъ десять назадъ онъ произвелъ на меня совсѣмъ другое дѣйствіе. Признаюсь тебѣ, что тогда онъ казался мнѣ не только отчетливымъ, яснымъ, простонародно убѣдительнымъ, но даже нравственнымъ, несмотря на проповѣдываніе эгоизма. Эгоизмъ этотъ казался мнѣ неточнымъ словомъ, потому что подъ нимъ могли разумѣться и патріотизмъ, и любовь къ человѣчеству, и всѣ добродѣтели. Къ тому же мысль, что добродѣтель для насъ не только долгъ, но и счастье, казалась мнѣ отиѣнно убѣдительною въ пользу Гельвеціи“.

Такимъ образомъ Кирѣевскій явился въ Москву на житье съ матерью, уже знакомый съ движеніемъ философской мысли, преимущественно нѣмецкой; совершенно напрасно г. Пятковскій въ біографіи Веневитинова утверждаетъ, что Кирѣевскій въ молодости былъ яркимъ послѣдователемъ философіи энциклопедистовъ и Вольтера. 14 іюля 1821 года переѣхала Авдотья Петровна съ мужемъ и дѣтьми въ Москву и прожила здѣсь безвыѣздно четырнадцать лѣтъ, до 1835 года; съ этой же поры начались знакомство и дружба ея съ Александромъ Ивановичемъ и его матерью. Отъ втораго брака Авдотья Петровна имѣла также четверыхъ дѣтей: Василья Алексѣевича, родившагося въ 1818 году и потомъ вступившаго въ бракъ съ Екатериной Ивановной Мойеръ, Николая, род. въ 1822 г., Андрея въ 1823 и дочь Елизавету въ 1825 году. Въ 1835—1836 году Елагина жила за границею, преимущественно въ Дрезденѣ, гдѣ ходили въ школу ея дѣти (отъ втораго брака) и гдѣ она, черезъ Жуковскаго, сошлась съ извѣстнымъ Людвигомъ Тикомъ; къ числу ея знакомыхъ принадлежалъ и Шеллингъ, который изъ числа своихъ слушателей помнилъ и отличалъ братьевъ Кирѣевскихъ. Въ другой и послѣдній разъ отправилась за границу Авдотья Петровна въ 1841 году, чтобы познакомиться съ невѣстою Жуковскаго. Съ половины сороковыхъ годовъ счастливая до тѣхъ поръ жизнь Авдотьи Петровны была

омрачена тяжелыми испытаніями. Начиная съ 1844 по 1859 годъ перенесла она рядъ тяжелыхъ потерь: смерть унесла у нея мужа (1846 г.), сына ея Андрея Елагина (1844 г.), дочь Елизавету Ал. Елагину (1848 г.), двоюродную сестру Воейкову (1844 г.), близкаго ея друга Валугева (1845 г.), тетку ея Протасьеву (1848 г.), обоихъ братьевъ Кирѣевскихъ (1856 г.), Мойера (1858 г.) и дочь отъ перваго брака Марью Васильевну (1859 г.).

Послѣдніе годы жизни Авдотья Петровна проводила въ Москвѣ, гдѣто въ деревнѣ, иногда оставаясь тутъ круглый годъ, но большею частью возвращаясь на зиму въ Москву. Жила она съ своимъ сыномъ Н. А. Елагинимъ, который остался неженатымъ, устроилъ для нея прекрасную усадьбу и домъ въ деревнѣ Уткинѣ, близъ роднаго ея пепелища, села Петрищева, и съ трогательною нѣжностью заботился объ угасавшей матери. Здѣсь доживала Авдотья Петровна дни свои, окруженная дорогими воспоминаніями прошлаго, не переставая заниматься, читать, рисовать. Съ избраніемъ сына, Ник. Алекс., въ предводители дворянства Бѣлевскаго уѣзда она перестала ѣздить на зиму въ Москву и проводила зимніе мѣсяцы въ Бѣлевѣ. Но не долго суждено ей было наслаждаться тихой, спокойной, радостною старостью: 11 февраля 1876 года скоропостижно скончался Н. А. Елагинъ. Изъ всего многочисленнаго семейства оставался въ живыхъ только одинъ сынъ, В. А. Елагинъ. Но воспитаніе дѣтей приковывало его къ Дерпту. Сюда, въ семейство сына, и переселилась Авдотья Петровна въ 1876 году и здѣсь тихо скончалась 1-го іюня 1877 года, на 86 году отъ рожденія. Незадолго до ея кончины Общество любителей россійской словесности избрало ее своимъ почетнымъ членомъ.

Александръ Ивановичъ въ своихъ запискахъ вспоминаетъ, какъ много въ жизни онъ обязанъ былъ вліянію Авдотьи Петровны. Авдотья Петровна искренно была привязана къ Александру Ивановичу. Въ одномъ письмѣ отъ 3 мая (года не обозначено), по случаю происшествія съ А. И. Кошелевымъ, Елагина писала: „Мой милый Кошелевъ! зачѣмъ вы больны? Какъ можно было не позаботиться о себѣ, когда васъ разбили лошади! Вѣдь это грѣхъ не столько противъ Ольги и Даши, сколько противъ меня. Ваша дружба съ Ивановомъ привязала меня къ вамъ материнскою любовью; вы обязаны мнѣ усладить это чувство. Будьте же здоровы, Бога ради!“ Въ другомъ письмѣ: „Нѣтъ, мы никогда не разстанемся, дорогой мой

Кошелевъ! Пятьдесятъ пять лѣтъ вашей дружбы съ Иваномъ, пятьдесятъ пять сыпвной вашей любви ко мнѣ, пятьдесятъ пять моей материнской любви къ вамъ не истребляются“. И не одинъ Александръ Ивановичъ многимъ обязанъ былъ Авдотѣ Петровнѣ. Кавелинъ, въ своемъ біографическомъ очеркѣ, живо описываетъ, какую школу для начинающихъ молодыхъ людей представляли тогда московскіе кружки, во главѣ которыхъ стоялъ гостепріимный салонъ Елагиныхъ: „Вводимые въ замѣчательно-образованное семейство добротой и радушіемъ хозяевъ, юноши, только-что сошедшіе со студенческой скамейки, получали доступъ въ лучшее общество, гдѣ имъ было хорошо и свободно, благодаря удивительной простотѣ и непринужденности, царившей въ домѣ и на вечерахъ. Здѣсь они встрѣчались и знакомились со всѣми, что тогда было выдающагося въ русской литературѣ и наукѣ, прислушивались къ спорамъ и мнѣніямъ, сами принимали въ нихъ участіе и мало-помалу укрѣплялись въ любви къ литературнымъ и научнымъ занятіямъ“. Къ числу молодыхъ людей, воспитавшихся такимъ образомъ въ домѣ и салонѣ Авдотьи Петровны Елагиной, принадлежали (въ тридцатыхъ годахъ): Дм. Ал. Валуевъ, слишкомъ рано умершій для науки, А. Н. Поповъ, М. А. Стаховичъ, позднѣе трое Бакуниныхъ (братья эмигранта), художникъ Мамоновъ и другіе. Всѣ они были приняты въ семействѣ Елагиныхъ на самой дружеской ногѣ,—Валуевъ даже жилъ въ ихъ домѣ,—и вынесли изъ него самыя лучшія, самыя дорогія воспоминанія. Кавелинъ прибавляетъ, что онъ самъ на себѣ испыталъ всю обаятельную прелесть и все благотворное вліяніе этой среды въ золотые дни студенчества; ей онъ обязанъ направленіемъ всей своей послѣдующей жизни и лучшими воспоминаніями. Съ любовью, глубокимъ почтеніемъ и благодарностью возвращается онъ мыслями къ этой счастливой порѣ своей молодости и со всѣми его воспоминаніями изъ этого времени неразрывно связана свѣтлая, благородная, прекрасная личность Авдотьи Петровны, которая всегда относилась къ нему и другимъ начинающимъ юношамъ съ безконечною добротой, съ неистощимымъ вниманіемъ и участіемъ. Таково было нравственное вліяніе этой замѣчательной женщины; не даромъ въ письмѣ отъ 23 сентября 1842 года къ А. Н. Попову Авдотья Петровна выражалась: „Усовершенствованіе науки еще не главное; умъ—второе отдѣленіе души; нужно усовершенствовать душу и не дать ей пасть“ (Р. Арх. 1886, III, 336).

Выше было сказано, что первоначальное образованіе Александра Ивановича Кошелева и Ивана Васильевича Кирѣевскаго шло параллельно и вмѣстѣ. Когда Александру Ивановичу минуло 14 лѣтъ, мать его пригласила для продолженія его образованія профессоръ. Изъ нихъ два, по словамъ Александра Ивановича, оказали на него сильное дѣйствіе: Мерзляковъ—по русской и классической словесности и Шлецеръ—по политическимъ наукамъ. Мерзляковъ, говоритъ Александръ Ивановичъ, бывалъ иногда великолѣпнѣе; но, къ сожалѣнію, часто лѣнился и нерѣдко любимый имъ „ерофеичъ“ связывалъ его языкъ и путалъ его понятія до того, что онъ вовсе не могъ преподавать. Въ хорошіе дни онъ прекрасно объяснял свойства русскаго языка, „приохочивалъ къ древнимъ классикамъ“ (Записки, стр. 6). Это побудило Александра Ивановича учиться по-гречески сперва у кандидата университета В. И. Оболенскаго, а потомъ у грека Байло, человѣка очень образованнаго, издавашаго въ Парижѣ, на счетъ московскихъ грековъ братьевъ Зосимовъ, нѣсколько классиковъ (Плутарха, Исократы и др.). Байло былъ учителемъ въ домѣ Кирѣевскихъ; съ ними занимался также по-гречески Шевыревъ. Александръ Ивановичъ значительно усовершенствовался въ греческомъ языкѣ, такъ что сталъ читать греческихъ классиковъ почти безъ лексикона; онъ перевелъ нѣсколько книгъ Фукидидовой исторіи Пелопоннесской войны и много стрывковъ изъ Платоновой „Республики“. Изученію греческаго языка особенно помогло то обстоятельство, что Байло говорилъ съ Александромъ Ивановичемъ по-новогречески, такъ что послѣ двухъ-трехъ лѣтъ онъ выражался на этомъ нарѣчій свободно. Латинскій языкъ Александръ Ивановичъ зналъ, по его словамъ, порядочно, но онъ для Кошелева остался мертвымъ. Сынъ извѣстнаго академика и истолкователя Нестора, Авг. Шлецеръ, въ 1800 г. былъ приглашенъ на кафедру политической экономіи сперва въ Дерптскій, а въ 1801 г. въ Московскій университетъ. Онъ, кромѣ другихъ своихъ, довольно многочисленныхъ, сочиненій, издалъ „Начальныя основанія государственнаго хозяйства“ (М. 1805),—руководство, переведенное на нѣмецкій и французскій языки и долго служившее таковымъ при преподаваніи даже въ германскихъ университетахъ. По словамъ князя Вяземскаго (Соч. т. VIII, стр. 377), Шлецеръ въ то время пользовался въ Москвѣ извѣстностью и уваженіемъ, чему въ особенности способствовали его публичныя лекціи. Карамзинъ говоритъ объ этихъ лек-

ціяхъ: „Нѣмецкій языкъ, на которомъ г. Шлецеръ преподаетъ исторію, хотя вообще у насъ не столь извѣстенъ, какъ французскій, однако же сей достойный профессоръ имѣетъ довольно слушателей изъ числа благородныхъ молодыхъ людей, для которыхъ наставленія его могутъ быть тѣмъ полезнѣе“. О немъ Александръ Ивановичъ даетъ такой отзывъ: „Шлецеръ вводилъ меня въ нѣмецкую науку и этимъ онъ былъ для меня весьма полезенъ. Онъ познакомилъ меня съ Гереномъ и вообще пристрастилъ меня къ нѣмецкой литературѣ. Самъ Шлецеръ былъ человѣкъ очень умный, очень ученый и весьма общительный. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ его уроки, которые, вмѣсто полутора часа, продолжались и два, и три часа“. Одновременно съ Кошелевымъ Ив. Вас. Кирѣевскій также бралъ уроки у Мерзлякова, Снегирева и другихъ лучшихъ профессоровъ Московскаго университета, слушалъ публичныя лекціи профес. Павлова. Погодинъ („Гражданинъ“ 1873 г.) передаетъ, что Хомяковъ и Кирѣевскіе учились вмѣстѣ у извѣстнаго Глаголева, единственнаго тогда доктора философіи, но въ какое именно время, Погодинъ не опредѣляетъ; странно, что Александръ Ивановичъ, который во все продолженіе *ученія* былъ вмѣстѣ съ Кирѣевскимъ, ничего о Глаголевѣ не упоминаетъ. Впрочемъ, показаніе Погодина едва ли вѣрно. По другимъ свѣдѣніямъ, Кирѣевскій познакомился съ Хомяковымъ черезъ Веневитинова и только послѣ запрещенія „Европейца“ короткое ихъ знакомство перешло въ дружбу. Въ молодости Кирѣевскій выучился по-латыни и по-гречески столько, сколько нужно для экзамена; уже въ сороковыхъ годахъ, почувствовавъ неосновательность своихъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ, Кирѣевскій снова сталъ заниматься этими языками и успѣлъ настолько, что могъ въ подлинникѣ читать классиковъ и св. отцовъ. Въ эту же пору Кирѣевскій и Кошелевъ вмѣстѣ начали учиться по-англійски, и, кромѣ того, Кошелевъ бралъ уроки верховой ѣзды и фехтованія. Въ эти юные годы друзья не проводили праздное время и серьезно предались ученію. „Меня особенно интересовали,—говоритъ Ал. Ив.,—знанія политическія, а Кирѣевскаго—изящная словесность и эстетика, но оба мы чувствовали потребность въ философіи. Ловка мы читали вмѣстѣ; простота и ясность его изложенія насъ очаровывала. Впрочемъ все научное намъ было по душѣ и все нами узнаваемое мы другъ другу сообщали“. Въ сентябрѣ 1821 года Александръ Ивановичъ по-

ступилъ въ Московскій университетъ по словесному факультету. Тутъ онъ слушалъ лекціи: Мерзлякова—словесности, Каченовскаго—русской исторіи, Гейма—статистики, Давыдова—латинской словесности и Двигубскаго—физики. „Эти лекціи,—говоритъ Кошелевъ,—оставили во мнѣ мало живыхъ воспоминаній: профессора читали, а мы ихъ слушали только по обязанности. Возбудительнаго, животворнаго они намъ ничего не сообщили“. Въ университетѣ А. Ив. Кошелевъ познакомился съ М. П. Погодинымъ, по въ это время они мало сблизились. Погодинъ уже оканчивалъ курсъ, а Кошелевъ только поступалъ; Кошелевъ запомнилъ только, что Погодинъ былъ отличнѣмъ студентомъ и всегда славно отвѣчалъ на вопросы профессоровъ. Тогда профессора, кромѣ чтеній, еще *спрашивали* студентовъ, какъ это дѣлается теперь въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но Ал. Ив. вскорѣ оставилъ университетъ по обстоятельству, характеризующему студенческой бытъ того времени. На другой годъ его поступленія (1822 г.) совѣтъ университета сдѣлалъ постановленіе, въ силу котораго студенты должны были слушать не менѣе восьми профессоровъ. Это распоряженіе не поправилось студентамъ и многіе не хотѣли ему подчиниться. „Бунтовщиковъ“ призвали въ правленіе и ректоръ А. А. Прокоповичъ-Антонскій объявилъ, что если студенты вольнодумничаютъ и не хотятъ исполнять требованіе совѣта, то должны оставить университетъ. Студенты доказывали ректору невозможность достаточно подготовиться къ обязательному слушанію восьми курсовъ, но ректоръ настаивалъ на исполненіи, выражаясь весьма грубо и повелительно. Большинство подчинилось, а человекъ десять—въ томъ числѣ и Кошелевъ—вышли изъ университета.

Послѣ выхода изъ университета Ал. Ив. возобновилъ уроки у Мерзлякова, Шлецера и другихъ преподавателей и, вмѣстѣ съ Кирѣевскимъ, налегъ на чтеніе. Всего болѣе они занимались нѣмецкою философіей, и преимущественно Шеллингомъ. Въ 1822 году Кошелевъ и Кирѣевскій держали въ университетѣ экзаменъ, требовавшійся указомъ 1809 года для поступленія на службу. Кошелевъ въ своихъ „Запискахъ“ передаетъ много забавныхъ воспоминаній объ этомъ экзаменѣ. Въ статистикѣ, за кончиною проф. Гейма, экзаменовалъ Мерзляковъ, вовсе ея не знавшій, а по политической экономіи—Цвѣтаевъ, едва знакомый съ первыми началами этой науки. Предсѣдательствовавшій на экзаменѣ ректоръ

Прокоповичъ-Антонскій, припомнивъ обстоятельства выхода Кошелева изъ университета, всячески къ нему придирался, а Цвѣтаевъ, несмотря на относительное достоинство отвѣтовъ, хотѣлъ поставить лучшую отмѣтку Кирѣевскому, который бралъ у него уроки, и уступилъ только защитѣ Мерзлякова. Въ выданномъ Александру Ивановичу Московскимъ университетомъ 11 декабря 1822 г. аттестатъ видно, что онъ оказалъ слѣдующіе успѣхи: въ грамматическомъ познаніи російскаго языка, въ сочиненіи на ономъ и въ переводахъ съ французскаго и пѣмецкаго языковъ на русскій—очень хорошіе; въ исторіи всеобщей и російской съ частями, къ нимъ принадлежащими, географіей и хронологіей, въ статистикѣ вообще, въ особенности Російскаго государства—очень хорошіе; въ правѣ естественномъ—очень хорошіе; въ правѣ римскомъ и частномъ гражданскомъ, съ приложеніемъ сего послѣдняго къ російскому законодательству—хорошіе; въ политической экономіи и законахъ уголовныхъ—очень хорошіе; въ арифметикѣ и алгебрѣ, въ геометріи и тригонометріи—очень хорошіе; въ физикѣ—хорошіе. Аттестатъ подписали: ректоръ А. Прокоповичъ-Антонскій и деканы Двигубскій, Мухинъ, Мерзляковъ и Цвѣтаевъ. Чувство дружбы привязывало Александра Ивановича въ его молодые годы къ Кирѣевскому болѣе, нежели къ остальнымъ членамъ его кружка, и не поколебалось и съ отъѣздомъ Кошелева изъ Москвы. Въ первомъ же своемъ отвѣтномъ письмѣ, послѣ поступленія Ал. Ив. на службу въ Петербургъ, Кирѣевскій, высказывая закрапившися въ его душу подозрѣнія, что Кошелевъ, живя въ свѣтѣ и вступивъ въ новыя связи, забылъ его, говоритъ: „Твое письмо, милое, дружеское, разомъ уничтожило всѣ сплетенія несправедливыхъ подозрѣній, сказавъ: Кошелевъ—тотъ же; онъ тебя любитъ и увѣренъ въ твоей любви“. Эту неизмѣнную привязанность къ Кирѣевскому Александръ Ивановичъ сохранилъ до кончины послѣдняго; по смертную услугу своему другу Кошелевъ оказалъ изданіемъ его сочиненій. Къ нимъ приложены матеріалы для біографіи Кирѣевскаго, составленные Елагинымъ. Изъ переписки Александра Ивановича съ Максимовичемъ видно, что за составленіе біографіи Кирѣевскаго первоначально взялся Максимовичъ, но составленная имъ біографія не была принята.

Складъ ума у И. В. Кирѣевскаго былъ по преимуществу философскій, направленный къ отысканію примиренія между про-

творѣчіемъ въ жизни и мысли; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, умъ Кирѣвскаго не лишенъ былъ и поэтическаго отгѣнка. А. И. Кошелеву, заявившему въ своемъ письмѣ, что онъ осуждаетъ въ себѣ предпочтеніе поэтическаго увлеченія сухому, но дѣльному изложенію, Кирѣвскій отвѣтилъ: „не испорченность ума, какъ ты думаешь, но большая зрѣлость заставляетъ тебя предпочитать поэтическое сухимъ выкладкамъ. Самъ Шеллингъ—поэтъ тамъ, гдѣ даетъ волю естественному стремленію своего ума. Только необходимость принаравливаться къ ограниченному понятію читателей заставляетъ его иногда быть сухимъ. Но, мнѣ кажется, онъ въ этомъ ошибся: кто не понялъ мысль чувствомъ, тотъ не понялъ ее, точно также какъ и тотъ, кто понялъ ее однимъ чувствомъ“. До самаго отъѣзда своего за границу, въ началѣ января 1830 года, Кирѣвскій находился въ періодѣ броженія и ни на чемъ не сосредоточивался. Въ 1828 г. (октября 1-го) онъ писалъ Кошелеву: „Съ твоего отъѣзда мои занятія состояли въ ничегонедѣланіи. Прожектовъ много, но лѣни еще больше. Не думай однако, чтобы я не писалъ стиховъ,—я часто ихъ дѣлаю, хотя, разумѣется, никому не показываю. Но мое стихотворство не мѣшаетъ моей дѣятельности. Не знаю, отчего мнѣ даже некогда и читать то, что хочется,—а некогда, вѣроятно, отъ того, что я ничего не дѣлаю. Правда, я прочелъ комедій 200 послѣ твоего отъѣзда, одну сыгралъ, одну перевелъ, но мои проекты о Жуковскомъ, о критикѣ о философіи въ Россіи — до сихъ поръ все еще проекты. На дняхъ намѣренъ приняться за исполненіе. Между тѣмъ много еще другихъ сочиненій кандидатовъ, которые просятся въ комплектъ, но которыхъ я до сихъ поръ оставляю при особенныхъ порученіяхъ. А между тѣмъ ты поминаешь, что они другъ другу мѣшаютъ, перебиваютъ другъ у друга мѣста и пр. Но я буду писать, и скоро“. Кирѣвскій рожденъ былъ литераторомъ и потому съ ранней молодости,—хотя хронологически позже другихъ членовъ кружка,—выступилъ на литературное поприще. Въ письмѣ къ Кошелеву въ 1827 году онъ говоритъ: „не думай, чтобы я забылъ, что я русскій, и не считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать для блага отечества. Нѣтъ, всѣ силы мои посвящены ему. Но мнѣ кажется, что внѣ службы я могу ему быть полезнѣе, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литераторомъ, а содѣйствовать къ просвѣщенію народа не есть ли величайшее благодѣяніе, которое мож-

по ему сдѣлать? На этомъ поприщѣ мои дѣйствія не будутъ бесполезны; я могу это сказать безъ самонадѣянности. Я не бесполезно провелъ мою молодость—и уже теперь могу съ пользою дѣлиться моими свѣдѣніями. Но, цѣлую жизнь имѣя главною цѣлью образовываться, могу ли я не имѣть вѣса въ литературѣ? Я буду имѣть его, и дамъ въ литературѣ свое направленіе. Мнѣ все ручается въ томъ, а болѣе всего сильные помощники, въ числѣ которыхъ не лишнее упомянуть о Кошелевѣ. Кромѣ того, слушай одно изъ моихъ любимыхъ мечтаній: у меня четыре брата (П. В. Кирѣевскій и трое Елагиныхъ), которымъ природа не отказала въ способностяхъ. Всѣ они будутъ литераторами, и у всѣхъ будетъ отражаться одинъ духъ. Мы возвратимъ право истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностью, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ къ закону и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога“.

Еще въ началѣ 1827 года, когда въ Москвѣ возобновились литературные вечера у княг. З. А. Волконской, на которыхъ бывалъ Кирѣевскій, кн. Вяземскій, игравшій на этихъ вечерахъ главную роль, взялъ съ него слово написать что-нибудь для прочтенія, и Кирѣевскій написалъ „Царицынскую почъ“, свой первый литературный опытъ (Соч. I, 1—4). Весной 1828 года, когда московскіе литераторы провожали уѣзжавшаго въ Петербургъ Мицкевича, за ужиномъ, при поднесеніи ему серебрянаго кубка, И. В. Кирѣевскому первому пришлось произнести свои стихи въ честь польскаго поэта. Изъ писемъ Кирѣевскаго изъ-за границы видно, что онъ сохранялъ связи свои съ Мицкевичемъ еще въ 1831 году. Упомянувъ о вліяніи Мицкевича на тогдашнюю нашу литературу, Кирѣевскій объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „Польская литература, также какъ и русская, была не только отраженіемъ литературы французско-нѣмецкой, но и существовала единственно силою чуждаго вліянія. Какъ могла она дѣйствовать на Россію? Чтобъ обѣ словесности вступили въ сношенія непосредственныя и заключили союзъ прочный, нужно было одной изъ нихъ имѣть своего уполномоченнаго на сеймѣ первоклассныхъ правителей европейскихъ умовъ; ибо одно господствующее въ Европѣ можетъ имѣть вліяніе на подвластныя ей литературы. Мицкевичъ, сосредоточивъ въ себѣ духъ своего народа, первый далъ польской націи право имѣть голосъ среди умственныхъ депутатовъ Европы и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

даль ей возможность дѣйствовать и на нашу поэзію“ (Соч. т. I, 41—42). Въ томъ же 1828 году Кирѣевскій написалъ для „Московского Вѣстника“ „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“, съ обозначеніемъ имени автора цифрами 9 и 11 (Соч. т. I, 4—18). Въ концѣ 1829 года М. А. Максимовичъ, собираясь издать альманахъ „Денницу“ на 1830 годъ, убѣдилъ Кирѣевскаго написать для него обзорѣе русской словесности за 1829 годъ, которое не понравилось Жуковскому. Подъ этою статьей Кирѣевскій въ первый разъ выставилъ свое имя. Въ 1829 году Кирѣевскій уже думалъ о заведеніи типографіи и объ изданіи журнала, но въ это время душу Кирѣевскаго занимали чувства болѣе вѣжныя. Получивши въ августѣ 1829 года отказъ въ сватовствѣ отъ будущей своей жены, онъ сильно былъ огорченъ и медики, для поправленія разстроеннаго его здоровья, посоветовали ему отправиться за границу, куда тому полгода уже выѣхалъ братъ его, Петръ Васильевичъ. Короткимъ своимъ пребываніемъ за границею (съ начала января по 16 ноября 1830 года) Кирѣевскій воспользовался съ увлеченіемъ и слушалъ Гегеля, Шеллинга, Окена, Риттера, Шлейермахера, Ганса, Савиньи, Раумера, Штура, Шорна (исторію новѣйшихъ искусствъ); со многими изъ знаменитостей онъ сошелся и велъ оживленныя бесѣды. Кирѣевскій не терялъ времени за границею; не даромъ въ письмѣ своемъ къ Кошелеву онъ писалъ: „На жизнь и на каждую ея минуту я смотрю какъ на чужую собственность, которая повѣрена мнѣ на честное слово и которую, слѣдовательно, я не могу бросить на вѣтеръ“. Въ письмѣ отъ 13 февраля, то-есть вскорѣ послѣ приѣзда въ Берлинъ, Кирѣевскій писалъ: „Я теперь то что вижу, то что я вижу, то что я слышу — плюсь нѣсколько мыслей о Москвѣ, неизмѣнныхъ, какъ Господи помилуй“ (Соч. I, 34). Плодомъ его путешествій былъ журналъ „Европеецъ“, который, какъ показываетъ самое названіе, долженъ былъ познакомить русскую публику съ состояніемъ наукъ, литературы и искусствъ на Западѣ. Но, какъ видно изъ отзывовъ Кирѣевскаго о Гегелѣ и въ особенности о Шлейермахерѣ, Кирѣевскій, относясь къ нимъ критически, уже въ то время выработалъ въ своемъ умѣ основныя задачи своего православно-религіознаго, философскаго синтеза, который не успѣлъ онъ развить съ надлежащею полнотою и послѣдовательною до самой своей смерти. Оставляя въ сторонѣ философскія попытки Кирѣевскаго, отно-

сящіяся въ позднѣйшей эпохѣ, мы скажемъ нѣсколько словъ о другой сторонѣ его дѣятельности, которая касается прямо литературы и выяснилась въ разсматриваемое нами время, но до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству. Я имѣю въ виду критическую дѣятельность Кирѣевского.

Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ совершился переломъ въ нашей литературѣ: повая, такъ-называемая романтическая, школа окончательно отодвинула старую—классическую. Существенныя измѣненія въ литературѣ отражаются и въ критикѣ: вслѣдъ за новыми образцами, почва для которыхъ созрѣла въ обществѣ, является и новая оцѣнка этихъ образцовъ, какъ теоретическое сознание требованій отъ литературы, выставленныхъ жизнью. Такъ и у насъ съ половины двадцатыхъ годовъ теряетъ значеніе старая критическая школа, представителемъ которой былъ Мерзляковъ, а законодателями: Горацій, Буало, Баттѣ, Лагарпъ и Ешенбургъ. Точно также какъ новая литературная школа получила несвойственное ей названіе романтической, такъ и новая критическая школа обречена тѣмъ же именемъ. Распространеніе этой школы хронологически совпадаетъ съ тѣмъ значительнымъ и кратковременнымъ участіемъ въ современной журналистикѣ, которую приняли декабристы. А. Бестужевъ (Марлинскій) началъ помѣщать рецензіи въ „Сынѣ Отечества“ съ 1819 года и принялъ участіе въ одномъ изъ первыхъ полемическихъ споровъ, на который вызваны были литераторы появленіемъ сочиненія Греча: „Опытъ краткой исторіи русской литературы“. Съ изданіемъ „Полярной Звѣзды“ (1823—1825 г.) Бестужевъ ввелъ въ моду появленіе ежегодныхъ литературныхъ обзорѣній, безъ которыхъ не обходился потомъ ни одинъ альманахъ и которыя возобновлены были съ 1840 года Бѣлинскимъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ „Сынѣ Отечества“ Бестужевъ нападал преимущественно на Катенина и вступилъ съ нимъ въ продолжительное препирательство. Но „обзорѣнія“ Бестужева представляли или общія мѣста всѣмъ извѣстныя, по написанныя бойкимъ языкомъ, или перечень писателей, безъ опредѣленія ихъ относительнаго значенія, съ краткими характеристиками, отличающимися не столько вѣрностью, сколько претензіей на оригинальность, сводившуюся въ блестящей напыщенности впѣшной формы выраженія, скрывавшей внутреннюю пустоту. Часто эти характеристики обнаруживали въ авторѣ даже положительное отсутствіе критическаго такта. Такъ, въ

первомъ своемъ обзорѣніи за послѣднее пятнадцатилѣтіе (до 1823 г.) Бестужевъ говоритъ о Пушкинѣ: „новый Прометей, онъ похитилъ небесный огонь; обладая онымъ, совершенно играетъ сердцами. Каждая пьеса его ознаменована оригинальностью; послѣ чтенія каждой остается что-нибудь въ памяти или въ чувствѣ. Мысли Пушкина остры, смѣлы, огнисты, языкъ свѣтелъ и правиленъ. Не говорю уже о благозвучіи стиховъ: это—музыка; не упоминаю о плавности ихъ: по русскому выраженію, они катятся по бархату жемчугомъ“ („Полярн. Звѣзда“ 1823 г., 24 и 25). Въ то же время о Булгаринѣ говорится: „Булгаринъ глядитъ на предметъ съ совершенно новой стороны, излагаетъ мысли свои съ какою-то военною искренностію и правдою, безъ пестроты, безъ игры словъ. Обладая вкусомъ разборчивымъ и оригинальнымъ, который не увлекается даже пылкою молодостью чувствъ, поражая незаимствованными формами слога, онъ, конечно, станетъ въ рядъ свѣтскихъ нашихъ писателей. Его „Записки объ Испаніи“ и другія журнальныя статьи будутъ всегда съ удовольствіемъ читаться не только русскими, но и всѣми европейцами“ (тамъ же, 38 и 39).—Нѣсколько ранѣе Бестужева на поприще критики выступилъ Кюхельбекеръ и получилъ несравненно важнѣе значеніе, хотя о немъ съ этой стороны не сказано было до сихъ поръ ни слова. Кюхельбекеръ, кромѣ того, интереснъ для насъ своею близостью въ лицамъ насъ занимающимъ: если и объ этомъ также не говорилось, то это объясняется извѣстнымъ его положеніемъ, вслѣдствіе котораго неудобно было произносить его имя, а еще неудобнѣе указывать на личныя съ нимъ сношенія. Кюхельбекеръ, какъ мы увидимъ дальше, принадлежалъ къ кружкамъ, гдѣ собирались Александръ Ивановичъ и современная ему молодежь. Посѣщалъ ли Кюхельбекеръ оба кружка, т.-е. болѣе обширное, чисто литературное общество Ранча и тѣсный, интимный кружокъ архизныхъ шеллингистовъ—рѣшить нѣтъ данныхъ. Но сотрудничество его съ Одоевскимъ въ изданіи „Мнемозины“ доказываетъ, что Кюхельбекеръ въ этомъ литературномъ кружкѣ приобрѣлъ нѣкоторый вѣсъ. Кюхельбекеръ не былъ шеллингистомъ и во всѣхъ его сочиненіяхъ нѣтъ ни малѣйшаго признака, по которому можно было бы сдѣлать заключеніе, что онъ занимался философскими вопросами. Но литература съ ранней молодости составляла предметъ занятій Кюхельбекера, онъ изучилъ ее хорошо въ лицѣ и, какъ сейчасъ увидимъ, имѣлъ на нее серьезный,

вѣрный взглядъ. Поэтому критическіе взгляды Кюхельбекера можно признавать за тѣ убѣжденія, которыя болѣе или менѣе были ходячими между молодежью, къ которой принадлежалъ Александръ Ивановичъ Каченовскій помѣстивъ въ „Вѣстникъ Европы“ 1817 г. переводъ статьи, изъ издававшейся въ Петербургѣ миинист. иностр. дѣлъ съ 1814 по 1824 годъ газеты „Conservateur impartial“ (№ 78), подъ заглавіемъ: „Взглядъ на нынѣшнее состояніе словесности“ (№ 18, стр. 154—157). По указанію Кюхельбекера въ его дневникѣ („Рус. Стар.“ 1875, XIV, 75), статья эта принадлежитъ ему; Кюхельбекеръ къ этому прибавляетъ: „нахожу, что въ мысляхъ своихъ я мало перемѣнился“. Кромѣ того, въ № 85 той же газеты напечатана статья „Опыты въ стихахъ и прозѣ Батюшкова“, оставшаяся непереведенною, гдѣ авторъ сравниваетъ между собою, какъ корифеевъ новѣйшей школы, Жуковскаго и Батюшкова. Обѣ эти статьи написаны Кюхельбекеромъ въ годъ его выхода изъ плеча. Переведенную статью, очень коротенькую, мы считаемъ необходимымъ привести вполнѣ: „Въ царствованіе императрицъ Анны и Елизаветы Европа видѣла рожденіе изящной словесности и поэзіи у народа, который тогда еще самъ, такъ сказать, недавно былъ созданъ. Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, многіе писатели, изумленные гигантскимъ шествіемъ Россіи на пути просвѣщенія, не усомнились первые опыты русскихъ музъ сравнить съ образцовыми произведеніями языка Расиновъ и Вольтеровъ. Историкъ Левекъ смѣло поставилъ Сумарокова на ряду съ Лафонтеномъ, — съ неподражаемымъ Лафонтеномъ, которому, по общему признанію, до сихъ поръ еще не было равнаго.

„Нынѣ оставлены мнѣнія столь высокопарныя, столь вредныя успѣхамъ искусства. Наши Виргиліи, наши Цицероны, наши Горации исчезли; имена ихъ идутъ рядомъ съ почтенною древностію только въ дурныхъ школьныхъ книгахъ. Наши литераторы принимаютъ сторону здравой критики: и г. Мерзляковъ доказалъ первый, что Херасковъ, — впрочемъ, весьма почтенный писатель, — очень далекъ отъ того, чтобы быть Гомеромъ, и что самая лучшая поэма его далека даже отъ Вольтеровой „Генриады“. При такихъ обстоятельствахъ не бесполезно бросить взглядъ на нынѣшнее состояніе русской словесности и показать оное иностранцамъ. Мы ограничиваемся здѣсь поэзіей, съ нѣкотораго времени испытывающею перемѣну важную, достойную вниманія ученаго свѣта.

„Несмотря на усилія Радищева, Нарѣжнаго и нѣкоторыхъ другихъ,—на усилія, которымъ быть можетъ со временемъ узнаютъ цѣну,—въ нашей поэзіи даже до начала 19 столѣтія господствовало ученіе совершенно основанное на правилахъ французской литературы. Стихи безъ рѣимъ не почитались стихами; одни только Лагарпомъ одобренные образцы имѣли у насъ достоинство; не хотѣли вѣрить, чтобы у нѣмцевъ и англичанъ могли быть хорошія поэмы. Тиранство мнѣнія простиралось такъ далеко, что не смѣли принимать никакой другой мѣры; кромѣ ямбической.

„Въ 1802 году г. Востоковъ изданіемъ своихъ „Опытовъ лирической поэзіи“ изумилъ, можно даже сказать—привелъ въ смущеніе, публику; въ сей книгѣ увидѣли многія оды Гораціевы переведенныя мѣрою подлинныхъ стиховъ латинскихъ. Онъ показалъ образцы стиховъ сафическаго, элегическаго, и говорилъ съ восторгомъ о произведеніяхъ германской словесности, дотолѣ неизвѣстныхъ или неважаемыхъ.

„Но скоро,—съ чѣмъ нельзя не согласиться,—явились два человека, которые стараются исполнить на дѣлѣ то, что было начато Востоковымъ. Гнѣдичъ вводитъ у насъ героическіе стихи древнихъ; сія повизна сдѣлаетъ „Иліаду“ его достопамятною эпохою нашей словесности и будетъ торжествомъ хорошаго вкуса надъ предубѣжденіями. Съ другой стороны, Жуковскій не только перемѣняетъ внѣшнюю форму нашей поэзіи, но даже даетъ ей совершенно другія свойства. Принявши образцами своими великихъ геніевъ, въ недавнія времена прославившихъ Германію, онъ далъ (выразимся словами одного изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ) *германическій духъ русскому языку, ближайшій къ нашему національному духу, какъ тотъ, свободному и независимому*“.

Въ наше время подобное заявленіе не заключаетъ въ себѣ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго; но въ этомъ заявленіи подразумевалась первая попытка отнестись критически къ авторитетамъ стараго времени, которыхъ относительное достоинство измѣрялось только сравненіемъ съ выдающимися представителями европейской литературы, съ которыми они не имѣли ничего общаго. Насколько подобная попытка представлялась новою, оригинальною и страшною для своей эпохи, видно изъ возраженія, которое помѣстилъ какой-то В. С. изъ Петербурга въ томъ же „Вѣстникѣ Европы“ подъ заглавіемъ: „Взглядъ на нынѣшнее состояніе русской словес-

ности“ (1817, №№ 23—24, 193—204). Авторъ находитъ, что разбираемое сочиненіе можетъ быть „назначено единственно для свѣдѣнія иностранцевъ, охотно вѣрящихъ даже и тому, qu'il y a en Russie une espèce de chiens, qu'on appelle sobbakas“ (стр. 194). Противъ заявленнаго мнѣнія, что наши Виргиліи, Цицероны и проч. могутъ заслуживать уваженіе только въ дурныхъ школьныхъ книгахъ, критикъ говоритъ: „Стбитъ ли возражать противъ сего забавнаго ораторства. Періодъ сей столько же несправедливъ, сколько фальшиво все зеркало, показывающее иностранцамъ состояніе нашей словесности. Неужели имена Ломоносова, Хераскова, Петрова, Богдановича, Николева, Фонъ-Визина, Болтина, Емина и наконецъ Державина обречены на вѣчный покой въ дурныхъ школьныхъ книгахъ? Лира Дмитріева издавала пріятнѣйшіе звуки также прежде 19 столѣтія. Но сколько можно еще насчитать второвласныхъ писателей, кои въ нѣкоторомъ отношеніи поспорятъ съ тѣми образцами, до появленія которыхъ предубѣжденіе торжествовало будто бы надъ хорошимъ вкусомъ, а русскій языкъ чуждъ былъ германическаго духа“ (195—196). Въ концѣ авторъ съ ужасомъ восклицаетъ: „избавь насъ отъ сего германическаго духа, ближайшаго къ нашему національному“ (курсивъ въ подлинникѣ, стр. 202).

Кюхельбекеръ также помѣстилъ въ тогдашнихъ журналахъ нѣсколько мелкихъ и весьма снисходительныхъ рецензій, гдѣ, между прочимъ, одобрилъ плохую поэму князя Шихматова „Петръ Великій“, чего ему никогда не могъ простить Пушкинъ. Другую крупную статью Кюхельбекеръ помѣстилъ въ 1824 году во второй части „Мнемозины“, подъ заглавіемъ: „О направленіи нашей поэзіи, преимущественно лирической, за послѣднее десятилѣтіе“ (29—44). Статья эта была написана уже послѣ того, какъ Кюхельбекеръ въ Москвѣ сошелся съ лицами, составлявшими занимающіе насъ кружки; сущность ея заключается въ слѣдующемъ: „Жуковскій первый у насъ сталъ подражать новѣйшимъ нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру. Современю ему, Батюшковъ взялъ себѣ въ образецъ двухъ пигмеевъ французской словесности—Парни и Мильвуа. Жуковскій и Батюшковъ на время стали корифеями нашихъ стихотворцевъ и особенно той школы, которую нынѣ выдаютъ намъ за романтическую.

„Но что такое поэзія романтическая?

„Она родилась въ Провансѣ и воспитала Данта, который далъ ей жизнь, силу и смѣлость, отважно свергъ съ себя иго рабскаго подражанія римлянамъ и рѣшился бороться съ ними. Впослѣдствіи въ Европѣ всякую поэзію свободную, *народную*, стали называть романтической. Существуетъ ли въ семъ смыслѣ романтическая поэзія между нѣмцами? Исключая только Гёте, и то только въ нѣкоторыхъ, немногихъ его твореніяхъ, нѣмцы всегда и во всякомъ случаѣ были учениками французовъ, римлянъ, грековъ, англичанъ, наконецъ итальянцевъ и испанцевъ. Что же отголосокъ ихъ произведеній? Что же *наша* романтика?!“ („Мнемоз.“ ч. II, 34 и 35) Современную нашу литературу Кюхельбеберъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Переводчиковъ... никто, кромѣ нашихъ дюжинныхъ, не переводитъ. Подражатель не знаетъ вдохновенія: онъ говоритъ не изъ глубины собственной души, а принуждаетъ себя пересказать чужія понятія и ощущенія. Сила?—Гдѣ найдемъ ее въ большей части своихъ мутныхъ, ничего не опредѣляющихъ, изнѣженныхъ, безцвѣтныхъ произведеній? У насъ все *мечта* и *призракъ*, все *мнится*, и *кажется*, и *чудится*, все только *будто бы*, *какъ бы*, *нѣчто*, *что-то*. Богатство и разнообразіе?—Прочитавъ любую элегію Жуковскаго, Пушкина или Баратынскаго, — знаешь всѣ. Чувствъ у насъ давно уже нѣтъ: чувство унынія поглотило всѣ прочія. Всѣ мы въ-запуски толкуемъ о своей погибшей молодости, до безконечности жуемъ и пережевываемъ эту тоску и наперерывъ щеголяемъ своимъ малодушіемъ въ періодическихъ изданіяхъ. Если бы сія грусть не была просто риторическою фигурою, иной, судя по нашимъ Чайльдъ-Гарольдамъ, едва выпедшимъ изъ пеленъ, могъ бы подумать, что у насъ на Руси поэты уже рождаются стариками. Картины вездѣ однѣ и тѣ же: *луна*, которая, разумѣется, *уныла* и *блѣдна*, скалы и дубравы, гдѣ ихъ никогда не бывало, лѣсъ, за которымъ сто разъ представляютъ заходящее солнце, вечерняя заря, изрѣдка длинныя тѣни и привидѣнія, что-то невидимое, что-то невѣдомое, пошлыя иносказанія, блѣдныя, безвкусныя олицетворенія *труда*, *нѣги*, *покоя*, *веселья*, *печали*, *лѣни* писателя и *скуки* читателя; въ особенности же *туманъ*: туманъ падъ водами, туманъ надъ боромъ, туманъ надъ полями, туманъ въ головѣ сочинителя“ (36—38). Можно ли злѣе, но въ то же время глубже и вѣрнѣе охарактеризовать нашу почти исключительно стихотворную литературу двадцатыхъ годовъ? Въмѣсто подражанія современной

нѣмецкой и французской поэзіи, Кюхельбекеръ указываетъ, въ видѣ образцовъ, великихъ поэтовъ Греціи, Востока и въ особенности Англїи, которые „изученіемъ природы, силою, избыткомъ и разнообразіемъ чувствъ, картинъ, языка и мыслей,—народностью своихъ твореній неизгладимо вырѣзали имена свои на скрижаляхъ безсмертія“ (36). „Между тѣмъ у насъ ставятъ на одну доску: словесности греческую и латинскую, англійскую и нѣмецкую, великаго Гёте и недозрѣвшаго Шиллера, исполина между исполинами Гомера и ученика его Виргилія, роскошнаго, громкаго Пиндара и прозаическаго Горація, достойнаго послѣднихъ древнихъ трагиковъ Расина и Вольтера, который чуждъ былъ истинной поэзіи, огромнаго Шекспира и однообразнаго Байрона“ (стр. 41). Но всего рельефнѣе значеніе статьи выражаетъ требованіе Кюхельбекера отъ русской литературы: „*Въра праотцевъ, нравы, отечественныя лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя—лучшій, чистѣйшій, вѣрнѣйшій источникъ для нашей словесности.* Станемъ надѣяться, что наконецъ наши писатели,—изъ коихъ особенно нѣкоторые молодые одарены прямымъ талантомъ,—сбросятъ съ себя поносныя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими. Здѣсь особенно имѣю въ виду А. Пушкина, котораго три поэмы, особенно первая („Русланъ и Людмила“), подають великія надежды“ (42 и 43). Для нашего времени и эти строки не заключаютъ въ себѣ ничего новаго и оригинальнаго; но необходимо припомнить то, что писалось по части критики до Кюхельбекера,—припомнить, насколько лучшіе наши литераторы того времени, не исключая Пушкина въ первую его эпоху, преклонялись предъ корифеями западной литературы и совершенно отвергивались отъ своей народной дѣйствительности, презирали именно пѣсни и сказанія народныя, о которыхъ они даже не имѣли понятія. Вотъ почему требованія, высказанныя Кюхельбекеромъ, являются первымъ толчкомъ къ позднѣйшему народному направленію въ литературѣ. Стремленіе это, конечно, зародилось въ самомъ обществѣ, но впервые въ области критики его формулировалъ и поставилъ настоящимъ образомъ Кюхельбекеръ, а исполнилъ задачу на дѣлѣ Пушкинъ. Товарищескія, дружескія отношенія Пушкина съ Кюхельбекеромъ не представляются поэтому случайностью, не оставившею слѣдовъ въ литературѣ: вліяніе въ этомъ смыслѣ Кюхельбекера на Пушкина едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Въ біографическомъ очеркѣ Кюхельбекера („Русская Стар.“

1875), основанномъ на воспоминаніяхъ его дочери, есть, между прочимъ, замѣтка, это подтверждающая, а именно, что „Пушкинъ высоко цѣнилъ въ Кюхельбекерѣ талантъ критика и съ особымъ удовольствіемъ посылалъ ему во время ссылки, черезъ родныхъ, свои сочиненія“.

Кромѣ этого вліянія на Пушкина, въ всякаго сомнѣнія, что столкновеніе Кюхельбекера съ заглавающимъ пасъ кружкомъ не прошло безслѣдно. Точно также какъ статьи самого Одоевскаго въ „Мнемозинѣ“ служатъ выраженіемъ философскихъ стремленій кружка, точно также критическая статья Кюхельбекера даетъ понятіе о господствовавшемъ тамъ литературномъ воззрѣніи. Воззрѣніе это характеризуется стремленіемъ къ реализму и къ народности въ литературѣ. Стремленіе къ реализму видно изъ того предпочтенія, которое Кюхельбекеръ отдаетъ Шекспиру — этому первому и величайшему реалисту въ европейской литературѣ — предъ Байрономъ, который тогда овладѣлъ умами всей читающей публики. Есть указанія, что кружокъ раздѣлялъ это предпочтеніе. На Шекспира указалъ Рожалипъ Веневитинову и мы увидимъ ниже, какъ высоко ставилъ его послѣдній; П. В. Кирѣевскій переводилъ Шекспира и Кальдерона. Указаніе на народныя пѣсни и былины, какъ на источникъ для народной поэзіи, также не осталось безъ поддержки. Пушкинъ въ первой своей поэмѣ „Русланъ“ черпалъ изъ этого источника; П. В. Кирѣевскій принялся за ихъ собраніе. Бестужевъ въ обзорѣни слѣдующаго года („Полярн. Звѣзда“ за 1825 годъ) тоже заговорилъ о народности: „Насъ одолѣла страсть къ подражанію. Было время, что мы невпопадъ вздыхали по-стерновски, потомъ любезничали по-французски, теперь залетѣли въ тридевятую даль по-нѣмецки. Когда же попадемъ мы въ свою колею? Когда будемъ писать прямо по-русски? Богъ вѣсть! До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, наша муза остается невѣстою-невидимкою“. Помимо людей, находившихся въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ Кюхельбекеру, слова его находили отголосокъ и у другихъ. Въ первой книжкѣ „Атenea“, издававшася Павловымъ, помѣщена статья довольно запутанная и написанная напыщеннымъ языкомъ, но въ общемъ проповѣдующая также необходимость народно-реальнаго направленія въ литературѣ, подъ заглавіемъ „О направленіи поэзіи въ наше время“ (1828 года, № 1, январь). „Напрасно нѣкоторые силились возстановить достоинство идеаловъ въ поэзіи: *тыкъ ихъ,*

кажется, *минулъ безвозвратно. Мы требуемъ теперь чело­вѣка дѣ­ствительнаго, съ его слабостями, страстями, заблужденіями, стран­ностями.* Новыя потребности указали и на новые источники. Мы начали отыскивать забытыя, выпутыя преданія, памятники на­роднаго невѣжества и легковѣрія, нестройной гражданственности, или вымышленные причудливымъ, младенчествовавшимъ воображе­ніемъ. Разчетомъ вѣка охлажденные, не позволяя себѣ необду­манныхъ порывовъ души, мы за то съ ббльшимъ жаромъ стали собирать, *какъ нѣкое сокровище, неясныя, но живыя, свободныя чув­ствованія простой старины, звучащія еще въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ*“. Между тѣмъ Бѣлипскій, уже въ 1841 г., подѣ влия­ніемъ нѣмецкихъ эстетическихъ теорій, переданныхъ ему Надеж­динымъ, такъ понималъ народность: „Не должно забывать ни на одну минуту, что герой искусства и литературы есть *чело­вѣкъ*, а не баринъ, а тѣмъ болѣе *не мужикъ*. И самъ геній въ изображе­ніи жизни чернаго народа всегда найдетъ меньше элементовъ поэ­зіи, чѣмъ въ образованныхъ классахъ общества: беллетристическій же талантъ не найдетъ въ жизни черни никакой поэзіи“ (Соч. V, 29). „Одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣ­римо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи вмѣстѣ взятыхъ! И если художникъ-поэтъ настраиваетъ свою разнообразную, гар­моническую лиру на монотонный ладъ народной мелодіи, онъ дѣ­лаетъ этимъ честь народной поэзіи и обнаруживаетъ могущество Протея, способнаго являться во всѣхъ формахъ“ (37).

К. Ф. Рылѣевъ оставилъ послѣ себя одну только, но также очень замѣчательную, статью: „Нѣсколько мыслей о поэзіи“, отрывокъ изъ письма къ NN, помѣщенный въ „Сынѣ Отечества“ за 1825 годъ (№ CIV). Рылѣевъ, въ самый разгаръ борьбы, защищалъ мысль очень простую и вѣрную, но которая въ то время была пе­доступна и для послѣдователей классицизма, и для сторонниковъ романтизма, что „обѣ стороны спорять, какъ обыкновенно случается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, придаютъ слишкомъ много важности формамъ; на самомъ же дѣлѣ нѣтъ ни класси­ческой, ни романтической поэзіи, а есть и будетъ одна истинная, самобытная поэзія, которой правила всегда есть и будутъ одни и тѣ же“ (CIV, 145—146). Такимъ образомъ декабристы въ ко­роткій періодъ своей журнальной дѣятельности заняли выдающееся мѣсто въ исторіи русской критики.

Почти одновременно съ Кюхельбекеромъ, въ томъ же 1824 г., споръ между классицизмомъ и романтизмомъ оживилъ кн. Вяземскій. Въ исторіи нашей новѣйшей критики, сформировавшейся послѣ Мерзлякова князь Вяземскій занимаетъ очень важное мѣсто и долженъ считаться ея родоначальникомъ. Вяземскій выступилъ на критическое поприще еще въ 1810 году статьями: „Запросы господину Василію Жуковскому отъ современниковъ и потомковъ“, гдѣ онъ сдѣлалъ нѣсколько возраженій относительно выбора въ изданное Жуковскимъ „Собраніе русскихъ стихотвореній“, и „Письмо къ Батюшкову“, гдѣ онъ представилъ разборъ перевода Висковатова трагедіи Кребиллона „Радомасть и Зеновія“. Затѣмъ Вяземскій въ тогдашнихъ журналахъ помѣстилъ: 1815 года—„Письмо съ Липецкихъ водъ“, осмѣивавшее извѣстную комедію Шаховскаго подъ этимъ заглавіемъ; 1816 г.—статью о Державинѣ, по случаю его кончины („С. В. Евр.“); 1817 г.—„О жизни и сочиненіяхъ Озерова“; въ 1823 г.—„Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ив. Ив. Дмитріева“. Оба послѣдніе этюда, по своей серьезности и внутреннему достоинству, представляли небывалое до того времени явленіе въ исторіи нашей критики. Эти критическіе труды Вяземскаго дополнились его извѣстнымъ сочиненіемъ „О Фонъ-Визинѣ“, которое написано было въ 1828—30 году, но появилось въ печати только въ 1848 году, хотя отрывки изъ него появлялись въ разныхъ журналахъ и альманахахъ—„Литературной Газетѣ“ бар. Дельвига, „Современникѣ“, издававшемся Пушкинымъ и потомъ Плетневымъ, въ „Утренней Зарѣ“ и проч. Вяземскій оказывалъ огромное вліяніе на Полевого въ началѣ изданія „Телеграфа“. К. А. Полевой въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что Н. А. Полевой, особенно въ первое время, еще не вполне увѣренный въ своей литературной опытности, отдавалъ свои критическія статьи на пересмотръ кн. Вяземскому. Нѣкоторыя отъ начала до конца были написаны княземъ; нѣкоторыя онъ передѣлывалъ почти совершенно (Зап. 115 и 116). Въ 1823 г. Вяземскій напечаталъ въ „Сынѣ Отечества“ разборъ „Кавказскаго плѣнника“. Это была первая серьезная критическая статья о Пушкинѣ, о которомъ всѣ другіе помѣщали только библиографическія замѣтки—просто, или сопровождаая ихъ болѣе или менѣе неумѣренными, но ничѣмъ не мотивированными похвалами. Вяземскій, не ограничиваясь внѣшнею формою и относительными красотою поэмы, занимается разсмотрѣніемъ ха-

ракторовъ самого плѣнника и черкешенки. При этомъ Вяземскій, въ отвѣтъ на обѣщаніе Пушкина изобразить „Мстислава древній поединокъ“, замѣчаетъ: „Слишкомъ долго поэзія русская чуждалась природныхъ своихъ источниковъ и почерпала въ постороннихъ родникахъ жизнь заемную, въ коей отзывалось одно искусство, но не отзывалось чувству бѣненіе чего-то роднаго и близкаго“ (82, 125). Статья, которая надѣлала въ свое время много шума, была „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевского Острова“, предпосланный Вяземскимъ изданію „Бахчисарайскаго фонтана“ (Москва, 1824). Разговоръ этотъ подалъ поводъ къ извѣстной въ свое время полемикѣ между М. Дмитріевымъ, ополчившимся за классицизмъ въ „Вѣстникѣ Европы“, и тѣмъ же Вяземскимъ, отвѣчавшимъ ему въ „Дамскомъ Журналѣ“. Это была первая полемика между классицизмомъ и романтизмомъ, какъ между двумя безличными сторонами, первая борьба по принципу; притомъ борцы съ обѣихъ сторонъ, — какъ скоро подняты были забрала, — оказались крупными. М. Дмитріевъ былъ самый обильный и извѣстный въ свое время классикъ, послѣдній и самый твердый устой упадавшаго классицизма. Повѣстно, что въ разгаръ полемики вся читающая публика того времени была заинтересована. Сущность указаній кн. Вяземскаго была такова: „Мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ; можетъ быть и не будетъ его, потому что нѣтъ; но во всякомъ случаѣ поэзія новѣйшая, такъ-называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую вы силитесь выставить за классическую. Что есть пароднаго въ „Петриадѣ“ и „Россиадѣ“ кромѣ именъ“ (VI). На возраженіе классика, что новая романтическая школа искажаетъ языкъ Ломоносова, пишетъ наобумъ, щеголяетъ новыми выраженіями, новыми словами, — Вяземскій отвѣчаетъ: „законы языка нашего еще не приведены въ уложеніе, и какъ жаловаться на новизну выраженій? Развѣ прикажете подчинить языкъ и поэтовъ нашихъ китайской неподвижности?“ „Наши поэты современные слѣдуютъ движенію, данному Ломоносовымъ; разница только въ томъ, что онъ слѣдовалъ Гинтеру и нѣкоторымъ другимъ изъ современниковъ, а не Гёте и Шиллеру. Въ настоящее время германскія музы распространили свое владычество и на французскую литературу. Да и позвольте спросить у себя и у старѣйшинъ вашихъ: опредѣлено ли въ точности, что такое ро-

мантической родъ и какія онъ имѣть отношенія и противоположности съ классическимъ? Признаюсь, по крайней мѣрѣ за себя, что еще не случалось мнѣ отыскать ни въ книгахъ, ни въ умѣ своемъ, сколько о томъ ни читалъ, сколько о томъ ни думалъ, полнаго, математическаго, удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи. Многіе вѣруютъ въ классическій родъ, потому что такъ имъ велѣно; многіе не признаютъ романтическаго рода, потому что онъ не имѣетъ еще законодателей, обязавшихъ въ вѣрности безусловной и безпрекословной. Въ опредѣленіи классической поэзіи условились, а для романтической литературы еще не было времени условиться. Начало ея—въ природѣ; она есть, она въ обращеніи, но не поступила еще въ руки анатомиковъ. Дайте срокъ, придетъ часъ, педанство и на ея воздушную надежду положить свое свинцовое клеймо“. Вообще надо сказать, что, при исключительно подражательномъ характерѣ нашей литературы, разница между нашею классическою и романтическою школою была только внѣшняя, хронологическая: внутренняго, самобытнаго и мѣстнаго основанія романтизмъ у насъ не имѣлъ. Погодинъ былъ совершенно правъ, когда въ 1828 году, въ письмѣ въ Петербургъ о литературныхъ новостяхъ, приходитъ къ такому опредѣленію: „классиками называютъ себя тѣ, которые бранятъ, не читая, все новое; а романтиками—которые не знаютъ ничего стараго. Первые повторяютъ свои далекіе зады и думаютъ, что родъ человѣческой остановился вмѣстѣ съ ними, а послѣдніе мечтаютъ, что родъ человѣческой ими только-что начинается“ (II, 214). Поэтому полемика, хотя она и обратила на себя общее вниманіе, не имѣла никакихъ послѣдствій: оба лагеря попрежнему остались раздѣленными и не пришли ни къ какому соглашенію.

Крупнымъ представителемъ новой, народившейся критической школы былъ Н. И. Надеждинъ, оживившій своими статьями послѣдніе три года „Вѣстника Европы“ (1828—1830 г.). Надеждинъ—классикъ, иначе и быть не могло, потому что въ то время другаго теоретическаго образованія въ области литературы, кромѣ классическаго, не было. Въ семинаріяхъ того времени классическое образованіе имѣло серьезное значеніе, такъ какъ оно знакомило съ древними писателями изъ первыхъ рукъ, а не по французскимъ переводамъ, бывшимъ подъ рукою у большинства тогдашнихъ литераторовъ, занимавшихся переложеніями Горация, Пин-

дара и другихъ классическихъ лириковъ. Съ этой точки зрѣнія классической эстетики, созданной Аристотелемъ, преподавалъ Надеждинъ русскую словесность въ Рязанской семинаріи. Но онъ выступилъ на литературное поприще тогда уже, когда романтическое направление окончательно побѣдило классицизмъ во всей Европѣ и дошло до насъ. Надеждинъ былъ человекъ съ большимъ талантомъ, замѣчательно воспримчивый и легко овладѣвавшій предметомъ, къ изученію котораго онъ обращался. Въ душѣ Надеждинъ и оставался классикомъ. Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ и капитальныхъ статей („О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи“, 1830 г., I, 3 и 122), задаваясь вопросомъ, какимъ образомъ возстановить вкусъ, испорченный „злоупотребленіемъ и искаженіемъ романтической поэзіи“, Надеждинъ прямо приходилъ къ такому заключенію: „Установить добрый вкусъ, который долженъ быть стражемъ и учредителемъ генія, можно только возвращеніемъ къ тщательному и благоговѣйному изученію священныхъ памятниковъ классической древности“ (132). Для него самыми главными врагами новѣйшей европейской литературы представлялись: *кошунъ французскій* Вольтеръ и *англійскій ненавистникъ* Байронъ (31). Но Надеждинъ долженъ былъ признать побѣду романтизма какъ совершившійся фактъ, противъ котораго борьба была не мыслима. Этого мало: относясь къ романтизму хладнокровно, какъ къ историческому явленію, на глазахъ его совершившемуся, Надеждинъ предвидѣлъ преходящее его значеніе и совершенно ясно сознавалъ задачу литературы, поставленную теченіемъ современной жизни. Надеждинъ говоритъ: „если кумирная неподвижность классической поэзіи не по духу нашихъ временъ, то столь же мало сообразно съ нимъ и необузданное скаканіе поэзіи романтической. Распуленные *Агамемноны* не болѣе приторны, какъ и обмундированные *Донъ-Кихоты*. И заставлятъ поэтическую фантазію безпрестанно скитаться съ странствующими *рыцарями* по вертепамъ колдуновъ, страшилищъ и привидѣній—не менѣе бессмысленно и смѣшно, какъ принуждать ее вертѣться до упаду вокругъ *Илионскихъ* стѣнъ и отпѣвать безконечно фамилію Атридовъ и Пріамидовъ“ (13). „Человекъ классическій былъ позорный рабъ влеченію животной своей природы, человекъ романтическій былъ своенравный самовластитель движеній своей природы. И тамъ и здѣсь упирался онъ въ крайности: или какъ невольникъ вещественной

необходимости, или какъ игралище призраховъ собственнаго своего воображенія. Нашъ вѣкъ какъ будто соединяетъ или, по крайней мѣрѣ, стремится къ соединенію сихъ двухъ крайностей, чрезъ упроченіе, просвѣтлѣніе и торжественное на алтарѣ истинной мудрости освященіе узъ *общественныхъ*. Человѣкъ, искусившійся въ школъ кровавыхъ опытовъ, научился укрощать свою свободу силою сей же самой свободы и покоряться спасительному игу гражданского устройства, безъ всякой опасности для внутренняго своего достоинства“ (15). Такимъ образомъ Надеждинъ уже въ то время предчувствовалъ то соціально-народное, бытовое направленіе, которое вскорѣ и осуществилось въ лицѣ Гоголя. Въ своихъ критическихъ воззрѣніяхъ Надеждинъ съ самаго начала также держался стараго завѣта. „Законы искусническаго творчества извлекаются изъ критическихъ наблюденій надъ безсмертными твореніями великихъ геніевъ, осіявающихъ, подобно лучезарнымъ свѣтиламъ, вселенную: Гомеровъ и Софокловъ, Виргиліевъ и Гораціевъ, Дантовъ и Тассовъ, Корнелей и Расиновъ, Клопштоковъ и Шиллеровъ. Сіи то законы, будучи собраны и приведены въ систематическій порядокъ, составляютъ *уложеніе* души человѣческой, содержащее въ себѣ *правила*, коими должны быть безпрекословно подчиняемы всѣ наши умственные, нравственные и творческія дѣйствія и по которымъ должны судиться всѣ преступленія противъ здраваго смысла, чистой совѣсти и добраго вкуса“ (113). Очевидно, что это есть только поновленіе технической эстетики, господствовавшей у классиковъ, не обращающейся къ анализу самой сущности существаго челоѣку чувства прекраснаго. Но очень скоро Надеждинъ овладѣло то увлеченіе нѣмецкою умозрительною философіей, которое тогда распространилось въ Москвѣ, гдѣ рано появился разсматриваемый нами кружокъ шеллингистовъ. Свое воззрѣніе на эстетику Надеждинъ совершенно независимо выработалъ на основаніи философіи Канта и Шеллинга; и эти воззрѣнія онъ признавалъ за единственную исходную точку для критики. Взглядъ на „Начала и законы изящнаго, короче—философія изящнаго“, Надеждинъ называлъ *догматикою* журнала. Основаніемъ этой философіи-изящнаго служило слѣдующее положеніе: „Сущность всякой челоѣческой дѣятельности составляетъ идея, какъ общій и вѣчный законъ проявленій челоѣческой природы. Содержаніе этой идеи составляетъ *гармонія* или соотвѣтствіе между всѣми частны-

ми, отдѣльными проявленіями человѣческой жизни, стремящими-ся къ объединенію, — въ силу того, что эта гармонія есть вѣч-ный и высшій законъ всей природы. Эта идея по отношенію къ нравственной сферѣ, которая для того времени совершенно со-впадала съ тѣмъ, что въ настоящее время разумѣется подъ со-ціальнымъ строемъ общества, есть идея *добра* или *блага*. По от-ношенію къ искусству эта идея воплощается въ идеѣ *красоты*, которая въ свою очередь видоизмѣняется въ идею *высокаго* и *пре-краснаго*. Исходя изъ этого основного положенія и пользуясь ука-заніями своихъ учителей, Надеждинъ построилъ совершенно само-стоятельно цѣлую философію или теорію прекраснаго, изложенную имъ въ диссертациі и въ статьяхъ „О вѣчномъ и прекрасномъ“, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1829 годъ. Воззрѣніе Надеждина, дополненное дальнѣйшею разработкой нѣмецкой умо-зрительной эстетики со стороны Гегеля и Шлегеля, усвоено было, въ видѣ руководящей системы, Бѣлинскимъ, но не принесло ему никакой пользы, кромѣ превратнаго отношенія къ народу и его творчеству, какъ указано выше.

Естественнымъ послѣдствіемъ вышеуказаннаго основного начала были требованія отъ художника природы не реальной, а идеали-зированной. Взглядъ свой, какъ эта идеализированная природа долж-на проявляться въ литературѣ, Надеждинъ формулировалъ совер-шенно опредѣленно: „Напрасно вопіютъ поборники лжероманти-ческаго раскола: и мы живописцы природы, и хотимъ живописать всю ее. Ничто естественное не зазорно!.. Сей поэтической цинизмъ тогда только могъ быть допущенъ, когда бы поэзія была не болѣе какъ раболѣпная подражательница и списчица природы. Но сія первородная дочь безсмертнаго духа, по сознанію самихъ расколь-никовъ, есть священнослужительница Вѣчнаго Существа. Всѣ про-изведенія ея должны быть ознаменованы таинственною печатью Божества, предъ алтаремъ коего она священнодѣйствуетъ. Что же есть изящество, какъ не всесовершеннѣйшая гармонія? И нынѣ гармонія можетъ быть подслушиваема въ буйныхъ вихряхъ неисто-выхъ страстей, задушающихъ обуреваемую ими душу“ (20—21). „Безъ сомнѣнія, великая картина природы составлена изъ смѣше-нія свѣта съ тѣнями; часто также заблужденія и страсти людскія покрываютъ ее мрачными пятнами. Но развѣ сія тѣни и пятна должны служить первообразами для соревнующаго ей генія? Изоб-

ражайте природу, но—не испачканную собственнымъ нашимъ *тщаніемъ* и *трусами*, а въ ея первообразной красотѣ и лучезарности“ (91—92). „Мало ли въ натурѣ есть вещей, которыя совсѣмъ не идутъ для показу. Что же касается до повѣстничества и безпутства, то имъ нѣсть числа. Выставлять ихъ напоказъ—значить оскорблять человѣческую природу, которая никогда не можетъ выносить равнодушно собственнаго уничтоженія“ (1889 года, I, 227). „Романъ есть не что иное, какъ опоэтизированная исторія, а не пошлая обыкновенность“ (III, 202). Я сказалъ уже, что Надеждинъ относился къ современной литературѣ какъ къ *исторической побѣдѣ*, но въ сущности душа его болѣла о безвозвратной гибели классической. Поэтому отношеніе его къ современной русской литературѣ, подъ влияніемъ усвоенной чужой теоріи, было только *отрицательное*. Надеждинъ былъ совершенно правъ, когда онъ казнилъ блѣдныя подражанія тогдашнихъ романтиковъ и осуждалъ ихъ напускной байронизмъ. Опредѣливши значеніе идеала съ точки зрѣнія Шеллинга, Надеждинъ продолжаетъ: „Теперь спрашиваю тебя: замѣчательно ли подобное возвышенное идеализированіе въ хламъ мелочныхъ ориентированныхъ блестяшекъ, засаривающихъ безпрестанно Парнасъ нашъ? Имѣютъ ли многіе изъ записныхъ писаекъ нашихъ, бредящихъ безпрестанно идеалами, хотя малѣйшее предположеніе объ нихъ въ то время, когда раздражаются, безъ всякихъ болѣзней и трудовъ, недоношенными своими произведеніями. Лзя ли ожидать чего-нибудь дѣльнаго, связаннаго и дѣльнаго отъ произведеній, являющихся рапсодическими влочкиами, спитыми кое-какъ, на живую нитву, и свѣтящихся насквозь отъ множества—ни то искусственныхъ, ни то естественныхъ—скважинъ и щелей, нисколько не замыкаемыхъ безчисленными тире и точками... Не безсовѣстно ли требовать отъ творенія единства и сообразности съ идеями, когда самъ творецъ не имѣетъ часто въ основѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что онъ хочетъ писать, а просто пишетъ то, что на умъ взбредеть?... Таковы-то едва ли не всѣ нынѣшніе пѣтическія произведенія, въ коихъ услужливые журналисты усиливаются отерывать таинственное стремленіе въ страну идеаловъ... Всѣ наши доморощенные стиходѣи, стяжавшіе себѣ лубочный дипломъ на имя поэтовъ дюжиною звонкихъ и богато-обриентованныхъ строчекъ, помѣщенныхъ въ альманахахъ и расхваленныхъ журналами, загудѣли à la Вугон. Пошли непре-

станныя рѣзанья, стрѣлянья, душегубства — ни за что, ни про что... для одного романтическаго эффекта. Разродилось такое множество поэмъ, конхъ вся тѣнь соплетена изъ низкихъ распутствъ или ужасныхъ преступленій. Всѣ ихъ герои суть или ожесточенные изверги, или заматорѣвшіе въ бездѣльничествѣ повѣсы. Главнѣйшими изъ пружинъ, приводящими въ движеніе весь пѣитическій машинизмъ ихъ, обыкновенно бывають: пуншъ, бордо, ай, дамскія ножки, будуарное удалство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену дѣйствія составляютъ: муромскія лѣса, подвижные бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овиновъ и бань, спаленные закоулки и Термопилы“ (87 и 88). Но Надеждинъ не по- нялъ даже Пушкина. Надеждинъ признаетъ за Пушкинымъ та- лантъ, но въ какомъ смыслѣ? Помимо совершенства внѣшней фор- мы, Надеждинъ находитъ, что „никто не можетъ оспаривать пальму поэтическаго живописца у пѣвца „Нулина“. Его произведенія испол- нены картинами, схвачены съ натуры рукою мастерскою, одушевлен- ною — иногда даже *слишкомъ* — вѣрною“ (221). Но въ другомъ мѣстѣ онъ и это оспариваетъ. Пушкину, по его мнѣнію, „не дано видѣть и изобразить природу поэтически — съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія: онъ можетъ только мастерски выво- рачивать ее на изнанку. Слѣдовательно, онъ не можетъ нигдѣ блистать, какъ только въ *арабескахъ*. „Русланъ и Людмила“ пред- ставляетъ прекрасную галерею физическихъ арабесковъ; „Евге- ній Онѣгинъ“ есть арабескъ міра нравственнаго“. Вообще же поэзія Пушкина для Надеждина не болѣе, какъ „рѣзвая ша- лунья, для которой весь міръ ни въ кофѣйку. Ея стихія — пере- смѣхать все, худое и хорошее, не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты позубоскалить. Это и сообщаетъ особую фізіо- номію поэтическому направленію Пушкина, отличающую оное рѣ- шительно отъ Байроновой мизантропіи и отъ Жанъ-Полева юмо- ризма. Нечего Бога гнѣвить, — что правда, то правда, — мастеръ по- смѣяться и посмѣшить... когда только, разумѣется, знаетъ честь и мѣру!... И ежели можно быть великимъ въ малыхъ дѣлахъ, то Пушкина можно по всѣмъ правамъ назвать гениемъ, но *каррика- туры*“ (1829, III, 30—31). Для Надеждина самое лучшее произве- деніе есть „Графъ Нулинъ“; но и „оно въ сущности есть нуль, во всей математической полнотѣ значенія сего слова“ (1829, I, 218). Поэтому Надеждинъ не нашелъ для Пушкина никакого болѣе

подходящаго совѣта, какъ „разбайронитесь добровольно и добросовѣстно! ...сжечь Годунова и докончить Онѣгина!“ (1830, II, 200).

Понятія Надеждина о народности крайне смутны. Прежде всего, съ точки зрѣнія его теоріи, народность не представлялась существеннымъ признакомъ литературнаго произведенія и потому онъ давалъ здѣсь отвѣтъ только тогда, когда представлялся вопросъ въ частномъ случаѣ, и то не въ смыслѣ ученаго теоретика, а просто здравомыслящаго человѣка. Разбирая романъ Булгарина, Надеждинъ совершенно правильно смотритъ на народность; онъ говоритъ, что народность есть познаніе народнаго духа и вѣрность ему въ изображеніи, и что съ этой точки зрѣнія герои Булгаринскаго романа могутъ быть названы кѣмъ угодно—французами, испанцами, киргизами и т. п. Въ этой же статьѣ онъ указываетъ на повѣсти Нарѣжнаго и Погодина, какъ на наиболѣе народныя, въ смыслѣ вѣрности изображенія, — что и совершенно справедливо... для того времени. Въ другой статьѣ, указывая на басни Крылова, Хемницера, Дмитріева и Измайлова, онъ говоритъ, что „басня ознаменована у насъ печатью высшей народности, всматривается въ бытъ русскій, подслушиваетъ рѣчь русскую,—однимъ словомъ, есть вѣстовщица духа и характера русскаго“. Но тотчасъ же прибавляетъ, что „патріотическій энтузіазмъ—родовое, непреложное наслѣдіе русской поэзіи“. Поэтому „народными“ поэтами у него являются Ломоносовъ и всѣ послѣдующіе слагатели патріотическихъ одъ, а лучшее произведеніе Жуковскаго — единственно дающее ему право на безсмертіе — „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“. Надеждинъ, въ пониманіи Пушкина, близко сошелся съ крупнымъ въ то время представителемъ классицизма, М. Дмитріевымъ, ратовавшимъ въ „Атенеѣ“ подъ буквою В. Разбирая IV и V главы „Онѣгина“, Дмитріевъ помѣстилъ тамъ (1828, ч. I, № 4) весьма суровый разборъ, гдѣ замѣчаетъ между прочимъ, что „въ произведеніи Пушкина нѣтъ характеровъ, нѣтъ и дѣйствій. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляетъ нѣсколько оное. Отъ этого такая говорливость у Пушкина; такъ много замѣтныхъ повтореній, возвращеній къ одному предмету и встати, и не встати; столько отступленій, особенно тамъ, *идь есть случаи поспѣяться надъ чѣмъ-нибудь, высказать свои сарказмы и потолковать о себѣ*“.

Но самымъ яркимъ и талантливымъ представителемъ самобытной

русской критики, содѣйствовавшей переходу литературы изъ подражательной въ народную, былъ Полевой. Съ появленіемъ Пушкина весь современный ему литературный періодъ давно уже получилъ названіе Пушкинскаго; а потому и современная критика, по самой силѣ вещей, приняла тотъ же характеръ и можетъ получить названіе *Пушкинской*. Всегда, когда въ литературѣ впервые нараждается крупный талантъ, начинающій собою новое ея направленіе, въ области критики рядомъ съ нимъ появляется его *машатая*. Въ немъ общественное сочувствіе переходитъ въ страстное убѣжденіе, во имя котораго онъ указываетъ мѣсто и расчищаетъ путь для народнаго избранника, прославляетъ его дѣятельность и безжалостно уничтожаетъ все старое, забывая, что оно въ свое время служило исторически-необходимою средой развитія. Такого рода дѣятельность предполагаетъ извѣстнаго рода талантъ, заключающійся въ способности ясно сознавать потребности и симпатіи общества и идти къ нимъ на встрѣчу съ искреннимъ и страстнымъ убѣжденіемъ. Эту задачу выполнилъ Полевой, и въ этомъ состоитъ тайна его успѣха въ свое время и великая его заслуга въ исторіи движенія русской жизни. Полевой угадалъ зараждавшуюся внутри общества потребность въ самобытной мысли и къ народному творчеству; онъ былъ весь съ ногъ до головы человѣкъ новаго направленія, враждебнаго старому, и тревожно, настойчиво,—хотя безпорядочно и неумѣло,—стремился ко всему, что было новаго въ болѣе просвѣщенной западной литературѣ, которая еще не потеряла для того времени значенія неизбѣжнаго руководителя. Характеръ дѣятельности Полевого совершенно вѣрно указалъ Бѣлинскій. „Главнѣйшая услуга Полевого,—говоритъ онъ,—и услуга великая, состояла въ уничтоженіи ложныхъ авторитетовъ. Онъ явился на журнальное поприще въ то время, когда „мадригалъ Лилетъ“ давалъ право на поэтическое безсмертіе; когда литературное почитаніе было во всей силѣ; когда столько дивныхъ предразсудковъ царствовало въ понятіяхъ о поэзіи. И вотъ онъ сталъ дѣйствовать съ энергіей, пыломъ и смѣлостью, открыто пошелъ противъ всего, что казалось ему устарѣвшимъ, отсталымъ, и уничтожалъ его во имя *новаго*“ (Соч. III, 110). Полевой съ излишнею ревностью выступилъ противъ Карамзина, но это было понятно: Карамзинъ былъ ближайшій, еще не утратившій своего вліянія представитель старой, подражательной литературы; онъ еще все лежалъ тормазомъ, пред-

ставляя твердый и непоколебимый устой, на который опиралось въ своей упорной борьбѣ съ новымъ направлениемъ прежнее; необходимо было сдвинуть Карамзина съ этого именно мѣста, а тамъ безъ труда онъ занялъ свое, по праву ему принадлежащее. Такова была отрицательная дѣятельность Полевого. Но въ ней была и сторона положительная. Я уже сказалъ, что въ Пушкинскій литературный періодъ и критика должна была получить характеръ Пушкинскій, т. е. главная ея задача должна была состоять въ томъ, чтобы опредѣлить значеніе и указать мѣсто Пушкина въ русской литературѣ. Полевой первый инстинктивно подмѣтилъ *народное значеніе* Пушкина, хотя не сумѣлъ опредѣлить его точно и вѣрно. Въ разборѣ „Евгенія Онѣгина“, помѣщенномъ въ „Телеграфѣ“ за 1825 г. (II, № 5), Полевой въ первый разъ, восторженно отзываясь о Пушкинѣ, которому онъ приписывалъ „не талантъ, а что-то выше“,—призналъ за Пушкинымъ *народность*. „Онѣгинъ не скопированъ съ французскаго или англійскаго: мы видимъ свое, слышимъ свои родныя поговорки, смотримъ на свои причуды, которыхъ всѣ мы не чужды были никогда“ (Зелинскій: „Крит. лит.“, ч. II, 15). Въ то время мысль о признаніи Пушкина народнымъ была настолько непонятна и неприлична, и кромѣ того она была высказана Полевымъ такъ некстати по поводу первой главы „Онѣгина“, что противъ Полевого возсталъ первый Веневитиновъ („Сынъ Отеч.“ 1825 года, ч. С, № 8, за подписью: въ—). Веневитиновъ, не отрицая въ Пушкинѣ таланта, видитъ въ Онѣгинѣ подражаніе Байрону, но отрицаетъ совершенно народность этого героя. „Народнаго,—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и рестораций. И во Франціи, и въ Англійи пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театръ и на балы. Въ „Русланѣ“ Пушкинъ доказалъ намъ, что можетъ быть поэтомъ національнымъ“ (Зел. II, 21 и 22). Полевой, инстинктивно сознавая потребность народности и угадывая присутствіе ея у Пушкина, не умѣлъ опредѣлить ея сущность. Изъ его возраженія Веневитинову видно, что Полевой понималъ народность съ чисто-внѣшней стороны. „Общество,—говоритъ онъ,—куда поставилъ своего героя Пушкинъ, мало представляетъ отпечатковъ русскаго народнаго быта, но всѣ сія отпечатки подмѣчены и выражены съ удивительнымъ искусствомъ. Ссылаюсь на описаніе Петербургскаго театра, воспитаніе Онѣгина, поѣздку въ Талону, похороны дяди, не исчисляя мно-

жества другихъ чертъ народности“ (Зелин., II, 29). Оттого Полевой за самое *народное* произведение Пушкина признаетъ „Полтаву“.

Объяснивъ, въ какомъ положеніи находилась русская критика до появленія Кирѣевского, мы можемъ опредѣлить и его значеніе. Кирѣевскій написалъ въ это время пять критическихъ статей: въ 1828 г. въ „Московскомъ Вѣстникѣ“—нѣчто о характерѣ поэзій Пушкина (Соч. I, 5—18), въ „Денникѣ“ за 1830 г.—обозрѣніе русской литературы за 1829 г. (19—46), въ „Европейцѣ“ 1831 и 1832 года—обозрѣніе русской словесности за 1831 г. (86—102), „Русскіе альманахи на 1832 годъ“ (103—105) и „Горе отъ ума на Московскомъ театрѣ“ (106—110). Вслѣдъ за этимъ „Европеецъ“ на третьемъ же номерѣ былъ запрещенъ, 22 февраля 1832 года. Вѣроятно, не многіе замѣтили, что на страницѣ 72—85 „Сочиненій Кирѣевского“ восстановлена та часть статьи его „Девятнадцатый вѣкъ“, которая въ то время подала поводъ къ запрещенію и не явилась въ печати. Прочитавши ее, всякому станетъ ясно, какія въ то время трудности относительно цензуры должны были преодолѣвать писатели и какія—теперь совершенно невинныя и вполне благонамѣренныя—статьи тогда признавались опасными и даже могли подвергнутъ журналъ запрещенію. Мѣра эта глубоко поразила Кирѣевского и онъ почти вовсе оставилъ литературныя занятія. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ онъ написалъ, не выставивши имени, только двѣ статьи: маленькій разборъ стихотвореній Языкова, помѣщенный въ „Телескопѣ“, и небольшую статейку о русскихъ писательницахъ, по просьбѣ А. П. Зонтага, для Одесскаго альманаха, изданнаго съ благотворительною цѣлью; кромѣ того были напечатаны, также безъ подписи, написанныя еще прежде для „Европейца“: повѣсть „Опалъ“, отрывокъ изъ романа „Двѣ жизни“, и незаконченная повѣсть „Островъ“. Въ 1845 году Погодинъ передалъ Кирѣевскому изданіе „Москвитянина“, но безъ официальнаго разрѣшенія послѣднему быть издателемъ журнала. Кирѣевскій издалъ первыя три книжки и тамъ помѣстилъ обширную критическую статью, подъ заглавіемъ „Обозрѣніе современнаго состоянія литературы“ (т. II, 1—59), оставшуюся неоконченною. Въ біографіи Кирѣевского объяснено, что на четвертой же книжкѣ Кирѣевскій отказался отъ изданія „Москвитянина“, отчасти вслѣдствіе невозможности издавать журналъ, не бывши его полнымъ хозяиномъ, отчасти по разстроенному здоровью. Но, кромѣ того, про-

долженіе названной выше статьи, гдѣ Кирѣвскій обѣщалъ изложить сущность славянофильскаго возрѣнія, было остановлено. Въ письмѣ къ Александру Ивановичу, написанномъ въ 1855 году, Кирѣвскій говоритъ: „прошу тебя извѣстить меня о судьбѣ твоего журнала („Бесѣды“). Хочетъ ли Хомяковъ ѣхать въ Петербургъ, и когда именно? Мнѣ это не только интересно знать, но и нужно. Если онъ не поѣдетъ, или поѣдетъ еще не скоро, то я буду писать къ Норову (тогда мин. нар. просв.) о себѣ. *Мнѣ очень наскучило быть нѣмымъ*“. Нѣсколько позже, въ томъ же году, Хомяковъ писалъ Александру Ивановичу: „видно, что Кирѣвскій дѣйствительно писалъ министру“ и министръ съ ужасомъ говорилъ Хомякову, что Кирѣвскій ходатайствуетъ о разрѣшеніи ему писать и въ то же время самъ прибавляетъ, что убѣжденій своихъ онъ измѣнить не можетъ. На это Хомяковъ сказалъ: „это понятно, — честные люди не могутъ перемѣнять своихъ убѣжденій, какъ рубашку“. Литературная дѣятельность Кирѣвскаго возобновилась со времени изданія „Бесѣды“ въ 1856 году, но она приняла чисто-философское направленіе и прекратилась смертью его въ іюнѣ того же года. Изъ этого видно, что критическая дѣятельность И. В. Кирѣвскаго была остановлена въ самомъ началѣ, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ; слѣдовательно, надлежащаго значенія она не могла получить и мы можемъ оцѣнить только его *точку отправленія*.

Мы уже видѣли, что относительно Пушкина до 1828 года въ нашей критической литературѣ не было высказано *никакого общаго взгляда*: болѣе другихъ статей замѣчательны разборы „Кавказскаго плѣнника“ Плетнева въ „Соревнователѣ просвѣщенія“ за 1822 годъ (Зелин. I, 89) и князя Вяземскаго въ „Сынѣ Отечества“ того же года (ibid., 100); и кромѣ того вышеприведенная полемика Полевого съ Веневитиновымъ. Вообще собственно критическія статьи Полевого по русской литературѣ начинаются съ 1830 г., а до тѣхъ поръ Полевой ограничивался болѣе или менѣе краткими извѣстіями о появленіи произведеній Пушкина, носившими болѣе библиографическій характеръ. Поэтому статья Кирѣвскаго въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 года „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“, подписанная 9. 100, есть первая серьезная оцѣнка Пушкина, какъ поэта. Между тѣмъ не только тогда, но и до настоящаго времени статья эта осталась незамѣченною. Ки-

рѣвскій *первый* пришелъ къ заключенію, что поэзія Пушкина дѣлится на три періода: періодъ школы *итальянско-французской*, куда относится „Русланъ“ и нѣсколько мелкихъ стихотвореній; второй періодъ, гдѣ поэзія Пушкина является *отголоскомъ мѣры* Байрона: „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“, „Братья-разбойники“; третій періодъ—*Русско-Пушкинскій*: „Цыгане“, „Евгеній Онегинъ“ и въ особенности „Борисъ Годуновъ“. „Отличительныя черты этого періода—живописность, какая-то безпечность, какая-то особенная задумчивость и, наконецъ, что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу; ибо какъ назвать то чувство, которымъ дышатъ мелодіи русскихъ пѣсень, въ которому чаще всего возвращается русскій народъ и которое можно назвать центромъ его сердечной жизни“ (I, 17). Итакъ, *народность* представлялась Кирѣвскому въ смыслѣ *прирожденнаго чувства*, котораго опредѣленно выразить онъ не умѣлъ; но во всякомъ случаѣ это была *внутренняя* народность, а не вѣшняя, какъ ее понималъ Полевой. Я не буду вдаваться въ разборъ трехъ обзорѣній русской литературы, представленныхъ Кирѣвскимъ, такъ какъ это повело бы слишкомъ далеко и не относится прямо къ поставленной мною задачѣ—опредѣлить точку отправленія Кирѣвскаго для современной критики. Въ обзорѣніяхъ этихъ Кирѣвскій вообще снисходителенъ, и притомъ *по принципу*: по его убѣжденію, дурныя сочиненія и бездарныя писатели воспитываютъ неопытныхъ читателей и такъ же необходимы для будущаго просвѣщенія, какъ необходимо удобреніе земли для будущаго урожая. Но кто потрудится прочесть разборъ „Бориса Годунова“ и „Наложницы“ Баратынскаго (Соч. I, 88—102), тотъ, конечно, не откажетъ Кирѣвскому въ глубокомъ и вѣрномъ художественномъ пониманіи. Что же касается до *точки отправленія*, то она была поставлена въ слѣдующемъ видѣ: „Ни въ какой литературѣ правила вкуса не предшествовали образцамъ. Не чужіе уроки, но собственная жизнь, собственные опыты должны насъ научить мыслить и судить. Покуда мы довольствуемся общими истинами, не примѣненными къ особенностямъ нашего просвѣщенія, не извлеченными изъ коренныхъ потребностей нашего быта, до тѣхъ поръ мы еще не имѣемъ своего мнѣнія, либо имѣемъ ошибочное, не цѣнимъ хорошаго приличнаго, потому что ищемъ невозможнаго совершеннаго, либо слишкомъ цѣнимъ недостаточное, потому что смотримъ на него

изъ дали общей мысли и, вообще, мѣряемъ себя на чужой аршинъ, и твердимъ чужія правила, не понимая ихъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній. Только тогда, когда *новыя поколѣнія, воспитанныя на образцахъ отечественныхъ*, получаютъ самобытность вкуса и твердость мнѣнія независимаго отъ чужеземныхъ влiяній, только тогда можетъ критика утвердиться на законахъ вѣрныхъ, строгихъ, общепринятыхъ, благодѣтельныхъ для послѣдователей и страшныхъ для нарушителей“ (Соч. 1, 89 и 90). Такимъ образомъ, чувствуя нарожденіе народной литературы, Кирѣевскій сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость для нея и народной критики, понимая несвоевременность ея появленія при отсутствіи образцовъ. Въ этомъ сознаніи предстоящаго народнаго развитія въ литературѣ и жизни выразилось то общее направленіе, тотъ духъ, которымъ славянофилы вообще отдѣлились отъ западниковъ. И славянофилы оказались правы! Они предчувствовали народную литературу до ея появленія, а западники должны были ей покориться уже послѣ появленія этой литературы, и притомъ появленія независимо отъ ихъ теоріи, неслышно и неожиданно, внутри самого общества, созрѣвавшего въ своей самобытности. Оттого въ Бѣлинскомъ, значенія котораго я вовсе не желаю умалять, произошелъ переломъ. Пока онъ находился подъ влiяніемъ нѣмецкой эстетики, Бѣлинскій, какъ мы видѣли, не придавалъ никакой цѣны произведеніямъ народнаго творчества; послѣ появленія Гоголя и зачатковъ народной литературы тотъ же Бѣлинскій перешелъ на точку зрѣнія, ранѣе провозглашенную Кирѣевскимъ, и откинулъ *общія положенія*, совершенно излишнія для вѣрной оцѣнки литературныхъ произведеній, гдѣ онъ руководился единственными указаніями своего вѣрнаго и тонкаго художественнаго пониманія. И это не одинъ примѣръ, гдѣ тогдашніе *западники* принуждены были сами измѣнять свой взглядъ по многимъ вопросамъ нашей умственной и социальной жизни, тогда какъ славянофилы сохранили съ самаго начала цѣльность своихъ убѣжденій, оправданныхъ послѣдующими событіями и стремленіями.

Интересно, какъ оцѣнены были критическія статьи Кирѣевскаго современною литературой. Въ написанномъ Кирѣевскимъ обзорѣ литературы за 1829 годъ („Денница“ Максимовича) было, между прочимъ, высказано, что „нѣжная краса лиры греческой не вынесла бы холода мрачнаго сѣвера, еслибы Дельвигъ на ея классическія формы не набросилъ *душегръбку новѣйшаго унынія*“

(Соч. I, 37). Обзорѣніе за 1829 г. возбудило противъ себя сильную полемику и въ особенности журналы подцѣпили это неудачное выраженіе; съ обыкновенною своею рѣзкостью глумился надъ Кирѣвскимъ Булгаринъ въ „Сѣверн. Пчелѣ“, такъ что семья Кирѣвскаго, бывшаго тогда за границей, возмущалась и написала ему. Кирѣвскій отвѣчалъ: „отчего васъ такъ занимають критики на меня? Вы напередъ знали, что Булгаринъ будетъ отвѣчать, и отвѣчать съ желчью. Писать противъ него было бы неприлично и, — простите мнѣ эту гордость, — мнѣ кажется, было бы унижительно защищаться отъ ея нападеній“ (Соч. I, 40). Съ этой несчастною „душегрѣйкой“ не пересталъ носиться и Бѣлинскій, хотя онъ замѣтилъ статью и призналъ въ ней *присутствіе мысли*. Бѣлинскій напалъ на обще-принятый тогда хвалебный тонъ этой статьи, въ особенности на сочувствіе Кирѣвскаго къ поэзіи Шевырева. Замѣчательно, что въ томъ же смыслѣ отозвался о статьѣ Жуковскій. Жуковскій такъ говорилъ Кирѣвскому по этому поводу: „Гдѣ нашелъ ты литературу? Какой къ чорту въ ней жаръ? Что у насъ своего? Ты говоришь объ насъ, какъ можно говорить только о нѣмцахъ, французахъ“ и пр. Душегрѣйка ему не понравилась, о Баратынскомъ также, — однимъ словомъ, онъ почти ничего не похвалилъ“ (Соч., I, 23).

Петръ Васильевичъ Кирѣвскій (108—156) стоитъ какъ будто особнякомъ, хотя его значеніе въ первоначальномъ славянофильскомъ кружкѣ было очень важно. Петръ Васильевичъ смолоду былъ крайне застѣнчивъ и нелюдимъ; поэтому изъ друзей брата съ нимъ сходились только тѣ, кого, судьба приводила пожить нѣсколько лѣтъ подъ одною кровлей. Съ Хомяковымъ и Кошелевымъ онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ ставилъ своего брата чрезвычайно высоко. Въ письмѣ къ родителямъ изъ-за границы, послѣ свиданія съ братомъ въ Мюнхенѣ, Ив. В. Кирѣвскій говоритъ о счастливой переимѣнѣ съ нимъ съ внѣшней стороны и прибавляетъ, что „эта счастливая переимѣна только внѣшняя, и что внутри онъ еще счастливѣе: остался тотъ же глубокій, горячій, *несокрушимо одинокій*, какимъ былъ и будетъ во всю жизнь. При этой силѣ и теплотѣ души, при этой твердости и простотѣ характера, которыя дѣлають его такъ высовимъ въ глазахъ немногихъ, имѣвшихъ возможность и умѣнье его понять, — ему доставало одного: опытности жизни, и это

именно то, что онъ теперь такъ быстро начинатьъ приобрѣтать. Необходимость сообщаться съ людьми сдѣлала его и общительнѣе, и смѣлѣе, уменьшивъ нѣсколько ту недовѣрчивость къ себѣ, которая могла бы сдѣлаться ему неизлѣчимо-вредною, еслибы онъ продолжалъ еще свой прежній образъ жизни. Конечно, внѣшняя сторона его никогда не достигнетъ внутренней даже и потому, что ей слишкомъ далеко было бы гнаться, но все-таки это внѣшнее образованіе будетъ одна изъ главнѣйшихъ польвъ его путешествія. Занимается онъ здѣсь много и хорошо, т. е. сообразно съ своею цѣлью. Особенно въ его сужденіяхъ замѣтно то развитіе ума, которое даетъ основательное занятіе философіей, соединенное съ врожденною вѣрностью взгляда и съ нѣкоторыми сердечными предразсудками, на которые можетъ-быть сводится все достоинство человека, какъ человекъ“. Хомяковъ говорилъ, что не видалъ человека съ большими миссіонерскими способностями. Послѣ смерти Ивана Васильевича, получивъ извѣстіе о болѣзни Петра Васильевича, Хомяковъ писалъ Александру Ивановичу: „Очень боюсь за Петра Васильевича, и ты знаешь, что съ самой смерти И. В. я не ожидалъ, чтобы Петръ вынесъ горе. Грустно будетъ, если онъ умретъ; хотя собственно плодовъ отъ его письменной дѣятельности ждать нельзя, но *онъ имѣетъ на свой округъ зажиточное вліяніе*. Чудная и чистая душа!“ Предчувствіе Хомякова сбылось: Петръ Васильевичъ скончался черезъ три съ половиною мѣсяца послѣ потери брата. П. В. Кирѣевскій мало оставилъ послѣ себя литературныхъ трудовъ. Въ письмѣ къ Александру Ивановичу отъ 22 ноября 1851 года, въ отвѣтъ на приглашеніе участвовать въ „Сборникѣ“, Кирѣевскій писалъ: „Несмотря на все мое желаніе писать какъ можно больше и скорѣе, до сихъ поръ, кажется, какъ будто сама природа привязала къ моему перу камень; и это, повѣрьте, совсѣмъ не отъ смиренія и не отъ излишней совѣстливости, а частью отъ непривычки излагать свою мысль на бумагу, частью же и отъ самаго свойства моихъ занятій, т. е. раскапыванія старины, при которомъ нельзя ни шагу двинуться безъ тысячи справокъ и повѣрокъ и безъ ежеминутной борьбы съ цѣлою фалангой предшественниковъ, изувѣчившихъ и загрязнившихъ ее донельзя. Естественно, что такого рода занятіе не дастъ литературнаго навыка“. Плодомъ этихъ занятій Кирѣевскаго была единственная его оригинальная статья, напечатанная, въ формѣ пись-

ма къ Погодину, въ „Москвитянинѣ“ 1845 года. Въ статьѣ этой Кирѣевскій доказываетъ, что поселившіеся на русскихъ земляхъ славянскія племена и народы издревле имѣли мѣстное самоуправленіе, во главѣ котораго стояли туземные князья, и что призванные князья варяги вовсе не имѣли характера завоевателей. Статья эта не достаточно обставлена доказательствами и во многомъ представляетъ характеръ гипотетическій, но она показываетъ въ авторѣ глубокое пониманіе древняго быта. Кромѣ того Кирѣевскій ссылается на памятники и обычаи другихъ славянскихъ племенъ и этимъ старается объяснить событія того времени въ Россіи. Помимо изученія памятниковъ, Кирѣевскій избралъ другой, болѣе живой путь, чтобы уяснить себѣ особенность нашего народнаго строя. Изъ приведеннаго выше намека Хомякова видно, что Петръ Васильевичъ проще всѣхъ относился къ крестьянскому быту и ближе всѣхъ его узналъ: доказательствомъ служить, что даже въ то время Кирѣевскій оказывалъ на народъ большое нравственное вліяніе. Статья Кирѣевского согрѣта искренней и горячею любовью къ русскому народу: какъ оскорбился покойный, когда Погодинъ, доказывая пассивность подчиненія славянъ пришельцамъ, между прочимъ упомянулъ, что даже христіанская вѣра была *навязана* князьями, безъ всякаго желанія со стороны народа.

Въ эпоху вѣрнопостного права единственнымъ достояніемъ крестьянина, куда спрятались всѣ его нравственно-человѣческія думы и стремленія, и памятью о другой, болѣе счастливой порѣ была его, проникнутая грустнымъ оттѣнкомъ, *пѣсня*. Ее съ любовью заслушивался Петръ Васильевичъ и первый принялся за ея собраніе, чтобы и это народное достояніе не погибло въ обстановкѣ, все болѣе и болѣе притупляющей. Это было самое важное и цѣнное дѣло всей его жизни. П. И. Якушкинъ рассказываетъ, что Кирѣевскій ѣздилъ по Россіи нѣсколько разъ самъ, съ единственною цѣлью записывать пѣсни; всѣ, кто только успѣвалъ записать какую-нибудь пѣсню, доставляли ее непременно Петру Васильевичу. Между сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ вы встрѣчаете Пушкина, Гоголя, Кольцова, Дала, Языковыхъ, Погодина, Шевырева и много, много другихъ. Не было ни одной губерніи, отъ которой бы не было пѣсенъ. „Прибавьте къ этому, — говоритъ Якушкинъ, — добросовѣстность собирателя, глубокую его образованность, необыкновенное эстетическое и народное чутье и болѣе тридцати пяти лѣтъ неуспынныхъ

трудоѡ“. Кирѣевскій возсоздавалъ народныя пѣсни, т.-е. бралъ нѣсколько вариантовъ одной и той же пѣсни и выбиралъ изъ каждаго варианта тотъ стихъ, который казался ему лучше, указывая добросовѣстно на тотъ вариантъ, которымъ онъ пользовался, такъ что повѣрка была вполне доступна. „И никто не нашелъ не только стиха,—прибавляетъ Якушкинъ,—но ни одного даже *слова*, которое бы показалось не народнымъ: такъ глубоко понималъ нашъ первый (и по времени, и по способностямъ) собиратель народной поэзiи. Умеръ Петръ Васильевичъ, а съ нимъ умерла и надежда видѣть когда-нибудь сборникъ русскихъ пѣсень, какого мы могли ожидать при жизни Петра Васильевича“ (Соч. Якушкина, издан. 1884 г., 462). Якушкина на избранный имъ путь направилъ П. В. Кирѣевскій. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Якушкинъ, тогда студентъ Московскаго университета, узнавши, что Кирѣевскій собираетъ народныя пѣсни, записалъ одну и отправилъ къ собирателю съ товарищемъ, нарядившимся лакеемъ. Петръ Васильевичъ за эту пѣсню выдалъ 15 руб. ассигнаціями. Якушкинъ вскорѣ повторилъ опытъ и на третій разъ получилъ приглашеніе познакомиться. Кирѣевскій сразу отгадалъ богато одаренную и честную натуру незабвеннаго моего товарища и пріятеля ⁽²⁾ и пригласилъ его заняться собираніемъ пѣсень по мѣстамъ, давши ему средства на первое его путешествіе въ сѣверныя поволжскія губерніи. Съ той поры до самой своей смерти (въ 1872 году) Якушкинъ, подобно своему учителю, изъ собиранія пѣсень сдѣлалъ задачу цѣлой своей жизни. Павелъ Ивановичъ впослѣдствіи сошелся со всѣмъ кружкомъ славянофиловъ и былъ однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Бесѣды“. Въ Орловской губерніи Якушкинъ поселился около Стаховича. Мы уже видѣли, что Стаховичъ молодымъ человѣкомъ попалъ въ число самыхъ близкихъ людей въ семействѣ Елагиныхъ, былъ въ особенности друженъ съ П. В. Кирѣевскимъ и точно также привлеченъ былъ послѣднимъ къ дѣлу собиранія пѣсень. Между прочимъ, Стаховичъ былъ однимъ изъ немногихъ, имѣвшихъ способность уловлять и класть на музыку народныя мотивы русскихъ пѣсень. П. В. Кирѣевскій и Стаховичъ, о которомъ интересныя подробности переданы въ біографическомъ очеркѣ Якушкина, написанномъ С. В. Максимовымъ (стр. XIII—XVI), были люди имѣвшіе самое сильное вліяніе на Якушкина,—люди, къ которымъ онъ всегда сохранялъ глубокую и сердечную привязан-

ность. „Кружку славянофиловъ,—справедливо замѣчаетъ Максимовъ,—П. И. Якушкинъ обязанъ былъ самыми существенными изъ своихъ вѣрованій и самымъ главнымъ въ своихъ честныхъ и прямыхъ убѣжденіяхъ“. Къ сожалѣнію, послѣ смерти П. В. Кирѣвскаго отъ его изданія устраненъ былъ его непосредственный ученикъ,—человѣкъ, который послѣ Кирѣвскаго ближе и лучше всѣхъ зналъ народный бытъ и складъ русской пѣсни. Общество любителей русской словесности для изданія сборника Кирѣвскаго избрало К. С. Аксакова, Даля и Безсонова, а матеріальныя средства на изданіе пожертвовалъ Александръ Ивановичъ. Вся забота по изданію перешла къ г. Безсонову, съ которымъ по этому поводу въ 1864 году происходила извѣстная полемика П. И. Якушкина, гдѣ правда едва ли осталась на сторонѣ издателя. Личное собираніе пѣсень П. В. Кирѣвскимъ поставило его въ болѣе близкія сношенія съ народомъ, а это сближеніе дало ему возможность понять, что основы самостоятельнаго русскаго мышленія лежатъ въ изученіи своего народнаго быта, и посредствомъ живыхъ сношеній съ крестьянскою средой едва ли не первый успѣлъ онъ угадать зачатки политической свободы въ нашей древней жизни. Сначала къ нему примкнули только Хомяковъ и Валугевъ; съ братомъ своимъ, который долѣе другихъ оставался западникомъ, Петръ Васильевичъ вступалъ въ ежедневные споры. „Состояніе это,—говоритъ г. Бартевевъ,—не могло не быть крайне тяжелымъ для того и другаго; чтобы уцѣлѣла вполнѣ ихъ единомушная дружба, необходимо было, чтобы одинъ изъ нихъ пересоздалъ свой образъ мыслей о Русскомъ народѣ. Но наконецъ Иванъ Васильевичъ уступилъ и взглядъ его постепенно сталъ измѣняться по мѣрѣ того, какъ несокрушимо цѣльное убѣжденіе младшаго брата укрѣплялось и опредѣлялось изученіемъ современной народности и древней вѣчевой Руси“. П. В. Кирѣвскій обладалъ многообразными свѣдѣніями, говорилъ и писалъ на семи языкахъ. Свое литературное поприще онъ началъ въ 1827 году сотрудничествомъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ помѣстилъ въ 1827 г. подробное изложеніе курса греческой новѣйшей литературы, читаннаго въ Женевѣ Яковаки Ризо и изданнаго Юс. Гумбертомъ (IV, 85—103, 284—304); перевелъ „Трудно стеречь домъ о двухъ дверяхъ“, комедію Кальдерона, съ испанскаго (XI, 234—271), отрывки изъ сочиненія „Жизнь и путешествія Колумба“, Вашингтона Ирвинга, переводъ котораго былъ изданъ уже послѣ

смерти Кирѣвскаго (IX, 190—202, 309—320); въ томъ же году онъ издалъ отдѣльно переводъ съ англійскаго повѣсти лорда Байрона „Вампиръ“ (3). Въ юлѣ 1829 года Кирѣвскій поѣхалъ за границу для слушанія лекцій въ германскихъ университетахъ и въ Мюнхенѣ сошелся довольно близко съ Шеллингомъ и Овеномъ. Отсюда же онъ прислалъ въ „Московскій Вѣстникъ“ небольшой очеркъ подъ заглавіемъ „Шеллингъ“ (1831, I, 111—116). Съ лѣта 1831 года Кирѣвскій принялся за собираніе пѣсенъ. Его переводы изъ молодыхъ лѣтъ остались въ рукописи: нѣсколько оконченныхъ трагедій Кальдерона, съ испанскаго, и Шекспира, съ англійскаго; послѣ него осталась бездна выписокъ изъ лѣтописей и кромѣ того онъ имѣлъ намѣреніе издавать въ переводѣ исторію европейскихъ государствъ. Но важнѣе его литературной дѣятельности и его разносторонняго и многодѣльнаго образованія былъ тотъ элементъ искренней любви къ народу и горячей въ него вѣры, который вносилъ Петръ Васильевичъ въ тѣсный кружокъ старыхъ славянофиловъ. Кружокъ этотъ состоялъ всего изъ четырехъ человекъ, но за то какъ онъ былъ полонъ: выдающійся, аналитическій умъ Хомякова; самобытный и оригинальный философскій синтезъ Кирѣвскаго; глубоко убѣжденная, практическая дѣятельность Кошелева какъ нельзя лучше дополнялись всѣмъ запасомъ жизненнаго общенія Петра Васильевича съ народомъ, чтобы сердечною теплотой подкрѣпить истину, добытую сухимъ анализомъ ума.

Другой, и притомъ первый по хронологіи, другъ дѣтства, съ которымъ Александръ Ивановичъ сошелся еще прежде, чѣмъ съ Кирѣвскимъ, былъ Александръ Сергѣевичъ Норовъ. Кошелевъ и Норовъ для того времени были близкіе сосѣди: мать Александра Ивановича жила въ селѣ Ильинскомъ Бронницкаго уѣзда, а Норовы—въ 45 верстахъ, въ имѣніи „Надеждино“.

Норовы выѣхали изъ „Нѣмецъ“ въ Великій Новгородъ: въ половинѣ XV столѣтія тамъ жилъ Василій Норовъ, котораго сынъ (?) Иродіонъ Васильевичъ, Новгородскій бояринъ, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ переведенъ на помѣстье въ Коломенскій уѣздъ (1485) и можетъ-быть принадлежалъ къ Московской партіи, въ то время тѣсною въ Новгородѣ. Изъ членовъ этого рода, не вошедшихъ ни въ одну роспись, въ 1796 г. былъ саратовскимъ губернскимъ предводителемъ Сергій Александровичъ Норовъ (1765—1829), женатый на Татьянѣ Михайловнѣ, урожденной Ко-

Шелевой; но какая именно это Кошелева, мнѣ опредѣлить не удалось. У нихъ были сыновья: Василій, Аврамъ, Дмитрій и Александръ. Старшій изъ братьевъ, В. С. Норовъ, служилъ въ лейбъегерскомъ полку и считался служакою, страстно любившимъ военное дѣло. Однажды великій князь Николай Павловичъ, командовавший гвардейскимъ корпусомъ, при фронтѣ разругалъ его и, топнувши ногой по землѣ, обрызгалъ его грязью. Норовъ подалъ въ отставку и тоже сдѣлалъ всѣ офицеры полка. Это было сочтено за бунтъ. Норовъ и многіе офицеры переведены были тѣмъ же чиномъ въ армейскіе полки. Нѣсколько времени спустя Норовъ получилъ отставку и поселился у матери въ Москвѣ. Здѣсь онъ вступилъ въ общество декабристовъ. Александръ Ивановичъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ, какъ Василій Норовъ былъ арестованъ въ Москвѣ, вечеромъ, когда у него сидѣли гости, въ томъ числѣ и Кошелевъ, отвезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ крѣпость съ другими заговорщиками. Норовъ оказался изъ числа наименѣ виновныхъ и, по окончаніи слѣдствія и суда, выпущенъ былъ на свободу. Дмитрій Сергѣевичъ Норовъ также служилъ въ военной службѣ. Съ Аврамомъ Сергѣевичемъ мы еще встрѣтимся впоследствии. Изъ всѣхъ братьевъ Норовыхъ Александръ Ивановичъ больше сошелся съ Александромъ Сергѣевичемъ, съ которымъ онъ находился постоянно вмѣстѣ.

Съ самаго переѣзда Александра Ивановича въ Москву начинается обширная и непрерывная переписка Кошелева съ А. С. Норовымъ, продолжавшаяся до отѣзда Александра Ивановича за границу. Изъ этой переписки, заключающейся болѣе нежели въ ста письмахъ, можно было почерпнуть свѣдѣнія о занятіяхъ Александра Ивановича въ Москвѣ до перехода его на службу въ Петербургъ.

Дружба въ Александрѣ Ивановичѣ наполняла все существо А. С. Норова, чловѣка болѣзненнаго, крайне мечтательнаго и, какъ видно, не совсѣмъ счастливаго въ семейномъ быту. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (6 мая 1831 года). Норовъ такъ объясняетъ чувства свои къ Александрѣ Ивановичу: „на разсвѣтѣ нашего бытія, когда мы стали любить изо всей силы, когда мы хотимъ заставить какъ бы насильно любить себя, въ то самое время душа моя была безъ пріюта въ семъ мірѣ: она бросилась къ тебѣ и ты пріютилъ ее. Благодарю Бога, что слѣпое чувство послужило мнѣ вмѣсто разсудка, и если оно такъ постоянно, несмотря на время и разлуку, то отъ того только, что зрѣлый и хладный разсудокъ теперь под-

тверждаетъ выборъ моего сердца. Какъ сладостно про себя чувствовать: я сначала полюбилъ его однимъ сердцемъ, теперь люблю его и сердцемъ, и разумомъ,—слѣдовательно, еще лучше и больше прежняго люблю его. Однакожь признаюсь: чувство всегда будетъ во мнѣ братъ верхъ надъ познаніемъ. *Хочу*, если оно согласно съ добромъ, для меня сильнѣе, нежели: *долженъ*“.

Слабое здоровье, вслѣдствіе изуродовавшаго его уха, мѣшало службѣ А. С. Норова въ архивѣ и онъ постоянно числился въ отпуску, проживая у отца въ деревнѣ. Тамъ Александръ Сергѣевичъ занимался литературой и писалъ стихи. Это было тогда общее занятіе, но не серьезное, въ видѣ забавы, чтò такъ мѣтко характеризовалось ходячимъ тогда прозвищемъ „*баловня-поэта*“.

Любопытно въ этомъ случаѣ письмо къ Александру Ивановичу отъ И. В. Кирѣевского: оно показываетъ, какъ тогда смотрѣли на стихотворство. „Хочешь ли быть хорошимъ писателемъ въ прозѣ, пиши стихи. Я увѣренъ, что Титовъ моего мнѣнія. Что Шеллингъ любитъ поэзію и хорошо знаетъ всѣхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ, это извѣстно; но, читая его рѣчь объ искусствѣ, нельзя сомнѣваться, чтобы онъ въ молодости не писалъ стиховъ. За то Кантъ, поручусь, никогда не прибралъ ни одной рѣчю; за то онъ незваннаго приходилъ къ нему въ его прозѣ, за то читатели Канта къ читателямъ Шеллинга какъ 5 къ 5.000. Изъ всего этого слѣдуетъ: Кошелевъ, пиши стихи! Не будешь писать стиховъ, не будешь имѣть читателей, какъ бы твои мысли хороши ни были, слѣдовательно: Кошелевъ, пиши стихи! Я увѣренъ, что не только для усовершенствованія слога, но и для образованія ума и воображенія, для развитія чувства изящнаго (которое, какъ мы съ тобой знаемъ, есть начало, причина, мѣра и цѣль всякаго усовершенствованія), слѣдовательно для счастья жизни, для красоты жизни, для возвышенности жизни—необходимо писать стихи; и потому, Кошелевъ, пиши стихи! Ты вѣрно согласишься, что чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ лучше владѣетъ языкомъ; но развей эту мысль и ты увидишь, что въ ней самой заключается еще другая: чѣмъ лучше владѣетъ человѣкъ языкомъ, тѣмъ онъ образованнѣе. Слѣдовательно, опять возвратимся къ моему призыву: Кошелевъ, пиши стихи!“ (Соч., I, 15 и 16). На такой рѣшительный вызовъ Александръ Ивановичъ отвѣтилъ категорическимъ: „не могу“. Александръ Сергѣевичъ Норовъ смотрѣлъ на дѣло проще: онъ писалъ

стихи отъ бездѣля; и въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Александру Ивановичу утѣшается такою мыслию: „О, еслибы всѣ на свѣтѣ бездѣльники отъ бездѣля только бы и дѣлали что писали стихи: тогда сильный не притѣснялъ бы слабого, а въ судахъ не брали бы взятокъ!“ Въ другомъ письмѣ Норовъ выражается: „моя безсребренная муза ни гроша не давала мнѣ, но я ей одолженъ лучшими часами въ жизни, которые не отдалъ бы ни за миллионы“. А. С. Норовъ не былъ одаренъ поэтическимъ талантомъ; стихи его плохи и теперь совершенно забыты, но написалъ онъ ихъ въ теченіе жизни множество; даже въ письмахъ иногда проза смѣняется если не сильными и звучными, то, очевидно, довольно легко ему дающимися, а иногда и прочувствованными стихами. Друзья его поощряли и старались—хотя большею частью безуспѣшно—напечатать его произведенія; не разъ они же, изъ расположенія къ автору, являлись для него и строгими критиками. Но, въ свою очередь, Норовъ не сдавался, писалъ въ отвѣтъ длинныя письма и упорно отстаивалъ прелесть подобранныхъ имъ римъ. Такъ въ одномъ письмѣ къ Александру Ивановичу Норовъ пишетъ: „Отъ души благодарю за твою строгую критику; ты заранѣе приучаешь меня смирять авторское—, не тронь меня“. Вѣрь, что я умѣю цѣнить выгоду и счастье имѣть друга, который въ глаза говоритъ что думаетъ. Ты меня заставилъ написать маленькое предисловіе къ „Мору“ и усилить въ немъ слабыя мѣста“ (18 марта 1831 г.). Кирѣевскій пишетъ Александру Ивановичу (1 октября 1828 г.): „на другой день послѣ твоего отъѣзда былъ у меня Александръ Норовъ съ своей поэмой. Я уговорилъ его не печатать ее, не сдѣлавши нѣкоторыхъ поправокъ; а поправки я ему задалъ такія, что, падѣюсь, будетъ еще работы по крайней мѣрѣ на годъ. Мнѣ того только и хотѣлось, ибо въ поэмѣ много хорошихъ мѣстъ, но вся она никуда не годится. Чѣмъ больше онъ будетъ поправлять ее, тѣмъ лучше“ (Соч., I, стр. 17). Можетъ-быть это первые наброски поэмы „Моръ“, сочиненной А. С. Норовымъ на появленіе холеры. Поэма эта сохранилась въ бѣловомъ оригиналѣ въ бумагахъ Александра Ивановича, помѣченная: „1830 г. октябрь. Село Ключи“, съ эпитафией Апост. Павла: „Грядетъ гнѣвъ Божій на сына противленія!“ и съ посвященіемъ „Петру Яковлевичу Чаадаеву, въ знакъ благодарности“. А. С. Норовъ помѣщалъ съ 1819 по 1821 г. свои стихотворенія въ „Благонамѣренномъ“ и „Вѣстникѣ Европы“ и кромѣ

того въ московскихъ альманахахъ—„Сѣверной Лирѣ“ и „Ураніи“ (4). Переведенная Норовымъ комедія „Тартюфъ“ Мольера, подъ названіемъ „Фарисеевъ“, зимою 1832 г. поставлена была на Петербургской сцѣ и, по словамъ автора, „принята была очень благоклонно“ (письмо 8 марта 1832 г.). Переводъ этотъ, повидимому, напечатанъ не былъ. Гораздо значительнѣе длинный списокъ произведеній Норова не попавшихъ въ печать, таковы: переводъ сатиры Буало „le Festin“, поэмы „Узникъ“ и „Морь“, нѣсколько стихотворныхъ посланій къ Глѣбову и другимъ лицамъ. Норовъ собирался, съ помощью друзей, издать альманахъ изъ своихъ сочиненій, готова уже была и виньетка, но не нашлось издателя. Въ стихотвореніяхъ А. С. Норова господствуетъ элегическій тонъ, въ подражаніе Ламартину, Шенье и Мильвуа. Въ концѣ ноября 1819 года А. С. Норовъ былъ избранъ членомъ Петербургскаго Общества любителей наукъ и художествъ. Друзья ввели А. С. Норова и въ свой литературный кружокъ: по предложенію Александра Ивановича онъ былъ избранъ въ 1822 г. въ члены общества, устроеннаго Раичемъ. А. С. Норовъ, благодаря за честь, отговаривался нездоровьемъ и приводилъ въ доказательство, что онъ, состоя членомъ Петербургскаго Общества, въ теченіе цѣлаго года ничего не посылалъ. Послѣ отъѣзда Александра Ивановича въ Петербургъ Норовъ жалуется, что прежніе друзья стали къ нему холодны и онъ никогда почти съ ними не видится; въ пріятельскихъ отношеніяхъ Норовъ остался только съ И. В. Кирѣевскимъ и Шевыревымъ. Послѣ переѣзда въ Петербургъ дружба Александра Ивановича къ А. С. Норову охладѣла и послѣдній все рѣже и рѣже сталъ получать письма отъ Александра Ивановича. Норовъ предчувствовалъ это при самой разлукѣ и совершенно вѣрно и откровенно изложилъ причины въ письмѣ отъ 18 октября 1826 г.: „Не знаю, кто первый кого полюбилъ (вѣроятно я,—ты былъ еще ребенокъ); но съ тѣхъ поръ, какъ мы сдружились, разстояніе нашихъ возрастовъ не было чувствительно между нами. Разсудокъ твой рано развился, а я и до сихъ поръ, какъ ты говоришь, въ дѣтствѣ. Пока мы были равны, и взаимная дружба была въ равновѣсіи. Но ты шелъ впередъ, а я стоялъ“. И дѣйствительно, дружба дѣтства не могла продолжаться, обѣ природы не сходны были между собой и въ А. С. Норовѣ недостатокъ образованія, умъ слишкомъ обыкновенный, узкость интересовъ, сосредоточенныхъ на мелкой

деревенской обстановкѣ и плохихъ виршахъ самого автора—все это естественно удаляло Александра Ивановича отъ стараго друга. Какъ это подѣйствовало на Александра Сергѣевича, видно изъ приложеннаго письма; оно интересно, какъ поэтическая исповѣдь одной изъ тѣхъ личностей, для которыхъ привязанность является необходимою потребностью ихъ любящей природы, но не уравнивается соразмѣрнымъ запасомъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Взаимному охлажденію способствовало и то, что вскорѣ А. С. Норовъ поселился вдаль, въ своей Саратовской деревнѣ Ключи, и никогда болѣе не видался лично съ Александромъ Ивановичемъ. Но послѣдній не забывалъ совсѣмъ своего стараго друга: черезъ двадцать лѣтъ Александръ Ивановичъ написалъ къ нему письмо и получилъ восторженный отвѣтъ. Когда появилась подъ редакціей Александра Ивановича „Бесѣда“, Норовъ также откликнулся и горячо пожелалъ успѣха полезному дѣлу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Служба А. Ив. Кошелева въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.—А. Ф. Малиновскій.—Кружки, къ которымъ примкнулъ Кошелевъ: С. Е. Раичъ, кн. В. Ѳ. Оловский, В. К. Кюхельбекеръ, Дм. В. Веневитиновъ, Н. М. Рожалинъ, В. П. Титовъ, С. А. Соболевскій, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, М. А. Максимовичъ.—Начало знакомства съ А. Ст. Хомяковымъ.—Общественное значеніе А. И. Кошелева въ качествѣ члена стараго славянофильскаго кружка.

Вскорѣ послѣ выдержанія экзамена Александръ Ивановичъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и назначенъ былъ прямо изъ Петербурга, по протекціи своего двоюроднаго дяди и попечителя, Родіона Александровича Кошелева. Это приводило въ нѣкоторое смущеніе тогдашняго начальника архива, А. Ф. Малиновскаго. Изъ переписки съ А. С. Норовымъ видно, какъ Малиновскій ухаживалъ за Александромъ Ивановичемъ при самомъ поступленіи на службу; онъ разрѣшилъ ему подольше оставаться въ деревнѣ и принять тамъ присягу на вѣрность службѣ.

А. Ф. Малиновскій (1762—1842), родившійся въ Москвѣ, былъ однимъ изъ первыхъ студентовъ Московскаго университета и въ 1777 г. говорилъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ, когда университетъ

праздновалъ рожденіе вел. кн. Александра Павловича. Малиновскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ переводчиковъ во всѣхъ Новиковскихъ журналахъ, начиная съ изданія „Утренняго Свѣта“ въ С.-Петербургѣ. Дѣятельность свою въ качествѣ переводчика Малиновскій продолжалъ и послѣ Новикова. Въ особенности, по привязанности къ театру, Малиновскій принялся усиленно за переводъ театральныхъ пьесъ. Изъ переводовъ его имѣли наибольшій успѣхъ на сценѣ и выдержали нѣсколько изданій: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“, комедія Коцебу, „Эйлалія Мейнау, или слѣдствія примиренія“, ком. соч. Циглера, служащая продолженіемъ первой, „Бѣдность и благородство души“, ком. Коцебу, „Попугай“, драма Коцебу. Кромѣ того Малиновскій въ 1813 г. написалъ оперу „Старинныя святки“, которую играли у насъ по торжественнымъ днямъ, пока не смѣнилъ ее „Пожарскій“, Крюковскаго. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Глинки Малиновскій помѣстилъ статью „О російскомъ театрѣ“—очень краткую и не содержащую въ себѣ ничего интереснаго. Жихаревъ въ „Дневникѣ чиновника“ рассказываетъ, что Малиновскій заставлялъ переводить театральныя пьесы Коцебу молодыхъ людей, служившихъ у него въ архивѣ. Въ „Словарѣ русскихъ писателей“ Геннади упомянуто, между прочимъ, что Малиновскій издавалъ переводы изъ Коцебу вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ по архиву Ждановскимъ, не упоминая своего имени. Въ 1783 году Малиновскій перевелъ съ французск. „Духъ Бюффона“, а въ 1787 г. напечаталъ „Разсужденіе о началѣ и основаніи гражданскихъ общежитій“, гдѣ старался опровергнуть теорію Жанъ-Жака Руссо (3). На службу Малиновскій поступилъ актуаріусомъ въ Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ, которымъ завѣдывалъ Миллеръ.

Императрица Екатерина возложила на Миллера обязанность составить изъ хранящихся въ архивѣ бумагъ дипломатическое собраніе всѣхъ трактатовъ и постановленій между Россіей и разными иностранными державами, по примѣру извѣстнаго сочиненія Дюмона (I. Dumont: „Corps universel diplomatique“, Amsterdam 1726—31, fol. 8 vol. Supplement, 1739, 5 vol. fol.). Миллеръ началъ разборъ дипломатическихъ актовъ съ помощью своихъ учениковъ—Бантышъ-Каменскаго, Стриттера и Соколовскаго. Изъ нихъ Стриттеръ состоялъ директоромъ архива по смерти Миллера съ 1783 г. по 1800 годъ, а съ того года до 1814—Бантышъ-Каменскій. Та-

кимъ образомъ Московскій архивъ былъ созданіемъ Миллера и оставался вѣрнѣе данному имъ направленію, пока сохранялись его традиціи.

При Бантышъ-Каменскомъ исполненію мысли Екатерины содѣйствовалъ своими средствами гр. Румянцевъ и въ 1811 году 3 мая при архивѣ открыта была „Коммиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ“, предшественница Археографической коммиссіи. Въ 1813 году на средства Румянцева выпущенъ былъ первый томъ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“. Въ 1814 году, по смерти Бантышъ-Каменскаго, помощникъ его Малиновскій назначенъ былъ главнымъ начальникомъ архива и занималъ эту должность до самой смерти своей, въ теченіе 28 лѣтъ. Въ то же время въ помощь ему назначенъ кандидатъ К. Ф. Калайдовичъ, а въ 1816 г. главнымъ смотрителемъ въ коммиссію поступилъ П. М. Строевъ. Оба они оказали незабвенныя услуги русской археологіи, благодаря щедрости гр. Румянцева, и время управленія Малиновскаго сдѣлало самою цвѣтущею эпохой въ исторіи Московскаго архива.

Изъ трудовъ Малиновскаго, соединенныхъ съ его служебными обязанностями, извѣстны: „Историческое и дипломатическое сочиненіе о Крымѣ“, посвященное императрицѣ Екатеринѣ (1794), „Исслѣдованіе о древнихъ сношеніяхъ Россіи съ герцогствомъ Голштинскимъ“ (1801), „Описаніе мастерской оружейной палаты“ (1803—1836, издана только часть), „Біографическое свѣдѣніе о вн. Дм. Мих. Пожарскомъ“ (1818), „Жизнь сановниковъ, управлявшихъ Посольскимъ приказомъ, канцлеровъ и министровъ иностранныхъ дѣлъ“ (1820), „Описаніе Москвы“ (не оконченное). При немъ же изданы II, III и часть IV тома „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“. Малиновскій былъ членомъ „Общества любителей россійской словесности“ при Московскомъ университетѣ и нѣсколько лѣтъ его предсѣдателемъ. Въ трудахъ Общества Малиновскій помѣстилъ біографіи вн. Вас. Васил. Голицына, боярина Артамона С. Матвѣева, боярина Ав. Лавр. Ордынь-Нащокина и нѣсколько важныхъ матеріаловъ по дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ Польшею. Замѣчательно, что, по свидѣтельству Погодина, Малиновскій считалъ документы, хранившіеся въ архивѣ, за „канцелярскую тайну“ и всячески старался преграждать доступъ къ нимъ постороннихъ. Такъ онъ не позволялъ выпустить трудъ Строева:

„Критическое розысканіе, служащее къ объясненію и поправкѣ хронологіи въ начальной исторіи Сибирскаго царства“,—подъ тѣмъ предлогомъ, что Строевъ *не получилъ разрѣшенія*. Вообще Малиновскій, происходя изъ духовнаго званія, старался скрыть это и представить собою родовитаго барина, вслѣдствіе чего боялся уронить свое достоинство и былъ тяжелъ для подчиненныхъ, но совершенно смирялся и заискивалъ у лицъ имѣвшихъ за собою сильную протекцію.

Независимо отъ своей ученой задачи, Московскій архивъ получилъ другое значеніе. „При Павлѣ,—говоритъ Вигель,—строгости военной дисциплины побѣдили неодолимое отвращеніе молодыхъ русскихъ дворянъ въ подьяческой службѣ. До того времени московская молодежь едва ли знала о существованіи Московскаго архива. Вдругъ нарушается тишина сего мирнаго убѣжища. Одна волна недорослей, франтовъ, гонитъ въ архивъ другую. Самая равная заря жизни встрѣчалась въ немъ съ позднимъ ея вечеромъ. Манерные и раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вмѣстѣ съ Большаковыми и Щученковыми; подлѣ кн. Гагарина и гр. Мусина-Пушкина вы бы увидѣли Тархова въ старомъ фризскомъ сюртукѣ“ (Воспом., I, 172—173). Дипломатическая карьера соединяла въ себѣ всѣ достоинства: и почетъ, и возможность быстро повышенія, и удовольствіе съ большимъ содержаніемъ отъ казны пріятно проводить время за границею. Оттого наплывъ молодежи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ достигалъ крайнихъ предѣловъ во время вступленія на службу Александра Ивановича: въ канцелярію коллегіи зачислено было до 500 человекъ, изъ которыхъ каждый дожидался назначенія. Сложность и обширность порученія, лежавшаго на Московскомъ архивѣ, давали возможность начальнику архива, подъ благовиднымъ предлогомъ, наполнять свой архивъ молодежью; а пристрастіе къ дипломатической карьерѣ сдѣлало архивъ моднымъ сборищемъ „блестящей“ московской молодежи и званіе архивнаго юноши, воспитанное Пушкинымъ, для Москвы замѣняло петербургское почетное положеніе „гвардейца“ прежней золотой Екатерининской эпохи. Число чиновниковъ архива доходило въ то время до 120. Въ Московскомъ архивѣ начали свою службу самые способные изъ молодежи: такъ въ архивъ въ числѣ другихъ вступили гр. В. Н. Панинъ, Дашковъ, Блудовъ, немного ранѣе Вигель и др. Уговаривая Александра Ивановича къ поступленію въ архивъ, А. С.

Норовъ, родственникъ Малиновскаго, также служившій въ архивѣ, въ письмѣ своемъ говоритъ: „Безпрестанно къ намъ опредѣляются изъ Петербурга“. Кн. Голицынъ, опредѣлившійся сюда изъ иностранной коллегіи, признается, что у нихъ въ коллегіи, кромѣ канцеляріи гр. Нессельроде, совсѣмъ нѣтъ дѣла и что наши дипломатическія выписки очень уважаемы при дворѣ и въ министерствѣ. Но это было не совсѣмъ такъ. Жихаревъ, желая посвятить себя дипломатической части, направился изъ Москвы прямо въ Петербургъ, въ коллегію, и передаетъ въ „Дневникъ чиновника“, что когда оберъ-секретарь коллегіи Витманъ спросилъ его, желаетъ ли онъ дѣйствительно служить или числиться, Жихаревъ отвѣчалъ, что желаетъ служить дѣйствительно и за тѣмъ приѣхалъ въ Петербургъ, иначе опредѣлился бы въ Московскій архивъ. На это Витманъ замѣтилъ съ усмѣшкою: „да, для переводовъ Коцебу подъ дирекціей Малиновскаго“ („Дневн. чиновника“: „Отеч. Записки 1855 г., стр. 388). Точно также гр. Остерманъ не совѣтовалъ Жихареву опредѣляться въ архивъ, потому что „молодые люди въ немъ балуются и не привыкаютъ къ труду“.

Александръ Ивановичъ поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ актуариусомъ (14 класса), съ причисленіемъ къ Московскому архиву, 23 мая 1823 года, и тогда же опредѣлились туда братья Кирѣевскіе (*). Кромѣ нихъ въ архивѣ служили вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ: вн. Одоевскій, Дм. и Ал. Веневитиновы, Шевыревъ, Мельгуновъ, С. Мальцевъ, Соболевскій, двое вн. Мещерскихъ, вн. Трубецкой и мн. др. Наболѣе выдающіеся изъ нихъ сдѣлались искренними друзьями Александру Ивановичу на цѣлую жизнь. Въ теченіе своей службы въ архивѣ Кошелевъ составилъ „Годъ сношеній Россіи съ Турецкою имперіей“. А. С. Норовъ, который сообщаетъ этотъ фактъ, совѣтуетъ Кошелеву, для подготовленія себя къ архивнымъ работамъ, заняться въ деревнѣ и прочитать въ особенности „Histoire des traités“ Schoel'я: „это очень полезно для нашей работы и даже необходимо, чтобы знать положеніе нашего двора въ отношеніи къ другимъ европейскимъ“, а затѣмъ—*Histoire des traités de France jusqu'a nos jours*: „въ предисловіи изложены очень хорошо правила, какъ именно дѣлать выписки изъ дипломатическихъ матеріаловъ и по какимъ признакамъ должно вѣрить или не вѣрить реляціямъ резидентовъ“. Но эти серьезныя занятія по архиву нисколько не привлекали блестящую

молодежь, и, при равнодушномъ отношеніи начальства, собира-
ясь аккуратно въ архивѣ по понедѣльникамъ и четвергамъ, архив-
ные юноши сначала проводили время въ бесѣдахъ, а потомъ взду-
мали писать сказки. Для этого соединились десять человѣкъ въ
общество и условились писать каждый не болѣе двухъ страницъ,
а слѣдующій долженъ былъ продолжать, не зная задуманнаго
плана. Эти невинныя занятія повлекли однако же къ болѣе серьез-
нымъ. Въ томъ же 1823 году сгруппировалось литературное об-
щество около Раича. С. Е. Раичъ происходилъ изъ духовнаго зва-
нія и былъ родной братъ кievскаго митрополита Филарета; по
окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, онъ посвятилъ себя
педагогической дѣятельности. Сначала Раичъ былъ семь лѣтъ въ
домѣ Тютчевыхъ воспитателемъ будущаго поэта Федора Ивановича,
который былъ искренне къ нему привязанъ, а затѣмъ перешелъ къ
Н. Н. Муравьеву, основателю знаменитаго училища колонно-вожа-
тыхъ, для воспитанія меньшаго его сына, Анд. Ник. Муравьева.
Раичъ былъ также воспитателемъ другаго питомца училища ко-
лонно-вожатыхъ Ал. Вас. Шереметева и братьевъ Булыгиныхъ и
домашнимъ учителемъ въ домѣ бывшаго министра С. С. Ланскаго,
гдѣ сошелся съ княземъ Одоевскимъ, женатымъ на сестрѣ послѣд-
няго. Раичъ былъ одинъ изъ самыхъ плодovitыхъ поэтовъ своего
времени, участвовалъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ: послѣд-
нее его стихотвореніе помѣщено въ „Москвитянинѣ“: „Цвѣтокъ на
гробъ Батюшкова“. Кромѣ того онъ издалъ отдѣльно: въ 1821 г.—
полный переводъ Виргиліевыхъ Георгійхъ; въ 1828 г.— одновре-
менно съ Мерзляковымъ—полный переводъ Тассова „Освобожден-
іерусалима“; въ 1832—1837 г.—переводъ „Неистоваго Орланда“ Арі-
осто, котораго напечатаны 24 пѣсни, а остальные 9 остались въ
рукописи, за неимѣніемъ средствъ къ изданію. Послѣдній переводъ,
напечатанный Раичемъ въ 1849 году, была поэма „Аретъ“—сказа-
ніе изъ временъ Марка Аврелія, замѣчательная по своему нрав-
ственному содержанію. Раичъ кромѣ того приготовлялъ къ изда-
нію „Чтеніе объ исторіи итальянской литературы“, откуда помѣ-
щенъ отрывокъ (о происхожденіи итальянскаго языка) въ „Чтені-
яхъ Общества любителей росс. словесности“, а другой („Полити-
ческое состояніе Италіи до XII вѣка)—въ „Русс. Зритель“, изда-
вавшемся подъ именемъ Калайдовича (1828, №№ 13, 14 и 32). Съ
1829 по 1839 г. (съ значительными перерывами) Раичъ издавалъ

журналъ „Галатею“ (7), одинъ изъ самыхъ плохихъ журналовъ, не представляющій ничего замѣчательнаго, хотя на первыхъ порахъ въ немъ принимали участіе извѣстные въ то время поэты (Пушкинъ, Озвобишинъ, Полежаевъ и др.). Журналъ этотъ велъ самую ожесточенную войну съ „Телеграфомъ“, издававшимся Полевымъ, и большую часть „Галатеи“, притомъ самую живую, составляетъ именно эта полемика. По поводу ея вн. Вяземскій писалъ 7 апрѣля 1829 года И. И. Дмитріеву: „Не понимаю, какъ Раичъ могъ унизиться до такой степени. Галатея его напоминаетъ московскихъ бабъ, торгующихъ на перекресткахъ гнилыми яблоками: тотъ же товаръ и тѣ же ругательства. Мнѣ не вѣрится, что самъ Раичъ—хозяинъ своего журнала: я ожидалъ бы отъ него болѣе благопристойности и по характеру его, и по прежнимъ мнѣніямъ объ общей невѣжливости нашихъ журналовъ. Критики его болѣе отзываются героемъ поэмы Василья Львовича, чѣмъ воспитанникомъ Virgilia и Тасса, образовавшимся въ школахъ Георгіевъ и „Освобожденнаго Іерусалима“. Раичъ въ некоторомъ образомъ вашъ крестникъ: вы воспріяли его изъ чернильной купели, осыпали знаменіемъ академической медали“ („Русск. Арх.“ 1868 г., стр. 605).

Въ журналѣ Раича помѣщались постоянно отчеты о представленіяхъ на московской сценѣ, принадлежавшіе С. Т. Аксакову: это были лучшіе для своего времени критическіе отзывы о сценическомъ искусствѣ. Конечно, они затрогивали самолюбіе многихъ, такъ что Щепкинъ и другіе артисты Московскаго театра принуждены были протестовать противъ неправильно приписанной имъ обидчивости. Характеръ Раича въ коротенькихъ некрологахъ, появившихся послѣ его смерти (въ началѣ 1855 г.), выставляется съ самой симпатической стороны. Дмитріевъ говоритъ о немъ: „Истинный поэтъ былъ для него, безъ всякой метафоры, жрецомъ изящнаго. Красота, выражаемая поэзіей и искусствомъ, была, по его понятіямъ, отраженіемъ добра и истины внутренняго, моральнаго міра“ (Мих. Дмитріевъ, „Моск. Вѣд.“ 1855 г., № 141). По словамъ Миллера, Раичъ былъ „добродушнѣйшій человѣкъ, страстно преданный литературѣ, поэтъ - младенецъ въ душѣ до глубокой старости, не произнесшій ни одного слова ропота во всю свою жизнь, не пожелавшій зла никому на свѣтѣ, всегда веселый, всегда трудолюбивый. Раичъ любилъ окружать себя молодыми людьми, горячо сочувствовалъ всему прекрасному и благородному и радо-

чался проявленію каждаго молодого таланта“. Этими свойствами Раича объясняется образованіе около него того кружка молодыхъ людей, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. По словамъ И. С. Аксакова, Раичъ „былъ человекъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывающій въ мірѣ идиллическихъ мечтаній, самъ олицетворенная буколка, соединившій солидность ученаго съ какимъ-то дѣвственнымъ поэтическимъ пыломъ и младенческимъ незлобіемъ“ („Жизнь Погодина“ Барсука., 161—162).

Въ обществѣ Раича если не блестящее, то привычное и полезное мѣсто занималъ другъ его и, какъ мы видѣли, на короткое время учитель Александра Ивановича, В. И. Оболенскій. Онъ былъ одною изъ самыхъ типичныхъ личностей стараго времени. Сынъ священника Орловской губерніи, онъ въ 1809 г. пришелъ пѣшкомъ въ Москву и въ маѣ мѣсяцѣ 1810 г. поступилъ студентомъ въ университетъ; въ 1812 г. онъ пѣшкомъ, съ однимъ греколатинскимъ лексикономъ, отправился въ Ярославскую губернію и, возвратившись оттуда, кончилъ курсъ кандидатомъ и поступилъ учителемъ въ Тверскую гимназію. Но стремленіе къ образованію одержало верхъ и изъ учителей Оболенскій въ 1820 г. снова вернулся въ университетъ продолжать занятія. Съ 1821 г. онъ былъ учителемъ и надзирателемъ въ университетскомъ пансіонѣ и принесъ здѣсь много пользы старшимъ воспитанникамъ, которыхъ онъ руководилъ совѣтами и снабжалъ книгами изъ своей библіотеки. Здѣсь Оболенскій былъ товарищемъ по службѣ Раича, бывшаго также учителемъ въ пансіонѣ въ то время, съ чего и началась связь ихъ съ молодыми людьми, съ которыми они снова встрѣтились въ настоящемъ обществѣ. Простой душой, скромный и чуждый всякой зависти, въ разговорахъ и на лекціяхъ Оболенскій поражалъ своею начитанностью и внезапно высказывалъ мысли оригинальныя, въ которыхъ виднѣлись высокой умъ и благородная душа. Бѣдныхъ, но даровитыхъ студентовъ Оболенскій приглашалъ къ себѣ жить даромъ, училъ ихъ и давалъ пользоваться своей библіотекой („Слов. моск. профес.“, II, 157—160).

Въ томъ же 1821 году поступилъ преподавателемъ въ Университетскій пансіонъ М. П. Погодинъ. Толки объ устройствѣ общества между этими тремя сослуживцами по пансіону начались съ 1822 года, а въ слѣдующемъ—общество дѣйствительно осуществилось. Въ немъ соединились элементы весьма разнородные, но по

преимуществу молодые; сюда примкнули бывшіе воспитанники университета пансіона: Шевыревъ, Титовъ, вн. Одоевскій, Ознобишинъ, А. И. Писаревъ, П. И. Колошинъ, Н. В. Пугачъ; бывшіе ученики Раича: А. Н. Муравьевъ, Ф. И. Тютчевъ, профессоръ университета Вас. П. Андросовъ, товарищ Погодина по университету Ант. Фр. Томашевскій, М. А. Максимовичъ, начавшій съ 1826 г. преподавать естественную исторію въ благородномъ пансіонѣ, пріятель Погодина Кубаревъ и др. Александра Ивановича Кошелева ввелъ въ общество Раича бывшій учитель его Оболенскій, а Кошелевъ въ свою очередь указалъ на А. С. Норова. Въ это же общество по архивнымъ связямъ вступили братья Веневитиновы. Кромѣ этихъ лицъ, вездѣ указанныхъ въ составѣ Раичевскаго общества, слѣдуетъ еще упомянуть двухъ, которыя тамъ появлялись несомнѣнно, хотя о нихъ говорится мимоходомъ: то были Н. А. Полевой и В. К. Кюхельбекеръ.

Н. А. Полевой началъ свою литературную дѣятельность въ 1822 году помѣщеніемъ небольшихъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Вѣстникѣ Европы“ и получилъ отъ Россійской академіи большую серебряную медаль за изслѣдованіе о русскихъ глаголахъ. Послѣ переезда въ Москву Полевой сошелся изъ числа членовъ кружка съ вн. Одоевскимъ, представившимъ Полевого въ общество Раича, когда тамъ возникли толки о журналѣ. Полевой съ обществомъ не сошелся. Братъ Н. А. Полевого, Ксенофонтъ Алексѣевичъ, въ своихъ „Запискахъ“ объясняетъ это отчасти недоброжелательствомъ Писарева, бывшаго въ ссорѣ съ Полевымъ за его отзывъ о Писаревѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, отчасти барскимъ аристократизмомъ, чуждавшимся купца. Но это едва ли справедливо: во первыхъ, Писаревъ не пользовался въ обществѣ такимъ значеніемъ, чтобы личныя его отношенія могли повліять на всѣхъ членовъ въ смыслѣ удаленія кого-либо по этой только причинѣ; во вторыхъ, въ обществѣ Раича сходились не одни баричи, а образованные люди всѣхъ сословій, многіе изъ духовнаго званія и даже сыпъ крестьянина—Погодинъ. Самъ же Полевой указываетъ, что такіе кровные аристократы, какъ князья Вяземскій и Одоевскій, наравнѣ съ Кирѣевскимъ и Баратынскимъ, оставались на долгое время пріятелями Полевого. Послѣ выхода уже Полевого изъ общества князь Одоевскій въ началѣ 1825 года писалъ довольно дѣятельно музыкальныя статьи и юмористическіе очерки

для „Московского Телеграфа“, а Полевой помѣстилъ двѣ небольшія статьи въ „Мнемозинѣ“ („Спутникъ жизни“, ч. IV, 56—62, и „Эпиграмма“, ч. II, 44). Причина удаленія Полевого была болѣе серьезная: Полевой совершенно не сходилъся съ членами общества въ главномъ вопросѣ о характерѣ журнала, и притомъ онъ своимъ образованіемъ, а не рожденіемъ, отсталъ очень далеко отъ своихъ сочленовъ и, безъ сомнѣнія, сознавалъ это самъ. У Полевого собирався свой кружокъ, въ которомъ появлялись Мицкевичъ, Баратынскій, вк. Вяземскій, вк. Одоевскій, И. В. Кирѣевскій и Д. П. Шелиховъ, литераторъ и сельскій хозяинъ, пламенный послѣдователь Шеллинга. Характеристично для того времени, что и кружокъ Полевого съ жаромъ изучалъ Шеллинга и слѣдилъ за возрожденіемъ европейской литературы въ лицѣ тогдашнихъ ея великихъ представителей. Такимъ образомъ Полевой, какъ и Бѣлинскій, познакомился съ нѣмецкою философіей въ живой рѣчи, а не изучалъ ее самъ, и потому онъ только схватилъ на лету общее направленіе, не знакомясь съ самою сущностью и не будучи поэтому въ состояніи дать ей какое-либо серьезное приложеніе.

О Кюхельбекерѣ, какъ членѣ Раичевского общества, не упоминалъ до сихъ поръ никто,—вѣроятно, по извѣстному его положенію; но извѣстно, что въ 1823 г. Кюхельбекеръ пріѣхалъ въ Москву и получилъ мѣсто учителя въ Университетскомъ пансіонѣ. Пребываніе его въ Москвѣ было непродолжительно, но онъ успѣлъ на столько сойтись съ княземъ Одоевскимъ, что сдѣлался соиздателемъ его журнала „Мнемозинъ“.

Общество Раича было чисто-литературное. „У насъ,—писалъ Погодинъ 11 марта 1823 г. вк. Голицыну,—составилось общество друзей. Собираемся раза два въ недѣлю и читаемъ свои сочиненія и переводы. У насъ положено, между прочимъ, перевести всѣхъ греческихъ и римскихъ классиковъ и перевести со всѣхъ языковъ лучшія книги о воспитаніи, и уже начаты Платонъ, Демосеенъ и Титъ Ливій“ (Барсуевъ. „Жизнь Погода“, 212). Благодаря тому, что Погодинъ велъ обстоятельный дневникъ, можно опредѣлить характеръ чтеній, происходившихъ въ Раичевскомъ обществѣ. Въ засѣданіи 12 апрѣля 1823 г. Погодинъ читалъ свой переводъ изъ Тита Ливія „Софонизба“, замѣчанія на мнѣнія Карамзина о „Началѣ Русскаго государства“, о характерѣ Іоанна Грознаго; кромѣ того читалъ свой переводъ „Рене“ Шатобріана. Въ этомъ же засѣданіи кто-

то читалъ разсужденіе о физикѣ, которое Погодину очень понравилось (Барсуку., стр. 217). Осенью 1823 года Погодинъ прочелъ свою „Ніобу“, которую перевелъ изъ Овидія; но это чтеніе, кажется, не имѣло успѣха, ибо онъ, какъ самъ сознается, не слишкомъ много слышалъ похвалъ. Въ засѣданіи, бывшемъ 31 октября, толковали о Тацитѣ и Цицеронѣ, отрывокъ изъ котораго Погодинъ переводилъ съ Кубаревымъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Погодинъ прочелъ свой переводъ изъ Аста. Въ засѣданіи 29 ноября читали „Бахчисарайскій фонтанъ“ (249). Въ засѣданіи 30 января 1825 г. Погодинъ прочелъ Батте и „Опозорился“. Въ другомъ засѣданіи онъ прочелъ переводъ свой изъ Макиавеля (303); изъ другихъ лицъ: Шевыревъ—свои переводы съ греческаго и опыты стихотвореній; вн. Одоевскій прочелъ переводъ первой главы натуральной философіи Окена „О значеніи нуля, въ которомъ успокоиваются плюсъ и минусъ“; Александръ Ивановичъ прочелъ нѣкоторые переводы изъ Эукидида и Платона и отрывки изъ „Исторіи Петра I“, которую онъ тогда съ любовью занимался. Помимо своего участія въ обществѣ, А. И. продолжалъ свое самообразование чтеніемъ и занятіемъ науками: такъ, онъ прочелъ Робертсона „Исторію правленія Карла V“, сочиненія Шеллинга и занимался математикою (въ 1825 г.). Относительно послѣдней А. И. писалъ Норову: „Философія съ математикою неразрывны, какъ мы съ тобой два неразрывные друга“; изъ Шеллинговыхъ сочиненій онъ для Норова дѣлалъ извлеченія. Норовъ въ письмахъ своихъ замѣчалъ А. И., что онъ слишкомъ скоро читаетъ книги; по его мнѣнію, необходимо было дѣлать изрѣдка промежутки, чтобы обдумать все прочитанное; онъ приводитъ при этомъ французское изреченіе, что „душа живетъ умственными занятіями, какъ тѣло необходимою пищею, только съ нѣкоторымъ отдыхомъ, давая время организму переварить и усвоить введенныя въ него питательныя вещества“. Вообще любимымъ предметомъ занятій А. И. была исторія и онъ въ это время принялся за составленіе введенія въ исторію. Изъ письма А. С. Норова видно, что тогда же онъ окончательно обработалъ сочиненіе „О могуществѣ и упадкѣ Турецкой имперіи“, которое хотѣлъ прочесть въ обществѣ Раича. Вѣроятно, на эту тему онъ былъ наведенъ занятіями своими въ архивѣ, разбирая дипломатическія сношенія съ Турціей; по словамъ Норова, „сочиненіе сіе смѣло могло быть прочтено въ присутствіи просвѣщенной пу-

близи, и я увѣренъ, что оно будетъ хорошо принято“ (11 февраля 1823 г.). Занятія свои исторіею А. И. не прекращалъ и въ Петербургѣ, откуда, какъ видно изъ письма къ Кирѣевскому отъ 1 октября 1828 года, онъ хотѣлъ прислать послѣднему отрывки изъ сочиненій по исторіи (Сочин., I, стр. 15). Въ Петербургѣ Кошелевъ не покидалъ и вопроса о Турціи и изучалъ въ подлинникѣ „Исторію Оттоманской имперіи“ Гаммера.

Общество Раича—не официальное, но живое—обратило на себя вниманіе Москвы: его посѣтилъ разъ московскій градоначальникъ князь Дм. Влад. Голицынъ, бывали именитые литераторы, въ родѣ И. И. Дмитріева, и тогда общество изъ тѣсной квартиры Раича въ домъ Ланскихъ, въ Газетномъ переулкѣ, переходило въ Муравьевское училище (на Большой Дмитровкѣ), а впоследствии въ квартиру сенатора Рахманова, къ сыну котораго Раичъ поступилъ воспитателемъ. Общество выпустило въ 1823 году, по примѣру Карамзина, сборникъ подъ заглавіемъ „Новыя Аониды“, гдѣ перепечатаны были изъ журналовъ и отдѣльныхъ изданій лучшія стихотворенія изъ появившихся въ 1822 году, а именно: Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Гнѣдича, кн. Вяземскаго, Тютчева, М. Дмитріева, Д. И. Давыдова, Ф. Глинки, Писарева, А. Крылова, Олина, Магсурова, Нечаева. Затѣмъ въ обществѣ возникли толки объ изданіи журнала. Я уже говорилъ, что въ первой четверти нынѣшняго столѣтія потребность въ новомъ журналѣ живо сознавалась всѣми лицами, принимавшими участіе въ литературномъ движеніи. Сознаніе это было до такой степени сильно, что П. М. Строевъ, еще будучи студентомъ, предпринялъ въ 1815 г. изданіе журнала подъ заглавіемъ „Современный наблюдатель россійской словесности“. Журналь этотъ, отвѣчая потребностямъ времени, получилъ преимущественно критическое направленіе, но онъ продержался только съ марта до конца іюля (18 номеровъ). Уже 3 мая 1823 года общество разсуждало объ этомъ дѣлѣ и въ его засѣданіи принялъ участіе кн. Вяземскій. Журналистъ по призванію, Полевой сейчасъ же ухватился за бродившую мысль о журналѣ и представилъ свой планъ, который не былъ принятъ. Какъ серьезно смотрѣло общество на изданіе журнала, видно изъ прочтенной въ обществѣ статьи Д. Веневитинова „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“. Статья эта въ высшей степени замѣчательна для своего времени и мы считаемъ необходимымъ представить изъ нея

длинное извлеченіе. Веневитиновъ съ самаго начала становится на высшую философскую точку зрѣнія: „Всякому человѣку, одаренному энтузіазмомъ, знакомому съ наслажденіями высокими, представлялся естественный вопросъ: для чего поселена въ немъ страсть къ познанію и къ чему влечетъ его непреборимое желаніе дѣйствовать?—Къ самопознанію, отвѣчаетъ намъ книга природы. Самопознаніе—вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную, вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка. Науки или искусства, вѣчные памятники усилій ума, единственные признаки его существованія, представляютъ не что иное, какъ развитіе сей начальной и, слѣдовательно, неограниченной мысли. Художникъ одушевляетъ холстъ и мраморъ для того только, чтобы осуществить свое чувство, чтобы убѣдиться въ его силѣ; поэтъ *искусственнымъ образомъ* переноситъ себя въ борьбу съ природой, съ судьбой, чтобы въ семъ противорѣчій испытать духъ свой и гордо провозгласить торжество ума. Исторія убѣждаетъ насъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества, а *любомудріе ясно открываетъ въ ней цѣль всей природы*. Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на каждый народъ какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ нравственныя свои усилія, ознаменованныя печатью особеннаго характера. Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе; *цѣль просвѣщенія или самопознанія народа есть та степень, на которой онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія*. Съ этою мыслью обратимся къ Россіи и спросимъ: какими силами подвигается она къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ? Вопросы, на которые едва ли можно ожидать отвѣта, ибо безпечная толпа нашихъ литераторовъ, кажется, не подозрѣваетъ ихъ необходимости. У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; ихъ произведенія, достигая даже до нѣкоторой степени совершенства и входя, слѣдственно, въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Россія его получила извнѣ; отсюда *это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство; отсюда совершенное отсутствіе всякой свободы и истинной дѣятельности*. Начало и причина медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи была та самая

быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе литературы, безъ всякаго напряженія внутренней силы. Уму человѣческому сродно дѣйствовать, и *еслибы онъ у насъ слѣдовалъ естественному ходу, то характеръ народа развился бы собственно своею силою и принялъ бы направленіе самобытное, ему свойственное.* Но мы, какъ будто предназначенные противорѣчить исторіи словесности, *мы получили форму литературы прежде самой ея сущности.* Вотъ положеніе наше въ литературномъ мірѣ—положеніе совершенно отрицательное“. Отъ этого общаго недостатка, замѣчаемаго въ литературѣ нашей вообще, авторъ переходитъ къ частному—къ области эстетической критики. „Давно ли сбивчивыя сужденія французовъ о философіи и искусствахъ почитались у насъ законами? И гдѣ же слѣды ихъ? Они въ прошедшемъ или разсыяны въ немногихъ твореніяхъ, которыя, съ безсильною упорностію, стараются представить прошедшее настоящимъ. Такое освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной самоувѣренности французовъ было бы торжествомъ ея, еслибы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; но, къ несчастію, оно не произвело значительной пользы, ибо причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли. *Мы отбросили французскія правила не отъ того, чтобы могли ихъ опровергнуть какою-нибудь положительною системою, но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся.* Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ“. Такое пониманіе направленія нашей литературы и критики естественно и неизбежно должно было привести Веневитинова къ сознанію о необходимости прочной современно-научной или философской основы въ самомъ общественномъ пониманіи, которая должна была возбудить дѣятельность самобытной народной мысли, а средствомъ для этого Веневитиновъ признавалъ журналъ. Цѣль и направленіе этого журнала Веневитиновъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: „Для сей цѣли надлежало бы нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя

происшествія въ литературномъ мірѣ, бесполезно развлекающія ея вниманіе, и, *опираясь на твердыя начала философіи*, представитъ ей полную картину развитія ума человѣческаго,—картину, *въ которой бы она видѣла собственное свое предназначеніе*. Сей цѣли, *кажется*, вполне удовлетворило бы такое сочиненіе, *въ которомъ разнообразіе предметовъ не мѣшало бы единству цѣлаго и представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы*. Такое сочиненіе будетъ *журналъ*, и его вообще можно будетъ раздѣлить на двѣ части: одна должна представлять теоретическія изслѣдованія самого ума и свойствъ его, другую можно будетъ посвятить примѣненію сихъ же изслѣдованій къ исторіи наукъ и искусствъ. Не бесполезно бы было обратить особенное вниманіе Россіи на древній міръ и его произведенія. Мы слишкомъ близки, хотя по видимому, къ просвѣщенію новѣйшихъ народовъ и слѣдственно не должны бояться отстать отъ новѣйшихъ открытій, если будемъ вникать въ причины, породившія современную намъ образованность, и перенесемъ на нѣкоторое время въ эпохи ей предшествовавшія. Сіе временное устраненіе отъ настоящаго произведетъ еще важнѣйшую пользу. Находясь въ мірѣ совершенно для насъ новомъ, котораго всѣ отношенія для насъ загадки, мы невольно принуждены будемъ дѣйствовать собственнымъ умомъ для разрѣшенія всѣхъ противорѣчій, которыя намъ въ ономъ представляются. Такимъ образомъ мы сами сдѣлаемся предметомъ нашихъ розысканій. Итакъ, *философія и примѣненіе оной ко всѣмъ эпохамъ наукъ и искусствъ*—вотъ предметы, заслуживающіе особеннаго нашего вниманія, предметы тѣмъ болѣе необходимые для Россіи, что она еще нуждается въ твердомъ основаніи изящныхъ наукъ, *и найдетъ сіе основаніе*, сей залогъ своей самобытности и, слѣдовательно, своей нравственной свободы—въ литературѣ, въ одной философіи, которая заставитъ ее развить свои силы и образовать систему мышленія“.

Эту задачу—создать научную эстетическую критику на началахъ вѣмецкой умозрительной философіи выполнила послѣдующая критическая школа, начавшаяся съ Бѣлинскаго, но самую задачу поставилъ Веневитиновъ. Понятно, что Полевой, для котораго идеалъ журнала представлялся въ видѣ сборника, удовлетворяющаго потребности къ чтенію разнообразіемъ, занимательностью и общедоступностью своего содержанія,—совсѣмъ не раздѣлялъ такой серьезно научной и исключительной программы и пошелъ въ дру-

тую сторону. Вотъ какъ описываетъ кн. Вяземскій *рожденіе* „Телеграфа“ въ своей автобіографіи: „Полевой былъ въ то время еще литераторомъ *in partibus infidelium*. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ ему приписывали довольно бранчивое посланіе на имя мое, напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы“, въ отвѣтъ на мое извѣстное—и также не со-всѣмъ вѣжливое—посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мной познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды онъ засталъ у меня графа Мих. Виельгорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Виельгорскій спросилъ Полевого, что онъ дѣлаетъ теперь.—Да покажѣсть ничего, отвѣтилъ онъ.—Зачѣмъ не примитесь вы издавать журналъ?—продолжалъ графъ. Тотъ благоразумно отпѣивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скромнѣе и застѣнчивѣе. Виельгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ его предпріятіи, и такъ далѣе. Дѣло было рѣшено. Вотъ какъ въ кабинетѣ дома моего, въ Чернышевомъ переулкѣ, зачато было дѣло, которое по-слѣдъ надѣлало много шума на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалилъ себя „Телеграфу“ (Соч. I, стр. XLVIII). Вяземскій говоритъ, что это для него была пора самой напряженной дѣятельности: иная книжка „Телеграфа“ вся была наполнена имъ или матеріалами имъ сообщенными; онъ писалъ полемическія статьи то подъ своимъ именемъ, то подъ разными псевдонимами (Журнальный сыщикъ), то подъ буквами. „Сначала медовые мѣсяцы сожитія съ Полевымъ шли благополучно, работа кипѣла; но потомъ, вслѣдствіе несогласій—не въ отношеніи политическомъ и либеральномъ, а просто въ личномъ и чисто-литературномъ,—Вяземскій отказался отъ сотрудничества въ „Телеграфѣ“.

По словамъ Кс. Полевого, поводомъ къ размолкѣ была критика на XII томѣ „Исторіи Карамзина“, помѣщенная Полевымъ въ „Телеграфѣ“. Члены кружка Раича, предупрежденные въ намѣреніи издавать журналъ, принялись за альманахи. Альманахи, изданные членами Раичевскаго общества, были: „Уранія“, „Сѣверная Лира“ и „Денница“. Альманахи эти, въ видѣ обычныхъ сборниковъ преимущественно стиховъ и мелкихъ прозаическихъ статей, не выражали вовсе стремленій отдѣлившагося меньшинства, которое принимало въ нихъ сравнительно мало участія.

Въ „Ураиѣ“, изданной Погодинымъ (1825), изъ членовъ Ранчевскаго общества въ стихотворномъ отдѣлѣ приняли участіе: Раичъ, Ознобишинъ, Шевыревъ, Тютчевъ, Ал. Норовъ, Максимовичъ; со стороны помѣстили свои мелкія произведенія: Мерзляковъ, неизбѣжный Пушкинъ, князь Вяземскій, Мих. Дмитриевъ, Баратынскій, Нечаевъ, В. Капнистъ, Д. И. Глинка, Невѣдомскій, Полежаевъ и начинающій студентъ Ротчевъ, съ которымъ сблизился Погодинъ. Въ прозаической части Погодинъ помѣстилъ двѣ повѣсти („Нящій“ и „Какое аукнется, такъ и откликнется“), Веневитиновъ—отрывки („Утро, полдень, вечеръ и ночь“), кн. Одоевскій—аллегорію („Завѣтная книга“, древнее преданіе); кромѣ того участвовали Снегиревъ и др.

Въ „Сѣверной Лирѣ“, изданной Ранчемъ и Ознобишинымъ, въ отдѣлѣ стихотвореній изъ членовъ общества помѣстили свои произведенія: Раичъ, Ознобишинъ, Тютчевъ, Шевыревъ, Ал. Норовъ, Анд. Муравьевъ, Максимовичъ, Д. Веневитиновъ; изъ постороннихъ поэтовъ: В. Туманскій, Баратынскій, кн. Вяземскій, Абр. Норовъ, Ротчевъ, Н. Грековъ, М. Дмитриевъ. Прозаическій отдѣлъ довольно слабъ и заключаетъ въ себѣ: повѣсть Булгарина („Янычаръ“), отрывокъ Веневитинова („Скульптура, живопись и музыка“), аллегорію В. Титова („Три единства“) и пр.

Въ „Денницѣ“, изданной Максимовичемъ (3 т. 1830, 1831 и 1834 гг.), прозаическая часть беретъ перевѣсъ: въ это время стихи и повѣсти перешли почти исключительно въ альманахи, а журналы получили направленіе преимущественно критическое. Изъ поэтовъ въ „Денницѣ“ приняли участіе: Языковъ, Тютчевъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, А. Вельтманъ, Ѳ. Глинка, Раичъ, Шевыревъ, П. Сумарковъ—въ первой части; Веневитиновъ (посмертное стихотвореніе „Пѣснь Кодры“ изъ Эгмонта), Мерзляковъ, Баратынскій, Хомяковъ, Тепловъ—во второй. Въ прозаической части помѣщены: Д. Веневитинова—„Анаксагоръ“, бесѣда Платона, Н. Полевого—„Сохатый“, сибирское преданіе, и „Постоялый дворъ“, Погодина—„Психологическія явленія“, Вельтмана—отрывокъ изъ 2-й части „Странники“, Ор. Сомова—отрывокъ изъ нескончаемой повѣсти „Гайдамаки“ и др. Тамъ же И. В. Кирѣевскій помѣстилъ первую свою статью съ подписью: „Обозрѣніе русской литературы за 1829 г.“

Отдѣлившееся отъ Ранчевскаго общества меньшинство составило другое общество—болѣе интимное и солидарное, гдѣ сошлись

главнымъ образомъ „архивные юноши“: братья Кирѣевскіе, Веневитиновы, князь Одоевскій, Кошелевъ, Шевыревъ, Соболевскій, Мельгуновъ; сюда же Веневитиновы ввели Рожалина и Максимовича. Погодинъ посѣщалъ это общество, но онъ всегда холодно относился къ чисто-философскимъ занятіямъ. Центромъ этого кружка былъ Д. А. Веневитиновъ, а собирались его члены обыкновенно въ квартирѣ князя Одоевскаго. Здѣсь господствовали Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Окенъ, Гёррессъ и др. Члены читали свои философскія сочиненія, но чаще и по большей части вели бесѣды о прочтенныхъ сочиненіяхъ нѣмецкихъ философовъ. Веневитиновъ прочелъ прозаическіе отрывки „Скульптура, живопись и музыка“, „Утро, полдень и вечеръ“, „Анаксагоръ“,—единственное, что осталось напечатаннымъ изъ чтеній на этихъ бесѣдахъ (Вен. соч., изд. Пятковского, стр. 151—164). „Въ то время,—по словамъ Кошелева,—кружокъ совершенно предался изученію умозрительной философіи и считалъ христіанское ученіе годнымъ только для народныхъ массъ. Особенно высоко цѣнило общество Спинозу, творенія котораго оно ставило выше Евангелія и другихъ священныхъ писаній. Предсѣдателемъ общества былъ князь Одоевскій, а главнымъ ораторомъ—Дм. Веневитиновъ, который своими рѣчами приводилъ въ восторгъ и заставилъ Кирѣевскаго выразиться, что Веневитиновъ рожденъ болѣе для философіи, чѣмъ для поэзіи“. Кружокъ, собиравшійся у кн. Одоевскаго, былъ крайне оживленный; Алекс. Ив. говоритъ въ своихъ „Запискахъ“, что „далеко за полночь продолжались ихъ вечернія бесѣды и приносили несравненно болѣе пользы, нежели уроки профессоровъ. Это былъ кружокъ тогдашней либеральной молодежи въ Москвѣ, неизвѣстно почему казавшійся подозрительнымъ и опаснымъ“. Такимъ признаетъ его обвинительная записка противъ Полевого, поданная въ III-е Отдѣленіе 23 августа 1827 года: „Всѣ замѣченные въ яacobинизмѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій—сотрудники „Телеграфа“. Покровители онаго—князь Вяземскій и бывший профессоръ Давыдовъ, самый отважный яacobинецъ. По всѣмъ извѣстіямъ, духъ молодежи въ Москвѣ весьма дуренъ. Соболевскій, побочный сынъ Соймонова, замѣченный въ весьма либеральныхъ правилахъ и извѣстный по письму сомнительнаго содержанія къ Кирѣевскому, прибылъ въ Петербургъ. Кирѣевскаго также ожидаютъ. Титовъ здѣсь служитъ въ Иностранной коллегіи. Молодой человѣкъ развратныхъ правилъ. Извѣстный Со-

Соболевскій (молодой человекъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надо беречь какъ дитя. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы—кн. Вяземскій и Полевой; приятели—Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и другіе москвичи“ (Сухомлиновъ, „Истор. Вѣстн.“, III, стр. 522 и 523). Этимъ отчасти объясняется то *особенное* преслѣдованіе, которому подвергались славянофилы въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ, хотя знамя ихъ было вполне русское и *благонадежное*. Этимъ же до некоторой степени объясняется, по всей вѣроятности, и нерасположеніе къ Александру Ивановичу покойнаго государя Николая Павловича, не разрѣшавшаго заслуженнаго Кошелевымъ по службѣ награды. Александръ Ивановичъ принималъ самое живое участіе въ дѣятельности этого кружка. А. С. Норовъ, въ письмѣ отъ 14 іюня 1825 г., говоритъ: „Скажи мнѣ, началась ли у тебя переписка съ Веневитиновыми? Какъ люблю я вспоминать наши зимнія вечера по субботамъ! Скажу чистосердечно, этими бесѣдами я много приобрѣлъ,—болѣе, нежели книгами или собственнымъ размышленіемъ. Всего интереснѣе для меня были твои жаркія диссертациі съ Веневитиновымъ. Физиономіи одушевлены были энтузіазмомъ. Ты спорилъ чистосердечно, съ жаромъ дѣлалъ возраженія, но съ радостію и соглашался“.

Кружокъ молодежи остановился на Шеллингѣ, котораго философія получила тогда наибольшее распространеніе въ обществѣ. Итомцы Университетскаго пансіона принесли шеллингизмъ изъ своего учрежденія, гдѣ, какъ мы видѣли, посѣялъ его И. И. Давыдовъ; Кирѣевскій вынесъ его изъ дому и посвятилъ въ него Кошелева; Веневитиновыхъ познакомилъ съ нимъ Павловъ. Занятія Шеллинговою философіей для членовъ кружка, какъ для большинства русскихъ людей, мало увлекающихся отвлеченностью, были простою, но, безъ сомнѣнія, полезною гимнастикой ума. Только для Кирѣевскаго и князя Одоевскаго эти занятія имѣли существенное значеніе: для перваго это было необходимою стадіей серьезнаго философскаго изученія, которое продолжалъ онъ и впослѣдствіи; а для послѣдняго шеллингизмъ составилъ заманчивый фонъ его литературныхъ произведеній.

Общество просуществовало до 14 декабря 1825 года, когда чле-

ны сочли необходимымъ его прекратить потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣнія полиціи, а также и потому, что политическія событія сосредоточили на себѣ вниманіе ихъ и всего общества. „Живо помню,—разсказываетъ Александръ Ивановичъ,—какъ послѣ этого несчастнаго числа (14 декабря) князь Одоевскій созвалъ членовъ и съ особенною торжественностью предалъ огню въ своемъ каминѣ и уставъ, и протоколы нашего общества любомудрія“.

Близость къ Александру Ивановичу и вліяніе на него кружка мыслящей и либеральной молодежи, среди которой онъ развивался въ молодые годы своей московской жизни, заставляютъ остановиться нѣсколько подолѣе на лицахъ, составлявшихъ этотъ кружокъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, Александръ Ивановичъ усвоилъ многія качества, которыя остались на цѣлую жизнь и получили широкое примѣненіе въ послѣдствіи: привычку къ труду, серьезную работу мысли, не дававшую ему успокоиться на ограниченности однихъ практическихъ, большихъ и малыхъ, общественныхъ и личныхъ интересовъ и вопросовъ, стремленіе къ литературной дѣятельности, какъ къ одному изъ общественныхъ проявленій работы мысли въ образованномъ человѣкѣ.

Однимъ изъ самыхъ постоянно близкихъ къ Александру Ивановичу людей кружка былъ князь Владиміръ Ѳеодоровичъ Одоевскій (1803—1869 гг.); онъ же выступилъ однимъ изъ первыхъ на литературное поприще и занялъ тамъ видное мѣсто. Оцѣнку литературной дѣятельности князя Одоевскаго въ послѣднее время сдѣлалъ г. Скабичевскій въ своемъ изслѣдованіи — „Очеркъ умственнаго развитія нашего общества“. Г. Скабичевскій придастъ значеніе не столько литературнымъ произведеніямъ Одоевскаго, сколько его философскимъ обобщеніямъ и выводамъ. „Универсальная образованность,—говоритъ г. Скабичевскій,—ставившая Одоевскаго *цѣлою цѣлою выше своихъ современниковъ*, невольно приводила его къ такимъ идеямъ и вопросамъ, которые въ *туманныхъ и темныхъ цѣловахъ* людей 30 годовъ были немислимы“. Въ своихъ поискахъ за этими идеями, г. Скабичевскій въ нѣсколькихъ строчкахъ Одоевскаго открываетъ даже идею о развитіи органической жизни, близкую къ теоріи Дарвина (?!), которую Одоевскій такъ сказать предчувствовалъ, хотя, конечно, *не имѣлъ о ней понятія* (?!). Это *предчувствіе* со стороны князя Одоевскаго теоріи Дарвина есть своего

рода натяжка; въ двадцатыхъ годахъ былъ у насъ единственный человѣкъ, на котораго можно указать, какъ на предчувствовавшего эволюционную теорію, это—Галичъ, о которомъ мы уже упомянули въ своемъ мѣстѣ (т. I, стр. 446).

Почему Одоевскій ограничился одними только предчувствіями, темными гаданіями и отдѣльными мыслями въ духѣ положительнаго міросозерпанія, а не сдѣлался положительнымъ мыслителемъ всецѣло, г. Скабичевскій объяснилъ „тѣмъ раздвоеніемъ, которое находилось въ умахъ всѣхъ современниковъ Одоевскаго—и на Западѣ, и у насъ. Съ одной стороны, наука невольно наталкивала ихъ на новыя идеи, которыя насильно вырвались изъ нихъ; съ другой стороны, они пугались этихъ идей и спѣшили укрыться отъ нихъ подъ сѣнь различныхъ мистическихъ и метафизическихъ ученій“. Но это объясненіе,—если въ немъ и есть какая-либо доля правды,—весьма односторонне и потому неосновательно. Съ одной стороны, не всѣ „идеи, вѣрованія и предрасудки“, другими словами—не все историческое достояніе прошедшаго существуетъ исключительно въ смыслѣ тормоза для дальнѣйшаго развитія мысли; а съ другой стороны опытъ и наблюденіе, доступные мыслящему уму въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ, не исчерпываютъ всей области человѣческихъ знаній. Поэтому раздвоеніе между новыми идеями и традиціями старой эпохи, существующее всегда и вездѣ, не есть вовсе особый, характеристическій признакъ 30-хъ годовъ; и при этомъ такое раздвоеніе никогда не мѣшало людямъ, къ тому призваннымъ, становиться положительными мыслителями всецѣло. Одоевскій ограничился „однимъ только предчувствіемъ и темными гаданіями“ отчасти потому, что въ его время „предчувствія“ и „гаданія“ имѣли такое значеніе, какъ теперь положительное знаніе. „Моя юность,—говоритъ самъ Одоевскій,—протекла въ ту эпоху, когда метафизика была такою же общою атмосферой, какъ нынѣ политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ которой возможно было бы постронть всѣ явленія природы, точно такъ какъ теперь вѣримъ въ возможность такой соціальной жизни, которая бы вполнѣ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка. Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человѣка — казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ, которые рылись въ *грубой матеріи*. Изъ естествен-

ныхъ наукъ лишь одна казалась достойною вниманія любомудра—анатомія, какъ наука человѣка. Мы принялись за оную практически, подъ руководствомъ знаменитаго Лодера; но анатомія естественно натолкнула насъ на физиологію, науку тогда только-что начинавшуюся и которой первый плодovitый зародышъ появился у Шеллинга, впоследствии у Окена и Каруса. Но въ физиологіи, естественно, встрѣчались намъ на каждомъ шагу вопросы, необъяснимые безъ физики и химіи, да и многія мѣста въ Шеллингѣ были темны безъ естественныхъ наукъ. Вотъ какимъ образомъ гордые метафизики были приведены къ необходимости завестись колбами, рецептовъ и тому подобными снадобьями, нужными для грубой матеріи“ („Русскій Архивъ“ 1874 года, I, 316 — 318). Хотя Одоевскій еще въ молодости пробовалъ заниматься историческимъ изученіемъ философіи и даже помѣстилъ въ „Мнемозинѣ“ статью „Секта идеалистико-электрическая“, отрывокъ изъ составленнаго авторомъ „Словаря исторіи философіи“ (IV, 160—192), но въ концѣ концовъ Одоевскій былъ шеллингистомъ. Философія Шеллинга, въ смыслѣ системы тождества, была скорѣе произведеніе поэта, нежели система мыслителя: это была величайшая эпопея романтизма, которой равняется—и то только по красотѣ формы и большей удобопонятности — изложеніе „Фауста“ Гёте. Оттого во время господства шеллингизма такъ подвинулись поэзія и искусство. Даже сухая и мертвая діалектика Гегеля не похоронила этого вліянія: поэтической духъ Шеллинга пробился въ Гегелевой эстетикѣ и потому она дольше сохраняла значеніе и шире распространилась, нежели всѣ остальныя части Гегелевой философіи. Подъ вліяніемъ шеллингизма развилась въ Германіи та романтическая литература, гдѣ въ художественномъ созданіи воплощалась фантазія художника во всей ея безграничности,—литература, которой представителями были: Жанъ-Поль Рихтеръ и Гофманъ. Точно такой же складъ міросозерцанія развился подъ вліяніемъ Шеллинга и у Одоевскаго, вслѣдствіе чего онъ принялъ за образецъ главнымъ образомъ Гофмана, вліяніе котораго осталось на его произведеніяхъ. Помимо этого и по природѣ своей Одоевскій былъ художникъ, а не мыслитель, человѣкъ жившій воображеніемъ, фантазією, которому кропотливая усидчивость и рѣзко отграниченная и точно опредѣленная аналитическая работа мысли, создающія мыслителя, были несвойственны. Этимъ отчасти объясняется и его

универсальность. Въ „Старичкахъ на островѣ Панхай“ Одоевскому, между прочимъ, представлялся кружокъ стариковъ-младенцевъ, которые всѣ сидѣли, наморщивъ брови, и съ важностью складывали песчинку въ песчинкѣ; имъ хотѣлось такимъ образомъ соорудить зданіе, подобное храму Геміонеи: эта аллегорія названа „Опытными знаніями“. Цивилизація же, по мнѣнію Одоевского, движется только трудами „безсмертныхъ юношей“, ихъ очи пламенѣютъ небеснымъ огнемъ, ихъ не туманитъ *ничтожное земное*, ихъ взоры быстро стремятся къ *возвышенному* („Мнемоз.“ 71, 8). Отчужденіе Одоевского отъ опытнаго знанія проглядываетъ даже тамъ, гдѣ онъ самъ признаетъ его необходимымъ. Одоевскій, на примѣръ, въ письмѣ къ пріятелю-помѣщику изъ Выборга, отъ 20 августа 1850 г., пишетъ, между прочимъ: „вольно же было природѣ вмѣсто благороднаго чувства чинomanіи вставить въ меня любовь къ возявкамъ подъ микроскопомъ, а особливо къ одной весьма неблагоприличной вещи, а именно къ цвѣточной сѣменной пыли (pollen, le floûte des fleurs); только и грежу, чтобы основать на нихъ (прошу не шутить) полную, *безъ исключеній*, систему ботанической классификаціи; *да вотъ бѣда: нужны пять лѣтъ ежедневныхъ наблюденій, чтобы убѣдить въ этомъ другихъ такъ, какъ я самъ убѣжденъ*“ („Рус. Арх.“ 1879 г., № 4, стр. 526). Неужели и здѣсь,—въ томъ, что темное предчувствіе кн. Одоевского не обратилось въ научную истину, которой, прибавимъ мимоходомъ, наука и до сихъ поръ не выработала, несмотря на всѣ наблюденія цвѣточной пыли подъ микроскопомъ,—виновато то „раздвоеніе“, о которомъ говоритъ г. Свабичевскій?! Гораздо проще и вѣрнѣе опредѣлил значеніе Одоевского Бѣлинскій: „Одоевскій,—говоритъ онъ,—изображаетъ собою человѣка нашего времени, впавшаго въ отчаяніе сомнѣнія и уже не въ знаніи, а въ произволѣ чувства ищущаго разрѣшенія на свои вопросы“ (IX, 55). Всего же нагляднѣе внутренній процессъ своей дѣятельности изобразилъ самъ Одоевскій, приводя такой рассказъ про одного изъ своихъ героев: „онъ употреблялъ для объясненія все, что ему ни попадалось, алхімію и іероглифику, медицину и математику; отъ пророческаго тона онъ исходилъ къ самой пустой полемикѣ, отъ философскихъ разсужденій—къ гостиннымъ фразамъ; *вездѣ сплъсь, пустота, странность*. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, жаль, что бумага не можетъ сохранить его сердечнаго убѣжденія въ истинѣ словъ, имъ сва-

занныхъ, драматическаго участія къ судьбѣ художниковъ, особеннаго искусства отъ простаго предмета восходить постепенно до сильной мысли и сильнаго чувства, — *грустной насмѣшки надъ обыкновенными занятіями обыкновенныхъ людей*“ (Одоевск. соч., т. I, стр. 214).

Одоевскій выступилъ на литературное поприще очень рано, еще на пансіонской скамьѣ, помѣстивъ небольшой переводный отрывокъ изъ Лабрюера въ пансіонскомъ сборникѣ „Калліопа“ 1820 года (IV, 226). Въ „Вѣстн. Евр.“ 1821 г. (апрѣль, №№ 7 и 8) помѣщены переводы вн. Одоевскаго: „Разговоръ о томъ, какъ опасно быть тщеславнымъ“, читанный на французскомъ языкѣ воспитанниками Университетскаго благороднаго пансіона по случаю акта 2 апрѣля 1821 г., и „Премудрость и благодѣя Божія въ отношеніи къ человѣку“, съ греческаго изъ Іоанна Златоуста. Съ 1822 г. Одоевскій началъ помѣщеніе оригинальныхъ статей въ „Вѣстникѣ Европы“ подъ рубрикою „Письма къ Лужницкому старцу“, какъ называли тогда Каченовскаго, жившаго въ Лужнивахъ. Подъ этою рубрикою участвовали разныя лица (8), подъ вымышленными именами, изъ коихъ первымъ былъ Григ. Фед. Квитко-Основьяненко, начавшій здѣсь въ 1820 году помѣщеніе небольшихъ юмористическихъ статей. Одоевскій въ 1822 году помѣстилъ небольшой очеркъ, подъ заглавіемъ „Странный человѣкъ“, гдѣ подъ именемъ Ариста, заимствованнымъ у Вейсса, онъ очевидно описываетъ самого себя, неподчиняющагося господствующимъ приличіямъ, стремящагося къ наукѣ и серьезнымъ занятіямъ и предпочитающаго пріязнь умнаго и честнаго человѣка изъ низшаго круга пустымъ свѣтиламъ большаго свѣта, къ которому принадлежалъ онъ по рожденію. Судя по тому, что Одоевскій въ то же время помѣстилъ отрывокъ перевода изъ Лабрюера и заимствовалъ имя своего героя у Вейсса, очевидно, что онъ еще находился подъ вліяніемъ нравственно-сатирической литературы, которая осмѣивала господствующіе пороки и недостатки, противопоставляя имъ исключительныя для своего времени характеры въ видѣ идеала. Въ такомъ родѣ въ 1823 году онъ помѣстилъ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Дни досадъ“. Здѣсь Одоевскій продолжаетъ свой протестъ противъ предразсудковъ, пустоты и невѣжества большаго свѣта. Погодинъ говоритъ, что эти статьи произвели движеніе между сверстниками. Когда въ обществѣ Ранча зашелъ толь о жур-

налѣ, Одоевскій первый отозвался рѣшительно и смѣло: „для первой книжки я напишу повѣсть“. „Увѣренность,—говоритъ Погодинъ,— съ которою произнесены были эти слова, подѣйствовала на нѣкоторыхъ изъ насъ очень сильно: каковъ Одоевскій! прямо такъ и говоритъ, что напишетъ повѣсть,—стало-быть онъ надѣется на себя!“ Эта самонадѣянность не обманула ни самого Одоевскаго, ни публику: когда толки о журналѣ между членами его кружка прекратились, вслѣдствіе рѣшенія объ изданіи „Телеграфа“, Одоевскій объявилъ въ декабрѣ 1823 года объ изданіи „Мнемозины“. Съ этою цѣлью онъ познакомился съ товарищемъ и пріятелемъ Пушкина, В. Кюхельбекеромъ.

Мы уже отчасти познакомились съ Кюхельбекеромъ, какъ съ выдающимся критикомъ; считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ безвременно погибшемъ, въ свое время замѣчательномъ, но теперь совсѣмъ позабытомъ дѣятелѣ нашей литературы. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ (1797—1846 г.) былъ сынъ выходца изъ Саксоніи, австрійскаго дворянина, имѣвшаго помѣстье въ Эстляндіи и бывшаго долго управляющимъ Павловска (имѣніе вел. кн. Павла Петровича). Пока Кюхельбекеръ былъ дома, на его воспитаніе имѣла вліяніе главнымъ образомъ старшая сестра его, Юстина Карловна (род. 1786 г.), которую онъ называлъ второю матерью и съ которой онъ сохранялъ самыя сердечныя связи въ теченіе всей своей жизни: она была замужемъ за дерптскимъ профессоромъ Глинкою. Глинка (1777—1818) изъ военной службы перешелъ на ученое поприще, получилъ званіе доктора въ Геттингенскомъ университетѣ и занялъ кафедру русской словесности въ Дерптѣ (1802—1810). Въ 1811 г. Глинка назначенъ былъ состоять „кавалеромъ“ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ и преподавалъ русскую словесность императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и великимъ княжнамъ. Домашнее свое воспитаніе Кюхельбекеръ окончилъ сначала въ частномъ пансіонѣ Верро, а затѣмъ въ Царскосельскомъ лицей (въ 1811—1817 годахъ). Онъ былъ товарищемъ Пушкина, Дельвига, барона Корфа, кн. Горчакова и декабриста Пушина. Кюхельбекеръ, въ числѣ выдающихся воспитанниковъ, награжденъ былъ серебряною медалью.

Бар. Корфъ такъ опредѣляетъ значеніе лицея своего времени: „Лицей въ то время былъ не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью всего это-

то вмѣстѣ, и, вопреки Сперанскаго, смѣю думать, что онъ былъ заведеніемъ не соответствующимъ ни своей особенной, ни вообще какой-нибудь цѣли... Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ вполне предаваться самой изысканной лѣни; но кто и хотѣлъ, тому не много открывалось способовъ при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части преподавателей. Несмотря на то, нашъ выпускъ, болѣе всѣхъ запущенный, по результатамъ своимъ вышелъ едва ли не лучше другихъ... Какъ это дѣлалось, трудно дать отчетъ. Мало учились въ классахъ, но много въ чтеніи и въ бесѣдѣ. Основательнаго, глубокаго въ нашихъ познаніяхъ было конечно немного; но *поверхностно* мы имѣли идею обо всемъ и очень были богаты блестящимъ всезнаніемъ, которымъ такъ легко и теперь, а тогда было еще легче отыгрываться“ (Гаевскій, „Соврем.“ 1863, № 7, 131—132). Это отсутствіе серьезнаго образованія, вмѣстѣ съ аристократическою нетерпимостью, надолго осталось характеристикою лицейскаго образованія и, къ несчастью, сказалось въ дѣятельности замѣчательно талантливыхъ людей, составившихъ первый выпускъ лицей, не исключая и Пушкина. Но лицей того времени былъ въ особенности замѣчателенъ страстью къ литературѣ воспитанниковъ: между ними безпрестанно одинъ журналъ смѣнялъ другой, мѣнялись редакторы и кружокъ сотрудниковъ, но большинство воспитанниковъ попробовали свои силы еще въ ранней молодости. Въ числѣ лицейскихъ литераторовъ не послѣднее мѣсто занималъ Кюхельбекеръ. Кюхельбекеръ уже въ то время знакомъ былъ съ современными нѣмецкими классиками и благоговѣлъ предъ Клопштокомъ; онъ распространялъ свои знанія въ товарищескомъ кругу и познакомилъ Дельвига съ антологическими стихотвореніями Гельти и съ идилліями Геснера. Кюхельбекеръ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ, но по-русски онъ въ то время зналъ плохо, и стихи давались ему съ величайшимъ трудомъ, до конца лицейскаго воспитанія. Пушкинъ, постоянно смѣявшійся надъ его бесплодными усиліями, совѣтовалъ ему писать по-нѣмецки, но Кюхельбекеръ возражалъ, что въ Германіи уже много поэтовъ, а въ Россіи такъ еще мало, что и онъ не будетъ лишнимъ (147). Неужлюжій, всегда мечтательный и увлекающійся, Кюхельбекеръ часто подвергался насмѣшкамъ и шалостямъ своихъ товарищей: было даже въ лицей дѣло „о сумасшествіяхъ Кюхельбекера“ (9). По отзыву его дочери, г-жи Косовой, сообщившей

записку для біографическаго его очерка, помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ“ (1875, ч. XIII), вмѣстѣ съ чувствительнымъ сердцемъ, отличительною чертою нравственнаго существа Вильгельма Карловича, въ немъ съ ранней молодости необыкновенно развились фантазія и восторженность. Семи, осьмилѣтнимъ ребенкомъ онъ углублялся въ роцахъ отцовскаго помѣстья, громко и восторженно импровизуя сложныя рыцарскія сказки и поэмы. Отецъ его, встревоженный экальтаціей ребенка, часто прерывалъ самыя восторженныя порывы сына ариметическими задачами, но наклонности къ поэзіи не могъ въ немъ уничтожить (355). Отзывъ этотъ, совершенно противорѣчащій тѣни, наброшенной на Кюхельбекера въ „Запискахъ“ Греча (стр. 383), вполне подтверждается свидѣтельствомъ людей близкихъ и безпристрастныхъ. Баратынскій, хорошо знавшій Кюхельбекера, сообщаетъ о немъ такую характеристику въ письмѣ своемъ къ Н. Путьгѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до 14-го декабря: „Онъ человекъ занимательный по многимъ отношеніямъ и рано или поздно, въ родѣ Руссо, онъ будетъ замѣтенъ между нашими писателями. Онъ съ большими дарованіями и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ женеваго чудака: та же чувствительность и недоувѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей (!?), и порой та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ привести въ жертву,—человекъ вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ-быть и для славы) и для несчастія“ („Русск. Арх.“ 1867 года, стр. 266). Грибоѣдовъ въ письмѣ къ сестрѣ Кюхельбекера, Юстинѣ Карловнѣ Глинѣ, отъ 26 января 1823 года выражался такимъ образомъ: „Что подѣлываетъ нашъ добрый Вильгельмъ, подвергшійся несчастію, прежде нежели успѣлъ воспользоваться столь немногими истинными удовольствіями, доставленными намъ обществомъ, мучимый, непонятый людьми, между тѣмъ какъ онъ отдается каждому встрѣчному съ самымъ искреннимъ увлеченіемъ, радушіемъ и любовью? Всегда опасаясь быть въ тягость другимъ, онъ становится въ тягость лишь своей собственной чувствительности“ („Рус. Стар.“ 1875, XIII, 345). Но всего оригинальнѣе совѣты, которые даетъ въ своихъ письмахъ Кюхельбекеру тогдашній директоръ Царскосельскаго лицея Энгельгардтъ, оставившій по себѣ такую добрую память

между своими бывшими воспитанниками. Онъ признаетъ, что Кюхельбекеръ страдаетъ не за *дѣла*, а за *слова*, и даетъ ему совѣтъ быть воздержаннымъ на языкъ и знать, когда и при комъ можно пускаться въ разсужденія... Такъ и видишь передъ собой то тяжелое время, когда неосторожно сказанное слово, безъ всякой другой вины, могло навсегда погубить человѣка...

Послѣ выхода изъ лица Кюхельбекеръ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и въ то же время былъ старшимъ учителемъ русскаго и латинскаго языковъ въ пансіонѣ, учрежденномъ при педагогическомъ институтѣ. Въ 1820 году Кюхельбекеръ отправился за границу секретаремъ при Алекс. Львовичѣ Нарышкинѣ; изъ Берлина, чрезъ Дрезденъ и Авиньонъ, путешествіики проѣхали въ Марсель, оттуда въ Ниццу и 2 марта 1821 года пріѣхали въ Парижъ. Тамъ Кюхельбекеръ, наскучивши капризами избалованнаго аристократа, разошелся съ Нарышкинымъ. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ началъ во французскомъ „Атенеѣ“ чтенія о славянской литературѣ, гдѣ, воснувшись старинной свободы, первый указалъ на новгородское вѣче, какъ на зародышъ либеральныхъ учреждений. Такой тонъ не понравился русскому посольству, лекціи были остановлены и Кюхельбекеру велѣно было вернуться въ Россію. Нарышкинъ отъ Кюхельбекера совершенно отказался и послѣдній прибылъ въ Петербургъ осенью 1821 года, съ поэтомъ В. И. Туманскимъ. Это былъ первый случай, вслѣдствіе котораго Кюхельбекеръ *попалъ на замѣчаніе*. Несмотря на то, по рекомендаціи А. И. Тургенева и гр. Нессельроде, онъ вскорѣ получилъ мѣсто на Кавказѣ чиновника особыхъ порученій при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ. Но тамъ Кюхельбекеръ пробылъ около полугода, поссорился съ однимъ изъ своихъ начальниковъ, далъ ему плеху и въ маѣ 1822 года вернулся въ Петербургъ. Остальное время 1822 г. и часть 1823-го Кюхельбекеръ провелъ у сестры своей Ю. К. Глинки въ духовщинскомъ ея имѣніи, селѣ Закупѣ, Смоленской губерніи. Съ 27 іюля 1823 г. Кюхельбекеръ переселился въ Москву, гдѣ получилъ уроки русской словесности въ Университетскомъ пансіонѣ, а также давалъ частные уроки и занимался литературой. Къ этой эпохѣ относится изданіе „Мнемозинъ“. Въ апрѣлѣ 1825 года Кюхельбекеръ, вернувшись въ Петербургъ, поселился на дачѣ въ семействѣ Н. И. Греча, гдѣ прожилъ до половины лѣта, а остальную часть лѣта и всю осень провелъ

у сестры своей, въ Смоленской губерніи, вмѣстѣ съ братомъ, морскимъ офицеромъ, только-что возвратившимся изъ кругосвѣтнаго плаванія и также подвергшимся ссылке. Съ октября 1825 года Кюхельбекеръ жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ декабристомъ и даровитымъ поэтомъ, поручикомъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, вв. А. И. Одоевскимъ. 5 декабря 1825 г. Кюхельбекеръ писалъ матери, что онъ надѣется, по рекомендаціи Шишкова и И. М. Муравьева-Апостола, получить мѣсто профессора литературы, проектированное адмираломъ Грейгомъ для образованія морскихъ офицеровъ; а 14 декабря совершилось роковое событіе. Кюхельбекеръ, пробравшійся за границу, былъ задержанъ въ Варшавѣ и 25 января 1826 годъ привезенъ въ Петербургъ. — Въ тайное общество Кюхельбекеръ введенъ былъ Рылѣвымъ въ послѣдній прїѣздъ его въ Петербургъ, слѣдовательно не задолго до самой катастрофы. Замѣчательно показаніе Кюхельбекера въ слѣдственной комиссіи, что именно побудило его вступить въ заговоръ. Это была распространяющаяся и въ народѣ порча нравовъ, особенно же лукавство и недостатокъ честности, которыя Кюхельбекеръ приписывалъ угнетенію и всегдашней неувѣренности, въ которой находится рабъ насчетъ права пользоваться своимъ имуществомъ. „Признаюсь,—говоритъ Кюхельбекеръ,—что эта причина была одна изъ самыхъ главныхъ, ибо, взирая на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ народъ Русскій,—народъ первый въ свѣтѣ по славѣ и могуществу своему, по своему звучному, богатому и мощному языку, коему въ Европѣ нѣтъ подобнаго, наконецъ по радушію, мягкосердію, остроумію и непамятозлобію, ему предъ всѣми свойственнымъ,—я душою скорбѣлъ, что все это подавляется, вянетъ и можетъ-быть опадеть, не принеши никакого плода въ нравственномъ мірѣ. Другою причиной моего неудовольствія настоящимъ положеніемъ дѣлъ было крайнее стѣсненіе, которое русскія словесность претерпѣвала въ послѣднее время, не въ силу цензурнаго устава, но, какъ полагалъ я, отъ самоуправства цензоровъ“ (Богдановичъ, „Исторія Императора Александра“, VI, 412). Демократическія тенденціи Кюхельбекера обнаружилась, между прочимъ, въ шуточномъ его рассказѣ, напечатанномъ въ „Мнемозинѣ“: „Земля безглавцевъ“. Здѣсь описывается фантастическое путешествіе на луну, въ страну Авефалію, гдѣ все воспитаніе направлено къ тому, чтобы совершенно уничтожить въ человѣкѣ голову и сердце, а ходячею

монетой для расплаты по всѣмъ сдѣлкамъ, общественнымъ и частнымъ, приняты палочные удары и побой; одной черни въ Авефалии позволено сохранять сердце и голову, совершенно излишнія, по мнѣнію высшихъ классовъ, части тѣла человѣческаго; но и самые простолудины селятся сбыть ихъ съ рукъ и, по большей части, успѣваютъ въ своихъ покушеніяхъ („Мнем.“, II, 148). Вообще декабристы, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, проникнуты были желаніемъ общаго блага. Волны патриотизма, поднятыя событіями 1812 года, еще не улеглись въ то время и молодежь проникнута была искреннею и горячею, хотя заблудившеюся въ политическихъ мечтаніяхъ, любовью къ родной странѣ. Это чувство, наравнѣ съ другими, одушевляло Кюхельбекера, такъ что не безъ основанія авторъ біографическаго очерка въ „Русской Старинѣ“ называетъ Кюхельбекера *первымъ славянофиломъ*. Кюхельбекеръ хотѣлъ даже носить русское платье, по крайней мѣрѣ въ деревнѣ, и, несмотря на свое не русское происхожденіе и на иностранный акцентъ, онъ неистово вооружался противъ германизмовъ, галлицизмовъ и вообще чужихъ словъ въ русскомъ языкѣ („Русск. Стар.“ 1875 г., XIII, 337, примѣч.). Кюхельбекеръ въ своемъ дневникѣ самъ выражается, что онъ болѣе сочувствовалъ направленію Шишкова, Грибоѣдова и Катенина, заботившихся объ очищеніи русскаго языка и обновленіи его древнеславянскимъ. Кюхельбекеръ послѣ выхода изъ лица тотчасъ же попалъ въ литературную среду Пушкинъ вообще остался истиннымъ и вѣрнымъ другомъ Кюхельбекера; въ своей „Лицейской Годовщинѣ“ (19-го октября 1825 г.) онъ называетъ „его братомъ по музѣ и судьбѣ“; ему же Пушкинъ посвятилъ нѣсколько посланій, проникнутыхъ искреннею пріязнію. Неоднократно, послѣ ссылки Кюхельбекера, Пушкинъ домогался разрѣшенія властей доставлять ему книги и вступить въ переписку, но всякій разъ получалъ отказъ. Впрочемъ письма Пушкина, какъ видно, иногда доходили до его несчастнаго друга черезъ родныхъ; что же касается до Жуковскаго, то онъ переписывался съ Кюхельбекеромъ больше черезъ Третье Отдѣленіе, но получалъ отъ него письма иногда также черезъ оказію. На Кавказѣ Кюхельбекеръ дружески сошелся съ Грибоѣдовымъ. Кромѣ своихъ товарищей, Пушкина и Дельвига, Кюхельбекеръ былъ въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ со всѣми тогдашними литераторами старшаго и младшаго поколѣнія: съ Жуковскимъ,

Крыловымъ, Катенинымъ (съ которымъ онъ былъ въ родствѣ и близкой пріязни), Воейковымъ, Измайловымъ, Гнѣдичемъ, Д. Давыдовымъ, Плетневымъ, Сомовымъ, Баратынскимъ, Туманскимъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, Рылѣевымъ, А. Бестужевымъ, кн. А. Одоевскимъ,—съ журналистами: Гречемъ, Булгариннымъ и друг. Кюхельбекеръ началъ писать стихи еще бывши въ лицѣ: въ „Амфіонѣ“, издававшемся въ Москвѣ Мерзляковымъ (а не въ „Вѣстникѣ Европы“, какъ показано ошибочно въ біографическомъ очеркѣ), онъ помѣстилъ въ 1815-мъ году три стихотворенія: „Безсмертный духъ“ (IX, 21—24), „Мертвый живому“ (IX, 25—27) и „Пѣсня Лапландца“ (тамъ же, 34—35). Послѣднія двѣ пьесы перепечатаны въ „Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій“, издававшемся Россійскою академіей. Стремленіе къ поэзіи у Кюхельбекера было врожденное, а не привитое господствовавшею тогда модою. Въ 1821 г. изъ смоленскаго имѣнья своей сестры Кюхельбекеръ писалъ Жуковскому: „Недостатки моей поэмы я очень самъ чувствую и вѣрно исправлю ихъ; но нынѣ долженъ уже пожертвовать для *хлѣба насущнаго* авторскою славою; переводить же или заняться чѣмъ-нибудь инымъ, а не поэзіею, не могу, еслибы и пришлось мнѣ умереть съ голоду“ („Русск. Арх.“ 1871 г., 0171). Въ 1827 или 28 году, вскорѣ послѣ своего заключенія, Кюхельбекеръ писалъ племяннику своему Николаю Григорьевичу Глинкѣ: „Ни о чемъ въ свѣтѣ, кажется, я столько не думалъ, какъ объ искусствѣ, которому посвятилъ жизнь свою, посвятилъ ее, можетъ-быть, безъ всякой пользы. Безъ пользы?—Конечно, если разумѣть подъ пользою выгоды житейскія или даже самыя наслажденія славою: имя мое забудется (говоря о моихъ литературныхъ грѣхахъ, какъ будто бы о произведеніяхъ другаго), ибо хотя я можетъ-быть и былъ бы чѣмъ-нибудь со временемъ, но всѣ мои произведенія незрѣлы, несовершенны, и, несмотря на то, никогда не буду жалѣть о томъ, что я былъ поэтомъ,—утѣшенія, которыя доставляла мнѣ поэзія въ теченіе моей бурной жизни, столь велики, что довольно и ихъ,—довольно, говорю, для меня и ихъ,—и я считалъ бы себя неблагодарнымъ, еслибы требовалъ для себя отъ поэзіи еще чего другаго“ („Русск. Стар.“, XVII, 351). Въ дневникѣ своемъ подъ 29 января 1831 г. Кюхельбекеръ записалъ: „Сегодня я отмѣчу нѣчто отрадное и благое. Слава Богу, опять у меня пошли стихи на ладъ, а это для меня очень важно, потому что когда сочиняю, тогда

меня не мучить хандра“ (XIII, 499). Съ 1818 по 1820 г., до отъезда своего за границу, Кюхельбекеръ принималъ ревностное участіе въ петербургскихъ журналахъ—„Сынъ Отечества“, „Благонамѣренномъ“, „Трудахъ общества соревнователей литературы и просвѣщенія“ и „Невскомъ Зрителѣ“: тамъ онъ помѣщалъ свои стихотворенія, повѣсти и критическія статьи⁽¹⁰⁾. Въ 1823 году онъ издавалъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ альманахъ „Мнемозину“, а съ 1825 г. возобновилось сотрудничество его въ петербургскихъ журналахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кюхельбекеръ отъ мелкихъ стихотвореній перешелъ къ созданію крупныхъ произведеній. Онъ издалъ отдѣльно „Шекспировы духи“, драматическую шутку въ двухъ дѣйствіяхъ (Соч. Кюхельбек. С.-Пб. 1825 г.), и началъ трагедію „Аргиване“, изъ которой отрывки помѣщены въ „Мнемозинѣ“, и фантастическую мистерію „Ижорской“, изъ которой отрывки появились, безъ его подписи, въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1828 годъ. Въ крѣпостномъ заключеніи Кюхельбекеръ, насколько можно было, занимался чтеніемъ, преимущественно Библии и Гомера, выучился англійскому языку и переводилъ трагедію Шекспира „Ричардъ III“, написалъ пьесу „Зоровавель“ и много другихъ мелкихъ стихотвореній; кромѣ того онъ велъ дневникъ, отрывки изъ котораго напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1875 года⁽¹¹⁾. Освободившись отъ десятилѣтняго странствованія по крѣпостямъ, Кюхельбекеръ поселенъ былъ, въ концѣ 1871 года, въ Баргузинѣ, заштатномъ городѣ Забайкальской области, въ Восточной Сибири, и здѣсь женился на дочери почтмейстера Артепова, Дросидѣ Ивановнѣ. Біографическій очеркъ называетъ ее, несмотря на совершенное отсутствіе образованія, доброй, любящей и внимательною женой. Но совсѣмъ другое впечатлѣніе произвела она на Пущина, когда его посѣтила въ Ялуторовскѣ семья Кюхельбекеровъ, на пути изъ Ашшинской крѣпости въ Курганскій уѣздъ, Тобольской губерніи. Некрасивая жена Вильгельма Карловича показала Пущину необыкновенно тяжелою своимъ нравомъ и симпатіи между супругами не было никакой („Русск. Арх.“ 1879 г., III, 473). Въ Сибири бѣдность удручала изгнанника, денегъ присылаемыхъ родными не хватало, заработокъ отъ обученія дѣтей сокращался, а между тѣмъ время дѣлало свое. 14 августа 1846 года скончался Кюхельбекеръ отъ чахотки въ Тобольскѣ, куда ему дозволено было переѣхать по случаю болѣзни. Несмотря на всѣ эти невзгоды, Кюхельбекеръ до самой

смерти своей не оставлялъ занятій литературою; онъ оставилъ по себѣ цѣлый сундукъ рукописей; умирая, онъ сказалъ женѣ: „Это мое достояніе: сохрани для дѣтей“. Изъ своей ссылки Кюхельбекеръ напечаталъ „Ижорскаго“ (С.-Пб. 1832 г.) на счетъ III-го Отдѣленія Собств. Канц.: есть указаніе, что изданіемъ этимъ завѣдывалъ Пушкинъ и вырученными отъ продажи деньгами нѣкоторое время поддерживалъ изгнанника. Третья часть „Ижорскаго“, доставленная также въ III-е Отдѣленіе, осталась не напечатанною. Но когда въ 1840 г. сдѣлано было представленіе, не будетъ ли дозволено печатать произведенія Кюхельбекера безъ имени автора,—получился отвѣтъ: „еще не время“. Въ 1861 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“ проскользнули два стихотворенія Кюхельбекера безъ подписи: „19 октября 1836 г.“ (т. 139, стр. 38) и „19 октября 1837 г.“ (тамъ же, стр. 40). Въ 1862 году часть стихотвореній Кюхельбекера, написанныхъ во время ссылки, напечатана была за границею („Собраніе стихотвореній декабристовъ“. Берлинъ, 1862 г.).

Критическую оцѣнку литературной дѣятельности Кюхельбекера мы уже сдѣлали; а стихотворенія его не представляютъ ничего выдающагося. До ссылки Кюхельбекеръ писалъ элегіи и посланія въ томъ шаблонномъ стилѣ, который самъ онъ осудилъ въ приведенной нами критической статьѣ, а стихотворенія во время заключенія проникнуты глубокою религіозностью и тѣмъ отсутствіемъ озлобленія, которое поражаетъ иногда въ благодушныхъ и чистыхъ людяхъ, терпѣливо переносящихъ жестокіе удары судьбы. Крупныя произведенія Кюхельбекера также не заслужили одобренія современниковъ. О комедіи Кюхельбекера Пушкинъ писалъ Плетневу: „Кюхельбекера „Духи“—дрянь: стиховъ хорошихъ очень мало, вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно. Не говори этого ему: онъ огорчится“. При выходѣ въ свѣтъ „Ижорскаго“ Бѣлинскій очень неодобрительно отозвался объ этой мистеріи: „Грустно видѣть человѣка съ умомъ, съ большею или меньшею степенію образованія, человѣка съ уваженіемъ къ святымъ предметамъ челоувѣческаго обожанія, любящаго искусства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ жестоко обманывающагося насчетъ своего призванія, такъ дурно понимающаго высокое слово: искусство! Для того, чтобы быть поэтомъ, мало ума,—нужны чувство и фантазія. Дѣлать поэмы можетъ всякій, творить—одинъ поэтъ. Работа всегда остается работою, какъ бы ни высока была ея цѣль“ (Соч., I, 414).

Но порой всё невзгоды—и семейныя, и общественныя, удручающія изгнанника, вырывались наружу въ трогательно-поэтическихъ думахъ, которыхъ нельзя прочесть безъ сочувствія:

Они моихъ страданій не поймутъ,
Для нихъ смѣшонъ унылый голосъ боли,
Боторая, какъ червь, таится тутъ—
Въ груди моей. Есть силы, нѣтъ мнѣ воли!
Хоть мигъ покоя дайте! Нѣтъ и нѣтъ...
Вотъ вспыхнуло: я вспрыгнулъ, я поэтъ!
Божественный объемлетъ душу пламень,
Толпятся образы, чудесный свѣтъ
Въ глазахъ моихъ—и все напрасно: нѣтъ!
Пропало все! Добро бы съ неба камень
Мнѣ черепъ раздвоилъ, или перунъ
Меня сожегъ: послѣдній трепеть струнъ
Разорванныхъ вздохнулъ бы въ дивныхъ звукахъ
И умеръ бы, какъ грома дальнѣй гулъ...
Но я увязъ въ ничтожныхъ, мелкихъ мукахъ,
Но я въ заботахъ грязныхъ утонулъ!
Нѣтъ, не страшусь убійственныхъ объятій
Огромнаго несчастья: рокъ, души!
Ты выжмешь жизнь,—не выдавишь души...
Но погибать отъ кумушекъ, отъ сватей,
Отъ лепета сосѣдей и друзей...
Не говорите мнѣ: «ты—Прометей!»
Тотъ былъ къ скалѣ заоблачной прикованъ,
Его терзалъ не глупый воробей,
А мощный коршунъ... Былъ я очарованъ
Когда-то обольстительной мечтой;
Я думалъ: кончится борьба съ судьбой
И съ нею всё земныя испытанья;
Не будетъ сломанъ, устоятъ борецъ,—
Умреть, но не лишится воздаянья
И вырветъ напоследокъ свой вѣнецъ
Изъ рукъ суровыхъ... Бѣдный я слѣпецъ!
Судьба беретъ меня изъ стѣнъ моей темницы,
Толкастъ въ мѣръ (вѣдь я о немъ жалѣлъ),
А мой-то мѣръ исчезъ, какъ блескъ зарницы,
И быть нулемъ—отнынѣ мнѣ удѣлъ!

„Мнемозина“ появилась какъ органъ меньшинства или интимнаго кружка. Издатели желали положить начало новой журналистикѣ, ближайшею цѣлью которой было бы ознакомленіе публики съ нѣмецкою философіей. „Съ сожалѣніемъ должно признаться,—говорить Одоевскій,—что мы, русскіе, еще не богаты философическими сочиненіями. Правда, мы богаты курсами словесности, учебниками, краткими и пространными риториками и пѣтиками, физическими и химическими книгами, но въ нихъ философія почтена вещью постороннею, излишнею. Нѣтъ ни одного—уже не говорю полнаго—курса философій, нѣтъ даже ни одного журнала, котораго бы хотя нѣсколько страницъ были посвящены философіи, который бы знакомилъ насъ съ усиліями геніевъ, друзей человѣчества, подвизающихся на пути въ сей основъ человѣческихъ знаній, и безъ коей всякое знаніе не имѣетъ никакого существеннаго значенія, точно также какъ всякое тѣло безцвѣтно, когда оно не подвержено дѣйствію свѣта. Не говорю уже о высшей необходимости истинной философій,—этой необходимости не втолкуешь глухонѣмымъ; но еслибы кто захотѣлъ внимательнѣе посмотрѣть на отношенія, связующія явленія съ ихъ началами, то нашелъ бы, что единственная причина тому, что мы до сихъ поръ и въ искусствахъ и въ наукахъ—только раздражатели, есть презрѣніе къ любомудрію. Этого мало: не только боятся говорить о философій, но даже, какъ замѣчено прежде меня, до сихъ поръ нѣкоторые почитаютъ сію науку не только бесполезною, но даже вредною,—до сихъ поръ философа не могутъ себѣ представить иначе, какъ въ образѣ французскаго говоруна 18-го вѣка. Много ли такихъ, которые могли бы измѣрить, сколь велико разстояніе между истинной, небесною философіей и—философіей Вольтеровъ и Гельвеціевъ“ („Мнемоз.“, IV, 160—163). Поэтому Одоевскій, для отличія, называетъ истинныхъ философовъ *любомудрами*, и съ тѣхъ поръ въ кружкѣ славянофиловъ удержалось слово любомудріе, означающее философію въ истинномъ значеніи этого слова.—Въ нѣсколькихъ словахъ о „Мнемозинѣ“ самихъ издателей, помѣщенныхъ въ самомъ концѣ, при прекращеніи изданія, цѣль его опредѣлена слѣдующимъ образомъ: „Главнѣйшая цѣль изданія нашего была—распространить нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи; обратить вниманіе нашихъ читателей на предметы въ Россіи мало извѣстные, по крайней мѣрѣ заставить говорить о нихъ; положить предѣлы нашему при-

страстію къ французскимъ теорикамъ; наконецъ показать, что еще не всѣ предметы исчерпаны, что мы, отыскивая въ чужихъ странахъ бездѣлкіи для своихъ занятій, забываемъ о сокровищахъ, вблизи насъ находящихся. И издатели „Мнемозины“ могутъ похвалиться, что нѣкоторымъ образомъ достигли своей цѣли: „Литературные Листы“, „Сынъ Отечества“, „Сѣверный Архивъ“, нападая на „Мнемозину“, списывали, и теперь еще списываютъ, изъ нея сужденія о французской словесности, о необходимости народной поэзіи; даже въ „Литературныхъ Листкахъ“ „Мнемозина“ заставила толковать о Шеллингѣ и Окенѣ, хотя и наизворотъ,—заставила журналистовъ говорить о нѣмецкихъ мыслителяхъ, такъ что иногда подумаешь, будто бы наши критики въ самомъ дѣлѣ читали сихъ послѣднихъ“. На сколько же цѣль эта была выполнена? Въ чемъ заключалось содержаніе „Мнемозины“?

„Мнемозина“, какъ всѣ тогдашніе альманахи, наполнялась преимущественно стихами и отчасти прозаическою беллетристикой. Въ „Мнемозинѣ“ изъ знаменитостей приняли участіе: Пушкинъ, другъ Кюхельбекера, Грибоѣдовъ, князь Вяземскій и Баратынскій. Грибоѣдовъ приходился родственникомъ Одоевскому и связанъ былъ съ нимъ музыкальными вкусами; кромѣ того, въ возникшей тогда въ Москвѣ полемикѣ о „Горѣ отъ ума“ Одоевскій сталъ на сторону почитателей, съ княземъ Вяземскимъ во главѣ, а между противниками самые горячіе были М. Дмитріевъ и Писаревъ, вышедшіе изъ пансіона за годъ до Одоевскаго. Пушкинъ помѣстилъ въ „Мнемозинѣ“ „Посланіе къ морю“ и поэму „Демонъ“, а Грибоѣдовъ— „Давида“. Въ прозаической беллетристикѣ всѣ статьи принадлежатъ самимъ издателямъ. Кн. Одоевскимъ были помѣщены: „Старикъ или островъ Панхай“, шесть „Апологовъ“, „Радуга“—индѣйское преданіе, „Слѣдствіе сатирической статьи“, отрывокъ изъ романа „Элладій“—картина изъ свѣтской жизни; Кюхельбекеръ: „Отрывки изъ путешествія по Европѣ“, „Адо“—эстонская повѣсть, „Земля безголовцевъ“—юмористическая фантазія. Изъ числа переводовъ напечатаны: „Многомѣры“, соч. Жанъ-Поль Рихтера, „Бельфагоръ“—повѣсть изъ Мавіавея, „Тимонъ, или мизантропъ“—разговоръ, переведенный изъ Лузіана Шевыревымъ. Изъ философскихъ статей единственная серьезная принадлежитъ М. Г. Павлову: „О способахъ изслѣдованія природы“, гдѣ излагается ученіе о сущности познаванія опытнаго и умозрительнаго и о преимуществѣ по-

слѣднаго по Канту. Самъ Одоевскій помѣстилъ замѣтку „О философахъ идеалистико-эвлектической секты“ (Ксенофанъ за 536 лѣтъ до Р. Хр., Парменидъ за 504 г., Зенонъ около 504 л. и Мелиссъ около 450 л.) и статьи философско-дидактическія, въ которыхъ выставляется преимущество умозрительной философіи: „Листья, вырванные изъ Парнасскихъ вѣдомостей“, „Афоризмы изъ различныхъ писателей по части современнаго германскаго любомудрія“. Боровковъ перевелъ изъ книги „О Германіи“, г-жи Сталь, очеркъ весьма поверхностный и не совсѣмъ вѣрный, подъ заглавіемъ „Кантъ“. Съ тѣхъ поръ въ журналахъ начали появляться переводы изъ названнаго сочиненія о нѣмецкой философіи, такъ что главнымъ образомъ большинство тогдашней публики познакомилось съ нѣмецкою философіей по сочиненію г-жи Сталь. Такимъ образомъ для Одоевскаго философія въ то время представлялась предметомъ серьезнаго изученія; но въ то же время, по словамъ Погодина, Одоевскій „пристрастился къ сочиненіямъ мистиковъ среднихъ вѣковъ—химиковъ и алхимиковъ, физиковъ и метафизиковъ. Слушая его, нельзя было не подумать, что еслибы родился онъ въ средніе вѣка, то вѣрно сдѣлался бы самымъ ревностнымъ ученикомъ Парацельса и пошелъ бы съ полною готовностью на костеръ съ Саваноролю“. Кромѣ того въ „Мнемозинѣ“ началась наша журнальная полемика, и именно та литературная война Москвы съ Петербургомъ, которую послѣ него продолжали московскіе журналы, издаваемые Погодинымъ и Шевыревымъ, сначала „Московскій Вѣстникъ“, а потомъ „Москвитянинъ“. Эта война составляла главный жизненный вопросъ литературы въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ (съ тридцатыхъ годовъ до шестидесятыхъ) и раздѣлила всю читающую публику на два враждебные лагеря, впрочемъ весьма смутно разумѣвшихъ самого себя и противниковъ. Грозныя посланія Одоевскаго къ Булгарину и Гречу въ „Мнемозинѣ“ представляли тогда новость въ нашей литературѣ. „Мнемозина“,—говоритъ Погодинъ,—несмотря на свои достоинства: новизну и разнообразіе, не оказала однако же большаго вліянія на общество, и издатели едва могли покончить уже въ 1825 г.“ Это понятно: новыя мысли не вдругъ пробиваются въ общество и возбуждаютъ къ себѣ сочувствіе. Но, безъ сомнѣнія, „Мнемозина“, какъ первое явленіе *новѣйшей журналистики*, проложила дорогу и приготовила почву позднѣйшему ея проявленію въ Москвѣ, въ видѣ „Телеграфа“,

„Телескопа“ съ „Молвою“, „Московского Наблюдателя“ и „Московского Вѣстника“.

Въ 1826 году Одоевскій оставилъ московскую службу въ архивѣ и перешелъ въ Петербургъ. Тамъ Одоевскій поступилъ подъ начальство Блудова и оставался въ теченіе 20 лѣтъ (1826—1846 гг.).

Блудовъ съ 1822 года состоялъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; въ 1830 году онъ нѣсколько лѣтъ управлялъ министерствомъ юстиціи въ отсутствіе Дашкова, съ 1832 г. завѣдывалъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ до 1837 года, когда сдѣланъ вторично министромъ юстиціи, а въ 1839 г. назначенъ управляющимъ II Отдѣленія Собственной Канцеляріи (по кодификаціи законовъ), членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ. Одоевскій съ самаго начала сдѣланъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Блудовѣ и вступилъ въ состоявшееся подъ непосредственнымъ его завѣдываніемъ главное управленіе по дѣламъ иностранныхъ духовныхъ исповѣданій; въ 1862 г. онъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и скончался въ 1869 г. Кромѣ прямыхъ служебныхъ обязанностей Одоевскій былъ членомъ редакціи „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ и разныхъ временныхъ комиссій, требовавшихъ специальныхъ познаній, какъ наприм. по приведенію въ однообразіе російскихъ мѣръ.

Время съ 1830 по 1840 годъ составляетъ періодъ его усиленной литературной дѣятельности, къ которому относятся почти всѣ главныя его литературныя произведенія. Позднѣйшая литературная дѣятельность Одоевскаго не входитъ въ нашу задачу, тѣмъ болѣе, что Одоевскій принадлежалъ къ петербургской журналистикѣ, хотя онъ принималъ участіе въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и прислалъ подъ псевдонимомъ Каллидора три отрывка: „Минута свиданія“ (1827, II, 145—146), „Міръ звуковъ“ (IV, 43—46) и „Два дня въ жпзни земнаго шара“ (1828, X, 120—128).

Изъ служебной дѣятельности Одоевскаго мы остановимся на одномъ эпизодѣ, на участіи его въ составленіи цензурнаго устава. Цензурный уставъ 1826 года, по словамъ вн. Одоевскаго, былъ составленъ съ чрезвычайною поспѣшностью и даже, какъ слухи носились, бывший тогда директоромъ департамента народнаго просвѣщенія князь Шириновскій-Шихматовъ, желая сколь возможно угодить требованію, поднесъ къ подписи министра Шишьева готовый проектъ, найденный въ архивѣ министерства народнаго

просвѣщенія, сочиненія знаменитаго Магницкаго, при пособіи Рунича. Этотъ уставъ, кромѣ необычайной стѣснительности всѣхъ мѣръ, замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ запрещались не только цѣлые роды сочиненій, но и цѣлые отдѣлы наукъ; запрещалось не только что-либо противное какому бы то ни было правительству или какому бы то ни было вѣроисповѣданію, но—философія, политика, геологія, вообще всякое разсужденіе, гдѣ авторъ отъ разсмотрѣнія природы восходитъ мыслию къ божеству, наконецъ даже біографія, мемуары и т. п. Такъ какъ уставъ 1826 года касался только русскихъ книгъ, то въ 1827 году повелѣно было министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому составить проектъ для цензуры книгъ иностранныхъ, находившихся въ вѣдѣніи министерства. На представленіе министра, дозволено ли будетъ, при составленіи устава о цензурѣ иностранной, не держаться въ точности правилъ устава 1826 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ цензурнаго устава вообще. Съ этою цѣлью образованъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ членами были: министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ, графъ Бенкендорфъ, президентъ академіи, и другія лица. Главнымъ редакторомъ комитета былъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Д. В. Дашковъ, а секретаремъ при немъ кн. Одоевскій. Выработанный этимъ комитетомъ проектъ высочайше утвержденъ 22 апрѣля 1826 года въ смыслѣ общаго цензурнаго устава. Основное положеніе проекта было то, что мотивами къ запрещенной книгѣ могутъ служить только положенія и мысли, направленные противъ вѣры, престола, нравственности и личной чести (Уст. ст. 3). Но комитетъ не счелъ возможнымъ ввести въ проектъ устава всѣ тѣ убѣжденія, къ которымъ онъ пришелъ путемъ зрѣлаго разсмотрѣнія государственнаго вопроса о цензурѣ. Многое онъ предоставилъ будущему развитію началъ имъ установленныхъ и утвержденныхъ государемъ⁽¹²⁾. Къ сожалѣнію, событія 1830, а потомъ 1848 года дали поводъ не къ развитію цензуры въ смыслѣ комитета 1828 года, но къ разнымъ самопроизвольнымъ административнымъ распоряженіямъ, запутавшимъ цензурное дѣло разными не только бесполезными, но вредными для самой цензуры формальностями, не говоря уже о гибельномъ ихъ дѣйствіи на развитіе наукъ въ Россіи. Нельзя при этомъ не привести собственныхъ соображенія Одоевскаго о цензурѣ. Главное примѣненіе цензурныхъ правилъ Одоевскій видитъ въ томъ,

что „цензура должна бороться съ неопредѣлительностью человѣческаго языка и съ возможностью одному и тому же выраженію давать всѣ возможные смыслы. Это открываетъ широкій просторъ цензору, если мотивы запрещенія выражены въ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что одна и та же фраза, — какъ ежедневно показываетъ опытъ, — можетъ показаться сегодня невиною, завтра предосудительною“. При этомъ Одоевскій, упоминая объ оптическихъ обманахъ, играющихъ такую важную роль въ толкованіяхъ о цензурѣ, останавливается на вопросѣ о такъ-называемомъ вредѣ отъ книгъ „для публики“. „Спрашивается, гдѣ эта публика? Книга, наиболѣе расходящаяся въ Россіи, есть календарь, но и его расходится не болѣе 20.000 экземпляровъ“. Приводя затѣмъ цифры подписчиковъ по главнымъ изданіямъ, Одоевскій приходитъ къ заключенію, что число читающей публики у насъ надобно положить не свыше 100.000 человѣкъ: „спрашивается, что значать 100.000 въ массѣ 75 милліоновъ, и можно ли назвать эту сотню тысячъ публикою?“ „Другой опасный оптический обманъ заключается въ предположеніи, что отъ книги переходятъ мысли въ общество. Такъ! Но только тѣ, которыя нравятся обществу; не нравящіяся обществу мысли падаютъ незамѣченными. Большею частью книги (кромѣ книгъ гениальныхъ, весьма рѣдко появляющихся) суть лишь термометръ идей, уже находящихся въ обществѣ. Разбить термометръ — не значитъ перемѣнить погоду, а лишь уничтожить средство слѣдить за ея перемѣнами. Тѣ или другія мысли являются въ обществѣ подъ вліяніемъ не книгъ, но тысячи многоразличныхъ и многосложныхъ, часто почти неуловимыхъ причинъ. Рядъ событій политическихъ, судебныхъ, административныхъ, семейныхъ — ближе затрогиваетъ участіе публики, нежели всѣ явленія литературныя, интересующія немногихъ; и то, что называется мыслью, распространенною въ публикѣ, есть не иное что какъ выводъ болѣе или менѣе точный изъ всѣхъ отдѣльныхъ толковъ, производимыхъ какимъ-либо происшествіемъ. Вся разница между рѣзкою мыслью въ говорѣ и въ печати та, что, по самому свойству литературной рѣчи, эта мысль является на письмѣ въ формѣ болѣе благообразной и, какъ уже напечатанная, въ большей части случаевъ или перестаетъ возбуждать говоръ, или порождаетъ другую мысль, противодействующую первой и ослабляющую ея дѣйствіе“ („Русск. Арх.“. 1874, № 7, стр. 11—30).

Сочиненія Одоевского имѣли большое вліяніе на современниковъ, „Старички на островѣ Панхай“, гдѣ Одоевскій осмѣивалъ довольство обыденными пошлыми потребностями и ставилъ обязанностью стремленіе къ идеалу, къ *возвышенному*, и „Апологи“, гдѣ онъ началъ свое подражаніе Гофману, произвели на молодежь впечатлѣніе, которое, по словамъ Погодина, было сильно и „Одоевскій возбудилъ надежды“. То же самое подтверждаетъ Бѣлинскій: „Эти Апологи,—говоритъ онъ,—замѣчательны уже тѣмъ, что они не походили ни на что бывшее до нихъ въ русской литературѣ; они не пользовались популярностью, потому что могли нравиться не всѣмъ. Старички острова Панхай называли ихъ безнравственными; большинство публики, не находя въ нихъ ничего для фантазіи и не любя пищи, предлагаемой преимущественно для ума мыслящаго, пропустило ихъ безъ особеннаго вниманія; но за то юношество, одушевленное стремленіемъ къ идеальному, въ хорошемъ значеніи этого слова, какъ противоположность пошлой прозѣ жизни,—это юношество читало ихъ съ жадностію, и благодатны были плоды этого чтенія. Мы знаемъ это по собственному опыту“. Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій повторяетъ: „Чтеніе такихъ произведеній, какъ „Бригадиръ“, „Балъ“ и „Насмѣшка мертвеца“, производитъ на молодую душу, свѣжую, не подвергшуюся нечистому прикосновенію житейской суеты, дѣйствіе электрическаго удара, потрясающаго всю нервную систему. И подобный нравственный ударъ оставляетъ въ юной, исполненной благороднаго стремленія душѣ самыя благодатныя слѣдствія. Мы знаемъ это по собственному примѣру: мы помнимъ то время, когда избранная молодежь съ восторгомъ читала эти піесы и говорила о нихъ съ тѣмъ важнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно нефиты говорятъ о таинствахъ своего ученія“ (Бѣлин. соч., т. IX, стр. 46 и слѣд.). Г. Скабичевскій говоритъ по этому поводу: „Если все поколѣніе Бѣлинскаго зачитывалось въ юности Гофмана, наполняя журналы переводами этого крайняго романтика, привело мысли его въ критическихъ статьяхъ, если вліяніе Гофмана мы видѣли даже на Гоголѣ („Носъ“, „Портретъ“), то этимъ поколѣніемъ тридцатыхъ годовъ было прямо обязано Одоевскому, который первый познакомилъ съ Гофманомъ своими подражаніями этому писателю. Даже его „Русскія ночи“ формою своею напоминаютъ „Серапіоновыхъ братьевъ“ Гофмана, въ которыхъ также представляется бесѣда молодыхъ людей по ночамъ о различныхъ предметахъ, вы-

зываютъ на размышленіе. Вліяніе многихъ идей кн. Одоевскаго отражается, между прочимъ, и на первыхъ сочиненіяхъ Герцена; такъ основная мысль „Записокъ доктора Крупова“ была высказана въ одномъ изъ рассказовъ, помѣщенныхъ въ „Русскихъ ночахъ“ (гл. IV, стр. 16). Это вѣрно, за исключеніемъ того, что знакомство въ русской литературѣ съ Гофманомъ началось еще прежде подражаній Одоевскаго, такъ какъ переводы изъ Гофмана, какъ мы видѣли, появлялись въ журналахъ предшествовавшей эпохи. Какъ бы то ни было, значеніе для общества Одоевскій получилъ художественными своими произведеніями, а не тѣми „предчувствіями, темными гаданіями и отдѣльными мыслями“, ради которыхъ г. Сябичевскій поднимаетъ его „цѣлою головою выше своихъ современниковъ“. Одоевскій никогда самъ себя не причислялъ къ славянофиламъ. Въ одномъ письмѣ къ Александру Ивановичу онъ помѣстилъ о нихъ слѣдующій рѣзкій и не совсѣмъ справедливый приговоръ: „Я теперь убѣждаюсь, что всѣ эти господа славяне—все тѣ же нѣмцы, только въ зипунахъ, выстроили себѣ рядъ словъ съ неопредѣленнымъ значеніемъ и думаютъ, что они ими все истолковали; а подо всѣмъ этимъ просто лѣнь помѣщичья, только вмѣсто преферанса или гранъ-пасьянса они раскладываютъ лѣтописи и потому считаютъ себя вправѣ ни въ грошъ не ставить наши пріюты, руководѣльни, общія квартиры, школы, простонародныя книги и прочую рухлядь, надъ которой мы потѣмъ,—у нихъ все это—Западъ и потому ересь...“ (Спб., 29 мая 1847). Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ, какъ поверхностное знакомство съ чужимъ образомъ мыслей, останавливаясь на крайностяхъ и внѣшнихъ проявленіяхъ, ведетъ къ недоразумѣнію и превратному пониманію даже между друзьями. Вообще Одоевскій, послѣ переѣзда въ Петербургъ, охладѣлъ къ тѣмъ изъ старыхъ товарищей архивнаго кружка, которые измѣнили свое направленіе и послѣдовали за Хомяковымъ, за исключеніемъ Александра Ивановича. Самъ Хомяковъ не сочувствовалъ Одоевскому; въ одномъ изъ писемъ къ Веневитинову Хомяковъ говоритъ: „Одоевскій погрѣшному хочетъ самыхъ свѣжихъ устрицъ и самаго гнилого сыру, т. - е. современности индустріальной и матеріальной и древнихъ пыльныхъ знаній алхиміи и каббалы. Впрочемъ ты знаешь, что для меня и эти древности слишкомъ новы: исторія кончается Семирамидой (намѣвъ на занятія Хомякова древнею исторіей), а все что хоть годомъ

позже — *ce sont les commrages d'aujourd'hui*“. Но по вліянню славянофильскаго кружка, въ которому бытъ-можетъ самъ, того не сознавая, принадлежалъ Одоевскій если не умомъ, то сердцемъ, по личнымъ связямъ съ нѣкоторыми изъ лицъ, составившихъ кружокъ, или совершенно самостоятельно, наблюдая окружающее подъ своимъ собственнымъ угломъ зрѣнія, онъ сходилъ съ славянофилами иногда даже въ крайностяхъ ихъ ученія. Свой „Эпилогъ“, гдѣ онъ въ поэтической картинѣ изображаетъ ложь современной науки, искусства и религіи, и недостатки общественнаго строя на Западѣ, Одоевскій заключаетъ слѣдующими словами: „Чтобы достигнуть полнаго, гармоническаго развитія основныхъ, общечеловѣческихъ стихій, Западу, несмотря на всю величину его, недостааетъ другаго Петра, который бы привилъ ему могучіе соки славянскаго Востока“ (Сочин., I, стр. 381). Иногда же темныя предчувствія кн. Одоевскаго принимали отгѣнокъ апокалипсическихъ пророчествъ. Въ статьѣ „Изъ бумагъ князя Одоевскаго“ (напечатанной въ № 7 „Рус. Арх.“ 1874 г.) есть такое мѣсто: „На какую ни указать тревожную причину настоящаго состоянія умовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, и особенно въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, всякая будетъ справедлива: и эгоистическія страсти, и жажда наслажденій, и исканіе легкаго обогащенія, и религиозный фанатизмъ, и полное безвѣріе, и злоба, и самоуправство, и беспардонный деспотизмъ,— все это было ближайшею причиною смутъ, тревогъ, войнъ и проч. Но всѣ эти причины второстепенны, ихъ дѣйствіе не разрослось бы такъ сильно, еслибы не было для нихъ почвы; эта почва—духъ, ходящій во глубинѣ! Исполните все, чего желаютъ самыя крайнія партіи, и онѣ все будутъ недовольны, *ибо недовольно все человечество*. Это болѣзненное состояніе походитъ на тотъ моментъ, когда птица роняетъ перья, змѣя смѣняетъ кожу, гусеница хочетъ разорвать свою куколку. Общее тайное слово, выговариваемое человѣчествомъ: „приспѣло время мое“. Нельзя не предчувствовать какой-то важной реформы въ общественномъ устройствѣ всего міра; въ чемъ она будетъ состоять—не извѣстно. Стремленіе ускорить этотъ моментъ выражается въ разныхъ формахъ: пробужденіемъ таеъ-называемой національности, общимъ вооруженіемъ и проч. Духъ ходитъ повсюду, надъ всей Европой, надъ Китаемъ, надъ Америкой. Луи Наполеонъ и Крымская война, Итальянская война, Польша и проч. суть взрывы этого подземнаго духа. Въ Россіи

открыть для него впамять освобожденіемъ крестьянъ; американцы силятся открыть подобный, но сколько крови уже ими пролито!... То, что называютъ судьбами міра, зависитъ въ эту минуту отъ того рычажка, который изобрѣтается какимъ-то голоднымъ оборвышемъ на какомъ-то чердакѣ, въ Европѣ или въ Америкѣ, и которымъ рѣшится вопросъ объ управленіи аэростатами“ („Настоящій моментъ“, стр. 47).

Съ Александромъ Ивановичемъ вн. Одоевскій находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ, до самой смерти послѣдняго. Отрывая по этому случаю засѣданіе Общества любителей россійской словесности, Александръ Ивановичъ самъ выразился, что онъ связанъ былъ съ нимъ почти полувѣковою дружбой, которая не нарушалась ни однимъ самымъ кратковременнымъ охлажденіемъ. Александръ Ивановичъ тѣснѣе сблизился съ Одоевскимъ уже въ Петербургѣ. Весной въ первый годъ своего туда пріѣзда онъ писалъ матери: „Назадъ тому нѣсколько времени я признался Одоевскому, что я не любилъ его и онъ былъ даже мнѣ противенъ,—я принималъ его за человѣка гордаго, пустого; теперь вижу, что это совсѣмъ другой—прекрасный человѣкъ“ (28 мая 1827 г.). Начиная съ тѣхъ поръ, взаимная пріязнь обоихъ только возрастала и обратилась въ самую тѣсную дружбу. Александръ Ивановичъ повѣрялъ одному Одоевскому свои задушевные, сердечныя тайны и всегда встрѣчалъ теплое участіе и преданный совѣтъ; Одоевскій при всякомъ запутанномъ обстоятельстве съ полною довѣрчивостью обращался къ Кошелеву, какъ къ испытанному другу, и никогда не обманывался. Переписка Александра Ивановича съ вн. Одоевскимъ продолжалась до самой смерти покойнаго князя; она была непрерывною до тѣхъ поръ, пока Одоевскій не переѣхалъ въ Москву. Переписка эта, совершенно интимная и преимущественно по различнымъ личнымъ вопросамъ, касавшимся обоихъ, обнаруживаетъ ясно и взаимную пріязнь обоихъ, и благородный, симпатичный характеръ покойнаго князя. Вотъ нѣкоторыя выдержки. Всворѣ послѣ отъѣзда Александра Ивановича изъ Петербурга (5 февраля 1832 г.), Одоевскій писалъ Кошелеву: „Если кто-нибудь изъ насъ, любезный Александръ, имѣетъ право другъ на друга сердиться, то ужъ это вѣрно я, а не ты. Еслибы Кошелевъ сдѣлалъ въ моихъ глазахъ что-нибудь, что бы мнѣ не нравилось, то я бы началъ съ того, что не повѣрилъ бы своимъ глазамъ; а тебѣ за тысячу верстъ не

пришло въ голову подумать, что можетъ существовать какая-нибудь причина, почему дѣло твое не дѣлается и почему Одоевскій тебѣ о немъ не пишетъ. Стыдно, братецъ, право стыдно. У твоего Одоевскаго можетъ-быть много горя, можетъ-быть горе убило его душу, сдѣлало ни на что неспособнымъ, можетъ-быть каждая минута его жизни есть тяжкое бореніе, на которое истрачивается вся его дѣятельность,—но кто далъ тебѣ право думать, что я забылъ о тебѣ, кто далъ тебѣ право думать, что я помнилъ о тебѣ, „пока воспоминаніе о тебѣ было горячо“? Неужели ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь? Бога ради вырѣжь эту фразу изъ твоего письма, или, лучше сказать, изъ моего сердца: она принадлежитъ къ числу величайшихъ огорченій, которыя только я имѣлъ въ мою жизнь; увѣренъ, что она тѣмъ же будетъ и для тебя, когда узнаешь всѣ обстоятельства дѣла“. Александръ Ивановичъ обдѣлывалъ всѣ денежные и практическія дѣла покойнаго князя, который самъ признавалъ свою неумѣлость въ этомъ отношеніи. Въ одномъ изъ писемъ, касающихся до управленія имѣніемъ, Одоевскій пишетъ: „Я вполне полагаюсь на твою старую дружбу,—что ты скажешь, то и сдѣлаю, ибо я на управленіе имѣніемъ въ Россіи смотрю какъ на дѣло невозможное, по крайней мѣрѣ для меня; для этого надобно то, чего у меня нѣтъ вовсе и чего назвать не умѣю: то чтò есть—противно моимъ понятіямъ, то чтò я бы захотѣлъ—будетъ противно благу крестьянъ, это я понимаю; при такой дилемѣ надобно выйти изъ нелѣпаго положенія и предоставить свое имѣніе тѣмъ, которые нашли возможность разрѣшить эту непостижимую для меня задачу“. Въ свою очередь Одоевскій исполнялъ всѣ порученія Кошелева, когда жилъ въ Петербургѣ, и даже принималъ нѣкоторое участіе въ его романѣ съ дѣвицею Россетъ, сообщая ему изъ Петербурга свѣдѣнія, добытыя его женою, о состояніи духа покинутой особы. Одоевскій живо интересовался всѣми публицистическими трудами Александра Ивановича. Такъ Одоевскій занимался въ Москвѣ перепискою подъ своимъ наблюденіемъ проекта Александра Ивановича по освобожденію крестьянъ для представленія Государю; онъ пишетъ по этому случаю: „работа твоя очень хороша. Жаль, что она не болѣе сжата. Переимѣнять заглавно—дѣло невозможное: я исправилъ только явныя описки“ (12 ноября 1856 года). Въ другомъ письмѣ (11 февраля 1869 г.) Одоевскій пишетъ. „Я прочелъ твою статью

лишь *одинъ разъ*: этого для меня мало. Я сдѣлалъ нѣкоторыя замѣтки, но въ головѣ ихъ у меня еще множество. Бога ради не печатай этой статьи, не прочитайъ ея еще разъ со мною, или возврати мнѣ ее и я напишу эти замѣтки *на особыхъ листахъ*, ибо инныя выйдутъ длинны. Противъ такихъ твоихъ убѣжденій относительно слиянія судебной части съ *распорядительною* (настоящее названіе администраціи) я имѣю тысячи фактовъ, почерпнутыхъ мною изъ подлинныхъ дѣлъ.—Твоя статья, по моему убѣжденію, весьма *опасна*“. 27 ноября 1856 года Одоевскій писалъ Кошелеву: „3-ю книжку „Русской Бесѣды“ я получилъ, но успѣлъ только пробѣжать; она мнѣ кажется дѣльнѣе и благоразумнѣе двухъ первыхъ, но статья Даля („Письмо въ издателю А. И. Кошелеву“, „Русск. Бесѣда“ 1856 г., IV, стр. 1—16, Смѣсь), несмотря на все ея остроуміе, изъ рукъ вонъ; хотѣлось бы мнѣ написать многое о „Русской Бесѣдѣ“, но куда помѣстить?—во враждебные вамъ журналы я помѣщать не хочу, а вы выходите лишь чрезъ три мѣсяца, когда живой вопросъ въ минуту появленія—уже замеръ и забылся. Необходимо бы вамъ завести при „Русской Бесѣдѣ“ какой-нибудь еженедѣльный журнальчикъ, хоть подъ именемъ „Болтовня“,—именно для рукопашныхъ схватокъ“. Изъ писемъ Одоевскаго видно, что онъ иногда наводилъ Александра Ивановича на серьезные занятія. Такъ въ письмѣ отъ 30 марта 1855 г. онъ говоритъ: „Ты знаешь хорошо откупную часть; *c'est une question à l'ordre du jour*. Чтò бы тебѣ написать твои мысли объ этомъ предметѣ, которыя бы я передалъ въ министерство финансовъ“. По всей вѣроятности, это навело Александра Ивановича на мысль составить извѣстную его „Записку по откупному дѣлу“, открывшую ему доступъ въ комиссію по этому вопросу. Между прочимъ, въ письмахъ Одоевскаго есть намекъ, какъ рано Александръ Ивановичъ задумывалъ выступить на литературное—и притомъ на журнальное—поприще. Письмо Одоевскаго написано еще при жизни матери Александра Ивановича, скончавшейся въ концѣ 1835 года и, какъ видно по обстоятельствамъ, въ немъ излагаемымъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Александра Ивановича изъ Петербурга. Въ письмѣ, между прочимъ, значится: „Планъ „Годовица“ присылай ко мнѣ; въ томѣ, кромѣ содержанія, надобно означить, откуда какія статьи будутъ почерпаемы. О статистическихъ свѣдѣніяхъ надобно подать просьбу въ мин. внутр. дѣлъ, а объ экс-

трактахъ изъ указовъ — въ мин. юстиціи. — Д. Н. Блудову не нравится названіе; онъ нѣкогда самъ имѣлъ мысль издавать подобную книгу подъ названіемъ *Современный Лѣтописецъ*, — названіе, которое я самъ рекомендую“. Къ сожалѣнію, въ письмахъ Одоевскаго очень мало свѣдѣній о немъ самомъ. Есть любопытный отрывокъ письма, съ надписью „одному Кошелеву“, изображающей тревожное настроеніе Одоевскаго.

Изъ этого письма видно, между прочимъ, что одно изъ лучшихъ произведеній кн. Одоевскаго, повѣсть „Себастьянъ Бахъ“, есть выраженіе внутренняго состоянія собственной его души. Вотъ отрывокъ изъ этого письма: „Ты удивишься, когда узнаешь, что мои арлекинскія сказки я писалъ въ самыя горькія минуты моей жизни: послѣ этого не упрекай же меня въ слабости характера, — это дѣйствіе было сильнымъ торжествомъ воли, въ которому не многіе могутъ быть способны. Въ это время я успѣлъ перейти всѣ степени нравственнаго страданія; по странному стеченію обстоятельствъ, долженъ былъ дѣйствовать прямо противъ себя, и утѣшаетъ меня одно, что я въ семъ случаѣ поступилъ хорошо и благородно. Когда увидимся, тогда все расскажу тебѣ. Одинъ разъ я позволилъ себѣ увлечься горемъ, и „Бахъ“ есть слабый отпечатокъ того, что происходило въ душѣ моей. Пожалѣй обо мнѣ: фактически часть моей жизни растерзана, глубокое чувство подавлено, а отъ этой борьбы, что ни говори, душа всегда остается въ потерѣ: на такую борьбу она истрачиваетъ лучшія свои силы, и это ослабленіе я чувствую“. Есть цѣлое письмо Одоевскаго (29 августа, года не означено) о музыкѣ: „Мнѣ бы хотѣлось завести музыкально-археологическую переписку, которая бы могла печататься въ „Русской Б—дѣ“ и была бы не безъ интереса для всѣхъ, ибо русская музыка — сокровище не початое. Я бы пригласилъ и Львова, и Улыбышева, и было бы то дѣло и новое, и подлинно русское (по моимъ мнѣніямъ), ибо музыка — единственное изъ искусствъ, которое, какъ извѣстная цифра, входитъ въ *иксу*, называемый русскою народностію. Богъ отказалъ намъ и въ живописи, и въ архитектурѣ, и самая поэзія наша существуетъ только при милости музыки, образовавшей даже и гармоничность нашего языка. Хотя вы съ Хомяковымъ и брезгуете музыкою, но она все-таки единственная щелочка, сквозь которую можно заглянуть въ русскую душу. Между прочимъ, лишь посредствомъ музыки можно объяснить разныя

особенности въ филологическомъ организмѣ нашего языка, о чемъ до сихъ поръ никто не помышлялъ. Ты этого не поймешь безъ примѣра: есть фізіологическія условія, по которымъ, при томъ или другомъ изворотѣ мелодіи, невольно выговаривается *a* или *o* и—наоборотъ. Многіе изъ такихъ буквенныхъ измѣненій перешли въ *юворковскій* языкъ изъ *птыхъ* пѣсенъ; ритмъ пѣсенъ сократили или продолжилъ многія слова, независимо отъ ритма стихотворнаго, и проч. и проч. Но все это требуетъ разработки и соединеннаго участія нѣсколькихъ лицъ, ибо по этой части отдѣльныя знанія каждаго весьма скудны“. О своихъ служебныхъ занятіяхъ Одоевскій писалъ вскорѣ послѣ перехода въ 8-й департаментъ сената въ Москвѣ (8 іюня 1863 г.): „Нынче не я одинъ, многіе другіе сенаторы, не какъ встарь, *дѣйствительно* читаютъ дѣла; секретари не могутъ надивиться и не всѣ изъ нихъ довольны этою сенаторскою любознательностію“. Не даромъ Александръ Ивановичъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, такъ охарактеризовалъ своего покойнаго друга: „Отличительнымъ свойствомъ кн. Одоевскаго было, что онъ прежде всего и болѣе всего былъ человѣкъ, братъ всякаго человѣка. Узнавать все до человѣчества относящееся и могущее быть для него пригоднымъ, дѣйствовать на пользу своихъ собратій и помогать ближнему и совѣтомъ, и дѣломъ, и своими небольшими достоинствами—было дѣломъ всей его жизни.... Одоевскій глубоко, благоговѣйно уважалъ свободу личности всякаго человѣка и никогда не позволялъ себѣ рыться въ чужой совѣсти. Въ самыхъ искреннихъ бесѣдахъ онъ никогда и ни о комъ не говорилъ дурно,—напротивъ, всегда старался отыскивать лучшія побужденія, которыя могли заставить людей дѣйствовать такъ или иначе,—и особенное наслажденіе онъ находилъ въ защитѣ обвиняемыхъ“.

Центръ интимнаго кружка, какъ я сказалъ уже, составлялъ Д. А. Веневитиновъ. Родъ Веневитиновыхъ принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій. По изслѣдованіямъ М. А. Веневитинова, родъ предковъ его происходитъ изъ служилыхъ людей Московскаго государства, поселенныхъ на Украинѣ, или порубежной линіи, въ Веневѣ, гдѣ въ царствованіе Михаила Теодоровича упоминаются, подъ начальствомъ большихъ бояръ и воеводъ, служилые люди, дворяне, дѣти боярскія, стрѣльцы и казаки. При заселеніи Воронежской губерніи туда переводились служилые люди, сохранившіе память о своей прежней родинѣ въ родовомъ

своемъ прозваніи, какъ, напримѣръ, Веневитиновъ — изъ Венева. Въ Воронежѣ Веневитиновы появились еще въ началѣ XVII столѣтія. Атаманъ воронежскихъ дѣтей боярскихъ Терехъ, т.-е. Терентій, Веневитиновъ упоминается въ 1622, 28 и 29 годахъ и былъ пожалованъ землями въ городскихъ воронежскихъ дачахъ. Отъ него происходятъ всѣ воронежскіе дворяне Веневитиновы. Родителямъ Д. А. Веневитинова принадлежало большое имѣніе въ Воронежской губерніи. Родился онъ въ Москвѣ 14 сентября 1805 г. Объ отцѣ Веневитинова не встрѣчается никакихъ біографическихъ свѣдѣній; Веневитиновъ потерялъ отца въ раннемъ дѣтствѣ и своимъ образованіемъ обязанъ матери. Мать Веневитинова, Анна Николаевна, рожденная княжна Оболенская, принадлежала къ числу высоко-нравственныхъ, серьезныхъ и искренне вѣрующихъ женщинъ, которыхъ мы постоянно встрѣчаемъ въ кружкѣ занимающихъ насъ людей и которымъ обязаны своимъ первоначальнымъ развитіемъ лучшіе люди прошедшей эпохи. Подъ вліяніемъ матери, говоритъ г. Пятковскій, чуждымъ мелкимъ стѣсненіямъ и родительской тираніи, освоился нашъ поэтъ съ тою „нравственной свободой“, про которую онъ часто говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ; но эта свобода, дававшая полный просторъ самобытному развитію ребенка, не исключала систематическаго, но согрѣтаго нѣжно-любящимъ сердцемъ матери вліянія, которое устраняло въ молодые годы опасности соблазна и направляло молодую душу къ стремленіямъ нравственнымъ и возвышеннымъ. Такъ мать до 17 лѣтъ не пускала Веневитинова въ театръ; но въ то же время она соединяла въ своемъ домѣ общество образованныхъ и выдающихся людей, такъ что домъ ея былъ однимъ изъ тѣхъ московскихъ салоновъ, куда охотно собирались литераторы и художники, гдѣ Пушкинъ, по пріѣздѣ въ Москву, читалъ своего „Бориса Годунова“ и получилъ за это замѣчаніе отъ гр. Бенкендорфа. Обученіемъ своего сына мать Веневитинова сама занималась до восьмилѣтнаго возраста, а затѣмъ, по господствовавшему тогда обычаю, пригласила французскаго гувернера Дорѣра. Выборъ этотъ, какъ видно, былъ сдѣланъ осторожно и сознательно: отставной капитанъ французской службы, эльзасецъ Дорѣръ, умный и образованный, имѣлъ хорошее вліяніе на Веневитинова. Между прочимъ, преподаваніе свое онъ началъ съ латинской грамматики и на первыхъ же порахъ познакомилъ Веневитинова съ классическою литературой. Горацій и Вергилій

не сходили съ рабочаго стола Веневитинова и онъ 14 лѣтъ уже пробоваль свои силы на переводахъ стихами изъ этихъ поэтовъ: сохранился и напечатанъ въ его сочиненіяхъ небольшой отрывокъ изъ *Виргилиевыхъ Георгикъ*, относящійся къ этому раннему его возрасту. Классическое образованіе Веневитинова дополнено было приглашеніемъ, нѣсколько уже позже, преподавателемъ греческаго языка грека Байло, о которомъ мы говорили выше. Судя по тому, что Кошелевъ и Веневитиновъ хорошо выучились по-гречески и оба пристрастились къ древней греческой литературѣ, надо думать, что Байло былъ хорошимъ педагогомъ и умѣлъ въ свои уроки внести живые элементы, такъ что развивающее его вліаніе на учениковъ несомнѣнно. По другимъ предметамъ, нужнымъ для элементарнаго образованія, мать Веневитинова приглашала къ себѣ на домъ учителей; кто они были — неизвѣстно, но, повидимому, они особеннаго вліанія на Веневитинова не имѣли. Несмотря на уроки француза-губернера и вопреки тогда уже отживавшей, но все-таки сохранившейся модѣ, Веневитиновъ чувствовалъ мало расположенія къ французской поэзіи; онъ остановился только на одномъ изъ новѣйшихъ, для его времени, и болѣе задушевномъ поэтѣ — Грессе; изъ него Веневитиновъ довольно близко къ подлиннику перевелъ стихотвореніе „Вѣточка“. Знакомство съ нѣмецкою поэзіей г. Пятковскій приписываетъ губернелю Дорѣру, но едва ли это вѣрно при полномъ равнодушіи образованныхъ французовъ къ иноземной литературѣ. Гораздо правдоподобнѣе видѣть здѣсь вліаніе Герке, съ которымъ, какъ видно изъ писемъ, Веневитиновъ близко сошелся. Герке былъ нѣмецъ, родившійся въ Москвѣ и окончившій тамъ университетскій курсъ въ 1793 году; онъ былъ губернелю старшаго брата Д. А. Веневитинова, умершаго въ дѣтствѣ, и съ тѣхъ поръ остался другомъ дома, вполнѣ преданнымъ семейству Веневитиновыхъ. Герке былъ человекъ живой и интересующійся литературою и поэзіею; въ посланіи къ нему Веневитиновъ, между прочимъ, говоритъ: блаженъ

Кто сочетаетъ съ сѣдиной
Воображенъе молодое
И разумъ съ пламенной душой.

Но нельзя не принять въ этомъ случаѣ въ соображеніе и тогдашнее состояніе московской журналистики, о которомъ мы уже

говорили: вообще она занималась нѣмецкою литературой если не болѣе, то наравнѣ съ французскою, причемъ, именно во время ученья Веневитинова, Каченовскій въ „Вѣстникѣ Европы“ познакомилъ читателей съ Байрономъ и издалъ отдѣльною книгой свои переводы твореній Байрона съ французскаго. Веневитиновъ, смолоду любившій чтеніе, по всей вѣроятности былъ знакомъ съ лучшими московскими журналами, гдѣ оригинальная русская литература того времени мало представляла пищи для такой даровитой натуры, и только „Исторію государства Россійскаго“ Карамзина Веневитиновъ прочелъ съ жадностью, какъ большинство современныхъ грамотныхъ людей, молодыхъ и старыхъ. Поэтому поэтическая дѣятельность Веневитинова остановилась преимущественно на нѣмецкой литературѣ и на самомъ крупномъ ея представителѣ того времени — на Гѣте. Замѣчательно, что, по словамъ Анненкова, Веневитиновъ обратилъ вниманіе на Гѣте Пушкина, который плохо зналъ по-нѣмецки. — Послѣ домашняго воспитанія Веневитиновъ въ 1820 году поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ. Здѣсь на него подѣйствовали въ особенности Мерзляковъ, о которомъ часто Веневитиновъ вспоминалъ съ сочувствіемъ и вполнѣдствіи, несмотря на то, что онъ первый печатно выступилъ противъ его теоріи, и Павловъ, который во время поступленія Веневитинова въ университетъ только-что вернулся (въ 1820 г.) изъ-за границы и началъ свои блестящія лекціи. Въ числѣ другихъ профессоровъ Веневитиновъ посѣщалъ лекціи анатоміи извѣстнаго профес. Лодера, отличавшагося живостью и ясностью своего изложенія. Въ этомъ случаѣ онъ сошелся съ кн. Одоевскимъ, который, какъ мы видѣли, уже закончивши свое образованіе, также посѣщалъ аудиторію профес. анатоміи. Въ университетѣ Веневитиновъ близко сошелся съ Рожалинымъ. Начитанный и прекрасно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, Рожалинъ также имѣлъ, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на пристрастіе Веневитинова къ нѣмецкой поэзіи: Гѣте и для Рожалина былъ излюбленнымъ поэтомъ. Кромѣ того Рожалинъ первый настойчиво указалъ Веневитинову на Шекспира, котораго послѣдній изучалъ по нѣмецкимъ переводамъ Авг. Шлегеля, такъ какъ Веневитиновъ не зналъ англійскаго языка (Пятковскій). Памятью отношеній Рожалина къ Веневитинову остались два посланія послѣдняго, гдѣ Веневитиновъ отрываятъ своему другу внутреннее состояніе своей души, именно въ тѣ минуты,

когда постигали его невзгоды и разочарованія. Въ первомъ посланіи (1824 г.) Веневитиновъ говоритъ:

Обманутый и небожъ и мечтою,
Я проклялъ жребій и мечты...
Но издали манилъ мнѣ ты.
Какъ брегъ призывный улыбался,
Тебя съ восторгомъ я обнялъ,
Повѣрилъ снова наслажденьямъ
И съ сладкой жизнью сочеталъ
Души горячей сновидѣнья.

Смыслъ этихъ словъ объясняется тѣмъ, что молодой и впечатлительный Веневитиновъ былъ разочарованъ въ одномъ близкомъ человѣкѣ, въ которомъ онъ долгое время заблуждался, и именно въ эту пору онъ радостно ухватился за симпатію другаго друга, оставшагося ему вѣрнымъ до самой смерти. Изъ втораго посланія видно, что Веневитиновъ и Рожалинъ были сходны по характеру: оба они были идеалисты, оба требовали отъ жизни того, чего обыкновенно она не даетъ, и терпѣли разочарованіе. Посланіе свое поэтъ начинаетъ обращаясь съ совѣтами къ Рожалину:

Оставь, о другъ мой, ропотъ твой,
Смири преступныя волненья:
Не ищеть вчужѣ утѣшенья
Душа богатая собой.
Не вѣрь, чтобъ люди разгоняли
Сердце възышенныхъ печали.

Затѣмъ, повѣдавъ другу длинный и скорбный рядъ собственныхъ страданій и разочарованій, поэтъ, припоминая указанія Рожалина, заключаетъ свое посланіе слѣдующимъ замѣчательнымъ отрывкомъ о Шекспирѣ:

Но нѣтъ, не все мнѣ измѣнило:
Еще одинъ мнѣ вѣренъ другъ, —
Одинъ онъ для души унылой
Друзей здѣсь замѣняетъ кругъ.
Его бесѣды и уроки
Ловлю вниманьемъ жаднымъ я:
Они и ясны и глубоки,
Какъ будто волны бытія:

Въ его фантази богатой
Я полной жизнью ожилъ
И ранній опытъ не купилъ
Восторговъ раннею утратой.
Онъ самъ не жертвуетъ страстямъ,
Онъ самъ не вѣритъ ихъ мечтамъ;
Но, какъ созданія свидѣтель,
Онъ развернулъ всей жизни тканьъ.
Ему порокъ и добродѣтель
Равно несутъ покорно дань,
Какъ гордому владыкѣ міра:
Мой другъ, узналъ ли ты Шекспира?

Кромѣ наукъ, Веневитиновъ оказалъ замѣчательныя способности въ музыкѣ и живописи. По словамъ князя Одоевскаго, Веневитиновъ былъ отличный музыкантъ и читалъ всѣ теоретическія сочиненія о музыкѣ, что тогда, а особенно въ Москвѣ, было рѣдкостью. Вообще кружокъ образованной московской молодежи, наравнѣ съ наукой и литературой, предавался эстетическимъ наслажденіямъ искусствами и въ особенности музыкою. Къ этому кружку принадлежалъ музыкантъ и композиторъ Геништа. Погодинъ сошелся съ нимъ, когда онъ проживалъ вмѣстѣ въ Знаменскомъ у кн. Трубецкихъ: Геништа былъ человекъ образованный и интересовавшійся философскими вопросами: въ его библіотекѣ, по словамъ Погодина, было полное собраніе сочиненій Руссо. Ученикъ знаменитаго Гесслера, Геништа старался знакомить на своихъ концертахъ московскую публику съ классическою нѣмецкою музыкой: одинъ изъ такихъ концертовъ съ восторгомъ описанъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“. Геништа кромѣ того клалъ на музыку стихи современныхъ поэтовъ: такъ имъ написана музыка къ пѣснѣ „Черкешенки“ въ поэмѣ Пушкина „Кавказскій плѣнникъ“. Геништа былъ свой человекъ на вечерахъ княгини Волконской и въ домѣ Веневитиновыхъ. Къ этому же кружку принадлежалъ А. Н. Верстовскій: кн. Одоевскій помѣстилъ въ „Вѣст. Евр.“ за 1824 г. нѣсколько словъ о кантатахъ Верстовскаго (1824, ч. 139, стр. 64—69).

Мы видѣли, какъ рано Веневитиновъ началъ свое поэтическое поприще. Шестнадцати лѣтъ онъ написалъ посланіе „Къ друзьямъ“, гдѣ, отвергая славу, общее тогда для дворянства стремленіе въ воинскимъ почестямъ и наслажденіе богатствомъ и роскошью поэтъ говорить, что онъ

Весель участію своею
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Эти первые друзья молодости Веневитинова были Ф. Я. Сваргинъ, даровитый художникъ, которому обязана своимъ учрежденіемъ Московская школа живописи и ваянія, и Ф. С. Хомяковъ, братъ Алексѣя Степановича. Черезъ два года послѣ слушанія университетскихъ лекцій Веневитиновъ выдержалъ установленный указомъ 1809 года экзаменъ и поступилъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, одновременно съ товарищами, составившими тѣсный между собою кружокъ. До поступленія своего въ кружокъ шеллингистовъ Веневитиновъ *исключительно* занимался литературою и писалъ стихи, хотя онъ не повидалъ этого занятія и впослѣдствіи, до самой смерти. Характеръ своей поэзіи Веневитиновъ опредѣлилъ самъ въ замѣчательной своей статьѣ, о которой мы уже упоминали: „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“. „Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ,—говоритъ Веневитиновъ,—есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія; самыя пинтическія эпохи исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число поэтовъ. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явленія естественными законами ума; надобно только вникнуть въ начало всѣхъ искусствъ. Первое чувство никогда не творитъ и не можетъ творить, потому что оно всегда представляетъ согласіе. Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ, и тогда, уже снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ, были *глубокими мыслителями*, были философами и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія. У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: *у насъ чувство, нѣкоторымъ образомъ, освобождаетъ отъ обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія*“. Оттого поэтъ Веневитиновъ былъ совсѣмъ не похожъ на другихъ современныхъ поэтовъ, воспѣвавшихъ исключительно любовь, красавицъ и вино. Въ этомъ отдавали ему справедливость и современники, которые называли его *поэтомъ мысли*. Бѣлинскій, который высоко цѣнилъ Веневитинова, замѣтилъ, что *онъ только одинъ*

мог согласить мысль съ чувствомъ, идею съ формою (Соч., I, 95). Г. Пятковскій говоритъ, что бесѣды съ Павловымъ и слушаніе его лекцій, по всей вѣроятности, впервые навели Веневитинова на занятіе философіей. Можетъ-быть это и такъ, но изъ переписки Веневитинова съ А. И. Кошелевымъ видно, что свое философское образованіе Веневитиновъ выработалъ въ своемъ кружкѣ, гдѣ тому же дѣлу предались съ жаромъ всѣ товарищи. Въ концѣ августа или началѣ сентября 1825 года Веневитиновъ пишетъ Кошелеву, что онъ не успѣлъ въ теченіе лѣта приняться за чтеніе Шеллинговой „Натуральной философіи“: „Меня попеременно развлекали—то неожиданный приѣздъ Хомякова, то дѣла, то собственные маранья, критика и пр. Теперь я занимаюсь гораздо постоянноѣе и прилежноѣе прежняго и положилъ посвятить нѣсколько мѣсяцевъ Платону и Окену. Къ Платону начинаю привыкать, читаю его довольно свободно и не могу надивиться ему, надуматься надъ нимъ. Вотъ идеалистъ! Изъ Окена доставлю вамъ на дняхъ переводъ. Я избралъ для сего его „Теософію“ и увѣренъ, что она приведетъ васъ въ восторгъ, тѣмъ болѣе, что вы теперь занимаетесь математикой, а у него вся система зиждется на сей наукѣ. И какая мысль: о Богѣ говорить высшею математикой, которая теперь въ моихъ глазахъ самый блестящій, самый совершенный плодъ на древѣ человѣческихъ познаній! Выраженія мнѣ часто измѣняютъ при переводѣ Окена; но меня то ободряетъ, что, можетъ, намъ предоставлено имѣть хоть нѣсколько вліянія на образованіе нашего ученаго языка. Образованіе весьма нужное!“

Изъ печатныхъ философскихъ статей Веневитинова извѣстны: отрывокъ, прочтенный имъ въ своемъ кружкѣ, „Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ“ (стр. 151) и „Письма къ графинѣ N о философіи“ (174), начало философской переписки его съ вн. А. И. Трубецкой, гдѣ Веневитиновъ намѣренъ былъ понятнымъ и простымъ языкомъ изложить общія начала философіи. Изъ этихъ отрывковъ видно, что Веневитиновъ понималъ философію въ томъ отвлеченномъ смыслѣ, какой придавали ей нѣмецкіе философы, начиная съ Канта. Содержаніе ея есть „познаніе — не устремленное на какой-нибудь особенный предметъ, но познаніе — какъ простое дѣйствіе ума, свойственное всѣмъ наукамъ, какъ простая познавательная способность, причемъ всѣ науки сводятся на философію и изъ нея обратно выводятся“. Замѣчательно стремленіе автора свести фило-

софію съ ея учено-педантическаго пьедестала: „если я на одну минуту перестану быть яснымъ,— говоритъ Веневитиновъ,— то изорвите мое письмо, запретите мнѣ писать объ этомъ предметѣ“. Въ критикѣ Веневитиновъ примыкаетъ къ новѣйшей ея школѣ, впервые заявленной, какъ мы видѣли, Кюхельбекеромъ. Въ полемической статьѣ съ Полевымъ, разбирая только-что появившуюся тогда первую главу „Онѣгина“, Веневитиновъ находитъ, что Евгений Онѣгинъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не можетъ быть поставленъ на ряду съ Байрономъ, который „въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣва“ и является мировымъ поэтомъ, произведшимъ эпоху въ литературной исторіи человѣчества. Возраженіе Веневитинова противъ народности типовъ, выведенныхъ въ Онѣгинѣ, мы уже видѣли; впоследствии, разбирая напечатанную въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ сцену Пимена съ Григоріемъ изъ „Бориса Годунова“, Веневитиновъ замѣтилъ новое направленіе въ поэзіи Пушкина: „Нынѣ поэтическое воспитаніе г. Пушкина, повидимому, совершенно окончено. Независимость его таланта — вѣрная порука его зрѣлости. Эта сцена своей простотой и энергіей можетъ быть смѣло поставлена на ряду со всѣмъ, что ни есть лучшаго у Шекспира и Гёте“. Замѣчательно, что самъ Пушкинъ обратилъ вниманіе именно на статью Веневитинова по поводу „Евгенія Онѣгина“: „Это единственная статья,— говоритъ онъ,— которую я прочелъ съ любовью и вниманіемъ; все остальное— или брань, или переслащенная дичь“. По поводу этой статьи Пушкинъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, просилъ познакомить его съ Веневитиновымъ. Немедленно послѣ знакомства Веневитиновъ близко сошелся съ Пушкинымъ, что М. А. Веневитиновъ, кромѣ внутренней симпатіи обоихъ даровитыхъ людей, приписываетъ ихъ родственнымъ связямъ, такъ какъ въ то время даже отдаленныя родственныя связи имѣли большое значеніе для взаимнаго сближенія. Біографическія свѣдѣнія о Веневитиновѣ не полны безъ объясненія одного изъ важнѣйшихъ эпизодовъ его московской жизни. Сложилась легенда, будто Веневитиновъ питалъ глубокую и безумную страсть къ кн. З. Волконской,—страсть, которая заставила его покинуть Москву и броситься въ Петербургъ въ разгаръ всевозможныхъ развлеченій, чтобы заглушить душевныя страданія,—развлеченій, которыя были одною изъ главныхъ причинъ его преждевременной кончины. Легенда эта, изображающая Веневитинова

въ видѣ одного изъ тѣхъ пустыхъ и жалкихъ романтическихъ героевъ, которые встрѣчались часто на страницахъ старыхъ романовъ и для которыхъ въ жизни не существовало ничего, кромѣ любовной тоски и отвращенія отъ жизни, болѣе или менѣе подсказывается во всѣхъ его біографіяхъ. Племянникъ покойнаго, М. А. Веневитиновъ, на основаніи интимной переписки покойнаго и семейныхъ преданій, въ „Русскомъ Архивѣ“ возстановилъ истину и снялъ съ своего дяди не особенно лестное пятно, которое постарались на него набросить слишкомъ усердные біографы. Дѣло въ томъ, что любовь къ кн. Волконской, повидимому, запала въ сердце Д. А. Веневитинова и, при отъѣздѣ, присоединилась ко всѣмъ сожалѣніямъ, навѣянными разлукою съ Москвою, гдѣ Веневитиновъ повидалъ семью, друзей и привычную обстановку. Это, естественно, и заставило Веневитинова высказать въ письмѣ изъ Петербурга: „Москву оставилъ я какъ шальной; не знаю, какъ не сошелъ съ ума“. Но любовь эта была платоническая, не раздѣленная и не переходившая за границы самыхъ строгихъ свѣтскихъ приличій. Веневитиновъ переѣхалъ на службу въ Петербургъ, какъ скоро открылась вакансія въ канцеляріи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, такъ же просто и сознательно, какъ это сдѣлалъ А. И. Кошелевъ, какъ дѣлали всѣ, кто рассчитывалъ на продолженіе дипломатической карьеры. Петербургъ встрѣтилъ Веневитинова (въ началѣ октября 1826 г.) очень недружелюбно: при самомъ вѣздѣ онъ былъ арестованъ и просидѣлъ двое или трое сутокъ въ III Отдѣленіи, что не осталось безъ вліянія и на его слабую физическую организацію, и на нравственное настроеніе. Поводомъ къ аресту было то, что Веневитиновъ и Ф. С. Хомяковъ пріѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ бібліотекаремъ гр. Лавала, французомъ Воше, возвращавшимся изъ Сибири, куда онъ отвозилъ жену декабриста, княг. Е. И. Трубецкую, урожденную графиню Лаваль. Правительство въ то время строго слѣдило за всѣми сношеніями сосланныхъ декабристовъ и обратило вниманіе на возвращавшагося изъ Сибири Воше, участь котораго, до разъясненія дѣла, раздѣлилъ и сидѣвшій съ нимъ въ одномъ экипажѣ случайный и непричастный къ дѣлу спутникъ. Изъ писемъ Веневитинова къ сестрѣ и другихъ документовъ видно, что жизнь Веневитинова въ Петербургѣ сложилась совершенно нормально и нѣтъ ни малѣйшаго признака, по чему можно бы было заключить, что онъ намѣренно искалъ развлеченій, чтобы забыться

отъ внутренней тревоги. Веневитиновъ помѣстился вмѣстѣ съ Хомяковымъ, своимъ неизмѣннымъ другомъ отъ ранней юности и до могилы, посѣщалъ балы и маскарады, но это было обыкновеннымъ слѣдствіемъ его общественнаго положенія, родственныхъ связей и знакомствъ въ высшемъ кругу, а также возраста, не пренебрегающаго этими развлеченіями, и прежнихъ привычекъ. Но любимымъ обществомъ Веневитинова были литераторы, изъ которыхъ многіе встрѣтили его очень дружелюбно. Въ особенности Веневитиновъ сошелся съ Дельвигомъ и затѣмъ съ Козловымъ; въ письмахъ къ сестрѣ онъ упоминалъ о свиданіи своемъ съ Катенинымъ, который ему очень не понравился и котораго онъ называлъ пустымъ и болтуномъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда, въ декабрѣ, Веневитиновъ писалъ: „я дружусь съ моими дипломатическими занятіями, молю Бога, чтобы поскорѣ былъ заключенъ миръ съ Персіей: хочу отправиться туда и на свободѣ пѣть съ восточными соловьями“. При этомъ Веневитиновъ находилъ время заниматься литературою: всѣ лучшія его стихотворенія написаны въ Петербургѣ. Все это не оставляетъ сомнѣнія, что московская любовь не возмущала настолько душу поэта, чтобы убить въ его глазахъ цѣну жизни. Если передъ смертью чувство вспыхнуло ярче обыкновеннаго и вылилось въ нѣсколькихъ стихахъ, напоминающихъ тревожную и вырывающуюся наружу страсть, то это было физиологическимъ слѣдствіемъ безпокойнаго состоянія умирающаго, когда образы прошедшаго, принимая фантастическіе размѣры, возмущаютъ спокойное и нормальное отношеніе къ окружающему. Въ перепискѣ съ сестрою и матерью Веневитиновъ каждый разъ даетъ порученія къ вв. Волхонской, но порученія эти, доказывающія отсутствіе прямыхъ сношеній, также не выходятъ изъ разряда обыкновенныхъ сношеній хорошихъ знакомыхъ. Физическая природа Веневитинова была давно потрясена: въ Москвѣ онъ застудилъ корь и получилъ расположеніе къ простудѣ, которая — при его небрежномъ отношеніи къ себѣ въ этомъ случаѣ — свела его въ могилу. Веневитиновъ занемогъ воспаленіемъ, вслѣдствіе простуды, еще въ декабрѣ 1826 года, а въ мартѣ 1827 года онъ окончательно простудился послѣ бала у Ланскихъ и 15 марта скончался. Во время болѣзни Веневитиновъ былъ въ постоянномъ поэтическомъ возбужденіи, такъ что сохранилось нѣсколько набросанныхъ карандашомъ отрывковъ. Возбужденіе было въ немъ такъ сильно, что всѣ свои

мысли высказывалъ онъ окружающимъ друзьямъ въ стихахъ. Въ Петербургѣ Веневитиновъ хотѣлъ написать романъ, котораго планъ сообщилъ онъ самымъ близкимъ друзьямъ. Въ этомъ романѣ Веневитиновъ желалъ въ простой, но рельефной картинѣ изложить свой поэтически-философскій взглядъ на жизнь. Долго, пока друзья не разбрелись по разнымъ сторонамъ, сохранялся трогательный обычай: въ день кончины Веневитинова вечеромъ собирались они на грустный пиръ и въ числѣ приборовъ, предназначенныхъ для личныхъ собесѣдниковъ, ставился одинъ *пустый*, въ память усопшаго ⁽¹³⁾. Эта неумиравшая память объясняется глубоко-симпатичною личностью Д. А. Веневитинова. Въ коротенькой биографіи Веневитинова, помѣщенной въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Плюшара и написанной П. А. Плетневымъ, знавшимъ въ Петербургѣ Веневитинова, характеръ его опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: „вѣрный и независимый вкусъ, благородный и открытый образъ мыслей, свѣтлый и живой умъ, дѣтское простосердечіе и знаніе потребностей лучшаго общества, *дружелюбіе и мечтательность*—такъ плѣнительно сливались и обнаруживались въ немъ, что узнать его нельзя было не любить. Въ его сердцѣ, также какъ и въ умѣ, соединялось все лучшее. По чистотѣ собственныхъ чувствованій, онъ былъ довѣрчивъ и съ удовольствіемъ дѣлился всѣми благами души своей“.

Близкія сношенія Александра Ивановича съ Веневитиновымъ относятся къ эпохѣ служенія ихъ въ архивѣ (1823 — 1826 гг.). Въ это время лѣтомъ, когда оба они разъѣзжались по своимъ усадьбамъ, между друзьями происходила оживленная переписка, изъ которой уцѣлѣло нѣсколько писемъ Веневитинова къ Кошелеву. Вотъ письмо изъ Москвы, отъ 25 іюня 1825 года: „Вы видите, любезный другъ Александръ Ивановичъ, что я не медлю отвѣчать на ваше письмо. Вчера его получилъ, а сегодня уже готовъ отвѣтъ. Не воображайте себѣ, чтобы такая поспѣшность происходила отъ излишней точности,—нѣтъ! Вамъ извѣстно, что это не моя слабость; но я съ вами давно не видался, давно не общался мыслями, и такъ поговорить-то хочется.—Чего бы я не далъ, чтобы видѣть Александра Ивановича въ новомъ его мирѣ, гдѣ онъ сочетаетъ всѣ веселія сельской жизни, всѣ наслажденія эстетическія съ важною опредѣленностью математика, гдѣ посвящаетъ золотое время свое природѣ, Шеллингу и Франкеру и, пере-

нося живыя чувства, эти цвѣты молодости, съ полей воображенія въ область разсудка, готовятъ себѣ обильную жатву. Продолжайте, сказалъ бы я ему,—эти наслажденія не потеряны. Кого не румянила заря жизни, тотъ жизни никогда не зналъ. Но что дѣлаютъ между тѣмъ ваши друзья въ Москвѣ?—Точно то же, что и прежде дѣлали? Такъ же поздно приходятъ въ архивъ, забывая примѣры Копелева и Мещерскаго. Но, къ несчастію, успѣхъ ободряетъ мою лѣнь. Вы знаете, какъ я мало трудился надъ годомъ своимъ (*служащіе въ архивъ обязаны были каждый составить годъ дипломатическихъ сношеній съ известнымъ государствомъ*) и онъ, кажется, самъ собою достигъ благополучнаго окончанія. Кому слава?—не знаю. Но объ этомъ не беспокоюсь.—Послѣднихъ нумеровъ „Телеграфа“ я почти не читалъ, т. е. почти, оттого что прочелъ статью кн. Вяземскаго о замѣчаніяхъ Давыдова на 3 статьи въ „Записк. Наполеона“. Статья любопытная не столько по мыслямъ Вяземскаго объ этой книжкѣ, какъ по выпискамъ изъ Давыдова. Вотъ воинъ-поэтъ! Какое сильное чувство любви къ отечеству, и какъ видно, что это чувство въ немъ не предразсудокъ! Прочтите самую книжку и вы будете въ восхищеніи. Еще изъ „Телеграфа“ знаю я статью Одоевскаго, я читалъ ее у него въ рукописи. Каково отдѣлалъ онъ Дмитріева? Эти критики не намъ чета. Рубятъ хладнокровно и рады срубить голову у своей жертвы; а мы довольны и тѣмъ, что скажемъ, что нашъ противникъ всегда былъ безъ головы; и то бранить кн. Черкасскій.—Я не забылъ своего обѣщанія и сегодня пошлю статью свою противъ Мерзлякова къ вамъ въ домъ, чтобъ она къ вамъ была переслана. Вы едва ли ее прочтете,—такъ намарано; но что дѣлать, переписывать некогда. Она въ нынѣшнемъ номерѣ должна быть напечатана. Другая же еще не поспѣла. Я хочу ее послать къ Бестужеву,—онъ у меня ее просилъ,—только дайте еще вылезаться“.

Веневитиновъ дѣлился съ Александромъ Ивановичемъ своими философскими занятіями. Такъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ онъ говоритъ: „Вы не ждали моей послылки, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, но я случаемъ получилъ на короткое время 1820 годъ журнала Окена („Isis“) и не могу не подѣлиться съ вами этимъ сокровищемъ. Сколько статей, которыя бы мы прочли съ вами съ необыкновеннымъ удовольствіемъ! Всего вамъ сообщить невозможно; но зная, что вы прилежно, съ миромъ занимаетесь

математикой, я заключилъ, что вамъ пріятно будетъ видѣть мнѣнія двухъ славныхъ математиковъ-идеалистовъ о сей наукѣ. Для сего и перевелъ я ученый споръ между Вагнеромъ и Блише. Вагнеръ, кажется, такъ пристрастился къ математикѣ, что онъ въ ней видѣть зерно всѣхъ наукъ и изъ нея выводитъ онъ развитіе. Мысль можетъ-быть слишкомъ страстная, но въ наукѣ всякая страсть позволительна и даже назидательна, ибо усилія ума не могутъ быть бесполезными; я осмѣлился прибавить свое замѣчаніе къ статьѣ Вагнера и прошу васъ сдѣлать то же“. Вотъ еще письмо Веневинова о философіи. Къ сожалѣнію, письма Александра Ивановича не сохранилось и нельзя опредѣлительно указать, въ чемъ заключался споръ; но письмо разъясняетъ вообще взглядъ Веневинова на философію: „Я прочелъ письмо ваше съ большимъ удовольствіемъ и вижу, что древо истиннаго познанія пустило въ разсудкѣ вашемъ глубокіе корни,—это не мѣшаетъ, что я еще хочу поспорить; я не выдаю словъ своихъ за истину, но только за искреннее выраженіе своего убѣжденія, и радъ принимать истину изъ устъ другаго. Ваша діалектика очень вѣрна; всѣ ваши доказательства выливаются изъ одного начала; но мнѣ кажется, что вы потеряли изъ виду основной законъ всякой философіи,—главную мысль, на которой она должна держаться. Если цѣль всякаго познанія, цѣль философіи есть гармонія между міромъ и человѣкомъ (между идеальнымъ и реальнымъ), то эта же самая гармонія должна быть *началомъ* всего. Всякая наука, чтобы быть истинною наукою, должна возвратиться къ своему *началу*; другой цѣли нѣтъ. Вы соглашаетесь, что должно воспослѣдовать примиреніе идеальнаго міра съ реальнымъ, но не забывайте, что на этой степени (хотя эта точка—идеаль) не будетъ уже наука, а будетъ одно—всецѣлѣніе. Теперь я заключу, что эта степень—цѣль философіи—была необходимо ея началомъ. (Трудно будетъ въ письмѣ распространяться объ этомъ, однакожь я постараюсь когда-нибудь развить вамъ всѣ свои понятія объ этомъ положеніи перваго человечества.) Книга „Бытія“ въ ясной аллегоріи даетъ вамъ понятіе о первомъ состояніи человечества, или даже о состояніи первобытнаго человѣка. И подлинно: представьте себѣ, что въ такомъ человѣкѣ всѣ чувства были мысли, что онъ все чувствовалъ,—слѣдовательно, что онъ все зналъ. Не страшитесь сей мысли: она съ перваго взгляда можетъ показаться романтизмомъ, но это отъ то-

го, что я дурно объясняюсь; эта мысль одна можетъ ясно доказать, что человѣкъ носить въ душѣ своей весь видимый міръ, что субъектъ совершенно въ объектѣ, что всѣ законы явленій, случаевъ и пр. заключаются въ высокой мысли о законѣ. Если вы съ этимъ согласитесь, то вы ясно допустите, что тогда родилась философія, когда человѣкъ разнакомился съ природою: такъ и представляю я себѣ разные эпохи человѣчества. Не жду, чтобы вы согласились на эту мысль по одному письму сему,—я знаю, что оно не можетъ ее доказать; пишите ваши возраженія, но обратите ваше вниманіе на книгу „Бытія“. Посмотрите, какъ Богъ бесѣдуетъ съ человѣкомъ съ глазу на глазъ, приводитъ ему всѣхъ животныхъ, и онъ ихъ всѣхъ окинулъ однимъ взглядомъ, всѣмъ далъ имена. Замѣйте, что первобытный человѣкъ ничему не удивляется въ Раю, онъ какъ будто все постигъ. Это преданіе древнѣйшаго историка (которое, кажется, было преданіемъ всѣхъ народовъ) много объясняетъ. Потомъ пройдите *золотой вѣкъ* древнихъ стихотворцевъ, сравните его съ книгою Моисея, и тогда надѣюсь, что споръ нашъ разрѣшится. Это, конечно, доказательства опытные, но я въ началѣ письма старался подтвердить свою мысль идеальною философіей, и для того только прибавляю вамъ сіи примѣры, чтобы васъ не устрашали заключенія, которыя въ глазахъ многихъ доказываютъ атеизмъ. Лучшее изданіе Платона есть новое изданіе съ переводомъ латинскимъ („Аста эстетика“). Я недавно купилъ Платона, но усталъ отъ своего изданія,—оно безъ перевода и безъ нотъ (примѣчаній) и тѣмъ очень замедляется чтеніе“. Статьи, приготовляемыя къ печати, Веневитиновъ передавалъ на просмотръ Александру Ивановичу и очень цѣнилъ его замѣчанія и возраженія. Такъ, по поводу критической статьи Веневитинова противъ Мерзлякова Александръ Ивановичъ, повидимому, не вполне согласился съ положеніемъ, что Гомеръ былъ философъ. По этому поводу Веневитиновъ пишетъ: „Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за ваши замѣчанія на статью мою. Они всѣ такъ основательны, что еслибъ вы у меня настоятельно требовали отвѣта, то принудили бы меня или согласиться, или написать цѣлую систему. По излишней приверженности къ спорамъ, я бы избралъ можетъ-быть сіе послѣднее средство, тѣмъ болѣе, что мы, безъ сомнѣнія, были бы согласны съ вами въ общихъ началахъ и стоило бы согласиться въ примѣненіяхъ. Былъ ли Го-

меръ философомъ? Вопросъ вамъ не нравится?... Не буду защищать, хорошо ли я выразился въ этомъ случаѣ, постараюсь только объяснить вамъ мысль свою. Мнѣ кажется, ее уже объясняетъ послѣдующее. Стремился ли онъ сосредоточить и развить разсѣянные понятія религіи? Я вообще раздѣляю всѣ успѣхи человѣческаго познанія на три эпохи: на эпоху эпическую, лирическую и драматическую. Эти эпохи составляютъ эмблему не только всего рода человѣческаго, но жизни всякаго, самого времени. Первая живетъ воспоминаніями; тутъ первенствуетъ не мысль человѣка, а видимый міръ, получаемыя впечатлѣнія. Въ этой первой эпохѣ жили древніе, въ ней писалъ Гомеръ. Она вообще можетъ назваться эпохою *прошедшаго*. Самъ Пиндаръ есть лирикъ совершенно эпическій. Онъ никогда не выходитъ отъ мысли общей, но всегда отъ частнаго; такимъ образомъ объясняю я себѣ греческихъ (и французскихъ) трагиковъ, отъ того соразмѣрности частей у нихъ совершеннѣе. Напротивъ того мы живемъ въ эпохѣ совершенно лирической. Поэмы Клопштова, Байрона суть поэмы эпико-лирическія. Эта эпоха—*настоящаго*. Здѣсь мысль независимо отъ времени выливается изъ души поэта и расплывается во всѣхъ явленіяхъ. Такая поэзія неопредѣленна—такъ, какъ сама мысль, какъ самое *настоящее*. Всѣ трагедіи наши суть лирическія. Третья эпоха составится изъ этихъ двухъ—такъ, какъ поэзія драматическая изъ эпической и лирической, какъ будущее (въ мысли человѣка) изъ настоящаго и прошедшаго. Въ этой эпохѣ мысль будетъ въ совершенномъ примиреніи съ міромъ. Въ ней, какъ въ трагедіи, равно будутъ дѣйствовать характеръ человѣка и сцѣпленіе обстоятельствъ. Это будетъ эпоха драматическая. — Возвращаемся къ Гомеру. Переходъ изъ одной изъ сихъ эпохъ въ другую долженъ быть постепеннымъ и во всякой эпохѣ отражаются двѣ другія. Теперь вопросъ, на какой степени стоитъ Гомеръ: философъ ли онъ, т. е. выходитъ ли онъ отъ мысли общей, соединяетъ ли все въ единство? Мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не философъ, оттого, можетъ, и выше своихъ послѣдователей; но душа его была въ гармоніи съ природою, ясно отражая впечатлѣнія природы, оттого поэмы его заключаютъ лучшую философію, ибо онѣ ясны и просты, какъ природа. Вы можетъ-быть съ этимъ согласитесь, когда остановитесь на этой мысли: *человѣкъ, чтобы сдѣлаться философомъ, т. е. искать мудрости, необходимо*

долженъ былъ раззнакомиться съ природою, съ своими чувствами. Младенецъ—не философъ“.

Вотъ какъ въ письмѣ къ Александру Ивановичу Веневитиновъ описываетъ свои впечатлѣнія послѣ появленія отвѣта Полевого на критику Веневитинова первой главы Онѣгина (перепечатана въ изданіи Пятковского, стр. 206 — 212): „Двѣ недѣли не писалъ я къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ; другой бы началъ извиненіями, а я вамъ сдѣлаю выписку изъ исторіи этихъ двухъ недѣль, и вы увидите причину, по которой я замедлилъ отвѣчать на ваше письмо. Одну недѣлю мы были въ разъѣздахъ: ѣздили въ деревню къ теткѣ, ѣздили къ графинѣ Пушкиной и писать было невозможно; другая причина — важная, важнѣйшая—вами уже можетъ быть угадана. Взгляните на „Телеграфъ“ и имѣйте терпѣніе прочесть длинную, мнѣ посвященную статью; смотрите, съ какою подлостью авторъ во мнѣ предполагаетъ зависть къ извѣстности Пушкина, и судите сами, могъ ли я оставить безъ отвѣта такое обвиненіе тогда, какъ все клянется Пушкинымъ и когда многіе знаютъ, что я писалъ статью на Онѣгина. Вы можете себѣ представить, что я, прочтя эту антикритику, зашагалъ въ комнатѣ, потеръ себѣ лобъ, поломалъ пальцы и взялся за перо. Въ одинъ день вылилась статья—увы!—предлинная и, кажется, убійственная для Полевого; но, прежде нежели ее отправить въ Питеръ, я повлялся впередъ ничего не печатать въ этомъ ничтожномъ журналѣ и выбрать другую сферу дѣйствія, Статья Полевого произвела въ нѣсколькихъ пріятеляхъ негодованіе. Въ доказательство Рожалинъ послалъ въ „Вѣстникъ Европы“ славное письмо къ редактору, въ которомъ онъ защищаетъ мои мнѣнія и обличаетъ самозванца-литератора; письмо дѣльное, котораго таланта не стѣбитъ Полевой и въ которомъ сочинитель умѣлъ скрыть всякое личное участіе. Кирѣевскій въ жару также написалъ не совсѣмъ удачный сборъ колкостей на Полевого, но потомъ разорвалъ написанное. Много пролитыхъ чернилъ! Судите сами о моемъ маранѣ и о письмѣ Рожалина,—я ихъ сегодня отправлю въ ваше домъ“.

Въ Петербургѣ Веневитиновъ пробылъ всего около полугода и довольно часто встрѣчался съ Александромъ Ивановичемъ въ домѣ графа Лаваль, гдѣ оба они были обычными гостями; но о прежнихъ интимныхъ сношеніяхъ нѣтъ указаній ни въ письмахъ

Александра Ивановича, ни въ его „Запискахъ“. Вѣроятно, кругъ знакомства въ Петербургѣ у обоихъ былъ различный, а тѣснаго общаго, какой существовалъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ не составилось. Болѣзнь Веневитинова вызвала теплое участіе Александра Ивановича и онъ умеръ на рукахъ послѣдняго, познакомившагося при этомъ случаѣ съ А. С. Хомяковымъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Александръ Ивановичъ говоритъ, что въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, проведенныхъ имъ съ А. С. Хомяковымъ у постели больнаго Веневитинова, не допускавшаго въ себѣ никого, кромѣ Ф. С. Хомякова, въ третьей комнатѣ, среди тревогъ и страховъ, они много толковали и спорили о философіи вообще и о Шеллингѣ въ особенности, о христіанствѣ и другихъ жизненныхъ вопросахъ.

Николай Матвѣевичъ Рожалинъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и поименованъ въ числѣ кандидатовъ словеснаго факультета въ 1824 году; въ этомъ году познакомился съ нимъ тамъ М. П. Погодинъ. Изъ записокъ Погодина и Кс. Полевого видно, что Рожалинъ былъ человекъ большаго ума и прекрасно образованный: Погодинъ рассказываетъ, что Рожалинъ для какаго-то князя написалъ диссертацию и тотъ получилъ за нее золотую медаль. Рожалинъ въ особенности былъ друженъ съ Кирѣевскими и Дм. Веневитиновымъ и находился подъ особымъ покровительствомъ Авд. П. Елагиной. Такимъ образомъ онъ тѣсно примкнулъ къ кружку собиравшемуся около Веневитинова и попалъ въ общество Раича. Рожалинъ въ первый годъ изданія „Московского Вѣстника“ (1827) принималъ въ немъ дѣятельное участіе переводами и помѣстилъ нѣсколько рецензій на выходившія книги ⁽¹⁴⁾. Что касается до рецензій, то онъ самая заурядныя. Такъ, напримѣръ, разбирая вновь вышедшій томъ стихотвореній гр. Хвостова, Рожалинъ ограничился слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Что можетъ прибавить разборъ нашъ къ той славѣ, которою сочинитель давно уже пользуется въ нашемъ литературномъ мірѣ? Ежели любители поэзіи прочтутъ пятый томъ его стихотвореній, то найдутъ въ немъ точно тѣ же признаки, какими отличается прежде вышедшее четырехтомное ихъ собраніе“ („Моск. Вѣстн.“, IV, 84). И это вовсе не иронія. Впрочемъ Рожалинъ тяготился журнальною работою. Въ письмѣ къ Александру Ивановичу онъ, между прочимъ, говорилъ: „Журнальныя занятія совсѣмъ мнѣ не по вкусу: онѣ слишкомъ разно-

родны, и все — въ срову, насоро. По-моему, это останавливаетъ образование серіозное и образуетъ только шарлатановъ“. Единственный капитальный трудъ, оставшійся послѣ Рожалина, есть переводъ соч. Гёте: „Страданія юнаго Вертера“; книга эта издана была А. А. Елагинимъ и, по свидѣтельству Кирѣвскаго, быстро расходилась: переводъ, для своего времени, замѣчательно хорошій. Выборъ этой книги, конечно, не былъ случайный: героя нѣсколько напоминалъ характеромъ и самъ Рожалинъ,—впечатлительный, отыскивающій идеальныхъ привязанностей, часто переходившихъ въ разочарованіе и наполнявшихъ его душу страданіемъ. По крайней мѣрѣ нельзя не заключить этого изъ характеристики Рожалина, попадающей въ перепискѣ Кирѣвскаго: „Рожалинъ не понимаетъ того, что нельзя разсчесть умомъ, когда чувство не наведетъ на этотъ расчесть“... „Уединеніе можетъ сдѣлать его не то что мизантропнѣе, а любедобязненнѣе, хотя онъ способенъ къ тому и другому“... „Видно у Рожалина были добрые пріятели, которые такъ его ласкали иголочками, потому что мы до сихъ поръ не можемъ навести на прежнюю коленину, хотя и стараемся каждый своимъ манеромъ: я — философствованіемъ, а Петруха — своимъ простымъ, дружескимъ, откровенно-деликатнымъ обращеніемъ“.

За границу Рожалинъ отправился въ концѣ мая 1828 года съ женою Кайсарова, въ качествѣ гувернера. Кн. Волконская и Жуковскій надавали ему рекомендацій во всѣ европейскіе города. Шевыревъ 29 мая 1829 года писалъ о немъ Елагиной изъ Флоренціи: „Въ Веймарѣ я разстался съ нашимъ другомъ съ улыбкой надежды на скорое свиданіе въ Италиі. Теперь, повидимому, онъ слава Богу спокоенъ и доволенъ настоящимъ; одна неизвѣстность будущаго его тревожитъ. Въ Россію ему пока не хочется ни за что и потому его мѣсто на два, на три года непремѣнно въ чужихъ краяхъ. Теперь онъ весь живетъ въ мірѣ греческомъ и латинскомъ, совершенно съ любовью преданъ своему предмету и, судя по настоящимъ занятіямъ, общается намъ Винкельмана или Гейне русскаго. Съ Кирѣвскимъ жить онъ не можетъ, а мы-то на него и надѣялись. Если Кайсарова остается въ чужихъ краяхъ, онъ остается у нихъ и не хочетъ отойти, потому что не хочетъ ей сдѣлать непріятности, и ее уважаетъ, ей благодаренъ. Если же мужъ призоветъ жену въ Россію, онъ непремѣнно отходитъ, и тогда (если не будетъ другаго средства) я бросаюсь въ ноги къ

нашей дорогой княгинѣ (вн. Зин. Ал. Волконской, съ которой путешествовалъ Шевыревъ, занимаясь обученіемъ ея сына), Рожалина тещу сюда и мы съ нимъ составимъ маленькій университетъ à deux professeurs для молодого князя“ („Рус. Арх.“ 1879, I, 138). Между тѣмъ изъ переписки И. В. Кирѣевского видно, что въ апрѣлѣ 1830 года Рожалинъ жилъ уже одинъ въ Дрезденѣ, безъ Кайсаровой, и тамъ съ нимъ встрѣтился И. В. Кирѣевскій. — Въ письмѣ своемъ Кирѣевскій говоритъ: „Рожалинъ занимается много и дѣльно; привыкъ къ сухому, не потерявъ нисколько внутренней теплоты. Выучился по-англійски и по-польски; послѣдній языкъ особенно знаетъ онъ прекрасно; читалъ съ выборомъ и никогда не терялъ изъ виду главнаго предмета своихъ занятій—филологіи и древностей. Кругъ его знакомства не широкій, но выборъ дѣлаетъ честь его характеру. Вообще однако можно сказать, что во все это время (въ теченіе 2 лѣтъ) онъ былъ почти одинъ, что однако не имѣло невыгоднаго вліянія на его обыкновенное расположеніе духа и дало его образу мыслей и выраженіямъ большую оригинальность, безъ односторонности. Завидное качество, какъ и вообще его поведеніе въ отношеніи къ внѣшнимъ обстоятельствамъ его цѣлой жизни“ (Кирѣев. соч., I, 51—52). Въ Дрезденѣ, по настоянію Елагиныхъ, Рожалинъ началъ,—впрочемъ, какъ видно, неохотно,—путешествіе свое съ П. В. Кирѣевскимъ. Послѣдній въ концѣ ноября 1830 года вернулся въ Россію, а Рожалинъ остался за границей и переѣхалъ въ Италію. Оттуда Рожалинъ писалъ Александру Ивановичу: „Кромѣ развалинъ, которыя я почти всѣ осмотрѣлъ и изучилъ, главными предметами моего изученія были и останутся Ватиканъ и Капитолій, да еще нѣкоторые частные музеи и галлерей. Я буду доволенъ, если успѣю живымъ образомъ пройти здѣсь вообще исторію искусства,—рыться много въ подробностяхъ у меня здѣсь недостаетъ времени. Мюнхенъ познакомилъ меня счастливо съ *древнѣйшими* эпохами греческой скульптуры, здѣсь предо мною богатый кладъ для познанія *лучшихъ* временъ ея, а особливо *римскаго* искусства. Что касается до живописи, то здѣсь узнаете все, что въ ней есть лучшаго, отъ Андрея дель Карто до позднѣйшихъ временъ. Но отъ первыхъ мастеровъ—Giotto, Masaniо и пр. почти нѣтъ ничего. Проѣздомъ назадъ я остановлюсь на нѣсколько времени во Флоренціи и въ Болоньи, чтобы дополнить эту Lücke. Занятія мои въ древней литературѣ также полу-

чаютъ здѣсь какую-то особенную жизнь, хотя я отдаю имъ меньше времени. Мѣстность, климатъ, остатки древностей, даже нѣкоторыя обычаи объясняютъ мнѣ многое. Но все это только матеріалы. Плановъ для чего-нибудь цѣлаго, для какого-то сочиненія у меня нѣтъ. Строить въ чужихъ краяхъ намъ невозможно: мѣсто, цѣль, мѣра всему—найдется только въ Россіи“.

Въ 1831 году Рожалинъ, страдавшій чахоткою, сильно расхворался въ Италіи. Въ этомъ году Александръ Ивановичъ также совершилъ свою первую поѣздку за границу.

Въ письмѣ изъ Женевы отъ 18/10 ноября 1831 г. Александръ Ивановичъ писалъ Одоевскому: „Рожалинъ въ Римѣ, занимается жестоко древними языками и общаетъ быть славнымъ филологомъ. Его намѣреніе—поселиться въ Москвѣ и имѣть кафедру въ университетѣ“. Вотъ два письма Рожалина къ Александру Ивановичу, которыя характеризуютъ какъ самого Рожалина, такъ и существовавшія между ними отношенія.

10-го декабря 1831 года.

„Милый Кошелевъ, я зналъ черезъ Веневитинова, что ты ѣздилъ въ Карлсбадъ; но что ты будешь въ двухъ шагахъ отсюда, объ этомъ я не думалъ, не гадалъ. Твои строки меня очень обрадовали. Давно уже мы не видались съ тобою. Сколько воды утекло! Какъ бы хорошо еслибъ Италія, о которой тебѣ поразсказалъ Шевыревъ, съ ея чудесами искусства и красавицами, одержала въ душѣ твоей верхъ надъ этой пустой Франціею, которую ты и въ Петербургѣ зналъ совершенно. Я-бъ тебя увидѣлъ: сколько бы новаго ты разсказалъ мнѣ, вѣрно бы и много милаго стараго привезъ съ собою. На мою бѣду, васъ собралась теперь въ Женевѣ цѣлая Россія и, вѣроятно, вамъ не скоро придетъ въ голову разстаться. По крайней мѣрѣ пиши больше. Мнѣ кажется, вижу тебя отсюда. Петербургскія канцеляріи и красавицы сгубили молодца,— не правда ли, ты похудѣлъ и нахмурился? Я такъ избаловался на чужбинѣ. Разстался съ здоровьемъ, съ большею частью надеждъ и вижу, наконецъ, что все мнѣ дорогое около меня рассыпается. Поэтому не смѣю сказать тебѣ: пріѣзжай повидаться. Ты нашелъ бы меня, вѣроятно, совсѣмъ не такимъ, какимъ отправилъ изъ Петербурга: я сталъ суровъ и скученъ и быть со мною — тоска. Ты пеняешь, что я не отвѣчалъ тебѣ на письмо изъ Карлсбада. Дѣло

въ томъ, что когда оно было писано, меня уже не было въ Мюнхенѣ, а мои тамошніе комиссіонеры, даромъ что нѣмцы, не благоразсудили переслать его. Досадно. Да встати вотъ важный вопросъ: здоровы ли Кирѣевскіе и все ихъ семейство? Они во мнѣ совсѣмъ не пишутъ. Иногда думаю, что у нихъ горе, несчастье, но иногда кажется мало всего этого. Ихъ молчаніе наполняетъ меня такою желчью, что я готовъ летѣть на край свѣта и даже дальше, если надо. Ты былъ въ Москвѣ и видѣлъ ихъ. Объясни меня навсегда—скажи все, что о нихъ знаешь, не скрывай ничего. У насъ погода райская. Сегодня было тепло, какъ на Руси бываетъ въ маѣ. Дулъ мой другъ—широкко и усыпилъ грудную боль, съ которой я проснулся. Теперь поздно. Я покуда прощусь съ тобою, обнявъ тебя крѣпко. Ты обнимешь за меня Шевырева, Соболевскаго и Волконскаго“.

29 марта.

„Милый другъ Кошелевъ, за хворостью, хандрой, дѣлами и лѣнью я до сихъ поръ не писалъ къ тебѣ. Но за столько причинъ ты вѣрно извинишь меня. Божусь честию, что и нечего было сказать тебѣ. Я уже давнаго ничего не дѣлаю, не имѣю даже плановъ на будущее, теперь принужденъ ѣхать въ Россію, ѣду съ твердымъ намѣреніемъ также ничего не дѣлать, и потому, безъ притворства, ничто какъ-то не оставляетъ на мнѣ никакого слѣда и при лучшей охотѣ подѣлиться не чѣмъ. Жаль, что ты не былъ въ Италіи, не видалъ ея и Рима своими глазами: глядя на тебя, какъ бы ты сталъ здѣсь тѣшиться, и я бы развеселился и быть-можетъ на словахъ развязался бы языкъ мой. Не могу надивиться, что всѣхъ васъ русскихъ тянетъ этотъ старомодный, безнравственный, пустой Парижъ и что весь міръ вамъ кажется ничто передъ нимъ. Странно также, что люди, какъ ты, не могутъ понять и вкусить моей Германіи. Я крѣпко поморщился, прочитавъ твои на нее нападки. Правда, ты видѣлъ ее проѣздомъ и слишкомъ бѣгло, а въ этомъ краю ничто не бросается въ глаза,—всего надобно искать и дорываться. Кирѣевскій говорилъ тебѣ, что я нѣмцевъ ненавижу, а Шевыревъ, что обожаю? Знаете ли, что и то и другое почти правда? Я, точно, не совсѣмъ люблю *нѣмцевъ*, хотя и уважаю ихъ за многое, но *Германія* такъ согласна со мной во всемъ, что я не могу вообразить земли, гдѣ бы здоровый и больной человекъ могли

жить уединеннѣе, покойнѣе, довольнѣе собой и даже веселѣе. Обо всемъ этомъ покаяемся на просторѣ, ежели Богъ приведетъ свидѣться на Руси“.

Но всѣмъ этимъ ожиданіямъ не суждено было сбыться. Вскорѣ Рожалинъ умеръ, гдѣ и когда именно—я не могъ получить свѣдѣній.

Владиміръ Павловичъ Титовъ кончилъ образованіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ имя его записано на золотой доскѣ, вмѣстѣ съ княземъ Одоевскимъ и Шевыревымъ. Это школьное товарищество и совмѣстная служба въ Московскомъ архивѣ ввели Титова въ кружокъ, собиравшійся около Веневитинова, и въ общество Ранча. Титовъ, какъ всѣ члены кружка, былъ шеллингистомъ; Погодинъ, сблизившійся прежде другихъ съ кн. Одоевскимъ и съ Титовымъ, какъ товарищемъ Шевырева, говоритъ, что Титовъ основательно изучилъ Шеллинга и потому Погодинъ взялъ съ него обѣщаніе перевести „Трансцендентальный идеализмъ“ Шеллинга. Изъ замѣчательнаго письма В. П. Титова къ М. П. Погодину (Барсуковъ, 234—236) видно, что Титовъ, наравнѣ съ другими членами кружка, занимался классическою литературой и философіей. До какой степени идеи гармоніи и единства проникали тогда умы мыслящихъ людей, видно изъ слѣдующихъ оригинальныхъ положеній, высказанныхъ въ письмахъ. „Человѣкъ скорѣ достигнулъ бы божественнаго просвѣщенія, еслибы не препятствовало тому половое раздвоеніе организма, по которому одно нераздѣльное никогда не можетъ исполнить идею одного рода, а по соединенію съ другимъ вновь себя производить. Вагнеръ говоритъ, что вѣкъ разнообразія, необходимости, *анализа*—вѣкъ женскій (?)—составляетъ древность; вѣкъ единства свободы, синтеза—вѣкъ мужской—составляетъ новѣйшее“ (254—255). „Ученіе Иисуса Назаретскаго рѣшило борьбу древняго съ новѣйшимъ: представительное правленіе должно быть вѣнцомъ новѣйшаго вѣка; реформація была ступенью“ (236). Титовъ въ то время былъ очень набоженъ. Разъ, вернувшись отъ обѣдни, Титовъ завелъ религіозный разговоръ съ Погодинымъ; но рассказъ Погодина настолько кратокъ и отрывистъ, что никакого результата вывести нельзя, въ чемъ именно заключались религіозныя убѣжденія Титова (Барсуковъ, стр. 303). В. П. Титовъ имѣлъ смолоду влеченіе къ литературѣ. Есть основаніе думать, что онъ участвовалъ еще въ трудахъ

воспитанниковъ благороднаго пансіона, затѣмъ Титовъ принялъ участіе въ московскомъ альманахѣ „Мнемозинѣ“ („Эмблемы“), въ „Сѣверной лирѣ“ („Три единства“, „Быль“) и въ петербургскомъ альманахѣ, издававшемся Дельвигомъ, „Сѣверные Цвѣты“ на 1827 г. (подъ псевдонимомъ Тита Космокротова) ⁽¹⁵⁾. Титовъ участвовалъ въ 1827 и 1828 гг. въ изданіи „Московск. Вѣстника“, но Погодинъ въ письмахъ къ Кошелеву жалуется, что онъ лѣнится и, наконецъ, что онъ совсѣмъ махнулъ рукой на его сотрудничество. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ Титовъ помѣщалъ частью оригинальныя статьи („Радость и печаль“, „Нѣсколько мыслей о зодчествѣ“, „о достоинствѣ поэта“, „о романѣ, какъ представителѣ образа жизни нынѣшнихъ европейцевъ“), отчасти рецензіи на книги, отчасти переводы и извлеченія, въ томъ числѣ извлеченія изъ сочиненія Флетчера о Россіи (on the Ross. commonwealth). Титовъ не имѣлъ литературнаго таланта и оригинальныя его статьи—въ аллегорическомъ и нравственно-сентиментальномъ родѣ—щеголяютъ тщательно выглаженнымъ слогомъ, но страдаютъ бѣдностью или туманностью содержания.

Титовъ, племянникъ Дашкова, также какъ и Александръ Ивановичъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и сдѣланъ былъ столоначальникомъ въ азіатскомъ департаментѣ. Отдавая полную справедливость его способностямъ и усердію, Александръ Ивановичъ, въ письмахъ къ матери, признаетъ, что онъ вполне заслужилъ такое назначеніе на первыхъ порахъ своей службы. Въ ноябрѣ 1830 года Титовъ сдѣланъ третьимъ секретаремъ посольства въ Константинополь. Извѣщая объ этомъ свою мать, Кошелевъ прибавляетъ: „Я очень радъ за него. Хоть Турція и не составляетъ для него обѣтованную землю, но онъ радъ уѣхать куда угодно, только чтобы распрощаться съ скучными гостинными петербургскими“ (18 ноября 1830 г.). Это было начало извѣстной и блестящей дѣятельности Владиміра Павловича по дипломатической части и вмѣстѣ концомъ литературныхъ его трудовъ. Титовъ съ Александромъ Ивановичемъ сохранилъ самыя дружескія сношенія до самой смерти послѣдняго и, проводя лѣто въ своемъ рязанскомъ имѣніи, почти ежегодно посѣщалъ Александра Ивановича въ его Песочнѣ. Масса писемъ, сохранившихся у Александра Ивановича отъ Владиміра Павловича, служить выраженіемъ ихъ личной пріязни, но ничего интереснаго для пуб-

лики эти письма не представляют, такъ какъ даже изъ Константинополя Титовъ, со скромностью настоящаго дипломата, не написалъ ничего интереснаго.

С. А. Соболевскій родился въ Ригѣ 10 сентября 1803 года, но по воспитанію, долговременному жительству и связямъ принадлежалъ преимущественно Москвѣ. Мать Соболевскаго, А. И. Лобова, была женщина замѣчательнаго ума и страстно любила сына, который платилъ ей глубокою привязанностью. Соболевскій съ раннихъ лѣтъ получилъ тщательное образованіе; ребенкомъ онъ уже читалъ по-латыни и переводилъ на латинскій языкъ цѣлыя главы исторіи Карамзина. Изъ Москвы его отправили въ Петербургъ, въ благородный пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ, гдѣ наставниками его были: Куницынъ, Галичъ, Арсеньевъ, Раупахъ, Германъ, Кюхельбекеръ, который пользовался особою симпатіей воспитанниковъ, а въ числѣ товарищей—композиторъ Глинка и Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, чрезъ котораго Соболевскій сблизился съ его братомъ, а также съ Баратынскимъ, Дельвигомъ и другими литераторами. По возвращеніи въ Москву, Соболевскій поступилъ на службу въ Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ. Соболевскій занялъ видное мѣсто среди блестящихъ архивныхъ юношей: мать не щадила для него издержекъ, и онъ являлся всюду богатымъ баловнемъ, любившимъ кутежи, хорошій столъ, вино и женщинъ, такъ что за послѣднюю страсть Пушкинъ назвалъ его Калибавомъ. Но у Соболевскаго была даровитая натура, которая внушала ему сочувствіе къ болѣе возвышеннымъ интересамъ и сблизала его съ людьми умными, талантливыми и стремящимися къ образованію. Отвѣчая на вопросъ: чѣмъ заслужилъ А. С. Соболевскій вниманіе современниковъ и ближайшаго потомства,—біографъ его Бартенева говоритъ: „Кому, кому не оказалъ онъ помощи своимъ участіемъ, своимъ благоразумнымъ совѣтомъ! Всякое дѣльное занятіе встрѣчало въ немъ горячую поддержку. Умудренный опытомъ и разностороннимъ чтеніемъ, онъ спѣшилъ съ добрымъ словомъ и полезнымъ указаніемъ къ ученому труженику, въ челоуѣку начинавшему какое-либо доброе и дѣльное предпріятіе“ („Русск. Арх.“ 1870 г., стр. 2144). Соболевскій обладалъ большимъ критическимъ тактомъ. „Мицкевичъ и Пушкинъ повѣряли ему свои стихотворенія до выхода въ свѣтъ, принимали его совѣты, дорожили его примѣчаніями, его тонкимъ умѣньемъ подмѣтить

слабую или сильную сторону—въ самомъ ли ходѣ изложенія, въ отгѣнкѣ ли слога и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ“.

Соболевскій со времени своей службы въ архивѣ примкнулъ къ кружкамъ, къ которымъ принадлежалъ А. И. Кошелевъ. Соболевскій принималъ дѣятельное участіе въ бесѣдахъ, спорахъ и литературныхъ предпріятіяхъ своихъ друзей, но не видно нигдѣ собственныхъ его работъ. Обладая стихомъ и живымъ запасомъ остроумія, онъ изрѣдка поражалъ кого-нибудь—большею частью своихъ пріятелей—эпиграммой, быстро разносившеюся по всѣмъ слоямъ общества. Соболевскій писалъ свои стихи по-русски, по-французски и по-нѣмецки; они были настолько остры и блестящи, что иногда приписывались Пушкину. Часто нескромные по содержанию, они лишены были желчной придирчивости и не возбуждали вражды въ близкихъ людяхъ къ автору. Но совсѣмъ иное дѣйствіе оказывали они на лицъ постороннихъ. Кс. Полевой въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что „уморительные эпитеты“, какіе придавалъ Соболевскій членамъ Раичевского общества, были одной изъ причинъ, почему братъ его разошелся съ обществомъ („Записки“, стр. 73). Нѣсколько стихотвореній Соболевскаго помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ (1874, II, 461; 1881, II, 494; 1888, X). Вообще эпиграммы Соболевскаго, какъ всякія другія, имѣли только временное значеніе: пока живъ самъ человѣкъ — и свѣжъ въ памяти случай, подавшій къ нимъ поводъ.

Въ 1826 г., осенью, по возвращеніи Пушкина изъ Пскова въ Москву, онъ остановился у Соболевскаго, который взялся за печатаніе второй главы „Евгенія Онѣгина“. Извѣстна близкая связь Пушкина съ Соболевскимъ и вліяніе послѣдняго: Соболевскій устранилъ поединокъ Пушкина съ граф. Ф. И. Толстымъ въ сентябрѣ 1826 г. и, по общему мнѣнію, своимъ присутствіемъ могъ бы въ-время воспрепятствовать и роковой дуэли поэта. Не разъ Соболевскій выручалъ Пушкина въ общественныхъ его сношеніяхъ и денежныхъ затрудненіяхъ и вообще помогалъ ему въ хозяйственныхъ дѣлахъ, гдѣ Пушкинъ, какъ большинство поэтовъ, былъ въ высшей степени безпеченъ и неаккуратенъ. Ту же услугу пришлось Соболевскому оказать и Мицкевичу. Около половины 1831 года Соболевскій жилъ въ Римѣ съ Мицкевичемъ и гр. Гейнр. Ржевусскимъ. Въ августѣ варшавское временное правительство предписало Мицкевичу явиться въ ратный станъ для одушевленія

воиновъ. Соболевскій принялся улаживать денежные интересы Мицкевича, бѣгалъ по банковымъ конторамъ и вступалъ во всѣ необходимыя письменныя сношенія. Въ 1828 году мать Соболевскаго умерла и ему достался только капиталъ, записанный на его имя: богатыя помѣстья отошли къ законнымъ наслѣдникамъ. Соболевскій долженъ былъ прекратить широкую жизнь и барскія затѣи. Вскорѣ онъ отправился за границу. 3 іюля 1830 г. И. В. Кирѣевскій, въ письмѣ къ своимъ, записалъ: „Сегодня Соболевскій отъиде; онъ прожилъ съ нами больше мѣсяца въ Мюнхенѣ и отправился теперь въ Миланъ, а оттуда въ Туринъ, гдѣ пробудеть мѣсяца два. Съ его отъѣздомъ точно будто уѣхало сорокъ человѣкъ. У насъ опять тихо, порядочно и трезво; что же касается до нашихъ главныхъ занятій, т.-е. лекцій и проч., то имъ не мѣшало и Соболевскій, который бурлилъ только въ антрактахъ, но за то такъ, что бѣдный Рожалинъ всякій день принужденъ былъ откупаться отъ его крика слезами и виномъ, хотя и это не всегда помогало“ (Кир. соч., I, 61). Но Соболевскій не занимался за границей только кутежомъ и фланерствомъ; онъ старался сходиться съ замѣчательными людьми и собралъ богатый запасъ разнообразныхъ свѣдѣній по части наукъ и искусствъ. За границей Соболевскій положилъ начало своей богатой и обширной библіотекѣ. Въ письмѣ изъ Женевы отъ 18 (30) ноября 1831 года Александръ Ивановичъ писалъ кн. Одоевскому: „Соболевскій ѣдетъ въ Россію, селится въ Москвѣ и намѣренъ сдѣлаться великимъ промышленникомъ (industrial). Я его весьма полюбилъ: онъ славный малый и весьма въ свою выгоду переѣхался. Промышленность обращаетъ его особенное вниманіе, и если онъ въ первые годы не разорится, то надѣется сдѣлаться милліонщикомъ (почтеннымъ, по его словамъ, человѣкомъ)“. Въ другомъ письмѣ отъ 8 (20) ноября Кошелевъ писалъ: „единственная моя здѣсь (въ Женевѣ) отрада—это Соболевскій. Онъ, право, добрый малый, имѣетъ сердце хорошее и даже можетъ быть славнымъ семьяниномъ. Ты бы его не узналъ,—такъ путешествія его измѣнили. Вообрази: сдѣлался сентиментальнымъ,—чудо, да и только!“ Изучивши, между прочимъ, бумаго-прядильное дѣло, Соболевскій, вернувшись въ Россію, вмѣстѣ съ С. И. Мальцевымъ основалъ таеъ-называемую „Самсоньевскую мануфактуру“ на Выборгской Сторонѣ въ Петербургѣ и велъ на первое время самъ коммерческое дѣло. Въ 1852 г. онъ вернулся въ Москву и жилъ

тамъ безвыѣдно. Своею спеціальностью Соболевскій избралъ библіографію и по этому предмету велъ обширную переписку не только съ русскими, но и съ европейскими библіографами. Библіографическія статьи Соболевскаго помѣщались въ разныхъ журналахъ, преимущественно въ „Русскомъ Архивѣ“, гдѣ онъ былъ однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ, начиная съ своей заграничной поѣздки, Соболевскій отсталъ отъ большинства своихъ прежнихъ товарищей, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время разстроился и самый кружокъ, члены котораго разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Общественное свое значеніе въ Москвѣ утратилъ Соболевскій довольно рано. Бергъ рассказываетъ, что на вечерахъ гр. Растопчиной, гдѣ собиралось молодое поколѣніе литераторовъ 50-хъ годовъ, въ 1849 году изрѣдка появлялся Соболевскій. Новое литературное поколѣніе относилось къ нему холодно: для него онъ былъ старъ и важенъ. „Его диктаторскіе приемы, небрежный тонъ разговора, манера входить и выходить, по-министерски разваливаться на креслахъ— все это не нравилось молодежи“. Очевидно, что—помимо этой внѣшней причины охлажденія— между Соболевскимъ и новымъ литературнымъ поколѣніемъ не установилось никакой внутренней связи и не было общихъ интересовъ. Молодежь отгадывала внутреннюю пустоту Соболевскаго, помимо его качествъ, дѣлавшихъ его дорогимъ для людей близкихъ. Человѣкъ, который тратитъ свои силы только на эпиграммы, во всякомъ случаѣ обнаруживаетъ свою неспособность или нежеланіе посвятить ихъ настоящему общему дѣлу. Соболевскій, какъ членъ Общества любителей россійской словесности, избранъ былъ въ комиссію по изданію пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ. Соболевскій умеръ 6 октября 1870 года; бумаги его достались по завѣщанію Лонгинову, но, повидимому, онъ не сообщилъ никакого матеріала; а обширная и цѣнная библіотека Соболевскаго разошлась по рукамъ.

К. С. Аксаковъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ студентства 1832—1835 годовъ“, мимоходомъ высказалъ такую замѣтку: „Шевыревъ (тогда только-что появившійся на кафедрѣ) казался для студентовъ радостнымъ событіемъ; но и тутъ очарованіе продолжалось недолго“ („День“ 1862 г., № 40, стр. 3). Въ бумагахъ Кошелева сохранилось письмо по этому случаю Шевырева къ издателю „Дня“, И. С. Аксакову, гдѣ Шевыревъ очень обижается этою замѣткой и

оправдывается слѣдующимъ образомъ. Заявленіе Аксакова, по мнѣнію Шевырева, требуетъ объясненія. „Я считаю,—говоритъ Шевыревъ,— объясненіе нужнымъ не столько въ отношеніи къ моей личности, не зависѣвшей никогда ни отъ чьего-нибудь очарованія, сколько въ отношеніи къ психологическому процессу мысли, который совершался тогда въ молодыхъ поколѣніяхъ и въ которомъ хранится можетъ-быть тайна того, что совершается теперь въ новыхъ. Скоро возникъ антагонизмъ между мною и Станкевичемъ, стоявшимъ во главѣ того поколѣнія, къ которому принадлежалъ и К. С. Причиною тому была Гегелева философія. Я вмѣстѣ со всѣми своими сверстниками и друзьями былъ шеллингианцемъ. Съ Гегелевымъ ученіемъ я познакомился за границею, въ Римѣ, и узналъ его изъ живыхъ устъ польскаго поэта Горчинскаго, который былъ однимъ изъ самыхъ страстныхъ и близкихъ учениковъ Гегеля и даже нѣсколько лѣтъ жилъ у него въ домѣ. Тогда уже я объявилъ себя противникомъ этого ученія и нерѣдко велъ жаркіе споры съ ревностнымъ гегелистомъ. Когда я возвратился въ Россію и принялъ каѳедру, ученіе Гегеля начало сильно распространяться у насъ. Тогда стали выходить разныя части его философіи, обработанныя его учениками. Тогда и у насъ отозвалось ученіе Гегелево въ лекціяхъ профессоровъ Рѣдына, Крюкова и, позднѣе, Грановскаго. Я слѣдилъ за Гегелевою философіей по выигамъ, которыя тогда выходили. Со вниманіемъ я прочиталъ лекціи философіи и исторіи, изданныя Гегелемъ и почти уже переработанныя сыномъ самого Гегеля, эстетику въ изданіи Гото и другія. Но и онѣ не увлекли меня. Я оставался, въ теченіе всего моего университетскаго поприща, постояннымъ и добросовѣстнымъ противникомъ Гегелева ученія. Странно, что вашъ братъ не упомянулъ о томъ, какъ онъ вмѣстѣ съ моимъ двоюроднымъ братомъ Д. Топоринымъ пріѣзжалъ ко мнѣ для чтенія подѣ моимъ руководствомъ трагедій Шиллера. Нѣмецкая поэзія ввела его и въ нѣмецкую философію. Когда онъ принялся за Гегелеву эстетику, то возникали между нами непрерывные споры, и вотъ откуда объясняется, почему не долго длилось его очарованіе отъ моихъ лекцій, равно какъ и Станкевича, вліянію котораго онъ сильно подвергся“.

Степанъ Петровичъ не совсѣмъ вѣрно понялъ разочарованіе на первыхъ же порахъ университетской молодежи. 23 ноября 1830 года С. П. Шевыревъ писалъ Погодину изъ Рима: „Два пути

передо мной: сцена и каеэдра: готовиться надо на обѣ, потому что у насъ—запасайся двумя тетивами. Склонность моя внутренняя влечетъ къ первой. Я изъ дѣтства имѣлъ эту способность: „Валленштейновъ лагерь“ и другіе переводы изъ Шиллера убѣдили меня въ этомъ; „Ромулъ“ (трагедія задуманная Шевыревымъ, гдѣ онъ хотѣлъ „вмѣстить весь Римъ древній отъ Ромула до щита Сабинскаго и стѣнъ Этруссковъ!?) будетъ рѣшительно пробнымъ камнемъ. Итакъ, видишь, что я лѣзу на сцену: это моя главная мысль, покуда я не убѣдился въ невозможности исполнить оную. Далѣе—каеэдра. Да я не забываю о другой тетивѣ: къ счастью же, онѣ обѣ близки другъ къ другу“ (Погодинъ—„Воспоминаніе о Шевыревѣ“, стр. 19). Эта странная двойственность показываетъ только, что въ сущности у Шевырева не было призванія ни къ той, ни къ другой, а только тревожное и самонадѣянное стремленіе чѣмъ бы то ни было произвести эффектъ и добиться извѣстности. Въ настоящемъ, талантливомъ человѣкѣ сцена исключаетъ каеэдру и наоборотъ; для Шевырева онѣ были *близки другъ къ другу!* И такъ это осталось на всю его жизнь; достигнувъ каеэдры, онъ все-таки въ душѣ оставался *актеромъ*. Шевыревъ, безспорно, былъ человѣкъ работающій, много читалъ, и иногда усиленный трудъ разяснял для него вопросъ: почему, когда Шевыревъ относился къ вопросу просто, въ качествѣ скромнаго эрудита,—онъ былъ на своемъ мѣстѣ и могъ принести пользу. Но когда шевелились въ немъ сценическія наклонности, когда онъ становился на ходули, чтобы озадачить слушателей и козять лавры, вѣнчающія художника, тогда Шевыревъ становился невыносимъ на каеэдрѣ. Сейчас же онъ устремлялся въ погоню за мишурнымъ блескомъ напыщенныхъ и внѣшне-красивыхъ фразъ, скрывавшихъ совершенную пустоту внутренняго содержанія. Притомъ и актеръ онъ былъ устарѣлый, Ковошкинской школы, которая ввела неприятную пѣвучесть неестественной и утомляющей слухъ декламациі, прерываемой иногда даже на лекціяхъ, искусственными слезами. Понятно, что слушатели его на первыхъ же порахъ разочаровывались. Не многіе изъ современныхъ Шевыреву профессоровъ пользовались такою незавидною репутаціей между студентами. А. Н. Аванасевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ („Русск. Стар.“ 1886 г., августъ) высказывалъ и личный, и общераспространенный тогда между студентами взглядъ, что Шевыревъ былъ человѣкъ „мелочно-самолюбивый, искательный“.

наклонный къ почестямъ и готовый при случаѣ подгадить; лекціи его были довольно сухи и мало представляли дѣльнаго содержанія, которое было бы почерпнуто изъ дѣйствительныхъ фактовъ; ему не доставало филологическихъ свѣдѣній“ (стр. 369 и 370). Шевырева давно уже безжалостно, но совершенно вѣрно охарактеризовалъ авторъ „Очерковъ Гоголевскаго періода“ („Соврем.“ 1885 года, т. LV). „Не подлежитъ сомнѣнію, что гг. Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ не считаютъ г. Шевырева своимъ (67). Г. Шевыревъ многими былъ считаемъ за славянофила, и онъ самъ отчасти подавалъ къ тому поводъ очень часто, или, лучше сказать, постепенно, въ каждой статьѣ своей развивая три или четыре темы, повидимому сходныя съ мыслями славянофиловъ. Различіе было, повидимому, только въ томъ, что г. Шевыревъ выражалъ эти мнѣнія гораздо краснорѣчивѣе, и такъ какъ краснорѣчіе состоитъ въ употребленіи различныхъ фигуръ, какъ-то: усугубленія, наращенія, напряженія и т. п., то по необходимости мысли эти выражались у него гораздо сильнѣе, нежели у г. Аксакова, г. Кирѣевскаго или г. Хомякова. Мы сказали бы даже: выраженіе этихъ мыслей у него отчасти *доведено до излишней утрировки*, еслибы могло быть излишество въ столь пріятной вещи, какъ краснорѣчіе“ (79). „Внимательное разсмотрѣніе статей ученаго автора приводитъ каждого къ рѣшительному убѣжденію, что если г. Шевыревъ находитъ нѣкоторыя отдѣльныя мысли славянофиловъ полезными, но слишкомъ недостаточно развитыми и слишкомъ слабо выраженными у самихъ славянофиловъ, и потому старается повторять ихъ мысли какъ можно чаще, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, сообщая имъ самое всеобъемлющее значеніе, прилагая ихъ ко всякому данному предмету,—если, говоримъ мы, онъ дѣлаетъ это, то дѣлаетъ какъ *мыслитель своеобразный*“ (стр. 81).

Дѣйствительно, Шевыревъ много вредилъ славянофиламъ тѣмъ, что его *утрированныя* и *своеобразныя* толкованія нѣкоторыхъ положеній славянофильскаго кружка считались за *profession de foi* всѣхъ лицъ, въ этому кружку принадлежавшихъ. Славянофилы, въ свою очередь, также цѣнили Шевырева по достоинству: они были близки къ нему и считали его своимъ, какъ человека раздѣлявшаго ихъ убѣжденія и примкнувшаго къ ихъ кружку, но не ожидали отъ него никакого серьезнаго участія въ разрѣшеніи затронутыхъ ими вопросовъ. И. В. Кирѣевскій, въ письмѣ къ Александру Ивано-

вичу, разбирая учение Вине объ отношеніи церкви къ государству, между прочимъ, остановился на томъ, что Вине толкуетъ о государствѣ *вообще* и объ убѣжденіи *вообще*, не примѣняя своихъ разсужденій къ дѣйствительнымъ отношеніямъ какого-либо изъ господствующихъ исповѣданій, къ существующей формѣ государственнаго устройства. Оттого у Вине, говоритъ Кирѣевскій, „является такая неопредѣленность, такая преувеличенность, такая несоответственность одной мысли къ другой, что первая сто страницъ второй части показались мнѣ войной Донъ-Кихота съ вѣтряными мельницами, или *упражненіями талантливаго студента на курсѣ какого-нибудь швейцарскаго Шевырева*“.—*Sapienti sat*. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Шевыревъ извѣстенъ былъ какъ поэтъ, помѣщавшій свои стихотворенія въ московскихъ журналахъ и альманахахъ, а также какъ критикъ „Московскаго Вѣстника“. Пока главнымъ достоинствомъ стихотвореній считалась внѣшняя форма и музыкальность стиха, помимо внутренняго содержанія,—поэтическія произведенія Шевырева, удовлетворявшія этимъ условіямъ, могли нравиться современникамъ; но теперь они забыты и не дали Шевыреву права на признаніе въ немъ поэта, въ истинномъ его значеніи, такъ какъ красивая форма у Шевырева прикрывала полное отсутствіе серьезной мысли. Во всякомъ впрочемъ случаѣ стихи Шевырева были неизмѣримо выше поэтическихъ опытовъ Надеждина, вовсе не оправдавшаго предположенія, что критикъ посовѣтится напечатать собственныя плохія произведенія. Критическая дѣятельность Шевырева началась главнымъ образомъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ и развилась вполне въ „Москвитинѣ“; эта позднѣйшая эпоха до насъ не касается и совершенно вѣрно оцѣнена Чернышевскимъ. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ Шевыревъ только-что выступилъ на критическое поприще, сохраняя всю скромность начинающаго. Шевыревъ разбиралъ всѣ сколько-нибудь крупныя произведенія, появлявшіяся въ литературѣ, и останавливался главнымъ образомъ на переводахъ тогдашнихъ корифеевъ западной литературы. Такъ, онъ помѣстилъ разборы Вальтеръ-Скотта („Веверлей“), Гёте („Helena“, „Zwischen Spiel zu Faust“, „Гецъ Фонъ-Берлихингенъ“), Манцони (ром. „Обрученные“), Шекспира („Отелло“), Байрона („Манфредъ“), Козлова („Чернецъ“ и „Княгиня Наталья Долгорукая“) и проч. Кромѣ того Шевыревъ въ 1827 г. помѣстилъ „Обозрѣніе русской словесности за 1827 годъ“

и „Обзоръ русскихъ журналовъ“ за тотъ же годъ. За разборъ „Не-
лена“ Шевырева похвалилъ Гёте и письмо его (въ переводѣ) по-
мѣщено было въ „Московскомъ Вѣстникѣ“. Критика Шевырева
пользовалась нѣкоторымъ значеніемъ въ глазахъ современниковъ.
Баронъ Розенъ писалъ Шевыреву 17 марта 1833 года: „Есть на свя-
той Руси только два записныхъ рецензента, которыхъ мнѣніемъ я
дорожу: вы да И. В. Кирѣевскій“ („Рус. Арх.“ 1878 г., IV, 48).
Дѣйствительно, это былъ первый опытъ оригинальныхъ, а не пе-
реводныхъ сужденій о крупныхъ представителяхъ западной лите-
ратуры. Шевыревъ знакомъ былъ съ статьями современныхъ нѣ-
мецкихъ критиковъ и излагалъ ихъ результаты въ формѣ понят-
ной и приравненной къ понятіямъ большинства, не удовлетво-
рившагося переводными статьями, иногда дурно выбранными, всег-
да рассчитанными на публику, хорошо знакомую съ установив-
шимся уже взглядомъ на литературу. Но Шевыревъ и въ началь-
ной своей критической дѣятельности, хотя менѣе нежели въ послѣ-
дующей, прибѣгалъ къ выраженіямъ напыщеннымъ, но безодер-
жательнымъ. Вотъ, напримѣръ, объясненіе характера „Отелло“:
„Огромный исполинъ, только въ самомъ себѣ, и именно въ зародышѣ
силъ своихъ носящій роковую каплю яда, которая одна только
могла преждевременно погубить его,—Ахиллъ, ничѣмъ неприступ-
ный жалу смерти, кромѣ паты, незакаленной въ водахъ Стикса,—
удавъ, котораго никто не побѣждаетъ, кромѣ его собственнаго
пресыщенія: вотъ основная идея, олицетворенная въ гигантскомъ
характерѣ Отелло („Моск. Вѣстн.“ 1828 г., X, 471).

Шевыревъ, во время отсутствія Погодина въ Петербургъ въ
1828 году, напечаталъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ обзорѣніе
журналовъ и началъ полемику между Москвою и Петербургомъ,
обратившуюся вскорѣ въ задорную и неприличную брань. Булга-
ринъ, по своему характеру, придавъ этой критикѣ смыслъ пося-
гательства на его карманъ. Между тѣмъ „Московский Вѣстникъ“
относился къ литературѣ добросовѣстно и отдавалъ справедливость
ближайшему и самому опасному сопернику—„Телеграфу“, изда-
вавшемуся Полевымъ. По мнѣнію „Вѣстника“, „Телеграфъ“ есть
„лучшій журналъ въ Россіи и болѣе соответствующій общему на-
значенію журнала. Онъ имѣетъ неотъемлемое право на призна-
тельность публики. Явившись въ то время, когда задремали всѣ
журналисты въ непростительной нерѣшительности и отъучили пуб-

ливу отъ чтенія, когда во всѣхъ находилась потребность сообщаться со всѣмъ новымъ, говорить и судить обо всемъ, онъ весьма удачно пособилъ сему недостатку: въ любителяхъ чтенія поддержалъ сію благородную охоту, пріохотилъ новыхъ читателей, возбудилъ въ нихъ участіе ко всему современному въ литературѣ, желаніемъ мыслить пробудилъ въ другихъ это благородное желаніе, навелъ страхъ на тѣхъ мелкихъ писателей, которые прежде безнаказанно печатали все безъ разбора; наконецъ, показавъ другимъ журналистамъ примѣръ въ неутомимомъ трудолюбіи, въ смысленной расторопности, — однимъ словомъ, во всемъ искусствѣ журналиста, — проложилъ путь другимъ, приготовилъ читателей для журнала, болѣе совершеннаго по образу мыслей, и тѣмъ принесъ (хотя отрицательно) много пользы просвѣщенію отечественному. По всѣмъ правамъ онъ заслуживаетъ, чтобы имя его означало новую эпоху въ исторіи русскаго журнализма, какъ *журнала критическаго и современнаго*“ („Моск. Вѣстн.“ 1828 г., VII, 104 и 105).

29 декабря 1871 года праздновался въ Москвѣ пятидесятилѣтній юбилей ученой, литературной и общественной службы М. П. Погодина. Юбилара чествовалъ Московскій университетъ, съ которымъ, по словамъ самого Погодина, соединена была судьба его, вся жизнь, и городъ Москва — своего, какъ выразился тогдашній городской голова Ляминъ, „исконнаго гражданина, принадлежащаго Москвѣ рожденіемъ, воспитаніемъ, жительствомъ, службою государственной и общественной, направленіемъ мыслей, убѣжденіями, чувствомъ, самымъ своеобразнымъ характеромъ своей дѣятельности“. Петербургскій университетъ командировалъ на праздникъ своимъ депутатомъ Бестужева-Рюмина, Варшавскій университетъ — своего ректора Лавровскаго, Московская духовная академія — профессора Казанскаго, Археологическая комиссія — Н. В. Калачова; Московскія общества: „Исторіи и древностей“ — гр. М. В. Толстаго, „Испытателей природы“ — А. Г. Фишера фонъ Вальдгеймъ, „Любителей естествознанія“ — Щуровскаго, „Любителей російской словесности“ — А. И. Кошелева, „Археологическое общество“ — Сонцева, „Любителей духовнаго просвѣщенія“ — арх. Амфилохія, „Юридическое“ — присяжныхъ повѣренныхъ Фальковскаго и Жилина-Козлова, дирекція Московскихъ музеевъ — Д. В. Дашкова, Московскій отдѣлъ Славянскаго комитета — Н. А. Попова, Петербургскій отдѣлъ — Бестужева-Рюмина и Шафранова. Принесены были по-

здравленія: отъ С.-Петербургской академіи наукъ, университетовъ Казанскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Одесскаго, отъ С.-Петербургской и Кіевской духовныхъ академій, отъ С.-Петербургской публичной бібліотеки, отъ отдѣловъ Славянскаго комитета въ Кіевѣ и Одессѣ, отъ Одесскаго славянскаго общества, отъ общества Московскихъ хоругвеносцевъ, отъ Одесскаго Болгарскаго попечительства, болѣе 30 телеграммъ отъ учебнаго вѣдомства и въ томъ числѣ 24 поздравленія отъ различныхъ гимназій и прогимназій, массы поздравленій отъ частныхъ кружковъ и лицъ, въ томъ числѣ отъ вн. П. А. Вяземскаго и отъ единственныхъ оставшихся въ живыхъ членовъ упомянутыхъ нами московскихъ кружковъ— В. П. Титова и А. Веневитинова. Были адреса отъ московскихъ и петербургскихъ литераторовъ, но они были подписаны большею частью профессорами и учеными, не носящими званія литераторовъ. Собственно литераторы участія въ торжествѣ не приняли: на адресахъ нѣтъ подписи ни одного редактора современныхъ изданій (кромѣ „Торговаго Сборника“) и ни одного изъ лицъ занимающихся собственно такъ-называемою литературою. За то западные и южные славяне громко отълинулись на празднество извѣстнаго русскаго ученаго и общественнаго дѣятеля: были присланы поздравленія отъ чешскихъ обществъ: „Свѣтоборъ“, „Чешскаго музея“, „Историческаго общества“ въ Прагѣ, „Умѣлецкой бесѣды“ (общество художниковъ), „Академическаго читальнаго общества“ въ Прагѣ, „Литературнаго общества славянъ“ тамъ же, „Общества сельской бесѣды“ въ Вѣнѣ, отъ „Славянской Матицы“ въ Пильзенѣ, „Южно-Славянской академіи наукъ и искусствъ“— въ Загребѣ, отъ Бѣлградскаго ученаго общества, отъ Болгарскаго книжевнаго дружества въ Браиловѣ, отъ словацкихъ папистовъ изъ Венгріи, отъ всѣхъ обществъ, существующихъ у словенцевъ, населяющихъ Крайну, Истрію и часть Штиріи и Каринтіи, письма отъ чешскаго историка Палацкаго и отъ извѣстнаго серболужицкаго писателя—Смоляра. Подписи всѣхъ именитыхъ ученыхъ, литераторовъ и политическихъ дѣятелей славянства заявляли, насколько заслуги Михаила Петровича извѣстны и дороги соплеменнымъ народностямъ за предѣлами Россіи. Изъ приложеннаго описанія юбилейнаго торжества М. П. Погодина видно, что онъ до 1871 г. напечаталъ сорокъ два отдѣльныхъ сочиненія, въ число которыхъ входятъ такіе капитальные труды, какъ „Древняя рус-

ская исторія до Монгольскаго ига“ (3 тома, 1870—1871 г.), „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи“ (7 томовъ, 1847—1856 г.), „Несторъ“, историко-критическое разсужденіе (1839 г.), „Норманскій періодъ русской исторіи“ (1857 г.), „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ“ (1860 г.), „Н. М. Карамзинъ“ (1866 г.), „А. П. Ермоловъ“ (1863 г.). Переводы Погодина: „Начертаніе древней географіи Нича“ (1823 г.), „Кирилль и Меѳодій, славянскіе первоучители“ Добровскаго (1825), „Историческія изслѣдованія Эверса“ (1826 г.), „О жилищахъ древнихъ руссовъ“ Неймана (1826 г.), „Гецъ фонъ Берлихингенъ“, траг. Гёте (1827 г., 2-е изд. 1866 г.), „Риттеровы карты Европы“ (1827 г.), „Всеобщая исторія для дѣтей“ Шлецера (2 тома, 1829—1830 г.), „Славянская грамматика“ Добровскаго (1833 г.). Изданія памятниковъ Погодина: „Цвѣтущее состояніе Россійскаго государства“ Кирилова (1831 г.), „Псковская лѣтопись“ (1837 г.), „Сочиненія Ивана Посошкова“ (2 ч., 1842 и 1863 гг.), „Метрики Кн. Литовскаго“ (1843 г.), „Собраніе документовъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича“ (1860 г.), „Русскій историческій альбомъ“ (1838—1844 гг.), „Образцы славянскаго древнеписанія“ (1840 г.). Погодинъ издавалъ 3 журнала: „Московскій Вѣстникъ“ 4 года (1827—1830 г.), „Москвитянинъ“ 16 лѣтъ (1841—1856 г.), „Русскій“ въ теченіе 1868 г. и „Спеціальный русскій историческій сборникъ“, 7 томовъ (1838—1844 г.). Альманахи, изданные Погодинымъ: „Уранія“, литературный альманахъ (1826 г.), „Гостинецъ на новый годъ“ (1850 г.), „Утро“, литературный сборникъ (3 тома, 1859, 1866 и 1868 годы), „Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ“ (1865 г.). Кромѣ того Погодинъ издалъ 34 сочиненія разныхъ авторовъ, въ томъ числѣ „Словарь свѣтскихъ писателей“ митр. Евгенія, „Историческая переводная бібліотека“ въ 5 т., „Славянскія древности Шафарика“ пер. Бодянскаго, „Древніе и нынѣшніе болгары“ Ю. Венелина и „Сочиненія Ф. Н. Глинки“. По повременнымъ изданіямъ разсѣяно множество статей Погодина, подписанныхъ и не подписанныхъ. Погодинъ самъ писалъ въ „Гражданинѣ“, что „въ продолженіе 50-ти слишвомъ уже теперь лѣтъ не было не только года, но даже мѣсяца, едва ли недѣли—безъ какой-либо статьи“. Притомъ среди этого дворянскаго, по большей части аристократическаго кружка одинъ Михаилъ Петровичъ былъ сынъ крестьянина. Отецъ Погодина былъ крестьянинъ села Никольскаго-

Галкина, Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи, изъ имѣнія графа П. Г. Чернышева, доставшагося за дочерью фельдмаршалу И. П. Салтыкову. Петръ Моисейчъ Погодинъ сначала былъ писаремъ въ московской домовой конторѣ Салтыкова, потомъ управляющимъ и, наконецъ, за честную, трезвую, усердную и долговременную службу *отпущенъ на волю* гр. П. И. Салтыковымъ въ 1806 году, т.-е. чрезъ пять лѣтъ послѣ рожденія Михаила Петровича. Нельзя не признать, что вы имѣете дѣло съ *крупнымъ человекомъ*. Его историко-научная дѣятельность оцѣнена людьми компетентными и сюда не относится; его публицистическая дѣятельность едва ли подлежитъ разбору вполне безпристрастному и откровенному въ настоящую минуту. Поэтому я вкратцѣ коснусь чисто-литературной дѣятельности Михаила Петровича, тѣмъ болѣе, что она именно совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, о которомъ я говорю, и притомъ меньше всего извѣстна и оцѣнена.

Въ нашей ходячей литературѣ конца двадцатыхъ годовъ изъ иностранныхъ писателей преимущественное вліяніе имѣлъ Вальтеръ-Скоттъ, котораго переводы—хорошіе, дурные и даже подложные—наводняли книжный рынокъ, какъ прежде сочиненія Коцебу и Лафонтена. Слѣдомъ за знаменитымъ создателемъ историческаго романа появились и плохіе его подражатели: изъ Германіи—Фонъ-деръ-Вельде и изъ Франціи—виконтъ д'Арленкуръ. Рядомъ съ этимъ продолжались переводы нравственно-сатирическихъ или описательныхъ романовъ въ лицѣ Вашингтона-Ирвинга, Жюи и его подражателей, въ родѣ Колье и др. Эта эпоха въ русской литературѣ представлена была Лажечниковымъ, Загоскинымъ и Булгаринимъ, за которыми слѣдовала цѣлая плеяда болѣе или менѣе бездарныхъ и теперь забытыхъ романистовъ: Масальскій, Погорѣльскій, Бѣгичевъ, Ор. Сомовъ (подъ псевдонимомъ Порф. Байскаго), Вас. Ушаковъ, Н. Данилевскій, Ал. Орловъ, Фед. Кузьминъ, Ив. Калашниковъ, Ф. Щегловъ, Ив. Гурьяновъ и т. д. Къ этому же разряду относятся и первоначальныя повѣсти Н. Полевого („Повѣсти и литературныя отрывки Н. Полевого“ 6 ч., М. 1829 года). Но, подъ вліяніемъ потребности къ самостоятельной народной литературѣ, первымъ представителемъ которой явился Гоголь („Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, повѣсти, изданныя пасѣчникомъ Рудымъ-Панькомъ, Спб., 1831—32 гг.), зарождалась народно-реальная или бытовая школа, которой предстояло въ будущемъ окончатель-

ное торжество. Зачатки ея видны были въ произведеніяхъ Нарѣжнаго (16) и Погодина. Погодинъ не принадлежалъ къ числу литературныхъ талантовъ; въ повѣстяхъ своихъ онъ заплатилъ дань господствовавшему направленію. Есть у него повѣсть, гдѣ вся завязка построена на возбужденіи въ читателяхъ нервовъ разными страшными разсказами, хотя и здѣсь Погодинъ не прибѣгаетъ къ чертамъ и привидѣніямъ, уже сошедшимъ со сцены: такова его повѣсть „Васильевъ вечеръ“, о которой онъ самъ говоритъ, что написалъ ее *на заказъ*, потому что повѣсти „*пострашнѣе* любить наша любопытная публика“ („Пов., III, 185—186). Есть повѣсти, гдѣ, подъ вліяніемъ Гёте, Погодинъ описываетъ идеальную любовь, сродство душъ, одинаково стремящихся къ возвышенному, къ искусству: такова повѣсть „Русая коса“, интересная по біографическимъ подробностямъ (см. Барсукова: „Жизнь Погодина“, I, 306—309). Вообще же изъ повѣстей Погодина замѣчательнѣе другихъ повѣсти—„Невѣста на ярмаркѣ“ („Повѣсти“, II, 65 и слѣд.), „Черная немочь“ (ч. III, 1 и слѣд.) и разсказъ „Нищій“. Первая двѣ повѣсти имѣли въ свое время значительный успѣхъ. Въ первой повѣсти на сцену выведена пожилая маменька, пріѣхавшая на ярмарку сбыть трехъ взрослыхъ дочерей. Характеръ самой маменьки очерченъ мастерски и она лицо совсѣмъ живое. Вторая повѣсть представляетъ молодого человѣка съ выдающимися способностями и непреодолимою страстью къ ученю, котораго отецъ съ матерью—купцы—всячески стараются отъ этого отвести и сватаютъ ему раскрашенное и глупое *чучело*—дочь хлѣбнаго торговца, вслѣдствіе чего молодой человѣкъ топится въ Москвѣ-рѣкѣ. Въ этой повѣсти купцы-родители и сваха замѣчательно вѣрно и живо нарисованы: все начало повѣсти—визитъ матери къ священнику и его женѣ, разговоръ матери съ отцомъ и появленіе свахи (ч. III, 1—26), затѣмъ вторичное появленіе свахи въ домѣ и объявленіе о предстоящемъ сватовствѣ сыну (64—75)—очень похожи на сцены въ „Женидѣбѣ“ Гоголя и выходки самодуровъ-купцовъ у Островскаго. Но замѣчательнѣе всего разсказъ „Нищій“, это въ литературѣ того времени единственный рѣзкій и искренній протестъ противъ крѣпостного права. Содержаніе разсказа очень просто: хорошій и богатый крестьянинъ горячо полюбилъ старостиную дочь, ему отвѣтившую; сватовство началось, но пріѣхалъ баринъ: *злой* взялъ къ себѣ силой невѣсту, а родителей сослалъ въ даль-

нюю деревню. Жених не вытерпѣлъ и на мосту ножомъ ранилъ обидчика, но былъ схваченъ... „За это меня... но что было, то прошло; такъ тому и быть“ (ч. I, 73). Черезъ нѣсколько времени виновный отданъ былъ въ солдаты, былъ въ походахъ, дрался героемъ, замѣченъ былъ Суворовымъ. „Выслуживъ двадцать пять лѣтъ,—разсказывалъ нищій,—получилъ отставку и пошелъ на свою родину, но не дошелъ,—версть за сорокъ такъ стало мнѣ тошно, тяжело, такъ возобновилось въ памяти все бывшее, прошедшее, что я не могъ идти далѣе, воротился и въ ближайшемъ городѣ нанялся къ попу въ батраки, работалъ лѣтъ пять, пока во мнѣ было силы, но я выбился изъ силъ и ѣсть мнѣ было нечего. Руки поднять я на себя не могъ,—мнѣ натолковали съизмаленька, какой это страшный грѣхъ,—въ тому же я ослабѣлъ и тѣломъ, и духомъ; я рѣшился идти въ Москву и питаться милостынею“ (I, 75). Разсказъ согрѣтъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ народу; авторъ самъ говоритъ въ началѣ: „на всѣхъ гуляньяхъ я всегда бываю въ толпѣ народной, вступаю въ разговоръ со всякимъ встрѣчнымъ, смѣюсь, балагурю и каждый разъ возвращаюсь домой съ новыми мыслями о свойствахъ, хорошихъ и дурныхъ, благословеннаго народа Русскаго.—Такимъ образомъ легко мнѣ было познакомиться и съ героемъ моей повѣсти“ (56). Повѣсть эта написана Погодинымъ въ 1825 году и первоначально напечатана въ альманахѣ „Уранія“ (182). Вскорѣ послѣ декабрьской катастрофы Погодинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и тамъ напалъ на него страхъ, какъ бы не случилось съ нимъ чего за его повѣсть „Нищій“: какъ бы не увидѣли здѣсь согласія съ образомъ мыслей заговорщиковъ и не притянули бы къ допросамъ. Но все обошлось благополучно: было не до него“ (Барсуковъ, стр. 329). Тѣмъ не менѣе за эту повѣсть Погодинъ остался въ подозрѣніи и самъ говоритъ, что—„страха ради іудейска“ — онъ, въ качествѣ редактора „Московскаго Вѣстника“, боялся являться слишкомъ часто въ обществѣ своихъ друзей, среди которыхъ были люди подозрительные. Мицкевичъ былъ подъ надзоромъ полиціи, да и самъ Пушкинъ съ Баратынскимъ были не совсѣмъ еще обѣлены. Сочувствіе къ крѣпостнымъ проглядываетъ очень опредѣленно и при описаніи помѣщичьяго быта въ „Невѣстѣ на ярмаркѣ“: у барыни людямъ житье хуже каторги (II, 153); про нее лакей разсказываетъ: „такая у насъ жидъ барыня: коли день кого не поколотить, такъ къ

вечеру рада на стѣны лѣзть; и тутъ не попадайся никто на глаза“ (109); „горничная Маша не ложится спать, не попробовавши плѣтки; барышни, спѣша одѣться на встрѣчу жениху, ее, бѣдную, затолкали, засовали, зашпиляли совсѣмъ и во всемъ мѣрѣ она могла завидовать только повару, который, подъ личнымъ надзоромъ у Анны Михайловны, зарумянился скорѣе своей телятины“ (136). Современные критики также оцѣнили повѣсти Погодина. Бѣлинскій писалъ: „Повѣсти г. Погодина („Нищій“ и „Черная немочь“) замѣчательны по вѣрному изображенію простонародныхъ нравовъ, по теплотѣ чувства, по мастерскому разсказу, а послѣдняя—и по прекрасной поэтической идеѣ, лежащей въ основаніи“ (Соч. I, 116). Бѣлинскій отводитъ вообще Погодину почетное мѣсто: „Марлинскій, Одоевскій, Погодинъ, Полевой, Павловъ, Гоголь—здѣсь полный кругъ исторіи русской повѣсти“ (205).

На чисто-литературную сторону дѣятельности Погодина ложился тотъ общій характеристическій складъ его ума, который мѣшалъ правильной его оцѣнѣ со стороны его современниковъ. Погодинъ вовсе лишенъ былъ художественнаго смысла или таланта, то-есть того объединяющаго синтеза, который отдѣльные бытовые факты возводитъ въ типы, олицетворяющіе жизненные задачи даннаго общества, научныя частности—въ теорію, объясняющую смыслъ явленій извѣстнаго порядка. Самое изложеніе Погодина обыкновенно представлялось въ видѣ афоризмовъ, иногда даже наружно между собою не связанныхъ; Погодинъ излагалъ свои наблюденія въ той отрывочной формѣ, въ которой они усваивались аналитическою работою его ума, и самъ не въ состояніи былъ свести ихъ вмѣстѣ и придать имъ стройную, синтетическую систему. Но за то Погодинъ въ высокой степени обладалъ даромъ кропотливаго и вѣрнаго анализа или наблюдательности: это именно помогло ему иногда уловить драгоцѣнныя данныя для высшихъ теоретическихъ соображеній и всегда давало возможность правильно оцѣнивать ближайшую обстановку частныхъ фактовъ и практическіе приемы для удовлетворенія потребностей и задачъ текущей минуты. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ былъ настоящій русскій человѣкъ, который непосредственнымъ чувствомъ понималъ многія черты русской жизни, не схватываемыя одною работою мысли. К. Н. Бестужевъ разсказываетъ, что, еще на первомъ курсѣ его студенческаго образованія, онъ пришелъ къ Погодину и сталъ съ

юношескою самоувѣренностью защищать модное тогда мнѣніе объ исключительномъ будто бы характерѣ древней русской исторіи. Погодинъ слушалъ долго и отвѣтилъ короткимъ замѣчаніемъ: „А. святаго Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ элементомъ?“ И дѣйствительно,—прибавляетъ Бестужевъ,—чѣмъ болѣе онъ работалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, какъ въ жизни много такого, что не укладывается въ опредѣленные и ясныя рамки, и какое сильное вліяніе на всю жизнь народа, на всю его исторію, оказываетъ именно это неопредѣленное: вся нравственная, вся религиозная жизнь народа относится къ разряду фактовъ, которые нельзя ни свѣсить, ни смѣрить, ни опредѣлить, а въ нихъ-то всего болѣе отражается духъ народный“ („Пятидесят. службы Погод.“, 64). Когда въ Москвѣ выставлены были картины Оедотова, обратившія на себя общее вниманіе, Погодинъ первый подмѣтилъ въ нихъ признакъ народнаго творчества и сравнилъ ихъ съ комедіями Островскаго (Стасовъ, „Вѣстн. Европы“ 1885, III, 219).

Погодинъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Александромъ Ивановичемъ Кошелевымъ, также какъ и съ другими славянофилами. Начиная съ молодыхъ лѣтъ, онъ встрѣчался съ ними въ однихъ и тѣхъ же кружкахъ, обществахъ и салонахъ; но, во всякомъ случаѣ, Погодина нельзя причислять къ числу собственно славянофиловъ. Менѣе близкія отношенія Александра Ивановича къ Погодину доказываются тѣмъ, что во всей сохранившейся перепискѣ Кошелева нашлось только одно письмо къ нему Погодина, о которомъ мы скажемъ ниже.

М. А. Максимовичъ (1804—1873 гг.) родился въ приднѣпровскомъ селѣ Прозоровѣ, Золотоношскаго уѣзда, отъ старинной дворянской фамиліи. Прадѣдъ Максимовича былъ золотоношскимъ предводителемъ, а дядя служилъ въ знаменитой Бубновской сотнѣ и извѣстенъ былъ въ народѣ подъ именемъ „старога майора“. Мать Максимовича была по рожденію Тимковская и приходилась младшею сестрой двухъ профессоровъ, извѣстнаго путешественника и двухъ писателей. Максимовичъ, по окончаніи курса въ новгородско-сѣверской гимназіи, поступилъ въ Московскій университетъ по словесному факультету, а чрезъ два года перешелъ въ физико-математическій, гдѣ и окончилъ курсъ (въ 1823 г.). Послѣ окончанія курса Максимовичъ былъ оставленъ при университетѣ. Любимою наукой Максимовича, начиная съ гимназіи, была ботаника,

которую онъ изучалъ въ университетѣ подъ руководствомъ проф. Гольдбаха и Гофмана; но въ то же время онъ вполне подчинялся вліянію только-что начавшаго свои чтенія М. Г. Павлова. По окончаніи курса Максимовичъ записался на медицинское отдѣленіе и кромѣ того слушалъ лекціи профес. Давыдова, „ставшаго тогда оракуломъ въ словесномъ отдѣленіи“. На послѣднихъ лекціяхъ Максимовичъ познакомился съ Титовымъ и Шевыревымъ. Максимовичъ былъ преподавателемъ ботаники въ Московской Земледѣльческой школѣ, по приглашенію Павлова, въ Московской коммерческой Практической академіи, обучалъ естественной исторіи въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ (съ 1826 г., въ теченіе 7 лѣтъ), завѣдывалъ Университетскимъ ботаническимъ садомъ, а съ 1828 г. былъ сначала адъюнктомъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ ботаники въ Московскомъ университетѣ. Московская университетская служба Максимовича окончилась съ его переходомъ въ Кіевъ. Максимовичъ, не занимая виднаго мѣста въ наукѣ, былъ однимъ изъ самыхъ живыхъ и талантливыхъ преподавателей и популяризаторовъ своей науки, вносившимъ въ нее, какъ самъ онъ выражался, „хмѣлину поэзіи“; лекціи его слушались съ увлеченіемъ, его отдѣльныя сочиненія и статьи по естествознанію обращали на себя общее вниманіе читающей публики. Одинъ изъ его слушателей говорить: „Когда нитью разсказа овладѣвалъ Максимовичъ, все умолкало и обращалось въ одинъ слухъ и вниманіе; самая одушевленная, живая рѣчь лилась изъ устъ этого человѣка, и самый простой и обыденный разсказъ получалъ въ устахъ его живой интересъ для всѣхъ“ (Шульгинъ, „Ист. Кіевского унив.“, 169). Князю В. Ф. Одоевскому изданныя Максимовичемъ „Основанія зоологіи“ (1824 г.) такъ понравились, что онъ написалъ о нихъ похвальный отзывъ и, познакомившись съ авторомъ, ввелъ его въ кружокъ Раича и архивныхъ юношей, а вслѣдъ за тѣмъ и въ салоны Елагинныхъ и княгини Волконской. Общее вниманіе, которое обратилъ на себя Максимовичъ своими естественно-научными трудами, происходило вслѣдствіе того, что, помимо яснаго и блестящаго изложенія, Максимовичъ вносилъ въ свою науку, по современнымъ понятіямъ, серьезный и глубокой философскій взглядъ на природу. Поданное Максимовичемъ профес. Павлову разсужденіе „О системѣ растительнаго царства“ вызвало со стороны послѣдняго похвалу, „какъ первый плодъ его ученія о природѣ“, а ректоръ

Антонскій и проф. Двигубскій выразили неудовольствіе „за излишество философскаго элемента въ диссертациі“. Но не одна только ботаника занимала Максимовича; въ такой же мѣрѣ онъ занимался и литературой. Максимовичъ въ это время помѣщалъ стихи въ тогдашнихъ журналахъ и московскихъ альманахахъ, продолжая это занятіе и впослѣдствіи, въ издаваемыхъ имъ сборникахъ („Кіевлянинъ“ и „Украинецъ“). Въ „Денницѣ“ 1834 года Максимовичъ помѣстилъ три сказки для дѣтей, изданныя впослѣдствіи отдѣльно. („Три сказки и одна побасенка“. Кіевъ, 1845 года) и выдержавшія не одно изданіе. Сначала Максимовичъ близко сошелся съ Полевымъ и былъ постояннымъ сотрудникомъ „Телеграфа“, помѣщая въ немъ критическія статьи относительно книгъ съ естественнонаучнымъ содержаніемъ; а съ 1831 года, разойдясь съ Полевымъ, онъ перенесъ свою дѣятельность въ „Телескопъ“. Изъ критическихъ статей Максимовича въ чисто-литературномъ смыслѣ извѣстны: критическая статья о „Полтавѣ“ Пушкина, помѣщенная въ „Атенеѣ“, разборъ перевода „Слова о полку Игоревѣ“ Вельмана въ „Молвѣ“, гдѣ Максимовичъ впервые затронулъ произведеніе, занимавшее его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и „Обзоръ русской литературы за 1832 годъ“ въ „Денницѣ“ 1834 г. Обзоръ этотъ возбудилъ, между прочимъ, полемику между Максимовичемъ и Полевымъ. Съ 1830 по 1834 годъ Максимовичъ издалъ три тома альманаха „Девница“, о которыхъ мы уже говорили. Максимовичъ въ стихотвореніяхъ своихъ ничѣмъ не выдавался, хотя онъ и не лишенъ былъ поэтическаго таланта, какъ это доказывается прекраснымъ его переложеніемъ „Слова о полку Игоревѣ“ на малороссійскій языкъ (въ альманахѣ „Украинецъ“). Въ критикѣ Максимовичъ доказывалъ историческую вѣрность характера въ лицахъ, выведенныхъ Пушкинымъ въ „Полтавѣ“. Важнѣйшимъ же литературнымъ трудомъ Максимовича было изданіе малороссійскихъ пѣсенъ: первый сборникъ— „Малороссійскія пѣсни“ (М. 1827 г.); второй— „Украинскія народныя пѣсни“ (ч. I, М. 1834 г.) и въ нему голоса украинскихъ пѣсенъ, положенныя на ноты Алябевымъ (М. 1834 г.); третій „Сборникъ украинскихъ пѣсенъ“ (К. 1849 года). Замѣчательно, что въ кружкѣ архивныхъ юношей встрѣтились двое самыхъ усердныхъ и толковыхъ собирателей народной пѣсни: П. В. Кирѣевскій и М. А. Максимовичъ; сборникъ послѣдняго въ 1827 году изданъ былъ на деньги Соболевскаго.

Значеніе русских народных пѣсенъ для литературы Максимовичъ понималъ серьезнѣе и глубже большинства своихъ современниковъ. Въ предисловіи къ „Малороссійскимъ пѣснямъ“ 1827 года Максимовичъ говорилъ: „Наступило, кажется, то время, когда познають истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе: да создастся поэзія истинно-русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныхъ, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась. Въ семъ отношеніи большаго вниманія заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная“. И дѣйствительно, первый сборникъ пѣсенъ Максимовича оказалъ прямое и непосредственное свое вліяніе на нашу литературу въ лицѣ двухъ важнѣйшихъ ея представителей—Пушкина и Гоголя. Максимовичъ рассказывалъ, что въ то время, когда Пушкинъ писалъ „Полтаву“, Максимовичъ засталъ разъ поэта за своимъ сборникомъ. „А я обираю ваши пѣсни“, сказалъ Пушкинъ. Въ Москвѣ, на обѣдѣ у графа Уварова, послѣдній хвалилъ только-что прослушанную имъ лекцію Максимовича по ботаникѣ,—между прочимъ, въ отношеніи къ литературному изложенію. Пушкинъ замѣтилъ: „да, мы г. Максимовича давно считаемъ нашимъ литераторомъ; онъ подарилъ насъ малороссійскими пѣснями“. Гоголь писалъ Максимовичу: „Моя радость, жизнь моя пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что эти черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, дивными лѣтописями. Да я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, вмѣсто тѣхъ печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость пришлите этотъ экземпляръ мнѣ“ („Вѣстн. Евр.“ 1874, II, 449—450). Теперь, когда малорусскія народныя сказки отчасти изданы г. Рудченкомъ (1869—1870), можно наглядно видѣть, какъ обильно Гоголь черпалъ изъ народныхъ преданій и рассказовъ. Вліяніе „Сборника“ Максимовича отразилось и внѣ Россіи, у соплеменныхъ славянъ. На юбилеѣ Максимовича Лопатинскій изъ Галичины обратился къ юбиляру съ такою здравицею: „Вы почитаетесь создателемъ нашей галицко-русской литературы; вашъ сборникъ южно-русскихъ пѣсенъ побу-

диль въ первый разъ нашихъ людей къ литературной дѣятельности; а ваше южно-русское правописаніе установилось въ Галичинѣ. Вотъ почему вы считаетесь патріархомъ нашей народной, галицко-русской письменности“. Въ то же время Максимовичъ выступилъ первымъ писателемъ собственно для народа изъ нашей ученой литературной среды. Его „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“, изданная въ 1833 году, содержащая въ себѣ популярное изложеніе системы міро-зданія, выдержала двѣнадцать изданій и была въ свое время очень распространенною въ низшихъ школахъ и между грамотнымъ населеніемъ; она была неизбѣжнымъ и ходячимъ товаромъ у всякаго разнощика съ книгами и картинками для народа. Объ этой книгѣ, еще въ то время, Д. В. Давыдовъ выразился: „Книга Наума“ заслужила отъ меня большое уваженіе; она—не маякъ, освѣщающій горніе предѣлы, а смиренная лучина, вспыхнувшая въ курной избѣ поселанина“. Максимовичъ издалъ впоследствии „Историческій бытъ Россіи, или повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ въ Русской землѣ и о дѣянїяхъ ея православныхъ государей“, книга для народнаго чтенія (М. 1842 года), и „Краткій Букварь для Русскаго народа“ (М 1859 г.).

Въ 1834 году Максимовичъ перешелъ профессоромъ русской словесности въ открывавшійся тогда Кіевскій университетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ ректоромъ, но сложилъ съ себя это званіе въ 1835 году, а въ 1841 г., 36-ти лѣтъ, по болѣзни отказался и отъ профессорской должности. Съ 1843—1845 года, нѣсколько оправившійся, Максимовичъ снова читалъ лекціи по особому приглашенію, но съ 1845 года Максимовичъ навсегда оставилъ профессорскую службу. Въ Кіевѣ Максимовичъ обратился къ изученію древней русской исторіи, преимущественно Южной Руси, и напечаталъ въ разныхъ столичныхъ и мѣстныхъ журналахъ множество статей по этому предмету. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ усердныхъ дѣятелей въ учрежденныхъ при Кіевскомъ генераль-губернаторѣ археологической комиссіи для изслѣдованія Югозападнаго края и археографической комиссіи. Самыя эти комиссіи до нѣкоторой степени вызваны были стараніями Максимовича учредить особое общество, въ родѣ Московскаго, для изслѣдованія исторіи и памятниковъ южно-русскаго народа. Кіевская дѣятельность Максимовича до насъ не отнесится. Въ „Біографическомъ словарѣ профессоръ Кіевскаго

университета“ дѣятельность эта характеризуется слѣдующимъ образомъ: „Труды Максимовича по древне-русской литературѣ и особенно по русскому языку, теперь уже конечно совершенно устарѣвшіе и потерявшіе значеніе, обращаютъ на себя вниманіе своимъ остроуміемъ и ставятъ его на ряду съ лучшими изслѣдователями русской литературы и языка стараго времени. Работы Максимовича по исторіи Южной Руси вообще и Кіева въ частности, помимо своихъ замѣчательныхъ выводовъ, представляютъ цѣлую массу тщательно собраннаго матеріала, которымъ даже и теперь могутъ пользоваться наши историки“ (385). Но нельзя не замѣтить, что Максимовичъ былъ первымъ піонеромъ того національнаго движенія, которое стремилось воскресить остатки и права подавленной народности въ средѣ ополяченной Южной Руси. Еще въ 1837 году, въ своей университетской рѣчи—„объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи“—Максимовичъ высказалъ эту новую для своего времени мысль, впоследствии сдѣлавшуюся лозунгомъ цѣлаго общественнаго и правительственнаго направленія. Въ этомъ смыслѣ напутствовалъ Максимовича Хомяковъ, въ письмѣ, написанномъ Максимовичу въ 1840 году, когда появилась первая книжка „Кіевлянина“: „Пора Кіеву отозваться русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слова и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ, а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы: онъ—городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями“. Но стихотвореніе Хомякова „Кіевъ“ не было пропущено цензурою. Профессоръ Драгомановъ написанный имъ некрологъ Максимовича оканчивается слѣдующими словами: „Изучая Кіевскую Русь и ея народъ, истолковывая ее, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, начиная въ провинціальномъ городѣ учено-литературную дѣятельность, М. А. Максимовичъ тѣмъ именно и успѣлъ сослужить и прямо, и косвенно наукѣ, литературѣ и обществу всей Россіи, и показалъ, чего именно можно ждать отъ народныхъ силъ Кіевской Руси, при наступающихъ лучшихъ условіяхъ народной и областной жизни“ („Вѣстн. Европы“ 1874 г., II, 453).

Связи Максимовича съ лицами занимающаго насъ кружка, близкія и искреннія во все время московской его жизни, сохранились неизмѣнно и послѣ перехода въ Кіевъ. Съ 1849—50 г. Максимовичъ послѣ своей женитьбы пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ онъ издалъ

последнюю книжку „Кіевлянина“, въ которой приняли участіе: Погодинъ, Соловьевъ, Бѣляевъ, кн. Оболенскій, помѣстили стихотворенія Ив. Аксаковъ, К. Павлова, граф. Растопчина и др. Когда предпринято было изданіе „Русской Бесѣды“, редакторы обратились въ Максимовичу. Максимовичъ охотно отозвался на этотъ призывъ: въ концѣ 1857 года вмѣстѣ съ женою переѣхалъ въ Москву, около полугода помогалъ Александру Ивановичу въ редакціи „Русской Бесѣды“ (но не былъ ея редакторомъ, какъ сказано въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ Кіевскаго университета“) и помѣстилъ тамъ нѣсколько интересныхъ статей“. Въ то же время Максимовичъ вмѣстѣ съ Хомяковымъ принялъ дѣятельное участіе въ восстановленіи распавшагося съ 1830 г. „Московского Общества любителей россійской словесности“ и сдѣлался секретаремъ и однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей воскресшаго Общества. Въ началѣ 1859 г. Максимовичъ выпустилъ въ Москвѣ первую книжку „Украинца“ и впослѣдствіи принималъ участіе въ журналахъ „Основа“ и „День“. Лично съ Александромъ Ивановичемъ Максимовичъ сохранялъ близкія и пріятельскія отношенія до самой своей смерти. Писемъ Максимовича сохранилось немного и они относятся къ принятой на себя Максимовичемъ обязанности разобрать бумаги умершаго И. В. Кирѣевского. Максимовичъ составилъ біографію послѣдняго, но, какъ уже мною было замѣчено, біографія эта не была принята; поэтому извѣстіе, помѣщенное въ „Словарѣ Кіевскихъ профессоровъ“, что труды И. В. Кирѣевского изданы подъ редакціею Максимовича, не совсѣмъ вѣрно.

Этотъ небольшой, товарищескій кружокъ необходимо дополнить характеристикой лица, которое въ то время стояло довольно далеко, но вскорѣ получило преобладающее значеніе. Такимъ явился А. С. Хомяковъ, который не только повелъ за собою во всей послѣдующей дѣятельности наиболѣе выдающихся членовъ кружка, но собралъ подъ своимъ знаменемъ другой, болѣе обширный кружокъ, которому суждено было играть не малозначительную, хотя до сихъ поръ не оцѣненную роль въ исторіи нашего образованія.

Александръ Ивановичъ познакомился съ Хомяковымъ въ 1823 г. въ Москвѣ, въ домѣ Веневитиновыхъ; но знакомство это, по всей вѣроятности, относится къ случайному проѣзду Хомякова черезъ Москву, при переходѣ изъ Астраханскаго кирасирскаго полка въ гвардію, и потому не могло быть продолжительнымъ. Затѣмъ, какъ

мы видѣли, Александръ Ивановичъ ближе столънулся съ Хомяковымъ въ 1827 г. въ Петербургѣ у постели умирающаго Веневитинова. Въ это время, въ письмѣ къ матери (28 мая 1827 г.), Кошелевъ такъ описывалъ свое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ Хомяковымъ: „А. С. Хомяковъ удивительный человѣкъ: свою нравственную страсть онъ доводитъ до послѣдней крайности. Въ большомъ обществѣ и въ особенности при дамахъ онъ невыносимъ. Онъ никогда не хочетъ быть любезнымъ, опасаясь кого-нибудь тѣмъ привести въ соблазнъ. Не только Великій постъ, онъ соблюдаетъ и всѣ прочіе посты. Всю Страстную недѣлю онъ не ѣстъ мяса, а въ Великую пятницу совсѣмъ воздерживается отъ пищи. Но не подумайте, чтобы онъ былъ святоша (bigot) или фанатикъ. Ни то, ни другое. Онъ находитъ что такъ должно поступать по убѣжденію, и вовсе не осуждаетъ, если другіе поступаютъ иначе. Онъ очень образованъ, имѣетъ большія способности къ поэзіи и вообще человѣкъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ“. Самъ Хомяковъ говоритъ о строгомъ имъ исполненіи обрядовъ православной церкви такимъ образомъ: „Принадлежа къ свѣтскому обществу, вы изъ уваженія къ нему исполняете до нѣкоторой степени условныя приличія, хотя вы и сами не придаете имъ никакого значенія и часто даже чувствуете отъ того большую для себя тяжесть. Неужели же церковь, какъ общество вѣрующихъ, также усвоившее себѣ извѣстную обрядность, заслуживаетъ меньшаго уваженія?“ Другое дѣло—отношеніе къ существу религіи: здѣсь Хомяковъ является глубоко убѣжденнымъ, искренно религіознымъ человѣкомъ.

Объ Алексѣѣ Степановичѣ Хомяковѣ (1804—1860 гг.) сохранилось очень мало біографическихъ данныхъ. Жизнь его была больше внутренняя, оставившая мало слѣдовъ, особенно въ виду того, что Хомяковъ, независимо отъ него, устраненъ былъ отъ всякой общественной дѣятельности. По отцу и по матери, урожденной Кирѣевской, Хомяковъ принадлежалъ къ старинному русскому дворянству. Въ ихъ домѣ сохранились родовые рассказы, старинныя вещи и бумаги изъ временъ Елизаветы, Петра и царя Алексѣя Михайловича, который особенно былъ милостивъ къ предку Алексѣя Степановича, своему старшему подсокольничьему Петру Семеновичу Хомякову, и писалъ къ нему письма, уцѣлѣвшія въ архивѣ Хомяковыхъ. Хомяковъ дорожилъ этимъ воспоминаніемъ и съ любовью изучалъ исторію своихъ предковъ лѣтъ за 200 въ глубь старины. Отецъ и мать Хо-

мякова были природные москвичи и только по лѣтамъ проживали въ деревнѣ. Замѣчательно, что воспитаніе Хомякова, точно также какъ Кирѣевскихъ, Кошелева и другихъ членовъ кружка, главнымъ образомъ лежало на матери. Отецъ Хомякова былъ человѣкъ очень умный и образованный. Несмотря на страсть къ разнымъ коммерческимъ предпріятіямъ, напримѣръ къ откупамъ, и къ картамъ,—онъ былъ однимъ изъ основателей Московскаго Англійскаго клуба,—отецъ Хомякова былъ человѣкъ серьезный и занимавшійся наукою. Послѣ него остались рукописныя записки по математикѣ, которую онъ особенно любилъ заниматься въ свободное время. Мать, урожденная Кирѣевская,—не родня впрочемъ И. и П. В. Кирѣевскимъ,—была тоже умная и образованная женщина, замѣчательная сильнымъ характеромъ и большою энергіей, которую она передала и своему сыну. Замѣчательно, что мать Хомякова отличалась необыкновеннымъ участіемъ къ явленіямъ общественной жизни, такъ что 80-лѣтнею старухой она заболѣвала отъ разныхъ перемѣнъ, происходившихъ въ началѣ Александровскаго царствованія. Въ августѣ 1857 года, послѣ кончины матери, Хомяковъ писалъ Александру Ивановичу: „Не говорю объ ней, какъ о матери моей или даже какъ о женщинѣ истинно и глубоко добродѣтельной, но говорю какъ о добромъ и почтенномъ образчикѣ прежней эпохи. Много ли женщинъ или мужчинъ среднихъ лѣтъ, а подавно молодыхъ, въ которыхъ такъ сильно развиты были интересы серьезные—религіозные, политическіе и общественные? Въ ней безспорно отражалась эпоха крѣпкая, Екатерининская, съ лучшей ея стороны. Духовное ея существо не было ни разварено (отъ 1800—1825 годовъ), ни придавлено (1827 до 1855 года)“.

Родители Хомякова, какъ видно, старались дать ему тщательное образованіе, какое могли сообщить учителя-эмигранты. Оно заключалось обыкновенно въ усвоеніи новѣйшихъ языковъ, преимущественно французскаго, и въ изученіи латинскаго языка и литературы. Учителя-эмигранты того времени сами были воспитаны на классической литературѣ, и оттого мы видимъ, что всѣ лица насъ занимающія провели свою молодость въ изученіи классиковъ. Хомяковъ усвоилъ себѣ языки французскій, нѣмецкій и англійскій и читалъ свободно по-латыни. Изъ жившихъ въ домѣ учителей сохранилась память объ аббатѣ Voivin. У насъ вообще сложилось неблагоприятное представленіе о французскихъ эмигрантахъ, воспитывавшихъ

прежнее дворянское поколѣніе; въ особенности предубѣжденія противъ нихъ высказывались въ современной литературѣ. Но въ числѣ этихъ эмигрантовъ попадались конечно люди съ серьезнымъ образованіемъ, болѣе способные передать своимъ питомцамъ результаты европейской культуры, нежели домашніе педагоги того времени. Эти эмигранты передали дворянству того времени эстетической аристократической лоскъ салоновъ старой, дореволюціонной Франціи. Все дѣло было въ выборѣ, и мы видимъ, что Хомяковъ, Веневитиновъ, Кирѣевскій, какъ всѣ образованные люди того времени, озабоченные воспитаніемъ своихъ дѣтей, умѣли найти изъ числа эмигрантовъ людей подходящихъ. Хомяковъ въ дѣтствѣ отличался остроуміемъ и стремленіемъ къ независимости. Сохранился о немъ такой анекдотъ. Еще во время своихъ уроковъ у аббата, Хомяковъ въ какой-то книгѣ отыскалъ папскую буллу, замѣтилъ въ ней опечатку и, показывая аббату, спрашивалъ его, зачѣмъ же онъ считаетъ папу непогрѣшительнымъ, тогда какъ святой отецъ дѣлаетъ ошибки правописанія. Алексѣй Степановичъ воспитывался дома съ своимъ братомъ Ѳедоромъ, умершимъ въ 1828 году на Кавказѣ, гдѣ онъ служилъ чиновникомъ по дипломатической части при Паскевичѣ. О немъ сохранилось воспоминаніе какъ о чрезвычайно даровитомъ человѣкѣ. Старшій Хомяковъ былъ любимымъ сыномъ родителей, такъ какъ своей успѣшною службой въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ онъ удовлетворялъ родительскому тщеславію и въ молодые годы получилъ званіе камеръ-юнкера.

Одно изъ первыхъ впечатлѣній, которое запало въ воспримчивую душу Хомякова, было французское нашествіе. Хомякову было 8 лѣтъ, когда сгорѣла Москва, съ которой соединены были воспоминанія его дѣтства. Съ тѣхъ поръ все постоянно говорило о великой борьбѣ. Въ началѣ 1815 года отецъ Хомякова со всѣмъ семействомъ переѣхалъ изъ Смоленской деревни въ Петербургъ. Во всю дорогу мальчики слышали только военные рассказы, мечтали, что они ѣдутъ драться съ Наполеономъ, и, пріѣхавши въ Петербургъ, жалѣли о Ватерлооскомъ сраженіи. „Съ кѣмъ же мы будемъ теперь драться?—спрашивалъ старшій братъ младшаго?—Стану бунтовать славянъ,—отвѣчалъ десятилѣтній Хомяковъ. На эту мысль, по рассказамъ, наведенъ былъ Хомяковъ любочными портретами сербскаго вождя, Чернаго Георгія, попадавшимися ему

почти на каждой станціи по дорогѣ въ Петербургъ. Таково было положеніе всѣхъ старѣйшихъ славянофиловъ: свидѣтели въ раннемъ возрастѣ Московскаго пожара, они встрѣтились съ Западомъ на первыхъ же порахъ враждебно и не могли прийти въ то состояніе безусловно и съ samozабвеніемъ преклоняющагося поклоненія, въ какое могли встать люди позднѣйшаго поколѣнія, приходившіе туда, съ наболѣвшею дома душой, найти отраду подъ сѣнью чужой, но гостепріимной культуры. Самый Петербургъ, съ его европейскимъ лоскомъ, официальными приѣмами, съ массою иностранцевъ и иноземнымъ говоромъ даже на улицахъ,—поразилъ и испугалъ мальчиковъ, выросшихъ въ православной и патріархальной Москвѣ того времени или же въ деревнѣ. „Имъ все чудилось, что они очутились въ какомъ-то нерусскомъ городѣ, гдѣ ихъ непремѣнно заставятъ перемѣнить вѣру; и оба мальчика твердо положили себѣ лучше вытерпѣть всякія мученія, а не принимать чужаго закона“ (Бартеневъ). Въ Петербургѣ Хомяковы оставались около двухъ лѣтъ; тамъ учителемъ русской словесности у нихъ былъ А. А. Жандръ. Жандръ перевелъ нѣсколько хоровъ и одну сцену изъ трагедіи Расина „Гофолія“; вмѣстѣ съ Катенинымъ, кн. Шаховскимъ и Ченцовымъ—одно дѣйствіе изъ трагедіи Корнеля „Горацій“ (1817 г.), вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ—съ французскаго комедію Барта „Притворная невѣрность“ (1817), передѣлалъ Шиллеровы сцены подъ заглавіемъ „Семела“, мифологическое представленіе (1825) и помѣстилъ два-три стихотворенія въ современныхъ журналахъ. Членъ театральнаго кружка, собиравшагося около князя Шаховскаго, пріятель Грибоѣдова, Катенина и Гнѣдича, Жандръ былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ классическаго направленія, подававшихъ руку шишковистамъ, и противниковъ новой литературной школы, основанной Карамзиннымъ и Жуковскимъ. Бездарный, теперь забытый драматургъ не могъ имѣть прочнаго вліянія на одареннаго смолоду поэтическимъ талантомъ Хомякова; но его консервативныя убѣжденія въ литературѣ косвенно укрѣпляли привязанность Хомякова къ отечественной старинѣ и ея преданіямъ.

Хомяковы изъ Петербурга вернулись въ Москву и здѣсь заканчивалось ихъ образованіе приглашеніемъ нѣкоторыхъ профессоровъ, въ томъ числѣ Щепкина, преподававшаго имъ математику. Хомяковъ былъ вольнымъ слушателемъ въ университетѣ. Гр. Ос-

тень-Сакенъ въ числѣ учителей Хомякова называетъ Мерзлякова. Вѣроятно, Сакенъ слышалъ объ этомъ отъ самого Хомякова, и отсюда можемъ заключить, что Мерзляковъ своими лекціями произвелъ сильное и сохранившееся въ памяти вліяніе на Хомякова. Алексѣй Степановичъ жадно принялся за чтеніе, пользуясь богатою бібліотекою своего отца и профессора Щепкина, ссужавшаго его книгами. Тогда онъ положилъ начало обширной, изумлявшей всѣхъ съ нимъ встрѣчавшихся, начитанности и остановился преимущественно на литературѣ и исторіи. Гр. Остенъ-Сакенъ говоритъ о молодомъ Хомяковѣ, поступившемъ на службу, что „образованіе его было поразительно превосходное, и что во всю жизнь свою онъ не встрѣчалъ ничего подобнаго въ юношескомъ возрастѣ“. Но, какъ бы то ни было, образованіе Хомякова лишено было опредѣленнаго плана и строгой системы, въ томъ видѣ, какъ они существовали въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: и это сказалось въ позднѣйшей литературной дѣятельности Хомякова. Правда, была здѣсь и хорошая сторона: умъ Хомякова не принялъ того односторонняго и отвлеченнаго направленія, которое вырабатывается книжнымъ изученіемъ, устранивающимся отъ столкновенія съ жизнью. Въ этомъ смыслѣ Хомяковъ не безъ основанія замѣтилъ въ своей „Семирамидѣ“, что „многія истины, и можетъ-быть самыя важныя истины, какія только дано познать человѣку, передаются отъ одного къ другому безъ логическихъ доводовъ, однимъ намекомъ, пробуждающимъ въ душѣ скрытыя ея силы: мертвая была бы наука, которая стала бы отвергать правду потому только, что она не явилась въ формѣ силлогизма“ (Соч., III, 50—51). „Книга получила излишній авторитетъ и душная тѣснота кабинетной жизни поглотила и засушила въ Германіи силы, которыхъ развитіе могло бы быть плодотворнымъ для міра“ (533). Но отсутствіе систематическаго образованія лишило Хомякова той сдержанности и того недоумѣнія къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, къ недостаточно обоснованнымъ гипотезамъ, которыя вообще замѣчаются у людей, не прошедшихъ въ молодости опредѣленной и систематической школы. Кромѣ того Хомяковъ, по самой природѣ своей, былъ поэтъ и иногда увлекался порывомъ своей фантазіи въ строгой области науки. „Ученость,—говоритъ Хомяковъ въ своей „Семирамидѣ“,—можетъ обмануть, остроуміе склоняетъ къ парадоксамъ: чувство художника есть внутреннее чутье, которое ни обмануть, ни обмануться не можетъ“ (III, 131).

Но во всякомъ случаѣ Хомяковъ былъ живой и самобытный человекъ. При его впечатлительной натурѣ, явленія окружающей жизни не только не проходили безслѣдно, но глубоко западали въ душу и возбуждали сильную дѣятельность мысли, стремившейся, при врожденной ему энергіи, переходить, гдѣ только возможно, въ дѣло. Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ напечатано посланіе къ Венеитинову, написанное Хомяковымъ при первомъ извѣщеніи о греческомъ возстаніи, когда ему было около 16 лѣтъ. Въ немъ Хомяковъ выразилъ свое сочувствіе къ грекамъ и стремленіе стать въ ряды народа, возставшаго за свою свободу. Пылкій юноша, какъ Байронъ, предавался такимъ мечтамъ:

Такъ, я пойду, друзья, пойду въ кровавый бой
За счастье страны, по сердцу мнѣ родной,
И, новый Леонидъ Эллады возрожденной,
Я буду жить въ вѣкахъ и памяти вселенной.
Я гряну какъ Перунъ.—Прелестный, сладкій сонъ!
Но никогда—увы!—не совершится онъ.

Но, отрезвившись, Хомяковъ даетъ такое удобоисполнимое обѣщаніе:

О еслибъ гласъ царя призывалъ насъ въ грозный бой!
О еслибъ онъ велѣлъ, чтобъ русскій мечъ сталъной,
Спаситель слабыхъ царствъ, надежда, страхъ вселенной,
Омститъ за горести Эллады угнетенной!
Тогда бы, грудью ставъ средъ доблестныхъ бойцевъ,
За грековъ мщенье, честь и вѣру праотцевъ,
Я ожилъ бы еще разцвѣтшею душою
И, снова подружась съ Каменою благою,
На лиръ сладостной, въ объятіяхъ друзей,
Я пѣлъ бы старину и битвы древнихъ дней!

И Хомяковъ, какъ сейчасъ увидимъ, сдержалъ свое слово. Но и его юношескія мечтанія не остались только плодомъ воображенія. Въ домѣ Хомяковыхъ былъ прежде гувернеромъ нѣкто Арбе, домашній человекъ у князей Маврокордато. Онъ былъ агентомъ филеллиновъ, часто ѣзжалъ къ Хомяковымъ, передавалъ извѣстія о ходѣ греческаго возстанія, и замѣтивъ, что бывший его воспитанникъ жадно слушаетъ его рассказы, вошелъ съ нимъ въ ближайшія сношенія и не задумался достать ему фальшивый паспортъ.

Семнадцатилѣтній Хомяковъ задумалъ бѣжать, чтобы присоединиться къ греческому возстанію: взявъ съ собою какія были деньги (около 50 руб. асс.), Хомяковъ купилъ засапожный ножъ и, поздно вечеромъ, въ ваточной шинелишкѣ, ушелъ изъ дому, но, конечно, его вернули, едва онъ успѣлъ перебѣжать за Серпуховскую заставу. Нельзя не остановиться съ любовью на этомъ первомъ проявленіи юношеской энергіи: она была за свободу! И Хомяковъ остался вѣренъ этому внутреннему чувству; онъ ненавидѣлъ насилие и произволъ во всѣхъ его видахъ и никогда не мирился съ нимъ, во имя государственныхъ или національныхъ интересовъ. Къ 1818 или 1819 году относится также и первый, напечатанный въ „Трудахъ Московскаго Общества любителей словесности“, трудъ шестнадцатилѣтняго Хомякова—переводъ Тацитовой „Германіи“. Изъ воспоминаній о Хомяковѣ гр. Остенъ-Сакена („Утро“ 1866, стр. 426) видно, что Хомяковъ весною 1822 года, на восемнадцатомъ году, привезенъ былъ отцомъ къ Сакену въ Ново-Архангельскъ—для поступленія въ военную службу—и принятъ въ Астраханскій кирасирскій полкъ, которымъ командовалъ Сакенъ. „Я былъ тогда женатъ,—говоритъ Сакенъ,—и принялъ въ нашъ домъ юношу Хомякова какъ сына, ибо при первомъ уже свиданіи онъ внушилъ мнѣ и женѣ моей полное сочувствіе“. На-ряду съ вышеприведеннымъ отзывомъ Сакена объ общемъ образованіи Хомякова, Сакенъ съ большою похвалою отзывается о внѣшнихъ качествахъ Хомякова, имѣющихъ важность въ глазахъ кавалериста: „Хомяковъ ѣздилъ верхомъ отлично, прыгалъ черезъ препятствія въ вышину человека и превосходно дрался на эскадронахъ“. Черезъ годъ Хомяковъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Хомяковъ прибылъ въ Петербургъ въ то время, когда политическое движеніе охватило гвардейскую молодежь и были въ полномъ разгарѣ тайныя общества, приведшія къ декабрьской катастрофѣ. Любопытно отношеніе къ этому движенію Хомякова. Сочувствуя стремленіямъ лучшихъ людей тогдашняго времени, насколько выражалось въ нихъ горячее желаніе блага отечеству, Хомяковъ никогда не соглашался со многими изъ нихъ въ средствахъ исполненія. У близкихъ своихъ знакомыхъ Мухановыхъ, часто выдаясь съ Рылѣвымъ и его друзьями, въ своихъ горячихъ спорахъ съ ними онъ постоянно держался той мысли, что изъ всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. Такъ однажды, осенью

1824 года, они до поздней ночи проспорили съ Рылѣвымъ объ этомъ предметѣ. Смысль словъ молодаго офицера былъ таковъ: „Что такое войско?—Это собраніе людей, которыхъ народъ вооружилъ на свой счетъ и которымъ онъ поручилъ защищать себя: оно служить народу. Гдѣ же будетъ правда, если эти люди, въ противность своему назначенію, начнутъ распоряжаться народомъ по своему произволу?“ Другаго своего знакомца, вн. А. И. Одоевскаго, Хомяковъ бѣсилъ, увѣряя его, что онъ вовсе не либераль, а предпочитаетъ только единодержавію тиранство вооруженнаго меньшинства. Въ 1825 году Хомяковъ вышелъ въ отставку и отправился за границу, гдѣ оставался до 1826 года, такъ что событіе 14 декабря провелъ онъ въ Парижѣ. Тамъ Хомяковъ жилъ долго и уединенно, много занимался живописью и писалъ трагедію свою „Ермакъ“. Къ этому же времени относятся первыя мелкія стихотворенія Хомякова. Въ Россію Хомяковъ вернулся объѣхавши землю западныхъ славянъ, куда въ его время не заѣзжалъ никто изъ русскихъ путешественниковъ. Это также указываетъ на оригинальность политическаго воззрѣнія Хомякова, смолоду оцѣнившаго важность племенныхъ нашихъ отношеній, для изученія коренныхъ основъ нашей общей со всѣми славянами русской старины. 12 октября 1826 года Хомяковъ, вмѣстѣ со всѣми членами кружка, присутствовалъ въ Москвѣ на чтеніи Пушкинымъ „Бориса Годунова“, въ домѣ Веневитиновыхъ. „На другой день,—говорить Погодицъ, было назначено чтеніе „Ермака“, только-что конченнаго и привезеннаго Хомяковымъ изъ Парижа. Ни Хомякову читать, ни намъ слушать не хотѣлось, но этого требовалъ Пушкинъ. Хомяковъ чтеніемъ приносилъ жертву. „Ермакъ“, разумѣется, не могъ произвести никакого дѣйствія послѣ „Бориса Годунова“ и только нѣкоторыя лирическія мѣста вызвали похвалу. Мы почти не слышали его. Всякій думалъ свое. Пушкинъ такъ отзывался о „Ермакѣ“: „Ермакъ“ идеализированный—лирическое произведеніе въ формѣ драмы. „Ермакъ“, лирическое произведеніе пылкаго, юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи“. Несмотря на то, „Ермакъ“, поставленный въ 1832 году на сцену Петербургскаго театра, имѣлъ успѣхъ.

Ф. С. Хомяковъ писалъ 30 августа 1829 г. А. В. Веневитинову (брату Веневитинова), что Малый театръ, гдѣ давали „Ермака“,

былъ полонъ до невѣроятности и успѣхъ былъ блистательный. Немовѣрно, какое вліяніе онъ произвелъ при превосходной игрѣ Каратыгина. Рукоплесканія были оглушительны и при окончаніи вызывали автора (бывшаго тогда подъ Шумлою). „Ермакъ“ былъ осыпанъ похвалами въ „Сѣверной Пчелѣ“, но Полевой („Телеграфъ“ 1829 г., № 17) помѣстилъ о немъ рѣзкую критику, называя трагедію несвязною, неестественною и слабою, такъ какъ въ ней нѣтъ ни дѣйствія, ни характеровъ, все на ходуляхъ, все сентенціи и риторическія чувства. „Ермакъ“ былъ написанъ совершенно во вкусѣ трагедій Озерова, и потому не удивительно, что онъ восхищалъ современную публику; но онъ уже не удовлетворялъ новую критическую школу въ лицѣ Полевого. Молодежь тогдашняго времени восхищалась „Ермакомъ“: К. С. Аксаковъ рассказываетъ, что въ его время (въ началѣ тридцатыхъ годовъ) студенты на своихъ пирушкахъ пѣли пѣсни изъ „Ермака“. Такимъ образомъ А. С. Хомяковъ только въ 1826 году сблизился съ кружкомъ, собиравшимся около Веневитинова, и, повидимому, принялъ горячее участіе въ его интересахъ: толки о журналѣ происходили въ домѣ Хомяковыхъ, причеиъ оба брата были на-лицо. Но пребываніе Хомякова въ Москвѣ на этотъ разъ было непродолжительно: въ началѣ 1827 г. онъ уже находился въ Петербургѣ, у постели умиравшаго Веневитинова, гдѣ онъ, какъ мы видѣли, столкнулся съ А. И. Копелевымъ; но пробылъ тамъ недолго и въ 1828 г. снова вступилъ въ военную службу въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ. Во все время Турецкой кампаніи 1828 г. Хомяковъ былъ адъютантомъ у князя Мадатова, участвовалъ въ сраженіяхъ и отличался холодною, блестящею храбростью. Во время кампаніи Хомяковъ на мѣстѣ познакомился съ болгарскимъ населеніемъ. Въ 1829 году, послѣ заключенія мира, Хомяковъ вышелъ въ отставку, изъ Адрианополя въ январѣ 1830 г. пріѣхалъ въ Россію и опять посѣтилъ Петербургъ. Копелевъ говоритъ, что во время пребыванія его въ Петербургѣ съ 1827 по 1831 г. Хомяковъ часто жила въ тамъ и тогда они почти ежедневно видѣлись или у кн. Одоевскаго, или у К. А. Карамзиной, или другъ у друга. „Вечера и обѣды у кн. Одоевскаго, въ которыхъ принималъ участіе В. П. Титовъ, все болѣе и болѣе,—говоритъ Александръ Ивановичъ,—скрѣпляли нашу дружбу и сильно содѣйствовали къ нашему умственному и нравственному развитію“. Но въ это время ни о какомъ славянофильскомъ круж-

кѣ—въ томъ смыслѣ, какъ онъ сложился въ послѣдствіи—не было и помину. Нѣтъ даже данныхъ, чтобы судить, насколько въ это время подвинулся самъ Хомяковъ въ созданіи того цѣльнаго міровоззрѣнія, которое въ послѣдствіи объединило между собою членовъ кружка и создало изъ нихъ партію, съ которой приходилось считаться образованному меньшинству того времени. Извѣстно только, что самъ Хомяковъ очень цѣнилъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ. Въ письмѣ къ А. В. Веневитинову онъ говоритъ: „Одоевскій да Карамзины мирять меня съ Петербургомъ“. Затѣмъ Александръ Ивановичъ свидѣлся вновь съ Хомяковымъ въ Москвѣ въ началѣ 1833 года и съ того времени начались между ними тѣ постоянныя связи, о которыхъ придется говорить въ послѣдствіи.— Непосредственно послѣ отставки Хомяковъ поселился въ деревнѣ, не занимаясь пока хозяйствомъ при жизни отца. А. С. Хомяковъ былъ страстнымъ охотникомъ; въ одномъ письмѣ къ А. В. Веневитинову въ 1830 или 31 году онъ говоритъ: „погода хорошая, собаки лихи, зайцы есть,—такъ съ этимъ не соскучусь. Прибавлю къ тому, что я изъ Турціи привелъ коней славныхъ, чудной ѣзды, покойныхъ какъ люлька, горячихъ какъ кипятокъ и быстрыхъ какъ Добрынинъ Златокопытъ. Книги есть, есть билліардъ и смѣшные сосѣди,—чего же больше?“ Вотъ всѣ свѣдѣнія, какія существуютъ объ Алексѣѣ Степановичѣ въ періодъ времени насъ занимающій. Мы не будемъ въ настоящее время говорить ничего о литературной и ученой дѣятельности Хомякова, такъ какъ она относится къ позднѣйшей эпохѣ, и тогда мы постараемся представить оцѣнку его значенія въ исторіи нашего общественнаго движенія. Но, для полноты сообщенныхъ нами свѣдѣній, мы прибавляемъ слѣдующую характеристику Хомякова, сдѣланную хорошо знавшимъ его М. П. Погодинымъ, въ рѣчи, произнесенной, по поводу его кончины, въ „Обществѣ любителей россійской словесности“. Перечисливши ученныя и литературныя заслуги Хомякова, Погодинъ говоритъ: „И въ это же время Хомяковъ изобрѣтаетъ какую-то машину съ сугубымъ давленіемъ, которую посылаетъ на англійскую всемірную выставку и беретъ привилегію; сочиняетъ какое-то ружье, которое хватаетъ дальше всѣхъ, предлагаетъ новые способы винокуренія и сахароваренія, лѣчитъ гомеопатіей всѣ болѣзни на нѣсколько верстъ въ окружности, скачетъ по полямъ съ борзыми собаками зимнею порошей за зайцами и описываетъ всѣ достоин-

ства и недостатки собакъ и лошадей, какъ самый опытный охотникъ, получаетъ первый призъ въ обществѣ стрѣлянна въ цѣль, а ввечеру является къ вамъ съ сочиненными имъ тогда же анекдотами о какомъ-то дикомъ прелатѣ, пойманномъ въ костромскихъ лѣсахъ, о ревности какого-то пермскаго исправника въ распространеніи христіанской вѣры, за которое былъ онъ представленъ къ Св. Владиміру, но не могъ получить его потому, что оказался мусульманиномъ. А извѣстія, слышанныя имъ отъ любезныхъ сосѣдей и сосѣдокъ... Явился Хомяковъ—и все собраніе заливается единодушнымъ хохотомъ, у самыхъ угрюмыхъ посѣтителей разглаживаются всѣ морщины, всѣ заботы позабываются, и, съ первыхъ словъ, начинается споръ, споръ горячій, о предметахъ первостепенной важности, или, все равно, о предметахъ самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ. Споръ—это была стихія Хомякова: въ спорѣ чѣмъ онъ былъ живѣе, опаснѣе, тѣмъ болѣе возбуждалась творческая сила Хомякова, и слѣдовать за нимъ, особенно когда онъ былъ, что называется, въ ударѣ, было высокое психологическое наслажденіе.— А въ чемъ Хомяковъ, столько разнообразный въ проявленіяхъ своей дѣятельности, полагалъ свое назначеніе? Незнавшіе его, разумѣется, не отгадываютъ никогда этого мнѣнія. Онъ считаетъ себя рожденнымъ для живописи—и по цѣлымъ недѣлямъ, бывало, сидѣлъ онъ держа въ рукахъ палитру, малюя свой портретъ чрезъ зеркало, портретъ своей жены, сочиняя сцены, располагая пейзажи, составляя новыя краски, чертя архитектурные планы, кои приводилъ иногда и въ исполненіе⁴.

Замѣтимъ, что для большинства нашей публики, совершенно незнакомой съ учеными и литературными трудами Хомякова, онъ до сихъ поръ представляется только въ смыслѣ лирическаго поэта и блестящаго дебатѣра. Въ письмѣ къ Александру Ивановичу отъ 29 мая 1847 года кн. Одоевскій такъ выражался о Хомяковѣ: „Съ Хомяковымъ можно теперь меньше спорить, нежели когда-нибудь: что за лихой діалектической наѣздникъ! Онъ такъ изловчился въ этомъ дѣлѣ, что я ограничиваюсь лишь требованіемъ опредѣлять слова, которыя онъ употребляетъ, метая ихъ со стороны въ сторону и раскидывая противорѣчія на далекія пространства, чтобы ихъ не замѣтили. Никогда его разговоръ не былъ такъ блистателенъ и такъ интересенъ: Семирамида, Гунны, Аттила—всѣ торчатъ въ самыхъ блестящихъ иголькахъ, хотя и воткнутыхъ въ мыльный пу-

зырь. Впрочемъ, во всемъ этомъ Хомяковъ отвѣчаетъ самъ за себя, но никакъ не беретъ солидарности за всю славянофильщину“. Мухомовъ, хорошо знавшій Хомякова, въ своемъ „Воспоминаніи“ о немъ, замѣчаетъ: „въ разговорахъ его съ глазу на глазъ нельзя было правильнѣе и глубже разсуждать о предметахъ высшей важности; какъ только являлось болѣе слушателей, онъ *перемѣнялъ совершенно направленіе своихъ рѣчей и вводилъ въ нихъ воззрѣнія столь парадоксальныя, часто неосновательныя*, и поддерживалъ ихъ силою и доводами, испещренными необыкновенною живостью и игривостью“ („Русск. Арх.“ 1887 г., II, стр. 244). Эта блестящая діалектическая ловкость, доставлявшая Хомякову случай во время спора торжествовать надъ противникомъ, и страсть къ намѣреннымъ парадоксамъ, скрывавшимъ истинный смыслъ и серьезность его воззрѣнія на вопросъ, уязвляли самолюбіе многихъ и, по всей вѣроятности, играли нѣкоторую роль въ нерасположеніи, которое оказывалъ Герценъ преимущественно къ Хомякову, относясь болѣе сочувственно къ остальнымъ славянофиламъ.

Такимъ образомъ, съ самаго своего появленія въ кружкѣ шеллингистовъ, Хомяковъ стоялъ особнякомъ,—онъ никогда не былъ шеллингистомъ.

Хомяковъ, послѣ сближенія своего съ кружкомъ, не былъ съ нимъ солидаренъ, спорилъ и имѣлъ свой образъ воззрѣнія, не имѣющій ничего общаго съ германскою философіей, съ книгой и наукой, а заимствованный изъ жизни, изъ преданій. Очевидно, что А. С. Хомяковъ являлся въ кружокъ философствующихъ юношей не въ качествѣ ученика или сотрудника, а въ качествѣ самостоятельнаго мыслителя, и ранѣе или позже, больше или меньше перетянулъ каждого изъ нихъ на свою сторону, несмотря на то, что такъ-называемое „славянофильское“ направленіе не выработало вовсе особой школы или опредѣленной и для всѣхъ членовъ кружка обязательной системы мировоззрѣнія,—системы, ищущей для себя пропаганды или, по крайней мѣрѣ, признанія со стороны общества. Это удостоверяли сами члены кружка. Погодинъ прямо говоритъ: „Славянофилы никогда не составляли такъ-называемаго общества, которое имѣло бы свой особенный катихизисъ, то-есть исповѣдывали бы убѣжденія равно для всѣхъ обязательныя. Они не собирались даже никогда вмѣстѣ, по чьему бы то ни было приглашенію, а только случайно, и по большей части толковали вдвоемъ или втроемъ, не имѣли ни-

когда специальных намерений и никогда не условливались действовать совокупными силами. Они не знали даже вполне, да и не заботились о томъ, что каждый изъ нихъ думалъ, или какъ судилъ о томъ или другомъ предметѣ. Между ними господствовала совершенная свобода, и каждый изъ нихъ имѣлъ свой собственный образъ мыслей, который вырабатывался у него независимо отъ прочихъ, подвергаясь, разумѣется, только ихъ вліянію, посредственному или непосредственному“ (Погодинъ, „Гражд“. 1873, № 11). Александръ Ивановичъ въ своихъ „Запискахъ“ такъ объясняетъ происхождение славянофильскаго кружка: „Кружокъ составился не искусственно, не съ предварительнó опредѣленною какою-либо цѣлю, а естественно, самъ собою, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и видовъ. Люди, одушевленные одинакими чувствами къ наукѣ и своей странѣ, движимые потребностью не попугаями повторять, что говорится тамъ, гдѣ-то на Западѣ, а мыслить и жить самобытно и связанные взаимною дружбой и пребываніемъ въ одномъ и томъ же городѣ (Москвѣ),—видались ежедневно, обсуживали сообща возникавшіе вопросы, дѣлили другъ съ другомъ и общественныя радости (которыхъ было очень мало), и общественное горе (котораго было въ избыткѣ), и такимъ образомъ, незамѣтно даже для самихъ участниковъ, составился кружокъ единомысленный и единомысленный. Онъ составился такъ незамѣтно, что нельзя даже приблизительно опредѣлить года его нарожденія („Записки“, 68). Хомяковъ, въ предисловіи къ „Русской Бесѣдѣ“, обращался къ читателямъ съ такимъ заявленіемъ: „въ ней вы встрѣтите людей искренне любящихъ просвѣщеніе, но которые болѣе или менѣе разногласятъ между собою въ мнѣніяхъ, касательно важныхъ и отчасти жизненныхъ вопросовъ“. (Сочин., I, стр. 544). Тѣмъ не менѣе, въ славянофильскомъ кружкѣ значеніе Хомякова было преобладающее. Стбитъ для этого припомнить, что писалъ Ю. О. Самаринъ А. И. Кошелеву сейчасъ же послѣ смерти Хомякова: „Успѣли ли вы измѣрить страшную пустоту, которую онъ по себѣ оставилъ? Я до сихъ поръ по нѣскольку разъ въ день какъ будто отрываю его отсутствіе. О чемъ бы я ни думалъ, каждая мысль невольно дойдетъ до него и вдругъ оборвется. Всѣ помыслы, всѣ начинапія примыкали и обращались къ нему. Горизонтъ человѣческой мысли стѣснился и цѣлая область духа, до которой онъ одинъ могъ насъ поднимать, закрылась для насъ навсегда. Я не постигаю возмож-

ности жить, работать, мыслить безъ него и дѣлаю надъ собой ежечасныя усилія, чтобъ окончательно не упасть духомъ; но я работаю механически, безъ участія къ дѣлу“. Что же новаго приносилъ съ собою въ кружокъ философствующихъ юношей этотъ самобытный носитель народныхъ преданій? Чѣмъ перетянулъ онъ ихъ на свою сторону? Откуда сложился его собственный взглядъ и гдѣ онъ нашелъ ему подтвержденіе? Отвѣтить на этотъ вопросъ— значить указать источникъ и цѣль славянофильскаго ученія. Не въ первый разъ этотъ вопросъ встрѣчается въ литературѣ. На первыхъ порахъ, въ эпоху страстной борьбы между славянофилами и западниками, позволительно было обвинять славянофиловъ въ презрѣніи къ западному просвѣщенію и въ желаніи вернуться къ допетровскимъ порядкамъ во всемъ ихъ безобразіи, — отыскивать неразрывную солидарность и прямое преемство между ними и послѣдователями Шишкова (17). Въ 1845 году, въ статьѣ, помѣщенной въ „Москвитяинѣ“ („Обозрѣніе современнаго состоянія литературы“. Сочин., II, 1—58), Кирѣевскій говоритъ: „Нѣкоторые думаютъ, что полнѣйшее усвоеніе иноземной образованности можетъ современемъ пересоздать всего русскаго человѣка, какъ оно пересоздало нѣкоторыхъ пишущихъ и непишущихъ литераторовъ, и тогда вся совокупность образованности нашей придетъ въ согласіе съ характеромъ нашей литературы. По ихъ понятію, развитіе нѣкоторыхъ основныхъ началъ должно измѣнить нашъ коренной образъ мыслей, переименовать наши нравы, наши обычаи, наши убѣжденія, изгладить нашу особенность и такимъ образомъ сдѣлать насъ европейски просвѣщенными“ (стр. 35). „Другое мнѣніе, противоположное этому безотчетному поклоненію Запада и столько же одностороннее, хотя гораздо менѣе распространенное, заключается въ безотчетномъ поклоненіи прошедшимъ формамъ нашей старины и въ той мысли, что современемъ новопріобрѣтенное европейское просвѣщеніе опять должно будетъ изгладиться изъ нашей умственной жизни развитіемъ нашей особенной образованности. Оба мнѣнія равно ложны“ (37). Опровергая послѣднее мнѣніе, Кирѣевскій приводитъ такіе доводы: „Какое бы ни было просвѣщеніе европейское, но если однажды мы сдѣлались его фанатиками, то истребить его вліяніе уже въ нашей силѣ, хотя бы мы того и желали. Можно подчинить его другому, высшему, направить къ той или другой цѣли, но всегда оно

останется существеннымъ, уже неизъемлемымъ элементомъ всякаго будущаго развитія нашего. Легче узнать все новое на свѣтѣ, чѣмъ забыть узнанное. Впрочемъ, еслибы мы и могли даже забывать по произволу, еслибы мы могли возвратиться въ ту отдѣленную особенность нашей образованности, изъ которой вышли, то какую пользу получимъ мы отъ этой новой отдѣленности? Очевидно, что, рано или поздно, мы опять пришли бы въ соприкосновеніе съ началами европейскими, опять подверглись бы ихъ вліянію, опять должны бы были страдать отъ ихъ разногласія съ нашею образованностію, прежде чѣмъ успѣли бы подчинить ихъ нашему началу, и такимъ образомъ безпрестанно возвращались бы къ тому же вопросу, который занимаетъ насъ теперь. Но, кромѣ всѣхъ другихъ несообразностей этого направленія, оно имѣетъ еще и ту темную сторону, что, безусловно отвергая все европейское, тѣмъ самымъ отрѣзываетъ насъ отъ всякаго участія въ общемъ дѣлѣ умственнаго бытія человѣка, ибо нельзя же забывать, что просвѣщеніе европейское наслѣдовало всѣ результаты образованности греко-римскаго міра, который, въ свою очередь, принялъ въ себя всѣ плоды умственной жизни всего человѣческаго рода. Оторванное такимъ образомъ отъ общей жизни человѣчества, начало нашей образованности, вмѣсто того, чтобы быть началомъ просвѣщенія живаго, истиннаго, полнаго, необходимо сдѣлается началомъ односторонности и, слѣдовательно, утратитъ все свое общечеловѣческое значеніе. Всякая форма жизни, однажды прошедшая, уже болѣе невозвратима, какъ та особенность времени, которая участвовала въ ея созданіи. Возстановить эти формы—то же, что воскресить мертвеца, оживить земную оболочку души, которая уже разъ отъ нея отлетѣла. Здѣсь нужно чудо: логики недостаточно,—по несчастію, недостаточно даже и любви“ (Сочин., II, 38 и 39). „Всѣ споры о превосходствѣ Запада или Россіи, о достоинствѣ исторіи европейской или нашей и тому подобныя разсужденія—принадлежать къ числу самыхъ бесполезныхъ, самыхъ пустыхъ вопросовъ, какіе только можетъ придумать празднолюбіе мыслящаго человѣка“ (40). Въ написанной Хомяковымъ программѣ къ „Бесѣдѣ“ (1856 г.) онъ говоритъ: „Когда русское общество стало лицомъ въ лицу съ западною наукой, изумленное, ослѣпленное новооткрытыми сокровищами, оно бросилось къ нимъ со всею страстью, въ которой только была способна его нѣсколько лѣтняя приро-

да. Ему показалось, что только теперь началась умственная и духовная жизнь для Русской земли, что прежде того она или вовсе не жила, или по крайней мѣрѣ ничего такого не дѣлала, что бы стоило памяти въ родѣ человѣческомъ. Но дѣйствительно было совсѣмъ не то. Русскій духъ создалъ самую Русскую землю въ безконечномъ ея объемѣ, ибо это дѣло не плоти, а духа; русскій духъ утвердилъ навсегда мірскую общину, лучшую форму общезжителности въ тѣсныхъ предѣлахъ; русскій духъ понялъ святость семьи и поставилъ ее какъ чистѣйшую и неизблемую основу всего общественнаго зданія; онъ выработалъ въ народѣ всѣ его нравственныя силы, вѣру въ святую истину, терпѣніе несокрушимое и полное смиреніе. Таковы были его дѣла, плоды милости Божіей, озарившей его полнымъ свѣтомъ православія. Теперь, когда мысль окрѣпла въ знаніи, когда самый ходъ исторіи, раскрывающей тайныя начала общественныхъ явленій, обличилъ во многомъ ложь западнаго міра и когда наше знаніе оцѣнило (хотя можетъ-быть еще не вполне) силу и красоту нашихъ исконныхъ началъ,—намъ предлежитъ снова пересмотрѣть всѣ тѣ положенія, всѣ тѣ выводы, сдѣланные западною наукою, которымъ мы вѣримъ такъ безусловно,—намъ предлежитъ подвергнуть все шаткое зданіе нашего просвѣщенія безстрастной критикѣ нашихъ собственныхъ духовныхъ началъ и тѣмъ самымъ дать ему несокрушимую прочность. Въ то же время на насъ лежитъ обязанность разумно усвоивать себѣ всякій новый плодъ мысли западной, еще столько богатой и достойной изученія, дабы не казаться отсталыми въ то время, когда богатство нашихъ данныхъ возлагаетъ на насъ обязанность стремиться къ первому мѣсту въ рядахъ просвѣщающагося человѣчества“ (Сочин. Хомякова, I, стр. 546 и 547). Съ мнѣніями Александра Ивановича въ томъ же смыслѣ и даже гораздо шире, чѣмъ онъ вообще отличался отъ своихъ единомышленниковъ, мы еще не разъ встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Между тѣмъ Бѣлинскій, въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“ („Отеч. Записки“ 1846 г.), т. е. послѣ уже заявленія Кирѣевскаго, спрашивалъ: „Неужели славянофилы правы и реформа Петра Великаго только лишила насъ народности и сдѣлала междуумками? И неужели они правы, говоря, что намъ нужно вернуться къ общественному устройству и нравамъ временъ не то баснословнаго Гостомысла, не то царя Алексѣя Михай-

ловича (насчетъ этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)⁴ (Соч. Бѣл., XI, 23). Очевидно, что подобное обвиненіе было не болѣе какъ *полемическій приемъ*—настолько же вѣрный и добросовѣстный, насколько придуманное также Бѣлинскимъ и повторенное новѣйшими критиками сопоставленіе славянофильскаго ученія со статьями „Маяка“, тогда какъ между славянофилами и редакціей послѣдняго не было никакой солидарности, никакого сходства ни въ убѣжденіяхъ, ни въ средствахъ къ достиженію предположенныхъ цѣлей. Между тѣмъ такіе полемическіе приемы часто становились въ публикѣ, незнакомой съ ученіемъ славянофиловъ, единственнымъ основаніемъ враждебнаго къ нимъ отношенія. Помню Московскій университетъ сороковыхъ годовъ. Партія западная представлена была тѣми блестящими профессорами, которые служили лучшимъ украшеніемъ университета того времени и оказывали благодѣтельное и неотразимое вліяніе на слушателей. За славянофиловъ ратовалъ одинъ Шевыревъ, этотъ *enfant terrible* славянофильства, который созданъ былъ чтобы сдѣлать смѣшнымъ и уронить дѣло, имъ защищаемое. Естественно, что славянофиловъ,—которыхъ мы не знали, ибо сами они тогда мало высказывались въ печати,—мы считали за „газилъниковъ просвѣщенія“ и глубоко ихъ ненавидѣли. Такъ и пошло съ тѣхъ поръ... Но когда страсти утихли и началось болѣе спокойное отношеніе къ дѣлу, продолжать прежнія обвиненія въ презрѣніи славянофиловъ къ западной наукѣ и въ желаніи возвратиться къ старому—было нельзя: ложь была слишкомъ очевидна. Тогда было пущено въ ходъ другое объясненіе, что славянофилы построили свои теоріи на началахъ германской философіи и, слѣдовательно, также мало, какъ и ихъ противники, стояли на народной почвѣ. Это объясненіе впервые высказано было А. Н. Пыпинымъ. Поводомъ къ этому заключенію было то, что Аксаковъ, еще до окончательнаго присоединенія своего къ славянофильскому кружку, написалъ свою диссертацию о Ломоносовѣ подъ вліяніемъ философіи Гегеля и заимствовалъ отсюда и складъ мышленія, и самый способъ выраженія. Но въ этомъ именно и укорялъ Аксакова Хомяковъ, признавая его диссертацию „плодомъ нѣмецкаго измышленія“. Въ объясненіи А. Н. Пыпина есть конечно доля правды; но какая? Дѣйствительно, напримѣръ, Веневитиновъ, исходя изъ началъ нѣмецкой философіи, пришелъ къ отрицательному выводу, заключающемуся въ

ученіи славянофиловъ, что „еслибы просвѣщеніе у насъ представлено было *естественному ходу*, то характеръ народа развился бы собственно своей силой и принялъ бы направленіе самобытное, ему свойственное“. Это есть выводъ изъ теоріи національности, поставленной на очередь Шеллингомъ, высказавшимъ положеніе, что каждый народъ имѣетъ свое особенное призваніе и вноситъ свой даръ въ непрерывный складъ общечеловѣческаго развитія. Подобный выводъ, безъ сомнѣнія, облегчалъ для нашихъ Шеллингистовъ соглашеніе съ Хомяковымъ въ необходимости для насъ самобытнаго развитія, свободнаго отъ безусловной раздражительности западнымъ образцамъ. Но подобныя общія заключенія могутъ служить только точкой къ повороту въ другую сторону, поводомъ къ работѣ мысли въ иномъ направленіи, — положительнаго содержанія они нивакого дать не могутъ. Положеніе Пыпина, что нѣмецкая философія служила основаніемъ для славянофильскаго ученія или, по крайней мѣрѣ, способствовала его развитію, настолько же справедливо, насколько заключеніе вн. Одоевскаго, что „Шеллингъ былъ, *можетъ-быть неожиданно для него самого* (?!), истиннымъ творцомъ положительнаго направленія въ нашемъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Германіи и Россіи“ („Русск. Арх.“ 1874, I, 318). Новѣйшая школа, обратившаяся къ изслѣдованію крестьянскаго быта, ближе подошла къ справедливости и не отрицаетъ въ ученіи славянофиловъ народной подкладки. Такъ г. Капустинъ, въ статьѣ „Къ вопросу объ экономической сторонѣ славянофильскаго ученія“, опредѣляетъ значеніе его вообще слѣдующимъ образомъ: „оно не было бы цѣнно, — говоритъ онъ, — еслибы вся система эта была только плодомъ измышленія, игрой ума, еслибы она въ корнѣ не была основана на дѣйствительности и не представляла бы прямыхъ выводовъ изъ явленій живой жизни“. Г. Капустинъ приписываетъ это тому, что даровитѣйшіе изъ славянофиловъ, родясь и выростая въ деревнѣ на рукахъ нянекъ и мамокъ, взятыхъ прямо изъ народа, вмѣстѣ съ молокомъ всасывали познаніе крестьянской жизни. Учасъ впоследствии исторіи, роаясь въ археологіи, они свѣдѣніями изъ давно протекшей жизни дополняли все, что ими было схвачено изъ жизни народа. Такимъ образомъ самые даровитые изъ нихъ поняли суть многихъ явленій самой далекой старины, сходныхъ иногда до тождественности съ тѣмъ, что они сами подмѣтили въ деревнѣ, и, выводя изъ этихъ явленій начала, построили на

нихъ цѣльное ученіе. Вотъ почему ихъ выводы изъ подмѣченныхъ ими явленій сельской жизни—не плодъ какихъ-либо апіористическихъ заключеній, что и подтверждается тѣми данными и фактами, которые добыты въ послѣднее время путемъ научныхъ изслѣдованій сельской поземельной общины. Строгое обобщеніе этихъ фактовъ приводитъ большею частью какъ разъ къ тѣмъ выводамъ и понятіямъ объ общинѣ, которыя мы встрѣтили въ ученіи основателей славянофильства“ („Сѣверный Вѣстникъ“ 1885 года, № 1, стр. 69, 65—66). Замѣчательно, что то же самое наивное позанимствованіе началъ старинной народной жизни у мамокъ и дядекъ допускаетъ И. С. Аксаковъ. Въ біографіи Тютчева И. С. Аксаковъ говоритъ, что „нянькамъ и дядькамъ должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи русской словесности (!!!). Въ ихъ нравственномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ слѣдуетъ *по крайней мѣрѣ отчасти* (и то слава Богу!) искать объясненія, какимъ образомъ, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ наше оторванное отъ народа общество, въ эту среду, хвастливо отрекавшуюся отъ русскихъ историческихъ и духовныхъ преданій, пробивались иногда, неслышно и незамѣтно, струи чистѣйшаго народнаго духа“. Подобное объясненіе возможно со стороны Ивана Сергѣевича, до котораго славянофильское ученіе дошло, по мѣткому выраженію А. Ѳ. Писемскаго, *по духовному застѣпанію*. Совершенно справедливо, что жизнь стараго помѣщика была несравненно ближе къ народу, нежели существующія отношенія образованныхъ людей. Пасха, храмовые и семейные праздники, вся обстановка прежней деревенской жизни—все это поддерживало между помѣщикомъ и крестьяниномъ традиціонную связь, смягчавшую жесткость легальнаго крѣпостнаго права. Даже самая охота—обычная забава стариннаго дворянства—сводила помѣщика съ его дворней на болѣе равной почвѣ, какъ участниковъ общаго развлечения. Все это существовало для Хомякова, какъ жителя деревни и охотника, наравнѣ съ массою другихъ, поставленныхъ въ тѣ же условія; но все это не шло далѣе выгоднаго и удобнаго для обѣихъ сторонъ, хотя бы случайнаго, умиротворенія крѣпостническихъ отношеній. Никому не приходило въ голову въ то время искать въ этой близости ключа къ уясненію себѣ отношеній древней Руси, какъ не приходитъ никому въ голову теперь возстановить замиреніе въ этихъ именно формахъ. Слѣдова-

тельно, источникъ міровоззрѣнія Хомякова надо искать въ другой средѣ. Хомяковъ былъ помѣщикъ, никогда и нигдѣ онъ не отказывался отъ этого соціального положенія,—слѣдовательно, въ немъ и лежитъ разгадка. Для того, чтобы найти точку отправленія міровоззрѣнія Хомякова или, другими словами, общую черту славянофильскаго ученія, необходимо выяснитъ значеніе дворянства и существовавшихъ въ средѣ его традицій.

Со времени эмансипаціи, подъ вліяніемъ сложившихся условій данной минуты, стало общераспространеннымъ новое воззрѣніе на значеніе дворянства въ политическомъ строѣ нашего отечества. Оно явилось *исключительно* въ смыслѣ рабовладѣльческаго сословія, которое, въ силу воздѣйствія на него благотѣльной, но вѣдшей для него силы, утратило свою вредную для страны привилегію. Отсюда неизбѣжное слѣдствіе, что дворянство, какъ атрофированный наростъ на излѣченномъ организмѣ, должно такъ или иначе, изморомъ, прекратить свое бесполезное существованіе. Нельзя не признать такой взглядъ естественнымъ при томъ спасительномъ крутомъ переломѣ, который переживаетъ Россія: довлѣть дневи злоба его! Но съ точки зрѣнія исторической правды такое воззрѣніе невѣрно. Съ точки зрѣнія исторической правды не слѣдуетъ забывать, что Московская Русь, со всѣхъ сторонъ окруженная врагами, прежде всего должна была отбиваться и что въ этой непрерывной борьбѣ дворянское служилое сословіе, *все безъ изятія*, составляло главное ядро того земскаго ополченія, которое кровью и жизнью раздвинуло предѣлы теперешней обширной Россіи. Не слѣдуетъ забывать, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ періодъ народной колонизаціи на окраинахъ, захваченныхъ толпами вольныхъ бродниговъ, только водвореніе помѣстнаго служилаго сословія, образуя экономическіе центры для осѣдлаго земледѣльческаго населенія, завершало окончательное прикрѣпленіе и такимъ образомъ дворянское служилое сословіе несло свою службу не только *оружіемъ*, но и *плугомъ*. Не слѣдуетъ, наконецъ, забывать, что впоследствии, когда наравнѣ съ военною службой потребовалась просвѣтительная, когда на одной доскѣ съ лагеремъ и оружіемъ поставлены были школа и наука, служилое дворянское сословіе, несмотря на возрастъ, силой загонялось въ школу, а потому добровольно представляло собою относительно самый культурный слой въ странѣ и создало нашу прежнюю литературу,

гдѣ самые выдающіеся представители принадлежать къ дворянству. Но этого мало. Начиная съ XVI вѣка, когда въ Россіи со-
здалось уѣздное управленіе, не знавшее губерній и тянувшее къ
Москвѣ, когда не существовало еще раздѣленія властей и судъ смѣ-
шивался съ администраціею, главнымъ распорядителемъ въ уѣздѣ
былъ *губный староста*; а онъ избирался исключительно изъ дворянъ
цѣлымъ населеніемъ уѣзда. Профес. Ключевскій, разбирая разря-
ные списки, пришелъ къ заключенію, что дворянство тогда уже
имѣло прочную сословную организацію въ уѣздахъ; что тогда уже
происходили выборные дворянскіе съѣзды, для избранія окладчи-
ковъ, участвовавшихъ въ разверстаніи помѣстій и служившихъ на-
чальствующими лицами въ земскихъ полкахъ; что, пользуясь пра-
вомъ петиціи (челобитной), предоставленнымъ въ древней Руси
всѣмъ безъ исключенія, дворянскіе съѣзды о своихъ нуждахъ хо-
датайствовали передъ царемъ. Выборными отъ уѣздовъ на земскихъ
соборахъ являлись преимущественно дворяне, хотя встрѣчаются и
лица другихъ сословій, даже священники. Все это показываетъ,
что дворянству въ древней Руси принадлежало право *земскаго*
представительства въ той своеобразной формѣ, которая вырабо-
талась условіями того времени. Съ Петра все измѣнилось. Смыслъ
Петровской реформы состоялъ въ томъ, что медленному поста-
тельному движенію страны онъ далъ такой толчокъ, въ силу ко-
торого Россія неожиданно и неудержимо вдвинулась въ систему
европейскихъ государствъ, гдѣ ей безспорно суждено было играть
великую роль. Съ этой точки зрѣнія всѣ обвиненія противъ Пет-
ровской реформы не состоятельны. Но понятно, что для выпол-
ненія этого толчка прежній органическій строй народной жизни
не годился и его слѣдовало *временно* измѣнить. Петръ это и сдѣ-
лалъ. Страна не только для враговъ, но и для всѣхъ живущихъ
обратилась въ военный станъ, гдѣ царствуетъ только дисциплина,
гдѣ всѣ повинуются назначенному начальству, гдѣ вліяніе народ-
наго представительства и самоуправленія не имѣетъ мѣста. Служилое
дворянское сословіе Петръ силой погналъ въ лагерь и школы, а мѣсто
губнаго старосты заняли офицеры поселеннаго полка. Но такая мѣра
была временная и не могла постоянно держаться. Императрица
Екатерина, вслѣдъ за освобожденіемъ дворянства отъ обязательной
службы, даровала ему привилегію сословнаго дворянскаго самоуправленія
въ цѣломъ уѣздѣ—и тѣмъ вовсе его

лишила земской почвы, разорвала связь его съ мѣстнымъ населеніемъ. Къ чести дворянства надо сказать, что оно мало воспользовалось этою привилегіей: дворянскія собранія никогда не представлялись живымъ институтомъ, лучшіе изъ дворянъ оставались къ нимъ чуждыми и не являлись. Традиціонная связь дворянства съ мѣстнымъ населеніемъ пережила эти реформы и сохранилась до сихъ поръ. На это указываютъ неопровержимые факты. Во время крѣпостнаго права единственные оживленные выборы происходили тамъ, гдѣ завязывалась борьба дворянства съ губернаторомъ. Безъ сомнѣнія, эта борьба начиналась чаще изъ-за интересовъ личныхъ и сословныхъ; но иногда основаніемъ къ ней служили интересы общіе. Притомъ же тамъ, гдѣ насильственно сведены общіе интересы съ сословными, разграничить ихъ въ точности нѣтъ возможности. Послѣ освобожденія крестьянъ Петербургское дворянство само ходатайствовало распространить оставшееся у него въ видѣ сословной привилегіи право петиціи на всѣ другія сословія; въ средѣ лучшей части дворянства и въ настоящее время политическимъ идеаломъ представляется возвратъ ему, въ формѣ, какую признаетъ за благо высшая власть, права земскаго представительства по избранію всѣхъ сословій, открывъ вмѣстѣ съ тѣмъ доступъ въ дворянское сословіе всѣмъ остальнымъ, на основаніи образовательнаго ценза. Помимо того, въ самый періодъ крѣпостнаго права существовали факты, указывавшіе на сохранившуюся память о прежнемъ значеніи дворянства.

Сознавая свою полноправность надъ отдѣльною личностью, рѣдкій помѣщикъ не признавалъ значенія крестьянскаго міра, предъ которымъ останавливалось его полновластіе. Въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ вводилось крестьянское выборное управленіе, помѣщикъ не вмѣшивался во внутреннее управленіе и не принималъ даже жалобъ на міръ, сознавая мірской приговоръ выше своей власти. Это было явленіе своеобразное, чисто-русское, сколокъ съ тѣхъ отношеній, въ которыхъ въ древности стоялъ русскій царь въ отношеніи къ своему народу. Міръ, который служилъ гарантіею прочности и удобства древне-русскаго самоуправленія, исполнялъ то же значеніе и въ крѣпостномъ правѣ,—разумѣется, только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это допускалъ самъ помѣщикъ (18). Оттого лучшіе люди въ дворянствѣ, даже сознавая нѣкоторыя экономическія выгоды личнаго землевладѣнія, подъ вліяніемъ старинной дворянской тра-

диціи, защищали крестьянскую общину во время составления Положенія и не допускають мысли о ея разложеніи и въ настоящее время. Итакъ, вотъ въ чемъ состояла дворянская традиція. Эта традиція уму такого даровитаго и самобытнаго мыслителя, какъ Хомяковъ, помогла понять разладъ современной жизни; она его историческому чутью уяснила внутренній складъ русской жизни, прежде чѣмъ добрались до него присяжные изслѣдователи кропотливымъ разборомъ мертвыхъ памятниковъ; она сложилась въ цѣльную, опредѣленную систему, которая своей жизненною правдой перетянула близкихъ къ нему людей, находившихся въ одинаковомъ социальномъ положеніи. Такимъ образомъ, въ окончательномъ результатѣ, славянофильское ученіе формулируется такимъ образомъ: съ одной стороны, возобновить взаимныя отношенія между правительствомъ и мѣстнымъ русскимъ самоуправленіемъ—не въ качествѣ враждебныхъ сторонъ, а въ смыслѣ мирнаго объединенія; а съ другой стороны, освобожденіемъ крестьянскаго міра и участіемъ его въ выборномъ началѣ создать естественную гарантію противъ всякаго личнаго произвола. Все, что писалось славянофилами, направлено было съ строго выдержанною системою къ достиженію этихъ двухъ главныхъ результатовъ. Оставшаяся послѣ нихъ литература, по независимымъ отъ нихъ условіямъ, и не полна, и не могла достигнуть той совершенно ясной опредѣленности, которая сразу дается всякому читателю. Это—общая участь всякаго ученія, распространяющагося подъ гнетомъ внѣшнихъ препятствій; къ нему болѣе всего примѣнимо извѣстное изреченіе Горация: „*beatae plane aures, quae non vocem, foris sonantem, sed intus auscultant veritatem*“ (блаженны уши, внимающіе не одному пустому звону рѣчей, но истинѣ, сокрытой въ ихъ глубинѣ). Въ этомъ смыслѣ, оставшаяся послѣ славянофиловъ литература имѣетъ для насъ только историческую цѣну; но ихъ неотъемлемая и важная заслуга состоитъ въ томъ, что они первые выяснили значеніе земли и земства, какъ ея представителя. Эта мысль была настолько вѣрна и общепонятна, что она вскорѣ перешла въ жизнь и литературу и до нѣкоторой степени осуществилась въ реформѣ предъидущаго царствованія. Александръ Ивановичъ Кошелевъ былъ единственнымъ ея практическимъ истолкователемъ. Когда настала пора дѣйствовать, Александръ Ивановичъ остался одинъ въ живыхъ изъ числа первыхъ славянофиловъ, одинъ онъ и остался вѣренъ своему знамени. По-

этому въ его позднѣйшей дѣятельности—литературной и общественной—славянофильское ученіе получило опредѣленную, практически-законченную формулу, ясную для всѣхъ, но во многомъ несходную съ тѣми воззрѣніями, которыя высказывали считавшіе себя, самозванно, непосредственными преемниками стараго славянофильства. Это и есть та немаловажная заслуга, которая А. И. Кошелеву даетъ извѣстное мѣсто въ исторіи нашего образованія; объясняя ее, мы невольно должны были забѣгать впередъ, дабы сразу опредѣлить для читателей ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на предлагаемый біографическій очеркъ одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей недавняго прошлаго.

Изъ другихъ товарищей Александра Ивановича слѣдуетъ упомянуть о Мельгуновѣ, но о немъ я не могъ собрать никакихъ свѣдѣній; писемъ же Мельгунова въ Александру Ивановичу не нашлось. Извѣстно только, что Мельгуновъ былъ человекъ болѣзненный и долго лѣчился за границею, по временамъ возвращаясь въ Россію; состояніе свое онъ разстроилъ и часто прибѣгалъ къ помощи друзей. Александръ Ивановичъ, по старой пріязни, и въ этомъ не отказывалъ Мельгунову; сохранилась довольно обширная переписка его по этому предмету съ Шевыревымъ, который былъ затянутъ въ денежныя отношенія съ Мельгуновымъ, впоследствии оказавшіяся очень непріятными для Степана Петровича, не располагавшаго большими средствами. Мельгуновъ принималъ нѣкоторое участіе въ литературѣ: онъ помѣщалъ статьи свои въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и много помогалъ въ изданіи „Litterarische Bilder aus Rusland, herausgegeben von König“ (Stuttg. 1837 г.), гдѣ поэтому содержится нѣсколько интересныхъ и неизвѣстныхъ подробностей о Пушкинѣ, Веневитиновѣ и Хомяковѣ.

Мы видѣли, что московскіе кружки, къ которымъ принадлежалъ Александръ Ивановичъ, распались при извѣстіи о событіи 14 декабря. Кружки эти не имѣли никакого политическаго оттѣнка, но, тѣмъ не менѣе, общее неудовольствіе, распространившееся тогда въ обществѣ, не могло не отразиться и на собиравшейся въ нихъ молодежи. Александръ Ивановичъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ о вечерѣ, проведенномъ имъ въ февралѣ или мартѣ 1825 года у внучатнаго его брата М. М. Нарышкина, гдѣ присутствовали находившіеся тогда въ Москвѣ декабристы Рылѣевъ, Пущинъ, князь Оболенскій и нѣкоторые другіе. Рылѣевъ читалъ свои

патріотическія думы и общій разговоръ склонился на необходимость перемѣны въ существующемъ строѣ. Этотъ вечеръ произвелъ на Александра Ивановича сильное впечатлѣніе, которое онъ передалъ на другой же день своимъ друзьямъ—И. В. Кирѣевскому, Веневитинову и Рожалину. Молодые люди въ свою очередь заговорили о политикѣ и съ особеннымъ рвеніемъ принялись за чтеніе французскихъ публицистовъ—Бенжамена Констана, Ройе Колляра и другихъ. На время нѣмецкая философія сошла съ перваго плана. Но скоро этотъ политическій бредъ уступилъ мѣсто тревожной и томительной неизвѣстности. Въ „Запискахъ“ Александра Ивановича и въ перепискѣ его за это время съ Норовымъ эпоха отъ 14 декабря 1825 года до коронаціи императора Николая въ августѣ 1826 года описана подробно. Прежде всего начались аресты; развѣтвленіе заговора было совсѣмъ неизвѣстно въ публикѣ, и каждая семья ожидала, что одинъ изъ ея членовъ, такъ или иначе, привлеченъ будетъ къ слѣдственному дѣлу. Александръ Ивановичъ былъ совсѣмъ къ нему непричастенъ, между тѣмъ матери его постоянно чудилось, что за нимъ пріѣхали; она положила его спать подлѣ своей комнаты, приготовила теплую фуфайку, теплые сапоги, дорожную шубу. Затѣмъ назначенъ былъ верховный судъ и тогда вопросъ, какая кара постигнетъ виновныхъ, волновалъ общество, въ средѣ котораго оставались родные, друзья, знакомые арестованныхъ. Слухи изъ Петербурга доходили смутные и искаженные. Нельзя равнодушно читать за это время письмо А. С. Норова, старшій братъ котораго былъ арестованъ, гдѣ описывается тяжелое и мучительное состояніе неизвѣстности, въ которомъ находилась семья. Когда въ Москву присланы были 300 экземпляровъ донесенія слѣдственной комиссіи, они были расхвачены въ одинъ день и Норовы слезно умоляли Александра Ивановича достать одинъ экземпляръ, чтобы прочесть все, касающееся арестованнаго В. С. Норова. Между тѣмъ, по случаю предстоящей коронаціи, отпуски служащихъ были прекращены и архивные юноши пѣшкомъ обходили московскія окрестности, скрѣпляя свою взаимную дружбу передъ тѣмъ временемъ, когда приходилось имъ расстаться и между собой, и съ Москвой. Александръ Ивановичъ вскорѣ перешелъ на службу въ Петербургъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Служба Александра Ивановича въ канцеляріи минист. иностранныхъ дѣлъ.—Занятія въ комитетѣ для начертанія проекта устава протестантскихъ церквей въ Россіи.—Блудовъ и Дашковъ.—Родственный кружокъ Александра Ивановича въ Петербургѣ: Р. А. Кошелевъ и Абр. С. Норовъ.—Петербургскій кружокъ кн. Одоевскаго.—Домъ гр. Лаваль.—Архарова.—К. Я. Бугаковъ.—Свѣтскія удовольствія.—Е. А. Карамзина.—А. О. Россетъ.—Научныя занятія Александра Ивановича.—Изданіе „Московскаго Вѣстника“.—

Черты характера Александра Ивановича.

Въ сентябрѣ 1826 года Александръ Ивановичъ отправился на службу въ Петербургъ. Переходъ свой въ Петербургъ Александръ Ивановичъ въ своихъ „Запискахъ“ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Вскорѣ послѣ коронаціи, т. е. въ сентябрѣ 1826 г., во время пребыванія въ Москвѣ великихъ міра сего, родственникомъ нашимъ кн. С. И. Гагаринымъ былъ я представленъ гр. Нессельроде. Онъ пригласилъ меня пріѣхать въ Петербургъ, обѣщавъ мена помѣститъ въ свою канцелярію“. Кошелевъ получилъ назначеніе въ экспедицію, которою завѣдывалъ графъ Лаваль и которой поручено было дѣлать выписки для Императора изъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ. Определеніемъ своимъ у Лавалья Александръ Ивановичъ былъ очень доволенъ. Изъ письма его къ матери видна причина его удовольствія: „въ канцелярію министерства невозможно было поступить прямо, безъ подготовки. Тотъ, кто съ этою цѣлью поступалъ въ экспедицію графа Лавалья, долженъ былъ себя считать счастливымъ. По крайней мѣрѣ здѣсь знакомились съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, тогда какъ тѣ, кто зачисляется прямо въ коллегію министерства иностранныхъ дѣлъ, должны были заниматься или бухгалтерією, или переводомъ судебныхъ актовъ, или—въ самомъ счастливомъ случаѣ—перепискою съ послами, живущими въ Петербургѣ по частнымъ ихъ дѣламъ“ (1 ноября 1826 г.). „Недавно въ коллегію просились семь человекъ изъ Петербурга и гр. Нессельроде заявилъ, что онъ болѣе никого въ свою канцелярію принять не можетъ, а гр. Лаваль—что у него рѣшительно нѣтъ мѣста“. Александръ Ивановичъ счастливо попалъ въ то время, когда гр. Боргъ, одинъ изъ чиновниковъ гр. Лавалья, посланъ былъ секретаремъ посольства во Флоренцію. Экспедиція Лавалья открывала хорошую дорогу,—оттуда въ теченіе года получили очень почетныя мѣста: Жерве и Гурьевъ—въ Константинополѣ, гр. Боргъ—во Флоренціи.

Начальникъ Александра Ивановича, гр. Лаваль, сынъ французскаго эмигранта, бывший членъ главнаго правленія училищъ временъ Стурдзы и Магницкаго, былъ человѣкъ не глупый, но придворный въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова и мало свѣдущій въ дѣлѣ. Александръ Ивановичъ въ одномъ письмѣ къ матери упоминаетъ, что этотъ двигатель просвѣщенія въ его извлеченіи поправилъ двѣ строчки и сдѣлалъ четыре ошибки. Александръ Ивановичъ вскорѣ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ у Лавала и пользовался большимъ его расположеніемъ; но, несмотря на свое желаніе, гр. Лаваль ничего не могъ сдѣлать для Александра Ивановича по службѣ, такъ какъ самъ не пользовался никакимъ кредитомъ. Товарищей у Александра Ивановича было двое—Кремеръ и Виттъ (19). Первый былъ человѣкъ очень умный и весьма способный; онъ завѣдывалъ французскими и англійскими журналами. Виттъ былъ великолѣпнымъ и неутомимымъ переписчикомъ. Вскорѣ къ нимъ присоединился воспитанникъ лицея А. Крузенштернъ (потомъ бывший сенаторъ) и впоследствии баронъ Медемъ, очень умный и образованный человѣкъ, получившій воспитаніе за границею, съ которыми очень сошелся Александръ Ивановичъ и вмѣстѣ занимался политическими науками и исторіею. Баронъ Медемъ, когда Кремеръ поступилъ секретаремъ посольства въ Вашингтонъ, занялъ его мѣсто. Александру Ивановичу сначала поручены были нѣмецкія газеты; но такъ какъ онъ скоро ему надоѣли своею безцвѣтностью, то онъ принялся за французскія и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ учиться по-англійски и каллиграфіи, на томъ основаніи, что красивый почеркъ считался необходимою принадлежностью дипломата. Выучившись хорошо по-англійски, Александръ Ивановичъ перешелъ съ января 1827 г. на англійскія газеты. Посылая къ матери „Journal de St.-Petersbourg“, онъ пишетъ ей: „Если вы читаете парламентскіе дебаты, то знайте, что они прошли черезъ мои руки. Большая часть отчетовъ о нихъ составлена по моимъ извлеченіямъ. Обратите вниманіе на засѣданіе 29 и 31 января, 11 и 14 февраля. Конечно, это только скелетъ изъ моихъ извлеченій, — самое интересное должно было быть выпущено“ (24 февраля 1828). Эти занятія не остались безъ вліянія на образъ мыслей Александра Ивановича. „Я такъ сжился,—пишетъ онъ матери,—съ духомъ англійскаго парламента, такъ ознакомился съ обрядами парламентскаго производства, что, кажется, могъ бы исполнить обязанности президента одной изъ палатъ. Вотъ

вамъ новость: я сдѣлался англоманомъ во всей силѣ этого слова. Я читаю только по-англійски, думаю только о чемъ-нибудь англійскомъ, изучаю только то, что касается Англии. Я могу себя похвалить съ пріобрѣтеніемъ довольно подробныхъ свѣдѣній объ этой интересной странѣ“ (24 февраля 1828 г.). Иногда онъ изъ своихъ газетныхъ занятій старался извлекать даже практическую пользу. Такъ въ одномъ письмѣ къ матери онъ, по случаю преній въ англійскомъ парламентѣ о пошлинахъ на привозный хлѣбъ, даетъ ей такой совѣтъ: „если хлѣбъ подорожаетъ въ Англии, то мы получимъ очень выгодный рынокъ. Вотъ, милая маменька, на что вы должны обратить вниманіе, какъ заботливая хозяйка, обращающая особое вниманіе какъ на усовершенствованіе земледѣлія, такъ и на улучшеніе быта своихъ крестьянъ“ (11 марта 1827 г.).

Служба Александра Ивановича въ экспедиціи графа Лавала текла мирно, обыденнымъ порядкомъ, безъ всякихъ особенныхъ перемѣнъ. Только разъ въ письмахъ къ матери Александръ Ивановичъ упоминаетъ, что, вслѣдствіе замѣчанія, полученнаго отъ начальства, графъ Лаваль сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Кремеръ и Кошелевъ были отвѣтственными лицами: первый—за французскую часть, а второй—за нѣмецкую и англійскую; остальные чиновники (Крузенштернъ и Медемъ) были имъ подчинены и должны были заниматься менѣе существенными переводами и извлеченіями. „Это меня обрадовало,—пишетъ Кошелевъ,—хотя и прибавило дѣла, потому что моя работа совершенно отдѣлена отъ Кремера. Такъ какъ мы были силами оба равны, то мы никогда не могли согласиться. Графъ Лаваль безпрестанно долженъ былъ вмѣшиваться, чтобы положить конецъ нашимъ разногласіямъ“ (28 января 1828 г.). Служба у графа Лавала сначала очень нравилась Александру Ивановичу. Вскорѣ послѣ своего поступленія онъ пишетъ матери: „Службой я очень доволенъ и не желаю даже перемѣщенія къ Нессельроде. Но я не опущу случая быть посланнымъ въ миссію или на какой-нибудь конгрессъ,—я уже объ этомъ просилъ дядю“ (22 октября 1826). Пока Александръ Ивановичъ былъ новичкомъ, занятія ему доставались съ трудомъ и онъ часто проводилъ за ними бессонныя ночи. Въ началѣ перваго года онъ пишетъ матери: „Я работаю много, но не усталъ, такъ какъ я самъ читаю газеты, отмѣчаю, что мнѣ кажется интереснымъ, перевожу или дѣлаю извлеченія и отношу къ Лавалу. Такъ какъ англійскія газеты хорошо написа-

ны и часто содержать замѣчательныя мысли, то я исполняю свои обязанности съ удовольствіемъ“ (26 января 1827). Но вскорѣ привычка въ значительной степени облегчила его труды. Уже въ мартѣ 1827 года онъ писалъ: „Начинаю приобрѣтать большую легкость въ занятіяхъ: на что прежде употреблялъ нѣсколько часовъ, то теперь оканчиваю такъ сказать въ одну минуту“ (26 марта 1827). Работа въ канцеляріи была періодическая, два раза въ недѣлю, тотчасъ по полученіи иностранной почты. Александръ Ивановичъ въ письмахъ къ матери жалуется на эту работу *napuskomъ* (*rag boutade*) и находитъ, что она на него оказываетъ вредное дѣйствіе. „Послѣ 8 или 9 дней постоянного труда захочется отдохнуть, а 2—3 дня отдыха располагаютъ къ продолженію, такъ что до новой работы отдаешься лѣни. Надѣюсь скоро перейти къ болѣе правильнымъ занятіямъ“ (20 апрѣля 1828). Но во всякомъ случаѣ служба оставляла много простора и для выѣздовъ въ свѣтъ, и для занятій науками и литературой.

Эта обычная дѣятельность скоро надоѣла Александру Ивановичу: уже съ іюня 1827 года у него запала мысль перейти къ болѣе серьезнымъ занятіямъ, и съ тѣхъ поръ эта мысль не покидала его до полученія новаго назначенія. Весной 1828 года онъ постоянно жалуется въ письмахъ матери, что экспедиція до того ему наскучила, что не можетъ видѣть хладнокровно газеты. „Переводы, извлеченія—вотъ все наше занятіе. Сначала эта работа мнѣ нравилась, ибо дѣйствительно она и пріятна, и полезна; но послѣ 18-мѣсячнаго испытанія позволительно стремиться перейти къ занятіямъ болѣе серьезнымъ“ (8 марта и 2 апрѣля 1828). Это рѣшеніе оставить канцелярію еще болѣе усилилось неудачей по службѣ. Въ концѣ 1827 года Александръ Ивановичъ представленъ былъ къ чину надворнаго совѣтника, но Государь, узнавши, что онъ въ январѣ получилъ назначеніе переводчика, сказалъ: „слишкомъ много двѣ награды въ одинъ годъ“ (10 декабря 1827 г.). Хотя назначеніе переводчикомъ послѣдовало за выслугу лѣтъ, а не въ смыслѣ поощренія по службѣ. Такимъ образомъ, московскій доносъ, о которомъ я говорилъ выше, оказывалъ свое дѣйствіе. Въ доносѣ этомъ не было упомянуто имя Александра Ивановича, такъ какъ онъ въ то время былъ уже на службѣ въ Петербургѣ; но безъ сомнѣнія, тѣсная связь его съ заподозрѣнными москвичами не могла не обнаружиться. Этого было достаточно, чтобы Александръ

Ивановичъ сдѣлался человѣкомъ отмѣченнымъ, „un mauvais homme“. Къ этому присоединилось перехваченное къ нему письмо Кирѣевскаго, который писалъ о необходимости *révolution*,—конечно, въ смыслѣ научномъ и литературномъ, а не политическомъ. Но тогда самое слово „революція“ пугало настолько, что не было мѣста ни для какихъ разъясненій. Булгаковъ передалъ Александру Ивановичу отзывъ о немъ императора Николая Блудову, чтобы послѣдній остерегался Кошелева, какъ „дурнаго человѣка“. Весну 1828 года Александръ Ивановичъ провелъ въ неопредѣленномъ положеніи, отыскивая для себя какое-нибудь другое назначеніе. Болѣе всего ему хотѣлось пристроиться, въ качествѣ дипломатическаго агента, или при адмиралѣ Синявинѣ (20), посланномъ тогда въ Средиземное море. или при главной квартирѣ дѣйствующей арміи въ Турціи. Оба эти плана не осуществились. Дипломатическимъ агентомъ при Синявинѣ остался Авр. С. Норовъ, а при главной квартирѣ дипломатическою частью завѣдывалъ одинъ Дашковъ, которому не удалось взять съ собой даже племянника своего Титова. Александръ Ивановичъ пишетъ матери, что въ 1828 году сопровождать Нессельроде, отправившагося съ Государемъ въ главную квартиру, назначены были гр. Матушевичъ, занимавшійся всѣми серьезными дѣлами въ канцеляріи Нессельроде, Сакенъ, Панинъ, Струве, Строгановъ, Кудрявскій, Годеніусъ и Киселевъ.

Назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто Ланского, гр. Закревскій предлагалъ Кошелеву поступить къ нему по особымъ порученіямъ. Слухи о Закревскомъ, бывшемъ до того генералъ-губернаторомъ въ Финляндіи, были очень благопріятны, и сначала Кошелеву эта перспектива улыбалась. Но потомъ взглядъ его перемѣнился. Поступленіе въ другое министерство безъ соблюденія надлежащей осторожности могло испортить всю карьеру. Если новый министръ не *понравится*,—а ручаться въ этомъ нельзя,—то неудобно будетъ снова вернуться въ министерство иностранныхъ дѣлъ. „Въ службѣ надо большое благоразуміе: другіе могутъ торопиться, а я предпочитаю подвигаться медленно, но вѣрно и осторожно“ (24 апрѣля 1828 г.). Всѣ эти неосуществившіяся планы въ будущемъ заставили наконецъ Александра Ивановича бросить ихъ и успокоиться. „Хотя служба моя до сихъ поръ не двигалась настолько хорошо, насколько я ожидалъ,—я вѣтмъ вовсе не обезкураженъ. Я убѣжденъ, что нуженъ случай,

чтобы заявить свои способности,—и тогда карьера сдѣлана. Надѣюсь на милость Божію и расположеніе нѣкоторыхъ добрыхъ людей. Впрочемъ, я теперь приобрѣлъ значительную опытность: я научился знать людей, и я не новичокъ въ искусствѣ располагать ихъ въ свою пользу. Открытіе этой тайны стѣбитъ года жизни. Теперь я какъ слѣдуетъ примусь за дѣло; я вполне предамся своимъ кабинетнымъ занятіямъ и, въ силу усидчивости (perseverance), я заставлю употребить себя въ службѣ болѣе дѣятельной и воспользоваться моими способностями (talents)“ (28 апрѣля 1828).

Въ началѣ 1829 года Александръ Ивановичъ наконецъ получилъ, это такъ нетерпѣливо ожидаемое имъ, новое назначеніе. Поводомъ къ этому былъ незначительный случай, который Александръ Ивановичъ такъ рассказываетъ въ своихъ „Запискахъ“. Былъ концертъ у гр. Лавала. Александръ Ивановичъ сидѣлъ подлѣ графини Сологубъ (впослѣдствіи Обресковой), а за его стуломъ стоялъ его пріятель Мертваго. Увидѣвши, что гр. Нессельроде стоялъ возлѣ Кошелева, Мертваго довольно громко сказалъ ему: „Кошелевъ, подлѣ стоитъ твой начальникъ, уступи ему свой стулъ“. Кошелевъ, взбѣшенный этими словами, также громко отвѣтилъ: „въ обществѣ у меня нѣтъ начальниковъ; если ты другаго мнѣнія, то принеси для него стулъ“. Повидимому, этотъ отвѣтъ не прошелъ безслѣдно. Вскорѣ послѣ того баронъ Николаи, посланный при Копенгагенскомъ дворѣ, просилъ о назначеніи Кошелева секретаремъ при тамошней миссіи, но гр. Нессельроде не изъявилъ на то согласія („Записки“, стр. 22 и 23). Это показало Александру Ивановичу, что въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ хода онъ не получитъ, и онъ окончательно рѣшилъ оставить экспедицію Лавала. Результатъ, вынесенный изъ этой службы, онъ такъ объяснилъ въ письмѣ къ матери: „Я очень радъ, что попалъ въ экспедицію Лавала, ибо иначе я не могъ бы такъ выработать свой слогъ. Представьте, что каждый день я редактировалъ отъ 4—5 листовъ. Теперь если меня заставятъ составить какую угодно бумагу, я могу смѣло взяться за это дѣло“ (15 іюня 1827 года). Возможность другаго назначенія открылась для Александра Ивановича такимъ образомъ. Князь Одоевскій, бывшій чиновникомъ особыхъ порученій при Блудовѣ, познакомилъ его съ Блудовымъ, занимавшимъ тогда должность главноуправляющаго главнымъ управленіемъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи (²¹), при которомъ состоялъ Вы-

сочайше утвержденный 23 мая 1828 года комитетъ для начертанія проекта устава протестантскихъ церквей въ Россіи. Александръ Ивановичъ командированъ былъ для занятій въ канцеляріи комитета, съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Дѣло, за которое принимался теперь Александръ Ивановичъ, было одно изъ самыхъ важныхъ для Остзейскаго края. Началось оно, повидимому, съ пустаго предлога. Въ 1815 г. петербургскій пасторъ Буле издалъ новое собраніе духовныхъ пѣсенъ для церкви Св. Екатерины. Этотъ сборникъ возбудилъ пререванія въ протестантской средѣ, какъ относительно права изданія сборниковъ, специально назначенныхъ для одной церкви въ городѣ, такъ и относительно самаго своего содержанія. Волненіе между лютеранами разыгралось, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ и дѣло дошло до Государя. Найдено было, что въ сборникѣ допущены были мѣста несогласныя съ Священнымъ Писаніемъ и даже противонаправственныя и соблазнительныя. Пасторъ Буле былъ уволенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ 20 сентября 1819 года, „для производства дѣлъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, а равно для наблюденія за исполненіемъ церковныхъ уставовъ, за согласностію церковныхъ книгъ и ученія съ принятыми въ основаніе правилами и за образомъ жизни и дѣйствіями духовныхъ особъ“, предположено образовать евангелическую государственную генеральную консисторію. Исторія этого вопроса замѣчательна по тому отпору, которое протестантское духовенство предприняло противъ этого дѣла, затормозивавшагося на многіе годы (П. С. З. т. XXXVI, № 27, 896). Мысль объ учрежденіи генеральной консисторіи подала поводъ лютеранамъ опасаться, будто правительство желаетъ обратить ихъ въ православіе и католицизмъ. Поэтому курляндская консисторія и литовско-реформатскій совѣтъ обратились съ жалобами къ главноуправляющему духовными дѣлами, кн. А. И. Голицыну, а лифляндская консисторія—къ самому Государю. Тогда, въ 1820 г., назначенъ былъ петербургскимъ лютеранскимъ епископомъ Сигнеусъ, а попечителю Дерптскаго учебнаго округа кн. Ливену поручено составить проектъ образованія генеральной консисторіи. Въ то же время посланникамъ въ иностранныхъ государствахъ велѣно собрать и доставить епископу Сигнеусу тамошніе протестантскіе духовные уставы. Составленный кн. Ливеномъ проектъ разсматривался въ особой комиссіи, членами которой были епископъ Сигнеусъ, кн. Ливень, сенаторъ

Габлицъ, дѣйств. стат. сов. Тургеневъ и колл. сов. Адеркасъ. Въ комиссіи возникли несогласія и неудовольствія и она разошлась, не достигнувъ никакого результата. Тогда составленіе проекта возложено было на епископа Сигнеуса, который съ этою цѣлью пригласилъ въ Дерптъ представителей лютеранской церкви въ остзейскихъ губерніяхъ. Конференція начертала новый проектъ церковнаго устройства протестантской церкви въ Россіи; но онъ былъ опротестованъ курляндскимъ канцлеромъ Фриксомъ и лифляндскимъ генераль-суперъинтендантомъ. Съ тѣхъ поръ дѣло это затянулось собираніемъ разныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ лютеранская церковь взволнована была появленіемъ разныхъ сектъ: мистиковъ, піетистовъ, сепаратистовъ и вновь образовавшейся секты благочестивыхъ,—и, въ то же время, секты имъ противоположныхъ, раціоналистовъ и натуралистовъ, такъ что лютеране въ польскихъ губерніяхъ и въ Ригѣ начали обращаться въ католичество. Въ 1828 г. епископъ Сигнеусъ и два петербургскихъ пастора подали Государю всеподданнѣйшее прошеніе объ устройствѣ лютеранской церкви и о дарованіи ей устава. Вслѣдствіе того составленъ былъ съ этою цѣлью, подъ предсѣдательствомъ сенатора гр. Тизенгаузена, комитетъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ протестантской церкви. Этому комитету всѣ лютеранскія консисторіи въ остзейскихъ провинціяхъ обязаны были представить полное обзорѣніе принятыхъ въ Россіи узаконеній ихъ церкви. Протестантская церковь въ Россіи руководствовалась главнымъ образомъ литургическимъ постановленіемъ, которое утверждено было, по жалобѣ рижскаго военнаго губернатора, гр. Буксгевдена, въ 1805 г. для Лифляндіи и представляло сводъ изданныхъ для церкви шведскихъ правительственныхъ узаконеній. Положеніе это примѣнено было и къ Курляндіи. Но, сверхъ того, протестантская церковь въ Лифляндіи, Эстляндіи и въ Саратовской губ. придерживалась шведскаго церковнаго устава 1686 г. и другихъ шведскихъ узаконеній, въ Курляндіи — узаконеній бывшихъ герцоговъ курляндскихъ, въ Виленской и литовскихъ губерніяхъ—такъ называемаго диссидентскаго права, утвержденаго королемъ польскимъ Станиславомъ-Августомъ въ 1780 году. Всѣ эти разнородныя учрежденія надлежало свести въ одно цѣлое. Комитетъ открытъ въ 1829 году и въ него приглашенъ былъ изъ Пруссіи померанскій епископъ Ритцль. Въ теченіе 1830 г. комитетъ окончилъ приготовительныя

занятія; планъ редакціи новаго церковнаго устава составленъ былъ самимъ главноуправляющимъ, гр. Д. Н. Блудовымъ, а редакція поручена была профессору права Дерптскаго университета Нейману. Въ 1831 г. Нейманъ окончилъ свой трудъ и комитетъ, при непосредственномъ участіи главноуправляющаго, составилъ уставъ евангелическо-лютеранской церкви, наказъ духовенству и начальствамъ этой церкви и общую литургическую агенду, или правила совершенія богослуженія. Всѣ узаконенія утверждены были и вошли въ законную силу въ 1832 году.

Такимъ образомъ Александръ Ивановичъ поступилъ въ комитетъ въ самомъ разгарѣ его дѣятельности. Комитетъ состоялъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Тизенгаузена, изъ одного епископа (петербургскаго), четырехъ суперъинтендантовъ, четырехъ свѣтскихъ представителей консисторіи и двоихъ членовъ-дѣлопроизводителей: одного для нѣмецкой редакціи—стат. сов. Лерхе и одного для русской—А. И. Кошелева. Комитетъ работалъ двѣ зимы и имѣлъ около сотни засѣданій. Изъ писемъ Александра Ивановича къ матери видно, что въ началѣ января 1829 г. Блудовъ поручилъ Кошелеву съ Одоевскимъ переводъ шведскаго церковнаго кодекса и извлеченія изъ мнѣній различныхъ нѣмецкихъ консисторій. Александръ Ивановичъ рассказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ ходъ дѣлъ въ этомъ комитетѣ и упоминаетъ о сопротивленіи, которое остзейскіе депутаты заявляли противъ предложенія объ учрежденіи въ Петербургѣ генеральной консисторіи для всѣхъ протестантскихъ церквей. Замѣчательно, что протестантское духовенство оказывалось менѣе упорнымъ, чѣмъ свѣтскіе члены консисторіи и особенно ландраты: эстляндскій—Мандель и лифляндскій—Кампенгаузенъ, такъ что нѣкоторые члены свазались больными, когда комитетъ приступилъ въ окончательному разсмотрѣнію проекта устава. Блудовъ и Тизенгаузенъ сильно настаивали на проведеніи въ уставѣ цѣлей и предложеній правительства. И Александру Ивановичу не разъ приходилось крѣпко отстаивать желанія послѣдняго, клонившіяся къ объединенію постановленій для протестантскихъ церквей Имперіи. За свои труды по комитету Александръ Ивановичъ награжденъ былъ чиномъ коллежскаго ассессора.

Кромѣ трудовъ по комитету, Блудовъ поручалъ Александру Ивановичу весьма важныя и весьма секретныя дѣла. Особенно интересовали его бумаги по преобразовательному комитету, гдѣ

Блудовъ и Дашковъ были дѣлопроизводителями ⁽²²⁾. Комитетъ этотъ, учрежденный 6 декабря 1826 года, имѣлъ весьма широкую программу — преобразование всего строя внутренняго управленія въ государствѣ; онъ затрогивалъ всѣ важнѣйшіе вопросы, въ томъ числѣ и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Извѣстно, что труды этого комитета не привели ни къ чему и онъ ограничился разными частными мѣрами, изъ которыхъ важнѣйшими были указы о полюбовноу размѣжеваніи и о составленіи свода законовъ, а равно запрещеніе раздробленія семействъ при продажѣ дворовыхъ людей.

Блудовъ, какъ начальникъ, весьма понравился Александру Ивановичу: письма его къ матери наполнены самыми восторженными ему похвалами, причемъ Кошелевъ особенно указываетъ на значеніе Блудова при дворѣ и благоволеніе къ нему Императора. Кошелевъ помѣстилъ такой же отзывъ о Блудовѣ и въ своихъ „Запискахъ“. По его словамъ, Блудовъ былъ человекъ очень умный, образованный, крайне добрый, вполне доступный и чрезвычайно пріятный въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но характеромъ онъ былъ слабъ и трусливъ. Признакомъ его слабохарактерности было составленіе имъ донесенія слѣдственной комиссіи по дѣлу 14 декабря, что въ особенности ставили ему въ укоръ въ обществѣ. Но Александръ Ивановичъ, въ оправданіе Блудова, говоритъ, что въ этомъ случаѣ онъ уступилъ волѣ Императора и надѣялся смягчить мѣру наказанія для виновныхъ. Кромѣ того, Блудовъ былъ большой и своеобразный „пюристъ“ въ русскомъ слогѣ и потому исправлялъ до смѣшнаго всѣ бумаги, которыя подавались ему къ подписи. Кромѣ Блудова, на своемъ служебномъ поприщѣ Александръ Ивановичъ сошелся съ Д. В. Дашковымъ, которому Блудовъ, по дружбѣ своей съ нимъ, уѣзжая за границу на 3—4 мѣсяца, передалъ исправленіе своихъ обязанностей. Дашковъ вообще, по отзывамъ Александра Ивановича, не отличался дѣятельностью и трудолюбіемъ; напротивъ того, онъ былъ лѣнивъ и дѣла любилъ откладывать до-завтра; но когда необходимо было что сдѣлать, то онъ работалъ и день и ночь безъ устали. Взглядъ его на дѣло былъ свѣтлый и обширный. Дашковъ въ 1829 г. предлагалъ Александру Ивановичу мѣсто столоначальника въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, но онъ отказался.

И однако же, несмотря на серьезность своихъ занятій, на

расположеніе и нравственныя качества начальниковъ, Александръ Ивановичъ вскорѣ оставилъ службу. Александръ Ивановичъ не былъ карьеристомъ; въ письмѣ къ матери онъ самъ говоритъ о себѣ: „благодарю Создателя, одарившаго меня характеромъ *твердымъ и независимымъ*, и на это рассчитываю“ (20 апрѣля 1827 г.). Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ матери Александръ Ивановичъ говоритъ: „Кажется, вы съ нетерпѣніемъ желаете моего повышенія; я также не прочь получить чинъ или отличіе; но отличіе не есть безусловная необходимость для продолженія моей службы. Я убѣжденъ, что чины и кресты придутъ со временемъ, нужно прежде всего положить прочное основаніе, привыкнуть къ труду и сдѣлаться необходимымъ. Мой планъ относительно службы для меня опредѣлился: *терпѣніе, терпѣніе* и еще разъ *терпѣніе*. Пока не встрѣтятся препятствій неодолимыхъ, ничто меня не отвратитъ, и, разъ поступивши на службу, я постараюсь пріобрѣсти средства быть истинно полезнымъ своему отечеству“ (10 января 1828 г.). Мать Александра Ивановича пламенно желала быстрого его повышения, какъ это и естественно было при ея неограниченной нѣжности къ сыну; она и дядя Р. А. Кошелевъ въ особенности заботились о полученіи имъ званія камеръ-юнкера. Это желаніе матери Александръ Ивановичъ называетъ „нѣсколько московскимъ“ и спрашиваетъ: „неужели мы всегда будемъ смотрѣть на службу какъ на средство добывать чины и кресты? Неужели всегда счастье свое будемъ полагать въ томъ, чтобы добиться титула превосходительства и видѣть у себя грудь увѣшанную знаками отличія? Я думалъ, что моя дражайшая маменька, несмотря на живѣйшую нѣжность къ сыну, не имѣетъ пристрастія къ такой суетности и что она прежде всего постарается, чтобъ онъ былъ полезенъ своему отечеству. Я вовсе не презираю ни чиновъ, ни крестовъ; напротивъ, я на нихъ смотрю какъ на нѣчто очень драгоценное, какъ на знакъ царскаго благоволенія и какъ на свидѣтельство, что начальство отдаетъ справедливость усердію подчиненнаго; но никогда я не буду смотрѣть на отличія какъ на принадлежность счастья или несчастья въ моей жизни. Я убѣжденъ въ одномъ, что если кто способенъ работать и дѣйствительно работаетъ, тотъ рано или поздно получить справедливую оцѣнку. Это убѣжденіе было для меня якоремъ моего покоя“ (7 апрѣля 1830 г.). Это написано было менѣ чѣмъ за два мѣсяца пе-

редь отъѣздомъ Александра Ивановича за границу. А не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ Александръ Ивановичъ, въ письмѣ къ матери, говоритъ о своей службѣ уже совершенно въ другомъ тонѣ: „Вы желаете, чтобъ я терпѣніемъ въ концѣ концовъ переборолъ тотъ заколдованный кругъ, который задерживаетъ успѣхи мои по службѣ. Желаніе это трудно исполнить. И однако же восемь лѣтъ я работалъ какъ лошадь,—я надѣялся, что по крайней мѣрѣ отдадутъ справедливость моему усердію; но вижу, что я нахожусь подъ властью рока, во всемъ мнѣ преграждающаго путь. Я несколько не обвиняю въ своихъ неудачахъ начальство. Я знаю, что начальники были ко мнѣ расположены, очень мною довольны, поручаютъ мнѣ дѣла столь же трудныя, какъ и важныя, и пр. Я приписываю мой неуспѣхъ року, преслѣдующему меня со времени поступленія на службу. Единственною цѣлью моихъ трудовъ и надеждъ на службѣ была надежда впоследствии сдѣлаться сколько-нибудь полезнымъ своему Государю. Но вижу, что не могу продолжать далѣе карьеру, гдѣ я не могъ заслужить никакой награды, никакого повышенія и имѣлъ только непріятности и разочарованія. Человѣкъ, который восемь лѣтъ работалъ какъ каторжный, который всегда исполнялъ свои обязанности съ самой добросовѣстной точностью, который въ теченіе всей службы не подвергался никакому нареканію и не заслуживалъ ни малѣйшаго упрека, который не получилъ никакой награды и никогда не пользовался содержаніемъ, можетъ, я думаю, считать себя уплатившимъ долгъ, который лежитъ на всякомъ въ отношеніи къ своему отечеству и имѣетъ право вернуться къ своему домашнему очагу. Вамъ было извѣстно мое пламенное желаніе и твердая рѣшимость служить своему Государю. Чувства мои не перемѣнились; но, отстраняемый постоянными неудачами, непрерывно обманываемый въ своихъ надеждахъ, я не могу устоять противъ испытаній, которымъ конца не видно. Еслибы я имѣлъ малѣйшую надежду побороть окружающій меня заколдованный кругъ, я съ терпѣніемъ дождался бы такъ давно вождѣлѣнной перемѣны; но оставаться на службѣ, не принося никакой пользы, получать только непріятности и разочарованія, разстроивать состояніе, быть причиной огорченія и безпокойства для обожаемой мною матери—это невозможно. Я постараюсь на лонѣ семьи, которая, надѣюсь, со временемъ увеличится, найти счастье, не обрѣтенное

мною на службѣ. Я говорилъ о моемъ намѣреніи Блудову. Онъ уговариваетъ меня еще два мѣсяца потерпѣть; я согласился“.

Главною причиною такой перемѣны взгляда, причемъ выразилось неудовольствіе на всѣхъ и на все, былъ „романъ“,—какъ самъ онъ называетъ,—разыгравшійся въ петербургской жизни Александра Ивановича, о которомъ мы скажемъ впоследствии и который заставилъ его уѣхать за границу. Впоследствии, когда тягость перваго впечатлѣнія ослабѣла и вернулось нормальное состояніе духа, Александръ Ивановичъ, какъ видно изъ переписки его съ кн. Одоевскимъ, не прочь былъ снова вернуться на свою петербургскую службу. 25 февраля 1832 г. Одоевскій писалъ Александру Ивановичу въ Женеву: „на этихъ дняхъ ты долженъ получить,—если уже не получилъ.—отказъ на твою просьбу; ты долженъ пріѣхать сюда или подать въ отставку. Повѣрь мнѣ, что все, что человѣчески было возможно употребить для сего дѣла, было употреблено; впрочемъ замѣтно было, что тебѣ никто не помѣшаетъ снова вступить въ службу по твоемъ выздоровленіи. Совѣтовать тебѣ не могу: какъ бы ни хотѣлось видѣть тебя здѣсь, но лучше тебѣ совершенно закрѣпить твое здоровье, нежели пріѣхать, занемочь и опять проситься. По службѣ ты потеряешь годъ въ отставкѣ—и только“. Александръ Ивановичъ ходатайствовалъ о продолженіи ему заграничнаго отпуска; но вмѣсто того 4 марта того же года онъ получилъ увольненіе. Повидимому, Александръ Ивановичъ своевременно не получилъ о томъ извѣстія. Уже по возвращеніи Кошелева въ Москву. Одоевскій писалъ ему 26 іюля 1832 года въ Москву: „Или ты или я сдѣлались очень безтолковы, или ты не получалъ моихъ писемъ,—не двадцать ли разъ я тебѣ писалъ, что ты въ отставкѣ, но *что тебя примутъ à bras ouverts*“. Между тѣмъ взглядъ Александра Ивановича на служебную карьеру измѣнился. Еще задолго до ходатайства своего о продленіи заграничнаго отпуска, Александръ Ивановичъ 8 (20) ноября 1831 г. писалъ Одоевскому изъ Женевы: „Какъ скоро настанетъ лѣто, я поѣду въ Карлсбадъ и оттуда прямикомъ въ Питеръ. У васъ я не останусь долго въ гостяхъ. Я всегда особенно занимался правами, но теперь рѣшился совершенно посвятить себя судебной части. Постараюсь достать мѣсто въ Москвѣ и буду заниматься какъ своею должностію, такъ и обработываньемъ русскаго права, древняго и новаго. Этотъ родъ жизни представляетъ мнѣ тьму выгодъ

и пріятностей. Въ Питерѣ жить я не могу, — это сверхъ моихъ силъ,—но буду васъ навѣщать. Чѣмъ болѣе я занимаюсь законовѣдѣніемъ, тѣмъ болѣе чувствую, что быть законовѣдцемъ есть мое назначеніе“. Такимъ образомъ, еще за границею, Александръ Ивановичъ рѣшился разстаться съ Петербургомъ и съ дипломатическою карьерой. Въ этомъ случаѣ на его рѣшеніе, безъ сомнѣнія, повлияли занятія его юриспруденціею у знаменитаго Росси въ Женевѣ, о чемъ я скажу подробно въ своемъ мѣстѣ.

Свободное отъ службы время Александръ Ивановичъ посвящалъ обществу и занятіямъ наукою и литературою.

Первый годъ (1827) онъ проводилъ по преимуществу въ родственномъ кругу.

Самымъ важнымъ для него родственникомъ былъ его дядя Родіонъ Александровичъ Кошелевъ, который былъ его попечителемъ послѣ смерти отца, опредѣлилъ его на службу и постоянно, до самой смерти, ему покровительствовалъ. Къ сожалѣнію, ни въ письмахъ, ни въ „Запискахъ“, Александръ Ивановичъ не познакомилъ съ этимъ, въ своемъ родѣ замѣчательнымъ, человѣкомъ. Точныхъ и полныхъ данныхъ о Р. А. Кошелевѣ я не могъ собрать и приходится ограничиваться только намеками. Родіонъ Александровичъ былъ внукомъ генераль-поручика и шталмейстера Иродіона Михайловича, *случайною челоютка* вслѣдствіе женитьбы его на дочери пастора Глюка, у котораго жила Императрица Еватерина I. О службѣ Родіона Александровича извѣстно только изъ „Исторіи лейбъ-гвардіи коннаго полка“ Анненкова (IV, 68), что въ 1769 г. переименованъ онъ въ корнеты изъ вахмистровъ, затѣмъ въ 1777 году изъ поручиковъ уволенъ въ отставку по болѣзни, съ чиномъ ротмистра; а затѣмъ въ царствованіе императора Александра I Кошелевъ является дѣйствительнымъ камергеромъ, предсѣдателемъ комиссіи прошеній, членомъ государственнаго совѣта и оберъ-гофмейстеромъ (въ 1811 году). Въ комиссіи прошеній никакихъ слѣдовъ Родіона Александровича не сохранилось и въ алфавитныхъ спискахъ чиновъ комиссіи, начинающихся съ 1811 г., имени Родіона Александровича не упомянуто. Въ архивѣ государственнаго совѣта сохранилось только Высочайшее повелѣніе объ увольненіи въ 1812 г. оберъ-гофмейстера Кошелева по слабости здоровья, съ сохраненіемъ ему, въ видѣ пенсіи, получаемаго оклада. Изъ списковъ Карабанова видно, что членомъ государствен-

наго совѣта Кошелевъ назначенъ въ 1810 году. Отсюда можно заключить, что собственно служебной дѣятельности Родіонъ Александровичъ не проявилъ. Своимъ высокимъ положеніемъ и расположеніемъ къ нему Императора Кошелевъ обязанъ былъ другому, а именно распространившемуся тогда мистицизму, въ средѣ котораго Кошелевъ занималъ видное мѣсто.—Родіонъ Александровичъ женатъ былъ на Варварѣ Ивановнѣ Плещеевой, сестрѣ извѣстнаго Сергѣя Ивановича Плещеева. Родъ Плещеевыхъ, происходившій отъ боярина Бяконта, отѣхавшаго въ Москву изъ Чернигова при Симеонѣ Гордомъ, принадлежалъ къ числу самыхъ знатныхъ, вліятельныхъ и близкихъ ко двору: бояре Плещеевы занимали важныя должности и ѣзжали послами въ иноземнымъ государямъ. Сергѣй Ивановичъ былъ морякъ и писатель. Плещеевъ издалъ „Обозрѣніе Россійскія имперіи въ нынѣшнемъ ея состояніи“, посвященное императрицѣ Екатеринѣ, выдержавшее 4 изданія (въ 1786, 1787, 1790 и 1793 гг.) и переведенное въ Москвѣ на нѣмецкій языкъ (Ленцомъ) и на французскій (два перевода); это довольно обстоятельная географія Россіи по намѣстничествамъ. Кромѣ того онъ написалъ „Дневныя записки путешествія въ исходѣ 1772 года изъ Архипелагскаго, Россіи принадлежавшаго, острова Пароса въ Сирію и въ достопамятнымъ мѣстамъ, въ предѣлахъ Иерусалима находящихся, съ краткою исторіею Алибеевыхъ завоеваній“ (С.-Пб. 1773 г.—Переведены по-нѣмецки Арендтомъ. Рига, 1778 годъ) и перевелъ съ англійскаго „Путешествіе англійскаго лорда Балтимура изъ Константинополя черезъ Румелію, Болгарію, Молдавію, Польшу, Германію и Францію въ Лондонъ“, изд. 2-е, 1776 и 1778 гг.). Вообще Вейдемейеръ замѣчаетъ, что Плещеевъ съ большою образованностію соединялъ прекрасныя качества души. Фамилія Плещеевыхъ въ то время принадлежала къ числу самыхъ выдающихся. Братъ Сергѣя Ивановича, Михайла Ивановичъ, бывший совѣтникомъ въ Лондонѣ въ 1775 году, избранъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ Вольнаго Россійскаго Собранія любителей русскаго слова при Московскомъ университетѣ и помѣстилъ въ „Трудахъ“ его очень интересныя статьи подъ именемъ Англмана (см. ч. I, лл. 151 и 152, прим. 42). С. И. Плещеевъ также былъ членомъ этого Общества и въ „Трудахъ“ его помѣщалъ свои переводы. Ал. Ал. Плещеевъ въ Москвѣ былъ однимъ изъ членовъ Новиковскаго дружескаго общества и былъ

очень друженъ съ Карамзинымъ: на имя этого Плещеева и жены его, урожденной Протасовой, Карамзинъ писалъ „Письма русскаго путешественника“. Жена Плещеева издала: „Училище бѣдныхъ работниковъ, слугъ, ремесленниковъ и всѣхъ нижняго класса людей“ (Соч. г-жи Ла-Пренсъ де-Бомонъ. пер. съ франц. Наст. Плещеевой. 2 ч. М. 1808 г.); это была одна изъ первыхъ попытокъ дать въ руки грамотныхъ людей назидательное чтеніе и вызвала сочувственный разборъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1808 годъ (см. ч. I, 215 и 216). Сергій Ивановичъ въ качествѣ моряка участвовалъ въ Морейской экспедиціи, а затѣмъ онъ является въ числѣ гатчинскихъ приближенныхъ Павла Петровича, бывшаго наследникомъ престола. Въ 1781 г. Павелъ, бывшій наследникомъ, поѣхалъ за границу и въ свитѣ его находились любимый камергеръ кн. Ал. Б. Куракинъ, игравшій значительную роль въ петербургскомъ масонствѣ, и С. И. Плещеевъ. Существуетъ, между прочимъ, преданіе, что Павелъ Петровичъ, подобно всѣмъ нѣмецкимъ принцамъ того времени, въ Берлинѣ принять былъ въ масонство. Плещеевъ сопровождалъ также Павла Петровича, когда онъ ночью явился изъ Гатчины во дворецъ, въ день смерти императрицы Екатерины. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, Сергій Ивановичъ быстро сталъ возвышаться, сдѣлавъ былъ генераль-майромъ, статсъ-секретаремъ, кавалеромъ Св. Александра Невскаго и умеръ въ 1802 году въ Монпелье, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Сергій Ивановичъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ масоновъ и мистиковъ. Когда и гдѣ поступилъ онъ въ масоны, неизвѣстно; но онъ былъ членомъ розенкрейцеровъ или братій златорозоваго креста не задолго до 1792 года и членомъ Новиковскаго дружескаго общества. Екатерина въ инструкціи Шешковскому вмѣнила ему въ обязанность разъяснить сношенія Новикова съ Плещеевымъ, такъ какъ участіе такого близкаго къ Павлу Петровичу лица скорѣе всего могло навести на подозрѣваемый ею слѣдъ связей московскихъ мартинистовъ съ наследникомъ престола; но Новиковъ отозвался въ этомъ случаѣ незнаніемъ. Плещеевъ не жилъ въ Москвѣ и потому личныя сношенія съ Новиковскимъ кружкомъ едва ли могъ имѣть, но онъ принималъ участіе въ денежныхъ пожертвованіяхъ на филантропическія дѣла общества. Плещеевъ вообще склоненъ былъ къ мистидизму. Онъ значительную часть

времени провелъ за границею и въ 1788 г. поступилъ, во время путешествія по южной Франціи, въ братство, основанное въ Авиньонѣ подъ именемъ „Новаго Израиля“. Братство это въ 1786 г. основано было тамъ графомъ Оаддѣмъ Грабіянко, съ помощью нѣмецкихъ и французскихъ проходимцевъ, и выманивало деньги, обѣщая посвятить своихъ адептовъ въ тайны дѣланія золота и вызванія духовъ. Плещеевъ, по возвращеніи въ Россію, одумался и прекратилъ сношенія свои съ этимъ обществомъ, но Грабіянко пріѣхалъ въ Петербургъ и свое странное и надувательное ученіе распространилъ въ высшихъ сферахъ; вскорѣ онъ былъ уличенъ и умеръ подъ стражею (**). Сестра Серг. Иван. Плещеева, Варвара Ивановна Плещеева (1756—1809), вышедшая замужъ за Родіона Александровича Кошелева, также усердно была предана мистицизму; жена Сергѣя Ивановича, уже бывши вдовой, собирала въ своемъ домѣ многолюдныя собранія мистиковъ и масоновъ, среди которыхъ являлся и Родіонъ Александровичъ, также уже овдовѣвшій; съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ масонскаго братства въ Петербургѣ, съ Лѣнивцевымъ, вдова Плещеева была въ самыхъ искреннихъ сношеніяхъ и Лѣнивцевъ одно время жилъ въ ея домѣ. По всей вѣроятности, Родіонъ Александровичъ обратился въ масонство по вліанію на него С. И. Плещеева; но онъ сдѣлался глубоко убѣжденнымъ и дѣятельнымъ членомъ своего братства. Голицынъ говоритъ о Кошелевѣ, что онъ объѣздилъ большую часть Европы и нѣкогда находился въ связи, болѣе или менѣе тѣсной, со всѣми именитыми ея людьми по благочестію и христіанской мудрости. Кошелевъ знавалъ лично Эквартсгаузена, знаменитаго мистика Сенъ-Мартена, духовидца Сведенборга, Лафатера, а съ нѣкоторыми изъ нихъ даже велъ постоянную переписку. „Онъ иногда,—говоритъ Голицынъ,—удивлялъ меня и даже поражалъ своими смѣлыми и свѣтлыми взглядами на нѣкоторые важные предметы“. Подтверженіе этому извѣстію я нашелъ только одно. Маттеръ (St. Martin, „Sa vie et ses écrits“. P. 1862) рассказываетъ, что С.-Мартенъ, во время путешествія своего въ Лондонъ 1786—1787 г., сошелся съ живущими тамъ русскими и называетъ Зиновьева, двухъ Голицыныхъ, Маскова (?), Скваронскаго, Воронцова, графиню Разумовскую и Кошелева, котораго онъ ставитъ во главѣ. Изъ Лондона С.-Мартенъ поѣхалъ въ Римъ съ кн. Алексѣемъ Голицынымъ, съ которымъ онъ особенно подружился, и

съ какимъ-то Тиманомъ (Thieman). Голицынъ, между прочимъ, выразился, въ разговорѣ съ де Форція, что онъ сталъ человѣкомъ только съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ С.-Мартеномъ. Въ 1788 г. С.-Мартенъ явился уже въ резиденціи герцогини Вюртембергской, матери императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Монбельярѣ. С.-Мартенъ говоритъ объ этомъ путешествіи: „Въ 1788 году я поѣхалъ съ моимъ достойнѣйшимъ другомъ, г. Кошелевымъ, въ Монбельяръ, къ герцогинѣ Вюртембергской, которую я прежде зналъ въ Парижѣ. Она насъ приняла съ такимъ почетомъ, какъ бы Русскаго Наслѣдника, своего зятя. Въ теченіе двухъ дней нашего пребыванія насъ безпрестанно фетировали. Я всю жизнь не забуду завтракъ втроемъ, въ гротѣ, въ замкѣ Этюнь. Я тамъ испыталъ такое чистое чувство и такъ живо былъ растроганъ, что не могъ не заплакать“ (135—143). Изъ этой Монбельярской резиденціи, при помощи герцогини Вюртембергской, открытъ былъ путь въ Гатчину, но Кошелевъ, какъ видно, былъ дальновиденъ, — онъ постарался сойтись съ наслѣдникомъ престола, Александромъ Павловичемъ, и въ его царствованіе сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ членовъ Библейскаго Общества. У Р. А. Кошелева была единственная дочь, замѣчательная по красотѣ и умственному развитію; въ минуту галлюцинацій передъ картиною Рафаеля Менгса, Кошелевъ посвятилъ свою дочь Господу Богу, но потомъ раскаялся. Дочь Кошелева впоследствии умерла, и эта смерть еще глубже затянула его въ мистицизмъ; о смерти дочери Кошелевъ переписывался съ С.-Мартеномъ и „цюрихскимъ мученикомъ“ Лафатеромъ. Кошелевъ обратился въ мистицизмъ кн. А. Н. Голицына; но, повидимому, еще прежде этого обращенія духовныя связи его съ покойнымъ Императоромъ были вѣрпки. Родіонъ Александровичъ въ этомъ случаѣ поддержалъ семейную традицію: зять его способствовалъ обращенію въ мистика имп. Павла Петровича, такое же вліяніе имѣлъ Кошелевъ на имп. Александра I-го. Въ „Запискахъ“ Ю. Н. Бартенева подробно разсказывается эпизодъ знакомства Кошелева съ кн. Голицынымъ: „Молодость князя Голицына была бурная: по выходѣ его на свободу изъ строгаго и религіозно-обрядоваго родительскаго дома, страсти взяли волю, расцѣпаніе, сластолюбіе, чувственность—все закружило и проникало князя. Религія, отменявшая все это, сдѣлалась ему ненавистною; князь не вѣрилъ безсмертію и ожидаемое имъ ничтожество обязывало его еще глубже

предаваться услажденіямъ чувствъ“. По образцу тогдашнихъ вольнодумцевъ, князь кощунствовалъ такъ усердно, что однажды за столомъ, бывши уже оберъ-прокуроромъ, позволилъ себѣ настолько дерзкія выраженія насчетъ религіи, что привелъ въ смущеніе вн. Тюфякина, составившаго себѣ репутацію моднымъ салоннымъ богохульствомъ. „Воздѣйствія его на покойнаго Александра,—говоритъ Бартеневъ,— были далеко не въ пользу религіи“. И вотъ этотъ „опасный, но любезный безбожникъ“ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Кн. Голицынъ признаетъ самъ, что усердныя и добросовѣстныя занятія дѣлами синода направили его въ сторону религіи. Когда Сперанскій внесъ въ государственный совѣтъ проектъ закона о брачныхъ дѣлахъ, по которому бракъ получалъ значеніе чисто-гражданскаго союза и бразоразводныя дѣла переходили къ обыкновеннымъ присутственнымъ мѣстамъ, вн. Голицынъ въ первый разъ выступилъ въ совѣтѣ такимъ жаркимъ защитникомъ существующаго порядка, съ точки зрѣнія православной религіи и каноническаго права, что изумилъ Государя, предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ. Послѣ засѣданія къ Голицыну подошелъ Кошелевъ и, выразивши свое одобреніе по поводу сказанной рѣчи, изъявилъ желаніе познакомиться. Съ тѣхъ поръ Кошелевъ и Голицынъ часто видались другъ съ другомъ и, несмотря на разность лѣтъ (Кошелевъ 17 или 18 годами былъ старше Голицына), несмотря на его „какую-то чинность и степень“, между обоими возникла неразрывная пріязнь, такъ что, во время службы Александра Ивановича, когда Кошелевъ былъ слѣпъ и находился уже не у дѣлъ, вн. Голицынъ былъ ежедневнымъ его собесѣдникомъ. Интересенъ способъ, которымъ Кошелевъ постарался затянуть Голицына въ мистицизмъ. Прежде всего онъ познакомилъ его съ Лѣвницевымъ, о которомъ мы уже говорили, а затѣмъ ввелъ его въ домъ вдовы С. И. Плещеева. У Плещеевой, какъ мы видѣли, жилъ Лѣвницевъ и собирался кружокъ, гдѣ происходили чтенія мистическихъ книгъ; Голицынъ попалъ съ перваго разу на „трактатъ о жертвахъ“ извѣстной духовидицы дѣвицы Бруинъ, которая, нѣкогда бывъ другомъ герцогини Бурбонской, считалась главою малочисленнаго, но весьма таинственнаго во Франціи общества такъ-называемыхъ жертвъ, или умиротворительницъ правосуднаго гнѣва Божія. Въ этомъ сочиненіи, кромѣ глубины самаго сокровеннаго мистицизма, сочини-

тельница описывала свои видѣнія, по большей части эмблематическаго свойства“. Голицынъ сначала не понималъ и находился въ недоумѣніи но, наконецъ, „вдругъ и нечаянно, — говоритъ онъ,—къ величайшему и радостному моему изумленію, прорвалась завѣса моего сомнѣвающагося незнанія“. Голицынъ нечувствительно для самого себя обратился въ мистицизмъ и направилъ свою ревность на императора Александра. Сблизившись между собой, Кошелевъ и Голицынъ повели вмѣстѣ дѣло обращенія въ мистицизмъ императора Александра и съ этою цѣлью во дворецъ введенъ былъ Голицынымъ и Лѣвигцевъ. Бартенева, въ одномъ мѣстѣ своихъ „Записокъ“, упоминаетъ, что Государь *по три вечера* рассказывалъ Кошелеву *le système providentiel* избавленія Россіи отъ французовъ.—Кошелевъ былъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ императоромъ Александромъ. Изъ семейныхъ преданій извѣстно, что императоръ Александръ бывалъ запросто у Кошелева и во время припадковъ его болѣзни принимаемъ былъ совершенно безцеремонно. Изъ „Записокъ“ Бартенева видно, что Кошелевъ и кн. А. Н. Голицынъ ревниво дѣлили между собою вліяніе на императора Александра: въ „Запискахъ“ упоминается кратко „неудовольствіе Кошелева на князя, какихъ мыслей былъ Кошелевъ о Государѣ и какою метода его дѣйствованія, неудовольствіе князя на Кошелева“ („Рус. Арх.“ 1886, № 7, стр. 318). Однимъ изъ поводовъ въ подобнаго рода неудовольствіямъ Бартенева выставляетъ, что Кошелевъ далъ Государю масонскую книгу „Ксанфію“, которою Государь остался очень доволенъ и передалъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Любопытна представленная въ письмахъ Александра Ивановича характеристика кн. А. Н. Голицына—одного изъ выдающихся дѣятелей Александровской эпохи: „Князь Голицынъ много общается, но вичего не дѣлаетъ: это—эгоистъ, какихъ мало. Разговаривая съ вами, онъ очаровываетъ любезностію, кажется дѣло совсѣмъ улажено и онъ за васъ стоитъ и сердцемъ, и душой, но глупъ, это этому поддается“ (19 янв. 1827). Мнѣніе это Александромъ Ивановичемъ измѣнено было при кончинѣ своего дяди, — такъ его поразила скорбь князя объ утратѣ друга: „Право, нельзя безъ сожалѣнія видѣть князя. Скорбь матери, потерявшей единственное дитя, едва можетъ сравниться съ его горемъ. Представьте, потерять въ эти годы человѣка, съ которымъ онъ привыкъ проводить почти всѣ часы

дня, отъ котораго у него не было тайной мысли, котораго онъ любилъ самой безкорыстною любовью. Я съ ужасомъ смотрю на подобное положеніе: ему придется снова привыкать, затаить въ себѣ, что привыкъ повѣрять сердцу друга, вѣрнаго во всякомъ испытаніи, и жить одинокому среди общества равнодушнаго. Одна религія, которою онъ проникнуть, можетъ облегчать крестъ, на него возложенный. Я иногда съ уваженіемъ смотрю на лицо Голицына: такое выраженіе самой глубокой скорби и вмѣстѣ столько кротости, столько надежды, что, право, позавидуешь его горю“. (28 ноября 1827). Но Александръ Ивановичъ скоро вернулся къ прежнему мнѣнію о Голицынѣ. Въ письмѣ отъ 24 февраля 1828 г. онъ говоритъ: „я знаю этого человѣка: *il est faux, comme un jeton* (фальшивъ, какъ жетонъ). Онъ ужъ забылъ о дядѣ; у него уже явилось нѣсколько человѣкъ, которые кормятъ его обѣдами и замѣнили для него дядю“. Такой отзывъ нисколько не удивителенъ и не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго. Юрій Никитичъ Бартенева имѣлъ свой, понятный, расчетъ ставить на пьедесталъ своего покровителя, которому онъ былъ обязанъ всѣмъ — и служебнымъ, и общественнымъ своимъ положеніемъ, и даже состояніемъ. Въ письмѣ его къ Голицыну („Рус. Арх.“ 1886, № 10, стр. 129—132) ярко обозначается характеръ ихъ отношеній: первую пору своего знакомства съ княземъ самъ Бартенева называетъ „временемъ шарканья и поклоновъ“, за что онъ „иногда уловлялъ бѣглый взоръ или одобрительную для себя улыбку его сіятельства, иногда даже нѣсколько односложныхъ очередныхъ словъ выкидывалось на лету“. Но и среди восторженныхъ похвалъ, несмотря на очевидное желаніе вознести покровителя на пьедесталъ недосягаемаго совершенства, у самого Бартенева попадаются выраженія вполне подтверждающія отзывъ Александра Ивановича о князѣ Голицынѣ: „Буйство любленія,—говоритъ Бартенева,—столь сладкое для сердца, столь его чарующее по своей безотчетности, князю мало извѣстно,—форма и метода суть любимые девизы въ князевыхъ прикосновеніяхъ съ людьми“ (№ 5, стр. 56). При этомъ Бартенева приводилъ,—конечно, не соглашаясь съ ними,—общіе отзывы о князѣ, что нѣкоторая теплота его есть просто слѣдствіе однажды взятой имъ привычки, что остуда или равнодушіе ко всему и ко всѣмъ есть неизбѣжная для него принадлежность. Эта безсердечность и апатія, соединенныя съ нравственною пустотой

и отсутствіемъ всякаго серьезнаго образованія, объясняютъ, почему Голицынъ, подъ вліяніемъ Стурдзы и Магницкаго, сдѣлался усерднымъ гонителемъ просвѣщенія, во имя непонятой имъ и ложно усвоенной идеи христіанскаго вѣроученія. Но извѣстныя хорошія стороны были и въ кн. А. Н. Голицынѣ. А. О. Смирнова, конечно близко его знавшая, по случаю его смерти замѣчаетъ: „Онъ былъ честный и добрый человѣкъ; имѣнье все роздалъ бѣднымъ: послѣ него ничего не нашлось для племянниковъ; они, впрочемъ, и не нуждаются („Рус. Стар.“ 1888, X, 144). Прибавлю къ этому, что кн. А. Н. Голицынъ держалъ возлѣ себя по нѣскольку домашнихъ друзей-прихлебателей, составившихъ на его счетъ болѣе или менѣе значительное состояніе, въ родѣ Ю. Н. Бартенева, кн. Ѳ. Д. Козловскаго и другихъ (24).

Кошелевъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ обращенію въ мистицизмъ Александра Ивановича: старикъ, съ обычною прозорливостію, не подмѣчалъ въ молодомъ человѣкѣ съ яснымъ практическимъ умомъ обѣтованной почвы для таинственной глубины мистическаго созерцанія. Р. А. Кошелевъ, при всемъ своемъ родственномъ расположеніи къ племяннику, держалъ его вдалекѣ, ограничиваясь приглашеніемъ къ обѣду въ назначенные дни, и не посвящалъ его въ свои обычные занятія, такъ что ни въ „Запискахъ“ Александра Ивановича, ни въ письмахъ Кошелева къ матери нѣтъ ни малѣйшаго намека о томъ, что происходило въ мистическомъ кружкѣ его дяди. Голицыну Александръ Ивановичъ былъ представленъ дядею, но все знакомство ограничивалось посѣщеніемъ по воскресеньямъ его домовою церкви, причемъ послѣ обѣдни у Голицына происходилъ обычный *общій* приѣмъ. Послѣ смерти дяди, 26 сентября 1827 года, Александръ Ивановичъ писалъ матери: „всѣ родные потеряли въ немъ вѣрную поддержку просвѣщеннаго совѣтника и человѣка совершенно благонамѣреннаго. Для всей родни онъ былъ центромъ соединенія; теперь мы можемъ сказать, что у насъ здѣсь болѣе нѣтъ родныхъ. Если другіе потеряли много, то моя потеря незамѣнима. Онъ полюбилъ меня какъ сына и я не думалъ, что я могу съ своей стороны такъ привязаться къ человѣку старому. Смерть его оставила большую пустоту въ моемъ сердцѣ; я любилъ его съ сыновнею нѣжностію; я шагу не дѣлалъ, я почти слова не произносилъ, предварительно съ нимъ не посовѣтовавшись. А теперь я долженъ здѣсь дѣй-

ствовать на свой страхъ. Опытность дяди многое представляла миѣ съ другой точки зрѣнія“ (30 ноября 1827 г.). При жизни дяди Александръ Ивановичъ все время обѣдалъ у него по воскресеньямъ и четвергамъ и изрѣдка бывалъ вечеромъ, когда дядя за нимъ присылалъ и служебныя обязанности не задерживали Александра Ивановича. У дяди Александръ Ивановичъ познакомился со Сперанскимъ, Кочубеемъ и многими другими административными знаменитостями.

Въ ноябрѣ 1826 г. пріѣхалъ другой родственникъ Александра Ивановича—Аврамъ Сергѣевичъ Норовъ (1795—1869). Норовъ, послѣ домашняго приготовленія, поступилъ въ Университетскій благородный пансіонъ, но не окончилъ тамъ курса. Свое образование онъ дополнилъ впоследствии самъ съ большимъ усердіемъ и выучился, кромѣ французскаго и нѣмецкаго, языкамъ: англійскому, итальянскому, испанскому, латинскому, греческому и еврейскому. Въ 1810 г. Норовъ прапорщикомъ поступилъ въ артиллерию, подъ Бородиномъ ему раздробило ногу картечью и онъ попалъ въ плѣнъ. Живя въ отставкѣ и занимаясь наукою и литературой, Норовъ, по обычаю того времени, выступилъ на стихотворное поприще. Прежде всего въ 1818 году въ журналѣ Измайлова „Благонамѣренный“ появились отрывки дидактической поэмы его объ астрономіи; потомъ стихотворенія его печатались въ разныхъ журналахъ двадцатыхъ годовъ: „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія“, „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“, „Вѣстникѣ Европы“ и „Сынѣ Отечества“, въ альманахѣ Ранча „Сѣверная Лира“ и кн. Одоевскаго „Мнемозина“. Аврамъ Сергѣевичъ не ограничивался, какъ братъ его Александръ Сергѣевичъ, стихотворными бездѣлками, посланіями къ друзьямъ и переводами изъ Мильвуа и Ламартина: онъ печаталъ отрывки изъ дидактической поэмы „Астрономія“, переводилъ изъ „Ада“ Данте, Петрарки, Франческо-Римини и пр. Но и Аврамъ Сергѣевичъ былъ такъ же мало поэтъ, какъ и его братъ,—стихи его не отличались ничѣмъ отъ тогдашняго обыкновеннаго уровня и не показывали въ немъ ни малѣйшаго таланта. По выздоровленіи Норовъ снова поступилъ въ военную службу, но въ 1823 г. вышелъ съ чиномъ полковника и перешелъ въ гражданскую. Въ это время онъ предпринялъ заграничное путешествіе въ Германію, Францію и преимущественно въ Италію и Сицилію, и въ 1822 г.

издалъ свое „Путешествіе по Сициліи“ (2 ч.)—первый его серьезный литературный трудъ. Въ 1827 году Норовъ былъ определенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и именно въ это время, когда онъ пріѣхалъ искать службы въ ноябрѣ 1826 года, Норовъ встрѣтился съ Александромъ Ивановичемъ. Съ самаго пріѣзда въ Петербургъ Норовъ былъ самымъ близкимъ товарищемъ Кошелева; они видались почти ежедневно до поѣздки Норова въ 1827 году, въ качествѣ дипломатическаго агента, съ адмираломъ Синявинымъ, начальникомъ нашей эскадры на Балтійскомъ морѣ. Кошелевъ и Норовъ жили вмѣстѣ; въ обществѣ ихъ называли *неразлучными* (*inséparables*). Въ письмахъ къ матери, Кошелевъ передаетъ о близкихъ отношеніяхъ Норова къ адмиралу Синявину и о начальнической снисходительности послѣдняго. Такъ, по возвращеніи эскадры изъ перваго плаванія, Норовъ долго зажилъ за границу. Александръ Ивановичъ очень боялся послѣдствій за Норова, но Синявинъ посмотрѣлъ на это очень благосклонно и взялъ Норова съ собою на второе плаваніе. По зимамъ, когда эскадра возвращалась, Норовъ проживалъ въ Петербургѣ, а въ 1830 году онъ возвратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ и составилъ, по предложенію гр. Закревскаго, „Записку о составѣ и занятіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ самаго его основанія (1802)“; но записка эта утратилась, такъ что Варадиновъ при составленіи своей „Исторіи“ не могъ ее отыскать. Въ 1849 г. Норовъ, послѣ службы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ комиссіи прошеній, назначенъ былъ сенаторомъ, въ 1850 г.—товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, въ 1854 г.—министромъ и въ 1858 г. уволенъ, съ поступленіемъ въ члены государственнаго совѣта. Главнымъ дѣломъ въ жизни Аврама Сергѣевича Норова были его путешествія. Въ 1834 г. Норовъ въ теченіе двухъ лѣтъ совершилъ путешествіе по Палестинѣ и Малой Азіи и въ 1838 г. издалъ свое „Путешествіе ко святымъ мѣстамъ“, доставившее ему литературную извѣстность не только у насъ, но и въ Германіи; въ видѣ продолженія Норовъ издалъ сочиненіе о „Семи церхвахъ“. Послѣ перваго своего путешествія Норовъ посѣтилъ Египетъ и совершилъ путешествіе вверхъ по Нилу до большихъ его пороговъ; въ 1840 году онъ издалъ „Путешествіе по Египту и Нубіи“. Въ 1861 г. Норовъ снова посѣтилъ Палестину и Синай⁽²⁵⁾. Въ 1830 г., когда

Александръ Ивановичъ вышелъ въ отставку и оставилъ Петербургъ, личныя сношенія его съ Ав. С. Норовымъ прекратились, но пріятельская связь между ними не прекращалась, хотя она мало приносила существенной пользы. Норовъ былъ министромъ просвѣщенія, когда издавалась „Русская Бесѣда“, и, по выраженіи Кирѣевскаго, „робкая дружба“ Норова не спасла отъ преслѣдованій со стороны цензуры. Изъ письма Александра Ивановича къ А. Н. Попову (2 апрѣля 1856 года) видно, что по поводу одной статьи Хомякова, отосланной на просмотръ въ Петербургъ, онъ получилъ 31 марта письмо отъ Норова съ разными извиненіями и съ заявленіемъ, что статьи Хомякова переданы имъ въ главное цензурное управленіе. „Въ тотъ же день, — прибавлялъ Кошелевъ, — я отвѣчалъ Абраму Сергѣевичу, доказывая ему крайнюю необходимость пропуска этой статьи и прося его ускорить разрѣшеніе по возможности“. Просьба Александра Ивановича, повидимому, не имѣла успѣха, такъ какъ въ „Русской Бесѣдѣ“, во все время министерства Норова, кромѣ стихотвореній, никакой серьезной статьи Хомякова не появлялось.

Изъ другихъ родственниковъ Александръ Ивановичъ бывалъ у тогдашняго военнаго министра гр. Татищева, у Хитрова, впоследствии назначеннаго государственнымъ контролеромъ, у Загряжскихъ, графини Коновницыной, Нарышкиныхъ. Но родственное общество, повидимому, мало интересовало Александра Ивановича. На другой же мѣсяцъ послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ Александръ Ивановичъ писалъ матери: „Выѣзды мои сдѣлались рѣже. Причиною тому отчасти занятія, отчасти скука, какую всюду встрѣчаешь. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни одного дома, къ которому чувствовалось бы влеченіе: ѣдешь по обязанности, а не по охотѣ. Въ Москвѣ нельзя себя вообразить, какая скука царствуетъ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ. Тамъ все такъ рассчитано, такъ направлено, что ни одного слова не скажется попросту“ (26 ноября 1826 г.).

На-ряду съ родственнымъ кружкомъ, во все время петербургской службы Александра Ивановича на первомъ планѣ стояли его московскія связи. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть кн. Одоевскаго и Титова. Оба они почти одновременно съ Александромъ Ивановичемъ перешли на службу въ Петербургъ. Послѣ перваго года пребыванія своего въ Петербургѣ Александръ Ива-

новичъ писалъ къ матери: „Видимся съ вн. Одоевскимъ при всякой возможности; только съ нимъ и съ Титовымъ отводишь душу“ (5 ноября 1827 года). Послѣ того онъ часто поминаетъ въ своихъ письмахъ, что не пропускаетъ случая видѣться съ Одоевскимъ, и не разъ заявляетъ, что нигдѣ не проводитъ такъ весело время въ Петербургѣ, какъ въ домѣ послѣдняго. Недѣльные петербургскіе вечера у Одоевскаго описаны совершенно согласно у Погодина и Панаева (рѣчь Погодина въ засѣданіи Общества любителей русской словесности 13 апрѣля 1869 г. Москва, 1869 г., стр. 56 и слѣд.). „Это было оригинальное сборище, — говоритъ Погодинъ, — людей разнородныхъ, часто даже между собой непріязненныхъ, но почему-либо замѣчательныхъ. Здѣсь сходились веселый Пушкинъ и отецъ Іакинфъ съ китайскими, съузвившимися глазками, толстый путешественникъ, тяжелый нѣмецъ, баронъ Шиллингъ, воротившійся изъ Сибири, и живая, миловидная гр. Растопчина, Глинка и профессоръ химіи Гессъ, Лермонтовъ и неуклюжій, но многознающій археологъ Сахаровъ. Крыловъ, Жуковский и Вяземскій были постоянными посѣтителями. Здѣсь же впервые явился на сцену большаго свѣта Гоголь, встрѣченный Одоевскимъ на первыхъ же порахъ съ дружескимъ участіемъ. Страсть къ музыкѣ продолжалась у Одоевскаго и въ Петербургѣ. Глинка былъ самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ, въ его гостиной собирались любители и музыканты—гр. М. Ю. Вьельгорскій, Даргомижскій, послѣ Сѣровъ. „Жизнь за Царя“ и „Русланъ“ разыграны были въ его кабинетѣ“. Панаевъ также отдастъ справедливость Одоевскому въ томъ, что онъ принималъ каждаго литератора и ученаго съ искреннимъ уваженіемъ и протягивалъ дружно руку всѣмъ выступающимъ на литературное поприще, безъ различія сословій и званій. Одоевскій желалъ все обобщить, всѣхъ сблизить, и радушно открылъ двери свои для всѣхъ литераторовъ. Онъ хотѣлъ показать своимъ свѣтскимъ пріятелямъ, что кромѣ избранныхъ, посѣщающихъ салонъ Карамзиной, въ Россіи существуетъ еще цѣлый классъ людей, занимающихся литературой. Одинъ изъ всѣхъ литераторовъ-аристократовъ, онъ не стыдился званія литератора, не боялся смѣшиваться открыто съ литературною толпой и за свою страсть къ литературѣ терпѣливо сносилъ насмѣшки своихъ пріятелей. „Свѣтскіе люди на вечерахъ Одоевскаго обыкновенно окружали хозяйку дома, которая разливала чай въ салонѣ, а литераторы были бит-

комъ набиты въ тѣсномъ кабинетѣ хозяина, заставленномъ столами различныхъ формъ и заваленномъ книгами, — боясь заглянуть въ салонъ. Цѣлая бездна раздѣляла этотъ салонъ отъ кабинета“ (Панаевъ, „Литерат. воспоминанія“, стр. 116). Александръ Ивановичъ, повидимому, принадлежалъ тамъ къ числу *сѣтскихъ модей*. Онъ пишетъ матери: „Вечера у Одоевскаго, конечно, пріятны, потому что на нихъ предсѣдательствуетъ княгиня. Разговоры на этихъ вечерахъ самые невинные: говорятъ о прочтенныхъ книгахъ, о вновь пріобрѣтенныхъ познаніяхъ и пр. Правду сказать, маменька, это единственное общество, въ которому у меня душа лежитъ. Здѣсь я убѣжденъ, что всякій принимаетъ меня съ распростертыми объятіями и говорить можно просто, не боясь за каждое слово. Что касается до большаго свѣта, то я знаю, что туда надо являться, и мое положеніе (ma détermination) заставляетъ жертвовать удовольствіемъ обязанности“ (31 апрѣля 1827 года). Изъ писемъ къ матери видно, что Александръ Ивановичъ познакомился у вн. Одоевскаго съ *Велланскимъ* и слушалъ публичный курсъ въ 1830 году. Кошелевъ пишетъ о немъ матери: „Велланскій очень простъ въ обращеніи и очень любитъ, когда къ нему обращаются молодые люди. Онъ очень сочувствуетъ молодости и предсказываетъ ей очень лестное будущее“ (15 марта 1827 г.).

Изъ другихъ москвичей, Веневитиновъ, какъ мы уже видѣли, вскорѣ заболѣлъ и скончался; у его постели Александръ Ивановичъ возобновилъ свое знакомство съ А. Ст. Хомяковымъ. Александръ Ивановичъ въ Петербургѣ бывалъ и у Жуковскаго, котораго онъ особенно любилъ и который къ нему былъ очень расположенъ, — вѣроятно, по рекомендаціи Авд. Петр. Елагинной. Чистота его души и ясность его ума сильно къ нему привязывали. По вечерамъ онъ встрѣчалъ у него Крылова, Пушкина, бар. Дельвига и др.; бесѣды были замѣчательны по простотѣ и сердечности. Пушкина Александръ Ивановичъ зналъ довольно коротко и бывалъ у него, но они не сблизились. Изъ писемъ А. С. Норова видно, что Александръ Ивановичъ видался съ поэтомъ Козловымъ, но самъ онъ объ этомъ ничего не говоритъ. Александръ Ивановичъ еще болѣе сблизился съ Жуковскимъ въ Баденъ-Баденѣ, (зимой 1850—1851 года), но объ этомъ мы расскажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, домъ его начальника, графа Лаваль, былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ для Александра Ивановича и онъ сдѣлался тамъ

домашнимъ человѣкомъ. Графиня Лаваль принадлежала къ числу свѣтскихъ любительницъ просвѣщенія. Она говорила, что предпочитаетъ общество ученыхъ и литераторовъ баламъ и большимъ собраніямъ. Александръ Ивановичъ не безъ ироніи замѣчаетъ въ своихъ письмахъ къ матери, что онъ считалъ полезнымъ ее въ этомъ поддерживать. Поэтому въ гостиной графини Лаваль иногда являлись литературныя знаменитости. Такъ, на вечерѣ 21 мая 1828 года Пушкинъ читалъ своего „Бориса Годунова“. Любопытно въ письмѣ къ матери описаніе впечатлѣнія, которое это чтеніе сдѣлало на самого Александра Ивановича и на присутствующихъ: „Начало пьесы превосходно. Это—сцена, гдѣ весь народъ въ Москвѣ, патріархъ, духовенство и бояре умоляютъ Годунова принять корону. Сцена эта превзошла всѣ ожиданія. Продолженіе трагедіи и въ особенности первое и второе дѣйствія произвели большое впечатлѣніе. Монологъ Бориса, сцена придворныхъ, разговоръ Лжедмитрія съ монахомъ, переходъ русской границы поляками, смерть Годунова, безъ сомнѣнія, образцовыя произведенія (chefs d'oeuvres), которыя мы можемъ смѣло противопоставить всему, что представляютъ лучшаго иностранныя театры. Жаль, что въ цѣломъ нѣтъ такого совершенства, какъ въ частяхъ. Пьеса лишена преобладающей страсти; интересъ двоятъ между Борисомъ и Отрепьевымъ; развязка тоже не удалась. Несмотря на эти недостатки, Пушкину принадлежитъ слава созданія драмы, которою всегда будетъ гордиться Россія и которая, — въ случаѣ перевода на иностранныя языки, — откроетъ національный духъ нашего отечества“ (21 мая 1828 г.). Интересно сопоставить эффектъ этого велико-свѣтскаго чтенія съ чтеніемъ самимъ Пушкинымъ того же „Бориса Годунова“ 12 октября 1826 г. въ Москвѣ, въ домѣ Веневитинова, предъ кружкомъ, къ которому принадлежалъ Александръ Ивановичъ (Хомяковъ, Шевыревъ, Кирѣевскіе, Рожалинъ и др.), какъ о томъ рассказываетъ М. П. Погодинъ („Рус. Арх.“ 1865 г., № 1, стр. 95 и слѣд.). „Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григорьемъ всѣхъ ошеломила. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ инокъ—„да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной“, мы просто всѣ какъ будто обезпамятовали. Кого бросало въ

жарь, кого въ ознобъ. Волосы подымались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочить съ мѣста, кто вскрикнеть; то молчаніе, то взрывъ восклицаній. Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія...“ Въ 1829 году графиня Лаваль дала два литературныхъ обѣда; на одномъ изъ нихъ гр. Коссаковскій читалъ свою, какъ выражается Александръ Ивановичъ, прекрасную комедію, а на другомъ импровизировалъ Мицкевичъ“ (2 марта 1829 г.). За обѣдомъ въ этомъ же домѣ Александръ Ивановичъ встрѣтился съ Грибоѣдовымъ. Онъ пишетъ о немъ матери: „Я познакомился съ Грибоѣдовымъ. Какой прекрасный человѣкъ, хотя нѣсколько оригинальный: кто ему не нравится, онъ не скрываетъ; но за то онъ совсѣмъ не петербуржецъ относительно тѣхъ, къ кому онъ чувствуетъ расположение. Я его разъ видѣлъ у кн. Одоевскаго; я ограничился совершенно равнодушнымъ поклономъ, но онъ подошелъ ко мнѣ и наговорилъ мнѣ кучу любезностей“ (31 марта 1827 года).

Въ 1827 году, отчасти по совѣту дади, отчасти по собственному влеченію, Александръ Ивановичъ расширилъ кругъ своего знакомства. Онъ познакомился со старухой Архаровой, вдовой Ивана Петровича Архарова. И. П. Архаровъ, — братъ Н. П. Архарова, с.-петербургскаго ген.-губернатора и намѣстника тверскаго и новгородскаго, — участвовалъ въ Морейской экспедиціи и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ гр. Орловыми. Въ 1796 г., при вступленіи на престолъ императора Павла, И. П. Архаровъ получилъ званіе московскаго военнаго губернатора, орденъ Св. Александра Невскаго, 1.000 душъ и 8-баталліонный полкъ, названный Архаровскимъ, сдѣлавшійся синонимомъ разбоя и грабежа — „архаровцы“. Потомъ, вслѣдствіе вражды съ кн. Куракинымъ, оба Архаровы высланы были изъ Петербурга, съ повелѣніемъ жить въ тамбовскихъ деревняхъ. Гречъ въ своихъ „Запискахъ“ отзывается очень сурово о Николаѣ Петровичѣ Архаровѣ, котораго называетъ однимъ изъ изверговъ, лишающихъ государей любви и довѣренности народной, наравнѣ съ Бирономъ и Аракчеевымъ, и прибавляетъ, что съ нимъ не должно смѣшивать брата его, Ивана Петровича. Послѣдній былъ человѣкъ добрый и благородный. Въ 1800 г., не задолго до кончины императора Павла, Архаровы были возвращены и поселились въ Москвѣ, гдѣ приобрѣли извѣстность

своимъ радушіемъ и хлѣбосољствомъ, въ особенности Иванъ Петровичъ, дававшій большіе праздники въ своей подмосковной—Иславскомъ. И. П. Архаровъ умеръ въ Петербургѣ въ февралѣ 1815 году и вдова его осталась тамъ на житье. Архарова представляла остатокъ екатерининскихъ временъ, типъ въ родѣ Хлестовой, умной, но рѣзкой на языкъ, сплетницы и картежницы: ее посѣщала сама Императрица; къ ней, по заведенному обычаю, являлись на поклонъ высшіе сановники, обыкновенно осаждаемые ея ходатайствами, и молодые люди, такъ какъ Архарова любила имъ покровительствовать. Архарова, по понятному чувству, выведена слѣшкомъ идеализированною въ „Запискахъ“ внука ея, гр. Сологубъ, помѣщенныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1886 годъ. Я помѣстилъ портретъ ея по воспоминаніямъ моего отца, не имѣвшаго никакого интереса изображать ее намѣренно въ карикатурѣ. Дѣдъ мой, суворовскій полковникъ, былъ большимъ пріятелемъ Ив. Петр. Архарова; по этой старой памяти, старуха Архарова очень благосклонна была къ моему отцу и опредѣлила его въ штатскую службу, по выходѣ изъ гвардіи въ 1827 году, т.-е. именно въ то время, когда познакомился съ Архаровою Александръ Ивановичъ. Его рассказы совершенно сходятся съ описаніемъ моего отца. Александръ Ивановичъ въ письмѣ къ матери отъ 17 декабря 1827 года писалъ, что Архарова послѣ смерти его дяди вздумала заступить его мѣсто и начала спрашивать его брата Норова обо всемъ, что они дѣлаютъ. Александръ Ивановичъ постарался сейчасъ же круто отдѣлаться отъ этой опеки и прибавляетъ: „чтобы помириться съ этой нелѣпой старухой, завтра поѣду ѣсть ея скверный обѣдъ“.

Въ февралѣ 1827 года Авр. Сер. Норовъ представилъ Александра Ивановича въ домѣ К. Я. Булгакова, а въ ноябрѣ онъ представленъ былъ гр. Гурьевой, тещѣ гр. Нессельроде. Братья Александръ и Константинъ Яковлевичи Булгаковы, сыновья извѣстнаго нашего посла въ Турціи, заключеннаго въ семибашенный замокъ, одного изъ первыхъ студентовъ Московскаго университета Я. И. Булгакова, были директорами почтамтовъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Старшій, Константинъ, смолоду шелъ по дипломатической части и бывалъ въ военное время агентомъ министерства иностранныхъ дѣлъ при главныхъ квартирахъ дѣйствующихъ армій. Это сблизило его съ гр. Нессельроде, гр. Каподистриемъ, вн. П. М.

Волконскимъ и другими сподвижниками царствованія императора Александра I. Государь отличалъ Булгакова и по окончаніи Вѣнскаго конгресса неохотно согласился на просьбу его объ опредѣленіи московскимъ почтъ-директоромъ, — вѣроятно, имѣя въ виду для него другое назначеніе. Изъ Москвы Булгаковъ переведенъ былъ почтъ-директоромъ въ С.-Петербургъ, а его мѣсто занялъ братъ его Александръ. К. Я. Булгаковъ былъ пріятель Жуковскаго, Тургенева, Дашкова, кн. Вяземскаго и другихъ и велъ обширную переписку, которой, по словамъ Вяземскаго, хватило бы на нѣсколько томовъ. Переписка эта могла бы послужить „историческимъ или, по крайней мѣрѣ, общежительнымъ справочнымъ словаремъ для изученія современной ему эпохи“. Домъ Булгакова въ Петербургѣ былъ одинъ изъ самыхъ открытыхъ и пріятныхъ. „Биліардъ былъ два раза въ недѣлю, по вечерамъ, нейтральнымъ средоточіемъ, куда стекались всѣ званія и всѣ возрасты: министры, дипломаты русскіе и иностранные, артисты свои и чужеземные, военные, директора департаментовъ, начальники отдѣленій и многіе другіе, не принадлежащіе ни къ какому отдѣленіямъ. Разумѣется, тутъ была и биржа всѣхъ животрепещущихъ новостей, какъ заграничныхъ, такъ и доморощенныхъ. Въ другіе дни, менѣе многолюдные, домъ также былъ открытъ для пріятелей и короткихъ знакомыхъ. Тогда еще болѣе было непринужденія во взаимныхъ отношеніяхъ и въ разговорѣ“ („Воспоминанія о Булгаковѣ“, князя Вяземскаго. М. 1868). Александръ Ивановичъ пишетъ матери, что Булгаковъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ для самихъ министровъ, представляя собой посредника въ разныхъ возникавшихъ у нихъ между собою дѣлахъ. Поэтому просьбы его всегда уважались и онъ помогалъ и совѣтомъ, и заступничествомъ; особенно любилъ онъ молодыхъ людей, которые у него были какъ дома. Въ домѣ Булгакова Александръ Ивановичъ познакомился съ гр. Каподистриемъ, маркизомъ Паулуччи, гр. Матушевичемъ и другими знаменитостями того времени.

Александръ Ивановичъ бывалъ на большихъ балахъ у кн. Кочубей, у гр. Лавалы, у Ланскаго и друг. Въ 1828 году Александръ Ивановичъ писалъ своей матери: „Съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ стоитъ, никогда не было столько баловъ, спектаклей и другихъ развлеченій. Между прочимъ итальянская опера, составленная гр. Вьельгорскимъ въ зиму 1828 г., съ ума сводила меломановъ. Рус-

скій театръ былъ ежедневнымъ: два раза итальянцы, два раза французы и два раза нѣмцы. Кромѣ этихъ публичныхъ спектаклей играли два раза въ недѣлю при дворѣ. Большіе сборы дѣлалъ театръ знаменитыхъ плясунновъ на канатѣ Кіярини и циркъ Турнье (26 января 1828 г.). Это былъ общій характеръ Николаевской эпохи, *du bon vieux temps* помѣщичьей жизни. Подавленіе всѣхъ политическихъ и общественныхъ интересовъ и полное отсутствіе всякихъ другихъ, за исключеніемъ составленія лично для себя служебной карьеры, доступной для немногихъ, увлекло общество и въ столицахъ, и въ провинціи — въ вихрь такъ-называемыхъ „свѣтскихъ удовольствій“. Крѣпостное право давало въ этому широкія средства, а историческая неразсчетливость нашего дворянства толкала его на скользкій путь съ роковой поспѣшностью, которая погубила его въ эпоху освобожденія, когда пришлось свести экономическіе счета. Эта эпоха веселья только на время прервана была появленіемъ холеры въ 1830 г. Александръ Ивановичъ въ письмахъ къ матери передаетъ, какое дѣйствіе оказали слухи о приближеніи холеры. Едва она появилась, какъ распространилась паника. „Здѣсь начинаютъ, — пишетъ онъ матери, — бояться болѣзни: сейчасъ учреждены санитарный кордонъ и двойной рядъ карантинновъ; приѣзжающіе и обозы должны выдерживать 14-дневный карантинъ въ Новгородѣ и 5-дневный въ Ижорѣ (послѣдняя станція предъ Петербургомъ). Полиція требуетъ, чтобы былъ хлоръ во всѣхъ домахъ и во всѣхъ комнатахъ“. Въ слѣдующемъ письмѣ (1 октября 1830 года) Кошелевъ такъ описываетъ состояніе Петербурга: „Здѣсь еще нѣтъ настоящей холеры, но есть холера нравственная, т. е. масса толковъ о холерѣ, которые рѣшительно не даютъ устроиться. Если пьяный человѣкъ упадетъ на улицѣ, — кричатъ: охъ, холера! Если кто поблѣднѣетъ, голова заболитъ, желудокъ разстроится и пр., — кричатъ: охъ, холера! Если кто скоро бѣжитъ или тихо идетъ, если кто много говоритъ или совсѣмъ молчитъ, — кричатъ: охъ, холера! Но замѣчательно, что число больныхъ по вѣдомостямъ сократилось: всякій остерегается, боится простудиться, слишкомъ наѣдаться и напиться и т. д.“ (26).

За обѣдомъ у гр. Лаваль Александръ Ивановичъ познакомился съ вдовой исторіографа Е. А. Карамзиной, былъ ею приглашенъ и представился первый разъ 12 ноября 1830 года; въ то же время онъ познакомился съ извѣстнымъ семействомъ Олениныхъ.

Домъ Карамзиной въ Петербургѣ напоминалъ московскіе литературные салоны. О вечерахъ Карамзиной говоритъ Панаевъ: „чтобы получить литературную извѣстность въ великосвѣтскомъ кругу, необходимо было попасть въ салонъ Карамзиной. Тамъ выдавались дипломы на литературные таланты. Это былъ уже настоящій великосвѣтскій литературный салонъ съ строгимъ выборомъ, и Рекамье этого салона была С. И. Карамзина, къ которой всѣ наши извѣстные поэты считали долгомъ писать посланія“ („Восп.“, стр. 115). Александръ Ивановичъ въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что Карамзина была женщина умная, характера твердаго и всегда ровнаго, сердца добраго, хотя, повидимому, съ первой встрѣчи холоднаго. На вечерахъ у Карамзиной собирались всѣ литераторы и знаменитости. Здѣсь Александръ Ивановичъ встрѣчался съ Блудовымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, А. Тургеневымъ Хомяковымъ, П. Мухановымъ, Титовымъ и многими другими. Эти вечера были единственные въ Петербургѣ, гдѣ не играли въ карты и говорили по-русски. Александръ Ивановичъ тотчасъ послѣ перваго знакомства началъ прилежно посѣщать домъ Карамзиной; онъ пишетъ матери: „не могу себѣ простить, отчего я давно не познакомился съ этимъ домомъ; за то я теперь стараюсь вознаграждать себя и бываю у Карамзинныхъ два или три раза въ недѣлю“ (28 декабря 1830 года).

Въ январѣ 1831 года Александръ Ивановичъ познакомился у Карамзинныхъ съ дѣвицею Россетъ. Александра Осиповна Россетъ играла очень важную роль въ молодые годы Александра Ивановича: это была первая его любовь. Выборъ этотъ характеризуетъ Александра Ивановича: онъ упалъ на одну изъ замѣчательныхъ женщинъ своего времени. О ней существуетъ цѣлая литература. И. С. Аксаковъ, хорошо познакомившійся съ нею въ Калугѣ, во время службы своей въ калужской уголовной палатѣ, при губернаторѣ Смирновѣ, женившемся на Россетъ, подробно говоритъ о ней въ своихъ „Калужскихъ письмахъ“ („И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ“, I, 226—240) и посвятилъ ей особый некрологъ („Русь“, 1882 г., сентябрь, № 37); въ „Русской Старинѣ“ печатаются письма ея къ Гоголю („Русск. Стар.“ 1888 года, апрѣль, 31—72; июнь, 597—610; июль, 49—62; октябрь, 125). А. О. Россетъ (1809—1882) получила образованіе въ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ была любимицей Плетнева и осталась съ

нимъ на всю жизнь въ дружескихъ отношеніяхъ, и 17 лѣтъ поступила фрейлиной къ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, а послѣ смерти ея къ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ. Россетъ занимала при дворѣ очень выдающееся положеніе, была любимицей Императрицы и Государя и въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми литературными знаменитостями своего времени; ее воспѣвали Пушкинъ, Лермонтовъ, Хомяковъ; она была дружна съ Гоголемъ и впоследствии съ Ю. О. Самаринимъ. Россетъ вышла замужъ за Смирнова уже не въ первой молодости. И. С. Аксаковъ, въ своемъ некрологѣ, такъ описываетъ Александру Осиповну: „Ея красота, столько разъ воспѣтая поэтами,—не величавая и блестящая красота формъ (она была очень невысокаго роста), а южная красота тонкихъ, правильныхъ линій смуглаго лица и черныхъ, бодрыхъ, пронизательныхъ глазъ, вся оживленная блескомъ острой мысли; ея пылкій, свободный умъ и искреннее влеченіе къ интересамъ высшего строя—искусства, поэзіи, знанія—скоро создали ей при дворѣ и въ свѣтѣ исключительное положеніе. Дружба съ Плетневымъ и Жуковскимъ (также въ то время служившимъ при дворѣ) свела ее съ Пушкинымъ и скромная фрейлинская келья Зимняго дворца сдѣлалась мѣстомъ постоянного сборища всѣхъ знаменитостей тогдашняго литературнаго міра. Она и предъ лицомъ императора Николая, который очень цѣнилъ и любилъ ея бесѣду, являлась такъ сказать представительницею, а иногда и смѣлой защитницею лучшихъ въ ту пору стемленій русскаго общества и своихъ неприворныхъ друзей. Зная ея дружескія отношенія съ Пушкинымъ, императоръ Николай Павловичъ нерѣдко получалъ чрезъ нее отъ Пушкина и передавалъ ему обратно рукописи его произведеній. И выйдя замужъ, Александра Осиповна не прекратила своихъ сношеній съ друзьями; напротивъ, ея гостиная или, лучше сказать, она сама была долго и долго притягательнымъ центромъ для всѣхъ выдающихся художниковъ, писателей, мыслящихъ дѣятелей. Со многими изъ нихъ она вела обширную переписку“. Печатаемая въ настоящее время переписка Россетъ съ Гоголемъ доказываетъ всю сердечность ихъ отношеній. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гоголю Александра Осиповна говоритъ ему: „Вы одни остались мнѣ всегда вѣрными, вы одни меня полюбили не за то внѣшнее и блестящее, которое мнѣ принесло уже столько горя, а за искри души, едва замѣтныя, которыя вы же дружбой своей раздули и со-

грѣли. На васъ однихъ я могу положиться, тогда какъ вокругъ себя нахожу только разчетъ, обманъ, или прекрасный призракъ любви и преданности“ (175). Хомяковъ посвятилъ Александрѣ Осиповнѣ два стихотворенія,—одно начинающееся словами

О дѣва-роза, для чего
Мнѣ грудь волнуешь ты...

а другое подъ заглавіемъ „Иностранецъ“. Эти посланія и вообще всѣ отзвы объ Александрѣ Осиповнѣ выставляютъ ее въ самомъ выгодномъ свѣтѣ: всѣ люди болѣе или менѣ замѣчательные, которыхъ она очаровывала своимъ вниманіемъ и пріязнью, приходили отъ нея въ восторгъ,—въ обществѣ же ее не любили. Но среди этихъ восторженныхъ похвалъ есть голосъ, которому нельзя не придать значенія. С. Т. Аксаковъ познакомился съ Александрой Осиповной передъ отъѣздомъ ея въ Калугу и также отъ нея въ восторгѣ. Въ этомъ человѣкѣ житейская опытность замѣчательно уживалась съ юношескою свѣжестью чувства и вносила въ его сужденія о людяхъ тотъ вѣрный инстинктъ, который не подкупала никакая блестящая внѣшность. Вскорѣ послѣ первыхъ свиданій, на основаніи длинной переписки съ Иваномъ Сергѣевичемъ, наполненной рассказами его объ А. О. Смирновой, Сергѣй Тимоѣевичъ писалъ сыну о Смирновой: „Я не вполне довѣрялъ Гоголю и Самарину, я считалъ, что они оболщены, очарованы (и мнѣ говорили многіе, что она—сирена, очаровательница, волшебница) и сами того не видятъ. Но я увидѣлъ, что тутъ нѣтъ и тѣни ничего оболстительнаго, даже ни въ какомъ отношеніи: я не нашелъ въ ней женщины; это была мужчина въ спальномъ капотѣ и чепчикѣ, очень умный, смѣло обо всемъ говорящій, но легкій, холодный; я по крайней мѣрѣ не замѣтилъ ни малѣйшей теплоты, ни даже признака эстетическаго и поэтическаго чувства“ (Аксак. пис., I, 287, прим.). „Я признаю Александру Осиповну способною къ самымъ великимъ поступкамъ и презирающею оттого, какъ мелочь, всѣ условія, законы приличія и дурную молву. Я готовъ признать ее Наполеономъ, но лучше соглашусь имѣть ее своимъ царемъ, чѣмъ женой. Стоя на такой высотѣ, она не могла остаться женщиною. Недоступная атмосфера цѣломудрія, скромности, это благоуханіе, окружающее прекрасную женщину, никогда ее не обвужало, даже въ цвѣтущей молодости: она родилась

такою. Вотъ почему все нѣжное, умиленное, грустное, неизъяснимо-сладкое въ поэзи—отъ нея ускользаетъ“ (тамъ же, стр. 399—400, прим.). Этимъ все сказано: Александръ Ивановичъ не могъ быть „мужемъ царицы“ и рано или поздно разрывъ долженъ былъ произойти.

Какъ бы то ни было, Александръ Ивановичъ, увидѣвши Александру Осиповну, былъ ею очарованъ и влюбленъ. Изъ писемъ къ матери видно, что Александръ Ивановичъ передъ этимъ ухаживалъ за княг. Васильчиковой, вскорѣ вышедшей замужъ за Лужина, но это было простое свѣтское ухаживанье. Здѣсь дѣло было серьезнѣе; молодые люди видѣлись ежедневно и почти рѣшились соединиться бракомъ. Интересно, въ письмахъ къ матери, слѣдить за внутреннимъ настроеніемъ этой страсти, хотя имя Александры Осиповны рѣдко упоминается въ письмахъ и волнующія влюбленнаго чувства, конечно, не могли найти полного отголоска даже въ интимной перепискѣ сына съ матерью.

Первое вліяніе зарождающагося чувства было то, что Александръ Ивановичъ развернулся для свѣтской жизни. Еще ранѣе, въ февралѣ 1827 г., онъ писалъ матери: „Вы спрашиваете меня, веселюсь ли я на балахъ?—Иногда да, иногда нѣтъ. Я долженъ вамъ сказать, что я сталъ менѣе робокъ, скорѣе знакомясь, не такъ дѣлалъ съ дамами и дѣвицами и даже начинаю говорить комплименты. Вамъ это вѣжется невѣроятнымъ, однако же это есть на самомъ дѣлѣ“ (3 февраля 1827 г.). Александръ Ивановичъ не отказывался въ это время вообще отъ свѣтскихъ удовольствій; онъ описываетъ матери, какъ онъ учился зимой кататься съ горъ и падалъ на первыхъ порахъ; какъ онъ, часто по необходимости, садился за мушку съ дамами и радовался, что мушка не сильно его кусаетъ (pique) и что вообще онъ не въ проигрышѣ. По окончаніи игры, онъ любилъ обходить карточные столы, гдѣ вели тысячную игру въ экарте записные любители картъ, чтобы подсматривать игру фізіономій. Но онъ и самъ чуть не сдѣлался игрокомъ. Пріятели его—гр. Медемъ, Бальюзъ, Фонтенъ и др.—очень любили играть въ экарте, одну изъ азартныхъ игръ. Начавши играть съ ними, Александръ Ивановичъ до того пристрастился къ картамъ, что считалъ почти напрасно прожитымъ тотъ день, въ который ему не удавалось играть. Это препровожденіе времени превратилось скоро въ страсть и онъ проводилъ вечера и даже по-

чи за картами, такъ что иногда прямо изъ-за карточного стола поутру, напившись чаю, пріатели отправлялись на службу. Разъ Александръ Ивановичъ занемогъ и, припомнивъ совѣты Кирѣвскаго и другихъ своихъ друзей, онъ рѣшился отдѣлаться отъ этой страсти, что и исполнилъ съ обычною твердостью воли. Пріатели явились, имъ подали карты, но Александръ Ивановичъ рѣшительно отказался и съ тѣхъ поръ не бралъ картъ въ руки. Это, какъ видно изъ писемъ къ матери, случилось въ 1830 г., въ годъ знакомства съ Карамзиной и Россетъ. Но ни знакомства, ни служба, ни удовольствія свѣтской жизни не заставили Александра Ивановича полюбить Петербургъ. Онъ неоднократно говорилъ объ этомъ въ письмахъ къ своей матери. „Въ дѣтствѣ и юности создается мѣръ воображаемый; по мѣрѣ того, какъ годы ставятъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ людьми и съ обществомъ, какъ оно есть,—убѣждаешься, что прежнія понятія были лишь мечты. Тяжело переживать этотъ переходъ изъ міра воображаемаго въ мѣръ дѣйствительный; но разъ переходъ совершился, чувствуешь успокоеніе. Нѣтъ такой пылкой любви, за то нѣтъ и ярой ненависти, менѣе потребности имѣть своимъ повѣреннымъ въ горѣ и радости цѣлый мѣръ, но за то не такъ подвергаешься злоупотребленію довѣріемъ. Если я принужденъ буду оставить службу, я никогда не пожалѣю, что провелъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ,—я тамъ приобрѣлъ большую опытность. Давно уже жизнь въ Петербургѣ мнѣ наскучила, теперь она мнѣ становится ненавистною; необходимость поѣздки за границу становится день ото дня болѣе настоятельною“ (8 ноября 1830 г.). „Нѣтъ города развратнѣе Петербурга. Большинство въ немъ молодежи предается этому пороку“.

Со времени знакомства съ Александромъ Осиповною наклонности къ свѣтской жизни вполнѣ развились въ Александрѣ Ивановичѣ и даже подчинили себѣ все остальное. Такъ въ январѣ 1831 года онъ пишетъ матери: „Всю эту зиму я предаюсь удовольствіямъ; еслибы что-нибудь могло помирить меня съ Петербургомъ, то именно этотъ годъ. Никогда во всю мою жизнь я не искалъ такъ общества, такъ съ нимъ не сживался. Вижу, что начинаю дѣлаться любезнымъ, робость проходитъ и я могу щегольнуть умомъ“ (13 января 1831 г.). „Я сдѣлался поразительно любезенъ. Представьте, что я болтаю цѣлые вечера съ дамами и приобрѣлъ въ этомъ случаѣ блестящую репутацію. Я самъ смѣюсь,

когда объ этомъ подумаю. Всѣ находятъ во мнѣ огромную пере-
мѣну. Я много ѣзжу въ общество, потому что служба мнѣ при-
скучила и я немножко *inamogato*. Впрочемъ, въ концѣ концовъ я
могу сказать, что я никогда въ Петербургѣ такъ не веселился,
какъ въ настоящемъ году“ (21 января 1831 г.).

Мать Александра Ивановича не раздѣляла увлеченія сына и,
повидимому, смотрѣла на дѣвицу Россетъ какъ на свѣтски-кокет-
ливую особу. Интересно въ этой интимной перепискѣ сына съ
матерью, — которая, конечно, не можетъ сдѣлаться достояніемъ
публики и для нея не интересна, — слѣдить, съ какимъ одушевле-
ніемъ Александръ Ивановичъ заступается за свою избранницу, и
какъ въ то же время въ его собственной душѣ страсть борется съ
разсудкомъ. Это наводитъ его на слѣдующія разсужденія о своей
будущей жизни и о женитьбѣ вообще: „Я никогда не соглашусь
вести жизнь праздную ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, прож-
ивая доходы, принимая утромъ и вечеромъ гостей, посѣщая театры.
Прежде, когда я думалъ служить, я рѣшился основаться въ Пе-
тербургѣ и вести обыкновенный образъ жизни, но теперь, когда
этотъ планъ не можетъ осуществиться, я уже, конечно, не посе-
люсь въ Москвѣ, чтобы слоняться по гостинимъ и ухаживать за
барынями. Я, кажется, доказалъ вамъ въ Павловскѣ, что Петер-
бургъ не испортилъ меня настолько, чтобъ я не могъ обойтись
безъ общества. Я былъ совершенно счастливъ въ своемъ кабинетѣ,
занимаясь книгами. Если я оставлю службу, то буду вести
жизнь очень уединенную, много буду заниматься сельскимъ хозяй-
ствомъ, промышленностью, воспитаніемъ, книгами, но не буду
снова выставлять свою фізіономію по баламъ и собраніямъ“ (26
января 1830 г.). „Чтобы жениться, я долженъ удостовѣриться въ
трехъ вещахъ: есть ли у моей невѣсты доброе сердце? можетъ ли
она довольствоваться сама собой въ одиночествѣ? и дѣйствительно
ли она меня любить“ (26 января 1831 г.).

Далеко зашедшія отношенія должны были получить исходъ, долж-
но было произойти рѣшительное объясненіе, и, дѣйствительно, оно
произошло, при условіяхъ неблагопріятныхъ. Доходили слухи до
Александра Ивановича, настойчиво распространявшіяся въ обще-
ствѣ, что Александра Осиповна считалась почти невѣстою кн. С. М.
Голицына, что старый князь, со втораго года развѣхавшійся съ своею
женой, хлопоталъ о разводѣ, что Александра Осиповна принимала

отъ кн. Голицына очень цѣнные подарки. Несмотря на все страстное увлеченіе, это не могло дѣйствовать успокоительно на Александра Ивановича; въ своихъ „Запискахъ“ Кошелевъ говоритъ: „я рѣшился написать къ ней съ проявленіемъ страстной моей къ ней любви, но и съ изложеніемъ моихъ предположеній насчетъ будущаго. Я все изложилъ откровенно и она отвѣтила мнѣ точно такъ же. Наши отношенія разомъ и навсегда были порваны“. Очевидно, неглубокое чувство Александры Осиповны не могло устоять противъ тѣхъ скромныхъ и замкнутыхъ въ семейномъ кругу плановъ на будущее, которые Александръ Ивановичъ высказывалъ въ письмахъ къ матери и, безъ сомнѣнія, повторилъ невѣстѣ. Отказъ былъ тяжелымъ ударомъ для Александра Ивановича. Въ своихъ „Запискахъ“, кратко, но рельефно, Александръ Ивановичъ говоритъ: „Нѣсколько дней послѣ того я неспособенъ былъ ни къ какимъ занятіямъ, ходилъ по улицамъ какъ сумашедшій и болѣзнь печени, прежде меня мучившая, усилилась до того, что я слегъ въ постель. Докторъ сперва меня пичкалъ разными лѣкарствами; наконецъ объявилъ, что мнѣ необходимо ѣхать въ Карлсбадъ“. Заграничная поѣздка какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала и нравственному расположенію Александра Ивановича: оставаться долѣе въ Петербургѣ онъ не могъ; получивъ, по ходатайству Блудова, заграничный отпускъ, затрудненный въ то время политическими событіями (французскою революціей 1830 г., беспорядками въ Германіи и польскимъ возстаніемъ), Александръ Ивановичъ въ нѣсколько дней собрался и въ первыхъ числахъ іюня 1831 г., на пароходѣ „Николай I“, отправился въ Любекъ. И за границей мрачное настроеніе не скоро покинуло Александра Ивановича. Въ одномъ письмѣ къ Одоевскому изъ Женевы Александръ Ивановичъ, между прочимъ, выражается: „со времени нашей разлуки утекло много воды! Въ немногое я вѣровалъ и прежде, едва ли во что-нибудь вѣрую теперь. Сколько рушившихся мечтаній! Сколько безжалостнымъ опытомъ мнѣ сдѣланныхъ откровеній“. Но мало-помалу онъ началъ успокоиваться. Тому же Одоевскому онъ писалъ изъ Женевы 8 (20) ноября 1831 г.: „Я былъ, какъ ты знаешь, влюбленъ, безумно влюбленъ. Слава Богу, это проходитъ. Прежде я думалъ, что можно жениться только по любви; теперь начинаю думать, что едва ли не стократъ счастливѣе бракъ, основанный разсудкомъ на согласіи чувствованій и мнѣній. Опытность, тьма

рушившихся мечтаній, необходимость бросить наконецъ якорь и проч. перенесло меня на-дняхъ въ вашу столицу и въ особенности возобновило во мнѣ воспоминаніе о С..., которую я всегда любилъ какъ сестру, которой умъ, чувства и мнѣнія я всегда уважалъ и которая, кажется, имѣла во мнѣ нѣкоторую дружбу. Грустныя мысли, которыя всегда, какъ ты знаешь, крутили душу, еще болѣе овладѣли ею, и я чувствую, что для моего счастья мнѣ необходима женщина, которая понимала бы всю глубину моихъ скорбей. Скажи, безцѣнный другъ, что ты о семъ думаешь? Скажи свое мнѣніе чистосердечно, ибо твоя дружба для меня дороже всего, и если ты имѣешь малѣйшее возраженіе противъ моихъ проектовъ, то будь увѣренъ, что я ни минуты болѣе не буду о нихъ думать. Отвѣчай мнѣ обстоятельно и *откровенно*. О, человекъ! чрезъ какія странныя судьбы ты проходишь! какъ измѣнчивы твои мысли, чувствованія и дѣйствія! Давно ли я вздыхалъ по уединенію? Путешествіе свое окончу и тогда ничто не будетъ мнѣ болѣе препятствовать предаться моимъ склонностямъ. Ужасный билетъ мнѣ надобно еще взять въ житейской лотереѣ — надобно жениться. Я чувствую необходимость пустить корень. Странствованія, какъ физическія, такъ и моральныя, мнѣ постыли и для нихъ я устарѣлъ. Тяжело быть на чужой сторонѣ, быть безъ друга. Сперва весело путешествовать, — но жалѣю о томъ, кто можетъ быть долго внѣ своего отечества, безъ друзей и безъ родныхъ. Вскорѣ чувствуешь, какъ все пусто, какъ все холодно. Видишь вещи замѣчательныя, видишь чудесныя мѣстоположенія, видишь знаменитыхъ людей, но все это хорошо на три, на четыре мѣсяца. Дѣйствительное начало въ насъ долго дремать не можетъ и мы чувствуемъ необходимость выйти изъ страдательнаго положенія.

„Р. С. 1-го декабря. Уже десять дней, какъ это письмо написано, но не могъ рѣшиться его отправить, желая болѣе увѣриться, что сообщаемыя мною мысли не суть плодъ минутнаго, необдуманнаго порыва. Нѣтъ, любезный другъ, чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мнѣ необходимо имѣть душу вполне понимающую чувства, которыя терзаютъ мое сердце. Это одно можетъ примирить меня съ жизнью“.

Остается сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ Александра Ивановича. Александръ Ивановичъ любилъ трудъ; онъ самъ пишетъ

матери: „Я очень люблю трудъ. Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ удовольствіемъ, которое испытываешь, когда сознаешь, что исполнилъ свою обязанность, и отдыхаешь, не упрекая себя въ лѣни“ (29 февр. 1828). Нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ онъ упоминаетъ, что чувствуетъ себя здоровымъ и бодрымъ — въ особенности тогда, когда заваленъ занятіями. Иногда даже въ свободное отъ служебныхъ занятій время на него нападали приливы въ чтенію. Такъ онъ пишетъ матери: „Я больше сижу дома; я читаю запоемъ, такъ что всѣ новыя свѣдѣнія едва могутъ умѣститься въ моей бѣдной шабалѣ (sacoché)“ (8 октября 1830 года). Во время службы своей въ Петербургѣ Александръ Ивановичъ занимался преимущественно исторіей и политическими науками. Первая была уже давно его любимымъ предметомъ, а послѣднія онъ считалъ необходимыми для своей службы. Въ своихъ юношескихъ мечтахъ о будущей дѣятельности, онъ писалъ матери: „Я теперь изучаю политическія науки; чѣмъ больше я въ нихъ успѣваю, тѣмъ живѣе чувствую отъ нихъ удовольствіе. Я никакъ не думаю подготовиться къ одному роду службы. Будущее въ рукахъ Провидѣнія. Богъ знаетъ, что изъ меня выйдетъ; но моя обязанность подготовить себя ко всякой отрасли гражданской службы. Я занимаюсь въ такомъ смыслѣ, что завтра же, при переходѣ въ министерство юстиціи или финансовъ, или наконецъ народнаго просвѣщенія я убѣжденъ, что не буду не на своемъ мѣстѣ. Если я когда-нибудь буду имѣть счастье сдѣлаться человекомъ государственнымъ, я не ограничусь, какъ другіе, знакомствомъ съ дѣловой рутинной, но постараюсь примѣнить пріобрѣтенныя мною общія свѣдѣнія и преобразовать, насколько окажется нужно, порученную мнѣ отрасль управленія“ (1828 г.). Для своихъ занятій Кошелевъ пользовался большою бібліотекою Лаваля, гдѣ собраны были лучшія политическія сочиненія. По исторіи Александръ Ивановичъ прочелъ „Исторію Наполеона“ Вальтеръ-Скотта во французскомъ переводѣ, рѣчи Питта, „Исторію Наполеоновскихъ войнъ“ Сутея (Soutey), „Исторію Оттоманской имперіи“ Гаммера, книгу объ „Англіи“ Архенгольда, какъ онъ говоритъ: „старое сочиненіе, но очень интересное, потому что сообщаетъ очень вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ этой странѣ“, сочиненія Гердера. О своихъ занятіяхъ политическими науками Александръ Ивановичъ пишетъ матери: „читаю исторію мирныхъ трактатовъ и дѣлаю изъ нея извлеченія. Это

мнѣ очень полезно; прежде всего это разъясняет мнѣ почву (le terrain) дипломатіи, посвящает меня въ ея тайны и научает меня языку. Что касается до французскаго языка, то теперь я собою съѣлъ (fergè à glase) и вообще стараюсь достигнуть легкости въ оборотахъ при разговорѣ, отдѣлвшись отъ прежнихъ моихъ недостатковъ, что для дипломата необходимо“ (29 іюня 1827 года). „Лѣтомъ я буду заниматься дипломатическими науками. Теперь я прилежно изучаю международное право. Эта наука необходимая для дипломата и, за исключеніемъ словъ Анштетта и Алопеуса, едва ли есть у насъ кто-либо съ ней знакомый. Займусь ею прилежно и убѣжденъ, что этимъ я обращаю на себя вниманіе. Пишу много по-французски и по-русски, изучаю Флассана ⁽²⁷⁾, классическое произведеніе по дипломатіи“ (28 мая 1828 г.). Дипломатическими науками Александръ Ивановичъ занимался съ гр. Медемоу, а юридическими и преимущественно русскимъ законодательствомъ — съ Титовымъ. По этому случаю онъ пишетъ матери: „Я теперь чувствую необходимость познакомиться съ Россією; къ несчастію, не многіе чувствуютъ эту потребность и потому изученіе русскаго права *чрезвычайно трудно*“ (25 мая 1829 года). Въмѣстѣ съ этимъ Александръ Ивановичъ не оставлялъ занятій философіей и греческимъ языкомъ. Но сначала у него на это не хватало времени. Въ первомъ году Александръ Ивановичъ пишетъ матери: „Съ тѣхъ поръ, какъ я сюда пріѣхалъ, я не раскрывалъ греческой книги и ни строчки не написалъ по-русски“. Но потомъ это измѣнилось. Вскорѣ онъ написалъ: „да утѣшать меня милые Платонъ и Шеллингъ въ моемъ уединеніи! Какъ я ими услаждаюсь, проведя много времени среди китайскихъ тѣней! Что это за божественные люди и какъ сравнительно ничтожны всѣ насъ окружающіе! Клянусь вамъ, еслибы эти божественные геніи не напоминали мнѣ мою небесную отчизну, я бы кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ бы огрубѣлъ въ окружающей обстановкѣ, ибо ничто ни вліяетъ на насъ такъ опасно, какъ постоянныя встрѣчи людей съ ограниченными мыслями и чувствами“ (4 апр. 1827 г.). Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Вы не можете себѣ представить, какъ я почувствовалъ себя загрубѣвшимъ послѣ того, какъ я три или четыре мѣсяца провелъ въ механическихъ занятіяхъ. У меня явилось непреодолимое желаніе предаться любимымъ моимъ занятіямъ и мои милые Шеллингъ, Окенъ, Вагнеръ, чудный Платонъ снова появились на

моемъ столѣ. Не могу вамъ выразить удовольствія, овладѣвшаго мною при видѣ этихъ книгъ, за которыми я провелъ столько счастливыхъ часовъ!...“ Въ это же время, какъ видно изъ писемъ его къ матери и писемъ къ нему Кирѣевского, Александръ Ивановичъ прочелъ Юма, Гельвеція, рѣчь о методѣ Декарта и похвальное слово Декарту Томаса, которое онъ лаконически, но метко характеризуетъ восклицаніемъ: „что за чепуха!“ Въ одномъ письмѣ къ матери онъ говоритъ: „Вчера получилъ большое письмо отъ Александра (Норова); оно тѣмъ болѣе принесло мнѣ удовольствія, что при немъ приложена небольшая тетрадь выписокъ изъ сочиненій Св. Дмитрія Ростовскаго. Сколько я успѣлъ прочесть, мысли прекрасныя. Патріархальная простота, глубина и возвышенность пониманія по-истинѣ очаровываютъ. Еслибы эти выписки пришли раньше, онѣ не сдѣлали бы мнѣ никакого добра. Я былъ слишкомъ погруженъ въ свѣтскость, но я почувствовалъ всю ея пустоту и необходимость основать свое счастье и свое бытіе въ себѣ самомъ, помимо вліянія обстоятельствъ. Но не подумайте, что я хочу бросить службу и общество, — нисколько. На свѣтъ я смотрю какъ на средство сдѣлаться лучше, выполнить свою задачу. Человѣкъ не долженъ удаляться отъ себѣ подобныхъ, и всякій аскетъ есть человѣкъ больной; я всегда хочу жить съ людьми, хочу ихъ любить и хочу быть достойнымъ названія человѣка“ (20 марта 1829 г.). Но, несмотря на всѣ эти разнообразныя занятія, Александръ Ивановичъ пишетъ: „Какъ ни сильно во мнѣ желаніе учиться, но оно не можетъ наполнить всего моего существованія: *мнѣ нужна жизнь дѣйствительная*. Постараюсь сдѣлаться первымъ агрономомъ въ Россіи. Менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ я удвою свои доходы и произведу чувствительное улучшеніе въ положеніи крестьянъ. За границей я буду обращать особенное вниманіе на агрономію и относящіяся къ ней науки. Я устрою сельское хозяйство по новому способу, и буду производить сахаръ, примусь за всевозможныя предпріятія, — однимъ словомъ, постараюсь съ возможною пользой употребить свое время. Чтобы украсить эту картину, я возьму хорошенькую жену (хорошенькой она непременно должна быть), мы будемъ имѣть дѣтей, займемся ихъ воспитаніемъ и не только время не покажется слишкомъ длиннымъ, но боюсь, чтобы оно не показалось мнѣ слишкомъ коротко“ (13 янв. 1831). Такъ въ этомъ человѣкѣ всюду и вездѣ сказывалась практическая его натура, не

дозволявшая ему обратиться въ кабинетнаго ученаго. Кромѣ сообщенія матери подробнаго списка прочитываемыхъ имъ книгъ, Александръ Ивановичъ писалъ ей и о тѣхъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя въ то время занимали свѣтское общество. Такъ все русское общество заинтересовано было романомъ, переведеннымъ съ китайскаго языка Абель Ремюза, подъ заглавіемъ: „Les cousines chinoises“ (28); романъ этотъ помѣщался въ извлеченіяхъ во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ. „Въ обществѣ, — говоритъ Александръ Ивановичъ, — не хотѣли читать ничего не китайскаго“; наравнѣ съ этимъ имѣлъ успѣхъ романъ Купера „Послѣдній изъ могиканъ“ (10 сентября 1827 года). Зимой 1828 года высшее общество увлекалось романомъ Ансело (Ancelot) — „L'homme du monde“ („Свѣтскій человѣкъ“). Романъ этотъ былъ запрещенъ, потому что въ немъ встрѣчались мѣста съ политическимъ содержаніемъ. Вообще автора упрекали главнымъ образомъ въ томъ, что вмѣсто свѣтскаго человѣка онъ вывелъ на сцену негодяя (sceleat). Александръ Ивановичъ видитъ главный недостатокъ романа не въ этомъ, — по его мнѣнію, „всякаго рода свойства могутъ быть присущи герою романа, но вообще этотъ романъ крайне посредственный и обличаетъ въ авторѣ человѣка неумѣлаго“ (11 янв. 1828 г.). Александръ Ивановичъ не восхищался писателемъ, еще прежде вошедшимъ въ моду, переводъ котораго явился теперь подъ заглавіемъ: „Пустынникъ Сень-Жерменскаго предмѣстья, или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ французовъ въ началѣ XIX вѣка“ (пер. съ франц. А. Очвинъ. С.-Пб. 1826 года). Кольне былъ раздражателемъ Жюи, расплодившаго этотъ родъ нравственно-сатирическихъ романовъ, и кромѣ того однимъ изъ редакторовъ „Journal des Débats“, или, какъ тогда переводили, „Журнала преній“. Александръ Ивановичъ писалъ матери, что онъ находитъ Кольне до чрезвычайности скучнымъ и пропускаетъ статьи, имъ написанныя. Въ это же время начались и литературныя занятія Александра Ивановича.

Мы уже видѣли, что между членами кружковъ, къ которымъ принадлежалъ Александръ Ивановичъ, тотчасъ послѣ ихъ образованія, возникли толки о журналѣ. Успѣхъ „Ураніи“ ободрилъ молодыхъ людей. Они составили съ Дм. Веневитиновымъ во главѣ планъ изданія другаго литературнаго сборника, посвященнаго переводамъ изъ классическихъ писателей, древнихъ и новыхъ, подъ заглавіемъ „Гермесъ“. Рожалинъ долженъ былъ перевести Шиллера „Ми-

зантропа“ (впослѣдствіи переводъ напечатанъ въ „Москвитяинѣ“), Дм. Веневитиновъ—„Эгмонта“ Гёте (напечатано первое дѣйствіе), Погодинъ—„Гецъ фонъ-Берлихингенъ“, Шевыревъ—„Валленштейновъ лагерь“ (отрывки напечатаны въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и затѣмъ изданъ вполнѣ). Программы смѣнялись программами, и въ эту-то минуту, когда кружокъ такъ сказать въ-попыхахъ рвался работать, думалъ безпрестанно о журналѣ, въ Москву явился въ 1826 г. изъ псковскаго заточенія А. С. Пушкинъ. Пушкинъ еще въ 1825 г. самъ думалъ объ основаніи журнала и поручалъ кн. Вяземскому, находившемуся тогда въ Москвѣ, устройство этого дѣла. Журналъ кружка возникъ съ благословенія Пушкина и при непосредственномъ его участіи. Въ домѣ Веневитинова 12 октября 1826 г. Пушкинъ прочелъ собравшимся членамъ кружка своего „Бориса Годунова“ (восторженный приѣмъ былъ уже нами описанъ). Сближеніе съ Пушкинымъ усилило толки о журналѣ. „Множество дѣателей,—говоритъ Погодинъ,—молодыхъ, ретивыхъ, было такъ сказать налицо и они сообщили Пушкину общее желаніе. Онъ выразилъ полную готовность принять самое живое участіе. Послѣ многихъ переговоровъ редакторомъ назначенъ былъ я (Погодинъ). Главнымъ помощникомъ моимъ былъ Шевыревъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено—„Московскій Вѣстникъ“. Рожденіе его положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. Мы собрались въ домѣ бывшемъ Хомякова: Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновы, два брата Кирѣевскіе, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, В. Оболенскій, Соболевскій“ (Погод. „Восп. о Шевыревѣ“, 12). Пушкинъ смотрѣлъ на „Московскій Вѣстникъ“ какъ на свой журналъ и тамъ преимущественно помѣщалъ свои стихотворенія. Въ письмѣ отъ 21 ноября 1826 года Пушкинъ писалъ Н. М. Языкову: „рады ли вы журналу? Пора задуть альманахи. Дельвигъ—нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ „Телеграфу“,—жалъ, но что же дѣлать“. Веневитиновъ принималъ главное участіе въ томъ, что Пушкинъ прекратилъ свои отношенія къ Полевому, въ журналѣ котораго онъ печаталъ свои стихотворенія, и, по выраженію кн. Вяземскаго, закабалить себя „Московскому Вѣстнику“. Пушкинъ писалъ, между прочимъ, Полевому, послѣ похвалы, объявленной Гёте Шевыреву: „надобно, чтобы *нашъ* журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно,—будь сказано между нами,—первый, единствен-

ный журналъ на святой Руси. Должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте. Пора уму и знаніямъ вытѣснить Булгарина съ братією“.

Время и мѣсто для изданія новаго журнала, казалось, выбраны были при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. „Въ Москвѣ,—говоритъ Погодинъ,—наступило самое жаркое литературное время. Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино, Денисъ Давыдовъ—съ Кавказа, Баратынскій выдавалъ свои поэмы, „Горе отъ Ума“ Грибоѣдова только-что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ „Пророка“ и знакомилъ съ слѣдующими (послѣ напечатанной первой) главами „Онѣгина“. Между тѣмъ на сценѣ представлялись водевили Писарева съ острыми его куплетами и музыкою Верстовскаго. Шаховской ставилъ свои комедіи вмѣстѣ съ Кокоскинѣмъ, Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ и С. Т. Аксаковъ, тогда еще не старый, переводилъ ему „Скупцаго“. Загоскинъ писалъ „Юрія Милославскаго“. Дмитріевъ выступилъ на поприще со своими переводами изъ Шиллера и Гёте. Всѣ они составляли особый отъ нашего приходъ, который вскорѣ соединился съ нами, или, вѣрнѣе, къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставаясь впрочемъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нами, отправились въ Петербургъ. А тамъ еще Дельвигъ съ „Сѣверными цвѣтами“, Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ „Иліадою“, Рянчъ съ Тассомъ и Павловъ съ лекціями о „натуральной философіи“, Гремѣвшими въ университетѣ. Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ—у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиныхъ, у Погодина, у Соболевскаго, у кн. Волконской. Въ Мицкевичѣ открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ Глинка, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ, и присоединилась музыка“.

И, несмотря на это, на собранныя въ немъ силы, журналъ существовалъ всего лишь четыре года (съ 1827 по 1830-й включительно). Неуспѣхъ „Московскаго Вѣстника“ Погодинъ приписываетъ слѣдующимъ причинамъ: 1) опасаясь издержекъ, издатель выпускалъ книжку не болѣе 4 листовъ, тогда какъ „Телеграфъ“

выдавалъ книжки въ 10 и 12 листовъ; 2) не было приложено картинокъ модъ, которыя, по общимъ тогдашнимъ понятіямъ, служили первою поддержкой „Телеграфа“; 3) неприглашеніе къ участию кн. Вяземскаго, который на первыхъ порахъ своими остроумными статьями и любопытными матеріалами содѣйствовалъ больше всего успѣху этого журнала; 4) редакторъ Погодинъ не вполне отдавался журналу, а продолжалъ заниматься русской и всеобщей исторіей въ качествѣ профессора. Замѣчательно, что Бѣлинскій, въ отрывкѣ своемъ о „Московскомъ Вѣстникѣ“, до нѣкоторой степени подтверждаетъ слова Погодина: „Московскій Вѣстникъ“ имѣлъ большія достоинства, много ума, много таланта, много пылкости, но мало, чрезвычайно мало смѣтливости и догадливости, и потому самъ былъ причиною своей преждевременной кончины. Въ эпоху жизни, въ эпоху борьбы, столкновения мыслей и мнѣній, онъ вздумалъ соблюдать духъ какой-то умѣренности и отчужденія отъ рѣзкости въ сужденіяхъ, и, полный дѣльными и учеными статьями, былъ тощъ рецензіями и полемикой, кои составляютъ жизнь журнала, былъ бѣденъ новостями, безъ коихъ нѣтъ успѣха русскому журналу, и, *что всею ужаснѣе, не велъ подробной и отчетливой мѣтописи модъ и не прилагалъ модныхъ картинокъ, безъ которыхъ плохая надежда на подписчиковъ русскому журналисту.* Что дѣлать? Безъ маленькихъ и, повидимому, пустыхъ уступокъ нельзя заключить выгоднаго мира. „Московскій Вѣстникъ“ былъ лишень современности, и теперь его можно читать какъ хорошую книгу, никогда не теряющую своей цѣны, но журналомъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, онъ никогда не былъ“ (Сочин., I, стр. 111).

Коренная причина успѣха „Телеграфа“ и паденія „Московскаго Вѣстника“ заключалась въ основномъ взглядѣ издателей на задачу періодической печати. „Московскій Вѣстникъ“ высказывался въ слѣдующемъ смыслѣ: „судя по большей части нашихъ повременныхъ изданій, мы замѣчаемъ, что еще не совсѣмъ у насъ истребился старыи предразсудокъ—требовать отъ журнала пріятнаго и легкаго чтенія, для препровожденія времени за чашкою кофе. Но есть цѣль высшая, благороднѣйшая. Настоящее назначеніе журнала состоитъ въ томъ, чтобы указывать своимъ соотечественникамъ на всѣ новыя, современныя явленія въ обширной области твореній ума человѣческаго, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и

въ другихъ государствахъ, разрѣшать по возможности всѣ современные вопросы, ибо всякій вѣкъ, всякій народъ, всякій человѣкъ имѣеть свои задачи, для разрѣшенія которыхъ живетъ и дѣйствуетъ; указывая на новыя явленія ума, честно и правдиво, безъ пристрастія личнаго, открывать ихъ настоящую сторону, назначать имъ мѣсто въ постепенной лѣстницѣ просвѣщенія, какъ въ отношеніи къ нашему отечеству, такъ въ отношеніи ко всему міру человѣковъ, и такимъ образомъ *благородно и возвышенно направляютъ непостоянное вниманіе своихъ соотчичей на весь современный ходъ ума человеческого, на его успѣхи, уклоненія, заблужденія*, и сосредоточивать воедино всѣ разногласныя мнѣнія публики, столь разнообразной во вкусахъ, въ характерахъ, въ склонностяхъ, въ пристрастіяхъ“ („Моск. Вѣстникъ“ 1828, VIII, 63 и 64). Разставаясь съ публикою по окончаніи изданія, Погодинъ спѣшилъ *„засвидѣтельствовать искреннюю благодарность... не публикѣ, коей благодарности я не искалъ и не получалъ, но своимъ сотрудникамъ. „Московскимъ Вѣстникомъ“*,—продолжалъ Погодинъ,—сознаюсь откровенно, очень много не исполнено изъ того, что предполагали мы сами, съ незабвеннымъ Дм. Веневитиновымъ, Шевыревымъ и прочими сотрудниками, въ пылу юношескихъ надеждъ пачинаая изданіе. Но онъ смѣло можетъ сказать, что усердно старался, по мѣрѣ силъ своихъ, знакомить молодыхъ любознательныхъ соотечественниковъ съ новыми усиліями ума въ области наукъ, преимущественно исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ; что желалъ безъ лицепріятія, по своему разумѣнію, обращать ихъ вниманіе на примѣчательныя современныя произведенія русской словесности; что ревностно боролся съ дерзкими шарлатанами, которые сѣютъ плевелы на священной нивѣ отечественнаго просвѣщенія,—боролся тогда еще, когда сами корифеи наши, возставая теперь за личныя оскорбленія, поддерживали, къ стыду своему, легкомысленнымъ покровительствомъ; и наконецъ, что смѣло вразумлялъ посредственныхъ педантовъ въ ихъ собственныхъ недостаткахъ, дабы впредь они принимали какой-нибудь скромный опытъ робкаго, но достойнаго юноши, предстающаго на судъ публики, съ меньшею грубостью, если уже, по несчастному расположенію души, не могутъ этого сдѣлать съ ббльшимъ доброжелательствомъ, или должнымъ уваженіемъ“. Совсѣмъ инаго мнѣнія о журналистикѣ былъ Полевой: „Существенное достоинство журнала,—говоритъ онъ,—не состоитъ

ли въ многообразіи и разнообразіи предметовъ? *Главное—сыскать скользкую дорожку, которая вѣтается между излишнею важностью и ничтожною легкостью.* Читателю скучно находить въ журналѣ что находить онъ въ огромной книгѣ, послѣ которой хотѣлъ отдохнуть; еще несноснѣе найти статью длинную, сухую, разорванную въ нѣсколько номеровъ, все однако лучше *найти что-нибудь, нежели ничего,* въ легкой какъ пухъ книжечкѣ, обертка которой обременена лучевымъ перечнемъ поэзіи и прозы. Вообще можно пожелать, чтобы журналисты болѣе пользовались важнымъ преимуществомъ своимъ—представлять отчетныя извлеченія изъ всѣхъ книгъ любопытныхъ и важныхъ и увѣдомлять читателей обо всемъ что слышно новаго. *Журналисты—разносчики вѣстей; остерчаясь съ ними, не спрашиваютъ: что вы знаете, но—нѣтъ ли чего-нибудь новаго.* Вотъ почему я полагаю критику однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣленій журнала,—пусть только она будетъ умна, правдива, дѣльна. Присовокупите къ тому избранныя новости литературныя, важнѣйшія новости въ наукахъ, искусствахъ и художествахъ, обзоръ всеобщаго просвѣщенія, и умѣйте предлагать это не односторонно, разнообразно“ („Телег.“ 1825, I, 6—9). На этомъ основаніи, на первыхъ порахъ Полевой высказывалъ свой взглядъ только „посоветовавшись съ общимъ мнѣніемъ“. Отсюда ясно, что „Московскій Вѣстникъ“, какъ замѣтилъ уже Бѣлинскій, былъ слишкомъ серьезенъ и не принаравливался къ общему уровню тогдашней читающей публики, тогда какъ „Телеграфъ“ служилъ полнымъ выраженіемъ ея потребностей. Другой недостатокъ „Московского Вѣстника“, который впрочемъ былъ прямымъ результатомъ его серьезнаго направленія, это — его *безцвѣтность* въ томъ смыслѣ, какъ требовали въ то время опредѣленности въ направленіи журнала. По словамъ Надеждина, „Московскій Вѣстникъ“ „не очень рѣзвъ и не очень смиренъ, не совсѣмъ упрямъ и не совсѣмъ сговорчивъ,—точь-въ-точь середка на половинѣ! Впрочемъ, не середка на половинѣ должна составлять достоинство журнала. Напротивъ, нѣтъ ничего отвратительнѣе подобной умѣренности. Отъ нея тошнить, какъ отъ теплаго. По моему мнѣнію, журналъ долженъ быть либо то, либо сѣ. Гермофродиты суть уроды въ натурѣ“ („Вѣст. Евр.“ 1830, IV, 111 и 112). Въ чемъ же заключалась эта умѣренность? На это отвѣчаютъ выше приведенныя слова Бѣлинскаго: „отчужденіе отъ рѣзкости въ сужденіяхъ, недостатокъ полемики, составляющей жизнь журнала“.

Надеждинъ — своимъ образнымъ и оригинальнымъ языкомъ — выразилъ это еще яснѣе и рельефнѣе для тогдашняго журнала: „Ругательство было наилучшею приправою, которою можно приманивать литературную толпу, ищущую на базарахъ словесности всякаго и всяческаго раздора. Откажись „Телеграфъ“ отъ своихъ прицѣпокъ, придирожекъ и ругательствъ, — половина подписчиковъ и... бухъ какъ камень въ воду. Онъ тѣмъ доселѣ и бралъ, что не спускалъ ни встрѣчному, ни поперечному. Всякаго, кто бы ни попался подъ перо — и ну колотъ! Вотъ и пошла о немъ слава по народу: „Ай-да удалецъ! Ну-жь, сполать доброму молодцу! Никому нѣтъ спуску“ (IV, стр. 183). Надо сознаться, что среди неподготовленной и неразвитой публики, въ эпоху борьбы и столбованиея мыслей и мнѣній, такой приемъ есть результатъ необходимости и единственный залогъ успѣха; въ этомъ смыслѣ Полевой былъ правъ. Люди серьезные и образованные и тогда были на сторонѣ „Московского Вѣстника“. С. Т. Авсаковъ, одинъ изъ отъявленныхъ противниковъ „Телеграфа“, говоритъ: „Кромѣ литературы и ученыхъ достоинствъ, „Московскій Вѣстникъ“ былъ журналъ честный: критика его могла быть пристрастна, но никогда не основывалась на расчетахъ и никого не хвалила изъ видовъ. Несмотря на это, журналъ не имѣлъ успѣха; петербургскіе журналисты были противъ „Московского Вѣстника“ („Разн. соч.“, 182 и 183). Но много ли было такихъ цѣнителей? А между тѣмъ петербургскіе журналы, какъ на примѣръ „Сынъ Отечества“, занимавшій тогда самое видное между ними мѣсто, съ перваго же года вооружился противъ „Московского Вѣстника“. Въ статьѣ „О новыхъ метеорологическихъ явленіяхъ въ русской литературѣ, или взглядъ на положеніе новыхъ преобразователей русскаго языка, новыхъ историковъ, новыхъ философовъ, новыхъ поэтовъ и пр.“ (1847 г., №№ 1, 2 и 4) — вообще высказывается нерасположеніе „Сына Отечества“ къ „Московскому Вѣстнику“; критикъ нападаетъ — и притомъ не безъ нѣкотораго основанія — на переводъ Погодинымъ драмы Гёте — „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ и указываетъ неудачную замѣну выраженій подлинника простонародными русскими оборотами. Наконецъ, была еще случайная, но также не маловажная причина успѣха „Телеграфа“. Собратья-журналисты встрѣтили Полевого такимъ общимъ хоромъ придиричивой и ожесточенной брани, какой ни прежде, ни послѣ не испытывалъ ни одинъ вновь возникавшій

журналъ: дѣло дошло до того, что Писаревъ перенесъ эту брань на театральныя подмостки и издѣвался надъ Полевымъ, безъ всякаго повода, въ своихъ водевильныхъ куплетахъ. Публика всегда принимаетъ сторону обиженнаго и угнетеннаго, всегда ищетъ для него оправданія и извиненія; а тутъ еще брань невольно обращалась къ пользу Полевого. За что, — спрашивалъ себя всякій, — такія нападки, такая травля? Вѣрно Полевой задѣлъ за живое и, слѣдовательно, правъ. За него были — какъ за искуснаго борца, который доставлялъ поводъ къ этому словесному турниру, занимавшему публику, гдѣ самъ онъ игралъ первенствующую роль. К. А. Полевой, въ своихъ „Запискахъ“ (141—144), говоритъ, что одно театральное представленіе, гдѣ были нападки Писарева на Полевого (явѣстные куплеты его въ водевилѣ „Три десятки“), совершенно неожиданно вызвало со стороны публики шумную и страстную овацію въ пользу Полевого. Безъ сомнѣнія, таковы же были послѣдствія въ публикѣ и нападеній на страницахъ журналовъ.

Между тѣмъ, сравнивая „Московскій Вѣстникъ“ съ „Телеграфомъ“ за одно и то же время (съ 1825 до 1830 г. включительно), нельзя не отдать преимущества первому. Стихотворный отдѣлъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ былъ неизмѣримо выше; повѣсти Полевого, въ смыслѣ моднаго тогда подражанія Вальтеръ-Скотту, могли нравиться современной публикѣ, но въ сущности уступали даже повѣстямъ Погодина, имѣвшимъ по крайней мѣрѣ достоинство народно-бытовыхъ изображеній; иностранная библиографія была несравненно полнѣе и обработана съ бѣльшимъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла. Критическія способности Полевого обнаружались уже впоследствии, а за разсматриваемый періодъ критика въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ стояла гораздо выше. Не упоминая уже подробно разсмотрѣнной нами статьи И. В. Кирѣевскаго о Пушкинѣ, даже критическія статьи Шевырева, обнаруживавшія знакомство съ иностранными образцами, давали гораздо болѣе, нежели робкія на первыхъ порахъ и лишеныя серьезной доказательности похвалы и порицанія Полевого. Недоставало полемики и рѣзкости въ сужденіяхъ!

Въ первомъ (1828 году) всѣ члены кружка — Веневитиновы⁽²⁹⁾, Хомяковъ, Кирѣевскіе, кн. Одоевскій, Титовъ, Рожалинъ, Кошелевъ — принимали, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ изданіи „Московского Вѣстника“. Но со втораго же года эти

сотрудники совершенно отстранились и вся тяжесть издания обрушилась на самого Погодина и въ особенности на Шевырева. Въ томъ же году и Шевыревъ уѣхалъ въ Италію, хотя онъ не переставалъ оттуда быть дѣятельнымъ сотрудникомъ „Московского Вѣстника“. Мѣста удалившихся заняли новые сотрудники: Пим. Араповъ (въ качествѣ переводчика), Зиновьевъ, лица неизвѣстныя, отчасти избравшія для себя неразгаданные псевдонимы (Зонъ 1, 2, 3, 4 и пр.). Въ послѣднемъ 1830 году къ „Московскому Вѣстнику“ примкнулъ, въ качествѣ главнаго сотрудника, Венелинъ. Постепенное уклоненіе первоначальныхъ сотрудниковъ также было одною изъ главныхъ причинъ постепеннаго ухудшенія журнала.

Александръ Ивановичъ въ 1827 году помѣстилъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ двѣ статьи, за подписью А. К.: первая изъ нихъ была извлеченіе изъ книги „Очерки о Персіи“ (Sketches in Persia, from the Journals of the traveller in the East. London, 1827 г. „Моск. Вѣстн.“ 1827, VI, 464—481). При этомъ я долженъ замѣтить, что догадка моя, изложенная въ первой части (515), на основаніи письма его къ матери, о помѣщеніи Кошелевымъ статьи: „О нынѣшней Персіи“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1827 годъ,—оказалась невѣрною. Вторая статья Александра Ивановича—„Чтеніе доктора Гренвиля въ Петербургской академіи о египетскихъ муміяхъ“ (VI, 367—371). Чтеніе это, съ демонстраціею самыхъ мумій, привезенныхъ изъ Египта, привлекло многочисленную публику и обратило общее вниманіе (подробный о немъ отчетъ помѣщенъ былъ также въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1827 годъ). Участіе Александра Ивановича въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ видно изъ письма къ нему по этому предмету Погодина (отъ 13 декабря 1827 года): „Давно уже долженъ былъ благодарить любезнѣйшаго Александра Ивановича за его прекрасные подарки „Московскому Вѣстнику“, но что дѣлать! Провлѣтыя корректуры губятъ меня и я никакъ не могъ урвать минутки, чтобъ освободиться духомъ потолковать съ вами о нашемъ общемъ дѣлѣ. „Смѣсь“ съ помощью вашей надѣмся улучшить. Съ самаго начала года хотѣлось мнѣ помѣщать статьи о современныхъ происшествіяхъ, въ родѣ помѣщавшихся нѣкогда у Карамзина въ „Вѣстникѣ Европы“, но некому было препоручить этого дѣла, очень любопытнаго для читателей. Теперь находится человекъ, который слѣдитъ за европейскою политикою,—надѣюсь залучить его къ себѣ. Другая статья: мы начнемъ обо-

зрѣніе журналовъ и станемъ давать отчетъ о всякой книжкѣ каждаго изъ нихъ. Въ „Атенеѣ“ будутъ ратоборствовать М. Дмитріевъ, А. Писаревъ, Загоскинъ, Шаховской. Разборъ его по литературнымъ мнѣніямъ должны взять на себя князь Одоевскій и Титовъ, который будетъ дѣлать это съ осторожностью. Скажите имъ это. „Телеграфъ“ будетъ на плечахъ у Шевырева, я берусь за „Русскаго Зрителя“ и пр. Мы, уважая свое дѣло, не должны марать его придирками, косвенными нападеніями, а говорить свое мнѣніе основательно и положительно. Иностранная библіографія, преимущественно англійскихъ книгъ, принадлежитъ, по всѣмъ правамъ, вамъ. Жаль, что наши московскіе издѣнники и ничего не дѣлаютъ; мы перестали ужь усовѣщивать,—скучно; попытайтесь теперь вы. Я думаю скоро (мѣсяца черезъ четыре) сойти съ журнальнаго поприща и предоставить оное достойнѣйшимъ“. Въ этомъ письмѣ есть приписка Шевырева слѣдующаго содержанія: „Примите и мою благодарность, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за пособія ваши. Если персидскія сказки, помѣщенныя въ „Skethes in Persian“ (книгѣ о которой писалъ Александръ Ивановичъ), хороши поэтически, то нельзя ли перевести? Мнѣ хочется побольше *народныхъ* повѣстей въ изящную прозу: тогда и это отдѣленіе можно сдѣлать европейски-интереснымъ. Постараюсь достать сказокъ исландскихъ, испанскихъ, нормандскихъ и т. п., а русскихъ у меня вдоволь. Поторопите Титова написать замѣчанія на „Skethes“, имъ обѣщанныя, да надѣмся, что вы насъ полакомите чѣмъ-нибудь наиинтереснѣйшимъ для первыхъ книжекъ журнала“.

Замѣтимъ мимоходомъ, что журнальная дѣятельность кружка не прекратилась вмѣстѣ съ „Московскимъ Вѣстникомъ“. Въ 1835 году затѣялся журналъ, гдѣ должны были принять участіе: Хомяковъ, Кирѣевскій, Кошелевъ, Баратынскій, Шевыревъ, Мельгуновъ, Свербеевъ и куда приглашали князя Одоевскаго. Одинъ изъ членовъ кружка писалъ о тогдашнемъ препровожденіи времени: „Мы собираемся по пятницамъ у Свербеевыхъ, по воскресеньямъ—у Кирѣевскаго, иногда по четвергамъ—у Кошелевыхъ и время отъ времени у Баратынскаго. Два, три раза въ недѣлю мы всѣ въ сборѣ, дамы—непремѣнныя участницы нашихъ бесѣдъ, и мы проводимъ время какъ нельзя веселѣе: Хомяковъ спорить, Кирѣевскій поучаетъ, Кошелевъ рассказываетъ, Баратынскій поэтизируетъ, Чаадаевъ проповѣдуетъ или возводитъ очи къ небу. Герке дура-

чится, Мещерской молчать, мы остальные слушаемъ. Павловъ еще въ дорешивъ, — пишетъ повѣсти; Скарятинъ завелъ славную академію. Результатомъ этихъ собраній было появленіе „Моск. Наблюдателя“ (1886 г.). Этотъ журналъ предпринятъ нѣсколькими литераторами, въ числѣ которыхъ главное значеніе имѣли Баратынскій, Кирѣевскій, Павловъ, Погодинъ, Шевыревъ, Хомяковъ, Языковъ и проч. Редакторомъ журнала избранъ былъ Андросовъ при помощи Шевырева. Мы всѣ (перечисленные выше собесѣдники) — постоянные сотрудники, надсмотрщики и участники. Расходы должны простирались до 40.000 руб., потому что мы будемъ платить 150 рублей за печатный листъ. Капиталь въ основаніе журнала положено собрать до 20.000 р., до сихъ поръ собрано болѣе 10.000 р., мы всѣ вносимъ по 1.000 р.“. Само собою разумѣется, что тысяча рублей, приходившаяся на долю Александра Ивановича, была уплачена въ фондъ для изданія „Московского Наблюдателя“. Но къ разсмотрѣнію этого журнала мы обратимся въ свое время, когда перейдемъ къ московской жизни Александра Ивановича.

Для полной характеристики Александра Ивановича въ его молодые годы, намъ остается указать еще на двѣ существенныя черты его характера: расчетливость и глубокое религиозное чувство. Александръ Ивановичъ не безъ гордости писалъ своей матери, что еще въ то время, 20-ти лѣтъ, онъ приобрѣлъ репутацію *расчетливаго* человѣка и между родными, и между знакомыми. Онъ получалъ отъ матери 6.000 р. въ годъ и рѣдко просилъ прибавки, объясняя ее всегда полнымъ и подробнымъ счетомъ своихъ расходовъ — для доказательства, что не истрачено ничего на прихоти и ненужные расходы. Онъ рассчитывалъ при покупкѣ книгъ, рассчитывалъ въ минуты самыхъ для него приятныхъ удовольствій, сопровождая рассказъ о нихъ неизмѣнною прибавкою, что при томъ „стоить дешево“ или что, „къ сожалѣнію, обошлось дорого“. Выигралъ онъ 3.000 р. въ карты и сейчасъ же положилъ 2.000 р. въ опекуновскій совѣтъ для „составленія изъ нихъ фонда“, — конечно, не для игры, а для необходимыхъ сверхсѣтныхъ расходовъ.

Мать Александра Ивановича спрашивала его въ письмѣ, часто ли онъ бываетъ въ церкви. „Каждое воскресенье и пропускаетъ только по крайней необходимости, но уже непременно разъ въ два воскресенья“. Отношеніе его къ религіи видно изъ слѣдующаго

интереснаго письма къ матери: „Письмо ваше отъ 16 апрѣля, милая маменька, меня сильно огорчило. Повидимому, вы такъ обезпокоены и взволнованы, что я не знаю, что мнѣ дѣлать, что сказать вамъ, чтобы васъ успокоить и разувѣрить. Если вы боитесь за мое здоровье, то будьте на этотъ счетъ безъ всякаго опасенія, потому что никогда я не былъ такъ остороженъ: я знаю, что всякое мое малѣйшее нездоровье покажется вамъ тяжкою болѣзнью. Если вы сомнѣваетесь въ моемъ поведеніи, то двоюродный братъ мой (А. С. Норовъ), никогда не теряющій меня изъ виду, можетъ васъ удостовѣрить, что, въ теченіе всего моего пребыванія въ Петербургѣ, ни въ чемъ я не нарушилъ правилъ ни строгой нравственности, ни умѣренности и благоразумія. Или это—нетерпѣніе меня видѣть, въ такомъ случаѣ припомните, милая маменька, увѣщанія, которыя сами вы мнѣ писали, съ терпѣніемъ переносить нашу разлуку и прилежно заниматься службой. Могу ли я, маменька, исполнить, что вы мнѣ совѣтовали, если сами вы не будете воздерживаться; могу ли быть спокойнѣе, когда знаю, что вы беспокоитесь и мучаетесь. Ради Бога, придите въ спокойное состояніе, ради любви ко мнѣ; заклинаю васъ именемъ Бога, не терзайте себя напрасными мученіями и возвратите душѣ своей миръ, который позволитъ намъ безмятежно и тихо наслаждаться взаимно чувствами любви материнской и сыновней. Милая маменька, позвольте вамъ дать совѣтъ: знаю, что неприлично мнѣ къ вамъ съ этимъ подходить, но пусть моя безграничная къ вамъ любовь послужитъ извиненіемъ. Часто вы меня увѣщевали приближаться къ Богу; какъ я вамъ благодаренъ за эти увѣщанія! Благодать Божія не покидала меня; и одно изъ лучшихъ для меня удовольствій—встать поутру и прочесть двѣ или три главы изъ Евангелія. Это успокоиваетъ меня на цѣлый день и очищаетъ душу. Когда я подумаю о высшей добродѣтели нашего Искупителя, всякая нечистая мысль бѣжитъ прочь и тихое спокойствіе служитъ мнѣ наградой за тотъ небольшой трудъ, которымъ я себя постарался направить на путь истинный. Милая маменька, не послужитъ ли это для васъ поучительнымъ указаніемъ? Душа ваша слишкомъ привязалась къ предмету, которому вы посвятили все ваше существованіе, и забыла Бога. Что говоритъ религія: „ничтоже любите, паче Создавшаго вся!“ А развѣ это не любовь языческая, когда вы отнимаете у себя весь покой, когда вы день и ночь себя терзаете? Милая маменька, хотя изъ любви

ко мнѣ, успокойтесь, соединитесь со мною въ молитвѣ къ Всемогущему и призовите помощь Его для поддержанія васъ въ теченіе этой земной жизни, молитесь со мною, да сдѣлаетъ Онъ насъ достойными для жизни будущей. Милая маменька, какой обильный источникъ утѣшенія представляетъ религія! Я прежде думалъ, что это только пустыя слова, но теперь я это чувствую и не могу достойно возблагодарить Создателя за Его безконечное милосердіе. Прибѣгните къ религіи и вы обратите то спокойствіе, которое обезпечить за нами обоими счастье, самимъ Богомъ намъ предоставленное, въ искренней и святой любви, насъ взаимно соединяющей“ (22 апрѣля 1827 г.).

Въ письмѣ къ Кирѣевскому, написанномъ въ тотъ же періодъ, Кошелевъ такъ выражается о безсмертіи души: „Прежнія наши мысли о будущей жизни, какъ о превращеніи въ какое-то безусловное, кажутся мнѣ школьными и дикими. Чѣмъ болѣе я думаю о будущей жизни, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ея необходимости. Полвѣка тому назадъ Кантъ доходилъ до необходимости бытія Бога, свободы воли и безсмертіи души; теперь *вѣра* въ Бога, свобода воли и безсмертіе души служатъ основаніемъ любомудрія и лишь съ жизнью можно исторгнуть оную изъ нашей души. Сперва признали необходимость Бога, потомъ индивидуальность онаго, теперь *это знаніе превратилось въ вѣру*. Думаю и надѣюсь, что какъ теперь не сомнѣваются болѣе въ безсмертіи души, такъ современемъ убѣдятся въ индивидуальномъ ея безсмертіи“ (Ильинское, 30 сентября 1832 года).

Такимъ образомъ еще въ 1832 г. работой собственной мысли Александръ Ивановичъ выработалъ въ себѣ то религіозно-философское настроеніе, которое впоследствии легло въ основу философскаго ученія славянофиловъ.

Итакъ, мы познакомились съ раннею порой жизни не только Александра Ивановича Кошелева, но и другихъ выдающихся первоначальниковъ славянофильскаго ученія. Мы видѣли, что основа ихъ воззрѣнія, выработаннаго воспитаніемъ и внутреннимъ обмѣномъ кружка, одна и та же—глубокая религіозность, искреннее и теплое семейное начало и нравственно-гуманное отношеніе къ людямъ и обществу.

ПОПРАВКИ,

ДОПОЛНЕНІЯ, ПРИМЪЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

Поправки и дополненія къ книгѣ первой.

Къ страницѣ 20-й.—М. М. Херасковъ (род. 1733 въ Переяславль, ум. 1807) выпущенъ былъ въ 1751 г. изъ Шляхетнаго корпуса поручикомъ въ Ингерманландскій полкъ. Въ 1752 г. Херасковъ перешелъ въ коммерцъ-коллегію съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Въ 1755 году онъ назначенъ былъ ассесоромъ при конференціи Московскаго университета, при самомъ его основаніи, гдѣ съ 1757 г. ему поручено было завѣдываніе Университетскою типографіей. Въ 1761 году, за отсутствіемъ Мелиссино, онъ отправлялъ должность директора университета, а въ 1763 г. назначенъ на эту должность, вмѣсто Мелиссино. Въ 1770 г. получилъ мѣсто вице-президента бергъ-коллегіи въ Петербургѣ, а въ 1775 г. онъ вышелъ въ отставку и проживалъ въ Москвѣ по 1778 годъ; въ этотъ періодъ онъ сдѣлался ревностнымъ масономъ. Въ 1778 г. онъ былъ назначенъ кураторомъ Московскаго университета, вмѣстѣ съ Шуваловымъ, Ададуровымъ и Мелиссино. Такъ какъ Шуваловъ постоянно проживалъ въ Петербургѣ, Ададуровъ около 1770 г. удался отъ дѣлъ и только носилъ званіе куратора, а Мелиссино уѣхалъ за границу и вернулся только въ концѣ февраля 1782 г., то Херасковъ, въ теченіе 3 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, былъ единственнымъ дѣятельнымъ и находящимся на-лицо кураторомъ университета. Въ самомъ началѣ 1801 г. Херасковъ былъ уволенъ императоромъ Павломъ и возвращенъ императоромъ Александромъ, но въ 1802 г. онъ вышелъ окончательно въ отставку и жилъ частнымъ человѣкомъ въ Москвѣ, до самой своей смерти.

Къ стр. 22.—Колбасинъ говоритъ: „Московскій университетскій пансіонъ, быть можетъ, и мало давалъ тогда научныхъ свѣдѣній, отчасти довольно небрежно обращался вообще съ наукою, за

то онъ давалъ бодрость и крылья тогдашнему юношеству; въ немъ совершенно не было тѣхъ скверныхъ учебниковъ, которые впоследствии притупили и самихъ учителей, и ихъ учениковъ. Тогда все зависѣло отъ чисто-личнаго таланта и воли преподавателя. Между преподавателями встрѣчались люди съ обширнымъ европейскимъ образованіемъ. Скучныя программы не дѣлали имъ на каждомъ шагѣ преградъ; начальство не хотѣло, чтобы дѣти выносили изъ заведенія безжизненныя, округленно-казенныя воззрѣнія“ („Литерат. дѣятеля“, 246—247). По отзывамъ П. М. Строева, воспитывавшагося въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, единственно правильныя начала для воспитанія русскаго юношества были примѣняемы въ этомъ учебномъ заведеніи, которому онъ не зналъ цѣны (Барсуковъ, „Жизнь Строева“, 2).

Къ стр. 26.—Первое начало русской журналистики изложено въ статьѣ г. Майкова, въ его „Критическихъ и библиографическихъ замѣткахъ по поводу труда г. Неустроева о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ“ („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1875 г., іюль, 126—167). Тамъ же помѣщены замѣчанія о „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, о „Примѣчаніяхъ“ въ немъ, объ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“. Примѣчанія къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ разобраны въ сборникѣ Пятковского— „Изъ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія“ (т. II, 28—38); а объ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ есть отдѣльныя статьи, принадлежащія Вл. Милютину („Соврем.“ 1851 г., т. XXV, №№ 1 и 2, отд. II, стр. 1—52 и 152—182 и т. XXVI, № 3, стр. 1—48), и кромѣ того указанія въ статьѣ Певарскаго „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 гг.“ (Спб. 1867 г.). Журналъ Миллера имѣлъ не столько литературное, сколько ученое значеніе. Литературный отдѣлъ занялъ въ немъ второстепенное мѣсто. Преимущественное вниманіе обращено было редакторомъ на статьи ученыхъ, служившія не только къ *увеселенію*, но и къ пользѣ читателей. Ученныя статьи излагались въ формѣ доступной для всѣхъ читателей и потому должны были представляться общезанимательными по своему содержанію и популярными по своей формѣ. Поэтому всѣ спеціальныя и сухія для большинства читателей изслѣдованія не могли найти себѣ мѣста въ Миллеровомъ журналѣ. Исключеніе изъ этого общаго правила допущено было только для статей, которыя имѣли своимъ предметомъ

изученіе прежней судьбы и тогдашняго быта Россіи. Статьи по части исторіи, географіи и статистики Россіи, которыми Миллеръ старался наполнить свой журналъ, давали ему, безспорно, одно изъ первыхъ мѣстъ между нашими старыми журналами; а нѣкоторыя изъ этихъ статей сохраняютъ свою цѣну и въ настоящее время. Таковы, кромѣ статей самого Миллера („Извѣстіе о торгахъ сибирскихъ; Описаніе инородцевъ въ Казани; О Запорожскихъ казакахъ; О странахъ при Амурѣ лежащихъ; Описаніе русскихъ морскихъ путешествій по Ледовитому и Восточному морю и первыхъ посольствъ въ Китай; Путешествіе китайскихъ посланниковъ къ калмыцкому хану Аюкѣ въ 1764 г.“), статьи Рычкова (по исторіи и топографіи Оренбурга), Соймонова (описаніе Сибири и Каспійскаго моря) и Гербера (примѣчанія къ російской географіи X вѣка, собранной профес. Байеромъ) и друг. Сюда же принадлежатъ первыя въ Россіи метеорологическія наблюденія Іос. Ад. Брауна. Замѣчательно, что въ переводныхъ статьяхъ общенаучнаго содержанія значительная доля приходится на „Записки“ Шведской академіи наукъ, знаменитой тогда трудами своихъ членовъ (Линней, Петръ Варгентинъ и друг.). Наибольшее число помѣщенныхъ въ литературномъ отдѣлѣ журнала стихотвореній принадлежитъ Сумарокову (123), затѣмъ Хераскову (21) и отчасти Ломоносову (2), Тредьяковскому (3) и Нартову (6). Прозанческій отдѣлъ имѣлъ въ то время особый характеръ. Въ настоящее время цѣль и значеніе сатирическаго направленія состоятъ преимущественно въ осмѣяніи особенныхъ пороковъ, слабостей и недостатковъ, существующихъ въ данную эпоху и въ данной мѣстности. Въ XVIII вѣкѣ сатира имѣла совсѣмъ другое значеніе и другую цѣль. Она карала пороки, слабости и недостатки, общіе человѣческой природѣ, существующіе всегда и вездѣ. Сатирическія сочиненія того времени принадлежали не столько къ области литературы, сколько къ области науки. Они представляли собой не художественное изображеніе дѣйствительности, но развитіе общихъ идей, заимствованныхъ изъ сферы нравственной философіи, въ формѣ беллетристической. Самая форма тогдашнихъ сатирическихъ сочиненій существенно разнилась отъ формы, усвоенной ими въ настоящее время. Несмотря на успѣхъ Сервантеса и нѣкоторыхъ его подражателей, сатирическіе романы и повѣсти не были въ такомъ ходу, какъ теперъ. Тогдашніе сатирики отдавали явное предпочтеніе

формѣ аллегорической и преимущественно развивали свои нравственно-философскія идеи въ формѣ сновъ, разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ, волшебныхъ сказокъ, аллегорій и т. п. Направленіе это, которому всего болѣе приличествуетъ названіе *дидактическаго*, господствовало во всей литературѣ, но преимущественно въ журналистикѣ. Въ Англии, во Франціи и въ Германіи издавалось тогда множество журналовъ, которые наполнялись статьями такого направленія, философскими по своему содержанию и аллегорически по своей формѣ („Соврем.“ 1851 г., т. XXV, 33). Наибольшее число матеріаловъ для дидактическихъ статей въ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“ доставили англійскіе журналы Стиля и Аддисона: „Говорунъ“ („The Tatler“, 1709—1711), „Зритель“ („The Spectator“, 1711—1715) и „Опекунъ“ („The Guardian“), затѣмъ „Новый Французскій Зритель“, „Грейфсвальдскія сочиненія“ (1753 и 1754), „Бременскія сочиненія, въ увеселенію разума служащія“ (въ половинѣ XVIII столѣтія), газета „Der Freund“ (1754 и 1756), „Гамбургскій Патриотъ“, „Гамбургскія сочиненія, въ пользѣ и увеселенію служащія“, „Гамбургскія правоучительныя сочиненія“, „Ганноверскія сочиненія“, „Лейпцигскія“, „Бернскій журналъ“; нѣмецкія газеты: „Мечтатель“, „Пилигримъ“, „Вселенная“, „Собраніе правоучительныхъ сочиненій“, „Образцовыя сочиненія“, „Наблюдатель“, „Новый Французскій Магазинъ“; англійскія: „Универсальный Магазинъ“, „Универсальная Исторія“. Этотъ длинный перечень журналовъ, доставлявшихъ матеріалъ „Ежемесячнымъ Сочиненіямъ“, показываетъ, насколько Миллеръ заботился о достоинствѣ и разнообразіи ихъ содержанія. Изъ переводовъ помѣщены: двѣ повѣсти Вольтера „Микромегасъ“ и „Задигъ“ и его же „Философъ о славѣ, разговоръ у китайцевъ“; изъ сочиненія Фридриха II — „Философъ безъ понятія“; д'Аламберта, — „Обстоятельное изъясненіе системы знаній человѣческихъ“, изъ „Бродяги“ сочин. Джонсона, изъ Галлера, изъ нѣмецкаго сатирика Рабенера; изъ моралистовъ: датскаго—Гольберга и шведскаго—Оксенштирна. Изъ оригинальныхъ русскихъ сочиненій помѣщены: рѣчь Поповскаго при вступленіи на кафедру философіи въ Московскомъ университетѣ; статья Елагина (заимствованная впрочемъ изъ „Лейпцигскихъ сочиненій“); два „Разговора въ царствѣ мертвыхъ“ Суворова. Кромѣ того журналъ Миллера показалъ первый опытъ библиографіи, помѣстивши въ 1763—1764 г. обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ книгъ, вышедшихъ

въ Россіи и за границею. — „Ежемѣсячныя Сочиненія“, имѣвшія огромный успѣхъ въ свое время, не только пріохотили къ чтенію русскую публику, не только распространили въ ней множество полезныхъ свѣдѣній и ближе познакомили ее съ прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ Россіи, но и положили прочное начало отечественной журналистикѣ. Своимъ примѣромъ они доказали пользу періодическихъ изданій и побудили другихъ писателей выступить также на поприще журнальной дѣятельности, до той поры совершенно неизвѣстное (В. Милютинъ).

Къ стр. 26. — Майковъ замѣчаетъ, что „Праздное Время“ отличается отъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, съ ихъ по преимуществу ученымъ характеромъ, зачатками сатирическаго направленія и этимъ сближается съ „Трудолюбивою Пчелою“ Сумарокова (145—147). Въ числѣ сотрудниковъ „Празднаго Времени“ Майковъ указываетъ П. С. Валугева (П. В.), П. И. Пастухова (П. П.), впоследствии сенатора и члена комиссіи народныхъ училищъ, Ивана Борисова, переводчика съ датскаго языка, и Л. И. Сичварева, корпуснаго учителя и трудолюбиваго переводчика.

Къ стр. 28. — Въ „Невинномъ Увеселеніи“ помѣщена статья „о стихотворствѣ“ безъ подписи, принадлежащая, по свидѣтельству Новикова и Дмитревскаго, Е. Г. Домашневу (Ефремова „Матеріалы“, стр. 31 и 142). Она замѣчательна какъ первый опытъ изложенія свѣдѣній по исторіи и теоріи словесности на русскомъ языкѣ. Статья эта перепечатана въ „Матеріалахъ по исторіи русской словесности“, изданныхъ Ефремовымъ. Домашневу же принадлежитъ „Опытъ объ исторіяхъ“, помѣщенный въ „Свободныхъ Часахъ“. Губерти, на основаніи собственнаго показанія Богдановича въ его автобіографіи („Отеч. Зап.“ 1853 г., IV), гдѣ онъ называетъ себя соучастникомъ этого журнала, называетъ издателемъ „Невиннаго Увеселенія“ Хераскова. Въ журналѣ помѣщались стихотворенія кн. Дашковой и Е. В. Херасковой; самому Хераскову принадлежатъ нѣсколько сатирическихъ писемъ въ стихахъ и прозѣ, ему же и Богдановичу — большинство помѣщенныхъ стихотвореній (оды, элегіи, эпиграммы, мадригаловъ и проч.). Переводы изъ Вольтера, помѣщенные въ этомъ журналѣ, были первые по времени; при этомъ переводъ кн. Дашковой „объ эпической поэзіи“ былъ первымъ ея литературнымъ произведеніемъ, помѣщеннымъ въ покровительствуемомъ ею журналѣ. Княгиня Дашковой принадлежитъ также, по мнѣнію

Майкова, обширный переводъ изъ Гельвеція „объ источникахъ страстей“, такъ какъ извѣстно, что княгиня въ молодости зачитывалась этимъ писателемъ.

Къ стр. 43.—Разность въ показаніи о пожертвованіяхъ на устройство типографической компаніи см. въ прим. 15.

Къ стр. 46.—Въ то же время выходили „Извѣстія Императорскаго воспитательнаго дому, къ удовольствію общества служащія“, 1788 г. Къ числу сатирическихъ журналовъ, выходившихъ въ Москвѣ подъ покровительствомъ Новикова, относится журналъ, издававшійся въ 1781 г. (2 части) Аблесимовымъ, этимъ, какъ называлъ его Сумароковъ, „чернильнымъ его сыномъ“, подъ названіемъ „Разказчикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время, или когда кому дѣлать нечево, стихами и прозою“. Аблесимовъ когда-то занимался у Сумарокова перепискою набѣло его сочиненій и образовался подъ его вліяніемъ. Впервые Аблесимовъ выступилъ на литературное поприще въ журналѣ Сумарокова „Трудолюбивая Пчела“. Главное содержаніе „Разказчика“, также какъ и у Сумарокова, составляетъ, особенно въ первой части, преслѣдованіе несправедливости и взяточничества судей и подьячихъ; попадаются впрочемъ и сатирическія статьи другаго содержанія, напримѣръ „Псовый охотникъ“, гдѣ осмѣивается жестокой и сумасбродный помѣщикъ, кусавшій за уши ловчихъ, когда они прозѣваютъ звѣря, и собственною своею особою загрызшій волка. Во второй части помѣщенъ переводъ шести писемъ изъ „Переписки госп. Фонтенеля съ докторомъ Юнгомъ“, отрывокъ изъ книги „Натуральная философія“ и обширная полемика съ Лукинымъ. Обзорніе этого журнала помѣщено у Губерти въ „Матеріалахъ для русской бібліографіи“ (т. II, 58—73). Замѣчательно, что сатирическое направленіе постоянно имѣло у насъ болѣе или менѣе даровитыхъ представителей, передававшихъ съ замѣчательною вѣрностію и наблюдательностію бытовья явленія въ окружающей средѣ.

Къ стр. 56.—Въ бібліотекѣ Румянцевскаго музея есть книжка „Erzählungen von Anton Wall nach Marmontel“. 1 Bändchen L. 1787. Въ ней заключаются передѣлки изъ Мармонтеля: 1) „Alcibiades (Alcibiade ou le moi)“; 2) „Soliman der zweite (Soliman II)“; 3) „Die Liebe auf dem Lande (la scrupule ou l’amour mecontent de lui même)“; 4) „Die vier Flacons (les quatre flacons ou les aventures d’Alcidonius de Megare)“; 5) „Töffel und Rose (Annette et Lubin)“.

Къ стр. 58. — Подшиваловъ одинъ редактировалъ первые два года журналъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, а потомъ онъ не принималъ участія и редакція перешла къ Сохацкому. Съ кн. П. Козловскимъ не должно смѣнивать кн. Ф. А. Козловскаго, воспитанника Московскаго университета, служившаго въ комиссіи Уложения; онъ, находясь при гр. Орловѣ, погибъ при взорваніи корабля „Св. Евстафій“ въ Чесменскомъ бою. Кн. Ф. Козловскій написалъ комедію „Ододжавшій любовникъ“.

Къ стр. 71. — Явившееся въ 1753 г. знаменитое сочиненіе епископа Лоута (Lowth: „de Sacra poësia Hebraeorum“) „положило начало новѣйшему пониманію ветхозавѣтной поэзіи и имѣло большое значеніе въ низверженіи классицизма и въ возвращеніи литературы къ реальному направленію. Лоуть первый указалъ, на сколько самыя поразительныя красоты еврейской поэзіи объясняются мѣстностью, господствующею религіею, обычаями и привычками самого народа. Это было первое сознаніе національнаго элемента въ литературѣ.

Къ стр. 81. — О „Сатирическомъ Вѣстникѣ“ помѣщены статьи А. Н. Аванасьева и г. Л. Р.—на въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1858 г., №№ 80, 83, 84 и 119.

Къ стр. 81. — Однимъ изъ подражаній сатирическимъ журналамъ Крылова („Почта Духовъ“ 1789 г.) была „Переписка двухъ адскихъ вельможъ, Алгабека и Алгамека, находящихся по различнымъ должностямъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, содержащая въ себѣ сатирическія, критическія и забавныя происшествія, повѣсти, анекдоты и другія удивительныя сцены нравственной жизни людей обоюбого пола. 3 части. Перев. съ арапоеврейскаго языка грекояпонскимъ переводчикомъ въ 1791000 году“. (Москва. 1792—1793 года). Это періодическое изданіе принадлежало извѣстному тогда литератору А. И. Писареву, который былъ попечителемъ Московскаго университета. Произведеніе это, не представляющее никакихъ литературныхъ достоинствъ, интересно какъ описаніе современныхъ нравовъ. Полное разложеніе семейныхъ связей, развратъ мужчинъ и женщинъ, неуваженіе къ родителямъ, презрѣніе къ старшимъ, неправосудіе и взяточничество, разореніе крестьянъ, мотовство, пьянство, драки, карты, собаки, лошади, рудетка (ч. II, 195—201)—вотъ черты, которыми наполнено все содержаніе этой, не лишенной наблюдательности, сатиры. Особенно интересенъ рассказъ, какими средствами *петиметры* за-

влекали въ свои сѣти и развращали *ласточекъ*, молодыхъ и неопытныхъ дѣвушекъ изъ провинціи, лишенныхъ всякаго серьезнаго образованія. Послѣ разказовъ о томъ, какъ родители совершенно не обращали вниманія на воспитаніе дѣтей и поручали его иностраннымъ проходимцамъ, становится понятною другая, хотя тоже неудачная, крайность Екатерининскихъ институтовъ и корпусовъ, отрывавшихъ дѣтей отъ семьи съ ранняго возраста, чтобы спасти ихъ отъ убійственной домашней обстановки. Авторъ въ особенности съ большимъ озлобленіемъ и повидимому по опыту вооружается противъ *злыхъ женицкинь*.

Къ стр. 86.—Вотъ, для характеристики современныхъ нравовъ, указаніе тѣхъ общественныхъ недостатковъ, которые подвергались осужденію въ тогдашнихъ сатирическихъ журналахъ. „Сатирическій Вѣстникъ“ осмѣиваетъ: возвращавшихся изъ-за границы пустыхъ и недоучившихся щеголей, убѣжденныхъ въ своемъ умственномъ превосходствѣ и глубокомъ образованіи и проповѣдующихъ невозможные и смѣшные проекты въ обществѣ; пристрастіе къ псовой охотѣ; излишнее увлеченіе танцами: журналъ по этому поводу замѣчаетъ, что „воспитаніе дочерей своихъ начинаютъ здѣсь не съ головы, но съ ногъ: человекъ занимающій хорошее мѣсто не рѣдко есть токмо что знатокъ по правиламъ вертѣться“; общую страсть къ производству домашнихъ наливокъ и распространеніе вмѣстѣ съ тѣмъ пьянство; страсть къ обжорству и многочисленный классъ прихлебателей, всю свою жизнь отыскивающихъ чужіе обѣды; хлѣбосоольство, которое обратилось „въ тайную склонность къ тщеславію, расточенію и разсѣянной жизни“, и деревенскіе наѣзды съ толпой слугъ и стаей собакъ, которые поглощаютъ значительную часть ежегоднаго урожая; нелѣпое воспитаніе дѣвицъ: искусство ногъ, пальцевъ и голоса есть первѣйшее здѣсь достоинство прекраснаго пола; заведеніе домашнихъ театровъ, способствующее разврату; искаженіе деревенской жизни; поклоненіе богатымъ и сильнымъ сосѣдямъ, развратъ и пьянство и вообще образъ жизни, нисколько не похожій на сантиментальныя описанія въ пасторальной литературѣ; стремленіе купцовъ выходить въ дворяне; распространеніе дуэлей; страсть барынь заказывать непохожіе портреты и требованіе, чтобы онѣ непременно нарисованы были красавицами и молодыми; умышленное банкротство; обычай непременно выселяться на зиму изъ деревень въ столицу;

распространившуюся моду на брилліанты; заботу о томъ, „что скажутъ другіе“, при чемъ авторъ замѣчаетъ: „сколь вредно излишнее уваженіе людскихъ мнѣній, изъ коихъ для души составляетя самопроизвольная цѣпь невольничества,—цѣпь, которая творитъ сердце робкимъ къ добру и содержитъ въ недѣйствіи разсудокъ, великость духа и истинныя чувствованія“; обычай прибѣгать къ свахамъ для заключенія браковъ; размноженіе „вѣстовщицъ“, которые, ходя изъ одного дома въ другой и переноса вѣсти, ссорятъ знакомыхъ и распространяютъ клевету; модныхъ докторовъ, которые отличаются искусствомъ въ излѣченіи притворныхъ болѣзней и всякаго рода угожденіями дамскому полу; общераспространенное желаніе непременно завести карету: „нерѣдко случается, что за нужнѣйшее поставляютъ имѣть сіи движущіея ящики, нежели тѣми деньгами, которыя на оныя употребляютъ, воспитывать дѣтей своихъ“; пристрастіе къ „болонкамъ“, вдругъ охватившее барынь: обстоятельства относящіяся до мужа, братьевъ и родни кажутся не столь важны, какъ то, чтобы заниматься лѣченіемъ каковой-нибудь своей Бижушки, чесаніемъ Фиделевъ, ученіемъ Жолишки стоять на переднихъ лапахъ и рѣзвостью съ Буфонкою; меценатство, поднесеніе льстивыхъ литературныхъ произведеній и „поставку на подрядъ и продажу разныхъ умопроизведеній своихъ“: по словамъ журнала, авторы торгуютъ разумомъ такъ, какъ товаромъ, и слова великія продаютъ за малыя деньги, за возъ хлѣба или пару платья, между тѣмъ какъ прежде люди, имѣвшіе истинныя дарованія, сколь ни были бѣдны, но всегда доставляли для себя благосостояніе собственнымъ своимъ трудолюбіемъ, а не соплетаемою лестію знатнымъ и богатымъ людямъ; легкомысліе и вредъ распространяемой въ обществѣ такъ-называемой философіи: изъ числа господствующихъ „модныхъ системъ“ одна учитъ тому, что порокъ и добродѣтель между собою суть равны, но различены токмо по волѣ закона, другая отвергаетъ наказаніе и награжденіе послѣ сей жизни, третья научаетъ быть добродѣтельнымъ безъ дѣйствія, но на однихъ словахъ. Наконецъ авторъ вооружается и противъ господствующаго направленія въ литературѣ: съ этою цѣлью онъ помѣстилъ „нововыдуманный способъ—удобно, скоро и вовсе не учась сочинять разнаго рода творенія“ и „постановленія вольной типографіи г. Имярека и К°, съ присоединеніемъ росписи, какихъ не должно принимать книгъ для

книгопечатанія, и показаніе ясныхъ и неопровержимыхъ на то причинъ“. „Почта Духовъ“ осмѣиваетъ въ частности: „положеніе комедіантовъ; умѣнье раззорить своихъ любовниковъ со стороны театральныхъ дѣвокъ; благоговѣніе предъ знатностью и древностью дворянскаго рода“. Крыловъ признаетъ уваженіе къ дворянству, но при одномъ условіи, чтобы значеніе этого сословія опиралось на нравственномъ достоинствѣ и дѣйствительныхъ заслугахъ.

Къ стр. 88.—Басня „Лисица Казнодѣй“ прислана въ „Распускающійся Цвѣтовъ“ Д. И. Фонъ-Визинимъ и въ текстѣ ошибочно приписана Дмитріеву.

Къ стр. 94.—Тогда былъ обычай воспитывать молодыхъ людей въ пансіонахъ, содержимыхъ профессорами, гдѣ учителями состояли тѣ же профессора и избранные ими молодые кандидаты, подъ ближайшимъ ихъ надзоромъ. Такимъ образомъ, пансіоны эти неразрывно соединены были съ университетомъ и ученики ихъ, даже во время бытности своей въ пансіонѣ, посѣщали профессорскія лекціи. Такъ держалъ пансіонъ, пользовавшійся въ свое время репутаціей отличнаго педагога, профес. Шаденъ, на восемь человѣкъ: изъ его пансіона вышелъ Карамзинъ, съ благодарностью вспоминая, какъ онъ учился морали по Геллертовымъ лекціямъ (moralische Vorlesungen), причемъ Шаденъ говаривалъ: „друзья мои! будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы“. Шаденъ впослѣдствіи закрылъ свой пансіонъ, находя, что онъ отвлекаетъ его отъ лекцій. Былъ пансіонъ у профес. Чеботарева, гдѣ, кромѣ него, преподавателями были жившіе у него магистры Панкевичъ и Сохацкій; изъ него вышли сдѣлавшіеся потомъ сенаторами Карнѣевъ и Лубяновскій. Точно также жили воспитанники у Надеждина и у Павлова: у перваго—Бѣлинскій, у втораго—Станкевичъ и Катковъ.

Къ стр. 110.—Майковъ доказываетъ, что душой и руководителемъ кружка, издававшаго „Вечера“, былъ М. М. Херасковъ, послѣ переѣзда его въ Петербургъ. Сотрудниками журнала были, кромѣ жены самого Хераскова, люди близкіе къ нему еще по Москвѣ: В. И. Майковъ, Ипп. Ѡ. Богдановичъ, А. В. Храповицкій, сестра его М. В. Храповицкая, въ замужствѣ Сушкова.

Къ стр. 112.—Въ „Вечерахъ“ помѣщено нѣсколько переводовъ изъ Вольтера: „Коллинъ и Лиза“, „Изысканіе объ Амазонкахъ и ихъ республикѣ“, „Путешествіе въ города Глупость и Роскошь и мѣстеч-

ко Пустословіе“, героида—„Електра въ Оресту“, „Несчастная Португалеа“, „Письмо въ стихахъ“, „Подражаніе царству Зазирадовъ или геніевъ“, „Письмо въ стихахъ Габріеля де Вержи къ графинѣ де Рауль, сестрѣ Рауля де Куси“.

Къ стр. 112.—Дмитріевъ, въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти“ (стр. 32), упоминаетъ, что Брайко былъ чиновникомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Къ стр. 114.—Въ числѣ критическихъ статей „С.-Петербургскаго Вѣстника“ есть разборъ „Россіады“ Хераскова (ч. IV), принадлежащій извѣстному директору Казанской гимназіи Ю. И. Кауницу и надѣлавшій въ свое время много шума, какъ первая попытка на критику въ отношеніи къ Хераскову, на что не отваживались современные русскіе литераторы. М. Дмитріевъ, въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти“ (изд. 2, стр. 32), говоритъ, что Кауницъ помѣстилъ свой разборъ въ „Рижскомъ Журналѣ“, откуда онъ переведенъ въ „Вѣстникъ“.

Къ стр. 120.—Въ числѣ дѣятельныхъ сотрудниковъ „Зрителя“ былъ Плавильщиковъ. Сличеніе „Зрителя“ съ „Собраніемъ сочиненій“ Плавильщикова убѣдило Майкова, что почти вся IV часть послѣднихъ взята изъ „Зрителя“. Плавильщикову принадлежитъ замѣчательное разсужденіе „О театрѣ“.

Къ стр. 123.—„С.-Петербургскій Меркурій“ въ половинѣ года, за отъѣздомъ Клушина и Крылова, перешелъ въ руки Мартынова, чѣмъ и объясняется какъ измѣненіе характера журнала, такъ и его безцвѣтность, сравнительно съ прежними журналами, въ которыхъ Крыловъ участвовалъ въ качествѣ редактора.

Къ стр. 129.—Статьи „О воспитаніи“ въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ“ принадлежатъ не Пнину, а соредактору его Ал. Ф. Бестужеву, отцу Бестужевыхъ декабристовъ. Изъ письма А. А. Бестужева къ Полевому („Русскій Вѣстн.“ 1861 г., мартъ, стр. 302) видно, что „С.-Петербургскій Меркурій“ издавался отцомъ А. А. Бестужева, подъ именемъ Панова, съ которымъ онъ былъ друженъ и жилъ вмѣстѣ,—на счетъ Наслѣдника Александра Павловича. Изданіе это было предпринято съ цѣлью раздробить въ повременномъ изданіи написанную Бестужевымъ-отцомъ статью „О военномъ воспитаніи“, такъ какъ Бестужевъ, бывшій въ неприятныхъ отношеніяхъ съ Аракчеевымъ, изъ-за котораго онъ вышелъ въ отставку, опасался выпустить свое сочиненіе цѣльною книгой.

Очевидно, что въ приведенномъ отрывкѣ Бестужева издававшійся отцомъ его „С.-Петербургскій Журналъ“ неправильно названъ „С.-Петербургскимъ Меркуріемъ“ и перепутано имя Пнина (*Пановъ*). Семевскій въ „Біографическомъ очеркѣ Н. А. Бестужева“ также почему-то называетъ его *Панинымъ* („Заря“ 1869 г., № 7, стр. 7). Переводъ изъ Верри и Стюарта сдѣланъ И. И. Мартыновымъ.

Къ стр. 134.—Правда, Сперанскій предлагалъ утвержденныя уже Государемъ части проекта государственнаго переустройства передать на обсужденіе губернскихъ временныхъ комитетовъ, составленныхъ изъ людей даровитыхъ и опытныхъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми избранными для сего мѣстными властями. Но, во первыхъ, предположеніе это не было извѣстно публикѣ, а во вторыхъ — извѣстно, какое значеніе получаютъ у насъ возраженія свѣдущихъ людей противъ утвержденныхъ уже правительствомъ проектовъ.

Къ стр. 158.—Въ стихотворномъ отдѣлѣ трудовъ Общества любителей россійской словесности принимали участіе Мерзляковъ, В. Пушкинъ, Воейковъ, вн. Вяземскій, Гнѣдичъ, Батюшковъ, Ѳ. Глинка, Д. Давыдовъ, Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Измайловъ, Милоновъ, Раичъ, Капнистъ, вн. И. Долгорукій, Писаревъ и др.

Къ стр. 159.—Дѣятельность Общества любителей отечественной словесности при Казанскомъ университетѣ подробно изложена въ соч. Н. Булича: „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета“ (593—620). Первоначально оно образовалось, по инициативѣ учителя Ибрагимова, при Казанской гимназіи, подъ именемъ Общества вольныхъ упражненій въ россійской словесности, и открыло свои дѣйствія 23 апрѣля въ составѣ шести членовъ, трехъ учителей словесности въ гимназіи: Ибрагимова, Васильева и Богданова, и двухъ студентовъ—Вас. Перевощикова и Кондырева. Въ первый же годъ поступили въ Общество учитель Бѣлоусовъ и студенты Безобразовъ, Ив. и Ал. Панаевы и Дм. Кляжевичъ. Въ первомъ году Общество собиралось еженедѣльно; но его упражненія директоръ гимназіи Яковкинъ совершенно справедливо называлъ дѣтскими: они состояли изъ мелкихъ стихотвореній и прозаическихъ статей въ двѣ, три писанныхъ четвертки на темы, напоминающія задаваемые ученикамъ гимназіи. Въ этомъ же году Общество изъ частнаго обратилось въ официальное, утвержденное попечителемъ и министромъ. Во главѣ Общества сталъ директоръ Яковкинъ и рядомъ съ нимъ адъюнктъ университета Городчанинъ.

новъ,— студенты вовсе устранены отъ сношеній съ Обществомъ и членовъ своихъ Общество положило выбирать только изъ своего корпуса чиновниковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Общество начало постепенно падать. Число членовъ сокращалось, такъ что въ началѣ 1809 года оставались на-лицо только четыре члена: Яковкинъ, Ибрагимовъ, Кондыревъ и Васильевъ; засѣданія становились все рѣже и рѣже,— черезъ двѣ недѣли, черезъ мѣсяць, наконецъ три-четыре засѣданія въ годъ; трудовъ членовъ поступало все менѣе и менѣе и постоянную дѣятельность оказывали только Ибрагимовъ и Кондыревъ, все время исправлявшій должность секретаря. Въ періодъ 1807—1814 гг. поступили въ Общество членами: въ 1807 г.—извѣстный директоръ оренбургскихъ училищъ Протопоповъ; въ 1809 г.—адъютентъ Запольскій; въ 1810 г., по предложенію Яковина: ректоръ Казанской семинаріи архимандритъ Епифаній, архимандритъ Израиль, предсѣдатель уголовной палаты Сокольскій, профес. Фуксъ, учитель гимназіи Яковкинъ; въ 1811 г.—помѣщикъ Цивильскаго уѣзда Арцыбашевъ, плодовитый, но бездарный поэтъ, профес. Лубкинъ и еще нѣсколько малоизвѣстныхъ, мѣстныхъ и иногородныхъ; въ 1812 г.— профессоръ Харьковскаго университета Срезневскій, магистръ философіи Осипъ Срезневскій, совѣтникъ губернскаго правленія мистикъ Москотильниковъ и другіе. Общество въ 1810 году собрало первую книжку трудовъ своихъ, подъ редакцію Ибрагимова и Перевощикова, и въ томъ же году книжка эта была представлена попечителю Румовскому, но въ 1814 году преемникъ его Салтыковъ возвратилъ эту злополучную и утратившуюся книжку съ незлишнимъ совѣтомъ „впредь наполнять труды свои болѣе полезнѣйшимъ и хорошимъ русскимъ слогомъ писанными твореніями или переводами, нежели ребяческими и маловажными сочиненіями“. Главнымъ занятіемъ Общества съ 1809 года было составленіе устава, и оно отослало его въ декабрѣ 1810 года попечителю; но его пришлось передѣлать, такъ что утвержденъ уставъ только въ началѣ іюля 1814 г. Съ этого утвержденія Общество переживало начало своего преобразования и на этомъ утвержденіи ованчивается разговоръ г. Булича. Замѣчательно, что Казанское общество занималось усердно вопросомъ о русскихъ синонимахъ, или сословахъ, и работы по сему предмету предпринимали Дм. Княжевичъ, впоследствии наполнявшій своими о томъ статьями разные журналы, профес. Лубкинъ и Ибрагимовъ, но статья о синонимахъ, включен-

ная въ первую книжку „Трудовъ“, по отзыву попечителя, не одобрена—„по нерусскому слогу и натянному толкованію“.

Къ стр. 160.— Публичные диспуты студентовъ начались съ самаго открытія университета: первый диспутъ происходилъ 17 декабря 1756 года, но диспуты не были постоянными и происходили періодически, въ неопредѣленные сроки. Первые публичные лекціи читаны были въ 1757 г. аббатомъ Франкози по экспериментальной физикѣ на французскомъ языкѣ: собраніе было не малочисленно, между слушателями были и дамы. Во время дѣятельности Новикова и Шварца, послѣдній читалъ публичные лекціи; лиценціатъ правъ профес. Шнейдеръ читалъ публичный курсъ „О силѣ законовъ“, по Монтескьё, на латинскомъ языкѣ для студентовъ и на французскомъ для любителей изъ русскаго дворянства.

Къ стр. 167.—Краткая біографія Лабзина помѣщена въ „Русск. Архивъ“ 1886, кн. 6, а Невзорова—П. А. Безсоновымъ—въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856, ч. III, 85.

Къ стр. 195.— Вотъ нѣсколько бібліографическихъ замѣтокъ о журналѣ Невзорова. Статьи *по естественной исторіи* помѣщены были подъ слѣдующими заглавіями: 1807 г.: „Снѣгъ; Ночные метеоры; Сѣверное сіяніе; Знаки небесные; Роса; О бурѣ, молніяхъ и градѣ; Взглядъ на составъ земнаго шара и случайные его перевороты; О нѣкоторыхъ кажущихся въ строеніи земли неправильностяхъ; О великости вселенной; О лѣтвицѣ или постепенности между твореніями“; 1808 г.: „О лунѣ; О зимнихъ дождяхъ; О кометахъ; О пчелахъ; О соляхъ и ихъ кристаллизациі; Мудрость животныхъ въ продовольствованіи себя зимою; О плотоядныхъ звѣряхъ, въ особенности о волкѣ, лисицѣ и львѣ; О муравьяхъ; О животныхъ домашнихъ и рабочихъ; О горахъ Альпійскихъ; О подземныхъ огняхъ и землетрясеніяхъ“; 1809 г.: „Восхожденіе солнца и животворная его сила; О воздушномъ плаваніи; О различіи цвѣтовъ; Разговоръ о строеніи глазъ“; 1810 г.: „Объ инстинктѣ животныхъ, доказывающемъ Промыслъ; Разсужденіе о пользѣ физики Восленскаго“; 1811 г.: „Новыя догадки о происхожденіи камней, падающихъ съ неба; О буряхъ и грозахъ“. *Біографіи* помѣщены слѣдующихъ лицъ: 1807 г.: „Маркъ Аврелій, Аристидъ, Веньсанъ де Поль, Фенелонъ, Ласказасъ, графъ де Ла-Гаре, Юлій Цезарь“; 1808 г.: „Вольтеръ, Жанна Аркская или Орлеанская дѣвица, Фередиъ, Эниктеръ, Солонъ“; 1810 г.: „Цицеронъ, Сафо, Тюреннъ,

Солонъ, Магометъ, Сократъ, Воспоминаніе о Геснерѣ"; 1811 г.: „Авбаръ имп. монгольскій, Лютеръ, Апеллесъ, Гусъ, Фабій Максимъ, Магометъ II"; 1812 г.: „Маркъ Рантѣ, Климентъ Александрийскій, Павелъ первый пустынножитель"; 1813 г.: „Зороастръ, Яковъ Гардинеръ, англійскій полковникъ; Францискъ Ксаверій Іезуитъ". Переводы и извлеченія рѣдко подписывались, а затѣмъ часто есть указаніе, что статья переведена, но безъ обозначенія источника. У Невзорова были любимыя сочиненія, изъ которыхъ онъ дѣлалъ пространныя извлеченія, а именно: „Histoire des conjurations, conspirations et revolutions; Histoire de la maison d'Autriche; Recueil des preuves sur la vérité de la religion"—и преимущественно изъ сочиненій о церковной исторіи Арнольда, котораго Невзоровъ помѣстилъ пространную біографію. Особенною любовью Невзорова пользовался Фенелонъ, котораго почти всѣ „Разговоры" переведены въ журналѣ. Изъ духовныхъ писателей и сочиненій есть два „Посланія" Амвросія Медиоланскаго, отрывки изъ Боссюэта, Массильона; сюда же относится Лагарпа „Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII вѣка противъ христіанскаго благочестія". Изъ свѣтскихъ писателей есть отрывки изъ Гольдшмидта, Виланда, Галлера, Бекона (въ томъ числѣ переводъ „Новой Атлантиды"), Фонтенеля, Жанлисъ (о мнимыхъ твердыхъ умахъ, *ésprits forts*), Бервена, Роллена, Эбергарда, Энвеля, Шмидта (моралиста), Гервея, Лабрюера, Гамильтона „письма о первоначальномъ воспитаніи", „письма о воспитаніи" мистрисъ Джюльетъ (съ франц. пер. Лембера), похвальное слово Картезію Томаса, изъ рѣчи Бюффона при вступленіи въ Парижскую академію наукъ, письмо Маріи Стюартъ къ епископу Глазговскому и нѣсколько статей изъ англійскаго „Зрителя". Въ числѣ другихъ дамъ и участницъ есть статьи присланныя изъ Костромской губерніи „любительницей пріятной литературы и благонравія".

Къ стр. 217.—Въ „Вѣстникѣ Европы" 1804 года явилась первая ученая шарада, первая эпитафія собакѣ, первая надпись къ ошейнику, нѣкое особаго рода стихотвореніе, — заданное, разумѣется, дамою,—коего отличительный характеръ состоитъ въ томъ, что одно и то же слово повторяется въ каждомъ стихѣ, и всѣ мелочныя роды словесности, впоследствии наводнявшіе нашу литературу („Обозрѣніе російскихъ журналовъ, выходившихъ въ 1820 году", въ „Сынѣ Отеч." 1821 года, ч. 67, стр. 9).

Къ стр. 223.—Статья „Projet d'une Academie Asiatique“ напечатана была въ 1810 г. гр. Уваровымъ въ Парижѣ, гдѣ онъ познакомился съ знаменитымъ де-Саси и другими тамошними ориенталистами. Это была первая ученая работа гр. Уварова, доставившая ему извѣстность, въ силу которой Уваровъ 24 лѣтъ назначенъ былъ, въ концѣ того же 1810 г., попечителемъ С.-Петербургскаго округа и отерывавшагося тамъ университета (Григорьевъ, „Императ. Спб. унив.“, 8).

Къ стр. 236.—Болѣе точныя свѣдѣнія объ основаніи Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ сообщаетъ предсѣдатель его Е. Измайловъ въ рѣчи 15 іюля 1820 года, помѣщенной въ „Благонамѣренномъ“. Основаніе ему положили молодые люди, воспитывавшіеся въ гимназіи при академіи наукъ: Боркъ, Попугаевъ, Дмитріевъ, Лангекъ, Волковъ и Красовскій. Уставъ Общества утвержденъ 26 ноября 1803 г. Общество выпустило двѣ книжки періодическаго изданія „Свитокъ Музъ“. Члены Общества переводили творенія Бентама, Монтескьё, Мабли, Филанжери, Беккарія, Румфорда, Канара и проч.; немногіе изъ этихъ переводовъ напечатаны и даже окончены.

Къ стр. 238.—Дашковъ, состоявшій нѣсколько времени при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ и совершившій путешествіе по Греціи, помѣстилъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, издававшихся Дельвигомъ, на 1825 годъ: „Аеонская гора“, отрывокъ изъ путешествія по Греціи въ 1820 г. (119—161); извѣстіе о греческихъ и латинскихъ рукописяхъ въ Серальской библіотекѣ (162—166); на 1826 г.: „Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ“ (214—283); „Еще нѣсколько словъ о Серальской библіотекѣ“ (283 — 296), въ отвѣтъ на возраженіе, напечатанное въ 23 книжкѣ „Московскаго Телеграфа“ на 1825 годъ.

Къ стр. 242.—Отношеніе Шишкова къ славянскому вопросу подробно изложено въ сочиненіи г. Кочубинскаго „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ“ (Одесса, 1887 — 1888). Отсюда видно, что, по указаніямъ Кёппена, — который въ то время увлекался вопросами о славянствѣ и во время продолжительнаго своего путешествія за границу познакомился съ главными представителями тогдашняго славянскаго движенія, — Шишковъ ревностно ухватился за возникшую въ двадцатыхъ годахъ мысль объ основаніи воедры славянскихъ нарѣчій въ нашихъ университетахъ и съ этою

цѣлью предполагалъ вызвать Ганку, Челяковскаго и Шафарика— для Петербурга, Москвы и Харькова. А когда это предположеніе не состоялось, Шишковъ думалъ найти мѣсто этимъ ученымъ въ „Славянской бібліотекѣ“ при Россійской академіи.

Кз стр. 250. — Объявляя о подпискѣ на свои сочиненія въ 1817 году, С. Н. Глинка въ концѣ говорилъ: „благодарность къ трудамъ моимъ почту не только обыкновенной подпиской, но и *благодѣтельнымъ пособіемъ* моему семейству, для котораго ничего не могъ сдѣлать въ теченіе непрерывныхъ девятилѣтнихъ занятій. Если снисходительностью почтенныхъ соотечественниковъ успѣю хотя нѣсколько обезпечить жребій моего семейства, тогда все время мое посвящу на изданіе книгъ въ пользу воспитанія“ („Сынъ Отеч.“ 1817, ч. 35, стр. 255).— Въ „Сынѣ Отечества“ 1817 г. (ч. 36, стр. 37) помѣщено письмо на имя С. Н. Глинки отъ смоленскаго губернатора бар. Аша, изъ котораго видно, что „смоленскій губернаторъ предложилъ дворянамъ о распространеніи по губерніи чтенія полезнаго журнала „Русскій Вѣстникъ“. Вслѣдствіе этого сто смоленскихъ дворянъ подписались на „Русскій Вѣстникъ“ и губернаторъ препроводилъ Глинкѣ 2.500 рублей.

Кз стр. 318. — Котляревскій („Рус. Арх.“ 1864, стр. 73—79), упоминая, что зародыши русскаго народнаго театра существовали еще въ глубокой, языческой старинѣ и сохранялись въ эпоху христіанскую, въ современномъ быту указываетъ на развитіе народной драмы въ казармахъ и на фабрикѣ, преимущественно подъ вліяніемъ книжной грамотности. Извѣстны два такихъ образца драмы: „*Окесартъ Максимилианъ и непокорномъ сынѣ его Адольфѣ*“, разыгрываемой исключительно солдатами, и фабричной драмы „*О храбромъ воинѣ Аникѣ и Смерти*“, текстъ которой напечатанъ тутъ же, въ „Архивѣ“.

Кз стр. 332. — Неокончившій въ Лейпцигскомъ университетѣ курсъ студентъ медицины Рингуберъ и пасторъ Грегори прибыли въ 1667 или 1668 году съ вызваннымъ изъ-за границы врачомъ Блуентростомъ. Въ запискахъ Рингубера о введеніи театра при Алексѣѣ Михайловичѣ сказано: „Въ 1672 году великій царь Московскій пожелалъ забавляться комедіею. Искали человѣка способнаго поставить на сцену драму. Поручено это было пастору Грегори, считавшемуся способнымъ написать драматическое сочиненіе. Онъ волею-неволею долженъ былъ заняться этимъ дѣломъ и

написалъ съ моею помощію (me socium adjungens). Играли комедію „Агасферъ и Эсфирь“. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ я готовилъ мальчиковъ къ участию въ этомъ представленіи на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ (germanice et slavonice). Самое представленіе происходило 17 октября 1672 г. Царю до того понравилась игра, что онъ смотрѣлъ въ продолженіе цѣлыхъ десяти часовъ, не вставая съ мѣста. Этотъ случай, безъ сомнѣнія, будетъ началомъ дальнѣйшихъ успѣховъ“. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что молодыхъ людей, участвовавшихъ въ этомъ драматическомъ представленіи подъ руководствомъ Рингубера, было 64 человекъ, и что репетиціи происходили въ училищѣ лютеранскаго прихода, пасторомъ котораго былъ Грегори (Fechner: „Chronik“, I, 352). Рингуберъ замѣчаетъ, что одну изъ главныхъ ролей въ представленной траги-комедіи игралъ сынъ доктора Блументроста, и что царь благосклонно отозвался о трудѣ авторовъ и драматурговъ-режиссеровъ (Брикнеръ, „Журн. Минист. Народн. Просв.“ 1884, кн. II, 401).

Къ стр. 337.—Изъ напечатанной въ 1736 г. драмы „Сила любви и ненависти“ видно, что еще прежде Фассано (а не Фузано прибывшаго не въ 1736, а при императрицѣ Елизаветѣ, — въ царствованіе Анны Иоанновны балетъ учредилъ Ея Имп. Велич. директоръ балетовъ Антоній Ринальди. Въ числѣ театральныхъ пьесъ напечатано: „Сокращеніе (родъ теперешняго либретто) оперы „Царицы Голкондской“. — Слова г. Седена, музыка г. Монсиньи. — Въ первый разъ представлено на театрѣ Его С—ва Гр. Бор. П. Шереметева, собственными его пѣвицами, пѣвцами, танцовщицами и танцовщицами, декабря 10 дня 1786 года“ (М. 1786). Лѣтомъ, во время гуляній, посѣтители допускались въ театръ гр. Шереметева, устроенный въ саду изъ зелени.

Къ стр. 343.—Иноземный органнй игрецъ былъ уже у Ивана III. Замѣчательно, что русскихъ людей, приставленныхъ къ этимъ органамъ, при допущеніи къ этому дѣлу приводили къ кресту, что „быть такому-то у государевой органной потѣхи и никакія бы хитрости ему надъ государевыми органами не чинити“. Иванъ Грозный первый задумалъ вызвать въ Россію цѣлую массу необходимыхъ въ его время ремесленниковъ и ученыхъ людей изъ-за границы и поручилъ это дѣло саксонцу Шлитту. Шлиттъ пригласилъ въ Москву до 300 человекъ. Любопытенъ списокъ пригла-

шенныхъ, приведенный Карамзинымъ и характеризующій потребности того времени: въ спискѣ, между прочими, значились *твечи* и *оранисты* (Пыпинъ). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ изъ набранныхъ бѣдныхъ дворянъ и дворянокъ для служенія при дворѣ составлялся хоръ для пѣнія, къ коему присовокуплялись всегдашуточныя представленія („Отеч. Записки“ ч. 32, стр. 292, ст. П. И. Сумарокова о началѣ театровъ).

Къ стр. 345.—Матинскій былъ отпущенъ на волю гр. Ягужинскимъ и внослѣдствіи былъ учителемъ въ Смольномъ монастырѣ.

Къ стр. 347.—Замѣчательно, какъ широко и всесторонне понималъ гласность Петръ Великій, какъ вездѣ онъ уничтожалъ тайну и все обращалъ въ народно-общественное дѣло. При Московскихъ царяхъ дьяки Посольскаго приказа дѣлали изъ иностранныхъ газетъ выписки о текущихъ событіяхъ (или куранты), составлявшія государственную тайну. Петръ,—какъ это было въ Германіи начиная съ конца XV вѣка,—началъ съ печатанія отдѣльныхъ реляцій и журналовъ о ходѣ великой сѣверной войны и затѣмъ, съ 1703 г., началъ, не прекращая печатанія реляцій, изданіе особыхъ „Вѣдомостей“, „для объявленія извѣстій Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ“.

Къ стр. 352.—Въ царствованіе Анны Іоанновны напечатана „Сила любви и ненависти“, „драма на музыкѣ, представленная на новомъ С.-Петербургскомъ Императорскомъ театрѣ, по указу Ея Императорскаго Величества Анны Іоанновны“ (1736 г. С.-Пб., въ типографіи академіи наукъ), на русскомъ и итальянскомъ языкахъ. Подъ этимъ заглавіемъ она описана у Губерти въ „Матеріалахъ для русской библіографіи“ (I, 49). При этомъ упомянуто, что „позію сочинилъ господинъ К. Ф. П., музыку — Франческо Арайя, придворный капельмейстеръ; украшенія вымыслилъ г. Жеронимъ Бонъ, живописецъ при театрѣ; балеты учредилъ Антоній Ринальди, директоръ балетовъ; рѣчи переводилъ съ французскія прозы и въ аріяхъ переводилъ стихи тожко въ паденіи безъ рѣимы В. Тредьяковскій“. Экземпляры этого изданія есть въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ и въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, въ богатой библіотекѣ, доставшейся послѣ купца Щапова.

Къ стр. 357.—Въ статьѣ Сумарокова „О началѣ русскаго театра“, помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина (часть 32), составъ Ярославской труппы Волкова опредѣленъ былъ

слѣдующимъ образомъ: Нарыковъ (Дмитревскій) и Поповъ поступили 14 лѣтъ въ труппу Волкова въ Ярославль и были семинаристы изъ патриаршихъ дворянъ, остальные актеры были, большею частью, изъ приказныхъ (стр. 303). Въ другомъ мѣстѣ Поповъ названъ регистраторомъ, а остальные актеры поименованы: регистраторъ Иконниковъ, купеческій сынъ Скачковъ, цирюльникъ Шумскій, два брата Егоровы и Михайловъ (304).

Къ стр. 366. — Послѣднимъ изъ заѣзжихъ антрепренеровъ въ Петербургъ былъ, въ началѣ царствованія императора Александра I, Мире, страсбургскій уроженецъ, фехтмейстеръ, машинистъ и штукарь, объѣздившій почти всю Европу въ качествѣ поставщика на сцену пьесъ съ такъ-называемымъ великолѣпнымъ спектаклемъ, т. е. сраженіями, эволюціями, пожарами, наводненіями и землетрясеніями. Изъ Риги, гдѣ его попытка открыть постоянный театръ не удалась, Мире переѣхалъ въ Петербургъ и, подъ покровительствомъ Императрицы, завелъ театръ съ значительною помощью отъ правительства (70.000 р.), выписавъ изъ Германіи нѣмецкую оперную и драматическую труппу, гдѣ было нѣсколько замѣчательныхъ актеровъ, балетную труппу и превосходный оркестръ. На этомъ театрѣ, кромѣ драматическихъ пьесъ тогдашнихъ нѣмецкихъ писателей (Шиллера, Коцебу, Ифланда, Цшокке и друг.), давались нѣмецкія оперы (Моцарта, Сальери и др.) и въ особенности такъ-называемыя волшебныя: „Русалка“, „Чертова мельница“, „Чертовъ камень“ и пр. Театръ этотъ сгорѣлъ при преемникѣ Мире, актерѣ Арестѣ, въ 1807 году, и перешелъ въ завѣдываніе императорской дирекціи. Такимъ образомъ положено начало—продолжающемуся и теперь—казенному нѣмецкому театру въ Петербургѣ, объ уничтоженіи котораго возникли слухи только въ самое послѣднее время. Театръ Мире много способствовалъ очищенію вкуса петербургской публики, направивъ его на нѣмецкую драматическую литературу, отчасти отгѣснившую переводы французскихъ пьесъ второстепенныхъ авторовъ. Отъ этого театра отдѣлилась часть труппы и подъ управленіемъ самого талантливаго артиста Карла Штейнберга, котораго Жихаревъ называетъ Гаррикомъ въ своемъ родѣ, основала на нѣкоторое время нѣмецкій театръ въ Москвѣ, придавши ему болѣе серьезное направленіе, помимо блестящихъ, но пустыхъ спектаклей, за которыми гонялся Мире.

Къ стр. 373. — Софья Васильевна Карцева приняла на себя устройство французскаго театра въ 1827 году, по желанію общества, и отправилась за этимъ въ Парижъ (свое первое отечество, какъ сказано въ „Дамскомъ Журналѣ“, ч. XIX, 115—116).

Къ стр. 387.—Кн. Чарторижскій въ своихъ „Памятныхъ запискахъ“ описываетъ воспитаніе императора Александра слѣдующимъ образомъ: „Не видно, чтобы Лагарпъ могъ въ чемъ-нибудь дать Великому Князю серьезное образованіе; между тѣмъ приобретенное имъ вліяніе надъ умомъ и сердцемъ воспитанника помогло бы Лагарпу сдѣлать изъ послѣдняго все, что ему угодно. Великій Князь получилъ отъ воспитателя лишь очень поверхностныя и неглубокія свѣдѣнія, ничего положительнаго и цѣльнаго. Лагарпъ внушилъ ему любовь къ человѣчеству, къ справедливости и даже къ равенству и свободѣ для всѣхъ вообще; онъ не дозволилъ предразсудкамъ, примѣрамъ, лести, всѣмъ противнымъ вліяніямъ окружающей среды заглушить благородныя его побужденія. Внушить и развить эти благородныя чувства въ душѣ Русскаго Великаго Князя было заслугою Лагарпа. Но они отпечатались въ умѣ Александра только въ видѣ общихъ фразъ; повидимому, Лагарпъ не заставлялъ его достаточно вдумываться, какія громадныя затрудненія встрѣчаются въ практическомъ ихъ примѣненіи; достаточно не разъяснилъ ему столь трудную науку о средствахъ къ достиженію возможныхъ результатовъ на самомъ дѣлѣ“ („Mémoires du prince Adam Czartoryski“. Paris, 1887, I, 115—116). „Воспитаніе Александра осталось неоконченнымъ вслѣдствіе отъѣзда Лагарпа въ эпоху его женидбы, т.-е. въ 18 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ онъ былъ оставленъ безъ правильныхъ занятій; ему даже не посовѣтовали никакого труда, и пока не принскано было для него какого-либо пракческаго занятія, ему не было предложено плана чтеній, могущихъ подготовить его къ предназначенному ему трудному поприщу. Я часто ему о томъ говорилъ и тогда, и впослѣдствіи. Я предлагалъ ему разныя чтенія изъ исторіи, законовѣдѣнія, политики. Онъ сознавалъ происходящую отъ того пользу и желалъ бы имъ предаться. Но придворная жизнь мѣшала послѣдовательнымъ занятіямъ. Александръ, бывши великимъ княземъ, не дочиталъ до конца ни одной сколько-нибудь серьезной, поучительной книги. Не думаю, чтобы онъ могъ сдѣлать это впослѣдствіи, когда на него легла вся тяжесть самодержавнаго правленія“ (114). Удивительно, что императрица Ека-

терина, ласкавшая себя мыслию, что Александръ будетъ продолжателемъ ея царствованія и славы, не подумала приготовить его къ этой задачѣ, заранѣе ознакомивъ его съ различными отраслями управленія. Ничего не сдѣлано было въ этомъ отношеніи (113). Императоръ Александръ самъ говорилъ гр. Софьѣ Влад. Строгановой: „notre éducation avec mon frère Constantin a été mal emmanchée“ („Вязем. Сочин.“, т. VIII, 203).

Къ стр. 392.—Изъ всего, что до сихъ поръ собрано по русскому масонству, видно, что съ конца XVIII вѣка по первую половину XIX, включительно, большинство умныхъ и мыслящихъ людей,—за исключеніемъ предававшихся религіозному индифферентизму и не думавшихъ о вопросахъ, выходившихъ за предѣлы личной и матеріальной обстановки,—распредѣлялось на масоновъ и атеистовъ. Поэтому слѣды масонства открываются вездѣ и даже въ самыхъ отдаленныхъ захолустяхъ. Но интересно, что масонство у насъ не имѣло никакого этическаго значенія и проповѣдуемая имъ задача направить человѣка въ нравственному совершенству не дѣлала нисколько лучше и честиѣ самыхъ преданныхъ и усердныхъ адептовъ. Такъ, въ Казани въ числѣ масоновъ и мистиковъ упоминается Москотильниковъ, бывшій въ связяхъ съ Лопухинымъ, Невзоровымъ и другими членами Новиковскаго кружка. Самъ по себѣ Москотильниковъ былъ человѣкъ интересный. Онъ былъ ярославскій уроженецъ, сынъ вупца, явился въ Казань актеромъ, въ 1779 г. сдѣлался городовымъ секретаремъ въ казанскомъ магистратѣ и дошелъ до совѣтника губернскаго правленія. Москотильниковъ перевелъ поэму Тасса „Освобожденный Іерусалимъ“, съ французскаго перевелъ Лебрена (2 ч. М. 1819) и, на основаніи своего практическаго знакомства съ юриспруденціей, искалъ мѣсто профессора въ Казанскомъ университетѣ. Но Яковинъ указалъ, что юридическая практика Москотильникова придала ему названіе *ябедника*, „пишущаго обѣимъ спорящимъ сторонамъ потребныя бумаги или кто болѣе дастъ“ (Буличъ, стр. 615 и слѣд., примѣчаніе).

Къ стр. 435.—Въ текстѣ напечатано, что эстетика излагалась по Гегелю профес. Амфитеатровымъ въ Московской академіи. Это положительно невѣрно. Профес. Я. К. Амфитеатровъ (1802—1848), воспитанникъ Кіевской духовной академіи, занималъ тамъ съ сентября 1829 по 8 іюля 1848 года каеэдру церковной словесности

(гомелетики). Амфитеатровъ, безусловно, принадлежалъ къ числу даровитыхъ и полезныхъ профессоровъ, оказывавшихъ сильное влияние живымъ и самобытнымъ изложеніемъ предмета преподаванія, нравственною чистотой убѣжденій и близкими, сердечными отношеніями къ своимъ слушателямъ. Въ „Сборникѣ лекцій профессоровъ Кіевской академіи“ (Кіевъ, 1869) о лекціяхъ Амфитеатрова помѣщенъ таковой отзывъ: „Лекціи Амфитеатрова не были снимкомъ съ каковаго-либо иностраннаго руководства; онѣ носили на себѣ ясную печать самостоятельной мысли и долговременнаго углубленнаго размышленія о предметѣ изложенія. Амфитеатровъ училъ смотрѣть на проповѣдь не какъ на *сочиненіе*, а какъ на *святое дѣло*: въ его гомелетикѣ проповѣдничество рассматривается какъ родъ служенія, въ которому пастырь Церкви призывается самимъ своимъ званіемъ, и цѣль своихъ наставническихъ занятій онъ поставлялъ въ томъ, чтобы помочь будущимъ пастырямъ Церкви вести пасомыхъ въ духовному возрожденію. При такой задачѣ, преслѣдуемой Амфитеатровымъ, риторическая или художественная сторона проповѣди отступала у него на задній планъ и о ней онъ мало заботился“ („Сборн.“, III и V). Поэтому, указывая, на примѣръ, ложное практическое направленіе въ проповѣди и удерживая отъ излишняго ригоризма, Амфитеатровъ замѣчаетъ, что „проповѣдь либеральная всегда производитъ дѣйствіе — и дѣйствіе весьма вредное. Кто всегда говоритъ о легкости спасенія, тому всякій легко вѣритъ. Когда насъ учатъ быть не слишкомъ строгими въ разсужденіи вѣры и дѣятельности, мы на это съ удовольствіемъ соглашаемся, потому что и безъ наставленій всѣ мы склонны къ лѣности и безопасности въ дѣлѣ спасенія. Когда насъ увѣряютъ, что наши слабости, пороки и заблужденія суть грѣхи не важные, симъ самымъ даютъ намъ наилучшій поводъ въ развращенію, и безъ того естественному испорченной природѣ нашей, и усыпляютъ нашу совѣсть“ („Чтеніе о церк.-славян. книг.“ К. 1846 г., ч. II, 103—104). Въ видѣ примѣра Амфитеатровъ не рекомендовалъ для подражанія русскимъ проповѣдникамъ проповѣдей Массильона, Бурдалу и другихъ французскихъ ораторовъ: ихъ искусственная рѣчь казалась Амфитеатрову не совсѣмъ пригодною для церковной каѳедры и не совсѣмъ согласною съ характеромъ и требованіями русскаго духа, ищущаго въ проповѣди прежде всего искренности и практической прямоты слова. Любимыми проповѣдниками Амфитеатрова

были Св. Іоаннъ Златоустъ и Св. Дмитрій Ростовскій (VII). Отсюда ясно, что о Гегелевой эстетикѣ въ лекціяхъ Амфитеатрова не могло быть и рѣчи. Свое отношеніе къ философіи, въ письмѣ къ одному своему родственнику, Амфитеатровъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „важнѣйшія задачи, предлагаемыя человѣкомъ и философіею его, удовлетворительнѣе разрѣшаются для меня словомъ Божіимъ, нежели философскими системами. Будетъ время, мой другъ, когда разумъ человѣческій вполне плѣнится въ послушаніе вѣры, и когда вся философія оснуется на живомъ и дѣйственномъ глаголѣ Господнемъ. Уже и теперь, когда мы съ тобою живемъ,—уже и теперь, говорю,—въ мірѣ ученомъ замѣтно сильное движеніе, влекущее умы покориться Писанію и на немъ создать истинное любомудріе“ (Аскоченскій, „Біогр. очер. Амфит.“ Кіевъ, 1857, 41). На этомъ основаніи другому своему родственнику Амфитеатровъ, для изученія философіи, рекомендовалъ Баумейстера, которому отдавалъ преимущество предъ новѣйшими, „выспренними“, философскими системами. Амфитеатровъ принималъ дѣятельное участіе въ издававшемся при Кіевской академіи, по инициативѣ преосвященнаго Иннокентія, духовномъ журналѣ „Христіанское Чтеніе“, а свои свѣтскія статьи помѣщалъ въ „Маякѣ“.

Къ стр. 451. — Фонъ-Визинъ, обучавшійся логикѣ у Шадена, говоритъ: „сей ученый мужъ имѣетъ отъиное дарованіе преподавать и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши очевидны“ („Сочин.“, 3 изд. Смирд., 509). По свидѣтельству Тимковскаго, въ преподаваніи Шадена исторія философіи предшествовала нравственной философіи; къ политикѣ относились законодательство, правленіе и экономія политическая; въ правахъ заключалось право естественное и народное. Лекціи свои, на латинскомъ языкѣ, Шаденъ располагалъ по началамъ новой тогда философіи Канта, „читалъ съ громкою декламаціей и полными жестами“ (Галаховъ, „Совр.“ 1853, I, 15). Вообще въ Московскомъ университетѣ до появленія шеллингизма философское изученіе приняло направленіе нравственное или дидактическое, опираясь то на Канта у Шадена, то на религиозную мистику въ эпоху Новиковско-Шварцеву, то на англійскихъ моралистовъ въ преподаваніи Брянцева. В. Милютинъ, въ „Очеркахъ русской журналистики“, очень вѣрно охарактеризовалъ это дидактическое или морально-философское направленіе того времени слѣдующимъ образомъ. Моралисты признавались

тогда философами по преимуществу; а моралистами считались въ то время не одни ученые, но и литераторы, въ особенности сатирики и юмористы. Чтобы прослыть моралистомъ и философомъ, стоило только написать небольшую статью о добродѣтели, набросать нѣсколько практическихъ замѣчаній о вредныхъ послѣдствіяхъ порока или же сдѣлать нѣсколько поверхностныхъ наблюдений надъ той или другой изъ слабостей человѣческой природы. Изъ этого видно, что въ то время титулъ философа доставался дешево; титулъ этотъ получали отъ общества не только литераторы, но и свѣтскіе люди, любившіе разсуждать о правилахъ житейскаго благоразумія („Соврем.“ 1851 г., т. XXVI, 3).

Къ стр. 460.—Первый преподаватель философскихъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ былъ Левицкій, воспитанникъ Рязанской гимназіи и Московскаго университета; онъ читалъ логику по руководству Рижскаго и практическую философію по Сори. По отзыву директора Яковина, Левицкій въ философическихъ преподаваніяхъ былъ слабъ, и болѣе по тучному его тѣлосложенію, натурально воспрещающему заниматься умозрѣніемъ. Въ 1807 году Левицкій умеръ и лекціи по философіи временно поручены были некончившему курса студенту Порф. Безобразову. Вслѣдъ за этимъ чтеніе логики и психологіи поручено было профессору латинской словесности Герману, читавшему по-латыни и жаловавшемуся, что студенты его не понимаютъ. Къ сожалѣнію, г. Буличъ ничего не говоритъ о преподаваніи философіи Лубкинымъ, хотя изъ его книги видно, что Лубкинъ перешелъ въ Казань изъ директоровъ оренбургскихъ училищъ; въ 1812 году преподавалъ, въ качествѣ адъюнкта, умозрительную и практическую философію; въ томъ же году произведенъ въ магистры и сдѣлалъ своимъ помощникомъ кандидата Срезневскаго, но скорѣ оставилъ университетъ и передалъ свою кафедру Срезневскому.—Ос. Евс. Срезневскій, дядя извѣстнаго слависта и академика, окончилъ курсъ въ Рязанской семинаріи, а затѣмъ въ Московской духовной академіи, и изъ учителей поступилъ въ 1807 года въ С.-Петербургскій Педагогическій институтъ, оттуда былъ назначенъ 22 іюня 1811 г. въ кандидаты въ Казанскій университетъ. Замѣчательно, что въ институтѣ Срезневскій не слушалъ философію и готовился исключительно по юридическимъ наукамъ. О преподаваніи Срезневскаго Магницкій отзывался: профессоръ философіи Срезневскій, слѣдую системѣ

Якоби, руководствуется духомъ не весьма полезнымъ и. по счастью, преподаеть лекціи свои такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ. Такимъ образомъ очевидно, что изученіе философіи въ Казанскомъ университетѣ стояло на очень низкой степени. Г. Буличъ смотритъ на Кондырева только какъ на чиновника, для котораго наука служила средствомъ къ служебному повышенію и денежному обезпеченію. Но это едва ли вѣрно. На старыхъ профессорѣхъ нельзя смотрѣть съ теперешней точки зрѣнія. Между ними, конечно, почти не было людей не только двигавшихъ впередъ науку, но и стоявшихъ на высотѣ ея, сравнительно съ Европою; но они важны были уже тѣмъ, что говорили и читали на языкѣ русскомъ, понятномъ для слушателей, и могли съ ними вступать въ отношенія болѣе тѣсныя, нежели заѣзжіе иностранцы, которые стремились свою профессорскую дѣятельность обратить въ доходную статью, хотя, конечно, были блестящія и почтенныя исключенія. Если въ этому внѣшнему качеству природнаго русскаго профессора присоединялось усердіе въ своей наукѣ и трудолюбіе, которое въ то время выражалось почти исключительно переводною дѣятельностью, то видѣть въ такомъ человѣкѣ исключительно *чиновника* едва ли справедливо. А между тѣмъ въ любознательности и трудолюбіи Кондыреву не отказываетъ и Буличъ. Кондыревъ составилъ учебникъ россійской статистики, перевелъ политическую экономію Сарторіуса и издалъ „Страствованіе Филиппа Ефремова въ Киргизской степи, Хивѣ, Бухарѣ, Тибетѣ и Индіи“ (Казань, 1811 г.).

Къ стр. 491.—Ковошкинъ такъ предостерегалъ молодыхъ людей отъ Шекспира: „вѣдь вы знаете меня, я человѣкъ честный, и какая охота была бы мнѣ васъ обманывать: увѣряю васъ честью и совѣстью, что Шекспиръ ничего хорошаго не написалъ и суцая дрянь“ (Кн. Вяз.) „Сочин.“ VIII, 80). Ковошкинъ перевелъ комедію съ французскаго „Перегородка“ (Москва, 1806 года. Спб., 1820), „Мизантропа“ Мольера (1816), съ французскаго комедію „Романъ на одинъ часъ, или чудный замокъ“ (1820 г. соч. „Dumolard et Marie Cortès“), комическую оперу „Стратоникъ“, небольшую комедію „Чертенюкъ розоваго цвѣта въ отпуску“, „Тридцать лѣтъ или жизнь игрова“, трилогію, соч. Виктора Дюканжа (см. рец. Шевырева—„Моск. Вѣстн.“ 1828 г., ч. VII, 233—242). Съ 1827 по 1830 годъ, послѣ Антонскаго, Ко-

кошкинъ былъ предсѣдателемъ Общества любителей російской словесности.

Къ стр. 524.—Вотъ перечень статей, помѣщенныхъ въ „Сынѣ Отечества“ Куницынымъ, кромѣ поименованной въ текстѣ статьи о состояніи иностранныхъ врестьянъ: рѣчь скиѣскаго посла Александру Македонскому, изъ Квинта Курція (1812, вн. 2, 189—194); о конституціи (1818, 45—202); разсмотрѣніе рѣчи гр. Уварова въ собраніи Главнаго Педагогическаго института 22 марта 1818 (46—136); о городономъ Московскомъ замѣѣ, отрывокъ изъ путевыхъ записокъ Куницына (48—49); о подземныхъ лѣсахъ (оттуда же, 193); разсмотрѣніе книги „Опытъ теоріи налоговъ“, соч. Н. Тургенева (50, 207—258); замѣчанія на книгу „Основанія російскаго права“, изданную комиссією составленія законовъ (1819, 51, 241); отвѣтъ на эти замѣчанія бар. Розенкампа (52, 241); отвѣтъ Куницына на замѣчанія бар. Розенкампа (53, 145—193); прибавленіе первое къ замѣчаніямъ на „Основанія російскаго права“ (55, 289; 56, 3); прибавленіе второе (1820, 61, 105); стараніе Петра В. о введеніи въ Россіи теоретическаго образованія юношества въ правовѣдѣніи (67, 251). Тамъ же напечатаны статьи Н. Тургенева: нѣчто о рецензій, помѣщенной въ № 4 „Духъ журналовъ“ (1820, 60, 97, 207). Очень неблаговидный отзывъ о Куницынѣ помѣстилъ въ своемъ письмѣ къ Кюхельбекеру извѣстный и заслуживающій довѣрія директоръ Царскосельскаго лицея Энгельгардъ: „не всегда тѣ люди, которые, по техническому выраженію, смѣло говорятъ, точно то думаютъ, что говорятъ, и не всегда то дѣлаютъ, что говорятъ: Куницынъ на кафедрѣ безпрестанно говорилъ противъ рабства и за свободу, а между тѣмъ несчастныхъ своихъ рабовъ держалъ хуже собакъ и до полусмерти бивалъ. Куницынъ на кафедрѣ насмѣхался надъ патризмомъ, а послѣ нѣкотораго времени каждое воскресенье въ церкви вн. Голицына всю обѣдню на колѣняхъ простаивалъ“ („Русск. Стар.“ 1875, т. XIII, 366). Между тѣмъ извѣстно, что, по просьбѣ гр. Строгановой, Куницынъ написалъ для огромнаго ея имѣнія въ Пермской губерніи такое либеральное уложеніе, какое только можно было примѣнить при существованіи крѣпостнаго права..

Къ стр. 528.—Для доказательства, насколько было значительно участіе декабристовъ въ тогдашней петербургской журналистикѣ, я прилагаю библиографическій списокъ всѣхъ помѣщенныхъ ими и

обозначенныхъ буквами (les initiales) статей. Я въ этомъ спискѣ не привожу статей Рылѣва, такъ какъ всѣ онѣ обозначены въ изданномъ Ефремовымъ собраніи его сочиненій („Соч. и переп. К. Ф. Рылѣва“. Спб. 1874 г., изданіе 2. „Библиографическія примѣчанія“, 316—339). Курсивомъ напечатанныя статьи вошли въ „полныя собранія“ сочиненій означенныхъ авторовъ.

А. Бестужевъ (Марлинскій):

1818.—*Сынъ Отечества*: „Духъ бури“, изъ Лагарпа (47, 228). *Благодѣтельный*: „Завтра, къ Лилѣ“, изъ Парни (2, 12); „Безпечный“, съ франц. (2, 275).

1819.—*Сынъ Отечества*: разборъ перевода трагедіи Расина „Есфирь“ (51, 107); разборъ комедіи „Липецкія воды“ или „Урокъ кокеткамъ“ (51, 252); отрывокъ изъ комедіи „Оптимистъ“ (52, 180); разборъ книги „Краткій памятникъ для полевыхъ офицеровъ“ (53, 132); разборъ книги „Essai sur l'origine du mal, par un officier russe“ (М. 1819 г. 54, 168). *Соревнователь*: „Шарада“ (8, 87).

1820.—*Сынъ Отец.*: „Письмо къ издателю“ (60, 244); разборъ пѣсни о сраженіи русскихъ съ татарами, Катенина (60, 244); разборъ „Собранія стихотвореній Анны Бувиной“ (61, 166); „Кавалерійская школа, содержащая правила искусства верховой ѣзды“, разборъ (62, 308); письмо къ издателю о выставкѣ въ академіи художествъ (65, 157); возраженіе на это письмо Отто Игнаціуса, тамъ же (208); возраженія противъ Игнаціуса Ф. Булгарина (260). *Благодѣтельный*: письмо къ издателю (9, 398); *Исторія серебрянаго рубля* (10, 13); „Способъ объясненія посредствомъ музыки и живописи“, съ франц. изъ сочиненій Берту (10, 200); о „вкусѣ“, изъ Кюльса (10, 315); о „публикѣ“, письмо къ издателю, съ франц. (12, 166). *Соревнователь*: „Обитель сна“, подражаніе Овидію (12, 201).

1821.—*Сынъ Отечества*: „Подарокъ сыновьямъ моимъ на новый годъ“, пов. соч. Авг. Коцебу (66, 21); „Письмо къ издателямъ“ А. Марлинскаго, полемическое (68, 263); „Метроманія, или страсть къ стихотворству“, разборъ (67, 307); *Путешествіе въ Ревель* (1, 133 и 319); „Торжественное засѣданіе Россійской академіи“ (1, 303); возраженіе въ формѣ письма къ издателямъ отъ одного изъ доброжелателей (16, 21); отвѣтъ на письмо (11, 207); о „романтическомъ характерѣ“, изъ „Gossip's history“ (11, 294); „Мысли изъ разныхъ авторовъ“ (11, 340); *Исторія знаковъ препинанія* (15, 356). *Невскій Зритель*: *Дорожныя записки на возвратномъ пути изъ Ревеля* (VI,

1 и 101). *Библиотека для чтенія Княжевича*: „Прокаженный города Аосты“, изъ сочиненій гр. Мориса младшаго (? вн. 2, 1—35).

1822.—*Сынъ Отечества*: „Почему?“ замѣчаніе на книгу: „Опытъ краткой исторіи русской литературы“, Н. Греча (77, 158); замѣчанія на критику, помѣщенную въ № 13 „Сына Отечества“, касательно „Опыта исторіи русской литературы“ Греча (77, 253); о разборѣ книги „Опыты“ Вас. Перовошикова (80, 108). *Благонамѣренный*: „Темпераментология“ А. П. Буниной (20, 65). *Соревнователь*: „Босфоръ, отрывокъ изъ путешествія по Востоку“, Иосифа Сенковскаго, пер. съ польскаго (111, 39); о „Гробницахъ въ подземельяхъ Фивскихъ“, изъ Жомаре (111, 163).

1823.—*Сынъ Отечества*: „Отвѣтъ на критику „Полярной Звѣзды“, помѣщенную въ №№ 4 и 7 „Русскаго Инвалида“ 1823 г. (83, 174). *Соревнователь*: *Листокъ изъ дневника гвардейскаго офицера* (11, 256); *Второй вечеръ на бивуакъ* (111, 5). *Библиотека для чтенія Княжевича*: *Листокъ изъ дневника гвардейскаго офицера* (вн. 8, 61—72); *Замокъ Венденъ* (вн. 9, 3—16).

1824.—*Сынъ Отечества*: „Осада Коринеа“, изъ соч. лорда Байрона, переводъ, помѣщенный въ „Новостяхъ Литературы“ за сентябрь 1824 (98, 219); „О духѣ поэзіи XIX вѣка“, соч. Арто, изъ „Révue Encyclop.“ (102, 276 и 386). *Соревнователь*: „Письмо Попе къ епископу Рочестерскому передъ его изгнаніемъ“ (1, 298); мелкіе переводы съ англійскаго: „Ораторъ“ (302); „Опредѣленіе поэзіи“ (304); „Характеръ Маріи Стюартъ и Елизаветы“ (1, 222); „Страсть спорить“, съ англ. изъ миссъ Еджевортъ (1, 230); „Кешильвортъ“, романъ Вальтеръ-Скотта, разборъ (1, 323); „Портретная галлерей“ (11, 40); „День въ трактирѣ англійскаго городка“ (40); „Ученье“, изъ Бэкона (11, 50); „О верховой ѣздѣ“ (11, 53).

Полное собраніе сочиненій А. Бестужева (Марлинскаго) вышло: 1-е изданіе — 1832—34 г., 2-е изд. — 1835—37 г., 3-е изд. — 1838—1839 г., 4-е изданіе 1847 г.

Н. Бестужевъ:

1818.—*Сынъ Отечества*: „Объ электричествѣ въ отношеніи къ вѣкоторымъ воздушнымъ явленіямъ“ (7, 49 и 304).

1819.—*Сынъ Отечества*: „Мартышка и бритва“, басня (51, 275).

1820.—Письмо къ издателю „О колоннахъ въ Исавіевскомъ соборѣ“ (65, 173).

1821.—*Благонамѣренный*: *Толбухинъ маякъ* (15, 109); *Записки*

о Голландіи въ 1815 году (14, 33, 15, 177 и 186); „Обожатели огня“, восточная повѣсть изъ Томаса Мура (16, 113 и 251). *Соревнователь: Записки о Голландіи* (III, 32, 178, 257); „Обожатели огня“ изъ Томаса Мура (VI, 113, 249).

1822.—*Сынъ Отечества*: Замѣчанія на небольшую шведскую поэму соч. Тегнера, подъ названіемъ „Аксель“ (80, 69). *Соревнователь*: „Паризина“ (11, 290); „Гленфилаксъ“, баллада Вальтеръ-Скотта (11, 176); *Опытъ исторіи російскаго флота* (IV, 137—271).

1823.—*Соревнователь*: *Гуго Фонъ Брахтъ, происшествіе XVII столѣтія*; „Сраженіе при Ганго-Уддѣ въ 1714 году“ (IV, 277). *Библиотека для чтенія Княжевича*: „Ночное путешествіе“, изъ романа „Adventures of Hugh Trevor“, by Thomas Holcraft. *Bibl. Britann.* (т. VI, ч. 11, 80—99); „Бѣглецы“ (ч. 11, 99—110).

1825.—*Сынъ Отечества*: „Ринъ Фанъ Винель“ изъ книги „The Sketch Book“ (104, 115).

Въ 1860 году изданы: „Разказы и повѣсти стараго моряка“ Н. Бестужева (М. 1860 г.); здѣсь помѣщены только оригинальныя сочиненія Бестужева и пропущены его переводы.

В. К. Кюхельбекеръ:

1817.—*Сынъ Отечества*: „Романсъ“ (39, 24); „Моимъ царско-сельскимъ друзьямъ“ (26); „И. П. Шульгину“ (183); „Къ Матюшину“ (228); „Адрастея“ (40, 187); „Цвѣтъ моей жизни не вяль“ (41, 105); „Къ Дельвигу“ (152); „Все есть вмѣстѣ и цѣль во вселенной и къ высшему средство“ (278); „Отчизна“ (42, 161).

1818. — *Сынъ Отечества*: „Тоска“ (43, 205); стихи, пѣтые воспитанницами Екатерининскаго института „На возвращеніе въ Петербургъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны“ (46, 259); „Къ Пушкину и Дельвигу, изъ Царскаго Села“ (48, 129); „Къ самому себѣ“ (49, 225); *Благонамѣренный*: „Осень“, помѣчено 1816 годомъ (1, 18); „Къ Лизѣ“ (1, 197); „Призракъ“ (2, 8); „Августъ“, изъ соч. Авг. Лафонтена, съ нѣмец. (2, 47); „Къ соловью“ (2, 269); „Посланіе къ Дельвигу и Пушкину“ (3, 133); „Къ Пушкину“ (3, 136); переводъ нѣмецкихъ стиховъ, пѣтыхъ воспитанницами лицея при освященіи евангелической церкви въ Царскомъ-Селѣ 15 октября 1818 г. (4, 148).

1819.—*Сынъ Отечества*: „Къ музѣ“ (51, 131); „Пѣснь Лопаря“, повтореніе напечатанной въ „Амфіопѣ“ (52, 138); „Отрывокъ“, помѣчено 1818 г. (53, 37); „Гимнъ Аполлону“, сокращен-

ный переводъ изъ „Каллимаха“, помѣчено 1817 г. (53, 273); баллада: „Мальчикъ у ручья сидѣль“ (55, 275); „Memento mori“, помѣчено 1817 г. (57, 173); прозою: „О древнихъ эстонцахъ, изъ записокъ молодого путешественника“ (53, 124 и 219); „Чистая правда“, анекдотъ о домашнемъ учителѣ французѣ (56, 286); „Письма къ молодому поэту“, пер. изъ Виланда (56, 193 и 262). *Благонамѣренный*: „Мечта“ (1, 309); „Валхическая пѣснь“ (2, 11). *Соревнователь*: „Тоска по родинѣ“ (5, 62); „Къ брату“ (8, 72).

1820.—*Сынъ Отечества*: прозою: „Еще отрывокъ изъ дневной записки Украинца“; „Публичное засѣданіе въ Императорской Публичной библиотекѣ 9 января 1820 г.“, гдѣ поднесена золотая медаль Карамзину (69, 93); „Языческій праздникъ въ Европѣ“ (59, 238); „О греческой антологіи“ (62, 145); „Изъ дневной записки Украинца“ (65, 141). *Благонамѣренный*: стихи „Гробъ младенца“ (11, 114). *Соревнователь*: „Пробужденіе“ (9, 19); „Европейскія письма, или путешествіе жителя Сѣверо-Американскихъ Штатовъ 25 столѣтія“ (5, 9 и 270; 11, 73); „Возрастъ счастья“ (5, 331); „Поэты“ (X, 10, 71); „Днеирамбъ изъ Бакхилида“ (11, 94); „Ангель смерти“ (11, 343); „Вдохновеніе“ (12, 36); „Элегія“ (XII, 209); „Вдохновеніе“ (12, 96). *Невскій Зритель*: „Романсъ“ (№ 1, 95); „Къ моему генію“ (№ 1, 96); „Европейскія письма“ (№ 2, 35, ч. II, 41); „Кофе“ (II, 91); „Взглядъ на текущую словесность (II, 106; III, 78); „Осада города Обиньи“ (III, 14); „Къ моему питомцу“ (III, 52); „Зима“ (III, 60); „Къ М. К. Кюхельбекеру, на смерть Т. И. Вас...вой“ (II, 58).

1821.—*Соревнователь*: „Къ Промеѣю“ (I, 94); „Отрывки изъ путешествія въ 1820 г.“ (IV, 248).

1824.—*Благонамѣренный*: „Отвѣтъ Г. С.“ на его разборъ 1 части „Мнемозины“, помѣщенный въ № 15 „Сына Отечества“ 1824 года (26, 208).

1825.—*Сынъ Отечества*: „Массилія“, помѣчено 1821 г. (102, 101); прозою: разборъ поэмы кн. Шихматова „Петръ Великій“ (102, 257 и 357); разборъ фонъ-деръ-Борховыхъ русскихъ стихотвореній (103, 68). *Благонамѣренный*: разборъ „Славянской грамматики“ г. Пенинскаго и „Древней исторіи“ г. Арсеньева (31, 335).

Отдѣльно изданы сочиненія Кюхельбекера: „Смерть Байрона“, стихотвореніе (М. 1824 г.); „Шекспировы духи“, драматическая

шутка въ 2-хъ дѣйствіяхъ (С.-Пб. 1825 г.); „Ижорскій“, мистерія въ стихахъ (С.-Пб. 1835 г.).

Ип. Завалишинъ:

1826.—*Соревнователь*: Отрывокъ изъ путешествія лорда Байрона—изъ „Жизни л. Байрона“ (34, 182).

Къ стр. 546.—Въ „Сынѣ Отечества“ (1822 г., ч. 78, 280) напечатанъ отрывокъ изъ „Персея“ Я. И. Ростовцева, а полная комедія напечатана подъ заглавіемъ „Персей“, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ (С.-Пб. 1823 г.).

Къ стр. 558.—Профес. Петръ Андреевичъ Цеплинъ былъ мекленбургскій уроженецъ, учился въ университетахъ Ростокскомъ и Геттингенскомъ и въ 1801 году получилъ степень доктора философіи. Въ 1804 году принятъ былъ попечителемъ Румовскимъ для преподаванія всеобщей исторіи въ Казанскую гимназію, съ правомъ перейти въ университетъ. Цеплинъ, тотчасъ по поступленіи, вступилъ въ борьбу съ директоромъ Яковлевымъ, обвинявшимъ его въ несоблюденіи формы, въ разглашеніи слуховъ объ Аустерлицкомъ пораженіи, въ жалобахъ на вычетъ процента изъ жалованья на госпиталь и т. п. Вслѣдствіе этого Цеплинъ въ 1806 г. принужденъ былъ выйти въ отставку и поступилъ вновь уже въ 1813 году, при другомъ попечителѣ, профессоромъ дипломатикѣ и политической экономіи.

Поправки и дополненія къ книгѣ второй.

Къ стр. 13.—Вотъ еще интересный отвѣтъ Авдотьи Петровны Елагинной на приглашеніе Александра Ивановича пріѣхать въ Москву, послѣ уже смерти Кирѣевскихъ: „Вы продиктовали мнѣ отвѣтъ, милый мой Александръ Ивановичъ, такъ точно, какъ на возгласъ Ивана: Кошелевъ, пиши стихи!—отвѣчали: не могу!—такъ и я, на ваше приглашеніе быть зиму въ Москвѣ, скажу: не могу!... Тутъ нѣтъ ваприза, нѣтъ произвола, есть просто невозможность. Благодарю васъ много за ласковыя ваши строчки,—ваша ласка, ваша любовь такъ же мнѣ *нужны*, какъ нужна всякая радость. Я знаю, что я вамъ не лишняя, и когда вы трое: Титовъ, Одоевскій и вы окружите меня вмѣстѣ, то чувствую, что не бесѣда моя, а

воспоминаніе прежняго нужно во мнѣ, и что тутъ съ нами и Кирѣевскіе мои, и Хомяковъ; и пр. и пр. и пр... называть страшно,—слишкомъ много милыхъ тѣней встають. У насъ урожая совсѣмъ нѣтъ, доходовъ тоже, и въ деревнѣ обязаны остаться, чтобы по возможности помочь голоднымъ крестьянамъ. Николай (Елагинъ) говоритъ, что вы будете не эмансипаторъ, если не станете кормить вашихъ прежнихъ подданныхъ. Не надобно допускать, чтобы они жалѣли о крѣпостной своей жизни. Дѣйствуйте, дѣйствуйте, и да благословить васъ Богъ!”

Къ стр. 47.—Въ „Воспоминаніи о П. В. Кирѣевскомъ“ г. Ао-Марковича („Рус. Бес.“ 1857 г., II) между прочимъ сказано: „Каковы были отношенія П. В. къ деревнѣ, можно судить изъ того, что въ голодный годъ весь амбаръ его былъ исчерпанъ—за бесплатнымъ удовлетвореніемъ собственныхъ крестьянъ—бесплатно же чужими крестьянами, приходившими изъ другихъ сель, отъ распроданныхъ закровъ“. „Сколько Государь скажетъ отдать имъ земли моей, столько и отдамъ“, говаривалъ онъ о своихъ крестьянахъ, когда заходила рѣчь о благихъ видахъ еще покойнаго Государя (Николая Павловича) на улучшение народнаго быта“ (стр. 18 и 19).

Къ стр. 52.—По довлѣду верховнаго уголовного суда подполковникъ Норовъ обвиненъ былъ въ томъ, что участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на лишеніе въ Бобруйскѣ свободы императора Александра I и тогда великаго князя Николая Павловича и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли. На этомъ основаніи Норовъ былъ причисленъ въ государственнымъ преступникамъ *второго разряда*, осужденнымъ къ политической смерти, т.-е. положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу. Указомъ верховному уголовному суду 10 іюля 1826 г. относительно Норова наказаніе замѣнено: по лишеніи чиновъ и дворянства; сослать въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе. Слѣдовательно напечатанное о немъ въ письмѣ представляетъ ошибку.

Къ стр. 57.—Статья Малиновскаго „О россійскомъ театрѣ“ ошибочно показана помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“,—она напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1808 г. (№ III, 109—124).

Къ стр. 111.—Кн. Зин. Ал. Волконская (ум. 1862 г.) была урожденная кн. Бѣлосельская-Бѣлозерская, дочь кн. Ал. Мих. Бѣ-

лосельскаго-Бѣлозерскаго (1752—1809), который былъ страстнымъ любителемъ словесности. Французскіе стихи его, къ которымъ съ большою похвалою относились Вольтеръ и Делиль, доставили ему громкую извѣстность. Отецъ былъ литературнымъ воспитателемъ своей дочери. Княгиня прекрасно знала языки, съ одинаковою легкостію писала по-русски, французски и итальянски, выучилась, подъ руководствомъ академика Мердана, по-латыни и по-гречески, была прекрасная музыкантша и замѣчательная пѣвица. Она сама положила на ноты сочиненную ею кантату въ честь императора Александра Перваго. Княгиня занималась съ любовью изученіемъ русскихъ древностей и народнаго быта и хлопотала съ этою цѣлью учредить особое общество. Плодомъ этихъ археологическихъ занятій были попытки княгини Волконской изобразить древнеславянскій бытъ въ господствовавшей тогда формѣ сантиментальныхъ и риторическихъ повѣствованій. Княгиня писала больше на иностранныхъ языкахъ. Изъ числа ея сочиненій извѣстны: „Quatre nouvelles“ (М. 1818 г.); „Gióvanne d'Arco“, drama per musico, ridotto de Schiller (Roma, 1821 г.), первое итальянское сочиненіе княгини; „Tableau Slave du V siècle“ (изд. въ Парижѣ въ 1824 г., а затѣмъ въ Москвѣ въ 1826 г.). Цѣль послѣдняго произведенія княгиня опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Желая ознакомить съ нѣкоторыми интересными подробностями о древнихъ славянахъ, я предприняла изложить въ простомъ и довольно новомъ очеркѣ всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о занятіяхъ, обычаяхъ и вѣрованіи племенъ, жившихъ по берегамъ Днѣпра“. Источниками для автора служили: „Лѣтопись Нестора“, по изданію Шлецера, „Исторія Карамзина“ и сочиненіе J. A. Gebhardi: „Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staaten“. Сочиненіе княгини, при своемъ появленіи въ Парижѣ, расхвалено было тамошними литераторами: Кольне („Gazette de France“ 1824, № 159) посвятилъ ему самый сочувственный разборъ, приведенный въ „Сынѣ Отечества“ (1824 г., ч. 95, стр. 117), гдѣ рецензентъ восторгался даже археологическою *тѣрностію* изображенія быта древнихъ славянъ, въ чемъ совершенно справедливо усомнился русскій переводчикъ. „Le Tableau Slave“ переведена была кн. Шаликовымъ въ „Дамскомъ Журналѣ“ (1825, № I—IV) и издана отдѣльно въ Москвѣ въ 1825 и 1826 гг. Но, помимо этихъ произведеній на иностранныхъ языкахъ, кн. Волконская помѣщала свои стихотворенія, беллетристическіе отрывки и путевыя впечат-

тлѣнія преимущественно въ московскихъ журналахъ и альманахахъ упоминаемаго нами кружка („Московскомъ Вѣстникѣ“, „Московскомъ Наблюдателѣ“, „Москвитянинѣ“, „Денницѣ“ Максимовича), отчасти и въ другихъ („Вѣстникѣ Европы“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Московскомъ Телеграфѣ“, „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“, „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ бар. Дельвига, „Утренней Зарѣ“ Владиславлева). Собраніе сочиненій кн. Волконской издано въ 1865 г. въ Парижѣ и Карлсруэ. Сюда вошли: „Отрывки изъ путевыхъ ея воспоминаній“, стихи (далеко не всѣ) и „Сказаніе объ Ольгѣ“, откуда только отрывокъ помѣщенъ былъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (1836 года, чч. 8 и 9). Съ 1825 года кн. Волконская была членомъ Общества любителей россійской словесности. Кн. Волконская любила окружать себя людьми замѣчательными и выдающимися, и вездѣ салонъ ея былъ сборнымъ мѣстомъ литераторовъ, художниковъ и музыкантовъ. Начиная съ 1813 г. императоръ Александръ I любилъ бывать въ ея обществѣ въ Теплицѣ и Прагѣ, а потомъ въ Парижѣ и на конгрессахъ Вѣнскомъ и Веронскомъ.—Въ Одессѣ въ 1818 году княгиня Волконская сошлась съ Батюшковымъ. Но самая блестящая эпоха ея жизни прошла въ Москвѣ, гдѣ она поселилась съ 1824 по 1829 годъ. Тотъ же кружокъ, съ которымъ мы познакомились и который встрѣчали у А. П. Елагиной, наполнялъ и гостиную княгини З. А. Волконской. Хозяиномъ на этихъ вечерахъ былъ князь П. А. Вяземскій. Пріятель Карамзина, Жуковского и Пушкина, князь Вяземскій былъ живымъ представителемъ, въ которомъ бродило все разнообразіе этой блестящей и быстро пере мѣнчивой эпохи, но освѣщалось безспорнымъ стремленіемъ къ лучшему и игривымъ свѣтскимъ остроуміемъ. Независимость холостого человѣка, при хорошемъ достаткѣ, давала князю Вяземскому въ то время возможность стать центромъ дружескаго кружка. Сходки пріятелей и веселые ужины устраивались преимущественно въ домѣ самого князя. Постояннымъ гостемъ въ домѣ княгини Волконской былъ Мицкевичъ, такъ радушно встрѣченный въ Москвѣ обществомъ и восхищавшій всѣхъ отрывшимся у него даромъ импровизаціи. Ему кн. Волконская посвятила отрывокъ, записанный ею въ альбомѣ, подъ заглавіемъ „Портретъ“, напечатанный первоначально въ „Денницѣ“ Максимовича (1830 г., 114), а потомъ перепечатанный въ ея сочиненіяхъ (стр. 27). Вслѣдъ за

этими обычными посѣтителями являлись и другіе наши знакомые: Веневитиновы, Шевыревъ, бывшій также домашнимъ челоувѣкомъ у княгини и впослѣдствіи спутникъ ея въ Италію, И. В. Кирѣевскій, Баратынскій, Норовы, Максимовичъ и другіе. Неизвѣстно, былъ ли въ числѣ этихъ посѣтителей Александръ Ивановичъ: онъ ничего не говоритъ о княгинѣ Волконской въ своихъ „Запискахъ“. Княгиня въ своемъ кружкѣ была вдохновительницей поэзіи: ей посвятилъ единственное свое посланіе въ стихахъ И. В. Кирѣевскій; на день ея рожденія, 3 декабря 1828 г., друзья написали стихотвореніе, въ которомъ приняли участіе: кн. Вяземскій, Баратынскій, Шевыревъ, Павловъ и Кирѣевскій (оба напечатаны въ „Собраніи сочиненій“ княгини З. Волконской). Очень оригинально упоминаетъ о такомъ вечерѣ въ письмѣ къ Александру Ивановичу Александръ Сергѣевичъ Норовъ: „Вечеромъ поѣхалъ къ кн. Зенаидѣ, гдѣ были *touts les habitués*: Свѣчкины, Дюмушель, Веневитиновы—двое, Мещерскіе, кн. Одоевскій, кн. Вл. Голицынъ, Абрамъ (Ав. С. Норовъ) и я; пѣли непрерывно *Requiem* Керубини; была тоска несносная“. Въ 1829 году княгиня съ сыномъ переселилась въ Римъ и пригласила съ собою Шевырева въ качествѣ воспитателя. Тамъ она приняла католичество и умерла въ 1862 году. Во время своей римской жизни, въ 1839 году, она сошлась съ Гоголемъ, посѣтившимъ въ это время Италію.

Къ стр. 129.—Значеніе Соболевскаго въ кружкѣ и участіе его въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ видно въ письмѣ къ нему Веневитинова изъ Петербурга въ декабрѣ 1826 г.: „Что дѣлаетъ нашъ журналъ? Я надѣюсь, что ты изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, а именно: понуваешь Погодина впередъ, ругаешь Полевого, выжимаешь изъ Шевырева статьи и выкидываешь тернія и зелія недостойная изъ нашего цвѣтущаго сада. Ты долженъ быть *крѣпкій цементъ, связующій камни сею новаго зданія*; отъ тебя много *зависитъ его прочность*. Скажу тебѣ искренно, что здѣсь отъ этого журнала много ожидаютъ; самъ Пушкинъ мнѣ писалъ о немъ. Скажи нашимъ, чтобы они не щадили Булгарина, Воейкова и проч. Истинные литераторы за насъ; Дельвигъ также поможетъ и Крыловъ не откажется отъ участія“ („Русск. Стар.“ 1875, IV, 821).

Къ стр. 435 кн. I и 254 кн. II.—Сходство именъ снова ввело меня въ недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что наибольшею извѣстностію пользуется кievскій профессоръ Я. К. Амфитеатровъ, о ко-

торомъ мною упомянуто на стр. 254 кн. II. На страницѣ же 435 кн. I говорится о профессорѣ Московской духовной академіи Ег. Вас. Амфитеатровѣ, воспитанникѣ Петербургской духовной академіи, который съ 1839 г. читалъ въ Троицкой лаврѣ общую словесность. Е. В. Амфитеатровъ не издавалъ ничего и потому повѣрить заимствованное мною указаніе, что онъ въ своихъ лекціяхъ придерживался эстетики Гегеля, по печатнымъ источникамъ не было возможности. Для разъясненія этого обстоятельства я обратился къ бывшему слушателю Амфитеатрова, извѣстному профессору философіи въ Московской духовной академіи В. Д. Кудрявцеву-Платонову. Викторъ Дмитріевичъ разъяснилъ, что дѣйствительно въ преподаваніи эстетики Амфитеатровъ придерживался Гегеля или по крайней мѣрѣ отдавалъ ему предпочтеніе. Лекціи Амфитеатрова по исторіи эстетики въ непродолжительномъ времени появились въ харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Знаніе“. Такимъ образомъ въ сороковыхъ годахъ эстетика Гегеля не только нашла себѣ мѣсто въ чтеніяхъ Надеждина и студенческомъ кружкѣ Станкевича, но совершенно независимо появилась и въ духовныхъ училищахъ того времени.

Примѣчанія къ первой книгѣ.

(1) Къ стр. 1.—Свѣдѣнія о родѣ Кошелевыхъ заимствованы мною изъ „Родословнаго Сборника“, изданнаго Румиелемъ (Сиб., 1886 г., т. I, стр. 424—440). Другое свидѣтельство о родѣ Кошелевыхъ помѣщено въ „Указателѣ къ Болгарскимъ книгамъ“, изданномъ Ивановымъ (Москва, 1853); тамъ (стр. 210—211) перечислено 24 Кошелевыхъ, между 1627 и 1692 годами, изъ коихъ 11 московскихъ дворянъ, 8 стольниковъ, 4 стряпчихъ и 1 Козельскій городской дворянинъ. Полковникъ Кошелевъ значится въ числѣ убитыхъ въ Полтавскомъ сраженіи. Подъ смертнымъ приговоромъ царевича Алексѣя Петровича 24 июня 1718 года подписался полковникъ Герасимъ Кошелевъ. Ѳеодоръ Кошелевъ, помѣстившій три незначительные перевода съ французскаго въ журналахъ Сохацкаго и Подшивалова („Приятное и полезное препровожденіе времени“, нравоучительное сказаніе, ч. III, 249, „Гимнъ благотворенію“, ч. IV, 321, и „Иппокрена“, мечтаніе о благополучіи, ч. III, 225), былъ вовсе не родня Александра Ивановича.

(2) Къ стр. 3.—Изъ четырехъ сестеръ Александра Ивановича про одну не осталось никакихъ воспоминаній,—вѣроятно, она не вышла замужъ и умерла въ молодыхъ годахъ. Остальныя три сестры были замужемъ: Елена Ивановна—за кн. Горчаковымъ, Варвара Ивановна—за Свѣчиннымъ и Екатерина Ивановна—за Ивановымъ, а послѣ смерти его—вторымъ бракомъ—за Чарторижскимъ. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Ивановъ (1777—1816) былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей своего времени и членомъ Московскаго Общества любителей россійской словесности и С.-Петербургскаго вольнаго любителей наукъ и художествъ. Ивановъ былъ сынъ генералъ-майора Ѳ. И. Иванова; онъ записанъ былъ при рожденіи въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и учился въ гимназіи, существовавшей при Московскомъ университетѣ, подъ ближайшимъ надзоромъ профессора математики В. К. Аршеневскаго. Въ 1794 г. Ивановъ выпущенъ во второй морской полкъ капитаномъ и во время всей Шведской кампаніи служилъ въ полку дѣда своего, полковника Демидова; въ 1797 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ сошелся съ Мерзляковымъ и вступилъ дѣятельнымъ членомъ въ только-что составившееся Общество любителей словесности. Мерзляковъ говоритъ, что Ивановъ только тогда принялся за чтеніе и за самообразование. „Самъ я былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ,—говоритъ Мерзляковъ,—что онъ проводилъ все свое время въ разборѣ и замѣчаніяхъ своихъ на *риторику Ломоносова, курсъ Баттлѣ, Блера и другихъ писателей*“. Въ Обществѣ Ивановъ сблизился съ Мерзляковымъ, съ которымъ сохранилъ дружескія связи до конца своей жизни и вмѣстѣ съ нимъ былъ издателемъ „Амфіона“. Ивановъ съ дѣтства чувствовалъ влеченіе къ театру и былъ друженъ съ нѣкоторыми актерами, Померанцевымъ, Плавильщиковымъ, Шушериннымъ и др. Поэтому онъ литературные свои труды направилъ преимущественно на театр. Первые его опыты, переводные и оригинальные, игрались на театрѣ безъ имени автора; но затѣмъ явились пьесы имъ подписанныя и заслужившія въ свое время большой успѣхъ. Рядъ этихъ пьесъ открывается въ 1806 г. драммою въ 3 дѣйствіяхъ „Награжденная

добродѣтель, или женщина какихъ мало“, имѣвшемъ успѣхъ на Московскомъ и Петербургскомъ театрахъ. Затѣмъ Ивановъ отдалъ на сцену Московскаго театра и напечаталъ въ 1808 году комедіи: 1) „Не все то золото, что блеститъ“; 2) „Женихъ, или вѣкъ живи и вѣкъ учись“; 3) „Мужъ пустынный, или урокъ женамъ“; 4) переведенную съ французскаго комедію въ одномъ дѣйствіи „Казачій офицеръ“; 5) драму „Семейство Старичковъ, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ“, гдѣ добрыя старыя нравы противоположались пустотѣ и распущенности приверженцевъ иностраннаго воспитанія: это была одна изъ любимыхъ пьесъ стариннаго репертуара. Въ 1809 году Ивановъ написалъ стихами трагедію „Марѳа посадница, или покореніе Новгорода“ и перевелъ державшуся нѣкоторое время на сценѣ передѣлку на французскій языкъ Ламартельеромъ трагедіи Шиллера „Разбойники“, подъ заглавіемъ „Робертъ, атаманъ разбойниковъ“. Самая трагедія Шиллера за 15 лѣтъ предъ этимъ переведена была Савдуновнѣй (1793 г.). Ивановъ помѣстилъ много стихотвореній въ тогдашнихъ московскихъ журналахъ и одновременно съ Марннѣй перевелъ трагедію Вольтера „Меропа“ и затѣмъ, такъ какъ прежній переводъ его утратился въ 1812 году, возобновилъ его и напечаталъ отрывки въ „Амфионѣ“ и „Трудахъ Общества любителей словесности“. С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ приводитъ еще пьесу Иванова „Не бываеъ драмъ“, такъже имѣвшую успѣхъ, но она, вѣроятно, осталась ненапечатанною. О. Э. Ивановъ, по словамъ С. Т. Аксакова, былъ занимательный собесѣдникъ и любезный и гостеприимный человѣкъ, въ домѣ котораго особенно часто сходились московскіе литераторы и любители литературы. На этихъ собраніяхъ, кромѣ задушевнаго пріятеля хозяина, Мерзлякова, появились А. М. и В. Л. Пушкины, А. Ф. Воейковъ, кн. И. М. Долгорукій, Ф. Ф. Кокшенинъ, кн. П. А. Вяземскій и К. Н. Батюшковъ. По словамъ послѣдняго, здѣсь проводили время весело, „съ пользою и съ чашею въ рукахъ“. Воспоминанія объ Ивановѣ Мерзлякова помѣщены въ „Трудахъ Общ. люб. россійск. словесности“ (ч. VII, стр. 94—123), а сочиненія его изданы Моск. Обществомъ любителей россійской словесности подъ заглавіемъ „Сочиненія и переводы О. Э. Иванова“ (4 части. М. 1824 г.).

(3) Къ стр. 13.—См. біографическіе списки фрейлинь Карабанова („Рус. Стар.“ 1871 г., т. IV, стр. 59). На стр. 393 того же тома сказано, что фрейлиною была Марья Ивановна Кошелева, дочь Ивана Родіоновича Кошелева, воронежскаго вице-губернатора, и вышла потомъ замужъ за Высотскаго. Это невѣрно: за Высотскаго вышла замужъ, дѣйствительно, Марья Ивановна, но дочь тайнаго совѣтника Ивана Родіоновича, тогда какъ воронежскимъ вице-губернаторомъ былъ его младшій братъ, Иродіонъ Иродіоновичъ. Марья Ивановна была второю фрейлиною изъ рода Кошелевыхъ, послѣ первой, своей тетки Марьи Иродіоновны, пожалованной во фрейлины при рожденіи въ 1725 г. Марья Ивановна получила фрейлинское званіе чрезъ свадьбу въ концѣ 1781 г., по вліянію жениха своего, бывшаго флигель-адъютантомъ императрицы Екатерины и племянникомъ Потемкина.

(4) Къ стр. 7.—Мать Александра Ивановича умерла въ концѣ 1835 года.

(5) Къ стр. 7.—Изъ этихъ писемъ 27 относятся ко времени съ его отъѣзда по 1-е января 1827 года, 99—къ 1827 г., 56—къ 1828 г., 30—къ 1829 г., 36—къ 1830 г., 14—къ 1831 г., 3 письма—къ 1833 г. Почти всѣ письма написаны безъ означенія года, и потому въ распредѣленіи ихъ по годамъ могли встрѣтиться и ошибки, впрочемъ не очень значительныя и потому не имѣющія никакого вліянія.

(6) Къ стр. 14.—На нѣкоторое родство германской философіи съ мистицизмомъ указываютъ, между прочимъ, отношенія ея къ извѣстнѣйшему нѣмецкому мистыку Бѣму, нравшему значительную роль и въ исторіи нашего мистицизма. Іаковъ Бѣмъ (J. Böhm или Böhm), прозванный Philosopher Teutonicus, род. въ 1575 г. въ Адльтейденбергѣ,

близъ Гёрлиця, былъ сынъ бѣднаго крестьянина, впоследствии ремесломъ башмачникъ, до 10 лѣтъ не учился ничему, но уже тогда склоненъ былъ къ видѣніямъ, которыя онъ признавалъ за откровеніе свыше. Въ Гёрлицѣ получилъ въ 1694 г. званіе мастера, онъ выступилъ на литературное поприще и первымъ его сочиненіемъ было „Аврора, или восходящая заря“, въ 1612 г. Потомъ онъ написалъ нѣсколько сочиненій, гдѣ развилъ теософическій взглядъ на природу, сходный, — хотя и безъ всякаго прямого заимствованія, — съ философіей неоплатониковъ и развѣтшимися изъ нея алхимическими теоріями. Онъ умеръ 27 ноября 1624 г. Бѣма нашелъ послѣдователей въ Англіи, гдѣ въ 1697 г. Лидъ (Leade) основалъ общество, подъ именемъ „филадельфитовъ“, для распространенія ученія Бѣма. Послѣдователями его ученія явились нѣмецкій богословъ Етингеръ и известный французскій мистикъ Сентъ-Мартенъ (Louis Claude de Saint-Martin). Изъ новѣйшихъ объясненій его сочиненій занимался въ особенности Францъ фонъ-Баадеръ, задавшійся мыслию сдѣлать прежнюю нѣмецкую мистику основаніемъ новой философіи. Шлегель указываетъ на философскую глубину мыслей Бѣма; Шеллингъ въ позднѣйшей своей системѣ многое у него позаимствовалъ; Гегель также ссылается на Бѣма и принимаетъ его систему за начало новой философіи.

(7) Къ стр. 14. — Это безсвязное равнообразіе масонскихъ проявленій весьма вѣрно и характеристично выражено въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго одному изъ послѣдователей Новикова и приведеннаго С. В. Ешевскимъ (Соч. т. III, 429 и 430): „мысли разныхъ братьевъ о высшей цѣли ордена столь разнообразны, что описать оныя во всѣхъ отѣнкахъ ихъ такъ же трудно, какъ много-различную зелень полей, луговъ и лѣсовъ, когда весенній вѣтеръ навѣваетъ на нихъ тѣни облаковъ, или какъ мысли людей о высочайшемъ блаженствѣ. Нѣкоторые думаютъ, что цѣль сія состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать людей добродѣтельными, посредствомъ ожиданій, напрягающихъ и возвышающихъ душу, посредствомъ братской помощи и общественной радости, и мало-помалу соединить добрыхъ людей всеобщимъ союзомъ, который бы не только укрѣплялъ каждого, но особенно послужилъ бы и къ тому, чтобы соединенными силами — даже и тѣхъ, кои безъ энтузіастическихъ видовъ не взяли бы въ томъ участія — дѣлать въ мірѣ добра больше того, что бы они могли дѣлать порознь. Другіе думаютъ, что сіе конечно составляетъ одну цѣль и ту, при которой большая часть братьевъ остается; да сіе же внутренняя работа есть и необходимое средство къ полученію большаго, но сіе большее есть глубокое испытаніе природы вещей и чрезъ то приобретаемая сила и власть къ исправленію людей, врачевная наука, обновленіе тѣла, превращеніе металловъ и правленіе невидимаго божественнаго царства. Нѣкоторые думаютъ, что сіе есть, конечно, то богатство, которое приходитъ къ намъ съ премудростию; но что цѣль есть собственно она сама, соединеніе съ божествомъ, которое само по себѣ есть возжелѣннѣйшее счастье, и котораго слѣдствіемъ будетъ познаніе и власть въ тѣлесной натурѣ, сообщеніе съ духами, всеобщій языкъ и внутренній міръ добродѣтели. Другіе, напротивъ, сильнѣе стоятъ въ томъ, что какъ сообщеніе съ высшею природою открываетъ нижнюю, такъ и ученія нижнія есть часть среднихъ, доводящихъ насъ до сего сообщенія съ высшею. Иные почитаютъ всю высокую цѣль за мечту и невозможность и думаютъ, что распространеніе человѣколюбія, нравственность и общечеловѣчность, радостное, мудрое наслажденіе жизнью и спокойное ожиданіе смерти есть истинная, удобная для достиженія цѣль. Мораль и религія стараются произвести сіе средствами важными, а орденъ — подѣ завѣсомъ удовольственныхъ занятій.... Но вообще мысли братьевъ различаются въ томъ, что одни почитаютъ сію цѣль *преданіемъ уже приобретенной мудрости*, а сообщеніе сими высокими, истинными главами ордена — даромъ Провидѣнія, для пріятія коего, конечно, надлежитъ имъ работать. Другіе принимаютъ цѣль ордена за *несовершившееся еще намѣреніе*, но къ совершенію коего

ведеть работа по предписанію ордена, и которое, можетъ быть, весьма рѣдко здѣсь на землѣ и познается, но нѣкогда, когда настанетъ время зрѣлости, возсіяетъ во всемъ своемъ блестящемъ пространствѣ“.

(8) Къ стр. 16.—Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ скончался 29 августа 1784 г. Въ извѣстіи о его кончинѣ, напечатанномъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, онъ названъ великимъ покровителемъ учености, любителемъ и споспѣшествователемъ народнаго просвѣщенія. Гр. Чернышевъ принадлежалъ къ числу самыхъ старыхъ масоновъ. Въ первый разъ слухи о масонствѣ дошли до правительства въ 1747 г., когда гр. Головина, служившаго въ прусскомъ войскѣ волонтеромъ и подозрѣваемаго въ исполненіи порученій Фридриха II при его дипломатическомъ агентѣ въ Петербургѣ, по повелѣнію Императрицы, допрашивали, кто изъ русскихъ въ масонахъ. Головинъ назвалъ себя и двухъ графовъ Чернышевыхъ (Захара и Ивана). Гр. Чернышевъ покровительствовалъ Новикову и друзьямъ его въ Москвѣ; по словамъ преемника его, кн. Прозоровскаго, онъ „окружилъ себя“ мартинистами; правитель дѣлъ у него былъ Гамалей, адъютантъ И. П. Тургеневъ.

(9) Къ стр. 20.—Мать Хераскова была во второмъ бракѣ за фельдмаршаломъ кн. Никитой Юрьевичемъ Трубецкимъ, отцомъ кн. Н. Н. и Ю. Н. Трубецкихъ. Такимъ образомъ князья Трубецкіе были родными братьями по матери Хераскова. Профес. П. Ил. Страховъ въ біографіи дяди своего, профес. П. Ив. Страхова, говоритъ, что „домъ кн. Трубецкой славился блестящими собраніями особъ высшаго, избранныйшаго общества; кромѣ того здѣсь, съ отиѣннымъ вниманіемъ и уваженіемъ къ достоинствамъ талантовъ, принимались и ученые профессора, извѣстные стихотворцы, отличные художники, музыканты, актеры, иностранные путешественники. Въ этомъ кругу театральныя представленія были уважены болѣе другихъ увеселеній, и благородными особами разыгрывались русскія и французскія лучшія пьесы“ („Біогр. словарь профес. Москов. университета“, II, 448).

(10) Къ стр. 21.—Прокоповичъ-Антонскій былъ сынъ малороссійскаго священника изъ дворянъ, который имѣлъ небольшое имѣніе въ Прилудкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Антонскій прибылъ въ университетъ, когда Шуваловъ, для пополненія недостатка слушателей, выписалъ, чрезъ посредство Бянтшы-Каменскаго, до ста студентовъ изъ разныхъ семинарій и 12 способнѣйшихъ изъ Кіевской академіи. Прокоповичъ-Антонскій занялъ въ университетѣ мѣсто профессора энциклопедіи и натуральной исторіи, которую онъ первый сталъ преподавать на русскомъ языкѣ. Антонскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ секретаремъ куратора Мелиссио и преподавалъ естественную исторію въ благородномъ пансіонѣ, а потомъ, въ 1791 г., назначенъ его инспекторомъ, затѣмъ переименованъ главнымъ смотрителемъ и наконецъ директоромъ. Антонскій изложилъ свои мысли о воспитаніи въ замѣчательномъ сочиненіи „О воспитаніи“, изданномъ Ив. Давыдовымъ (Москва, 1818 г.).

(11) Къ стр. 23.—Въ благородномъ пансіонѣ, по спискамъ, веденнымъ Прокоповичемъ-Антонскимъ, получили образованіе: *литераторы и писатели*: Жуковскій, Кайсаровъ, Хвостовъ, А. И. и Н. И. Тургеневы, Родзанко, Грамотинъ, Воейковъ, Свинынъ, Макаровъ, Милоновъ, Писаревъ, Авр. Норовъ, кн. Одоевскій, Баратынскій, Грибоѣдовъ, М. Дмитріевъ, Вельтманъ, Лермонтовъ, Строевъ, Шишковъ, Якоби, Калайдовичи, Карловичъ, Курбатовъ, Ознобишинъ, Шевиревъ, профес. Гольдбахъ сынъ, кн. Шаховской, Жихаревъ; *изъ высшихъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ*: Дашковъ, Титовъ, Ермоловъ, Иязовъ, Праншинковъ, Дм. Ал. и Н. Ал. Милютинъ, Татаринъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій и мн. др. На золотой доскѣ въ пансіонѣ были записаны: сенаторъ Озеровъ, Магницкій, Кайсаровъ, Воейковъ, Жуковскій, Свинынъ, Дашковъ, Писаревъ, Одоевскій, Шевиревъ, Титовъ.

(12) Къ стр. 26.—Кромѣ поименованныхъ въ текстѣ повременныхъ изданій, Академія Наукъ въ XVIII столѣтіи печатала еще: 1) Краткое описаніе комментарий Академіи Наукъ на 1726 г., 1 ч.; 2) Содержаніе ученыхъ разсужденій Академіи Наукъ, 1748—1754 гг., 4 тома безъ означенія года; 3) Примѣчанія о разныхъ матеріяхъ. Москва, 1766; 4) Библиотека Россійская историческая, 1767; 5) Академическія извѣстія, 1779—1781; 6) Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ, 1785—1793; 7) Новые ежемѣсячныя сочиненія, 1786—1796; 8) Россійскій Театръ, 1786—1794; 9) Собраніе географическихъ, астрономическихъ и физическихъ примѣчаній, 1781—1791,—перепечатка старого; 10) Академическія сочиненія, выбранныя изъ 1 тома „Nova Acta Academiae Petropolit.“, 1801; 11) Ученныя извѣстія, прибавленія къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ 1802 года.

(13) Къ стр. 27.—Первый кадетскій корпусъ былъ первое высшее учрежденіе для общаго образованія дворянскаго сословія: изучитъ начальную его исторію значить прослѣдить возникновеніе у насъ на первыхъ порахъ просвѣщенія среди дворянства. Достаточно указать, что въ корпусѣ возникли первый частный журналъ и первый драматическій писатель. Корпусъ основанъ по мысли гр. Ягужинскаго, предложившаго Аниѣ Іоанновнѣ устройство двухъ корпусовъ на 500 человѣкъ дворянъ, по примѣру существовавшихъ въ Даніи и Берлинѣ, которые оны изучилъ во время своихъ зарубежныхъ поѣздокъ и въ пятилѣтнее пребываніе въ Берлинѣ въ качествѣ посла. Указъ объ учрежденіи корпуса послѣдовалъ 29 іюля 1731 г. на 200 человѣкъ дворянъ, для приготовленія ихъ какъ въ военную, такъ и въ гражданскую службу. Учрежденіе корпуса по образцу Копенгагенскаго и Берлинскаго поручено было Миниху; въ первый же годъ число кадетъ превзошло штатное положеніе на 200 человѣкъ и потому 12 мая 1732 г. къ прежнимъ двумъ ротамъ прибавлена третья, а 14 іюня 1732 г. открыты классы, названныя „рыцарскою академіею“. Корпусъ съ самаго начала наполнился дѣтьми титулованныхъ и самыхъ знатныхъ фамилій русскаго дворянства, въ числѣ которыхъ относительно крупное участіе приняли дѣти остзейскаго дворянства. Манифестомъ 18 февраля 1762 г. повелѣвалось, чтобы всѣ дворяне, имѣющіе за собою не болѣе тысячи душъ, предъявляли своихъ сыновей къ записыванію въ кадетскій корпусъ, и тогда же число кадетъ увеличено до 600 человѣкъ. Въ 1766 году управленіе корпуса перешло къ И. И. Бецкому, который составилъ для него замѣчательный уставъ (11 сентября 1766 г.), и кадетскій корпусъ переименованъ въ Императорскій сухопутный Шихетинскій кадетскій. Золотымъ вѣкомъ корпуса признается начальствованіе гр. Ангальта (1786—1794): значительное число воспитанниковъ корпуса, завлавшихъ видными мѣстами въ военной и гражданской службѣ, подало императрицѣ Екатеринѣ поводъ назвать корпусъ „разсадникомъ великихъ людей“. Изъ указа 10 сентября 1737 г. (П. С. З., 7369) видно, что курсъ ученія, при самомъ учрежденіи корпуса, составляли слѣдующіе предметы: языки—русскій, нѣмецкій, французскій и латинскій; универсальная исторія, исторія нѣмецкаго государства, политическая географія и познаніе ландкартъ; арифметика, геометрія, механика, фортификація и артиллерія; для нѣкоторыхъ кадетъ—логика, нравоучительная философія, физика и юриспруденція. Кромѣ того, обучались кадеты воинскимъ эзерциціямъ, танцованію, фехтованію, конской ѣздѣ и рисованію. На публичныхъ экзаменахъ должны были присутствовать одинъ изъ сенаторовъ, нѣкоторые изъ профессоровъ и учителей Академіи Наукъ, а также изъ Адмиралтейской академіи и Инженернаго корпуса. Указомъ 21 сентября 1742 г. (№ 9532) повелѣно было изъ числа кадетовъ, кои болѣе къ статскимъ дѣламъ склонны явятся, отдѣлить 24 человѣка и обучать одной юриспруденціи и арифметикѣ, нужныхъ къ гражданской службѣ частей, и для того въ другія науки, также къ воинскимъ эзерциціямъ и на караулы не употреблять. Положено было этимъ кадетамъ по два дня въ недѣлю читать Уложеніе,

Генеральный Регламентъ и прочіе надлежащія къ узнанію гражданскихъ правъ уставы, и регламенты, и указы; для сего повелѣвалось изъ обрѣтающихся не у дѣлъ статскихъ чиновъ опредѣлить достойнаго человѣка. Воспитаніе въ корпусѣ для того времени получалось серьезное и многостороннее. Отецъ мой воспитывался въ сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ: онъ любилъ и зналъ математику, превосходно звалъ французскій языкъ, знакомъ былъ вполне съ французскою литературой и вообще въ обществѣ, среди котораго жилъ, выдѣлялся своимъ образованіемъ. Въ корпусѣ получили образованіе фельдмаршалъ кн. Прозоровскій (выпущ. 1736), *Ал. П. Сумароковъ* (1740), гр. Румянцовъ-Задунайскій (1740), извѣстный масовъ *И. П. Елагинъ* (1743), ген.-прокуроръ кн. А. Ал. Вяземскій (1747), *М. М. Херасковъ* (1751), фельдмаршалъ М. Ф. Каменскій (1755), Каховскій (1757) и Ферзенъ (1762)—оба отличились въ войнахъ съ Польшою, статсъ-секретарь Екатерины II Храповицкій (1766), *Вл. Ал. Озеровъ* (1787), *Ал. Хр. Востоковъ* (1794), *С. Н. Глинка* (1795), К. Ф. Толь (1796), *М. В. Крюковскій* (1798), *Ф. И. Глинка* (1803), *Бумаринъ* (1806), мореплаватель Коцебу (1806), бар. Н. И. Корфъ (1811). Учителями въ корпусѣ были, между прочимъ, Князьянъ, Эминъ, Пермскій и Сѣчкаревъ (оба послѣдніе извѣстны какъ переводчики, первый—съ англійскаго); кромѣ того изъ числа воспитанниковъ корпуса вышли писатели: И. П. Елагинъ, Нартовъ, кн. Дм. Цицановъ, Ем. Порошинъ, воспитатель Павла Петровича Ник. Муравьева, Ад. Вас. Олсуфьевъ (впослѣдствіи сенаторъ, кабинетъ-министръ и членъ государственнаго совѣта), Елчаниновъ, сочинитель и переводчикъ комедій, Каринъ, С. Глѣбовъ и другіе. Въ первое десятилѣтіе существованія кадетскаго корпуса (1732—1742 г.) въ немъ воспитывались слѣдующіе Кошелевы: 1) Андрей, сынъ отставнаго подполковника, вступилъ въ 1732 г., выпущенъ въ 1740 г. въ армію въ прапорщики, въ отставкѣ полковникъ; 2) Сергѣй—1736—1741 г., выпущенъ въ армію въ прапорщики,—о немъ въ особенности замѣчено, что онъ былъ добраго и смирнаго поведенія; 3) Борисъ Федоровъ — 1737 — 1743, выпущенъ въ армію въ прапорщики, состоялъ капитаномъ на Ладожскомъ каналѣ; 4) Василій—1737—1743, выпущенъ въ армію въ прапорщики; 5) Дементій—1737—1743, выпущенъ въ армію въ прапорщики.

(14) Къ стр. 29.—Первый по времени сатирической журналъ былъ „Всякая всячина“ (1764), издававшійся Гр. Вас. Козицкимъ, воспитывавшимся въ Кіевской академіи и послѣ путешествія по Европѣ поступившимъ въ Академію Наукъ переводчикомъ, затѣмъ адъюнктомъ и впослѣдствіи сдѣлавшимся статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II. По многимъ соображеніямъ, въ этомъ журналѣ, который возникъ по мысли Екатерины, сама она принимала до нѣкоторой степени участіе. Продолженіемъ „Всякой всячины“ служили: „Барышекъ всякой всячины“, „И то, и сіо“ (1769 г.), издателемъ былъ Михаилъ Дмитр. Чулковъ, первый собиратель этнографическихъ матеріаловъ; „Ни то, ни сіо“, въ провѣ и стихахъ (1769), издатель В. Гр. Рубанъ; „Полезное съ пріятнымъ“ (1769), новое изданіе сухопутнаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса, гдѣ, помимо сатирическаго направленія, преобладали статьи характера педагогическаго и правоучительнаго; „Поденщикъ“ (1769), издатель оберъ-офицеръ полевыхъ полковъ Вас. Туховъ; „Смѣсъ“ (1769), имя издателя неизвѣстно, а сотрудники скрывали себя за псевдонимами; „Труть“ (1769—1770), изданіе Н. И. Новикова; „Адская почта или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ“ (1769), издатель Ф. А. Эминъ; „Парижскій щепетильникъ“ (1770), второй журналъ М. Д. Чулкова; „Пустомеля“ (1770), имя издателя неизвѣстно; „Трудолюбивый Муравей“ (1771), второй журналъ В. Гр. Рубана; „Вечера“ (1772—1773), изданіе которыхъ приписывается нѣкоторыми Новикову, но безъ всякаго основанія; „Живописецъ“ (1772—1773), издатель Н. И. Новиковъ; „Старина и Новизна“ (1772—1773), третій журналъ Рубана; „Мешенина“ (1773), авторъ не извѣстенъ, повидимому иностранецъ; „Кошелекъ“ (1774), третій журналъ Н. И. Но-

никова. Изъ всего этого ряда особенное значеніе имѣютъ журналы Новикова и „Всякая вслщина“.

(15) Къ стр. 32.—Въ промежутокъ между издачіемъ своихъ сатирическихъ журналовъ Новиковъ напечаталъ „Опытъ словаря Россійскихъ писателей“ (1772), „Древнюю Россійскую Вифлюфику“ (съ 1773—1775), „Древнюю Россійскую картографію“ (1773); а затѣмъ онъ напечаталъ „Исторію о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева“ (1776), „Скиескую исторію стольника Андрея Излова“ (1776) и „Повѣствователь древностей Россійскихъ“ (1777). Въ 1777 году Новиковъ печаталъ ежедневное періодическое изданіе „С.-Петербургскія Ученныя Вѣдомости“, не доведенныя впрочемъ до конца года (26 номеровъ), и наконецъ, въ томъ же году, ежемѣсячный журналъ „Утренній Свѣтъ“, продолжавшійся до переезда Новикова въ Москву въ апрѣлѣ 1779 г. Такова непрерывная издательская дѣятельность Новикова въ С.-Петербургѣ.

(16) Къ стр. 40.—Этому нѣсколько противорѣчатъ другія извѣстія. Изъ доведенія кн. Прозоровскаго Екатеринѣ видно, что митрополитъ Платонъ отдалъ трехъ учениковъ семинаріи въ Педагогическую семинарію Шварца. Преподавалъ имъ лекціи Шварцъ; но какъ онъ въ русскомъ языкѣ силею не былъ, то они больше учились у другихъ профессоровъ (Пекарскій: „Допол. къ ист. мас.“, стр. 129).

(17) Къ стр. 43.—См. Донгановъ, стр. 219. Въ „Дополненіяхъ“ Пекарскаго сообщаются свѣдѣнія, на основаніи приложенія къ отношенію кн. Прозоровскаго, нѣсколько иначе: цифра пожертвованій Новиковымъ не обозначена, а сказано просто—„на нѣсколько тысячъ книгами и домъ“; кн. Трубецкіе пожертвовали 15.000, а не 10.000 р.; итогъ 62.500 р., а не 57.500 р.; въ текстѣ итогъ показанъ ошибочно—69.800 р. Кроме того членами типографской компаніи показаны Гамалея и Енгальчевъ—безъ капитала.

(18) Къ стр. 44.—Л. Н. Трефолевъ, въ статьѣ „Первый русскій провинціальный журналъ—„Уединенный Пошехонецъ“ („Рус. Арх.“ 1879, III, стр. 88 и слѣд.), подробно разсмотрѣлъ этотъ журналъ, издававшійся въ 1786 г. въ Ярославлѣ. Редакторомъ его былъ поступившій секретаремъ въ Ярославскій приказъ общественнаго призванія, бывшій студентъ Московскаго университета, Вас. Дем. Санковскій, сотрудникъ журналовъ, издававшихся въ Москвѣ Херасковымъ, и самъ издатель журнала „Доброе намѣреніе“ (въ 1764 г.). Ярославскій журналъ основанъ былъ по желанію и подъ покровительствомъ тогдашняго намѣстника Мельгунова, отличавшагося меценатствомъ, подобно другимъ Екатерининскимъ вельможамъ, отчасти съ цѣлью прославленія собственныхъ своихъ подвиговъ; причѣмъ принималъ участіе въ журналѣ и мѣстный архіепископъ Арсеній Верещагинъ. Такимъ образомъ появленіе журнала совпадаетъ съ заведеніемъ въ Ярославлѣ вольной типографіи мѣстными помѣщиками, но не имѣетъ ничего общаго съ возникновеніемъ литературнаго общества. Послѣднее возникло въ Ярославлѣ послѣ открытія тамъ лицея, и притомъ изъ подражанія учрежденію Обществъ при Московскомъ университетѣ,—въ виду поощренія ихъ попечителемъ Муравьевымъ. Литературное Ярославское Общество прошло безслѣдно: по крайней мѣрѣ мѣстные изслѣдователи, къ которымъ я обращался (Е. И. Якушкинъ и Л. Н. Трефолевъ), не нашли никакихъ остатковъ его существованія. Между тѣмъ въ Суворинскомъ изданіи писемъ Мерзлякова послѣдній—не извѣстно по какимъ даннымъ—названъ членомъ Ярославскаго литературнаго Общества.

(19) Къ стр. 46.—Главными редакторами въ „Дѣтскомъ Читеніи“ были: Прокоповичъ-Антонскій, издавшій первыя четыре части, Подшиваловъ, Бобровъ, А. А. Петровъ и Карамзинъ. Участіе Карамзина начинается опредѣленно съ IX части, вѣсь 1788 г. (или третій годъ изданія), и прекращается въ половинѣ 1789 года. Первыя восемь частей состоятъ отчасти изъ небольшихъ повѣстей для дѣтей, басель и сказокъ, отчасти изъ

коротенькихъ статей нравственнаго или дидактическаго содержанія, отчасти изъ научныхъ естественно-историческихъ очерковъ. Послѣдніе занимаютъ довольно значительную часть: наприм. о сахарѣ, о птичьей ловлѣ въ Америкѣ, о побужденіяхъ дикихъ животныхъ къ жизни, о магнитѣ, сѣверномъ сіяніи, о нѣкоторыхъ воздушныхъ явленіяхъ, разговоры о воздухѣ и т. п. Въ этихъ же частяхъ помѣщены рассказы изъ путешествій Кука и Васко де Гама въ Остъ-Индію. Откуда заимствованы эти статьи—не указано: по всей вѣроятности, статьи эти были не переводныя, а обработаны самими издателями и въ этомъ смыслѣ должны считаться оригинальными. Со вступленіемъ Карамзина, — который началъ работать въ журналѣ, повидимому, нѣсколько раньше IX книжки, — журналъ обращается въ сборникъ исключительно переводныхъ статей: для самого Карамзина журналъ служилъ школою, гдѣ онъ учился переводить, и свои переводы въ „Дѣтскомъ Читеніи“ Карамзинъ самъ называетъ ученическими. Въ IX—XV частяхъ Карамзинъ помѣстилъ переводы сочиненія Жанлисъ „Les Veillées littéraires“ подъ именемъ „Деревенскихъ вечеровъ“, причемъ онъ перемѣнилъ только имена дѣйствующихъ лицъ и мѣстопробываніе рассказчиковъ и рассказицъ, но оставилъ неприкосновеннымъ содержаніе; кромѣ того, онъ заимствовалъ нѣсколько повѣстей изъ сочиненій той же Жанлисъ „Nouveaux contes moraux“; въ этихъ же частяхъ Карамзинъ помѣстилъ переводъ поэмы „Времена года“ Томсона и его заключительный гимнъ. Въ послѣдующихъ книжкахъ Карамзинъ помѣстилъ нѣсколько статей изъ сочиненія Боннета—„Contemplations de la nature“ („Дѣт. Читен.“, ч. 18 и 19) и статью „Рейнскій водопадъ“. Галаховъ предполагаетъ, что Карамзину принадлежатъ также оригинальная повѣсть „Евгеній и Юлія“ (ч. 18) и статья „Прогулка“ (тамъ же). Журналъ и послѣ удаленія Карамзина, оставшійся подъ редакціею Петрова, удержалъ до конца тотъ же переводный характеръ, причемъ указаны иностранныя изданія, послужившія оригиналомъ: „Бродяга“ Джонсона; „Зритель“ Аддисона; „Ганноверскій Магазинъ“; „Wochentliche Unterhaltungen über die Erde und ihre Bewohner“; „Нѣмецкій Меркурій“; издававшійся Виландомъ, откуда заимствовались статьи нравственно-философскаго содержанія; „Mémoires concernant l'histoire, les sciences etc. des chinois“; „Leipziger Wochenblatt für Kinder“; англійскіе журналы: „The Towns and Country Magazine, the Universal Magazine, New London Magazine“. Помѣщались переводы отдѣльныхъ небольшихъ произведеній, какъ наприм. драма Вейсе „Аркадскій памятникъ“, „Гесперова смерть“ изъ „Mercure de France“, „Журналъ Сентъ-Прентиса“, изданный въ Лондонѣ въ 1782 г. и содержащій описаніе кораблекрушенія близъ Королевскаго острова или Капъ-Бретона, отрывокъ изъ сочиненія Рецера „о стремленіи подражать иностранцамъ“ и т. д. (см. статью о Карамзинѣ Галахова—„Соврем.“ 1853 г., № XI, стр. 52—64).

(*) Къ стр. 48.—Сотрудники Новикова по изданію переводовъ и журналовъ поименованы у Лонгинова: „Новиковъ и маринисты“, стр. 226; Шевыревъ: „Исторія Московскаго университета“, 257—261.

(21) Къ стр. 52.—Вас. Серг. Подшиваловъ (1765—1843) отцомъ своимъ, изъ родовыхъ, по недостатку средствъ, отданъ былъ шести лѣтъ учиться грамотѣ къ дячку, потомъ онъ былъ записанъ въ Университетскую гимназію, а въ 1782 г. произведенъ въ студента университета и поступилъ учителемъ русскаго языка и логики въ Университетскій пансіонъ; въ 1785 г. Подшиваловъ былъ уволенъ отъ званія учителя и поступилъ въ Московскій архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1788 г. актуариусомъ, а въ 1795 г. сдѣлался переводчикомъ. Въ 1795 г. Подшиваловъ вышелъ изъ архива Министерства Иностр. Дѣлъ и поступилъ въ Московскій воспитательный домъ, отсюда переведенъ инспекторомъ Коммерческаго училища въ Москвѣ, по переводѣ же училища въ Петербургъ переведенъ туда, сдѣланъ директоромъ и умеръ въ этой должности въ С.-Петербургѣ („О жизни и сочинен. Подшивалова“ В. Измайлова—„Вѣстн. Евр.“ 1844 г.,

ч. 76, № 13, стр. 25 и слѣд.). По собственному показанію („Москвит.“ 1842 г., I, 178—230), первый ученической трудъ Подшивалова былъ „Аполлодора Афинейскаго двѣ книги—о богахъ“, отчасти съ греческаго, но больше съ латинскаго, изд. Новиковымъ (М. 1787, Сопик. № 1999). Какъ членъ студентскаго собранія при университетѣ, Подшиваловъ участвовалъ въ *изданіяхъ отъ оная*: „Покоющемся Трудолюбцѣ“, „Магазинѣ натуральной исторіи, физики и химіи“, въ „Чтеніи для сердца, разума и чувствованій“, гдѣ „довольно разбросано моихъ переводовъ и собственныхъ отрывковъ въ прозѣ и стихахъ“. Подшиваловъ говоритъ, что первые 4 книги послѣдняго журнала издаши были „отъ студентскаго собранія вообще“, а послѣднія четыре—редактировались Подшиваловымъ. Кромѣ того Подшиваловъ лѣтъ шесть издавалъ „Политическій журналъ“ вмѣстѣ съ профессорами Сохацкимъ и Гавриловымъ; былъ редакторомъ 8 книжекъ „Прытнаго и полезнаго препровожденія времени“, причѣмъ „каждую изъ частей я написалъ собственнымъ возглашеніемъ и помѣстилъ не мало отрывковъ, буквою В. П. означенныхъ“; издалъ 10 книжекъ избранныхъ повѣстей Мейсеровыхъ. При переходѣ въ Архивъ Иностранной коллегіи, Подшиваловъ перевелъ „Книгу премудрости и добродѣтели, или индѣйское правоученіе“, „Трактатъ о моральной философіи“ лорда Честерфильда и Кантову „Дѣтскую психологію“; продиктовалъ своему ученику Скворцову, изданный послѣднимъ, „Курсъ російскаго слога“. Есть нѣсколько пьесъ Подшивалова и въ „Московскомъ журналѣ“ Карамзина, между прочимъ рецензія на Палафата, переведеннаго Туданскимъ. Замѣчательно, что въ своей автобіографіи Подшиваловъ ничего не говоритъ объ изданіи, подъ его руководствомъ, трудовъ воспитанниковъ Университетскаго благороднаго пансіона, а именно „Распускающагося Цвѣтка“, какъ это обыкновенно ему приписывается. Литературное значеніе Подшивалова Гротъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Подшиваловъ является ближайшимъ послѣдователемъ и подражателемъ Карамзина, какъ въ чувствительномъ его направленіи, такъ и въ слогѣ, хотя Подшивалову и не удалось вполне усвоить себѣ чистоту, правильность и легкость рѣчи Карамзина. Въ книгѣ „Начальныя основанія російскаго слога“, изданной Скворцовымъ, но принадлежащей Подшивалову, онъ, въ послѣдній годъ царствованія импер Екатерины II,—слѣдов., задолго до Шишкова,—осуждалъ „тѣ вновь произведенныя слова, которыя сквозаны или выпечены молодыми, богатства нашего незнающими людьми, безъ всякой нужды и по одной безвременной щепетливости, чтобы чрезъ то выказать себя или представить что-либо особенное. Довольно примѣровъ тому въ новыхъ книгахъ и жалко, если послѣдуетъ тѣмъ молодой съ дарованіями писатель, ибо таковыя слова отчасти непонятны, отчасти невѣроятны, а отчасти совершенно смѣшны“ (Я. Гротъ: „Филологическія розысканія“, изд. 2, т. I, стр. 81—86).

(22) Къ стр. 55.—Разсужденіе кард. Берни до такой степени понравилось въ то время, что дважды было напечатано въ одномъ и томъ же журналѣ, причѣмъ, конечно, между обоими переводами прошло нѣсколько лѣтъ.

(23) Къ стр. 58.—Интересно, что въ это время впервые занесена была въ Россію рулетка, вскорѣ вошедшая въ общее употребленіе. Въ IV части „Чтенія для вкуса, разума и чувствованій“ (1792 г., стр. 206) появилась статья подъ заглавіемъ „Вертушка и игрушка (Roulette)“. Отсюда видно, что рулетка появилась въ Москвѣ въ половинѣ Великаго поста 1792 года и „доставленіемъ въ сіе по истинѣ скучное время пріятной забавы городу заслужила то, чтобы предать это для памяти потомству“. По этому поводу помѣщенъ: хвалебно-сатирическая прозаическая „пѣснь“ Подшивалова, гдѣ между прочимъ указывается, „что рулетка произошла изъ колеблющихся нѣдръ Франціи“, и „пѣснь“ стихами неизвѣстнаго поэта. Вслѣдъ затѣмъ говорится, что „рулетка составляетъ теперь значительную вѣтвь торговли въ Россіи“, а журналъ Крылова „Зритель“ считаетъ ее уже однимъ изъ общераспространенныхъ золъ въ обществѣ. „При-

знаться, почтенные зрители, вы достойны сожалѣнія, когда не умѣете ворочать такимъ маленькимъ колесомъ; какъ же вамъ вертѣть колесомъ фортуны?... Ахъ, еслибы вы видѣли, какъ наша братія, молодежь, собравшись кучею, другъ предъ другомъ, вертятъ ли вертушкою, или головой, что все равно, падаютъ вверхъ, внизъ, вкось, перпендикулярно, горизонтально, вышибаютъ искусно карту изъ зубовъ или зубы съ картою, а для чего?—чтобы сбить съ рукъ день, то-есть время столько вами прославляемое драгоценнымъ, а для насъ тягостное, потому что его дѣвать некуда.—Эй, господа ученые, возьмитесь за умъ! вѣдь наши вертушки похожи, право, на колесо фортуны; а для лучшаго сходства многіе дѣлаютъ ихъ изъ чистаго золота и осыпаютъ камнями“ (II, стр. 23 и 24). „Верченьемъ рулетки ничему нельзя научиться, кромѣ совершенной, нескореняемой праздности, которая войдетъ въ привычку“ (стр. 26). Поэтому авторъ даже карты предпочитаетъ рулеткѣ.

(21) Къ стр. 59.—П. Ю. Львовъ началъ службу свою въ гвардіи, а оттуда перешелъ въ статскую службу и былъ нѣсколько лѣтъ губернскимъ прокуроромъ въ Сиб. Онъ издалъ: „Роза и Селимъ“, сельская повѣсть (Сиб. 1790 г.); „Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки“ (2 ч. Сиб. 1794); „Алексисъ“, пастушеская повѣсть изъ соч. Г. Леонарда (Сиб. 1796); „Нума Помпилій“ (Сиб. 1803); „Храмъ славы Россійскихъ героевъ отъ времени Гостомисла до царствованія Романовыхъ“ (Сиб. 1803); новое изданіе „Храмъ Славы великихъ Россіянъ“ (Сиб. 1822), первая часть; „Картина славянской древности“ (Сиб. 1803); „Московский Курьеръ“, журналъ издававшійся въ 1805 и 1806 годахъ въ Москвѣ; „Пожарскій и Мининъ, спасители отечества“ (Сиб. 1810); „Похвальное слово царю Алексію Михайловичу“, прочтенное въ Россійской академіи и принесшее автору награду золотою медалью; „Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова“ (Сиб. 1812); „Дѣдовскія кресла“, русская быль, особо помѣщена въ „Чтеніяхъ Бесѣдъ любителей русскаго слова“; „Великій князь Ярославъ I на берегахъ Волги, повѣствованіе о построеніи города Ярославля“ (М. 1820). Львовъ умеръ въ 1825 г. въ крайней бѣдности, оставивъ многочисленное семейство, и похороненъ на счетъ литератора, въ домъ котораго онъ былъ призрѣваемъ. Послѣ него осталось 8 рукописей и нѣсколько неизданныхъ сочиненій.

(22) Къ стр. 74.—Г. В. Гераковъ (1775—1838), сынъ грека изъ Морей, воспитанникъ основаннаго при импер. Екатеринѣ II греческаго корпуса. Онъ долго былъ учителемъ исторіи въ первомъ Кадетскомъ корпусѣ и въ частныхъ домахъ Петербурга, потомъ служилъ въ Сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Сочиненія свои, преимущественно по русской исторіи, Гераковъ сбывалъ во всѣ журналы, но никто ихъ не бралъ, такъ что онъ издалъ „Россійскіе историческіе отрывки“, не помѣщенные г. Жуковскимъ въ своемъ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ 1808 г., съ прибавленіемъ и того, что не помѣщено 1805 г. въ „Вѣстникѣ же Европы“ К. Каченовскимъ (Сиб. 1810). Сочиненія его перечислены въ „Справочномъ Словарѣ“ о русскихъ писателяхъ и ученыхъ Геннади.

(23) Къ стр. 79.—Политическій журналъ существовалъ долгое время и выходилъ въ теченіе 38 лѣтъ, подъ редакціей профес. Гаврилова, причемъ журналъ этотъ съ 1807 по августъ 1809 г. носилъ названіе „Географическаго журнала“ или „Современной исторіи Свѣта“, а съ 1809 г. переименованъ въ „Историческій, статистическій и географическій журналъ“. Журналъ послѣ смерти профес. Гаврилова въ 1829 г. перешелъ къ его сыну, адъюнкту-профессору Ал. Матв. Гаврилову, который издавалъ его въ теченіе 2 лѣтъ и затѣмъ самый журналъ прекратился въ 1830 г. Журналъ представлялъ болѣею частью переводъ „Гамбургскаго Политическаго журнала“ и другихъ современныхъ изданій, съ присовокупленіемъ небольшихъ оригинальныхъ статей самого издателя и лицъ праславившихъ ему извѣстія. Въ изданіи этомъ былъ перерывъ въ

1812 г., когда Гавриловъ уѣхалъ въ Нижній и отказался отъ продолженія изданія. Въ этой крайности за изданіе взялся извѣстный Невзоровъ и велъ его въ теченіе полутора лѣтъ, начиная съ сентября 1813 г. Невзоровъ сопровождалъ переводныя статьи своими оригинальными разсужденіями и размышленіями и написалъ нѣсколько статей патріотическаго содержанія (см. біогр. Невзорова въ „Русск. Бесѣдѣ“ 1856 г.).

(27) Къ стр. 81. — Страховъ получилъ въ свое время нѣкоторую извѣстность. „Цѣтникъ“, журналъ отличавшійся дѣльной и строгою для своего времени критикою, говоритъ по поводу разбора одного его сочиненія: „Г. сочинитель заслуживаетъ по справедливости не послѣднее мѣсто между хорошихъ нашихъ прозаическихъ писателей, коихъ гораздо менѣе можно насчитать, нежели стихотворцевъ“ („Цѣтн.“ 1810, № IV, 112). Дѣйствительно, Страховъ отличался большою наблюдательностію и, для своего времени, живымъ и легкимъ языкомъ. Кромѣ „Сатирическаго Вѣстника“ Н. И. Страховъ издалъ: „Карманную книжку для пріѣзжающихъ на зиму старичковъ и старушекъ, невѣсть и жениховъ, молодыхъ и устарѣвшихъ дѣвухекъ, щеголей, вертопраховъ, волоките, игроковъ и проч., или ипосказательныя для нихъ наставленія и совѣты“ (М. 1791 г.), „Переписку Модъ“, „Мои петербургскія сумерки“ (Спб. 1810 г., 2 ч., напечатаны голубыми чернилами), „Разсматриватель жизни и нравовъ“ (Спб. 1811).

(28) Къ стр. 117. — Г. Добролюбовъ говоритъ, что имени Василія Жукова не встрѣчается нигдѣ въ старинныхъ журналахъ („Совр.“ 1856, № 9, стр. 65, прим. 15), между тѣмъ В. Жуковъ помѣстилъ въ „Ипокрентѣ“ Сохацкаго: „лѣсню, три эпиграммы, молитву въ болѣзнь и письмо въ огнь“ (ч. IV, 285, 287, 321, 335) и божество“ (ч. V, 14).

(29) Къ стр. 129. — Гаetano Филанджіери (1752—1788) былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ публицистовъ своего времени. Сочиненіе его „La Scienza della legislazione“ (Неаполь, 1781—1788), переведенное на нѣмецкій и французскій языки (послѣдній переводъ изданъ съ комментариемъ Бенжаменомъ Констанъ. Пар. 1822), написано подъ влияніемъ Монтескье; оно произвело большое впечатлѣніе не только въ Италіи, но во всей Европѣ, и возбудило сильную оппозицію въ Италіи дворянства и духовенства.

(30) Къ стр. 130. — См. примѣчаніе 25-е.

(31) Къ стр. 132. — Кромѣ поименованныхъ въ текстѣ повременныхъ изданій, въ теченіе XVIII вѣка выходили отъ С.-Петербуржца: 1) Труды Вольнаго Экономическаго Общества съ 1765 г.; 2) Старина и Новизна, изд. В. Г. Рубанъ, 1772—1773; 3) Собраніе Новостей, 1775—1776, редакторъ неизвѣстенъ; 4) Зритель Свѣта, 1775; 5) С.-Петербургское еженедѣльное сочиненіе, касающееся до размноженія домостроительства и распространенія общепользныхъ знаній, 1778, изд. Авг. Видманъ; 6) Что-нибудь, май — октябрь 1780, издатель неизвѣстенъ; 7) Отъ всего помаленьку, двѣ книжки 1782; 8) С.-Петербургская Вивлиофика журналовъ, 1 кв. 1783, редакторъ неизвѣстенъ; 9) Растущій Виноградъ, 1785—1787, издававшійся отъ Главнаго Народнаго училища; 10) Зеркало Свѣта, 1786—1787, издававшееся Туманскимъ, сначала выѣстъ съ И. Ф. Богдановичемъ; 11) Лѣкарство отъ скуки и заботъ, 1786—1787, изд. Туманскій; 12) Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ, 1786, изд. И. Ф. Богдановичъ; 13) Утренніе Часы, изд. И. Г. Рахманновъ, съ участіемъ Подшивалова и Лабзина; 14) Еженедѣльные Извѣстія Вольнаго Экономическаго Общества, 1788—89; 15) Открытіе новаго изданія, 1788, двѣ тетради, издатель неизвѣстенъ; 16) Бесѣдующій Гражданинъ, 1789, изд. М. И. Прокоповичъ - Антонскій; 17) Россійскій Магазинъ, 1792—1794, изд. Ф. Туманскій; 18) С.-Петербургскій музыкальный магазинъ, 1794—1795, изд. Герстенбергъ; 19) Карманная книжка, или музыкальный альманахъ, 1795—96, изд. Герстенбергъ; 20) Магазинъ общепользныхъ знаній, изд. Герстенбергъ; 21) Журналъ С.-Петербургскаго Итальянскаго театра; 22) Новости, 1799, ред. П. И. Голубковъ; 23) Что-нибудь

отъ бездѣля на досугѣ, 1800, изд. Н. П. Осиповъ; 24) Мой досугъ, 1801, журналъ нигдѣ не разысканный; 25) Правдолюбецъ, 1801; 26) Пьерриды, 1802, изд. студентъ Пнж. Яковлевъ; 27) Корифей, или ключъ литературы, 1802—1807, изд. Як. Анд. Галинковскій; 28) Записки дѣяній Имп. Вольн. Экон. Общества, 1802—1812;—*въ Москвѣ*: 1) Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1774—1783; 2) Музыкальныя увеселенія, изд. капел. Керцели и Хр. Веверомъ, 1774; 3) Модное ежемѣсячное изданіе, 1779, по предположенію Неустроева, издававшееся Новиковымъ; 4) Разсказки забавныхъ басенъ, 1781, изд. Ал. Он. Аблесимовъ; 5) Избранная бібліотека для христіанскаго чтенія, 1784, журналъ московскихъ мартинистовъ; 6) Магазины свободно-каменщицкій, 1784, изданіе мартинистовъ; 7) Бесѣда съ Богомъ и размышленія о дѣлахъ Божьихъ, протоіерея І. І. Харламова, на иждивеніе Н. И. Новикова; 8) Магазины англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ модъ, 1791; 9) Дѣло отъ бездѣля, изд. А. Горд. Рѣшетниковъ, 1792 г.; 10) Еженедѣльникъ 1792, изд. В. Святиневскій и Ф. Коиаровъ; 11) Прохладные Часы, 1793, изд. Анд. Горд. Рѣшетниковъ; 12) Магазины музыкальныхъ увеселеній, 1795, редакторъ неизвѣстенъ; 13) Приношеніе религіи, духовный альманахъ, 1798—1801, издатель М. М. Вышеславцевъ; 14) Журналъ правовѣднія на 1796, изд. Ал. Ал. Павлищниковымъ; 15) Пантеонъ Россійскихъ авторовъ, 1801—1802, изд. Пл. Петр. Бекетовъ; 16) Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія, 1802—1804, изд. Вас. Степ. Кражевъ, редакторъ Панкр. Плат. Сумароковъ;—*въ Ярославлѣ*: 1) Уединенный Помехонецъ, 1786, редакторъ В. Д. Санковскій; 2) Ежемѣсячное сочиненіе, 1787, продолженіе предыдущаго;—*въ Тобольскѣ*: 1) Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену, 1789—1791, ред. Панк. Плат. Сумароковъ; 2) Библіотека ученая и пр., 1793—1794, изд. Панк. Сумароковъ.

(²³) Къ стр. 133.—Кн. А. Н. Голицынъ былъ лично не расположенъ къ членамъ „секретнаго комитета“,—нельзя придавать его характеристикѣ безусловно-вѣрнаго значенія, но нельзя также не принимать ее и вовсе въ соображеніе, такъ какъ Голицынъ коротко зналъ своихъ сослуживцевъ. По его отзывамъ, „кн. Чарторижскій оставался чистымъ полокомъ, мать его, политическая интригантка и гуляившая полька, подъ страшною клятвою, обязала сына не любить Россію, постоянно злодѣйствовать, противиться ея пользамъ и величію“. Что касается до Чарторижскаго, то онъ былъ, дѣйствительно, полякъ въ душѣ и не только не принималъ къ сердцу русскіе интересы, но даже нисколько не скрывалъ своей къ нимъ враждебности. Въ своихъ „Памятныхъ запискахъ“, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, онъ такимъ образомъ выражаетъ свои чувства: „Это двойное чувство, любви и ненависти, настолько было во мнѣ сильно, что мнѣ не случалось встрѣтить русскаго въ Польшѣ, или другомъ мѣстѣ безъ того, чтобы кровь не бросилась мнѣ въ голову, божь того, чтобы не поблѣднѣть и не покраснѣть, ибо всякій русскій мнѣ представлялся виновникомъ злополучія моея родины“ („Mém. de Czartor.“, I, 36).—Новосильцевъ явился изъ Англіи съ запасомъ англomanіи и самыхъ свѣжихъ идей, на Хартинъ основанныхъ, но не имѣлъ въ себѣ истинныхъ качествъ высшаго государственнаго сановника.—Гр. Строгановъ, воспитанникъ извѣстнаго революціоннаго дѣятеля Рота, довольно долго жившій съ нимъ въ Парижѣ во время революціи, былъ человѣкъ не такъ далекій.—Императоръ, по словамъ кн. Голицына, скоро самъ разочаровался въ своихъ совѣтникахъ и охладѣлъ къ нимъ. Мѣсто ихъ занялъ Сперанскій. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ трое были люди европейско-образованные, честные и искренне-благонамеренные, какими они изображены въ „Запискахъ“ Храповицкаго, но совершенно незнакомы съ условіями русской жизни.

(²⁴) Къ стр. 135.—М. Н. Муравьевъ (1757—1807) уроженецъ г. Вологды, въ молодости служилъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку, былъ воспитателемъ Вел. Кн.

Александра и Константина Павловичей (1785 г.), потомъ сенаторомъ (1800 г.), статсъ-секретаремъ (1801 г.), товарищемъ министра народнаго просвѣщенія въ 1802 г., а съ 1803 г. попечителемъ Московскаго университета. Первые труды Муравьева печатались въ журналѣ Новикова „Утреннемъ Свѣтѣ“ (1778 г.), въ „Опытѣ трудовъ Россійскаго Вольнаго Собранія“ (1778 и 1783 гг.), въ „Собесѣдникѣ“ (1783 г.) и въ „Донядахъ“ (1797 г.). Отдѣльно изданы: 1) Басни въ стихахъ, Спб. 1773 г.; 2) Переводныя стихотворенія, Спб. 1783 г.; 3) Военная пѣснь, стихотвореніе, Спб. 1774 г.; 4) Петронія Арбитра, гражданская брань, поэма, изд. 1.-го. Измайловскаго полка калтенармуса М. Муравьева, М. 1774 г.; 5) Похвальное слово М. В. Ломоносову, соч. калтенармуса Муравьева, М. 1774 г.; 6) разныя оды, Спб. 1775 г.; 7) Ода Ея Императорскому Величеству Императрицѣ Екатеринѣ II по замиреніи Россіи съ Портою Оттоманскою; 8) Опыты исторіи писменъ и нравочученія, Спб. 1796 г. (2-е изданіе Опыты исторіи, словесности и нравъ, М. 1870 г., гдѣ встрѣчаются его замѣчанія по русской исторіи); 9) Обитатели предмѣстія и Эмиліевы письма, издано послѣ его смерти, М. 1810 г. и Спб. 1815 г. Полное собраніе сочиненій издано Карамзинимъ, 3 ч., Спб. 1810 г.; 2-е изд. съ письмомъ къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ Муравьева—Батюшковимъ, Спб. 1819—20 г. Карамзинъ заключаетъ свое предисловіе къ изданію сочиненій Муравьева слѣдующими знаменательными словами: „страсть къ ученію равнялась со страстью къ добродѣтели“. Въ „Полномъ собраніи сочиненій Муравьева“ помѣщены слѣдующія статьи: „Обитатель предмѣстія; Эмиліевы письма; Тетрадь для сочиненій; Доброе дитя, драматическая сказочка; Оскольдъ, повѣсть почерпнутая изъ остатковъ древнихъ готфскихъ скальдовъ; Разговоры мертвыхъ; Опыты исторіи; Эпохи Россійской исторіи; Письма къ молодому человѣку о предметахъ, касающихся исторіи и описанія Россіи; Краткое начертаніе Россійской исторіи; Соединеніе удѣльныхъ княжествъ во единое государство; Различныя черты изъ землеописанія русскаго; Древнія области Новгорода; Историческое обозрѣніе Россіи въ XVII вѣкѣ; Присвоеніе европейскихъ нравовъ“ и другія мелкія статьи по русской исторіи и географіи; вся третья часть наполнена мелкими статьями по этикѣ (ученію о нравственности), юриспруденціи, филологіи, логикѣ, риторикѣ и характеристикѣ отдѣльныхъ выдающихся лицъ въ исторіи нашей и европейской литературы. Остались не напечатанными въ этомъ изданіи нѣсколько пѣсней, поэма „Полтавская побѣда“ и переводъ на латинскій языкъ поэмы Ломоносова „Петръ Великій“. Муравьевъ, безспорно, былъ одною изъ самыхъ свѣтлыхъ и образованныхъ личностей своего времени. Даже, Чарторижскій, въ своихъ „Записк.“, говоритъ о немъ: „это былъ достойный человекъ, какъ говорили, образованный, но настолько робкій, что оказывался неспособнымъ къ дѣламъ“ (?)(? I, 118).

(34) Къ стр. 136.—Въ „Исторіи царствованія императора Александра I“ Богдановича (I, 142) сказано, что для устройства университетовъ главное управленіе училищъ приступило къ разбору общаго плана народнаго образованія, составленнаго, подъ руководствомъ комиссіи училищъ, правителемъ дѣлъ ея, Вас. Наз. Карамзинимъ. Членами главнаго управленія, *разматривавшими Университетскій уставъ*, названы: Фуксъ, Озерецковскій, Яковичъ де Мирьево и Клипгеръ. Прочіе члены—Чарторижскій и Потоцкій—занимались *проектномъ уставомъ для университета* (?). Очевидно что здѣсь есть какая-то путаница. Въ „Исторіи Московскаго университета“, составленной Шевыревымъ (стр. 316), помѣщено, что 18-го марта 1802 г. повелѣно было двумъ сенаторамъ, М. Н. Муравьеву и графу Потоцкому и при нихъ академику Фуксу составить особый комитетъ для разсмотрѣнія новыхъ уставовъ Академіи Наукъ, Академіи Россійской и Московскаго университета; письмоводителемъ въ комитетѣ назначенъ былъ коллежскій совѣтникъ Карамзинъ, отъ университета командированъ былъ въ члены комитета проф. Баузе.

(35) Къ стр. 137.—Фишеръ пользовался европейскою извѣстностью еще до прибытія въ Россію. Еще въ молодости онъ сошелся въ Ленѣ съ Гёте и Шиллеромъ; онъ былъ ученикомъ знаменитаго геолога Вернера во Фрейбургѣ, гдѣ подружился съ Гумбольдтомъ, Бухомъ, Фрейслебеномъ, Тиле, тогда только еще готовившимися къ профессу. Въ Парижѣ, подъ близкимъ и непосредственнымъ руководствомъ Кювье, Фишеръ изучалъ науку, которая впоследствии доставила ему славу русскаго Кювье.—Гольдбергъ, кромѣ другихъ астрономическихъ наблюдений, издалъ въ 1799 г. извѣстный въ свое время небесный атласъ для любителей астрономіи и совершилъ путешествіе въ Африку.—Гофманъ принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ ботаниковъ своего времени: онъ еще въ Германіи произвелъ замѣчательное изслѣдованіе надъ тайнобрачными поростами (Lichenes), написалъ исторію ивъ (Historia salicum) и германскую флору; въ Россіи онъ занимался изслѣдованіемъ надъ зонтичными растеніями и напечаталъ описаніе аптекарскаго сада, купленнаго университетомъ (Hortus Mosquensis, 1808 г.).—Буле, кромѣ другихъ своихъ трудовъ по классической древности и „Теоріи философіи и ея исторіи“, извѣстенъ критическимъ изданіемъ сочиненій Аристотеля.—Грельманъ написалъ знаменитый въ свое время и переведенный на французскій и англійскій языкъ,—что тогда было рѣдкостью,—„Историческій опытъ о цыганахъ“ 1783 года и всеобщую статистику Нѣмецкой имперіи, подъ заглавіемъ „Historisch - statistisches Handbuch Deutschland“, I t. 2 изд. 1801 года.—Рейнгардъ издалъ въ Германіи нѣсколько сочиненій о различныхъ предметахъ богословскихъ и философскихъ.—Рейсъ, приват-доцентъ Геттингенскаго университета, былъ извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своимъ клиническимъ изслѣдованіемъ лимфы и кишечнаго сока лошади.—Меньшею извѣстностью за границей пользовались: Шлецеръ, который самъ выразился, что онъ былъ приглашенъ въроотно болѣе по уваженію имени, нежели по личному его достоинству, и профессора Иде, Штеальцеръ, Турнейзенъ и Ульрихсъ.

(36) Къ стр. 139.—Кто былъ этотъ проѣзжіи черезъ Лейпцигъ, имѣвшій вліаніе на Радищева и его товарищей, до сихъ поръ не разъяснено. Изъ житія Федора Васильевича Ушакова, написаннаго Радищевымъ (II, стр. 296—320), видно, что проѣзжавшіе черезъ Лейпцигъ русскіе путешественники, болѣе или менѣе подчинявшіеся модному въ то время увлеченію французскою философіей, вступали въ сношенія съ русскою молодежью, учащеюся въ Лейпцигѣ. Шурицъ какого-то генералъ-поручика, молодой гвардейскій офицеръ, потѣшался надъ приставленнымъ для надзора за студентами гофмейстеромъ Бокумомъ. Одинъ русскій сановникъ О. сблизился съ Ушаковымъ, проводилъ съ нимъ цѣлые вечера и даже обѣщалъ ему свое покровительство. Этотъ О. познакомилъ Ушакова съ книгою Гельвеція „о разумѣ“.

(37) Къ стр. 141.—Биографическія свѣдѣнія о Полѣновѣ напечатаны въ „Рус. Арх.“ 1865 г. (557—614). Отсюда видно, что Полѣновъ происходилъ изъ костромскихъ дворянъ, но не сказано, что онъ родился въ Костромѣ. Первоначально Полѣновъ обучался въ Академической гимназій въ Спб., потомъ въ существовавшемъ недолго при академіи университетѣ, а за тѣмъ отправленъ въ Страссбургъ, откуда перешелъ въ Геттингенъ, гдѣ, по его отзыву, „Юридическій факультетъ до такого, какъ сказываютъ, доведенъ совершенства, что никакой другой университетъ въ разсужденіи сего не можетъ съ нимъ сравниться“. Тамъ же (511—540) напечатана записка В. Я. Полѣнова *О крѣпостномъ состояніи въ Россіи*.

(38) Къ стр. 141.—О Геттингенскомъ университетѣ помѣщено извѣстіе Фрейганга, переводчика Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ „Вѣст. Евр.“ 1803 г., №№ 23 и 24, стр. 166.—Проф. Плисовъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по погрому, произведенному въ Петербургскомъ университетѣ Руничемъ, также слушалъ лекціи въ Геттингенѣ. Изъ Геттингена въ Казанскій университетъ поступилъ проф. Германъ, ученикъ Гейне и из-

вѣстный уже въ Германіи своими ученими трудами. Его старанія подвинуть недостаточное обученіе латинскому языку въ гимназіи и съ этою цѣлью устроить при университетѣ классическую педагогическую семинарію остались безъ послѣдствій. Оттуда же переѣхалъ въ Казань вѣстный медикъ и профессоръ натуральной исторіи Фуксъ, одинъ изъ иностранцевъ, смотрѣвшій на Россію какъ на новое свое отечество, посильно потрудившійся и принесшій значительную пользу. Фуксъ былъ чело-вѣкъ любимый и уважаемый въ Казани. Въ умственной жизни этого города Фуксъ и жена его, казанская уроженка, вѣстныя своими стихотвореніями и сочиненіями объ инородцахъ, въ теченіе многихъ лѣтъ представляли въ домѣ своемъ такой общій для всѣхъ свѣтлый центръ, куда невольно стремились всѣ тѣ въ Казани, для которыхъ почему-либо были дороги умственные интересы (Бул., 110). Имя Фукса, какъ врача, было вѣстно всей Казани и любимо во всѣхъ общественныхъ слояхъ. При обширной своей практикѣ, при томъ всеобщемъ уваженіи, которымъ онъ пользовался за свое знаніе дѣла и дѣйствительное множество счастливыхъ случаевъ излеченія Фуксъ могъ бы занять большое состояніе; но онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ и въ ту пору безкорыстнѣйшимъ врачамъ, не жалѣлъ для бѣднѣеихъ своего времени, и ту плату, которую онъ часто бралъ неохотно съ людей зажиточныхъ, раздавалъ людямъ немощнымъ (113). Къ тому же Геттингену принадлежалъ отчасти вѣстный учитель Гауса, профессоръ математики въ Казани Бартельсъ, изъ школы котораго вышли Лобачевскій и Симоновъ. Впрочемъ послѣдній былъ въ особенности обязанъ своимъ астрономическимъ образованіемъ Литтрову.

(39) Къ стр. 142.—Наука объ изящномъ первоначально занялась изысканіемъ техническихъ законовъ его проявленія, выведенныхъ изъ критическаго анализа самихъ произведеній искусства. Начало этому положилъ Аристотель, самыми крупными представителями котораго въ классической древности были Цицеронъ, Гораций, Квинтиліанъ, Лонгинъ, а въ періодъ французскаго классицизма Буало (1636—1711) и Баттѣ (1713—1780). Въ особенности послѣдній долгое время былъ законодателемъ въ теоріи изящнаго не только во Франціи, но въ Германіи, Италіи и отчасти въ Англіи, пока продолжался періодъ новѣйшаго классицизма. Это должно приписать тому, что Баттѣ придалъ своимъ приложеніямъ строго систематическую обработку и въ своемъ сочиненіи обобщилъ теорію всѣхъ изящныхъ искусствъ, за исключеніемъ архитектуры и краснорѣчія, которыя онъ, въ качествѣ полезныхъ произведеній, не причислялъ къ искусствамъ, удовлетворяющимъ исключительно стремленію къ наслажденію, къ удовольствію. Баттѣ понималъ искусство какъ подражаніе прекрасной природы, но онъ не даетъ опредѣленія, что такое эта прекрасная природа. У насъ есть нѣсколько переводовъ Баттѣ „О наукахъ (свободныхъ)“, соч. г. Баттѣ, перевелъ съ франц. и дополнилъ примѣрами изъ лучшихъ російскихъ писателей Арк. Степановъ (Сиб. 1803 г.); это—отрывокъ изъ начальнаго основаній словесности Баттѣ: „Начальныя правила словесности Баттѣ пер. съ франц. и прибавленіями умножилъ кандидатъ Дм. Облеуховъ, 4 ч. М. 1806—1807 гг.“; „Правила поэзіи, сокращенный переводъ Абб. Баттѣ, съ присовокупленіемъ російскаго стихосложенія, А. Бунинной. Сиб. 1808 г.“. Особенною популярностію изъ представителей французской критики у насъ пользовался Лагарпъ, который въ своемъ лицѣ представлялъ полный и подробный историко-критическій обзоръ древней и новой литературы съ точки зрѣнія своей школы. Лагарпъ у насъ былъ переведенъ вполнѣ подъ заглавіемъ „Лицей“, или курсъ словесности древней и новой, перев. съ франц. П. Карабавовъ. П. Соколовъ, Ал. Никольскій и Дм. Соколовъ, изд. Россійской академіи, 5 ч. Сиб. 1810—1814 гг. Кромѣ того А. С. Шашковъ издалъ еще раньше (въ 1808 г.) вѣстный свой переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, съ примѣчаніями, послужившій для него аргументомъ въ его борьбѣ за искаженіе, по его мнѣнію, русскаго языка новѣйшими писате-

или Мартинюв, какъ мы видѣли, былъ вѣрнымъ отголоскомъ Лагарпа на каедрѣ русской словесности и помѣстилъ сокращенное изложеніе Лагарпа, наполненное большою частью журнала его „Лицей“ (1806), заимствовавшаго отсюда и самое свое названіе. Отрывки изъ Лагарпа встрѣчаются въ большинствѣ периодическихъ изданій того времени. Лагарпъ вообще пришелся по вкусу русской публикѣ и всѣ труды этого бездарнаго ерудита-консерватора наши себѣ мѣсто въ тогдашнихъ переводахъ. Такъ изданы: Опроверженія злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII вѣка противъ христіанскаго благочестія, пер. Я. Бардовскій, М. 1810 г.; Сокращенное сочиненіе г. Прево исторія о страстяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга, перев. съ франц. М. Веревкинъ, 22 ч. М. 1782—1787 г.; Гр. Вервикъ, траг. въ 5 дѣйствіяхъ, перев. съ франц. Осипъ Ширковъ, Спб. 1814 г.; „Филоктетъ“, трагедія Софокла, съ перевода Лагарпа перев. С. Т. Аксаковъ, М. 1816; „Черный рыцарь“, историч. романъ VIII столѣтія, содержащій не волшебныя, но удивительныя приключенія принца Британскаго, съ франц. М. 1876 г.; посланіе стихами гр. Шувалову.— Но классическая эстетика, оставившаяся на внѣшней сторонѣ искусства, на техникѣ самихъ его произведеній, оставила въ сторонѣ сущность его, т.-е. начало и источникъ чувства изящнаго въ самомъ человѣкѣ. На это обратилъ вниманіе еще въ древности Платонъ, который, въ своемъ „Симпозионѣ“, первый указалъ присущее человѣку чувство изящнаго, въ смыслѣ *идей*; но Платонъ разсматриваетъ красоту и искусство только съ точки зрѣнія высшихъ цѣлей нравственности и государственнаго благоустройства, не отдѣляя отъ *блага* вообще. Въ XVIII столѣтіи французъ Дюбо (1670—1742) поставилъ своею задачею „придать искусству общее основаніе и отсюда вывести справедливость правилъ“. Начало и происхожденіе искусства Дюбо видѣлъ въ потребности человѣка къ живому услажденію своего существованія: искусство должно, въ обуревающихъ человѣка страстяхъ, выдѣлать доставляемыя имъ пріятныя ощущенія отъ дурныхъ послѣдствій, ихъ сопровождающихъ. Но объясненіе сущности изящнаго впервые предпринято было англійскими моралистами, которые положили начало психологическому изученію искусства, преслѣдуя происхожденіе его внутри самого человѣка, въ его духовной дѣятельности, чувствованіяхъ и ощущеніяхъ, его производящихъ и имъ производимыхъ. Самымъ выдающимся писателемъ въ области теоріи изящнаго былъ Бёркъ, который въ своей юности (въ 1756 году) написалъ пользовавшееся огромнымъ успѣхомъ сочиненіе: „Философское изслѣдованіе происхожденія нашихъ идей о высокомъ и прекрасномъ“. По его воззрѣнію духъ человѣческой нѣбѣтъ двѣ существенно различныя, но одинаково важныя склонности: склонность къ самосохраненію и склонность къ общественности, къ сознанію цѣлостности и величія человѣчества. Первая служитъ основой чувства *возвышеннаго*, а вторая—чувства *изящнаго*, отличающагося тѣмъ, что оно есть безцѣльное и безстрастное созерцаніе. Сочиненіе Бёрка произвело вообще впечатлѣніе и имѣло большое вліяніе на Канта. Вслѣдъ за Бёркомъ изслѣдованія о художественномъ чувствѣ, или, какъ выражались тогда, о *вкусь* сдѣлались предметомъ изученія повсюду и въ Англійю явились нѣсколько послѣдователей Бёрка, изъ которыхъ самымъ распространеннымъ былъ Юмъ (Henry Home lord Kainus: „Elements of Criticism“, 1762—65). Вскорѣ въ Англійю появилась борьба съ классицизмомъ, которую, въ области теоріи изящнаго, въ числѣ другихъ, поддерживалъ Блеръ („Lectures on rhetoric and belles lettres“, 1783 года), который смотрѣлъ на литературу не какъ на декламаторское искусство, заботящееся только о красотѣ формы, установленной извѣстными правилами, но какъ на воспроизведеніе дѣйствительности, и былъ теоретическимъ провозвѣстникомъ реального направленія въ англійской литературѣ. Замѣчательно, что отрывки изъ Блера постоянно появлялись въ нашей журналистикѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Сочиненія Блера послужили основаніемъ слѣдующимъ изданіямъ: „Опытъ рито-

рики“, сокращенный из наставлений доктора Блера, перевод с английского А. Вронского, Спб. 1791 г.; „Опыт риторики“, сокращенный большею частью из наставлений Блера, перевод с английского А. К. и В. С. Спб. 1791 г.; „Опыт о красноречии проповедников“, сочинение Блера, перевел свяд. Ив. Павинский, Спб. 1800 г. Влияние английской психологической школы в теории изящных искусств отразилось и на Германии. Тамъ появилась школа философов-электиковъ, которая подчинилась влиянію различныхъ философскихъ системъ, появившихся во Франціи и въ Англіи, но старалась приложить ихъ къ основаціямъ господствовавшей тогда Лейбницъ-Вольфовской философіи. Въ теории изящнаго самими распространенными изъ этихъ электиковъ былъ Зульцеръ (1720—1779), который отпавлялся отъ положеній Вольфа, заимствовалъ нѣкоторыя положенія английской школы, но все еще находился подъ сильнымъ влияніемъ Баттѣ. На русскомъ языкѣ переводы Зульцера явились очень рано. Сюда относятся: „Разговоры о красотѣ естества“, сочиненіе І. Г. Зульцера съ его же „в нравственныхъ разсужденіями о особенныхъ предметахъ естественной наукъ“, перевелъ съ нѣмецкаго Мих. Протопоповъ, Спб. 1777 г.; „Сокращеніе всѣхъ наукъ и другихъ частей учености, въ коемъ содержаніе, польза и совершенство каждой части сокращенно описываются“, перевелъ съ нѣмецкаго Ив. Морозовъ, съ нѣмецкимъ подлинникомъ, М. 1787 г.; „Утѣшеніе къ возбужденію вниманія и размышленія“, переводъ съ нѣмецкаго, 3 ч. Спб. 1801 г.; „Новая теорія удовольствій“, сочиненіе Зульцера, перевелъ съ французскаго Ив. Левитскій, изданное главнымъ правленіемъ училищъ, Спб. 1813 г. Но главное сочиненіе Зульцера: „Allgemeine Theorie der Schönen Künste“, 4 Bd., выдержавшее нѣсколько изданій и умноженное дополненіями Блаккенбурга (Zusätze 1796—8) и Шульце съ Диксомъ (Nachträge 1792—1808), осталось все-таки не переведеннымъ, поэтому гораздо важнѣе многочисленныя извлеченія изъ этого сочиненія, наполнившія, какъ мы видѣли, страницы большинства современныхъ журналовъ. Однимъ изъ самыхъ поверхностныхъ, но весьма популярно излагавшихъ писателей былъ Ешенбургъ (1743—1820), познакомившій нѣмецкую публику со специальными трудами авглійскихъ писателей по части изящныхъ искусствъ: Браунса, Вебса, Бернея (исторія музыки), Пристлея и Гурдса, которые онъ перевелъ и снабдилъ примѣчаніями. Сочиненіе его „Опытъ теории и литературы изящныхъ наукъ“ (1783 г., 5 изд. 1831 г.) переведено Мерзляковымъ подъ названіемъ „Краткое начертаніе теории изящной словесности, сочиненіе Ал. Мерзлякова“, 2 ч. М. 1821—22 г. Затѣмъ изученіе эстетики въ Россіи обратилось къ новой системѣ, построенной на духовно-идеальномъ началѣ, — системѣ, начало которой положилъ Кантъ, развилъ Шеллингъ и закончилъ Гегель. Основанная на этой системѣ „эстетическая критика“ выразилась прежде всего въ программѣ шеллингистовъ и затѣмъ окончательно завоевала себѣ мѣсто въ лицѣ Бѣлинскаго.

(40) Къ стр. 143.—Въ биографіи профес. Шадена (въ „Биографическомъ Словарѣ“ Ц, 567) въ числѣ руководствъ, служившихъ ему при преподаваніи, поименованъ между прочимъ Эрнести. Это безъ сомнѣнія Joh. Aug. Ernesti (1701—1781), который главнымъ образомъ извѣстенъ былъ какъ филологъ и богословъ, но въ то же время былъ и опытный педагогъ, выработавшій организацію саксонскихъ школъ, продержавшуюся съ 1743 до 1847 года и распространенную за предѣлы Саксоніи. Какъ руководство для школьныхъ учителей, онъ составилъ „Initia doctrinae solidioris“ (1736—1763), гдѣ изложены были ариметика и геометрія по Евклиду и философія въ пяти отдѣлахъ по Вольфу. Это заставляетъ предполагать, что Шаденъ въ преподаваніи философіи придерживался главнымъ образомъ Вольфа, хотя цитаты въ рѣчахъ его и доказывають, что самъ онъ былъ знакомъ съ ученіемъ Канта.

(41) Къ стр. 146.—„Каппониановы доски“ относятся къ XVII вѣку; у Ровинскаго показаны иконописцы, подлинныя которыхъ находятся на этихъ доскахъ: Сергій Василь-

евъ костромичъ (1670), Андрей Ильинъ московскій кормовой иконописецъ (1661—1670), Ник. Иван. Пикторовъ (1689) („Зап. Археол. Общ. т. VIII; Ровинскій: „Исторія русск. школъ иконописанія“, 134, 151 и 174).

(42) Къ стр. 152.—Р. Кобеко въ статьѣ „Нѣсколько псевдонимовъ въ русской литературѣ XVIII в.“, на основаніи свидѣтельства Бакмейстера („Russische Bibl.“, 1778, Bd. V, S. 428), указываетъ, что подъ именемъ Англомана писалъ Мих. Иван. Плещеевъ, бывшій тогда совѣтникомъ посольства и избранный членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія 22 января 1775 г. Замѣтимъ кстати, что о трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія есть статья Стоюнина („Журн. М. Н. Пр.“ 1854 г., т. 84, № 11).

(43) Къ стр. 156.—Араповъ въ хроникѣ русскаго театра (стр. 177) называетъ членами бесѣды Державина, Хераскова, Шишкова, гр. Хоостова, кн. Шихматова, кн. Шаховскаго, Захарова, кн. Дм. П. Горчакова, Висковатаго, Гнѣдича, Крылова, Карабанова, Лабзина, В. М. Оedorова, Ильина, Ал. А. Писарева, Дмитревскаго, Ал. Ян. Квлянина, Корсакова, Кат. Сем. Семенову. Всѣ они присутствовали на пробномъ чтеніи „Дмитрія Донскаго“ Озерова.

(44) Къ стр. 158.—Въ 1812 г. въ Харьковѣ учреждено Общество наукъ при университетѣ съ двумя отдѣленіями: словеснымъ и естественныхъ наукъ. Въ трудахъ этого Общества помѣщались сочиненія профессоровъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ и статьи, присылаемыя въ Общество по мѣстнымъ древностямъ и естественнымъ особенностямъ страны. Директоромъ отдѣла естественныхъ наукъ въ этомъ Обществѣ былъ профес. Осиповскій, а словесности—профес. Успенскій; труды Общества изданы были въ 1817 году—5 января 1819 г. въ Харьковскомъ университетѣ составилось дружеское общество любителей отечественной словесности, имѣвшее еженедѣльные засѣданія подъ предсѣдательствомъ декана словеснаго факультета Складовскаго и подъ руководствомъ профес. Успенскаго и Дубровскаго, а нѣсколько лѣтъ спустя устроилось студентское сотоварищество любителей наукъ, составляющихъ философскій факультетъ. Въ „Трудахъ“ харьковскихъ студентовъ любителей отечественной словесности, изданныхъ въ 1820 году, подъ заглавіемъ: „Сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета“, помѣщались переводы изъ Лукіана, Лессинга (стихами), оригинальныя статьи преимущественно нравоучительнаго содержанія и отчасти историческія (сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ). Отдѣльною брошюрой изданы были сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Харьковскомъ университетѣ, съ описаніемъ казаковъ и восхваленіемъ въ стихахъ донскихъ осетровъ. Между 1814—1828 годами Общество нѣсколько лѣтъ не имѣло засѣданій, но въ послѣднемъ году положено было возобновить его. По примѣру харьковскихъ студентовъ, воспитанники Ришельевскаго лицея въ Одессѣ открыли содружество подъ названіемъ „Общество соревнователей общественной словесности“, а лучшія изъ представляемыхъ сочиненій и переводовъ вносили въ особую книгу, называвшуюся Евксинскою музою.

Примѣч. 45-е пропушено.

(46) Къ стр. 171.—Знакомство наше съ Европою не обошлось безъ сильнаго распространенія у насъ мистицизма. Это и понятно. Просвѣщеніе вообще у насъ носило религіозный характеръ и потому естественно было взяться прежде всего за ту область западнаго просвѣщенія, которая тоже облекалась религіознымъ покровомъ и въ то же время стремилась дать отвѣтъ на всѣ самыя сокровенныя вопросы вѣдшей природы и самой человѣческой жизни. Несостоятельность этихъ отвѣтовъ не могла обнаружиться предъ людьми, не имѣвшими никакихъ научныхъ знаній; а смѣлость и таинственность отвѣтовъ невольно поражали воображеніе. Оттого западная мистическая литература начала у насъ распространяться очень рано и несравненно больше въ рукописныхъ спискахъ, нежели въ печатныхъ книгахъ. Повидимому, первымъ мистикомъ,

съ котораго у насъ началось знакомство съ западною мистическою литературою, былъ Иаковъ Бѣмъ. Движеніе, возбужденное сочиненіями Иакова Бема, проникло въ Московскую Нѣмецкую Слободу. Квиринъ Кульманъ, прїѣхавшій туда въ 1689 году, нашелъ лицъ, знакомыхъ съ теософіей Бема и заинтересованныхъ кванкерствомъ. Но, послѣ сожженія Кульмана и Нордермана, лютеранскій пасторъ тогдашней Нѣмецкой Слободы Мейнеке, который, вмѣстѣ съ іезуитами, былъ главнымъ виновникомъ казни Кульмана и Нордермана, писалъ Бревверу, что послѣдователи Бема скоро разсыпались и опустели крыль (Гиховраховъ: „Квиринъ Кульманъ“—, Рус. Вѣсти.“ 1867 г., ноябрь и декабрь, стр. 593). Неизвѣстно, съ этого ли времени началось распространеніе сочиненій Бема на церковно-славянскомъ языкѣ, или оно дошло какими-нибудь другими путями и можетъ быть равнѣ. Лабзинъ говоритъ (въ предисловіи къ своему переводу Бема „Путь ко Христу“ 1815, XXIII—XXIV), что онъ видѣлъ въ Москвѣ славянскую рукопись, въ которой было написано крупными буквами: „яже во святыхъ отца нашего Иакова Бемена“. У самого Лабзина была славянская рукопись, писанная четко уставцемъ,—переводъ изъ сочиненія Раймонда Люлія; сему автору придается также наименованіе Богомъ прославленнаго и Богомъ просвѣщеннаго учителя, хотя на нинѣшнемъ нашемъ языкѣ нѣтъ еще ничего переведеннаго или напечатаннаго изъ Раймонда Люлія. Обѣ эти рукописи Лабзинъ относилъ ко времени Кульмана. Интересно, что Фроманъ, разбирая бібліотеку Як. Булгакова, также нашелъ, къ удивленію своему, русскій переводъ Люлія, но онъ не говоритъ—печатный или рукописный („Structura de statu scient. et art. in imperio Rossico“). Молитвы Бема, для употребленія въ мистическихъ обществахъ, были тайно напечатаны Новиковымъ. По свидѣтельству того же Лабзина, „почти всѣ творенія Бема переведены на нашъ языкъ однимъ достопочтеннымъ старцемъ, который однакоже ничего своего въ свѣтъ издавать не любитъ“. Г. С. П—въ („Биба. Зап.“ т. I, стр. 134) приводитъ рукопись подъ длиннымъ заглавіемъ: „Серафимскій цвѣтникъ или духовный экстрактъ изъ всѣхъ писаній Иакова Бема, собранный“ и пр. На заглавномъ листѣ поставленъ 1794. Выборка эта составлена у насъ въ Россіи и не имѣла соотвѣтственнаго ей подлинника за границей. Изъ этихъ примѣровъ видно, что рукописная мистическая бібліотека была едва ли не обширнѣе печатной и во всякомъ случаѣ началась раньше послѣдней. Мы видимъ, что послѣднимъ и самымъ ревностнымъ представителемъ у насъ западною мистицизма былъ Лабзинъ. Но въ то же самое время мистицизмъ возникалъ у насъ и съ другой стороны. Мистико-аскетическое направленіе Восточной церкви, сосредоточенное главнымъ образомъ въ монастыряхъ, въ разное время проникло и къ намъ, создавъ у насъ цѣлую литературу рукописныхъ сборниковъ, гдѣ помѣщались переводы изъ учителей церкви и изъ разныхъ апокрифическихъ легендарныхъ сказаній. Въ разсматриваемое нами время этотъ притокъ мистическаго настроенія съ Востока получилъ новый толчокъ. Въ 1779 году въ Нѣмецкомъ монастырѣ, въ Валахіи, поселился старецъ Пансіей Величковскій (1722—1794). Сынъ полтавскаго протопопа, Петръ, въ монашествѣ Пансіей Величковскій, съ ранняго дѣтства обнаруживалъ наклонность къ созерцательному религіозному мистицизму и первоначально, оставивши кіевское училище, поступилъ въ Любецкій монастырь близъ города Любеча, надъ Днѣпромъ. Оттуда началъ онъ свое странствованіе по монастырямъ, сначала въ Россіи, а потомъ въ Валахіи и на Афонѣ. Гоненія униатовъ, точно также какъ въслѣдствіе преслѣдованія раскольниковъ, вызвали основаніе пустынныхъ скитовъ въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ появлялись старцы-учители, распространявшіе свое нравственное духовное вліяніе. Однимъ изъ такихъ старцевъ былъ Пансіей. На Афонѣ онъ образовалъ отдѣльный скитъ, или келлію, въ округѣ монастыря Пантократора; а потомъ, въслѣдствіе тѣсноты въ количествѣ 64 братій, возвратился въ Валахію. Здѣсь онъ окончательно утвердился въ монастырѣ Немець, гдѣ число братій возросло до 500. Пансіей вводитъ

во всѣхъ монастыряхъ общежительный уставъ, принесенный еще Θεодосіемъ въ Кіево-Печерскую лавру, и, занимаясь преимущественно чтеніемъ греческихъ церковныхъ учителей, перевелъ книгу „Добротолюбіе“, гдѣ помѣщены отрывки изъ писаній Антонія Великаго, Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита, инока Теофана, Исихія Іерусалимскаго, Каллиста патріарха, Петра Дамаскина, Нила Постника и др. Всѣ эти творенія содержатъ въ себѣ ученіе о созерцательной жизни, умерщвленіи плоти и умной молитвѣ, которая представляется главнымъ пріемомъ къ возрожденію. Инокъ Теофанъ въ своей „Лѣствицѣ“ такъ описываетъ степени восточнаго мистицизма: „первѣе есть молитва чистѣйшая, отъ нея же происходитъ сердечная вѣкая теплота; по ней же дѣйство странное и святое, также слезы божественныя сердечныя, въ же ради миръ многообразныхъ помисловъ, изъ него же истекаетъ ума очищеніе и вѣдѣніе великихъ таинствъ, на немъ же странное огненіе несказаннымъ образомъ (Фаворскій свѣтъ), отъ него же неизреченное сердца просвѣщеніе“ („Добротолюбіе“ I, 132). Славянскій переводъ „Добротолюбіа“ принесъ въ Россію ученикъ Паисія схимонахъ Аванасій въ 1791 году и на него обратилъ вниманіе тогдашній с.-петербургскій митрополитъ Гавріилъ, находившійся въ сношеніи съ Паисіемъ. По порученію Гавріила, книга „Добротолюбіе“ въ переводѣ Паисія была рассмотрѣна въ Александро-Невской академіи, съ участіемъ находившихся въ Россіи учениковъ Паисія, и переводъ исправленъ профес. греческаго языка въ Троицко-Сергіевой семинаріи Я. Д. Никольскимъ; переводъ изданъ былъ въ Москвѣ въ 1793 году, а затѣмъ, по благословенію митрополита Филарета (въ 1822, 1832 г., 5 изд. 1854 г.). Кромѣ того настоятелями въ разныхъ монастыряхъ были ученики Паисія, вводившіе его общежительный уставъ и распространявшіе „Добротолюбіе“; изъ этихъ монастырей самое важное значеніе приобрѣли: Пѣсношскій монастырь Московской епархіи (настоятель Макарій 1788—1811), Софроньева пустынь (архим. Θεодосій съ 1788 г.), Оптиная пустынь (іеромонахъ Леонидъ 1829—1841); изъ учениковъ Паисія Филаретъ въ 1791 году былъ іеродиаконъъ Александро-Невской Лавры и участвовалъ въ рассмотрѣніи Паисіева перевода, а монахъ Павелъ умеръ въ Симоновомъ монастырѣ. „Добротолюбіе“ имѣло огромное вліяніе на Сперанскаго и весь его мистицизмъ, изложенный въ письмахъ къ Цейеру, заимствованъ былъ оттуда. Такимъ образомъ Сперанскій у насъ былъ представителемъ восточнаго мистицизма и потому не сходился съ Лабзиннымъ. Замѣчательно, что и Кирѣевскій, особенно въ сороковыхъ годахъ, былъ въ этомъ смыслѣ мистикомъ. Когда въ 1845 году Кирѣевскій взялъ въ свои руки „Москвитянина“, въ апрѣльской книжкѣ онъ помѣстилъ житіе Паисія, а еще прежде участвовалъ въ изданіи, сдѣланномъ козельскою Введенскою Оптиною пустынью подъ заглавіемъ „Житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго“ (2 изд., М. 1847). „Добротолюбіе“ было и въ библиотекѣ Александра Ивановича, но книга эта не произвела на него никакого вліянія, несмотря на его религіозное настроеніе. Замѣчательно, что конецъ XVIII столѣтія ознаменованъ появленіемъ у насъ мистическихъ сектъ (хлнстовской и скопческой) и—помимо тогдашней интеллигентной среды—въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ.

(47) Къ стр. 221.—Между прочимъ въ этомъ году помѣщенъ разборъ слѣдующихъ книгъ: „Прихотникъ, или календарь обиденія“, Сиб. 1809; „Плутархъ для юношества“, изданный Петромъ Бланшардомъ, пер. съ франц., съ присовокупленіемъ жизнеописанія знаменитѣйшихъ россіянъ, М. 1809 г., 10 частей, пер. и дополненъ адъюнктомъ и докторомъ С. А. Немировымъ; „Статистическое обозрѣніе Сибіри“, по Высочайшему повелѣнію, Сиб. 1810 г.; „Мои петербургскія сумерки“, соч. Ник. Страхова, 1810 г.; „Записки историческія, политическія и военныя о Россіи“ Манштейна; „Потерянный рай“, поэма Мильтона, нов. пер. съ англійскаго, М. 1810 г.; „Радомость и Зенобія“, соч. Кребилона, пер. Ст. Висковатовъ; „Возвращеніе въ отечество къ безнаго моего брата“, брошюра на 11

страничкахъ, Спб. 1810 г.; „Ксеvия и Темиръ“, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Спб. 1810 г.; „Электра и Орестъ“, траг. соч. Ал. Грузинцева; „Критика“ Воейкова и возраженія на эту критику М. С.—вѣстѣ съ отвѣтомъ Воейкова; „о каруселяхъ“ соч. В. Пушкина, М. 1811 г.; „Несторъ“, русскія гѣтонки на славянскомъ языкѣ, пер. и объясн. Авг. Л. Шлецеромъ, перев. съ нѣм. Д. Языковъ, Спб. 1810 г.

(48) Къ стр. 226.—Вотъ перечень выходившихъ съ 1800 по 1812 г. въ столицахъ журналовъ: Спб. правительственные: „Повременное сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, при Акад. Наукъ изд. акад. Озерецковской 1802—1810 гг., 43 книги; „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1804 г., ред. Бакаревичъ („Журн. Мин. Внут. Дѣлъ“); „Сѣверная Почта“ 1809—1820 („Ж. М. В. Д.“); „Conservateur impartial“ 1812—1825 („Ж. М. И. Д.“). „Русскій Иваландъ“ съ февраля 1813 г. началъ издавать Пезарониусъ до 1821 г.; съ 1823 г. онъ поступилъ въ заведеніе А. Ф. Воейкова; „Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія“ 1821—1825, подъ редакцію Н. Ф. Остолопова; „Journal de St.-Petersbourg politique et litteraire“ съ 1825 г., замѣнявшій „Conservateur impartial“.—Части: А) Въ С.-Петербургѣ 1803 г.: „Свитокъ музъ“, периодическое изданіе Общества любителей наукъ, словесности и искусства (2 книжки); 1804 г.: „Сѣверный Вѣстникъ“ издавалъ Ив. Ив. Мартиновъ (1804—1805); 1805 г.: „Журналъ россійской словесности“, изд. Н. Брусиловъ; „Сѣверный Меркурій“, изд. Вельяминовъ-Зерновъ (5 №); „Журналъ для пользы и удовольствія“, изд. А. Варенцовъ (1 годъ); 1806 г.: „Лицей“, издав. И. И. Мартиновъ; „Любитель словесности“, изд. Н. Остолоповъ; „Сіонскій Вѣстникъ“, изд. А. Ф. Лабзинъ подъ именемъ Θεопемпта Мисалова и выпустилъ 8 книгъ; 1807 г.: „Геній времени“, начатый Ѳ. Шредеромъ и И. Делакура. Въ 1808 г. къ Шредеру присоединился еще Гречъ, начавшій здѣсь редакторское поприще; съ 1809 г. вмѣсто этого журнала выдавался „Журналъ новѣйшихъ путешествій“ (1809—1810); „Сѣверная Пчела“, предполагавшаяся при С.-Петербургской гимназій (1 книжка); „Драматическій Вѣстникъ“, „Сѣверный Зритель“—неизвѣстно кѣмъ; „Сатирическій журналъ, театр или зрѣлище людей невѣрнаго свѣта“; „Сатирическій журналъ“, изд. М. Меморскій; 1809 г.: „Сѣверный Меркурій“, изд. Ари. Лукницкій (1809—1811); „Цвѣтникъ“, изд. въ 1809 г. А. Е. Измайловъ и Беницкій, а въ 1810 г. Измайловъ и Никольскій (1809—1810); 1810 г.: „Европейскій Музей, или извлеченіе изъ иностранныхъ журналовъ“, изд. Шредеръ и Гречъ; „Журналъ для сердца и ума“, изд. И. Шелеховъ (5 книжекъ); 1811 г.: „Улей“, изд. В. Г. Анастасевичъ (много о польской литературѣ); 1812 г.: „С.-Петербургскій Вѣстникъ“, изд. отъ Общества любителей наукъ, словесности и искусства; „Сынъ Отечества“, съ октября 1812 г. издававшійся Гречемъ.—Б) Въ Москвѣ: 1802 г.: „Вѣстникъ Европы“, начатый Карамзинимъ; 1803 г.: „Московскій Меркурій“, изд. П. И. Макаровъ; „Осенние вечера“, изд. В. Маллиновскій (всего 8 №); 1804 г.: „Другъ просвѣщенія“, издавали гр. Д. И. Хвостовъ, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ и гр. Салтиковъ (1804—1806, —три года); „Журналъ для милыхъ“, изд. М. Н. Макаровъ; „Патріотъ въ пользу воспитанія“, издавалъ В. В. Измайловъ; 1805 г.: „Журналъ новостей“, извлеченныхъ изъ разныхъ периодическихъ изданій, составл. на франц. яз. Д. Ронка, а переводилъ его на русскій яз. Ф. Кабрить; съ третьей книжки это изданіе получило титулъ „Журнала различныхъ предметовъ словесности“, а на шестой книжкѣ скончалось; „Аврора“, изд. профессоръ Рейнгардтъ Я. де Санглемъ (1805—1806); „Московскій Курьеръ“, изд. П. Львовъ (1805—1806); 1806 г.: „Московскій Зритель“, изд. кн. П. И. Шаликовъ; „Дамскій журналъ“, изд. М. Н. Макаровъ; „Минерва“, изд. профес. Побѣдовосцевъ; „Московскій Собѣдникъ“, кто издатель—неизвѣстно; 1807 г.: „Другъ юности“, изд. М. И. Невзоровъ (1807—1814); „Весенній Цвѣтникъ“, изд. Андреевъ (2 книжки); 1808 г.: „Аглая“, изд. кн. П. И. Шаликовимъ (1808—1812); „Парнассскій Мотылекъ“, умершій на нѣсколькихъ листахъ; „Рус-

ский Вѣстник“, изд. С. Глинкою; 1809 г.: „Московский Вѣстник“, изд. М. Н. Макаровъ (11 книжек); 1811 г.: „Журналъ драматическій“, изд. М. Н. Макаровъ (?); 1812 г.: „Муза, или собесѣдникъ любителей древняго и новаго стихотворства“, изд. И. Сирковъ.

(49) Къ стр. 236. — Здѣсь въ текстѣ произошла ошибка. У меня сказано, что В. И. Красовскій, бывшій однимъ изъ основателей Петербургскаго Общества любителей словесности, наукъ и искусства, заслужилъ печальную извѣстность какъ цензоръ. Некрологъ В. И. Красовскаго помѣщенъ Гречемъ въ „Синѣ Отечества“ за 1825 годъ (№ IV, стр. 426 и слѣд.). В. И. Красовскій, сынъ придворнаго протоіерея и члена Россійской академіи, И. И. Красовскаго, родился въ Костромѣ въ 1782 г., обучался въ бывшей гимназіи С.-Пб. Академіи Наукъ съ 1790 по 1799 годъ, служилъ сначала переводчикомъ въ государственной Бергъ-коллегіи и канцеляріи бывшихъ начальниковъ ея Соймонова, Алябьева и Корсакова, потомъ съ 1804 по 1813 г. — секретаремъ С.-Пб. цензурнаго комитета. Въ 1813 г. Красовскій оставилъ службу вслѣдствіе болѣзни и умеръ въ Петербургѣ 22 ноября 1824 г. По отзыву Греча, онъ былъ одаренъ отъ природы отличными способностями, которыя усовершенствовалъ основательнымъ ученіемъ и непрерывными занятіями литературой и наукою. Красовскій помѣстилъ въ „Святѣ музъ“ (1802) стихотворенія: „Благополучіе въ уединеніи“, „Осень“ и „Осеннее чувство“; сверхъ того представлялъ въ Общество „Разсужденіе о духовной словесности въ Россіи“ и „Велизарій, умирающій въ темницѣ“; перевелъ для Общества „разсужденіе объ англійской трагедіи“. Во время службъ въ Бергъ-коллегіи онъ печаталъ переводъ о минералогіи и горномъ искусствѣ академика Германа. Оставшійся послѣ смерти его переводъ Боссюэта „Discours sur l'histoire universelle“ повидимому не напечатанъ. Въ „Синѣ Отечества“ за 1824 годъ помѣщенъ отрывокъ перевода стихами, подъ заглавіемъ „Зима“, изъ поэмы Ст. Ламберта: „Четыре времени года“ (№ 14, 418, и слѣд.). Цензоромъ, заслужившимъ печальную извѣстность, былъ Александръ Ивановичъ Красовскій. Скабичевскій въ „Очеркахъ цензуръ“ (XXXII) подробно разсматриваетъ цензурную дѣятельность А. И. Красовскаго, на основаніи воспоминаній о немъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ (т. IX, 107—140). Въ статьѣ „Русской Старинѣ“: „Александръ Ивановичъ Красовскій“ — сказано, что Ал. Ив. Красовскій былъ сынъ протоіерея Красовскаго, окончилъ курсъ въ бывшей академической гимназіи, въ 1800 г. опредѣленъ бібліотекаремъ въ Императорскую Публичную бібліотеку, въ 1810 г. занялъ должность секретаря въ ней и въ 1821 г. назначенъ цензоромъ въ С.-Пб. цензурный комитетъ. Онъ умеръ 19 ноября 1857 г. Очевидно, Василій и Александръ Ивановичи Красовскіе были два лица совершенно разныя и обстоятельства жизни обоихъ спутаны и не разъяснены; были ли они родные братья — также неизвѣстно.

(50) Къ стр. 264. — П. И. Голенищевъ-Кутузовъ (1767—1829) былъ съ 1798 по 1803 г. кураторомъ Московскаго университета, а съ 1810 по 1817 г. попечителемъ. Донося свои на Карамзина Кутузовъ началъ еще со времени своего вступленія въ университетъ при императорѣ Павлѣ и обвинялъ Карамзина въ якобинствѣ. Въ 1810 г. Карамзину, только-что рекомендованному императору Александру великою княгиней Екатериною Павловною, предложено было званіе попечителя Московскаго округа, отъ котораго онъ отказался и получилъ орденъ Св. Владимира 3 степени. Кутузовъ въ это время хлопоталъ о мѣстѣ попечителя и, получивши его, послѣднимъ сейчасъ же (10 августа 1810 г.) послать доносъ на Карамзина тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскому. Въ доносѣ онъ, между прочимъ, писалъ о Карамзинѣ: „не орденъ надобно бы ему дать, давно бы пора его запереть; не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь. Карамзинъ дѣлать не менѣе какъ въ Сіезен или въ первые

консули; это здѣсь (въ Москвѣ) всё знаютъ и всё слышать; я молчу и никому о семъ слова не писалъ, а къ вамъ я обязанъ это сдѣлать. Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ, но объ университетѣ надобно подумать и сію заразу какъ-нибудь истребить“ (Н. А. Поповъ: „Исторія Общ. ист. и древн.“, стр. 94, 100—102, 105 и 109).

(31) Къ стр. 265.—Вотъ перечень менѣе извѣстныхъ поэтовъ того времени: въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ напечатаны стихотворенія: Ахматова, Бенницкаго, студента Педагогическаго института Александровскаго, Подзорскаго, Никифорова, Тейльса, студента Педагогическаго Института Левницкаго и Чернявскаго. Въ „Другѣ Просвѣщенія“ помѣщали свои стихотворенія: А. Брежинскій, Дм. Вельшевъ, Ал. Розановъ, Волковъ, В. Колосовъ, Гр. Городчанновъ, Степановъ, П. Розановъ, Волковъ, Ал. Кутузовъ, Облеуховъ, П. Голубковъ, А. Кандорскій. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ стихотворномъ отдѣлѣ принимали участіе: А. Палицынъ, Катер. Алферова, Уаръ Вошининъ, Анна Волкова, Врасскій, Бардовскій, М. Яблочниковъ, Ив. Колокозельцевъ. Въ „Аглаѣ“ въ стихотворномъ отдѣлѣ, принимали участіе: Волковъ, Д. Глѣбовъ, Ботаневецъ, М. Макаровъ, В. Шереметевскій, В. Козловъ, А. Нестеровъ, П. Головинъ, Ф. Ринковскій.

(32) Къ стр. 275.—Самъ Макаровъ въ статьѣ „Худая участь дамскихъ журналовъ въ Россіи“ („Синь Отеч.“ 1817 г., № 32, стр. 220) называетъ свой „Журналъ для милыхъ“—„самымъ чернымъ пятномъ моему пятнадцатилѣтію“.

(33) Къ стр. 276.—Подробнѣе свѣдѣнія объ Анастасевитчѣ помѣщены у Венгерова („Критикобіографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ“, вын. 12, 521—529).

(34) Къ стр. 277.—Въ „Благонамѣренномъ“ (1826 г., № 111, стр. 190) рассказанъ такой анекдотъ о В. В. Попугаевѣ: „Пришелъ къ нему просить денегъ одинъ несчастный, благородный человѣкъ, а денегъ у В. В. не было. Онъ не зналъ, что дѣлать, но взглянувъ нечаянно на новый свой фракъ, только-что принесенный къ нему отъ портнаго, принудилъ гостя взять этотъ фракъ, а самъ мѣсяца три лишнихъ проходилъ въ старомъ.“

(35) Къ стр. 290.—Съ цѣлью ознакомишь русскую публику съ польскою литературою, Анастасевичъ издавалъ въ продолженіе 1811—1812 года „Улей“. Журналъ этотъ выходилъ ежемѣсячно и подраздѣлялся на слѣдующіе отдѣлы: I—словесность; II—био- и библиографическія замѣчанія; III—исторія; IV—о народномъ просвѣщеніи; V—смѣсь. По польской литературѣ тамъ помѣщены были слѣдующія краткія біографіи и статьи переводныя, или представлявшія извлеченія: *Адамъ Нарушевичъ и многочисленныя выписки изъ его польской исторіи* (I, 22—50; II, 26—34; III, 33—41, 108—119, 290—297, 385—394, 461—476; IV, 32—52, 127—140, 179—188, 256—265, 336—351); Игнатій Красицкій (I, 115—128); Киприанъ Гудебскій, Игнатъ Потоцкій, Францъ Смугневичъ (I, 416—421); Фр. Кс. Дмоховскій (II, 24—26); Длугошъ (II, 179—181); Фр. Карпинскій (II, 431—434); Кс. Мартинъ Одланецкій-Погобуць (III, 11—26); Иос. Чехъ (III, 106—108); Фр. Шейденъ, Дав. Пильковскій, Игн. Заборовскій, Ник. Вольскій, Иос. Шимановскій (IV, 26—32), Тома Венгерскій (IV, 176—179); *о польскихъ стихотворцахъ, сокращенія изъ Красицкаго* (I, 178—191, 265—271, 340—343); *о названіи Украйны и началѣ казаковъ*, гр. Т. Чацкаго (I, 118—127); *о воспитаніи женскаго пола въ Россіи его же* (I, 215—221); *извлеченіе изъ его же книги о литовскихъ и польскихъ статутахъ*, Варшава 1800 г., 368—374; *о литовскомъ народѣ извлеченіе изъ разсужд. Ксао. Боуша* (I, 286—294, 346—354, 421—430); *о могилѣ Аскольдовой и о Кіевѣ*, М. Берлинскаго (I, 354—364; II, 117—125); *письмо о садахъ*, Брацицкаго (II, 70—79, 157—160); *происхожденіе поляковъ изъ „Annales Poloniae“*, Орѣховскаго (II, 284—291); *нѣчто о славянахъ изъ книги „Путешествіе въ славянскіи*

страны въ 1802 и 1803 г.^а, кн. Сапѣги (II, 434—441); о связи и совмѣстной пользѣ наукъ, Снядецкаго (III, 1—9); мысли о торговлѣ въ Россіи, переводъ съ польскаго (III, 148—171); статьи дополнительныя къ польскому словарю Линде: „Сокращенное указаніе упоминаемыхъ тамъ писателей, объ этимологій или словопроизведеніи, изъясненіе діалектовъ и языковъ, тамъ приведенныхъ“ (III, 336—363, 419—445; IV, 2—9); изъ книги „Мысль о польскихъ сочиненіяхъ“, соч. на польскомъ языкѣ австр. фельд-маршала кн. Чарторнскаго, подъ именемъ Дантиска, Вильно 1810 (IV, 115—116); о польскихъ исторіяхъ, изъ соч. Ад. Чарторнскаго „Myśli o piśmie polskich“ (IV, 249—255); о польской словесности, а особливо въ Сигизмундовы времена или въ златомъ вѣкѣ польскихъ писателей (IV, 10—25, 80—115); взглядъ на богемскую словесность и на связь между собой отраслей славянскаго языка (II, 84); о свадебныхъ обрадахъ у силезскихъ поселянъ (I, 235). Кромѣ того въ журналѣ помѣщались выдержки изъ неизданныхъ въ то время исторій Малороссіи, Берлинскаго и Шафонскаго; рѣчи при открытіи учебныхъ заведеній въ западныхъ губерніяхъ: Кіевскаго университета, Ѳ. Чацкаго, витебской гимназіи, учит. Кузьматичкаго, учителя Оленскаго, директора гимназіи Канарскаго-Саховича, ученика гимназіи Ал. Савицкаго—разсужденіе о томъ, что для волынянъ преимущественно нужно познаніе російскаго языка. Кромѣ того въ журналѣ интересны: очень подробныя *данныя объ учебныхъ заведеніяхъ* (III, 218—245) за 1809 г., въ томъ числѣ: о Виленскомъ университетѣ (II, 201); Кіевской академіи, Варшавскомъ учен. Обществѣ (III, 45—51, 309—319); о Песталоцціевскомъ способѣ обученія (III, 125—139, 243—259); начертаніе эстетики изъ Кантовой критики эстетическаго сужденія (III, 85—98, 173—185, 261—273); о библиографіи (I, 14—28). Литературный отдѣлъ крайне плохъ: стихотворенія—невозможныя даже для того времени. Представителемъ сколько-нибудь извѣстныхъ поэтовъ является одинъ гр. Хвостовъ, а прочіихъ мы приведемъ ради курьеза: П. Каневецкій, П. Котловскій, И. Кузьматичкій, Ев. Станевичъ, И. Ивановъ, К. Кляжнинъ, А. Писаревъ (генералъ), Ал. Волковъ, Взметаевъ, Антоновъ, Боровковъ, Ал. Яковлевъ и неизбѣжный оренбургскій поэтъ В. Копыловъ. Между прочимъ сатира Взметаева „Польза медяковъ“ (II, 249—252) написана очень тяжелыми стихами, но не лишена серьезной мысли и замѣчательна по своей смѣлости; стихотвореніе „Къ моему другу“ (III, 79—84) повидимому принадлежитъ И. Анд. Крылову; въ „Ульѣ“ помѣщено также начало перевода съ итальянскаго „Освобожденнаго Іерусалима“ Тасса, принадлежащее неизвѣстному, но совсѣмъ невозможное. Изъ оригинальной прозы помѣщено нѣсколько сантиментальныхъ отрывковъ изъ бумагъ „Русской Севинье“, россиянки Н. А. Г. и другой дамы А. Р—вой, упражнявшейся также и въ стихотвореніяхъ, и поэта-прованка И. Иванова („Инокъ и Ириса“, испанская повѣсть). Изъ переводныхъ повѣстей „Норвежская поселянка“; „Хитрость природы“, отрывокъ изъ Лафонтена (I, 457); „Благодарность“, пов. Севтъ Ламберта (IV, 52—75, 140—158); „Смерть Карла I“, кор. англійскаго, изъ Арнода (IV, 273—283); „Казембовы туфли, или слѣдствіе скудости“, изъ Билдербека (III, 51—56). Кромѣ того въ Смѣси помѣщено нѣсколько статей, посвященныхъ прекрасному полу, заимствованныхъ изъ переведенной на русскій языкъ книги Легуве „Слава прекраснаго пола“, Спб. 1808 г., и изъ сочиненія гр. Сегюра „Les femmes, leur condition et leur influence dans l'ordre social, откуда появились извлеченія во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ. По части критики помѣщенъ разборъ „Вертера“ Гёте, переведенный изъ „Mercure de France“.

(*) Къ стр. 301.—Катенинъ въ свое время считался однимъ изъ извѣстныхъ поэтовъ: Пушкинъ, посылая Дельвигу лучшее его стихотвореніе, помѣщенное въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 годъ, „Старая быль“ (33 стр.), писалъ: „П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ; я увѣренъ, что вамъ

будеть приято украсити имъ наши „Сѣверные Цвѣты“. Катенинъ въ одинъ день съ Пушкинымъ (7 января 1833 г.) избранъ былъ членомъ Россійской академіи, но въ первое же засѣданіе разсердился изъ пустяковъ и пересталъ посѣщать засѣданія (Сухомлиновъ: „Ист. Рос. акад.“, УП, 89—91). Въ „Воспоминаніяхъ Вигеля“ Катенинъ охарактеризованъ слѣдующимъ образомъ: „круглолицій, полнощекій и румяный, какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ вѣчно кипѣлъ“. Катенину много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощью онъ всякаго перекрывалъ и долго продолжалъ еще спорить, когда утомленный противникъ давно отвѣчалъ ему молчаніемъ. П. А. Каратыгинъ, близко знавшій Катенина, характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „Катенинъ былъ человекъ необыкновеннаго ума и образованія; французскій, нѣмецкій, итальянскій и латинскій языки онъ зналъ въ совершенствѣ; понималъ хорошо англійскій языкъ и нѣсколько греческій. Память его была изумительна. Можно положительно сказать, что не было ни одного всемірнаго историческаго событія, котораго бы онъ не могъ изложить со всѣми подробностями; въ хронологіи онъ никогда не затруднялся; однимъ словомъ, это была живая энциклопедія“ („Записки“, изд. сына, 55 и 56). Въ 1814 г., оставаясь съ Преображенскимъ полкомъ въ Парижѣ, Катенинъ пристрастился къ театру и видѣлъ всѣ сценическія знаменитости того времени: Тальму, м-ше Дюшенуа, м-ше Марсъ, Потье, Бриге, Моисе и проч. По возвращеніи въ Петербургъ онъ сдѣлался записнымъ театраломъ и постояннымъ посѣтителемъ театрального общества, собиравшагося около Шаховскаго, котораго ближайшими друзьями были: Грибоедовъ, Катенинъ и Жандръ. Но вскорѣ Катенина постигла страшная и печальная судьба. Въ 1821 году на мѣсто уволеннаго директора Тюфякина, С.-Петербургскимъ театромъ началъ завѣдывать комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора Милорадовича, куда, вмѣстѣ съ княземъ В. В. Долгорукимъ и графомъ Кутайсовымъ, вошелъ членомъ и кн. Шаховской, непосредственно завѣдывавшій репертуаромъ и труппою актеровъ. Тогда у Шаховскаго начались вечера, куда собиравлись преимущественно молоденькія актрисы и воспитанницы театральной школы и гдѣ обыкновенно появлялись богатые ухаживатели и во главѣ ихъ самъ Милорадовичъ. Политно, что нѣсколько скандальный тонъ этихъ вечеровъ не могъ быть пріятенъ Катенину, и, по живости своего характера, онъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, не щадилъ и самого генералъ-губернатора. Это, по всей вѣроятности, и было причиною, почему Милорадовичъ вообще неблагоосклонно относился къ Катенину. 18 сентября 1822 года давали „Полкисену“ Озерова. Роль Гекубы играла вновь поступившая на сцену знаменитая Ек. С. Семенова. Въ этотъ разъ она впервые выступила на сцену вмѣстѣ съ ученикомъ Катенина, уже пріобрѣтшимъ знаменитость, В. А. Каратыгинымъ. Но Семенова ненавидѣла другую воспитанницу Катенина, даровитую трагическую актрису Колосову. Пользуясь ея отсутствіемъ, Семенова хотѣла выдвинуть свою воспитанницу, молодую Азаревичеву, которой она доставила роль Полкисени. Когда Семенову вызвали, она вывела съ собою Азаревичеву и даже выдвинула ее впередъ, а сама отступила назадъ. Это избѣсило Катенина, сидѣвшаго по обыкновенію въ первомъ ряду; онъ закричалъ: „долой Семенову!“ Произошелъ шумъ; Семенова должна была удалиться, а Катенинъ началъ громко осуждать поступокъ актрисы; онъ совершенно справедливо говорилъ, что Азаревичевой не слѣдовало выходить, никто ее не звалъ, что это дерзость со стороны Семеновой, что это значитъ смѣяться надъ публикой. Разгнѣванная Гекуба на другой же день поѣхала съ жалобой къ Милорадовичу. Милорадовичъ вызвалъ Катенина, бывшаго тогда уже полковникомъ въ отставкѣ, и, по словамъ Арпова, слышавшаго это отъ самого Катенина, объявилъ ему такое рѣшеніе: „первая наша актриса Семенова, чувствуя себя вами обиженной, не желаетъ болѣе являться на сцену, если вы, г. Катенинъ, останетесь судьей ея представленій, а это было бы большое лишеніе

для публки, и потому я васъ прошу не ѣздить въ театръ, когда г-жа Семенова будетъ играть“ („Лѣтопись Русск. театра“, 328—329). Конечно, Катенинъ смирился не безъ неудовольствія и не скрывалъ его. Милорадовичъ донесъ Государю, бывшему тогда за границей, и, не болѣе какъ черезъ полтора мѣсяца (7-го ноября), Катенинъ высланъ былъ изъ Петербурга съ запрещеніемъ вѣзжать въ обѣ столицы. Высылка эта до такой степени была сурова и послѣдшна, что даже оставшимся дома вещами Катенинъ могъ распорядиться изъ трактира „Красный Кабачокъ“, недалеко отъ Петербургской заставы; онъ отправился въ свое кологривское имѣніе. Въ августѣ 1825 года Катенинъ возвращенъ былъ въ Петербургъ; въ началѣ 1830 г. Катенинъ снова вступилъ въ службу, получилъ чинъ генералъ-майора и былъ нѣсколько лѣтъ комендантомъ крѣпости въ Клязьмѣ. Но уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ Катенинъ былъ снова въ отставку и жилъ безвѣдно въ своемъ кологривскомъ имѣніи, совершенно покинувъ и служебное и литературное поприще. Я еще ребенкомъ помню Катенина; онъ былъ пріятелемъ моего отца и останавливался у него въ домѣ, когда пріѣзжалъ въ Кострому: Катенинъ въ то время страдалъ ракомъ на губѣ и былъ крайне раздражителенъ, что только и осталось у меня въ памяти. Подъ конецъ своей жизни Катенинъ предался страсти къ вину и умеръ въ 1853 году въ своей деревнѣ. Сочиненія Катенина изданы въ 1832 г. (сочиненія и переводы въ стихахъ Катенина съ приобщеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній кн. П. Голицына, С.-Пб. 1832 г. 2 тома). Біографія Катенина помѣщена въ отчетахъ И. Акад. Наукъ по Отд. русс. языка 1852—1865, стр. 59—62.

(37) Къ стр. 305.—Алексій Михайловичъ Пушкинъ (1771—1826), двоюродный дядя поэта, былъ большой театралъ и перевелъ съ французскаго ком. Мерсье „Женеваль, или французскій Барневельтъ“, М. 1778, 2-е изд. 1783. Въ „Воспоминаніяхъ“ С. Т. Аксакова и кн. Вяземскаго много говорится о его сценическихъ способностяхъ и соперничествѣ съ Коконкинымъ на сценахъ благородныхъ театровъ.

(38) Къ стр. 306.—А. Флеровъ помѣстилъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (1804 г., № 11) и „С.-Петербургскомъ Лицеѣ“ (1806 г., № 3) двѣ статьи, гдѣ онъ описываетъ роскоши въ соборной горѣ, находящейся противъ вологодскаго Софійскаго собора, и говоритъ вообще о янрипскихъ древностяхъ. Противъ этой статьи митрополитъ Евгенийъ помѣстилъ возраженіе въ „Вѣстникѣ Европѣ“ (1813 г., № VI, 27), гдѣ доказываетъ, что открытое въ горѣ зданіе составляло нижній этажъ архіерейскаго дома, а свѣдѣнія о янрипскихъ древностяхъ заимствованы болѣею частью у Лепехина. На это возраженіе Флеровъ отвѣтилъ въ томъ же „Вѣстникѣ Европѣ“ (1814, №№ 15 и 16).

(39) Къ стр. 323.—Комедія „Притча о блудномъ сынѣ“ написана Симеономъ Полоцкимъ. Полоцкій обработалъ въ драматической формѣ евангельскую притчу, которой съ давнихъ поръ усердно пользовались французскіе, англійскіе и въ особенности нѣмецкіе писатели, а затѣмъ и польскіе авторы школьныхъ дѣвствъ. Комедія эта очень понравилась современникамъ, напечатана была раньше другихъ однородныхъ пьесъ съ иллюстраціями и распространилась во многихъ спискахъ. По изслѣдованію Ровинскаго, картины комедіи гравированы по рисункамъ гравера Пикара его сыномъ и русскими мастерами Леонтьемъ Бунаковымъ и Григорьемъ Тенчегорскимъ (Морозовъ: „Очеркъ изъ исторіи русской драмы“, стр. 123—125).

(40) Къ стр. 335.—Г. Морозовъ въ статьѣ „Новые матеріалы для исторіи русскаго театра“ („Журн. Мин. Народ. Просв.“ за 1884 г., стр. 352 и слѣд., ч. 284) указываетъ совершенно обстоятельно многія ошибки въ хроникѣ Носова; но общій выводъ, что всѣ или почти всѣ новыя данныя для исторіи до-Петровскаго театра, почерпнуты изъ этого источника, должны быть по меньшей мѣрѣ заподозрѣны какъ мало вѣроятныя или находящіяся въ прямомъ противорѣчій съ имѣвшимися до сихъ поръ болѣе или менѣе несомнѣнными документальными показаніями (стр. 364), едва справедливъ.

Кроме отзывов иностранцев-очевидцев, кто поручится за полноту этих документальных показаний? А сведения подвѣдѣнных писателей о до-Петровском театре несколько не документальнее помѣщенных въ хроникѣ Носова. Слѣдовательно, мнѣ кажется, наоборотъ, надо отвергать тѣ только показанія хроникки, которыя или явно невѣрны и опровергаемы другими достовѣрными источниками, или явно несообразны по условиямъ тогдашняго быта. Въ частности совершенно вѣрны указанія г. Морозова на явно ошибочную хронологію относительно царевны Софіи (365), на подозрительность приписываемаго ей перевода съ нѣмецкаго театральнаго представленія „Мѣдный конь, или осада Трои“ сочиненія В. Рейнгольда (364) и на невѣроятность представленія въ 1716 году на С.-Петербургскомъ театре трагедіи „Стрѣльцы“, ею сочиненной,—г. Веселовскій допускаетъ подлинность помѣщенной въ хроникѣ Носова афиши спектакля 17 сентября 1678 г., на которомъ была представлена переведенная царевной Софьей комедія Мольера „Врачъ противъ воли“. На стр. 201—206 своихъ „Очерковъ изъ исторіи русской драмы“ г. Морозовъ совершенно категорически отвергаетъ драматическое авторство царевны Софіи и даже существованіе театральнаго зрѣлища въ ея теремахъ. Но его сомнѣнія основаны на очень шаткихъ предположеніяхъ. Главныя доказательства два: первое, что помѣщенные въ афишахъ почтенные старшие вельжи, какъ кн. Ю. А. Долгорукій, окольный кн. Дм. Н. Щербатовъ, стрѣлецкій полковникъ С. Ф. Грибоѣдовъ, бояринъ князь Гр. А. Козловскій, не могли рѣшиться на такое шутовское лицедѣйство. Совершенно вѣрно, еслибы дѣло шло о публичномъ зрѣлищѣ; но вѣдь здѣсь они келейно поѣхали царевну правительницу,—между собой, безъ всякихъ постороннихъ глазъ. Ничто не мѣшало развеселившимся старикамъ боярамъ въ своемъ кругу позволить себѣ такую потѣху, въ угоду правительницѣ,—этимъ они нисколько не роняли своего достоинства. А между тѣмъ еще труднѣе, чтобы Носовъ, которому вѣроятно имена этихъ старшихъ бояръ были неизвѣстны, — могъ самъ отъ себя выдумать подобную афишу. Что царевна Наталья Алексѣевна имѣла театр, еще не служитъ доказательствомъ, что ея вкусъ не могла разделять сестра ея Софья Алексѣевна, что здѣсь необходимо произошло смѣшеніе одной съ другою. Если при дворѣ отца такую страсть могла заразиться Наталья Алексѣевна, то еще болѣе вкусъ къ театральнымъ зрѣлищамъ могъ прійтись къ Софьѣ Алексѣевнѣ—болѣе даровитой, развитой и, слѣдовательно, доступной къ эстетическимъ наслажденіямъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что самое близкое лицо къ царевнѣ Софьѣ, кн. В. В. Голицынъ, былъ, какъ самъ г. Морозовъ признаетъ, одинъ изъ немногихъ тогда любителей театра. Составленіе пьесъ учениками Заиконоспасской академіи и Московскаго медицинскаго училища при Петрѣ нисколько не удивительно; вѣдь напечатана же въ „Русской Старинѣ“ 1875 года (т. XIII) опера „Ставленникъ“, въ двухъ дѣйствіяхъ состоящая и сочиненная ученикомъ философіи Яковомъ Соколовымъ 10 декабря 1780 г.

(61) Къ стр. 345.—Стихотворенія П. А. Межакова вышли въ 1817 г. безъ имени автора, подъ заглавіемъ „Уединенный пѣвецъ“, а въ 1828 г. напечатаны были „Стихотворенія Павла Межакова“, представленныя для обсужденія въ Россійскую академію. Очень любопытенъ по этому случаю отзывъ академіи: „Разсматривательный комитетъ, прочитавъ со вниманіемъ рукопись подъ заглавіемъ „Стихотворенія Павла Межакова“, находитъ, что изъ сихъ стихотвореній нѣкоторыя, весьма немногія, показываютъ, что сочинитель оныхъ не чуждъ стихотворческаго дарованія и искусства, а прочія всѣ не заслуживаютъ одобренія по содержащимся въ нихъ мыслямъ—мелочнымъ, неправымъ, недѣльнымъ, неблагочестивымъ. Между сими послѣдними есть и такія стихотворенія, которыя, по содержанію своему соблазнительному, противному всякой благопристойности и вредному для благонравія, достойны строгаго порицанія. Слогъ стихотвореній Межакова во многихъ мѣстахъ неестественъ, неровенъ, непонятенъ, а верѣ-

ко взял и грубъ“. Въ заключеніе всего комитетъ полагаетъ, что не только стихотворенія г. Межакова не заслуживаютъ вниманія академіи, но что и „самъ сочинитель оныхъ достоинъ того, чтобы академія изъявила ему свое неодованіе за дерзость, съ какою не постыдился онъ дышати нечистою любострастію стихи свои представить въ члани награды сословію, вмѣняющему себя въ священнѣйшую обязанность усовершенствованіемъ словесности содѣйствовать къ усовершенствованію общественнаго благонравія, слѣдуя неуклонно собственному своему неуклонному правилу — одобрять и награждать тѣ только словесныя произведенія, которыя, совмѣщая пріятность съ пользою, вселяютъ въ читателей своихъ любовь къ добродѣтели и ненависть къ пороку“. Чтобы показать, чѣмъ руководствовался комитетъ при изложеніи этого курьезнѣйшаго заключенія, достаточно привести слѣдующій примѣръ. Противъ стиховъ:

Увы! въ плачевной сей доли,
Не зная предписанной намъ доли,
Должны мы въ мрачный гробъ вступить...

комитетъ сдѣлалъ примѣчаніе: „отъ силъ стихахъ замѣчается сомнѣніе о будущей жизни“ („Ист. рос. акад.“ вып. VIII, 263—269). Между тѣмъ стихи Межакова, — правда, не обнаруживающіе никакого таланта въ авторѣ, — ничѣмъ не отличаются по содержанию своему отъ шаблонныхъ произведеній другихъ современныхъ поэтовъ. Въ современныхъ журналахъ, напримѣръ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, встрѣчается какъ разъ противоположный отзывъ о сочиненіяхъ П. А. Межакова: „Жуковский, давъ новое направленіе поэзіи русской, увлекъ за собою толпу подражателей: гг. Боровдн и Межаковъ стоятъ въ ряду ихъ и отпѣвають прошедшую юность. Въ ихъ произведеніяхъ вездѣ видна цѣль нравственная, благородный образъ мыслей: вотъ неотъемлемое ихъ достоинство“ („Моск. Вѣстн.“ 1828 г., X, 166).

(62) Къ стр. 263.—Опредѣлить хронологически продолжительность студенческаго театра при Московскомъ университетѣ нѣтъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что театръ, по всей вѣроятности, существовалъ съ болѣе или менѣе значительными перерывами или возникалъ совершенно случайно. Въ „Исторіи Московскаго университета“ Шевырева существованіе театра узгано въ слѣдующія эпохи: въ 1760 г. актеры изъ студентовъ на театрѣ Локателли (стр. 60); въ 1777 г. студенты играли на театрѣ, который заведенъ былъ вновь, хотя передъ этимъ нѣ слова не было сказано о закрытіи прежняго театра (207); въ періодъ отъ 28 іюня 1778 г. по 6 ноября 1796 г. домашній театръ для студентовъ и гимназистовъ съ своими собственными кулисами и гардеробомъ (277).

(63) Къ стр. 376.—Распространенное мнѣніе, будто Екатерина пожаловала актеру Федору Волкову и брату его Григорію 700 душъ и дворянство за сценическое искусство—невѣрно: пожалованіе это было за участіе ихъ въ возведеніи на тронъ императрицы (28 іюня 1762); третій же братъ Гаврило остался актеромъ на прежнемъ окладѣ въ 400 р., не получивъ ничего (Лонгиновъ, „Русск. Арх.“ 1873 г., № X, 2043).

(64) Къ стр. 402.—Уставъ общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія помѣщенъ въ *Силь Отч.* 1819 г. (ч. 52, стр. 3). Свѣдѣнія о трудахъ общества, ч. 53, 89, — тамъ же 142; извѣстіе о заведеніи въ Петербургѣ училища по методѣ взаимнаго обученія (1820, 63, 129); о Ланкастерскомъ училищѣ въ Тулѣ (1820, 66, 94); выписка изъ отчетовъ Общества (1828, 84, 97); въ „Соревнователѣ“ о существующихъ въ Россіи училищахъ по взаимному обученію (1823 г., II, 104, и III, 216).

(65) Пропущено.

(66) Къ стр. 445.—Сочиненія Велланскаго: 1) „Прелюдія къ медицинѣ, какъ опытной наукѣ“, Спб. 1805 г.; 2) „Dissertatio physicomédica de reformatione materiae medicae et physicae, auspicio philosophiae naturalis ineunte“, Petrop. 1807 г.; 3) „Bio-

логическое исследование природы въ творящемъ и творимомъ ея качествахъ, содержащее основныя начертанія всеобщей физиологiи“, Спб. 1812; 4) „Животный магнетизмъ, представленный въ историческомъ, практическомъ и теоретическомъ содержанiи“, III часть, изъ коихъ первыя двѣ изъ соч. Клуга, а третья представляетъ самостоятельное изложенiе, Спб. 1818 года; 5) „Опытная, наблюдательная и умозрительная физика“, излагающая природу въ вещественныхъ видахъ, дѣятельныхъ силахъ и вѣдущихъ началахъ неорганическаго міра“, Спб. 1836 г.; 6) „Основное начертанiе общей и частной физиологiи или физики органическаго міра“, Спб. 1836 г.—Переводы: 1) „Начальныя основанія всеобщихъ частей врачебной науки“, соч. Іоанна Меллера, Спб. 1792; 2) „Практическая медицина, или книга о познанiи и леченiи болѣзней“, соч. Христ. Селла, Спб. 1802 г.; 3) „Наставленiе естествословія человѣческаго для руководства при преподаванiи“, соч. Гр. Прохаски, Спб. 1809—1810; 4) „Обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго естествопознанiя“, изъ соч. Окена, Спб. 1815; 5) „О свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состоянiяхъ всемірнаго элемента“, соч. Окена, Спб. 1816; 6) „Описанiе главныхъ дѣятельныхъ водъ въ Германiи“, соч. Гуффеланда, Спб. 1816; 7) „Физиологiя, или наука о естествѣ человѣческомъ“, соч. герра Прохаски, Спб. 1822; 8) „Общая патологiя“, соч. Филиппа Гартмана, Спб. 1825; 9) „Философія, относящаяся къ жизни цѣлыхъ народовъ и каждаго человѣка“, соч. Іосифа Голуховскаго (профес. бывшаго Виленскаго университета), Спб. 1834 г. Кромѣ того Великій помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европѣ“ за 1814 г. статью „О солнцѣ, свѣтѣ и теплотѣ“ (№ IX, 16—29).

(67) Къ стр. 447.—Сочиненiя и переводы Лодія: „Логическія наставленiя, руководствующія къ познанiю и различiю истиннаго отъ ложнаго“, 1818 г.; „Теорiя общихъ правъ“, 1828; переводъ „Нравственной философiи“ Баумейстера, Львовъ 1790; „Частное естественное право“ Цейлера, 1809; „Первая часть уголовного права“, соч. Фейербаха, 1810 г.

(68) Къ стр. 457.—Философскія статьи Давидова помѣщены въ журналахъ: „Свѣтъ Отечества“: „Образованіе и усовершенствованіе познаній философскихъ въ новыя времена“ (1819 г. LI, 212 и 222, и LII, 62—69); отрывокъ изъ его введенiя къ исторiи философiи; въ „Вѣстникѣ Европѣ“: „О цѣли, принципахъ и образцахъ филологическаго критики“ (1816, № 1); Блеровъ 38-й урокъ (1815); „Первыя успѣхи ума въ познанiяхъ философскихъ, раздѣленіе философiи на секты“ (1818, № 3); „Первыя опыты философозъ, блистательныя успѣхи философiи“ (№ 4); „Дальнѣйшая судьба философiи и возрожденіе наукъ у арабовъ“ (№ 5); „Новое образованіе и совершенствованіе познаній философскихъ“ (№ 7); „Ложково объясненіе понятій“ (1819, №№ 7 и 8); „Секта пнеогорейцевъ“ (№ 9); „Духъ секты Сократовой“ (№ 10); „О логикѣ“ (1820, 2); „Идеологiя“ (№№ 3 и 9); „Аналитика“ (№№ 7 и 8); переводъ изъ рѣчи Давидова на латинскомъ языкѣ о греческой и римской философiи (1820). Въ 1822 году разборъ сочиненiя Сольгера: „Ервинъ, или четыре разговора объ изящномъ и искусствахъ“, перев. изъ „Jenaische Allgem. Litt.-Zeitung“ (апрѣль, 1822), подъ псевдонимомъ Мемнонь; разборъ Варнеевъ сочиненiя Бонстеттена: „Ученіе о человѣкѣ“—помѣщенъ безъ подписи и какъ дополненіе къ нему „Афоризмы нравственнаго любу мудрiи“, подъ псевдонимомъ Мемнона (№№ 9, 10, 11 и 12); въ „Москвитянинѣ“: „Возможна ли у насъ германская философiя“ (1841). Кромѣ того Давидовъ написалъ латинскую диссертацію: „Commentatio de natura ac indole philosophiae Graecorum et Romanorum“.

(69) Къ стр. 459.—Сочиненiя Шада: рѣчь 1806 г. о верховной цѣли человѣчества; рѣчь 1807 de vi philosophiae in reliquis scientiis; 1811 institutiones logicae; 1812 рѣчь о томъ, что въ нынѣшнее время основательное изученіе философiи всѣмъ нужно; 1813 окончена нѣмецкая хрестоматiя, составленная профес. Шадомъ и Роммелемъ; 1814

рѣчь de libertate Europae vindicata; 1814 philosophiâ juris sive jus naturae purum; 1815 рѣчь на торжественномъ актѣ: de viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum; латинская хрестоматія (см. „Истор. стат. зап. о Харьковскомъ университетѣ“ Фойгта). Г. Сухомлиновъ и Лавровскій бросаютъ невыгодную тѣнь на нравственныя качества Шада; но едва ли это справедливо и во всякомъ случаѣ недостаточно основательно. Г. Сухомлиновъ говоритъ, что Шадъ, бѣжавшій изъ католическаго монастыря, былъ совершенный циникъ, у котораго бенедиктинскія монашескія привычки не совсѣмъ прикрывались русскимъ мундиромъ (стр. 96). Едва ли такой отзывъ можетъ быть надлежащимъ образомъ обслѣдованъ: это скорѣе фраза, нежели дѣло. Г. Лавровскій ставитъ на счетъ Шада, что онъ имѣлъ въ университетѣ непріятности съ профес. Дюгуромъ (переименовавшимъ себя въ Дюгурова) и нажилъ два дома въ Харьковѣ. Дюгуръ былъ извѣстный доказанный проходимецъ. Онъ былъ въ Казани любимцемъ Магницкаго; переведенный въ Петербургъ, онъ сталъ на сторону Руинча противъ своихъ товарищей, при извѣстномъ разгромѣ Петербургскаго университета; онъ не только читалъ лекціи въ духѣ тогдашней реакціи, но съ большою ловкостью защищалъ ея вторженіе въ область науки въ своихъ университетскихъ рѣчахъ (рѣчь Дюгура, приведенная Сухомлиновымъ). Шадъ легко могъ нажить дома въ Харьковѣ, потому что онъ издавалъ латинскія хрестоматіи, вводившіяся какъ обязательное руководство во всѣ среднія учебныя заведенія: еще въ сороковыхъ годахъ я началъ учиться по книгѣ Шада „de viris illustribus“, которая не миновала рукъ ни одного изъ учившихся въ то время. Ставить Шаду въ вину, что онъ послѣ изгнанія изъ Россіи поднялъ такой крикъ и устными и печатными жалобами, что возбудилъ къ себѣ участіе Шиллера и Гёте и добился отъ русскаго правительства вознагражденія за убійки. Но на это Шадъ имѣлъ полное право и остается только пожалѣть, что другіе находившіяся въ томъ же положеніи не нашли такой сильной протекціи. Кромѣ того г. Сухомлиновъ неправильно утверждаетъ, что Шадъ, возвратившись изъ Россіи, по рекомендаціи Гуфеланда, получилъ катедру въ Берлинѣ: Шадъ занялъ мѣсто профессора философіи въ Іенѣ. Прибавимъ къ этому, что, по отзыву, помѣщенному въ историко-философскомъ словарѣ Ноага, философскія сочиненія, изданныя Шадомъ въ Россіи на латинскомъ языкѣ, никакого научнаго значенія не имѣютъ.

(70) Къ стр. 468.—Обозрѣніе десяти лекцій, читанныхъ Мерзляковымъ въ 1812 г., помѣщено въ „Вѣстн. Евр.“ 1872 г., ч. 63, № 9, стр. 59; въ томъ же году отрывки изъ лекцій „о талантахъ стихотворца“, ч. 65, № 19, 204; „о гениі, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ“, ч. 66, № 21, 24, № 23, 192. О лекціяхъ читанныхъ въ 1816 г.: къ любителямъ и любительницамъ отечественной словесности, объявленіе о публичныхъ лекціяхъ, „Вѣстн. Евр.“ 1815 г., ч. 84, № 23, 237; самыя лекціи помѣщены въ „Вѣстн. Евр.“ на 1817 г.; разборъ трагедіи „Поликсена“, Озерова, ч. 91, № 4, 269; ч. 92, № 5, 17; оперы „Мельникъ“, Аблесимова, ч. 92, № 6, 113; „Единъ въ Аоннахъ“, Озерова, ч. 92, № 8, 267; ч. 93, № 9, 24.

(71) Къ стр. 477.—Вотъ перечень журнальныхъ статей Павлова: *Вѣстникъ Европы* 1825: „Возможность и польза науки сельскаго хозяйства“, № 20; *Мнемозина*: ч. IV, стр. 1—34: о способахъ изслѣдованія природы, безъ подписи; *Атепей*: 1828: о взаимномъ отношеніи свѣдѣній опытныхъ и умозрительныхъ, разговоръ первый, I, 2—15, второй II, 1—19; о различіи между изящными искусствами и науками, V, 2—11; о предметѣ физики, VI, 129—141; содержаніе и расположеніе физики, VII, 253—263; 1830: статьи изъ словаря наукъ: философія трансцендентальная и натуральная, IV, 386—392; планъ (форма) науки, VIII, 104—110; системы физики атомическая и динамическая, IX, 185—192; минералогическая система, X, 248—255; теорія общихъ свойствъ тѣлъ, основанная на динамическомъ понятіи о веществахъ, отрывки изъ фи-

звѣи, № XIX, 1—50; 1828: московское заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, XIII, 98—101. Кромѣ того Павловъ помѣстилъ въ „Атеней“, подъ псевдонимомъ: *ca—ca* 1828 г. полемическую статью противъ Полеваго, выступившаго противъ него въ „Московскомъ Телеграфѣ“: отвѣтъ на возраженія „Московского Телеграфа“ (въ № VI, 1828 г.), XI, 333—356; „Отечественныя Записки“ 1839 г.: общій чертежъ наукъ, № 7.

(79) Къ стр. 493.—Писареву не посчастливилось, имя его совершенно забыто, а между тѣмъ онъ имѣлъ извѣстное значеніе въ литературѣ своего времени. Много подробностей о немъ сохранилось въ „Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ“ С. Т. Аксакова. Писаревъ родился въ 1803 году и происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда. Еще въ Благородномъ пансіонѣ, несмотря на восемнадцатилѣтнюю молодость, блестящій острый умъ Писарева былъ уже серьезенъ и глубокъ. Вся пансіонская молодежь признавала его превосходство и всѣ, кто его зналъ, смотрѣли на Писарева какъ на будущаго славнаго писателя; его проза и стихи превозносились не только товарищами и начальствомъ, но и всѣми; театр, литература были его призваніемъ, страстью, жизнью. По словамъ К. А. Полеваго, Писаревъ былъ надѣленъ блестящимъ стихотворнымъ дарованіемъ и съ малолѣтства почти эспронтотъ писалъ легкіе, звучные стихи. Въ Университетскомъ пансіонѣ онъ былъ любимцемъ директора Прокоповича-Антонскаго и читалъ свои стихи въ публичныхъ собраніяхъ Общества любителей россійской словесности, гдѣ онъ постоянно былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ и печаталъ свои стихи въ его „Трудахъ“ („Записки“, 102—103). Писаревъ еще въ пансіонѣ былъ извѣстенъ рукописными сатирами и эпиграммами, въ которыхъ онъ не щадилъ никого: ни самого Антонскаго, ни тогдашнихъ литературныхъ корифеевъ, ни своихъ товарищей; между прочимъ онъ написалъ остроумную пародію на „Пѣвца во станіи русскихъ воиновъ“, гдѣ героями онъ представилъ московскихъ ученыхъ и литераторовъ. Въ пансіонѣ Писаревъ былъ очень друженъ только съ однимъ товарищемъ, Юшневскимъ, и вышелъ вторымъ: имя его осталось на золотой доскѣ. Первоначальныя свои стихотворныя опыты Писаревъ началъ въ „Синѣ Отечества“, а затѣмъ во многихъ другихъ петербургскихъ и московскихъ изданіяхъ. Вотъ библиографическое указаніе статей, помѣщенныхъ Писаревымъ въ современныхъ изданіяхъ: 1820 г.: *Смыслъ Отеч.*: „Фениксъ изъ Мильвуа (61, 33); „Бѣднй негръ“ (62, 33); Эпиграммы (35); первая два дѣйствія изъ комедіи „Проканники“ (Les Eturgies) Андриѣ (65, 122); Эпиграммы (231).—1821 г.: „Вѣстникъ Европы“: „Къ молодому любителю словесности“, сатира (VII и VIII, 174—183); „Геній“ (IX, 18—29); „Къ богатому сосѣду (XIX, 179—184); „Соревнователь“: „Маріи на развалинахъ Кароагена“ (III, 92).—1822 г.: „Вѣстникъ Европы“: „Разсказъ Терамена изъ Федры“, Расина (I, 180—183); Эпиграммы (184); „Второе посланіе къ молодому любителю россійской словесности“ (II, 208—218); „Къ В. И. Г—ну“, (VI, 177—182); „Соревнователь“: „Пиршество побѣдн“ посвящено Гнѣдичу (I, 72); „Жизнь“ изъ Демуте (II, 106); „Элегія“ (II, 210); „Бедринское озеро“ (III, 84); „Воспоминаніе“ (IV, 75).—1823 г.: „Вѣстникъ Европы“: „Пиръ мудрецовъ“ (I, 3—11); нѣсколько сценъ изъ „Лукавина“, комедія Шеридана „Школа злословія“ (V, 3—23, 80—103).—Прозою: „Замѣчанія на новый переводъ Федры“, Чеславскаго (II, 290—298); „Благодарность артистамъ за выполненіе „Лукавина“ (V, 233—234).—1824 г.: „Вѣстникъ Европы“: „Къ Тигелину“ (I, 3—8); „Къ другу, недовольному судьбой“ (II, 3—7); Прозою: „Еще разговоръ между двумя читателями „Вѣстника Европы“ (II, 306—313); „Синѣ Отечества“: „Отвѣтъ на замѣчанія Полеваго“ (103, 84). Прозою: „Имя Кошечичъ, старинный писатель“ (IV, 44); „Изъ Оссиана“ (IV, 61).—1828 г.: „Атеней“: „Похвальное слово Капнисту“ (V, 56); послѣдніе куплеты изъ водевилъ „Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки“ (III, 17); Романсъ „16 лѣтъ въ Парижѣ“ (тамъ же 18). Въ „Драматическомъ альбомѣ для любителей театра и музыки“

на 1826 годъ, изданномъ А. Писаревымъ и А. Верстовскимъ (М. 1826 г.), помѣщены слѣдующія статьи самого Писарева, въ первой книжкѣ: „Разговоры одного изъ издателей „Драматическаго альбома“ съ будущимъ читателемъ онаго; изъ водевиля „Хлопотунъ, или дѣло мастера бонтса“; изъ водевиля „Тридцать тысячъ человекъ, или находка хуже потери“; изъ водевиля „Встрѣча дилижансовъ“; „Нѣсколько сценъ въ кондитерской лавкѣ“; прологъ къ комедіи „Христофоръ Колумбъ“. Писаревъ былъ дѣятельнымъ членомъ общества любителей россійской словесности и въ „Трудахъ“ его помѣстилъ много своихъ стихотвореній. Кромѣ того въ полемикѣ, происшедшей между петербургскими и московскими журналами относительно Грибоѣдова, Писаревъ принялъ сторону М. Дмитриева и помѣщалъ въ „Вѣстникѣ Европы“ статьи подъ именемъ Пиллада Бѣлугина (Письмо кн. Одоевскаго къ Кюхельбекеру, „Русская Старина“ 1788 г., декабрь, 595).—Въ 1822 г., при образованіи отдѣльной театральной дирекціи, Писаревъ опредѣлился на службу дирекціи переводчикомъ и помощникомъ репертуарнаго члена Арсеньева; успѣхи поставленныхъ имъ пьесъ на сценѣ увлекли Писарева и скоро онъ утонулъ въ закулисномъ мірѣ. Изъ литературныхъ кружковъ Писаревъ принадлежалъ преимущественно къ театральному кружку, гдѣ главную роль играли Кокоскинъ и впоследствии Шаховская и куда привладежали Загоскинъ и М. Дмитриевъ; впоследствии кружокъ этотъ применилъ къ созданному Павловымъ журналу „Атеней“. Кружокъ Рачка, гдѣ собрались главнымъ образомъ воспитатели и товарищи Писарева по университетскому пансіону, повидимому, мало привлекалъ къ себѣ Писарева, такъ какъ онъ совершенно расходился въ убѣжденіяхъ съ членами кружка. Но Писаревъ посѣждалъ и этотъ кружокъ и здѣсь встрѣтился съ Полевымъ. Въ 1825 и 1826 годахъ, говоритъ С. Т. Аксаковъ, Писаревъ сдѣлался блистательнымъ водевилистомъ; водевили были всѣ переводные, но куплеты оригинальны и такъ хороши, что до сихъ поръ остаются лучшими водевильными куплетами. Всѣ приспособленные къ тогдашнему направленію литературной полемики, остроумные, колкіе и даже злые, они скоро доставили Писареву обольстительное титуло—любимца московской публики. Первымъ трудомъ Писарева для театра былъ переводъ стихами съ французскаго комедіи „Проказники“, а первый водевиль, переведенный Писаревымъ, „Лоттерей“ не поступилъ на сцену. 24 апрѣля 1824 года былъ разыгранъ водевиль „Учитель и ученикъ“, или въ чужомъ пиру похмѣлье“, имѣвшій блестящій успѣхъ; и затѣмъ послѣдовалъ рядъ театральныхъ пьесъ Писарева, изъ которыхъ, по воспоминаніямъ С. Т. Аксакова, особеннымъ успѣхомъ у современниковъ пользовались: „Хлопотунъ“, „Дядя на прокатъ“, „Двѣ записки“, „Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки“, „Средство выдавать дочерей замужъ“—послѣдняя театральная пьеса Писарева. Писаревъ передѣлалъ стихами комедію Шеридана „Школа злословія“ и назвалъ ее „Лукавинъ“, по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ, и передѣлалъ также стихами на русскіе нравы французскую комедію „Voyage à Dieppe“ подъ именемъ „Поѣздки въ Кронштадтъ“. Ловгиновъ, въ „Биографическихъ запискахъ“, передаетъ, что въ его библиотекѣ собраны въ 2-хъ томахъ всѣ написанныя пьесы, числомъ 10, составляющія большую рѣдкость; между тѣмъ многія, имѣвшія большой успѣхъ, наприм. „Проситель“, „Три десятки“,—не были вовсе печатаны. У Писарева задуманъ былъ планъ большой комедіи „Христофоръ Колумбъ“, но онъ успѣлъ написать только одинъ актъ. Послѣднее предсмертное произведеніе Писарева было похвальное слово Капнисту, прочитанное С. Т. Аксаковымъ въ Обществѣ любителей россійской словесности. Кромѣ того въ 1826 г. вышелъ драматическій альбомъ для любителей театра и музыки на 1826 годъ, издали А. Писаревъ и А. Верстовскій. Въ театральныхъ запискахъ Н. И. Куликова, въ журналѣ „Искусство“, рассказывается, между прочимъ, что Писаревъ, получивши за свою комедію „Лукавинъ“ 2.000 р.,—несмотря на то, что онъ жилъ своимъ небольшимъ жалованьемъ въ каче-

ствѣ переводчика при театральной дирекціи, — пожертвовалъ половину воспитанникамъ и воспитанницамъ, отличившимся на экзаменѣ. Въ знакъ своей привязанности къ Писареву, когда ставилась послѣдняя его комедія-водевиль „Пять лѣтъ въ два часа“, артисты отправились на послѣднюю репетицію на домъ къ Писареву, уже не встававшему съ постели, и на этой репетиціи присутствовали Кокошкинъ и кн. Шаховской. Самими яркими противникомъ Писарева былъ Н. А. Полевой. Начало этой вражды, говорить К. А. Полевой въ своихъ „Запискахъ“, произошло вслѣдствіе того, что Н. А. Полевой, писавши въ „Отечественныхъ Запискахъ“ объ одномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, упомянулъ, что, между прочимъ, тамъ читалъ свое стихотвореніе А. И. Писаревъ, и что этотъ молодой стихотворецъ, съ несомнѣннымъ дарованіемъ, идетъ ложнымъ путемъ, заботится только о звонкихъ стихахъ, не имѣетъ опредѣленнаго характера и не выражаетъ ничего поэтически... Одного этого замѣчанія довольно было для раздражительнаго Писарева: онъ возненавидѣлъ Н. А. Полевого и до конца жизни своей колотъ и жалитъ его, гдѣ только могъ (104). Въ мартѣ 1826 года Писаревъ издалъ, теперь очень рѣдкую, брошюру „Анти-Телеграфъ“ (34 стр.), гдѣ онъ опровергаетъ нападки на него Полевого и въ свою очередь подвергаетъ критикѣ журналъ послѣдняго. Съ литературной почвы Писаревъ перенесъ свою полемику съ Полевымъ на театральные подмостки и сдѣлалъ изъ него bête noire своихъ водевильныхъ куплетовъ. Но публика, какъ видно изъ „Записокъ Полевого“, не всегда принимала сторону Писарева и его нападки иногда, наоборотъ, доставляли неожиданное торжество Полевому. Вотъ въ видѣ образчика куплетъ Писарева на Полевого, приведенный Аксаковымъ:

Журналистъ безъ просвѣщенія
Хочетъ умникомъ прослыть;
Самъ, не кончивши ученія,
Всѣхъ пускается учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожить...
Не пора-ль ему шепнуть,
Что учить никакъ не можетъ
Кто учился какъ-нибудь?

Но, несмотря на эту желчную полемику, современные критики признавали въ Писаревѣ талантливаго писателя. Противникъ Писарева, по связямъ своимъ съ Полевымъ, кн. Вяземскій характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „Писаревъ былъ ловкій переводчикъ французскихъ водевилей и неутомимый поставщикъ ихъ на Московскую сцену, которая ими только и жила. Вообще онъ былъ не безъ дарованія, но, вѣроятно, вслѣдствіе болѣзненнаго организма былъ раздражителенъ и желченъ“ (Соч. VII, 338). „Московскій Вѣстникъ“ отзывался о немъ слѣдующимъ образомъ: „А. Писаревъ былъ человекъ съ талантомъ. Еслибы не куцисная жизнь и мелкія литературныя суетни, онъ, статья можетъ, въ исторіи русской поэзіи оставилъ бы значительное имя; но его погубили ранніе успѣхи, вскружившіе ему голову, заставившіе его слишкомъ много думать о себѣ, когда онъ на то не приобрѣлъ еще никакого права (XIV, 84). Писаревъ умеръ 15 марта 1828 года, 26 лѣтъ, отъ чахотки.

(78) Къ стр. 498. — Г. М. Яценко напечаталъ слѣдующіе переводы: 1) „Мейстрови повѣсти и разговоры“, 3 части, М. 1796—1799; 2) исторіи кораблекрушеній или собраніе любопытныхъ повѣствованій о кораблекрушеніяхъ, зимованіи, пожарахъ, голодѣ и другихъ несчастныхъ приключеніяхъ, случившихся на морѣ, извѣстныхъ свѣту отъ XV вѣка доннаго, съ франц. 3 ч. М. 1799 — 1800; 3) „Каролина Лихтвельдъ“, соч. г-жи , выданная на французскомъ языкѣ переводчикомъ Вертера, М. 1800 г.

2 издание съ именемъ автора г-жи Монтолье, 3 ч. М. 1816; 4) „Отеческіе совѣты моей дочери“, соч. Кампе, пер. съ нѣм. 2 ч. С.-Пб. 1803—1804; 5) „Евгеній Ротель“, соч. графини Е***, 2 ч. С.-Пб. 1808; 6) „Битъ Франціи, или коварная и вѣроломная система правленія высшаго повелителя французовъ“, соч. Фабера, пер. съ франц., С.-Пб. 1813 г.—Вмѣстѣ съ П. Макаровымъ Яценко перевелъ съ франц. „Антеноровы путешествія по Греціи“, изданныя Лантье, 3 т. М. 1802 г. Яценко, живя въ Москвѣ, принималъ большое участіе въ современныхъ журналахъ. Его именемъ обозначена въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ (1794—1798) басня „Орелъ и бабочка“ (ч. VI, 14), пер. изъ Козегартена „Гробы въ Дустрѣ“, древняя погѣсть, и „Смертная пѣснь Реднера Лодброга, короля датскаго“ (VIII, 329, 341); Барневельтъ къ Труману; къ Леліи, при выступленіи весны; „Четыре возраста человѣческіе“; пѣсня „Воспоминаніе“ (XI, 369, 385, 394, 406, 410); „Роза“; „Сонеты“ (ч. XII, 14, 47); „Чудное дѣйствіе воображенія“ изъ Мейснера; „Радуга знакъ мира“; „Вѣсть и есть“, Гедике (XVI, 121, 125); „Мѣдъ звенящая“ (XVII, 353).

(74) Къ стр. 515. — Ив. П. Алякринскій, воспитанникъ Московскаго университета, служилъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища въ Костромѣ и преподавателемъ въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей тамъ же. Онъ помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1827 годъ стихотвореніе „Ольга, или осада Коростена“ (№ 2, стр. 117); за 1830 годъ „Усадовы гусли“ (№ 13, стр. 31) и кромѣ того издалъ отдѣльно романтическую поему „Рогіяда“. Каченовскій, въ примѣчаніи, говоритъ: „присыль вниманія и снисхожденія къ возникающему таланту“. Поэма „Рогіяда“ не представляетъ ничего выдающагося, но она нисколько не хуже, если не лучше, многихъ, въ то время замѣченныхъ, но теперь забытыхъ произведеній эпохи тридцатыхъ годовъ.

(75) Къ стр. 523. — Въ полемикѣ о „Русланѣ и Людмигѣ“, — поэмѣ, поразившей литературную среду небывалымъ до того введеніемъ народнаго сказочнаго міра, этой области пресираемаго *подлаго* народа и вызвавшей сужденія болѣе или менѣе строга, — защитникомъ произведенія Пушкина въ „Синѣ Отечества“ явился П. К. — въ (Корсаковъ), который въ отвѣтъ Воейкову разбиваетъ тупыя и невѣрные сужденія послѣдняго.

(76) Къ стр. 528. — Перечень журналовъ, выходившихъ съ 1812 по 1830 годъ: Важнѣйшія правительствен. изданія: „Conservateur Imperial“ на франц. языкѣ—отъ министерства иностранныхъ дѣлъ съ 1825 г.; „Journal de St. Pétersbourg politique et litteraire“, продолжающійся до сихъ поръ; „Русскій Инвалидъ“, съ февраля 1813 до 1821 г. изд. Пезаровіусъ, а съ 1823 года редакцію принялъ на себя А. Ф. Воейковъ; „Журналъ военный“, издавался при главномъ штабѣ ежемѣсячно книжками и продолжался до 1819 г., а съ 1826 года началъ издаваться подъ тѣмъ же заглавіемъ отъ военнотученаго комитета при главномъ штабѣ; „Журналъ департамента народнаго просвѣщенія“, замѣнившій періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, издаваемый съ 1821 по 1828 г. Н. Ф. Остолоповымъ, а съ этого времени опредѣлено было издавать вмѣсто журнала книги въ неопредѣленное время; „Журналъ департамента мануфактуръ и торговли“, издававшійся съ 1825 года подъ редакціею Яценко; „Коммерческая Газета“ (она же и на нѣмецкомъ языкѣ), замѣнившая „Коммерческія Вѣдомости“, издававшіяся съ 1803 по 1809 г. отъ бывшаго министерства коммерціи, издавалась до 1825 отъ департамента внешней торговли; „Горный журналъ“ съ 1826 г.—отъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ; „Журналъ путей сообщенія“ (онъ же и на французскомъ языкѣ)—отъ департамента путей сообщенія; „Сѣверная Почта“—отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, замѣнившая „С.-Петербургскій Вѣстникъ“, издававшійся въ 1804 г. подъ редакціею Баккаревича, продолжалась до 1820 года; „Хри-

стіанское Чтеніе“, издававшееся при С.-Пб. духовной академіи съ 1821 года, съ мистическимъ направленіемъ въ первые годы.

Изданія обществъ и частныхъ лицъ:

Въ С.-Петербургѣ:—1812: „Журналъ правовѣднія“, изд. Бар. Беллинсгаузенъ, одна книжка; „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ (стр. 303).—1815: „Кабинетъ Аспазіи“, журн. литер., изд. Б. М. Федоровъ, А. Рихтеръ, Бакиревъ и Исавовъ (вышло всего 6 книжекъ); „Духъ журналовъ“ (стр. 497); „Демокритъ“, сатирическо-литерат. журналъ, изд. А. Кропотовъ (6 книжекъ).—1816: „Пантеонъ славныхъ російскихъ мужей“, изд. въ теченіе одного года А. Кропотовъ; въ 1818 г. оны были возобновлены П. Н. Свинынымъ и продолжались также одинъ годъ; „Духовный годъ жизни христіанина“, изд. Як. Уткинъ, 24 книжки, одинъ годъ.—1817: „Журналъ человѣколюбиваго Общества“, изд. комитетомъ по ученой части, ежемѣсячный „Сіонскій Вѣстникъ“, стр. 170; „Волшебный Фонарь“, изд. въ теченіе года П. Петровымъ,—это было собраніе картинокъ и описаній петербургскихъ разнощиковъ, мастеровыхъ, извозчиковъ и пр.; „Русскій Пустынникъ, или наблюдатель отечественныхъ нравовъ“, ежемѣсячный, въ подражаніе „Пустынникамъ“ Жюи, переименованный съ 1-го іюля въ „Сѣверный Наблюдатель“, издавались Корсаковымъ.—1818: „Благонамѣренный“, стр. 530; „Соревнователь благотворенія и просвѣщенія“, стр. 541; „Журналъ древней и новой словесности“, изд. В. Н. Олинъ, ежемѣсячно 2 года.—1820: „Невскій Зритель“, стр. 543; „Отечественныя Записки“, стр. 550.—1821: „Рецензентъ“, литературно-критическая газета, изд. В. Н. Олинъ (20 №№).—1822: литературныя прибавленія къ „Сыну Отечества“, изд. Княжевичемъ, стр. 526; „Сѣверный Архивъ“, стр. 567.—1823: „Новости русской литературы“, ежемѣсячныя безплатныя прибавленія при „Инвалидѣ“, А. Ф. Воейкова (1823—1826), стр. 568; „Литературныя листки, журналъ нравовъ и словесности при Сѣверномъ Архивѣ“, издававшіеся Булгариннымъ (1823—1825), стр. 561.—1824: „Журналъ изящныхъ искусствъ“, стр. 564; „Извѣстія о дѣйствіяхъ и успѣхахъ Библейскихъ Обществъ“.—1825: „Сѣверная Пчела“, политическая и литературная газета, изд. Гречемъ и Булгариннымъ; „Библиографическія листки“, изд. періодически Кёппеномъ.—1827: „Славянинъ“, изд. А. Ф. Воейковымъ (1827—1828), стр. 568.—1828: „С.-Петербургскій Зритель“, изд. Б. М. Федоровымъ.—1829: „Бабочка“, дневникъ новостей, относящихся до просвѣщенія и общежитія, два раза въ недѣлю, изд. Вас. Серг. Филимонова; этотъ Филимоновъ—авторъ стихотворной поэмы „Дурацкій колпакъ“, появлявшейся періодически.

Въ Москвѣ:—1815: „Амфіонъ“, стр. 468—469; „Россійскій Музеумъ“, изд. В. В. Измайловымъ, литературно-критическій журналъ, продолжался одинъ годъ; „Современный Наблюдатель російской словесности“, изд. студ. П. М. Строевымъ съ марта до конца іюля, 18 номеровъ.—1816: „Модный Вѣстникъ“, изд. Зубовымъ, съ 1 іюля 1816 г. по 1 января 1817 г. вышло 36 книжекъ съ картинками модъ; въ 1817 г. издатель переимѣнилъ заглавіе и издалъ 4 книжки подъ именемъ „Всеобщій модный журналъ“; „Другъ россиявъ и ихъ единоплеменниковъ обоаго пола“, издавалъ учитель Орловской семинаріи Ферд. Ор. Ошменъ (1816—1817).—1823: „Дамскій журналъ“, съ 1823 по декабрь 1833 включительно, 44 части, стр. 569.—1825: „Московскій Телеграфъ“, изд. Полевымъ.—1828: „Русскій Зритель“, стр. 513. „Московскій Вѣстникъ“, ч. II, стр. 219; „Атеней“, стр. 476.—1829: „Галатея, журналъ литературы, новостей и модъ“, изд. Ранчемъ, въ 1829 г. издано 10 частей и затѣмъ въ 1830 году вышло 9 частей. Всѣ эти 19 частей in 8^о и къ каждой части приложена раскрашенная картинка модъ. Затѣмъ произошелъ перерывъ и только въ 1839 году явилось шесть томовъ in 16^о, подъ заглавіемъ: „Галатея, журналъ наукъ, искусствъ, литературы, новостей и модъ“. Въ 1840 году журналъ сталъ выходить ежемѣсячно in 4^о и съ 12 января по 16 ноября вышло всего 17 №№, составившихъ одинъ тощій томъ.

Провинціальніе журналы:

„Уранія“, ежемѣсячный журналъ, издавалъ въ Калугѣ учитель Зеленецкій 1804 г.; „Казанскія Извѣстія“, газета литературно-политическая, издававшаяся при университетѣ съ 1811 по 1820 годъ; „Харьковскій Еженедѣльникъ“, изд. книгопродавецъ Лангеръ 1812 (12 лст.); „Восточныя Извѣстія“, газета, выходившая въ Астрахани 1813 г.; „Харьковскій Демокритъ“, издававшійся въ 1816 г., худшій журналъ по своему неблагонамѣренному направленію; „Украинскій Вѣстникъ“: его издавали сначала (1816 и 1817 г.) кандидатъ Филомафитскій, Гонорскій и Квитка, въ 1818 г.—Филомафитскій и Квитка, въ 1819 г.—Филомафитскій; въ 1824 и 1825 годахъ „Вѣстникъ“ издавалъ отъ Харьковского университета А. В. Сябловскій; „Сибирскій Вѣстникъ“ съ 1818-го до 1825 г. издавалъ Г. И. Спасскій, а потомъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1825—1828)—„Азиатскій Вѣстникъ“; „Казанскій Вѣстникъ“ издавался съ 1821 до 1827 г. при университетѣ; „Украинскій Журналъ“, изд. Сябловскій въ 1823 и 1824 годахъ; „Калужскіе Вечера“, изд. ген.-м. А. Писаревымъ, впоследствии почитателемъ Московскаго университета, 1825 г., 2 тома; „Одесскій Журналъ“, газета коммерческая, на французскомъ и русскомъ языкахъ, издавалась съ 1827 года.

(77) Къ стр. 529.—Перечень альманаховъ:

Изданы въ С.-Петербурѣ: „Полярная Звѣзда“, изд. А. Бестужевъ и К. Рыгѣевъ, 3 книжки, 1823-го, 24 и 25 год.—„Русская Старина“, карманная книжка для любителей отечественнаго, изд. А. Корниловича, 1825. — „Русская Телія“, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра, изд. Ф. Булгарина, 1825 года.—„Сѣверные Цвѣты“, изд. Б. Дельвигомъ, 7 книжекъ, 1825—1832. — „Невскій альманахъ“, изд. Е. Аладьинимъ, 7 книжекъ, 1825—1832.—„Календарь музъ“, составленный А. Измайловымъ и П. Яковлевимъ, 1825, 1826, 1827.—„Подарокъ дѣтямъ“ 1827 года.—„Спирюсъ“, изд. Бестужевымъ-Рюминимъ, 1827.—„Дѣтскій цѣтникъ“, изд. Б. Фодоровимъ, 1827.—„Драматическій альманахъ“, изд. г. Ивановимъ, 1828.—„Памятникъ отечественныхъ музъ“, альманахъ для любителей словесности, изд. Б. Фодоровъ, 1828.—„Альбомъ сѣверныхъ музъ“, изд. А. И., 1828. — „Подснѣжникъ“, издан. Е. Аладьина, 1829 и 1830.—„Букетъ“, карманная книжка для любителей и любительницъ театра, издан. Е. Аладьинимъ на 1829 г.—„Сѣверная Звѣзда“, 1829.—„Карманная книжка для любителей русской словесности“, изд. В. Н. Олимпъ, на 1829 г.—„Царское Село“, изд. И. Коншинъ и Б. Ровенъ на 1830.—„Альманахъ театральнй“ на 1830.—„Русскій альманахъ“, изд. на 1832 и 1833 г. В. Эртель и А. Глѣбовъ, въ одномъ томѣ.—„Комета Бѣль“, на 1833 г.—„Утренняя Заря“, изд. В. Владиславлева, 1838—1843.—„Невскій альбомъ“, изд. Бобылевъ.—Альманахъ на 1841 г., изд. Б. Ровенъ.—„Метеоръ“, на 1845 г., изд. М. Д. Ольхинъ.—„Первое апрѣля“, комическій иллюстрированный альманахъ 1846 г.

Изданы въ Москвѣ: „Аглая“, изд. Карамзинимъ, 1794 г.—„Аониды“, изд. Карамзинимъ, 3 книжки, 1796—1799.—„Новыя Аониды“, изд. Погодинимъ, 1823 г.—„Драматическій альбомъ для любителей театра и музыки“, изд. А. Писаревимъ и Верстовскимъ, 1826.—„Уранія“, карманная книжка для любителей и любительницъ российской словесности, изд. Погодинимъ, 1826 г.—„Московский альманахъ для юныхъ гражданъ или новая ручная энциклопедія“, съ картинками, изд. С. Н. Глинкою, 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 гг.—„Альманахъ для прѣзжающихъ въ Москву и для самихъ жителей“, на 1826 годъ.—„Сѣверная Лира“, изд. Ранчемъ и Ознобишинымъ, 1827 г.—„Незаблудочка“, изд. С. Н. Глинкою, 1827 г.—„Литературный Музеумъ“, изд. Влад. Измайловимъ, 1827 г.—„Московский альманахъ“, изд. С. Н. Глинкою, 1828 г.—„Радуга“, литературный и музыкальный альманахъ, изд. П. Араповимъ и Дм. Новиковимъ, 1830 г.—„Денница“, альманахъ, изд. Максимовичемъ, 1830, 1831 и 1834 г.—„Вѣнокъ“

градій“, альманахъ на 1829 г.—„Зимцера“, альманахъ на 1829 г.—„Цефей“, альманахъ на 1829 г.—„Комета“, изд. И. Селвановскимъ на 1830 г.—„Метеоръ“, альманахъ на 1836 г., изд. О. Соловьевымъ.—„Элизіумъ“, изд. П. Ювскимъ, на 1832 г.—„Цинтіа“, альманахъ на 1832 г.

Провинціальныя альманахи: „Астраханская Флора“, карманная книжка на 1827 г. изд. Н. Ровенмейеромъ.—„Енисейскій альманахъ“, изд. Ив. Петровымъ, Красноярскъ 1828 г.—„Подарокъ бѣднымъ“, альманахъ на 1834 г., изд. Новороссійскимъ женскимъ Обществомъ призрѣнія бѣдныхъ.

(78) Къ стр. 532. — Вотъ перечень всѣхъ стихотворцевъ, принимавшихъ участіе въ „Благонамѣренномъ“: Изъ числа болѣе или менѣе извѣстныхъ поэтовъ принимали участіе: Пушкинъ, Баратынскій, Д. Давыдовъ, Загоскинъ, Ив. Козловъ, Панаевъ, Кнхельбекеръ, Милоновъ, Ф. Глинка, Измайловъ, Б. Дельвигъ, В. Тумаскій, А. Бестужевъ, Плетневъ, К. Рыльевъ, гр. Хвостовъ, кн. Шапиковъ, Языковъ. А затѣмъ идетъ цѣлая фаланга такихъ, чьи имена рѣдко повторяются въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, а большинство и вовсе не повторяется.—1818: А. Родзянко, Анна Наумова, М. Яковлевъ, О. Рындовскій, Политковский, Ельчаниновъ, А. Маздорфъ, Ор. Сомовъ, В. Марковъ, Ник. Калайдовичъ, Абрамъ Норровъ, Хмѣльницкій, Н. Сушковъ, Ф. Бартоломеусъ, Грамматичъ, Самсоновъ.—1819: Томилинь, Н. Бѣлюстинъ, Н. Покровский, В. Кошловъ, П. Терлець, Ив. Кованько, Б. Фодоровъ, И. Великопольскій, М. Севриновъ, А. Дуровъ.—1820: В. Карпѣвъ, Н. Рейнсдорфъ, О. Бальдауръ, Остолоповъ, А. Богуславскій, Пл. Лонатинскій, Дм. Жеребцовъ, кн. Цертелевъ, С. Ивановъ, О. Булгаринъ.—1820: Дм. Шелеховъ, В. Орловъ, Дм. Глѣбовъ, Н. Анненковъ, К. Уманова, М. Загорскій, С. Нечаевъ, Кривичинъ, Н. Дубровинъ, Ал. Норровъ, Вал. Ивановъ, В. Тило, Вердеревскій, И. Чеславскій, Н. Кошвинъ.—1821: П. Межаковъ, В. Мысловскій, М. Хрулевъ, Старинкевичъ, В. Григорьевъ, А. Крыловъ, А. Иллческій, В. Филимоновъ, П. Кудряшевъ, Ив. Сибиряковъ, Аркадинъ (псевдонимъ), П. Вѣтринскій, Як. Ростовцевъ, Писаревъ, Ив. Богдановъ, Н. Брянцевъ, Словаревъ (псевдонимъ), Алексаша 9 лѣтъ.—1822: Басинъ, Соболевъ, Коставичъ, Дм. Богдановъ, Марья Даргомыжская, Ибрагимовъ, Вельюкай, А. Висковатовъ, П. Перовъ, Слѣпцовъ, Р. Зотовъ, Гр. Зотовъ, А. Степановъ, Пл. Ободовскій, В. Андросовъ, Бертелевъ, В. Томилинь.—1823: П. Шкляревскій, Над. Косоговская, Волковъ, А. Горькъ, Лузановъ, Н. Брюковъ, Вл. Дмитріевъ, Ир. Подшиваловъ, Бередниковъ, О. Беръ, Гр. Акуловъ, Н. Сновидовъ, Н. Дурново.—1824: Н. Толбасовъ, И. Георгіевскій, Клеоновъ, Илья Радожицкій, Таскинъ, Ив. Бутырскій, С. Губаповъ, Н. Скородумовъ, Бестужевъ-Рюминъ, Ив. Вороновъ, Н. Петровъ, Гревениць, В. Трубниковъ, И. Алякринскій, С. Лафертовъ, Степ. Степановъ, Н. Башмакинъ, Арк. Ивановъ, Е. Головлева 13 лѣтъ, Ив. Базилевскій, Германъ, П. Мечъ, И. Балле.—1826: А. Шидловскій, М. Богдановичъ, С. Олькинъ, Домонтовичъ, П. Клейменовъ, Кр. Мих. Сухановъ (псевдонимъ). Къ этому присоединяется столько же, если не болѣе, лицъ, обозначавшихъ свои имена буквами, цифрами и звѣздочками.

(79) Къ стр. 540.—М. В. Милоновъ (1792—1821), воронежскій дворянинъ и воспитанникъ Московскаго благороднаго пансіона. Службу свою Милоновъ началъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по департаменту мануфактуръ, а оттуда перешелъ къ И. И. Дмитріеву, когда послѣдній назначенъ былъ министромъ юстиціи. Милоновъ состоялъ тамъ съ 1810 до 1813 года, во время завѣдыванія министерствомъ Дмитріева, а затѣмъ въ 1813 году сдѣлался правителемъ канцеляріи у того же Дмитріева, назначеннаго (1813) председателемъ временной комиссіи для пособія пострадавшимъ жителямъ города Москвы. Въ 1816 г. Милоновъ вышелъ въ отставку, а въ 1819 г. поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ генераль-провіантмейстеру Абакумову. Милоновъ принадлежалъ къ числу людей не созданныхъ для службы; служба для него была

необходимым зломъ, которое дѣлаетъ людей пустыми и безсмысленными, по которому онъ долженъ былъ подчиняться, по волѣ отца и по нуждѣ, „этому ужасному бичу“. Незадолго до смерти, 20 февраля 1820 г., Милоновъ писалъ Ф. Граматину: „Послѣ долгаго боренія и непріятностей по службѣ со многими мерзавцами, изъ коихъ я не пады, по крайней мѣрѣ съ стихать моилъ, ни одного, начиная отъ перваго Рул—ва до послѣдняго Тур—ва, съ которымъ по несчастью продолжалъ мою послѣднюю службу, надѣясь на ложныя обнадеживанія сихъ мечтательныхъ и ничтожныхъ благодѣтелей, теперь служу при генералъ-провіантмейстерѣ. Человѣкъ простой и добрый, онъ сдѣлалъ для меня больше, чѣмъ всѣ прежніе мои начальники, покровители, меценаты словесности, не исключая и высокопревосходительнаго И. И. Дмитріева“ („Библиогр. Зап.“ 1859 г., т. II, 302—303). Оттого Милоновъ, по собственному признанію, велъ жизнь беспорядочную и предавался излишнему служенію Ваху. Цѣлю желаній Милонова были „совершенная независимость, покой и дружество“. Литература была любимымъ его занятіемъ: „Меня выбираютъ,— писалъ онъ въ 1810 году,— членомъ Общества любителей наукъ и словесности; хоть оно и пустое, но все лучше быть его членомъ, нежели застѣлемъ какого-нибудь нижняго суда“. Милоновъ жалуется, что служебныя занятія поощають все его время и не оставляють свободной минуты для поэзіи. Стихотворенія Милонова не обнаруживали въ немъ слишкомъ поэтическаго дарованія, но изъ нихъ сатиры замѣчательны проблесками гражданскаго чувства, которымъ одарена была молодежь александровскаго времени. Такова сатира его „Къ Рубемлію“ (1810), перепечатанная въ „Истор. Хрест.“ Галахова (т. II, изд. 1884, стр. 275): она не уступаетъ въ силѣ выраженія и благородствѣ чувствъ извѣстному посланію „Къ вельможѣ“ Рылѣева и также примѣнена была къ Аракчееву. Бѣлинскій былъ высокаго мнѣнія о Милоновѣ; онъ говоритъ: „Гнѣдичъ и Милоновъ были истинные поэты; если ихъ теперь мало почитаютъ, то это потому, что они слишкомъ рано родились“ (Соч. I, 71). Далеко не полное собраніе сочиненій Милонова издано Смирдинымъ (С.-Пб. 1849 г., вмѣстѣ съ сочиненіями Судовщикова). Милоновъ умеръ на 29 году.

⁽⁸⁰⁾ *Пропущено.*

⁽⁸¹⁾ Къ стр. 556.—Покойный Аванасьевъ въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“, издававшемся Калачевымъ, напечаталъ „Указатель статей по русской исторіи, географіи, статистикѣ и русскому праву“, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, Свиньина“ (книга II, половина 2, М. 1854 г., приложение II). „Указатель“ этотъ ованчивается 1825 годомъ. Въ 1821 году пропущена статья А. Ф. Малиновскаго подъ заглавіемъ „Оружейная палата“, отрывокъ изъ исторической описи древляго Россійскаго музея въ Москвѣ (№ 13, май 1821 г., 121—150, не окончена). Вотъ библиографическое указаніе *важнѣйшихъ* статей въ остальныхъ томахъ. 1826 годъ: Таганрогъ, П. Свин. (№ 69, 3—18; № 71, 422—439); обзорніе путешествія издателя „Отечественныхъ Записокъ“ по Россіи въ 1825 году относительно археологіи (№ 69, 37—63; № 70, 306—327; № 71, 440—467; № 74, 435—444; № 75, 91—117; № 76, 244—279); донесеніе Іоанна Фабра ерцгерцогу австрійскому Фердинанду о нравахъ и обычаяхъ москвитянъ, переводъ съ латинскаго К. У. (№ 70, 285—305; № 75, 47—67); путешествіе императора Александра I по Волгѣ въ 1824 г., флиг.-лейт. Трубникова (№ 1, 372—397); вѣчто о родѣ великой княгини Ольги, М. Погодина (№ 71, 361—371); заводи бывшіе Баташова, а нынѣ принадлежащіе Шенелеву (№ 72, 3—49; № 73, 145—191; № 74, 301—334); біографія гр. Ф. В. Расстончина, А. Б. (№ 72, 50—86); изслѣдованіе о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній по берегамъ Понта Евксинскаго, между Тирасомъ и Борисеевомъ, полк. Стемпковскаго (№ 73, 192—228; № 74, 335—377); краткое обзорніе ботаническихъ садовъ въ Россіи и въ особенности Императорскаго въ С.-Петербургѣ (№ 74, 378—413); нѣкоторыя замѣчанія на „Опытъ теоріи налоговъ“,

соч. Н. Тургенева, сообщ. Н. Демидова (№ 47, 414—434); описание Судакской долины и виноделия въ Крыму въ 1825 г. (№ 75, 3—20; № 76, 186—202); пребываніе императора Александра I во 2 армии въ 1823 г., М. Шульгина (№ 75, 20—46; № 76, 145—185); изслѣдованіе древнихъ историческихъ мѣстъ или урочищъ въ предѣлахъ Калужской губерніи, Ел. Гр. Зеленицкой (№ 78, 68—90); поѣздка великой княжны Елены Іоанновны въ Вильно для бракосочетанія съ вел. кн. литовскимъ Александромъ (№ 76, 229—243); бытность въ Пруссіи російскаго гонца Порошина Елизара Сергѣева у бранденбургскаго курфирста Фридерика-Вильгельма въ 1654 г. (№ 77, 348—368); о сочиненіяхъ П. Юр. Львова, его самого (№ 77, сентябрь, 412—433); Рибнянскъ (№ 78, 3—24; № 79, 189—199); бытность въ городѣ Бордо російскаго посланника дворянина Ивана Гавриил. Кондырева и подьячего Мих. Невѣрова у франц. короля Людовика XIII въ 1615 г. (№ 78, 25—46); первое путешествіе англичанъ въ Россію, описанное Климентомъ Адамомъ другомъ Чанселера, капитана сей экспедиціи (№ 77, 368—396; № 78, 81—103; № 79, 176—188); извѣстіе объ аудиенціи кн. Антіоха Кантемира при французскомъ дворѣ, въ 1738 г., по его собственному описанію (№ 79, 200—205); посольство отъ вел. кн. Московскаго къ папѣ Клименту VII, описанное Павломъ Іоанномъ (№ 79, 224—249; № 80, 356—372); краткая біографія митроп. Сестреничича-Богума, сост. г. Шершинскимъ (№ 80, 372—402); отрывокъ изъ рукописи „о службахъ и походахъ боярскихъ, также полковныхъ разрядахъ ихъ, кто, когда и въ которомъ полку служилъ“ (№ 80, 403—431); о башкирахъ, П. Кудрявцева (№ 78, 65—82; № 79, 206—223).—1827 годъ: Бахчисарайскій дворецъ, П. Св. (№ 81, 3—27); многограмми или родъ гербовныхъ знаковъ на стѣнахъ замка Изборгскаго, гр. Канкринъ (№ 81, 28—39); мысли относительно изысканія древностей въ Новороссійскомъ краѣ, Стемпковскаго (№ 81, 40—72); историческое похвальное слово Дмитрію Донскому, Ал. В. Казадаева (№ 81, 73—104; 82, 216—257; 83, 379—430; 84, 49—90; 85, 206—263; 86, 337—386; 87, 60—103; 88, 212—240); чрезвычайное посольство думнаго совѣтника Украинцева къ портѣ Оттоманской въ 1699 и 1700 годахъ для заключенія мира (№ 82, 137—215, 83, 456—486); о послѣдней бытности Александра I въ Молочанскихъ менонитскихъ колоніяхъ, А. Ф.—въ (№ 82, 281—299); объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ Несторовой лѣтописи, Б. Р. (бар. Ровень) (№ 82, 300—321); мысли о происхожденіи донскихъ казаковъ, изъ записокъ ген. Х. П. Кирсанова (№ 83, 489—508); построеніе города Ярославля и заложенной въ основаніи его церкви Св. Пророка Іліи Ярославомъ I М. Лѣвинева (№ 84, 3—28; 85, 169—205); Царскосельскій лѣтописецъ, Н. Яковкина (№ 84, 30—48; 85, 281—301; 86, 414—439; 88, 315—336); военныя дѣйствія соединенныхъ російско-турецкихъ войскъ подъ Анконою, А. Висковатова (№ 84, 91—112; 85, 264—280; 89, 439—468; 1828 г. 98, 432—470); письмо изъ Сибири о Барнаулѣ (№ 84, 112—126); оренбургскій мѣшовой дворъ, Ал. Крюкова (№ 84, 126—140); приказы и письма имп. Петра Вел. и имп. Екатерины I ген. Матюшкину во время Персидской войны (№ 86, 387—413; 91, 242—264; 92, 398—414); извѣстія о древностяхъ, найденныхъ въ 1826 г., Стемпковскаго (№ 86, 440—462); письмо о Россіяхъ бывшихъ нѣкогда въ нинѣшней Россіи, Ст. Руссова (№ 86, 461—488; 87, 104—126); письмо о Россіяхъ, бывшихъ въ нинѣшней Россіи до Рюрика, его же (№ 89, 337—368; 89, 369—396; 90, 22—52; 91, 199—229); поѣздка на Елтонское озеро, И. С. (№ 87, 3—24; 88, 241—265; 89, 397—414); взглядъ на коронованіе Россійскихъ вѣщеносцевъ (№ 87, 27—59; 88, 269—274; 92, 347—384); историческое извѣстіе о походѣ російскихъ войскъ въ 1796 г. въ Дагестанъ и Персію подъ командою гр. Вал. Алекс. Зубова, Радожицкаго (№ 87, 127—168; 88, 266—314); путешествіе Екатерины II, описанное Сегиуромъ (№ 89, 467—484; 90, 94—129; 91, 265—284; 1828: 94, 317—338; 95, 458—487; 100, 176—210); извѣстіе о вновь открытыхъ рукописяхъ Ломоносова

(№ 89, 489—494); Вышгородъ, П. С. (№ 90, 3—22); краткая лѣтопись войнамъ, веденнымъ русскими противъ персiянъ, сост. поруч. М. Ладженскимъ (№ 90, 53—93; 91, 169—198; 92, 478—501; 1828 г. 93, 80—106); статистическія свѣдѣнія по Рязанской губ. за 1826 г. (№ 91, 230—341; 92, 385—397); слово при заложениіи памятника герц. Ришелье въ Одессѣ 30 іюля 1827 г., протоіерея Нестора Святенкова (№ 92, 337—346); первая выписка изъ журнала російскаго посольства въ Персiю 1817 г. (№ 92, 415—450).—*1828 годъ*: И моя поѣздка къ Ревель, П. Св. (№ 93, 3—43; 94, 339—379; 95, 534—562); о раскольникахъ поселенныхъ въ Таврической губ., Мелитопольскомъ уѣздѣ, А. Ф.—въ (№ 93, 44—58); приготовленіе къ проѣзду Петра В. чрезъ Рязанскую провинцію въ 1722 г., извлеч. П. Гуляевымъ (№ 93, 59—80; 94, 269—289; 95, 488—506); вторая выписка изъ журнала російскаго посольства въ Персiю (№ 93, 107—145); третья выписка (№ 94, 221—268); четвертая выписка (№ 95, 395—442); донесеніе Парвеніа митрополита Лаодикійскаго Петру I объ освобожденіи изъ турецкаго плѣна русскихъ подданныхъ (№ 94, 205—220); посольство Баттока отъ австрійскаго императора Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1675 г., съ лат. К. У. (№ 94, 290—316; 100, 280—296; 101, 301—332); о древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губ. (№ 95, 442—458); Керчь, древняя Панतिकопя, П. Св. (№ 96, 3—31); Новгородъ Сѣверскій, учт. Сбитнева (№ 96, 105—137; 97, 313—346); путевой журналъ крестьянина Суханова отъ Архангельска до Петербурга (№ 97, 193—213); историческія черты и статистическое описаніе Воронежской губерніи (№ 98, 361—379; 99, 71—86); картина Оренбурга и его окрестностей (№ 99, 3—38); раздача земель Ингерманландіи по присоединеніи ея Петромъ, соч. Яковкина (№ 99, 39—70); біографія П. М. Карташева (№ 100, 145—176); о проведеніи проточной воды изъ Невы до Царскаго Села, Яковкина (№ 100, 209—241); топографическое и физическое описаніе Тамбовской губерніи (№ 100, 242—253; 101, 338—352); взглядъ на рыболовство въ Астрахани (№ 102, 3—24; 103, 206—229); книга тысячная отъ сотворенія міра 7059 г., а отъ Р. Хр. 1551, съ боярскими списками, сообщ. Б. Федоровымъ (№ 102, 25—40; 103, 230—251; 104, 421—445); статистическое описаніе города Провска, изъ записокъ М. Н. Макарова (№ 102, 65—89); взглядъ на исторію трехъ княжествъ: Валахiи, Молдавіи и Бессарабіи со II по XIII столѣтіе, Ст. Руссова (№ 102, 90—115; 1829 г. № 105, 32—57; № 107, 360—382); прогулка по Воспорскому проливу и по берегамъ Азовскаго моря въ 1820 г. (№ 103, 181—205); о жизни и произведеніяхъ художника Ив. Прок. Прокофьева (№ 102, 252—267; 104, 405—420); свѣдѣнія о р. Печорѣ, собранныя на мѣстахъ вологодскимъ гражданиномъ Александромъ Дельгиннымъ (№ 104, 349—379); русскія святки въ Эривани въ 1827 году (№ 104, 380—404).—*1829 годъ*: грамота Владислава Ягеллона, данная имъ брату своему Скиргайлу Ольгердовичу на Троцкую область съ принадлежностями (№ 105, 3—12); извѣстіе о Московіи, писанное Альбертомъ Винене де Ченеда въ 1657 году (№ 105, 13—32; 106, 224—253; 107, 421—441; 108, 79—94); путевныя записки по Мезенскому уѣзду въ 1828 г., инспект. Протопопова (№ 105, 58—82; 106, 254—273); путешествіе въ Соловецкій монастырь, П. Св. (№ 105, 118—151; 106, 209—223; 108, 59—78); списокъ съ духовной торговаго гостя Гавриила Мартиновича Оетіева, писанной имъ 27 ноября 1684 г. (№ 106, 169—208; 107, 337—359); историческое описаніе Ваги и города Шенкурска, составленное Матв. Мясниковымъ (№ 107, 383—420; 108, 22—58; 109, 229—279; 110, 377—400; 111, 78—103; 112, 243—282; 113, 402—430; 114, 93—116; 115, 260—291; 116, 448—464); наблюденія русскаго въ Америкѣ: взглядъ на свободное художество въ Соединенныхъ Штатахъ, П. Св. (№ 109, 145—164; 110, 289—312; 112, 181—193); статистическое описаніе города Данкова въ 1826 г. (№ 109, 165—174); краткая опись предметовъ, составляющихъ русскій музей, П. Свинына (№ 110, 315—376; 111, 3—77); списокъ съ подлинной грамоты царя Але-

всѣя Михайловича къ шведскому королю Карлу (№ 110, 406—410); первый день моего пребывания въ Архангельскѣ, П. Свѣт. (№ 111, 104—128); воспоминавія о тайн. сов. Ник. Ник. Демидовѣ (№ 111, 129—160); вѣчто о новомъ канатѣ герц. Александра Виртембергскаго, изъ путеv. запис. Свиньина (№ 112, 169—180); пребываніе въ Россіи Корнелія Брунна въ 1702 г., пер. В. Б.—ва (№ 113, 345—365; 114, 46—66; 116, 394—410); 1830 годъ (№ 125, 1—42); наблюденія русскаго офицера въ Варшѣ, П. Должилова (№ 113, 432—468); письма Д. Ив. Фонъ-Визина къ роднымъ своимъ изъ чужихъ краевъ (№ 115, 169—180); двѣ грамоты цара и великаго князя Теодора Ивановича къ польскимъ жителямъ (№ 115, 181—198); новое устройство Виттелевскаго канала въ Царскомъ Селѣ, Яковкина (№ 115, 215—232); замѣчанія на статью въ XIII, XIV, XV и XVI книжкахъ „Вѣстника Европы“ 1829 г., подъ заглавіемъ: „Взглядъ на Русскую Правду“ (№ 116, 337—379); судоходство 5 губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской (№ 116, 380—393); археологическое и статистическое описаніе города Скопина (№ 116, 411—422).—1830 годъ: взглядъ на Одессу, П. Св. (№ 117, 1—46); договорная окончательная грамота 1634 г. между русскими и польскими послами объ отреченіи польскаго короля Владислава отъ русскаго престола (№ 117, 47—75; 118, 194—220; 119, 377—399); памятни записки В. А. Нащокина (№ 117, 76—104); отрывокъ изъ походнаго дневника егерскаго офицера въ Варшѣ Должилова (№ 118, 220—237); наставленіе выборному отъ Малороссійской коллегіи члену оной Наталину въ комиссію объ Уложеніи (№ 119, 347—376; 120, 44—74); записки ген. М. Броневскаго о киргизъ-кайсакахъ Средней Орды (№ 119, 400—420; 120, 74—88; 121, 162—194; 122, 357—364; 123, 70—97; 124, 196—288); Полтава, П. Св. (№ 120, 1—43); пустынная Рихловская обитель Св. Николая, изъ путевыхъ записокъ Ф. Ив. М. (№ 120, 89—124; 121, 195—213); память гр. П. Вас. Завадовскому, рѣчь ректора Виленскаго университета профес. Снядецаго 30 іюня 1813 г. (№ 121, 142—161); письмо Суворова къ гр. Цукато отъ 28 декабря 1794 г. изъ Варшавы въ отвѣтъ на просьбу написать исторію Суворова (№ 121, 230—232); духовная Іоакима патриарха Московскаго (№ 123, 287—323); о прежнихъ правахъ, вольностяхъ и преимуществахъ Малороссіи, изъ эстракта, сочиненнаго въ 1751 г. войсковою канцеляріею (№ 122, 324—356); воспоминавія и наблюденія въ Псковѣ, П. Св. (№ 123, 1—30); путевыя записки, веденныя Петромъ Великимъ во время заграничнаго путешествія 1697 и 1698 гг. (№ 123, 31—69; 124, 119—161); о службахъ и походахъ боярскихъ (№ 126, 3—184). Къ 1830 году приложенъ списокъ авторовъ, участвовавшихъ въ десятилѣтнемъ изданіи „Отечественныхъ Записокъ“.

(82) Къ стр. 464.—Перечень статей по русской исторіи, географіи, статистикѣ и русскому праву, помѣщенныхъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“, напечатанъ Аванасьевымъ въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи“, издававшемся Калачевымъ (книжка 1, М. 1850 г., приложение II).

(83) Вотъ перечень прозаическихъ статей, относящихся собственно къ беллетристикѣ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Соревнователь“ или „Труды Вольнаго Общества любителей русской словесности“:

1818 годъ: „Духъ російскихъ государей Рюрикава дома“, Я. Орлова (I, 1—24; 143—169); „Странствованіе Гумбольдта по степямъ и пустынямъ Новаго Свѣта, чтеніе Гумбольдта“, пер. И. Гарижскаго (I, 25—38; 170—190; 330—341); „О водонадахъ рѣки Ориоко“, чтеніе Гумбольдта (III, 180—203; 288—309); „Жизнь Вас. Петр. Петрова“ (I, 116—133); извлеченіе изъ сочиненія „Catharinens der Grossen Verdienste um die Vergleichende Sprachkunde“, von T. Adelung, S.-Pt. 1815 г. (I, 271—304); Философско-историческое разсужденіе о постепенномъ ходѣ вообще словесности и вѣтѣйства въ собственномъ смыслѣ взятаго, Д. В. (II, 1—33; 131—155; 275—283); изуст-

вня преданія о городѣ Бѣломъ Смоленской губерніи, Ф. Папковича (II, 126 — 130); о важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейновыхъ записокъ о Россіи съ критическимъ обзорѣемъ ихъ содержанія, Ив. Лобойко (II, 228—266); о сравнительной высотѣ Осташкова и Астрахани или объ отвѣсной высотѣ Волги, Л. Панснера, съ прибавленіемъ К. (II, 284—305); жизнь И. И. Шувалова, Панк. (II, 401—423); объ изящномъ, А. Гевлича (III, 1—18; 127 — 130); изслѣдованіе неправильнаго дѣйствія магнитной стрѣлки у острова Юсаги, учиненное въ 1815, 16 и 17 гг., вице-адмир. Сарнчева (III, 151—179); о нравахъ и обычаяхъ морлаковъ, или славянъ далматскихъ, соч. абб. Фортиса, пер. О. Сомова (IV, 17 — 56); изслѣдованія, служащія къ поясненію древне-россійской исторіи изъ сочиненія Лерберга: „Untersuchungen zur Erläuterung der ältesten Geschichte Ruslands“, S.-Pt. 1816 (IV, 97 — 125); о Гомерѣ и его твореніяхъ, Ф. Шиддефель (III, 1—16; 141—154; 257—271); Понть де Ла-Гарди, изслѣдованіе народнаго преданія, относящагося до завоеванія Ингерманландіи россіянами, соч. пастора Гипшинга (IV, 311—338).

1819 годъ: Зяновія и Богданъ Хмельницкій, или освобожденная Малороссія, Ф. Глинки (V, 1—16, 129—170; VI, 1—26; 237—266); поѣздка на Илецкую Защиту, А. Боровкова (V, 17 — 38); матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, И. Кеппена (V, 69 — 108; 226 — 266); о вкусѣ и его вліяніи на словесность и нравы, Н. Гнѣдича (V, 275—289); отрывокъ изъ Гумбольдта о физиогноміи растений (VI, 47—58); объ арабской литературѣ и языкѣ, А. Р. (VI, 59—77); письмо Лейбница къ Петру В., съ приложеніемъ нѣкоторыхъ къ оному дополненій (VI, 99—114); письма наслѣднаго принца шведскаго къ барону Зедергольму (VI, 123—134); Тассъ, историческое извѣстіе, Со—въ (VI, 165—188); замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ вѣка Θεодосія Великаго и сына его Аркадія изъ твореній Іоанна Златоустаго, А. Р. (VI, 267—276); письмо изъ Украйны, Е. Ковалевскаго (VII, 45—54); о календарѣ грековъ, А. Рихтеръ (VII, 55—67); о Кіевской академіи, М. Берлинскаго (VII, 94—112); обзорѣніе россійской торговли со времени основанія Россійской монархіи, А. Гевлича (VII, 123—159); о Вениаминѣ Франкинѣ, Д. Сахарова (VII, 160—173); древнѣйшія извѣстія о ятарѣ, съ польск. Лобойко (VII, 220—230); письмо Θεофана Прокоповича (VII, 231—237); изъ путешествія Бланкеннагеля въ Хиву (VII, 259 — 274; VIII, 38 — 69); два письма имп. Екатерины II къ послу русскому въ Венеціи Мордвинову (VIII, 22 — 37); извѣстіе объ ученой жизни профес. Р. Т. Гонорскаго, И. Л. (VIII, 88—94); древніе предѣлы морей внутреннихъ по Дюро-де-Ламалю, Попова (VIII, № XI, 1—48); исторія Одина побѣдителя, законодателя, наконецъ бога древнихъ скандинавовъ, И. Брыкова (VIII, XI, 59—79; XII, 57—71); защищеніе Тамплиеровъ противъ Гаммера, написанное по-французски Ренуаромъ (VIII, XI, 118—134; XII, 110—124); рѣчь объ успѣхахъ просвѣщенія, говоренная Д. Сахаровымъ при принятіи его въ члены Общества современателей просвѣщенія (VIII, XI, 1—31).

1820 годъ: Четыре первыя божества Индіи, изъ опыта полнаго миеологическаго словаря всѣхъ народовъ, бар. Корфа (IX, 1—18); Юпитеръ Аммовъ, оттуда же (XI, 139—146); о гробахъ Герцеговини между селомъ Чистымъ и Лавричемъ, изъ путешествія кн. Ал. Сапѣги къ славянамъ при Адриатическомъ морѣ (IX, 30—43), пер. съ пол. Зор. Ходаковскій; еще нѣкоторыя замѣчанія о Слободско-Украинской губерніи (IX, 129—141); отрывокъ изъ походныхъ записокъ русскаго офицера, Лаженикова (IX, 142—149; X, 145—157; 257—268; XI, 257—271; XII, 146—164); о просвѣщеніи исландцевъ, изъ книги Die Edda von Fr. Rühls, В. 1812 (IX, 150—164); о сѣверной поэзіи, ея происхожденіи и характерѣ, В. Брайкевича (IX, 249—269; XII, 257; XVI, 26—65); о новыхъ открытіяхъ въ Египтѣ и о вліяніи ихъ на изученіе древностей, съ фран., Сахарова (IX, 3—34); о походѣ и вгородцевъ въ Финляндію, упоми-

чаемомъ въ русскихъ лѣтописяхъ, соч. А. Гиппинга (X, 35—54; 110—131); опытъ историческихъ изслѣдованій объ образованіи человѣческихъ способностей, въ особенности по части минералогіи, Гессе-де-Кальве (X, 132—144; 248—256); разборъ книги: „Обозрѣніе всѣхъ языковъ и нарѣчій“, составленной Ф. Аделунгомъ, соч. П. Кешена (X, 189—225); краткое историческое обозрѣніе римскаго права, бар. М. Корфа (X, 229—247); извѣстіе о путешествіи, предпринятомъ г. Риччи во внутренность Африки, изъ журнала „La Ruche Provençale“, Н. А. (X, 324—356); о происхожденіи художества, Анни Буянной (XI, 12—31); о военномъ искусствѣ у римлянъ, пер. Вл. Ликошина (XI, 32—51); извѣстіе о напечатаніи Краледворской рукописи Ганкою и переводъ ея, А. С. Шичкова (XI, 100—118); новыя извѣстія о находимыхъ въ Сибири костяхъ чужеземныхъ животныхъ, г. Спасскаго (XI, 119—129); извлеченіе изъ писемъ миссій, находящихся въ Китаѣ и Вост. Индіи, на фран. яз. соч. Леклера (XI, 214—232); путешествіе на Востокъ, г. Лега (XI, 232—238); рѣчь объ успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ Войска Черноморскаго, сказанная при открытіи гимназій въ Екатеринодарѣ 17 мая 1820 г. протоіереемъ Россійскимъ (XII, 1—32); о сочиненіяхъ лорда Байрона изъ „Revue Encyclopedique“, пер. К. П. Б. (XII, 101—120); жизнь Боккачіо, съ фран. Д. Сахаровъ (XI, 282—292); о сыромъ желѣзѣ или чугунѣ, изъ руководства къ плавленію желѣзной руды (Sidereo technic) Гассенфраца, пер. В. Любарскаго (XI, 293—313); арабская антологія изъ Bibl. Univers., пер. Д. Сахаровъ (XI, 360—369); о пребываніи корабля „Суворовъ“ въ Новой Голландіи, изъ журнала штурмана, Алексѣя Россійскаго (XII, 125—145); о финской литературѣ, Брайкевича (XII, 213—229); достопамятныя слова и рѣчи имп. Петра I, изъ записокъ Андрея Нартова (IX, 332—338).

1821 годъ: „Замѣчаніе о Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ“, Н. А. (XIII, 1—24); нѣчто о церкви Св. Олая въ Ревелѣ, зажженной молніею 15—16 іюня 1820 г. (XIII, 96—120); опытъ исторіи картъ изъ „Rev. Encyclop.“, пер. Д. Сахарова (XIII, 276—298); взглядъ на исторію искусствъ, Н. Кошанскаго (XIV, 1—25; 117—145; 259—271); Старая и Новая Ладога, А. Р. (XIV, 26—39); о древности финнскійскаго алфавита, изъ „Revue Encyclop.“, пер. Д. Сахарова (XIV, 67—81); біографія Авг. Коцебу (XIV, 82—90); извѣстіе о древнѣйшихъ историкахъ польскихъ и въ особенности о Падлубкѣ, въ опроверженіе Шлепера, соч. Лелевела, пер. Θ. Булгарина (XIV, 147—171); біографія Парни, изъ „Revue Encyclop.“, пер. Н. Ф. (XIV, 203—208); описаніе Туакской пещеры въ Крыму, П. Кешена (XIV, 220—249); біографія Кампе, пер. съ фран. Сахарова (XIV, 330—335); восхожденіе на Страсбургскую колокольню, дат. писателя Боггезена, пер. бар. Корфа (XIV, 345—356); конь Карлосъ, историческое происшествіе XVI вѣка, Я. Ликошина (XV, 3—32; 148—178); записки о Голландіи, Н. Бестужева (XV, 82—64; 179—226; 257—298); опытъ разбора русскихъ синонимъ, К. Княжевича (XV, 65—70); приказъ Суворова въ Варшавѣ 1795 г., по случаю праздника Пасхи (XV, 106—108); рѣчь Н. И. Гнѣдича 13 іюня 1821 г., при переименованіи его изъ почетныхъ въ дѣйствительные члены Общ. совѣта. просв. (XV, 129—147); чертоги Скаура или описаніе римскаго дома изъ „Rev. Encyclop.“, пер. А. Р. (XV, 348—361); отрывки изъ рукописи подъ заглавіемъ „Воспоминанія объ Испаніи“, соч. Θ. Булгарина (XVI, 3—25; 183—201; 316—336); о бардахъ, скальдахъ и стихотворцахъ среднихъ вѣковъ, А. Р. (XVI, 157—182); объ упражненіи въ сочиненіяхъ, изъ Квинтиліана, пер. Ив. Снегирева.

1822 годъ: Лѣтопись о сибирской сторонѣ и о влзгн Сибиря, доставлена Никитѣ Попову духовнымъ лицомъ въ Екатеринбургѣ (XVII, 3—32; 129—156); разборъ синонимъ, Княжевича (XVII, 55—61; 186—194); извѣстіе о жизни Ив. Ао. Дмитревскаго, доставлено гр. Хвостовымъ (XVII, 103—115); нѣчто о вліаніи монголовъ и татаръ на Россію, А. Р. (XVII, 249—270); о разговорахъ въ обществѣ, съ

нѣм. А. К. (XVII, 311—326); о золотой гривнѣ, найденной близъ Чернигова, В. А. (XVII, 341—349); Карль V, изъ исторіи его, Робертсона (XVIII, 3—32); сибариты, А. Р. (XVIII, 33—53); Лаконизмъ Суворова, Н. Н. (XVIII, 86—99); характеръ имп. Петра I и нѣкоторыхъ его приближенныхъ, изъ книги An Account of Russia as-it was in the year 1710 by Lord Whitworth, пер. А. К. (XVIII, 129—138); нравы и обычаи древнихъ норвежцевъ, извлечение изъ исторіи Норвегіи, соч. Густ. Л. Бадена, Копенг. 1804 г., А. Р. (XVIII, 139—157); объ испанскихъ торреадорахъ, Я. Лыкошина (XVIII, 158—175); о скукѣ, съ иностр. Ор. Сомова (XVIII, 190—200); о слуханіи, соч. Плутарха (XVIII, 241—279); о языкѣ давнихъ пруссаковъ, отчетъ Линде о сочиненіи Фатера (XVIII, 280—334); о гражданствѣ древнихъ славянъ, чтеніе Раковецкаго въ засѣданіи Варшавскаго Общ. любителей словесности, пер. Анастасевича (XIX, 3—16); отрывокъ изъ рѣчи, говоренной проф. Андре въ собраніи академіи, о прекрасномъ въ нравахъ, Д. Сахарова (XIX, 33—38); устье Босфора, изъ путешествія по Востоку, Сенковскаго, пер. А. Бестужева (XIX, 39—73); о свадебномъ русскомъ обрядѣ, кн. Цертелева (XIX, 113—130); нѣсколько словъ о китайцахъ. (XIX, 130—141); отрывокъ изъ турецкой исторіи XVI столѣтія (XIX, 142—156); о любви къ славі, изъ Вейсе, кн. Н. Голицына (XIX, 157—162); о гробницахъ въ подземельяхъ Оивскихъ, Жомара, отрывокъ изъ описанія Египта французскими учеными, пер. А. Б. С—ъ (XIX, 182—194); Годфридъ Бульонскій, съ нѣм. Вл. (XIX, 233—253); Саладинъ, съ нѣм. Вл. (XIX, 253—275); приемъ и угощеніе нѣмецкихъ путешественниковъ у турецкаго намѣстника въ Дамангурѣ, въ Египтѣ (XIX, 276—295); о памяти, изъ Сегюра (XIX, 296—311); записка о найденныхъ въ землѣ 6 іюня 1822 г. золотыхъ вещахъ въ Рязанской губерніи, С. Е. Лапалова (XIX, 322—325); посольство Рейнольда фонъ-Бредерода Дитриха Басса и Альберта Юхима въ Россію въ 1615 и 1616 годахъ, Корниловича (XX, 3—13); путешествіе Гетума, царя армянскаго, къ Мангу, хану татарскому, изъ сочиненія инока армянскаго монастыря въ Венеціи Михаила Чамчяна (XX, 14—23); объ образѣ воспитанія у малайцевъ въ Малаккѣ, съ франц., Д. Сахарова (XX, 59—69); краковскіе памятники, В. Анастасевича (XX, 91—101); посольство Іоахима Скультеуса отъ браденбургскаго курфирста Фридриха-Вильгельма къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1675 году, Корниловича (XX, 113 — 136); опытъ исторіи русскаго флота, Н. Бестужева (XX, 137—175; 271—301); Александрійская школа, съ нѣм. Вл. (XX, 241—270); о философіи Аристиппа, съ фр. И. А. (XX, 302—318).

Примѣчаніе. Въ 1823 г. вышелъ переводъ соч. Андре, подъ заглавіемъ: „Опытъ о прекрасномъ или изящномъ, съ предварительнымъ разсужденіемъ и замѣчаніемъ о вкусѣ и формѣ“, 2 части, Орелъ 1823 г.

1823 годъ: Камоенсъ, Як. Лыкошина (XXI, 3—33); Тассъ (XXI, 34—48); о прозношеніи, изъ Квинтиліана, lib. XI, С. 3. (XXI, 72—96); великое руссiйское посольство въ Голландію, изъ кн. Схельтеми „Русскіе въ Нидерландахъ“, Корниловича (XXI, 117 — 140); орденъ іезуитовъ, изъ исторіи Карла V, Робертсона, пер. Н. Кошкина (XXI, 147—173); о поэзи описательной, отрывокъ изъ „Исторической картины руссiйской словесности“, составленъ кн. Н. Цертелевымъ (XXI, 253—273); о народной поэзи, оттуда же (XXII, 3—22); краткая лѣтопись Эшпра и города Янниа, изъ сочиненія: „Путешествіе въ Янну изъ Албаніи, черезъ Сицилію и Грецію“, Thom. Stuart Hughes, пер. съ фр. 1821 г. О. Сомова (XXI, 303—335; XXII, 86—103); второй отрывокъ (XXIII, 123—150; 221—254); о числѣ поляковъ въ Россіиской имперіи изъ предисловія Майера Брѣмзена къ сочиненію „Russland und das Russische Reich. В. 1817 (XXI, 336—347); о варшавскомъ лицей, В. Анастасевича (XXI, 352—362); письмо изъ Венгріи А. Бер—на (XXII, 22—64); о существующихъ въ Россіи училищахъ по методѣ взаимнаго обученія (XXII, 104—116); взглядъ на сочиненія руссiйской сло-

вности отъ начала оной до XVIII столѣтія (XXII, 117—167; 237—255); историческое описаніе Астраханской губерніи (XXII, 175—196; 274—291); документи хралащіяся въ ризницѣ кievскаго Софійскаго собора, А. К. (XXII, 197—201); указъ имп. Петра I кievскому митрополиту Варлааму Яснинскому (XXII, 201—212); посольство отъ царя Константина до королевы Гншпанской Елебеты, сообщ. Анастасевича, списокъ съ грамоты царя Грузинскаго (XXII, 213—219); библиографическое свѣдѣніе объ извѣстныхъ до нынѣ экземплярахъ статута литовскаго, проф. Даниловича, съ польск. Анастасевича (XXII, 304—360); о романтической поэзій, Ор. Сомова (ст. I, XXIII, 43—59; ст. II, 151—169; 263—306; ст. III, 125—147); посольство голландцевъ Альберта Бурга и Іоанна Фанъ-Фельтридела въ 1630 г., Корниловича (XXIII, 72—93); о учебномъ заведеніи г. Фелленберга въ Гохвинѣ, пер. Ип. Блот. (XXIII, 174—215; 317—336); взглядъ на военное искусство древнихъ до изобрѣтенія ружей, А. Пушкина (XXIV, 57—85; 169—201); о взаимномъ отношеніи наукъ математическихъ и физическихъ изъ элементарнаго курса физическихъ наукъ Бѣдана, В. Любарскаго (XXIV, 202—216); сраженіе при Ганго Удѣ, чѣзъ опыта исторіи русскаго флота“, Н. Бестужева (XXIV, 274—288).

1824 годъ: Первое посольство русскихъ въ Голландію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ изъ Схельтемы, Корниловича (XXV, 58—73); лекціи физико-химическаго курса, академика Шерера (XXV, 76—104; 208—220; 303—331; XXVI, 120—128; 332—349; XXVII, 94—112; 190—221; 349—350; XXVIII, 73—102); библиографическое извѣстіе о трехъ рукописныхъ славянскихъ Библіяхъ въ Московской Патриаршей бібліотекѣ (XXV, 104—106); о военныхъ реляціяхъ, Н. Н. (XXV, 169—190); сношенія Россіи съ Голландіею съ 1650 по 1660 годъ, Корниловича (XXVI, 285—297; 279—307); извѣстіе о побѣдѣ короля польскаго Станислава Лещинскаго изъ Данцига въ Мардіенвердеръ 1759 г., имъ самимъ описанное (XXVI, 3—29; 211—221); краткія извѣстія объ образованіи въ Европѣ войскъ и объ успѣхахъ огнестрѣльнаго оружія, А. Пушкина (XXVI, 77—119; 130—132; 241—278); о внутреннемъ состояніи донскихъ казаковъ въ концѣ XVI столѣтія, В. С (XXVI, 183—200); о вліяніи женщинъ на литературу и искусство, изъ книги de la Femme, par Virey (XXVII, 13—25); о верховой ѣздѣ, А. Бестужева (XXVII, 53—73); теорія морскаго прилива, изъ Мальте Брюна, Б. (XXVII, 74—85); рѣчь лорда Чатама объ американскихъ дѣлахъ, пер. А. Бестужева (XXVII, 113—118); записки Наполеона, изданія Гурго (XXVII, 119—131); о подражаніи, изъ Квинтиліана de institutione oratoria, lib. X, 2 (XXVII, 145—155); о знатнѣйшихъ философахъ, бывшихъ прежде и послѣ Канта, изъ соч. Сталь о Германіи (XXVII, 225—254); почему французскій языкъ сдѣлался всеобщимъ языкомъ въ Европѣ, извлечение изъ рѣчи, читанной въ засѣданіи берлинской академіи г. Маріономъ (XXVII, 255—289); о прекрасномъ вообще и въ особенности о прекрасномъ видимомъ изъ соч. „Essai sur le beau“, par le père André, Paris, 1770 (XXVII, 290—331); объ измѣненіи поверхности земнаго шара, изъ Мальте Брюна (XXVIII, 3—19); вѣчто о нравственной философіи, изъ Aless. Verrì (XXVIII, 20—43); о сновѣхъ, А. Пушкина (XXVIII, 113—181); о занятіяхъ оратора, окончившаго свое поприще, изъ Квинтиліана, lib. XII, 2 (XXVIII, 308—321). Собственно беллетристическихъ переводныхъ статей въ „Соревнователѣ“ относительно менѣе, нежели въ другихъ журналахъ, гдѣ уже переставъ переходить на сторону отечественной беллетристики, представителями которой являются Бестужевъ, Кюхельбекеръ, Рыльцевъ, Загоскинъ и др. Кромѣ незначительныхъ переводныхъ повѣстей, оригиналъ которыхъ не указанъ, переведены небольшія повѣсти: Соаве „Алиманъ и его благополучіе“, съ итальянскаго, пер. О. Сомова (II, 314—336). Жюи „Двѣ любви“, перев. Н. Ф. (XIII, 300—384), Буфьера „Тамара, или озеро кающихся“, пер. Сомова (XXIV, 246—264). За то помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ

разныхъ пустынниковъ: „Атенорскаго пустытника“, Жюа, „Гвианскаго пустытника, его же, и „Лондонскаго пустытника“, Кольнѣ. Есть переводъ „Моровой язвы во Флоренціи“ изъ Боккачіо, Батюшкова. Кромѣ того есть отрывки изъ сочиненій Шиллера (изъ его разсужденія „о прекрасномъ“), Виланда, Гердера, Леонарда (изъ его „Мечтаній“), Маттисона (изъ его „Воспоминаній“), миссъ Бодлеръ (изъ сочиненія „О счастья“), Гольдсмита. Помѣщены также прозаическіе переводы изъ англійскихъ поэтовъ: „Рай и пери“, Томаса Мура, пер. И. П. Б.; „Обожатели огня“ пер. Н. Бестужева; отрывокъ „Тьма“ изъ Байрона, пер. Ф. Глинки; „Парижана“, пер. Н. Бестужева, помѣстившаго также отрывокъ изъ Вальтеръ-Скотта. Изъ ученыхъ сочиненій помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія г-жи Сталь „О Германіи“, изъ писемъ къ Софіи о физикѣ, химіи и исторіи Эме Мартена, пер. Д. Меньшенина, и изъ мемуаровъ Мармонтеля. Кромѣ того приведены отрывки изъ соч. Ансельона „Tableaux des revolutions politiques du monde“, изъ писемъ Савари къ г-жѣ Г. „О Греціи“; путешествія въ южную Африку г-ра Кембла; путешествія на Востокъ графа Форбена; изъ „Sougs de morale“, Дю Мутье; изъ сочиненій Сегюра; изъ сочиненій Томаса; изъ Ле Франъ де Помпийява (о греческихъ писателяхъ); изъ записокъ Франклина (объ истребленіи тѣлесныхъ недостатковъ); изъ древнихъ писателей помѣщенъ отрывокъ изъ „Рамалляны“ и нѣсколько отрывковъ изъ Тита Ливія, въ переводѣ Н. Бѣлюстина.

Примѣчанія къ книгѣ второй.

(¹) Къ стр. 11. — Библиографическія свѣдѣнія объ Авд. П. Елагной сообщены К. Д. Кавелинымъ въ ея некрологѣ, напечатанномъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, издававшемся Коршемъ (1877 г., № 68 и 69) и П. И. Бартевнымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1877 г., II, 483).

(²) Къ стр. 49. — Я былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Павломъ Ивановичемъ Якушкинымъ, начиная съ студенческой скамьи, хотя намъ потомъ приходилось рѣдко встрѣчаться, и потому я былъ глубоко опечаленъ тѣми воспоминаніями, которыми почтили его петербургскіе литераторы. За исключеніемъ Сергія Васильевича Максимова, который такой же Божій человекъ, благодушный и высокочестный, какъ самъ Якушкинъ, *товарищи-литераторы* не могли ничѣмъ приличнѣе помянуть покойнаго, какъ выставить на свѣтъ единственно его чудачества, его оригинальный костюмъ, безцеремонное обращеніе и даже несчастную *сорокоушку*, точно будто собирались анекдоты о шутѣ Балакиревѣ! Неужели *иземраль-адъютантъ графъ Строгановъ*, къ которому хаживалъ Якушкинъ, приглашалъ его также только для того, чтобы посмотреть на его оригинальные приемы въ компаніи? Беззаботный и безхитростный, Павелъ Ивановичъ легко и безцеремонно сходился со всѣми; онъ пировалъ за однимъ столомъ и дружился съ псковскимъ полицеймейстеромъ, посадившимъ его безъ всякаго права и основанія въ кутузаку. Но вѣдь это только съ внѣшней стороны; душу свою Павелъ Ивановичъ не открывалъ всякому встрѣчному, поэтому г. Лѣскову дѣйствительно было довольно *трудно* судить объ умѣ Якушкина. Но въ такомъ случаѣ лучше бы ему было и вовсе оставить умершаго, нежели увѣрять, что онъ судилъ честно, но не *только*; что въ поступкахъ людей онъ часто былъ лишенъ *способности различать между добромъ и зломъ*; что его социальный идеалъ былъ *большой, смутный и самому ему непонятный* (Соч. Якушкина, стр. LXIX). Тѣ, которыхъ удостаивалъ Павелъ Ивановичъ своей *настоящей* пріязни, очень хорошо знали, что его недюжинному уму и честной натурѣ *яснее многихъ* представлялась самобытная, свободная и народолюбивая Россія, сохранившая свои историческія традиціи и выступившая на земское дѣло мирскимъ согласіемъ, а не путемъ вычитанныхъ въ книжкѣ, но надлежащимъ образомъ не усвоенныхъ взглядовъ.

(³) Къ стр. 51. — „Вампиръ“, повѣсть, рассказанная лордомъ Байрономъ, съ приложеніемъ отрывка изъ одного недоконченнаго сочиненія Байрона, пер. съ англ. П. К., М. 1828 г.

(⁴) Къ стр. 55. — Вотъ библиографическое указаніе стихотвореній, помѣщенныхъ Ал. С. Норовымъ въ современныхъ журналахъ: 1819 г.: въ журналѣ *Благонамренныи*: „Лира принесенная въ жертву“, изъ Мильвуа (4,197); „Мѣсячное сіяніе“ (4,200). 1820 г.: *Благонам.*: „Островъ“ (10,288); *Вѣстн. Евр.*: „Пророчаніе“ (13,3). 1821 г.: *Благонам.*: „Моя кончина“, злегія, подражаніе Парни; „Больной Елизѣ“.

съ итал. изъ Paolo Rolli (10, 79—82); „IV Сатира“ Буало, вольный переводъ (13, 182); „Къ Дафнѣ“, идиллія (14, 180); *Вѣстн. Евр.*: „Герміона“, элегія въ древнемъ вкусѣ, подражаніе Андрею Шенье (1, 106); „Красавица“, отрывокъ (тамъ же, 108); „Юный страдалецъ“, элегія въ древнемъ вкусѣ (10, 98); „Превращеніе“ (17, 28); „Островъ“, подражаніе Парни (18, 106); „Возрожденіе“, подражаніе Киабрерѣ (тамъ же, 108). Въ „Сѣверной лѣрѣ“ Ал. Наровъ помѣстилъ: „Утро девятаго мая“, въ другу; въ *Ура-нии*: „Храмъ“, изъ Ламартина.

(5) Къ стр. 57. — Сочиненія Алек. Фед. Малиновскаго по указанію Геннади: „Торжество благодѣнія, или исторія Франциска Вильса“, англійское сочиненіе, съ фр. 2 ч. М. 1781 г.; „Духъ Бюффона“, съ фр. М. 1783 г.; „Разсужденіе о началѣ и основаніи гражданскихъ общежитій, въ опроверженіе Жавъ-Жака Руссо“, М. 1787 г.; „Явная война, или хитрость противъ хитрости“, ком. Дюманіана, М. 1788 г.; „Зоя“, драма Мерсье, М. 1789 г.; „Клементина и Дезормъ“, драма съ франц. М. 1789; „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“, комедія Коцебу, съ нѣм., М. 1796—1801, изд. 3-е—Смоленскъ, 1812 г., 4-е—Орель, 1826 г.; „Эллія Мейнау, или свѣдѣнія примиренія“, траг. соч. Циглера, съ нѣм. А. М., служащее продолженіемъ комедіи „Ненависть къ людямъ“, М. 1796 г.; „Попугай“, др. Коцебу, М. 1796—1825, изд. 3—Орель, 1826 г.; „Вѣдность и благородство души“, ком. въ 3 д. Коцебу, М. 1798 г., изд. 2-е и 3-е—Орель 1817 и 1824 гг.; „Биографическія свѣдѣнія о кн. Пожарскомъ“, М. 1817 г. Остальныя важнѣйшія его сочиненія, указанія въ текстѣ, у Геннади не поименованы. Въ каталогахъ Соникова и Смирдина указаны переводы Малиновскаго безъ года: „Свѣтскіе друзья“, ком. Бонуара, и „Сельскій мудрецъ“, ком. въ 5 д. съ хорами и аріями. Кромѣ того въ хроникѣ С.-Пб. театровъ Вольфа указаны его пьесы: „Сны любви“, пер. драма, и „Старинные святки“, опера 1813 г. Были еще его переводы изъ театра Коцебу вмѣстѣ съ Ждановскимъ. Малиновскій составилъ уставъ страннопрімнаго дома гр. Шереметева (1808 г.), занимался его устройствомъ и былъ главнѣйшимъ зрителемъ съ 1810 по 1826 годъ. Некрологъ Малиновскаго, написанный Погодинымъ, напечатанъ въ „Москвитинѣ“ 1842 г., кн. I., стр. 300—306.

(6) Къ стр. 60. — Въ указѣ объ отставкѣ служба Александра Ивановича означена слѣдующимъ образомъ: въ службу вступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ актуариусомъ (14 класса), съ причисленіемъ къ Московскому архиву 1823 г. мая 23; переимѣненъ къ дѣламъ коллегіи 1826 г. ноября 6; произведенъ въ переводчики (10 класса) со старшинствомъ съ 23 мая 1826 г.; прикомандированъ на время въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, для употребленія по дѣлопроизводству въ канцелярію комитета, Высочайше утвержденнаго 23 мая 1828 г., для начертанія проекта устава протестантскихъ церквей въ Россіи, съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ коллегіи 1829 г. марта 1; Всемилостивѣйше пожалованъ ему бриліантовый перстень 1829 г. апрѣля 14; указомъ Правительствующаго Сената отъ 26 августа 1829 г. произведенъ въ титулярные совѣтники со старшинствомъ съ 1829 г. мая 23; пожалованъ въ коллежскіе ассесоры 1831 г. мая 10; изъ иностранной коллегіи по прошенію, за разстроенымъ здоровьемъ, уволенъ отъ службы 1832 г. марта 4; по предложенію г. московскаго военнаго генералъ-губернатора допущенъ къ исправленію должности совѣтника московскаго губернскаго правленія 1833 г. октября 18; Правительствующимъ Сенатомъ утвержденъ въ должности совѣтника сего правленія 1833 г. декабря 11; по прошенію уволенъ вовсе отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ надворнаго совѣтника 1835 г. мая 12. Въ отпускахъ находился: 1827 г. съ 27 іюня на 28 дней; 1828 г. съ 22 іюля на 2 мѣсяца; въ 1831 г. съ 26 мая на 4 мѣсяца для поѣздки за границу, но въ срокъ не явился, а въ ходатайствѣ о продолженіи ему отпуска на годъ отказано; въ 1833 г. съ 6 іюня на 28 дней, но въ срокъ не явился и представилъ свидѣтельство о болѣзни.

(7) Къ стр. 62. — Воспоминаніе о Семенѣ Егоровичѣ Рачѣ помѣщено М. Дмитриевымъ въ „Моск. Вѣдом.“ 1855 г., № 141, и отдѣльно брошюрой, М. 1855 г. Въ „Галатеѣ“ помѣщены стихотворенія костромскаго поэта Анны Ивановны Коркиловой, урожденной Готовцевой, къ которой обращены извѣстныя посланія Пушкина, въ отвѣтъ на посланіе къ нему Готовцевой и кн. Вяземскаго. Кромѣ того г-жа Готовцева помѣстила стихотвореніе „Одиночество“, переводъ изъ Лямартина, въ „Сынѣ Отечества“ за 1826 годъ и нѣсколько стихотвореній въ альманахѣ „Сѣверныя Цвѣты“, издававшемся бар. Дельвигомъ.

(8) Къ стр. 79. — Сочиненія князя Одоевского помѣщены въ „Вѣстн. Европѣ“: 1822 г.: „Странный человѣкъ“ (IV, 143—146); отрывки изъ Лабрюера (V, 61—65); „Похвальное слово невѣжеству“ (V, 280—298); „За Дамскій журналъ“ (VI, 146—150). — 1823 г.: „Дни досады“ (III, 34—45; 206—216; IV, 219—226; 298—312; V, 24—48; 104—325). — 1824: „Нѣсколько словъ о кантатахъ г. Верстовскаго“ (V, 64—69). Къ другимъ статьямъ, помѣщеннымъ подъ рубрикою „Писемъ къ Лужницкому старцу“, принадлежатъ: а) статьи юмористическія Григ. Фед. Квитка-Основьяненко, подъ различными псевдонимами: Аверьянъ Любопытный (1820 г., № 5, мартъ), Письма Власа Терпилова старшаго и младшаго (№ 7, апрѣль), Ал. Шестеркина (№ 11, июнь), Фалалей Повтукхнъ (1822 г. I, 306—314; II, 232—235); б) лику, означавшему себя цифрами 1—19, юмористическое письмо о Причуднѣ (1820 г., № 10, май); в) Юноши бѣлаго горда — статья о критикѣ и литературѣ (1821 г. №№ 5 и 6); д) N. N. — статья о театральныя пьесахъ и представленіяхъ (1821 г., № 21; 1822 г., III, 302—310); е) М. П. Погодина — по вопросамъ изъ общественной жизни (1823 г. I, 11—20; II, 151—153; III, 227—216; см. Барсуک. „Жизн. Погодина“, стр. 226).

(9) Къ стр. 81. — Директоръ Пажескаго корпуса Энгельгардтъ далъ такой отзывъ о Кюхельбекерѣ: „Читалъ все и обо всемъ; имѣеть большія способности, прилежаніе, добрую волю, много сердца и добродушія, но въ немъ совершенно нѣтъ вкуса, такта, граціи, мѣры и опредѣленной цѣли. Чувство чести и добродѣтели проявляется въ немъ иногда какимъ-то донъ-кихотствомъ. Онъ часто впадаетъ въ задумчивость и меланхолію, подвергается мученіямъ совѣсти и подозрительности, и только увлеченный какимъ-нибудь обширнымъ планомъ выходитъ изъ этого болѣзненнаго положенія. Въ дѣтствѣ онъ былъ одержимъ пляскою св. Витта, а отецъ его умеръ отъ чахотки, которая и ему угрожаетъ“ (Гаевскій, „Современникъ“ 1863, кн. 8, стр. 377).

(10) Къ стр. 87. — Библиографическій списокъ, соч. Кюхельбекера, помѣщенъ на страницахъ 262 и 263 этой книги. Въ списокѣ пропущены: 1815 г. *Амфионъ*: „Мертвый живому“ (сент., стр. 25); „Пѣснь лаландца“ (ibid., 34). 1820 г. *Сынъ Отечества*: критическая статья о собраніи стихотвореній А. Буниной (ч. 61, 166). 1824 г. *Полярная Звѣзда*: „Святополькъ“ (266). 1825 г. *Соретователь просвѣщенія*: „Хоръ аргивинъ“ (XXX, 301); „Другой хоръ аргивинъ“ (XXXI, 101). Кромѣ того послѣ уже смерти Кюхельбекера напечатаны были въ „Отечественныхъ Запискахъ“, безъ имени автора 1861 г. стихотворенія: 19 октября 1836 г. (т. 139, 38) и 19 октября 1837 г. (ibid., 40). Въ „Библиографическихъ Запискахъ“ 1858 г. помѣщена замѣтка Кюхельбекера въ альбомѣ С. С. Н.—ой, 1820 года.

(11) Къ стр. 87. — Въ напечатанномъ въ *Русской Старинѣ* „Дневникѣ“ Кюхельбекера болѣе замѣчательны слѣдующія мѣста: сущность искусства по Теллину (XIII, 500); что такое юморъ (502—503); отзывъ о сценѣ явленія духовъ въ траг. Шекспира „Ричардъ III“ (511); о вѣротерпимости (516—517); о „Собраніи древнихъ стихотвореній“, изд. Калайдовичемъ (XIV, 77 и 78); отзывъ о поэмѣ Крабба „The village“ (78); отзывъ о ком. Грибоѣдова „Горе отъ ума“ (85).

(12) Къ стр. 94. — Цензура началась у насъ съ духовныхъ книгъ. Первымъ ново-

домъ въ ея возникновеніи было появленіе въ кievской и черниговской монастырскихъ типографіяхъ печатныхъ церковнослужебныхъ книгъ „со мною противностью Восточной церкви, одніи по желанію раскольническому, другія со мною люторскою противностью“. Вслѣдствіе того сенатскимъ указомъ 5 октября 1720 года (П. С. З. № 3653) между прочимъ повелѣно: „никакихъ книгъ ни старыхъ, ни новыхъ изданій въ тѣхъ типографіяхъ не печатать, не объявлять объ оныхъ въ духовной коллегіи“. Это распоряженіе обобщено съ изданіемъ Духовнаго Регламента 25 января 1729 г. (П. С. З. № 3718). Въ Регламентѣ повелѣно: „аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и тое-бъ не печатать, но первѣе презентовать въ коллегіумъ. А коллегіуму разсмотрѣть должно, нѣтъ ли какаго въ письмѣ ономъ прегрѣшенія, ученію православному противнаго“ (ч. III, о должностяхъ, § 3). Установленіе свѣтской цензуры явилось сначала въ видѣ частной мѣры, при выдачѣ привилегіи на заведеніе частныхъ типографій. Такъ въ дозволеніи книгопродавцамъ Вейтбрехту и Шпору завести въ С.-Петербургѣ первую частную типографію, которой разрѣшено было печатаніе русскихъ книгъ (указъ Сената 22 августа 1776 г., П. С. З. № 14495), между прочимъ вѣдено было въ обязанность печатать „книги и сочиненія, кои непередосудительны православной Грековосточной церкви, ни правительству, ниже добронравію; сего ради или все то, что токмо въ ихъ типографію къ печатанію отъ кого принесено или самими ими изъ чужихъ краевъ выписано будетъ, означать въ ихъ каталогѣ издающихся книгъ; а сверхъ того, что у нихъ напечатано будетъ, то означать, что печатано въ ихъ типографіи“. При дозволеніи свободного заведенія вольныхъ типографій (указъ Сената 15 января 1783 г., № 15634), книги вѣдено было представлять въ управу благочинія, которой поручено было наблюдать, чтобы въ нихъ не было „ничего противнаго законамъ Божиимъ и гражданскимъ или же къ явнымъ соблазнамъ клоняющагося“. Въ 1796 году, по случаю появленія книги Радищева и дѣла Новикова и мартинистовъ, „въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ“, вольныя типографіи уничтожены, кромѣ особо дозволенныхъ; а для разсмотрѣнія книгъ, привозимыхъ въ Россію и печатаемыхъ внутри, учреждены цензуры изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при таможенѣ Радзивиловской, такъ какъ только чрезъ эти мѣста дозволялся привозъ книгъ изъ-за границы (указъ Сената 16 сентября, П. С. З. № 17508); а всѣ вообще дѣла по цензурѣ сосредоточены въ третьемъ департаментѣ Правительствующаго Сената (докл. Сената 16 февраля 1797 г., № 17811). Но учрежденныя такимъ образомъ цензуры не имѣли никакого общаго распоряженія правительства для своего руководства, такъ что императоръ Павелъ призналъ за нужное повелѣть, чтобы книги, признаваемыя цензурою не дозволенными и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять на разсмотрѣніе Совѣта (имп. ук. 4 іюля 1797 г., № 18032). Такимъ образомъ *первою общію правительственною мѣрою* по введенію у насъ цензуры должно считать Уставъ о цензурѣ отъ 9 іюля 1804 года (П. С. З. № 21388), изданный именно „для единообразнаго руководства въ разсматриваніи книгъ и сочиненій во всей Имперіи“. Уставъ этотъ былъ очень либеральный. На цензуру возложено было наблюденіе, чтобы не было ничего противнаго закону Божьему, правленію, нравственности и личной чести каждаго гражданина (§ 15). Цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій должна была руководиться благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнѣніямъ причинамъ кажутся подлежащими залрещенію. Когда мѣсто подверженное сомнѣнію имѣетъ двойной смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгодѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать (§ 21). Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданского состоянія,

законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежат и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающаго успѣхи просвѣщенія (§ 22). Цензурѣ запрещалось дѣлать самому какія-либо поправки, но, означивъ сомнительныя мѣста, предписывалось отсылать рукопись къ автору для поправленія (§ 16). Желѣзный цензурный уставъ, составленный Магницкимъ и компанією и проведенный министромъ Шишковымъ (10 июня 1826 г., II-е, П. С. З. № 403), сущность цензуры признавалъ въ огражденіи: а) наукъ и воспитанія юношества, б) нравовъ и внутренней безопасности и с) направленія общественнаго мнѣнія согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства (§ 6). Съ этою цѣлью въ цензурный уставъ внесены между прочимъ слѣдующія правила. Право изданія въ свѣтъ всякаго повременнаго изданія можетъ быть предоставлено только человѣку добрыхъ нравовъ, извѣстному на поприщѣ отечественной словесности, доказавшему сочиненіями хорошій образъ мыслей и благонамѣренность свою и способному направлять общественное мнѣніе къ полезной цѣли (§ 129). Всѣ вообще отрывки изъ поэмъ, повѣстей, романовъ, рѣчей, разсужденій, театральныхъ сочиненій и пр., не имѣющие полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной или, по крайней мѣрѣ, безвредной цѣли, подвергаются запрещенію (§ 150). Статьи подъ названіемъ критикъ и антикритикъ должны быть основаны на безпристрастныхъ сужденіяхъ и въ такомъ только случаѣ допускаются (§ 153). Строго наблюдается, чтобы въ произведеніяхъ словесности, какаго бы они рода ни были, не пропускалось ничего, стремящагося поколебать правила христіанской нравственности или умалить должное къ христіанскимъ добродѣтелямъ благоговѣніе (§ 162). Всякое сочиненіе или переводъ, въ которомъ порицаются или опровергаются правила христіанскаго воспитанія и образованія юношества, не можетъ быть одобрено къ печатанію (§ 163). Равнымъ образомъ запрещается всякое произведеніе словесности и искусствъ, противное добрымъ нравамъ, благопристойности или чести народной и личной (§ 164). Запрещается всякое произведеніе словесности не только возмутительное противъ правительства и поставленныхъ отъ него властей, но и ослабляющее должное къ нимъ почтеніе (§ 166). Всякое сочиненіе или переводъ, въ коемъ прямо или косвенно порицается монархическій образъ правленія, подвергается запрещенію (§ 168). Запрещаются къ печатанію всякія частныя людей предположенія о преобразованіи какихъ-либо частей государственнаго управленія или измѣненія правъ и преимуществъ, Высочайше дарованныхъ разнымъ состояніямъ и сословіямъ государственнымъ, и если предположенія сіи не одобрены еще правительствомъ (§ 169). Равнымъ образомъ запрещаются всякія разсужденія, въ которыхъ говорится безъ надлежащаго уваженія о государѣ, правительствахъ и политическихъ властяхъ вообще, или въ которыхъ предлагаются неумѣстные совѣты и наставленія какому бы то ни было правительству (§ 171). Если сочинитель, описывая послѣдовавшія въ разныхъ государствахъ противъ законной власти возмущенія, старается, прямо или косвенно, оправдывать виновниковъ оныхъ и закрывать происшедшія отъ того преступленія, ужасы и злосчастія дѣлныхъ народовъ; если всѣхъ сихъ горестныхъ послѣдствій не представляетъ въ спасительное поученіе современникамъ и потомкамъ, то сочиненіе его, осуждаемое справедливостію и человѣчествомъ, подвергается строгому запрещенію (§ 178). Такому же жребію подвергается всякое историческое сочиненіе, въ которомъ послатели на законную власть, понесшіе справедливое по дѣламъ ихъ наказаніе, представляются какъ жертвы общественнаго блага, заслуживавшія лучшую участь (§ 179). Общая или частная исторія народовъ, а также историческіе отрывки и разсужденія, которые по обрзу изложенія повѣствуемыхъ происшествій и по связи другихъ приводимыхъ въ нихъ обстоятельствъ обнаруживаютъ неблагопріятное къ монархическому правленію расположеніе, строго воспре-

щаются (§ 180). Исторія не должна заключать въ себѣ произвольныхъ умствованій, которыя не принадлежатъ къ повѣствованію и коихъ содержаніе противно правиламъ сего Устава (§ 181). Тѣмъ же правиламъ подчиняются книги географическія и статистическія (§ 182). Что касается до дидактическихъ умозрительныхъ сочиненій о правахъ и законахъ, заключающихъ въ себѣ теоріи о правѣ естественномъ, народномъ, гражданскомъ и уголовномъ, изложенныхъ въ видѣ метафизическихъ изысканій, то всякая вредная теорія, какъ напримѣръ о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, будто бы естественномъ, о мнимои составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога и тому подобное—отнюдь не должны быть одобряемы къ печатанію (§ 190). При разсмотрѣніи сочиненій о всѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукахъ, цензоръ обязанъ назначать къ исключенію всѣ произвольныя и бесполезныя отступленія, кои отвлекаютъ читателей и учащихся отъ вещественнаго къ духовному, нравственному или гражданскому міру. Принятія и переходы сіи обильно доводить до заблужденій и ни мало не способствуютъ къ основательному изученію естественныхъ и медицинскихъ наукъ (§ 192). По отношенію къ медицинскимъ наукамъ въ особенности наблюдать слѣдуетъ, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребило нѣкоторыя изъ нихъ орудіями къ поколебанію или, по крайней мѣрѣ, ослабленію въ умахъ людей неопытныхъ довѣренности священнѣйшихъ для человѣка истинъ таковыхъ, какъ духовность души, внутреннюю его свободу и высшее опредѣленіе къ будущей жизни (§ 193). Кромѣ учебныхъ, логическихъ и философскихъ книгъ, необходимыхъ для юности, прочія сочиненія сего рода, наполненныя безплодными и пагубными мудрованіями новѣйшихъ временъ, вовсе печатаемы быть не должны (§ 186). Относительно къ учебнымъ курсамъ логики и философіи цензоръ при разсматриваніи ихъ долженъ имѣть въ виду: 1) неприкосновенность истинъ божественнаго откровенія и 2) ненарушимость правилъ, на коихъ выждется общежитіе и благоправіе (§ 187). Уставъ запрещалъ къ печатанію даже сочиненія и переводы, въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей (§ 154). Не позволяется пропускать къ напечатанію мѣста въ сочиненіяхъ и переводахъ, имѣющія двоякій смыслъ, ежели одинъ изъ нихъ противяется цензурнымъ правиламъ (§ 151). Цензору приходится самому замѣнять одни слова другими или вымарать нѣкоторыя выраженія, но авторъ можетъ не принять такихъ перемѣнъ и тогда печатаніе рукописи запрещается (§ 60). Не дозволеныя цензурою мѣста не могутъ быть замѣляемы точками, могущими подать поводъ къ неосновательнымъ догадкамъ и превратнымъ толкамъ (§ 63). Авторъ несетъ на себѣ отвѣтственность и за одобренія цензурою къ печати сочиненія, ибо гораздо виновнѣе тотъ, кто, занимаясь на свободѣ однимъ только сочиненіемъ своимъ, обдумываетъ въ тишинѣ кабинета что-либо вредное для общественной безопасности и правовъ и потомъ издаетъ въ свѣтъ, нежели цензоръ, разсматривавшій сочиненія его по обязанности, на ряду со многими другими (§ 213). Въ Цензурномъ Уставѣ, составленномъ комиссіею, гдѣ участвовалъ кн. Одоевскій (Уставъ обнародованъ 22 апрѣля 1828 г., II-е П. С. З. 1779), само собою выкинуты всѣ эти запретительныя статьи и замѣнены общими въ слѣдующемъ видѣ: произведенія словесности, наукъ и искусства подвергаются запрещенію цензуры: 1) когда въ оныхъ содержится что-либо клеветящееся къ поколебанію ученія православной Грекороссійской церкви, ея преданій и обрядовъ или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры; 2) когда въ оныхъ замѣчается что-либо нарушающее неприкосновенность самодержавной власти или уваженія къ Императорскому дому и что-либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ; 3) когда въ оныхъ оскорбляются добрыя нравы и благопристойность; 4) когда въ оныхъ оскорбляется честь какаго-либо лица непристойными выраженіями или предосудитель-

нимъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветой (§ 3). Цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любу мудрiю. Она должна притомъ различать творенія дидактическія и ученія, назначаемыя для употребленія однихъ ученыхъ, съ книгами, издаваемыми для общаго употребленія (§ 8). Въ разсматриваніи сочиненій историческихъ и политическихъ цензура ограждаетъ неприкосновенность Верховной власти, строго наблюдая, чтобы въ оныхъ не заключалось ничего оскорбительнаго какъ для російскаго правительства, такъ и для правительствъ, состоящихъ въ дружественныхъ съ Россіею сношеніяхъ (§ 9). Цензура долженствуетъ обращать вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ всегда принимать за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. Объясненія автора на замѣченія цензуры мѣста допускаются, если только сіи объясненія не противны явному смыслу рѣчи (§ 6). Слѣдуя тѣмъ же правиламъ при разсматриваніи книгъ нравственнаго содержанія, цензура не дѣлаетъ придирки къ словамъ и къ отдѣльнымъ выраженіямъ, однако наблюдаетъ чтобы и въ сихъ словахъ и выраженіяхъ о предметахъ важныхъ и высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ (§ 7). Цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливыхъ или неосновательныхъ частыхъ мнѣній и сужденій писателя, если только они не противны общимъ правиламъ цензуры; не можетъ входить въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе, будь оно только не вредно, и не должна поправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ зауречію (§ 15).

(13) Къ стр. 114.—См. „Litterarische Bilder aus Russland“, herausgegeben von H. König. Stuttg. 1837.

(14) Къ стр. 120.—Библиографическій указатель сочиненій и переводовъ Рожалина въ *Московскомъ Вѣстникѣ* за 1827 г.: „Вотъ гдѣ былъ предатель“, эпизодъ изъ романа Гёте „Страствованія Вильгельма Мейстера“ (II, 17—47, 125—145); отрывокъ изъ китайскаго романа, переведеннаго Абель Ремюза, „Ю-кiao-ли, или двоюродныя сестры“ (III, 121—148); о „Рамайянтѣ“, индѣйской поэмѣ, изъ Герена (I, 304—321); о „Магабаратѣ“, оттуда же (IV, 394—407); сравненіе романовъ китайскихъ съ европейскими, изъ предисловія Абель-Ремюза къ роману „Ю-кiao-ли“ (III, 22—50); исторія о древней торговлѣ, изъ Герена (IV, 246—276); замѣчанія на историческія афоризмы, Погодина (I, 208—215); за 1828 годъ: о кометѣ 1832 года, изъ „*Journal de voyage*“ (X, 96—101); вычисленіе жизни средней и вѣроятной, соч. сэра Молле, пер. съ франц. (XII, 41—51); 1830 г.: посвященіе въ Египтъ, изъ „*Globe*“ (I, 417—420). Рецензія на книги: съ 1827 году: всеобщая исторія народовъ и государствъ въ средніе вѣка, соч. Лудска; опытъ политическій о новой Испаніи, Ал. Гумбольдта, изъ „*Bibl. Universelle*“ (III, 283—302; 389—400; IV, 103—125); „Сѣверныя Цвѣты“ на 1827 годъ, изд. бар. Дельвингомъ (III, 371—380); элегіи и другія стихотворенія Дм. Глѣзова, М. 1827 г. (IV, 82—84); пятый томъ разныхъ стихотвореній гр. Хвостова (IV, 84); 1828 годъ: „*Les favorites des Rois de France*“ (IX, 416—417); „*Chronicle of the Conquest of Grenada*“, соч. Вашингтона Ирвинга, изъ „*Globe*“ (I, 301—308); 1830 годъ: „Карелина, или заточеніе Марен посадницы“, Ф. Глинки (II, 56—68); „*Des sciences occultes ou essai sur la Magie*“, Евг. Сальверта, изъ „*Globe*“ (I, 190—191). Неизвѣстность, Рожалину ли принадлежитъ стихотвореніе, подписанное буквою Р.,—скорѣе Равчу: „Тоска души“ (1828, IX, 117—119). Кромѣ того Рожалинъ помѣстилъ отвѣтную статью на возраженіе Полеваго Веневитинову подъ именемъ Н. Р.—ина въ *Вѣстникѣ*

никъ *Европы* за 1825 годъ подъ заглавіемъ: „Нѣчто о спорѣ по поводу Онегина“ (ч. 144, № 17).

(15) Къ стр. 126. — Библиографическое указаніе статей В. П. Титова (В. Т.) въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1827 года: „Радость и печаль“, оригинальное произведеніе (II, 331—334; III, 11—21); „Печеная голова“, повѣсть взятая изъ книги „Приключенія Халжи-Баби испанскаго“ соч. Моріера (IV, 12—43); нѣсколько мыслей о зодчествѣ (I, 189—200); о достоинствѣ поэта (II, 230—236); извлеченіе изъ сочиненій Флетчера „О Русскомъ государствѣ“ (on the Ross. Commonwealth) (I, 346—352; II, 189—193); 1828 года: о романѣ, какъ представителяхъ жизни новѣйшихъ европейцевъ (VII, 169—184); о вышнемъ состояніи британскихъ владѣній въ Восточной Индіи изъ „Quarterly Review“ (XI, 28—48). Рецензіи на книги тамъ же въ 1827 году: опыты аллегорій или нѣсколькихъ описаній въ стихахъ и прозѣ соч. Ф. Глинки, С.-Пб. 1826 г. (I, 128—137); Платовы разговоры о законахъ, пер. съ греч. В. Соленскаго, М. 1827 г.; „The Praerie“, новѣйшій романъ Купера (VI, 336—343); „Voyage dans la Russie meridional“, par le Chev. Gamba, P. 1826 (IV, 410). Кромѣ того В. П. Титовъ, въ числѣ другихъ, участвовалъ въ „Критикѣ альманаховъ“, помѣщенной въ „Московскомъ Вѣстникѣ“. Въ альманахахъ: въ *Мнемозинѣ*: „Эмблемы“ (III, 24); въ *Сверной Лирѣ*: „Три единства“ (178); „Виль“ (223); въ *Сверныхъ Цыталь* подъ именемъ Тита Космократова, въ 1827 году: „Уединенный домикъ на Васильевскомъ Острову“; въ 1831 году: „Монастырь Св. Бригитты“ (125). — Дм. А. Веневитиновъ помѣстилъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ въ 1827 г. стихотворенія: „Монологъ Фауста въ пещерѣ“ изъ Гете (I, 11—12); „Моя молитва“ (I, 93); „Жизнь“ (I, 168); „Поэтъ“ (II, 34); „Жертвоприношеніе“ (II, 119); „Поэтъ и другъ“, элегія (II, 217—220); „Италія“ (II, 311—312); 1828 г.: „Крылья жизни“ (VII, 13—14); „На новый 1827 годъ“ (VIII, 3—4); прозою: „Отрывокъ объ Онегивѣ“ 1828 г. (VII, 468—469). А. А. Веневитиновъ помѣщалъ о трехъ единствахъ въ драмѣ, переводъ изъ „Теоріи драматическаго искусства“ В. Шлегеля (1827, III, 149—166; 256—274).

(16) Къ стр. 140. — Еще Бѣлинскій призналъ Нарѣжнаго (1780 — 1825) первымъ русскимъ романистомъ. Значеніе литературной дѣятельности Нарѣжнаго указано въ замѣчательномъ, къ сожалѣнію не оконченномъ, очеркѣ г-жи Бѣлозерской („Русск. Стар.“ 1888 г. май, июль и августъ). Въ заключеніе своей статьи г-жа Бѣлозерская высказываетъ слѣдующую весьма вѣрную характеристику Нарѣжнаго и его значеніе въ исторіи нашей литературы: „Только въ произведеніяхъ Нарѣжнаго мы встрѣчаемъ вполне самостоятельныя, ему принадлежащіе сюжеты, послѣдовательный законченный рассказъ, дѣльныя реальныя описанія, рельефно обрисованные типы и характеры. Если его можно упрекнуть въ недостаткѣ художественнаго вкуса, въ избыткѣ дѣйствующихъ лицъ, запутанной завязкѣ, неизмѣнномъ торжествѣ добродѣтели надъ порокомъ и пр., то это была неизбежная дань времени и вліянію предшествовавшей подражательной литературы. Вездѣ, гдѣ Нарѣжный касается современной дѣятельности въ словъ литературныхъ произведеніяхъ, онъ является вполне самобытнымъ, изображаетъ реальныя русскія бытъ, русскіе нравы и русскихъ людей съ ихъ характерными особенностями, привычками, типичными чертами. Если, съ одной стороны, реализмъ въ его романахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ предшествовавшей литературы, доходить до грубости, почти цинизма, то, съ другой, вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности приводитъ его къ изображенію глубоко прочувствованныхъ положеній, гдѣ „слиплится смѣхъ съвѣзъ слезамъ“. Здѣсь юморъ его по своей безпощадности доходитъ до высокаго драматизма, какъ напримѣръ въ описаніи крайней нищеты кн. Чистякова, въ первой части „Россійскаго Жюльбаза“, а также въ отдѣльныхъ сценахъ другихъ его произведеній. Такимъ образомъ Нарѣжный можетъ быть по справедливости при-

знавъ родовачальникомъ не только русскаго историческаго, но и *реальнаго* романа. Заслуга эта всецѣло принадлежитъ ему, тѣмъ болѣе, что при жизни онъ не имѣлъ соперниковъ. Романы Булгарина, Загоскина, Лажечникова, Вельтмана стали появляться четыре года спустя послѣ его смерти, а именно съ 1829 года (августъ, 165—6). Въ романѣ Нарѣжнаго „Бурсакъ“, который, несмотря на вымышленную и шаблонную обстановку приключеній съ главными героями, можетъ быть прочтенъ не безъ интереса и теперь,—есть живой типъ философа Сарвила, семинариста, котораго невозможныя условія замкнутой семинарской жизни того времени бросаютъ въ шайку разбойниковъ. Въ романѣ „Два Ивана, или страсть къ табачкѣ“, гдѣ лучше всего выдержанъ мѣстный малороссійскій колоритъ, живыми чертами описывается страсть малороссянъ „къ пошву“, къ табачкѣ, составляющая фонъ одной изъ лучшихъ новѣстей Гоголя. Сочиненія Нарѣжнаго были изданы два раза: 1-е изд.—„Новыя повѣсти“, 3 ч., неполное, С.-Пб. 1824 г. и 2-е изд.—полное, подъ заглавіемъ: „Романы и повѣсти В. Нарѣжнаго“, С.-Пб. 1835 - 6 г., въ 10 томахъ. „Бурсакъ“ перепечатанъ Сувориннымъ въ 1886 году. Но лучшій изъ романовъ Нарѣжнаго — „Россійскій Жилблазъ, или похождение князя Гаврила Симовича Чистякова“, появившійся въ 1814 году, приостановленъ былъ цензурою послѣ выхода третьей части и уже въ 1820 году составлялъ библиографическую рѣдкость, такъ что онъ не вошелъ въ собраніе сочиненій Нарѣжнаго.

(17) Къ стр. 163.—Противъ этого незаконнаго смѣшенія славянофиловъ съ шниковцами, въ недавнее время возобновленнаго А. Н. Панинымъ, возставалъ еще Чернышевскій. „Отчасти въ увлеченіи жаромъ полемики, еще болѣе потому, что смѣшивали истинныхъ славянофиловъ съ людьми, которые пустоту и ничлиность своихъ мыслей прикрываютъ напыщенными романтидами въ отрывочныя и непонятныя мысли, замшествованна на-прокатъ у славянофиловъ (намекъ на Шеврева), эту школу обвиняли во враждѣ къ наукѣ, въ обскурантизмѣ, въ стремленіи возвратить Россію къ временамъ Котошихина и т. д. Упреки эти дѣлались не по слѣпой ненависти, не по желанію взвести на противниковъ предосудительную небывальщину, а по искреннему убѣжденію въ ихъ справедливости; но они несправедливы,—по крайней мѣрѣ относительно такихъ людей, какъ гг. Аксаковы, Кошелевъ, Кирѣевскіе, Хомяковы,—рѣшительно несправедливы. Горячая ревность къ основному началу всякаго блага, просвѣщенію, одушевляетъ ихъ. Нѣтъ нужды лично знать ихъ, чтобы быть твердо убѣдену, что они принадлежать къ числу образованнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ людей въ русскомъ обществѣ; а эти качества достаточно ручаются за чистоту и возвышенность ихъ намѣреній. Считаемо излишнимъ прибавлять, что личный характеръ каждаго изъ этихъ людей выше всякой укоризны. Кто знакомъ съ славянофилами только по полемикѣ, которую вели петербургскіе журналы противъ стараго „Москвитинна“, тотъ ихъ не знаетъ“ („Современ.“ 1855 г., LV, 68 и 69).

(18) Къ стр. 171.—Замѣчательно, что именно въ фамиліи Хомяковыхъ произошло событіе, подтверждающее значеніе крестьянскаго міра относительно помѣщика. Одинъ изъ предковъ Хомякова, умирая бездѣтнымъ, предложилъ сходу своимъ крестьянъ избрать себѣ помѣщика изъ многочисленной его родни и, по указанію схода, назначилъ себѣ наследника (передано Дм. Ал. Хомяковымъ).

(19) Къ стр. 176.—Кремеръ былъ внослѣдствіи секретаремъ нашей миссіи въ Вашингтонѣ, потомъ повѣреннымъ тамъ въ дѣлахъ и, наконецъ, генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ, гдѣ и умеръ. Въ бумагахъ Александра Ивановича сохранилось одно къ нему письмо Кремера отъ 3 сентября 1854 г., гдѣ онъ рекомендуетъ своего пріятеля Хомутова, секретаря посольства въ Гагѣ, и проситъ помочь ему при устройствѣ его имѣнія въ Рязанской губерніи.

(20) Къ стр. 179.—Александръ Ивановичъ писалъ матери, что не только Госу-

дарь, но и англичане високаго мѣня о достоинствахъ адмирала Сивявина, какъ морскаго офицера, и что общественное мнѣніе указываетъ на него въ случаѣ какого-нибудь важнаго назначенія. Но это предположеніе не сбылось. 10 іюня 1827 г. Государь сдѣлалъ смотръ балтійскому флоту, состоявшему изъ девяти линейныхъ кораблей подъ командой Сивявина, и остался очень доволенъ его состояніемъ; но эскадра, участвовавшая въ Наваринской битвѣ, была подъ флагомъ контръ-адмирала гр. Гейдена, вѣроятно потому, что Сивявинъ былъ старше чиномъ избраннаго начальникомъ союзной эскадры, англійскаго вице-адмирала Кодрингтона.

(21) Къ стр. 180. — Дѣла иностранныхъ исповѣданій сосредоточены были въ главномъ управленіи, которое учреждено было въ 1810 году, а въ 1817 году присоединено къ министерству народнаго просвѣщенія. Указомъ 2 февраля 1830 г. оно присоединено къ министерству внутреннихъ дѣлъ, при министрѣ гр. Блудовѣ (съ февраля 1832 г. по 1839 г.).

(22) Къ стр. 184. — Комитетъ 6 декабря 1826 г. былъ учрежденъ по повелѣнію Импер. Николая, подъ предсѣдательствомъ кн. Кочубея; изъ слѣдующихъ лицъ: Васильчикова, кн. А. Н. Голицына, гр. Дибича, гр. П. А. Толстаго и Сперанскаго; правителями дѣлъ были сначала статсъ-секретарь Дашковъ и Блудовъ, а затѣмъ бар. М. А. Корфъ. Для этого комитета собственноручно начертана была Государемъ такая инструкция: 1) пересмотрѣть бумаги, найденныя въ кабинетѣ Императора Александра; 2) пересмотрѣть вышнее государственное управленіе; 3) изложить мнѣніе: а) что предполагалось, б) что есть, в) что оставалось бы кончить; 4) изложить мнѣніе, что нивѣ хорошо, чего оставить нельзя и чѣмъ замѣнить; 5) матеріаломъ къ сему употребить: а) то, что найдено въ кабинетѣ, б) что Балашову поручено было и в) что сами члены предлагать. Комитетъ, рассмотрѣвши проекты Балашова, призналъ ихъ во всѣхъ почти частяхъ несостоятельными. Въ комитетъ Сперанскимъ внесенъ былъ „проектъ учрежденія для управленія губервій“ и „введеніе“ къ нему. Проектъ этотъ, встрѣтившій сильную оппозицію въ министрахъ: финансовъ гр. Канкринъ и внутреннихъ дѣлъ гр. Закревскомъ, — былъ отстраненъ и комитетъ остановился на проектѣ приписываемомъ Балугьянскому. Но и этотъ проектъ остался безъ послѣдствій, такъ какъ комитетъ разложился, не исполнивши громадной порученной задачи (см. „Историч. обзоръ развитія администр. полиц. учреждений“, составл. Анучиннымъ). Комитетъ занимался между прочимъ и вопросомъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, и съ этою цѣлью въ комитетъ внесена была Сперанскимъ записка о крѣпостныхъ людяхъ, гдѣ между прочимъ предлагалось опредѣленіе отношеній между помѣщиками и крестьянами по добровольному съ ними договору. Кроме того комитетъ на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія долженъ былъ составить проектъ закона для прекращенія продажи людей безъ земель. Но немногія мѣры, предложенныя комитетомъ для улучшенія быта крестьянъ и дворовыхъ, остались также не приведенными въ исполненіе (Семевскій: „Крестыанскій вопросъ“, т. II, 3—11).

(23) Къ стр. 191. — См. статью Ловгинова: „Одинъ изъ мистиковъ XVIII столѣтія“ („Русск. Вѣстн.“ 1860 г., № 16, 584—587).

(24) Къ стр. 196. — Біографія кн. А. Н. Голицына изложена въ сочиненіи von Götzte „Fürst Galuzin“, Leipz. 1882. Кроме записокъ Бартенева, свидѣнія о кн. Голицынѣ встрѣчаются въ запискахъ Вигеля, Греча, Лубяновскаго, Стурдзы, де-Местра, Шяшкова, В. Панаева, арх. Фотія и въ статьѣ П. И. Мельникова „Изъ прошлаго“ („Русск. Вѣстн.“ 1868 г., апрѣль, 478—513). Въ „Beilage zur allgemeinen Zeitung“ (1889 г. №№ 94 и 95) помѣщено подъ заглавіемъ „Александръ I и апокалипсическій свидѣтель Левицкій“ интересное происшествіе, ярко характеризующее направленіе людей того времени. Въ 1791 г. у бѣднаго священника въ Подоліи

родился сынъ, обычнымъ порядкомъ достигшій тоже священничества, Левицкій. Почти одновременно Левицкій потерялъ мать, молодую жену и новорожденнаго ребенка; это произвело на него страшное потрясеніе и толкнуло его на путь мистацизма въ эпоху самаго сильнаго его распространенія. Не разрывая связи своей съ православіемъ, молодой священникъ углубился въ чтеніе сочиненій Юнга Штиллинга и Бенгела. Тогда было въ обычай принимать пророчества къ событіямъ современной жизни. Въ протестантской Германіи духовидцы и фантазеры, дотогѣ скромно проповѣдывавшіе пришествіе царствія Божія и торжество надъ антихристомъ въ уединенныхъ обществахъ піетистовъ южной Германіи и Эльзаса, проникли въ великобѣтскія гостиныя и наши усердныхъ слушателей въ лицѣ знатныхъ барынь и состарѣвшихся дипломатовъ. Тамъ повторались предсказанія Бенгела, Ушера и Франка о наступающемъ въ 1819 (или позже, въ 1836) году великомъ духовномъ возрожденіи человечества; тамъ обсуживались текуція событія съ теософической точки зрѣнія Юнга Штиллинга и Оберлина. Этимъ направленіемъ облазились и Левицкій. Въ Апокалипсисѣ есть между прочимъ такое мѣсто: „И дамъ двумъ свидѣтелямъ мѣны, и они будутъ пророчествовать тысячу двѣсти шестьдесятъ дней, будучи облечены во вретнице. Это суть двѣ маслины и два свѣтильника, стоящіе предъ Богомъ земли, они имѣютъ власть затворить небо, чтобы не шелъ дождь на землю во дни пророчествованія ихъ, и имѣютъ власть надъ водами—превращать ихъ въ кровь и поражать землю всякой извою, когда только захотятъ“ (Апокал. глава XI, ст. 3, 4 и 6). Порѣшавши, что возвышенный пророкомъ Исаею „князь язычниковъ“ есть не кто иной, какъ Наполеонъ, Феодосій Левицкій въ 1822 году прозрѣлъ въ своемъ лицѣ одного изъ „апокалипсическихъ свидѣтелей“ и довелъ о томъ непосредственно Императору Александру, увѣщевая его приготовиться къ немедленному наступленію „тысячелѣтняго царствія Божьаго“. 3 мая 1823 г. отецъ-Левицкій получилъ письмо отъ кн. А. Н. Голицына, гдѣ онъ назывался Государемъ въ Петербургъ, а черезъ нѣсколько времени послѣдовалъ указъ Св. Синода архіепископу каменецъ-подольскому Ксенофону о препровожденіи въ Петербургъ свящ. Левицкаго, съ приложеніемъ 600 р. и подробной инструкціи о предстоящемъ путешествіи. По прибытіи въ Петербургъ, Левицкій помѣщенъ былъ въ кельѣ на подворьѣ, гдѣ жилъ архіерей Иона; на другой же день Левицкаго постигъ кн. Голицынъ, принявъ благословеніе, распросилъ о всей его жизни и въ особенности о томъ, какъ онъ сподобился получить даръ особой благодати Божіей. Черезъ три дня Левицкій постигъ кн. Голицына, гдѣ онъ былъ представленъ Р. А. Кошелеву, ослѣпшему за три года передъ тѣмъ, и получилъ приглашеніе участвовать ежедневно въ благоговѣйныхъ упражненіяхъ. 27 мая 1823 г. Левицкій представленъ былъ Императору. Государь трижды принялъ благословеніе отца-Левицкаго, заявивши вѣру свою, что благодать Св. Духа передана была рукоположеніемъ св. апостоламъ и передается далѣе всѣмъ истиннымъ служителямъ св. церкви. При этомъ Имп. Александръ выразилъ Левицкому радость свою, что Господь сподобилъ Левицкаго особой благодати, обѣщавъ ему поддержку и давъ дозволеніе безъ всякихъ посредниковъ сообщать прямо ему, устно или письменно, всѣ ниспосланныя ему свыше откровенія. По повелѣнію Императора, Левицкій представленъ былъ членамъ Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ чтобы отъ нихъ получить помощь въ предстоящемъ ему великомъ дѣлѣ собранія и объединенія всѣхъ вѣрующихъ. Левицкій указывалъ, какъ на самое сподручное къ тому средство, на Библейское Общество. Вскорѣ нашелся и другой „апокалипсическій свидѣтель“: Левицкій указалъ его въ лицѣ друга своего, живущаго въ Подолѣ, заштатнаго священника Феодора Лисевича. И этотъ послѣдній указомъ Святѣйшаго Синода выписанъ былъ съ мѣстожителства въ Петербургъ. Надо отдать справедливость Левицкому, что онъ своимъ „откровеніямъ“ придавалъ практически полезный характеръ. Дѣломъ 1823 года Левицкій подалъ Императору подробную записку, гдѣ онъ между прочимъ указывалъ,

какъ на противныи духу Евангелія и вогъ божественной, то ужасное рабство, въ которомъ помѣщики Западнаго края держатъ своихъ крестьянъ, и учрежденіе военныхъ поселеній, не только не полезное для государства, но вредное и несправедливое. Известно, какъ гнѣвно Имп. Александръ встрѣчалъ всякія возраженія противъ этой выдумки, тщательно поддерживаемой и выполняемой Аракчеевымъ; поэтому нельзя не считать знакомъ особаго благоволенія того, что Имп. Александръ ограничился заявленіемъ чрезъ кн. Голицына своего сожалѣнія къ нападкамъ на военныя поселенія, но затѣмъ одобрилъ все остальное. Но вскорѣ положенъ былъ конецъ подвигамъ „апокалипсическихъ свѣдѣтелей“: 25 мая 1824 г. Голицынъ былъ уволенъ и дѣятельность Библейскаго Общества парализована. 7 ноября случилось наводненіе. Убѣжденный, что это бѣдствие ниспослано было въ наказаніе за изложеніе Голицына и сокращеніе дѣятельности библейскихъ обществъ, Левицкій, въ одно изъ слѣдующихъ за тѣмъ воскресеній, на Страстной недѣлѣ, произнесъ публично проповѣдь, гдѣ овъ между прочимъ, намекая на Голицына, указывалъ, что—вмѣсто дѣлъ покаянія и исправленія, самыя именитыя свѣтила церкви Господней, а въ лицѣ ихъ и самъ Господь, унижаются и преслѣдуются. На другой или на третій день Левицкій отвезенъ былъ въ уединенный монастырь на островъ Ладожскаго озера и отданъ подъ строжайшій надзоръ настоятеля. Пакетъ о томъ запечатанъ былъ печатью Аракчеева. Только въ декабрѣ 1827 г. Левицкій получилъ свободу и поселился на своей родинѣ въ Балтѣ.

(25) Къ стр. 198.— Стихотворенія Авр. С. Норова: 1818 г. *Благонам.*: отрывки изъ посланія Лагарпа къ гр. Анд. П. Шувалову (3, 126; 4, 14; 1820, 10, 102); „Геній бури“ (3, 257); „Стансы къ другу“ (тамъ же); два отрывка изъ дидактическаго опыта объ астрономіи (8, 181); 1819 г. *Благонам.*: „Скала двухъ любовниковъ“, романсъ (3, 12); „Пятнадцать лѣтъ и роза“, идиллія (3, 70); 1820 года *Вѣстн. Евр.*: „Тебѣ“ (15, 188); 1821 года *Благонам.*: „Смерть“ (15, 159); „Надпись на дверяхъ сельскаго домика“ (15, 268); *Смыслъ Отчества*: „Б—ву изъ Рима“ (68, 35); переводъ двухъ Петраркинскихъ сонетовъ (тамъ же, 39); отрывки изъ дидактическаго опыта объ астрономіи (68, 176; 71, 113); 1823 г. *Смыслъ Отчества*: „Альпы“, изъ дидактическаго опыта объ астрономіи „Пѣснь землѣ“ (84, 81); отрывокъ изъ третьей пѣсни поэмы „Адъ“, Данта (87, 183). *Соревноват.*: „Посланіе“. Въ *Свѣрхной Лири* Авр. Норовъ помѣстилъ отрывки изъ поэмы „Земля“ (148); „Франческа Римнина“, отрывокъ изъ Данта (193), „Жизнь древнихъ флорентинцевъ“, оттуда же (286).

(26) Къ стр. 206.—Любопытны тѣ предохранительныя мѣры противъ холеры, которыя излагаетъ Александръ Ивановичъ въ письмѣ къ матери (27 сентября 1830 г.). Овъ показывалъ, какая всеобщая паника охватила тогда все общество: „Запрещеніе крестьянамъ выходить изъ деревни и принимать кого-либо изъ постороннихъ въ своихъ домахъ; приказаніе управляющему два раза въ день обходить деревню и строго наблюдать, чтобъ приказъ этотъ непремѣнно исполнялся. Прикажете въ каждомъ домѣ поставить деготь. Запретить употреблать въ пищу все сырое. Надо воздерживаться отъ пользованія колодцами: они въ этой болѣзни очень вредны. Надо запастись лавцетомъ; если, Боже сохрани, болѣзнь обнаружится, прикажете сейчасъ же больному пустить кровь: это—единственное средство спасенія. Кромѣ того запасте простое вино, настоенное на стручковомъ перцѣ: надо этимъ натереть все тѣло больного, и если потъ начнется, то больной спасенъ. Я не могу вамъ сегодня прислать хлору, потому что все, что находилось въ продажѣ, раскушено“.

(27) Къ стр. 216.—Флассанъ (Gaet. R. de Flassan, 1760—1845) былъ во времена имперіи профессоромъ исторіи въ С.-Жерменской военной школѣ, а во время реставраціи получилъ титулъ исторіографа министерства иностранныхъ дѣлъ и отправленъ былъ на Вѣнскій конгрессъ. Важнѣйшее его сочиненіе, долго служившее настоль-

ной книгой для дипломатовъ, было „Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française ou de la politique de la France depuis la fondation de la monarchie jusqu'à la fin du règne de Louis XVI“. Paris, 1808 (6 vol. in 8).

(*) Къ стр. 218.—Въ 1826 г., знаменитый знатокъ китайскаго и монгольскихъ языковъ, Абель Ремюза (1788—1832) перевелъ съ китайскаго романъ подъ заглавіемъ *Iu-kiao-li, ou les deux cousines* (P. 1826, 4 vol); романъ этотъ былъ очень распространенъ между читателями на французскомъ языкѣ и выдержки изъ него были во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ того времени.

Къ стр. 259-й. I кн. (послѣдн. строчка).—Здѣсь произошла ошибка. Кн. Шаликовъ, какъ послѣдователь Карамзина, не могъ быть излюбленнымъ поэтомъ А. С. Шникова; таковымъ былъ С. А. Шихматовъ, авторъ неуклюжихъ лирическихъ пѣсенокъ: „Петръ Великій“ (С.-Пб. 1810), „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или спасенная Россія“ (М. 1807), пѣсни „Россійскому слову“ (С.-Пб. 1809), „Ночь на гробахъ“, подражаніе Юнгу (С.-Пб. 1812), „Сатиры“, подражаніе VIII сатирѣ Буало (С.-Пб. 1807) и различныхъ духовныхъ и элегическихъ стихотвореній. — А. С. Шникову кн. Ширяевскій-Шихматовъ посвятилъ стихотвореніе „Усердный возъ“ (С.-Пб. 1813).

Къ стр. 151-й II кн.—Заботы Н. Ст. Хомькова о русскихъ раненыхъ въ 1812 г. описаны въ письмѣ къ издателю „Сина Отечества“ военнаго доктора Ал. Владимірскаго („Синъ Отечества“ 1814 г., ч. XI, 173—174).

ПРИБАВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Статьи и рѣчи по случаю кончины А. И. Кошелева 12 ноября 1883 года.

№ 1. „Новости“ (13-го ноября): „Еще новая потеря въ ряду двигателей русской жизни, пионеровъ русскаго прогресса. Умеръ Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Около тридцати лѣтъ ратовалъ онъ громко, какъ честный и широко-образованный публицистъ, за всякій прогрессъ въ русской жизни, за свободу человѣческой личности, за свободу устнаго и печатнаго слова. И тогда, когда назрѣвали реформы прошлаго царствованія, и тогда, когда проводились онѣ въ жизнь, и тогда, наконецъ, когда началъ меркнуть свѣтъ реформъ,—слово Александра Ивановича громко раздавалось въ пользу и защиту этихъ реформъ, въ пользу освобожденія русской жизни отъ разнообразныхъ искусственныхъ путъ. Это горячее страстное слово человѣка убѣжденнаго было всегда чувствительнымъ противовѣсомъ гасителямъ свѣта, врагамъ добра и правды. Не менѣе извѣстно и дорого всей мыслящей Россіи имя А. И., какъ одного изъ талантливейшихъ русскихъ общественныхъ дѣателей. Въ теченіе 19-ти лѣтней почти практики земскихъ учреждений, Александръ Ивановичъ былъ несмѣняемымъ земскимъ гласнымъ, и, какъ общественный дѣатель, очень много способствовалъ выясненію разнообразныхъ практическихъ сторонъ земской дѣятельности, а также и всѣхъ тѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и условій, которыя сбиваютъ земство съ торной дороги и направляютъ его на ложный путь.“

„Словомъ, въ теченіе 30-ти послѣднихъ лѣтъ Александръ Ивановичъ Кошелевъ былъ однимъ изъ дѣятельнейшихъ и энергичнейшихъ борцовъ за правду и свѣтъ. Да будетъ незабвенна память о тебѣ, честный русскій человѣкъ, такъ горячо отзывавшійся на всяческой прогрессъ въ родной жизни, такъ искренно любившій родину и желавшій ей дѣйствительнаго добра!...“

№ 2. „Русскія Вѣдомости“ (13-го ноября): „Вчера, 12 ноября, въ 8 ч. утра, внезапно скончался, 76-ти лѣтъ отъ роду, извѣстный публицистъ, земскій дѣатель, бывшій министръ финансовъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1862 г.—А. И. Кошелевъ. Продолжительная и почтенная дѣятельность покойнаго хорошо извѣстна образованному обществу. А. И. Кошелевъ напечаталъ много статей, посвященныхъ основнымъ вопросамъ нашей жизни: обществу, земству и т. д. Онъ издавалъ и принималъ участіе въ изданіи нѣсколькихъ журналовъ и газетъ, которые имѣли значительное вліяніе на ходъ развитія нашей общественной мысли („Русская Бесѣда“, „Бесѣда“, „Земство“). Александръ Ивановичъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей славянофильства, товарищемъ Хомякова, Кирѣевскихъ и К. С. Аксакова. Въ Рязанскомъ земствѣ Александру Ивановичу принадлежала выдающаяся и часто руководящая роль. Заслуги покойнаго обезпечиваютъ ему почетное мѣсто въ немногочисленной средѣ энергическихъ земскихъ дѣателей и убѣжденныхъ публицистовъ.“

№ 3. „Современныя Извѣстія“ (18-го ноября): „Сегодня скончался Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Кончина послѣдовала внезапно: еще вчера покойный засѣдалъ въ думской финансовой коммисіи и бодро разсуждалъ о дѣлахъ“.

Описавши служебную и публицистическую карьеру Александра Ивановича, газета говоритъ въ заключеніе:

„Кошелевъ былъ большаго образованія человекъ; въ молодые годы изучалъ и Шеллинга, въ гѣта же зрѣлыя вниманіе его преимущественно, почти исключительно направлялось на вопросы политическіе, социальныя, финансовыя. По этой отрасли онъ слѣдилъ и за событіями, и за литературой до конца дней, и люди гораздо и гораздо болѣе его молодые должны были удивляться бодрости, свѣжести, можно сказать—юношеской горячности, сохранившейся въ немъ, несмотря на преклонныя гѣта. Это человекъ не знавшій отдыха. Безъ занятій и безъ интересовъ трудно было его и представить. И теперь какъ-то не вѣрится даже, чтобы дни его пресѣлись: столько въ немъ сохранилось жизни и огня.“

„Однимъ словомъ, мы потеряли одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, одного изъ видныхъ дѣятелей“.

№ 4. „Новое Время“ (19-го ноября): „Вчера Москва схоронила Александра Ивановича Кошелева. Кто не зналъ оригинальной фигуры этого почтеннаго, честнаго дѣтеля земли Русской? Кто не слышалъ его оригинальнаго говора, который ярко выдѣлялся надъ говоромъ толпы даже въ самыя шумныя и бурныя минуты общественныхъ собраній? Покойный волновался рѣдко и никогда не стремился импонировать собесѣдникамъ и противникамъ, но его слушали всегда внимательно и съ полнымъ уваженіемъ, иной разъ несмотря на несогласіе съ его взглядами. Секретъ уваженія и вниманія объясняется очень просто. Въ рѣчахъ А. И. Кошелева сказывался всегда человекъ искренне и твердо убѣжденный, знающій, чего онъ хочетъ, а искренность и твердость убѣжденій вездѣ и во все время были рѣдкими и высоко-цѣнными качествами.“

„Александръ Ивановичъ больше дѣлалъ, чѣмъ говорилъ, и дѣлалъ во-истину полезное, являясь на должной высотѣ призванія въ различныхъ сферахъ общественной и государственной работы. Общество, въ лицѣ думы, земства и печати, торжественно почтило его послѣднимъ надгробнымъ привѣтомъ. Онъ зарытъ. Память объ А. И. Кошелевѣ всегда будетъ жить въ потомствѣ; имя Кошелева принадлежитъ русской исторіи и займетъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ на блестящихъ страницахъ реформенной эпохи“.

№ 5. „Русскій Курьеръ“ (18-го ноября): „Въ 9 часовъ утра, 12 ноября, скончался внезапно извѣстный публицистъ и земскій дѣтель А. И. Кошелевъ. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ покойный былъ министромъ финансовъ въ Царствѣ Польскомъ. Съ 1815 года правительство наше постоянно назначивало нѣкоторыя суммы для сведенія баланса въ бюджетъ Польши. Но со вступленіемъ А. И. Кошелева въ управленіе финансами Царства Польскаго послѣдніе настолько были приведены въ порядокъ, что принята эта оказалась излишней и съ тѣхъ поръ край содержится на свои собственные средства. Это одна изъ важнѣйшихъ заслугъ покойнаго, отличавшагося замѣчательною честностью“.

№ 6. Рѣчь гласнаго М. Пржевальскаго въ засѣданіи Московской городской думы, 15 ноября, по поводу сообщенія о кончинѣ А. И. Кошелева:

„Среди насъ не стало одного изъ старѣйшихъ дѣятелей. Изъ списка гласныхъ Московской городской думы смертью вычеркнуто имя, пользовавшееся нашимъ глубокимъ и вполне заслуженнымъ уваженіемъ. Безспорное и неотъемлемое право на чувство человѣческаго уваженія имѣетъ тотъ, вся многолѣтняя дѣятельность кото-

раго была всецѣло проникнута горячею любовью къ свободѣ народа, къ его благу и его интересамъ. Поставленный судьбой въ счастливыя условія въ умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, покойный Александръ Ивановичъ Кошелевъ не зарылъ въ землю ни своихъ богатствъ, ни своего таланта, но до послѣдней минуты неизмѣнно и честно служилъ тѣмъ идеямъ, благодаря которымъ совершились реформы, составившія вѣчную, неизблемую славу прошедшаго царствованія. Его дѣятельность тѣсно и неразрывно связана съ великой эпохой — освобожденія крестьянъ, учрежденія новаго суда, введенія земскаго и городскаго общественнаго самоуправленія. Его имя значится среди той плеяды славныхъ русскихъ дѣятелей, имена которыхъ русский народъ будетъ вспоминать съ вѣчною благодарностью и запишетъ свѣтлыми буквами на страницахъ своей исторіи.

„Это были люди, въ которыхъ замѣчательная сила ума соединялась съ немалѣе замѣчательной энергіей и силою труда. Они работали неуставно до гробовой доски и смерть застигала этихъ честныхъ борцовъ добра и правды не на отдыхѣ, а среди трудовъ и занятій. Одинъ изъ немногихъ послѣднихъ представителей ихъ, А. И. Кошелевъ до самой смерти своей сохранилъ традиціи этого могучаго поколѣнія. 11-го ноября вечеромъ онъ работалъ въ стѣнахъ думы въ финансовой комиссіи, членомъ которой состоялъ, а на другой день, 12-го, уже лежалъ въ гробу. Отдадимъ же дань уваженія покойному не въ обычномъ лишь засѣданіи сегодня, но подобно тому какъ недавно мы почтили память великаго русскаго писателя, такъ теперь почтимъ память одного изъ нашихъ лучшихъ выборныхъ, какъ говорилось встарину — „излюбленныхъ“ людей. Я предлагаю, мил. гг., собраться въ думѣ и отслужить панихиду по А. И. Кошелеву“.

Предложеніе это было встрѣчено думою съ живымъ сочувствіемъ.

№ 7. „Русскія Вѣдомости“ (16-го ноября). Рѣчь председателя статистическаго отдѣла Московскаго Юридическаго Общества, профессора А. И. Чупрова, въ засѣданіи отдѣла 15-го ноября, по случаю кончины А. И. Кошелева:

„Сегодня проводили въ могилу А. И. Кошелева. Этотъ человѣкъ близокъ статистическому отдѣлу не только какъ дѣйствительный его членъ, присутствовавшій въ послѣднемъ засѣданіи, но еще болѣе какъ дѣятель, который въ теченіе долголѣтней жизни успѣлъ много потрудиться и словомъ и дѣломъ на благо родины.

„Имя Александра Ивановича неразрывно связано съ великой реформой, составляющей основу современной крестьянской жизни. Александръ Ивановичъ распространилъ мысль объ освобожденіи задолго до того момента, когда на ней сосредоточилось вниманіе государственной власти. Затѣмъ, въ періодъ разработки плана реформы, А. Ив. употребилъ всѣ свои силы къ тому, чтобы преобразование направилось въ интересахъ крестьянства. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землею. „Скорѣе вода пойдетъ противъ своего обычнаго теченія, — писалъ Кошелевъ въ 1857 году, — чѣмъ русскій поселянинъ можетъ быть оторванъ отъ земли, упитанной его цѣтомъ“ („Русская Бесѣда“ 1857 г., IV, 161).

„А. Ив. одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на огромную экономическую важность общиннаго землевладѣнія въ Россіи и необходимость, во что бы то ни стало, сохранить его при новомъ устройствѣ сельскаго быта. Статья его въ „Русской Бесѣдѣ“ (1857 г., кн. IV), вызванная начавшеюся полемикою между „Современникомъ“ и „Экономическимъ Указителемъ“, занимаетъ важное мѣсто къ литературѣ объ общинѣ, потому что въ ней, можно сказать, впервые ставится на практическую почву вопросъ о хозяйственномъ значеніи мірскаго владѣнія землею. Къ этой статьѣ примыкаетъ извѣстное письмо Ю. О. Самарина съ изложеніемъ теоріи тягловаго надѣла, равно какъ послѣдующія работы самого А. И. Кошелева. Два упомянутые пункта Кошелевъ считалъ самою существенною принадлежностью реформы.

„Мы убеждены,—писалъ А. Ив. въ программѣ журнала „Сельское Благоустройство“ за 1859 г.,—что освобожденіе крестьянъ съ землею должно быть нашимъ, т.-е. русскимъ, способомъ разрѣшенія великой подлежащей намъ общественной задачи. Мы убеждены, что общинное устройство, при общинномъ землевладѣніи, представляетъ вѣрнѣйшее средство къ обезпеченію осѣдлости и благоденствія крестьянъ, къ упроченію настоящихъ выгодъ землевладѣльцевъ и къ утвержденію спокойствія и могущества Россіи. Вотъ тѣ главные начала, которыя, по нашему мнѣнію, должны служить основой предстоящаго великаго дѣла“.

„Резнистое и настойчивое проведеніе этихъ началъ въ средѣ губернскихъ комитетовъ и въ печати въ ту пору, когда еще только намѣчались основанія реформы, составляетъ заслугу Кошелева, которой не забудетъ потомство. И послѣ реформы 19-го февраля 1861 года Александръ Ивановичъ постоянно сосредоточивалъ свои мысли на общественныхъ вопросахъ. Онъ неутомимо работалъ въ Рязанскомъ земствѣ, принималъ горячее участіе въ московскихъ городскихъ дѣлахъ и дѣлательно заботился о народномъ образованіи въ своемъ уѣздѣ, въ качествѣ предсѣдателя мѣстнаго училищнаго совѣта и устроителя вѣсколькихъ школъ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ А. Ив. не только являлся аккуратнымъ посѣтителемъ засѣданій, но постоянно принималъ на себя подготовительную черную работу. Въ рѣдкое изъ земскихъ собраній А. Ив. являлся безъ какого-либо доклада или проекта, всегда строго обдуманнаго и разработаннаго. Даже въ послѣднюю недѣлю передъ кончиной А. Ив. обсуждалъ въ думской комиссіи текущіе вопросы.

„Отличался твердыми и ясными убѣжденіями, А. Ив. постоянно стремился придать имъ возможно-широкую гласность.

„Онъ принималъ самое близкое участіе и матеріальными средствами, и личнымъ трудомъ въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій; въ концѣ 50-хъ годовъ имъ были вызваны къ жизни „Русская Бесѣда“ и „Сельское Благоустройство“, причемъ этотъ послѣдній журналъ имъ же и редактировался, въ началѣ 70-хъ годовъ—„Бесѣда“ и, наконецъ, въ наши дни—„Земство“, столь еще памятное всѣмъ намъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда условія нашей печати не допускали полнаго и свободнаго выраженія мнѣній, А. Ив. прибѣгалъ къ изданію своихъ брошюръ за границей. Но кромѣ печатнаго слова А. Ив. обладалъ еще другимъ средствомъ къ распространенію занимающихъ его идей. Въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ въ домѣ Кошелева собиралось въ одинъ и тѣ же дни все что было въ Москвѣ выдающагося по части литературы, науки и общественной дѣятельности. Здѣсь люди различныхъ возрѣвій и направленій, объединяемые радужною привѣтливостью хозяина, непринужденно высказывались и обмѣнивались мнѣніями относительно возникающихъ вопросовъ мысли и жизни.

„Есть еще одна сторона, вслѣдствіе которой становится для насъ дорогою память покойнаго сочлена. А. И. постоянно доказывалъ необходимость тщательнаго ознакомленія съ Россіей. „Прежде, чѣмъ толковать о чемъ-нибудь русскомъ, надо изучить это русское“, неустанно повторялъ онъ въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ. Вѣрныи такому взгляду, онъ охотно открывалъ страницы своихъ изданій для всякаго солиднаго изслѣдованія какихъ-либо сторонъ русской жизни, а также поддерживалъ матеріально и нравственно предпріятія частныхъ лицъ и ученыхъ обществъ по изученію Россіи. Онъ горячо привѣтствовалъ зарожденіе земской статистики въ Москвѣ и, радуясь ея успѣхамъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы организовать подобныя же изслѣдованія и въ Рязанской губерніи. Онъ же потомъ энергически защищалъ рязанскихъ статистиковъ противъ взведенныхъ на нихъ несправедливыхъ нареканій“.

Послѣ этой рѣчи присутствовавшіе, по приглашенію предсѣдателя, встали съ мѣстъ и, стоя, утвердивъ слѣдующую резолюцію: „Статистическое отдѣленіе, узнавъ о кон-

члѣнъ дѣйствительнаго члена А. И. Кошелева, столь много словомъ и дѣломъ потрудившагося для блага Россіи, съ истиннымъ прискорбіемъ заносить это извѣстіе въ свои протоколы“ („Русскія Вѣдомости“ 18 ноября).

№ 8. Похороны А. И. Кошелева: „Вчера, 15-го ноября, похороненъ А. И. Кошелевъ. Передъ выносомъ тѣла покойнаго изъ дома его, на Поварской, отслужена была, въ 10 часовъ утра, панихида архимандритомъ Даниловскаго монастыря Амфилохіемъ. Гробъ перенесенъ былъ на рукахъ въ церковь Рождества, что въ Кудринѣ, находящуюся вблизи дома Александра Ивановича. Литургію и отпѣваніе совершалъ также архимандритъ Амфилохій соборне. Церковь была переполнена публикой. Здѣсь присутствовали, кромѣ родныхъ покойнаго, помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, много профессоровъ университета, гласныхъ Московской думы, Рязанская губернская земская управа въ полномъ составѣ, редакторы: „Русской Мысли“, „Руси“, „Русскихъ Вѣдомостей“, „Русскаго Курьера“, „Современныхъ Извѣстій“ и другіе представители печати. Около часа дня двинулась похоронная процессія отъ церкви Рождества по проѣзду Новинскаго бульвара, Кудринской площади, Поварской и черезъ Каменный мостъ къ Даниловскому кладбищу. Впереди процессіи несли вѣнки отъ редакціи „Русской Мысли“, бывшихъ сотрудниковъ газеты „Земство“, отъ редакціи „Русскаго Курьера“, отъ Общества сельскихъ хозяевъ, Общества любителей россійской словесности, отъ Московско-Рязанской желѣзной дороги, отъ Сапожковскаго уѣднаго земства и отъ служителей покойнаго.

„На гробѣ лежали вѣнки отъ Рязанскаго губернскаго земства и отъ Московскаго Юридическаго Общества. Всего было 10 вѣнковъ. За вѣнками несли на подушкахъ орденъ А. И. Кошелева. Затѣмъ слѣдовали пѣвчіе, духовенство, похоронная колесница съ гробомъ подъ катафалкомъ, родные покойнаго и длинный рядъ каретъ. Въ началѣ третьяго часа печальный кортежъ прибылъ къ воротамъ Данилова монастыря, гдѣ встрѣченъ былъ монастырскимъ духовенствомъ въ облаченіи.

„Могила для Александра Ивановича вырита на правой сторонѣ Даниловскаго кладбища. Похороны, несмотря на ихъ торжественность, носили болѣе семейный характеръ и на могилѣ рѣчей не было“ („Рус. Вѣд.“ 16-го ноября).

Примѣчаніе. Кромѣ того помѣщены болѣе или менѣе подробные некрологи А. И. Кошелева: въ „Русскомъ Курьерѣ“ 14 ноября; „Современныхъ Извѣстіяхъ“ 15 ноября; „Руси“ 15 ноября 1883 г. № 22; „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ В. Скалона 15 ноября № 314; „Газетѣ Гатцука“ 20 ноября № 4 9; „Новомъ Времени“: „Памяти земскаго челоуѣка“ 15 ноября; „Всемирной Иллюстраціи“, съ портретомъ, за январь 1884 года; въ „Русской Мысли“ за декабрь 1883 г. С. А. Юрьева и тамъ же въ „Петербуржскихъ письмахъ“; въ „Вѣстникѣ Европѣ“ за декабрь 1883 г.; въ „Русскомъ Архивѣ“ П. И. Бартенева; въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“: „А. И. Кошелевъ и Рязанское земское собраніе“, воспоминаніе А. Иванова, 25-го ноября.

ПРИБАВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Перечень переводовъ произведеній болѣ замѣчательныхъ европейскихкихъ авторовъ съ XVIII вѣка по 1830 годъ.

Курсивомъ напечатаны переводы, появившіеся въ теченіе XVIII вѣка.

Французская литература.

Д'Аламбертъ (1713—1785):

Собраніе разныхъ разсужденій, касающихся до словесныхъ наукъ, исторіи и философіи. Пер. протоіерей Ив. Харламовъ. Ч. 1. С.-Пб. 1784.

Сочиненія. Ч. 1, содержащая духъ философіи. М. 1790.

Д'Аржансъ (I. V. vic-te d'Argens, 1704—1771):

Приключенія кавалера Д... Истинная повѣсть. Съ фр. С.-Пб. 1772.

Счастливый флорентинецъ, или жизнь гр. де Ла-Валле. С.-Пб. 1763—1765; 2-е изд. С.-Пб. 1793.

Приключенія маркиза Г., или жизнь благороднаго человека, оставившаго свѣтъ. Пер. съ фр. Ив. Елагинъ. С.-Пб. 1756.

О блаженной или благополучной жизни, съ прибавленіемъ разсужденій о пріятной общежительной жизни изъ философ. здрав. разсужденія. Пер. съ нѣм. Ник. фонъ-Ларской. М. 1769.

Настоятель Килеринскій. Пер. съ фр. Изд. Рубанъ. 6 ч. С.-Пб. 1765—1731.

Влюбленный философъ, или приключенія гр. Момжана. Съ фр. пер. Н. Н. 2 ч. М. 1781.

Маркизъ Мирмонъ, или уединенный философъ. С.-Пб. 1783.

Счастливый флорентинецъ, или жизнь гр. де Ла-Валле. Съ фр. 3 ч. С.-Пб. 1763.

Блаженство, разговоры животныхъ. С.-Пб. 1767.

Д'Арленкуръ (1789—1856):

Пустынный дикой горы. Пер. съ фр. 1) М. Вороневскій, 4 ч. М. 1823; 2) Б. Враскій, 2 ч. С.-Пб. 1824; 3) М. Философовъ, 4 ч. Орелъ, 1824.

Отступникъ. 2 ч. М. 1828.

Отчужденная. Пер. А. Д. 2 ч. М. 1828.

Чужестранка. 3 ч. М. 1828.

С.-Марсъ, или заговоръ при Людовикѣ XIII. Съ фр. А. Очкинъ. С.-Пб. 1829—1830.

Ипсбюе. Пер. С. Шемшуринъ. Ч. 1. М. 1831.

Арно (Basculard d'Arnaud, 1718—1805):

Сидній и Силли, или благодарніе и благодарность. Пер. Д. фонъ-Визинъ. М. 1769; 2 изд. 1788.

Батильда, или геройство любви. С.-Пб. 1773.

- Жизнь Констанции, благородной дьявицы.* М. 1774.
Анна Белла. Англ. повѣсть. М. 1774.
Поэма Ельвира (въ стихахъ) и Зенатоллисъ, приключеніе Марсельское (прозою).
Пер. Ерм. Костровъ. М. 1779.
Адельсонъ и Сальвини. Англ. пов. М. 1779.
Розалія. Пер. Моис. Смирновъ. М. 1781; 2 изд. 1796.
Либманъ. Нѣм. пов. Пер. Моис. Смирновъ. С.-Пб. 1781.
Луція и Меленія, или двѣ великодушныя сестры. Пер. Авр. Оболенскій. М. 1782.
Макинъ. Англ. пов. Пер. А. Г. М. 1782.
Нанси, или пагубныя слѣдствія ревнивости и безразсудной вътренности. Пер. Моис. Смирновъ. С.-Пб. 1783. Друг. пер. Д. Т. М. 1810.
Гермель, или можетъ ли добродѣтельная жена на постоянство мужа своего совершенно положиться. С.-Пб. 1783.
Опасность городской жизни. Пер. Андр. Гривовскій. С.-Пб. 1784.
Базиль. Фр. пов. Пер. Е. Л. М. 1785.
Истинная и трагическая повѣсть Карла и Амалии. М. 1787.
Успокоеніе чувствительнаго человека (delaitements d'un homme Sensible), или собраніе сочиненій Арнода. М. 1788. Друг. пер. подъ заглавіемъ „Отдохновеніе чувствительнаго человѣка“. Пер. Н. Астафьевъ. Ч. 1. С.-Пб. 1808.
Вальме. Пер. Ив. Захаровъ. С.-Пб. 1790.
Меринваль. Траг. Пер. В. Кражовъ. М. 1792.
Саллибури. Пер. П. А. С.-Пб. 1792.
Варбекъ, или ужасная жертва честолюбія. Пер. съ франц. въ Сибири. Тамб. 1793. Друг. пер. М. 1820.
Авианада. Истор. отрывокъ. Пер. Кондр. Фроловъ. М. 1794.
Принцъ Бретанскій. М. 1794.
Сидній и Волсанъ. Пер. С. Ф. М. 1794.
Сокращенности достопамятныхъ происшествій изъ сочиненія господина д'Арно, названнаго имъ чтенія по сердцу человека чувствительнаго. М. 1794 (изд. неопред. періодическое).
Жестокая истина, или неосторожный опытъ. Пер. Ник. Купинъ. М. 1796.
Плачь Иереміи пророка. Поэма. Пер. архим. Анастасій. С.-Пб. 1797. Стихами пер. свящ. Гавр. Пакацкій. С.-Пб. 1814.
Жертва страсти, или пагубныя слѣдствія предразсудка. М. 1801.
Добродѣтельная женщина, или распутникъ любовью исправленный. М. 1803.
Достопамятныя и трогательнѣйшія историческія повѣствованія: возмущеніе Антиохійцевъ и избіеніе Фессалоникійцевъ. Пер. М. Вышеславцевъ. М. 1803.
Сардинія. Пер. М. Макаровъ. М. 1804.
Бартелеми (1716—1795):
Путешествіе въ Италію въ 1785 году. Пер. Ив. Мартыновъ. С.-Пб. 1801; 3 изд. 1817.
Путешествіе младшаго Анахарзиса по Греціи. Пер. П. Страховъ и Андр. Рудольскій. М. 1803—1819 (около половины).
Тоже. Пер. члены Россійской академіи: Нартовъ, Никольскій, гр. Дм. Хвостовъ, Ал. Севастьяновъ, В. Севергинъ, Ив. Дмитревскій и Яковъ Дружининъ. Изд. Росс. ак. С.-Пб. 1804—1809.
Сокращеніе путешествія Анахарзиса. Пер. Ив. Сиряковъ. С.-Пб. 1804 (1 часть).
Беркенъ (Berquin, 1749—1791):
Карлъ II. Драма. Пер. Ал. Алфимовъ. М. 1786.

- Пожаръ*. Драма. Пер. Ив. де-Маріево. С.-Пб. 1789.
Молодой Грандисонъ, служащій для дѣтскаго чтенія. 1792—1794.
 Тоже въ видѣ легчайшаго способа къ изученію франц. языка. Изд. Сем. Вельцинъ.
 М. 1806—1807; 2 изд. 1824.
Образецъ молодыхъ людей. М. 1799 (оригиналъ, переводъ съ голландскаго).
Друзь дѣтей. Пер. Пав. Пущинъ. С.-Пб. 1799.
Шарлотта, или утѣшеніе старика. Пер. дѣв. Харитоновна. М. 1803.
Простое введеніе къ познанію природы. Пер. Кражевъ. М. 1803.
Отборныя идилліи, подражаніе Геснеру. Пер. М. Кивриляновъ. С.-Пб. 1806.
Бернисъ, кардиналъ (1715—1794):
Четыре части дня (стих.). Пер. Пав. Голеннищевъ-Кутузовъ. М. 1805.
Очищенная религія. Поэма въ 10 пѣсняхъ. Пер. стихами. С.-Пб. 1816.
Битобе (1731—1808): Госифъ. Поэма. Пер. Д. Фонъ-Визинъ. М. 1769, 1780, 1787, 1790, 1802, 1819.
Бланшаръ (Р. Blanchard, род. 1772 г.):
Филетъ. Пастушескій романъ. Пер. Вас. Запольскій. М. 1802.
Фелиція Вильмаръ, или изображеніе человѣческой жизни. Пер. Ал. Чеботаревъ.
 М. 1805.
Плутархъ для юношества. Пер. Григ. Дубецкій. С.-Пб. 1808—1810. Другой переводъ. М. 1808—1809; 2-е изд. (умнож.) 1814; 3-е изд. 1823.
Дѣтское сокровище. М. 1810. Др. пер. П. Е. Бло-нскій. С.-Пб. 1812.
Сокровище для дѣтей на 1811 годъ. М. 1811.
Дѣтское утѣшеніе, или пріятное и полезное чтеніе. Пер. Л. С. М. 1814.
Бюффонъ для юношества. М. 1814.
Новѣйшая дѣтская бібліотека. 3 ч. М. 1815.
Плутархъ для прекраснаго пола. Соч. Бланшара и Проніака. М. 1816—1819.
Путешественникъ по всѣмъ частямъ свѣта, для юношества. Ч. 1-я. С.-Пб. 1820.
Путь къ благоумію. Пер. Н. В. М. 1821.
Картины природы и благодѣянія Промисла, избранныя изъ Бюффона, Фенелона и проч. Пер. Н. Кисловъ. М. 1822.
Феликсъ и Полина, или гробъ при подошвѣ горы Юри. М. 1831.
Боало Дебрео (1636—1711):
Критическія разсужденія на нѣкоторыя мѣста Лонгина. Пер. П. Отт. Хфр. М. 1807.
Осымая сатира. Пер. кня. Шихматовъ. С.-Пб. 1807. Др. пер. М. Зяповъ.
 М. 1822.
Наука о стихотворствѣ, въ 4 пѣсняхъ. Пер. гр. Хвостовъ. С.-Пб. 1808; изд. 2-е (съ приложеніемъ посланія Горация къ Пизонамъ) 1813; изд. 3-е 1818; изд. 4-е 1824; изд. 5-е 1830.
Четвертая сатира, вольный переводъ. М. 1811.
Вольный переводъ V и VIII сатиръ Анд. Соловьева. М. 1813.
Къ разуму. Сатира. Подр. гр. Хвостова. С.-Пб. 1820.
Десятая сатира. Пер. С. Т. Аксаковъ. М. 1821.
Сатира на женщинъ. Пер. Н. Теленевъ. М. 1829.
Бомарше (1732—1799):
Евгенія. Ком. Пер. Н. Пушкиновъ. С.-Пб. 1770; 2-е изд. М. 1788.
Семильскій цирюльникъ. Опера. Пер. съ итал. С.-Пб. 1782. Др. пер. въ Ярославлѣ. Изд. Калуга, 1794.
Филарова женитьба. Ком. Пер. Ал. Лабзинъ. М. 1787.
 Тоже. Пер. Д. Н. Барковъ. 1829 г.

Буасси (1693—1758):

Разумный вертопрахъ. Ком. въ 3 д. Пер. Вл. Луквинъ. С.-Пб. 1768.

Французы въ Лондонъ. Пер. Пел. Вельяшева-Волнянцева. М. 1782.

Говоруна. Ком. въ 1 д. Съ франц. переложена на русскіе нравы Н. Ильиничемъ. М. 1807.

Вервь сынъ (швейцарскій писатель, F. Verpey, родился въ Женевѣ 1762 г.):
Чувствительный путешественникъ, или моя прогулка въ Ивердюнъ. Пер. М. Алексѣевъ. М. 1802.

Вольтеръ (1694—1778):

Нескромный. Ком. въ 1 д. Пер. неизвѣстнаго. С.-Пб. 1766.

Вольный домъ, или Шотландка. Ком. въ 5 д. Пер. Ал. Протасова. М. 1763.

* *Задигъ, или судьба, восточная повесть, и Семъ каковъ есть, видныя Бабука, къ онымъ прибавлена элегя Клеона къ Циню.* Соч. Душа. Пер. съ фр. И. Голяницевъ-Кутузовъ. С.-Пб. 1765—1766, 1789, 1795.

* *Нанина, или побѣжденное предразсужденіе.* Ком. Пер. Ипп. Богдановичъ. С.-Пб. 1766; 2-е изд. М. 1788. Друг. пер. Ник. Кунина. М. 1807.

Опытъ историческій и критическій: О несогласіи церквей въ Польшу. Пер. Вас. Тредіаковскій. С.-Пб. 1768 (подъ именемъ Зос. Бурдигіона).

Существуютъ еще два перевода: одинъ — неизвѣстнаго, 1776; другой—кв. В. Мещерскаго. М. 1778 г.

* *Кандидъ, или оптимизмъ.* Пер. С. Башпловъ. С.-Пб. 1769; 2-е изд. 1779; 3-е—1789.

* *Принцесса Вавилонская.* Пер. Ф. Полуничъ. С.-Пб. 1770; 2-е изд. 1781; 3-е изд. М. 1788; 4-е—М. 1789.

* *Вадимы сказки, бѣлый и черный Жаннотъ и Колинъ и о праздникахъ французскихъ.* Пер. М. П. С.-Пб. 1771 (Михаилъ Поповъ).

* *Переписка Г. Вольтера съ епископомъ А., съ приложеніемъ поэмъ о нынѣшнихъ дѣлахъ.* С.-Пб. 1771. М. 1787.

Поэма о нынѣшнихъ дѣлахъ, или утѣщеніе о воспріятіи противъ Турокъ оружія (отдѣльно). С.-Пб. 1771.

* *Путь счастья человѣческаго.* С.-Пб. 1772; 2-е изд. М. 1790.

* *Исторія о крестовыхъ походахъ, съ прибавленіемъ: 1) Извѣстія о жизни турецкаго султана Магомета V; 2) Описаніе о происшедшей переменѣ въ Константинополѣ; 3) Путешествіе жизни человѣческой; 4) Набатъ.* Пер. съ фр. И. Вельяшевъ-Волнянцевъ. М. 1772; 2-е изд. 1782; 3-е—безъ прибавленій. С.-Пб. 1783.

Сократъ. Драма соч. Вольтера, подъ псевдонимомъ Томсона. Пер. Н. К. М. 1774; другой перев. Н. К. С.-Пб. 1780.

Мерона. Траг. Пер. стихами Вас. Майковъ. М. 1775.

Новое расположеніе человѣческаго разума. Пер. Ив. Вельяшевъ-Волнянцевъ. С.-Пб. 1775.

* *Генеральное мнѣніе о тактикѣ Гиберта.* Пер. Ф. Левченковъ. С.-Пб. 1777.

* *Три разговора: 1) Челобитчика со стряпчимъ; 2) 1-жи Мантоны съ дворяною Анкло; 3) Марка Аврелія съ Францискомъ.* С.-Пб. 1777.

** *Геріида.* Пер. Як. Княжичъ (бѣлыми стихами). С.-Пб. 1777.

Тоже. Пер. кв. Голицынъ. М. 1790.

Тоже. Пер. Ив. Сираковъ. С.-Пб. 1803 и 1822.

* *Смерть Цесарева.* Трагедія. Пер. Вас. Іевлевъ. С.-Пб. 1777; 2-е изд. М. 1787.

* *Древляно и новаго вѣка люди, или уборный столъ 1-жи маркизи Помпадуръ.* С.-Пб. 1777 (О. П. Козодовлевъ).

- * *Карментадово путешествие, изъ сатирическихъ сочиненій.* С.-Пб. 1778.
- * *Новое изданіе, называемое Набатъ на разбудженіе королѣй.* С.-Пб. 1779.
- * *Зайра.* Трагедія. Пер. съ франц. стихами А. Д. С.-Пб. 1779 (Адріанъ Дубровский).
- Тоже стихами. Ил. Полугарскій. М. 1821.
- Оптимизмъ, т.-е. наилучшій свѣтъ, продолженіе Кандида.* Съ нѣм. Н. Г. С.-Пб. 1779.
- *** *Тактика, переложенная стихами Е. Костровымъ.* М. 1779.
- * *Человѣкъ съ сорокъ талеровъ.* Пер. Богаевского. С.-Пб. 1780, 1786, 1792.
- ** *Похвальное надиробное слово Людовику XV.* С.-Пб. 1780.
- ** *Разсужденіе о воинскомъ искусствѣ.* Пер. стихами Дм. Огіевскій. С.-Пб. 1780.
- * *Объ эпическомъ стихотворствѣ.* С.-Пб. 1781. Пер. кн. Дашковой.
- * *Торжество милосердія, или повѣсть о жизни Амеросія Борели, собранная Жестерманомъ и переведенная съ англійскаго Вольтеромъ.* Русскій пер. М. 1782.
- * *Мемнонь.* Пов. Пер. Пу***чнѣкъ. С.-Пб. 1782. Другое изд. *Мемнонь* пер. Ив. Рахманновъ. С.-Пб. 1782.
- * *Мелкія повѣсти: О добромъ браминѣ, Духѣ унтенныхъ, Заидѣ и Маюметѣ.* М. 1783.
- Брутъ.* Трагедія. Пер. Вас. Іевлевъ. М. 1783 г.
- * *Аллегорическія, философическія и критическія сочиненія.* Пер. Ив. Рахманновъ. С.-Пб. 1784.
- * *Сатирическія и философическія сочиненія Вольтера.* М. 1784.
- * *Политическое заступаніе.* Пер. Ив. Рахманновъ. С.-Пб. 1785. Другое изданіе (съ извѣстіемъ о болѣзни, исповѣди и смерти Іос. Добре) пер. Рахманновъ. С.-Пб. 1785.
- Лѣтопись Имперіи отъ Карла Великаго до нынѣшняго времени.* Пер. г. Турковского. 5 ч. С.-Пб. 1786.
- * *Естественный законъ.* Поэма. Пер. Виноградовъ. С.-Пб. 1786; другой пер. А. Палицына. С.-Пб. 1802.
- * *Альзира, или американка.* Траг. Пер. стихами Пав. Карабановъ. С.-Пб. 1786; 2-е изд. 1798; 3-е изд. 1810.
- * *Слово похвальное французскимъ офицерамъ, умершимъ въ войнѣ въ 1741 г.* Пер. Н. Невлюевъ. М. 1787 г.
- Литеральное исповѣданіе.* Пер. Д. Б. (Дм. Серг. Болтинъ). С.-Пб. 1787. М. 1803.
- * *Россіянинъ въ Парижѣ.* Разговоръ. С.-Пб. 1788.
- * *Исторія, сокращенная, о смерти Жана Калласа.* Пер. Еф. Разнотовскій. С.-Пб. 1788.
- * *Китайскій сирота.* Трагедія. Пер. стихами Вас. Нецаевъ. С.-П. 1788.
- * *Микромеасъ, философическая повѣсть.* М. 1788. Пер. И. Рахманновъ.
- * *Сатирическій духъ г. Вольтера.* 2 ч. С.-Пб. 1788 (Иванъ Рахманновъ).
- Философическія рѣчи о человѣкѣ.* Пер. Ив. Рахманновъ. С.-Пб. 1788.
- * *Гурунь, или простодушный.* Пер. Н. Левицкій. С.-Пб. 1789; 2-е изд. 1802; 3-е изд. 1805.
- ** *Собраніе сочиненій Вольтера.* Пер. Ив. Рахманновъ. С.-Пб. 1785 и 1789. Изданіе 2-е дополненное. Ковловъ, 1792.
- * *Всячина. Отрывки изъ смѣси.* С.-Пб. 1789 (Ник. Евст. Левицкій).
- * *Смѣсь, содержащая статьи философическія, враоучительныя, аллегорическія и критическія.* Пер. Н. Л. Левицкій. 2 ч. С.-Пб. 1789.

- Эдилъ*. Трагедія. Пер. стихами кн. А. Голицынь. М. 1791.
- * *Малометъ*. Трагедія. Пер. П. Потемкинъ. С.-Пб. 1798; 2-е изд. 1810; друг. пер. Н. Остолопова. С.-Пб. 1824.
- * *Философическая и политическая переписка Имп. Екатерины II*. 1763—1778 г. Пер. Мартыновъ. С.-Пб. 1802, изд. Сопикова; друг. изд. М. 1802. Тоже, пер. съ фр. М. Антоновскій. С.-Пб. 1803. Тоже, пер. Ив. Фабьянъ. М. 1803. Тоже, пер. Ал. Поддѣсецкій. М. 1803.
- * *Позма на разрушеніе Лиссабона*. Пер. стих. Ип. Богдановичъ. С.-Пб. 1802; изд. 2-е 1809.
- * *Вѣлнй быкъ*. Повѣсть. Пер. Сем. Родзянко. С.-Пб. 1802; 2 изд. 1809.
- Опытъ на позвію эпическую*. Пер. Н. Остолоповъ. С.-Пб. 1802.
- * *Полное собраніе всѣхъ доннѣхъ переведенныхъ сочиненій Вольтера*. 5 част. М. 1802—1805.
- * *Духъ, или избранныя сочиненія г. Вольтера*. Смол. 1803.
- * *Исторія Карла XII*. М. 1803—1804; изд. 2 Орель, 1820.
- * *Романы и повѣсти*. 5 частей. М. 1805.
- * *Переписка Фридриха II съ Вольтеромъ 1756—1788*. М. 1805—1807. С.-Пб. 1816.
- * *Переписка съ д'Аламбертомъ*. Пер. Поддѣсецкаго. Ч. 1. М. 1805.
- * *Историческія записки о жизни Вольтера, съ присовокупленіемъ писемъ къ нѣкоторымъ знаменитымъ російскимъ вельможамъ*. Пер. Ник. Левяцкій. М. 1807—1808.
- * *Исторія Россійской имперіи въ царствованіе Петра В.* Пер. С. Смирновъ. М. 1809.
- * *Исторія царствованія Людовиковъ XIV и XV*. Пер. Ал. Воейковъ. 4 ч. М. 1809.
- * *Путешествіе сына Кандида въ Эльдорадо*. М. 1810.
- Анекдоты о Вольтерѣ*. М. 1810 г. 2 ч. неизвѣстнаго переводчика.
- Духъ, или избранныя сочиненія Вольтера*. 3 ч. М. 1812 (изданіе сожжено).
- * *Танкредъ*. Трагедія. Пер. Н. Гиздичъ. С.-Пб. 1816.
- В. Гюго (1802—1885):*
- Ернани, или кастильская честь*. Пер. Ротчевъ. С.-Пб. 1830.
- Послѣдній день приговореннаго къ смерти*. С.-Пб. 1830.
- Девульеръ (1637—1694):* *Идиллія*. Пер. стихами А. Мерзляковъ. М. 1807.
- Де-Лиль (Delille, 1738—1813):*
- Сады*. Пер. Карабанова въ его „стихотвореніяхъ“. С.-Пб. 1801.
- Тоже. *Сельскіе жители, или георгики французскія*. Пер. Евст. Станевичъ. М. 1803.
- Тоже. *Сады*. Пер. А. Палицынь. Харьковъ, 1814.
- Тоже. *Сады*. Пер. А. Воейковъ. С.-Пб. 1816.
- Дифирамбы на безсмертіе души*. Пер. А. Палицынь. М. 1804.
- Тоже. Пер. Ал. Лавинъ. С.-Пб. 1804.
- Тоже. *Безсмертіе души*. Пер. Ал. Писаревъ. М. 1820.
- Тоже. Пер. Ал. Склябовскій. Харьковъ, 1821.
- Де-Тушъ (Des Touches, 1680—1754):*
- Притворная Агнеса, или сельскій стихотворецъ*. Ком. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1764.
- Привидѣніе съ барабаномъ*. Ком. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1764.
- Раздумчивый*. С.-Пб. 1778.
- Троякая женитьба*. С.-Пб. 1787.
- Безстыдное любопытство*. Ком. М. 1788.
- Мотъ, или добродѣтельная обманщица*. Пер. П. А. С.-Пб. 1789.

- Женатый философъ. Ком. Пер. Вас. Каратигиъ. С.-Пб. 1827.
- Дидеротъ (1713—1784):
- Побочный сынъ, или испытаніе добродѣтели.* Пер. Ив. Яковлевъ. С.-Пб. 1765; изд. 2-е М. 1788; друг. пер. С.-Пб. 1798.
- Чадолубивый отецъ.* Комедія. Пер. С. Глѣбовъ. С.-Пб. 1765; изд. 2-е М. 1788.
- Удивительное мщеніе одной женщины.* Нравоуч. пов. Пер. Д. Рувичъ. М. 1796.
- Система познаній человѣчества, издаваемая при Энциклопедіи. С.-Пб. 1802.
- Жизнь Ричардсона, съ приложеніемъ похвального слова, написаннаго ему Дидеротомъ. Смол. 1803.
- Разсужденіе о воспитаніи. М. 1804.
- Дорать (1734—1780): *Несчастія отъ непостоянства пріисходящія, или письма маркизы Сири и гр. Мирбемъ.* Пер. М. Пушкинъ. С.-Пб. 1778; изд. 2-е 1788.
- Дюкре Дюмениль (1761—1819):
- Лолота и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставленныхъ на необитаемомъ островѣ.* Пер. Ф. Розановъ. М. 1789; 2 изд. 1796; 3 изд. 1804.
- Алексисъ, или домикъ въ лѣсу.* Пер. Ал. Печенѣговъ 1794; изд. 2-е 1800; изд. 3-е 1804.
- Яшенька и Жержетта, или приключенія двухъ младенцевъ, обитавшихъ на юрѣ.* М. 1796; 2 изд. 1804.
- Вечернія бесѣды въ хижинѣ, или наставленіе престарѣлаго отца.* Пер. Сав. Крыловъ. М. 1798—1799; 2 изд. 1807.
- Викторъ, или дитя въ лѣсу.* М. 1799—1800; изд. 2-е 1801; изд. 3 Орелъ, 1821.
- Катинька, или найденное дитя.* М. 1802; изд. 2 Орелъ, 1820.
- Леонъ, или таинственное дитя.* М. 1802—1805.
- Тоже: *Поль, или оставленная аренда.* М. 1802—1803.
- Целна, или дитя тайны.* М. 1802—1803; 2 изд. 1807.
- Вечера моея бабушки.* Волшебныя сказки для дѣтей. 1802—1803. Тоже вечера моея бабушки. М. 1803.
- Юлія, или исторія человѣческаго сердца.* М. 1803.
- Пальмиръ и Вольмениль, маленькія сироты.* М. 1804—1805; изд. 2-е М. 1819.
- Мишель, или отеческій домъ.* Пер. Ст. Смирновъ. М. 1807.
- Ельмова, или дочь гостиницы.* М. 1808—1809; изд. 2-е 1816—1817.
- Мальчикъ наигрывающій разными штуки колокольчиками.* М. 1810.
- Таинственная сирота, или развалины на берегу Темзы.* М. 1817.
- Источникъ Св. Екатерины, или отцомъ проданный сынъ.* М. 1820.
- Эмилию, или вечеръ моего отца.* М. 1821.
- Арбитскій замокъ, или Арциза, дитя несчастія.* Пер. М. В. Орелъ, 1827.
- Дюпати отецъ (1746—1788):* Путешествіе въ Итацію въ 1785 г. Пер. Ив. Мартиновъ. С.-Пб. 1800—1801; 3 изд. 1817.
- Дюпати сынъ (1775—1851):* Пажі герц. Вандомскаго. Соч. Дюпати и Діелафа. Пер. Яв. Лизогубъ. С.-Пб. 1813.
- Дюсясь (1733—1816):*
- Абифаръ, или арабская семья.* Траг. Пер. стихами Н. Гнѣдичъ. М. 1802.
- Отелло, или венеціанскій мавръ.* Пер. Ив. Вельяминовъ. С.-Пб. 1808.
- Г-жа Жанлисъ (1786—1830):*
- Голубокъ.* Комедія. Пер. С. Тихевскій. С.-Пб. 1789.
- Зелія, или искренность.* Ком. М. 1789.
- Дворецъ правды.* М. 1791.
- Новое дѣтское училище.* С.-Пб. 1792; тоже подъ названіемъ *Аделія и Теодоръ, или письма о воспитаніи.* М. 1794.

- Добрая мать.* Ком. Пер. Елиз. Баскакова. М. 1796.
Нравоученіе, служащее къ наставленію обою пола и всякаго званія людей. Пер. Ив. Виноградовъ. С.-Пб. 1796.
Спящая въ Спа. Ком. М. 1797.
Госифъ, узанный братьями своими. Ком. Пер. Мацневъ. М. 1799.
Велизарій. М. 1799; 2 изд. 1808; 3 изд. 1821. Друг. пер. сенат. Захарова. С.-Пб. 1808.
Безразсудные обѣты, или ослѣпленіе. М. 1802. Изд. 2. Орель, 1820.
Аделаида, или торжество любви. Пер. Ирин. Нелидовъ. С.-Пб. 1803.
Матери соперницы, или клевета. Пер. П. Домогатскій. М. 1803 — 1805. Изд. 2-е 1816.
Двѣ славн. Новая нравоучительная повѣсть. М. 1804.
Религія есть единственное основаніе счастья и истинной философіи. Пер. Вл. Болховитновъ. М. 1805.
Ида. Истинная повѣсть. С.-Пб. 1805.
Новая повѣсти г-жи Жанлисъ. Пер. Ив. де-ла-Кроа. Ч. 1. Митава, 1805.
Тоже. Пер. кн. Шаликовъ. 2 ч. М. 1818.
Г-жа Ментеновъ. М. 1806; 2 изд., Орель, 1825.
Богомолка. Пов. М. 1806. 2 изд., 1816.
Альфонсива, или материнская вѣжность. М. 1806—1807; 2 изд. 1815.
Графъ Коркъ, или великій человѣкъ. М. 1807.
Артуръ и Софронія, или любовь и тайна. Пер. Як. Лизогубъ. С.-Пб. 1807.
Сенклеръ, или жертва науки и художества. С.-Пб. 1807. Друг. пер. М. 1808.
Юанна. Франц. историческая повѣсть. С.-Пб. 1807.
Мысли остроумныя и пріятныя анекдоты, собранныя г-жей Жанлисъ подъ именемъ записокъ Фелиціи Л. 2 ч. М. 1808. Др. пер. Воспоминанія Фелиціи Л. М. 1809.
Ручная книга для путешествующихъ. М. 1808.
Размышленія. Пер. Дм. Болтинъ. М. 1808.
Награжденное гостепрѣимство. Драма. Пер. Ив. Раевскій. М. 1808.
Геройство 17-лѣтней знатной дѣвочки, или оклеветанная невинность. Перев. Ив. Кобрановъ. М. 1808—1809; изд. 2-е, Орель, 1816; изд. 3-е 1816—1817.
Тоже подъ заглавіемъ Осада Ларошели, или несчастье и совѣсть. М. 1808.
Маленькій Лабрюеръ, или картина юношескихъ нравовъ. Пер. Рудомаевъ. С.-Пб. 1808.
Духъ г-жи Жанлисъ. Выборка изъ всѣхъ ея сочиненій. М. 1808.
Молодой дикій, или опасное стремленіе первыхъ страстей. М. 1809.
Альфонсъ, или побочный сынъ. С.-Пб. 1809; друг. пер. М. 1809.
Дельфина, или приключенія графа М*. М. 1809.
Рыцари лебеди, или дворъ Карла Великаго. Пер. Кошанскій. М. 1809; тоже М. 1821.
Эмира и Волнисъ, или возвращеніе во Францію эмигрантовъ. С.-Пб. 1810; др. пер. М. 1810.
Маленькіе эмигранты, или переписка дѣтей. М. 1811.
Цѣфты, или артисты. Пер. В. Е—въ. М. 1811.
Герцогиня де-ла-Вальеръ. М. 1815; тоже пер. кн. Шаликовъ. М. 1815—1816.
Дѣвица де-Лафайетъ, или вѣкъ Людовика XIII. М. 1815—1816.
Екатерина Бурбонъ и Маргарита де-Валуа. М. 1815—1816.
Повѣсти г-жи Жанлисъ. Пер. Н. Карамзинъ. М. 1816.
Новый способъ наставленія малолѣтнихъ дѣтей. Орель, 1816.

- Исторія Генриха Великаго. Пер. кн. Шаликовъ. М. 1816—1817.
Отборныя статьи изъ журнала для юношества. С.-Пб. 1817—1818.
Площадь, или долина Баттисковъ. М. 1817—1818.
Гортензія, или жертва романовъ и путешествій. М. 1820.
Повѣсти изъ сочиненій Буэлера и Жанлисъ. С.-Пб. 1820.
Знатіе не по породѣ, или добродѣтель во всякомъ званіи можно найти. М. 1822.
Петрарка и Лаура. М. 1822.
Шесть нравственныхъ повѣстей. М. 1824.
Елизавета Баварская. Истор. отрывокъ. Орелъ, 1826.
Альфонсина и Далинда. М. 1830.
Жоффри (L. Fr. Jauffret, род. 1770):
Новый театръ воспитанія, служащій продолженіемъ театровъ г-жи Жанлисъ и Беркели. Пер. Вас. Левашовъ. С.-Пб. 1808.
Школа искусствъ, художествъ и рукодѣлій. М. 1820.
Жюи (Joüy, 1764—1846):
Весталка. Траг. въ стихахъ. Пер. Ал. Волковъ. С.-Пб. 1815.
Лондонскій пустынникъ, или описаніе нравовъ и обычаевъ англичанъ. Перев. де Шаллетъ. С.-Пб. 1822—1824.
Добродушный, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ. Перев. де Шаллетъ. С.-Пб. 1824.
Аттенскій пустынникъ, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ. Перев. де Шаллетъ. С.-Пб. 1825—1826.
Тоже Гильомъ чистосердечный, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ. Пер. де Шаллетъ. С.-Пб. 1827.
Гвіанскій пустынникъ, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ XI столѣтія. Пер. де Шаллетъ. С.-Пб. 1828.
Кампистровъ (1656—1723): *Ревнивый изъ заблужденія выведенный*. Ком. М. 1764.
Каракчиолли (1721—1803):
Истинный менторъ, или возстаніе дворянства. Пер. Ф. Полунинъ. М. 1769.
Открытое зеркало для всѣхъ или рѣдкое чудо нынѣшняго вѣка, о свойствахъ дружества. Перев. Евг. Сырейщиковъ. М. 1775.
Тоже подъ заглавіемъ *Характеры, или свойства дружества*. М. 1795.
Гласъ разума. Пер. Г. Смирновъ. М. 1786.
Гласъ вѣры. М. 1786.
Христіанинъ нынѣшняго вѣка, пристыженный христіанами первыхъ вѣковъ. Пер. съ нѣм. М. Лавенскій. М. 1787.
Загадочный міръ. Пер. Г. Смирновъ. М. 1788.
Обращеніе съ самимъ собою, въ которомъ показывается, что есть человекъ, и какія существенныя его части и проч., подъ смотрѣніемъ Пв. Сокольскаго. М. 1788.
О веселости нравственной и физической. Пер. діаконъ Ив. Михайловъ. М. 1797.
Величество души. Пер. свящ. Ив. Бобринскій. С.-Пб. 1804.
Разговоръ съ самимъ собою. Пер. кн. Кропоткинъ. М. 1817—1818.
Кольве (Colnet de Ravet, 1768 — 1832): *Пустынникъ С.-Жерменскаго предѣстія, или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ французскихъ въ началѣ XIX столѣтія*. Пер. А. Очнинъ. С.-Пб. 1826.
Г-жа Коттенъ (1773—1807):
**Взятіе Іерихова, или спасенная грѣшница*. С.-Пб. 1805.
Матильда, или записки, взятія изъ крестоваго похода. Пер. Дм. Бантынь-Каменскій. М. 1806.

- Другой переводъ В. Д. Москва, 1826 г.
- *Елисавета Л. (Дупалова), или несчастное семейство сосланнаго въ Сибирь. М. 1810 (изд. 2-е), 1816, 1824, 1830.
- *Амелія Мансфельдъ. М. 1810; 2 изд. 1817.
- Мальвина. М. 1816—1818.
- Наталья Беллозанъ, или завѣщаніе. М. 1817.
- П. Корнель (1606—1684):
- Смерть Помпея*, бѣлыми стихами. С.-Пб. 1779.
- Цинна, или Августово милосердіе*, бѣлыми стихами. С.-Пб. 1779.
- Сидъ*, бѣлыми стихами. С.-Пб. 1779.
- Родоуна*, прозою. М. 1788.
- Кребльзонъ (1674—1762):
- Катилина*. Траг. М. 1783.
- Исторія о принцѣ Селии, названномъ Пренаніемъ, и о принцессѣ Феленъ*. М. 1788. Изд. 2-е.
- Радомасть и Зенобія. Пер. Ст. Висковатовъ. С.-Пб. 1810.
- Лагарпъ (1739—1803):
- Исторія о странствіяхъ вообще по всемъ краямъ земнаго круга*. Соч. абб. Прево, сокращенная чрезъ Г. Лагарпа. Пер. Мих. Веревкинъ. 22 части. М. 1782 — 1787 (не полная).
- Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII в. противъ христіанскаго благочестія. Пер. Як. Бардовскій. М. 1810.
- Лихей, или курсъ словесности древней и новой. Пер. П. Карабановъ, П. Соколовъ, А. Никольскій и Дм. Соколовъ. Изд. Росс. акад. С.-Пб. 1810—1814.
- Графъ Варвикъ. Траг. Пер. Ос. Шарлевъ. М. 1814.
- Черный рыцарь. Историческій романъ VIII столѣтія. М. 1816.
- Филоктеть. Трагедія Софокла, съ франц. перевода Лагарпа. Пер. С. Ак—вицъ (С. Т. Аксаковымъ). М. 1816.
- Послѣвіе Лагарпа къ гр. Андр. П. Шувалову о дѣйствии сельской природы и о повѣи описательной. М. 1817.
- Лабреръ (1644—1696): Характеры или свойства различнаго состоянія людей нынѣшняго времени. Пер. Ник. Ильинъ. 2 ч. М. 1812.
- Г-жа де-Ламбертъ (Marg. de Lambert, 1647—1733):
- Письма къ ея сыну о праведной чести и къ дочери о добродѣтеляхъ приличныхъ женскому полу*. С.-Пб. 1761.
- Разсужденіе о дружествѣ*. Пер. С. Смирновъ. С.-Пб. 1772.
- Удалившаяся отъ свѣта женщина*. Новая повѣсть. М. 1772; друг. пер. С.-Пб. 1777.
- Басни восточныя* (?). Пер. Н. Поповъ, прозою. С.-Пб. 1779.
- Лантье (1734—1826):
- Автеноровы путешествія по Греціи и Азіи. Пер. П. Макаровъ и Гр. Яценковъ. М. 1802; 3 изд. М. 1822.
- Тоже. Пер. А. Леванда. С.-Пб. 1803; 2 изд. испр. 1813.
- Лафонтенъ (1621—1695): *Любовь Психи и Купидона*. Съ франц. 2 ч., съ присовокупеніемъ книги *Дворянинъ-философъ*, аллегорія. М. 1769.
- Г-жа Лафиттъ (1737—1794): *Увольненіе*. Ком. Пер. Висс. Воейковъ. С.-Пб. 1785.
- Ле-Бланъ (Leblanc de Guillet, 1730—1799): *Альбертъ I, или торжествующая добродѣтель*. С.-Пб. 1788.

- Легранъ (1678—1728):
Новопрізжіе. Ком. Пер. Ал. Волковъ. М. 1759.
Щеоловатый скороходъ, или одно минутное дѣло. Ком. Пер. Ив. Текутьевъ.
М. 1764.
Любовные оборотки. Ком. Пер. А. Хвостовъ. М. 1770.
Взаимный опытъ. Ком. С.-Пб. 1779.
Другъ всеетный. Ком. М. 1788.
Леонардъ (1744—1793):
Новая Клементина, или письма Генриетты де-Бервиаль. Пер. А. И. М. 1789.
Алексисъ. Пастушеская пов. Пер. П. Львовъ. С.-Пб. 1796.
Тереза и Фальдони, или письма двухъ любовниковъ, жившихъ въ Лионѣ. Пер. М.
Каченовскій. М. 1804; 2 изд. 1816.
Лесаажъ (1668—1747):
Положенія Жилблаза де-Сантисламы. Пер. Вас. Тепловъ. 1754, 1761, 1768, 1775,
1783, 1792, 1801, 1808, 1812, 1815 (посл. изд.).
* *Баккалааръ Саламанскій, или положенія Дона Керубина де ла Ронда*. Пер.
Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1763; 2 изд. 1784.
Положенія Естеванилла Гонзалеса. Пер. Н. Б. С.-Пб. 1765—1766.
Зулума, или непорочная любовь. Истор. пов. Пер. Ив. Кудрявцевъ. С.-Пб. 1768.
Повѣсть о хромоногомъ бѣсъ. Пер. Дм. Легкій и Дм. Мокъевъ. С.-Пб. 1763,
1774, 1775, 1785, 1791, 1807, 1816.
Замѣчательныя приключенія Гусмана д'Алфарата. Пер. Д. Щ. Ч. 1. М. 1785.
* *Гусманъ д'Алфаратъ*. Гипс. пов. Пер. А. Ключаревъ. М. 1804.
Тоже. Шалости забавнаго Гусмана, или каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могил-
ку. М. 1813.
Луазель Треогать (1752—1812):
Вальморъ. Франц. пов. Пер. Ник. Левицкій. М. 1781.
Вальморъ и Флоринна. Двѣ новости. Пер. П. Ш—ъ (Шаликовъ). М. 1802.
Элонза и Абеларъ, жертвы любви. Пер. Иос. Тукалевскій. С.-Пб. 1816.
Луве де Кувре (1764—1797):
Приключенія Шевалье де-Фоблаза. Пер. съ фр. 13 ч. С.-Пб. 1792—1796.
Жизнь кавалера Фоблаза. Съ фр. 4 ч. М. 1793.
Емилія Вармонтъ, или разводъ необходимый. Соч. Фоблаза. Пер. съ фр. Н. Д.
Ч. 1. М. 1793.
Емилія Вармонтъ, или разводъ по нуждѣ, и любовь пастора Севена. Съ фран. Ив.
Степановъ. 3 ч. С.-Пб. 1805; 2 изд. М. 1805.
Мабли (1709—1785):
Разговоры Фокляновы о сходности вѣроученія съ политикою. С.-Пб. 1772.
Размышленія о греческой исторіи. С.-Пб. 1773.
Объ изученіи исторіи (de l'idée sur l'histoire). Пер. Ег. Чляевъ. С.-Пб. 1772;
друг. пер. С.-Пб. 1812.
Начальныя основанія правоученія. Пер. М. Цвѣтковъ. М. 1803.
Мариво (1688—1763):
Жизнь Маріанны, или положенія гр. Д. Ком. Пер. Ал. Салтыковъ. М. 1762.
Игра любви и случая. Ком. Пер. В. Ш. М. 1769; 2 изд. 1804.
Вторично окрившаяся любовь. Ком. С.-Пб. 1773 (съ сокращеніемъ).
Обманъ въ пользу любви. Комедія. Пер. М. 1804; нов. пер. П. Катенина.
С.-Пб. 1827.

- Мармонтель (1728—1799):**
Нравоучительныя сказки. Пер. П. фонъ-Визивъ. М. 1764; 2 изд. 1787—1788.
Удивленія достойная деревенская красота, прекрасная Лауретта. Опера. М. 1765; 2 изд. 1774.
Велизуръ, переведенный на Волю Импер. Екатериною II и многими знатными особами. С.-Пб. 1768; 2 изд. 1773.
Велизарій. Пер. Курбатовъ. С.-Пб. 1769; 5 изд. 1804.
Велизарій. Пер. на славянскій. Вѣна 1777.
Велизарій. Съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ статей нравственной философіи. Изд. В. Сопикова. С.-Пб. 1803.
Испытанное дружество. Нравоучительная сказка. С.-Пб. 1771.
Счастливыя разводъ, или примиренное соединеніе супругов. С.-Пб. 1773; изд. 2, Смоленскъ, 1801.
Чудо изъ чудесъ, или женщина какихъ мало. С.-Пб. 1774.
Алиецъ, изльчившійся отъ своенравія, или исправленный челоуьконенавидиць. Нравоуч. св. С.-Пб. 1777.
Счастливыя солдатъ, или приключенія де-Верзала, именуемаго Беллерозъ. С.-Пб. 1778.
Инки, или разрушеніе Перуанской имперіи. Пер. М. Сушковъ. М. 1778; 2 изд. 1782; 3 изд. 1801; 4 изд. 1819.
Земира и Азоръ. Опера. М. 1783; 2 изд. 1784.
Добродѣтель. Пер. П. Бабушкинъ. М. 1788.
Счастливое семейство. Нравоучит. исторія. Пер. съ польскаго Андр. Красовскій. М. 1791.
Заблужденія нѣкотораго добродушнаго отца. Пер. А. П. М. 1792. Тоже и Палемоновъ. Пер. В. Малаховъ. М. 1808.
Новыя Мармонтелевы повѣсти. Пер. Н. Карамзинъ. М. 1794—1798; 2 изд. 1815; 3 изд. 1822.
Мои переводы. Ч. I. *Еленинъ треножникъ.* С.-Пб. 1797.
Повѣсти. Ч. III. Пер. А. Татаряновъ. С.-Пб. 1800.
Новыя Мармонтелевы повѣсти. Дополненіе къ изданнымъ Карамзиннымъ. Смол. 1805 (изд. 2).
Творенія, найденныя по смерти сочинителя и памятыя записки. Пер. Дм. Воронъ. С.-Пб. 1820—1821.
Мерсье (1740—1814):
Персиваль, или французскій Барлевиаль. Драма. Пер. И. В. М. 1778.
Ложный другъ. Драма. М. 1779.
Былецъ. Драма. Пер. Мар. Сушковой. М. 1784.
Таковъ нынѣ свѣтъ. Пер. Як. Нарцискинъ. С.-Пб. 1784.
Укусникъ. Драма. Пер. кн. Н. Г. М. 1785.
Картина Парижа. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1786 (I часть).
Симпатія. М. 1787.
Судья. Драма. Пер. Ал. Лабзинъ. М. 1788.
Зоа. Драма. Пер. Малиновскій. М. 1789.
Мой спальныи козпакъ. Пер. Ив. Рахманиновъ. С.-Пб. 1789.
Наталя. Драма. Пер. Серг. Каргопольскій. М. 1794.
Ромео и Юлія. Взятая изъ Шекспировыхъ сочиненій. М. 1795.
Гваделупскій учитель. Ком. Пер. Н. Брусилговъ. С.-Пб. 1800.
На что не отважится раздраженная любовь. М. 1802.
Похвальное слово Карлу V. Перевелъ В. Перовскій. М. 1809.

- Явная война, или хитрость против хитрости. М. Безъ означенія года.
Мильвуа (1782—1816):
Стихотворная рѣчь о независимости ученаго мужа. Пер. Вл. Измайловъ. М. 1806.
Эмма и Егиваръ, или ищеніе Карла Великаго. Пер. Дм. Глѣбовъ. М. 1825.
Материнская любовь. Пер. Д. Г. М. 1819.
Моліеръ (1622—1673):
Скупый. Пер. Ив. Кропотовъ. М. 1757; 2 изд. 1788.
Тартюфъ, или лицемеръ. Пер. Ив. Кропотовъ. М. 1757; 2 изд. 1788.
Школа женъ. Пер. Ив. Кропотовъ. М. 1757; 2 изд. 1788.
Школа мужей. Пер. Ив. Кропотовъ. М. 1757; 2 изд. 1788.
Комедіи, переведенныя Ив. Кропотовымъ (четыре предъидущія). М. (года не означено).
Сициліянецъ. М. 1776; 2-е изд. 1788.
Амфитріонъ. Пер. П. Свистуновъ. С.-Пб. 1767 г.; 2-е изд. 1788.
Жоржъ Дандинъ, или въ смятеніи приведенный мужъ. Пер. И. Чаадаевъ. М. 1776; 2-е изд. 1788.
Принужденная женитьба. М. 1779.
Лъкаръ по неволи. Пер. П. С(вистуновъ?). М. 1788.
Мизантропъ, или нелюдимъ. Пер. И. Е. М. 1788. Друг. пер. Ф. Козошкина. М. 1816.
Мъщанинъ въ дворянствѣ. М. 1788.
Любовь доктора. М. 1802.
Скапеновы обманъ. Пер. Ив. Смирновъ. М. 1803.
Хавшеевъ, или лицемеръ; въ стихахъ. М. 1809.
Мнимый роговецъ. Пер. А. Ротчевъ. М. 1825.
Монтанъ (Montaigne, 1533—1592):
Опыты Михайла Монтаньева. Пер. Серг. Волчковъ. С.-Пб. 1762 (не болѣе четвертой части плохаго перевода).
Корнелія Сидней, или молодая вдова. Пер. съ англійскаго Фед. Монтаньева, съ французскаго пер. К. Т. и Б. С. М. 1805.
Монтескѣ (M. de Secondat, Baron de Montesquieu, 1689—1755):
Размышленія о причинахъ величества Римскаго народа и его упадка. Пер. Ал. Погѣновъ. С.-Пб. 1769.
Храмъ Киндійскій. Пер. И. С. С.-Пб. 1770.
О разумѣ законовъ. Ч. 1-я. Пер. Вас. Краморенковъ. С.-Пб. 1775; 2-е изд. 1801.
Арзасъ и Именія. Пов. Пер. Ник. Страховъ. М. 1787.
Письма персидскія. Пер. Ф. Поспѣловъ. С.-Пб. 1789; друг. пер. Еф. Разготовскій. С.-Пб. 1792.
Лизимакъ. Пер. С. Башиловъ. С.-Пб.; годъ не означенъ.
Храмъ Венеры на островѣ Киндѣ. Поэма, прозою. М. 1804.
Опытъ о вкусѣ въ произведеніяхъ природы и художествъ. Пер. А. Воейковой. С.-Пб. 1808.
О существѣ законовъ. Пер. Дм. Языковъ. М. и С.-Пб. 1809—1818.
Арзасъ и Именія. Персид. романъ. Пер. Евг. Хилковъ. С.-Пб. 1810.
Монтольѣ (I. Is. baronne de-Montolieu, 1751—1832, род. въ Лозаннѣ):
Каролина Лихвильдъ. Пер. Гр. Яценковъ. М. 1816 (изд. 3-е).
Повѣсти Изобеллы Монтольѣ. 2 ч. М. 1816.
Хижина на высотахъ Альпійскихъ. Пер. Н. Побѣдинъ. М. 1817.
Сентъ-Клеръ островитянинъ, или изгнанникъ на островѣ Барро. Пер. Г. Трескинъ. 1817—1818.
Замокъ Курвилъ, или любопытныя записки фамиліи Курвилъ. М. 1819.

- Швейцарскія земли. М. 1821.
- Юлія, или семейственное благополучіе. М. 1822.
- Карлъ и Елена Мольдорфъ, или лишнія восемь лѣтъ. М. 1822.
- Двадцать одинъ годъ, или узникъ Шарфстейнскаго замка. Пер. Н. Бѣлоголовый. М. 1824.
- Рыцари ложки, любопытныя швейцарскія происшествія. Орель, 1830.
- Пиго ле-Бренъ (Pigault Lebrun, 1753—1835):
- Теодоръ, или Перуанцы. М. 1804.
- Сто двадцать дней, или четыре новости. Пер. Е. Лифановъ. Ч. 1-я, С.-Пб. 1806 (не цѣлое соч.).
- Карлъ и Каролина. Комедія. М. 1809.
- Господи́нь Кевленъ, или предвѣдніе. М. 1810.
- Дядя Тома. М. 1810.
- Прекрасный пажъ, или арестантъ въ Шпандау. М. 1816—1817.
- Услужливый маркизъ, или подарокъ въ день свадьбы. М. 1819.
- Валентинъ, или беззаботная голова. Пер. М. Виноградовъ. М. 1820.
- Господи́нь Богъ. Пер. И. Левицкіѳ. С.-Пб. 1828—1829.
- Пиронъ (1640—1727):
- Страсть къ стихотворству.* М. 1787.
- Прево абб. (Abbé Prevost d'Exiles, 1697—1763):
- Приключенія маркиза, или жизнь благороднаго человека.* Пер. Ив. Елагинъ и Вас. Лукьянъ. 1756—64, 1780, 1793.
- Тоже. Часть 7-я и 8-я, содержащая Исторію Маноны Леско.* М. 1790.
- Телемакъ новый, или путешествія и приключенія графа* и сына его.* С.-Пб. 1761 и 1762.
- Собраніе трогательныхъ повѣстей, любопытныхъ анекдотовъ и проч. 3 ч.* М. 1798.
- Г-жа Пренсъ де-Бомовъ (1711—1750):
- Самое распространенное ея изданіе подъ заглавіемъ: „Magasin des enfans ou dialogues entre une gouvernante et ses élèves“. Londres, 1757 г.,—переведено было подъ заглавіемъ: *Дѣтское училище, или правоучительные разговоры между разумною учительницею и знатными разныхъ лѣтъ ученицами.* Пер. П. Свинтуновъ. С.-Пб. 1761 г.; 2-е изд. 1788.
- Новый переводъ 1-жи М. М. Ч. 1-я.* С.-Пб. 1784.
- Новый переводъ Тим. Можайскаго. 4 ч.* С.-Пб. 1792—1794; изд. съ франц. подл. С.-Пб. 1794. М. 1795.
- Новый переводъ: *Дѣтское училище, или разговоры благоразумной наставницы съ ея воспитанницами.* М. 1800; 2-е изд. 1817.
- Другое сочиненіе, служащее продолженіемъ, подъ заглавіемъ: „Magasin des adolescentes ou dialogues entre une sage gouvernante et ses élèves“. Londres, 1760 г.,—переведено было такъ: *Юношеское училище, или правоучительные разговоры между разумною учительницею и многими знатными ученицами.* Пер. протоіер. Ив. Харламовъ. 4-я ч. М. 1774; 2-е изд. 1778 г.
- Училище юныхъ дѣвицъ, или разговоры матери съ дочерью.* Пер. А. М. М. 1784.
- Третье сочиненіе, подъ заглавіемъ „L'éducation complete ou abrégé de l'Histoire universelle, mêlé de géographie et de chronologie“. Londres, 1753 г.,—было переведено подъ заглавіемъ: *Воспитаніе совершенное, или сокращенная древняя исторія.* Пер. прот. Ив. Харламовъ. 3-я ч. М. 1784.
- * *Правила для общежитія, или наставленіе дѣвцамъ, содержащія священную и свѣтскую исторію и географію.* Пер. съ франц. М. М. 5 ч. 1800—1801. С.-Пб., изд. 2-е 1812.

Другія сочиненія:

Наставленіе молодым господамъ, вступающимъ въ свѣтъ и въ брачныя союзы, служащее продолженіемъ Юношескому училищу. Пер. Еф. Руничъ. М. 1788, изд. 2-е.

Увеселительная, любопытная и нравоучительная повѣствованія, выбранныя изъ II и III частей Франц. Матазеина, или поучительной и забавной библиотеки 1-жи де-Бомонтъ. Пер. съ фр. П. Котельниковъ. Калуга, 1795.

Училище бѣдныхъ работниковъ, слугъ, ремесленниковъ и всѣхъ низшаго класса людей. Пер. Н. Плещеева. 2 ч. М. 1808.

Кромѣ того, у Сопикова и Смирдина въ 1780 г. показаны слѣдующіе переводы:
Стяляночки. Ком. въ 1 д. М.

Счастливый островъ. Ком. въ 2 д., на русск. и франц. языкѣ. М.

Бѣднѣй философъ, нравоучительная повѣсть. С.-Пб.

Эти три сочиненія отдѣльно не поименованы у Керара (Fr. litteraire).

Расинъ (Jean Racine, 1639—1699):

Иевфай. Прозою пер. Иеромон. Аполлосъ. С.-Пб. 1778—1782.

Есфирь, прозою. М. 1783; 2-е изд. 1795. Пер. П. Катенинъ. С.-Пб. 1816.

Афалія. М. 1784. Другой перев. М. 1820.

Андромаха. Пер. стихами гр. Дм. Хвостовъ. С.-Пб. 1794; изд. 2-е—1811; изд. 3-е—1815; изд. 4-е—1821.

Ифигенія. М. 1796.

Федра. Пер. стих. В. Анастасевичъ. С.-Пб. 1805. Другой пер. въ стихахъ, М. 1821; 3-й перев. М. Лобановъ. С.-Пб. 1823; 4-й перев. въ стихахъ Окуловъ. С.-Пб. 1824; 5-й перев. стихами П. Чеславскій. С.-Пб. 1827.

Ифигенія въ Авлидѣ. Пер. стихами М. Лобановъ. С.-Пб. 1815.

Расинъ сынъ (Louis Racine, 1692—1763): *Благодать,* поэма. Пер. съ нѣм. Шатововъ. М. 1801—1802 (La religion).

Рейракъ (1734—1781):

На сотвореніе міра. Поэма. Пер. Пав. Дявовъ. М. 1785.

Солнце. Поэма, съ присовокупленіемъ другихъ сочиненій во вкусѣ сельскихъ вочей. Пер. Т. Можайскій. С.-Пб. 1783.

Ревъяръ (1655—1709):

Менелмы, или близнецы. Ком. С.-Пб. 1763.

Задумчивый. Ком. Пер. Вл. Лукинъ. С.-Пб. 1769.

Нечаянное возвращеніе. Ком. М. 1779.

Серенада, или музыкантъ по неволѣ. Пер. Мод. Окуловъ. М. 1788.

Де Ла-Рашфуко (1613—1680):

Духъ изящнѣйшихъ мнѣній. М. 1788.

Нравоучительныя мысли. Пер. Е. Т. М. 1798 (менѣе половинны).

Мысли, извлеченныя изъ высшаго познанія міра и людей. Пер. Ив. Барышниковъ. М. 1809.

Нравственныя разсужденія. Пер. Дм. Пименовъ. М. 1809.

Ривкобони (Marie Jeanne Riccoboni, 1714—1792):

Встрѣча въ лѣсу Арденскомъ. Пер. съ франц. В. К. С.-Пб. 1785.

Тоже—Встрѣча въ Арденскомъ лѣсу. Сказка. С.-Пб. 1786.

Жанъ-Батистъ Руссо (1670—1741): *Переводы изъ твореній Жана-Батиста Руссо и Томаса.* С.-Пб. 1774.

Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778):

¶ *Новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ.* Пер. Пав. Козельскій. Ч. I. М. 1769. С.-Пб. 1792 (1 и 2). Пер. Ал. Палицынъ. С.-Пб. 1803—4; 2-е изд. 1820.

Размышление о величествъ Божіемъ, о Его промыслѣ и о челоуцкѣ (исповѣданіе етры священника Савоярскаго изъ III части Элоизы), около 1770 г. пер. Башниловъ.

Разсужденіе на вопросъ, предложенный Дижонскою академіею, что возстановленіе наукъ и художествъ способствовало ли ко исправленію нравовъ. Пер. П. Потемкинъ. М. 1768; 2-е изд. 1787. Другой перев. М. Ю. С.-Пб. 1792.

Разсужденіе на вопросъ: какаѣ добродѣтели есть самонужнѣйшія героямъ. Пер. П. Потемкинъ. М. 1770.

Разсужденіе о началѣ и основаніи неравенствъ между людьми. Пер. П. Потемкинъ. М. 1770—1782.

Сокращеніе, сдѣланное Ж.-Ж. Руссо изъ проекта о вѣчномъ мѣрѣ, сочиненнаго аббатомъ де Сентъ-Пьеромъ. С.-Пб. 1771.

Эмиль и Софья, или хорошо воспитанные любовники (отрыв. 5 главы). Пер. П. Страховъ. М. 1779.

Тоже—Благовоспитанные любовники. Пер. Ив. Виноградовъ. С.-Пб. 1800; 2 изд. 1820 (безъ приб.).

Обвороженный полякъ. Ком. М. 1779—1788.

О блаженствѣ. Пер. И. Л. М. 1781.

Новыя письма. С.-Пб. 1783.

Гражданинъ, или разсужденіе о политической экономіи. Пер. В. Медвѣдевъ. С.-Пб. 1787.

Пшмаліонъ. С.-Пб. 1792.

Исповѣданіе. Пер. Дм. Болтинъ (не болѣе четверти). М. 1797 (изд. 2).

Мысли о различныхъ матеріяхъ. Пер. П. Андреевъ. С.-Пб. 1800.

Духъ, или избранныя мысли Ж.-Ж. Руссо. Пер. Ив. Мартыновъ. С.-Пб. 1801.

Бытіе Бога и безсмертіе души. С.-Пб. 1801.

Ефранксій Левитъ. Поэма. М. 1802.

Уединенныя философскія прогулки, или послѣдствія его исповѣдъ. Пер. Ив. Мартыновъ. С.-Пб. 1802; 2-е изд. 1822.

Мысли Ж.-Ж. Руссо, женевскаго философа. Пер. Мих. Прокоповичъ. М. 1804.

Эмиль, или о воспитаніи. Пер. Елис. Дельсаль. М. 1807.

Письма о ботаникѣ. Пер. Вл. Измайловъ. М. 1810.

Гр. Сегюръ (Louis Phil. C-te de Segur, 1753—1830):

Политическая картина Европы въ теченіе 1803 года. С.-Пб. 1806.

Историческая и политическая картина Европы, въ концѣ XVIII в. Пер. Вл. Измайловъ. М. 1807.

Дипломатическая переписка, служащая дополненіемъ къ картинѣ Европы. Пер. Вл. Измайловъ. М. 1808.

Сокращенная всеобщая исторія, древняя и новая. С.-Пб. 1818—1820.

Четыре возраста жизни. Пер. Волковъ. М. 1822.

Гр. Сегюръ (Jos. Al. vicomte de Ségur, 1756—1805):

О женщинахъ, ихъ состояніи у различныхъ народовъ и вліяніи на общественный порядокъ. Пер. С. Немировъ. 3 ч. М. 1805—1806.

Тѣсная переписка многихъ великихъ знаменитыхъ особъ въ концѣ XVIII столѣтія (Нинонъ Ланкло, марк. Вилларсо и г-жи де Ментенонъ), или важнѣйшія записки, служація для исторіи оваго вѣка. 2 ч. М. 1808.

Сентъ-Пьеръ (Bernardin de St.-Pierre, 1737—1814):

Павелъ и Виринія. Пер. А. Подшиваловой. М. 1793; 2 изд. 1806; 3 изд. 1812.

Индійская жизнь. Пер. К. С. М. 1794.

- Тоже подъ заглавіемъ: Путешествія ученыхъ въ равнина части свѣта для отысканія истины, обрѣтенной ими въ индійской хижинѣ у добраго Парія. М. 1805.
- Севтъ-Фуа (1698—1776):
- Оракулъ. Ком. 1759.
- Девкалионъ и Пирръ. Ком. Пер. М. Поповъ. С.-Пб. 1765. Прилож. къ переводу „Недовѣрчивый“, бар. Кронекъ.
- Арлекинъ въ серали. Ком. К. Г. Г. М. 1769.
- Дѣя турецкія вдовы. Ком. Пер. Ал. Пр. С.-Пб. 1774.
- Сильфъ. Ком. Пер. Дм. Вельшевъ-Волнищевъ. М. 1782.
- Недовѣрчивость и хитрость, или долъ платежомъ краснѣ. Передѣланъ на русіе нравы Н. Ильинъ. С.-Пб. 1811.
- Сварровъ (1610—1660):
- Шутливая повѣсть. Пер. съ нѣм. Вас. Тепловъ. С.-Пб. 1763.
- Траги-комическія новости. М. 1788.
- Смѣшныя повѣсти забавнаго Сваррона. Пер. Ив. Виноградовъ. С.-Пб. 1801.
- Скрябъ (1791—1861):
- Медвѣдъ и Паша. С.-Пб. 1823.
- Женщина-полковникъ. Ком. Скриба и Делавиня. Пер. Е. Звалинскій. М. 1824.
- Секретарь и поварь. Ком. Скриба и Мельвиля. Пер. П. Араповъ. М. 1825.
- Ватель, или потомокъ великаго челоуѣка. Водевиль Скриба и Мазера. Пер. П. Араповъ. М. 1827.
- Минета, или превращеніе кошки въ женщину. Вод. Скриба и Мельвиль. Пер. Н. Остолоповъ. С.-Пб. 1828.
- Крестяня наменька. Вод. Скриба, Локруа и Шабо. Пер. Дм. Ленскій. М. 1831.
- Сталь Гольштейнъ (1766—1817):
- Мелина. Пер. Н. Карамзинъ. М. 1795; изд. 3-е 1802.
- Мирза. С.-Пб. 1801.
- Делифина. М. 1803—1804.
- Двѣ повѣсти. Пер. Мих. Михайловъ. С.-Пб. 1804.
- Коринна, или Италия. М. 1809—1810.
- Новыя повѣсти. М. 1815.
- О философіи англичанъ. Пер. А. Боровковъ. С.-Пб. 1819.
- О философіи французовъ. Пер. А. Боровковъ. С.-Пб. 1820.
- Томасъ (1732—1785):
- Письмо къ народу и разговоръ бѣдности съ истиною. Пер. С. Нарышкинъ. С.-Пб. 1772.
- Похвальное слово Марку Аврелію. Пер. Д. фонъ-Визинъ. С.-Пб. 1777.
- Переводы изъ твореній Ж.-Батиста Руссо и Томаса. С.-Пб. 1774.
- Сокровище Парнаса, или переводъ лучшихъ стихотвореній Томаса. Пер. В. Г. Р. С.-Пб. 1778.
- Опытъ о свойствахъ, о разумѣ и о правахъ женщины въ разныхъ ѣмкахъ. Пер. Ив. Захаровъ. М. 1781.
- Похвальное слово Морицу, графу Саксонскому. Пер. М. Прокудинъ. М. 1781.
- Речь во Французской академіи при вступленіи. М. 1782.
- Похвальное слово канцлеру д'Агессо. Пер. Дм. Хвостовъ. С.-Пб. 1784.
- Похвальное слово дофиню. Пер. М. Бородавкинъ. С.-Пб. 1789.
- Опытъ о похвальныхъ словахъ. Пер. Дм. Вороновъ. С.-Пб. 1824.
- Террасовъ (1670—1750):
- Добродѣтель, или жизнь Сифа царя Египетскаго. Пер. фонъ-Визинъ. М. 1762, 1768, 1786.

Фенелонъ (1651—1715):

Первый переводъ Телемака былъ рукописный и извѣстенъ въ 1724 г., подъ заглавіемъ „Похожденіе Телемака сына Улиссова“. Съ него подъ тѣмъ же заглавіемъ печатались переводы, выдержавшіе нѣсколько изданій. С.-Пб. 1735, 1747, 1767, 1782 (изданіе 1747 г. вышло по особливому соизволенію Импер. Елизаветы).

Политика истинно благородныхъ особъ. Пер. Вас. Тредіаковскій. С.-Пб. 1737; 2 изд. 1745; 3 изд. 1787.

Телемахиды, или странствованіе Телемака, сына Одиссея. Переложилъ стихами Вас. Тредіаковскій. С.-Пб. 1766.

Новый переводъ: Странствованіе Телемака, сына Улиссова. Пер. Ив. Захаровъ. С.-Пб. 1786, 1788, 1812.

То же сочиненіе. Пер. Желѣзниковъ. С.-Пб. 1788—1789.

То же. Пер. Лубяновскаго. М. 1800—1805.

То же. Пер. Г. Шиповскаго. С.-Пб. 1803.

То же. Пер. Г. Шиповскаго, исправленный Еф. Люценко. С.-Пб. 1822.

То же. Перев. Голенничева-Кутузова. Первыя 5 главъ.

Сокращенный Телемакъ. Изд. Эйнерлинго. С.-Пб. 1827.

О воспитаніи двѣицъ. Пер. Ив. Туманскій. С.-Пб. 1763. М. 1788.

Новые разговоры мертвыхъ. Повѣсти и басни. Пер. Ив. Остолоповъ. С.-Пб. 1768.

Зрѣлище природы о сущестѣ Божіемъ, взятое изъ сочиненій Фенелона. Пер. Н. Хлюбовъ. М. 1766.

Наставленіе для совѣта юсударя. С.-Пб. 1773.

Бытіе Бога, доказанное познаніемъ природы и чловѣка. Перев. Ал. Павлова. М. 1778.

То же сочиненіе. Пер. Дм. Ивановъ и Г. Слѣв. М. 1809.

Приключенія Аристономы, или жизнь добродѣтельнаго мужа. Пер. Тим. Кирьякъ. С.-Пб. 1775. Другой перев. С.-Пб. 1780.

Краткое описаніе жизней древнихъ философовъ. М. 1788, 1804, 1805.

Забава въ уединеніи для всякаго возраста и состоянія людей. Пер. Пав. Антоновичъ. М. 1797.

Краткія размысленія, начертанныя изъ Свящ. Писанія. Пер. Вышеславцевъ. Смолен. 1798.

Творенія Фенелона. М. 1799.

Письма Фенелона. М. 1805.

Повѣсти и басни. Пер. Протопоповъ. С.-Пб. 1815.

Избранныя творенія. Пер. Ник. Аммосовъ. С.-Пб. 1820.

Избранныя духовныя творенія. М. 1820—1821.

Флоріанъ (1755—1794):

Эстелла, пастушеская повесть. Пер. Ал. Ковловъ. С.-Пб. 1786. Друг. перев. М. К. М. 1789.

Батмаида, или картина чловѣческой пустоты. Персид. пов. Пер. Ник. Ивановъ. М. 1788.

Нума Помпиль. Пер. Гр. Шляховскій. С.-Пб. 1788; изд. 2-е 1799. Друг. пер. П. Вельямнова. С.-Пб. 1788.

Шестъ новостей. С.-Пб. 1788.

Новости Греческія, Испанскія, Португальскія, Французскія и Нѣмецкія. Пер. Ник. Яценковъ. 2 ч. М. 1789.

Новыя повѣсти. С.-Пб. 1790.

Галатея, пастуш. пов. въ подражаніе Сервантовой. Пер. Ал. Печевѣговъ. М.

1790. Другой переводъ Ханенко. С.-Пб. 1790; третій Ал. Каддорскаго. М. 1800.
Пер. П. Львовъ, въ 2 част. Приятн. и полезн. провозд. времени.
Новыя вѣдѣсти. Пер. П. Блакъ. С.-Пб. 1793.
Гонзальво Кордуанскій, или возвращенная Гренада. Поэма. Пер. Гр. Шаловскій.
С.-Пб. 1793; 2 изд. 1818. Другой пер. Н. Осипова. С.-Пб. 1794.
Люкадія. Гншпанская повѣсть. С.-Пб. 1794.
Флоріановы повѣсти, изданія Вышеславцевымъ. 2 ч. М. 1798—1806.
Добрый сынъ. Ком. Пер. П. Ивановъ. С.-Пб. 1800.
Савкъ. Португ. пов. М. 1801.
Добрая мать. Ком. Пер. кн. И. В. М. М. 1801.
Обманутый плутъ, или награжденное простодушіе. М. 1802.
Вильгельмъ Тель, или освобожденная Швейцарія. Поэма, съ присовокупленіемъ
повѣсти: Дозальба Сицилійская. М. 1802; нов. изд. 1817.
Еліезеръ и Невфалимо. Поэма. Пер. А. и Я. Бабиковы. С.-Пб. 1808.
Валерія. Пер. С. Мамонтовъ. С.-Пб. 1819.
Театръ г. Флоріана. Пер. Куз. Барановъ. 2 ч. М. 1826.
Фонтенель (1657—1757):
Разговоръ о множествѣ міровъ. Пер. кн. Антіохъ Кавтеміръ. С.-Пб. 1790 —
1769 (изд. 2).
Письма Фонтенеля и Юнга. Пер. Вышеславцевъ. М. 1801. Друг. пер. кн. А. П.
Трубецкаго. М. 1802.
Разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Пер. Ив. Бутовскій. С.-Пб. 1821.
Формей (I. N. Formey, 1711—1797):
Антизмилъ, или опроверженіе Руссова образа воспитанія и мыслей. Пер. съ франц.
кн. К. Енгальчева. М. 1797.
Опытъ о совершенствѣ. С.-Пб. 1805.
Шамфортъ (1741—1794):
Молодая поселынка. Пер. съ нѣм. С.-Пб. 1774.
Тоже стихами. Пер. Вл. Измайловъ. М. 1821.
Похвальное слово Лафонтену. Пер. Ал. Рихтеръ. С.-Пб. 1825.
Шатобрианъ (1768—1848):
Атала, или любовь двухъ дѣвухъ въ пустынѣ. Пер. Н. Р. М. 1801. Друг. пер.
Ив. Мартынова. С.-Пб. 1802—1803.
Рене, или дѣйствіе страстей. Пер. Н. Р. М. 1801. Друг. пер. Вл. Измайлова.
М. 1802. Псковъ, 1803; 3 пер. М. 1803; 3 перев. Ал. Варенцова. С.-Пб. 1806.
Бонапарте и Бурбоны. Пер. Ал. Севастьяновъ. С.-Пб. 1814. Друг. пер. Ал.
Огннскаго. С.-Пб. 1814.
Дополненіе къ сочиненію о Бонапартѣ и Бурбонахъ. Пер. Огннскій. С.-Пб. 1814.
Путешествіе изъ Парижа въ Іерусалимъ. Пер. същ. I. Граціанскій. С.-Пб. 1815—
1817. Путевныя записки изъ Парижа въ Іерусалимъ. Перев. кн. П. Шаликовъ. М.
1815—1816.
Мученики, или торжество христіанской вѣры. Пер. Ал. Корнелиусъ. М. 1816.
Опытъ историческій, политическій и нравственный, о древнихъ и новѣйшихъ пе-
реворотахъ. Пер. Дм. Ворововъ. С.-Пб. 1817.
Воспоминанія объ Италіи, Англій и Америкѣ. Пер. кн. П. Шаликовъ. М. 1817.
Записки о жизни и смерти Карла-Фердинанда д'Артуа, герц. Беррійскаго. Пер.
Д. М. 1821.
Тоже, другой переводъ. Орель, 1821.

Переводы изъ Энциклопедіи:

Переводы изъ Энциклопедіи. 3 ч. М. 1767 г. въ Унив. тип.

Это труды того общества переводчиковъ, о которомъ мы сказали на стр. 16-й первой книги. Сюда вошли переводы слѣдующихъ статей или членовъ (articles) изъ энциклопедіи.

Исторія (т. 8, 220), пер. А. Ржевской; Географія, пер. С. Домашневъ; Наррація (Narration, т. XI); Натура въ стихотворствѣ (Nature), пер. М. Херасковъ; Соборы (Conciles), прод. буд. впредь; Чиханіе (Changement, т. 6, 49) кав. Жокура; Словопроизведеніе (Etymologie, т. 6, 98), прод. впредь, пер. кн. Козловскій; Волшебство (Magie), пер. М. Херасковъ; Бана (Bain), пер. Сем. Зибелинъ; Экономія (Economie morale et politique), ст. Ж.-Ж. Руссо, пер. А. Нарышкинъ; Желчная болѣзнь (Cholera morbus), прод. впредь, пер. Н. Веніаминовъ; Минералогія, прод., гр. Аполл. М.-Пушкинъ; Географія дрезвля, пер. С. Домашневъ; Одежды римлянъ (т. 8, 62, habits des Romains), пер. А. Ржевской; Гамакъ (т. 8, 32), пер. А. Ржевской; продолженіе статьи о соборахъ, пер. кн. Н. Трубецкой; Продолженіе члена „Словопроизведеніе“, прод. впредь, пер. кн. Э. Козловскій; Нравоученіе (Morale), пер. С. Нарышкинъ; Докторство (Doctorat), пер. докт. П. Погоретскій; Догматическій (Dogmatique), пер. докт. П. П.; Пальцы (Doigts), пер. докт. П. П.; Желчь (Bile), пер. докт. Сем. Зибелинъ; Право естественное (Droit naturel), пер. А. Нарышкинъ; Посредственность (Médiocrité), пер. Сем. Нарышкинъ; Драконецъ, червь (Dragapneules ou dragonneaux), пер. докт. П. Подгоретскій; Тома XVI подлежащее до мореплаванія, литера T, безъ означенія переводчика.

Статьи изъ Энциклопедіи, принадлежащія къ Турціи. Пер. С. Башиловъ. 2 ч. С.-Пб. 1769.

Пелопонезъ или Моря. С.-Пб. 1769.

Греція. Соч. Жокурта. С.-Пб. около 1770.

О любви. Соч. аѳб. Ивона. Пер. С. Башиловъ. С.-Пб. 1770.

О ласкательствѣ. Пер. С. Башиловъ. С.-Пб. ?

Дѣтская нянька, или о надзирающихъ при воспитаніи. Пер. С. Башиловъ. С.-Пб. 1770.

О государственномъ правленіи и разнаго рода онаго. Соч. Жокурта. Пер. Ив. Туманскій. С.-Пб. 1770 г.

Статьи о нравоучительной философіи и частяхъ ея. Пер. Як. Козельскій. 2 ч. С.-Пб. 1770.

О любопытствѣ и гаданіи. Пер. Ив. Вансловъ. С.-Пб. 1770.

Парижъ. С.-Пб. 1770.

О философскихъ толкахъ. Пер. Як. Костенскій. С.-Пб. 1770.

О клеветѣ и презрѣніи. Пер. Ив. Вансловъ. С.-Пб. 1771.

О времени и разныхъ счисленіяхъ онаго. Пер. В. Тузовъ. С.-Пб. 1771.

О порокахъ и добродѣтели. Пер. Ив. Вансловъ. С.-Пб. 1774.

О роскоши. С.-Пб. 1775.

Статья о вѣрѣ. С.-Пб. 1776.

О политической экономіи, или о государственномъ устройствѣ. Стат. Ж.-Ж. Руссо. С.-Пб. 1778.

О правленіи китайскомъ. Пер. Ив. Ждановскій. М. 1789.

О коммерціи. М. 1791.

Спарта. С.-Пб. . . . ?

О Турціи. С.-Пб. . . . ?

Разсужденіе о воспитаніи. М. 1804.

Всеобщая система познаній чловѣческихъ, обстоятельно объясненная и при Энциклопедіи издавшая. Соч. Г. Дидеротомъ. М. 1812.

Нѣмецкая литература.

- Бильдербекъ: *Сіанна; или игра судьбы*. Греч. пов. Пер. Погѣновъ. М. 1797.
 Урна въ уединенной долині. Смол. 1804; нов. изд. 1806.
 Могильщикъ. Смол. 1804; нов. изд. М. 1811.
 Отчаяніе любви. Пер. Пав. Яковлевъ. М. 1811.
 Черная маска, или завѣса таинства. Пер. М. М. С. С. М. 1815.
 Ванъ деръ Вельде (1779—1824, прозванный нѣмецкій Вальтеръ-Скотъ):
 Гвидо. Повѣсть. С.-Пб. 1828.
 Аксель. Повѣсть изъ исторіи Тридцатилѣтней войны. Съ нѣм. М. В. М. 1829.
 Асмундъ Тирсклингуръ. Съ нѣм. В. Тило. С.-Пб. 1829.
 Гуситы. Истор. романъ изъ временъ 30-лѣтней войны. Съ франц. М. 1829.
 Татары въ Силезіи. Историч. повѣсть XIII столѣтія. М. 1829.
 Англійское посольство въ Китаѣ. Повѣсть изъ послѣдней половины XVIII столѣтія. Съ нѣм. В. Тило. С.-Пб. 1829; другой переводъ Валерьяна Лангеръ. С.-Пб. 1830.
 Перекрещенцы. Повѣсть изъ первой половины XVI столѣтія. М. 1830.
 Богемская дѣвичья война. Историч. преданіе VIII столѣтія. Съ нѣм. Н. Павлищевъ. С.-Пб. 1830; другой переводъ подъ заглавіемъ Богемскія амазонки. 3 ч. М. 1830.
 Мальтійскій кавалеръ. Повѣсть изъ послѣдней половины XVII столѣтія. Съ нѣм. В. Тило. С.-Пб. 1830; другой переводъ Мальтійскій рыцарь. С.-Пб. 1830.
 Флибустьеръ, морской разбойникъ. Съ фр. Э. С—въ. 2 ч. М. 1830.
 Христина и дворъ ея. Историч. романъ XVII столѣтія. Съ нѣм. С. де-Шалелетъ. С.-Пб. 1830.
 Патрицій. Историч. повѣсть XVI столѣтія. Съ нѣм. Н. Павлищевъ. С.-Пб. 1831.
 Гороскопъ, или астрономическое предвѣщаніе въ часъ рожденія. Преданіе меклюсобной войны во Франціи. Съ фр. М. 1831.
 Виандъ (1733—1813):
Исторія дѣвицы Стернеймъ. Пер. В. И. М. 1780.
Новый Донъ-Кихотъ, или чудныя похождения Донъ Сильвіо де-Разальо. Пер. Ф. Сапожниковъ. М. 1782.
 Комбабъ. М. 1783.
Поэма Музаріона, или философія Грацій. Пер. М. Г. М. 1784.
Агатонъ, или картина философическихъ нравовъ и обычаевъ греческихъ. Пер. Ф. Сапожниковъ. М. 1783—1784.
Оберокъ, царь волшебниковъ. Въ 14 пѣсняхъ. Пер. М. Чулковъ. М. 1787.
Исторія Абдеритовъ. Пер. М. Гавриловъ. М. 1793—1795.
Имѣнаторовы ученицы. Пер. Яв. Дружининъ. С.-Пб. 1797.
 Разговоры Діогена Синопскаго. Пер. Ив. Татищевъ. М. 1802.
 Филоклесъ. Подражаніе Агатону. Пер. съ франц. С.-Пб. 1803.
 Записки для тайной исторіи чловѣческаго разума и сердца. М. 1804.
 Мраморная купель, или наказанный пустосвятъ. Пер. П. Петровъ. С.-Пб. 1805.
 Аристиппъ и нѣкоторые изъ его современниковъ. Пер. Ив. Татищевъ. М. 1807—1808.
 Народныя сказки Музеуса. Пер. В. Поляковъ. М. 1811—1812. Нов. изд. Орелъ, 1822.

- Пивагорейскія жени. Пер. С. Нечаевъ. М. 1817.
- Галлеръ (1708—1777):
- Свойства забавъ и увеселеній человеческихъ.* С.-Пб. 1781.
- Плоды трудовъ прозаическихъ, содержащія въ себѣ изображеніе самовластнаго въ государство единоначалія и изображеніе аристократическаго или властію закономъ ограниченнаго въ государство правленія.* Пер. Н. П. С.-Пб. 1783—1784; изд. 2-е подъ заглавіемъ: *Утѣшительныя подобию людей мудрыхъ и великихъ.* С.-Пб. 1793.
- О происхожденіи зла.* Поэма. Пер. Н. Карамзинъ. М. 1786; друг. пер. Петра Богданова, стихами. М. 1798.
- Достопамятныя и любопытныя приключенія Альфреда, короля англо-саксонскаго.* Съ франц. Еф. Руничъ. М. 1788.
- Фабій и Катонъ.* Пов. изъ римской жизни. Съ франц. Пав. Полонскій. С.-Пб. 1793.
- Письма о важнѣйшихъ истинахъ премудраго божественнаго Промысла.* М. 1799.
- Геллертъ (1715—1769):
- Жизнь графа Шведской Г**.* Пер. Ив. Румянцевъ. 1766—1768.
- Тоже.* Пер. Пав. Никифоровъ. Тамбовъ, 1792.
- Утѣшительныя разсужденія противъ немощной и болѣзненной жизни.* Пер. Ал. Шумлянскій. М. 1773; нов. изд. 1786.
- Богомолокъ.* Ком. Пер. Мих. Матвѣевскій. С.-Пб. 1774.
- Горячая любовь двухъ сестеръ.* Ком. Пер. Степ. Поручикъ. С.-Пб. 1775.
- Женская хитрость.* Ком. Пер. Степ. Поручикъ. С.-Пб. 1775.
- Письма духовныя.* Пер. стихами старецъ Аполлосъ. М. 1778; нов. изд. 1782.
- Басни и сказки.* Пер. Мих. Матвѣевскій. С.-Пб. 1775; нов. изд. 1788.
- Нравоученіе.* Пер. Мих. Протопоповъ. М. 1775—1787.
- О нравственномъ воспитаніи дѣтей.* М. 1787.
- Разсужденіе о томъ, для чего вредно знать о будущей судьбѣ своей.* Пер. Мод. Окуловъ (Бакунинъ у Сопик.). М. 1787.
- Истинное и ложное счастье.* М. 1799.
- Наставленіе отца сыну, при отправленіи въ университетъ.* М. 1799; др. пер. С.-Пб. 1802.
- Рѣчь о вліяніи изящныхъ наукъ въ сердце и во нравы.* Пер. Ив. Русановъ. С.-Пб. 1803.
- Статьи избранія изъ нравоученій добродушнаго Геллерта.* Пер. М. Г. С.-Пб. 1820.
- Геснеръ (1730—1787):
- Ламехъ и Цилла.* Идиллія. С.-Пб. 1774.
- Ночь.* Пер. Н. Пороховъ. С.-Пб. 1777.
- Абелева смерть.* Пер. Захаровъ. М. 1780; нов. изд. 1781; друг. пер. Г. К. М. 1799.
- Златой вѣкъ Дафниса.* Пер. съ франц. М. 1781; нов. изд. 1788.
- Тоже: Золотой вѣкъ Дафниса, или любовь, сопряженная природою пастуха съ пастушкой.* Съ франц. С.-Пб. 1783.
- Деревянная нога.* С.-Пб. 1783 (пер. Н. Карамзина).
- Первобытныя плаватели.* Пер. Болгина. М. 1784.
- Дафнисъ, съ прибавленіемъ двухъ пастушескихъ комедій.* Пер. И. Исаковъ. С.-Пб. 1785.
- Идилліи и пастушескія поэмы Геснера.* Пер. В. Л. Левшинъ. М. 1787.
- Новая Астрѣя.* Пер. Вас. Раевскій. М. 1789.

- Лаура, или поцмлуи въ своихъ дѣйствіяхъ.* М. 1794.
Полное собраніе сочиненій Геснера. Пер. Тимковскій. М. 1802—1803.
Гёте (1749—1832):
Клавдио. Трагедія. Пер. съ нѣм. К. С.-Пб. 1780.
Страсти молодого Вертера. Пер. Ф. Галченковъ. С.-Пб. 1881; нов. изд. 1786.
Тотъ же переводъ, исправленный Ив. Виноградовымъ. С.-Пб. 1796; нов. изд. М. 1817.
Страданія молодого Вертера. Пер. съ нѣм. Рожалина. М. 1829.
Гецъ фовъ-Вирлихингенъ. Траг. М. 1828 г. (М. Погодинъ).
Голбергъ (1684—1754):
Гейрихъ и Перилла. Ком. Пер. Нартова. С.-Пб. 1760.
Басни правоучительныя, съ разъясненіями. Пер. Д. Фовъ-Визнъ. М. 1760. 1765, 1787.
Климово подземное путешествіе. Съ латискаго. С.-Пб. 1762.
Артаксерксъ. Траг. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1764.
Паутусъ, или споръ между бѣдностью и богатствомъ. Ком. Пер. А. Нартовъ. С.-Пб. 1765.
Прерращенный мужикъ. Ком. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1765.
Сравненіе житій и дѣлъ разныхъ, а особливо восточныхъ и индійскихъ великихъ героев и знаменитыхъ мужей, по примѣру Плутаргову. Пер. Сем. Веденскій. Ч. 1-я. С.-Пб. 1766.
Сокращеніе всеобщей исторіи. Пер. съ латискаго Ив. Барковъ. М. 1766, 1799, 1808.
Исторія героев и друзей славныхъ женъ. Пер. Влад. Золотницкій. С.-Пб. 1767—1768.
Гордость и бѣдность. Ком. Пер. Ив. Кропотовъ. М. 1774, 1788.
Письмо къ пріятелю о сравненіи Карла Великаго съ Карломъ XII. С.-Пб. 1788.
Оловящикъ-политикъ. Съ датскаго Ег. Классенъ. 1830 г.
Душъ (1725—1787):
Элеія Клеона Циню вмѣстѣ съ повѣстью Задіисъ Вольтера. Пер. Ив. Голенцевъ-Кутузовъ. С.-Пб. 1766, 1768, 1788 и 1795.
Сила благородной и непорочной любви. Пер. Ст. Орловъ. М. 1787.
Правоучительныя письма для образованія сердца. М. 1788.
Иффландъ (1759—1815):
Охотники, изображеніе сельскихъ нравовъ. Пер. Марья Фрейтагъ. С.-Пб. 1802.
Комета. М. 1812.
Сочиненій ч. 1-я: *Мое театральное поприще (автобіографія).* М. 1816.
Кампе (1746—1818):
Открытіе Америки. М. 1787—1788.
Новый Робинзонъ для дѣтей. Пер. Ф. Печоринъ. М. 1792. Нов. изд. М. 1819.
Собраніе любопытныхъ и соответственно юношескому возрасту сочиненныхъ путешествій. М. 1795—1798.
Краткая психологія, или ученіе о душѣ для дѣтей. Пер. В. Подшиваловъ. М. 1796.
Безцѣнный подарокъ, или новая дѣтская бібліотека. М. 1797.
Дѣтская бібліотека. Пер. А. С. Шишковъ. 1816—изд. 6; 1820—изд. 7.
Отеческіе совѣты моей дочери. Пер. Григ. Яценко. С.-Пб. 1803—1804.
Совѣты старца, правоучительная книга для дѣтей. Съ франц. Ив. Шелеховъ. М. 1808.
Достопамятнѣйшія повѣствованія изъ библейскихъ дѣяній. Съ франц. И. С. М. 1815.

- Клейсъ (1715—1759):
Сенека. Траг. Пер. бар. фонъ-Дерле. М. 1789.
Весна, или изображение пріятностей сего года. М. 1792.
- Клопштокъ (1724—1803):
Мессія. Пер. Алексѣй Кутузовъ. М. 1785—1787 (около половины).
Смерть Адама. Пер. В. Филимоновъ. М. 1817.
- Коцебу (1761—1819):
Ненависть къ людямъ и раскаяніе. Пер. Ив. Репьевъ. С.-Пб. 1792—1794. Изд. 3. Смол. 1812. Другой перев. М. 1796—1800.
Королева Ильдесерда. Пов. М. 1792.
Перуанка, или два солнца. Ком. Пер. В. Кражевъ. М. 1794; нов. изд. 1803; друг. пер. М. 1807.
Великодушная ложь. Драма. Пер. А. Б. М. 1795; нов. изд. 1803.
Сынъ любви. Драма. М. 1795; нов. изд. 1816; друг. пер. М. 1801.
Попунай. Ком. М. 1796 и 1801.
Жизнь моего отца, или какъ произошло мое рожденіе. Повѣсть. Пер. М. Алексѣевъ. М. 1798—1803.
Бѣдность и благородство души. Ком. М. 1798; изд. 2, Орель, 1817.
Добрый Моричъ, или своеобразный. Ком. Пер. А. Вязмитиновъ. С.-Пб. 1799.
Лаперузъ. Ком. Пер. П. Титовъ. С.-Пб. 1799.
Опасный споръ, или сколько женщины могутъ полагаться на вѣрность мужей своихъ. С.-Пб. 1799.
- Завда, прекрасная россиянка, или низверженіе съ трона Магомета IV*. Влад. 1800.
Лейбъ-кучерь. Ком. Пер. Н. Краснопольскій. С.-Пб. 1800; нов. изд. Смол. 1802.
Опасный закладъ. Ком. Пер. Н. Краснопольскаго (у Сопик. Алексѣевъ). С.-Пб. 1800.
Индѣйцы въ Англіи. Смол. 1800; изд. 2, Орель, 1821; друг. пер. М. 1803.
Счастье одного бываетъ несчастіемъ другому. Персид. пов. Пер. Каменевъ. М. 1800—1805.
Прекрасная незнакомка. Ком. Пер. Ирин. Нелидовъ. С.-Пб. 1801; нов. изд. Смол., 1803.
Графъ Бургундскій. Ком. Пер. П. Титовъ. С.-Пб. 1801; друг. пер. М. 1803.
Гиперборейскій осель, или нынѣшній образъ воспитанія. М. 1801.
Человѣкъ въ сорокъ лѣтъ. Ком. С.-Пб. 1801; друг. пер. Мужъ въ сорокъ лѣтъ. Смол. 1812.
Вдова и верховая лошадь. Ком. Пер. Н. Краснопольскій. Смол. 1801.
Корсиканцы. Ком. Пер. Н. Краснопольскій. Смол. 1801.
Новый вѣкъ. Ком. Пер. Н. Краснопольскій. Смол. 1801; нов. изд. 1812; друг. пер. Новое столѣтіе. М. 1812.
Несчастные мужья. Ком. М. 1801; Недовольные мужья. Смол. 1802; Несчастные. Смол. 1802—1803.
Мальчикъ у ручья, или постоянная любовь. Пов. (Пер. В. Жуковскій). М. 1801; нов. изд. 1819.
Счастье все обманъ; горе тому, кто оное похитить у насъ желаетъ. Ком. Пер. Ирин. Нелидовъ. С.-Пб. 1801.
Жертва смерти. Ком. М. 1801; друг. пер. М. 1803.
Абеляръ и Элоиза. Пов. М. 1801; тоже съ присовокупленіемъ двухъ повѣстей. Смол. 1812.
Голубокъ. Пов. М. 1801.
Слѣдствіе невнятной лжи. Пов. Смол. 1801.

- Исторія нашего невѣжества, въ письмахъ къ одной дамѣ. Смол. 1802.
Смерть Ролли. Траг. Пер. Арк. Степановъ. С.-Пб. 1802; друг. пер. М. 1803;
тоже подъ заглавіемъ: Гипшанцы въ Перу, или смерть Ролли. Пер. А. С. С.-Пб. 1802.
Октавіа, или вѣчный примѣръ супружеской вѣрности. Траг. М. 1802.
Брызгливый. Ком. М. 1802.
Самозванство, или мнимое счастье. Персид. пов. Смоленскъ, 1802.
Вертопрахъ. Ком. М. 1802; нов. изд. Смол. 1812.
Женскій Якобинскій клубъ. Пер. П. Кайсаровъ. Смол. 1802.
Клейнсберги. Ком. М. 1802.
Посѣщеніе, или страсть блестятъ въ обществѣ. Ком. М. 1802.
Примиреніе двухъ братьевъ. Ком. М. 1802.
Эпиграмма. Ком. М. 1802.
Балрдъ. Др. М. 1802.
Бланка фонъ-Монфоконъ. Пов. М. 1802.
Хитрая вдова. М. 1802.
Награжденіе справедливости. М. 1802—1803.
Негры невольники. Пер. П. Ивановъ. Смол. 1802; Негры въ неволѣ. М. 1803.
Все счастье здѣсь одна лишь мечта, или страданія Оттенбергской фамиліи. Смол.
1802; Орелъ, 1823.
Вѣрная Амаліа, или мужчина не можетъ такъ любить. М. 1802; друг. перев.
Смоленскъ, 1802.
Моя ученая жизнь. Смол. 1802.
Вѣрная Лиза, или никакой мужчина такъ не любить. Пер. В. С—нъ. М. 1802.
Гробница на холмѣ. Пов. Пер. Каменевъ. М. 1802.
Долгій Иванъ, или право человѣка. Романъ вольности. Ч. 1. Смол. 1802.
Подземный ходъ въ Эстляндіи. М. 1802; тоже Смол. 1802.
Побѣгъ. Пов. Смоленскъ, 1802.
Изрѣченная мечтательница. Пов. Смол. 1802.
Новости: Гробница на холмѣ; Малѣйшая ложъ опасна; Волшебная сила скромности
и Бѣдная Марья. Пер. Каменевъ. М. 1802.
Малѣйшая ложъ опасна. Пов. Пер. П. Кайсаровъ (?). Смол. 1802.
Кто бы этому повѣрилъ. Пер. П. Кайсаровъ. Смол. 1802.
Младшія дѣти моего веселаго духа. Пер. А. Верслювъ. Смол. 1802.
Наружность обманчива, или старая погудка на новый ладъ. М. 1802.
Письма двухъ любовниковъ—Петра Окуякова и прачки Доротеи Мыльниковои.
Смол. 1802.
Удаляйся блеску. Смол. 1802.
Театръ, содержащій полное собраніе новѣйшихъ театральныхъ сочиненій Коцебу.
20 частей М. 1802—1808.
Русскій военнопленникъ, или приключеніи Мориса Коцебу въ плѣну у французовъ.
М. 1802; нов. изд. 1816.
Глухонѣмый, или аббатъ Л'Ене. Пов. М. 1803.
Милосердые братья. М. 1803.
Рицари крестовыхъ походовъ. М. 1803.
Биро, или опасности молодости. Др. М. 1803.
Донъ Рандо де Калибраторъ. Ком. М. 1803.
Корсиканцы. Ком. М. 1803.
Нашъ Фрицъ. Ком. М. 1803.
Родственники. Ком. М. 1803.

- Серебряная свадьба. Ком. М. 1803.
Ложный слѣдъ М. 1803.
Суматоха, или своевольный. Ком. М. 1803.
Графъ Вальтропъ. Ком. М. 1803.
Густавъ Ваза. Ком. М. 1803.
Игра въ пѣтухи. Ком. М. 1803.
Клеветникъ. Ком. М. 1803.
Мудрая женщина въ лѣсу и нѣмій рыцарь. Ком. М. 1803.
Награда истинн. Ком. М. 1803.
Пожертвованіе собой. Ком. М. 1803.
О дворянствѣ, его происхожденіи и пр. М. 1804.
Путешествіе въ Парижъ. Смол. 1804.
Актеръ противъ воли. Ком. Пер. В. Х—скій. М. 1804; друг. пер. подъ заглавіемъ:
Комедіантъ по неволѣ.
Нѣмецкіе мѣщане. Ком. М. 1804.
Возвращеніе отца. Ком. М. 1804.
Графъ Бенковскій. Ком. М. 1804.
Чертовъ увеселительный замокъ. Опер. М. 1804.
Воспоминанія оставшіяся о Парижѣ въ 1804. С.-Пб. 1805.
Гуситы подъ Наумбургомъ въ 1432 г. Ком. М. 1805. Друг. пер. С.-Пб. 1807.
Едуардъ въ Шотландіи, или ночь изгнанника. Ком. Пер. Н. Краснополяскій.
С.-Пб. 1805.
Достопамятный годъ жизни, или заточеніе въ Сибири. Пер. В. Кражевъ. М. 1806;
2 изд. 1816.
Леонтина. Пов. Пер. Н. Грець. М. 1808; 2-е изд. 1811; 3-е изд. 1815.
Жертва супружескаго тщеславія, или бѣдствіе отъ чрезмѣрной любви. Ком. М. 1809.
Фараонова дочь. Пер. Н. Грець. М. 1809.
Разсѣянные. Ком. С.-Пб. 1810; 2 изд. М. 1819.
Вечерній часъ. Ком. С.-Пб. 1812.
Наслѣдство. Ком. Пер. Н. Краснополяскій. С.-Пб. 1813.
Богъ рѣкъ Нѣмни и Наполеонъ. Пер. Вас. Кузиковъ. С.-Пб. 1813.
Фальсбергъ, или отношенія общественныя. Пер съ фр. кн. И. Долгоруковъ. М. 1815.
Тоже Фальсбергъ, или друзья дѣтства. Съ фр. М. 1815.
Отъ дурнаго корня добраго отрасли. М. 1818.
Почтовый дворъ. Ком. С.-Пб. 1818.
Береговое право. Пов. Пер. М. Коченовскій. М. 1819.
Подарокъ сновляемъ монимъ въ новый годъ. Пер. съ фр. М. 1820.
Американецъ. Соч. Кумберленда. Передѣл. Коцебу. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ.
С.-Пб. 1823.
Странный припадокъ. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1823.
Бумажникъ. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1823.
Письмо изъ Кадикса. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1823.
Двѣ племянницы вмѣсто одной. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1823.
Волшебный компасъ. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1824.
Невѣста и женихъ въ одной особѣ. Ком. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1824.
Домовый цирюльникъ, или привидѣнія Румельсбергскаго замка. Пер. Ф. Эттин-
геръ. С.-Пб. 1824.
Проклятіе нѣкотораго Римлянина, или тяжело пережить родныхъ и друзей. Пер.
Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1824.

- Ревнивая жена. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1824.
Фельдмаршальскій мундиръ. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1825.
Интермедія, или деревенскій дворникъ въ столицѣ. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.
Многоязычій. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.
На дѣлѣ правы, душой виноваты. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.
Переодѣванія. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.
Перехожденіе душъ, или актеръ противъ воли. Пер. Эттингеръ. С.-Пб. 1826
Скрытый по неволѣ, или поѣздка изъ Берлина въ Потсдамъ. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.
Раздѣленное сердце. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.
Мщеніе любви и ненависти. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.
Патріотъ и знатныя особы. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1826.
Недоумѣніе и хитрость. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1827.
Прямимъ путемъ идти лучше. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1827.
Свадьба подрядчика Фельдкиммеля. Ком. Пер. Ф. Эттингеръ. С.-Пб. 1827.
Холостыи заряды. Ком. Пер. Ив. Ренофанцъ. С.-Пб. 1827.
Гейрихъ Рейсъ фонъ-Плауенъ, или осада Магдебурга. Ком. Орель, 1830.
Добрый Морницъ, или молодецъ на свой образецъ. Орель, 1830.
Крамеръ (1758—1807):
Образъ добродѣтели и благопріятія, или жизнь и свойства Геллерта. Съ франц. Ал. Андреевъ. С.-Пб. 1789.
Жизнь, мѣнія и странныя приключенія Эразма Шейхера, странствующаго механика. М. 1802; нов. изд. 1817.
Феликсъ, или сынъ любви и счастья. М. 1806.
Езуитъ, или герой своего времени. Пер. Ник. Марковъ. М. 1807.
Бѣдный Егоръ. М. 1807; нов. изд. Орель, 1824.
Жизнь, мысли и странныя приключенія Павла Изопа, придворнаго шута. Пер. П. Озеровъ. М. 1813—1814.
Вѣкъ живи и вѣкъ учишься, или приключенія моей жизни. М. 1817.
Остроумная выдумка, или женихъ по волѣ и неволѣ. Пер. Ал. Бривкъ. М. 1821.
Таинственная странница, путешествіе по свѣту, или игра Фортуны. М. 1322.
Г-жа Кар.-Ауг. Ламоттъ Фуке (1773—1831):
Рейдмаръ и Діана, или ужаснѣйшія жертвы смертной клятвы. Съ нѣм. 2 ч. М. 1818
Вѣкъ рыцарства и царство духовъ и привидѣній. Съ нѣм. 6 ч. М. 1818.
Островъ дружбы, или союзъ заключенный въ лѣсахъ Германіи. Съ нѣм. 4 ч. М. 1820.
Авг. Лафонтенъ (1759—1831):
Севъ-Упольенъ, или записки нѣкотораго отца семейства. Пер. Ив. Мартыновъ. С.-Пб. 1801; есть другой переводъ подъ другимъ заглавіемъ.
Салье и Юлія, или торжество любви и благодарности. Пер. И. Г. М. 1803.
Ромулъ. Пер. съ нѣмецк. М. 1803.
Аристоменъ и Горсъ, или мщеніе и челоуѣколюбіе. Пер. съ нѣмецк. М. 1803.
Графъ Розенгеймъ, или заблужденіе сердца. Пер. съ нѣм. М. 1804.
Клара Дюлесси и Кларавтъ. М. 1804.
Новыя семейственныя картины, или жизнь бѣднаго священника. Пер. А. М. М. 1805—6; изд. 2-е 1816.
Трудъ, или освобожденный Римъ. Пер. съ нѣм. М. 1805.
Опасный опытъ. Пер. съ нѣм. С.-Пб. 1805.
Баронъ Флемингъ, или страсть къ титуламъ. С.-Пб. 1806.

- Александръ и Марія, или любовь и честность. Пер. съ нѣм. М. Верещагинъ. М. 1807; 2 изд. 1816.
- Могущество любви. Пер. Н. Гречъ. С.-Пб. 1807.
- Кн. Федоръ Д—кій и кн. Марья М—ва, или вѣрность по смерть. Пер. съ нѣм. М. 1807—1808; нов. изд. М. 1831.
- Новѣйшія повѣсти Августа Лафонтена. Пер. съ нѣм. Ив. Ренофавцъ. Ч. 1. С.-Пб. 1807. Весталка. М. 1808.
- Вестинія и Асторъ, или любовь и великодушіе. Пер. съ нѣм. М. 1808. Арфа. М. 1808.
- Рудольфъ Верденбергскій. Рыцарская пов. Пер. съ нѣм. Бор. Иванецкій. С.-Пб. 1808.
- Тоже Руд. Верд., или опасныя слѣдствія честолюбія. Съ нѣм. Ив. Бестужевъ-Рюминъ. М. 1808.
- Странный человѣкъ, или Эмиль въ свѣтъ. Съ нѣм. М. 1808; 2 изд. 1817.
- Ужасныя происшествія: сынъ убійца своего отца; а мать своей дочери. Съ нѣм. М. 1808.
- Записки Карла Энгельмана. Съ нѣм. Вас. Чачковъ. С.-Пб. 1808; др. пер. М. 1808; изд. 2-е 1819.
- Любовь и благодарность. Пер. съ нѣмецкаго Гр. Кривецкій. М. 1811.
- Живописная картина семейственной жизни, или Г. Г., російско-армейскій офицеръ и графиня Л. Пер. съ нѣм. М. 1812.
- Русскія качели на берегахъ Рейна, или любовь и заблужденіе. С.-Пб. 1814.
- Послѣдняя семейственная картина, или приключенія Геріетты Вельманъ. Пер. съ нѣм. П. Кожевниковъ. М. 1814; 2 изд. 1817.
- Лолотта, или жертва любви и коварства. М. 1815.
- Открытие острова Мадеры. Пер. съ нѣм. Катерина де Лямпръ. С.-Пб. 1815.
- Друг. назв.: Невинная и вѣрная любовь по смерть Анготы. С.-Пб. 1815.
- Рафаэль, или спокойная жизнь мирнаго семейства. Съ нѣм. М. 1815.
- Собраніе новѣйшихъ небольшихъ романовъ и повѣстей. М. 1815—1816.
- Природа и любовь, или картина человѣческаго сердца. Съ нѣм. Ив. Тимковскій. М. 1816 (изд. 3).
- Бланка и Минна, или мѣщанскіе нравы. Съ нѣм. М. 1817.
- Германцы, или замокъ въ Богеміи. Съ нѣм. С.-Пб. 1817.
- Двѣ невѣсты, или любовь, вѣрность и терпѣніе. М. 1817—1818.
- Александръ Михайловичъ, вел. князь російскій. Истор. романъ. Съ нѣм. М. 1818; друг. пер. М. 1818.
- Амалия Горсть, или тайна быть счастливымъ. Съ нѣм. М. 1818.
- Странствующіе музыканты, или любовь при Монъ-Жеанъ. Съ нѣм. М. 1818.
- Сусанна, или награжденное постоянство. Съ нѣм. Орель, 1818.
- Тетка Изабелла, или семейственное несогласіе. Съ нѣм. М. 1818.
- Вальтеръ, дѣтя ратнаго поля, или и вторая любовь надежна. М. 1819.
- Агнеса и Берта, или женщины прежнихъ временъ. М. 1820.
- Луиза и Дюваль, или несчастная любовь. Съ нѣм. М. 1820.
- Людвигъ фонъ Ейвагъ, или три рода воспитанія. Съ нѣм. М. 1820.
- Образецъ рѣдкаго великодушія. Съ нѣм. М. 1820.
- Признаніе при гробѣ, или семейство лѣсничаго. Съ нѣм. Орель, 1821.
- Любовь и тщеславіе, или опасности кокетства. М. 1826.
- Баронъ Бергсдорфъ, или правила основанныя на добродѣтели. Съ нѣм. М. 1823.
- Госпожи Сельминн, или мужъ, жена и вдова. Ком. Пер. П. Аристова. С.-Пб. 1824.
- Отеческая строгость, или исторія г. Вальмониса. Пер. Ник. Базильевъ. М. 1825.

Невидимые, или развалины засѣкъ въ лѣсу. Съ нѣм. М. 1827.

Картинны страшныхъ происшествій, или гибельныя послѣдствія развращенныхъ нравовъ. Съ нѣм. Ал. Бринкъ. М. 1831.

Лессингъ (1729—1781):

Молодой ученый. Ком. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1765.

Солдатское счастье. Ком. Переложилъ съ нѣмецкихъ на русскіе нравы Н. З. М. 1779.

Клара. Комедія. С.-Пб. 1779; нов. изд. М. 1788.

Эмилія Галотти. Драма. Пер. П. А. С.-Пб. 1784.

Тоже. Пер. Н. Карамзина. М. 1788.

Избранныя басни. Пер. Вас. Папышевъ. С.-Пб. 1816.

Мейснеръ (1753—1807):

Меландръ веселый и шуточный. Съ латинск. Андрей Урусовъ. М. 1789.

Карлъ Винекъ, или утѣшительная невинность. Пер. Н. Яценковъ. М. 1789.

Бianка Капелло. Пер. А. Подшиваловой. М. 1793; нов. изд. С.-Пб. 1802.

Густавъ Ландау, или человекъ, который не можетъ терпѣть зависти. М. 1793.

Алкивиадъ. Пер. Н. Осиповымъ и П. Титовымъ. С.-Пб. 1794—1801.

Новыя басни. Пер. Вас. Богородскій. М. 1795; нов. изд. 1816.

Поэты и разговоры. Пер. Гр. Яценко въ 3 ч. М. 1796—1799.

Избранныя повѣсти и басни. Пер. В. Подшиваловъ. 8 частей. М. 1799—1802; втор. изд. 1800—1807.

Золотые часы для дѣтей, или нравоучительныя басни. Пер. В. Богородскій. М. 1800.

Отрывки изъ жизни Алкивиада. Пер. съ франц. кн. Таушевъ. М. 1801.

Женская рубашка. М. 1802.

Паденіе Капуи. М. 1803.

Мазаниелло. Истор. отрывокъ. М. 1803.

Мейстеръ (1744—1826): Письма о воображеніи. Пер. съ франц. Ник. Наглибинъ. С.-Пб. 1819.

Морицъ (1757—1793):

Путешествіе нѣмца по Италіи 1786—1788 годовъ. М. 1803—1805.

Путешествіе по Англіи. М. 1804.

Пфеффель (1736—1809, извѣстенъ преимущественно какъ баснописецъ): Каролина Салентъ. Пер. Ив. Ренофанцъ. С.-Пб. 1827.

Рабенеръ (1714—1771, сатирикъ):

О обученіи юношества. С.-Пб. 1764.

О невозбранномъ сатиры сочиненіи. С.-Пб. 1764.

О презианности поздравленіевъ новѣйшаго вкуса. С.-Пб. 1764.

Письмо о разумномъ обученіи языковъ и наукъ въ нашихъ школахъ. С.-Пб. 1764.

Письмо отъ гратулянта къ автору. С.-Пб. 1764.

Записки о Амуреткѣ, постельной собачкѣ. С.-Пб. 1764.

Извѣстія объ обществѣ злыми своими женами мучащемъ мужей. С.-Пб. 1764.

Похвала злымъ мужьямъ. С.-Пб. 1764.

Сокращеніе, отланное изъ летописи деревни Кверлеквичъ. С.-Пб. 1764.

Сатиры. Ч. 1. С.-Пб. 1764.

Собраніе сочиненій. Пер. Я. Трусовъ. 8 ч. М. 1792—1794.

Уцъ (1720—1796): Новая наука наслаждаться жизнью, въ 4 письмахъ, съ присовокупленіемъ лучшихъ сочиненій Кронекка, Галлера, Крамера, Клонштока, Виланда и Клейста. Пер. П. Побѣдовосцевъ. М. 1799.

Фридрихъ II (1712—1786):

Иструкция, или воинское наставленіе. Перев. съ франц. бригадиръ Философовъ. М. 1761; нов. изд. 1787.

Тоже. Наставленіе о воинскомъ искусствѣ. Пер. Анд. Нартовъ. С.-Пб. 1762; нов. изд. 1791.

Военная наука, изъ книги „Безпечный философъ“. Съ франц. стихами. Вас. Майковъ. С.-Пб. 1767; нов. изд. 1787.

Разсужденія о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ. Съ франц. А. П. С.-Пб. 1769.

Исторія Бранденбургская. Съ франц. Аяна Вельшева-Волинцева. М. 1770.

Анти-Макіавель. Съ нѣм. Яв. Хорошкевичъ. С.-Пб. 1779.

Письма о любви къ отечеству, или переписка Апанистемона и Филопатроса. Съ франц. И. Д. С.-Пб. 1779.

Похвальное слово Вольтеру. Съ франц. С.-Пб. 1783.

Послѣдній наказъ племяннику, наследовавшему престолъ. Съ франц. Н. Саблуковъ. С.-Пб. 1789.

Послѣднія мысли короля Прусскаго. Съ франц. Д. В. С.-Пб. 1789.

Разговоръ Фридриха II съ Лейпцигъ съ Геллертомъ, во время бывшей у него съ Цесарями войны. С.-Пб. 1789.

Разсужденія о свойствахъ и воинскихъ дарованіяхъ Карла XII. М. 1789.

Иларгія и Кратесъ. Философская пов. Съ франц. Ив. Бѣляевъ. М. 1789.

Остатки творенія. Пер. Гим. Киріакъ, Ник. Осиповъ, В. Б. и Я. М. С.-Пб. 1789—1791.

Тайныя наставленія. Пер. съ франц. Н. Ц. М. 1791.

Тоже, подъ заглавіемъ: Тайныя, къ военной хитрости относящіяся, наставленія. Съ франц. С.-Пб. 1802.

Тоже. Съ франц. Ник. Токаревъ. С.-Пб. 1820.

Похвальное слово Генриху, принцу прусскому. Съ франц. Ив. Вольфъ. С.-Пб. 1792.

Утренники короля Прусскаго, имъ самимъ писанныя. Съ фр. С.-Пб. 1792 (съ искаженіями и пропусками); 2-е изд. безъ обозначенія года; 3-е изд. 1803 г.

Исторія моего времени. Пер. Гим. Киріакъ. С.-Пб. 1793.

Переписка съ наставникомъ своимъ Дюаномъ Жандюкомъ. Съ нѣм. Ром. Ребиндеръ. С.-Пб. 1794.

Переписка съ Вольтеромъ 1736—1778. Пер. Ив. Ястребцовъ. М. 1807; нов. изд. 1816.

Военное искусство. Поэма. Пер. Дм. Вороновъ. С.-Пб. 1817.

Циглеръ (1760—1827): Эмалія Мейнау. Траг. Пер. А. М. М. 1796.

Шиллеръ (1759—1805):

Разбойники. Траг. Пер. Н. Сандуновъ. М. 1793; новый переводъ Кетчера. М. 1828.

Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Траг. Пер. Г. и А. М. 1803; нов. перев. Кетчера. М. 1830.

Ночныя приключенія Довъ Діега. С.-Пб. 1803 (Сопик. № 8992).

Коварство и любовь. Пер. Сем. Смирновъ. М. 1806; изд. 2-е. М. 1823.

*Духовидѣцъ, исторія взятая изъ записокъ гр. О**** М. 1807; нов. изд. 1818.

Орлеанская дѣва. Траг. Пер. Жуковский. 1824.

Исторія Тридцатилѣтней войны. С.-Пб. 1815.

Мессинская невѣста. Пер. А. Ротчевъ. М. 1829.

Вильгельмъ Тель. Пер. А. Ротчевъ. М. 1829.

Шинсь (1755—1799):

Честное слово. Ком. М. 1793.

Любовь и смѣлость. Ком. Пер. В. Краснопольскій. Смолен. 1802.

Генералъ Шлейсгеймъ. Драма. С.-Пб. 1802.

Таинство древнихъ Египтянъ. Истинная повѣсть о волшебствѣ и духахъ XVIII стол. М. 1802—1803.

Софья, или сумасшедшая отъ любви. Пер. Каменевъ. М. 1804.

Федюша, или маленькій Савоецъ въ Овернскихъ горахъ. Съ фривц. М. Верещагинъ. М. 1805.

Сентъ-Елена и Моврозъ. Пер. съ фр. Наст. Гагина. М. 1806.

Другое названіе: Графъ С—тъ, или странная приключенія новомодной красавицы въ землѣ Шотландскихъ горъ. М. 1810; нов. изд. М. 1816.

Рудольфъ фонъ Вестенбургъ, картина необузданныхъ страстей. М. 1806.

Самоубійца, или ужасная слѣдствія страстей. М. 1808.

Старикъ вездѣ и нигдѣ. М. 1809; нов. изд. 1817.

Новѣйшія трогательныя повѣсти. Пер. С. Т. и И. С. М. 1809 (У Соикова обозначенъ переводчикъ Ив. Снегиревъ, съ франц.).

Приключенія рыцаря Бенно ф. Ельзенбургъ въ 1225 г. М. 1811; нов. изд. 1816.

Трагическій отрывокъ, или Автоліо и Жанетта. М. 1812.

Самоубійца отъ любви, трогательная повѣсть. М. 1812.

Горные духи, или Анета и Фридерикъ. Пер. съ фр. М. 1813.

Тоже: Замокъ, или вертепъ духовъ въ дремучемъ лѣсу. М. 1816.

Сумасшедшіе, или гонимые судьбою. М. 1816.

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Орель, 1819.

Рыцари льва. Романъ, заимствованный изъ лѣтописей XIII в. М. 1819.

Духъ покровитель несчастныхъ, или тѣнь прекрасной Матильды, скитающейся между живыми. М. 1820.

Путешествующій Саволардъ, или странная приключенія одного бѣдняка. М. 1821.

Мои путешествія по пропастиямъ злосчастія. Пер. Бринкъ. М. 1821.

Очарованное зеркало, или пути Провидѣнія неисповѣдимы. Пов. древнихъ временъ. Пер. А. Бринкъ. М. 1821.

Іоаннъ Хенлингъ, четвертый и послѣдній владѣтель земныхъ, воздушныхъ и водныхъ духовъ. Повѣсть X вѣка. Пер. Ал. Бринкъ. Орель, 1822.

Жизнь и дѣянія Якова Букенштейна, чудака своего времени. М. 1822.

Юнгъ Штилингъ (1740—1817):

Краткія правоучительныя правила на каждый день года для друзей христіанства. Пер. А. Лабзинъ. С.-Пб. 1805.

Приключенія по смерти. Пер. У. М. (Ал. Лабзинъ). С.-Пб. 1805.

Тоска по отчизнѣ. Пер. Ф. Лубиновскій. С.-Пб. 1806.

Угрозъ Свѣтостоковъ (30 книжекъ). Пер. Лабзинъ. С.-Пб. 1806—1816.

Послѣдніе дни. Пер. Ал. Лабзинъ. С.-Пб. 1813.

Бракъ Вильгельмине. Пов. М. 1816.

Жизнь Генр. Штилинга. Пер. Лабзинъ. С.-Пб. 1816.

Послѣдніе дни Ю. Штилинга, посмертная 6 часть его жизни. Пер. А. Лабзинъ. 1818.

Феобальдъ, или мечтатели. Истинная повѣсть. Пер. Ф. Лубиновскій. М. 1819.

Эквартсгаузенъ (1752—1803):

Подлинныя письма несчастныхъ людей. Пер. Карлъ Рембовскій. М. 1793. Тоже, Орель, 1818.

Вѣрное искусство отъ предубыжденія умовъ. Пер. надв. сов. Мих. Антоновскій. С.-Пб. 1798.

Благоразуміе, соединенное съ добродѣтелью, или политика мудраго. М. 1795; изд. 2-е 1805; изд. 3-е 1816; изд. 4-е, Орель, 1823.

Путешествіе младаго Костиса отъ востока къ полудню. М. 1801; 2 изд. 1803; 3 изд. 1816.

Страждущая невинность. Пер. К. М. М. 1802 (друг. пер. подъ заглавіемъ „Отривки“). М. 1804).

Нравственныя письма къ Лидѣ о любви душъ благородныхъ. М. 1803; изд. 2-е 1816.

Тоже. Пер. Ив. Кобрановъ. М. 1816.

Наставленіе мудраго испытанному другу. С.-Пб. 1803; изд. 2-е 1817.

Отривки изъ сочиненій. С.-Пб. 1803.

Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца. Пер. Ал. Лабзинъ. С.-Пб. 1803; нов. изд. 1816.

Ключъ къ таинствамъ природы. Пер. Ал. Лабзинъ. С.-Пб. 1804; изд. 2-е 1820.

Ночи, или бесѣды мудраго съ другомъ. Пер. Ал. Лабзинъ. М. 1804; изд. 2-е 1816.

Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ философія и грезить не смѣетъ. Пер. Ал. Лабзинъ. С.-Пб. 1804.

Терпимость и человеколюбіе, изображенныя въ трогательныхъ повѣстяхъ. Пер. съ участіемъ Лабзина. М. 1805; изд. 2-е 1817.

Открытіе волшебныхъ таинствъ. М. 1809.

Духъ или сущность ученія. Извлечено Мих. Бранкевичемъ. М. 1809; нов. изд. 1816 (книга плохая).

Мысли о положительномъ началѣ жизни и отрицательномъ началѣ смерти. Пер. Ив. Шамшинъ. М. 1810.

О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости. Пер. А. Лабзинъ. С.-Пб. 1811.

Наука чиселъ, служащая продолженіемъ къ ключу. Пер. Ал. Лабзинъ. С.-Пб. 1815; 1-е изд. 1812.

Взглядъ на будущее, или сказаніе о XIX столѣтіи. Пер. Ив. Шамшинъ. С.-Пб. 1817.

Моляты, почерпнутыя изъ псалмовъ Давидовыхъ. С.-Пб. 1817; нов. изд. 1821.

Богъ есть любовь чистѣйшая. Съ фр. Яковъ Уткинъ. С.-Пб. 1817.

Кодексъ, или законоположеніе человѣческаго разума. Пер. Ив. Шамшинъ. С.-Пб. 1817.

Богъ во плоти, или Христосъ между людьми. С.-Пб. 1818.

Религія, разсматриваемая какъ основаніе всякой истины и премудрости. Пер. М. Сахаровъ. М. 1818.

Омаровы наставленія, книга для свѣта, каковъ онъ есть, а не каковыи быть долженъ. Пер. Мих. Сахаровъ. М. 1819.

Энгель (1741—1802):

Лоренцо Старкъ, семейная картина. М. 1808.

Статьи изъ Энгелева журнала „Философъ для свѣта“, приложенныя къ „Золотымъ часамъ“. М. 1815.

Англійская литература:

Аддисонъ (1672—1719):

Легкомысловъ, получившій здравый разсудокъ (нравоучительныя сказки), отрывки ириодъ и стихотвореніе Аддисона на Ризвикскій миръ. Пер. съ франц. и латинск. С.-Пб. 1777.

Катонъ. Трагед. Пер. съ англ. Ал. Колмаковъ. С.-Пб. 1804.

Историческія доказательства божественности Іисуса Христа. Пер. съ англ. С.-Пб. 1817; 2-е изд. 1819.

Байронъ (1788—1824):

Выборъ изъ сочиненій Л. Байрона. Пер. съ фр. М. Коченовскій.

Джуръ. Въ стихахъ. Пер. П. Р. М. 1822.

Шильонскій узникъ. Пер. съ англ. В. Жуковскій. М. 1822 г.

Невѣста Абидосская. Въ стихахъ. Пер. съ англ. И. Козловъ. С.-Пб. 1826; изд. 2-е 1831.

Паршина. Истор. пов. Пер. Вердеревскій. С.-Пб. 1827.

Тоже, вольный переводъ въ стихахъ Н. Карцева. М. 1829.

Манфредъ. Драм. поэма. Пер. Вронченко. С.-Пб. 1828.

Вампиръ. Пер. П. Киреевскій. М. 1828.

Лара. Повѣсть въ стихахъ. Пер. Ал. Носковъ. М. 1829.

Бэконъ (1561—1626): Новая Атлантида. Пер. съ франц. М. 1821.

Блумфильдъ (1766—1823): Сельскій работникъ. Съ франц. М. 1809.

Миссъ Бюрвей (1752—1840):

Генрихъ Дельморъ, или неблагоразумные поступки юношества. Пер. М. Копьевъ. М. 1796.

Евелина, или вступленіе въ свѣтъ молодой дворянки. М. 1798.

Цецилія, или приключенія наслѣдницы. М. 1803—1804.

Боливброкъ (1678 - 1751): Мысли о ссылкѣ. Пер. съ англ. М. 1802.

Вальтеръ Скоттъ (1771—1832):

Бѣглець. М. 1821.

Матильда Рокби. М. 1823.

Кенильвортъ. М. 1823.

Поэма послѣдняго барда. Изд. М. Каченовскій. М. 1823.

Выслужившійся офицеръ, или война Монгоза. М. 1824.

Густавъ Вальдгеймъ, или преступникъ по неволѣ. Пер. А. П—въ. М. 1824.

Маннерингъ, или астрологъ. Пер. В. Броневскій. М. 1824.

Таннштейнскій Карло. Повѣсть. М. 1824.

Шотландскіе пуритане. Повѣсть. Пер. В. Соцъ. М. 1824.

Эдинбургская темница. Пер. съ франц. А—а 3—ъ. М. 1825.

Невѣста Трирмена, или долина Св. Іоанна. Пер. П. К. М. 1825.

Аббатъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Маріи Стюартъ. Пер. съ англ. Полковскій. С.-Пб. 1825.

Антиварій. Пер. съ франц. П. К. М. 1825—1826.

Ивангое, или возвращеніе изъ крестовыхъ походовъ. С.-Пб. 1826.

Битва при Ватерлоо, съ присовокупленіемъ избранныхъ балладъ. М. 1827.

Владѣтель острововъ. М. 1827.

Веверлей, или 60 лѣтъ назадъ. М. 1827.

Квентинъ Дорваркъ, или шотландецъ при дворѣ Людовика XI. Пер. А. Н. Писаревъ. М. 1827.

Награда супружеской вѣрности. Пер. съ франц. Март. Скобертинъ. М. 1827.

Невѣста Ламмермурская. М. 1827.

Письма о Франціи въ 1815 году. Пер. М. П—въ. М. 1827.

Письма Павла къ своему семейству. Пер. Г. П—въ. М. 1827.

Талисманъ, или Ричардъ въ Палестинѣ. М. 1827.

Галидонъ Гилль. Съ франц. Д. Е. М. 1827.

Коннетабль Честерскій. Пер. Н. Шигаевъ. С.-Пб. 1828.

- Редгонтатъ, красная перчатка. М. 1828.
Сенъ-Ронавскія воды. Съ франц. М. Воскресенскій. 1828.
Приключенія Нигеля. Съ франц. М. 1828—1829.
Елена Дугласъ, или дѣва озера Лакъ-Катринскаго. М. 1828. Съ франц.
Родъ-Рой. М. 1829.
Преданіе о Монтрозѣ и его спугнцахъ. Съ англ. М. 1829.
Монастырь. М. 1829.
Горная Шотландія. М. 1829.
Вудстокъ. Пер. С. де-Шаплетъ. С.-Пб. 1829.
Тоже. Пер. съ франц. А. Герасимовъ. М. 1829.
Морскій разбойникъ. Съ франц. М. Воскресенскій. М. 1829.
Пертская красавица. Съ франц. М. Воскресенскій. М. 1829.
Певериль. Съ франц. 1-я ч. А. И. Писаревъ. 2—5 ч. С. Т. Аксаковъ. М. 1830.
Карлъ Смѣлый, или Анна Гейерштейнская, дѣва мрака. С.-Пб. 1830.
Дочь шотландскаго лѣзвара. М. 1830.
Предъименованіе. Пер. Г. Пасяковъ. С.-Пб. 1831.
Исторія Шотландіи. Пер. М. М. С.-Пб. 1836.
Гервей или Жервей (James Hervey, 1714—1758):
Надиробныя размышленія. Пер. съ франц. М. 1782.
Прозаическая похвальная пѣснь всѣмъ тварямъ. Пер. съ англ. Ив. Нечаевъ.
Псковъ, 1805.
Благоговѣнный зритель природы, или размышленія славнаго Гервея. Пер. съ франц. свящ. Ив. Виндорскій. М. 1808; изд. 2-е 1822.
Гюль (Нуте, 1711—1776):
Гюльн домъ, или Шотландка. Пер. съ франц. Ал. Протасовъ. М. 1763—1766.
Наука къ познанію роскоши. Пер. Фед. Левченковъ. С.-Пб. 1776.
Жизнь Гюма, описанная имъ самимъ. Пер. Ив. Марковъ. М. 1781.
О населенности древнихъ народовъ, съ нѣкоторыми примѣчаніями. Пер. Н. Муравьевъ. 1806.
Джонсовъ (1574—1637): *Рапеласъ, принцъ Абиссинскій.* Пер. съ англ. М. 1795.
Іѣнъ (Ed. Joung, 1681—1765):
Страшный судъ. С.-Пб. 1777; 2 изд. М. 1787.
Торжество вѣры надъ любовью. Съ франц. И. Л. стихами. М. 1780; 2 изд. 1787.
Нощныя мысли и другія сочиненія Юма. Пер. съ франц. И. Р. С.-Пб. 1780.
Избѣкъ, или добродѣтельный богачъ, и письма къ Вольтеру изъ сочиненій Юма.
Съ франц. С.-Пб. 1782.
Вопли. Пер. съ франц. М. 1785; изд. 2-е 1799; изд. 3-е С.-Пб. 1812.
Плачь, или нощныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи. Пер. съ нѣм.
Ал. Кутузовъ. М. 1785; 2-е изд. 1799; 3-е изд. 1812.
Тоже. Плачь, или нощныя мысли о жизни, смерти и безсмертіи. Пер. съ англ.
С.-Пб. 1799 (самое полное изданіе).
Тоже. Ночи Юнговы. Въ стихахъ (4 первыя ночи. Съ франц. Пер. Летурверъ).
Изд. С. Глинкы. М. 1803; 2-е изд. 1806; 3-е изд. 1820.
Сатиры, или любовь къ славѣ всеобщая страсть. Съ франц. Ал. Татарниковъ.
С.-Пб. 1792.
Духъ, или нравственныя мысли славнаго Юма. Пер. съ франц. Ал. Андреевъ.
М. 1798; 2-е изд. 1806.
Письма Фонтенеля и Юнга. Пер. Вышеславцевъ. М. 1801.
Стихотворныя красоты Эд. Юнга. Пер. съ англ. (прозою) Мих. Паренаго. М. 1806

Мысли Юнга объ оригинальномъ сочиненіи. Съ франц. свящ. Іоаннъ Граціанскій. С.-Пб. 1812.

Мысли человека, удалившагося отъ свѣта и порока, и некоторыя разсужденія. Пер. съ франц. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Ярославъ, 1785.

Миссъ Софья Ли (1750—1824):

Подземелье, или Матильда. Пер. съ франц. М. 1793—1794.

Савинія Риверсъ, или опасности любви. Пер. съ франц. М. 1821.

Льюисъ (1778—1818, авторъ сатирическихъ романовъ и разбойническихъ мелодрамъ):

Монахъ, или пагубныя слѣдствія мелкихъ страстей. Пер. съ франц. Павленковъ и Росляковъ. С.-Пб. 1802—1803; изд. 2-е 1805.

Разбойникъ въ Венеци. Пер. съ франц. С. П. М. 1807; изд. 3-е 1816.

Лѣтній вечеръ, или таинственная пещера въ дремучемъ лѣсу. Пер. съ франц. Орель, 1825.

Локъ (1632—1704):

О воспитаніи дѣтей. Пер. съ франц. Н. Поповскій. М. 1759.

Первоначальныя основанія физики. Съ фр. С.-Пб. 1774.

Мильтонъ (1608—1674):

Первыя три пѣсни Потеряннаго рая. Съ англ. прозою Вас. Петровъ. С.-Пб. 1777.

Возвращенный рай. Пер. съ франц. Ив. Грешищевъ (проз.). М. 1778.

XII пѣсьм Потеряннаго рая. Съ франц. арх. Амвросій (бывшій префектомъ Московской дух. акад.). М. 1780; 2 изд. 1785; 3 изд. 1801.

Потерянный рай. Съ англ. Ф. Загорскій. М. 1795; 2 изд. 1810.

Потерянный рай, съ приобщеніемъ Возвращеннаго рая. Пер. Ф. Загорскій (проз.). М. 1810; 2 изд. 1820; 3 изд. 1827.

Потерянный рай, съ тѣмъ же прибавленіемъ. Пер. съ франц. Еф. Люценко. С.-Пб. 1824.

Томасъ Морусъ (1480—1535):

Картина всевозможнаго лучшаго правленія, или Утопія. Пер. съ французск. С.-Пб. 1789.

Философа Рафаила Гисмодъ странствованіе въ Новомъ Свѣтѣ и описаніе любопытства достойныхъ примѣчаній и благоразумныхъ установленій жизни миролюбиваго народа острова Утопія. Пер. съ англ. С.-Пб. 1790 (то же сочиненіе).

Оссіявъ (поддѣлка Макферсона, 1738—1796):

Оссіявъ, сынъ Финлаговъ. Гальскія стихотворенія. Пер. съ франц. Ерм. Бостровъ. М. 1792; 2 изд. С.-Пб. 1818.

Смерть Кутулина, изъ сочин. Оссіяна. Пер. съ франц. К. И. Одоевскій. М. 1807.

Стихотворенія Эрскія или Ирландскія, не переведенныя Костровымъ. Пер. съ франц. Сем. Филатовъ. С.-Пб. 1816.

Уединенные часы пустытника, или собраніе разныхъ сочиненій и переводовъ изъ лучшихъ мѣстъ Оссіяна и Овидія. Изд. В. Л. М. 1815.

Темора. Поэма, вольное переложеніе въ стих. А. Слѣпцева. М. 1828.

Пѣснь въ Сельмѣ. Поэма. Пер. А. Слѣпцевъ. М. 1829.

Поэ (1688—1744):

Опытъ о человекѣ. Пер. съ франц. Ник. Поповскій (стихами). М. 1737; 2 изд. 1763; 3 изд. 1787; изд. Яссы 1791; 4 изд. 1802; 5 изд. 1812.

Тоже прозою. Съ англ. Ф. Загорскій. М. 1799; тоже съ франц. прозою. М. 1806.

Храмъ славы. Съ франц., стихами, Херасковъ. М. 1761; прозою. П. Львовъ. С.-Пб. 1790.

Похищенный локопъ волосовъ. Пер. съ франц. М. 1761.

- Опыт о критикѣ. Пер. съ англ. кн. С. Шихматовъ (стих.). С.-Пб. 1806.
- Четыре времени года. Съ англ. М. Макаровъ. М. 1809.
- Пріоръ (1664—1721): *Гейнрихъ и Эмма, лирическое сочиненіе, подражаніе поэмъ Брюнета*. Пер. съ нѣм. Н. Марковъ. М. 1788; 2 изд. 1798.
- Радклифъ (1764—1823):
- Гѣсъ, или Сентглерское аббатство. Пер. съ франц. Пав. Черновскій. М. 1801—1802; 2 изд. Смол. 1811; 3 изд., Орель, 1823.
 - Гробница. Пер. съ фр. А. С. М. М. 1802; 2 изд. 1805; 3 изд., Орель, 1823.
 - Итальянецъ, или исповѣдная черныхъ кающихся. Пер. съ франц. М. 1802—1804.
 - Полночный колоколъ, или таинство Когенбургскаго замка. Пер. съ фр. Ив. Росляковъ. С.-Пб. 1802; 2 изд. М. 1816.
 - Таинства Удольфскія. Пер. съ франц. С. Ф. З. М. 1802; изд. 2-е 1811; изд. 3-е 1816.
 - Юлія, или подземелье Мадзини. Съ франц. М. 1802; изд. 2-е 1819; друг. пер. съ англійскаго. М. 1803.
 - Замокъ Альберти, или движущійся скелеть. Пер. съ франц. Ив. Пленкъ. С.-Пб. 1803.
 - Живнй мертвецъ, или Неаполитанцы. Пер. съ франц. Б. Б. М. 1806, 1808, 1816.
 - Пещера смерти въ дремучемъ лѣсу. Пер. съ франц. С. Р. М. 1806, изд. 2-е; 3 изд. М. 1835.
 - Замокъ въ Галиціи. Пер. съ фр. М. 1808.
 - Замокъ, или ночныя привидѣнія въ Западной башнѣ чернаго лѣса и таинства Орланда. Съ фр. М. 1808; 3 изд. 1816.
 - Видѣнія въ Пиренейскомъ замкѣ. Пер. съ франц. М. 1809; друг. пер. М. 1809.
 - Ужасныя, необыкновенныя и случайныя приключенія или видѣнія въ Пиренейскомъ замкѣ. Пер. съ фр. М. 1809.
 - Марія и графъ М—въ, или несчастная россиянка. Пер. В. Озеровъ. М. 1810.
 - Монастырь Св. Екатерины, или нравы XVIII вѣка. Пер. съ фр. М. 1810; Орель, 1815.
 - Ночныя видѣнія, или приключенія несчастной Аделаиды и варварства ея мужа. Съ фр. М. 1811.
 - Таинства черной башни. М. 1811—1812; 2 изд. 1816.
 - Монастырь Св. Колумба, или рыцарь краснаго оружія. Пер. съ фр. М. 1816.
 - Наслѣдница Монтольда, или привидѣнія и таинства замка Безанта. Съ франц. М. 1818.
 - Пустынникъ таинственной гробницы, или привидѣнія стараго замка. Пер. съ фр. А. Татищевъ. М. 1818.
 - Луиза, или подземелье Ліонскаго замка. Пер. съ фр. М. 1819.
 - Берлинскія привидѣнія. Послѣднее сочиненіе. Съ франц. М. 1830.
- Ричардсонъ (1689—1761):
- Памела, или награжденная добродѣтель*. Пер. съ фр. Черткова. С.-Пб. 1781 (не вся).
 - Тоже*. Смоленскъ, 1796 (не вся).
 - Достопамятная жизнь двѣицы Клариссы Гарловъ (неоконч.)*. Съ фр. пер. Н. Осиповъ и П. Киль. С.-Пб. 1791—1792.
 - Англійскія письма, или исторія кавалера Грандинсона*. Пер. съ франц. Алек. Кондратовичъ. С.-Пб. 1793—1794.
 - Индѣйцы. Пер. съ англ. М. 1806.
 - Марія Рошъ (Regina Maria Rosch, 1766—1845):
 - Дѣти аббатства. Авгл. романъ. Пер. М. А. М. 1802—1803.
 - Другой переводъ: Дѣти Довретскаго аббатства. М. 1805; изд. 2, Орель, 1824.
 - Деревенская дѣвушка. Пер. Е—въ К—ій. М. 1805.
 - Изгнанный сынъ, или вертелъ разбойниковъ. Пер. А. Ивановъ. М. 1808—1809.

- Роза, или подкинутое дитя. М. 1812.
- Свифтъ (1667—1745):
- Путешествіе Самуила Брутке въ Каклогалинію, или ѣзда въ землю пѣтуговъ и оттуда на луну.* Пер. съ нѣм. С.-Пб. 1770; 2 изд. 1788.
- Путешествіе Гулливера въ Лиллипутъ, Бродиньятъ, Лапуту и проч.* Съ фр. Ероу. Каржавинъ. С.-Пб. 1773; 2 изд. 1780.
- Стернь (1713—1768):
- Письма Юрика къ Элизъ и Элизы къ Юрику.* Пер. съ фр. Гавр. Апуктинъ. М. 1789.
- Друг. пер. Н. Карина. М. 1795.
- Путешествіе по Франціи и Италіи подъ именемъ Юрика.* Съ англ. Ал. Колмаковъ. С.-Пб. 1798.
- Нравоучительныя рѣчи и нѣкоторыя нравственныя мѣтвія. Пер. П. Чигасовъ. М. 1801.
- Красота Стерна, или собраніе лучшихъ его патетическихъ повѣстей и отличнѣйшихъ замѣчаній на жизнь. Пер. съ англ. Яв. Галинковскій. М. 1801.
- Чувственное путешествіе Стерна во Францію. Пер. съ франц. П. Домогадкій. М. 1803; друг. перев. М. 1808.
- Жизнь и мѣтвія Тристрама Шенди. Пер. съ англ. М. Кайсаровъ. С.-Пб. 1804—1807.
- Путешествіе Юрика по Франціи. Пер. съ англ. М. 1806.
- Коранъ, или жизнь, характеръ и чувства Лавр. Стерна, служація поясненіемъ въ всѣ его сочиненія. С.-Пб. 1809.
- Письма къ искреннимъ его друзьямъ, собранныя дочерью его Лидіею Стернь де Медалль. Съ англ. М. Паренаго. М. 1820.
- Томсовъ (1700—1748): *Четыре времени года.* М. 1798—1803.
- Фильдингъ (1707—1754):
- Повѣсть о Томасъ Юнесъ, или найденный.* Съ фр. Е. Харламовъ. С.-Пб. 1770—1771. М. 1787—1788.
- Приключеніе Иосифа Андревса и пріятели его Авраама Адалеса.* Съ нѣм. Пв. Сынтенскій. С.-Пб. 1772; 2 изд. С.-Пб. 1787.
- Амалия.* Пер. съ фр. Пав. Бергъ. С.-Пб. 1772—1775.
- Дьянія господина Ионафана Вильда великаго.* Съ нѣм. Ив. Сынтенскій. С.-Пб. 1773; 2 изд. 1786.
- Способъ быть добродѣтельнымъ, или достопамятныя похождения кавалера Клинкера.* Съ нѣм. И. Р. С.-Пб. 1776.
- Положенія Родрика Рандома.* М. 1788.
- Путешествіе Гомфрида Клинкера.* Съ нѣм. Ив. Захаровъ. С.-Пб. 1789.
- Зимео, или чувствованія дикаго.* Съ франц. сержантъ Ник. Новосильцевъ. М. 1789.
- Несчастіе отъ чувствительности.* Съ фр. Н. Н. М. 1791.
- Давыдъ простой, или истинный другъ.* С.-Пб. 1796.
- Дан. Дефое (D. Defoe, 1661—1731): *Жизнь и приключенія Робинзона Крузе.* Пер. съ франц. Яв. Трусовъ. С.-Пб. 1762—1764; 2 изд. 1775; 3 изд. 1787; 4 изд. 1801.
- Шекспиръ (1564—1616):
- Вотъ какво имать корзину и бѣлье.* Вольное переложеніе. С.-Пб. 1786.
- Жизнь и смерть Ричарда III.* Пер. съ франц. въ Нижнемъ Новгородѣ. С.-Пб. 1737.
- Юлій Цезарь.* Съ франц. прозою Н. Карамзинъ. М. 1787.
- Тоже.* Съ англ. прозою. М. 1787.
- Леаръ. Пер. съ франц. Н. Гвѣдичъ. С.-Пб. 1808.
- Отелло, или Венеціанскій Мавръ (безъ имени автора и переводчика). С.-Пб. 1808.
- Гамлетъ. Пер. съ англ. М. Вронченко. С.-Пб. 1828.

Гамлетъ. Въ стихахъ. Для російскаго театра обработалъ С. Висковатовъ. 1-е изд. С.-Пб. 1811; 2 изд. С.-Пб. 1829.

Макбетъ. Пер. Ротчевъ. С.-Пб. 1830, по передѣлкѣ Шиллера.

Шериданъ (1751—1816):

Школа клеветы, или вкусъ пересужденія другихъ. Пер. съ пѣм. М. 1791.

Нурзагадъ, человекъ неумирающій. Восточная пов. съ польскаго П. Антоновскій. С.-Пб. 1792.

Школа злословія. Пер. съ англ. Ив. Муравьевъ. С.-Пб. 1794.

Американская литература:

Ф. Куперъ (1789—1851):

Американскія степи. Съ франц. М. 1829.

Американскій пуританинъ. Съ франц. М. 1831.

Франклинъ (1706—1796):

Ученіе добродушнаго Ричарда. Пер. съ франц. С.-Пб. 1784.

Тоже. Русская философія. М. 1804.

Правила для шахматной игры. С.-Пб. 1791.

Отрывокъ изъ записокъ Франклиновыхъ, съ краткимъ описаніемъ его жизни и некоторыхъ его сочиненій. Съ франц. М. 1799.

Собраніе разныхъ сочиненій. Съ франц. М. 1803.

Южно-европейская литература:

Аріосто (1474—1533): *Неистовый Роландъ.* Съ фр. П. Молчановъ. 3 ч. М. 1791—1793 (не весь).

Голдони (1707—1793):

Благодѣтельный рублякъ. Ком. Съ фр. Мих. Храповицкій. С.-Пб. 1772.

Домашнія несогласія. Ком. С.-Пб. 1773.

Лжецъ. Ком. С.-Пб. 1774 (вольный переводъ).

Памела. Ком. С.-Пб. Пер. съ итал. Вас. Левшинъ. М. 1812.

Камоенсъ (1525—1579): *Луизіяда, въ 10 пѣсняхъ.* Пер. съ франц. Ал. Дмитриевъ. М. 1788.

Метастазіо (1698—1782):

Придворный Ниль, или узнанная Семирамида. Пер. П. Медвѣдевъ. С.-Пб. 1737.

Артакерксъ. Драма. Пер. П. Медвѣдевъ. С.-Пб. 1738.

Милосердіе Титова. Пер. Меркурьевъ. С.-Пб. 1742.

Сципионъ. Оп. С.-Пб. 1745.

Царь пастухъ. Оп. С.-Пб. 1752.

Александръ въ Индіи. Оп. С.-Пб. 1755.

Сирий. Оп. С.-Пб. 1760.

Антигона. Оп. С.-Пб. 1760.

Узнанная Семирамида. Оп. С.-Пб. 1760.

Олимпіяда. Траг. М. 1762; другой пер. С.-Пб. 1769.

Нинета. Оп. С.-Пб. 1777; 2 изд. 1780.

Пляска. Оп. С.-Пб. 1778.

Ахиллъ во Азирь. Оп. С.-Пб. 1778.

Димитрій. Оп. С.-Пб. 1779.

Иосифъ, узнанный своими братьями. Оп. С.-Пб. 1783.

Петрарка (1304—1374): *Воображеніе, или письма къ Лоръ.* Пер. съ франц. Ал. Тиньковъ. С.-Пб. 1768.

Сервантесъ (1547—1616):

Неслыханный чудодѣй, или удивительныя и необычныя приключенія грабата и знаменитаго рыцаря Донъ Кихота. Пер. Н. О. С.-Пб. 1791.

Донъ Кихотъ Ламанскій { 1. Съ пер. Флоріана пер. В. Жуковскій. М. 1805; 2 изд. 1813.
2. Пер. съ франц. Н. Осиповъ. М. 1812.
3. Пер. съ франц. С. де Шанлетъ. С.-Пб. 1831.

Прекрасная цыганка. Испанская пов. Съ франц. Смоленскъ, 1795.

Повѣсти. Пер. съ фр. М. Кобрянъ. М. 1805.

Тассъ (1493—1569):

Освобожденный Иерусалимъ { 1. Съ франц. М. Поповъ. М. 1772; 2 изд. 1787.
2. Пер. А. С. Шишковъ. С.-Пб. 1818—1819.
3. Пер. съ франц. Москотильянковъ. М. 1819;
2 изд. 1820—1821.
4. Пер. Ранчъ въ 1828.

Бдѣнія. Пер. А. Шишковъ. С.-Пб. 1808.

Тоже подъ заглавіемъ Ночи. Пер. Пв. Остолоповъ. С.-Пб. 1808; 2 изд. Мечтанія. С.-Пб. 1819.

П Р И Б А В Л Е Н І Е Т Р Е Т Ь Е.

Содержаніе „Русскаго Вѣстника“.

Римскія цифры означаютъ погодно мѣсячный номеръ или книжку.

1808 годъ (4 части).

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: стихи на 13 число января 1808 г.; стихи Еват. Ром. Дашковой, препровождаѣ Юнговы ночи, посвященныя праху Екатерины II (I, 75); на новый годъ супругѣ Россіянкѣ (I, 76); пѣснь славяно-россіянокъ сынамъ отечества (I, 80—84); другу русскіихъ, препровождаѣ къ нему IV книжку „Русск. Вѣстника“ (II, 188); стихи на освященіе церкви, во имя Михаила Кн. Черниговскаго, въ д. кн. С. Ф. Голицына (II, 189—191); стихи въ память героямъ, умершимъ на поляхъ Прейсшъ-Эйлаускихъ (II, 196—197); Гавр. Роман. Державину (III, 320); стихи передателю мыслей, изреченій и дѣяній героя Италійскаго (III, 321); природа—учитель, чувствованія добраго, внимательнаго дитяти (III, 322—330); посланіе къ сельскому жителю, сообщившему двѣ статьи въ „Русск. Вѣстникъ“ (VI, 331—332); стихи на отъѣздъ С. С. Кушликова по Высочайшему рескрипту въ Молдавію и Валахію (III, 337—338); супругѣ Россіянкѣ, на другой день ея именинъ (III, 339); къ издателю древнихъ русскихъ стихотвореній (III, 340—342); мечты о семейственной жизни (III, 346—349); Ольга прекрасная и кн. Игорь, древняя пѣснь (V, 198—200); воспитаніе Натальи Кирилловны Нарышкиной въ домѣ боярина Матвѣва, отрывокъ изъ стихотворной повѣсти (VI, 291—306); въ альбомѣ красавицѣ (VI, 310—312); стихи фельдмаршалу кн. Прозоровскому (VII, 80—81); стихи на случай полученія графомъ И. В. Гудовичемъ фельдмаршальскаго до стоинства (VII, 82—84); надписи къ портрету Ермака (VII, 89).

Ф. Глинка: строфы изъ оды на побѣды Россіянь подъ Пултускомъ и Прейсшъ-Эйлау (VI, 307—309); стихи его пр—ву М. Анд. Милорадовичу (IX, 339—393); смерть Петра Перваго (X, 62—82); Іовъ (XII, 341—347).

Державинъ: надежда на Бога, ода; сѣтованіе (III, 136—319); надписи къ портрету Хераскова (IV, 77); обитель Добрады, пастушеская мелодрама (X, 212—226).

Бодановичъ: пѣснь великой Екатерины (II, 184—187); портретъ російскаго подководца (IV, 78—79).

А. Воейковъ: отвѣтъ пріятелю, который убѣждалъ меня учиться древнимъ языкамъ (IV, 83—85).

Вл. Измайловъ: эпитафія М. М. Хераскову, врызанная на его мавзолеѣ (VII, 94)

Анна Волкова: плодъ моея горести (IX, 377—379); размышленія на дачѣ Сашинѣ (X, 380—382).

Ф. Ивановъ: Рогоѣда на могилѣ Ярополковой (IX, 383—388).

Авр. Палицынъ: чувствованія, излившіяся при чтеніи стиховъ на вѣтвь, вырос-

шуд на памятникъ гр. Румянцева-Задунайскаго (II, 195—196); Дмитрій Донской, отрывокъ изъ поэмы (VIII, 237—246).

Ек. Алферова, воспитанница Паллицына: посланіе къ А. В. К. въ день именинъ (III, 333—336).

И. Врисскій: разговоръ великолѣннаго дома съ домою въ развалинахъ (X, 85—87).

Уаръ Воцинилъ: стихи, внушенные разсматриваніемъ въ публичной залѣ портрета митроп. Платона (VIII, 247).

К. З.: родителю, въ день его рожденія; къ Г. Р. Державину, по случаю кончины Суворова (II, 200—203); Г. Р. Державину, по прочтеніи его перевода Пиндаровыхъ одъ (IV, 80—82); въ похвалу гражданскихъ добродѣтелей (V, 193—197); три сонета Петрарки (VII, 90—93).

Ив. Бил.: ручей (X, 83—84)

М. Л-ис: Ос. П. Козодавлеву, при посѣщеніи Пензенской гимназіи (VIII, 248—252).

М. А.: благотворителю Московскихъ музъ (XII, 330—340).

К.: отъ супруга къ супругѣ (I, 84).

Э. Н-овъ: издателю „Русскаго Вѣстника“ отъ степнаго жителя (III, 343—345).

И. Лож-овъ: военная пѣсня: славяно-россіянка отпускаетъ на войну единственнаго своего сына (VII, 85—88); притча мышъ и слонъ (I, 77); три путешественника, басня (II, 198—199).

Безъ подписи: Царица Наталья Кирилловна, отрывокъ изъ посланія къ Вольтеру (II, 192—194) изъ Смоленска; русская пѣсня матушкѣ царикѣ (XI, 227—229) изъ Макарьева.

В) Прозаическая часть.

1. *Статьи изъ русской исторіи:*

Петръ Великій (I, 11—22).

Бояринъ Арт. Серг. Матвѣевъ (II, 121—145).

Москва—мать городовъ, письма гр. П. И. Румянцева къ П. Д. Еропкину (I, 146—149).

О Суворовѣ, сообщ. гр. Ростовчинимъ (III, 241—249).

О воспитаніи русскихъ до временъ Петра В. (III, 278—300).

Письма Россійской академіи къ супругѣ Хераскова (III, 356—360).

Къ почитательницамъ Хераскова (III, 361—373).

Древнія русскія стихотворенія: Соловей Будимировичъ; женитьба князя Владиміра (III, 373—387); торжество правоты и человѣколюбія (IV, 101—104); Ермакъ, или мужество и великодушіе русскихъ (V, 206—214); ненарушимость давняго слова; смѣлость и неустрашимость духа русскихъ богатырей; богобоязненность, скромность, ласка княжеская и простота нравовъ; усердіе русскихъ богатырей къ службѣ государевой (VI, 325—340).

Напоминаніе о Елатеринѣ II-й (IV, 3—46).

Неизмѣнность духа россіянь: галлы подъ державою римлянъ; россіяне подъ игомъ татаръ (IV, 46—50).

Памятникъ кн. Як. Ѳед. Долгорукову (V, 121—132).

О гербѣ московскомъ, изъ рукописи А... (V, 184—185).

Письмо изъ Казани сочувственное изданію (V, 186—192).

Императоръ Александръ I, любитель отечественной древности (VI, 261—267).

Два письма Ломоносова: 1) къ Ф. Гр. Ртищеву; 2) къ Гр. Гр. Орлову (VI, 320—324).

Нѣкоторыя замѣчанія о русскомъ правительствѣ, изъ письма къ издателю (V, 343—348).

Суворовъ въ хижинѣ на горахъ Альпійскихъ (VII, 3—8).

О просвѣщеніи русскихъ до временъ Петра Великаго (VII, 17—49).

О свойствахъ россіянъ и замѣчанія о измѣненіи героическаго свойства народовъ (VII, 49—64).

О російскомъ театрѣ, соч. Ал. Малюновскаго (VII, 109—124).

Князь Александръ Невскій (VIII, 157—183).

Благоговѣніе русскихъ къ царямъ (VIII, 184—188).

Напомянутое о временномъ ополченіи (VIII, 217—218).

Александра Павловна, добрая государыня (IX, 295—298).

Зотовъ, наставникъ Петра Перваго, или разсмотрѣніе способа его ученія и соображенія оного съ правилами Ж.-Ж. Руссо, Кондильяка, Локка и прочихъ писателей о воспитаніи (IX, 299—330).

О свойствахъ русскихъ бояръ: бояринъ Феодоръ; Ив. Кир. Нарышкинъ; замѣчанія о бояринѣ Матвѣевѣ (IX, 361—372).

Отрывки изъ рукописной статьи объ Архангельскомъ соборѣ (XI, 408—409; X, 3—18).

Замѣчанія о Спасскихъ воротахъ, изъ рукописи (IX, 410—413).

Русскій солдатъ, повѣствующій о Петрѣ Великомъ, сержанта Ник. Ив. Кашина (X, 39—49).

Вѣрность русскихъ дворянъ къ отечеству и государю: стольникъ Иванъ Философовъ; Богданъ Ивановичъ Сумароковъ; Влад. Загрѣцкій и Никиф. Челчуговъ; Петръ Тургеневъ и Феодоръ Калаченинъ; В. И. Ч., отказавшійся присягнуть Бирону (XI 230—241).

Царица Наталья Кирилловна, или свойство матери россіянки (XII, 261—317).

Заслуги русскаго подданнаго отечеству и признательность русскаго царя, изъ рукописи подъ заглавіемъ: „грамоты въ государствование царей Алексѣя Михайловича и Феодора Алексѣевича 1613—1682 г. (XII, 326—329).

Анекдоты и смѣсь: мысль Екатерины II о русскомъ народѣ (I, 85—86); примѣчательное слово М. М. Хераскова (I, 87); братья Звягинъ въ сраженіи подъ Фридрихендомъ (I, 88); тактика Суворова въ перстѣ (II, 204 — 206); убіеніе крестьяниномъ волка (II, 206 — 208); воинъ чудобогатырь, рядовой Шимковъ (III, 350—351); поселенный сынъ отечества, крестьянинъ Сосна, не хотѣвшій возврата назадъ сына, взятаго въ ратники (III, 352—355); прапорщикъ Иванъ Сидоренко: русской умереть, а живой въ руки не отдастся (IV, 86—88); приверженность къ праотческимъ обычаямъ въ семействѣ Пякоковъ, поселенъ оверскихъ и вяземскихъ гражданъ (IV, 89—92); великодушный поступокъ адмирала Апраксина (V, 201—204); казна государева (V, 205); анекдотъ о генералѣ Лыкошинѣ (VI, 313—314); крестьянинъ, не хотѣвшій замѣнить сына наемнымъ рекрутомъ (VI, 315—319); спасители во время пожара въ слоб. Тополяхъ, Куланскаго уѣзда (VII, 95—98); рѣшительность россіянъ, письмо изъ Пскова (VIII, 219—220); наследственное мужество русскихъ (VIII, 221—223); братская любовь двухъ представленныхъ въ ратники, изъ Воронежа (VIII, 223—225); великодушный отецъ, пожертвовавшій въ ратники трехъ сыновей (VIII, 225—228); русскій солдатъ, ставшій въ рядъ изъ чистой отставки (VIII, 227—229); мужество и безстрашіе русскихъ воиновъ (VIII, 253—255); кончина трехъ сыновей Сумарокова (VIII, 256); Ив. Вас. Ооминъ, голова бѣлогородскій (IX, 394—400); свѣтскій анекдотъ о предпочтеніи иностранныхъ издѣлій, И. Б. (IX, 403—407); благодѣтельный псковскій помѣщикъ Ив. Мак. Вороновъ (X, 88—90); смоленскій добрый крестьянинъ Копахъ Пароеновъ, Ф. Г. (X, 91—94).

2. Повѣсти:

Григорій, историческая русская повѣсть, прислана изъ Владиміра (Y, 133—1161).

Общаніе, истинное проишествіе, К. З. (VI, 341—342).

Глафира, или прекрасная Валдайка, новый народный русскій романъ, отрывокъ, сообщ. Галинковскимъ (VI, 349—364).

Меншиковъ, историческая повѣсть (XI, 123—146).

Повѣсть о Мстиславѣ I-мъ Володиміровичѣ, славномъ князѣ русскомъ. П. Львова (X, 147—211).

3. *Прозаическія статьи:*

Вступленіе (I, 3—10).

Взоръ на Москву (I, 23—36).

Разговоръ Авраама Палицына съ княземъ Пожарскимъ въ Ярославѣ: о любви къ отечеству (I, 36—43).

Мнѣніе извѣстѣйшихъ русскихъ писателей о воспитаніи отечественномъ и о иностранцахъ (I, 43—52).

Письмо *** губерніи, К** уѣзда изъ села К** въ Москву отъ ** ноября 1307 года, соч. В. К. (I, 53—67).

Письмо къ издателю отъ 22 декабря 1807 г. изъ с. Зипунова, соч. Устинъ Блюновъ (гр. Ростовичинъ) (I, 68—72).

Отвѣтъ на это письмо (II, 161—183).

О любезности (II, 150—161).

О пасквиляхъ (II, 224—227).

Письмо къ издателю „Русск. Вѣстника“ отъ Россіянки (кн. Дашковой) (II, 227—232).

Отвѣтъ на это письмо издателя (IV, 57—76).

Къ воспоминаніямъ, соч. Россіянки (кн. Дашковой) (III, 388—397).

Мысли про себя (III, 250—264).

Письмо къ знаменитому художнику о памятникѣ Пожарскому и Минину, изъ Харьковской губерніи (III, 265—277).

О пользѣ въ Россіи ремеслъ, художествъ, искусствъ (III, 300—315).

Мысль о книгохранилищѣ отечественномъ (IV, 51—56).

Государственное хранилище древностей въ Москвѣ, соч. В. К. (IV, 105—112).

Мысли при чтеніи въ Вѣдомостяхъ („М. Вѣд.“ 1807, № 88) статьи о храмѣ побѣды, назначенномъ въ Парижѣ, соч. П. Пустынникъ (V, 162—183).

Вавила и три отрока, или сила воспитанія (VI, 268—275).

О новомъ ученіи энциклопедистовъ (VI, 275—285).

Замѣчанія на слова одной французской принцессы (VI, 286—290).

Замѣчаніе въ защиту тактики Суворова въ перстѣ (VII, 8—16).

Вольтерово разсужденіе о бѣдности французскаго языка (VII, 70—79).

Взоръ съ Воробьевыхъ горъ на Москву, соч. Соф. Беккендорфъ (VII, 143—149).

Два письма о Москвѣ, изд. членомъ народн. института во Франціи Суаромъ (VII, 150—155).

Письмо къ издателю П. Калайдовича по поводу этихъ писемъ (VIII, 257—263).

Моисей, или сила благотворенія и любви къ благу общему (VIII, 230—236).

Кузнецкій мостъ, или владичество моды и роскоши (IX, 331—360).

Замѣчанія о военномъ искусствѣ: о штыкахъ, о стрѣлкахъ (X, 19—38); о крѣпостяхъ; о повиновеніи военнотружениковъ (XII, 318—325).

Анфимъ, или торжество вѣры, добродѣтели и дружбы (X, 50—58).

Отрывокъ изъ рукописи подъ заглавіемъ: „торжество искренности“ (X, 56—62).

Письмо молодого русскаго художника о древностяхъ аѳинскихъ, Н. Ф. Алферова (X, 95—112).

Отрывокъ изъ письма къ издателю (XII, 368—377).

4. Библиографія, рецензіи и полемика:

Замѣчанія на лирическую поэму: „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ“, сочиненную кн. С. Шихматовымъ (I, 94—112).

Мысли по случаю представленія русской комедіи „Ябеда“ 2 января 1808 года (I, 112—118).

По поводу представленія оперы „Старинныя Святки“ и французской комедіи „Любовь и разсудок, или противорѣчія ума человѣческаго“ (II, 209—214).

О русскомъ переводѣ Виргиліевыхъ эклогъ проф. Мерзляковымъ (II, 215—218).

О книгѣ проф. Рейса—объ употребленіи средства очищающаго воздухъ и предохраняющаго отъ заразительныхъ болѣзней (II, 219—223).

„Вѣсти“ или „Живой мертвецъ“, комедія въ 1 дѣйствіи, представленная въ 1-й разъ въ Москвѣ 2 февраля 1808 г. (II, 233—239).

Нѣкоторые замѣчанія на нѣкоторыя статьи политическаго сочиненія г. Шлецера подъ названіемъ: „взоръ на прошедшее, настоящее и будущее“ въ „Вѣсти. Евр.“ 1808 г., № 3, февраль, изъ С.-Петербурга (III, 398—407).

О стихотвореніи дѣвicy Волковой, С.-Пб. 1807 (IV, 93—100).

О воспитаніи юношества, соч. Ив. Ф. Богдановича, изд. 1807 г. (V, 215—233).

Отвѣтъ издателью „Аглаи“ на замѣчанія его о „Рус. Вѣстникѣ“ (V, 234—243).

Отвѣтъ г. издателью „Аглаи“ на первую и новую его статью о „Рус. Вѣстникѣ“ (VIII, 276—295).

Отрывокъ изъ письма знаменитаго сына отечества (Аракчеева) къ издателью „Рус. Вѣст.“ (V, 244—245).

Чувствованія русскаго въ Парижѣ, отрывокъ изъ письма помѣщцы Сл. У. губ. И. Н. К. въ январѣ и февралѣ 1808 г. (V, 246—252).

О представленіи трагедіи „Зорады“, назначенной, по желанію сочинителя, въ пользу бѣднаго семейства, 27 апрѣля 1808 г. (V, 253—255).

О богатствѣ русскаго языка, отрывокъ изъ разсужденія о преимуществѣ русскаго языка предъ французскимъ, соч. Воейкова (VII, 65—69).

Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста, почерпнутыя изъ драмы „Семейство Старичковыхъ“, соч. Ф. Ф. Иванова (VII, 98—108).

Краткія замѣчанія на слово „о воспитаніи“, соч. Ант. Прокоповича-Антоvsкаго (VII, 125—133).

О книгѣ штабъ-лѣкаря Преображенскаго полка Кашинскаго — „способъ составить минеральныя воды“ (VII, 134—142).

Краткія выписки изъ „Коричей Книги“ и замѣчанія на оныя (VIII, 189—200).

Письмо отъ почтеннаго Старовѣрова къ издателью „Русск. Вѣсти.“ съ выпискою изъ книги „Историческое описаніе города Пскова“ (VIII, 201—216).

О „Недорослѣ“, комедіи Ден. И. Фонъ-Визина (VIII, 264—275).

О полезныхъ книгахъ для воспитанія (IX, 373—376).

Разсужденіе по случаю представленія оперы „Федуля съ дѣтьми“, соч. имп. Екатерины II-й (X, 113—122).

Выписки изъ иностранныхъ писателей, въ отвѣтъ на письмо, полученное издателью отъ неизвѣстнаго, изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ 1808 г. „Сѣверное лѣто, или путешествіе около Балтійскаго моря“, Антипа Тинтякова (XI, 242—260).

Выписка изъ писемъ русскаго офицера (Ф. Глинки) и сличеніе оныхъ съ разсказами иноплеменныхъ (XII, 348—367).

О представленіи комедіи „Влюбленный нелюдиъ“ и оперы „Мельникъ“ 29 октября 1808 г. (XII, 375—390).

1809 годъ (4 части).

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: къ русскимъ (I, 135—149); на смерть моего сына (VI, 142—145); храброму Кульневу (V, 269—272); Мининъ, отрывокъ (VII, 81—105); стихи на смерть фельдмаршала кн. Прозоровскаго (IX, 411—413); стихи на заключеніе міра съ Швеціею (IX, прибавленіе); стихи по случаю возданной чести имп. Александромъ I папѣ Петра В. (X, 133—138); на взятіе Измаила (XI, 205—207); стихи по прочтеніи извѣстія о прѣздѣ имп. Александра въ Москву въ декабрь 1809 г. (XII, приб.).

Ф. Н. Глинка: посланіе сосѣду моему (XI, 217—221); сельскій недосугъ, посланіе Старикову (VIII, 222—228); благотворительницѣ сиротъ, кнэг. А—ъ Г—ъ (VI, 383—387).

Ф. Ивановъ: 45 псаломъ (XII, 316—319); осеннее размышленіе (XII, 319—329).

Кн. Шаликовъ: посланіе къ дружескому обществу русскихъ стихотворцевъ (II, 338—339).

Ник. Радичевъ: стихи на прѣздъ въ Тверь вел. кн. Екатерины Павловны и принца Георга Гоштейнъ-Ольденбургскаго (X, 78—80).

Анна Волкова: на смерть утонувшихъ морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова (XII, 391—397).

Ал. Шишковъ: на тотъ же предметъ (XII, 307—308).

С. Самаревъ: смерть Бориса и Глѣба (XII, 330—332).

Санковскій: пороки и наказаніе, баснь (XII, 333—335).

П. Пустынникъ (Палицынъ): стихи именницамъ (III, 456—466).

Стариковъ: блаженство вѣри, 125 псаломъ (I, 150—153); надежда вѣри, 126 псаломъ (II, 324—325); переложеніе 78 псалма (III, 452—455); слѣпый мудрецъ (IV, 59—77); подражаніе 14 псалму (VI, 378—382); переложеніе 90 псалма (VIII, 213—218); осень (208—216).

Н. Врасскій: карточный домикъ (V, 200—202).

Барнавлукъ: послѣдній долгъ (X, 85—86).

Артемію Булатовъ: посланіе къ помѣщику села Н. Н. отъ жителя села Громикова (IX, 395—400); посланіе Герасима Старожилова къ Артемію Булатову (X, 86—96).

Ив. Колокольцевъ: кладбище (VII, 74—80).

М. Яблошниковъ: одиночество, къ И. М. Матвѣеву (I, 161—166).

Як. Бардовскій: стихи по случаю кончины и погребенія кн. П. М. Волконскаго (II, 220—224).

Л. В. П.: посланіе къ моему сосѣду (IV, 77—86).

...ъ: низверженіе Отрепьева (III, 443—451).

А. В. ...ва: стихи мнѣмъ благодѣтелямъ (V, 252—255).

С. Г. Т.: посланіе къ благотворительницѣ бѣдныхъ и несчастныхъ (II, 326—334).

Л. К.: правда (V, 196—200).

Н. Н.: Державинъ (II, 316—323); стихи на смерть Августа Шлецера (XI, 267—272); воспоминаніе прошедшаго (XII, 335—340).

Г. Ф.: молитва сироты (III, 469—472).

П. П.: посланіе на новый годъ (I, 154—160).

И. Е.: другу на новый 1809 годъ (III, 466—469).

П. Г. К.: стихи гр. Ив. Вас. Гудовичу, въ день полученія извѣстія о покореніи Измаила, 1 октября 1809 (XI, 273—274).

А. И. 20—я: стихи къ портрету П. Я. Таузакова (IX, 394).

Г. Н.: надпись къ портрету С.-Петербургскаго митрополита Амвросія (VIII, 219).

Б.: молитва (VIII, 220—221); псаломъ 76 (IX, 389—393); псаломъ 18 (X, 80—84).

В) Часть прозаическая.

1. Статьи по русской истории:

Историческіе памятники въ Россіи (I, 3—88).

Грамота изъ Тобольска въ Нарымъ о единодушномъ избраніи на царство Михаила Теодоровича Романова (I, 83—93).

Военные анекдоты о Суворовѣ (I, 94—103).

Русскій художникъ Алексѣй Филипповичъ Гладкій (I, 104—134); увѣдомленіе объ изобрѣтенной имъ прядильной машинѣ (XI, 253—265).

Примѣрная приверженность и признательность крестьянъ при кончинѣ благодѣтельнаго помѣщика, кн. П. М. Волконскаго (II, 207—220).

Памятникъ неустрашимости и любви къ отечеству россиянь 16 вѣка, Ив. Богдановича (II, 224—241).

Изображеніе генералиссимуса князя Италійскаго, соч. К. Б. (II, 242—247).

Федоръ Михайловичъ Ртищевъ (IV, 3—37).

Военныя наставленія князя Игоря сыну Святославу, изъ рукописи „Царство Русское, сирѣчь подробное и обстоятельное повѣствованіе о всѣхъ дѣяніяхъ, бывшихъ въ Русскомъ царствѣ, о различныхъ судьбахъ онаго и проч., отъ многихъ иностранныхъ и русскихъ лѣтописей собран. по высочайшему повелѣнію великаго государя и царя Алексѣя Михайловича“ (IV, 36—55).

Свитокъ Вадима Храбраго, изъ той же рукописи (IX, 273—296).

О запрещеніи продажи табаку и ревеню царями Михаиломъ Теодоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ изъ рукописи: „Грамоты въ государствование царей Михаила Теодоровича, Алексѣя Михайловича и Теодора Алексѣевича, 1613—1682 г.“ (IV, 55—68).

Гробница Матвѣева, или изображеніе смерти незабвеннаго сына отечества (V, 145—164).

Мнѣніе Фридриха II о Петрѣ Первомъ (V, 223—229).

Князь Александръ Михайловичъ, А. Тивтикова (VI, 274—279).

Анна Всеволодовна, первая основательница въ Россіи училища для воспитанія дѣвѣцъ (VII, 3—11).

Князь Василько Ростиславичъ (VIII, 129—149).

Изяславъ I Ярославичъ, извѣстный подъ именемъ Дмитрія, А. Р—евскій (IX, 374—384).

Старинное письмо (Гавр. Ал. Кобылина?) (IX, 385—388).

Выписка о Екатеринѣ II изъ книги: набранныя сочиненія маршала принца де Лянъ (IX, 409—410; X, 97—122).

Замѣчаніе о стрѣльцахъ и стрѣльцкихъ мятежахъ (X, 3—29).

Твердость духа, любовь къ отечеству и вѣрность къ государю, Ив. Дан. Левшина (X, 63—71).

Наставленіе царю Алексѣю Михайловичу Симеона Полоцкаго (XI, 239—269; XII, 280—315; 1810 г. II, 1—22; IV, 36—56; IX, 51—86).

Нѣчто о храбрѣмъ Кульневѣ (XI, 169—181).

Сила примѣра, выписки изъ рукописи Курбскаго (XI, 190—194).

Попеченіе русскихъ военачальниковъ о сохраненіи здоровья солдатъ (XI, 195—205).

Выписка о славянахъ, изъ книги Мавроурбина подъ заглавіемъ: „исторіографія начатія имени, славы и расширенія народа славянскаго“ (XII, 341—346).

Отечественныя вѣдомости: гренадеръ Фанагорическаго полку Егоръ Емельяновъ (II, 299—303); лѣкарь Зубовъ (II, 312—315); усердный прикащикъ Фирсъ Петровъ, Н. Н. (IV, 107—112); военные анекдоты о Суворовѣ, сообщ. изъ Бѣлева (IX, 342—348); отвѣтъ Суворова съ замѣчаніемъ (IX, 349—350); нѣчто о великомъ Суворовѣ,

Гавр. Геракова (IX, 353—358); изречені лейбъ-гренадерскаго унтеръ-офицера при погребеніи Суворова, Ф. И. (IX, 359—360); отвѣтъ Баранова, начальника Нейшлотскаго замка (IX, 360—364); мать россиянка, С. Мар. (IX, 364—368); мужественный поступокъ кап. Левшина (IX, 369—374).

2. *Повѣсти:*

Здравомыслъ и Пльнира, воспитатели дѣтей своихъ, русская повѣсть (I, 39—82; II, 248—278; III, 376—442).

Милловзоръ, или наказанная жадность къ богатству, русская повѣсть, Новоперовой (VI, 351—378).

Русская повивальная бабка, Н. Н. (VII, 42—59).

Сонъ, или разговоръ Правдолюбова, Правосудова и Добросовѣстна, сообщ. изъ Рыбинска Н. Н. (VII, 59—73).

Добрый отецъ, повѣсть, сообщенная изъ города В. (IX, 297—342; X, 29—63).

3. *Прозаическія статьи:*

Древнія русскія книги и преданія (I, 167—181).

О Бонъ-Тонѣ, соч. Новоперова (II, 279—293).

О Бомондѣ (II, 293—298).

Сельскія упражненія стараго служиваго: письмо къ издателю отъ Артемія Булатова изъ города Б. изъ села Грошлова (III, 351—376); второе письмо (V, 230—249); третье письмо: сельскій праздникъ по случаю рекрутскаго набора (XII, 396—416).

Разсужденіе о томъ, что справедливое поватіе о вещахъ руководствуетъ къ справедливымъ понятіямъ о Богѣ и о душѣ (V, 165—196).

О военномъ искусствѣ (VI, 230—350; VII, 12—41; VIII, 150—173).

Разсужденіе Герасима Старожилова (изъ деревни Т. п. л. в. к.) о прошедшей зимѣ (VI, 396—410).

О русскихъ пословицахъ, второе письмо Старожилова (VIII, 173—194).

Мода и вкусъ (X, 72—75).

Письмо къ издателю арзамасскаго купца Марка Неспускалава (XI, 182—189).

Здѣсь ангелъ погребенъ, отрывокъ изъ письма русскаго офицера И. С., могила Елены Павловны (XII, 275—279).

4. *Библиографія и критика:*

Выписка изъ поэмы: „о достоинствѣ женщинъ“. М. 1808 г. (I, 182—188).

Письмо къ издателю изъ С.-Петербурга отъ 25 декабря 1808 отъ Андрея Тивикова о необходимости обращать вниманіе на состояніе нашей словесности и ошибочныя извѣстія иностранныхъ писателей о Россіи и отвѣтъ на письмо издателя (I, 189—206).

О книгѣ страданія Господа нашего Иисуса Христа, соч. Томаса (II, 340—345).

Исторія церковная, гражданская и ученая, соч. Наумова (II, 346—349).

О книгѣ подъ названіемъ: „Предметы для художниковъ, избранныя изъ російской исторіи“ и проч., соч. А. Писарева (III, 473—488).

Замѣчаніе на выписку изъ книги: объ отношеніяхъ между испанскою войною и между новымъ родоначаліемъ и пр. (III, 489—495).

Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе на литургію, Дмитревскаго (IV, 114—126).

Извѣстіе о полномъ изданіи сочиненій Державина (IV, 127—141).

Извѣстіе о книгѣ подъ названіемъ: „уроки въ художествахъ“, соч. Ал. Писарева (V, 203—219).

О книгѣ: „Статистическое описаніе Россійской имперіи“, сост. Евд. Зябловскій (V, 256—264).

Басни Івана Крылова (VI, 388—395).

Французскій и російскій словарь Гейма (VII, 106—109).

Книжка для моеї Лизы, изданная въ 1809 г. (VII, 109—117).

Опытъ минералогическаго описанія Россійскаго государства, соч. В. Севергина (VII, 117—128).

О переводѣ книгъ, съ выдержками изъ сочиненій г-жи Ламбергъ (VIII, 195—212).

Выписка изъ книги, подъ заглавіемъ: „Тринадцать дней, или Финляндія“ (XII, 351—390).

1810 годъ.

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: разговоры русскаго съ космополитомъ или міроучителемъ (I, 62—71); ключъ россіявъ 6 дек. 1809 г. на прибытіе имп. Александра (I, 159—160); любезному моему пріятелю отъ А. К. (II, 126); напоминовеніе о Полтавской побѣдѣ (VII, 3—12); пѣснь русскимъ воинамъ по случаю покоренія Силистріи (VII, 146—148); на благотворенія имп. Маріи Феодоровны (IV, 126—139); стихи на новыя побѣды войскъ Задунайскаго (X, 151—153); прощанье царицы Натальи Кирилловны съ братьями во время стрѣльцкаго бунта (XI, 1—11).

Ф. Глинка: богачъ и нищій, притча (XI, 27—34); совѣтъ и желаніе С. (XII, 20—22).

Ф. Кокошкинъ: басня: собака и кошка (XII, 37—42).

Ф. Ивановъ: дубъ и Борей, басня (VIII, 93—94).

Кн. Шаликовъ: на благодѣянія купца Курочкина (VIII, 94).

Ив. Бодановичъ: пѣжному отцу на смерть сына его (II, 122—125).

Дм. Гильбовъ: стихи на побѣды, одержанныя русскими войсками за Дунаемъ (IX, 86—88); любовь къ отечеству (X, 71—75).

В. Козловъ: двѣ басни: сосна и терновникъ; тростникъ и лягушка (IX, 91—92).

А. Малиновскій: величаніе имп. Александру, пѣтое 6 декабря 1809 г. при представленіи оперы „Старинныя Святки“ (I, 161—162).

К. С. В—ій: стихи Барклаю де Толли на переходъ черезъ Ботническій заливъ (II, 71—74).

В. В.: посланіе къ издателю „Русскаго Вѣстника“ (II, 100—106); русская хлѣбъ-соль, посланіе къ пріятелю Ф. А. К. (V, 83—84).

Алферовъ: вечеръ (II, 127—132).

Поповскій пустыинникъ (Шалицынъ): на день рожденія крестьянки А. Н. К. (III, 69—77).

Ник. Николетъ: стихи на случай милостиваго манифеста императора Александра въ засѣданіи сената въ апрѣлѣ 1801 года (III, 122—128).

Анна Волкова: стихи Москвѣ на пребываніе имп. Александра въ 1809 году (III, 133—143).

И. Сумароковъ: стихи на кончину кн. С. Ф. Голицына (III, прибавленіе).

Еф. Кантемировъ: Буривой, старинная стихотворная пѣснь (IV, 69—72).

Иос. Пашковъ: стихи на благотворительность К. В. З. (Злобину) (IV, 89—90).

Гр. Хвостовъ: надгробіе кн. Дашковой (IV, 91); Н. М. Карамзину 10 августа 1870 г. (X, 130—136).

Гр. Горднеевъ: стихи Н. Ф. П—ну, изъ Уральска (IV, 92).

Б.: раскаяніе грѣшника (IV, 94).

Изъ Баз.: молитва, изъ Харькова (IV, 124—127).

С. изъ Смоленска: стихи В. И. Милашевичу, на избраніе его къ управленію Валахій и Молдавіи (IV, 135—137).

А. Т.: на смерть П. А. Татищева 10 марта 1810 г. (IV, прибавленіе).

Н. Н.: басня: лисица и цыпята (V, 79—82); эпитафія моему сыну (V, 153—166); двѣ басни: пустынный на горахъ; два путешественника—отважный и боязливый (VII, 49—54); къ родицѣ (VIII, 60—66); чувства матери россиянки при полученіи извѣстія о смерти сына, убитого на войнѣ (XII, 14—19).

П. Голубков: ода на пожалованіе тульскому дворянству похвальной грамоты за ополченіе (VI, 99—104).

К. Пржевальскій: стихи гр. Ал. Серг. Строганову (VII, 46—48).

С. С.: жребій честолюбца изъ XIV гл. пророч. Исаи (VIII, 56—59); благодарность (X, 15—22).

Ф. К—ш: разговоръ завоевателя съ пустыннокомъ (IX, 43—51).

П. Сіянов: хоръ при открытіи Ярославскаго Демидовскаго училища 29 апрѣля 1810 г. (IX, 89—90).

П. Ч—ов: пѣснь герою на побѣды за Дунаемъ (X, 102—108).

Безъ подписи: стихи на смерть Ал. Анд. Раевской, съ рѣкъ Оскола (VI, 92—98); стихи благодарительному жителю села Буйлнера (VI, 141—143); волшебный фонарь, отставнаго деревенскаго жителя (XII, 110—124).

В) Часть прозаическая.

1. Статьи историческаго содержанія:

Царь Алексѣй Михайловичъ (I, 3—23).

Письмо Петра I къ ген.-м. М. Матюшкину (I, 24—30).

Изреченія и мысли Суворова (I, 30—62); о слогѣ Суворова (XI, 11—26).

Изъ записокъ Суворова: свойство истиннаго человѣка и героя (VIII, 86—92).

Сравненіе правилъ и дѣланій царя Алексѣя Михайловича съ правилами и нѣкоторыми дѣланіями Людовика XIV (II, 22—40).

Князь Потемкинъ Таврической (II, 41—70; III, 32—68).

Пребываніе Екатерины II въ 1767 г. въ Костромѣ (II, 74—99).

Рукопись о Задонскомъ побойщѣ, подъ заглавіемъ: „Связаніе о Задонскомъ побойщѣ, какъ бысть то побойще“ и пр. (III, 1—32).

Терентій Ивановичъ Волосковъ, ржевскій механикъ, богословъ и химикъ, ст. Ф. Глинки (IV, 3—35).

Письмо граф. Ан. Р. Чернышевой, по случаю подлинки на памятникъ Екатерины II (IV, 128—134).

Мечъ князя Всеволода Псковскаго (V, 1—6).

Мех. Ао. Воронинъ, серпуховской купецъ, изобрѣтатель особаго способа бѣленія (V, 141—155).

П. П. Панкратьевъ, кievскій гражд. губернаторъ, В. Б. (VI, 51—60).

Выписки изъ рукописи подъ заглавіемъ: грамоты отъ 1610—1613 г. (VII, 13—45; VIII, 32—55).

Ив. Рябовъ, русскій герой, и признательность къ нему Петра I, сооб. Н. И. Пажесъ (VII, 60—68).

Замѣчанія иностраннаго писателя (Авдре) о Екатеринѣ II-й (X, 75—81).

Замѣчанія о Новгородѣ (X, 136—139).

Грамота Алексѣя Михайловича въ Туринскъ, объ отданіи чести Св. дарамъ (XI, 35—56).

Благотворительное общество дворянъ Тульской губ., составившее капиталъ для награжденія отставныхъ воинскихъ чиновъ (XI, 116—120).

Подвиги русскихъ офицеровъ въ Персіи при Петрѣ I и при Александрѣ I (XII, 43—54).

Трактатъ, заключенный между русскими министрами и посломъ шаха Измаиль-бекомъ (XII, 54—66).

Отечественная въдомость: ген. Мозовскій, бывшій начальникъ Павловскаго полка (I, 109—115); русскій отецъ семейства и нѣкоторыя замѣчанія объ обязанностяхъ русскихъ дворянъ къ помѣщику (I, 116—133); извѣстія о разныхъ подвигахъ русскихъ изъ Кострома, Москвы, Оскола, Серпуховскаго уѣзда (VI, 1—14); военные анекдоты (VI, 15—20); изъ Вологды, Рыбниковъ (VI, 28—39); погребеніе кн. С. Ф. Голицына въ селѣ Зубриловѣ, П. С. (VI, 129—132); подвигъ Зоя Ковст. Кайлани (VII, 134—140); благородная крестьянка, спасшая и воспитавшая чужую дѣвочку (XII, 23—37).

2. *Повѣсти и беллетристическія статьи*:

Разговоръ Петра I съ Анною, англійскою королевою (IV, 56—68).

Дорандъ, или жертва безразсуднаго воспитанія, повѣсть, соч. Ив. Богдановича (V, 6—78).

Письмо къ издателю отъ моднаго уѣзднаго учителя, по случаю извѣстія о поповленіи стариковъ и о подрѣзкѣ волосъ въ послѣднемъ вкусѣ (VI, 144—157).

3. *Статьи не относящіяся къ беллетристикѣ*:

Отвѣтъ на посланіе къ издателю о театрѣ и искусствѣ (II, 107—121).

Третье письмо Старожилова о праздникѣ въ селѣ Громиловѣ по случаю пребыванія въ Москвѣ Государя (II, 133—149).

Письмо Старожилова о памятникѣ, поставленномъ въ селѣ Громиловѣ Ивану Сушанину (X, 3—15).

О промышленности отечественной (III, 77—89).

Рѣчь воспитанника Ив. Логиновскаго на актѣ Воспитательнаго дома 29 января 1810 г. (IV, 73—79).

Мысли степнаго жителя В. О. изъ Боброва (IV, 80—88).

Поѣздка русскаго офицера въ Константинополь, Вит. Краснокутскаго (VIII, 1—31; IX, 1—42).

Письмо Н. П. Рязанова и извѣстіе о его смерти (VIII, 67—86).

Замѣчанія о словахъ господинѣ и господѣ (VIII, 118—129).

Отвѣтъ на письмо, разсуждающее о модѣ женскаго воспитанія (VIII, 131—149).

Письмо къ другу (изъ Тамбова, —ничтожное) (IX, 93—98).

Краткое нравственное и историческое начертаніе о ратномъ дѣлѣ Россіи (X, 22—70).

Догадки (XI, 100—116).

Мечты и разговоры въ селѣ Громиловѣ или 4 наст. Артем. Булат. (XI, 120—133).

Разговоръ китайскаго посла съ русскимъ чиновникомъ (XII, 1—14).

Опыты институтокъ: чувство на могилѣ Гостомысла, П. Масловой; осада Кіева, Апучиной; Олень, А. Молевинской (XII, 71—82).

4. *Критика, библиографія, выписки изъ книгъ и полемика*:

Извѣстіе о книгахъ: статистическое обозрѣніе Сибири, печ. по Высоч. повелѣнію (X, 109—114); новая нѣмецкая грамматика, изд. Лейбхехтомъ (115—121); третья часть сочиненія Ипп. Богдановича (121—125); третье изданіе сочиненій И. Л. Дмитріева (126—129).

Отвѣтъ на нѣкоторыя замѣчанія къ издат. „Аглая“ о нашихъ предкахъ (I, 72—109).

Замѣчанія о вниманіи иностранцевъ къ русской исторіи и выписка изъ изданной въ Парижѣ книги: избранныя мѣста изъ русской исторіи (I, 136—145).

Увѣдомленіе о книгахъ: Влеровы хронологическія таблицы, пер. кн. Голицына; практическая карманная книжка для врачей, соч. Авг. Беккера, пер. Март. Брунера; собраніе сочиненій и переводовъ Ипп. Богдановича, изд. Бекетова (I, 151—159).

Замѣчанія на нѣкоторыя мысли разсматривателя книги: о первобытной Россіи и ея жителяхъ (III, 90—121).

Письмо пожилаго любителя отечественной словесности въ отвѣтъ на критику Сорены въ „Вѣст. Евр.“ кн. III, 1810 г. (IV, 95—123).

Извѣстіе о географической таблицѣ г. Лаво (IV, 138—140).

Разборъ книги: Петръ Великій, лирическое пѣснопѣіе кн. С. Пихматова (V, 85—141).

Замѣчаніе на проектъ одного сочиненія о воспитаніи (VI, 40—51).

Возраженія на книгу Лойда подъ заглавіемъ: нѣчто о военномъ искусствѣ гр. Румянцева, Викт. Филостратова (VI, 60—91).

Извѣстіе о новыхъ книгахъ: слово о пользѣ и предметахъ военной гигиены, сказанное на актѣ 3 іюля 1809 г. Моск. унив. проф. М. Мудровымъ; записки о Россіи Манштейна; историческія свѣдѣнія о подмосковномъ селѣ Коломенскомъ (VI, 105—123); вторая часть сочиненія Ипп. Богдановича (VI, 133—141).

Извѣстіе о книгахъ: о путешествіи вокругъ свѣта 1803—1806 г. кап. Крузенштерна (VII, 90—107); переводъ сочиненій К. Саллюстія Н. Озерецковскимъ (108—121); примѣненіе химіи къ ремесламъ и художеству, соч. Тавтала (121—134); военные анекдоты древнихъ и новыхъ временъ, изд. въ Парижѣ 1807 г. (VII, 140—145).

Извѣстіе о двухъ переводахъ Ал. Писарева: начертаніе художествъ и общія правила театра, выбранныя изъ соч. Вольтера (VIII, 95—109); рѣчь о хирургіи экстра-орд. проф. В. Мироновича (109 и 114); жизнь кн. Я. П. Шаховскаго, почерпнуто изъ собственныхъ его записокъ (114—117).

Образецъ моднаго остроумія, или выписка изъ статьи въ „Пятникѣ“ (іюнь 1810 г., стр. 357); мѣтвія и замѣчанія пустытника (VIII, 152—156).

О книгѣ подъ заглавіемъ: землеописаніе Россійской имперіи проф. Зябловскаго (IX, 98—108).

О книгѣ: подвиги казаковъ въ Пруссіи, соч. Н. Чуйкевича (X, 82—102).

Выписка изъ книги Голицова: сравненіе свойствъ и дѣлъ Константина В. со свойствами и дѣлами Петра В. (XI, 57—67).

Новыя книги: начертаніе физики П. Страхова (XI, 67—74); записки князя П. Шаховскаго (74—99).

Напоминаніе о книгѣ: наставленіе къ разведенію кунжутнаго сѣмени, 1801 г. (XII, 67—71).

Разсмотрѣніе драмы „Славяне“ Ипп. Богдановича, IV ч. его соч. (XII, 85—110).

1811 годъ (4 части).

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: пѣснь русскимъ воянамъ, по случаю новыхъ подвиговъ мужества и неустрашимости (I, 71—77); благодарность П. П. Б. (I, 127); стихи по случаю манифеста, изданнаго 25 января 1811 г.; посланіе къ Ив. Ив. Дмитріеву при полученіи 3 изданія басенъ (кн. III, прибавленіе); благодарность за гостепримство родственнику моему Григ. Богд. Глинѣ (IV, 131—133); стихи по прочтеніи въ Вѣдомостяхъ рескрипта гр. Автѣ Павловнѣ Каменской о кончинѣ сына ея, гр. Н. М. Каменскаго (VI, 136—140); надежность русскаго царя на русскихъ или царское слово (VII, 3—8); стихи къ портрету гр. А. К. Разумовскаго, по прочтеніи его записки о воспитаніи (VII, 136); стихи къ портрету гр. Н. М. Каменскаго (VIII, 1—2); Петръ I въ Нижнемъ-Новгородѣ, у гроба Минина (VIII, 3—8); стихи по случаю кievскаго пожара и подвиговъ, оказанныхъ во время оного русскими войсками (IX, 136—139); стихи на

освященіе вновь построенной Казанской церкви 15 сентября 1811 г. (X, 164—167); стихи на освященіе другаго приѣзда въ новомъ Казанскомъ соборѣ (XI, 69—72); стихи Донскому войску, по случаю грамоты, дарованной Государемъ въ августъ 1811 г. (XII, 2—14); стихи по случаю молебствія 29 декабря 1811 г. о новой побѣдѣ надъ турками (XII, 119—124).

Мерзляковъ: хоръ дѣтей маленькой Наташѣ (V, 34—45).

Н. Шатровъ: Н. С. Смирнову (XI, 140—144).

Стариковъ: ода изъ псалма (III, 82—85).

Ф. Коршъ: памятникъ другу Н. С. Смирнову (XI, 138—139).

Ив. Богдановичъ: стихи Г. Р. Державину (III, 74—82).

П. Петровскій, изъ Нижняго-Новгорода: дань сердца російскому герою (X, 146—151).

Юшковъ: стихи на кончину воронежскаго губернатора А. Б. Сонцова 20 февраля 1811 г. (VI, 88—91).

М. Бумаковъ: хижина (XII, 90—91).

Старая россиянка: стихи гр. Н. М. Каменскому (III, приб. 10—12); стихи русскимъ воинамъ, прославившимся въ Грузіи (V, 133—137); стихи на кончину гр. Н. М. Каменскаго (VII, 110—111); посланіе къ А. С. Шишкову, по прочтеніи разсужденія его о народныхъ пѣсняхъ (VIII, 72—74); стихи на новую побѣду русскихъ (VIII, 124—127).

С. С. (деревня Дальновка): утро матери семейства, посланіе къ Плѣнирѣ (I, 81—90); посланіе къ чиновнику-поселянину (II, 52—61).

М.: стихи на смѣрть сенатора В. И. Нелидова (I, 116—117).

Н. Н.: отъѣздъ моды изъ Москвы, или переписка моды со вкусомъ (II, 81—90); прогулка матери семейства съ семилѣтнею дочерью изъ дер. Дальновки (IV, 21—25); изъ деревни въ городъ, М. М. К. въ день ея именинъ (V, 131—133); упованіе на Бога, изъ псалма: вѣгда призвати ми услыши мя, Господи, услыши мя, Богъ правды моея (VI, 86—70); убѣжище Суворова (IX, 1—7).

Григорій Горъ-въ изъ Молош: прощаніе съ сестрою брата, при отправленіи его въ походъ (VI, 40—42).

Д. Г.: воспоминаніе о старинѣ (X, 77—80).

Любитель русскаго слова, изъ Кашина: А. С. Шишкову, на чтеніе его при открытіи „Бесѣды любителей русскаго слова“ (VII, 112—113).

Опытъ институтокъ, доставленныя Кошанскимъ: на смѣрть подруги, *Канатчиковой*; кузнечикъ и соловей, басня, *С. Шлефохтъ*; два ручейка, *Свѣчиной* (VIII, 40—46).

В) Прозаическая часть.

1. Статьи историческаго содержанія:

Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ, старинное преданіе изъ рукописи (I, 3—24).

Анекдоты о пребываніи Петра I въ Вологдѣ (I, 25—30).

Отрывки о внутренней промышленности и о сношеніи оной съ нравственностью (I, 31—49); поправка (приб. къ III кн.).

Четыре рескрипта имп. Павла I-го гр. Суворову (I, 49—55).

Поучительная грамота царя Алексѣя Михайловича въ Туринскъ о Божьемъ гнѣвѣ и объ учрежденіи поста, изъ рукописи (I, 56—71).

Примѣчанія на изреченіе: небывалое бываетъ—надписи на медали Петра I за побѣду надъ шведами (I, 77—80).

О воспоминаніи великихъ мужей, письмо къ издателю (I, 91—104).

Мысли Ипп. Ф. Богдановича о славянахъ (I, 105—116).

Нравственныя свойства царя Θεодора Алексѣевича и замѣчанія на русскую исторію и на странныя положенія (II, 1—27).

Выписки и замѣчанія изъ хитрости ратнаго дѣла или воинскаго устава, изданнаго въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, 1647 г. (II, 62—80).

Механикъ Иванъ Кулибинъ, письмо къ издателю (III, 103—124).

Петръ Первый въ Парижѣ (IV, 3—20; V, 1—11).

Догадки и замѣчанія при чтеніи книги, подъ заглавіемъ: Несторъ, русскія лѣтописи, слѣченныя, переведенныя и объясненныя Авг. Шлёцеромъ (IV, 26—46; IX, 8—106; XI, 73—120).

Краткое начертаніе свойствъ гр. Кир. Григ. Разумовскаго, соч. Меркулова, съ приложеніемъ рѣчи Разумовскаго имп. Екатерины и послѣсловія издателя (IV, 81—106).

Историческія замѣчанія о древности Звенигорода и надписи, находящейся въ Саввинскомъ Сторожевскомъ монастырѣ, Конст. Калайдовича, съ замѣчаніемъ С. Самарова, изъ трудовъ воспитанниковъ Моск. Университетскаго пансіона, доставилъ П. Калайловичъ (IV, 101—128).

Отрывки о ратномъ дѣлѣ изъ указовъ, изданныхъ при царяхъ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ и Михаилѣ Θεодоровичѣ, съ нѣкоторыми примѣчаніями, изъ книги: Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, изд. Анисимомъ Михайловичемъ (V, 11—34).

Мужество и добродѣтели русскихъ на островѣ Тенедосѣ, сообщ. В. Л. (VI, 105—120).

Военные подвиги ген.-м. Лесли, В. Абр. Лопухина, ген. Ставицкаго, соч. А. К. (VII, 44—51).

Разборъ записки мн. народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго, поднесенной Государю, о воспитаніи, напечат. въ „Сѣверной Почтѣ“ (VII, 115—135).

О погребеніи гр. Н. М. Каменскаго въ Одессѣ (VIII, 26—39).

Мивинъ-воинъ (X, 39—42).

Ив. Вас. Хабаръ-Симскій (XI, 1—8).

Старинныя свойства казаковъ, выписка изъ лѣтописца Малой Россіи, помѣщеннаго въ „Историческомъ Магази“ Ф. Туманскаго (XII, 14—39).

Разсмотрѣніе грамоты, писанной московскими обывателями въ разные города въ генварѣ 7119 г., во время междоцарствія (XII, 40—65).

Анекдоты: братская любовь — братъ за брата пошелъ въ солдаты (I, 128—130); храбрость русскаго шт.-капитана Сенежацкаго на Финскихъ водахъ (I, 131—135); керченская честность (II, 28—34); нѣкоторыя происшествія изъ жизни благотельнаго человѣка бригадира Ш., В. Ш—ва, изъ Курска (VI, 1—28); великодушный поступокъ служителей корабля Невы, уступившихъ соль жителямъ Камчатки (VI, 70—72); празднество въ страннопрімномъ домѣ гр. Шереметева, Н. Н. (VII, 92—99); призвательность крестьянская, Ор—ъ (VIII, 75—87); добродѣтели русскихъ слугъ (VIII, 103—123); съ рѣки Оскола: офицеръ, пожертвовавшій жизнью за спасеніе начальника (XII, 109—113).

2. Повѣсти и беллетристика въ прозѣ:

Модный разговоръ (III, 85—102).

Памятникъ доброму отцу, письмо Милены изъ окрестностей гор. Б., М... (IX, 123—135).

Добродѣтель побѣждаетъ мечты воображенія, русская повѣсть (X, 3—38; XI, 9—68).

Мода и добросердечіе, именнинный подарокъ, семейственное представленіе (XII, 68—89).

3. *Статьи прозаическія:*

Мысли о переводѣ К. Б. Г. съ примѣчаніями издателя „Рус. Вѣсти.“ (II, 35—52).
Благодѣяніе въ города Б... (II, 91—107).

Пятое письмо Артемя Булатова, или богатирскія воспоминанія въ селѣ Громиловѣ, относящіяся къ Суворову (III, 1—79).

Выписки изъ французской книги, изданной въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: Юношество, наставляемое по правиламъ Фенелона, или избраннныя мѣста изъ лучшихъ писателей о нравственности и о вѣрѣ (V, 46—68).

Постоянство моды, письмо пожилаго сельскаго жителя, изъ города Р. (VI, 29—39).

Замѣчанія о языкѣ славянскомъ и русскомъ или свѣтскомъ нарѣчій, Ѡ. Глинки (VII, 52—92).

Нравственное объясненіе въкоторыхъ словъ и рѣченій (VIII, 87—103).

Мысли и чувствованія при видѣ благодарія и облагодѣтельствованныхъ, — Н. Д. Пашковъ, кн. Н. В. Репнинъ, читатель „Вѣстника“ близъ Путивля, с. Богданка (IX, 107—123).

Краткое разсужденіе о поучительныхъ словахъ и выписка изъ проповѣдей Гедеона (X, 42—68).

И въ несчастіи можно служить обществу, В. Б. Щ. изъ Иркутска (X, 69—77).

Опыты воспитаницъ института въ прозѣ: письмо къ молодой пріятельницѣ, Тат. Васильевой; любовь къ отечеству, Ол. Позняковой; добродѣтельный человекъ, Дар. Редеръ; терпѣніе, Алекс. Чуриловой; Петръ Великій, Ол. Васильевой; о томъ же, Екат. Мельгуновой; весна, Тат. Васильевой (X, 108—145).

4. *Библиографія, рецензіи и выписки:*

Замѣчанія на одно мѣсто изъ книги: Сравненіе свойствъ и дѣлъ Константина Великаго со свойствами и дѣлами Петра Великаго, изд. 1810 г. (II, 108—126).

Шестая часть сочиненій Ипп. Богдановича (IV, 47—50).

Письмо о Крымѣ, Одессѣ и Азовскомъ морѣ, русскій переводъ съ подлинникомъ (IV, 51—52).

Выписка изъ II-й части путешествія вокругъ свѣта кап. Крузенштерна С.-Пб 1810 г. (IV, 60—80).

Выписка оттуда же: добродѣтели камчадаловъ и чукчей (VIII, 9—26).

О двухъ иностранныхъ книгахъ, изданныхъ въ пользу юношества: 1) подарокъ на 1809 годъ, или собраніе правоучительныхъ повѣстей, стиховъ и прозы, касательно воспитанія; 2) Вольтеръ для юношества (VI, 43—85).

Выписка изъ разговоровъ о словесности, сочиненныхъ Ал. Сем. Шишковымъ, — разговоръ о русскихъ пѣсняхъ (V, 80—130); оттуда же о русскихъ пословицахъ (VII, 8—43), съ нѣкоторыми прибавленіями издателя.

Выписка изъ русской книги, названной: Собраніе отрывковъ, взятыхъ изъ нравственныхъ и политическихъ писателей, изданныхъ Г... 1811 г. (VI, 73—86).

Выписка изъ XI книжки „Военнаго Журнала“ сравненіе русскихъ воиновъ во время Семилѣтней войны съ воинами Фридриха II (VI, 120—135), съ послѣсловіемъ издателя.

Священная исторія въ пользу юношества, изданная на француз. яз. Проніакомъ: Духъ христіанскихъ ораторовъ, или нравственность христіанская, изъ сочиненій Боссюэта, Бурдалу, Массильона и пр., издана на франц. яз.; римская исторія, изданная на франц. яз. 1809 г. (VIII, 55—71).

Выписка изъ новой французской исторіи, изданной Лакретелемъ въ 1810 г., и изъ другихъ сочиненій, съ прибавленіемъ замѣчаній о французскихъ вольнодумцахъ или жеумствователяхъ XVIII вѣка (X, 81—107); вторая выписка оттуда же (XI, 121—138).

О книгѣ подъ названіемъ: извѣстіе о древностяхъ славяно-русскихъ и объ Игн. Ферап. Ферапонтовѣ, собирателѣ оныхъ (X, 157—163).

1812 годъ.

А) *Стихотворенія:*

С. Н. Глинка: стихи на заложение въ Новочеркасскъ храма во имя Александра Невскаго (I, 70—73); русскимъ воинамъ, по прочтеніи приказа о выступленіи гвардейскихъ полковъ (№№ 111, 115—118); на тотъ же предметъ (IV, 96—102); стихи написанные по прочтеніи манифеста о новомъ наборѣ рекрутъ (IV, 103); стихи на отъѣздъ Государя изъ Петербурга (V, 125—127); на отличие гвардейскихъ полковъ къ началу военныхъ дѣйствій (VIII, 73—76); стихи гр. Ф. В. Ростовчину (VIII, 76—79); голосъ русскаго народа, по случаю прибытія Государя въ Москву (VIII, 80—82); стихи по случаю собранія дворянства и купечества въ Слободскомъ дворцѣ 15 іюля 1812 г. (IX, 31—34); стихи по прочтеніи письма преосвященнаго Платона, съ препровожденіемъ Государю образа Сергія Радонежскаго (IX, 94—97); стихи по прочтеніи рескрипта Екатерины Павловны о пожертвованіи рекрутъ (IX, 98—99); стихи на манифестъ, данный въ Москвѣ 18 іюля 1812 г. (IX, 100—102); стихи на побѣду гр. Витгенштейна (IX, 140—143); стихи на пожертвованіе въ пользу ополченія имп. Маріи Ѳеодоровны (X, 63—66); стихи генералу Раевскому (X, 79—81); къ воинамъ московской силы, вышедшимъ въ походъ 14 августа (X, 93—94); посвященіе брату моему и другу Ф. Н. Глянкѣ (XI, 108); стихи за доброе дѣло Я. К. Ш—у (VI, 117); стихи по случаю извѣстія о нашествіи непріятеля (VII, 77—86); молитва къ Богу при воспоминаніи Полтавской побѣды (VIII, 90—93); пѣснь русскихъ поселянъ русскимъ воинамъ (VIII, 13—18); М. М. К., при послыжѣ розъ въ день ея именинъ (V, 116—118).

Ф. Н. Глинка: надгробная надпись Л—ъ П—мѣ Г—кой (VI, 118); мечтанія на берегахъ Волги (XII, 134—144).

Н. Шатровъ: ода изъ псалма 2 (I, 74—79); ода изъ псалма 92 (II, 40—46); переложение 19 псалма (V, 102—103).

С. Аксаковъ: три канарейки, басня (VII, 57—61).

М. Булаковъ: при воззрѣніи на памятникъ Великой Екатерины (VII, 56).

А. Писаревъ: любовь къ отечеству (VIII, 45—49); Польскій на прибытіе императорской арміи въ Вильну (49—51).

Ламанскій: чувствованія вѣроподданнаго при прочтеніи призыва къ защитѣ отечества, обнародованнаго 10 іюля 1812 г. (X, 20—29).

Я—ч—Б—ъ: пѣснь задунайскихъ героинь (II, 13—22).

Н. Н.: переложение нѣкоторыхъ изреченій изъ 16 главы книги Премудрости Иусты сына Сирахова (III, 45—47); любовь къ родинѣ.

С. С.: неумѣренное желаніе, басня (III, 48—51); паденіе Вавилона, переложение изъ книги пророка Іереміи (VII, 48—55).

М—ъ З—ъ, изъ Тамбова (III, 83—86).

Петръ Петровскій: изображеніе Россіи (I, 24—27).

Ел. Мосценовъ (изъ Одессы): жертва благодарности г. А. С. Б. (I, 97—101).

А. В.: стихи, написанные по прочтеніи приказа дѣйствующимъ арміямъ, по случаю вѣроломнаго разрыва мира французами (VIII, 88—89).

П. П. ѿ (въ селѣ Лысковѣ): ночныя размышленія 1 ноября 1812 г. (XI, 16—26).

Безъ подписи: калужскаго жителя—чувствованія калужскихъ жителей по пріѣздѣ ген. Милорадовича (IX, 128—129); изъ С.-Петербурга—стихи на единогласное избраніе Кутузова начальникомъ с.-петербургскаго ополченія (IX, 130—131).

Б) Прозаическая часть.

1. Статьи из русской истории:

Объѣты русскихъ воиновъ (I, 1—24); подвиги околыччаго Бутурлина въ Грузіи; битва кн. А. В. Голицына и кн. Б. М. Лыкова съ самозванцемъ подъ Кашпиромъ; гибель протопопа софійскаго Амоса при нападеніи на Новгородъ Де-Ла-Гарди; освобожденіе Брянска воеводоу кн. В. Масальскимъ изъ осады третьимъ самозванцемъ.

Подвиги Прокопія Ляпунова во время междуцарствія (II, 1—12); разсмотрѣніе двухъ отписокъ его въ то же время (III, 1—45; IV, 1—38).

Посольство въ Россію гр. Карлиля, изъ книги: Извѣстіе о посольствѣ 1663—64 графа Карлиля отъ короля Карла II (II, 47—82).

Благодарность за русское гостепримство: извѣстіе Лалеруза о пребываніи въ Камчаткѣ въ 1787 г. (III, 52—65).

Подвигъ гренадера Лукіана Мирошникова и другаго гренадера въ Турецкую кампанію 1809—10 г., сообщ. Зос. Ромашковъ (IV, 81—87).

Приверженность и усердіе русскихъ къ памяти своихъ вѣнчососцевъ, — постановка жителями на мѣстѣ ящика съ грамотою импер. Екатерины въ залѣ Московскаго благороднаго собранія (V, 121—124).

Четыре рускіе матроса на островѣ Спитцбергенѣ (VII, 3—37).

Миролюбіе Петра Перваго (VIII, 1—12).

Непреодолимая любовь русскихъ къ родицѣ, или переходъ русскаго воина (Николая Слободкина) изъ Гишваніи въ Россію (VIII, 19—30).

Приверженность русскихъ къ имени своего государя (VIII, 52—61).

Нѣкоторые отрывки, относящіеся къ предписаніямъ Суворова (IX, 12—30).

2. Изъ эпохи отечественной войны:

Мысли о вѣроломномъ вторженіи французовъ въ предѣлы Россіи (IX, 1—12).

Рѣчь русскаго помѣщика крестьянамъ своимъ при отправленіи ратниковъ (IX, 85—91).

Рѣчь Никифора Михайлова, крестьянина государева села Крымскаго, что близъ Хорошева (IX, 91—93).

Непоколебимость русскихъ правилъ, или сходство увѣщаній Святѣйшаго Синода съ старинными древними увѣщаніями (IX, 102—110).

Неизмѣнность французскихъ злоумышленій противъ Россіи (IX, 110—115).

Мысли по случаю дворянскихъ собраній въ С.-Петербургѣ (IX, 116—121).

Усердіе русскаго купечества къ военнослужащимъ (IX, 121—125).

Примѣчательное изреченіе въ воззваніи принца Георгія Голштинскаго къ Новгородскому дворянству (IX, 126—128).

Злоумышленность французскихъ военныхъ правилъ (X, 36—46).

Добродѣтельный подвигъ мѣщанина Семена Зунькова, сообщ. Фед. Павловичъ (X, 50—55).

Подвигъ крестьянина Суеты, или за правду и честь приготовился и голову несть (X, 56—57).

Послушный сынъ (X, 58—62).

Крестьянскій разговоръ (X, 66—78).

Дружеское посланіе главнокомандующаго въ Москвѣ гр. Ростопчина къ ея жителямъ (X, 82—86).

Благодарность жителей Москвы за дружеское посланіе (X, 86—89).

Подвигъ смоленскаго дворянина П. Ник. Ключкова (X, 89—90).

Пожертвованіе и великодушное терпѣніе смоленскаго дворянина Ник. Мих. Колычнскаго (X, 91—93).

Вѣрный смоленскій служитель Давидъ Алексѣевъ (X, 94—96).

Письмо писанное въ нашу армію раненымъ офицеромъ, попавшимъ въ плѣнъ къ французамъ, и доставленное чрезъ дезертира прусака, гр. Ростопчина (X, 97—118).

3. *Повѣсти:*

Старый другъ лучше новыхъ двухъ, русская повѣсть (I, 28—70).

Лятець и празднолюбіе, Ив. Ламанскаго (X, 30—35).

Побѣжденное безбожіе, или торжество отцовской любви, правоучительная, повѣсть съ предувѣдомленіемъ (XI, 27—102).

Краткія выписки изъ рус. комедіи „Вѣсти“, „Рус. Вѣст.“ 1808 (IX, 132—139).

4. *Прозаическія статьи:*

Рѣчь Дм. Кострубо-Корицкаго на прибытіе тѣла архіеписк. херсонскаго и таврическаго Платова въ Николаевъ монастырь (I, 80—84).

Воспоминанія о Кремлѣ, К. Пучковой (IV, 49—64).

Напоминанія на могилѣ проф. Рязскаго, Анд. Врбчскій (IV, 94—96).

Опытъ о народномъ правоученіи, № V: 1) необходимость народнаго обученія, возраженія Леклерку (1—22); 2) воспоминаніе первоначальныхъ общественныхъ правилъ (22—30); 3) первоначальныя общественныя понятія, почерпнутыя изъ священнои и народной нравственности (30—44); 4) нравственность общенародная сохраняется воспитаніемъ или ученіемъ (45—49); 5) нравственность народная всегда измѣняется отъ одинакихъ причинъ (49—60); 6) мысли о нравственной и отечественной общенародной исторіи (60—71); 7) крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, побѣдитель лести и избавитель царя Михаила Феодоровича, нравственное и историческое повѣствованіе (72—94).

№ VI: 1) Мининъ (5—28); 2) о силѣ нравственнаго воспитанія и о томъ, откуда Мининъ заимствовалъ нравственныя качества и познанія (29—52); 3) замѣчанія на нѣкоторыя иноплеменные сказанія о нравственности русскаго народа, — Леклеркъ (52—70); 4) общенародное нравственное ученіе утверждается частнымъ напоминаніемъ (70—77); 5) союзъ семейственный и родственныи утверждаетъ всѣ прочія общественныя сѣти (77—83); любовь къ отцамъ, матерямъ и привязанность къ роднымъ (83—87); уваженіе къ господамъ (87—90); 6) заключеніе (90—106).

Рѣчь Дмитрія Донскаго къ войску предъ сраженіемъ на Куликовомъ полѣ, Ив. Ламанскаго (VI, 119—126).

Замѣчанія и мысли старожиловъ, т. п. л. к. изъ деревни (VII, 37—47).

Молитвы русскихъ при ополченіи на брань (VII, 81—87).

Вѣра спасаетъ Гишанію (VIII, 30—44).

О московскихъ вывѣскахъ (VII, 62—72).

Примѣчаніе объ Ангарѣ и Байкалѣ, стихотворное мнѣніе о происхожденіи Байкала и воззваніе къ безсмертному пѣвцу Бога и Фелицы (IX, 34—84).

Разговоръ Артемія Булатова съ Молодовымъ, ближнимъ сосѣдомъ села Громилова (X, 1—20).

Добродѣтели гражданскія и воинскія (X, 46—49).

Смоленскъ; кладъ; цыгане; село N; почта; село П., церковь, гостепримство; Георгій, добродѣтельный священникъ села П.; женщины, какихъ мало; страданіе бѣдныхъ поселянъ отъ недостатка въ лѣсаряхъ; сѣтованіе поселянки; Ржевъ; чудная шотина и мельница на Волгѣ; можно ли летать на крыльяхъ; плаваніе по Волгѣ; второй день плаванія; примѣти гребцовъ; третій день плаванія; прибытіе въ Зубцовъ (XII, 2—134).

5. *Библиографія.*

Статьи о семейственномъ воспитаніи, или увѣдомленіе о книгѣ, издаваемой А. С. Шишковымъ, подъ названіемъ „Собраніе дѣтскихъ повѣстей“ (II, 90—100).

Полезная книга для перевода: о жизни, творенияхъ и законодательствѣ Мишеля Госпитала, французскаго канцлера (II, 23—39).

Увѣдомленіе о книгѣ: „Описаніе въ лицахъ торжества 5 февраля 1626 г. бракосочетанія цар. Михаила Ѳеодоровича съ Евд. Лук. Стрѣшнвою“ (III, 90—105).

Увѣдомленіе о книгѣ, подъ названіемъ: „Высочайше утвержденнаго правила Харьковскаго общества благотворенія“ (III, 108—114).

Выписка изъ книги, изданной вице-адмираломъ Сарычевымъ, подъ названіемъ: „Путешествіе кап. Биллингса чрезъ Чукотскую землю и плаваніе кап. Галла по сѣверо-восточному океану“ (IV, 65—80).

Мысли, написанныя по прочтеніи „Разсужденія о любви къ отечеству“, А. С. Шишкова (VI, 105—116).

Истинная любовь къ отечеству заключается въ особенномъ усердіи къ родной старинѣ, выписка изъ иностранной книги съ замѣчаніями (VII, 62—76).

1813 годъ.

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: благодарственная пѣснь Богу, правителю Россіи (I, 3—6); стихи на день рожденія импер. Елизаветы Алексѣевны (I, 74—75); исповѣдь Наполеона французамъ (I, 100—105); стихи на крестный ходъ на другой день послѣ освященія Архангельскаго собора (III, 3—5); стихи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ, за благосклонное приятіе „Русск. Вѣсти.“ (III, 74); пѣснь русская отцу Россіи, по случаю занятія Варшавы (III, 75—78); признательность русскаго царя къ русскому полководцу (III, 79—80); стихи ген. Милорадовичу (III, 81); посланіе къ Вл. Ал. Глинкѣ (III, 81—88); къ храбримъ Донцамъ (IV, 6—8); стихи вел. кн. Николаю и Михаилу Павловичамъ, по случаю подписки на „Рус. Вѣсти.“ (IV, 106—108); русскій царь за предѣлами Россіи (VI, 85—88); молитва къ Богу при полученіи извѣстія о побѣдѣ (VI, 88—92); стихи ген. Барклаю-де-Толли послѣ взятія Торна (VII, 87); къ издателямъ „Сына Отечества“ (VIII, 83); къ русскимъ героямъ за границу отъ ихъ соотечественниковъ (X, 103—106); стихи ген. Бердяеву за доставленіе извѣстія (X, 107—108); благодарные стихи государынѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ (X, 114—117); благодарительному врачу Ф. Ад. Коршу (X, 120—121); мысли при извѣстіи о приступленіи къ союзу императора австрійскаго (X, 123—125); стихи на день тезоименитства имп. Александра I (X, 142—147); стихи на день тезоименитства государыни Елизаветы Алексѣевны (XI, 52—53); издатель „Русскаго Инвалида“ (XI, 59—60); стихи гвардейскимъ воннамъ (XI, 90—93); гласъ московскихъ жителей отцу-государю за границу (XI, 96—97).

Ф. Ивановъ: на разрушеніе Москвы (VII, 3—8).

Н. Шатровъ: молитва Израильскаго народа (IV, 75—81).

Жуковский: изображеніе русскихъ полководцевъ (изъ „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“) (V, 5—14).

Н. Ильинъ: солдатская пѣсня (I, 83—85).

Кн. Шаликовъ: къ портрету кн. Багратіона (I, 95); пѣснь отечеству (II, 54—59); стихи импер. Елизаветѣ Алексѣевнѣ (II, 60—62).

Лав. Голенищевъ-Кутузовъ: ода на истребленіе враговъ и изгнаніе ихъ изъ отечества (II, 3—11).

Н. Николаевъ: возвращеніе тирана Наполеона во Францію (II, 108—117); отголосокъ сердечной лиры герою Милорадовичу (VII, 68—74).

Кн. Н. Кулушевъ: кн. Ѳеодоръ Рязанскій и кн. Юрій Муромскій (VI, 3—15).

Н. Бирюковъ: пѣсня моимъ соотечественникамъ (III, 36—39).

Н. И.: буря (I, 76—82).

Изъ села Старорусина: къ чему и не лучше ли (III, 67—72); побѣгъ Наполеона Карловича изъ земли Русской (V, 30—47).

А. Х.: признательность, вѣроу внушаемая (III, 73).

Б:* стихи по прочтеніи манифеста 3 ноября 1812 г. (IV, 3—5); двѣ басни: волкъ и пастухъ; морякъ, валъ и утесъ (IV, 19—23).

Безъ подписи: пѣвецъ на гробахъ братьевъ-воиновъ россіянъ (XII, 88—95).

Н. Н.: кошка и курица, басня (IV, 62—64).

А. Писаревъ: стихи на подвиги двухъ смоленскихъ помѣщиковъ Энгельгарда и Чубина (XII, 86—87).

С. Г.: благодарность А. П. Т. (IV, 101); стихи на кончину Кутузова (VI, 93—98).

Гр. Волковъ: пѣснь Богу по истребленіи враговъ Россіи (V, 3—4).

П. Свиньинъ: шаманство (V, 27—29).

В. Колосовъ: двѣ надписи къ портрету Кутузова (V, 81); надгробная проф. П. П. Страхову (V, 82); ген.-лейтенанту Дм. Дм. Шепелеву (V, 83—84); пѣснь богатырямъ русскимъ (VI, 47—49).

С. Юшковъ: русская пѣсня на освобожденіе Москвы (VII, 9—14).

Инвалидъ, изъ Тамбова: жертва храбрымъ россіянамъ (VIII, 3—13).

Изъ села Загорья: солдатская пѣсня въ память кн. Кутузова (VIII, 73—77).

И. Н. Ч—ъ: стихи въ память кн. Кутузову (IX, 3—6).

А. Н.: русская пѣсня во время занятія Москвы неприятелями; пѣснь соотечественникамъ на прогнаніе злодѣевъ (X, 15—27).

В. Левшинъ: надпись къ побѣдамъ кн. Суворова (X, 28—29); надписи къ портрету Кутузова (X, 30—31).

В) Часть прозаическая.

1. Статьи историческаго содержанія:

Отчетъ харьковскаго благотворительнаго общества (II, 34—53).

Отступленіе Петра I изъ Польши къ отраженію Карла XII и замѣчанія на слова иностранннхъ Вѣдомостей (IV, 88—100).

Воззваніе къ жителямъ Италіи, да расторгнутъ они нго иноплеменниковъ, изъ соч. Макиавеля (VI, 43—46).

Учрежденіе Библейскаго Общества въ С.-Петербургѣ (VII, 88—99).

О правахъ французовъ, особенно отъ исхода прошедшаго столѣтія до сего времени (VIII, 14—55).

Свидѣтельство о извергахъ французскихъ изъ предписавій Екатерины II и Павла (IX, 72—94).

Письмо ген. Бердяева о подвигѣ унтеръ-офицера Мальцева въ Турецкую войну 1810 г. (XI, 15—27).

Общій гласъ морскихъ офицеровъ вице-адмиралу Сенявину 9 іюня 1809 г. (XI, 28—36); нѣкоторыя о немъ подробности, Е. М. (37—51).

2. Изъ эпохи войнъ съ французами:

О московскомъ пожарѣ (I, 7—15).

Рѣчь въ воспоминаніе русскихъ воиновъ, умершихъ на полѣ брани (I, 16—27).

Почему опасно Наполеоново правительство (I, 52—58).

Наполеонъ въ Россіи (I, 59—73).

Мысли по прочтеніи манифеста о помилованіи виновныхъ въ бывшихъ польскихъ и литовскихъ областяхъ (I, 86—94).

Воинъ-земледѣльцы (I, 106—111; II, 12—33; III, 26—35).

Возраженія на клеветы, вымышленныя на гр. Ростопчина Наполеономъ Бонапарте (II, 67—88).

Клеветы о зажигательствѣ Москвы (II, 89—107).

Краткое описаніе болѣзни, появившейся въ Московскомъ уѣздѣ со времени прихода французовъ въ Москву, ад. фармаціи В. Воробьевскаго (II, 118—134).

Наполеонъ въ Москвѣ (III, 6—19).

Вѣра, вѣрность и терпѣніе суть главныя свойства россиявъ, съ выписками изъ Державина (III, 20—25).

Раздѣлье Наполеона въ жидовской брчкѣ (III, 40—63).

Подвигъ всаула Елаткова (III, 64—67).

Злоумышленіе Наполеоново касательно Варшавы (III, 82—85).

Плачь добраго французскаго отца семейства о смерти шестаго и послѣдняго сына, погибшаго въ походъ Наполеона (IV, 9—18).

Образецъ самохвальства и наглости слога, или первое посланіе въ Москвѣ Наполеона Бонапарте къ французскимъ солдатамъ (IV, 24—48).

Подробныя замѣчанія А. Я. Б.—а на первое посланіе Наполеона (IV, 49—61; V, 48—64; VI, 50—71).

О бытности французовъ въ Москвѣ, изъ дневныхъ записокъ самовидца, И. А. Туготкина (IV, 65—74; V, 15—26).

Безстыдство Наполеона и маршаловъ его (IV, 82—87).

Умѣренность русскихъ воиновъ и невоздержность французскихъ солдатъ (IV, 102—105).

Письмо гр. Ростопчина къ издателю (V, 65—75).

Возраженіе на пустословіе французское 1804 г. и сходственное съ обстоятельствами 1812 года (VI, 16—33).

Мысли по прочтеніи воззванія къ германскимъ государямъ изъ русскаго стана (VI, 34—42).

Мысли изъ посланія казака Ермолая Гавриловича къ атам. Платову (VI, 71—84).

Письмо изъ Одессы Н. Т. о Наполеонѣ, ругательное (VI, 98—100).

Бонапартѣевское пораженіе (VII, 15—23).

Сельская бесѣда (VII, 75—86).

Рѣчь московскаго градоначальника воннамъ-поселянамъ при раздачѣ высоч. награды (VIII, 78—80).

По случаю ввезенія въ С.-Петербургъ тѣла кн. Кутузова, соч. И. Наумовъ (VIII, 84—89).

Сонъ Наполеона въ Парижѣ по возвращеніи изъ Россіи, Б. (VIII, 92—112).

Увѣженіе англичанъ и другихъ народовъ къ подвигамъ Платова (VIII, 113—117).

Разговоръ атам. Платова съ донскими генералами Иловайскимъ и Карповымъ; приказъ Платова о вспомошествованіи Донскому монастырю, сооб. Краснокутскимъ (IX, 51—61).

Пѣснь плачевная о разореніи Москвы, графа Б. (IX, 62—71; X, 32—39).

Письмо русскаго отца (X, 3—14).

Адскія выдумки французовъ къ истребленію законныхъ правителей и человечества (X, 40—52).

Разговоръ съ Наполеономъ хорунжаго Попова, посланнаго во французскую армію съ пакетомъ на имя ген.-ад. графа Шувалова 18 мая 1813 г. (X, 66—75).

Примѣчанія на этотъ разговоръ издателя (X, 76—91).

Краткія замѣчанія о различіи государственныхъ полководцевъ (Кутузова, Румянцева) отъ вождей изверговъ (Наполеона) (XI, 8—14).

Перечень изъ письма англичанина Людвигъ Гольдсмита къ генералу Платову (XI, 64—82).

Ландекъ въ Силезіи, описаніе А. Краснокутскаго 1813 года (XII, 20—40).
Воспоминанія о войнахъ бородинскихъ 26 августа 1813 г. (XII, 59—67).
Несчастія Гаврилы Иванова, комиссара Московской Сенатской типографіи во время злодѣйствъ французовъ въ Москвѣ (XII, 68—72).

2. *Повѣсти:*

Добрыя русскіе помѣщики, отечественная повѣсть (I, 28—51).

Сельскій праздникъ и русскій староста (XI, 83—90).

Мысли пустынника, подп. Лѣсной житель, вѣроятно Палицынъ (XII, 3—19).

3. *Статьи не относящіяся къ беллетристикѣ:*

Отрывки изъ проповѣди, говоренной 22 іюня 1813 г. въ Троицкой лаврѣ: „о любви къ отечеству“ (XII, 54—58).

Мысли К. И. В-го при чтеніи рѣчи о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство (IX, 7—27).

Замѣчанія на нихъ издателя (IX, 23—50).

Глазъ россиянина къ единоземцамъ о французскомъ воспитаніи, Гавр. И. Ермолова (X, 53—65).

Замѣчанія на французолубцевъ старика, живущаго въ окрестностяхъ Петербурга (XII, 41—53).

Надгробная рѣчь послѣ отпѣванія въ Троицкомъ соборѣ тѣла митроп. Платона, проф. Неофита (XI, 3—7).

4. *Критика, бібліографія и выписки изъ книгъ:*

Извѣстіе о книгахъ: подробный списокъ всѣхъ корпусовъ, составившихъ французскую армію въ 1812 г. (III, 89—94); мысли престарѣлаго россиянина въ первый день генваря 1813 г. (95—97); отступление французовъ, С.-Пб. 1813 г. (98—100).

Замѣчанія при чтеніи книги: историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ (VII, 24—67).

Извѣстіе о новой книгѣ: русскіе и Наполеонъ Бонапарте, соч. московскаго жителя 1813 г. (VIII, 63—72).

1814 годъ.

А) *Стихотворенія.*

С. Н. Глинка: стихи новорожденному гр. Росточину (I, 64—65); царь-отцу, послѣ Лейпцигской битвы (I, 90—94); посвященіе гр. Платову (II, 3—6); стихи вел. кн. Константину Павловичу на полученіе Георгія 2 степ. (II, 140—141); стихи доброму отцу на радостное извѣстіе о сынѣ (II, 142); стихи на день рожденія Александра I (IV, 61—62); благодарственная пѣснь Богу о взятіи Парижа (X, 58—63); стихи фельд-маршалу Барклаю де-Толя (X, 63—65); стихи на вступленіе въ Парижъ Государя Императора (X, 75—80); стихи Ег. Бор. Фуксу (XI, 70—73); стихи на миръ; русская пѣсня на ожиданіе Государя Императора (XII, приб. 101—107); торжество въ Павловскѣ 17 іюня 1814 (XIII, 38); стихи гр. Платову на пріѣздъ въ Кіевъ (XIII, 42—43); посланіе А. Г. Краснокутскому (XIII, 49—51); стихи кн. А. И. Горчакову, при чтеніи его рѣчей къ с.-петербургскому ополченію (XIII, 60—61); стихи на прибытіе имп. Александра I въ Россію (XIII, 74—76); стихи гр. Милорадовичу (XIV, 52—60); стихи на новое празднество въ Павловскѣ (XIV, 72—74); русская пѣсня на поденгъ знаменитаго Донскаго войска (XV, 50—54).

Державинъ: свнше благословенному приношеніе (XI, 26—51).

Б. Ѳедоровъ: стихи на отъѣздъ вв. кн. Николая и Михаила Павловичей (XIII, 29—31).

Лисевскій: стихи на совершенное истребленіе непріятельскихъ войскъ въ Россіи (I, 58—60).

А. а, Н. а: русская пѣсня въ честь царя орла (I, 60—64); пѣснь россиянки на взятіе Парижа (XI, 52—60); надгробная милому брату (XIV, 69).

Дм. Гамбовъ: чувствованія русскаго въ Кремлѣ (II, 135—139).

Ф.: бояринъ Рѣшмыслъ (IV, 3—9).

А. П—ъ: хоръ при открытіи благороднаго собранія въ Москвѣ 12 декабря 1813 г. (IV, 62—65).

Н. Овдулинъ: торжество вѣры и добродѣтели (IV, 74—75).

Изъ Тамбова: отрывокъ изъ повѣсти о князѣ Мстиславѣ (V, 3—11).

Россиянка: злоба и благость (V, 58—59).

Кн. Н. Кулушевъ: изліаніе сердечныхъ чувствъ при отъѣздѣ Государыни за границу (IX, 54—57).

И. Г.: стихи кн. Дм. Ив. Лобанову-Ростовскому (XI, 67—69).

И. Байленскій: стихи написанныя въ Парижѣ, взглядъ на кабинетъ Бонапарта въ Шато-Триенъ (XI, 69—70).

Докт. и проф. Иосифъ Петровъ: пѣснь славянина Москвы при всеобщемъ торжествѣ Европы 1814 года (XII, 3—5).

Ф. К—шъ (Коршъ): память супругѣ отъ супруга (XII, 29—31).

Н. Роговъ: стихи Г. Р. Державину; надписи къ портрету м. Платона (XII, 41—44).

Изъ Твери: безъ заглавія, послѣ разоренія, марта 1813 г. (XII, 54—57).

Изъ села Замься: воззваніе къ Екатеринѣ II; Хлоръ-царевичъ, сказка, заимствованная изъ сочиненій Екатерины II (XIII, 3—20).

С. С.: отрада въ скорби (XV, 55—56).

В) Стихи прозаическіе.

1. Статьи историческаго содержанія:

Воспоминаніе о кн. Кузузовѣ-Смоленскомъ (I, 3—50).

Выписка изъ грамотъ, разсмыслившихся по Россіи во время междоцарствія, 1610—1613 гг. (I, 51—54).

Отправленіе государемъ Павломъ Суворова сына въ Италію (I, 55—56).

Нѣкоторыя изреченія Суворова и относящіяся къ нему (I, 56—58).

Заслуги отечеству русскаго посланника Як. Ив. Вулгакова (III, 5—93, вся книжка).

Какимъ образомъ лжеумствователи французскіе развращали народъ (IV, 15—22).

Привязанность къ Москвѣ Румянцева и Суворова (XI, 3—9).

Рѣчь имп. Екатерины смоленскаго предводителя И. Я. Пovalo-Швейковскаго 25 марта 1776 г. (XIII, 51—57).

Замѣчанія на „Слово Петру Первому“ Фонтенеля, письмо сельскаго учителя С. Ж. (XIV, 3—37).

Четыре письма изъ Цареграда къ Екатеринѣ II Я. И. Булгакова 1781 г. (XV, 3—29).

2. Статьи относящіяся къ войнамъ съ французами:

Подробное извѣстіе о пребываніи въ Лондонѣ донскаго козака, записано Краснокутскимъ (I, 66—86).

Подвиги донскихъ войскъ въ Отечественную войну (II, 7—97).

О давнемъ злоумышленіи французовъ противъ Россіи, изъ сочиненій Петрова (IV, 23—37).

Записка о происшествіяхъ во время нашествія враговъ въ селѣ Островѣ и селевіяхъ къ нему принадлежащихъ, граф. Орловой-Чесменской (IV, 37—59).

Замѣчанія на нѣкоторыя замѣчанія о Москвѣ (V, 11—27); догадка крестьянъ (V, 62).

Нѣсколько анекдотовъ о солдатѣ и крестьянахъ въ 1812 г., дост. С. Х. (V, 42—57).

Письмо офицеровъ уланской коловны къ начальнику кн. Горчакову (V, 60—61).

Можетъ ли Наполеонъ не быть завоевателемъ (V, 79—87).

Воспоминанія о московскихъ проишествіяхъ отъ 11 іюня 1812 г. до изгнанія враговъ (IX, 3—51; X, 3—47).

Побѣдоносный Александръ во храмѣ Вышняго, Е. Ф.—ъ (IX, 51—54).

Подарокъ гр. Милорадовича русскимъ воинамъ въ сраженіи подъ Браснишъ (IX, 57—60).

Переводъ письма гр. Платову башкирскаго старшины Кутнугелдея Темировича (IX, 64—66).

Мысли при чтеніи манифеста 6 декабря 1813 (XI, 15—25).

Благодарность австрійскаго императора русскому чиновнику за человеколюбивый подвигъ (XI, 63—66).

Благотворительное общество въ Пензѣ во время нашествія враговъ (XII, 32—41).

Собранія въ Вионаніи по случаю взятія Парижа (XIII, 36—42).

Прибавленіе къ походу французовъ въ Дмитровъ, Д. Я.—въ (XIII, 44—49).

Рѣчь произнесенная смоленскимъ дворяниномъ В.—мъ О.—мъ 16 іюня 1816 г. при избраніи чиновниковъ во временное ополченіе (XV, 40—49).

3. *Статьи беллетристическія:*

Отрывокъ изъ письма стѣннаго учителя о новыхъ французскихъ дядькахъ, М... (II, 99—107).

Замѣчаніе о французскихъ пансіонахъ (II, 107—114).

Прогулка по прежней Москвѣ (V, 27—42).

Письма русскаго офицера Ф. Н. Глинки (вся VI, VII и VIII книжки).

Новый Кузнецкій мостъ (XI, 9—14).

Выписка изъ рѣчи А. Ф. Мерзлякова на актѣ Московскаго университета 10 іюля 1814 г. (XIV, 37—49).

Русская правда, или мысли нижегородскаго помѣщика (XV, 30—40).

4. *Текущая извѣстія:*

Мысли о концертѣ данномъ Д. Н. Кашиннымъ (IX, 60—64).

О смерти и погребеніи протоіерея І. Леванды (XIV, 61—65).

5. *Библиографія и полемика:*

Увѣдомленіе о книгѣ: жизнь Амвросія, архієпископа московскаго (IV, 59—60).

Письмо Иркутскаго учителя Федора Панаева: возраженіе на выписку изъ путешествія Крузенштерна („Русск. Вѣстн.“ 1816 г., XII, 9—23).

Замѣчанія при чтеніи французской книги: сокращенная російская исторія, 1814 г. (XIII, 21—29).

1815 годъ.

А) *Стихотворенія.*

С. Н. Глинка: стихи гр. Милорадовичу, при полученіи его портрета (II, 75—77); стихи на прибытіе Милорадовича въ Москву, подп. московскій гражданинъ (III, 31—35); стихи благотворительнымъ офицерамъ Рязанскаго полка (III, 80—81); стихи имп. Маріи Феодоровнѣ, по случаю благосклоннаго отзыва о „Рус. Вѣстн.“ (III, приб.); стихи при чтеніи 4 изданія соч. Дмитріева (IV, 66—69); пѣснь благотворенію, посвящена имп. Маріи Феодоровнѣ (V, 3—18); стихи въ день рожденія имп. Елизаветы Алексѣевны (V, 79—80); стихи русскому воину (VII, 37—38); посланіе къ Дм. Прокофьевичу Трощинскому; стихи М. А. Стороженковой; стихи гр. Милорадовичу (VIII, 41—47); пѣснь русскимъ воинамъ на возвращеніе въ отечество (IX, 24—27); при отправленіи на Донъ двухъ книжекъ: „вѣра, вѣрность и слава Донцовъ“ и письмо Платову (IX, 51—55); стихи благотворительнымъ дѣтямъ (IX, 68—69); стихи благотворительному россианину (1814, 72); стихи гр. Платову, при извѣстіи, что казаки уже за границую (X, 36—40); стихи на нынѣшнія проишествія (XI, 3—5); стихи благотвори-

тельному россиянину и отвѣтъ на его письмо; воспоминаніе славы Донцовъ (XI, 60—64); стихи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ на отъѣзд вел. кн. Николая и Михаила Павловичей (XII, 70—71); стихи при чтеніи письма гр. Платова (XII, 93—94); благодарственная пѣснь Богу послѣ первой побѣды союзниковъ въ 1815 г. (XIII, 56—58); голосъ благодарныхъ сердець въ день ангела имп. Маріи Ѳеодоровны (XIII, 76—80); голосъ русскаихъ сердець въ день ангела царя-отца (XIV, 89—90); стихи по случаю извѣстія, что бюстъ гр. Платова поднесенъ въ Лондонѣ принцу-регенту (подп. любитель донской славы) (XV, 66—67).

Ф. Н. Глинка: прівѣтствіе тихому Дону стараго казака Григ. Булатова (IV, 49—59); на кончину Н. М. Стороженко (VI, 60—68); пѣснь усердія въ обители Добрады (XIII, 43—53); стихи Императрицѣ, при поднесеніи писемъ русскаго офицера (XIII, 54—55); Е. И. Кристофовичу, по случаю поднесенія кубка офицерами (XIII, 69—71).

Н. Шатровъ: пѣснь Израильскаго народа на пораженіе Сennaхиримова войска IV, 47—62); воззваніе къ Россу, при извѣстіи о новыхъ замыслахъ Бонапарта (XI, 56—59).

Евл. Котельниковъ: отрывки занятій на маломъ досугѣ донскаго казака октября 1814 г. въ Варшавѣ (V, 82—86).

А. И. Ивановскій: посланіе къ благотворительницѣ генер. А. Е. Бар. А—ъ (XII, 75—77).

Л. О. С.: стихи гр. Милорадовичу (XII, 68—71).

Р. В.: посланіе къ сочинителю стиховъ, названныхъ „усердный зовъ“ (XIII, 71—74).

Петръ Поповъ: гласъ усердія въ благословенный путь кораблю Рюрику (XV, 64—66).

В) Статьи прозаическія.

1. Статьи историческаго содержанія:

Бѣдствія и добродѣтели Нат. Бор. Долгорукой (I, 3—47).

Два письма Екатерины II-й (I, 47—49).

Уваженіе предковъ нашихъ къ воспитанію (I, 50—60).

Правила русскаго воспитанія, или нравственное разсмотрѣніе духовной кн. Владимира Мономаха (II, 3—45).

Мысли и изреченія Екатерины II-й (II, 46—60).

Подвигъ любви къ отечеству и довѣренность къ Богу Ксенія, въ инокиняхъ Маремъ Ивановны (III, 3—10).

Царевна Софія Алексѣевна, жертва властолюбія (IV, 3—11).

Неустранимый русскій полководецъ Леонт. Як. Неклюдовъ (VI, 3—20).

О смерти Н. М. Стороженко, Ф. Глинки (VI, 50—60) съ письмомъ Милорадовича (68—73).

Письмо полк. Л. Я. Неклюдова (VII, 30—33).

Обозрѣніе добродѣтелей и заслуга русскаго духовенства отъ Владимира Св. до Петра (VIII, 3—48; IX, 3—24).

Сватовство ц. Алексѣя Михайловича къ дочери бояр. Матвѣева (X, 3—11).

Старинное повѣствованіе о Петрѣ I, изъ рукописи (XIV, 7—30).

Нѣсколько собственноручныхъ писемъ Потемкина къ Суворову (XV, 3—23).

Краткое изъясненіе чертежа древняго города Казани и описаніе осады (XV, 34—64).

2. Статьи относящіяся до войны съ французами.

Сельскій праздникъ у добраго смоленскаго помѣщика, по случаю возвращенія его дѣтей, Г. Г. (Глинка) (II, 78—84).

- Чувствованія русскихъ героевъ къ Государю (III, 35—39).
О приѣздѣ гр. Милорадовича въ Петербургъ, Е. Ф. (III, 81—83).
О необходимости имѣть исторію Отечественной войны 1812 года, Ф. Глинки (IV, 25—49).
Дѣятельность кн. Д. Н. Лобанова-Ростовскаго по заготовленію резервовъ (IV, 52—58).
Письмо гр. Милорадовича къ ген. Вадковскому (IV, 53—66).
Подвигъ смоленскаго дворянина въ 1812 г. (IV, 73—83).
Два празднества въ Варшавѣ въ честь Барклая де-Толли, Н. Смирновъ (VI, 37—44).
Мысль по случаю новаго покушенія буйнаго Наполеона (IX, 55—67).
Письмо гр. Платова новочеркасскому протоіерею Іоанну Долотову 10 декабря 1814 (IX, 69—71).
Претерпѣніе секретаря Разумова въ нашествіе Французовъ въ Москву (X, 40—46).
О новыхъ политическихъ затѣяхъ Наполеона Бонапарта (X, 63—71).
Замѣчаніе на дерзкое письмо Коленкура (XI, 42—55).
Нѣсколько приказовъ гр. Витгенштейна въ войну 1812 г. (XII, 3—30).
Злоумышленіе корсиканца Бонапарта противъ франц. генерала Моро (XII, 20—31).
Выписка изъ берлинскихъ вѣдомостей о благодарности русскихъ воиновъ къ нечестивому врачу (XII, 56—59).
Мысли при чтеніи новой конституціи корсиканца Бонапарта (XII, 59—69).
Уваженіе герц. Александра Виртембергскаго къ русскимъ воинамъ (XII, 72—75).
Воспоминанія о дѣлахъ и смерти ген. И. С. Дорохова (XII, 77—89).
Письмо гр. Платова войсковой канцеляріи (XII, 89—93).
Подвигъ поди. Гладкова въ 1812 году (XII, 59—67).
Усердіе русскихъ воиновъ къ Государю и добрымъ начальникамъ (XIV, 30—42).
Жребій врага Европы и человечества, Е. Ф. (XIV, 43—45).
Желанія госуд. Маріи Феодоровны русскимъ воинамъ (XIV, 66—73).
Письмо къ супругѣ покойнаго генерала Дорохова Гавр. Ермолова (XV, 73—77).
- 3. Статьи беллетристическаго содержанія:*
Благодѣтельный русскій вельможа, полувмышленная повѣсть, Р. Р. (III, 10—30 IV, 11—25; XV, 78—86).
Подарокъ матерямъ семейства на новый годъ, или нравоучительна письма (VI, 20—23; VII, 3—30).
Письмо къ другу изъ г. Павловска, Ф. Глинки (XIII, 3—42).
Второе письмо пустынноика (Палицына) (XIV, 74—88; первое письмо, декабрь 1813 г.)
- 4. Прозаическія статьи, не относящіяся собственно къ беллетристикѣ:*
О любви къ отечеству при чтеніи манифеста 30 августа 1814 г. (I, 66—72).
О состояніи бѣдныхъ и способахъ благотворить, Ф. Глинки (III, 40—50).
О природной способности русскихъ къ изящнымъ искусствамъ, Ф. Глинки (III, 51—59).
О нищихъ (VIII, 51—57).
Замѣчаніе о пользѣ умноженія врачей по уѣздамъ и дальнимъ городамъ (VIII, 57—63).
О жизни семейственной, отрывокъ изъ сочиненія Карамзина, съ замѣчаніями сельскаго жителя (IX, 28—45).
Возраженіе на развратное и дерзкое сочиненіе якобинца Карно, 1814 г., въ заглавіи: посланіе къ королю Людвигу XVIII (X, 11—35).
Изображеніе мятежной и развратной Франціи (X, 57—63).

Историческое изображеніе бѣдствій и казней, постигшихъ французскихъ бунтовщиковъ и царевубійцъ (XI, 5—42).

Три примѣра супружеской любви въ крестьянскомъ состоявіи (XII, 52—56).

5. *Библиографія, рецензій и выписки изъ книгъ:*

Мысли при чтеніи книги, подъ названіемъ: „Исторія медицины въ Россіи“, В. Рихтера (I, 61—65; II, 60—63).

Увѣдомленіе о двухъ славянорусскихъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ Вѣнѣ и сочиненныхъ Григ. Ялшичемъ, словено-угро-сербинномъ (III, 69—72).

Извѣстіе о книгѣ, подъ названіемъ „Агапоклея, или письма изъ Рима и Греціи“ (IV, 83—86).

Извлеченія и мысли при чтеніи книги, подъ названіемъ: „Записки относительно похода с.-петербургскаго ополченія“ (V, 18—47).

Извѣстіе о книгѣ: „Руководство къ познанію военнаго законодательства“ (V, 62—64).

Извѣстіе о книгѣ: „Краткая и справедливая повѣсть о пагубныхъ Наполеона помыслахъ“ и пр. (VI, 33—36).

Замѣчаніе сельскаго любителя чтенія на книгу: „Военный словарь“ (XIV, 45—53).

Выписка изъ иностранной книги: „Щитъ государства и справедливость противъ явнаго замысла французовъ къ обладанію вселенною“, 1668 г. (XV, 24—33).

1816 годъ.

Журналъ издавался въ 12 книжкахъ; послѣдней не выходило.

А) *Стихотворенія:*

С. Н. Глинка: стихи имп. Маріи Ѳеодоровнѣ, по случаю благосклонной подписки на „Русскій Вѣстникъ“ (I, 39—40); посланіе о любви къ герою Блюхеру (I, 64—69); стихи музыканту Г. А. Рачинскому (I, 85—89); стихи по случаю извѣстія о прибытіи Государя въ Петербургъ (I, 93—95); пѣснь государю Александру I въ день молебствія въ Москвѣ о заключеніи всеобщаго мира (II, 75—82); посланіе къ герою благотворителю (VI, 9—12); сила благотворенія (VI, 53—54); скорбь и утѣшеніе герою, по случаю смерти брата атамана Платова (VII, 7—11); чувства россиянина въ XIII году (VII, 11—13); стихи импер. Маріи Ѳеодоровнѣ въ день ея ангела (VIII, 3—6); на прибытіе Государя въ Москву (IX, 3—5); посланіе И. И. Дмитріеву (IX, 8—9); стихи гр. Милорадовичу, по случаю его посѣщенія (IX, 26—31); посланіе къ гр. Платову, въ благодарность за посѣщеніе (IX, 38—42); стихи К. Д. И. А., по случаю благосклоннаго отзыва о „Русскомъ Вѣстникѣ“ (X, 34—35); стих. милымъ дѣтямъ И. Г. Морозова (XI, 34); стихи Н. Ф. Ртищеву, при поднесеніи билета на „Р. В.“ (XI, 35).

Ф. Н. Глинка: фіалка и дубъ, басня (III, 50—51).

С. Нецаевъ: стихи на выступленіе полковъ изъ Владиміра въ 1813 году, на смерть гр. А. И. Кутайсова (VII, 17—19).

Д. Глыбовъ: стихи на вторичное возвращеніе Государя въ Россію (III, 1—7); Изяславъ (V, 27—34).

М. Бестужевъ-Рюминъ: молитва россиянина, надпись къ портрету Платова, надгробная И. А. Туголмину, первые опыты (III, 47—48).

Ст. Гречановскій: стихи на возвращеніе гр. Платова на Донъ (X, 39—40).

А. И. Ивановскій: надпись къ портрету гр. А. А. Аракчеева (XI, 4—5).

А. Писаревъ: хоры на прибытіе въ Смоленскъ изъ-за границы 2-й гренадерской дивизіи (IV, 68—71); надписи къ портрету гр. А. А. Аракчеева (XI, 3—4).

Яковъ Бардовскій: народная пѣсня по случаю прибытія Государя въ Москву (X, 3—5).

П. Роговъ: стихи на прибытіе вел. кн. Николая Павловича въ Калугу (X, 7—8).

Гр. Алек. Кушелевъ: дражайшему родителю въ день именинъ (IV, 72—75).

Алея Смирная: усердная жертва брату и другу, въ день его рожденія (VI, 25)

Кн. Мещерскій: стихи И. М. Ушакову (VI, 26).

С. С.: сила родства и согласія (VI, 17—18).

А. М.: стихи на пребываніе въ Смоленскъ вел. кн. Николая Павловича (VII, 3—5).

Ал. Ол-въ: къ новому 1816 году (III, 49).

И. Н.: надписи къ портрету кн. Н. И. Салтыкова (X, 6).

Неизвѣстныхъ: стихи главнокомандующему въ Грузіи Ртищеву, изъ Тифлиса (III, 16—19).

Надгробная И. А. Тутолмину (IV, 85).

В) Статьи прозаическія:

1. Статьи историческаго содержанія:

Отрывокъ изъ письма Екатерины II къ Н. С. Мордвинову (V, 3—11).

А. И. Писарева: извѣстіе о нѣкоторыхъ драгоценныхъ рукописяхъ Суворова, вновь отысканныхъ (I, 83—84); рукописи Суворова: распределение къ приступу Измаила 1790 г. (II, 13—41); мнѣніе о войнѣ со шведами (III, 8—11); приказъ въ іюль 1789 г. (III, 11—15); письмо Суворова 1792 г. (IV, 7—19).

Извѣстіе о графѣ Д. Б. Дивіерѣ (II, 8—13).

Архитекторъ М. Ф. Казаковъ, сооб. М. К. (XI, 5—14).

М. Д. Даниловъ на Кушвинскомъ заводѣ, строитель чугунаго моста чрезъ р. Тагаль (IV, 81—82).

Краткое изображеніе дѣяній герцога Сьюли (II, 45—68; III, 29—46).

Возобновленіе стариннаго парламентскаго обычая во Франціи (II, 68—71).

Война Гишпанская, выписки изъ франц. книги: „Записки о войнѣ французовъ въ Гишпавіи“, соч. Ровва (IV, 21—67; VI, 27—41; VII, 23—39).

Мысли о судѣ, производимомъ франц. бунтовщиками надъ королевою Марією Антуанетой, изъ соч. г-жи Сталь (V, 58—68).

Подвигъ Десева, защитника Людовика XII (IX, 46—54).

О причинахъ легкомыслія парижскихъ жителей, изъ книги „О защищеніи и взятіи Парижа въ 1814 г.“ (X, 35—38).

2. Статьи общаго содержанія:

О свойствахъ и добродѣтеляхъ россиянокъ (IV, 3—6); семейственныя добродѣтели довскихъ женъ, сооб. Кс. В. Котельниковъ (V, 35—40).

Русская бесѣда, Ив. Перинъ (V, 41—46).

Благотворительное извѣстіе объ А. И. Порошинѣ, со стихами Ф. Глинки (I, 17—23).

3. Статьи относящіяся до эпохи войны съ французами:

Воспоминаніе о битвѣ Бородинской (I, 3—14).

Общее участіе жителей Россіи къ царю и отечеству въ достопамятнѣй 1812 г., изъ Оренб. губ. (I, 30—34).

Обозрѣніе происшествій во Франціи отъ начала 1815 г. до бѣгства Наполеона Бонапарта съ острова Эльбы (I, 41—63).

Рѣчь Людовика XVIII при новомъ собраніи новой камеры депутатовъ (XI, 19—25).

Мысли при чтеніи новой иностранной книги о послѣднихъ часахъ правительства Наполеона, со стихами Ф. Глинки (I, 76—62).

Три приказа герц. Александра Виртембергскаго при сдачѣ Данцига (II, 1—7).

Предисловіе гр. Платова ген.-майору Грекову и приказъ Атаманскому полку (VIII, 32—37).

Отвѣтъ гр. Воронцова французамъ (VI, 45).

Подвигъ генер. Доктурова подъ Малымъ Ярославцемъ, В. М. (XI, 14—16).

Прибытіе импер. Александра I-го въ Калугу, сооб. К. Ж. (X, 10—17).

- О взятіи донскими казаками гор. Намура, 3—4 февраля 1814 г. (V, 46—57).
Извѣстіе о смерти ген. Краснова 1-го, сообщ. Н. Гладкій (III, 19—28).
Даръ англійскаго принца-регента гр. Платову, сообщ. Н. Смирной (IV, 76—80).
Описаніе сабли, препровожденной гр. Платову отъ гор. Лондона, его же (VI, 3—8).
Письмо изъ Новочеркасска о прибытіи на Донъ атамана гр. Платова, его же (XI, 36—52).
Праздникъ атаманскаго полка въ Кременчугѣ (X, 24—29).
Подвигъ И. А. Голенки (VIII, 8—10).
Рѣдкое безкорыстіе 2-го егерскаго полка рядоваго Евдокима Комарова, сообщ. Ф. Т. (I, 15—16).
Чувствительность кн. Смоленскаго (IX, 15—17).
Два военныхъ празднества въ окрестностяхъ Петербурга (IX, 17—26).
Семейственное празднество въ честь ген. Н. Н. Раевскаго (IX, 42—45).
Письмо изъ Смоленска Правдина о пребываніи французовъ (V, 16—20).
Письмо изъ Вильны о пособіи русскимъ раненымъ, Вас. Путаты (V, 21—26).
Пожертвованіе егерями 24-го полка отбитаго у французовъ серебра моск. архіерею, сообщ. А. Ф. Куломзѣвъ (V, 11—15).
Пожертвованіе купца Золотарева въ пользу инвалидовъ (XI, 16—17).
Усердіе крестьянъ при проѣздѣ имп. Александра I-го въ Троицу (IX, 6—7).
Прощаніе тульскихъ жителей съ архіереемъ, сообщ. бар. В. Штейнгель (VI, 41—44).
Пожаръ на Масницкой (X, 18—24).

4. Библиографія и критика:

- Письмо къ почтенному издателю „Сына Отечества“ (Булгарину) въ отвѣтъ на замѣчаніе его о „Русскомъ Вѣстникѣ“ сего года (VIII, 11—22).
Увѣдомленіе о книгахъ: „Христіанская философія, или истинная религія, въ бесѣдахъ на разные тексты Свящ. Писанія“ А. Трескина; вторая часть записокъ касательно с.-петербургскаго ополченія противъ враговъ отечества (I, 69—76).
О книгахъ, вновь изданныхъ во Франціи къ преобразованію воспитанія (VIII, 23—31).
О нравственной цѣли музыки и о русской музыкѣ, выписка изъ франц. книги „Мысли о музыкѣ“, изданной г. Фишеромъ (IX, 35—37).
Извѣстіе о книгахъ: „Записки флота кап. Головинна въ плѣну у японцевъ въ 1811—1813 годахъ“; прежніе досуги Внк. Остолопова (X, 30—33).
Записки флота капитана Рикорда; журналъ Двигубскаго „Изображенія и описанія животныхъ Россійской имперіи“ (XI, 26—30).

1817 годъ.

Въ 1817 г. „Рус. Вѣстн.“ выходилъ отдѣльными номерами (I—XXIV), соединенными въ книжки (числомъ VI), и раздѣлялся на два отдѣленія: 1) отечественныя вѣдомости и иностранныя извѣстія и 2) русская исторія.

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: посланіе къ героямъ, сослуживцамъ ген. Доктурова (I, 62—64); стихи на приближеніе жалованья военно-служащимъ (I, 65—60); стихи имп. Марии Теодоровнѣ по случаю подписки на Рус. „Вѣстн.“ (I, 91—92); стихи на пріѣздъ въ Россію бар. Сакена (I, приб. VIII—X); стихи сыну и внуку гр. Платова, при отправленіи „Рус. Вѣстн.“ (II, пр. IX и X); надпись къ портрету Я. И. Булгакова (III, приб. XXIII); посланіе къ дѣтямъ И. Г. Морозова (III, приб. XXIV); посланіе къ Н. Фемму, при отъѣздѣ его на Донъ; посланіе къ Н. В. Лангеру, при сообщеніи ему портреа Головинна (IV, 107—112); стихи на обрученіе в. к. Николая Павловича съ Александрою Теодоровной (VI, 99—101); стихи въ день ихъ бракосочетанія (VII, 3—5);

стихи на смерть гр. П. Ал. Строганова (VII, 29—33); буря, подражаніе Пльнад (подп. моск. жат.) (VIII, 66—67); стихи на высочайшій указъ 25 августа 1817 г. (IX, 5—8); стихи при чтеніи устава с.-нб. общества, основаннаго въ 1813 г. для пособія разореннымъ войной 1812 г. (IX, 8—12); стихи на день рожденія имп. Маріи Теодоровны (X, 12—13); благотѣльницѣ бѣднаго семейства (XI, 64—65); посланіе къ Н. И. Гречу по возвращеніи его изъ-за границы (XI, 85); стихи на день рожденія имп. Александра I (XII, 73—74).

Ф. Глинка: къ душѣ (XI, 14—25).

Н. Шатровъ: посланіе друзьямъ въ 1 день 1817 г. (I, приб. X—XVIII); на кончину М. Ст. Ловагина (XII, 51—55).

И. Ивановскій: посланіе къ брату Н. А. И. въ Бессарабію (I, 30—34).

М. М—ъ: стихи на пребываніе Государа въ Кіевѣ (I, 52—56).

Свящ. села Болышики (испр. над.): отечественный герой (Н. Н. Раевскій) въ семействѣ поселянъ своихъ (II, приб. XVII).

Неизвѣстнаю: стихи ген.-маіору Г. А. Игнатьеву (II, приб. XXX).

Печеръ: сестрѣ моеѣ въ день ея рожденія; стихи, поднесенные трехлѣтней сироткою ея бабушкѣ, утѣшеніе за добродѣтели къ К. И. Д. С...ой (III, приб. XXXIV—XXXVIII).

К. Батюшковъ: переходъ черезъ Рейль (III, приб. XXXVIII—XLV).

И. Морозовъ: изображеніе вел. кн. Николая Павловича по случаю шестилѣтія его черезъ мѣстечко Смѣлое въ Новороссійскій край 4 іюня 1816 г. (IV, приб. 86—99).

Н. Полевой: воспоминанія о трехъ достопамятныхъ годахъ по случаю торжества сего 1817 г. о взятіи Парижа (IV, 113—119) изъ Курска; хоръ во славу имп. Александра, съ франц.; чувства курскихъ жителей по случаю прибытія въ Курскъ гр. Баргала де-Толли (VIII, 89—93).

Арх. Родзянко: потомство (VI, 83—87).

Д—й Л—ъ: на смерть подполковника Горштейна (X, 84—85).

А. Ивановскій: въ альбомъ 12-лѣтней В. П. К. А. (XII, 20—21).

В) Прозаическія статьи.

1. *Отечественныя вѣдомости.*

Усердіе къ отечеству Н. Н. Муравьева (I, 1—13), С—ъ (II, приб. XXV—XXIX).

О профессорѣ Моск. унив. Хар. Анд. Чеботаревѣ (I, 13—24).

Благотѣльный московскій житель, А. И. Б—въ (I, 25—30); переписка по этому поводу (II, приб. XVIII—XXIV).

Добродѣтели ливландцевъ, П. К—въ (I, 34—38).

Подвигъ капитана Г. М. Михайлова въ заграничную войну (I, 39—41).

Памятникъ признательности къ ген. Дохтурову (I, 57—62).

Воинское празднованіе въ Смоленскѣ, А. Ивановскаго (I, 98—104).

Воинское празднество въ Новочеркасскѣ, Н. С—й (I, приб. III—VI).

Двѣнадцатое число 1816 г., Н. С. (I, VI—VIII).

Жизнь и военные подвиги ген.-маіора И. К. Краснова 1-го (II, 3—27).

Донскія извѣстія (II, III, IX; IV, 99—106; X, 47—63); подвиги ген. Дм. Сер. Дохтурова (III, 3—31).

О генералѣ Моро въ російской арміи (III, приб. XVII—XXII).

Письмо и ваза поднесенныя воспитанниками Горнаго корпуса директору А. Θ. Дерабину (V, 83—90).

Двухлѣтній плѣнь въ Японіи Головинна и спутниковъ его (VI, 5—48).

Праздникъ 9 мая 1775 г. въ Кадетскомъ корпусѣ (VII, 5—9).

Прогулки по Москвѣ (VI, 69—82; VII, 9—12).

Нападеніе Пугачова на заводъ Твердышева (VII, 21—29).

Троекратное плаваніе Рикорда въ освобожденію Головина (VIII, 3—42).

Неутомимая внимательность имп. Маріи Ѳеодоровны къ благотворительнымъ заведеніямъ (изъ „Соперв. Імпер.“) (VIII, 63—65).

Мысли при чтеніи извѣстія объ освященіи храма при Сиротскомъ училищѣ женскаго патріотическаго общества (IX, 19—20).

О новыхъ строеніяхъ въ Москвѣ (IX, 20—27).

Извѣстіе о прибитіи имп. Александра I въ Кіевъ (IX, 93—97).

Жертва благодарности въ день тезоименитства импер. Маріи Ѳеодоровны, II—л II—ва (IX, 97—101).

Пребываніе имп. Александра I въ Москвѣ 1 и 2 октября 1817 г. (IX, 102—109).

Заложеніе храма во имя Христа-Спасителя въ Москвѣ (X, 5—11).

Письмо къ другу по этому случаю, Р. В. (XII, 5—11).

Положеніе праха И. Ак. Тутолмина въ Донскомъ монастырѣ, Ѳ. Захаровъ (X, 14—17).

Отрывки изъ писемъ къ другу изъ Курска о пребываніи тамъ Государя, Н. Полеваго (X, 17—26).

Посѣщеніе Московскаго Воспитательнаго Дома имп. Марією Ѳеодоровною, Ѳ. Захаровъ (X, 78—81).

О тюремномъ Московскомъ замкѣ или острогѣ, Р. Я. (X, 87—91).

Мысли о возобновленіи памятника боярина Арт. Серг. Матѣева (XI, 5—14).

Извѣстіе о врачѣ Троф. Дм. Минаевѣ, К—чъ (XI, 77—83).

Подвигъ священника села Ново-Спаскаго въ 1812 г., Андр. Щукина (XII, 11—15).

Извѣстіе о кончинѣ адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова (XII, 15—19).

Извѣстіе о службѣ и жизни М. С. Ладигина, Н. Шатровъ (X, 62—68).

2. Иностранная извѣстія:

Князь или владѣлецъ, соч. Макиавеля, съ замѣчаніями Наполеона Бонапарте (I 67—98; II, 36—40).

Мысли Наполеона Бонапарте на похищенномъ престолѣ и на островѣ Эльбѣ (III, 31—36).

Письма изъ Италіи въ 1809 году А. М. Данилевскаго (IV, 3—62; V, 3—42).

Нравственное обзорѣніе областей европейскіихъ (VI, 51—60; VII, 34—37).

Текущія иностранныя политическія извѣстія (VIII, 71—77; IX, 31—35; X, 29—34).

Разсмотрѣніе сочиненій на заданную тему Ліонскою академіею (XI, 29—34).

Сообщеніе Шеллибеера о жителяхъ острова Питкэрнъ (XII, 25—34).

3. Библиографія и критика:

Извѣстія о новыхъ книгахъ: бібліотека повѣстей и анекдотовъ, изданная М. Каченовскимъ. М. 1816; Филоктетъ, трагедія Софокла, съ франц. перевода Лагарпа пер. Сер. Ак—въ (С. Т. Аксаковъ). М. 1816 г. (I, 41—52).

О судебномъ вѣстникѣ, въ смыслѣ изданія судебныхъ дѣлъ (II, 28—34).

Извѣстіе о новой книгѣ, подъ заглавіемъ: „Цвѣтникъ избранныхъ стихотвореній“, изд. Побѣдоносцева. М. 1816 г. (II, 34—35).

Мысли при чтеніи краткаго Начертанія военнаго журнала, изданнаго Ф. Глинкомъ (III, приб. III—XVI).

Мысли объ изданіи „Библейскаго Вѣстника“ (IV, 45—56).

Обзорѣніе первой книжки „Военнаго журнала“ (V, 91—98).

Мысли при чтеніи книжки подъ заглавіемъ „Біографія штабъ- и оберъ-офицеровъ гренадерскаго гр. Аракчеева полку“, убитыхъ въ войнахъ 1812—14 гг. (V, 107—117).

Извѣстіе о сочиненіяхъ Ал. Измайлова, подъ заглавіемъ: „Новыя басни и сказки“ (VI, 81—82).

Увѣдомленіе о двухъ новыхъ періодическихъ сочиненіяхъ Фердинанда Орм-Ошменьца (VII, 12—20).

Обозрѣвіе шести книжекъ „Военнаго Журнала“ (X, 64—70).

О драмѣ Н. Сандунова: Отець семейства (X, 71—73).

О переводѣ С. Нечаева Пифагорейскихъ жентъ, соч. Виланда (X, 74—77).

Извѣстіе объ изданіи: Трудовъ Общества любителей росс. словесности при Московскомъ университетѣ; русскихъ достопамятностей, изд. Общ. ист. и древн.; стихотвореній кн. И. М. Долгорукаго (X, 70—76).

Мысли при чтеніи первой книжки журнала Импер. Человѣколюбиваго Общества (VIII, 93—97).

Извѣстіе о сочиненіяхъ К. Батюшкова подъ заглавіемъ: „Опыты въ стихахъ и прозѣ“ (VIII, 97—100).

Отступленіе Петра I изъ Польши и побѣда подъ Полтавою (изъ VII кн. русск. ист.) (IX, 31—38; X, 37—44).

Предварительное извѣстіе о Мнинѣ и Пожарскомъ, по случаю сооружаемаго имъ памятника (IX, 121—123).

4. *Отдѣленіе I. Русская исторія:*

Предувѣдомленіе царствованія Θεодора Ивановича (I, 7—24; II, 5—32) (изъ VI тома русск. исторіи).

Борисъ Годуновъ (III, 89—90) (оттуда же).

Дополненіе къ введенію въ русскую исторію и мысли (IV, 65—84).

Отрывки историческіе: изъ царствованія Алексѣя Михайловича (V, 61—65).

Добродѣтели и человѣколюбіе іеромонаха Ефрема, шестаго строителя Саровской пустыни (V, 65—68).

Дополненіе къ жизни Владиміра Мономаха (VI, 61—65).

Подвиги преосвященнаго Тихона Воронежскаго (VI, 65—77).

Мысли при обзорѣннѣ зависошь касательно російской исторіи импер. Екатерины II (VII, 41—47).

О Ярославѣ, соч. проф. ярославск. Демидовскаго училища Шмидта (VIII, 42—62), пер. Нв. Беръ.

Первый походъ царя Алексѣя Михайловича (VIII, 77—86).

Дѣйствія Петра I въ предѣлахъ Турціи (изъ VII тома русск. ист.) (XI, 37—62).

Пребываніе Петра I въ Парижѣ (изъ VII тома русск. ист.) (XII, 37—42).

Письмо далматское къ Екатеринѣ II, Стефана (изъ итал. книги) (XII, 43—46).

Дальновидность Екатерины II-й (XII, 49—51).

1818 годъ.

Римскія цифры соотвѣтствуютъ слѣдующимъ номерамъ, нѣмѣющимъ отдѣльную нумерацію страницъ: I=№№ 1 и 2, II=№№ 3 и 4, III=№№ 5 и 6, IV=№№ 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14, V=№№ 15, 16, 17, 18, 19 и 20, VI=№№ 21—24.

Вѣстникъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) отечественныя вѣдомости и иностранныя извѣстія; 2) семейственное чтеніе.

A) *Стихотворенія.*

С. Н. Гамка: торжество смиренія (I, 45—46); поученіе престарѣлаго Товита юному Товію (I, 50—52); стихи на новій годъ императору Александру I (I, 59—60); стихи Н. Н. Муравьеву, по случаю полученія Анны I-й степени (I, 67); Моисей на горѣ Синайской (II, 53—57); стихи на отъѣздъ въ чужіе края Михаила Павловича

(III, 63—65); представлення изъ Священнаго Писанія: Авраамъ и Исаакъ (IV, 53—62); стихи имп. Маріи Феодоровнѣ по случаю подписки на „Русск. Вѣстн.“; стихи въ день крещенія вел. кн. Александра Николаевича (IV, 181—184); пѣснь Екатерины II (V, 13—23); англійскій путешественникъ Мунго Паркъ на берегу рѣки Нигера; пѣсня (V, 101—112); стихи на прибытіе въ Москву прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III-го (V, 159—161); на смерть гр. Л. К. Разумовскаго (VI, 100—103).

Ф. Н. Глинка: переводъ 87 псалма (IV, 83—84); лучший край (IV, 92—96); гимнъ величію и всемогуществу Божьему (V, 140—146).

Н. Шатровъ: подражаніе псалму 36 (I, 13—20); осень 1816 г., посланіе князю П. М. Долгорукову (I, 21—28); переложеніе псалма 32 (II, 32—35); въ память Н. П. Николаева (II, 89—90); подражаніе 28 псалму (III, 10—14); пѣснь христіанину, увѣнчанному славою причащенія божественныхъ тайнъ (III, 22—30); спасибо (III, 74—78); русскому генералу (IV, 38—44); Надежда, басня, къ Софьѣ (IV, 85—92); подражаніе 81 псалму (IV, 121—125); маленькому Бенкендорфу (IV, 125—129); посланіе къ Маслову (V, 81—92).

Ст. Масловъ: къ Шатрову въ отвѣтъ на его посланіе (V, 92—98).

Н. Грамотинъ: на избраніе С. П. Татищева костромскимъ губернскимъ предводителемъ (II, 56—58).

Н. Смирной: на кончину гр. М. Ив. Платова (II, 39—41).

А. Ивановскій: посланіе къ барону К. К. А. (III, 67—70).

Безъ подписи: стихи къ памятнику Минина и Пожарскаго (III, 78).

К. Р. Дей: весна (IV, 153—155).

Безъ подписи: ген. Ник. Март. Снягину, въ день его обрученія съ М. Вас. Всеволожскою, отъ сослуживцевъ (V, 129—131).

Ав. Ифилоеровъ: спасителю Бухареста (VI, 96—99).

В) Статьи прозаическія:

1. Статьи историческаго содержанія:

а) По русской исторіи:

Содѣйствіе патриарха Гермогена, архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына въ подвигахъ Минина и Пожарскаго (I, 5—13).

О московскомъ митрополитѣ Платовѣ, И. С. Снегиревѣ (II, 15—31).

Воспоминаніе о Н. П. Колеватѣ, читано С. А. Масловымъ (II, 85—89).

Проществіе 1770 года (изъ VIII т. русск. ист.) (IV, 5—38).

Подвигъ гр. Платова подъ Измаиломъ 11-го декабря 1791 г. (IV, 119—121).

О военныхъ русскихъ анекдотахъ, особенно войны 1812 г., А. Писарева (IV, 141—157).

Милосердіе императ. Петра I-го (IV, 167—181), А. Ивновскій.

Путешествіе Екатерины въ Таврическую область (изъ VIII т. русск. ист.) (V, 5—12).

Проществія отъ начала второй Турецкой войны до взятія Очакова (оттуда же) (V, 63—81, 115—128).

б) Иностранная исторія:

Покореніе Гренады испанцами (I, 31—40).

Текуція политическія извѣстія (II, 45—50).

Послѣдніе часы жизни Людовика XVI, изъ франц. сочиненія (III, 33—48).

Взятіе Константинополя Магометомъ II-мъ (IV, 47—50).

Мысли Людовика дофина, отца Людовика XVI (изъ книги „Жизнь дофина, сына Людовика XV“) (IV, 99—103).

Краткая выписка изъ франц. книги: „Исторія Порты Оттоманской“ (IV, 135—137).

с) Отечественныя вѣдомости:

Гласъ сердечной благодарности по случаю посѣщенія имп. Марією Θεодоровною Московскаго Воспитательнаго дома, П. М. Серд—ая (I, 60—62).

Замѣчанія о Персіи и ея жителяхъ, изъ письма къ бар. Аму, Григорія Иванова (I, 58—71).

О погребеніи гр. Матв. Иван. Платова, П. Но—въ (II, 75—82); поминки Платову въ Донскомъ монастырѣ (82—85).

Открытие памятника Минину и Пожарскому (III, 5—9).

Изъявленіе признательности особами царскаго дома, по случаю смерти Г. Андр. Глинки (III, 15—22).

Извѣстіе о рѣчи и лекціи г. Хавскаго (IV, 184—187).

О губернскомъ тюремномъ замкѣ (V, 164—179) Л. О. Д.

Посѣщеніе имп. Александромъ I-мъ дома, гдѣ жилъ гр. Платовъ (VI, 5—6).

Коли Богу податъ, такъ и въ окно подастъ, Ив. Снегиревъ (VI, 7—9).

Письма короля Прусскаго И. Г. Морозову за поднесенныя сочиненія (VI, 37—39).

2. *Прозаическія статьи, не относящіяся къ беллетристикѣ:*

Мысли о силѣ Священнаго Писанія (II, 90—93).

Сила ученія и вѣры, выписка изъ рѣчи Ф. Н. Глинки въ обществѣ гвардейскаго штаба о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ (IV, 65—82).

Плаваніе по Нѣмецкому морю, отрывокъ изъ записокъ морскаго офицера Вл. Броневскаго (VI, 10—20).

3. *Библиографическія и вообще замѣтки о книгахъ:*

Увѣдомленіе о книгахъ: „о наследствѣ завѣщательномъ, родственномъ и выморочномъ“, соч. П. Хавскаго; о журналахъ: „Соревнователь“ и „Благонамѣренный“ (III, 71—74).

Мысли при чтеніи 5-го изданія сочиненій И. И. Дмитріева (VI, 77—79).

Переводъ кн. П. Шаликовымъ новыхъ повѣстей г-жи Жанлисъ (VI, 85—86).

Мысли при чтеніи словаря русскихъ синонимовъ, изд. П. Калайдовичъ (VI, 87—91).

О книгѣ „Алфавитные списки домамъ всѣхъ частей гор. Москвы“ (VI, 92—96).

1819 годъ.

Римскія цифры соотвѣтствуютъ: I—№№ 1, 2, 3 и 4, II—№№ 5, 6, 7 и 8, III—№№ 9 и 10, IV—№№ 11 и 12, V—№№ 13 и 20, VI—№№ 21 и 22, VII—№№ 23 и 24.

Вѣстникъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій: I) отечественныя вѣдомости и иностранныя извѣстія и II) новое дѣтское чтеніе, или вечера добраго отца семейства.

A) *Стихотворенія:*

О. Н. Глинка: атаману Ал. Карп. Денисову, при доставленіи ему кн. „Жизнь Суворова“ (II, 59—60).

Сила благотворенія, посв. имп. Маріи Θεодоровнѣ (VII, 89—92).

М. Бестужевъ-Рюминъ: истинный герой (IV, 79—82).

И. Снегиревъ: снѣгъ счастья и удивленія, подражаніе г. Поле (II, 56—57).

А. К.: надгробная гр. Платову (II, 51).

И. Поттовъ: Святославъ въ дружинѣ предъ сраженіемъ при Коростенѣ (II, 58—59).

А. Ивановскій: стихи на кончину королевы Виртембергской (V, 129—132).

B) *Прозаическія статьи:*

1. *Статьи историческаго содержанія:*

а) Собственно исторія:

Отрывокъ изъ записокъ и замѣчаній о происшествіяхъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ (I, 5—15).

О сдачѣ Москвы, А. М. Данилевскій (II, 5—24).

О пребываніи русскихъ въ Парижѣ, А. М. Данилевскій (III, 5—44).

Краткое жизнеописаніе ген.-лейт. Гр. Ив. Глазенапа, сообщ. (IV, 5—16).

Возраженіе на мнѣніе французскихъ издателей „Минервы“ о Екатеринѣ II-й (VII, 57—67).

b) Отечественныя извѣстія:

Письмо къ другу о губернской тюремной ямѣ, Л. О. З. (I, 16—19).

Приглашеніе и уставъ общества учрежденія школъ по методѣ взаимнаго обученія (II, 25—37).

Описаніе поминковъ по гр. Платовѣ въ С.-Петербуржѣ, Н. Смирной (II, 47—50).

Рѣдкій примѣръ сыновней любви, П. М. Сердобинская (II, 52—56).

Письмо о колоколѣ, вылитомъ купцомъ Богдановымъ (III, 61—69).

Приглашеніе смоленскаго губернатора бар. Аша къ отысканію и представленію старинныхъ документовъ (III, 69—79).

Письмо смол. губернатора о подпискѣ на „Русскій Вѣстникъ“ и отвѣтъ издателя (V, 67—80).

Кочина Н. Н. Бавтышъ-Каменскаго (VII, 5—16).

c) Статьи изъ иностранной исторіи:

Замѣчаніе на письмо изъ Парижа, изданное по выходѣ изъ Франціи саперныхъ войскъ (I, 23—29).

Выписка изъ новаго сочиненія г-жи Жанлисъ, подъ заглавіемъ „Словарь“, заключающій въ себѣ картину двора, общества и словесности XVIII столѣтія (V, 57—61; 83—88).

Выписка изъ книги, изданной въ Парижѣ въ 1819 г. „Жизнь Іакова II-го, короля англійскаго“ (VI, 51).

Мысли по случаю швейцарскихъ переселенцевъ въ Южную Америку (VII, 19—27).

2. *Статьи относящіяся къ беллетристикѣ:*

Мелкія статьи въ прозѣ: жертва усердія и благодарности въ день тезоименитства имп. Маріи Феодоровны; чувствованія дѣтей при возвращеніи матери; любовь къ родителямъ; воспоминаніе о любезной моей подругѣ; письмо къ сестрѣ моей; польза наукъ, К—на Побѣдоносцева (III, 47—64).

Прогулка на Прѣсенскихъ прудахъ 23 мая 1819 г., Л. М. З. (III, 94—97).

Нѣсколько замѣчаній для воспитателей, С. Нечаева (V, 11—24).

Сила вѣры, или спасеніе крестьяниномъ образа Св. Николая, со стихами, А. И. (V, 133—136).

Статья воспитанницъ Екатерининскаго института: чувствованія дѣтей при возвращеніи матери, Кат. Побѣдоносцева; о безсмертіи души, Кат. Глинская; сравненія ц. Іоанна Васильевича съ Петромъ Великимъ, Над. Раевская; нашествіе татаръ на Россію, Кат. Побѣдоносцева; сравненіе жизни человѣческой съ четырьмя временами года, Александра Спасская (VI, 5—47).

Отдѣлъ II. Дѣтское чтеніе:

Приключенія Робинзона Крузе, или слѣдствіе непослушанія и легкомыслія и торжество семейственныхъ добродѣтелей (I, 9—128).

Телемакъ въ пользу воспитанія (II, 5—114).

Восточный пустынный, или торжество великодушія, мужества и благодарности; драматическое повѣствованіе (IV, №№ X и XII, 5—64).

Вельмина, или дѣттокъ никогда не удающій (V, 91—105).

Историческое повѣствованіе: Фокіонъ, или неизмѣнный сынъ отечества (V, 111—125).

Мелкіе рассказы: благодареніе никогда не пропадаетъ; души величественныя умѣютъ

обуздивать гнѣвъ свой; можно быть счастливымъ во всѣхъ состояніяхъ; любите отомщать благодѣляющимъ (V, 139—146).

3. Критика и библиографія:

Извѣстіе о книгахъ: новое изданіе сочиненій Я. Б. Княжнина; записки морскаго офицера Вл. Броневскаго; военный словарь, изданный Тучковымъ; древніи русскіи стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ (II, 37—44).

Извѣстіе о новыхъ книгахъ: подарокъ русскому солдату, соч. Ф. Глинки; новый пантеонъ отечественной и иностранной словесности, изд. Побѣдоносцева; генеалогическія, хронологическія и синхронистическія таблицы русской исторіи, изд. Филлистри; о распознаваніи и лѣченіи геморроя, или почечуя, соч. д-ра Витта; военный журналъ, издаваемый при гвар. генер. штабѣ (III, 83—94).

Извѣстіе о новыхъ книгахъ: Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, повѣсть, соч. Ф. Глинки; 3 часть записокъ морскаго офицера Броневскаго; продолженіе пантеона отечественной и иностранной словесности; сочиненія кн. П. И. Шаликова; переводы въ прозѣ В. Назмайлова (V, 25—54).

Извѣстіе о новыхъ книгахъ: о средствахъ сберечь глаза и зрѣніе, изд. для народа Ф. А. Гильдебранда; памятникъ друзей Н. П. Николаеву (VII, 31—49).

О поэмѣ „Материнская любовь“, соч. г. Мильбуа, пер. Д. Г. (VII, 67—70).

1820 годъ.

„Русскій Вѣстникъ“ явился подъ заглавіемъ: „Новое Дѣтское Чтеніе“, въ XI книжкахъ. Въ нумераціи страницъ по отдѣленіямъ такая путаница, что ихъ точно обозначить невозможно.

А) Стихотворенія:

С. Н. Глинка: торопитесь дѣлать добро, или Суворовъ подъ Варшавою, драматическій анекдотъ (II, 51—60); стихи И. И. Дмитріеву по случаю подписки его на „Русскую исторію“ (II, 61—62); стихи имп. Маріи Θεодоровнѣ по случаю подписки на „Русскій Вѣстникъ“ (II, 99—101); маскарадъ, правоучительное зрѣлище (III, 43—63); путешественникъ, или исправленное самозванство, правоучительное представленіе, въ стихахъ (VIII, 4—42); стихи въ память М. М. Снегирева (VIII, 72); Ватеръ, или сила правоты и ненадежность хитрости, восточный драматическій анекдотъ (X, 3—65); посланіе къ А. С. Черепанову, въ благодарность за подаренную табакерку (XI, 47—49).

Л. Р.: желанія 1820 года (I, 14—15).

М. Г.

К. Л.

В. Г.

} благодарныя чувства дѣтей къ матери наставницѣ (I, 16).

Ученикъ Тимковскаго: на смерть проф. Р. Ф. Тимковскаго (II, 69—71).

Ф. Коршъ: въ память А. П. Татищевой (VII, 81—84).

Ел. Васильева: пѣснь благодати, жертва благоговѣнія августѣйшей матери свроть (VIII, 43—44).

Ал. Воробьевъ: кн. П. И. Шаликову (X, 66—69); ему же (70—73).

И. (Троицкая ул.): дѣвцамъ, обучающимся въ классахъ инст. Моск. Восп. доха (VI, 3—10, приб.).

В) Часть прозаическая.

1. Статьи историческаго содержанія:

а) Русская исторія:

Объ адмиралахъ Крузе и Чичаговѣ, бар. фонъ-Штейнгель (IV, 16—24); замѣчаніе издателя (25—26).

Книжна Екат. Роман. Дашкова, С. (V, 5—35).

Извѣстіе о Мих. Матв. Снегиревѣ, М. (VII, 67--71).

Объ обращеніи въ христіанство осетинъ, изъ грузинской газеты, издаваемой въ Тифлисѣ (XI, 7—12).

в) Иностранныя извѣстія:

Иностранныя текущія политическія новости (I, 19—27; III, 25—35; IV, 35—53).

Самохвалство вольномыслящихъ издателей французской „Минервы“ (III, 69—73).

О прежнемъ просвѣщеніи испанцевъ (IV, 54—57).

Единодушное возстаніе испанцевъ при нашествіи французовъ, отрывокъ изъ „Исторіи о войнѣ Испаніи противъ Наполеона“ (IV, 58—63).

Что удержало англичанъ отъ волненія умовъ во время мятежа французскаго и что влекло къ оному французовъ (IV, 64—69).

Замѣчаніе и разговоръ маркиза Бульи съ Неккеромъ (IV, 70—75).

Обозрѣніе дѣяній и правилъ Мирабо, Лафаета и Сіэса (V, 55—81).

2. Статьи, не относящіяся къ беллетристикѣ:

Отвѣтъ пріятелю на вопросъ: о чемъ я буду писать въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (I, 1—18).

Замѣчаніе о воспитаніи (III, 86—95).

Нѣкоторыя замѣчанія почтенному моему сотруднику въ семейственномъ моемъ заведеніи касательно донскихъ юношей (IV, 5—16).

Гулянье подъ Новинскомъ (IV, 3--5).

Безъ вины виновать, изъ города Б. (IV, 27—31).

Разительные примѣры любви къ отечеству древнихъ, съ лат. Гр. Щировскій и В. Николаевъ (VII, 77—80).

Письмо къ подругѣ о необходимости знанія отечественнаго языка, проф. Тимковскаго (VIII, 45—58).

О просвѣщеніи римлянъ, изъ лекціи проф. Тимковскаго (VIII, 59—66).

Выписка изъ рѣчи проф. Сандунова о необходимости знать законы гражданскіе и проч. (VIII, 73—79).

Переводы, приготовленные для Г. Р. Державина, писемъ Плинія Младшаго, П. Львовымъ (IX, 3—53).

Письмо объ „Исторіи словесности російской“, Тат. Тимковской (IX, 54—72).

Письмо изъ Москвы о причинахъ учрежденія больницъ, богадѣленъ, тюремъ, смирительныхъ домовъ и о нынѣшнемъ состояніи моск. богоугодныхъ заведеній, С. Т. Б. (IX, 73—87).

Новое учрежденіе въ Россіи почтовыхъ экипажей на образецъ длижансовъ, изъ „Отеч. Зап.“, издав. Свиньиннымъ (XI, 18—29).

3. Библиографія и критика:

Извѣстіе о книгахъ: начертаніе жизни и дѣяній московскаго митрополита Платона (II, 63—68); опытъ словесности, В. Измайлова (II, 72—73); увѣдомленіе о 4-й части „Пантеона отечественной и иностранной словесности“, изд. Побѣдоносцева (II, 77—83); опытъ о временчисленіи, В. Р. Штейнгеля; мысли при чтеніи первой книжки „Новаго магазина естественной исторіи, физики и проч.“, издаваемого И. Двигубскимъ (II, 84—96); извѣстіе о новомъ переводѣ Деллева дифирамба „Безсмертіе души“, изд. А. Писаревымъ (III, 20—24); энциклопедическое обозрѣніе наукъ и проч., соч. проф. Удѣриха, И. (XI, 38—40).

Предварительныя разсужденія о необходимости изученія отечественнаго слова и разсмотрѣніе второй оды Ломоносова относительно къ изобрѣтенію (XI, 30—37).

Отвѣтъ издателя „Русскаго Вѣстника“ на письмо замоскворѣцкаго жителя, помѣщенное въ VII кн. „Благонамѣреннаго“ (V, 85—95).

Отвѣтъ на укоризни, ділаемыя мнѣ въ томъ, что исторія моя во многомъ несогласна съ исторіею Н. М. Карамзина (VII, 85—88).

О прекращеніи „Русскаго Вѣстника“ (XI, 3—6).

Отдѣленіе II. Дѣтское чтеніе.

Сельскій день или полевное препровожденіе времени (I, 9—91): это—краткое описаніе явленій и произведеній природы.

Нѣкоторыя происшествія и нравственность, почерпнутыя изъ книгъ Священнаго Писанія и изъ книгъ духовныхъ (стихами и прозою; 7—48); сюда входятъ статьи: сотвореніе міра и человѣка (стихи); убійство Авеля (стихи); Моисей; Моисей на горѣ Синайской (стихи); Вавила и три отрока; Анфимъ, правитель Ниневидін во время голенія Діоклетіана, исторія Руфи (стихи).

Плутархъ для воспитанія:

Краткое обзорѣніе нравственной части сочиненій Плутарка, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній (III, 5—15).

Тезей, Ромулъ, Нума-Помпиль, Ликуръ, Солонъ (VI, 9—72).

Валерій Публикола, Фемистокъ, Фурій Камилъ, Периклъ, Фабій Максимъ (VII, 5—73).

Замѣчаніе на оду „Счастіе“, сочиненную Ж.-Бат. Руссо и переведенную Ломоносовымъ, или разсужденіе о томъ, въ чемъ состоитъ истинная слава (V, 37—51).

ПРИБАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Перечень статей, помѣщенныхъ въ „Сынъ Отечества“, издававшемся Н. Гречемъ съ 16 октября 1812 года по 1816 годъ.

А) Стихотворенія съ 1812 по 1816 годъ.

1. Поэты, помѣщавшіе свои стихотворенія съ 1812 года:

Державинъ.—1812: надпись къ портрету Витгенштейна и эпитафія завоевателю (1, 253—254); 1813: на отъѣздъ императрицы Елизаветы Алексѣевны для свиданія съ императоромъ Александромъ (10, 252—253); 1814: тлѣніе и нетлѣніе (11, 122); на отъѣздъ вел. кн. Николая Павловича и Михаила Павловича (12, 31—32); сочинительницѣ стиховъ къ Фантазіи и на смерть подруги Бѣлышевой (12, 154); на покореніе Парижа (14, 95—98).

Крыловъ.—1812: басни: волкъ на псарнѣ (1, 81—82); обозъ (2, 46—47); ворона (11, 87); 1813: крестьянинъ и змѣя (9, 43); 1814: бумажный змѣй и мотылекъ (11, 78); человѣкъ и тѣнь (12, 206); троюженецъ (15, 23—24); любопытный (17, 69); 1815: клеветникъ и змѣя (21, 179—180); Тришкинъ кафтанъ (23, 24); туча (23, 109).

Ив. Ковалько.—1812: солдатская пѣсня (1, 45—46); ода на бѣгство Наполеона отъ Малоярославца (1, 222—224); 1815: пѣсня русскаго солдата въ походѣ 1815 г. (22, 57).

Н. Остолоповъ.—1812: лирическая пѣсня при извѣстіи о кончинѣ Багратіона (1, 79—81); 1813: моя молитва (3, 200—201); на погребеніе Кутузова (пріб. № VIII, 1); лирическая пѣсня при извѣстіи о новыхъ побѣдахъ (7, 207—208); 1814: Петръ и Александръ въ Парижѣ (15, 23).

А. Востоковъ.—1812: къ россіянамъ, дифирамбъ (1, 168—172); прощаніе съ 1812 годомъ (2, 183—184); 1813: россійскія рѣки (3, 45); ода на день восшествія имп. Александра I-го 12 марта 1813 г. (4, 229—234); 1814: гимнъ Немезидѣ (11, 19—20); къ дочерямъ премудрости (12, 104—105); на возвращеніе имп. Александра въ Россію (15, 118—119).

Анна Волкова.—1812: стихи къ Витгенштейну (1, 172—173); чувствованія россіянки, возбужденныя побѣдами россійскихъ войскъ (11, 131—134).

Гр. Дм. Хвостовъ.—1812: освобожденіе Москвы (1, 174—175); Кубрѣ 1812 г. (2, 47—48); 1813: на побѣду при Лейпцигѣ (10, 253); на присягу испанцевъ въ Сарскомъ селѣ (5, 343); 1814: на отъѣздъ изъ С.-Петербурга вел. кн. Николая и Михаила Павловичей 5 февраля 1814 г. (11, 251—252); на возвращеніе ополченія (12, 154); на случай испытанія воспитанниковъ въ училищѣ глухонѣмыхъ (12, 247); къ А. А. П. (Писареву) на побѣду подъ Парижемъ (13, 60—61); псаломъ XI (18, 267); 1815: на вторичное вступленіе союзныхъ войскъ въ Парижъ (24, 93—94).

Ив. Ламанскій.—1812: ода на освобожденіе Москвы (1, 217—222).

Язвинскій.—1812: стихи, написанные по прочтеніи извѣстія фельдмаршала Кутузова, изъ г. Ельца (1, 248—249).

Н. Ильинъ.—1812: солдатская пѣснь (1, 251—253).

Маринъ.—1812: ода на побѣды надъ врагами (2, 84).

К. (Ярославъ).—1812: молитва раненаго офицера (2, 85—86).

Ф. Кокошкинъ.—1812: на бѣгство Наполеона съ остаткомъ войскъ его (2, 135—136); 1814: къ изображенію безпримѣрнаго во владѣнкахъ Александра I (14, 151); врата счастья (14, 198—200); пѣснь народная русскихъ воиновъ (17, 27—28).

Москвитянка.—1812: стансы (2, 235—236).

Кн. Шаликовъ.—1812: стихи фельдмаршалу Кутузову (2, 279—280); 1814: на пораженіе французовъ подъ Бріенною 20 января 1814 г. (12, 105—106); 1815: надпись къ саду Г. А. К. Р. на Гороховомъ полѣ (24, 26).

Никит. Астафьевъ: пѣснь къ русскимъ воинамъ (1, 127—128).

К. З—скій: ода на пареніе орла надъ російскими войсками при Бородинѣ (1 250—251).

2. Съ 1813 года.

Петръ Корсаковъ (П. К—въ).—1813: пѣснь барда на кончину кн. Смоленскаго (6, 44—46); эпиграмма (6, 253); 1814: отчаяніе Нерона (13, 143—144), отрывокъ траг. Эльхариса и Неронъ, подражаніе Легуве.

Милоновъ.—1813: воззваніе къ Россіи отъ германскаго народа (6, 125); мысли при гробѣ Кутузова (6, 209); 1814: на свиданіе съ А, который считался убитымъ подъ Бородиномъ (14, 196—197); на срѣтеніе Государи въ Казанскомъ соборѣ 14-го іюля 1814 г. (15, 151—152); словоцъ (118—226); 1815: освобожденіе плѣнныхъ (20, 65—68).

Хотяминцовъ: пѣсня солдата арміи гр. Витгенштейна (7, 218).

Эмиль.—1813: эпитафія Кутузову (6, 210).

Б.—1813: посланіе къ Д. В. Д. (авдоду) (7, 209—210).

А. Писаревъ.—1813: стихи на подвиги двухъ смоленскихъ помѣщиковъ, Энгельгарта и Шубна, и на монаршія щедроты, измѣнянны на нихъ (8, 82); 1814: перечень письма къ издателамъ изъ арміи (11, 134—135); вел. кн. Екатерины Павловны, при посвященіи его сочиненія; Н. Н. Раевскому изъ комнаты Вольтера (18, 61—62); 1815: стихи по полученіи повелѣнія выступить въ походъ гренадерамъ 16 марта 1815 г. (21, 140—141); стихи генералу Кутузову на назначеніе его начальникомъ гренадерской бригады (23, 23); экспромтъ въ отвѣтъ на письмо ген. Ермолова (24, 189).

Д.—1813: на побѣду при Лейпцигѣ (10, 47—48); ода на побѣду при Люценѣ (5, 341).

Ал. Аримаковъ.—1813: ода на изгнаніе врага (3, 43—45).

Вас. Пушкинъ.—1813: къ жителямъ Нижняго Новгорода (3, 96—97); 1814: хоръ и народная пѣснь на дворянскомъ праздникѣ 19 мая 1814 года въ Москвѣ (14, 280—283).

Кн. Вяземскій: польскій и многолѣтне на томъ же праздникѣ (14, 280, 281—284).

Вас. Жуковскій.—1813: князю Смоленскому (3, 242—245); 1815: 2-я пѣснь Мессіады: Аббадовна (22, 95—103); пѣснь русскому царю отъ его воиновъ (26, 95—96); молитва русскихъ (26, 96).

В. Б.—1813: эпитафія доброму тирану (3, 245); 1814: праху Н. Н. Бантыш-Каменскаго (13, 61—62).

А. Бунина.—1813: на смерть капитана Р. И. Захарова (4, 299).

Николевъ.—1813: хоръ для польскаго на новнй 1813 г. (5, 95—97); 1814: чувствованія по кончинѣ гр. Гр. Сер. Салтыкова (15, 68).

К. Д. Горчаковъ.—1813: стихи на изгнаніе неприятеля изъ Россіи, посвященны Кутузову (5, 153—155).

А. Измайловъ.—1813: на кончину Кутузова (5, 342); 1814: дѣтя и семь нявекъ, сказка (11, 20—22); горница и мыльница, басня (11, 156—157); надгробіе, М. Ф.

С—ва (12, 150); завѣщаніе Бонапарте (1814, приб. XXXII, 8); басни: котъ и крысы (16, 152—153); два крестьянина и облако (16, 193—194); наслѣдка (16, 194); попугай (18, 107); эпиграммы (16, 241—242; 17, 151); 1815: басни: два человѣка и гладъ (19, 22—23); Яшва поварь (19, 150—151); дряхлый левъ (21, 218); купецъ Молния (22, 20—21); агненокъ и поросенокъ (22, 182); гора въ родахъ (23, 65); соловей и воронъ (23, 160); воробы и овсянки, басня (23, 198); лѣстница (25, 246); эпиграмма (19, 196, подписано И).

3. Съ 1814 года.

В. Каннистъ.—1814: ода о покореніи Парижа (13, 183—185); подражаніе 90 псалму (16, 150—151); стихи на случай мимолетнаго дождя, во время освѣщенія знамени для лейбъ-гвардіи въ день воспоминанія побѣды при Кульмѣ (16, 151); 1815: русскимъ войнамъ (23, 197).

Дм. Глыбовъ (Дм. Гл.—б.—въ).—1814: на незабвенные подвиги россиявъ для освобожденія народовъ (11, 157).

В. К—стъ: эпиграммы (17, 69—70).

Н. Гнѣдичъ.—1814: отвѣтъ на посланіе гр. Хвостова, напечатанное въ 1810 г. (11, 200—201); эпитафія гр. А. П. Строганову, убитому подъ Краснымъ (14, 250); 1815: Иліада, пѣснь XI (25, 217—229, 251—266; 26, 15—24).

Н. Федоровъ.—1814: птица и червякъ (12, 63).

Бѣлышова (воспитанница *Екатерининскаго института*).—1814: на смерть по. друга А. Н. Кр—я (12, 107—108); къ фантази (12, 108—110); отвѣтъ на посланіе Державина (13, 185).

Тимошея Бѣляевъ.—1814: къ старому и новому домамъ въ дер. Ключахъ (12, 238—239).

М. Лобановъ.—1814: ожиданіе вѣстника изъ Парижа (13, 142—143); пѣсня (15, 21—22); ода на прибытіе имп. Александра (16, 116—119); элегія на смерть гр. Строганова (17, 111—112); 1815: посланіе къ друзьямъ (19, 18—22).

*А. С—въ, А. С.—*1814: стихи Александру I на взятіе Парижа (13, 186); пѣсня (15, 21—22); 1815: надпись Н. С. Мартову (20, 68).

*А. Х.—*1814: надпись къ портрету Александра I (13, 224).

П. С—въ.—1814: на проѣздъ Государя Императора (15, 119).

Сем. Боголюбовъ.—1814: эпитафія гр. А. П. Строганову, убитому въ сраженіи подъ Краснымъ (14, 250); кантата на возвращеніе Государя въ С.-Петербургъ (15, 153).

Пав. Вырубовъ.—1814: на вступленіе въ С.-Петербургъ гвардейскихъ полковъ (15, 240—241).

Грамматинъ.—1814: хоръ въ Костромской гимнази 1 іюля 1814, по заключеніи мира (16, 24—25); на смерть одной благородной дѣвицы (18, 105—106).

Ө. Глинка.—1814: солдатскія пѣсни, пѣтя на праздникъ въ Берлинъ (16, 65—67); 1815: зябликъ въ золотой клѣткѣ, басня (24, 57—58).

*Н. Н. Н.—*1814: новый родъ смерти (17, 113); эпиграммы (17, 113); 1815: эпиграмма на кн. Шаховскаго (25, 65); экспромтъ доброй жены, при возвращеніи мужа изъ похода (25, 101).

Д. Поповъ.—1814: надгробная пѣснь Москва на смерть Біона, съ греческаго, размѣромъ подлинника, читана на актѣ въ С.-Петерб. педагогическомъ институтѣ 25 сентября 1814 г. (17, 169).

М. Шулепниковъ.—1814: пѣсня ратниковъ с.-петербургскаго ополченія (17, 195—196).

Ник. Кокошкинъ.—1814: измѣнница, съ англійскаго, Л. Байрона (17, 271).

М. Северинковъ: надпись къ бюсту имп. Александра I (16, 26).

4. Съ 1815 года.

Т.—1815: эпиграфия ген. Дорохову (22, 146).

Степановъ—1815: на выступление гвардіи въ 1815 г. (22, 240—242); *Ан. П. Бувиной*, на отъѣздъ ея въ Англію (23, 240).

1, 14—17.—1815: Наполеонъ на Эльбѣ (22, 242—244).

Арк. Родзянко.—1815: Эней и Анхизъ, отрывокъ 2-й пѣсни Энеиды (23, 59—64).

Кат. Пучкова—1815: А. П. Бувиной, на отъѣздъ въ Англію (24, 26).

Кн. Кат. Урусова.—1815: имп. Маріи Феодоровнѣ, на случай молебствія въ с.-пб. Каванскомъ соборѣ (24, 56).

Кн. М. Долгоруковъ.—1815: Эльфридѣ (26, 97).

Е. Кэницъ.—1815: отвѣтъ на эпиграмму NN (25, 149).

Ген.-м. Койменскій.—1815: къ кабинету Бонапарта (15, 67).

К. В.—1815: пѣснь на день рожденія имп. Александра I, пѣснь на открытіе въ Москвѣ дома російскаго благороднаго собранія (19, 104—106); воробы и овсянка (23, 198).

Н. П.—1815: эпиграмма (19, 196).

И. М.—1815: надпись къ памятнику Пожарскому и Минину (20, 68).

О изъ Во...—1815: свѣтащійся червячекъ и алмазь, басня (20, 126—127).

Пав. Катенинъ.—1815: Наташа (21, 16—19); пѣвецъ (20, 138—139); убійца (22, 143—146); лѣшій (26, 57—60).

Безъ подписи: надпись на мечъ вел. кн. Псковскаго Гавриила (1, 253).

1812: чувстваванія росіянки, возбужденныя побѣдами російскихъ войскъ (2, 131—134); 1813: казацкая военная пѣснь, съ англійскимъ оригиналомъ (6, 83—84); авангардная пѣснь, доставлена изъ главной квартиры (6—306); австрійскій народъ своему государю, съ нѣмецкаго (7, 42—43); пѣсня петербургскихъ жителей на отъѣздъ царицы матушки къ царю батюшкѣ 19 декабря 1813 г. (10, 293—294); 1814: надпись къ портрету Александра I, изъ „Сѣверной Почты“ (14, 98); стихи на послѣднія проществія въ Европѣ (14, 200—201); пѣснь народная (14, 201—207); гласъ дѣтской благодарности къ неизвѣстному благотворителю питомцевъ Новгородской семинаріи (14, 245—249); на всерадостное прибытіе Государя Императора въ С.-Петербургъ, на освѣщеніе С.-Петербурга (15, 154); народная пѣснь (15, 240—241).

1812 годъ.

Прозаическая часть.

Журналъ не имѣлъ опредѣленнаго распредѣленія по отдѣламъ и статьи помѣщались подъ-рядъ, каждая съ отдѣльною нумераціей. Въ видѣ особаго отдѣла помѣщались *новости*, гдѣ излагались извѣстія о текущихъ событіяхъ, и *выписки* изъ иностранныхъ газетъ и *смѣсь*, гдѣ помѣщались анекдоты и болѣе мелкія извѣстія изъ текущей иностранной и русской военной и общественной жизни. Отдѣлъ новостей, какъ слишкомъ дробный и имѣвшій лишь текущій интересъ, мною опущенъ.

Римскія цифры означаютъ части или книги, а арабскія—страницы.

Статьи относящіяся къ эпохѣ французскихъ войнъ:

Объявленіе (декларация) главноком. Бутузова при проходѣ войскъ за границу (II, 276—278).

Приказъ по корпусамъ русской арміи (II, 241—244).

Перечень письма изъ главной квартиры отъ 23 сентября (I, 153—163).

Отрывки изъ письма одного смоленскаго помѣщика къ своему пріятелю 4 и 12 сентября (I, 122).

Перечень письма изъ Москвы въ октябрѣ 1812 г. (II, 41—47).

Письмо кн. Кутузова къ жителямъ Калуги (II, 122—124).
Письмо изъ Мурома, 20 ноября 1812 г.; Вильно, 30 ноября 1812 г. (II, 185—187); изъ Вильны отъ 1 декабря (II, 270—273).

Содержаніе разговора между королемъ Неаполитанскимъ и генер. Милорадовичемъ на аванпостяхъ 29 сентября 1812 г. (II, 99—103).

Письмо къ издателямъ изъ Тамбова о памятникѣ имп. Александру I, А. П.—ъ (II, 32—36).

Приглашеніе объ учрежденіи с.-петербургскими дамами патриотическаго общества, подъ покровительствомъ имп. Екатерины Алексѣевны (II, 16—18); уставъ общества (II, 53—59).

Переводныя:

Громовый ударъ, слова Наполеона о войнѣ съ Англією, д'Ивернуа (II, 18—21).

Письмо французскаго витебскаго коменданта къ виленскому (I, 256—259).

Выписка изъ испанскихъ журналовъ (I, 22—25).

Отвѣтъ на донесеніе французскаго министра иностранныхъ дѣлъ императору Наполеону, читанное, по его повелѣнію, блистательному сенату 8 марта 1812 г. (I, 71—77, 118—122, 207—211; II, 216—223, 258—268) съ франц. изъ „*Journ. du Nord*“ С. I—ва.

Статьи историческія и общаго содержанія:

Гласъ русскаго (I, 47—51).

Посланіе къ русскимъ, А. Куницына (I, 177—185).

Замѣчанія на нынѣшнюю войну, его же (II, 49—53).

Бесѣда русскаго съ соотчичами своими на развалинахъ Москвы, Р.—ъ (I, 225—236).

Отрывокъ изъ письма Г. В. Г. къ другу своему о звѣрствѣ Наполеона (I, 241—244).

О Бонапартѣ, А. Струговщикова (II, 3—8).

Мысли и правила: революція, хищникъ престола, Бонапартъ, Я. (II, 71—83).

О разглашеніяхъ (буллетеняхъ), Ал. П...л...ъ (II, 89—98).

Воззваніе къ жителямъ Москвы еписк. Августина, по случаю полученія пожертвованія въ 20.000 р. отъ членовъ Императорскаго Дома (II, 237—240).

Сравненіе варваровъ XVII и XIX столѣтій (II, 253—258).

Войны и завоеванія французовъ въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій, соч. Коцебу (I, 246—255; II, 8—15, 104—112, 159—167).

Походъ Дарія въ Сянею, соч. Г. Струве (I, 129—145).

Освобожденіе Швеціи отъ тиранства Христіана II-го короля датскаго, Ив. Найденова (II, 143—159).

Переводныя:

Гласъ истинны, статьи изданнаго Арендтомъ на нѣмецкомъ языкѣ въ С.-Петербургѣ (I, 1—16).

Отрывки, переводъ съ нѣмецкаго изъ книги Арендта „*Geist der Zeit*“ (I, 106—112).

Сужденіе о Бонапартѣ, сокращеніе изъ англійскаго сочиненія, появившагося въ 1807 г. (I, 17—22, 51—58, 99—105, 145—155).

Гражданскій катихизисъ, или краткое обозрѣніе должностей испанца, съ показаніемъ въ чемъ состоитъ свобода и кто врагъ его. Напечатано въ Севильѣ въ 1808 г. и роздано по училищамъ (I, 59—67).

Шпага Франциска I-го, объявленіе, обнародованное въ Севильѣ 3 авг. 1808 г., по случаю выдачи испанскимъ правительствомъ Наполеону шпаги взятаго въ плѣнъ французскаго короля Франциска имп. Карломъ V-мъ въ сраженіи при Павіи 1515 г. (68—70).

Изображеніе важѣйшихъ причинъ, побудившихъ испанцевъ къ учрежденію верховной севильской юсти (I, 185—194, 236—245).

Осада Сарагоссы, съ англ. С. Л.—въ (II, 21—33, 112—121, 206—216, 245—253).

Отвѣтъ испанскаго ген. Палафокса Лефевру на предложеніе о сдачѣ (II, 194—206).

Вступленіе въ исторію освобожденія Нидерландовъ, Шиллера (I, 89—99).

Рѣчь скѣпскаго царя Александру Македонскому, пер. изъ Квинта Курція А. Бурцины (II, 189—194).

Исповѣдь Наполеона Бонапарта изъ сочиненія ген. Сарразена: „Confessions du général Buonaparté à l'abbé Maury“. Londres 1871 г. (I, 194—206; II, 59—71).

Рѣчь, говоренная папою Пиемъ VII-мъ послѣднему французскому послу Алькиеру при прощальной аудіенціи въ 1808 г. (I, 163—168).

Наставленіе данное исполнительною директорією гражданину Шереру, главнокомандующему въ Италіи (II, 169—179).

Подвиги русскихъ во время войны: I, 43, 112—117 (отношеніе слугъ къ господамъ), 125—126, 167—168, 216, 244—247; II, 37—39 (событіе подъ Смоленскомъ при отступленіи), 40 (освобожденіе Вышневолода), 43—44, 83, 127—128, 180, 224—226, 233, 273—275 (извѣстіе изъ арміи).

Событія и анекдоты изъ военной жизни французовъ и ихъ союзниковъ: I, 44, 77—78 (объявленіе германскихъ принцевъ, служащихъ въ Россіи, вѣтъ законовъ и сожженіе библіотеки Бутурлина), 124 и 125, 127, 212—216 (живость французскихъ бюллетеней и проч.); II, 44—45 (смерть испанскаго посла при Русскомъ Дворѣ, ген. Пардо де Фагероа), 83 (мѣшкіе Пироне о галлахъ), 125—127, 128—130 (ссылка на каторгу 4-хъ купцовъ въ Нанси за контрабанду), 180—182, 184, 188, 224, 227—234, 268—271, Z; 275, 278.

Библиографія:

Выписка изъ книги: „Hassels statistischer Abriss des Russischen Kaiserthums“ (I, 165—166).

Содержаніе и выписка изъ книги: „Napoleon administrateur et financier“, par d'Uvernois (I, 239—241) страницы перепутаны (II, 137—143).

Программа журнала на будущее время (I, 254—255).

1813 годъ.

Римскія цифры означаютъ части (съ III до X включительно).

Статьи общаго содержанія:

Слова московскаго викарія Августина: 1) въ день тезоименитства имп. Александра I-го (X, 3—24); 2) при годичномъ поминовеніи падшихъ подъ Бородиномъ (IX, 67—73); 3) рѣчь при возвращеніи хоругви московскаго ополченія (IX, 78—81).

Слова при поминовеніи падшихъ подъ Бородиномъ архим. Законноспаскаго монаст. Симеона (IX, 74—77).

Рѣчь при освященіи медалей въ память 1812 г. петер. митроп. Амвросія (IX, 89—91).

Слово въ день воспоминанія объ изгнаніи французовъ калужскаго еписк. Евгенія (X 257—272).

Слово на день рожденія имп. Маріи Θεодоровны вятскаго протоіерея Емел. Левонтьева (IV, 49—63).

Слово на погребеніе Кутузова арх. Филарета (VI, 219—237).

Рѣчь, въ память Кутузова, префекта Смоленской семинаріи игум. Сельвестра (VII, 164—166).

Слово при гробѣ принца Георга Ольденбургскаго, пер. съ нѣм. (IV, 13—19).

Рѣчь о любви къ отечеству проф. Дерптскаго универ. А. С. Кайсарова 12 ноября 1811 (VII, 3—20).

Рѣчи сенатора Бибикова, посвященныя митр. Амвросію (V, 169—177).

Рѣчь еврея Марковича въ Дерптѣ, пер. съ нѣм. (III, 209—220).

Письма Оленина къ архим. Филарету и отвѣтъ его (VII, 219—235; VIII, 3—15).

Грамота пожалованная царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ Козьмѣ Минину (III, 105—109).

Подлинное изображение Петра Великаго (X, 170—173).

Извѣстіе о жизни Платона митрополита московскаго, М. В. (III, 13—18).

Духовное завѣщаніе митроп. Платона (III, 246—251).

Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ: письмо I-е (VIII, 89—97); письмо II (129—139); письмо III (IX, 3—13); письмо IV (IX, 211—234); письмо V (IX, 259—270; X, 24—33); письмо VI (X, 97—105).

Возрѣніе на войну французовъ, въ содѣлѣ съ десятью европейскими державами противъ Россіи 1812 г., со стороны ума, породившаго въ Наполеонѣ исполненскую мысль съ покореніемъ Россіи быть обладателемъ вселенной (III, 49—69).

Размышленія русскаго патриота о быстрыхъ успѣхахъ разрушительной системы французскаго просвѣщенія, Р. Р. (IV, 145—159).

Изложеніе средствъ, употребленныхъ Наполеономъ, для направленія общественнаго мнѣнія въ 1813 г., изъ „Сѣверной Почты“ (V, 71—82; 123—133).

Вліяніе Россіи и Франціи, соч. Коцебу (VI, 179—185).

Общій миръ (X, 235—244).

□ О всеобщей монархіи въ политическомъ и нравственномъ смислѣ (IX, 171—184; 235—241).

Мысли русскаго о конкордатѣ Наполеона съ папою въ январѣ 1813 г., Р—фъ (IV, 281—289; V, 12—19); еще нѣчто о конкордатѣ (V, 317—324; VI, 19—23); еще о конкордатѣ (IX, 12—17).

Французская конскрипція (VII, 29—39; 61—72).

Характеръ войны послѣ французской революціи (VII, 40—44).

Изступленіе французской политики въ XIX вѣкѣ, А. М. (VIII, 33—40; 49—63).

Двадцатое апрѣля, А. М. (69—79).

Вѣрныя союзники Римъ и Сагунтъ, И. Б. (VII, 152—159).

Отрывокъ изъ письма одного путешественника, бывшаго во Франціи (IV, 269—280).

Письмо къ друзьямъ о Бонапартѣ и о нашемъ времени, Г. (X, 217—234).

Арміи-машинъ (X, 290—292).

Система твердой земли или континентальная, Z. (IV, 220—223).

Некрологъ А. С. Кайсарова (VI, 237—240).

Переводныя:

Положеніе Европы въ декабрѣ 1812 г., соч. Меркеля (III, 1—12; 79—85; 109—116; 174—182; IV, 20—27; V, 177—185).

Нынѣшніе замыслы Наполеона, его же, изъ „Зрителя“ (V, 211—215).

Положеніе и надежды Европы, его же (VIII, 183—199; 223—234; IX, 23—33; 55—66).

Значеніе земскаго охраннаго войска въ Германіи, его же (VII, 85—88).

Объ отступленіи союзныхъ арміи къ Швейдницу, его же (VII, 201—206).

Дипломатическія утѣвности имперскаго журнала (Journ. de l'empire) изъ рижскаго журнала Меркеля „die Glossen“ (VIII, 152—160).

Пагубныя слѣдствія континентальной системы, изъ книги Авг. В. Шлегеля: „Sur

le système continentale et sur ses rapports avec la Suede (VII, 114—119, 135—151, 182—194; VIII, 145—152; IX, 92—105).

О всеобщей монархіи, изъ политическихъ наставленій Вимфельда (VIII, 199—203).

Мысли одного писателя о своемъ отечествѣ, съ фр., Ян. Пожарскій (VII, 160—164).

Исторія Голландіи въ новѣйшія времена, переводъ нѣмецкаго предисловія къ посланію бывшаго нѣмецкаго короля Лудовика-Наполеона (X, 106—114, 156—164, 177—189, 273—283), пер. С. Л.

О просвѣщеніи россіянъ, курляндскаго ландрата бар. Шлиппенбаха, пер. съ нѣм. П. И—ъ (IX, 106—114).

Прокламація верховной ювты испанской (III, 157—173).

Бонапарте и импер. Юліанъ, сочин. одного знаменитаго англійскаго литератора (III, 220—232).

Турень и—прости священная тѣнь героя!—и Бонапарте, изъ Life of Buonap. L, p. 46 (IV, 223—226).

Походъ Бонапарте въ Египеть (V, 8—12, 113—121; VI, 51—61, 241—251, 291—301), пер. Ст. Д—въ.

Письмо римскаго императора Леопольда I къ англійскому королю Іакову II, изъ „The Harleian Miscellany“ (VI, 131—137).

Французская клевета на Деліла (VII, 130).

Извѣстіе о главномъ библейскомъ обществѣ въ Лондонѣ (III, 197—199).

Статьи, относящіяся до эпохи французскихъ войнъ:

Воззваніе къ государямъ германскимъ изъ русскаго стана (IV, 195—205).

Обозрѣніе кампаніи 1812 г. съ 12 іюня по 31 декабря (III, 117—141, 183—190, 232—239; IV, 124—129).

Записки, относящіяся къ исторіи войны 1812 и 1813 годовъ, К. В. (IX, 155—165, 185—199, 249—255; X, 34—42, 73—81).

Приступъ къ Лейпцигу (X, 49—57).

Канитуляція Дании (X, 210—216).

Отступленіе французовъ, соч. русскаго офицера, на нѣмецк. яз. напечатанное при главной квартирѣ (III, 26—36, 69—78).

Списокъ взятыхъ въ плѣнъ непріятельскихъ генераловъ (III, 42—43).

Списокъ корпусамъ, составлявшимъ французскую армію въ началѣ войны 1812 г. (III, 257—265).

Списокъ потери французской арміи отъ сраженія при Витебскѣ до битвы при Бородинѣ (III, 266—280).

Взглядъ на плѣнныхъ французовъ въ Россіи (VI, 301—306).

Краткое извѣстіе о жизни и подвигахъ ген.-майора Бульнева (IX, 131—138).

Воспоминанія о Багратионѣ, доставленные врачомъ 2-й арміи Гангартомъ (VII, 175—181).

Кончина кн. Багратиона (IV, 227—228).

Смерть Кутузова (V, 37—43; VI, 208; VII, 85).

Извѣстіе о подвигахъ и службѣ ген. Коновницина (VII, 21—29; IX, 83).

Извѣстіе о генер. Моро, прибывшемъ изъ Америки (VII, 259—260; VIII, 206—207; приб. XVIII, 1—8), Б. В.

Врачъ-благодѣтель, русскій дворянинъ, Ив. Дорое. Гильдебрандтъ, майора Лаврова (VIII, 76—80).

Поднесеніе меча командиру с.-петербургскаго ополченія сенатору Библикову и рѣчь его (X, 58—63).

Спасеніе несчастнаго семейства вдовы Н. П. Бунинной, сооб. Анна Бунина (III, 85—90).

Письмо фельдмаршала Кутузова протоіерею Казанскаго собора, съ препровожденіемъ 40 пудовъ серебра (III, 141—142).

Скромность истиннаго героя: отказъ Кутузова въ написаніи его портрета (VII, 123—128).

Перечень письма русскаго офицера изъ арміи отъ 22 мая (VII, 95—102).

Письма русскаго офицера изъ Кенигсберга въ Москву (IV, 180—182); изъ Берлина (V, 89—91).

Письма русскаго офицера изъ Теплица отъ 17 сентября (IX, 128—129),—изъ-подъ Давцига (170).

Письмо русскаго офицера изъ арміи отъ 18/30 августа 1813 г., соч. Щ. (VIII, 161—163).

Письмо къ N. N. о сраженіи 27 и 29 августа близъ города Теплица, А. Писарева (IX, 49—54).

Подвиги русскихъ гренадеровъ, его же (VII, 51—60).

Посланіе казака Ермолая Гаврильевича къ атаману Платову (V, 185—194).

Письмо изъ Москвы (VI, 61—65).

Москва въ исходѣ 1813 г., М. Макарова (X, 197—201).

Извѣстіе о нынѣшнемъ положеніи Москвы въ февралѣ 1813 г. (IV, 105—117).

Письмо изъ Витебска, С. С. и К. М. (VI, 3—17).

Перечень письма изъ Ковны, пастора Б. (V, 91—93).

Отрывки изъ записокъ виленскаго жителя, Г. Д. (IV, 170—179, 206—219).

Перечень письма, полученнаго изъ Мурома (III, 92—95).

Письмо къ издателямъ изъ Дорогобужа (помѣщикъ Изъединовъ), отст. майора Потѣхина (IX, 14—21).

Письмо изъ Сарепты, Воейкова (V, 251—260).

Врачи въ Курляндіи, изъ книги: „Beiträge zur Geschichte des Krieges im Jahre 1812 u. 1813“, бар. Ф. Шинпенбаха, пер. П. К.—въ (V, 216—229, 260—271; VI, 24—33, 115—122, 138—145).

Присяга испанцевъ, передавшихся отъ Наполеона въ Россію (V, 301).

Освященіе знаменъ Испанскаго Александровскаго полка въ Царскомъ Селѣ 7 іюля 1813 г. (VII, 120—123).

Орденъ подвязки, изъ англійской исторіи Гюма и сочиненій Г. Геммера, Ос. Галицковскаго (X, 64—72).

Переводныя:

Воззваніе къ пруссакамъ (IV, 64—77).

Воззваніе къ нѣмцамъ въ „Виртембергскомъ Мониторѣ“, съ замѣчаніями (V, 194—204).

Манифестъ короля Виртембергскаго (X, 209—210).

Манифестъ императора Австрійскаго (VIII, 104—122).

О приступленіи Австріи къ союзу освободителей Европы, изъ нѣм. журнала (VI, 65—69).

Кампанія 1813 г. до перемірія, изъ книги: „Der Feldzug von 1813, bis zum Waffenstillstand“, соч. Гнейзенау (X, 42—44, 81—86, 165—170).

Военное описаніе театра войны, изъ „Лойда“, пер. —ъ (VIII, 169—182, 209—222).

Характеръ Наполеона, изображенный имъ самимъ (VI, 91—105, 146—159).

Подробное описаніе заговора, оторывшагося въ Парижѣ въ октябрѣ 1812 г. (VI, 77—79, 105—115, 185—191).

- Король голландскій Людовик Бонапарте (VIII, 203—206).
Фридрихъ-Августъ и Саксонія, изъ „Прусскаго Корреспондента“ (VI, 201—206).
О переходѣ англичанъ черезъ Пиренейскія горы (VII, 197—201).
Приказъ фельдмаршала кн. Шварценберга ³/₁₇ августа 1813 г. (VIII, 123—125).
Отлученіе Наполеона отъ церкви папою Пиемъ VII, изъ нѣм. журн. „Der Patriot“, пер. А. Ренненкампфъ (IV, 3—12, 259—269; V, 20—31, 83—89, 134—140).
Новое отлученіе Наполеона отъ церкви папою Пиемъ VII (V, 229—234).
Довнесеніе его велич. королю Шведскому министра Энгестрема (IV, 29—34, 78—89, 119—124, 130—169, 180—188).
Довнесеніе военнаго министра герц. Фельтрскаго Наполеону (V, 31—37, 141—148).
Посланіе короля голландскаго Людовика Наполеона въ законодательному корпусу (V, 57—69).
Разговоръ Наполеона съ австрійск. генер. гр. Бубноу (V, 325—333; VI, 33—37).
Письмо наследнаго Шведскаго принца къ Наполеону (IX, 33—39).
Выписка изъ англійскихъ журналовъ (X, 206—207).
Выписки изъ иностранныхъ вѣдомостей съ замѣчаніями (III, 37—40).
Замѣчанія англійскаго журналиста на вшествіе Наполеона въ Парижъ (III, 147—149); внизу примѣчаніе: „эта колка насмѣшка напечатана въ англійскомъ журналѣ „The Courier“; помѣщаемъ ее въ сокращеніи, пропустивъ некоторыя неблагопріятности“.
Слово на празднованіе мира Пруссіи съ Россією 1763 г., пастора Д. Р. Пургольда въ Магдебургскомъ княжествѣ (VI, 209—237).
Размышленія о послѣдствіяхъ, которыя могли бы произойти отъ покоренія Россіи Наполеономъ, читано въ патриотическомъ обществѣ, пер. съ англ. А. М. (IX, 204—208, 271—281).
Воззваніе кардинала Мори во время благодарственнаго молебствія въ Парижѣ и отвѣтъ на него, пер. Ф. П.—въ (VII, 237—257; VIII, 17—32, 64—75, 99—103, 141—144).
Отвѣтъ русскаго на воззваніе кардинала Мори, Ал. Арс. (IX, 243—248, 283—302).
Рѣчь Великобританскаго принца-регента при открытіи парламента (X, 92—96).
Перечень писемъ изъ Галліи (X, 208).
Дневныя записки дрезденскаго жителя (X, 173—176).
Испанскій генералъ Контрфасъ, изъ англ. журн. (VIII, 234—240).
Характеръ лорда Веллингтона, изъ нѣм. журнала (VII, 194—197).
Смерть и письма адмирала Вильнева (V, 40—43).
Германскій Брутъ, К. D. V. B. (VI, 171—179).
Русскіе анекдоты изъ войны 1812 г.: III, 41—42, 91—92, 150—151, 195—196 (казнь Энгельгардта), 196, 294—296 (Г. Гераковъ); IV, 94—96, 132—134, 182—181, 297—298; V, 37—40 (купецъ Живовъ), 149—150, 194—195, 235, 284—285 (пожертвованія), 341; VI, 81—82 (сибир. гостепрѣимство), 123—128, 160—163, 207; VII, 44—46 (поваръ и кирасиры, М. К—ва), 129 (учрежденіе почтамта), 167—168 (музык. соч. де-Гельда), 258—259; VIII, 41—42 (служба гр. Мусинъ-Пушкина), 164—165 (торжество въ Америкѣ); IX, 81—82 (награды семействамъ Энгельгардта и Шубина), 165 (гр. Остерманъ), 199—203 (Н. П. Титова), М. С. Бирюковъ; X, 205 (письма Е. Фукса къ Платову), 290—293 (глава 6 въ исторіи Отеч. войны).
Анекдоты о Наполеонѣ и его генералахъ, разборъ французскихъ извѣстій (III, 143—147, 149—150, 197, 240—242, 290—294; IV, 35—41, 90—94, 97, 134—136, 290—296; V, 93—95, 150—152, 235—237, 286—287, 338—341; VI, 79—81; VII, 130—131, 209; VIII, 81—83, 166—167 (пѣвннй маршалъ Вавдамъ), 241—246; IX, 39—42.

126—128, 165—170, 208—209, 303—304; X, 44—47, 126—127 (отряди прусскихъ добровольныхъ стрѣлковъ), 131—134, 254—256.

Извѣстія изъ арміи (III, 191—195).

* *Библиографія и критика:*

Биографія Наполеона Бонапарте, генер. Сарразена изъ сочин. „Исповѣдь генерала Бонапарте“ (III, 19—26).

Извѣстіе о книгѣ: памятникъ французамъ, или приключенія московскаго жителя, П. Ж. (Петра Жданова) (III, 280—289).

Отзывъ о „Русскомъ Вѣстникѣ“ (IV, 184—185).

Извѣстіе о книгѣ: краткое повѣствованіе о вторженіи французовъ въ Москву и пребываніе въ оной, Ф. Корбенецкаго, С.-Пб. 1813 г. (V, 271—283).

Отзывъ о книгѣ: разсужденія о войнѣ 1812 г., полк. Чуйкевича (V, 334—338).

Отзывъ о книгѣ: о преподаваніи исторіи относительно къ народному воспитанію, С.-Пб. 1813 г. (VI, 192—201)

Отзывъ и извлеченіе изъ книги: русскіе и Наполеонъ Бонапарте, писано московскимъ жителемъ 1813 г., М. (VII, 73—84, 103—113).

Курьезы во франц. книжкѣ *Coup d'oeil sur la Russie*, Z. (VII, 207—209).

Отзывъ о книгѣ: бичъ Франціи, или коварная и вѣроломная сторона правленія нѣжшаго ихъ повелителя, описанная очевидцемъ-наблюдателемъ, С.-Пб. 1813 г. (IX, 115—125, 139—154); отзывъ по поводу этой книги Фабера (IX, 255—257).

О необходимости составленія исторіи 1812 г. русскими, Меркель (IX, 25).

Извѣстіе о новой книгѣ: опять російской библиографіи, соч. В. Соколова (X, 115—125). •

Къ читателямъ „Сына Отечества“, будущая программа журнала (X, 244—251).

Предувѣдомленіе къ тайной „Исторіи новаго французскаго двора“, перев. съ франц. Г. Г., С.-Пб. 1807 г. (X, 284—288).

1814 годъ.

Римскія цифры означаютъ части (съ XI по XVIII включительно).

Журналъ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ: I) *Литература, науки, художества*, куда входила подробная библиографія всѣхъ выходящихъ книгъ и критическіе отзывы о важнѣйшихъ изъ нихъ (мы не будемъ приводить простаго библиографическаго указанія вышедшихъ книгъ и тѣхъ отзывовъ, гдѣ нѣтъ никакихъ существенныхъ указаній, кромѣ голословнаго указанія хорошихъ и дурныхъ изданій) и II) *Современная исторія и политика*: разсужденія о политическихъ и военныхъ происшествіяхъ, выписка изъ иностранныхъ журналовъ и брошюръ, новѣйшія извѣстія о современныхъ происшествіяхъ. Этому послѣднему содержанію посвящены были особня прибавленія, подъ заглавіемъ „Новости“, выходившія разъ въ недѣлю или болѣе; сверхъ того, въ случаѣ полученія важныхъ извѣстій въ необыкновенные почтовые дни и съ эстафетами, выдавались особне листки подъ заглавіемъ: Къ читателямъ „Сына Отечества“.

Общая статистика:

Слово викарія московскаго Августина: 1) по случаю побѣды при Лейпцигѣ (XI, 3—14); 2) слово предъ молебствіемъ о взятіи Парижа (XIV, 178—188); 3) слово на заключеніе мира (XVI, 211—227).

Рѣчь говоренная при входѣ въ Казанскій соборъ митрополитомъ Амвросіемъ (XV, 155—156).

Слово по случаю торжественнаго молебствія за побѣду, воронежскаго епископа Антонія (XIII, 3—23).

Слово на заключеніе мира, тульскаго епископа Амвросія (XVII, 152—153).

Слово въ день торжества о взятіи Париза, ректора петровзаводскаго духовнаго училища, протоіер. Іос. Ярославова (XIV, 145—150).

Рѣчь при празднованіи о заключеніи мира, рижскаго протоіер. Ник. Загорскаго (XVI, 21—28).

Слово по объявленіи манифеста о мирѣ, послушника курскаго Знаменскаго монастыря кн. Прок. Мещерскаго (XVII, 89—92).

Торжество московскихъ музъ, рѣчь проф. Р. Ф. Тимковскаго (XIV, 3—20).

Жертва сердечныхъ чувствованій, приносимыхъ питомцами музъ свяще благословенному Александру, освободителю и примирителю Европы, читана на актѣ педагогическаго института П. Георгіевскимъ (XVIII, 241—266).

Слово на торжество о заключеніи мира, учителя поэзіи А. Тихомірова въ Калугѣ (XV, 187—145).

Предопредѣленіе счастья и благоденствія Россіи (XV, 175—184).

Предвѣщаніе о славѣ императора Александра (XV, 215—229).

Другъ честныхъ людей, или стародумъ, соч. фонъ-Визина (XVII, 129—140, 177—183; XVIII, 177—179).

Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ: письмо VIII-е (XI, 62—73); письмо IX (97—109); письмо X (XII, 19—30); письмо XI (XVI, 39—54); письмо XII (XVII, 3—17, 49—60).

Допросъ, взятый Мнносомъ съ Наполеонова любимица, Н. Страхова (XVI, 204—209).

Нѣчто объ орденѣ Подвязки, бывшемъ будто бы у боярина Матвѣева, Б. Калайдовича (XI, 15—18).

Обликъ или портретъ вел. кн. Святослава Игоревича въ сочиненіи Льва Дьякова, А. Оленина (XI, 49—60).

Краткое разсужденіе объ изданіи полнаго собранія русскихъ писателей, его же (XII, 3—19).

О серебряныхъ дѣлѣ мастерѣ Парамшинѣ (XIV, 6), П. Строевъ (XI, 239—243).

О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ, его же (XIV, 284—293).

Примѣчанія на древнее состояніе Россіи, взятая изъ введенія въ повѣствованіе о бояринѣ Арт. Сер. Матвѣевѣ, соч. П. Львова (XIV, 129—144, 189—195, 225—244).

Примѣчаніе о древнихъ русскихъ законахъ, его же (XVI, 3—20; XVIII, 17—26).

Письмо изъ Кенигсберга К. Шульца—о рукописяхъ въ кенигсбергскомъ архивѣ, касающихся русской исторіи (XVI, 145—149).

О существѣ солнца, изъ петерб. мѣсяцеслова на 1814 г. Шуберта (XI, 89—96, 149—155).

О нынѣшнемъ состояніи земледѣлія въ Россіи, изъ соч. написаннаго Германомъ въ 1807 г. (XIII, 82—102; XIV, 41—58, 81—94).

Извѣстіе о прибытіи кап. Ченслера изъ Архангельска въ Москву и о пребываніи его въ сей столицѣ, изъ рук. соч. г. Крузенштерна (XI, 177—186).

Путешествіе кап. Головинна на Курильскіе острова, изъ петерб. календаря изъ 1814 годъ (XI, 225—238; XII, 43—52, 98—103).

Наблюденія русскаго въ Америкѣ: описаніе стѣмбота (пароваго судна), П. Свиннына (XVI, 135—144, 175—182).

Переѣздъ мой изъ Франціи въ Англію, его же (XVII, 18—26, 60—62, 102—110, 141—150).

Взглядъ на республику соединенныхъ американскихъ областей, его же (XVII, 253—270; XVIII, 3—17, 41—57, 85—96).

Наружный видъ Париза, изъ книги Цвѣтаева: „Панорама Париза“, М. 1816 г. (XIII, 176—182).

- Воробьевы горы, Н. Страхова (XIV, 309—303).
Статистическія извѣстія о нынѣшнемъ состояніи Москвы (XVII, 86—46).
Перечень письма изъ Москвы, В. К. (XII, 93—98).
Письмо изъ Москвы, Н. Н. (XIV, 273—284).
Письмо изъ Германіи, о вліяніи на нее пребыванія французовъ, VII (XI, 186—193).
Прогулка въ академію художествъ, письмо стараго московскаго жителя (XVIII, 121—182, 162—176, 201—215).
О синонимахъ, Н. Ибр(агимова) (XI, 187—143).
Синонимы: способъ, средство, К(няжевича) (XII, 58—62).
Послѣдняя ночь 1813 г., У. М. (XI, 110—124).
Памятникъ Павлу I-му въ Калмыцкихъ стѣнахъ, Н. Страхова (XVI, 125—126).
Отрывки изъ книги: „Подвиги гр. М. Ан. Милорадовича въ Отечественную войну“, Д. Д. В. (XVII, 241—247).
Некрологъ архитектора Анд. Ник. Воронихина (XII, 231—236).
Извѣстіе о жизни директора Царскосельскаго лицея, В. Ф. Малиновскаго (XIII, 220—223).
Моя чувствованія при воспоминаніи о праведникѣ, врачѣ Трохимовскомъ, Анна Т—я (XIII, 51—59).
Письмо къ землякамъ (XII, 85—93, 131—144, 179—192). *Очень курьезное.*
Машина, изобрѣтенная ниж.-механик. Пуаде-Бардомъ для ввоза судовъ съ грузомъ вверхъ по большимъ рѣкамъ, П. Ш. (XV, 59—66).
- Переводныя.*
- Начертаніе славянской исторіи изъ соч. Шлецера: Allgemeine Nordische Geschichte, пер. Дм. Языковъ (VIII, 160—176, 208—219, 248—255; XIV, 20—30).
О характерѣ русскаго, соч. англійскаго генер. Итона, служившаго въ Россіи (XII, 41—56, 103—108), пер. Сп. Дети.
Соединеніе нравственности съ политикою, изъ соч. Гарве: Abhandlung über die Verbindung der Moral mit der Politik, 1788 г. (XIII, 120—142), пер. К. О.
Разсужденіе объ элегіи, соч. Мальтебрёна, изъ журн. „Spectateur“ (XVIII, 215—225), пер. П. К...въ.
Нынѣшняя литература западной Европы, изъ соч. Меркеля: Ansichte aus der Ferne, въ журн. „Zuschauer“ (XVIII, 58—60, 132—142).
Мысли изъ исторіи, изъ „Geist der Zeit.“, соч. Арндта (XI, 193—199), пер. А. К.
Краткія историческія извѣстія объ ордени іезуитовъ (XVII, 281—283; XVIII, 113—114).
Характеръ древнихъ галловъ и нынѣшнихъ французовъ (XV, 3—16, 97—109, 185—196, 229—240).
Изображеніе Аттилы, изъ соч. г-жи Сталь (XV, 17—21).
Парижскія письма о завоевателѣ (XV, 49—59, 109—117), изъ франц. журн.
Письмо Фенелона къ Людовику XIV, изъ книги Nouvelle vie de Fenelon (XII, 220—230; XIII, 24—28).
Путешествіе англичанина по Норвегіи, изъ англ. журн. (XVI, 183—193).
Рескриптъ Фридриха II, изъ веймарскаго журн. „Nemesis“ (XVII, 152—153).
Успѣхи просвѣщенія во Франціи, пер. изъ Мюзара (XVII, 161—164).
С.-Доминго и стремленіе Франціи къ его покоренію (XVII, 164—168).
Ложный дофинъ, изъ Erinnerungen aus Paris im Jahre 1814 г. А. v. Kotzebue (XIV, 158—164, 253—258; 297—301), пер. К. О.
Содержаніе и выписка изъ книги Mémoires de la Reine d'Etrurie (Маріи-Луизы

Бурбонской, дочери Карла IV, короля испанскаго), écrites par elle même, trad. de l'italien par M. Le Mierge (XVIII, 114—117).

Статьи относящіяся къ современнымъ событіямъ:

Взглядъ на нынѣшнее состояніе европейскихъ государствъ (XV, 79—88; XVI, 122—124, 244—249).

Выписка изъ историческаго обозрѣнія достопамятнѣйшихъ происшествій 1812 г., помѣщеннаго въ С.-Петерб. мѣсяцесловѣ на 1812 г. (XI, 162—168).

Взглядъ на Европу (XVII, 204—209).

Первое января 1813 г. и первое января 1814 г. (XI, 81—86).

30 августа 1814 г. и манифестъ того дня (XVI, 167—169).

Императоръ Всероссийскій и Бонапарте, Уварова (XV, 70—79, 120—127, 157—166).

Александръ I, спаситель отечества и Россіи, Н. Стрхова (XIV, 60—64).

Побѣдоносный Александръ въ Парижѣ, соч. Е. Ф. (XIII, 240—246).

Императоръ Александръ въ Парижѣ (XIII, 156—159).

Описаніе Парижа (XIII, 152—155, 198—201).

Народная война 1812, 13 и 14 годовъ, Р. (XIII, 145—151, 188—192).

Описаніе областей и городовъ, завоеванныхъ союзными войсками во Франціи (XII, 84—86, 66—70, 163—164).

Обозрѣніе Наполеоновыхъ захватовъ (XV, 203—209).

Приказъ имп. Александра I-го 25 декабря 1813 г. (XI, 171—172).

Письмо ген. Милорадовича къ ген.-ад. кн. П. М. Волконскому (XVI, 55—64).

Подвиги русскихъ гренадеръ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, А. Писарева (XI, 39—43).

Письмо изъ арміи, его же (XII, 123—128, 173—177; XIII, 204—206).

Письмо къ издателямъ о подвигахъ гренадерскаго корпуса, его же (XVIII, 65—70).

Письмо русскаго офицера изъ Парижа, 2 апрѣля, А. Б. (XIV, 101—107).

Письмо къ издателямъ изъ Парижа отъ 20 мая (XV, 41—43).

Письмо русскаго къ русскому о вступленіи въ Парижъ, Л. (XVI, 68—81).

Новѣйшія извѣстія изъ Вѣны, Б. В. (XVII, 171—173).

Русская артиллерія, отзывъ ген. Гнейзенау и отвѣтъ на него (XVII, 117—122).

Памятники въ Силезіи (XVIII, 71—74).

Переводныя:

Взглядъ на нынѣшнее время, соч. Меркеля (XI, 36—38).

Политическая картина Европы послѣ Лейпцигскаго сраженія, изъ книги, издавн. въ Лондонѣ: Tableau politique de l'Europe depuis la bataille de Leipsig (XI, 127—133, 209—215).

Истинное понятіе о политическомъ равновѣсіи, изъ книги Fragmente aus der neuesten Geschichte des politischen Gleichgewichts in Europa, von Fr. von Gentz, 1806 (XI, 256—262; XII, 71—76), пер. Еф. Люценко.

О порабоженіи и освобоженіи Европы, соч. Ан. Фейербаха (XII, 242—251; XIII, 30—32, 63—70, 109—112), пер. К. О.

Послѣдніе дни Бонапартова правленія во Франціи, изъ книги: La régime à Blois ou les derniers moments du gouvernement imperial. P. 1814 (XVI, 160—163, 200—204; XVII, 29—35, 72—80).

О Бонапартѣ, о Бурбонахъ и о необходимости возстановить законныхъ государей Франціи, соч. Шатобріана (XIII, 225—240, 274—283; XIV, 31—36); отрывки изъ допленія (XIV, 308—310).

Замѣчанія на Шатобріана, изъ книги Lettera de uno italiano al signore de Cha-
p. 1. 14 (XV, 38—40).

За полгода и через полгода, переменна отношеній къ Наполеону во Франціи, изъ франц. журн. (XVIII, 185—191), пер. К. О.

О новой конституціи, изъ нѣмецк. сочиненія, по „*Conserv. Imp.*“ (XI, 79—83, 168—171, 204—208).

Конституція Франц. королевства (XIII, 193—197); тоже, утвержденная (XIV, 259—270).

Новые французскіе министры (XV, 35—37).

Партии во Франціи, изъ „*Journ des mescontants*“ (XVIII, 75—78).

Требованія французовъ, по парижскимъ журналамъ (XVIII, 150—153).

Слѣды революціи—преступленія во Франціи (XVIII, 153—155).

Воспоминанія о Бонапартѣ, придворной дамы, г-жи Н., изъ „*Ambigu*“ (XIII, 269—273).

Еще сужденіе о Бонапартѣ, изъ фр. журн. (XIV, 107—111).

Замѣчанія о Бонапартѣ въ вѣнскомъ архивѣ географіи, исторіи, политики и тактикѣ (XVII, 40—42).

Последнія напруги, прощаніе и плачь Бонапарта, самоназывавшагося Наполеономъ, переводъ одного изъ парижскихъ памфлетовъ (XIV, 71—76), пер. Ал. Д.

Надгробное похвальное слово Бонапарту, переводъ изъ памфлета: *Oraison funèbre de Buonaparte par une société des gens de lettres*, P. 1814 (XVII, 154—160, 193—203, 237—241).

Бонапартова исповѣдь, изъ памфлета *Le mea-culpa de Bonaparte* (XV, 167—173).

Находка Бонапартова въ Египтѣ, памфлетъ *Découverte de Buonaparte en Egypte*, par S. M. (XV, 81—82).

Знаменитый процессъ о ложномъ разглашеніи смерти Наполеона адмир. лорд. Кокреномъ (XV, 33—35).

Можно ли и должно ли говорить о Бонапартѣ, изъ „*Journ. d. Déb.*“ (XIV, 76—78, 122—124), пер. Т.

Манифестъ франц. народа противъ приверженцевъ прежняго правленія (XIV, 164—170).

О Бурбонскомъ домѣ (XIV, 64—66).

Объ освобожденіи Франціи, соч. марк. де Корголиса (XIV, 304—307).

Нравы французовъ, чистосердovъ, изъ франц. журн. (XIV, 25—30).

Письмо изъ Парижа, изъ франц. журн. (XIV, 67—71).

Рѣчь во франц. законодательномъ корпусѣ депутата отъ гор. Бордо, г. Лена, (XII, 112—119).

Рѣчь сказанная тамъ же членомъ г. Ренуардомъ (XII, 165—173).

Рѣчь сказанная тамъ же гр. Фонтавомъ (XII, 254—259; XIII, 71—73, 118—116).

Изображеніе нынѣшняго состоянія Франціи, читанное въ собраніи депутатовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ абб. Монтескьё (XV, 210—214, 248—251).

Рѣчь франц. министра иностранныхъ дѣлъ принца Беневентскаго въ палатѣ перовъ 27 августа 1814 г., съ проектомъ закона о финансахъ (XVII, 122—127).

Пренія нижней палаты великобританскаго парламента о мирѣ съ Франціею (XV, 128—135).

Рѣчь, говоренная принцемъ-регентомъ Великобританскимъ при распушеніи парламента (XVI, 81—93), пер. К. О.

Англійскій парламентъ (XVIII, 181—184).

Биографія фельдмаршала Веллингтона (XII, 76—80, 119—122, 158—162, 209—214, 251—253), пер. К. О.

Манифестъ короля Прусскаго (XIV, 271—272).

- Будущее состояніе Пруссіи, изъ „Quotidienne“ (XVII, 169—171), Z.
Декретъ короля испанскаго Фердинанда VII-го (XIV, 207—215).
Разсужденіе о нынѣшнемъ состояніи Норвегіи, изъ англ. журн. (XV, 197—202; XVI, 26—34).
Замѣчанія одного депутата на норвежскомъ сеймѣ (XV, 242—247).
Датская политика (XVI, 34—36, 83—84), изъ „Preuss. Congress.“
Американцы и англичане, Aimé Martin изъ „Journ. d. Déb.“, „Journal de Paris“, „Times“ (XVII, 284—292).
Пронсшествіи въ Валенсіи, дѣло бар. Колли, посланнаго изъ Англіи для освобожденія испанской королевской фамиліи (XVIII, 233—238, 275—284).
Благодарность французомъ имп. Александру, соч. барона де ла Перелла (XIV, 112—117), пер. А. Писарева.
Мнѣнія французомъ о русскомъ народѣ и о намѣреніяхъ союзниковъ, соч. Vouard, изъ „Journ. d. Déb.“ (XIV, 218—220).
О походѣ французомъ въ Россію, замѣчанія „Journ. d. Déb.“ на книгу: „Relation de la campagne de Russie“, par Eug. Labaume (XVII, 273—280; XVIII, 33—46).
Планъ Бородинской битвы, составленный Бертье въ лагерѣ близъ Можайска (XVIII, 192—194).
Кавказскій офицеръ, высѣжскій французскаго, истинное происшествіе, изъ берлин. журн. „des Freymüthige“ (XVI, 164—167).

Критика и библиографія:

- Отзывъ Меркеля о книгѣ вышедшей въ С.-Петербурѣ: Eloge funèbre de Moreau (XI, 45—47).
Перечень столичныхъ и провинціальныхъ журналовъ (XI, 22—30, 74—78).
О новой книгѣ, С.-Петербургскій мѣсяцесловъ на 1814 годъ (XI, 144—148).
Письмо въ Лондонъ объ игрѣ Семеновой и о русскомъ театрѣ (XI, 244—251), пер. съ англійскаго.
Письмо Фабера о самовольномъ изданіи перевода отрывкомъ его книги неизвѣстнымъ русскимъ издателемъ, подъ своимъ именемъ (XI, 53—57).
Бесѣда у Пекѣра о содержаніи книжекъ С. От. (XII, 128—131).
Письмо отставнаго придворнаго актера изъ С.-Петербурга въ Петрозаводскъ къ другу его N. N, по поводу „письма изъ Лондона“ (XII, 145—153).
Замѣчанія на письмо отставнаго актера, Пав. Никольскій (XII, 193—205).
Отзывъ о книгѣ: новѣйшая и пространнѣйшая всеобщая географія, М. 1814 (XII, 208—209).
Отзывъ о книгѣ: жизнь Артемія Араратскаго, С.-Пб. 1813 (XII, 65); объясненіе по этому поводу автора (XII, 259—261).
Извѣстіе о выходѣ 4-й части сочиненія Монтескьѣ „о существѣ законовъ“ съ ипписками оттуда (XIII, 256—266).
Представленіе оперы „Савдрильона“ и исполненіе г-жи Семеновой младш. (XIII, 290—292).
Одно изъ чтеній въ Бесѣдѣ любителей русс. слова, А. Т. (XIV, 153—157).
Юаннъ, или взятіе Казани, траг. въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, с. с. Р. Б. (XIV, 203—205).
Французское просвѣщеніе: курьезы изъ книги „Elements d'Hygiene“ par le prof. Etienne Tourtelle, К. К. (XV, 146—151).
Письмо къ И. М. М. А. (Мурав.-Апостолу) о сочиненіяхъ г. Муравьева, изданныхъ по его кончавъ, М. 1810, К. О. Б. А. (XVI, 87—116).

Timoleon der Befreier, ein drammat. Gedicht v. Ernst Raupach, St.-P. 1814 (XVI, 154—156).

Выписка из посланія изъ Саратова В. Д—ва о характерѣ библиографіи и отвѣтъ (XVI, 157—159).

Отзывъ о книгѣ: Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славныхъ мужей, пер. съ греч. Спир. Деступицъ (XVI, 195—196).

Разборъ книги: исторія о Донскомъ войскѣ, Ал. Поповъ, Харьк. 1814, ч. I, II. Строевъ (XVI, 228—241).

Письмо къ издателю: опера Весталка и пѣвица Бенлерова, А. К. (XVI, 249—252).

Письмо къ пріятелю о томъ же, В. Оедорова (XVII, 84—86).

Первое представленіе Антигонны, траг. Капниста, г-жи Семеновою, Гр(ечь) (XVII, 48).

Разборъ басенъ Александра Агажи, Астрахань 1814 г., Н. Сущковъ (XVII, 184—189).

Достопамятныя произшествія всемірной исторіи, соч. Бредова, пер. М. Зубакевичъ (XVII, 235).

Исторія медицины въ Россіи, соч. Вил. Рихтера (XVIII, 29).

О выходѣ новыхъ журналовъ (XVIII, 31—32, 63—65, 149—150).

Разборъ краткой російской грамматики, Д. Д. (XVIII, 97—105).

Письмо къ издателямъ объ обзорѣннхъ журналовъ (XVIII, 110—112), М. Р. М. Н.

Первое представленіе оп. вод. кн. Шаховскаго „Крестьяне или встрѣча незваныхъ“ (XVIII, 118—120), Н.

Взглядъ издателей на критику (XVIII, 145).

Возраженіе историческому, статистическому и географическому журналу относительно книги собраніе стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году (XVIII, 145—149).

Посѣщеніе театра импер. Марією Оедоровною и представленіе оперы Мегюля „Юсифъ прекрасный“ (XVIII, 195—196).

О выходѣхъ одного журнала противъ С. О. (XVIII, 196).

Чтеніе въ Бесѣдѣ и отзывъ, С. Р. (Ст. Русовъ) (XVIII, 229—232).

Разборъ перевода французск. стихотворенія Chant dithyrambique à l'Empereur Alexandre I (XVIII, 270—274).

1815 годъ.

Журналъ состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) литература, науки, искусства; 2) стихотворенія; 3) современная русская библиографія; 4) современная исторія и политика; 5) смѣсь, мелкія статьи которой не приводятся въ перечнѣ. Кроме того разъ въ недѣлю, а иногда и болѣе, выходили прибавленія, подъ названіемъ „Новости“, гдѣ излагались текущія политическія и другія замѣчательныя извѣстія. Римскія цифры означаютъ части, которыхъ въ годъ выходило по осьми (начиная съ XIX ч.).

Статьи общаго содержанія:

Слово о вѣчности, тульскаго еписк. Амвросія (XX, 97—119).

Рѣчи Іоанна Леваиды кievск. митр. Платону и кievск. митр. Самуилу (XXV, 203—207).

Письма изъ Москвы въ Нижній Новгородъ: письмо XIII-е (XIX, 216—228); письмо XIV-е (XXIII, 85—99); письмо XV-е (XXIV, 119—141).

О началѣ, успѣхахъ и паденіи міеологическаго міра и богослуженія древнихъ грековъ, изъ соч. де-Санглена (XX, 3—16, 49—65, 119—125).

Родословный чертежъ поколѣній владѣтельныхъ князей русскихъ, П. Строева (XXVI, 201—219, 242—251).

Биографія П. Из. Ягузинскаго, изъ книги „Дѣянія знаменитныхъ полководцевъ и министровъ въ царствованіе Петра I“, соч. Бантышъ-Каменскаго (XIX, 177—190, 228—235).

Освобожденіе кап. Головинна изъ японскаго плѣна, изъ соч. кап. Рикорда (XX, 137—154, 199—207, 242—252).

Освобожденіе кап. Головинна изъ японскаго плѣна, изъ его записокъ (XXIV, 79—90, 159—175, 199—209; XXV, 3—17, 43—52).

Патриотическое предпріятіе, отправленіе лейт. Коцебу въ кругосвѣтное плаваніе гр. Румянцевымъ (XXIII, 101—114, 218—220).

Извлеченіе изъ журнала путешествующаго кругомъ свѣта лейт. Лазарева (XXVI, 262—265).

Путешествіе въ Бразилію, изъ сочин. спутника Крузенштерна, Ландсдорфа: „*Belegungen auf einer Reise um die Welt in den Jahr. 1803 bis 1807*“ (XXI, 73—84).

Отрывки изъ путешествій П. Свѣньяна: Ніагарскій водопадъ (XIX, 49—59); Гринвичскій инвалиднй домъ для матросовъ (XXI, 3—16); Конгресовыя ракеты и Вулчъ (XXI, 126—138); Гершель (XXI, 213—217); почты и экипажи въ Англіи (XXII, 215—230); обзорніе Британскаго музея и другихъ кабинетовъ въ Лондонѣ (XXIII, 181—196); лондонскіе театры (XXIV, 5—25); Ньюгетская тюрьма и эшафоты (XXVI, 3—12).

Краткое обзорніе Бессарабіи и части Молдавіи, присоединенныхъ въ Россійской имперіи, П. Шабельскій (XXI, 33—40, 117—126, 197—213).

Свѣдѣнія о прекращеніи чумы въ Бессарабіи (XXI, 41—50).

Окрестности Москвы, Анд. Раевскій (XXV, 53—65).

Дневныя записки русскаго офицера, Ф. Глинки (XXV, 83—101, 123—139, 163—180, 207—216; XXVI, 162—178).

Воспоминанія о 1813 г., или прогулка около Дрездена, изъ 6 ч. писемъ русскаго офицера, соч. Ф. Глинки (XXIII, 30—37).

Русскій крестьянинъ философъ, Из. Евстр. Свѣшниковъ, изъ писемъ русскаго офицера, соч. Ф. Глинки (XXII, 163—181).

Отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ по Владимирской губерніи (XXI, 171—178).

Отрывки изъ новой книги М. Н. Муравьева: „Обитатель предѣстія и Емиліевы письма“ (XXI, 84—98).

Объ одѣ, отрывокъ изъ піитики, Я. (XXII, 123—142).

Отчетъ филотехническому обществу правителя его Каразина (XX, 177—198, 225—241); донесеніе его же военному министру о дѣятельности общества (XXIII, 221—241).

Новозобрѣтенныя счеты (XXII, 13—19).

Стихоботъ на Невѣ (XXIV, 210—219).

Первая поѣздка на пароходѣ изъ Петербурга въ Кронштадтъ и обратно въ 1815 г. (XXVI, 37—40), морск. офиц.

Извѣстіе о построеніи гор. Тучкова (XXVI, 41—52).

Письмо Ефрема Тузова о приготовленіи картъ (XXVI, 195—200).

Вечеръ и утро, проведенныя въ Павловскѣ, В. К. (XXIV, 41—55).

Письмо изъ Харькова Гр. Квятки; общество благотворенія (XXII, 231—239; XXIII, 138—145); отчетъ за IV годъ (XXVI, 121—147).

Пожаръ въ Казани (XXV, 195—197).

Переводныя:

О характерѣ и положеніи нижнѣшнихъ грековъ, изъ соч. Ген. Итона: „*A letter of the Earl. of D. on the politic relations of Russia in regard to Turkey, Greece and France*“. L. 1807 (XIX, 140—150; XXI, 17—25), С. Д.

Филиппъ Македонскій, порабителъ Греціи, сокр. переводъ изъ Мабли, А. Ивановъ (XXI, 157—170, 257—274; XXI, 126—138).

Отрывки изъ записокъ путешественника по Сибири г. Добеля, пер. Г. К. (XXV, 243—251; XXVI, 81—94).

Человѣкъ съ правдами, изъ „Gazette de France“ (XXIII, 146—159).

Великодушное пожертвованіе Россіи самой собою, вѣм. соч. Циммермана (XXIII, 3—22, 45—59).

Отрывки изъ записокъ Наполеона, сочиненныхъ имъ на остр. Эльбѣ (X, 29—39).

О правахъ Пруссіи на приобрѣтеніе Саксоніи, изъ книги „Sachsen und Preussen“ (XIX, 110—113).

О замѣчаніяхъ на письмо англійскаго путешественника, возвратившагося изъ Италіи, изъ „Ambigu“.

О возмущеніи въ Китаѣ, пер. П. Г.—въ (XX, 70—79, 128—132; XIX, 198—203).

Европейская республика Генриха IV-го, XVII и XIX столѣтія, изъ „N. Pol. Journ.“, пер. П. Г.—въ (XX, 165—169).

Картежные дома во Франціи, изъ „Journ. de Paris“ (XX, 217—221).

Французы XIX столѣтія, изъ „Cons. Imper.“ (XXI, 52—54).

Голосъ благороднаго француза, Бенжамена Констана (XXI, 60—64).

Саргинскій пансіонъ во Франціи, А—ъ Р—ій (XX, 156—162).

Статьи относящіяся къ современнымъ событіямъ:

Отрывокъ изъ обзорѣнія прошествій 1814 г., помѣщеннаго въ С.-Пб. карманномъ мѣсяцесловѣ на 1815 (XIX, 72—80).

Письмо русскаго офицера изъ Вѣны о конгрессѣ, изъ „Moniteur“ (XIX, 39—46).

О смотрѣ россійской арміи въ Шампани, изъ „Moniteur“ (XXV, 78—82).

Приказъ по корпусу Милорадовича на случай выступленія гвардіи (XXII, 119—120).

Письмо изъ Раненбурга о возвращеніи ополченія (XXII, 199—201).

Отрывокъ письма съ похода, Ал. Писарева (XXIII, 26—29); его же письмо изъ Парижа отъ 1 августа 1815 г. (XXIV, 186—189).

Поднесеніе кубка гр. Остерману Толстому изъ Богеміи, А. М. Данилевскій (XXI, 64).

О сооруженіи памятника Кутузову Прусскимъ королевемъ къ Бундтау, его же (XIX, 161—163).

Разговоры на гостинномъ дворѣ о Бонапартѣ (XXI, 28—31).

Неудачное похищеніе, письмо изъ Вѣны, А. Z. (XXI, 111—113).

Положеніе Европы въ началѣ 1815 г., соч. Меркеля, изъ журн. „die Zeiten“ (XX, 85—90, 162—165).

Взглядъ на Европу въ январѣ 1815 г., оттуда же (XIX, 248—254).

Взглядъ на нынѣшнее время, оттуда же (XXV, 191—193).

О нынѣшнемъ положеніи Франціи (XXV, 35—39).

Протоколи Вѣнскаго конгресса (XXII, 63—73).

Объ окончаніи Вѣнскаго конгресса, изъ „Австр. Наблюд.“ (XXII, 260—262).

Рѣшеніе Вѣнскаго конгресса о Прусской монархіи (XX, 37—42).

О возобновленіи германскаго союза, изъ „Polit. Journ.“ (XXIII, 73—79, 214—218).

Разсмотрѣніе замѣчаній, напечатанныхъ въ Парижѣ 23 апрѣля 1815 г. на декларацию Вѣнскаго конгресса отъ 1 марта, Шатобриана, изъ „Journ. Univers.“ въ Гентѣ. Пер. Н. Ф. (XXII, 24—34, 73—81, 106—116, 148—157).

Изъ Вѣны, отъ 14 апрѣля, изъ № 123 „Journ. de Frankfort“ (XXI, 285—289).

О нынѣшнемъ мирномъ трактатѣ, изъ газеты „der Oesterreich. Biobachter“ (XXVI, 236—241).

Воззваніє къ французамъ о покушеніи корсиканца, изъ „Quotidienne“ (XXI, 19—28).

О высадкѣ Бонапарта (XXI, 115—116).

Прокламація маршала Массена (XXI, 116).

Отвѣтъ маршала Мармона Коленкуру о вступленіи въ службу Наполеону (XXII, 59—62).

О бѣгствѣ Бонапарта, изъ „Journ. d. Déb.“ (XX, 258—267).

Изложеніе происшествій, случившихся во Франціи со времени высадки Бонапарта до прибытія короля Людовика XVIII въ Бельгію, изъ англійскихъ вѣдомостей (XXI, 276—285), пер. П. Гв.

Общія замѣчанія на нынѣшнее правленіе, на прокламацію Наполеона французскому народу отъ 1 марта 1813 г. и на созваніе избирательныхъ коллегій на Майскомъ полѣ, изъ журнала „Le Seneur“, изд. Конта и Дюноае, экваторнаго полковника. Пер. А. К. (XXII, 192—197, 247—250).

Замѣчанія о французскихъ журналахъ, оттуда же (XXII, 197—198).

Объ общественномъ духѣ во Франціи, при вступленіи союзныхъ армій, изъ „Journ. de Paris“ (XXIV, 27—32), ст. Salgues.

Прогулка по полю битвы у прекраснаго союза (XXIV, 33—38).

Размышленія француза, изъ франц. журн. (XXIV, 69—73).

Письмо изъ Парижа, Деннингга, изъ „Morgenblatt“ (XXIV, 73—77, 101—105).

Исторія пятнадцати недѣль, или послѣднее царствованіе Бонапарта. Пер. изъ книги „Histoire de 15 semaines ou le dernier gouvernement de Buonaparte“ (XXIV, 143—151, 178—186, 220—228; XXV, 21—29), пер. Гв.

Исторія Тюльерійскаго кабинета съ 20 марта 1815 г. и заговора, призваннаго Бонапарта обратно во Францію. Пер. изъ книги: „Histoire du cabinet des Tuilleries depuis le 20 mars 1815 et de la conspiration, qui a ramené B. en France“ (XXV, 29—35, 67—78, 105—116, 152—156, 182—191), пер. П. Гв.

Ночи Наполеона Бонапарта предъ отреченіемъ его отъ престола, изъ книги секретаря его Сенъ-Дидье: „Nuits de l'abdication de l'Empereur Napoleon“ (XXV, 231—238, 268—276; XXVI, 27—35), пер. П. Гв.

Довесеніе герц. Веллингтона о побѣдѣ 6 іюля (XXIII, 37—44).

Воззваніе къ Европѣ, съ франц. (XXI, 107—111).

Объ умерщвленіи герц. Англенскаго, изъ „New Monthly Magaz.“, пер. П. Гв. (XXII, 157—162).

Походъ Наполеона въ Египетъ и Сирію, по соч. Мишо де ла Виллетта (XXI, 101—107, 182—189, 221—230).

Письмо Бонапарта къ государямъ Европы, изъ с.-пб. нѣмецкихъ вѣд. (XXI, 194—196).

Официальное предписаніе о заключеніи Бонапарта на остр. Св. Елены (XXIV, 152—156).

Воспоминаніе о Бонапартѣ, изъ „Gaz. de France“ (XXV, 39—41).

Сравненіе Тохмаса-Кули хана съ Бонапартомъ, соч. Jondet, изъ „Mercure de France“ (XX, 208—217; XXI, 54—59).

Сравненіе двухъ великихъ мужей (Наполеона и Иоватана Вильда) въ романѣ Фильдингга, изъ франц. журн. (XXIV, 106—110).

Отрывокъ изъ книги Санъ-Совино: Происхожденіе и дѣла знаменитыхъ итальянскихъ фамилій. Вен. 1670 г., о кровожадномъ Нипо, снѣгѣ Пагаю, называемомъ Наполеономъ (XXII, 40).

Корсиканецъ, король вестфальскій, и вестфалецъ, король корсиканскій, изъ „Ztg. f. d. el Welt“ (XXV, 117—120).

Декларация короля Людовика XVIII (XXII, 34—36).

Размышления по случаю перенесения тѣла Людовика XVI въ абб. Сенъ-Дени, изъ „*Journal. d. Déb.*“ (XIX, 205—212).

Новѣйшія происшествія во Франціи, изъ франц. газетъ (XXIII, 169—175).

Письмо марк. де Шабана къ гр. Блакасу (XXIII, 208—213).

Новые декреты короля французскаго (XXIII, 257—261).

Донесеніе Шатобриана франц. королю (XXII, 120—122).

О происшествіяхъ въ Бордо (XXII, 251—259), изъ англ. журн.

О перемѣнѣ франц. министерства, изъ „*J. polit. de Leyde*“ (XXV, 156—159).

Рѣчь, говоренная презид. совѣта министровъ, герц. де Ришвилле, въ палатѣ пировъ, при перенесеніи туда процесса маршала Нея (XXVI, 118—120).

Выписка изъ донесенія королю Обѣихъ Сицилій министра полиціи о казни Мюрата (XXV, 277—279).

Отрывки изъ рѣчей, говоренныхъ въ палатѣ депутатовъ, при предложеніи закона о всепрощеніи 30 октября (XXVI, 186—198).

Изображеніе нынѣшняго характера французовъ, преимущественно французской арміи, соч. ирландскаго католич. священника Eustase (XXVI, 231—236), пер. В. А.

Письмо изъ Франкфурта на Майнѣ и переводъ сатирической статьи о французяхъ: „Орденъ Флюгера“ (XXI, 189—194).

Причина несоглашенія Людовика - Флоріана-Павла де Киргорлеа на актъ, подъ заглавіемъ: „Дополнительный актъ къ конституціямъ имперіи“, обнародованный 10 апрѣля 1815 г. (XXII, 117—118), изъ „*Times*“.

Письмо изъ Парижа о вывозѣ австрійцами произведеній искусствъ, „*Mrgbl*“ (XXII, 65—68).

О вывозѣ произведеній искусствъ изъ Парижа, изъ „*Quotidienne*“ (XXVI, 99—105).

Дѣло генерала Эксельмана (XIX, 113—120).

Англія въ концѣ 1814 г., изъ „*Namb. Pol. Journ.*“; статистическія замѣчанія о Саксонскомъ королевствѣ, оттуда же. Пер. П. Гъ—въ (XIX, 80—85).

Замѣчанія о Великобританіи, изъ соч. Коллугауна „о состояніи Великобританскаго госуд.“ (XIX, 243—248).

Великобританскій парламентъ 25 марта (XXI, 151—156); 16 апрѣля (XXI, 289—292).

Выписка изъ англійскихъ вѣдомостей (XXI, 230—235).

Объявленія Австріи о началѣ войны съ Неаполемъ (XXI, 147—151).

Дѣйствія прусской арміи до взятія Парижа (XXIII, 122—127).

Переписка кн. Блюхера съ марш. Даву (XXIII, 128—130).

Письмо кн. Блюхера къ королю Прусскому, съ отказомъ жалованья арміи, изъ газ. „*d. D. Beobachter*“ (XXV, 160—161).

Письмо генералъ-интенданта прусской арміи къ префекту Севскаго д-та (XXIII, 261—264).

Краткая біографія кн. Блюхера (XXIV, 95—100).

Размышленія германца наканунѣ 6 октября, изъ „*Ztng. f. d. el. Welt.*“ (XXV, 63—66).

Манифестъ испанскаго короля Фердинанда VII о сопротивленіи Наполеону (XXII, 185—191).

Послѣднія явленія войны Испанско-Французской въ 1814 г., изъ книги: „*Histoire de la campagne de 1814*“, par. A. de Beauchamp. Пер. П. Гъ—въ (XXIII, 67—73, 114—122, 164—169, 200—208, 248—257; XXIV, 59—63).

Война въ Испаніи и Португаліи съ 1808 по 1814 годъ, изъ журн. „Europ. Annalen.“ (XXVI, 105—111, 151—156).

Размышленія польскаго патриота, изъ журн. „d. D. Beobachter“, пер. П. Г. (XIX, 152—154).

Выписки изъ книги архіеп. Мехельнскаго Прадта: „Histoire de l'ambassade dans le duché de Varsovie en 1812“, изъ „Gaz. de France“ (XXIV, 192—197), пер. Д. Д.; (XXIV, 232—234), пер. В. В.

Манифестъ короля Генриха на островъ С.-Доминго, 2 октября 1814 года, изъ „Ambigu“, пер. П. Г.—въ (XIX, 155—161; XX, 78—84).

Американскіе герои: защищеніе шкуны генер. Армстронгъ, изъ англ. газ. (XXIV, 275—279), Н. К. Ф.

Обозрѣніе исторіи Азіи, Африки и Австраліи, пер. П. Г. (XX, 29—37).

Критика, библиографія, политика и театральное обозрѣніе. (Замѣтая книга, которая помѣщена только для счета или о которыхъ помѣщенъ лишь краткій, незначительный отзывъ, не перечисляются.)

Обозрѣніе русской литературы 1814 г. Н. Греча (XIX, 3—17, 60—68, 89—103, 129—139).

Смотръ журналамъ, М. р. м. н. (XIX, 25—29, 237—243; XXI, 254—258).

Ломоносовъ, или рекрутъ стихотворецъ, оп. вод. князя Шаховскаго, Греча (XIX, 120—124).

О критикѣ на представленіе Запрн, помѣщенной въ „Р. Инвалидъ“, кн. Шаховскаго (XI, 166—170).

Жюкондъ, или искатель приключенія, съ фр., муз. Николо де Мальтъ, Греча (XIX, 170—171, 254—259).

Извѣстіе о книгѣ: дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и пр., соч. Б.-Каменскаго (XX, 191—195).

Судъ надъ французскими журналами англичанъ въ Архангельскомъ клубѣ (XX, 42—48).

О театрѣ: игра Злова, О. Л.—въ (XX, 94).

Замѣчанія на статью о „Сниѣ Отечества“ въ „Духѣ Журналовъ“, кн. VIII (XX, 132—135; XXI, 292—293).

Иногородныя письма съ полемическими возраженіями противъ разныхъ журналовъ (XXI, 65—71).

Извѣстіе о книгѣ М. Н. Муравьева: Обитатель предмѣстія и Эмильевы письма (XXI, 99—101).

Московскіе и с.-пб. журналы, Строева (XXI, 143—146).

Рафаилъ, или спокойная жизнь мирнаго семейства, соч. Авг. Лафонтена, пер. 2 ч. М. 1815 (XXI, 147).

Извѣстіе о книгѣ: Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ гражданскую и церковную российскую исторію, соч. Адамомъ Селлемъ, пер. въ Вологодской семинаріи. М. 1815 г. (XXI, 181—182).

Письма русскаго офицера, соч. Ф. Глинки, М. 1815 г. (XXII, 153—154).

Neue theoretisch-practische Russische Sprachlehre für Deutsche, 4 aufl., von Dr. Aug. Tappe (XXIII, 162—163).

Полемическое письмо Мавлюты Муслимова въ защиту французовъ и Наполеона (XXIII, 175—180).

Извѣстіе о книгѣ кап. Головина: Приключенія въ плѣну у японцевъ (XXIII, 241—245).

Жена и разбойникъ, новѣйшій романъ, соч. автора „Ринальдо-Ринальдини“, 2 ч. М. 1815 г. (XXIV, 177).

Cours d'économie politique, par H. Storch, С.-Пб. 1815 г. (XXV, 18—20), С. 1.

„Nouvelle Bibliothèque des Dames“. С.-Пб. 1815 г. (XXV, 102—105).

Письмо къ новѣйшему Аристофану, въ защиту Озерова, Д. (XXV, 140—148)
(Дашкова).

Новѣйшая дѣтская библіотека, соч. Бланшара, 3 ч. М. 1815 г. (XXV, 149—151).

Жизнь, характеръ и военныя дѣйствія храбраго генерала Кульнева, пис. А. Н.
Н—въ. С.-Пб. 1815 г. (XXV, 230).

Отвѣтъ журналу „Bibliothèque des Dames“ (XXV, 282—287).

Основанія естественнаго законодательства, соч. Г. Перро, пер. съ дополненіями
М. К. С.-Пб. 1815 г. (XXVI, 61—62).

О современномъ наблюдателѣ, М. К. С. (XXVI, 111—114).

Черная маска, или завѣса таинствъ, соч. автора „Урны и могильщика“, пер. съ
нѣм. М. 1815 г. (XXVI, 148).

Дѣвица де ла Файетъ, или вѣкъ Людовика XIII, соч. г-жи Жанлисъ, 4 ч. М.
1815 г. (XXVI, 148—150).

Бѣдственная участь дофина, или снѣгъ Людовика XVI, соч. абб. Фермона, пер.
съ нѣм. М. 1815 г. (XXVI, 220—222).

Разборъ записокъ и трудовъ Общ. истор. и древн. при Моск. унив.; русскихъ
достопамятностей, ч. 1. М. 1815 г. Изданіе того же Общества (XXVI, 252—257).

Разборъ новѣйшей дѣтской энциклопедіи. М. 1815 г., N. N. (XXVI, 257—262).

ПРИБАВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Программа публичныхъ чтеній проф. Велланскаго въ С.-Петербурѣ въ 1830 году.

Конспектъ главныхъ содержаній общей физики.]

I. Стихиологія.

Огонь, какъ всемірная стихія неорганической природы, состоитъ изъ свѣта, горячей матеріи и теплоты, кои представляютъ весь физическій міръ, въ дѣятельной элементарной формѣ.

Всѣ видимыя и осязательныя вещества произошли отъ огня, и суть не что другое какъ огонь, образовавшійся въ опредѣленныя формы бытія, соответственныя эфирно-дѣятельнымъ видамъ онаго: свѣту, горячей матеріи и теплотѣ.

Воздухъ, земля и вода, какъ стихійныя вещества земной планеты, суть огонь, преобразованный въ опредѣленныя виды, составляющіе особый міръ солнечной системы: и воздухъ произошелъ въ качествѣ свѣта, земля образовалась въ свойствѣ матеріи, а вода имѣетъ значеніе теплоты, относящейся равнообразно къ свѣту и матеріи.

Солнечная система, какъ общій міръ, устроена также по значенію огня, коего свѣтъ сіяетъ отъ солнца на планеты, влекомыя, по силѣ составляющей ихъ матеріи, къ солнцу, какъ центральной тяжести оныхъ, и движимыя на своихъ путяхъ температурою собственною каждой планетѣ.

Посему огонь есть единственный предметъ общей физики неорганическаго міра; и всѣ частныя физическія изслѣдованія имѣютъ своимъ предметомъ различныя токъ виды преобразованнаго огня:

1) Свѣтъ составляетъ осязательнѣйшее явленіе природы, восхитительнѣйшее для человѣка. Но сколько, форма свѣта обнаружена, столько сокрыта его сущность; и темнота обыкновеннаго знанія о свѣтѣ равна ясности солнечнаго сіянія.

Свѣтъ не состоитъ изъ матеріи, какъ обыкновенно думаютъ, но свойство онаго находится въ прямой противоположности съ вещественнымъ качествомъ, ибо онъ занимаетъ то самое мѣсто, которое занято уже совершенно воздухомъ, либо другимъ прозрачнымъ тѣломъ,—и одною прозрачностію тѣла доказывается удивительно невещественность свѣта.

Всѣ явленія свѣта показываютъ въ немъ свойство дѣятельности, происходящей во времени; и свѣтъ не относится къ пространству, занимаемому только вещественнымъ бытіемъ.

Ньютоново мнѣніе о свѣтѣ, что онъ есть тончайшая матерія, истекающая отъ солнца и отъ всякаго свѣтящагося тѣла, хотя давно уже опровергнуто, однако и теперь еще господствуетъ и у многихъ физиковъ служить единственнымъ основаніемъ

ихъ ученія. Другіе принимаютъ мнѣніе *Эйлера*, который выводитъ свѣтъ отъ сотрясенія эфира, производимаго солнцемъ и горящими тѣлами. Но сія *теорія* еще менѣе способна къ объясненію явленій свѣта, а потому не столь употребительна, какъ *Ньютонова*.

Атомистическая физика не имѣетъ настоящаго понятія о свѣтѣ; поелику онъ есть собственный предметъ высшаго умозрѣнія и въ чувственной области опытовъ и сужденій постигнуть бытъ не можетъ.

2) Безусловное основаніе матеріи есть тяжесть, оказывающаяся удѣльнымъ вѣсомъ тѣлъ, по которому занимаютъ они извѣстное мѣсто въ пространствѣ и остаются непроницаемы для другихъ. Всякое вещество должно имѣть свой вѣсъ, и такъ-называемыя *невозвѣшиваемыя вещества* (*imponderabilia*) въ природѣ не находятся, а выдуманы только для объясненія незъяснимыхъ явленій.

3) Теплоу считаютъ обобщеннымъ, чрезвычайно жидкимъ и упругимъ, веществомъ, находящимся во всѣхъ тѣлахъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, и которое, по своей упругости, переходитъ изъ однихъ тѣлъ въ другія, дабы составить въ оныхъ равновѣсіе своего содержанія.

Такое понятие о теплоу произошло отъ чувственнаго обмана; но, въ самой точности, теплота не состоитъ изъ какой-либо невозвѣшиваемой матеріи, а есть дѣятельное состояніе вещи, находящейся въ особомъ кругѣ отдѣльнаго пребыванія.

II. Геологія.

Свѣтъ, тяжесть и теплота суть явленія всемірныхъ дѣйствій, принадлежащихъ какъ земнымъ тѣламъ, такъ и небеснымъ сферамъ. Но тѣ же дѣйствія въ элементахъ земнаго міра оказываются подъ другими видами, каковыя суть: *электризмъ*, *магнетизмъ* и *химизмъ*.

1) *Электризмъ* есть дѣйствіе тѣлъ, состоящее въ напряженіи къ соединенію общаго съ частнымъ, находящихся въ отдѣльномъ положеніи, и которыя суть положительное и отрицательное электричество. Собственный органъ электрическаго дѣйствія есть воздухъ, гдѣ оно оказывается во всей силѣ своей.

Электрическія явленія суть дѣятельныя происшествія, которыя однако эмпирическіе физики признаютъ вещественными, зависящими отъ мнимои электрической матеріи. Слѣдующіе *Франклиновой теоріи* принимаютъ одну электрическую матерію, накопляющуюся только болѣе или менѣе въ тѣлахъ, оказывающихся *положительно* или *отрицательно электрическими*. Но послѣдователи *Зиммероваго мнѣнія* признаютъ двѣ различныхъ матеріи: *положительно-электрическую* и *отрицательно-электрическую*.

При всѣхъ усовершенствованіяхъ электрическихъ опытовъ обыкновенная физика не имѣетъ настоящей *теоріи электричества*, которая можетъ только произойти отъ умозрительныхъ понятій образовательнаго дѣйствія природы.

2) *Магнетизмъ* есть дѣятельность физическаго міра, подобная электрическому дѣйствію, но въ противоположномъ направленіи ихъ процесса.—Въ *электризмъ* двѣ различныя силы, будучи раздѣлены, стремятся къ ихъ соединенію; а въ *магнетизмъ* тѣ же силы, но будучи соединены, напрягаются къ раздѣленію.

Собственный органъ магнитнаго дѣйствія есть желѣзо, крѣчайшее изъ всѣхъ металловъ, по сильѣйшему сѣщенію (*cohaesio*) его состава, произведенному *магнетизмомъ*, коего полуси въ магнитѣ, какъ орудіемъ желѣзѣ, оказываются дѣятельными; и *магнетизмъ* происходитъ въ землѣ такъ, какъ *электризмъ* въ воздухѣ.

Магнитныя явленія въ *компасной стрѣлкѣ* показываютъ состояніе всего земнаго шара, какъ самаго по себѣ, такъ и въ отношеніи онаго къ солнцу. Склоненіе *стрѣлки* на своемъ горизонтѣ означаетъ разстояніе мѣста между экваторомъ и полюсомъ; а уклоненіе оной отъ магнитнаго меридіана показываетъ положеніе земли на ея *эклиптикѣ*.

Магнитное явление проще электрическаго, но источникъ онаго такъ глубокъ, то эмпирическимъ физикамъ никогда не удастся достигнуть къ оному, хотя многими известно, что все дѣйствіе искусственнаго магнита зависитъ отъ *земнаго магнетизма*.

3) *Химизмъ* есть совокупность *магнетизма* съ *электризмомъ*, которые въ *химизмъ* достигаютъ послѣдней степени ихъ усилія, и оканчиваются химическимъ процессомъ, производящимъ качественное измѣненіе веществъ.

Разложеніе и соединеніе тѣлъ однихъ другими производятся *химическимъ средствомъ* (*affinitas chymica*), которое служитъ единственнымъ основаніемъ всѣхъ *химическихъ операций*, хотя химики также не понимаютъ онаго, какъ и физики не знаютъ, почему разноименные полюсы магнита притягиваются, а одноименные отталкиваются, и отъ чего зависитъ электрическое притяженіе и отторженіе.

Четyre элемента химическаго процесса: *кислотворъ*, *водотворъ*, *угольное вещество* и *азотъ* суть два электрическіе и два магнитные полюса, представленіе въ вещественныхъ органахъ дѣятельности, и поелку химическій процессъ состоитъ изъ электрическаго и магнитнаго, то всѣ тѣла, произведенныя *химизмомъ*, въ послѣдней степени матеріальнаго развитія, состоятъ изъ четырехъ оныхъ элементовъ.

Посему *химизмъ* есть двоякій: электрическій и магнитный, и органы электро-химическаго дѣйствія суть *кислотворъ* и *водотворъ*, производящіе воду, а *субстраты* магнито-химическаго процесса суть *угольное вещество* и *азотъ*, изъ коихъ составленъ металлъ.

4) *Гальванизмъ* есть такое соединеніе *электризма* съ *химизмомъ* и *магнетизмомъ*, гдѣ каждое изъ трехъ дѣйствій происходитъ въ явственной своей особености, при взаимномъ содѣйствіи и зависимости между ними. Цинкъ и серебро, соприкасаясь своими поверхностями, возбуждаютъ одно въ другомъ электрическое напряженіе, которымъ разлагается находящаяся между ними жидкость; посему здѣсь электрическій и химическій процессъ обнаруживается явственно,—и гальваническое дѣйствіе есть электро-химическій процессъ.

Такъ-называемый *электро-магнетизмъ* составляетъ важнѣйшее физическое открытіе послѣдняго времени. Въ *гальванизмъ* химическое дѣйствіе происходитъ снаружи, магнитное внутри между металлическими пластинками; но въ *электро-магнетизмъ* магнитный процессъ находится снаружи, а химическій обращенъ вовнутрь.

Съ открытіемъ *электро-магнетизма* учинилось извѣстнымъ все содержаніе гальваническаго процесса, который равенъ процессу дѣлаго земнаго шара, дѣйствующаго какъ огромная *гальваническая цѣнь*, составленная изъ различныхъ твердыхъ толщъ и воды. Электро-магнитныя явленія показали настоящее значеніе *магнетизма*, который свойственъ не одному только желѣзу, но всѣмъ металламъ безъ исключенія. *Электро-магнетизмъ* подтвердилъ также опытомъ прежнее положеніе *Стеффенса*, что центральное ядро земли есть металлическое, по которому земный шаръ составляетъ большой, общемірный магнитъ.

Вода и металлъ суть первоначальныя вещества земной планеты, соответственныя свѣту и тяжести, какъ двумъ начальнымъ эвирно-дѣятельнымъ формамъ образованія физическаго міра, и вода произведена дѣйствіемъ свѣта, а металлъ составленъ силою тяжести.

Изъ химическаго соединенія и разложенія воды съ металломъ произошли земля и воздухъ—два элемента, содержащіеся между собою въ магнитной противоположности. и земля составляетъ *отрицательный* или *контрактивный*, а воздухъ *положительный* или *экспансивный полюсъ* земнаго шара, какъ общемірнаго магнита.

Земный элементъ есть *угольное вещество* (*carbonium*), которое, въ чистѣйшемъ его видѣ, составляетъ *алмазъ*, а большая и основная часть воздуха состоитъ изъ *азота*.

котораго чистѣйшій видъ есть *селитротворъ* (nitricum). Алмазъ и *селитротворъ* суть металлическаго свойства, или настояще металлы, но въ одностороннемъ, полярномъ образованіи, и алмазъ есть металлъ *контрактивной*, а *селитротворъ* *экспансивной полярности*.

Ископаемая гѣла, какъ-то: земли, соли и горючія вещества, образовались изъ металла, составляющаго основное ядро планеты, и изъ воды, покрывавшей сначала всю поверхность земли. По мѣрѣ умноженія твердыхъ массъ вода убавляется, издерживаясь на образованіе оныхъ.

Нептунисты, полагающіе происхожденіе твердыхъ земныхъ гѣлъ отъ воды, и вулканисты, по мнѣнію которыхъ земной шаръ образовался горѣніемъ, имѣютъ равныя доказательства къ защищенію своихъ мнѣній. Твердая масса въ началѣ своемъ должна быть жидкая, приведенная въ твердый видъ *кристаллизациею*, которая безъ воды произойти не можетъ. Но вода есть произведеніе горѣнія, какъ химико-электрическаго процесса; ибо *водотворъ* сгорѣвши съ *кислотворомъ* составляютъ воду.

Въ образованіи земли должны участвовать огонь и вода, которые однако между собою противны: и вулканической огонь могъ бы выпарить всю воду; равно какъ и нептуническая вода залила бы весь огонь. Посему, не зная сихъ элементовъ въ существенномъ ихъ началѣ и формальномъ значеніи, *вулканисты* и *нептунисты* не могутъ произвести изъ оныхъ земнаго шара.

Земля въ началѣ своемъ образовалась тѣми же силами жизненной дѣятельности, по которымъ существуетъ она и въ нынѣшнемъ ея состояніи. Таковыя силы суть: магнитная, электрическая и химическая, составляющія гальванической процессъ; и кто не понимаетъ теоріи *электро-химизма* и *электро-магнетизма*, тому образованіе земли понятно быть не можетъ.

III. Космологія.

Физика родилась отъ астрономіи, которая прежде *Коперниковой системы* понимаема была превратно, такъ какъ и физическія понятія того времени были ничтожны. Математико-механическіе законы подали *Копернику* возможность къ открытію настоящаго положенія міровъ въ солнечной системѣ. По сими же законамъ и физика образовалась въ другой видъ, соотвѣтственный болѣе настоящему качеству природы.

Но *Коперниково* знаніе системы міра состояло только въ опредѣленіи внѣшняго отношенія планетъ къ солнцу, по механизму ихъ движенія, котораго тройственный законъ открылъ *Кеплеръ*, а *Ньютонъ* доказалъ оное математическими вычисленіями.

О внутреннемъ содержаніи солнечной системы не имѣли тогда никакого свѣдѣнія: не знали, на чемъ основывается различіе планетъ, касательно разстояній оныхъ отъ солнца, большей или меньшей *эксцентратици на своихъ орбитахъ*, величины и плотности ихъ толщъ (масса). О происхожденіи, состояніи и различномъ числѣ спутниковъ планетъ не было никакихъ основательныхъ положеній, ни правдоподобныхъ догадокъ. Кометы были только предметомъ удивленія и страха. Собственное значеніе оныхъ оставалось совершенно неизвѣстнымъ. На чемъ основанъ только длинный, необыкновенный путь ихъ теченія? Что означаетъ особенный, собственный имъ свѣтъ, простирающійся въ хвостъ на нѣсколько милліоновъ миль? И почему бы одні кометы являлись нѣсколько разъ въ нашей солнечной системѣ, а другія никогда не возвращаются въ оную?—На таковыя вопросы прежніе астрономы не могли дать никакого отвѣта.

Космологія, какъ главная часть общей физики, при умозрительномъ понятіи о земныхъ вещахъ, получила также теоретическое образованіе и въ познаніи небесныхъ гѣлъ, которыя должны быть одного начала и одинаковой сущности съ земными.

Математико-механическая физика, со всеми ея открытиями, остается при одном знаніи вѣдѣннхъ видовъ и соотношеній различныхъ веществъ, ибо внутреннее качество и связь веществъ для опытныхъ изслѣдованій недоступны. Такимъ же образомъ *эмпирическая астрономія*, при тщательнѣйшихъ ея наблюденіяхъ, новыхъ открытіяхъ и вѣрнѣйшихъ вычисленіяхъ, не можетъ проникнуть въ качественное положеніе небесныхъ тѣлъ и видѣть органическое происхожденіе оныхъ и внутреннюю связь солнечной системы міра.

ПРИБАВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Письмо Александра Сергѣевича Норова къ Алек. Иван. Кошелеву.

Наконецъ, настала жестокой переломъ моей жизни. Ты вырвался изъ моихъ братскихъ объятій, ты перешелъ въ свѣтъ для меня чуждый.

Давно я ожидалъ этой разлуки; много было времени приготовиться къ ней. Казалось, я привыкалъ къ этой мысли; я начиналъ думать, что я уже готовъ разстаться съ тобою... Но теперь, когда грустное ожиданіе исполнилось,—теперь вижу, что я только себя обманывалъ, а не готовился. Я твердилъ себѣ: „онъ уйдетъ, это быть должно“, а между тѣмъ внутри меня оставалась какая-то надежда, которая, вопреки разсудка, ободряла меня до послѣдней минуты... Нѣтъ, не привыкнуть мнѣ къ одиночеству.

Первая разлука съ нѣжной матерью конечно тебѣ тяжела. Но ты будешь занятъ и, вступая на поприще хлопотливыхъ должностей, ты исполнишь и ея желаніе. Разстояніе и время тебя не разлучатъ съ нею; вы всегда вмѣстѣ. Мысль, что твои заслуги будутъ для нея наградой за ея попеченія,—эта мысль удвоитъ твое рвеніе и усладитъ разлуку. Нѣжная мать, она будетъ занята необходимостями твоей жизни. Все, что для твоего покоя и удовольствія,—все придумано, приготовлено ею. Что на тебѣ, что около тебя, малѣйшая твоя принадлежность напоминаетъ о ней. Гдѣ-бъ ты ни былъ, она вездѣ съ тобою, какъ Провидѣніе. Даже и разлука ваша сладостна: взаимная нѣжность будетъ еще нѣжнѣе; вы узнаете всю цѣну свиданія, все наслажденіе быть опять вмѣстѣ. Счастливая мать!

Было время, когда и мы крѣпко принадлежали другъ другу. Не знаю, кто кого первый полюбилъ (вѣроятно я,—ты былъ еще ребенокъ); но съ тѣхъ поръ, какъ мы сдружились, разстояніе нашихъ возрастовъ не было чувствительно между нами. Разсудокъ твой рано развивался; я и до сихъ поръ, какъ ты говоришь, въ дѣтствѣ. Пока мы были равны, и взаимная дружба была въ равновѣсіи. Но ты шелъ впередъ, а я стоялъ и не сводилъ съ тебя очей. Я наслаждался, я гордился превосходствомъ своего друга; мнѣ было пріятно стоять подъ его ногами на дѣстницѣхъ познаній. Ахъ, одна чрезмерная чувствительность, одно чувство поглотило всѣ мои умственные силы! И я не подумалъ, что твое развитіе, а моя лѣнь—положить разстояніе между нашими сердцами. Теперь ты на меня смотришь какъ на ребенка скучнаго, неотвязнаго своими ласками. Ты, ты и ты—вотъ вся моя сфера. Все, что тебя не знаетъ, все, что къ тебѣ равнодушно для меня не существуетъ болѣе. Безъ тебя я тоскую какъ младенецъ, отнятый отъ груди материнской. Не эта ли дѣтская привязанность, наконецъ, тебѣ наскутила?...

Но если до сихъ поръ еще ты не знаешь исторіи моихъ склонностей, моего развитія, то теперь узнай ее. Доберись самъ до первоначальной причины моего характера—и ты будешь ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, свисходителенъ.

Я рожденъ съ пламеннымъ сердцемъ, съ воображеніемъ и глубокою чувствитель-

ности; итакъ, я былъ склоненъ къ сильнымъ страстямъ: вспыльчивость, гнѣвъ и тотчасъ раскаяніе—таковъ я былъ въ ребачествѣ. Прежде нежели умѣлъ думать, я уже любилъ природу и искусство: небеса, воды и горы всегда меня восхищали; звуки играли моею душой, формы изящныя вѣселились въ моей памяти.

Едва выхожу изъ дѣтства, какъ изувѣченъ жестокимъ ушибомъ. Каждый день, болѣе и болѣе, зеркало изобличало мнѣ искаженную мою фигуру. Незначай, изглядывая на себя, я хладѣлъ и сторуалъ отъ оскорбленія: во мнѣ страдало не тщеславіе, но любовь къ изящной формѣ. Я погружался въ меланхолію; часто внушали мнѣ, что мой несчастный станъ смѣшить и отталкиваетъ незнакомыхъ. Итакъ, въ первомъ шлу молодости, когда впервые разгоралось нѣжное чувство, я уже протислся съ надеждою нравиться женщинамъ; стыдъ и гордость отдѣляли меня отъ нихъ холодной стѣною. Но душа чувствовала жажду любви, чувствовала—и глубоко таяла это сокровище, какъ украденное: мнѣ было легче извѣтъ въ молчаніи, чѣмъ казаться смѣшнымъ.—Потребность любить обратилась отъ нѣжнаго пола къ искусству: любовь къ музыкѣ и живописи мною овладѣла; но это стремленіе тоскующей души оставалось безъ вниманія и безъ средствъ. Мнѣ только и твердили съ одной стороны: *ты нездоровъ, живи въ покое*; въ съ другой: *музыка и живопись—пустяки, а занимайся серьезнымъ*. Это мнѣ наскучило. Раздраженное противорѣчіемъ, часто укоризнами, желаніе мое, лишнее способовъ, обратилось къ поэзіи и мечтательности. Этотъ міръ не зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ и мнѣ не мѣшали наслаждаться имъ. Но одно безплотное мечтаніе надъ книгой не удовлетворяло меня: видѣть, слушать и мечтать—вогъ чего хотѣлось. Съ книгою бродилъ я по полямъ; но наша плоская, прозябшая природа не разговаривала съ моею душой: мнѣ все хотѣлось овраговъ, долинъ, утесовъ и моря!... Шумъ водопадовъ, плесканіе волнъ, приближеніе грозы, лунная ночь или утро надъ океаномъ—вогъ что мнѣ нужно было. Все это я видѣлъ одинъ разъ ребенкомъ въ живыхъ картинахъ Робертсона и помню, какъ сейчасъ вижу. Какъ ни жалостно подражаніе природѣ въ декораціяхъ и панорамахъ, но, съ помощію моего собственнаго воображенія, даже холстинное море, подвижные утесы и мишурные водопады меня переносили въ мой живописный міръ. Я любилъ быть въ театрѣ не для актеровъ, а для живописныхъ декорацій. Но когда я увидѣлъ въ трагедіи Семенову, а въ комедіи и оперѣ Самойлова, тогда метроманія овладѣла мною. О, сколько горя я втерпѣлъ за эту несчастную страсть! Въ то же время надо было вступить въ службу, получить аттестатъ—и профессора съ тетрадами навалились на меня. Это было самое несчастное время моей жизни! Священная обязанность тутъ заставляла меня молчать: мнѣ было тяжело; но я и самъ былъ много виноватъ. Эта эпоха оставила вѣчные слѣды на мнѣ; это былъ рѣшительный переломъ моего бытія. Молодость моя вдругъ улетѣла, радости и обольщенія вдругъ пропали: осталась пустая жизнь и утомленное бореаніе съ врожденной склонностію. Оставалось только одолѣть эту докучную жажду—и, наконецъ, я одолѣлъ ее. Душа моя, уже ничего не желая, коспѣла въ бездѣйствіи, сердце замерзало отъ безчувственности; я охладѣлъ къ людямъ, къ себѣ, къ семейству, къ религіи; я деревенѣлъ и жилъ одинъ, въ пустомъ, темномъ подземельи, какъ мой узникъ. Скука и праздность предали меня чувственности, а чувственность предала разврату... Я погибалъ.

Но кто удержалъ меня на краю гибели?—Не сильный и не мудрецъ, а ребенокъ... Я встрѣтилъ отрока, полуробенка, съ лицомъ открытымъ, ангельскимъ. Глядя на его невинность, я устыдился, ужаснулся самъ себя и сдѣлался лучшимъ. Простодушіе младенческое въ его улыбкѣ и умъ въ глазахъ меня плѣнили; я подошелъ къ нему и моя фигура его не оттолкнула. Нѣтъ, онъ меня обнимаетъ какъ своего ровестника и глядитъ на меня ласково; онъ мнѣ лепечеть: я васъ люблю. „Невинный!—полу-

малъ я,—еслибъ ты могъ знать какъ я испорченъ, ты бы не сказалъ мнѣ: я васъ люблю!“ Съ тѣхъ поръ онъ со мною былъ неразлученъ, и мы скучали другъ безъ друга. Онъ любилъ рѣзвиться около меня и, утомясь, засыпалъ на моемъ плечѣ. Юный его разумъ скоро сталъ развиваться; каждое новое впечатлѣнiе, каждую новую идею онъ сообщалъ мнѣ—и мы сдружались вѣжнѣе и нѣжнѣе. О, братская любовь! ты имѣла на меня чудотворное влiянiе. Я былъ пороченъ: чтобы не заразить друга, я пожелалъ возродиться, я возненавидѣлъ себя. Его невинность была для меня какъ ночь, въ лѣсу, звѣзда путеводительная. Ахъ, я чувствовалъ, что дѣлался лучшимъ не изъ любви къ добру, а для того, чтобы быть достойнымъ своего друга. Я былъ подобенъ слѣпцу, который, ухватясь за ребенка, выходитъ на истинную дорогу.—Но скоро я увидѣлъ съ ужасомъ, что страсти и его увлекаютъ... Нѣжными просьбами, страхомъ, презрѣнiемъ къ разврату я удерживалъ его, а самъ... самъ внутренно боролся съ тѣми же страстями! Я бы не побѣдилъ ихъ, но одна мысль, что за собою увлеку друга,—одна эта мысль одушевляла мои силы—и мы спасали другъ друга. Вотъ повѣсти моихъ сълонностей. Рожденный съ пламенною душою, я закоснѣлъ въ безчувственности, я погружался въ порокъ, погибалъ... Но ты полюбилъ меня—и душа моя воскресла, и все, что таилось въ ней небеснаго, разгорѣлось какъ неугасимое пламя, пожирающее все, что неоднородно съ нимъ. Любовь къ жизни, къ людямъ, къ искусству и къ религiи—все слилось въ одно чувство: я возлюбилъ—и позабылъ все остальное.

Мой другъ! вотъ характеръ моей братской вѣжности къ тебѣ. Съ тѣхъ поръ я сдѣлался лучшимъ; съ тѣхъ поръ, какъ я тебя люблю, и чувство мое стало выливаться въ сладковзвучныхъ стихахъ—и я счастливъ какъ мой *Очарованный узникъ*, пока обольщаетъ его сладостный сонъ. Ахъ, страшно будетъ ему проснуться опять въ пустомъ подвемелы!... Не тронь, не разбуди его!

Прости,—не упрекъ, а влiянiе богъвенной души! Я слишкомъ долго молчалъ, когда мы были вмѣстѣ: теперь, когда ужъ мы разстались и ужъ не такъ, какъ бывало разставались,—теперь дай мнѣ все высказать: это облегчитъ камень, который давно гнететъ меня.

Хладное, неотразимое сомнѣнiе меня преслѣдуетъ. Твоя сестра тебѣ шути сказала: „Ты нигдѣ не съидешь *такова* друга, но *друцова* ты можешь полюбить больше“. Эти слова врѣзались ножомъ въ мое сердце: они были отголоскомъ моего грустнаго предубѣжденiя. Отъ чего это предубѣжденiе?.. Отъ пустой ли меланхолической фантазiи?—Нѣтъ: отъ холодности друга.

Ты зналъ, отъ чего и давно ли я сталъ такъ молчаливъ, разсѣянъ и постоянно печаленъ. Часто, невзначай, задумавшись, ты долго на меня глядѣлъ; но въ твоихъ очахъ не проявлялось состраданiя къ бѣдному другу: ты будто все забылъ. Правда, я давно и безпрестанно былъ пасмуренъ; ты привыкъ видѣть меня одинаковымъ—и привычка тебя сдѣлала нечувствительнымъ. Но неужели ни разу не пришло тебѣ на мысль: „Онъ грустенъ безпрестанно, знаю, съ которой пори, скоро годъ; видно ему нелегка эта скорбь; авось участiемъ важнiю его рану... А можетъ-быть я не все еще знаю,—авось участiемъ разорву его томительное молчанiе!“

Нѣтъ! мы по цѣлымъ вечерамъ сживали молча; и когда я одинъ глоталъ свою грусть и слезы не выкатись сохи на моихъ очахъ,—въ тотъ мигъ ты меня спрашивалъ: „Ну что, гдѣ побывалъ? что подѣлываешь?“

Ты былъ только невнимателенъ; наконецъ ты сталъ чуждаться своего печальнаго друга.—Нинѣшнее лѣто, послѣднее для меня, я хотѣлъ провести съ тобою вмѣстѣ, какъ прежде бывало. Ты отъѣзжаешь въ Ильинское не только не приглашая, но даже отклоняя меня,—говоришь: *не изъ чего, не стоитъ труда*. Однакожъ я не вытерпѣлъ—и все-таки побывалъ на нѣсколько дней въ Ильинскомъ.—Возвращаюсь.—Пишу къ тебѣ изъ

Москвы нѣсколько разъ: „какъ нестерпимо жаркое лѣто въ городѣ; какъ меня убиваетъ трескъ мостовой подъ моими окнами; какъ меня душить пыль; какъ бы я хотѣлъ подышать деревней; *тщение суда* еще не скоро, сестры твои къ вамъ не ѣдутъ...“ И на все это—ни слова! Какъ ни тяжело было сердцу, какъ ни вредно было здоровью, а лучше, сказалъ я, задыхаться пылью, чѣмъ быть въ тягость. И послѣднее лѣто—послѣднее—мы провели ровно въ 45-ти верстахъ безъ малѣйшей нужды.—Ты не чувствовалъ какъ мнѣ это было больно; я повялъ, что моя печаль тебѣ наскучила, какъ тяжелая ноша. Мой другъ! ты ошибся, думая, что я хочу давить тебя этой ношей.

Чего, чего я просилъ до послѣдней минуты нашей разлуки?... Чего?... Неужли, чтобы ты сотворилъ въ себѣ другое сердце?... неужли, чтобы ты любилъ столько же, какъ и я тебя?... Нѣтъ, я не просилъ о невозможномъ. Я только жаждалъ твоего чистосердечія со мною, какъ съ другомъ; я умолялъ облегчить хоть на волосъ мое бремя, усладить мою скорбь участіемъ, однимъ нѣжнымъ участіемъ—и больше ничего.

Тогда бы, видя и твоё прискорбіе, забивъ самъ себя, я бы сострадалъ только тебѣ и, видя одну твою печаль, въ тотъ мигъ я забылъ бы собственную; можетъ-быть я бы ея пожертвовалъ для тебя. Самая мука за тебя мнѣ была бы слагостна, еслибъ я только видѣлъ въ очахъ твоихъ нѣжность и состраданіе.—Но ты былъ холодеешь и безмолвенъ до конца.

Въ послѣдній вечеръ ты былъ уже въ постелѣ, а я головой своей прилежъ къ твоимъ ногамъ и, виноватъ, надѣдалъ тебѣ своею лаской. Тогда, въ послѣдній разъ, я робко тебя спросилъ о томъ, что до сихъ поръ таилъ отъ меня. И твой отвѣтъ былъ: „Право не знаю о чемъ еще говорить!“—О, еслибъ ты зналъ, какой холодъ побѣждалъ по мнѣ!—Нѣтъ: это болѣе чѣмъ равнодушіе, это—презрѣніе!...

Милый мой Сама! я прощаю тебѣ. Постараюсь и тогда простить, когда и совѣтъ меня покинешь. Не самъ ли Богъ наказываетъ любовь, которая творить себѣ идола? Даже и любовь родительскую и братскую.—Чувство мое къ тебѣ такъ безпредѣльно, что еслибъ оно было обращено къ высочайшей цѣли, я бы не былъ на землѣ.

Знаю, что я боленъ морально, знаю что былъ бы счастливѣе, еслибъ любилъ умѣреннѣе, знаю—и не желаю выгнать себя, и нехочу ни на волосъ уступить холодному разсудку. Напротивъ, хотѣлъ бы любить еще больше. Нѣтъ, я еще мало тебя люблю, ибо часто имѣю жестокость тебя возмущать. Нѣтъ, мало еще люблю, ибо и въ сію минуту можетъ-быть омрачаю зеркало твоей души. Нѣтъ, еслибъ еще больше любилъ, я бы вѣчно терпѣлъ одинъ; и еслибъ менѣе любилъ, я бы не выпрашивалъ твоего сожалѣнія!

Но—Боже мой, Боже мой!—къ чему все это пишу? Сто разъ я хотѣлъ все это сказать изустно—и не могъ. А теперь, на письмѣ, это такъ бездушно, и мои пламенные письма быть-можетъ такъ же для тебя холодны, какъ мои братскія объятія, коими такъ часто я надѣдалъ тебѣ. Нѣтъ, что ни говори, что ни пиши, а мою душу все-таки не пойметъ никто, никто, даже и ты—мой другъ.

О, братъ моей души! Если одно безпредѣльное чувство, въ которое всѣ другія впадаютъ, какъ ручейки въ море, если любовь обращенная не прямо къ Богу—есть безуміе, то я давно безуменъ. Но Онъ Самъ есть вѣчная любовь! Такъ пусть же Онъ, противъ моей воли, исцѣлитъ меня. А здѣсь никто и ничто не оторветъ меня отъ друга; а здѣсь Онъ—мое единственное сокровище.

Давно, давно, такъ обильно я не плакалъ—и мнѣ стало легко, словно гора съ плечъ, и сладко дышать, будто на небѣ... Не прошу отвѣта,—знаю, что тебѣ недоступно. Желалъ бы одного: скажи, что читая это письмо, ты любилъ меня, скажи.... Ахъ, я былъ готовъ самъ диктовать тебѣ!

Москва. Октябрь 1826 г.

Въ домѣ Фонвизина.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Надо читать.</i>
I Т О М Ъ.			
143	3 снизу	вольтеріанца	Вольфіанца
383	10 "	религіозныхъ	революціонныхъ
410	22 "	Фишеръ	Фесслеръ и вездѣ, гдѣ напечатано Фишеръ, надо читать Фесслеръ до стр. 429; только на 424 стр., 13 строка снизу, вѣрно напечатано Фишеръ.
391	11 "	не только былъ	былъ
414	17 "	1883	1833
420	12 "	1849	1840
420	13 "	1847	1841
II Т О М Ъ.			
3	9 "	Майера	Мойера
6	14 "	и	не
8	5 "	Елагину	Елагинной
87	28 "	1871	1841
94	23 "	1826	1828
103	10 "	Д. А.	Д. В.
106	7 "	журналами, оригинальная	журналами. Оригинальная
107	8 "	времени: мало	времени мало
139	6 "	Полового	Полового
147	6 "	книга „Наука	„книга Наума
149	3 "	Аксакова	Аксаковъ
150	10 "	мяча	масла
159	2 "	свачеть	свачетъ
208	15 "	стемлений	стремлений
219	3 "	Полевому	Погодину
226	20 "	Ивановичъ	Ивановича
230	13 "	Кашелевъ	Кочелевъ

Цѣна 6 руб.

AP 6 25 1523

